БѢЛОРУССКІЙ СБОРНИКЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ГУБЕРНІЯ МОГИЛЕВСКАЯ.

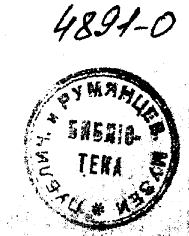
Выпускъ третій.

СКАЗКИ.

СОБРАЛЪ

Е. Р. Романовъ.

Дѣйств. Членъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.



ВИТЕБСКЪ.
Типо-литографія Г. А. Малкина.
1887.

Дозволено цензурою 29 Іюня 1887 г. Вильна.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Николаю Александровичу

СЕРГІЕВСКОМУ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Животный эпосъ.

Сказки миѳическія.

Сказки бытовыя, сатирическія и юмористическія.

Составитель еще въ долгу предъ почтенными рецензентами первыхъ двухъ выпусковъ его сборника.

Болѣе или менѣе обстоятельные разборы этихъ выпусковъ помѣщены, насколько мнѣ удалось прослѣдить, въ Журналѣ М. Н. П., Вѣстникѣ Европы, Русской Мысли, Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ и Извѣстіяхъ Слав. Благотвор. Общества. *) Затѣмъ, мнѣ сообщены отзывы Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ и Русскаго Географическаго Общества, и кромѣ того, А. С. Дембовецкій прислалъ разъясненіе по поводу моего упоминанія о составленномъ подъ его редакціей „Опытѣ описанія Могилев. губ.“

Въ общемъ, гг. рецензенты снабдили собирателя многими весьма цѣнными указаніями, значительно облегчившими его трудъ, и которыми въ свое время онъ не преминетъ, конечно, воспользоваться,—за что считаетъ долгомъ принести имъ глубокую благодарность. Но въ то же время нѣкоторые, игнорируя предисловіе, ставятъ въ вину собирателю и такіе недостатки, повліять на устраненіе которыхъ онъ не имѣлъ возможности. Въ числѣ такихъ недостатковъ указаны, напр. соединеніе нѣсколькихъ стиховъ въ одну строку, **) отсутствіе системы въ расположеніи матеріаловъ и даже типографскіе недосмотры.

Оставляя безъ опроверженія, которое было бы уже вторичнымъ, эти обвиненія, не могу однако не остановиться на обвиненіи въ отсутствіи системы при расположеніи матеріаловъ, тѣмъ болѣе, что на немъ рецензентъ основываетъ предположеніе о допущенной будто бы поспѣшности изданія. Въ опроверженіе этого взгляда, я вынужденъ, противъ желанія, сдѣлать слѣдующее заявленіе. Первоначально собирателю было возможно издать только первый выпускъ. Естественно, что, не имѣя надежды на изданіе второго, онъ въ I вып. далъ мѣсто только тѣмъ произведеніямъ, которымъ, по различнымъ соображеніямъ, придавалъ наибольшую важность. Въ этотъ выпускъ и вошли

*) Не перечисляю органовъ ежедневной прессы, столичной и провинціальной, на страницахъ которыхъ были даны отзывы о моей книжкѣ.

**) Гг. рецензентамъ должно быть извѣстно, что наборъ въ два столбца или отдѣленіе стиховъ вертикальными чертами повлекли бы за собою почти двойные расходы.

пѣсни семейныя, чумацкія, разбойничьи, рекрутскія и любовныя. Затѣмъ когда печатаніе I вып. уже оканчивалось, явилась возможность, по извѣстнымъ обстоятельствамъ, издать и II выпускъ, хотя и послѣ 3-хъ мѣсячнаго перерыва. Но разъ I-мъ выпускомъ система была нарушена, она не могла быть строго соблюдена и во II-мъ, который все же отличается большею систематичностію, хотя, въ сущности, при настоящемъ положеніи вопроса, нельзя и придавать особаго значенія системѣ. Отнесеніе свадебныхъ пѣсенъ къ концу II выпуска вызвано желаніемъ собирателя издать свадебныя пѣсни въ связи съ обрядомъ и необходимостію, вслѣдствіе того, выжиданія выхода послѣднихъ листовъ, чтобы по размѣрамъ изданія судить о степени возможности такого печатанія ихъ. Наконецъ, по отпечатаніи обоихъ выпусковъ, на средства, предназначавшіяся первоначально на брошюровку и обложки каждаго выпуска порознь, изд. счелъ болѣе полезнымъ напечатать дополненіе, выпуски же соединить въ одну книгу. Ясно, что если можно обвинить въ чемъ издателя, то только въ образѣ дѣйствій, противоположномъ поспѣшности...*) Dixi!

Разъясненіе А. С. Дембовецкаго слѣдующее: „На изложенное въ предисловіи къ Бѣлорусскому Сборнику (стр. VII.) замѣчаніе Ваше о томъ, что въ сборникѣ пѣсенъ, помѣщенномъ въ Опытѣ описанія Могилевской губерніи, не указана степень распространенности того или другого произведенія въ различныхъ уѣздахъ, я долженъ объяснить, что это произошло вовсе не отъ недостатка вниманія къ дѣлу со стороны редакціи или ея сотрудниковъ, какъ это Вами выражено, а потому, что подобныя въ отношеніи каждой пѣсни подробности, могущія быть предметомъ особаго спеціальнаго изслѣдованія, не входили въ программу описанія губерніи, обнявшаго послѣ выдающихся историческихъ и физическихъ особенностей губерніи лишь главныя отрасли быта и той дѣятельности населенія, которая легла въ основу современной его жизни.“

Помѣщая въ подлинникѣ настоящее разъясненіе, собиратель долженъ напомнить читателямъ, что сѣтованія его были высказаны, главнымъ образомъ, по поводу того, что пѣсни, собранныя въ различныхъ уѣздахъ, были напечатаны *однимъ говоромъ*. Это такой недостатокъ, который не можетъ быть исправленъ. Степень же распространенности пѣсни болѣе или менѣе вѣрно можно опредѣлить, не входя въ подробности, сообщеніемъ цифры списковъ ея, бывшихъ въ статистич. комитетѣ, и указаніемъ пунктовъ, изъ коихъ списки доставлены.

*) Книжка въ 30 листовъ поступила въ типографію въ концѣ декабря 1884 г. а вышла изъ нея въ концѣ февраля 1886 г. т. е. печаталась 14 мѣсяцевъ.

Въ заключеніе, остановлюсь на замѣткѣ А. Н. Пыпина (Вѣстн. Евр. 1887, іюнь, 681), въ коей онъ находитъ мои будто бы обвиненія г. Дмитріева въ перепечаткѣ 8 бѣлор. сказокъ изъ сб. г. Афанасьева несправедливыми. Я долженъ заявить, что мнѣ также было извѣстно, что первоначально эти сказки А. Н. Афанасьеву доставилъ г. Дмитріевъ, и слѣдовательно *обвиненія* г. Дмитріева съ моей стороны рѣшительно не могло быть: подчеркнувъ слово *восемъ* и приведя названіе книжки, я обращалъ вниманіе на несоотвѣтствіе сего послѣдняго съ содержаніемъ. Впрочемъ, сравнивъ редакцію пѣсенъ сбор. г. Дмитріева, ставящую этотъ сборн. ниже критики, съ редакціей 8 сказокъ, помѣщенныхъ въ немъ, всякій убѣдится, что редакція послѣднихъ въ сборникѣ г. Афанасьева была сдѣлана болѣе опытною рукою, безъ всякаго, повидимому, участія г. Дмитріева. Онъ же, печатая свой сборникъ 9 лѣтъ спустя послѣ выхода сб. Афанасьева, внесъ ихъ, уже въ такомъ измѣненномъ видѣ, въ свой сборникъ и внесъ положительно буквально, повторивъ и у себя встрѣчающіяся у г. Афанасьева, какъ не—бѣлорусса, ошибочныя толкованія бѣлорусскихъ словъ. Не зная, какое болѣе точное названіе придать этому факту, я назвалъ его *перепечаткой.*

Въ то время, какъ великорусскія сказки привлекли такія силы, какъ Сахаровъ, Афанасьевъ, Даль, Худяковъ, Якушкинъ, Гильфердингъ, Кирѣевскій, Рыбниковъ, Садовниковъ и мн. др., а малорусскія Кулиша, Костомарова, Мордовцева, Рудченка, Драгоманова, Чубинскаго и др.—бѣлорусскихъ сказокъ, на сколько мнѣ извѣстно, еще не было въ печати, если не считать слѣдующихъ вещицъ:

1, Въ III вып. „Сказокъ“ А. Н. Афанасьева помѣщено 9 бѣлорусскихъ; изъ нихъ одна записана въ гродн. губ. и 8 въ минской.

2, Послѣднія 8 сказокъ дословно перепечатаны въ сборникѣ г. Дмитріева, какъ объ этомъ уже сказано.

3, Въ „Бѣлор. пѣсняхъ“ г. Шейна помѣщены 4 сказки, 6 сказаній легендарнаго характера и 5 мелкихъ анекдотовъ.

Затѣмъ, я не встрѣчалъ бѣлорус. сказокъ въ другихъ изданіяхъ, *) и

*) Г. Драгомановъ въ своемъ изданіи „Малорусскія народн. преданія и разсказы“ приводитъ на страницахъ 15, 76, 95, 96, 109 шесть преданій, записанныхъ якобы въ Могил. губ., въ Могилевѣ и Быховѣ. Но издатель ли, или его сотрудникъ г. Менчицъ, переложили эти преданія на какой то неслыханный малорусскій жаргонъ, ничего общаго съ бѣлор. нарѣчіемъ могилев. губ. не имѣющій. Ср. также мнѣніе пр. Кояловича (его „Лекціи“ и карта). О взглядѣ пр. Безсонова я уже говорилъ (VII, вып. I и II.)

если ихъ дѣйствительно не было, то на мою долю выпала высокая честь изданіемъ настоящаго выпуска положить начало пополненію этого важнаго пробѣла въ русской этнографической литературѣ.

Выпускъ этотъ, по счету третій, заключая въ себѣ сказки, служитъ естественнымъ продолженіемъ двухъ первыхъ, содержавшихъ пѣсни, пословицы и загадки. Въ немъ помѣщены: сказки животнаго эпоса (27 №№), миѳическія (95 №№), бытовыя (29 №№) и—какъ дополненіе къ послѣднимъ—41 №№ мелочей: приказокъ, докучныхъ басенъ, росказней и т. п. Всего, не считая мелкихъ произведеній, 151 №№.

Сказки, помѣщенныя въ этомъ выпускѣ, собирались мною или одновременно съ другими матеріалами, вошедшими уже въ составъ первыхъ выпусковъ, или по изданіи сихъ послѣднихъ,—когда было обращено исключительное вниманіе на записываніе сказокъ. Въ началѣ 1886 г. въ моемъ распоряженіи было до 200 списковъ различныхъ сказокъ. Но въ виду того, что они были записаны на незначительномъ раіонѣ и отчасти лицами, не пользовавшимися моими указаніями, я, для приданія Сборнику научной цѣнности, рѣшился расширить раіонъ собиранія сказокъ и провѣрить лично имѣвшіеся у меня списки. Русское Географическое Общество нашло возможнымъ согласиться со мною и командировало меня въ Могилевскую губернію. Настоящій выпускъ, въ главной своей части, есть результатъ этой командировки. Да не посѣтуютъ читатели, если я остановлюсь на ней нѣсколько подробнѣе.

Я погрузился въ глубокое море народной бѣлорусской стихіи въ половинѣ іюня и 48 дней велъ тамъ бродячую жизнь, пробираясь по захолустнымъ пунктамъ на убогой кляченкѣ, запряженной въ нѣкое подобіе телѣги, по дорогамъ, по которымъ зачастую и сами возницы ѣхали впервые. Переѣзды эти дѣлались большею частью днемъ, съ разсчетомъ прибыть въ извѣстный пунктъ къ вечеру, когда рабочій деревенскій людъ возвратится уже съ полей и луговъ. Проведя за работой ночь, на утро я выѣзжалъ далѣе, чтобы и въ слѣдующемъ пунктѣ продѣлать то же. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ находилось много матеріала и оказывалась физическая помощь со стороны мѣстной сельской интеллигенціи, мнѣ представлялась возможность провести двоетрое сутокъ; это были дневки, въ которыя, въ видѣ отдыха, я исполнялъ порученіе, возложенное на меня Московскимъ Археологическимъ Обществомъ. Такимъ образомъ я проѣхалъ 770 в. и посѣтилъ 26 пунктовъ въ уу. могилевскомъ, быховскомъ, рогачевскомъ, чериковскомъ и климовицкомъ. (Матеріалы же изъ другихъ уу. были собраны, какъ я сказалъ, раньше.)

Не смотря на то, что я путешествовалъ частнымъ образомъ, и уѣздныя власти даже не были предупреждены о моей поѣздкѣ, я встрѣчалъ посильное содѣйствіе къ достиженію моихъ цѣлей со стороны сельской интеллигенціи и сельскихъ властей. *) Первыя минуты, узнавъ о цѣли моего пріѣзда въ ихъ захолустье, они, разумѣется, выражали величайшее удивленіе, но затѣмъ, когда я приступалъ къ дѣлу, недоумѣнія исчезали: старшины добывали извѣстнѣйшихъ казанниковъ, батюшки или писаря предлагали отдѣльную комнату, учителя—свои услуги,—и работа закипала.

Не могу не помянуть здѣсь добрымъ словомъ лицъ, оказавшихъ мнѣ тѣ или другія услуги во время командировки, а именно:

1, Священн. с. Батуни, о. *Волочкова,* почтенное семейство котораго много помогло мнѣ въ собираніи матеріаловъ.

2, Свящ. с. Городища, о. *Давидовича,* предоставившаго въ распоряженіе мое и моихъ многихъ казанниковъ все свое помѣщеніе.

3, Старшину того же села, Максима Николаева *Ивчина,* много облегчившаго мнѣ выполненіе моей задачи.

4, Учителя с. Городца, г. *Вербицкаго,* прекрасно записавшаго для меня мѣстные обряды.

5, Учителя с. Чигиринки, г. *Тихоновича* и мѣстнаго урядника, г. *Давыдова,* оказавшихъ мнѣ большія услуги, первый—при собираніи этнограф. матеріаловъ, второй—при производствѣ археологич. изысканій.

6, Свящ. с. Озеранъ, о. *Шафрановскаго* и учителя г. *Шекуна.* Первый доставилъ мнѣ возможность произвести весьма интересную археологич. раскопку, семейство второго съ рѣдкою готовностью приняло участіе въ записываніи сказокъ и обрядовъ.

7, Урядника м. Городца, г. *Глыбовскаго,* принимавшаго участіе въ записываніи матеріаловъ.

8, Учителя с. Меркуловичъ, г. *Петрашня* и семейство волостн. писаря г. *Керножицкаго,* принявшихъ участіе въ моихъ работахъ.

9, Становаго пристава рогач. у. *С. П. Тюфяева,* оказывавшаго мнѣ всяческое содѣйствіе.

---

*) Только въ с. Братьковичахъ клим. у. я встрѣтилъ совершенно безучастное отношеніе: писарь все время былъ въ состояніи невмѣняемомъ; старшина посѣщалъ правленіе два раза въ мѣсяцъ и видѣть его мнѣ не удалось, не смотря на приглашеніе; урядникъ—коллега писаря, поспѣшилъ, по моемъ пріѣздѣ, скрыться... Къ довершенію всего, и священникъ оказался только что пріѣхавшимъ въ этотъ приходъ; неустроившись еще, онъ жилъ въ бѣдной лачугѣ, состоящей изъ одной комнаты, и понятно, не могъ быть мнѣ полезенъ.

10, Вол. писаря м. Кормы, г. *Нороновича*, облегчившаго мнѣ собираніе мѣстныхъ матеріаловъ.

11, Учителя м. Гайшина, г. *Сущевскаго*, содѣйствіемъ котораго я пользовался при записываніи сказокъ.

12, Свящ. с. Надѣйковичъ, о. *А. Соколова* и старшину г. *Емельянова*, оказавшихъ мнѣ содѣйствіе при собираніи матеріаловъ и производствѣ раскопокъ.

Что касается тѣхъ 69 лицъ, отъ коихъ записывались сказки и другія матеріалы, то это были исключительно крестьяне, неграмотные, уроженцы той мѣстности, гдѣ дѣлалась запись, и по большей части не бывавшіе за предѣлами могилевской губ. На этомъ основаніи нахожу возможнымъ утверждать, что находящіяся въ сборникѣ сказки—мѣстнаго происхожденія.

Это не значитъ, что въ Бѣлоруссіи нѣтъ сказокъ заносныхъ. Начни я записывать произведенія отъ солдатъ, напр.,—мой сборникъ имѣлъ бы совершенно другой характеръ. Но признаюсь: назвавъ свою книжку Бѣлорусскимъ Сборникомъ, я не считалъ себя въ правѣ вносить въ нее произведенія завѣдомо не—бѣлорусскія. При всемъ желаніи, я не могу согласиться съ мнѣніемъ рецензента Вѣстн. Евр. (86 г. апр. стр. 883—887, 87 г. іюль), хотя тѣмъ самымъ значительно съуживаю свою задачу.

Къ великому моему сожалѣнію, крестьянки, въ которыхъ главнымъ образомъ я надѣялся встрѣтить разскащицъ, оказались далеко не удобнымъ матеріаломъ. Весьма рѣдкая изъ нихъ чувствовала себя настолько смѣлою, чтобы разсказать сказку; разсказывая же, она все-таки замѣтно смущалась и чрезъ то сбивалась и спѣшила. Но онѣ—незамѣнимыя описательницы обрядовъ, и мое собраніе описаній ихъ весьма интересно.

Вообще, отношеніе казанниковъ ко мнѣ было различное. Одни совершенно отказывались говорить сказки, и никакими средствами нельзя было заставить такихъ упрямцевъ разсказать что-либо изъ своего богатаго запаса. Это и были главнымъ образомъ крестьянки, и изъ мужчинъ—такъ называемые вѣдуны—знахари. Отъ нихъ мнѣ удалось только ознакомиться съ обрядами, записать нѣсколько заговоровъ и довольно много примѣтъ и повѣрій. Другіе, и такихъ значительное большинство, стѣсняясь нѣсколько въ началѣ, потомъ, узнавши, насколько имъ это доступно, цѣль записыванія ихъ сказокъ, свободно приступали къ разсказу. Это были люди пожилые, степенные и зажиточные. Наконецъ, были и такіе, которыхъ обрадовалъ мой пріѣздъ, и они спѣшили передать мнѣ свои лучшія сказки, какъ бы желая увѣковѣчить ихъ. Они испытывали какую-то, нескрывавшуюся и отъ меня, радость по поводу

того, что ихъ „стародревняя“ сказка наконецъ выслушана „достойнымъ“ человѣкомъ. По ихъ заявленію, современная молодежь отвергаетъ „старыя“ сказки (миѳическія, разумѣется), осмѣиваетъ ихъ, и во всякомъ случаѣ, не въ состояніи оцѣнить надлежащимъ образомъ перлы бѣлорусской поэзіи, пробавляясь мелкими, „смѣшными“ (т. е. юмор. и сатирич.) сказками. Къ такимъ казанникамъ принадлежатъ: Цыбунъ, Козловскій, Горѣликъ, Гончаренокъ, Васильевъ и нѣк. др. Мужская молодежь охотно сообщала всѣ извѣстные ей матеріалы, но къ ея услугамъ я прибѣгалъ только при отсутствіи лучшихъ казанниковъ.

Всѣ сказки записывались мною подъ диктовку казанника. При этомъ бывали такіе случаи. Разсказывая сказку, казанникъ пропускаетъ тотъ или другой эпизодъ изъ нея. Зная велико—и малорусскія сказки и обладая большимъ количествомъ бѣлорусскихъ, я рѣшаюсь напомнить казаннику о пропущенномъ эпизодѣ. Не отвѣчая мнѣ, казанникъ дѣлаетъ лукавую физіономію и говоритъ: „ты-тка пиши!“ Оказывалось, что у него предъ эпизодомъ, который я считалъ опущеннымъ, сдѣлана неизвѣстная мнѣ вставка. Но бывало и такъ, что увлекшійся казанникъ дѣйствительно дѣлалъ пропускъ. Исправляя его, я вынужденъ бывалъ говорить ему схему сказки. Казанникъ исправлялъ пропускъ, но въ то же время поражался тѣмъ, что я слушаю и даже пишу сказку, мнѣ уже извѣстную. „На што жъ ты пишешъ, коли знаешъ? Будемъ лучче другую казать!“ И успокаивался только тогда, когда увѣрялся, что мнѣ извѣстна не его сказка, а похожая на нее.

Случалось дѣлать записи въ канцеляріяхъ вол. правленій. Въ такихъ случаяхъ всегда присутствовало много крестьянъ, которые съ сосредоточеннымъ вниманіемъ слушали миѳическую сказку—сказаніе и благодушно—бытовую, юмористическую или сатирическую, вставляя изрѣдка вполголоса и свои замѣчанія.*)

Были случаи, что казанники стѣснялись говорить сказки, въ которыхъ дѣйствующими лицами являлись цари. Причиною этому, какъ я узналъ, было то, что гдѣ-то урядникъ составилъ изъ-за такой сказки полицейскій актъ, хотя не причинившій казаннику ничего непріятнаго, но тѣмъ не менѣе заставившій всѣхъ разсказщиковъ быть насторожѣ. Равнымъ образомъ, приходилось замѣчать большую осторожность и въ сообщеніи обрядовъ. Оказалось, что и они

---

*) Интересно, что одинъ деревенскій философъ, говорившій не иначе какъ притчами и загадками, бывшій въ числѣ казанниковъ, предложилъ *мнѣ*, въ промежуткѣ между двумя сказками, рѣшить мудренѣйшую его загадку: „двадцать молойцовъ, тридцать крѣпаковъ, сорокъ богатыровъ, пятьдесятъ вумныхъ, шестьдесятъ дурневъ.“

не избѣгли надзора со стороны урядниковъ, частію по собственной инціативѣ сихъ послѣднихъ, частію по настояніямъ другихъ... Вслѣдствіе этого, многіе обряды быстро исчезаютъ. Въ особенности это слѣдуетъ сказать о сѣдыхъ древностію свадебныхъ обрядахъ и колядныхъ играхъ. Даже такія невинныя развлеченія, какъ „гуканье“ весны и игрища, дѣлаются запретнымъ плодомъ, будучи зачислены въ разрядъ остатковъ язычества... Усердіе не по разуму.

Обращаясь къ языку сказокъ, я долженъ заявить, что онъ, вмѣщаетъ въ себѣ не всѣ лексическія богатства бѣлорусскаго нарѣчія. Причина та, что казанникъ, видя предъ собою незнакомаго барина, хотя и обращающагося съ нимъ запросто и даже говорящаго „понаську,“ всегда старается говорить языкомъ болѣе высокимъ, по его мнѣнію. Въ особенности этимъ отличались служившіе нѣкогда въ городѣ или „у пановъ“, и вообще болѣе видавшіе свѣтъ. Ихъ рѣчь съ бариномъ пересыпалась формами великорусскими и теряла естественность и цѣльность. Для устраненія этого недостатка, я прибѣгалъ къ такимъ мѣрамъ:

Предупредивъ казанника, чтобы онъ говорилъ попрóстому, я, при записываніи, тщательно слѣдилъ за выраженіями, и едва казанникъ начиналъ пестрить рѣчь, останавливалъ его, и заставлялъ исправить ту или другую форму, или замѣнить великорусское слово бѣлорусскимъ. Средство это оказалось чрезвычайно полезнымъ: казанникъ, послѣ нѣсколькихъ напоминаній съ моей стороны и своихъ отговорокъ въ такомъ родѣ, что ему *стыдно* говорить предо мною напр. слова „лазьня“, „цмокъ“, когда они „совсимъ простыя“ и могутъ быть съ удобствомъ замѣнены словами: „баня“, „змѣй“—мало-по-малу входилъ въ должную колею и не искажалъ бѣлорусской рѣчи. Но все же я не зналъ вполнѣ всѣхъ оттѣнковъ мѣстныхъ говоровъ *) и потому нѣкоторыя формы могъ принять за мѣстныя, и онѣ могли войти въ текстъ. Тогда я рѣшился употребить и другое средство. Записавъ подъ диктовку сказку по тирадамъ, я, по окончаніи записи, просилъ казанника разсказать мнѣ снова ту же сказку, мотивируя эту просьбу допущенными, можетъ быть, мною пропусками при записи. Теперь то именно сказка и принимала свой нормальный видъ. Рѣчь казанника лилась свободно и, увлекаясь, онъ, незамѣтно для себя, говорилъ чистымъ бѣлорусскимъ язы-

*) Сельская интеллигенція также не въ силахъ была помочь мнѣ сразу овладѣть ими, не смотря на обстоятельную программу, составленную мною спеціально для этой цѣли.

комъ. Оставалось только поспѣвать за нимъ по рукописи. При этомъ пересказываніи въ памяти казанника часто возстановлялись пропущенные при первомъ разсказѣ цѣлые эпизоды, которые теперь также заносились въ текстъ. *)

Такимъ образомъ, предлагаемыя вниманію читателей сказки прошли чрезъ этотъ двойной фильтръ, и если онѣ имѣютъ какія-либо погрѣшности противъ бѣлорусскаго языка, то только лексическія: „стыдясь" говорить „хуста," казанникъ употреблялъ слово „платокъ;" вмѣсто „човна," „горѣлки," фигурировали „лотка," „водка" и т. п. Но грамматическія формы и фонетическія особенности бѣлорусскаго нарѣчія переданы въ сказкахъ съ совершенною точностію, и въ этомъ отношеніи, редакція ихъ по моему мнѣнію не оставляетъ пока желать ничего лучшаго.

Вообще, на эту сторону изданія собиратель обратилъ самое серьезное вниманіе, хотя при этомъ приходилось устранять и чисто техническія препятствія, неизбѣжныя при печатаніи въ провинціи. Такъ, напр. владѣлецъ типографіи выписалъ шрифтъ спеціально для этого изданія, но въ то же время не позаботился выписать букву ё и ударяемыя гласныя, и пока онѣ не были получены, ихъ пришлось замѣнять, въ нужныхъ случаяхъ, на первыхъ $2^1/_2$ листахъ, чуть ли не французскимъ алфавитомъ. Но и по выпискѣ, все-таки не оказалось ударяемыхъ: *ы, ѣ, э, ю, я.* Эти пришлось замѣнить курсивными буквами. Буква ё имѣлась въ незначительномъ количествѣ, и потому, употребивъ ее нѣсколько разъ въ одномъ и томъ же словѣ въ началѣ сказки, я изображалъ потомъ звукъ ё буквою е. Да не смущаются этимъ мои почтенные рецензенты! Я, вообще, и пишу объ этомъ только потому, что, къ прискорбію, убѣдился въ необходимости заранѣе оговорить всѣ недостатки, даже внѣшніе, которые, казалось бы, никоимъ образомъ не должны ставиться въ вину собирателю, *не ищущему и не имѣющему отъ своихъ изданій ни малѣйшей матеріальной выгоды.*

Здѣсь же будетъ умѣстно заявить, что компактность изданія и качество бумаги дали мнѣ возможность напечатать выпускъ въ такомъ объемѣ. При другихъ условіяхъ я долженъ былъ бы ограничиться изданіемъ только 60

*) Испытавъ на себѣ великую пользу этого пріема, обращаю на него серьезнѣйшее вниманіе гг. собирателей. Свѣривъ записанные такимъ образомъ мною списки съ записями, сдѣланными неизвѣстными мнѣ лицами, не пользовавшимися моими указаніями, я напр. пришелъ къ убѣжденію въ *совершенной необходимости скептическаго отношенія къ такимъ записямъ.* Въ особенности это слѣдуетъ сказать относительно записей сказокъ. (См. напр. сбор. сказ. Худякова и Садовникова). Точно также въ моихъ глазахъ весьма мало имѣютъ цѣны записи собирателей, не знакомыхъ съ мѣстными говорами.

№№ миѳич. сказокъ. Смѣю думать, что на меня не посѣтуютъ, поэтому, за внѣшность изданія.

Въ настоящее время снова возбужденъ вопросъ о томъ, какое мѣсто среди нарѣчій русскихъ слѣдуетъ дать нарѣчію бѣлорусскому, и о томъ, куда, въ частности, слѣдуетъ отнести нарѣчіе бѣлоруссовъ могилевской губерніи.

Въ видахъ правильнаго рѣшенія этого вопроса, позволяю себѣ, не выжидая выхода IV выпуска, отчасти подѣлиться съ читателями собранными мною свѣдѣніями о говорахъ могилевской губерніи.

Какъ мнѣ извѣстно, въ этой губерніи употребляются три говора акающей вѣтви бѣлорусскаго нарѣчія.

Первый говоръ, который употребляется въ уѣздахъ: гомельскомъ, рогачевскомъ, быховскомъ, южной части климовицкаго, западной части могилевскаго, и нѣкоторыми, весьма немногими, формами отзывается въ юго-зап. части сѣнненскаго, я бы назвалъ *южнымъ говоромъ акающей вѣтви* бѣлорусскаго нарѣчія.

Кромѣ свойственныхъ этому говору значительныхъ лексическихъ особенностей, сближающихъ его съ малорусск. нарѣчіемъ, и нѣкоторыхъ фонетическихъ и грамматическихъ, приближающихъ его къ югозападнымъ великорусск. говорамъ, онъ отличается отъ другихъ говоровъ

а, совершенною твердостью звука *р*;

б, отсутствіемъ окончанія *тъ* въ 3 л. ед. ч. наст. вр. всѣхъ глаголовъ т. наз. 1-го спряженія и тѣхъ 2-го, у которыхъ удареніе въ этомъ лицѣ находится не на послѣднемъ слогѣ: несе, кладе, мые, знае, читае, пяе, сѣе, пише, бъе, и—нóся, говóра, хóдя, смóтра, дéржа, гóня, стóя (отъ стóить). Но—сидúть, кипúть, лежúть, стоúть (отъ гл. стоять);

в, отсутствіемъ *дзеканья* въ южной части своего распространенія т. е. въ гом. у. и большей части рогачевскаго.

Заходя въ Могилевскую губернію изъ Черниговской и Минской, говоръ этотъ имѣетъ въ климовицкомъ у. сѣв. границею р. Бесѣдь. Но отъ с. Самотѣевичъ онъ поднимается къ Пропойску на р. Сожѣ, гдѣ сильно перемѣшивается съ другими говорами, и отсюда ломанной линіей идетъ на западъ къ Днѣпру, и чрезъ него, по правому берегу, до с. Буйничъ, въ 7 в. отъ Могилева; отсюда говоръ направляется къ р. Друти и вверхъ по ней доходитъ на сѣверѣ почти до границы сѣнн. у. а на западѣ переходитъ въ Минскую губернію, въ которой, насколько мнѣ извѣстно, имѣетъ весьма значительное

распространеніе; затѣмъ онъ сливается съ *окающею* вѣтвью, которую г. Карскій, если не ошибаюсь, назвалъ юго-западною.

Говоръ этотъ разбивается на много подговоровъ, изъ которыхъ укажу теперь на три:

1, *Перерostовскій,* въ юго-восточн. части гомельск у., въ которомъ общая для южнаго говора неударяемая флексія 3 л. множ. ч. наст. вр. обоихъ спряженій *уть*, (послѣ шипящ.) *ють*—измѣняется въ *ать, ять* для обоихъ же спряженій, напр. ходять, кажать, дѣлаять, спрашаять и т. п. (вмѣсто формъ общихъ южному говору: ходють, кажуть, дѣлають, спрашують и т. п.) Въ этомъ же подговорѣ сильно стремленіе къ удлинненію ъ въ *и* въ оконч. неопр. накл., 3-го л. ед. ч. и даже 3-го л. мн. ч. наст. вр. напр. лядѣти, ходити, прасти (неопр. н.); лядити, стойти, висйти (3 л. ед.); говорати, отказуяти (3 л. мн.) Слово *мать* всегда произносится *мати.*

2, *Озеранскій,* главныя особенности котораго слѣдующія: звукъ *о* произносится почти какъ *у*—муй, бугъ, гулува, купоть (мой, богъ, голова, копать); зв. *а* произн. какъ *о* или даже какъ *у*: устоў, дувой, хота (уставъ, давай, хата); ё произн. какъ *ю*: мюдъ, цюплый, пувюзъ (мёдъ, тёплый, повёзъ); *ѣ* произн. какъ долгое *и*: дзидъ, хлибъ, (какъ бы дзіидъ, хліибъ); *я* произн. какъ ё: мёсо, узёў (мясо, узявъ). Въ окончаніяхъ глаголовъ и прилагат. жен. рода *я* послѣ *а* также переходитъ въ *а*—пытаа, смашнаа (пытая, смашная). Онъ распространенъ въ западной части рогачевск. у. на границѣ съ минск. губ. и наиболѣе рѣзкимъ является въ озеранскомъ приходѣ. Если имѣющіеся у меня списки пѣсенъ изъ минск. г. точны, то довольно близкій къ озеранскому говоръ употребляется въ уу. Рѣчицкомъ и Бобруйскомъ.

3, *Друтскій,* главными отличительными чертами котораго я считаю присутствіе славянскихъ флексій въ твор. пад. двойств. числа—рукама, ногама, и въ дат. множ.—братомъ, сыномъ, дзяцёмъ. Твор. пад. множ. числа сущ. прил. числ. мѣстоим. оканчивается на *мы*—густымы борамы, темнымы лѣсамы, бабмы, зъ намы, тромы, пяцьмы; предложн. на *охъ, ехъ*—на людзёхъ, на мужикохъ. Онъ употребляется на Друти и въ треугольникѣ между нею и Днѣпромъ. Интересно, что нѣкоторыя черты этого подговора я встрѣтилъ и на р. Сожѣ.

Второй говоръ распространенъ въ уу. климовицкомъ, чериковскомъ, мстиславскомъ, восточныхъ частяхъ горецкаго и оршанскаго. Отпрыски его заходятъ и въ сѣв. часть сѣнненскаго уѣзда. Этотъ говоръ я назову *восточнымъ говоромъ бѣлорусскаго нарѣчія.*

Главныя отличія его кромѣ лексическихъ, имѣющихъ сходство съ великорусскими, слѣдующія:

а, мягкое *р*, и притомъ въ такой степени, что иногда *а* произносится послѣ *р* какъ *я*: прямо, крючча, рябро, богатырь, кряпчѣй, старятца;

б, постоянное употребленіе фл. *ть* въ 3 л. ед. ч. наст. врем.—нясе́ць, бяре́ць, говорить, хо́дзиць, мыець, приказуець;

в, сильно развитое *дзеканье*.

Этотъ говоръ, выходя изъ Черниговской губерніи въ климовицкій у., и смѣшиваясь съ предыдущимъ, пересѣкаетъ р. Бѣседь и идетъ къ Пропойску; отсюда по Сожу и нѣсколько западнѣе его, зигзагами, идетъ уже въ чистомъ видѣ на сѣверъ; тамъ сливается съ говоромъ смоленскимъ и направляется къ Днѣпру,—приблизительно на Росасну. За Днѣпромъ говоръ идетъ на Любавичи и Лёзно, и переходитъ въ Витебскую губ. гдѣ наполняетъ витебскій, часть городокскаго и невельскаго уу. и соединяется на востокѣ, въ велижскомъ у., съ смоленскимъ *цокающимъ* говоромъ, переходящимъ изъ велижскаго у. и въ псковскую губ.

Наконецъ, **третій** говоръ распространенъ въ центрѣ могилевской губ. въ уу. чаускомъ, зап. частяхъ горецкаго и оршанскаго, въ большей ч. могилевскаго и въ сѣненнскомъ. Говоръ этотъ, по моему мнѣнію, *чистый бѣлорусскій*. Онъ имѣетъ всегда твердое *р*, постоянную флексію 3 л. ед. ч. наст. вр. и отличается сильнымъ *дзеканьемъ*. Выходя изъ могилевской губ., между двумя предыдущими, говоръ этотъ направляется на сѣверо-западъ, въ Витебскую и Минскую губ. и во всей чистотѣ своей заходитъ въ дисненскій и вилейскій уу. Виленской губерніи.

Вотъ, въ главныхъ чертахъ, данныя объ особенностяхъ нарѣчія бѣлоруссовъ могилевской губерніи. *) Въ настоящемъ выпускѣ читатели найдутъ богатые образцы этихъ трехъ говоровъ губерніи, и многихъ подговоровъ. Число послѣднихъ, насколько я знаю, значительно, и въ свое время я не премину подѣлиться съ читателями имѣющимися у меня по этому предмету свѣдѣніями. Теперь же ограничусь заявленіемъ, что причислять говоры могилевской губ. къ малорусскимъ нѣтъ основанія.

Въ предисловіи невозможно входить въ подробныя разсужденія о составѣ и характерѣ сказокъ. Но не могу не сказать, что, на мой взглядъ, каждая

*) Само собою разумѣется, что я говорилъ здѣсь только о говорахъ сельскаго населенія Въ городахъ же и мѣстечкахъ языкъ подвергся сильнымъ посторроннимъ вліяніямъ.

изъ помѣщенныхъ въ настоящемъ выпускѣ сказокъ имѣетъ извѣстный интересъ. Однѣ важны въ филологическомъ отношеніи, заключая въ себѣ особенности того или другого говора; другія всесторонне характеризуютъ бытъ бѣлорусса, широко открываютъ его своеобразное міросозерцаніе; въ третьихъ интересно развитіе фабулы; четвертыя полны восхитительной младенческой поэзіи, или обращаютъ на себя вниманіе уцѣлѣвшими въ нихъ остатками миѳовъ и т. д.

О миѳическомъ значеніи сказокъ существуетъ, какъ извѣстно, весьма богатая литература. Ученію о самобытности народныхъ основъ миѳологіи и сказаній въ послѣднее время была противопоставлена теорія заимствованія ихъ. Но вопросъ, очевидно, нельзя считать рѣшеннымъ, и въ виду этого я воздержался отъ комментарія, которымъ первоначально намѣревался снабдить сказки, тѣмъ болѣе, что глубокоуважаемый А. Н. Веселовскій далъ мнѣ совѣтъ въ этомъ же смыслѣ. Впрочемъ, мнѣ кажется, что если кто дастъ себѣ трудъ ознакомиться со *взглядомъ народа* на свои миѳическія сказки, и убѣдится, что для народной массы это не сказки, а *сказанія* о чемъ то совершавшемся, или даже совершающемся; кто услышитъ повѣрье, что „счастливые люди“ *) „видѣли“ осилковъ еще недавно, а змѣевъ и теперь видятъ летающими; кто обратитъ вниманіе на преданія, *приуроченныя къ извѣстному пункту,* о томъ, что подъ однимъ камнемъ зарытъ убитый осилкомъ змѣй, подъ другимъ—съ тремя дырами—жилъ трехглавый змѣй, подъ третьимъ находится путь, которымъ осилокъ Василь Васильевичъ спускался на тотъ свѣтъ и т. д.—что есть гранитныя глыбы, которыми перебрасывались сражавшіеся богатыри, и на которыхъ сохраняются отпечатки рукъ богатырскихъ; что на многихъ городищахъ жили также осилки, сражавшіеся съ непріятелемъ каменными стрѣлами или сѣкерками,—тому, полагаю, будетъ трудно согласиться безусловно съ мнѣніемъ, допускающимъ случайное заимствованіе миѳовъ и сказокъ извнѣ. Такое глубокое проникновеніе подобныхъ взглядовъ, такая упорная, многовѣковая, стойкость ихъ, отразившаяся на всемъ складѣ духовной жизни народа, едва ли говоритъ въ пользу ихъ заимствованія...

Заканчивая предисловіе, я не могу не принести глубокой благодарности Русскому Географическому Обществу, которое съ большою готовностію предоставило мнѣ возможность собрать изъ первыхъ рукъ матеріалы для этого выпуска и для слѣдующихъ. Равнымъ образомъ, считаю своимъ непремѣннымъ долгомъ искренне поблагодарить Отдѣленіе русскаго языка и словесности

*) Есть повѣрье, что видѣнье богатыря дѣлаетъ человѣка вполнѣ счастливымъ.

Академіи Наукъ, и его предсѣдателя Я. К. Грота: только благодаря матеріальной помощи Отдѣленія, собиратель имѣлъ возможность приступить къ изданію настоящей книжки.

Употребивъ на составленіе этого выпуска много труда, времени, разъѣздовъ и средствъ, позволяю себѣ питать надежду, что люди компетентные, знающіе, съ какими трудностями сопряжены работы такого рода, найдутъ его заслуживающимъ вниманія, и во всякомъ случаѣ, отнесутся съ должнымъ снисхожденіемъ къ этому первому собранію бѣлорусскихъ сказокъ.

„Аще бо и худъ есмь и грубъ, но на Божію благодать уповая, списахъ, елико слышахъ, невѣдый, аще иніи суть написали вѣдуще выше мене...“

Е. Романовъ.

ЖИВОТНЫЙ ЭПОСЪ.

1. Курка—рабушка.

а, Бывъ сабѣ дѣдка, была сабѣ бабка. [1]) Была у ихъ курка—рабушка; нанясла яецъ повянъ коробецъ. Дѣдъ бивъ, бивъ—не разбивъ; баба била, била—не разбила. Мышка бѣгла, хвостикомъ мотнула, и разбила [2])..... Дѣдъ плача, баба плача, курочка кудакча, вороты скрипять, трески летять, собаки брешать, гуси кричать, люди гомонять.... Иде вовкъ: «Дѣдка, чаго вы плачетя?»—Якъ-жа намъ не плакать: жили сабѣ мы зъ бабкой, была у насъ курка—рабушка, нанясла яецъ повянъ коробецъ. Я бивъ, бивъ—не разбивъ, баба била, била—не разбила, мышка бѣгла, хвостикомъ мотнула, и разбила.... Дѣдъ плача, курочка кудачка, вороты скрипять, трески летять, собаки брешать, гуси кричать, люди гомонять... И вовкъ завывъ. Иде мядьвѣдь: чаго ты, вовча, выешъ?—«Якъ жа мнѣ ня выть: бывъ сабѣ дѣдка, была сабѣ бабка; была у ихъ курка—рабушка, нанясла яецъ повянъ коробецъ. Дѣдъ бивъ, бивъ—не разбивъ, баба била, била—не разбила, мышка бѣгла, хвостикомъ мотнула, и разбила.... Дѣдъ плача, курочка кудакча, вороты скрипять, трески летять, собаки брешать, гуси кричать, люди гомонять—и я, вовкъ, выю....» И мядьвѣдь заровъ. Иде лось [3]): чаго ты, мядьвѣдь равéшъ?—«А якъ жа мнѣ ня ровть: бывъ сабѣ дѣдка, была сабѣ бабка; была у ихъ курка—рабушка, нанясла яецъ повянъ коробецъ. Дѣдъ бивъ, бивъ—не разбивъ, баба била, била—не разбила, мышка бѣгла, хвостикомъ мотнула, и разбила.... Дѣдъ плача, баба плача, курочка кудакча, вороты скрипять, трески летять, собаки брешать, гуси кричать, люди гомонять, вовкъ завывъ—и я, мядьвѣдь, заровъ». И лось роги поскидавъ. Пришовъ лось къ колодязю: попова чалядка воду бяре. «Чаго ты, лось, своѐ роги поскидавъ?»—Якъ жа мнѣ ня скидать: бывъ сабѣ дѣдка, была сабѣ бабка; была у ихъ курка—рабушка, нанясла яецъ повянъ коробецъ. Дѣдъ бивъ, бивъ—не разбивъ, баба била, била—не разбила; мышка бѣгла, хвостикомъ мотнула, и разбила.... Дѣдъ плача, баба плача, курочка кудакча, вороты скрипять, трески летять, собаки брешать, гуси кричать, люди гомонять, вовкъ завывъ, мядьвѣдь заровъ,—и я, лось, роги поскидавъ. И чалядка вéдры побила, корóми сялъ поломала и заплакала. Иде дякъ: «дѣвка-дявица, чаго ты плачашъ?» Якъ жа мнѣ не плакать: бывъ сабѣ дѣдка, была сабѣ бабка, была ў ихъ курка—рабушка, нанясла яецъ повянъ коробецъ. Дѣдъ бивъ, бивъ—не разбивъ, баба била, била—не разбила, мышка бѣгла, хвостикомъ мотнула, и разбила.... Дѣдъ плача, баба плача, курочка кудак-

ча, вороты скрипять, трески летять, собаки брешать, гуси кричать, люди гомонять, вовкъ завывъ, мядьвѣдь заровъ, лось роги поскидавъ,—я ведры побила, коромисялъ поломала и заплакала. И дякъ пошовъ, ды книги попорвавъ. Иде попъ: «дякъ, чаго ты книги попорвавъ?»—Якъ жа мнѣ не рвать: бывъ сабѣ дѣдка, была сабѣ бабка, была у ихъ курка рабушка, нанясла яецъ повянъ коробецъ. Дѣдъ бивъ, бивъ—не разбивъ, баба била, била—не разбила, мышка бѣгла, хвостикомъ мотнула, и разбила. Дѣдъ плача, баба плача, курочка кудакча, вороты скрипять, трески летять, собаки брешать, гуси кричать, люди гомонять, вовкъ завывъ, мядьвѣдь заровъ, лось роги поскидавъ, чалядка ве́дры побила, коро́мисялъ поломала и заплакала,—я дякъ, пошовъ книги попорвавъ. Пошовъ попъ и церкву запаливъ.

С. Перерость гом. у.

1) Вар. Живъ бывъ дѣдъ да баба.... Жили сабѣ дѣдъ и баба, была у ихъ курка раба (или: рабка). 2) Эпизодъ съ яйцами разсказывается и проще: Нанясла яецъ повянъ коробецъ. Мышка бѣгла, и побила. 3) Мѣсто лося занимаетъ и баранъ. См. у Аф. IV стр. 87. Также: Садовник. 171. Чубинск. 90.

6, Живъ дзѣдъ зъ бабый; была у ихъ курка раба, няслася на полки, въ аржаной соломки. Дзѣ была мышка, хвостомъ мотнула, ячки побила. Дзѣдъ расплакався, баба разромзалася... Дзѣ была сорока, сѣла на воротахъ,—вороты похилилися, сороки хвостъ отсѣкли.

Пыляцѣла сорока на дубъ зеляненькій, а дубъ говорицъ: што жъ ты, сорока: учора была ты съ хвостомъ, а сядьни безъ хвоста, а што жъ, причина якая?—А вотъ якая: якъ живъ дзѣдъ зъ бабый; была у ихъ курка раба (и т. д. повторяется предыдущее). Я сѣла ны воротахъ, вороты похилилися и мнѣ хвостъ отсѣкли.... Дубъ кажецъ: а я сабѣ сучча обломаю! Узявъ да обломавъ.

Пришовъ лось къ дубу и говорицъ: што жъ ты, дубъ, учора бывъ съ суччамъ, а сядьни бязъ сучча, а што жъ, причина якая?—А вотъ якая: якъ живъ дзѣдъ зъ бабый, была у ихъ курка раба (и т. д. повторяется предыдущее). Сороки хвостъ отсѣкло, а я сучча обломавъ. Лось говорицъ: а я сабѣ роги собъю! Узявъ да и збивъ.

Пошовъ лось къ рацѣ роги обмывацъ, а рѣчка спрашіецъ: што жъ ты, лось, учора ты бывъ зъ рогами, а сядьни, бязъ рогъ; а што жъ, причина якая?—А вотъ якая: живъ дзѣдъ зъ бабый и т. д. Сороки хвостъ отсѣкло, дубъ сучча обломавъ, а я сабѣ роги збивъ! А рѣчка говорицъ: а я возьму ды высохну! Узяла высохла.

Пришла попова молотчанка воду брацъ и спрашіецъ: што жъ ты, рѣчка? учора ты была глубокая, а сядьни сусимъ высохла. А што жъ, причина якая?—А вотъ якая: якъ живъ дзѣдъ зъ бабый и т. д. Сороки хвостъ отсѣкло, дубъ сучча обломавъ, лось роги збивъ, а я высохла. А молотчанка говорицъ: а я ведры побъю! Узяла побила: одно вядро объ землю грукъ! другое объ землю грукъ! а коро́мiселъ закинула у канаву, и пошла домовъ.

Приходзицъ домовъ, а попиха хлѣбъ мѣсицъ, и спрашіецъ у молотчанки: што ты довго бавилась? И воды ня принесла и бязъ ведзеръ пришла; а што жъ, причина якая?—А вотъ якая: якъ живъ дзѣдъ зъ бабый и т. д. Сороки хвостъ отсѣкло, дубъ

суччa обломавъ, лось роги збивъ, рѣчка высохла, а я ведры побила. А попиха говорицъ: а я зъ дзяжи цѣсто повыкидаю! Узяла и зъ дзяжи цѣсто усё повыкидала.

Пришовъ бацюшка и говорицъ: што ты, матушка, здурнѣла, што увесь хлѣбъ изъ дзяжи повыкидала? А што жъ, причина якая?—А вотъ якая: якъ живъ дзѣдъ зъ бабый и т. д. Сороки хвостъ отсѣкло, дубъ суччa обломавъ, лось роги збивъ, рѣчка высохла, молотчанка ведры побила, а я цѣсто изъ дзяжи повыкидала! Тоды бацюшка говорицъ: а я царковныя книги посяку! Узявъ, посѣкъ.

Приходзицъ дзякъ и говорицъ: што ты, бацюшка, здурнѣвъ, што царковныя книги посѣкъ? А што жъ, причина якая?—А вотъ якая: якъ живъ дзѣдъ зъ бабый; была у ихъ курка раба, няслася на полки, въ аржаной соломки. Дзѣ была мышка, хвостомъ мотнула, яечки побила. Дзѣдъ расплакався, баба разромзалася, сороки хвостъ отсѣкло, дубъ суччa обломавъ, лось роги збивъ, рѣчка высохла, молотчанка ведры побила, матушка цѣсто повыкидала, а я книги посѣкъ!... Тоды дзякъ говорицъ: а я церкву подпалю! Узявъ расклавъ цяпло подъ церквой. Такъ церква и згорѣла....

Г. Сѣнно. Кр—ка Марья Кузьмина.

3. Жоронцы.

Живъ дзѣдъ изъ бабый, жили яны дужо бѣдно. Ня было у ихъ дзяцей, тольки было у ихъ: баранъ, парсюкъ и пятухъ. Ды ящо были у ихъ жоронцы. Яны, гетыя жоронцы, сами ўсё мололи, сами немавѣдома идзѣ што брали, и дзѣду зъ бабый усё давали. Вотъ, скоро дзѣдъ померъ; осталася одна баба. Яна ящо хуже забяднѣла: нема у яѐ а ничого. Тольки и ўсяго, што якъ захочицъ чаго—ци муки, ци чаго—жоронцы и дадуцъ. Вотъ разъ были у бабы угодки по дзѣду. Пришла яна къ жоронцамъ и кажицъ имъ: «жоронцы, жоронцы! дайця мнѣ муки пшонныя.» И жоронцы дали ей и муки пшонныя и ўсяго, что треба къ угодкамъ. Баба стала печь блины. Ажны пришла лисица, и стала просицъ у бабы цѣста. Баба дала ей комокъ цѣста; лисица побѣгла ў лѣсъ, сѣла подъ кустъ и ѣсь. Ажны бяжицъ вовкъ: «кумка-голубка, дай жа-шъ мнѣ цѣста!»—А, кумокъ-голубокъ! идзи къ бабѣ. Яна цяперь блины пячецъ, и табѣ дась! Вовкъ побѣгъ къ бабѣ цѣста просицъ. Ажны баба уже блиновъ папякла; барана, парсюка и пятуха накормила, и спацъ ихъ положила. Парсюкъ легъ подъ поломъ, баранъ легъ на полу, а пятухъ узляцѣвъ на курчину. И сама баба узлѣзла на печь и поклалася спаци. Вовкъ и пришовъ у хату. Якъ тольки ѐнъ увыйшовъ,—парсюкъ зъ бараномъ не дали яму и слова сказацъ. Парсюкъ якъ прванецъ яго за лытки, а баранъ якъ дась яму рогами у лобъ! А пятухъ ходзицъ по курчини, ды ўсё кричицъ: кудакъ—дакъ—дакъ, подайця мнѣ яго! Вовкъ барджѣй съ хаты, ды ў лѣсъ. Сустрѣчаецъ тамъ пана. «Дзѣ ты, вовкъ, бывъ?»—Ходзивъ къ бабѣ цѣста просицъ. Ей жоронцы дали ўсяго, што треба къ угодкамъ. Але якъ почали мяне тамъ бицъ—чуцъ я живъ застався: парсюкъ ставъ лытки мнѣ грызцъ, баранъ ставъ у лобъ бицъ рогами, а самый старшій ходзицъ по курчини, ды кажицъ: подайця мнѣ яго! подайця мнѣ яго!... Панъ пошовъ икъ бабѣ, поглядзѣцъ, што тамъ за дзиво такое, якія тамъ у яѐ жоронцы. Приходзицъ и проситца нучувацъ. Баба

пусцила. Вотъ панъ пераночувавъ, ды й жоронцы укравъ [1]). Назаўтраго, якъ панъ ужо пошовъ, оглѣдзилася баба, што ёнъ жоронцы укравъ. Жалко бабѣ стало жоронцовъ: сусимъ заплакылыся яна по ихъ. Вотъ парсюкъ и кажиць: што будзець, ня будзець—а пойду за жоронцами. И пошовъ. Пошовъ ёнъ за жоронцами, тольки не вярнувся ў дворъ,—цяперь енъ тамъ. Нема ни жоронцовъ, ни парсюка. Пошовъ тоды за жоронцами баранъ. Ёнъ такъ жа само: жоронцовъ не принесъ, и самъ не пришовъ. Тоды ўжо кажиць пятухъ: ну, ўжо што будзець, ня будзець—хуць головкый наложу, а ўсётки жоронцы прынясу. И поляцѣвъ пятухъ къ пану. Ляциць ёнъ дорогою, ляциць енъ широкою,—ажъ на ўстрѣчь яму ляциць коршынъ: «пятухъ, пятухъ, возьми мянѐ съ собою!»—Лѣзь у задъ, коли хочашъ. Коршынъ ўлѣзъ, и пятухъ поляцѣвъ дали. Ляциць енъ дорогою, ляциць енъ широкою,—а наўстрѣчь яму бяжиць лисица ды кажиць: «пятухъ, пятухъ, возьми мяне исъ собой!»—Лѣзь у задъ. Лисица улѣзла, а пятухъ поляцѣвъ дали. Ляциць енъ дорогою, ляциць енъ широкою,—а наўстрѣчь яму бяжиць барсукъ и кажиць: «пятухъ, пятухъ, возьми мяне исъ собою!»—Лѣзь у задъ! Барсукъ улѣзъ, а пятухъ поляцѣвъ дали. Ляциць енъ дорогою, ляциць енъ широкою,—наўстрѣчь яму бяжиць вовкъ и кажиць: «пятухъ, пятухъ, возьми мяне исъ собой!»—Лѣзь у задъ! Вовкъ улѣзъ, а пятухъ поляцѣвъ дали. Ляциць енъ дорогою, ляциць енъ широкою,—а наўстрѣчь яму бяжиць мядзьвѣдзь: «пятухъ, пятухъ, возьми мяне исъ собой!»—Лѣзь у задъ! Мядзьвѣдзь улѣзъ, а пятухъ поляцѣвъ дали. Ляцѣвъ, ляцѣвъ, и приляцѣвъ къ пану. А у пана были госци. Пятухъ узляцѣвъ на вокно, ды кричиць: «кукареку! вязу пану калѣку. Панъ у бабы нучувавъ, и жоронцы ўкравъ: я приляцѣвъ сойскываць. Панъ, отдавай жоронцы!» Пану стало стыдно, бы госци глядзяць яму ў вочи. Разсердзився панъ и кажиць слугамъ: слуги, слуги! возьмиця гетаго пятуха, занясиця яго къ моимъ курамъ, тамъ яго куры забъюць! Слуги ўзяли, занясли пятуха къ курамъ и покинули тамъ. Вотъ пятухъ и кажиць: коршынъ, коршынъ, лѣзь изъ заду! Ходзи бяри, курей дзяри, и самъ уходзи. Коршынъ ўсихъ курей подравъ, а самъ поляцѣвъ. Тоды пятухъ приляцѣвъ ящо на вокно, ды кричиць: «кукареку! вязу пану калѣку. Панъ у бабы нучувавъ, и жоронцы ўкравъ: я приляцѣвъ сойскываць. Панъ, отдавай наши жоронцы!» Панъ кажиць: ага, яго куры не забили? Слуги, слуги! занясиця его къ моимъ гусямъ: яны яго тамъ защиплюць! Слуги занясли пятуха къ гусямъ, ды й пошли домовъ. Вотъ пятухъ и кажиць: лисица, лисица, лѣзь изъ заду, ды би гусей, и сама уцякай. Лисица усихъ гусей побила и побѣгла. А пятухъ тоды приляцѣвъ, сѣвъ на вокнѣ, ды кричиць: «кукареку! вязу пану калѣку. Панъ у бабы нучувавъ, и жоронцы ўкравъ: я приляцѣвъ сойскываць. Панъ, отдай наши жоронцы!» Панъ кажиць: ага, яго моѐ гуси не защипали? Слуги слуги! занясиця яго къ моимъ свиньнямъ: яны яго тамъ загрызуць! Слуги занясли пятуха къ свиньнямъ, а сами пошли домовъ. А пятухъ кажиць: барсукъ, барсукъ, лѣзь изъ заду, ды грызи свиньней, ды самъ уцякай. Барсукъ усихъ свиньней погрызъ и побѣгъ. Пятухъ тоды поляцѣвъ къ пану, ды сѣвъ на вокно и кричиць: «кукареку! вязу пану калѣку. Панъ у бабы нучувавъ и жоронцы ўкравъ: я приляцѣвъ сойскываць. Панъ, отдай наши жоронцы!» Панъ кажиць: ага, яго моѐ свиньни не загрызли? Слуги, слуги, занясиця яго къ моимъ конимъ: яны яго тамъ забъюць. Слуги занясли,

ды пошли домовъ. Пятухъ кажиць: вовкъ, вовкъ, души коній, да самъ уцякай. Вовкъ усихъ коній подушивъ, поѣвъ, и самъ побѣгъ. Пятухъ поляцѣвъ къ пану, сѣвъ на вокно ды кричиць: «кукареку! вязу пану калѣку. Панъ у бабы нучувавъ, и жоронцы укравъ: я приляцѣвъ сойскывацъ. Панъ, отдай наши жоронцы!» Панъ кажиць: яго й кони не забили? Слуги, слуги! занясиця яго къ моимъ коровамъ: яны яго тамъ заколюць. Слуги занясли, ды пошли домовъ. А пятухъ и кажиць: мядзьвѣдзь, бяри, коровъ дзяри, ды самъ уцякай! Мядзьвѣдзь усихъ коровъ позадиравъ, поѣвъ, а самъ побѣгъ. Вотъ тоды пятухъ поляцѣвъ къ пану, сѣвъ на вокно, ды кричиць: «кукареку! вязу пану калѣку. Панъ у бабы нучувавъ, и жоронцы укравъ: я приляцѣвъ сойскывацъ. Панъ, отдай наши жоронцы!» Панъ кажиць: яго и коровы моѐ не закололи? Слуги, слуги! возьмиця гетаго пятуха ды зарѣжця, ды отдайця кухыру на кухню: я яго зъѣмъ! Слуги узяли ды забили пятуха, ды отдали кухыру на кухню. Кухыръ яго спекъ ды отдавъ пану. Панъ изъѣвъ, ды й ходзиць сабѣ по покою изъ госцями. Ажны пятухъ у правое вухо гылову вытыркнувъ ды и кричиць: «кукареку! вязу пану калѣку. Панъ у бабы нучувавъ, ды жоронцы укравъ: я приляцѣвъ сойскывацъ. Отдай, панъ, наши жоронцы!» Панъ кажиць: слуги, слуги! сячиця яго, сячиця яго! Слуги узяли ды якъ сѣканули по вуху—вухо и отсѣкли правое. А пятухъ вытыркнувъ голову у лѣвое вухо, ды и кричиць: «кукареку! вязу пану калѣку. Панъ у бабы нучувавъ ды жоронцы ўкравъ: я приляцѣвъ сойскывацъ. Панъ, отдай наши жоронцы!» Панъ кажиць: слуги, слуги, сячиця яго, сячиця яго! Слуги якъ сѣканули—отсѣкли и лѣвое вухо. Пошовъ тоды панъ на дворъ. Пятухъ вытыркнувъ голову ды й кричиць: «кукареку! вязу пану калѣку. Панъ у бабы нучувавъ, ды жоронцы ўкравъ: я приляцѣвъ сойскывацъ. Панъ, отдай наши жоронцы!» Панъ кажиць: слуги, слуги, сячиця яго, сячиця яго! Вотъ одна слуга узяла шаблю, ды якъ сѣканула, ды не по пятуху, ды по пану. А пятухъ и выляцѣвъ. Панъ и кажиць: слуги, слуги, возьмиця жоронцы, ды отдайця ихъ яму. Ды пусциця яго, лихо яго бяри, нехай енъ ляциць, ды головы ня тлумиць! [2]) Слуги вынясли пятуху жоронцы, ды й отдали. Пятухъ узявъ, одзинъ камянь подъ одно крыло, другій камянь подъ другое крыло, ды й поляцѣвъ къ бабѣ. Баба обрадовалась по жоронцахъ, ды начала усяго у ихъ просиць, ды сама сябе и пятуха кормиць.

Дер. Глѣбовскъ, сѣнн. у.

1) Въ одн. вар. сказка начинается такъ: Живъ дзѣдъ изъ бабой, и дужо яны были бѣдны: были у ихъ одны жорны, и тэя панъ узявъ! И была у ихъ курка и пятухъ. Пошли яны вясной на шуметникъ: пятухъ выгробъ бобину, а курица горошану. Принясли и говоруць: усыпъ, баба, у печь! Баба усыпала—и стала повна печь добра. Тоды пятухъ и говориць: полячу къ пану за жоронками! А яны яму говоруць: што ты, дурный? цябе забъюць.—Нѣ, полячу. И поляцѣвъ..... Въ другихъ вар. «пѣтухъ съ куркой идзѣ знайдуць зярно, дыкъ принясуць, ды укинуць у жорны, а жорны муки намелюць. Одзинъ разъ у дзѣда ночувавъ панъ . Яму стало завидно; дыкъ енъ укравъ жорны и поѣхавъ у ночьчи. На другій дзень яны оглѣдзилися, ажъ немашацька жорóнъ Дзѣдъ изъ бабой плачуць, а пятухъ кудакчиць: не плачь, дзѣдъ, не плачь, баба: я жорны вярну. Вотъ поляцѣвъ пятухъ къ пану.....» 2) Вар. Когда панъ увидѣлъ, что пѣтухъ сгубилъ его птицу и скотъ, онъ рѣшился отдать украденные жернова. Пѣтухъ взялъ ихъ и отдалъ дѣду. «Яны тоды намололи добра, и стали жиць ды поживаць, ды добра наживаць....» См.

выше. Въ тѣхъ варіантахъ, гдѣ жернова украдены у дѣда и бабы, припѣвъ пѣтуха измѣняется: «панъ у дзѣда ночувавъ, и жоронцы укравъ».

Въ варіантѣ, записанномъ нами отъ кр. дер. Горивца, сѣнн. у сказка оканчивается разсказомъ о звѣряхъ въ ямѣ: «Ляцицъ пятухъ къ дзѣду, ажны видзицъ—сидзяць у ями само тыя звѣри: мядзьвѣдзь, вовкъ, лисица, барсукъ и яще заяцъ, и нѣякъ имъ вылѣзци изъ ямы. Тоды стали яны пятуха просицъ, кабъ енъ ихъ выцягнувъ изъ ямы. А пятухъ кажацъ: добро, я тольки занясу дзѣду жоронцы. Покуль пятухъ принесъ дзѣду жорны, дыкъ много годовъ пройшло, много воды изъ раки уцякло. Захоцѣлося звѣрамъ ѣсци, и стали яны думацъ ды гадацъ, якъ-бы ѣсци достацъ. Тоды лисица кажацъ: будзямъ выцъ! хто останетца, того зьядзимъ. И стали яны выцъ. Мядзьвѣдзь остався, яны мядзьвѣдзя разорвали и зъѣли. И. т. д. см. ск. «Звѣри въ ямѣ». Окончаніе: «Осталася одна лисица. Ажны идзецъ стралецъ, увидзѣвъ лисицу и кажацъ: «бярися за ружжо, а я цябе выцягну!» А лисица кажицъ: боюся ты мяне забъешъ!—«Бярися!»—Боюся!—«Бярися!»—Боюся. Алитки лисица узялася. Стралецъ не забивъ, здзеръ зъ яѐ шкуру и пошивъ сабѣ шубу, ды ставъ шубу носицъ, а лисицыны дзѣци голосицъ.

Сравн. «Великор. сказки Худякова в. II, стр. 108—109. Также Садовник. 169.

3. Пятухъ и курочка.

Живъ сабѣ дзѣдъ ды баба. И были у ихъ пятухъ и курычка. Разъ копались яны на дворѣ на пометнищи. Курка выкопала шпильку, а пятухъ горошинку. Курычка тоды кажецъ пятуху: дай мнѣ горошинку, на табѣ шпильку! Пятушокъ отдавъ курычцы горошинку, а курычка дала яму шпильку. Стала ѣсци курычка горошинку—и зъѣла, ставъ ѣсци пятушокъ шпильку—и удавився. Побѣгла курычка за водой у мора: «мора, мора, дай воды—пятушокъ удавився!»—Нѣ, не дамъ табѣ воды: сходзи къ парсюку, нехай дась мнѣ клыка. Побѣгла курычка къ парсюку: «парсюкъ, парсюкъ, дай мору клыка, мора дась мнѣ воды—пятушокъ удавився!»—Нѣ. не дамъ клыка: сходзи къ дубу, нехай дась жулуда! Побѣгла курычка къ дубу: «дубъ, дубъ, дай парсюку жулуда!»—Нѣ, не дамъ жулуда: сходзи къ корови, нехай дась мнѣ молока. Побѣгла курычка къ корови: «корова, корова, дай жулуду молока!»—Нѣ, не дамъ молока: сходзи къ косцу, нехай косецъ дась мнѣ сѣна! Побѣгла курычка къ косцу: «косецъ, косецъ, дай корови сѣна!»—Нѣ, не дамъ сѣна: сходзи къ липини, нехай липина дась мнѣ лыкъ на лапци! Побѣгла курычка къ липини: «липина, липина, дай косцу лыкъ на лапци!»—Нѣ, не дамъ: сходзи къ ковалю, нехай мнѣ дась коваль ножикъ! Побѣгла курычка къ ковалю: «коваль, коваль, дай мнѣ ножикъ!»—Сходзи туды, дзѣ дзѣлыюць гроши, приняси ихъ мнѣ, тоды дамъ. Курычка побѣгла туды, идзѣ гроши дзѣлыюць.... Принясла курычка гроши, дала ковалю, а коваль давъ курычцы ножикъ. Понясла курычка ножикъ липини, липина дала курычцы лыкъ косцу на лапци. Понясла курычка лыки косцу на лапци, косецъ давъ курычцы сѣна. Понясла курычка сѣно корови. Корова стала ѣсци сѣно и дала курычцы мылока. Понясла курычка мылоко жулуду, дубъ давъ жулуда парсюку. Понясла курычка жулуда парсюку, парсюкъ давъ курычцы клыкъ. Узяла курычка клыкъ у парсюка и побѣгла къ мору: отдала мору клыкъ, а мора дало курычцы воды. Понясла курычка воду къ пятушку и улила у ротъ—пятушокъ закричавъ: кукареку!

С. Мощены.

Ср. Аф. IV. стр. 85. запис въ арханг. губ. Садовник. 170.

5. Козелъ.

Живъ дзѣдъ зъ бабой. Разодравъ дзѣдъ лядо, посѣявъ на лядзѣ овса. Дзѣдъ скоро померъ, засталася бабка одна. Пошла бабка на лядо свойго овса глядзѣць: видзиць—у овсѣ козелъ [1]). Подыйшла яна и кажиць: кызя вонъ! кызя вонъ! А козелъ ня йдзець: ня лѣзь, кажиць, бабища—дурнища! у мяне вочи шклянэя, роги зылотэя: кыли порну, дыкъ и кишки вонъ! Нечаго бабѣ дзѣлаць: пошла и плачець. Ашъ идзець мядзьвѣдзь: «чаго, объ чимъ, бабка, горюешъ?» Рызсказала бабка свою бяду: такъ и такъ, якъ мнѣ не горюваць? унадзився у мой овесъ козелъ, и выгнуть ня можно.—«Ну, бабка, ходзи я выгоню!» Подыйшли яны къ овсу, мядзьвѣдзь и кажиць: кызя вонъ, кызя вонъ! [2]). А козелъ ня йдзець: ня лѣзь, мядзьвѣдзища—дурнища! у мяне вочи шклянэя, роги зылотэя: кыли порну, дыкъ и кишки вонъ! Спужався мядзьвѣдзь и побѣгъ. Пошла баба и плачець. Ашъ идзець вовкъ: «чаго, объ чимъ, бабка, плачешъ? Рызсказала бабка свою бяду: такъ и такъ, якъ-жа мнѣ не плакаць? унадзився у мой овесъ козелъ, и выгнуць ня можно.—«Ну, ходзи бабка, я выгоню!»—Дзѣ табѣ выгнуць, мядзьвѣдзь и тэй ня выгнувъ.—«Ну, ходзитка пыкажи!» Пыдыйшли къ овсу, вовкъ и кажиць: «кызя вонъ! кызя вонъ!»—Ня лѣзь, вовчища—друнища! у мяне вочи шклянэя, роги зылотэя: якъ порну, дыкъ и кишки вонъ! Вовкъ спужався и побѣгъ. Пошла опяць баба и плачець. Ашъ бяжиць лисица: чаго, объ чимъ, бабка, плачешъ? Рызсказала баба свою бяду лисицы: такъ и такъ, якъ жа мнѣ не плакаць? унадзився у мой овесъ козелъ, и выгнуць ня можно: мядзьвѣдзь выгонявъ—ня выгнувъ, вовкъ выгонявъ—ня выгнувъ.—Ну, ходзи, я табѣ яго выгоню! Подыйшли къ овсу: «кызя вонъ! кызя вонъ!»—Ня лѣзь, лисица—дурнища! моѐ вочи шклянэя,роги зылотэя: кыли порну, дыкъ и кишки вонъ! Спужалася лисица и побѣгла. Идзець баба изнова и плачець. Ашъ идзець заяцъ: чаго, объ чимъ, бабка плачешъ? Рызсказала баба зайцу свою бяду: такъ и такъ, якъ жа мнѣ не плакаць, унадзився у мой овесъ козелъ, и выгнуць ня можно: мядзьвѣдзь выгонявъ—ня выгнувъ, вовкъ выгонявъ—ня выгнувъ, лиса выгоняла—ня выгнула.—«Ну, ходзи, бабка, я табѣ выгоню!» Пошли къ овсу, заяцъ и кажиць: «кызя вонъ! кызя вонъ!»—Ня лѣзь, зайчища—дурнища! у мяне вочи шклянэя, роги зылотэя: якъ порну, дыкъ и кишки вонъ! Спужався заяцъ и побѣгъ. Идзець баба, изнова плачець. Ашъ бяжиць собака: чаго ты, объ чимъ плачешъ? Рызсказала баба свою бяду: такъ и такъ, якъ жа мнѣ не плакаць? унадзився у мой овесъ козелъ, ня можно выгнуць: мядзьвѣдзь гнавъ—ня выгнувъ, вовкъ гнавъ—ня выгнувъ, лисица гнала—ня выгнула, заяцъ гнавъ—ня выгнувъ.—«Ну, ходзи, я выгоню!» Пошли: «кызя вонъ! кызя вонъ!»—Ня лѣзь собачища—дурнища! у мяне вочи шклянэя, роги зылотэя: якъ порну, дыкъ и кишки вонъ! Спужався собака и побѣгъ [3]). Знова баба идзець и плачець. Ашъ ляциць пчала: чаго ты, объ чимъ, бабка, плачешъ? Рызсказала баба свою бяду: такъ и такъ, якъ жа мнѣ не плакаць? унадзився у мой овесъ козелъ, и выгнуць ня можно.—«Ходзи, я табѣ яго выгоню!»—Идзѣ табѣ! Коли мядзьвѣдзь выгонявъ—ня выгнувъ, вовкъ выгонявъ—ня выгнувъ, лиса выгоняла—ня выгнула, заяцъ выгонявъ—ня выгнувъ, собака выгонявъ—ня выгнувъ: идзѣ табѣ выгнуць!—«Ну, ходзи, покажи мнѣ яго!»

Пошли яны выгоняць. Вотъ пчала подляцѣла, ды якъ джигнецъ козла за коко!.... Якъ забляецъ енъ! Якъ побяжицъ!... Пераставъ съ тыхъ поръ козелъ у бабинъ овесъ ходзиць. Стала яна сабѣ жиць ды пыживаць, ды добра наживаць.

Дер. Горивецъ, сънн. у.

Въ лисичинской вол. того же уѣзда сказка разсказывается съ слѣдующими варіаціями: 1) Жила сабѣ бабка. Посѣяла яна на лядзѣ овесъ. Пывадзився ходзиць у овесъ дзикій козелъ.... 2) Подыйшла баба зъ мядзьвѣдземъ къ овсу. Якъ увидзѣвъ мядзьвѣдзь овесъ и самъ побѣгъ яго ѣсци. Идзецъ опяць бабка, идзецъ и плачецъ. Ашъ идзецъ заинька: объ чимъ ты, бабка, горюешъ? Яна разсказала заиньку: такъ и такъ—свою бяду—пывадзився у мой овесъ дзикій козелъ и мядзьвѣдзь. Заинька и говорицъ: ходзи, мнѣ покажи! Бабка показала. Якъ заинька увидзивъ овесъ, дыкъ и самъ побѣгъ яго ѣсци. Идзецъ баба и горюецъ. Ашъ бяжицъ вовкъ..... 3) Послѣ того, какъ убѣжала собака, пошла баба и плачетъ. «Ашъ идзецъ пятушокъ: объ чимъ, бабка горюешъ? Разсказала бабка пятушку свою бяду: такъ и такъ.—«Ходзи, я табѣ козла вогоню!» Пришли яны. Пятушокъ и говорицъ: «иду, иду на ногахъ у красныхъ сапогахъ: пошовъ съ овса зъ бабинаго, козелъ!» Козелъ спужався и уцекъ. Осталиси тольки мядзьвѣдзь ды заяцъ. Идзецъ баба, ды йзнова плачецъ. Ашъ идзецъ стралецъ: объ чимъ, бабка, горюешъ? Разсказала баба: такъ и такъ—свою бяду. «Ходзи, я табѣ выгоню!» Пошли яны. Тоды стралецъ говорицъ: мядзьвѣдзь, пошовъ съ овса зъ бабинаго, бы я цябе убъю!» Мядзьвѣдзь спужався и уцекъ. Тольки заяцъ остався. Идзецъ баба и знова плачецъ Ашъ ляцицъ сова: чаго ты, бабка, горюешъ? Баба разсказала: такъ и такъ.—«Ходзи, я табѣ выгоню!» Пошли яны. Сова сѣла на зайца, ды й задзерла яго. Баба дужо была рада, стала яна жиць ды пыживаць.....

Въ рогач. у. мѣсто бабы занимаетъ *дѣдъ*.

6. Коза лупленая.

Живъ дзѣдъ зъ бабой. Было у ихъ семъ козъ и семъ дочокъ [1]) Говорицъ дзѣдъ своей большой дочцѣ: «гони, моя большая дочушка, козъ у поле!» Дочка и погнала. Пасцила, пасцила, стало ужо цямнѣць; яна и спрашыецъ: козы мое, козычки, ци подъѣли вы, ци напилиси? Вотъ старая коза заблекотала, затопала ногами, мотнула головой и кажицъ: «дзякуй табѣ, подъѣли и напилиси уволю. А цяперь ужо вечаръ, упала спидзеная роса, гони насъ домовъ на ночь.» Гоницъ дочка козъ домовъ, а дзѣдъ сѣвъ у воротахъ у чарвоныхъ ботахъ ды пытаецъ: «козы моѐ милыя! ци пили вы, ци ѣли?» Уси кажуць: я напилася, наѣлася, я напилася, наѣлася! А старая мовчицъ.—«А ты старая коза, ци напилася, ци наѣлася?»—Нѣ дзѣдъ, не напилася я, не наѣлася: бѣгла черазъ калиновый мостокъ—ухвацила осиновый листокъ, ли згороды жменячку травы зьѣла, ды лыжачку водзицы выпила—объ тымъ я пила и ѣла [2]). Разсердзився дзѣдъ на дочку, бивъ, бивъ, забивъ и подъ печку подкацивъ. На другій дзень говорицъ дзѣдъ другой дочцѣ: гони, моя дочушка другая, у поле козъ, ды хорошенько напасци! Погнала дочка козъ у поле чуць-дзень. Пасцила, пасцила, ды надъ—вечаръ и спрашыецъ: козы моѐ, козычки, ци подъѣли вы, ци напилиси? Старая коза заблекотала, затопала ногами, мотнула головой и кажицъ: «дзякуй табѣ, подъѣли мы и напилиси уволю. Гони насъ на ночь домовъ, бы ўжо пала спидзеная роса!» Погнала дочка козъ домовъ. А дзѣдъ сѣвъ у воротахъ у чарвоныхъ ботахъ и пытаецъ: «козы моѐ милыя, ци напилиси, ци наѣлиси?»—Я напилася, я наѣлася; я

напилася, я наѣлася....—А ты, коза старая, ци напилася, ци наѣлася?—«Нѣ, дзѣдъ, не пила я, не ѣла; тольки бѣгла черазъ калиновый мостокъ, ухвацила рабиновый листокъ, ли згороды жменячку травы зъѣла, ды лыжачку водзицы выпила—объ тымъ я пила и ѣла». Разсердзився дзѣдъ, бивъ, бивъ дочку, забивъ и подъ печку подкацивъ. На другій дзень выславъ дзѣдъ свою третьцюю дочку: гони, моя третьцяя дочушка, у поле козъ, ды хорошенько напасци! Погнала яна чуць-дзень. Пасцила, пасцила, а подъ-вечаръ и спрашыецъ: козы моѐ, козычки! ци подъѣли вы, ци напилиси? Коза старая заблекотала, затопала ногами, мотнула головой и говорицъ: спасибо, наѣлись и напились уволюшку! Гоницъ яна ихъ домовъ. А дзѣдъ сѣвъ у воротахъ у чарвоныхъ ботахъ и спрашыецъ: козы моѐ милыя! ци напилиси вы, ци наѣлиси вы? А яны яму у вотвѣтъ: я напилася, я наѣлася; я напилася, я наѣлася....—«А ты, коза старая, ци напилася, ци наѣлася?»—Не напилася я, не наѣлася; а якъ бѣгла черазъ калиновый мостокъ—ухвацила бярозовый листокъ, ли згороды зъѣла жменячку травы ды выпила лыжачку воды. Тольки я пила и ѣла.... Разсердзився дзѣдъ, бивъ, бивъ дочку, забивъ и подъ печь подкацивъ. Погнала на другій дзень чацьвертая дочка. Пасцила, пасцила, накормила, напоила и гоницъ домовъ. А дзѣдъ сѣвъ у воротахъ у чарвоныхъ ботахъ и спрашыецъ: козы мое милыя! ци напилиси вы, ци наѣлиси вы? А козы яму у вотвѣтъ: я напилася, я наѣлася; я напилася, я наѣлася!—«А ты, коза старая, ци напилася, ци наѣлася?»—Нѣ, дзѣдъ, ни напилася, ни наѣлася: тольки бѣгла черазъ калиновый мостокъ—ухвацила дубовый листокъ, ли згороды жменячку травы зъѣла ды лыжачку водзицы выпила. Объ тымъ я пила и ѣла! Бивъ, бивъ дзѣдъ дочку, забивъ и подъ печь подкацивъ.—«Гони, моя пятая дочушка, козъ у поле! ды хорошенько напасци!» Погнала пятая дочка; пасцила, пасцила, накормила, напоила, и гоницъ. Дзѣдъ сѣвъ у воротахъ у чарвоныхъ ботахъ и пытаецъ: козы мое милыя, ци пили вы, ци ѣли? А козы говоруцъ: я напилася й наѣлася, я напилася й наѣлася.—«А ты, коза старая, ци напилася, ци наѣлася?»—Нѣ, дзѣдъ, ни напилася, ни наѣлася: якъ бѣгла черазъ калиновый мостокъ, ухвацила кляновый листокъ, ли згороды жменячку травы зъѣла, ды лыжачку водзицы выпила.... Разсердзився дзѣдъ, забивъ дочку и подъ печь подкацивъ—«Гони, моя шостая дочушка, козъ у поле!» Яна погнала, пасцила, пасцила, зъ раньня ды до вечара, и гоницъ домовъ. А дзѣдъ сѣвъ у воротахъ у чарвоныхъ ботахъ и спрашыецъ: «козы моѐ милыя! ци напилиси, ци наѣлиси вы?»—Я напилася, наѣлася; я напилася, наѣлася....—«А ты, коза старая, ци напилася, ци наѣлася?»—Нѣ, дзѣдъ, ни напилася, ни наѣлася: якъ бѣгла черазъ калиновый мостокъ—ухвацила ольховый листокъ, ли згороды жменячку травы зъѣла, ды лыжачку водзицы выпила. Объ тымъ я пила и ѣла! Забивъ дзѣдъ и гетую дочку, и подъ печь подкацивъ.—«Гони, моя семая дочушка, козъ у поле, ды лядзи жъ хорошенько напасци!» Погнала дочка козъ у поля чуць дзень; пасцила, пасцила, а надъ вечаръ и пытаецъ: козы мое, козычки, ци напилиси вы, ци наѣлиси? Старая коза заблекотала, затопала ногами, мотнула головой и кажицъ: дзякуй табѣ, наѣлиси и напилиси уволю; гони насъ ужо домовъ, бы на зямлю ўжо пала спидзеная роса! Гоницъ яна, а дзѣдъ сѣвъ у воротахъ у чарвоныхъ ботахъ и спрашыецъ: козы моѐ милыя, ци напилиси вы, ци наѣлиси вы?—Я напилася, наѣлася; я напилася, наѣлася.... «А ты, коза старая, ци напилася, наѣлася?»—Нѣ, дзѣдъ, ни напилася, ни наѣлася;

тольки якъ бѣгла черазъ калиновый мостокъ—ухвацила орѣховый листокъ, ли згороды жменячку травы зьѣла, ды лыжачку водзицы выпила. Объ тымъ я пила и ѣла! Разсердзився дзѣдъ, бивъ, бивъ тую дочку, забивъ и подъ печь подкацивъ.—«Ну, баба, гони ты козъ у поле!» Погнала баба, пасцила, пасцила, стало ўжо прицемно; гоницъ яна ихъ домовъ. А дзѣдъ сѣвъ у воротахъ у чарвоныхъ ботахъ и спрашыецъ: «козы моѐ милыя, ци пили вы, ци ѣли?»—Я напилася й наѣлася, я напилася, наѣлася....—«А ты, коза старая, ци напилася, ци наѣлася?»—Ни напилася я, ни наѣлася: бѣгла черазъ калиновый мосточакъ—ухвацила лозовый листочакъ, ли згороды жменячку травы зьѣла, ды лыжачку водзицы выпила. Тольки пила я и ѣла!.. Разсердзився дзѣдъ, бивъ, бивъ бабу, забивъ и подъ печь подкацивъ. На другій дзень погнавъ дзѣдъ самъ козъ у поле, знявши чарвоные боты. Пасцивъ, пасцивъ, и гоницъ. А самъ забѣгъ напяродъ, надзѣвъ чарвоные боты, сѣвъ у воротахъ и спрашыецъ: «козы мое милыя, ци напилиси, ци наѣлиси вы?»—Я напилася й наѣлася, я напилася й наѣлася.... «А ты, коза старая, ци напилася, ци наѣлася?»—«Нѣ, дзѣдъ, я ни напилася, ни наѣлася: якъ бягла черазъ калиновый мостокъ, ухвацила ясеновый листокъ, ли згороды жменячку травы зьѣла, ды лыжачку водзицы выпила. Объ тымъ я пила и ѣла!... Зыплакавъ дзѣдъ: «ахъ-жа ты, проклятая! перевела моихъ дочокъ, перевела мою бабу!» Бивъ, бивъ енъ тую козу, бивъ, бивъ—ажны бокъ облупивъ! [3]) Схвацивъ яѐ за роги и привязавъ вяровочкой къ колесамъ, а самъ причитыецъ: коза моя ко́зла, не козлилась позно! коза моя бѣлая ли згороды бѣгала, а я козу за ногу, заўтра на торгъ повяду: козу бѣлую продамъ, за три грошики отдамъ! Почула гето коза; оторвалась яна отъ ко́лесъ и побѣгла зъ двора! Бѣгла, бѣгла, забѣгла у лѣсъ. А ў лѣси лисичкина [4]) хатка. Забѣгла яна у хатку, и полѣзла подъ печь. Пришла лисичка, чуецъ—нѣхто есь у хатцы. Яна и кажицъ: дзень-добрый тому, хто въ гетымъ дому?—Я коза луплена, за три гро́ши куплена, якъ дамъ копытомъ—опынесься подъ кутомъ, якъ дамъ рогомъ—опынесься за порогомъ, золотой бородой замяту! Спужалася лисичка, сѣла на завалинку и плачецъ. Идзецъ зайчикъ: «кумка-голубка, чаго ты плачешъ?»—Якъ-жа мнѣ ня плакыцъ: нѣхто у моей хатцы есь.—«Ходзи, кумка-голубка, ци ня выгонимъ мы.» Пришли: дзень-добрый тому, хто въ гетымъ дому?—Я коза луплена, за три гроши куплена. Якъ дамъ копытомъ—опынесься подъ кутомъ, якъ дамъ рогомъ—опынесься за порогомъ, золотой бородой замяту! Спужався зайка, уцекъ. Сидзицъ лисичка на завалинѣ и плачецъ. Пришовъ вовкъ: кумка-голубка, чаго ты плачешъ?—Якъ жа мнѣ ня плакыцъ: нѣхто у моей хатцы есь.—«Ходзи, ци ня выгонимъ мы яго». Пришли: дзень-добрый тому, хто въ гетымъ дому?—Я коза луплена, за три гроши куплена. Якъ дамъ копытомъ—опынесься подъ кутомъ; якъ дамъ рогомъ—опынесься подъ порогомъ, золотой бородой замяту! Спужався вовкъ и ўцекъ. Пошла изнова лисичка на завалинку, сѣла и плачецъ. Идзецъ мядзьвѣдзь: «кумка-голубка, чаго ты плачешъ?»—Якъ жа мнѣ ня плакыцъ: нѣхто ў моей хатцы есь.—«Ходзи, ци ня выгонимъ мы яго». Пошли и спрашуюцъ: дзень-добрый тому, хто ў гетымъ дому?—Я коза луплена, за три гроши куплена: якъ дамъ копытомъ—опынесься подъ кутомъ; якъ дамъ рогомъ—опынесься за порогомъ, золотой бородой замяту! Спужався мядзьвѣдзь и ўцекъ. Сидзицъ лисичка, плачецъ. Ажъ во́ повзецъ ракъ: кумка-голубка,

чаго ты плачешъ?—Якъ жа мнѣ ня плакыць: нѣхто ў моей хатцы есь.—«Пойдземъ, кумка-голубка, ци ня выгонимъ мы съ тобой!»—Идзѣ табѣ, рачикъ, выгныць? Зайчикъ гнавъ—ня выгнывъ, вовкъ гнавъ—ня выгнывъ, мядзьвѣдзь гнавъ—ня выгнавъ, и ты ня выгонишъ.—«Ну, а ўсе-тки ходземъ! «Пошли и спрашуюць: дзень-добрый тому, хто ў гетымъ дому?—Я коза луплена, за три гроши куплена: якъ дамъ копытомъ—опынесься подъ кутомъ; якъ дамъ рогомъ—опынесься за порогомъ, золотой бородой замяту! Ракъ тоды подъ печь, подповзъ подъ козу, ды якъ щипнецъ! Якъ побяжиць тая коза съ подъ печи, ды съ хаты, ды ў лѣсъ!... Лисичка накормила, напоила рака, а сама стала жиць ды поживаць, ды добра наживаць.

Ульяновицкая волость сѣнн. у.

1) Вар. въ островенской вол. того-же уѣзда: Живъ бывъ старичокъ и старушка, и бывъ у ихъ сынъ и дочка. Вотъ купивъ сабѣ старичокъ козу, и пославъ енъ свою дочку пасциць яѐ. 2) Тамъ-же и въ Гомельск. у. коза говоритъ: «Нѣ, дѣдъ, не пила я, не ѣла, тольки якъ бѣгла черазъ мостокъ—ухватила кленовый листокъ, а якъ бѣгла черазъ гребельку—ухватила воды капельку. Тольки й пила я и ѣла. Въ ряснянск. вол. сѣнн. у. Ни напилася я, ни наѣлася: коло бярозки ходзила, бярозовый листокъ хвацила; коло рѣчки ходзила, лыжачку водзицы выпила. 3) Въ Гомельск. у. дѣдъ сталъ рѣзать козу. Рѣзалъ, рѣзалъ, половину бока облупилъ, и ножъ иступилъ. Пошолъ въ кузницу точить, а коза убѣжала. 4) Зайкина хатка. Первая приходила тогда къ зайчику лисица, а выгоняетъ козу пѣтухъ. Сказка о козѣ лупленой—обще-русская. См. Афан. II, 285 (позднѣйшая варіація) Терещенко IV, 45, малор. Чубинск. 128. Садовник. 179.

7. Зайкина хатка.

Жили были въ однымъ лѣси лисица и заяцъ. Жили яны одзинъ кыло другого близко. Пришла восянь; стало холодно. Уздумали яны сабѣ хатки строиць. Вотъ лисица построила сабѣ хатку съ труску-сняжку, а зайчикъ съ труску-пяску. Прожили зимку, настала вясна; у лисицы хатка растала, и зайчикова выстоила. Пришла лисица, выгныла зайчика, стала сама жиць у яго хатцы. Сядзиць зайка пыдъ бярезой и плачець. Идзець вовкъ: чаго ты, зайка, плачешъ?—«Якъ жа мнѣ не плакыць: жили мы зъ лисицый близко. Стало холодно; построили мы сабѣ хатки: я сабѣ построивъ хатку съ труску-пяску, а лисица съ труску-сняжку. Настала вясна, яѐ хатка растала, а моя устоила. Яна мяне выгныла зъ моѐ хатки, и сама цяперь живець тамъ. Вотъ я сижу ды плачу. Пособъ горю горювацъ!»—Ну, ходзи, я яѐ выгоню! Пришовъ вовкъ, ставъ на порози: вылѣзай, лиса, вонъ, а то скину съ печи, побъю плечи! А лисица ня лѣзець съ печи, ды говорицъ: мой хвостъ шорсткій—якъ дамъ, дыкъ повалисься! Спужався вовкъ, побѣгъ и зайца кинывъ. Сѣвъ заяцъ изнова пыдъ бярезиный и плачець. Идзець пы лясу мядзьвѣдзь, увидзѣвъ зайку и спрашыецъ: чаго ты, зайка, плачешъ?—«Якъ жа мнѣ не плакыць: жили мы зъ лисицый близко. Пришла восянь; построили мы сабѣ хатки: у яѐ хатка съ труску-сняжку, а ў мяне съ труску-пяску. Настала вясна: лисицына хата растала, а моя устоила. Яна мяне и выгныла, сама тамъ живець, а я сижу ды плачу!» Пособъ горю горювацъ!» Вотъ и пошовъ мядзьвѣдзь лисицу выгоняць. Узыйшовъ на порогъ, а лисица и спрашыецъ: хто тамъ? мой хвостъ шорсткій—якъ дамъ, дыкъ повалисься!

Спужався мядзьвѣдзь, кинывъ и зайца, ды бѣгчи. Опяць сѣвъ зайка пыдъ бярезой, и жалыбно плачець. Ашъ идзець пы лясу пятухъ. Увидзѣвъ енъ зайку и спрашыець: чаго ты, зайка, плачешъ? Зайка ставъ жалитца пятуху: «жили мы зъ лисицый близко; построили мы сабѣ хатки: я сабѣ хатку съ труску-пяску, а лисица съ труску-сняжку. Пришла вясна; лисицына хатка растала, а моя устóила. Яна мяне и выгныла зъ моѐ хатки.»—Пойду-тка я яѐ выгоню! Плачець зайка, ня вѣрицъ. «Идзѣ табѣ, пеця, выгныць? Вовкъ гнавъ—ня выгнывъ, мядзьвѣдзь гнавъ—ня выгнывъ!»—Нѣ, ходзи, спробую! Вотъ и пошли. Увыйшовъ пятухъ у хату, ставъ на порози и кричицъ: я пятухъ-чабятухъ, на короткихъ ногахъ, на високихъ пятахъ, нясу косу на плячи, хочу лиску засячи. А лисица ляжицъ ды кажицъ: мой хвостъ шорсткій, якъ дамъ, дыкъ повалисься! Пятухъ скочивъ съ порога на полъ и знова кричицъ: я пятухъ-чабятухъ, на короткихъ ногахъ, на високихъ пятахъ, нясу косу на плячи, хочу лиска засячи! Лисичка отвѣчаець: мой хвостъ шорсткій, якъ дамъ, дыкъ повалисься! А пятухъ усё ближе—ближе подходзицъ, ды якъ ускочицъ на пякóлыкъ! А лисица скокъ съ печи доловъ! Пятухъ икъ ей, а яна за порогъ. А зайка и дзвери зачинивъ. Стали тоды зайка съ пятухомъ удвухъ жицъ.

Д. Бутримово, сѣнн. у.

8. Коза въ орѣхахъ.

Пошовъ козелъ съ козой въ орахи: козелъ щипля, коза ѣстъ. Нащипали три мяхи, а чатьвертый шалухи. «Коза, коза, ходѐмъ домовъ!»—Нѣ, не пойду!... Нема козы съ орѣхами, нема козы съ калеными.—«Подождзи жъ, коза, нашлю я на тябе вовковъ! [1]). Вовки, вовки, идитя козу ѣсти!» [2]) Вовки ня йдуть козы ѣсть, нема козы съ орѣхами, нема козы съ калеными! [3])—«Подождзитя жъ, вовки, нашлю я на васъ мядвѣдя. Мядвѣдь, мядвѣдь, иди вовковъ драть!» Мядвѣдь ня йде вовковъ драть, вовки ня йдуть козы ѣсть: нема козы съ орѣхами, нема козы съ калеными!—«Подождзи-жъ, мядвѣдь, пошлю я на тябе стральцовъ [4]). Стральцы, стральцы, идитя мядвѣдя бить!» Стральцы ня йдуть мядвѣдя бить, мядвѣдь ня йде вовковъ драть, вовки ня йдуть козы ѣсть: нема козы съ орѣхами, нема козы съ калеными!—«Постойтя-жъ, стральцы, нашлю я на васъ вяровки. Вяровки, вяровки, идитя стральцовъ вязать!» Вяровки ня йдуть стральцовъ вязать, стральцы ня йдуть мядвѣдя бить, мядвѣдь ня йде вовковъ драть, вовки ня йдуть козы ѣсть: нема козы съ орѣхами, нема козы съ калеными.—«Постойтя-жъ, [5]) вяровки, нашлю я на васъ огонь. Огонь, огонь, иди вяровки палить!» Огонь ня йде вяровки палить, вяровки ня йдуть стральцовъ вязать, стральцы ня йдуть мядвѣдя бить, мядвѣдь ня йде вовковъ драть, вовки ня йдуть козы ѣсть: нема козы съ орѣхами, нема козы съ калеными.—«Подождзи-жъ, огонь, нашлю я на тябе воду. Вода, вода, иди огонь тушить!» Вода ня йде огонь тушить, огонь ня йде вяровки палить, вяровки ня йдуть стральцовъ вязать, стральцы ня йдуть мядвѣдя бить, мядвѣдь ня йде вовковъ драть, вовки ня йдуть козы ѣсть: нема козы съ орѣхами, нема козы съ калеными!—«Подождзи-жъ, вода, нашлю я на тябе воловъ. Волы, волы, идитя воду пить!» Волы ня йдуть воды пить, вода ня йде огонь тушить, огонь ня йде вяровки палить,

вяровки ня йдуть стральцовъ вязать, стральцы ня йдуть мядвѣдя бить, мядвѣдь ня йде вовковъ драть, вовки ня йдуть козы ѣсть: нема козы съ орѣхами, нема козы съ калеными.—«Постойтя-жъ, волы, нашлю я на васъ довбнёвъ. Довбни, довни, идитя воловъ бить!» Довбни ня йдуть воловъ бить, волы ня йдуть воду пить, вода ня йде вяровки палить, вяровки ня йдуть стральцовъ вязать, стральцы ня йдуть мядвѣдя бить, мядвѣдь ня йде вовковъ драть, вовки ня йдуть козу ѣсть: нема козы съ орѣхами, нема козы съ калеными!—«Постойтя-жъ, довбни, нашлю я на васъ топоровъ. Топоры, топоры, йдитя довбневъ сѣчь!» Топоры ня йдуть довбневъ сѣчь, довбни ня йдуть воловъ бить, волы ня йдуть воду пить, вода ня йде огонь тушить, огонь ня йде вяровки палить, вяровки ня йдуть стральцовъ вязать, стральцы ня йдуть мядвѣдя бить, мядвѣдь ня йде вовковъ драть, вовки ня йдуть козу ѣсть: нема козы съ орѣхами, нема козы съ калеными.—«Постойтя-жъ, топоры, нашлю я на васъ камянёвъ. Камяни, камяни, идитя топоровъ тупить!» Камяни ня йдуть топоровъ тупить, топоры ня йдуть довбневъ сѣчь, довбни ня йдуть воловъ бить, волы ня йдуть воду пить, вода ня йде огонь тушить, огонь ня йде вяровки палить, вяровки ня йдуть стральцовъ вязать, стральцы ня йдуть мядвѣдя бить, мядвѣдь ня йде вовковъ драть, вовки ня йдуть козы ѣсть: нема козы съ орѣхами, нема козы съ калеными!—«Постойтя-жъ, камяни, нашлю я на васъ чарвей. Черви, черви, идитя камяневъ точить!» Черви ня йдуть камяневъ точить, камяни ня йдуть топоровъ тупить, топоры ня йдуть довбневъ сѣчь, довбни ня йдуть воловъ бить, волы ня йдуть воду пить, вода ня йде огонь тушить, огонь ня йде вяровки палить, вяровки ня йдуть стральцовъ вязать, стральцы ня йдуть мядвѣдя бить, мядвѣдь ня йде вовковъ драть, вовки ня йдуть козы ѣсть: нема козы съ орѣхами, нема козы съ калеными!—«Постойтя-жъ, черви, нашлю я на васъ курей. Куры, куры, идитя чарвей дювбать!» Куры ня йдуть чарвей дювбать, черви ня йдуть камяневъ точить, камяни ня йдуть топоровъ тупить, топоры ня йдуть довбневъ сѣчь, довбни ня йдуть воловъ бить, волы ня йдуть воду пить, вода ня йде огонь тушить, огонь ня йде вяровки палить, вяровки ня йдуть стральцовъ вязать, стральцы ня йдуть мядвѣдя бить, мядвѣдь ня йде вовковъ драть, вовки ня йдуть козы ѣсть: нема козы съ орѣхами, нема козы съ калеными!—«Постойтя-жъ, куры, нашлю я на васъ ко́ршука. Коршукъ, коршукъ, иди курей драть!» Коршукъ пошовъ курей драть, кури пошли чарвей дювбать, черви пошли камяневъ точить, камяни пошли топоровъ тупить, топоры пошли довбневъ сѣчь, довбни пошли воловъ бить, волы пошли воду пить, вода пошла огонь тушить, огонь пошовъ вяровки палить, вяровки пошли стральцовъ вязать, стральцы пошли мядвѣдя бить, мядвѣдь пошовъ вовковъ драть, вовки пошли козу ѣсть: ёсть коза съ орѣхами, ёсть коза съ калеными! [6]).

Рогачевскій у.

Варіанты въ другихъ у. у. 1) Пошовъ козелъ у лычки, коза увъ орѣшки. Пришовъ козелъ изъ лычакъ, нема козы съ орѣшакъ. Постой-жа, коза, нашлю на тябѐ вовка.... Или: Пошовъ козелъ у грибки, козычка въ орѣшки. Пришовъ козелъ изъ грибовъ, нѣтъ козы съ орѣшкывъ. Постой-жа, коза, нашлю на тябе вовка. Вовкъ ня йдеть козы ѣсть, коза ня йдеть лозы ѣсть,—нѣтъ козы съ орѣшкывъ! 2) Козу гнать. Или: козу рѣзать.

3) Вовкъ ня йдеть козы рѣзать—козы не зарѣзавъ. 4) На медвѣдя насылается огонь: «огонь, огонь, иди мядвѣдя смолить!» Огонь-же насылается и на камень: «иди камянь жарить!» Въ одн. вар. на медвѣдя насылается дубъ: «идя мядвѣдя бить!» Стрѣльцы тогда не упоминаются; на дуба насылаются топоры, на воловъ довбни, на довбни черви. 5) Обращеніе козла варьируется: Ахъ, постойце, волы ... Ахъ, постой жа, огонь! Или: Вы, постойтетка, стральцы... Ты, постойка, мядвѣдь!.... 6) Вовки пошли козу гнать: есь коза съ орѣхами, ёсь коза съ орѣхами. Или: пришла коза съ орѣшакъ! Вовки пошли кызу ѣсь, кыза пышла лозу ѣсь: пришла кыза съ орѣшкывъ! Или: Вовкъ пошовъ козу рѣзать—козу и зарѣзавъ. Или: Вовки идуть козу ѣсть: за козу—да у лозу!....

Не излишне замѣтить, что мѣста, повторяющіяся въ сказкѣ нѣсколько разъ, произносятся *на распѣвъ*, напр. ку—ры ня й—дуть чар—вей дюв—бать, чер—ви ня й—дуть ка—мя—невъ то—чи—ть и т. д.

9. Мыши и сочивка.

Живъ сабѣ дѣдъ изъ бабой, ѣвъ хлѣбъ съ папой [1]), ѣвъ хлѣбъ съ овсомъ, забивъ бабу ковшомъ! Посѣявъ дѣдъ сочивку [2]). Выросла сочавичка богатая. Ставъ дѣдъ сочавичку молотить да ў мѣшокъ сыпати. Сыпавъ, сыпавъ—трошку сочавички ня ўлѣзло у мѣхъ. Што тутъ дѣлати? Пошовъ дѣдъ по мышей: «мыши, мыши, идитя сочавицы ѣсти!»—Нѣ, ня пóйдомъ!—«Ну, постойтя-жъ: нашлю я на васъ котовъ. Коты, коты, идитя мышей ѣсти!»—Нѣ, ня пóйдомъ!—«Ну, погодитя, коты [3]): я нашлю на васъ собакъ. Собаки, собаки, идитя котовъ кусать!»—Нѣ, ня пóйдомъ!—«Ну погодитя-жъ, нашлю я на васъ вовковъ. Вовки, вовки, идитя собакъ ловить!»—Нѣ, ня пóйдомъ! «Ну, нашлю-жъ я на васъ стралцовъ. Стралцы, стралцы, идитя вовковъ бить!»—Нѣ, ня пóйдомъ!—«Ну, постойтя-жъ: нашлю я на васъ вяровокъ. Вяровки, вяровки, идитя стралцовъ вязать!»—Нѣ, ня пóйдомъ!—«Ну, погодитя, вяровки, нашлю я на васъ огню. Огонь, огонь, иди вяровки палить!»—Нѣ, ня пойду!—«Ну, подождзи, огонь: я на тябе воду нашлю. Вода, вода, иди огонь лить!»—Нѣ, ня пойду!—«Ну, погоди жъ, вода: я на тябе воловъ нашлю. Волы, волы, идитя воду пить!»—Нѣ, ня пóйдомъ!—«Ну, погодитя, волы: я нашлю на васъ довбешакъ. Довбешки, довбешки, идитя воловъ бить!»—Нѣ, ня пóйдомъ!—«Ну, постойтя-жъ: довбешки: я на васъ чарвей нашлю [4]). Черви, черви, идитя довбешакъ точить!»—Нѣ, ня пойдомъ!—Ну, постойтя-жъ, черви: я на васъ курей нашлю. Куры, куры, идитя чарвей клювать!»—Нѣ, ня пóйдомъ.—«Ну, постойтя-жъ, куры: я на васъ коршиковъ нашлю. Коршики, коршики, идитя курей драть!»—А вотъ идомъ! Коршики идуть курей драть, [5]) куры идуть чарвей клювать, черви идуть довбешки точить, довбешки идуть воловъ бить, волы идуть воды пить, вода иде огню лить, огонь иде вяровки палить, вяровки идуть стралцовъ вязать, стралцы идуть вовковъ бить, вовки идуть собакъ ловить, собаки идуть котовъ кусать, коты идуть мышей ѣсть, мыши идуть сочивку точить. Точили, точили—поточили, сочивка и ўлѣзла ў мѣхъ.

Гом. у.

1) Игра словъ: папа-хлѣбъ. 2) Въ сѣнн. у. «дѣдъ посѣявъ грачиху». 3) Тамъ-же: пыгодзи шъ, котъ: я на цябе голень нашлю. Голень, идзи кыта бицъ!—Нѣ, не пойду!—«Пыгодзи шъ, голень, я на цябе нашлю кызу. Кыза, идзи голень грызци!»—Нѣ, не пой-

ду!—«Ну, пыгодзи-шъ, кыза: нашлю я на цябе вовка!»…. 4) Тамъ же, дѣдъ насылаетъ на довбешку топоръ, на топоръ камень, на камень червей. 5) Коршунъ якъ ставъ курей церабиць, куры якъ стали чарвей клюваць…… вовкъ якъ ставъ кызу ѣсци, кыза якъ стала голень грызци, голень якъ ставъ кыта биць, котъ якъ ставъ мышей душиць, мыши якъ стали грачиху точиць! Пытачили—и грачиха улѣзла у мѣхъ. Въ оршанскомъ у. сказка начинается такъ: «Пошовъ верабей на шумецища. Выкопавъ енъ тамъ б'линку. Б'линка, б'линка, поколыши мяне!—Нѣ, не поколышу! «Ну, погодзи, б'линка: я на цябе козъ нашлю. Козы, козы, идзице б'линку глодаць!»—Нѣ, не пойдземъ! «Ну, постойце жъ, козы, я на васъ вовковъ нашлю!» И т. д. Окончаніе: «Коршунъ пошовъ курей драць, куры пошли чарвей клюваць….. вовки пошли козъ душиць, козы пошли б'линку глодаць, б'линка стала верабъя колыхаць».

10. Вовкъ и собака.

Коли у воднаго ходяина бывъ дужа старэй собака; такей старэй, што ужо и брахаць ня ўздолѣвъ. Ходяинъ ня ставъ любиць собаки, и ня дававъ яму ѣсци. Собака отрокся ходяина и пошовъ упрочки. Идзець ёнъ и плачець. Стрѣвъ яго вовкъ и кажиць: чаго ты плачашъ!—Якъ жа мнѣ ня плакаць: ходяинъ ня ставъ мяне любиць, и ѣсь ня даець, што я старъ ставъ, брахаць ня ўздолѣю.—«А што, ци добро цяперъ табѣ? А ўпяродъ ты, якъ бывъ молодэй, ня пускавъ мяне близко къ дому. Тоды цябе и ходяинъ любивъ!»—Што-жъ робиць: цяперъ такей свѣтъ ставъ, што ня помнюць старэя хлѣбъ-соли.—«Ну, али я-жъ табѣ помогу. Якъ тольки выйдуць жонки твойго ходяина у поле жаць, ды положуць дзяценка у люльцы, дыкъ я яго выхвачу и побягу у лѣсъ. А ты бяжи мяне догоняць; я табѣ дзяценка и отдамъ.» Ну, вотъ, вышли жонки жаць, поклали дзяценка у люльцы. Вовкъ поткрався и выхвацивъ дзяценка, ды ў лѣсъ. Жонки спужалиси, стояць, плачуць. Ажъ во, откуль узявся старэй собака, и побѣгъ догоняць вовка. Тэй отдавъ яму дзяценка, а собака и принесъ яго къ жонкамъ. Матка рада, сичасъ дала собаку молока, накрышила хлѣба…. Пошли жонки домовъ, разсказали, што здзѣялося, тоды ходяинъ узнова ўзявъ къ сабѣ собаку. Ну, ўзявъ, дыкъ узявъ, али ўсетки дренно яго кормивъ. Сусимъ собака зъ голову звѣвся, и ногъ не поволочѐць. Пошовъ енъ у лазьню, ды й ляжиць тамъ цихынько. Ажны приходзиць туды вовкъ: «А, здоровъ, якъ маесься? Ци добро цяперъ табѣ?»—Якое, до̀бро! Чуць-ня-чуць ноги волочу. У ходяина сягоня вясельля гуляюць, а мнѣ, бѣдному, пришлося зъ голоду здохнуць.—«Ци заправды, сягоня вясельля?»—До души-жъ, правда!—«По̀йдземъ и мы на вясельля, поживимся!»—Боюсь, набъюць.—«Нѣ, пойдземъ!»—Якъ жа-жъ мы у хату ўлѣземъ, коли дзвери зачиняты? —«Цяперъ-жа уси пъяные, дзвери, мусиць, наўсцяжъ стояць. Ты цихынько подъ ноги людзѐмъ уцисниси, ды хвостомъ свѣточъ пували,—я й ўскочу. И будземъ тамъ житца: ты будзешъ ѣсци блинцы ды пироги, а я мясо ды косци!» Здався собака на вовчія словы, и пошли. Уциснывся собака подъ ноги людземъ, пуваливъ хвостомъ свѣточъ, вовкъ и ўско̀чивъ. Посѣли яны: собака подъ столомъ, а вовкъ у куцѣ подъ лавкой [1]) Людзи пъяные сидзяць за столомъ, ды ня съ-умысля цѣлыя скибки пироговъ, блинцы, мясо, роняюць доловъ, а яны тамъ подбираюць: собака ѣсь блинцы ды пироги, а вовкъ мясо ды косци. Наѣлись досыць. Вовкъ и говориць: «якъ бы цяперъ

примыслиць напитца!» Поповзъ собака по подлавеччу и знашовъ бутлю зъ горѣлкой. Вовкъ и кажець собаку: «няси суды! выпъемъ по чарцы: у головѣ повяселѣець!» Послухавъ собака вовка; принесъ бутлю и потрошку выпили. Вотъ яны сидзяць, ды зюкаюць, ды горѣлочку попиваюць. И захмялѣли. Вовкъ и говориць: «ци знаешъ, братъ, што я надумався?»—А што ты надумався?—«Я надумався, кабъ мы запѣли!»—«Нѣ, ня пѣй тутъ, пропадзешъ!—«Нѣ, ня ўцерплю, буду піяць.» Собака здався и говориць: ну, починай піяць.—«Нѣ, ты починай—мой голосъ товстэй!»—Нѣ, ты! Довго яны такъ вожджались, алитки собака вовка перамогъ. Вовкъ ставъ піяць, завывъ, а собака подводзиць: цявъ, цявъ, цявъ! И людзи пяюць, и яны пяюць. [5]) Ды ўсетки людзи ихъ почули, попужалиси, кричаць: ага, ту! ага, ту! Хто за кочаргу, хто за вилки, хто за помяло—давай пратаць вовка ды собаку! Чуць съ хаты яны выбягли. Пошли яны назадъ у лазьню, ды завалились спаць. Выспались; собака ставъ жалитца вовку: ахъ, якъ моя голова болиць!—«Ничого, пройдзець: съ похмельля у ўсякаго болиць голова!».... Ну, послѣ гетаго, вовкъ прощаетца съ собакомъ: «ну, што жъ ты будзешъ цяперъ робиць?»—Ахъ, я и самъ ня вѣдую: кабъ хто хуць кожи принёсъ, можа бъ я и сциснувъ кому боцёнки якея нибудзь.—«Добро, я принясу табѣ кожи: зроби мнѣ боты. Ды якей кожи?»—Ды приняси ўжо хуць яловку-корову, дыкъ я и пошію табѣ боты! Вовкъ побѣгъ, и приносиць половину коровы: «коли жъ прици за ботами?»—А дни черазъ три.. Убиравъ собака тую корову три дни. Приходзиць вовкъ: «ну што, ци готовы боты?»—Готовы-то, готовы; ды кабъ ты принесъ мнѣ ящо порадошнаго барашка! Нехай бы было такъ, якъ у блугуродныхъ людзей: обложаны халявы барашкомъ. Вовкъ пошовъ, и приносиць барана́: «ну коли-жъ будуць готовы боты?»—А дни черазъ два! Вовкъ пошовъ, а собака два дни убиравъ барана́. Черазъ два дни приходзиць вовкъ: «отдавай боты!»—Ци вѣдыешъ, братъ, што: пошивъ я табѣ боты, ды повѣсивъ на круку, кабъ табѣ отдаць, а самъ пошовъ выпиць кватэрку горѣлки. Приходжу—а нѣхто узявъ ды укравъ! *) Тоды вовкъ кажець: «добро, я табѣ гето не дарую, я съ тобой буду судзитца!» [2]) Собака здався. «Бяри-жъ сабѣ свѣтокъ и приходзи на такей-то дзень на тую гуру, што выросло три дубы, на судъ!» И разыйшлись. Вовкъ узявъ сабѣ за свѣтокъ мядзьвѣдзя и дзикаго парсюка, а собака пошовъ звацъ сабѣ за свѣтку Дзянисоваго собаку. Тэй кажець: мой ходяинъ сягоня молоцивъ, мнѣ треба пилнуваць кучи. Идзи къ Рыгоровому собаку! Пошовъ енъ туды, и тэй отказався: идзи, кажець, къ Марцинковой сучцы: яна кривая и заўсёгды безъ работы, яна пойдзець! Пошовъ енъ, позвавъ сучку. Сучка пошла. Тоды енъ позвавъ кота ды пятуха. [3]) И пошли на судъ. А мядзьвѣдзь узлѣзъ

*) Вар. Волкъ, по требованію собаки, приноситъ прежде козла «на передки ды на халявы,» потомъ быка «на подошвы ды на подметки,» наконецъ, «жирнаго панскаго парсюка, кабъ было чимъ вымазаць боты.» Все, приносившееся волкомъ, «собака што самъ зьѣвъ, дыкъ зьѣвъ, а што зазвавъ родню ды роднѣ отдавъ.» На этомъ основаніи собака впослѣдствіи звала родню въ свѣтки. Тѣ отказались: мы-де не просили тебя звать насъ на угощеніе.... Въ послѣдній приходъ волкъ спрашиваетъ: «ци готовы боты?» Собака отвѣчаетъ: ды, братъ, готовы и помазаны. Ды ци вѣдаешъ што: помазавши, устновивъ я ихъ у коминъ сушиць. А жонка топила печку, ды й спалила.... Мѣстомъ для суда волкъ назначаетъ «вяликій мохъ».

на дуба, пылядзѣць, ци йдзець собака на судъ. Ажъ видзиць: идуць собаковы свѣтки; котъ угору хвостъ задравъ, пятухъ пяець, а кривая сучка идзець по дорози, ды ўсё—шталгикъ, шталгикъ! Мядзьвѣдзь спужався и кажець вовку ды парсюку: пылядзите-тка, якея яго свѣтки: одзинъ кричиць, другей пику нясець, а одзинъ ўсе каменьня собираець. Вотъ коли намъ уздадуць! Давай тоды яны ховатца: мядзьвѣдзь ящо выше полѣзъ, парсюкъ [6]) у мохъ закопався, тольки хвосцикъ видаць, а вовкъ у болото подъ кустъ. Приходзиць собака съ своими свѣтками; пылядзяць, ажны никого нема. Сѣли яны, ждуць. Вотъ парсюкъ лежавъ, лежавъ подъ мохомъ ды й ставъ хвостомъ шаволиць. Котъ подумавъ, што гето мышь шаволитца, ды цапъ за хвостъ! А парсюкъ якъ ускочиць, якъ чухнець, якъ побяжиць! Котъ зляку ды на дуба, а мядзьвѣдзь думыець, што гето по яго, ды зъ дуба доловъ, ды якразъ на вовка. И давай уси уцекаць! Такъ яны ўсихъ и разогнали. [4]) И не было ниякого суду.

Д. Коровичи, сѣнн. у.

Вар. 1) Процисвылися яны подъ ноги людзёмъ, ды подъ печь. Тоды субака пуваливъ хвостомъ свѣтычъ, ды на столъ. Набравъ, набравъ тамъ пироговъ, мяса, горѣлки, ды подъ печь. Вотъ и стали яны пиць и ѳесци.... 2) Собака, въ благодарность за помощь, обѣщала позвать волка на веселье. «Якъ тольки начнетца вясельля, я выйду за гумно и завыю. Тоды ты приходзи. Вотъ, якъ началося вясельля, субака вышувъ за гумно́ и завывъ Вовкъ и прибѣгъ....» Теперь, когда волка на весельѣ побили, онъ чувствуетъ себя обиженнымъ: «Я табѣ гетаго не подарую, што ты мяне позвавъ на вясельля, ды чуць мяне не забили: будземъ судзитца. 3) Свѣтками собаки бываютъ и котъ да козелъ. Тогда медвѣдь, наблюдавшій на дубѣ, говоритъ: Идзець енъ зъ дзѣдомъ, ды штыхомъ; яны насъ позаколюць; будземце-тка хуватца!» 4) Медвѣдь, свалившись съ дуба, убился, волкъ и парсюкъ убѣжали. «Собака пришовъ и давай ѳесци мядзьвѣдзя. Ѣвъ, ѣвъ, объѣвся, и самъ тамъ здохъ. Ср. Аѳан. II, 75, Мѣсто волка занимаетъ медвѣдь. Послѣ вечеринки медвѣдь убѣжалъ. О судѣ нѣтъ упоминанія, но прибавленъ эпизодъ о старой кошкѣ, прогнанной хозяевами. 5) Эпизодъ этотъ разсказывается и такъ. Вовкъ упився и собака упився Вотъ, якъ тольки музыка́ зайгравъ на скрипку, вовкъ и говориць собаку: слухай, братъ: я ня уцерплю, запяю, бо дужа красиво йграюць! И запѣвъ. Госци вясельные почули...... 6) Парсюкъ замѣняется барсюкомъ и барсукомъ.

11. Дѣдъ да баба и вовкъ.

Живъ сабѣ дѣдъ да баба. И была у ихъ унучка, сучка, семярко овецъ, и быкъ половецъ. Прочувъ объ етымъ вовкъ. Пришовъ ёнъ къ имъ подъ вокно, и запѣвъ свою пѣсню: «уву, уву! уву! подыйду подъ гору—на той горѣ—соломяна хатка—у той хатцы дѣдъ да бабка—унучка, сучка—семярко овецъ и быкъ половецъ!» Баба и кажа: дѣдка! хорошо пяе! нумъ, мы овечачку яму отдадимъ! Отдали вовку овечку. Ёнъ за гору, за гору, да й зъѣвъ овцу. На другій день подыходя изновъ подъ вокно: «Уву! уву! уву! подыйду подъ гору—на той горѣ—соломяна хатка—у той хатцы дѣдъ и бабка—унучка, сучка—шестярко овецъ да быкъ половецъ!»—Ай, дѣдка! якъ ёнъ хорошо пяе! Нумъ, мы ще одну овечачку дадимъ! Дали вовку и другую овечку. Ёнъ за гору, за гору, да й зъѣвъ. На другій день приходя за третьтяй овечкой. Подыйшовъ подъ вокно и пяѐ: «уву! уву! уву! подыйду подъ гору—на той горѣ—со-

ломяна хатка—у той хатцы дѣдъ и бабка—унучка, сучка—пятерко овецъ и быкъ половецъ!»—Дѣдка! якъ хорошо пяѐ! Нумо, дадимъ яму яще одну овечку! Дали и ще одну овцу. Вовкъ за гору, за гору, да й зъѣвъ. На другій день изновъ иде подъ вокно и пяе свою пѣсню: «уву! уву! уву! подыйду подъ гору—на той горѣ—соломяна хатка—у той хатцы дѣдъ и бабка—унучка, сучка—четверко овецъ и быкъ половецъ!»—Нумо, дѣдка, дадимъ яму ще одну овечачку: бачъ, хорошо пяе! Дали изновъ овцу. Вовкъ за гору, за гору, и зъѣвъ. Назаўтраго изновъ иде подъ вокно: «уву! уву! уву! подыйду подъ гору—на той горѣ—соломяна хатка—у той хатцы дѣдъ да бабка—унучка, сучка—тройко овецъ и быкъ половецъ!»—Бачъ, дѣдка, якъ хорошо пяе! нумъ мы дадимъ яму ще овечачку! Дали вовку ще одну овечку. Ёнъ за гору, за гору, и зъѣвъ овцу. На другій день опять подыходя подъ вокно и пяе свою пѣсню: «уву! уву! уву! подыйду подъ гору—на той горѣ—соломяна хатка—у той хатцы дѣдъ да бабка—унучка, сучка—двойко овецъ и быкъ половецъ!» Баба кажа: дѣдка! хорошо пяе! нумъ-тя ще одну овечку дадимъ! Дали ще одну. Вотъ, и тую зъѣвъ за горой. А назаўтраго изновъ иде, заводя свою пѣсню: «уву! уву! уву! подыйду подъ гору—на той горѣ—соломяна хатка—у той хатцы дѣдъ и бабка—унучка, сучка—одна овечачка ды быкъ половецъ!»—Дѣдка, хорошо пяе! дадимо ўже и етую овечачку. Узяли и отдали послѣдняю овечку. На другій день приходя уже за воломъ: «уву! уву! уву! подыйду подъ гору—на той горѣ—соломяна хатка—у той хатцы дѣдка да бабка—унучка, сучка, и быкъ половецъ!» Отдали яму ўже и вола. Вовкъ за гору, за гору, и зъѣвъ вола. И самъ изновъ иде подъ вокно: «уву! уву! уву! Подыйду подъ гору—на той горѣ—соломяна хатка—у той хатцы дѣдка да бабка—унучка, и сучка!»—Дѣдка, хорошо пяе! Нумъ-тя ще и сучку отдадимъ! Дали вовку и сучку. Енъ и тую зъѣвъ за горой. А на другій день зновъ приходя: «уву! уву! уву! подыйду подъ гору—на той горѣ—соломяна хатка—у той хатцы дѣдъ и бабка, да ўнучка!»—Ну, што, дѣдъ? Нумъ, и ўнучку отдадимъ! Нечаго дѣлать: отдали и ўнучку. Вовкъ зъѣвъ унучку, а на другій день приходя и за бабой: «уву! уву! уву! подыйду подъ гору—на той горѣ—соломяна хатка—у той хатцы дѣдъ и бабка!» Ничого тутъ дѣдъ не подѣлавъ: отдавъ вовку и бабу; оставсь одинъ жить.

С. Перерость, гом. у.

12. Вовкъ дурень.

Живъ сабѣ одзинъ старикъ. И було у яго три сыны. Тоды гыя сыны не захопѣли боли кормиць бацьки, уклали яму у торбу хлѣба ды сала кусокъ и выпихнули яго вонъ за порогъ. Ёнъ и пошовъ у свѣтъ. На дорози у яго ды й разулася нога. Знявъ енъ торбу и ставъ подбувацъ. Бяжиць вовкъ, почувъ сало, ды кажецъ: дай мнѣ сала зъѣсь! А старикъ кажецъ: ахъ ты, католикъ *) ты! гэто жъ пятница—постъ! Скульля зъѣжъ! Вовкъ и побѣгъ. Пробѣгъ три пядзи—видзиць, ходзиць тамыцьки быранъ зъ ягненкымъ. «Быранъ, а быранъ! я абы цябе зъѣмъ, абы твойго ягненка!» Тоды быранъ кажецъ: нѣ, вовкъ, ня ѣжъ! Ты у мяне будзешъ за кума. Идзи ды сядзь на

*) Въ сѣнн. у. „католикъ“, въ гомельск. «полякъ»—бранныя слова.

камни: я разбягусь, такъ табѣ ягненка у ротъ и ўкину! Вовкъ побѣгъ и сѣвъ на камни. А быранъ разбѣгся, ды якъ ударицъ вовка у морду рогами!.... Такъ енъ и завалився съ камня. А быранъ зъ ягненкымъ уцякли. Прочхнувся вовкъ и заплакывъ: ци ня дурень я, вовкъ? ци не католикъ я, вовкъ? Чаму я ў пятницу сала ня ѣвъ? Чаму я бырана гэтаго ня ѣвъ? Ну. цяперь пыбягу: кого ўстрѣну, того и зьѣмъ!.... Бяжицъ вовкъ, ажъ видзицъ—ходзюцъ гуси. Енъ тоды подбѣгъ къ имъ и кажецъ: гуси, гуси я одну зъ васъ зьѣмъ! Тоды гуси кажуцъ вовку: нѣ, вовкъ, ня ѣжъ ты насъ: ты у насъ будзешъ за кума! Идзи ды сядзь на ўзмежку; раскрый ротъ, мы табѣ сами у ротъ уляцимъ! Вовкъ пошовъ сѣвъ на узмежку, а гуси пыднялись и пыляцѣли оттуля. Уставъ тоды вовкъ и заплакывъ: ци ня дурень я, вовкъ? ци не католикъ я, вовкъ? Чаму я ў пятницу сала ня ѣвъ? Чаму я бырана ня зьѣвъ? Чаму я гэтыхъ гусей ня ѣвъ? Ну цяперь пыбягу, кого сустрѣну, того и зьѣмъ! Бяжицъ вовкъ, видзицъ—ходзицъ кобыла раскамарка изъ жырябенкымъ. «Кобыла, кобыла! я абы цябе зьѣмъ, абы твойго жырябенка!»—Нѣ, ня ѣжъ, вовкъ! Ты у мяне будзешъ за кума. Возьми пераличи у мяне ў хвосцѣ волосы: я сама къ табѣ у ротъ улѣзу! Вовкъ узявъ хвостъ у зубы, и ставъ пы волосу отличацъ лапами. А кобыла якъ хлэсьнецъ вовку у бокъ копытàми—ажъ енъ догоры перякулився! А кобыла съ жырябенкымъ и побѣгла. Прочхнувсь вовкъ послѣ гэтаго хмелю, уставъ..... «Што за лихо? бокъ болицъ!» Енъ глядзь—ребра нема! Тоды самъ сабѣ думыецъ: ци ня дурень я, вовкъ? ци не католикъ я, вовкъ? Чаму я у пятницу сала ня ѣвъ? Чаму бырана ня зьѣвъ? Чаму я гусей ня ѣвъ? Чаму я кобылы ня ѣвъ? Ну, цяперь пойду, кого сустрѣну, того и зьѣмъ! Бяжицъ вовкъ, а на сустрѣчу идзецъ чаловѣкъ. Тоды вовкъ кажецъ: «я цябе, чаловѣкъ, зьѣмъ!»—Ну што-жъ робицъ, ѣжъ сабѣ! Сядземъ у тутъ на пни, понюхаемъ табаки: я-жъ яе у послѣднiй разъ бачу!— «Ну давай!» Сѣли яны: вовкъ на днымъ пни, чаловѣкъ на другимъ, и стали нюхыцъ табаку. Вотъ чаловѣкъ съ одныѐ руки даецъ вовку табаки, а другую руку заложивъ назадъ, и вынявъ зъ за пояса сякеру, ды якъ сѣканецъ по хвосту—такъ и отсѣкъ. Вовкъ побѣгъ, и ставъ звырицъ. Звыривъ, звыривъ—якъ стали собиратца къ яму вовки: перво одзинъ, али другiй, али третьцiй..... Спужався чаловѣкъ и полѣзъ на сосонку. А вовки ўсѐ збираютца: одна стада, другая стада, третьцяя.... Ящо боли спужався чаловѣкъ, сядзицъ, трясетца. Стали вовки становитца ли сосны одзинъ *на другiй*, и такъ до самыя макушки, а кукса на самый верхъ. Тоды чаловѣкъ якъ стукнецъ пы соснѣ тыпоромъ—вовки ўси объ землю. Звалились ды й кажуцъ: ну, кому пы кому, а кукси два комы! И полѣзли опяцъ. Лѣзли, лѣзли, тэй узнова ударивъ тыпоромъ—яны звалилиси: ну, кому пы кому, а кукси два комы! И ўзнова полѣзли. И такъ яны валилиси разовъ зъ дзесяцъ. Ажъ ѣдзецъ тутъ сивянькiй старичокъ, на сивянькимъ конику, и вязецъ булку хлѣба сивянькаго—якъ сонца! И давай раздавацъ гэтый хлѣбушка вовкамъ: давъ одному, другому, третьцему..... И пораздавъ гэтый хлѣбъ вовкамъ, а корнохвостому не давъ, кусочекъ покинувъ. Тоды гэтый корнохвостый вовкъ говорицъ сивянькому старичку: а гэто кому?—А гэто тому, што сядзицъ на соснѣ! Ды й кажецъ тому чаловѣку: Злѣзай-ка доловъ! Нà табѣ кусочакъ хлѣбца: вѣрно ты дужа ѣсь хочешъ! Тый чаловѣкъ злѣзъ доловъ и ўзявъ тро-

ху хлѣбца. Тоды сивянькій старичокъ поѣхывъ, за имъ побѣгли и вовки, а чаловѣкъ пошовъ у дворъ. Вотъ енъ пришовши, накормивъ гэтымъ хлѣбомъ дзяцей, самъ подъѣвъ, а хлѣба ўсё однаково, ўсе ня ўбываецъ. И бывъ гэтый чаловѣкъ дужо бѣдный. Вотъ енъ пошовъ къ быгатому сусѣду и кажецъ: «будземъ обѣдыць, твоя страва, а мой хлѣбъ!»—Будземъ сабѣ. Идзѣ гэто ты такъ хлѣба набравъ?.... Сѣли обѣдыць. Ѣли, ѣли, а хлѣба усе ня ўбываецъ. Вотъ быгатый сусѣдъ и приставъ къ гэтому, бѣдному: идзѣ, ды идзѣ ты узявъ такого хлѣба? Тый яму ўсе и рызсказавъ. Зыхоцѣлось быгатому такого хлѣба. «Пойду и я сяду на сосну!» Пошовъ и сѣвъ на сосну. Стали собиратца вовки. Ажъ идзецъ сивянькій старичокъ на сивянькимъ конику и ставъ раздаваць вовкамъ сивянькій хлѣбъ. Усимъ давъ, а одному не давъ. Тоды гэтый вовкъ кажецъ: а мнѣ?—А табѣ того, што на соснѣ сядзиць! Полѣзли тоды вовки на сосну, достали того быгатаго и раздзерли.

Д. Новоселки, латыгов. вол., сѣнн. у.

Подъ названіемъ: «Волкъ дурень» у Афан. (в. IV стр. 50) помѣщена сказка о волкѣ, откормившемъ старую собаку, и обманутомъ, затѣмъ, козломъ и свиньею Гораздо больше сходства имѣетъ наша сказка съ нѣмецкою «Счастливый день волка» (Des Wolfes glücklicher Tag). Волку, лежавшему въ берлогѣ и не думавшему выходить въ тотъ день на промыселъ, лиса сказала, что сегодня для него счастливый день Волкъ на основаніи этихъ словъ вышелъ. Первая встрѣча его была съ ворами, несшими *сало*. Увидѣвъ волка, воры бросили сало и убѣжали. Волкъ однакоже не ѣлъ сала, т. к. былъ натощакъ и боялся цѣлый день мучиться жаждой. Затѣмъ, онъ встрѣтился съ кобылой, съ свиньею, съ двумя козлами и съ стадомъ овецъ. Всѣ ему льстили и всѣ его жестоко обманывали. Въ довершеніе всего, возвратившись вечеромъ къ тому мѣсту, гдѣ было оставлено утромъ сало, онъ не нашолъ его: сало было утащено лисою. См. Чубинск. 125.

13 Свинья и вовкъ.

Была у мужучка свиньня, ни хвора, ни больна. Повадзилась яна у овесъ, ўси цвяточки позьядала, ўсю соломку поломала. Почуло свинное вухо, што сыто свинное брухо. Идзецъ свиньня домой, ажны ляжиць вовкъ пыдъ мяжой. Свиньня и патаецъ: хто тутъ ляжиць, отъ мяне не бяжиць? Вовкъ свиньнѣ отвѣчаецъ: я тутъ, вовкъ, ляжу, отъ цябе не бяжу. Свиньня молилася, просилася, на ўколянцы становилася: ня ѣжъ мяне, вовкъ! Вовкъ свиньнѣ отвѣчаецъ: будецъ и табѣ, свиньня, конецъ! Свиньня яму отвѣчаецъ: я заўтра ўрани приду, дванатцаць поросятъ привяду! Не ставъ вовкъ боли свиньни слухаць: якъ узявъ яé за шарсцинку, якъ ударивъ объ мяжинку! Зьѣвъ свинку и помянувъ усю яè родзинку.

С. Рясна, сѣнн. у.

Ср. Афан. IV, 53 и 115 z. Въ III в. 22 то же произведеніе, въ редакціи Якушкина, съ съ присоединеніемъ разсказа о лисѣ и пѣтухѣ.

14. Собаки, кошка и мыши.

Жили ўмѣсци субаки и кошка. Поѣхали субаки у Вильню на судъ, а своè дворяньскія паперы отдали пухуваць кошцы: «кошачка, ты застаесься у доми хозяйкой:

пухувай наши паперы!»—Дóбро, кажецъ кошка: схуваю! Субаки отъѣхали, а кошка стала пераглядацъ паперы. Видзицъ—сусимъ яны сырыя, ажны позаплѣснѣли. Яна и положила ихъ перасушицъ на кóминъ. Дзѣ ўзялися мыши—и погрызли тыя паперы. Пріѣхали субаки зъ Вильни—нема паперъ: пропали двораньскія правы!.... Съ тыхъ-само поръ субаки ня любюцъ кошакъ, а кошки мышей.

С. Пустынки, сънн. у.

Собачій паспортъ Драг. 197.

15. Быкъ, парсюкъ, козелъ, гусакъ, и пятухъ.

Зимовье звърей.

Живъ сабѣ дзѣдъ изъ бабой, и бывъ у ихъ одзинъ сынъ-Иванька. Вотъ баба померла. А сынъ выросъ; и задумавъ енъ жанитца, и говорицъ: «тата, тата, жани мяне!»—Сынокъ, сынокъ, мяса нема!—«Тата, тата, бычка зарѣжъ!»—Сынокъ, сынокъ, —побѣгъ у лѣсъ.—«Тата, тата, жани мяне!»—Сынокъ, сынокъ, мяса нема!—«Тата, тата, парсючка заби!»—Сынокъ, сынокъ,—парсюкъ лычъ задравъ, и ў лѣсъ убѣжавъ.—«Тата, тата, жани мяне!»—Сынокъ, сынокъ, мяса нема!—«Тата, тата, козла зарѣжъ!»—Сынокъ, сынокъ—козелъ задравъ хвостъ, и ў лѣсъ ўтекъ.—«Тата, тата, жани мяне!»—Сынокъ, сынокъ, мяса нема!—«Тата, тата, гусучка зарѣжъ!»—Сынокъ, сынокъ—гусачокъ поляцѣвъ у лясокъ.—«Тата, тата, жани мяне!»—Сынокъ, сынокъ, мяса нема!—«Тата, тата, пятушка зарѣжъ!—Ну цыцъ, сынокъ, пятухъ па куросадни сядзицъ. Пойду, зарѣжу, и справлю табѣ, сынокъ, вясельля! Тольки надо пожъ найстрицъ!.... Найстривъ дзѣдъ ножъ и полѣзъ пятуха рѣзать. Пятухъ якъ увидзѣвъ дзѣда изъ нóжомь,—спужався: поднявся на крыльлихъ и ў лѣсъ поляцѣвъ. Дзѣдъ и говорицъ сыну: бѣда, сынулька!—«Бѣда, татулька! Што-жъ намъ дзѣлацъ, татулька?»—А што-жъ, сынулька: будземъ узнова скопинку наживацъ, будземъ узнова дзѣвочакъ выглядацъ!....

А быкъ, парсюкъ, козелъ, гусакъ и пятухъ собралиси ўкучу и пошли ходзицъ по лясу, шукацъ сабѣ яды. Ходзили яны, ходзили, настала ужо восень, стало спидзено. [1]) Вотъ быкъ и говорицъ: «будземъ хату ставицъ, ды будземъ запасоватца къ зимѣ зъ ядой!» Парсюкъ говорицъ: я ня буду хату дзѣлацъ: выкопаю я сабѣ ямку, наношу туды моху, назапасаю яблокъ, жулудовъ, добра и буду тамъ зимувацъ.—«А ты козелъ?»—А я буду по лѣси ходзицъ, кору глыдацъ; а ноччу залѣзу у дуплё, мнѣ и ладно будзецъ!..., —«А ты, гусакъ?»—А у мяне перья цеплое, я дзюбку у яго схуваю: и такъ неразимую.—«А ты, пятухъ?»—А мнѣ мѣста нямного треба, я й подъ ялиной перазимую... [2]) Вотъ и приходзитца одному быку строицъ хату. Нечаго дзѣлацъ: нацягавъ енъ лѣсу, посклавъ *ихъ* якъ-бы й хату, нацягавъ чащи, обклавъ ёй хату, и живецъ сабѣ. Вотъ настали лютэе морозы. Тоды парсюкъ и говорицъ: пойдутка къ быку проситца, кабъ пусцивъ перазимувацъ. Приходзицъ къ быку: быкъ, быкъ, пусци мяне ў хату!—«Ня пущу: ты у мохъ закопаесься, табѣ и такъ цёпло!» —Ну, дыкъ я возьму, поддзѣну лычъ подъ низъ, и хату обярну, ще й цябѐ задав-

лю. [3]) Спужався быкъ, хоця—не хоця пусцивъ парсюка у хату: ходзи, удвухъ весялѣй будзець жиць! На другій дзень приходзиць козелъ: быкъ› быкъ пусци мяне ў хату!—«Было и мнѣ помогчи строиць хату, я-бъ цябе и пусцивъ. А цяперъ зимуй у дуплѣ!»—Ну, коли ты мяне ня пусцишъ жиць у хату, дыкъ я разгонюся, удару рогами у сцяну и пробъю дзюрку: морозъ зайдзець, вотъ и табѣ сцидзено будзець! Нечаго дзѣлаць быку, пусцивъ енъ и козла у хату: «тутъ и тромъ *до* мѣста!» Вотъ приходзиць гусакъ: быкъ, быкъ пусци мяне у хату!—«Ня пущу, чаму не пособивъ строиць хаты!»—Ну, коли ты мяне ня пусцишъ у хату, дыкъ я дзюбкой выдзявбу чащу, выцягаю мохъ, и будзець табѣ сцидзено. Спужався быкъ, пусцивъ и гусака жиць у хату. Ажъ во подыходзиць и пятухъ: быкъ, быкъ, пусци ў хату!—«А што, ци подъ ялиной сцидзено? Хуць-ба, нечаго, пришовъ упередъ за ўсихъ проситца! А цяперъ нейдзѣ табѣ тутъ жиць! Пятухъ узнова почавъ проситца: быкъ, быкъ, пусци ў хату! —«Ня пущу!»—Ну, коли-шъ ты мяне ня пусцишъ, узлячу я ноччу на хату, и ўвесь мохъ разграбу на столи: духъ изъ хаты выйдзець, будзець и табѣ сцидзено!... Спужався быкъ, пусцивъ и пятуха. И стали яны жиць укучи упяцярыхъ. Тоды яны живуць сабѣ да поживаюць. Ажъ вó одзинъ разъ приходзиць мядзьвѣдзь: [4]) «хто тутъ живець?» Яны говоруць: быкъ, парсюкъ, козелъ, ды гусакъ, ды пятухъ.—«Пусциця мяне у свою хату!»—Ды нѣ, ня пусцимъ! Тоды мядзьвѣдзь стукнувъ у дзвери лапой, и проломивъ у дзверахъ дзюрку. Вотъ, козелъ ускочивъ на печь, парсюкъ подлѣзъ подъ печь, гусакъ узляцѣвъ на полицу, пятухъ на курчанину.... Вотъ, и приходзитца быку одному бóратца зъ мядзьвѣдземъ! Быкъ тоды, ничого не говоручи, якъ мядзьвѣдзь на порогъ—дыкъ енъ яго рогами, ды къ сцянѣ и прицисныв. Тутъ и козелъ, соскочивши съ печи, ды рогами ў плечи! а парсюкъ съ упуга мядзьвѣдьзя за пузо! а гусакъ съ полицы—выскубъ побочницы! а пятухъ ходзиць по курчанини ды кричиць: кудакъ-дакъ-дакъ! кудакъ-дакъ-дакъ! Чуць вырвався отъ ихъ мядзьвѣдзь. [5]) Сустрѣкаець яго стадо вовковъ: идзѣ ты, мядзьвѣдзь, бывъ?—Ой, братцы, уцекайця скорѣй у лѣсъ! Тутъ усялились нѣйкіе людзи. Якъ увыйшовъ я къ имъ у хату, одзинъ стоиць ли порогу: якъ схопиць вилки—прицисныв мяне къ сцянѣ, а ни повярнутца! А другій схопивъ топоръ, ды давай мяне по плечахъ обухомъ осаджавацъ! А третьцій абцугами чуць кишакъ мнѣ ня выпусцивъ; а чатвертый напаливъ шпэнтыль—уси боки попрокалувавъ! А пятый ходзиць по бальцы у красной шапцы, ззаду кривая шабля, ды кричиць: подайця яго суды, подайця яго суды! Дóбро, што я ўцекъ: ня вѣдаю, што-бъ енъ со мной здѣлавъ, можа-бъ и зарѣзавъ.....

Д. Мигулино, сѣнн. у. Отъ мѣщ. Ермоловича.

Варіанты: 1) Въ с. Лугиновичахъ, сѣнн. у. сказка начинается такъ: «Живъ сабѣ дзѣдъ да баба. И бывъ у ихъ сынокъ. Тоды енъ выросъ большій; вотъ бацька захоцѣвъ яго жаниць. Пошовъ енъ рѣзаць быка. Тольки пришовъ у хлѣвъ—а быкъ уцекъ. Енъ пошовъ барана рѣзаць; тольки у хлѣвъ—баранъ уцекъ. Енъ тоды узявъ пятуха рѣзаць—и пятухъ уцекъ. Нѣякъ жаниць сына!» Въ д. Бутримовѣ, островен. вол. того-же у. «Пасвився на лугу быкъ, увидзѣвъ кыло лозы туманъ и спужався: уздумалось яму, што ето земля и выда гориць. «Побягу-тквы я ны край свѣта!» Задравъ хвостъ, якъ пара, побѣгъ. Сустрѣвся яму быранъ: куды ты, быкъ, бягишъ?—«А вотъ, у нас выда и земля гориць: я бягу на край свѣта!» Пойду и я съ тобой!—«Ходзи!» Пошли удвоихъ. Идуць, идуць—

сустрѣвся имъ ваперъ: куды вы бяжице?—«На край свѣта: приходзилыся намъ згорѣць—у насъ земля и выда горицъ! чуць мы уцякли!» Пойду и я зъ вами!—«Ходзи!» Побѣгли утрехъ. На дорози сустрѣлыся имъ гусина: куды вы бягице?—«На край свѣта: у насъ выда и земля горицъ; скорѣй бяги зъ нами!» Вотъ и побѣгли яны учетвярыхъ. Бягуць, бягуць а на сустрѣчу имъ пятухъ: куды вы бягице?—«На край свѣта: у насъ выда и земля горыцъ; ходзи скорѣй зъ нами, а то згоришъ!» Пятухъ и пошовъ зъ ими. Ишли, ишли, началася зима. Бык и говорицъ: ну, тутъ зима: зямлѣ нѐякъ загорѣтца. Будземъ строиць хату ды жиць тутъ: усе ро́вно дальше неякъ ици,—сцидзено! Нихто ня хочець строиць хату и т. д. 2) А ты, гусакъ ды пятухъ?—А мы тожъ ня будземъ хаты строиць: днемъ мы поляцимъ у гумно, наядзимся добра, а на ночь забяромся на ель, и будзецъ намъ ладно! 3) Настали морозы. Тоды парсюкъ и говорицъ козлу, пятуху и гусаку: пойдземъ къ быку проситца, кабъ пусцивъ насъ къ сабѣ пѐразимувацъ! Вотъ яны нырадзилиси и пошли. Подыйшовъ перво парсюкъ: быкъ, быкъ, пусци мяне къ сабѣ у хату!—«Ня пущу!»—Ну, дыкъ я возьму, проточу нору къ табѣ у хату и будзецъ табѣ холодно, и т. д. 4) Ночьчи, только яны заснули, приходзицъ вовкъ. 5) Били яны, били мядзьмѣдзя,—забили! Пузу разодрали, кишки выпусцили, выскубли яму боки, выклювали воки.... Вотъ парсюкъ выкопавъ яму, мядзьмѣдзя поховали, и пѣсню по имъ отпіяли» На этомъ сказка оканчивается.

Ср. Афан. IV стр. 66. См. Садовник. 173.

16. Гусакъ, медвѣдь, вовкъ, лисица, кабанецъ.

Звѣри въ ямѣ.

Живъ сабѣ дѣдка да бабка, и бывъ у ихъ гусакъ. Пошовъ гусакъ у Кіявъ Богу молитца. Ишовъ енъ, ишовъ, бягитъ мядвѣдь: «гусакъ, гусакъ, куды ты идешъ?» —Пойду у Кіявъ Богу молитца!—«Пойду и я съ тобой?»—Иди, да не п...и! Вотъ идуть удвоихъ. Бягитъ вовкъ: «гусакъ, гусакъ, куды ты йдешъ?»—Пойду у Кіявъ Богу молитца!—«Пойду и я?—Иди, да не п...и! Вотъ идуть утроихъ. Бягитъ лисичка-сяcтричка: «гусакъ, гусакъ, куды ты йдешъ?»—Пойду у Кіявъ Богу молитца!—«Пойду и я съ тобой?»—Иди, да не п...и! Вотъ идуть учетвярыхъ. Бягитъ кабанецъ: «гусакъ, гусакъ, куды ты йдешъ?»—Пойду у Кіявъ Богу молитца!—«Пойду и я?»—Иди, да не п...и! Вотъ идуть упятехъ. Ишли, ишли яны, пройшли много, стоить ровъ широкій—глыбокій. Стали яны пераходить: гусакъ поднявся—и пералятѣвъ, и пошовъ сабѣ даляй; мядвѣдь разогнався—да ў ровъ. Вовкъ разогнався—да ў ровъ. Ахъ, ты, вовчища-дурачища, кажа лисица: во якъ я побягу, дакъ и пераско́чу! Якъ побѣгла, да ў ровъ. Кабанецъ разогнався—и той туды полятѣвъ. Сядѣли яны, сядѣли у рови, захотѣли ѣсти. Лисица и говора: ну, хто старѣй, того и будомъ ѣсти! Кабанецъ кажа: мнѣ отъ родовъ да пять годовъ. Вовкъ кажа: мнѣ отъ рода̀ чатыре года̀. Мядвѣдь кажа: мнѣ отъ рода̀ да три года̀. А лисица кажа: мнѣ отъ рода да два года. Вотъ узяли и стали кабанца ѣсти. Послѣ узялись за вовка̀. А лисица выкопала ямочку, и нахoвала у ямочку кишакъ. Зъѣли вовка; лисица, сѣдя на ямочцы, тягая съ подъ сябѐ кишки да ѣсть. А мядвѣдь прося: лисичка-сяcтричка! дай и мнѣ хоть одну кишачку! А лисица кажа: ахъ, ты мядвѣдища-косолапища! Ты жъ бачишъ, якъ я лапой тягаю зъ живота. Вотъ возьми, да лапой, самъ съ сябе тягай да й ѣжъ! Мядвѣдь послухавъ, лапой кишки зачарепивъ, и тягня, да самъ сябе и разорвавъ, и

здохъ. Лисица яго и зъѣла. А посли и нечаго ѣсти. Вотъ яна и пошла по рову. Бача, стоити дубъ; на тымъ дубу дятлипое гнѣздо. Лиса и кажа: дятелъ, дятелъ, выдовбай мнѣ лѣсвичку, дыкъ ня буду твоихъ дѣтокъ ѣсти; а коли ня выдовбаешъ, дыкъ узлѣзу, да дятей поѣмъ. Вотъ дятялъ довбавъ, довбавъ, выдовбавъ лѣсвичку; дыкъ лисица полѣзла по лѣсвицы, да й поѣла дятлиныхъ дѣтокъ, а оттуль изъ рова выскочила.

Гомельск. у.

Варіантъ рогач. у. «Жили сабѣ дѣдъ да баба. Дѣдъ ходивъ у лѣсъ за промысломъ, а баба была дома, пякла пироги. Вотъ разъ дѣдъ знашовъ у лѣси викаго кабанчика и принесъ яго домовъ. Подержали яны кабанчика у дворѣ нядѣли двѣ, енъ и привыкъ къ двору. Отъ, стали яны яго у лѣсъ пускать жолудовъ ѣсти. Енъ урани побягить, а на ночь домовъ прибягить. Разъ, такъ бягить енъ у лѣсъ, ажъ сустрѣкая яго сѣрый вовкъ: «кабанчикъ, кабанчикъ, я тябе хочу зъѣсть!» —Ня ѣжъ мяне, сѣрый вовкъ, лучьчи ходи со мной у лѣсъ: залятѣли тамъ гуси зъ дяревни, коло тыхъ поживисься. Вовкъ повѣривъ, и побѣгли яны удвухъ съ кабанчикомъ. На дорози бывъ тамъ ровъ. Кабанчикъ-жа зная ровъ; вотъ енъ разогнався и пераскочивъ, а вовкъ и упавъ у ровъ. Кабанчикъ и кажа: тутъ тяп рь поживись! Самъ побѣгъ у лѣсъ, наѣвся жолудовъ и вярнувсь домовъ. На другій день сустрѣкая яго лисичка-сястричка: «куды ты йдешъ, кабанчикъ?»—У лѣсъ. «Зачимъ?»—Жолудовъ ѣсти.—«И я съ тобой пойду?»—Ходемъ! Тольки доходять яны до рова; кабанецъ скокъ—и пераскочивъ, а лисичка у ровъ къ вовку! Кабанчикъ наѣвся жолудовъ и вярнувсь домовъ. На третьтій день сустрѣкая яго заяцъ: куды йдешъ, кабанчикъ?—У лѣсъ, жолудовъ ѣсть.—«Возьми и мяне съ собой!»—Ходемъ! Подыйшли къ рову, заяцъ и ввалився у ровъ. Стало ихъ тяперъ тамъ троя: вовкъ, лисица и заяцъ. Жили яны, жили, и нечаго было имъ ѣсти. Вотъ лисица зъ зайцомъ зговорились задушить вовка, якъ енъ заснеть. Якъ уздумано, такъ и здѣлано: задушили вовка и зъѣли. Тоды лисица задушила зайца, и осталась одна....» Окончаніе: «Якъ тольки лисица выпрыгнула зъ рова, а я зъ за куста, да лисицу и убивъ! И тяперъ яще ё у мяне воротникъ зъ яѐ!...»

Весьма сходная съ этою сказка помѣщена у Афан. III, 77. См. также примѣч. къ сказкѣ № 2 «Жоронцы» и слѣдующій №.

17. Лиса и дроздъ.

Коли бывъ сабѣ котокъ у хозяина. Якъ молодый бывъ-то ў клѣць, то ў стопку, якъ постарѣвъ, на печку сѣвъ. Тоды думыецъ хозяинъ: штозъ имъ робицъ? Отрѣзавъ крайчикъ хлѣба и выправивъ зъ двора. Вотъ котокъ ишовъ, ишовъ; сустрѣкаецъ яго лисица: «котокъ—голубокъ, куды йдзешъ?»—Къ спорядзи.—«Возьми мяне съ собой!» —Лѣзь у задъ! Идуць яны удвоихъ. Бяжицъ зайчикъ: «котокъ,-голубокъ, куды ты идзешь?»—Къ спорядзи.—«Возьми мяне съ собой!»—Лѣзь у задъ! Идуць яны утроихъ. Бяжицъ вовкъ: «котокъ-голубокъ, куды ты идзешъ?»—Къ спорядзи.—«Возьми мяне съ собой!» Лѣзь у задъ! Пошли яны учецьвярыхъ. Идуць яны, идуць, и сустрѣкаюць яму. Черазъ яму ляжицъ ко́личакъ. Тоды котокъ и говорицъ: вылѣзайце-тка, тутъ наша споведзь! Хто ня грѣшный, тэй пярѐйдзецъ яму, а хто грѣшный, тэй не пярѐйдзецъ! Котокъ пошовъ-перайшовъ; лисица пошла-увалилася, заяцъ пошовъ-увалився, вовкъ пошовъ-увалився. Вотъ сядзѣли, сядзѣли яны тамъ три дни, а высидзѣли злыдни, и захоцѣли ѣсци. Тоды лисица и говорицъ: «хто крапчѣй крикнецъ, того

зъядзимъ! Зайчикъ тольки писнувъ, яго й зъѣли. А лисица хитрая молодзица, кишачки подъ задъ, сядзиць и ѣсць. Вовкъ убачивъ и спрашыець: «кумка-голубка, што ты яси?»—А кумокъ-голубокъ, кишачки съ сябе таскаю и ў сябе пускаю.—«Кумка-голубка, скажи, якъ ты гето здзѣлала?»—А я, кумокъ голубокъ, лапой пузо продрала. Тоды вовкъ продравъ сабѣ пузо и здохъ. Лисица и яго изъѣла. Ажъ ляциць дроздзикъ. Лисица и говориць: «дроздзикъ-гвоздзикъ, вызволь мяне!»—А якъ жа я цябе вызволю?—«Возьми, накидай хворосту, я и вылязу!» Дроздъ такъ и здзѣлавъ. Лисица вылѣзла, тоды и говориць: дроздзикъ-гвоздзикъ, вызволивъ ты мяне?—Вызволивъ.—«Накорми-жъ ты мяне!»—А якъ я цябе накормлю?—«Вонъ, идзець баба на хрезьбины, нясець миску блиновъ и миску каши. Ты ўсе передъ ей летай: яна поставиць миски и станець цябе ловиць, я и подъѣмъ. Дроздъ такъ и здзѣлавъ. Подъѣла лисица и кажець: «дроздзикъ-гвоздзикъ, вызволивъ ты мяне?»—Вызволивъ.—«Накормивъ ты мяне?»—Накормивъ!—«Напой-жа ты мяне!»—Якъ-жа я цябе напою?—«А вонъ мужуки вязуць бочки съ пивомъ. Ты ўзляци на бочку, ды ўсе у воронку дзювбай. Мужикъ схваціць колъ, ударить не по табѣ, а по бочцы. Бочка разобъетца, тоды я напъюся!» Дроздъ такъ и здзѣлавъ. Напилась лиса и говориць: «дроздзикъ-гвоздзикъ, вызволивъ ты мяне?»—Вызволивъ.—«Накормивъ ты мяне?»—Накормивъ.—«Напоивъ ты мяне?»—Напоивъ.—«Разсмяши-жъ ты мяне!»—Якъ-жа я цябе разсмяшу? «А вонъ, на току баба зъ дзѣдомъ горохъ молоцюць. Ты узляци и дзявби въ голову то баби, то дзѣду. Дзѣдъ разсердзитца, схваціць цѣпь, ды ударить не по табѣ, ды по баби, и забъець бабу, а я зысмяюся!» Дроздъ такъ и здзѣлавъ.

Сѣнн. у.

Ср. Аф. IV, 78. Садовник. 176.

18. Мужикъ, медвѣдь и лиса.

а, Оравъ на поли мужикъ воломъ, и волъ гэтый бывъ дужа тупый. Тоды мужикъ усердзився на вола и кажець: «гнѣдзь! коли-бъ цябе задравъ мядзьвѣдзь!» Ашъ изъ лѣсу и валиць мядзьвѣдзь, и хочець драць вола. Мужикъ тоды кажець: «дай доʼраць мяжу! А ты идзи, ды тамоцьки зы мяжой поляжи!» Мядзьвѣдзь пошовъ и лёгъ. Тольки ёнъ легъ, ашъ бяжиць изъ лѣсу лисица, ды й кричиць: мужикъ, мужикъ! ци ня видзѣвъ ты вовковъ—мядзьвѣдзёвъ—паны ѣхали, паталиси?... Мужикъ кажець: нѣ, ня видзѣвъ!—А што гэто тамъ зы мяжой ляжиць? Мужикъ кажець: колода на лучину!—Кабъ гэто колода на лучину была, дыкъ яна бъ подъ возомъ лежала! Тоды сама и побѣгла ў лѣсъ. Вотъ мядзьвѣдзь и кажець мужику: подцягни мяне пыдъ колёсы! Мужикъ узявъ ды подцягнувъ, а самъ пошовъ орaць. Тоды лисица узновъ бяжиць и кричиць: мужикъ, мужикъ! Ци ня видзѣвъ вовковъ—мядзьвѣдзевъ—паны ѣхали, паталиси?... Мужикъ кажець: нѣ, ня видзѣвъ!—А што гэто у цябе подъ возомъ ляжиць?—Гэто колода на лучинў, кажець мужикъ.—Кабъ гэто была колода на лучину, дыкъ бы яна была ўциснута на возу! А сама и побѣгла у лѣсъ. Мядзьвѣдзь и говориць мужику: уцисни мяне вяровкой на возу! Мужикъ узложивъ яго на возъ и ўциснывъ вяровкой. А самъ пошовъ орaць. Тоды лисица узновъ бяжиць: мужикъ, му-

жикъ! ци ня видзѣвъ ты вовковъ—мядзьвѣдзевъ—паны ѣхали, паталиси?...—Нѣ, ня видзѣвъ!—А што-шъ гэто у цябе на возу ляжиць?—Колода на лучину!—Коли-бъ гэто была колода на лучину, дыкъ яна-бъ была завертой заверчена! Ды сама и побѣгла. Мядзьвѣдзь кажець мужику: завярци мяне завертой! Мужикъ яго и завярцѣвъ, ды такъ, што мядзьвѣдзю неякъ и дыхаць! Тоды лисица узновъ бяжиць: мужикъ, мужикъ! ци ня видзѣвъ вовковъ—мядзьвѣдзевъ—паны ѣхали, паталиси?... Мужикъ кажець: нѣ, ня видзѣвъ!—А што гэто у цябе па возу ляжиць?—Колода на лучину, кажець мужикъ.—Кабъ гэто была колода на лучину, дыкъ бы ў ёй топоръ бывъ ущемленъ! Ды сама и побѣгла у лѣсъ. Тоды мядзьвѣдзь кажець мужику: ущами ў мяне топоръ! Мужикъ узявъ топоръ, ды сы ўсяго размаху и ўщамивъ яго у мядзьвѣдзя, и засѣкъ! Тоды лисица прибѣгла и кажець: ну, цяперъ-жа дай мнѣ госцинца, я цябе отъ мядзьвѣдзя отретовала!—Добро, кажець мужикъ: дамъ госцинца! Подожджи тутъ трошку! Пошовъ у дворъ, узявъ два собаки—шарка и бѣлка—посадзивъ ихъ у лубку, прикрывъ дзярушкой и понёсъ. Донесъ до лисицы: на табѣ курей! Лисица кажець: давай! Пущай по днэй: я половлю! Тоды мужикъ открывъ дзярушку, собаки выскочили изъ лубки, ды за лисой. Яна ўцекаць, ды ў пору. Прибѣгла и хакаець—заморилася! Тоды яна стала пытаць: вы, вочи, што дзѣлыли, якъ я отъ собакъ уцекала?—Глядзѣли!—А вы, вуши?—Мы слухали!—А вы, ноги, што дзѣлыли?—Бѣгли! —А ты, хвосцища-дурнища, што дзѣлавъ?—А я ўсе то за пень, то за колоду цапався, кабъ скорѣй лису собаки ўловили.—Ахъ, ты плутъ! я-шъ цябе за гэто отдамъ собакамъ! Вытыркнула хвостъ изъ норы ды кажець: шарко, бѣлко,—наце хвостъ! А собаки цапъ за хвостъ, ды лису и выцягли зъ норы.

С. Лугиновичи, сѣнн. у.

Въ островен. вол. сказка начинается такъ: Ѣдзець мужикъ у дровы, съ тыпоромъ и вярёвкый. Сустрѣкаець енъ медзьвѣдзя. Медзьвѣдзь етый бѣхъ хыватца отъ лисицы.—Вотъ и кажець енъ мужику: схывай, мужикъ, мяне отъ лисицы!—Ды некуды мнѣ, кажець мужикъ.—Ну, я лягу ны твоѐ сани, а якъ прибягиць лисица и будзець пытаць, што ты вязешъ, дыкъ скажи—колоду. Вотъ и бягиць лисица..... и т. д. Въ этомъ изложеніи, непонятно, за что лисица требовала гостинца. Ср. Аѳан. I, 27, II, 28.

Считаемъ нужнымъ привести слѣдующій варіантъ, записанный въ *с. Озєранахъ, рогачевск. у.*

6. Жиў суби дзидъ изъ бабой. И була у ихъ удна́ рада. Дзидъ кажа баби: худзѐмъ, баба, купаць (копать) лядо! А баба кажа: я нядурова, у мяне булиць гулува! Дзидъ узёў да и пушоў удзинъ, и дувóй купаць лядо. Трошки пукупóў—идзе мядзьвидзь и пытаетца: «дзидъ, шту ты дзилаешъ?»—Лядо купаю.—«А што ты будзешъ сіяць?»—Просо.—«Дувай, дзидъ, съ тубой купаць!»—Дувай! Дзидъ люгъ (легъ) пудъ кусцикъ, а мядзьвидзь и дувай купаць лядо. Ускупоу мядзьвидзь лядо. Дзидъ устоу, пусіяў просо. И пурусло просо хурошое. Пріихуў уже дзидъ жаць просо. Идзець мядзьвидзь: «будумъ, дзидъ, дзялиць просо!»—А будумъ, мишка! Што жъ ты саби, мишка, вузьмешъ? Мишка яму и кажа: «вузьму саби кумли, а таби, дзидъ, вяршки.» Дзидъ намулуциў каши, а мядзьвидзь навуриў курэнья и пузвавъ къ саби дзида: «дзидъ, худзи пуспытóй муйгó курэнья!» Дзидъ пришоу и пулядзиу на яго курэнья: эй, мишка, твуѐ курэнья нияхурошое. Худзи ку мни, пуспытой муѐ каши! Мишка пришоў и пус-

пытоў дзидувы каши. «Ну, дзидъ, такъ! твуя каша смашнаа. Дыкъ ты, дзидъ, мяне пудманиў!» На другій гудъ пусіяў дзидъ рэпы на мишкувымъ лядзи. Приходзя мядзьвидзь: «дзидъ, шту ты пусіяў?»—Рэпы! Пурусла рэпа добрая.—Ну, мишка, што будзешъ брацъ? А мишка утвищаа: «няхай таби, дзидъ, будуцъ уже кумлюшки, а мни вярхушки!»—Ну, миша, дыкъ скручуй вярхушки! Мядзьвидзь узёў, вярхушки путрывоў, а дзидъ рэпы накупоў. Кули (коли) дзидъ навуривъ рэпы и празвавъ мядзьвидзя: мишка, пукушай-ка муѐ рэпы! Миша рэпы пуспытоў, шту смашна. Тоды зувецъ къ саби дзида. Привюў (привёвъ) дзида, дзидъ и ня хуча й исци гетыя лисьця. «Ну, шту жъ ты, дзидъ, не яси?»—А, мишка: ня смашнаа твуя рэпа.—«Дакъ я видую, дзидъ, ты хитрый: мяне ўже два разы пудманиў. Цяперъ я цябе ўбъю!» А дзидъ прусится ў яго: дай жа мни хуцъ рэпу паравезци думоў! Мядзьвидзь каа: ну, ступой! Дзидъ узёў и пушоў. Идзецъ, и гулуву пувисиў. Бяжицъ лисичка на ўстричу къ яму и пытоетца: «шту ты, дзидъ, скушанъ?»—Ай мувчи, лисица: сіяли мы зь мядзьвидземъ рэпу, дыкъ я яго пудманиу. Дыкъ юнъ мяне хуча и ўбицъ.—«Цыцъ, дзидъ: я цябе пуратую. Кули будзешъ ты ихацъ исъ кунюмъ (конёмъ), то доидзешъ до гетаго миста, и гукни мяне!» Дзидъ запругъ дума куня, узёў съ субой тупоръ и вужки, и пуихаў. Прінжжаа ду туго миста, дзи стуяла лисичка. «Ну, лисица-сястрица: худзи ку мни, рускужи, што мни дзилацъ?» Лисичка прибигла и каа дзиду: «акъ будзешь ты ихацъ и выйдзя къ таби мядзьвидзь, и ты скажи яму: ну шту? ты хучашъ мяне убицъ! Дыкъ лужися на кулюсы, я цябе пувязу думоў у госци! И тоды якъ доидзешъ до гетаго миста, гукни мяне. И я буду сядзицъ за кустомъ и пупытоюся: чулувича, чулувича, шту ты вязешъ? А скужи, шту пня. А скужу: кули пень, дыкъ будзя увязанъ. Дыкъ ты вузьми, ды ій увяжи вужками. Ище жъ: кули пень, дыкъ и тупоръ будзя тырчацъ. Мядзьвидзь таби скожа: утыркни тупоръ! Дыкъ ты ня торкай узъ-бокъ, а сячи прямо у пузо!» Ту, шту лисичка гувурила, усю (все) туе дзидъ споўниў: зарубіў мядзьвидзя. Пудбягая къ яму лисичка: ну шту, дзидъ: засикъ мядзьвидзя?—Засикъ, спусибу таби!—Шту жъ ты мни даси за гето?—Я жъ ня видую, лисичка, шту таби дацъ.—Привязи ты мни к°рубъ курэй, утъ на такую ту пулянку!... Дзидъ прінхуў думоў. Ну, баба, каа: мядзьвидзя я зусикъ!—Якъ жа ты яго зусикъ?—А мяне паўчила лисица, якъ дзилацъ. Цяперъ, баба, пушію таби шубу цюплую, а мéсо пуядзимъ. И звалили мядзьвидзя съ кулюсъ. Ну, баба, няхай жа мядзьвидзь пуляжицъ! Узёў кóрубъ, пуст°виў па кулюсы, и усадзиў туды двохъ субакъ. Баба пытаетца ў яго: шту гето ты, дзидъ, дзилаешъ!—Мувчи, баба: лисица прусила курэй. Я вутъ пувязу двохъ субакъ, дыкъ пуймаю и лисицу!—Ну, дзидъ, кули пуймаешъ лисицу, тоды я цябе пуцулую!—Ну, баба, некули мнѣ съ тубой гувурыцъ, пуиду ўже. Пріижжаа на пулянку и гукаа: «лисица-сястрица, худзи сюды! Привюзъ таби кóрубъ курэй.» Лисичка прибигла и стала пусярудъ пуляны. Дзидъ каа юй: чо жъ ты тамъ стала?—А пуск°й, каа, курэй, дыкъ я буду и лувицъ.—«Ни, ты худзи къ самымъ кулюсамъ, дыкъ я таби буду пускацъ пу 'дной»—Ни, дзидъ, буюсь, кобъ ты мяне не пудманивъ.—«А ня буйся!» Пудыйшла лисица къ кулюсамъ. Дзидъ пуднявъ кóруба, выскучили два субаки, и пубигли за лисицуй, ды такъ прижоли, шту насилу лисица ўцякла у нóра. Субаки усталися куля нора. Яна у норы и гувора: «вочки,

шту вы бачили?»—А мы лядзили, кобъ хутчій уцекци у нора.—А вы, вушки, шту чули?»—А мы слухали, ци далёко субаки усталися, кобъ хутчій у нора уцекци.— «А вы, нужки, шту дзилали?»—А мы вельми хутко бигли, кобъ уцекци у нора.— «Ну а ты хвусцища-дурнища, шту ты дзилаў?»—А я ту за пень, ту за кулоду, кобъ скурэй субаки пурвали.—«Ну, хвусцища, утдамъ жа субакамъ. Субаки, наця хвустъ!» И ўзяла, и высудзила (высадила) зъ нора. Субаки ўзели за хвустъ, задушили, и поцягли икъ самому дзиду и лисицу. Дзидъ усклоў лисицу на кулюсы и пувюзъ думоў. Кули пріихувъ думоў, ту крикнуў: эй, баба, выйдзи сюды! Пулядзитку, вязу лисицу. Пушію таби цюплыя чарувики! Баба узяла, дзида пуцулувала три разы. Узели и облупили лисицу; шкурку пувисили сушиць, а месо выкинули за плутъ. «Ну, баба, дувай жа лупиць мядзьвидзя!» Узели, облупили мядзьвидзя, шкуру утдали у выдзялку, а месо пурубили и на 'бидъ навурили. Пузвали и мяне туды, и я пуспробувавъ мядзьвидчаго меса, шту вельми смашно. Я принюсъ цылую кварту гурэлки. Выпили мы ды й рузыйшлися.

Крестьян. Антонъ, 65 лѣтъ, неграмотный, слыветъ знахаремъ. Говоръ медленный, по слогамъ, при полузакрытомъ ртѣ. Записано мною.

20. Лиса—католичка.

Ишла сабѣ лисица, знайшла говядзину поджарануую и жалѣзо наведзеное. Догадалась яна, што гэто яе хочуць зловиць, и не потрогала мяса. И пошла дальше. Сустрачаець яна мядзьвѣдзя. «Кумокъ-голубокъ, ци снѣдавъ ты сягоньни?»—Нѣ, кумка-голубка, кажець мядзьвѣдзь: ня злучилось!—«Ну, ходзи-жъ, я цябе завяду у водно мѣсто,—славное сняданьня будзець! Сама бъ зьѣла, ды сягоньни серада, мнѣ нялзя ѣсць: я католичка»—Спасибо, кумка-голубка, ходземъ! Вотъ лисица и подвяла мядзьвѣдзя къ тэй говядзини. Якъ тольки ёнъ сунувся къ ёй, такъ яго жалѣзо й обхвацило и подняло ўгору. Лисица тоды узяла говядзину и ѣсць. А мядзьвѣдзь и кажець: кумка-голубка, табѣ жъ серада!—«Э, кумокъ-голубокъ, нехай той серадзиць, хто ўгору глядзиць!»

С. Ульяновичи, сѣнн. у. Запис. С. М. Космачевская.

21. Лисичка-сестричка, заяцъ, вовкъ и медвѣдь.

а, Живъ дзѣдъ ды баба. У дзѣда бывъ пятушокъ, а у бабы курка-рабушка. Пошли яны на шуметничакъ. Пятушокъ дзѣдовъ копався, копався на шуметничку, и выкопавъ бобинку. Курка бабина копалася, копалася и выкопала горошинку. Понясли яны гето добро у дворъ. Пятушокъ свою бобинку отдавъ дзѣду, а курычка свою горошинку—баби. Баба кажець дзѣду: посѣемъ гетыя зерни! А дзѣдъ кажець: нѣ, баба: треба ихъ змолоць, и спечь къ святу пирожокъ. Ну, и спякли яны пирожокъ. Баба положила яго на вокно, капъ енъ простыгъ, а унучцы кажець: пилнуй, сучка-унучка! Пирожокъ лежавъ, лежавъ на вокнѣ, ды скокъ на столъ!—Пилнуй, сучка-унучка! А ёнъ, полежавши, скокъ на лавку!—Пилнуй, сучка-унучка! Скокъ на зямлю!—Пилнуй,

сучка-унучка! Скокъ на порогъ!—Пилнуй, сучка-унучка! Скокъ за порогъ! и покацився по дорози... Увидзѣвъ яго заяцъ; гнався, гнався, а пирожокъ кажець: я—'тъ бабы ўцёкъ, я—'тъ дзѣда ўцекъ, отъ унучки ўцекъ, отъ сучки ўцекъ, отъ цябе ўцяку, и табѣ на..ру. И не догнавъ заяцъ пирожка. Увидзѣвъ яго вовкъ; гнався, гнався, а пирожокъ кажець: я—'тъ бабы ўцекъ, я—'тъ дзѣда ўцекъ, отъ унучки ўцекъ, отъ сучки ўцекъ, отъ зайца ўцекъ, отъ цябе ўцяку, и табѣ на..ру! И покацився. Увидзѣвъ яго мядзьвѣдзь и погнався. Гнався, гнався, а пирожокъ кажець: я—'тъ бабы ўцекъ, я—'тъ дзѣда ўцекъ, отъ унучки ўцекъ, отъ сучки ўцекъ, отъ зайца ўцекъ, отъ вовка ўцекъ, отъ цябе ўцяку, и табѣ на..ру! И ўцекъ отъ мядзьвѣдзя. Напослѣдыкъ увидзѣла яго лисица, и побѣгла за имъ. Енъ и тэй почавъ казаць: я—'тъ бабы ўцекъ, я—'тъ дзѣда ўцекъ, отъ унучки ўцекъ, отъ сўчки ўцекъ, отъ зайца ўцекъ, отъ вовка ўцекъ, отъ мядзьвѣдзя ўцекъ, отъ цябе поготови ўцяку, и табѣ на..ру! А лисица кажець: «ай, пирожокъ! Якъ твоя пѣсня пригожа! Али тое жаль, што я ня чую, бы ўжо стара. Спѣй ящо!» Пирожокъ тольки ставъ піяць, а яна подбѣгла ды и ухвацила. *) Ды узяла, мякишъ выѣла, а на мѣсто мякиша наклала туды пяску зъ гразьзю. Тоды пошла сабѣ дали. Идзець, ашъ пастухи пасцюць статокъ. Пришла яна къ пастухамъ, ды говорицъ имъ: пастушки, пастушки, вы мнѣ дайця бычка-третьцячка, а я вамъ отдамъ пирожокъ! Пастухи дали лисицы бычка-третьцячка, а лисица пастухамъ отдала пирожокъ. Отдала пастухамъ пирожокъ ды й говориць: ня ѣшця яго, покуль я зъ бычкомъ зайду за гору! Пастухи такъ и здзѣлыли. А лисица якъ тольки зайшла за гору, дыкъ скорѣй и повяла бычка-третьцячка у борокъ. Пришла у борокъ, ды й давай сабѣ сани сѣчь, сячець и приговарыець: сяку, сяку разъ! сяку, сяку два! сяку, сяку три! сяку, сяку чатыре! сяку, сяку пяць! сяку, сяку шесь! сяку, сяку семъ! сяку, сяку восемъ! сяку, сяку дзевяць! сяку, сяку дзесяць! и высякла сани [1]). Запрагла ў сани свойго бычка третьцячка, ды поѣхыла. Ѣдзець, ѣдзець, ажны бяжиць заяцъ: «лисичка,—сястричка, поѣду и я съ тобою?!»—Ахъ ты, косый заяцъ! ци ты ня видзишъ, што мой *конь* плошанькій, сани мое плошанькія, и сама я ѣду? Ну, али ѣдзь сабѣ! Садзися на сани! Поѣхыли яны удвоихъ. Ѣдуць, ѣдуць, ашъ бяжиць вовкъ: «кумка-голубка! пусци и мяне на санычки!»—Ахъ ты, вовчища-дурнища! ци ты ня видзишъ гэтаго, што мой *конекъ* плошанькій, сани моѐ плохѐя, и мы ўдвоихъ ѣдземъ? А ты ящо просисься у мяне ѣхыць! Ну, али ѣдзь сабѣ! Садзися на сани! Поѣхыли яны утроихъ. Ѣдуць, ѣдуць, ашъ бяжиць мядзьвѣдзь: «кумка-голубка, поѣду и я съ тобою ?!»—Ахъ ты, мишка-косолапый! Ци ты ня видзишъ, што мой *конь* плошанькій, сани моѐ плохея, и мы й такъ ужо утроихъ ѣдземъ? А ты ящо просисься со мной ѣхыць! Ну, али ѣдзь сабѣ! Садзися на сани! И поѣхыли яны ўчецьвярыхъ. Ѣдуць, ѣдуць, ашъ бяжиць лисъ: «лисичка-сястричка, поѣду и я

*) Вар. «Живъ дзѣдъ зъ бабой. Жили яны бѣдно, не було съ чаго хлѣба спечь. Вотъ пошли по міру ходзиць. Ходзили яны, ходзили и назбирали добра на цѣлый пирогъ. Вотъ пришовши у дворъ, спякли яны пирогъ, и положили яго на вокно простудзитца. Положили яны гетый пирожокъ простудзитца, а сами отвярнулися некуды. Ашъ прибѣгаець лисица. Ухвацила ихный пирожокъ и побѣгла».

1) Приговоръ: сяку просто, будзець криво! сяку просто, будзець криво!

съ тобой?»—Ци ты ня видзишъ, што мы и такъ ѣдземъ учецьвярыхъ? А *конь* мой плохей, сани моѐ плохея! Кабъ яще не поломалиси, якъ ты поѣдзешъ! Ну, али ѣдзь сабѣ, што дзѣлыцьǃ Садзися на сани! И поѣхыли яны упяцёрыхъ. Ѣхыли, ѣхыли, ажны сани тресьǃ и поломалиси. Яны ўси и позвалялиси доловъ! Устала лисица и давай сваритца: а што, ци я не казала: мое сани плохея, кабъ не поломалиси? Ажны такъ и ѐсь! А ўсё вы виноваты! ·Понасѣдало повны сани!.. Ну, али што дзѣлыцьǃ Надо думыць, ды гадаць, якъ-бы бяду поправляць!... Ну, али што тутъ довго думыць? Треба зайцу йци сани высѣкаць, бы ѐнъ первый просився ѣхыць!... Пошовъ заяцъ у лѣсъ сани высѣкаць. Сѣкъ, сѣкъ,—якъ принесъ, дыкъ одну розку бярозовую! Якъ начала жъ лисица на зайца сваритца: табѣ, косый заяцъ, нѣйдзѣ й лѣсу ня было! Идзи ты, вовкъ, сани сячи: ты сѣвъ услѣдъ за зайцомъǃ Пошовъ вовкъ у лѣсъ сани высѣкаць. Ходзивъ енъ, ходзивъ по лѣсу, покуль знашовъ тыки корчошку. Енъ узявъ и приносиць яѐ лисицы. Якъ начала лисица на яго сваритца: а ту, вовчища ты, дурнища ты! табѣ и лѣсу ня было! Якія гэто сани?.. Идзи ты, мядзьвѣдзь, сани высячи!... Пошовъ мядзьвѣдзь у лѣсъ сани высѣкаць. Вотъ енъ, якъ ишовъ, такъ и вырвавъ ѐлку, ды й волочець яѐ къ лисицы. Якъ приволокъ енъ къ лисицы, якъ пычала лисица яго ругаць: эхъ ты, мишка-косолапый! якія-жъ гэто сани?.. Идзи ты, лисъ, сани высячи! Пошовъ лисъ у лѣсъ сани высѣкаць. Ходзивъ енъ, ходзивъ, сѣкъ, сѣкъ, якъ высѣкъ—дыкъ палку ольховую. Якъ тольки принесъ лисъ палку ольховую, лисица давай на яго кричаць: «ци табѣ лѣсу ня было? Ну, самъ ты полядзи: якія-жъ гэто сани?... Приходзитца самэй ици сани высѣкацьǃ» Пошла лисица у лѣсъ сани высѣкаць; пришла ды говориць: сяку, сяку разъ! сяку, сяку два! сяку, сяку три! сяку, сяку чатыре! сяку, сяку пяцьǃ сяку, сяку шесь! сяку, сяку семъ! сяку, сяку восемъ! сяку, сяку дзевяцьǃ сяку, сяку дзесяцьǃ и высякла сани. Ну, а покуль яна сѣкла, заяцъ, вовкъ, мядзьвѣдзь и лисъ были ли бычка-третьцячка. Стояли яны, стояли, а потымъ узяли, ды кишки у бычка-третьцячка и выпусцили съ сярэдзины и поѣли. А тоды узяли ды соломой яго напхнули и подперли количками, кабъ не повалився. Ашъ привозиць лисица санычки. Запрагла у ихъ бычка-третьцячка, ды кажець: ну, садзицеси, поѣдземъ! Уссѣли яны на санычки. Лисица стала погоняць: нó, бычокъ-третьцячокъ! нóǃ А бычокъ-третьцячокъ а ни зъ мѣста. Кричала яна, кричала, нокала, нокала—ничого ня здзѣлыла! Вотъ яна и говориць зайцу: злѣзь ты, косенькій заинька, подгони бычка-третьцячка! Заяцъ, злѣзши съ санокъ, пошовъ наперадъ, ды давай кричаць: но! но! Нокавъ, нокавъ, кричавъ, кричавъ, ничого ня здзѣлывъ, не подогнавъ *коня*! Пошовъ тоды подгоняць *коня* вовкъ. Ёнъ такъ само нокавъ, нокавъ,—не подогнавъ *коня*. За вовкомъ пошовъ подгоняць мядзьвѣдзь косолапый. Тэй такъ-само нокавъ, нокавъ,—не подогнавъ *коня*. Пошовъ за мядзьвѣдземъ лисъ—и тэй не подогнавъ коня. Злѣзла тоды съ санычакъ сама лисица. Подыйшла яна къ бычку-третьцячку, ды давай узнова нокыцьǃ Нокала, нокала—ничого ня здзѣлыла. Коли яна глядзиць—ашъ у бычка-третьцячка зъ боку соломина стырчиць. Ухвацилась яна за гэту соломину, ды поцягнула, бычокъ-третьцячокъ тэй часъ и завалився! Полядзѣла яна-ашъ яѐ *конекъ*—бычокъ-третьцячокъ, соломый напхнутый!.. Дыгадалыся яна, што гэто здзѣлыли такъ заяцъ, вовкъ, мядзьвѣдзь, и лисъ, и задумала яна ихъ съ свѣту

страцидь... Пошли яны дали. Ишли, ишли, привяла ихъ лисица къ рацѣ. Не знаюць яны, якъ перайци имъ раку. Лисица тоды и говориць зайцу: зайчикъ, ты лёхкій мальчикъ: табѣ первому пераходзиць! Заяцъ, ня споривши, и поплывъ черазъ раку. Плывъ, плывъ, ды й утопився. Тоды ставъ пераходзиць раку вовкъ. Распусцивъ ёнъ своѐ лапы и перайшовъ. За вовкомъ треба пераходзиць мядзьвѣдзю. Плывъ, плывъ енъ, плывъ, плывъ-ды й утопився. Ставъ пераходзиць лисъ—и тэй утопився. Посли ўсихъ стала пераходзиць раку лисица. Яна сичасъ распусцила свой довгій хвостъ—и пераплула раку. Стала яна тоды думыць, якъ-бы тутъ страциць съ свѣту вовка. Али-тки надумылася: подружилась зъ имъ и покумилась нѣўкого. Вотъ, разъ, у дожджъ, вовкъ ходзивъ, ходзивъ, ды позяпъ. Идзець дорогой по лясу, и трасетца. Ажны идзець лисица. Радъ вовкъ ставъ, што убачився зъ лисицай: «Здорова ты, кумычка?»—Здоровъ, кумокъ!—«Ахъ, капъ ты вѣдала, якъ я позяпъ! Вотъ ужо третьцій дзень, якъ ищу кравца, капъ енъ мнѣ пошивъ армячокъ, абы кужушокъ, а то цяперъ дужо спидзѐно! Али вотъ нема нийдзѣ кравца!»—Во, кумочакъ! Я табѣ пошію кужушокъ; дай тольки мнѣ овецъ!—Ну, добро, кумычка! я табѣ принясу, скольки ты хочашъ овецъ!»—Ну, я тутъ у ельничку посяджу, а ты, братъ, скорѣй няси, а то, бываець, хто-нибудзь помѣшаець намъ!... Вовкъ побѣгъ скорѣй къ пастухамъ. Подкрадавався, подкрадавався, али-тки укравъ найлучьчую овечку, ды принесъ къ лисицы. Лисица сичасъ тутъ стала мѣрку знимаць: ай, кумочакъ, ящо-шъ много треба. Бяжи, ящо приняси овечку. Шиць, дыкъ шиць кожухъ ладный!... Вовкъ побѣгъ ящо овцу красци, а лисица скоренько овцу облупила, скуру повѣсила сушиць, а мясо скорѣй у свою нору занясла; ды прибѣгаець и кроиць. Ажны вовкъ нясець и другую овцу. Лисица и зъ гэтой такъ-само здзѣлыла; а вовка послала ще овецъ носиць. Носивъ, носивъ енъ, покуль лисица наклала повныя норы мяса. Тоды яна стала шиць вовку кужушокъ. Пошиць—пошила, тольки ня сыршила. Якъ принесъ вовкъ послѣднюю овечку, лисица яму и кажиць: ну, кумочакъ, я ўжо кожухъ пошила, тольки ящо ня сыршила. А ты, кумочакъ, идзи, ды выбяри найлѣпшаго коня.... Али ты будзешъ искаць довго коня; ходзи-тка, лучьче я табѣ покажу! Вовкъ и пошовъ за лисицай. А лисица завяла яго у хульварокъ, у паньскій садъ. У тымъ садзи навязанъ бывъ найлѣпшій паньскій конь. Якъ пришли яны у садъ, лисица и кажиць вовку: я цябе наўчу, якъ привесци гэтаго коня, бы енъ дужа здоровый: ты возьми яго за вяровку, ды конецъ вяровки закруци на шію сабѣ, а то енъ, бываець, вырветца ў цябе. А я табѣ буду яго подгоняць. Вовкъ такъ и здзѣлывъ: енъ узявъ вяровку, закрунивъ коло шіи, ды й завязавъ. Тоды лисица якъ распусциць свой довгій хвостъ, ды якъ кинетца къ коню.... А конь якъ спужаетца, ды якъ побяжиць съ-пуду по полю, ды якъ поволочѐць вовка!.. А лисица бяжиць ззаду, ды крычиць: упирайся, кумочакъ, у мяжу, упирайся! Вовкъ послухавъ лисицы, ды ўпѐрся ў мяжу. Конь якъ побѣгъ, дыкъ енъ яго и задушивъ [1]). Лисица гэтымъ дужо была рада; яна тольки гэтаго и хоцѣла. Побѣгла

1) Вар. Конь побѣгъ и вовка поцягнувъ. А лисица бяжиць ды приказыець: круци-варци—а быць на пановымъ дворѣ! Конь зацягнувъ вовка на дворъ; выбягли людзи и забили яго. Панъ пошивъ сабѣ зъ яго хутру.

яна тоды у своѐ норы мясо уплетаць, и довгое уремя яна ѣла. Поѣвши усѐ, пошла яна узнова на раздобытки, ды тутъ и сама головой наложила.

Дер. Тютьки, сѣнн. у.

См. Чубинск. 114. Афан. IV, 14. Въ гомельск. у. пограничномъ съ Малой Русью, записанъ слѣдующій варіантъ:

б, Жила сабѣ лисичка-сястричка, и бывъ у яѐ *воликъ*. Вотъ яна узяла, запрагла яго у *сани* и поѣхала у лѣсъ *по орѣхи*. На дорози сустрѣвъ яѐ мядвѣдь: «кумка-голубка, подвязи мяне!»—О, гладунъ, штобъ сани поломавъ?—«Нѣ, кумка-голубка, я не поломаю!»—Якъ жа, не поломаешъ!—«Ну, кумка-голубка, подвязи хоть одну лапку!»—Ну, лапу сабѣ клади! Ѣхали, ѣхали, мядвѣдь и кажа: «кумка-голубка, подвязи ўже и другую лапку!»—О, гладунъ! сани поломаешъ!—«Да нѣ, кумка-голубка, не поломаю!»—Ну, клади! Поклавъ мядвѣдь и другую лапу. Ѣхали, ѣхали, изновъ ёнъ проситца: «кумка-голубка, подвязи ще одну лапку!»—О, гладунъ! сани поломаешъ!—«Нѣ, кумка-голубка, я-жъ тольки одну лапку!»—Ну клади! Поклавъ мядвѣдь третьтяю лапу, адыли, отъѣхавши троху, и ўвесь узлѣзъ. Вотъ яны, ѣхали, ѣхали,—а санки тресь!—О, гладунъ! санки поломавъ!—«Нѣ, кумка-голубка: ето я орашокъ раскусивъ!» И поѣхали дальшъ. Ѣхали, ѣхали,—а санки зновъ тресь!—О, гладунъ! санки поломавъ!—«Нѣ, кумка-голубка; ето у мяне ще орашокъ нашовся, дакъ я раскусивъ!» И поѣхали дальшъ! Ѣхали, ѣхали, а санки тресь!—и поломались..... О, гладунъ! на што жъ ты поломавъ? Ступай тяперъ у лѣсъ, сани шукай! Вотъ и пошовъ мядвѣдь саней шукать. Зачапивъ колоду да й тягня.—О, гладунъ! хиба ето сани? Постеражи-тка вола, я пойду! Вотъ лисица пошла, а мядвѣдь узявъ, волу пузо разрѣзавъ, кишки выпустивъ, поѣвъ, поѣвъ, да соломой напхавъ, а самъ и побѣгъ. Бѣгъ, бѣгъ, да въ лисичкину хатку: улѣзъ у жлукто и сядить. Привязла лисичка санки, запрагла волика и погоняя. Волъ ня йде. Яна злѣзла, стала яму помогать, да и пихнула яго. Волъ и ноги задравъ! Стояла, стояла яна коло яго... Охъ, спознилась жа я! пора мнѣ домовъ: треба холсты золить! Кинула яна санки и волика, и побѣгла домовъ. Прибѣгла, намочила холсты, и пошла на дворъ по жлукто. Тольки стала брать, а мядвѣдь за яѐ, и ўбивъ.

Въ малор. сказкѣ, помѣщ. у Афан. IV стр. 11, мѣсто медвѣдя занимаетъ волкъ. Выѣвъ внутренности, волкъ напускалъ туда воробьевъ, а дырку заткнулъ соломой. Лиса наказала его, заставивъ приморозить хвостъ ко льду.

Вообще, сказка варьируется чрезвычайно; есть варіантъ, гдѣ лошадь и сани принадлежали волку, а разломила сани и съѣла лошадь лисица. Потомъ, притворившись больною, она-же убѣдила волка запречься и везти ее въ новыхъ саняхъ (ibid. 7).

Въ селѣ *Забычаньѣ*, на границѣ черпковскаго и климовицкаго уѣздовъ, записанъ слѣдующій варіантъ:

в) Живъ дзѣдъ изъ бабой. Бывъ у ихъ пѣвникъ и курочка. Пошли яны на сметьцища, знашли житчинку и пшаничинку. Пѣвень знашовъ пшаничинку, а курка житчинку. Принясли ихъ къ бабцы да къ дзѣдьку и говорюць: «дзѣдька да бабка! наця вамъ етыя зернятки, змялиця, да пирожокъ спячиця!» Дзѣдъ и баба ўзяли, ды змололи; ну, пирожокъ спякли. Тэй пирожокъ сядзѣвъ, сядзѣвъ у печцы, ды говориць: «бабка! мнѣ тутъ душно: посодзьця мяне на запечакъ!» Тоды яны яго ўзяли, на запечакъ посадзили.—«Бабка! мнѣ й тутъ душно: посодзьця мяне на лавку!»

Посадзили яго на лавку. Изновъ яму й на лавцы душно. «Посóдзьця мяне на столъ!» Посадзили на столъ. «Мнѣ й тутъ душно: посодзьця мяне на воконцо, ды 'тчиниця вокóнцо!» Сядзѣвъ ёнъ, сядзѣвъ на воконцы ды й скокъ за воконцо. Бабка зъ дзѣдзькомъ побѣгли яго догоняць: гнались, гнались, ды й не догнали яго. Бяжиць пирожокъ, бяжиць, по дорози, и стрѣвъ вовка. «Куды ты, пирожокъ, бяжишъ?» ёнъ пытаетца—вовкъ у пирожка. А ёнъ говориць: я отъ бабки ўцёкъ и 'тъ дзѣдзьки ўцёкъ, и 'тъ цябе ўцяку! И пошовъ сабѣ по дорози. Вовкъ гнавсь, гнавсь и не догнавъ ёнъ яго. Бяжиць, бяжиць ёнъ по дорози, и стрѣвъ мядзьвѣдзя. «Пирожокъ, пирожокъ, куды ты бяжишъ?»—Я и 'тъ бабки ўцёкъ, и 'тъ дзѣдзьки ўцёкъ и 'тъ вовка ўцёкъ и 'тъ цябе уцяку! И побѣгъ. Мядзьвѣдзь бѣгъ, бѣгъ за имъ и не догнавъ. Бяжиць ёнъ, бяжиць по дорози, и стрѣвъ зайчика. «Пирожокъ, пирожокъ, куды ты бяжишъ?»—Я 'тъ бабки ўцёкъ, и 'тъ дзѣдзьки ўцёкъ, и 'тъ вовка ўцёкъ, и 'тъ мядзьвѣдзя ўцёкъ, и 'тъ цябе ўцяку! И побѣгъ изновъ по дорози. Стрѣвъ лисицу. «Пирожокъ, пирожокъ, куды ты бяжишъ?«—Я 'тъ бабки ўцёкъ, и 'тъ дзѣдзьки ўцёкъ, и 'тъ вовка ўцёкъ, и 'тъ мядзьвѣдзя ўцёкъ, и 'тъ зайца ўцёкъ, и 'тъ цябе ўцяку.—«Я ня чую гетаго, што ты сказуешъ.. Ну-тку, ко мнѣ ближчѣй подыйдзи!» Якъ ёнъ подыйшовъ, яна яго и схапила. Узяла яго, разломила, мякушакъ выѣла, а тамъ чимъ нехорошимъ наклала, ды й сшила скориночку яго опяць. И нясець яго. Стрѣла мужика; ѣдзець мужикъ на волику. «Чаловѣча, чаловѣча добрый! Продай ты мнѣ етаго волика, я табѣ цёпленькій, мякенькій пирожокъ дамъ за етаго волика!» Прознусцила яго. Ёнъ отдавъ ёй волика, сабѣ пирожокъ узявъ. «И ня ѣжъ жа ты етаго пирожка, покуль я забягу за тую горку!» Якая тамъ горка ёсць. Поѣхала яна на волику, заѣхала за горку, мужикъ полядзѣвъ, дыкъ у тымъ пирожку тольки 'дна шкурочка, а то ўсе г—о. Яна яго, бачь, понапихала и зашила.

Ну, ѣдзець яна по дорози, и стрѣла вовка. Ёнъ и проситца у яё подъѣхаць: «кумка-голубка, пусци мяне подъѣхаць!»—Э, кумища-дурнища, ты самъ собою купи волика—отказуець ужо яму—я рада, што купила.—«Кумка голубка, пусци хуць лапку ўточиць сюды!»—Э, кумища-дурнища, садзися ўжо соўсимъ! Ѣдуць, ѣдуць, стрѣли зновъ опяць мядзьвѣдзя. «Кумка-голубка, пусци жъ мяне проѣхаць!» проситца у лисицы.—А нѣ, кумища-дурнища, моё сани плóхенькія!—«Кумка-голубка, пусци хуць лапку ўточиць!»—Ну, кумища-дурнища, садзись соўсимъ! Сѣвъ и мядзьвѣдзь соўсимъ. Ѣхали, ѣхали, и стрѣли зновъ зайчика. «Кумка-голубка, пусци жъ и мяне проѣхаць!» —А нѣ, кумища-дурнища, санки моё плóхенькія. И давай имъ укладаць—казаць: вы жъ сами купиця сабѣ волика. Я рада, што сама сабѣ пайшла! Ѣхали, ѣхали яны—и заяцъ подсѣвъ—санки крехаютца!—«Злѣзайця, кумищи-дурнищи, съ санокъ доловъ!» А тыя санки крехъ-крёхъ—ломаютца.—А нѣ, кумка-голубка, ето табѣ здаетца такъ! Ѣхали, ѣхали,—санки и поломались! «Ну ўжо, говóриць: я вамъ казала злѣзаць! Ступайця цяперь санки дзѣлаць! Ты, вовчища-дурнища, идзи вязьзя сѣчь! А ты, зайчища-дурнища, идзи пакляцки *) сѣчь. А ты, мядзьвѣдзища-дурнища, идзи по 'глобли. А я буду пасцивиць волика!» Пошли яны ў лѣсъ, а яна ужо пасцивиць того волика. Приходзиць икъ ёй другій вовкъ, и зъѣли [illegible] того волика. Зъѣли волика, ды шку-

*) Продольныя пластины, набиваемыя на копылья поверхъ визья.

ру узяли ды напихали соломою, ды подпёрли, кабъ ёнъ стоявъ, и пошли. Тыя жъ попринясли усё своё, по вошто яна посылала ихъ, и рады, што яѐ нема. И здзѣлали яны санки, ўси огуломъ—и вовкъ, и мядзьвѣдзь, и заяцъ. Ну, здзѣлавши санки, запрягли того волика и стали погоняць. Ёнъ ня йдзѐць. Яны яго били-били, ёнъ и сунувся. Стали лядзѣць, ажъ ёнъ соломой напханъ. Такъ и поразышлись.

Крест. Грипина, 62 лѣтъ, вдова, неграмотная.

24. Котъ и лисица.

Живъ сабѣ дѣдъ да баба. И бывъ у ихъ котъ, старый, старый, што ня ўздолѣя и мышъ споймати. Вотъ дѣдъ и говора: «што намъ етому коту дѣлати? Давай мы отвязомъ яго ў лѣсъ: [1]) нехай дурно хлѣба ня ѣсти.» —Ну, давай! Отвязли яны кота ў лѣсъ, и кинули тамъ. Идѐ котъ по лясу й плача. Бягить лисица. Убачила кота, прибѣгла къ яму да й кажа: «куды йдѐшъ, котя?»—А, живъ я ў дѣда и ў бабы, да якъ састарѣвся, яны мяне и завязли ў лѣсъ и кинули!—«Давай съ тобой, котя, поженимся!» И пожанились лисица съ котомъ. Повяла тоды яна кота у свою хату, и стали яны у хатцы жить. Бягить по лясу мядвѣдь—тресь-ломъ! тресь-ломъ! тресь-ломъ! Выбягла лисица съ хатки: «а хто ў моёмъ ляску тращить?! У мойго дядыща хвостъ съ помялища: икъ вылѣзя, дыкъ и тябе заволоча!...» [2]) Спугався мядвѣдь, и побѣгъ. Бягити по лясу вовкъ: тресь-ломъ! тресь-ломъ! тресь-ломъ! Вылѣзла лисица съ своѐ хаты и кажа: «а хто ў моёмъ ляску тращить?! У мойго дядыща хвостъ съ помялища: икъ вылѣзя, дыкъ и тябе приволоча!....» Спугався вовкъ, и побѣгъ. Бягить кабанъ по лясу: тресь-ломъ! тресь-ломъ! тресь-ломъ! Выбягла лисица съ своѐ хаты: «хто йто ў моёмъ ляску тращить?! У мойго дядыща хвостъ съ помялища: икъ вылѣзя, дыкъ и тябе заволоча!...» Спугався кабанъ и побѣгъ. Бягити по лясу заяцъ: тресь-ломъ! тресь-ломъ! тресь-ломъ! Выбягла лисица съ своѐ хаты: «а хто йто ў моёмъ ляску тращить? У мойго дядыща хвостъ съ помялища: икъ вылѣзя, дыкъ и тябе заволоча!....» Спугався заяцъ, и побѣгъ. Собралися яны ўси ўкучу: мядвѣдь, вовкъ, кабанъ и заяцъ: собралися, и говорать: «Якъ намъ яѐ мужука полядѣть? Нумъ-ка, збяромъ обѣдъ! Ты, мядвѣдь, иди по мѐдъ, а ты, вовкъ, иди по мясо, а ты, кабанъ, иди по сало, а ты, заяцъ, по хлѣбъ!» [4]) Пошли яны збирати обѣдъ: мядвѣдь принося колоду зъ мѐдомъ, вовкъ мясо, а кабанъ сало, а заяцъ хлѣбъ. Принясли ўсё и стали обѣдъ збирать. Зготовили обѣдъ. «Ну, кому жъ итьти по ихъ? Иди ты, мядвѣдь!»—Нѣ, я лемеховатъ!—«Ну, йди ты, вовкъ!»—Нѣ, я ня ўворотокъ!—«Ну, иди ты, кабанъ!»—Нѣ, я ня швыдокъ!... Приходитца зайцу бѣгти. Пошовъ заяцъ, подбѣгъ икъ норѣ и кажа: «добры-день! просивъ батька и матка, штобъ вы ласковы были, къ намъ на 'бѣдъ пришли, хлѣба-соли зъѣли, чарку горѣлки выпили!....» [3]) Да самъ якъ можно скорѣй назадъ! Прибѣгъ заяцъ домовъ. Поставили яны скорѣй усё на столъ, а сами пошли да поховались: мядвѣдь на дуба, вовкъ подъ кустъ, кабанъ у мохъ, заяцъ у крапиву—и сидять. Приходять котъ да лисица на обѣдъ; бачати—никого нема. Сѣли яны за столъ и почали обѣдать. Котъ убачивъ, што кабанъ хвостомъ махая отъ мухъ. И подумавъ, што ето мышъ, ды якъ скаканувъ! ды лапами за хвостъ!

Вотъ кабанъ якъ усхопитца! да якъ побягить! чимъ живъ! А мядвѣдь якъ убачивъ ето, да зъ дуба! да на вовка! да дралы! А заяцъ за ими! Бягуть, ажъ пылъ стовбомъ! Тоды лисица кажа коту: дурный ты, котъ! на што ты ихъ чапавъ? Мы жъ ба ще не разъ хорошо у ихъ подобѣдали!...

Гом. у.

Вар 1) Давай прогонимъ яго. И прогнали. Пошовъ котъ у лѣсъ, и плача. 2) А хто у моемъ ляску лопотунъ? Ё у мяне мужичища, хвостъ якъ помялища: якъ дасть-дыкъ и тябе приволоча! 3) Обыкновенная формула приглашеній 4) Ты, мядвѣдь, бяги по хлѣбъ, а ты, вовкъ, по мясо, а ты, кабанъ, бяги по капусту, а ты, заяцъ, бяги по ложки!

Ср. № 8 «Волкъ и собака,» и Сборн. Афан. IV стр. 60 Садовн. 174.

25. Вовкъ, лисица и овца.

Гонявъ пастухъ овечакъ, и отбилася одна овечка отъ стады и засталася зимовацъ у лузи. Приходзя къ ёй лисица сястра—Марьяна зимовацъ. И отвѣщая лисица Марьяна: здорова, сястра Маланьня! чаа ты тутъ засталася, Маланьня? А Маланьня отвѣщая: што засталася?—ня знаю ходзяина! Лисица Марьяна сказуя: я цябе, каа, сястра Маланьня, вывяду, на вясну икъ ходзяину завяду! Нў, стали Маланьня зъ Марьяной ходзиць укучи: Маланьня сѣно ѣсь коля стога, а Марьяна мышей копая. Приходзя икъ имъ вовкъ—Миронъ, и каа на Марьяну: здоровъ, сястра Марьяна! Што ты водзишъ за собой сястру Маланьню? А лисица каа: я Маланьню выкормлю, на вясну вывяду и къ ходзяину завяду! Цяперъ вовкъ Миронъ сказуя: и я буду зъ вами ходзиць! А Марьяна отвѣщая: у цябе, братъ Миронъ, поганыя мысли!—Да нѣ, сястра Марьяна! Цяперъ яны утроихъ ходзили-ходзили: лисица мышей копая, овечка сѣно ѣсь, а ёнъ такъ ходя, якъ стовпъ. Тоды вовкъ Миронъ каа: ляжамъ спаць! Вотъ яны лягли подъ стогомъ, и сама Марьяна лягла посяродъ. Поляжали яны, поляжали, тогды Миронъ устаець. А Марьяна и спрашуя: чаа ты, братъ Миронъ, устаешъ? А ёнъ отвѣщая: холóдно, сястра Марьяна: хóчу повшубокъ содрацъ съ сястры Маланьни! Марьяна тоды каа: эй, братъ Миронъ! у цябе граховъ много: дай повяду ўперадъ къ сповядзи! Вотъ яны устаюць, и повяла яна вовка къ сповядзи. Вѣдала яна, дзѣ зялѣзы стояли. Привяла къ зялѣзамъ и каа: отбивай, братъ Миронъ, поклоны! Вотъ вовкъ якъ поклонився, зялѣзы и ўхвацили яго. Тогды вовкъ пытаетца: што ето будзя, сястра Марьяна? А яна каа: а вотъ, придзя попъ съ косой, дзякъ съ свячой и паламаръ—будзя свѣчи палиць!... Вотъ стало виднѣць. Идуць лядзѣць зялѣзовъ. Вовкъ и пытаетца: хто ето йдзець? А Марьяна отвѣщая: попъ съ косой, а другій дзякъ съ свячой и паламаръ. Тогды ёнъ пытаетца: што яны будуць дзѣлаць? А йна каа: сповядаць цябе будуць! Ну, тэй пришовъ зъ ружжомъ, да бэхъ! А другій коликомъ, а паламаръ дзивитца. Тоды яна каа: «кадуцы цябе бяри! ты живешъ ня ў совѣсьци!» Ды й пошла. Прокормила сястра Марьяна сястру Маланьню зиму; на вясну вышла у поле, завяла яѐ къ ходзяину и ўпусцила у овечки къ пастуху.

С. Чигиринка, бых. у.

Запис. въ моемъ присутствіи учитель нар. уч. *Тихоновичъ* отъ кр. Ѳедора Леонова.

26. Вовкъ, старая собака и котъ.

Живъ такъ сабѣ старикъ. И бывъ у яго старый собака. Дзѣдъ и выгнавъ яго зъ двора. Пошовъ собака ў лѣсъ, ажны тамъ сядзиць вовкъ. Вовкъ и говбриць: ходзи ко мнѣ, будземъ съ тобой дружно жиць. И пошовъ собака къ вовку жиць. Ляжали яны разъ у мярлози, и захоцѣли ѣсь. «Идзи, кажиць вовкъ: полядзи, можа, хто ёсь нà поли!» Вышовъ собака, полядзѣвъ и говориць: гуси ходзюць! Вовкъ каиць: «бѣганины ёсь, а пожитку мало!» А собака той ѣсци хочиць: яму капъ хуць гуску. Тоды чаразъ часъ вовкъ изновъ кажиць: «выйдзи, полядзи, можа ще хто ходзиць!» Собака выбѣгъ и говбриць: свиньни ходзюць.—«Ну, бѣганины ёсь, а пожитку мало!» А чаразъ часъ изновъ кажиць: «выбяжи, можа хто ходзиць!» Собака выбѣгъ и говбриць вовку: конь ходзиць!—«Ну, цяперъ пóйдземъ.» Вовкъ пошовъ, помочився ў воду, укачався ў пясокъ, пришовъ къ собаку и говбриць: ци звбвчився я?—Зовчився! Пошли къ коню. Вовкъ зайшовъ къ мордзи и страханувся. Конь глянувъ, а вовкъ яго и задавивъ. Подъѣли яны съ собакомъ. Тогды собака говориць: ну, я цяперъ наўчився ўже: пойду одзинъ! Собака пошовъ, ажны идзець котъ. Собака говбриць коту: «Ходзи ко мнѣ, ты наўчисься отъ мяне давиць скотъ!» Пошли яны ў лѣсъ. Собака каиць коту: идзи, полядзи, можа хто ходзиць нà поли! Коцикъ вышовъ и говбриць: ходзюць гуси!—Э, бѣганины ёсь, а пожитку мало! А котъ ѣсци хочиць. Собака и говориць: выбяжи яще, можа хто ходзиць! Коцикъ выбѣгъ и говбриць: свиньни ходзюць.—Э, бѣганины ёсь, а пожитку мало! Чаразъ часъ собака ўзновъ посылаець коцика: выбяжи, можа хто ходзиць! Котъ выбѣгъ и каиць: конь ходзиць!—Ну, цяперъ пóйдземъ! Пошовъ собака, помочився ў воду, укачався ў пясокъ, пришовъ къ коту и говориць: ци звовчився я? Котъ говбриць: нѣ! Собака говбриць: кажи, што звовчився!—Ну, звовчився. Собака пошовъ къ коню, а конь якъ дась яму копытòмъ —ёнъ и скруцився. Котъ тоды й каиць: во цяперъ звовчився!...

М. Обчуга сънн. у. Запис. крест. Тихонъ Ивановъ.

27. Козелъ и баранъ.

Жили сабѣ дзѣдъ да баба. И жили яны прежда хорошо. Тоды дальше—подальше бѣдносць у ихъ усялилася—стали бяднѣць. Тольки й остався у ихъ козёлъ да баранъ. Вотъ разъ, ночьчу, якъ лягли яны спаць, и стали мижда сóбки зюкаць. А козелъ да баранъ подъ лавкой ляжаць: баранъ спиць, а козелъ такъ ляжиць, не спавъ ящо. Дзѣдъ говориць: баба, што ты думаешъ? Прижились мы—нéчимъ ужо ў насъ капусты затолочь. Зарѣжамъ-ка мы козла! А козелъ ня спиць и ето чуець. Вотъ, якъ заснули старикъ съ старухой, тоды ёнъ товхонувъ баранà подъ бокъ: што ты, братъ, вѣдаешъ? Насъ ужо собираютца рѣзаць! Узяли яны вобоя (обое), вокно выбили, да ў вокно и вылязли, и пошли у ходъ, удвохъ, мижда сóбку.

Ишли, ишли, заходзюць у лѣсъ, и говбруць: давай мы тутъ обночлежимся! Стоиць тамъ пенушокъ, возли ихъ; козелъ на баранà говора: «сяки ты, братъ, цяпло! цяпелцо разложимъ!»—Якъ жа я буду сѣчь цяпло?—«Не ходзивъ ты, братъ, ящо по

дорогахъ! И огню не знаешъ якъ сѣчь! Разгонися, да лобомъ у пень! А я пойду у дровы, принясу макушку дровъ!...» Тольки што пошовъ у дровы козёлъ, яго стрѣчаець вовкъ. Козелъ на барана̀ ужо кричиць: «ай, братъ во ёнъ вовкъ! Дзяржи тамъ яго, я сичасъ буду на помогу, мы яго поймаемъ!» Етый вовкъ отъ ихъ на ўходало ударивъ, пошовъ отъ ихъ уцекаць.

Собрались козелъ да баранъ изновъ ўкучу. «Намъ, говора, не́коли цяпло расклaдаць тутъ,—ёнъ вернетца зновъ назадъ!» И пошли съ того мѣста лѣсомъ. Приходзюць—стоиць ель густая. «Полѣземъ, братъ баранъ, сюды на ету ель!»—Братъ, говора, я ня ўзлѣзу!—«Идзёмъ за панибратьця, дакъ я цябе ня кину, будзешъ и ты на елцы!» Узявъ, подсадзивъ яго на первые сучки. Лёгъ ёнъ пузомъ на сучча, ня можець дзѣйствоваць—ноги висяць. А козелъ попрыгавъ на самую макушку.

А вовкъ тэй, якъ бѣгъ отъ ихъ, и стрѣвъ лисицу. «Мовчи, кажець, кумочка! Мяне сягоньни хоцѣли ўбиць нѣйкихъ два во́ины!»—Што тамъ за воины? Побягимъ мы ихъ найдземъ. Вядзи къ томъ мѣсту мяне!—«Ну, по̀йдземъ сабѣ, я зводжу цябе на тое мѣсто, дзѣ яны были!» Пришли яны на тое мѣсто—ихъ ужо нема. Ины ударили на ўдогонъ ужо за ими: лисица бягиць уперадзѣ и нюхаець по слядахъ, а вовкъ за ей бягиць. Прибягаюць яны къ е́лцы къ той—лисица на вовка и говориць: поцеряла, братъ, сляды! Бѣгала, бѣгала вокругъ е́лки, усё шукала слядовъ. Тоды говориць: стой, говориць, сядзимъ: я ў карты поворожу! Сѣли яны кружкомъ коло ѐлки коло етой. Барану жъ тому няўдосугъ сядзѣць на томъ на суччу: цеперься ёнъ сядзиць тамъ! Дакъ ёнъ ажно с..ць пусцивъ съ сучча съ того, да прямо на карты на тыя... Тоды лисица кажець на вовка̀: нагни, братъ, голову, а то дожжъ карты намоча!

Етый баранъ потомъ висѣвъ, висѣвъ, ды тоды шмякъ! На вовка на етаго звалився, якъ яны сидзѣли, ето, ворожили. Козелъ тоды кричиць: «дзяржи ворожбичку! дзяржи ворожбичку! И вовкъ и лисица скорѣй уцекаць!..

А баранъ съ козломъ пошли ужо ў ходъ, куды хоцѣли. И я тамъ бывъ, медъ-вино пивъ, и ў роци ня було, и по бородзѣ не цякло.

С. Надѣйковичи, климовицк. у.

Кр. Иванъ Константиновъ 25 лѣтъ, неграмотный.

СКАЗКИ МИѲИЧЕСКІЯ.

1. Звѣриное молоко.

Нещастное дитя.

Живъ у воднаго бѣднаго дзячка одзинъ малецъ, и была у гэтаго-жъ дзячка дзяковна. Гэтый малецъ подкацився къ ёй, подломився—и стала яна отъ яго бяременная. Якъ узнавъ гэто дзякъ, дыкъ ихъ отъ сябе и отправивъ. Забралиси яны, и пошли, куды вочи глядзяць. Ишли, ишли яны, и ўвыйшли у такую пущу, што й выйдци имъ нялъзя було. Тоды малецъ кинывъ дзяковну и пошовъ. Ходзила яна одна, ходзила, и вышла къ дорози. Сѣла подъ ѐлкой отдыхнуць, и родзила сына. Ставъ тэй сынъ рэсць не по днямъ, ды по часамъ, и тойчасъ ставъ зъ маткой говорицъ. Вотъ матка и говóрицъ яму: ци вѣдыешъ, сынокъ? Я ужо ходжу по гэтымъ лѣси три дни, и нема ў мяне ничóго ѣсци! А ёнъ кажецъ: «цише, мама! я табѣ яды разстараюся!» Вотъ ставъ ёнъ на ноги и пошовъ по дороги, а матку подъ ѐлкой покинывъ. Ишовъ, ишовъ, видзицъ—ѣдуць купцы. Ёнъ узявъ, дубовъ понавывярнувъ и заваливъ дорогу. А самъ сѣвъ вóдали и сядзицъ. Пріѣхыли купцы къ гэтому мѣсту, и стали говорицъ, якъ-бы имъ пераѣхыць. Ёнъ тоды уставъ и подыйшовъ къ имъ. «Што вы мнѣ дасцё, я вамъ расчищу дорогу?»—Што хочешъ, то й возьми, тольки расчисци! Набравъ ёнъ много разнаго ѣдзеньня, и раскидавъ дубы. Купцы и поѣхали. Вярнувсь ёнъ къ матцы: «вотъ, мама, ёсь и яда!»—Дóбро, мой сынокъ! разстарався ты яды,—а што мы будземъ дзѣлыць, коли придуць къ намъ вовкѝ и зъядуць насъ, а намъ нечимъ и отборонитца.—«Цише, мама! разстарався я табѣ яды, разстараюся и обороны!» Пошовъ ёнъ на тое самое мѣсто и заваливъ узнова дорогу. Ѣдуць купцы. Пріѣхыли къ тому мѣсту—нялъзя дали ѣхыць. Стали яны думыць, якъ-бы имъ пераѣхыць. Ёнъ тоды подыйшовъ къ имъ и говóрицъ: «што мнѣ дасцё, я вамъ расчищу дорогу, и вы проѣдзеце?»—Што хочешъ, то й возьми, тольки расчисци! Ёнъ раскинывъ дубы и ўзявъ у ихъ собаку и ружжо. Купцы и поѣхали. Приходзицъ ёнъ къ матцы: «ну, вотъ, мама, и оборона ёсь!»—Дóбро, сынокъ! разстарався ты обороны, а нема у насъ одзѐжи!—«Цише, мама, пойду и забъю звѣра якого-нибудзь и пошіемъ шубы!» Узявъ ёнъ ружжо и собаку и пошовъ. Ишовъ, ишовъ, и увидзѣвъ лису зъ лисенятами. Зложивсь ёнъ, и ставъ у яѐ цѣлитца. А лисица и говóрицъ: «дзиця ты нещастное ў

своей матари! ня би ты мяне, возьми лучьче мойго ме́ньшаго лисянёнка, будзець ёнъ табѣ у вяликой пригодзи!» Послухався ёнъ, узявъ лисянёнка и пошовъ дали. Ишовъ, ишовъ, и ўвидзѣвъ вовчицу зъ вовчанятами. Ёнъ спѣлився у яѐ, а яна и говорицъ: «дзиця ты нещастное у своей матари! ня би ты мяне, возьми лучьче мойго ме́ньшаго вовчаненка, будзець ёнъ табѣ у вяликой пригодзи!» Узявъ ёнъ у яѐ вовчанёнка и пошовъ. Ишовъ, ишовъ, сустрѣчаець мядвѣдзиху зъ медвѣдзенятами. Зложився ёнъ, и ставъ у яѐ цѣлитца. А мядвѣдзиха гово́рицъ: «дзиця ты нещастное у своей матари! ня би ты мяне, возьми лучьче меньшаго мойго медвѣдзянёнка, будзець ёнъ табѣ у вяликой пригодзи!» Узявъ ёнъ медвѣдзянёнка и пошовъ дали. Ишовъ, ишовъ, и увидзѣвъ ильвицу зъ ильвенятами. Вотъ ёнъ зложився, и ставъ у яѐ цѣлитца. А ильвица говорицъ: «дзиця ты нещастное у своей матари! ня би ты мяне, лучьче возьми ме́ньшаго ильвянёнка, будзець ёнъ табѣ у вяликой пригодзи!» Ёнъ тоды ставъ думыць, што и ўси яму такъ-жа само говорили. Што гэто значитца? И пытаець ёнъ у ильвицы: «скажи ты мнѣ, зачимъ я нещастный у своей матари? Тоды я й дзяцёнка твойго ня возьму!» Ильвица яму и кажець: «послѣ ўзнаешъ!» ды й побѣгла. Пошовъ ёнъ дали, и набравъ сабѣ такъ дванаццаць разныхъ звяровъ. И яны отъ яго николи ня 'тлучалися: куды ёнъ, туды и яны бягуць. Тоды вярнувся ёнъ къ матцы: «вотъ, мама, ёсь у мяне ашъ дванаццаць звяровъ!»—До́бро, мой сынокъ; але немашъ у насъ хаты!—«А вотъ, я пойду разстараюся!» Пошовъ ёнъ искаць хаты, а собака и ўси звяри за имъ. Ишовъ, ишовъ, енъ ишовъ, ишовъ, видзиць—хата. Увыйшовъ у хату, ашъ тамъ сядзиць змѣй съ тромя головами. Якъ убачивъ яго змѣй, дыкъ и закричавъ: «ага, вотъ жа коли я цябе дождався! ну, цяперъ я цябе зьѣмъ!» Тольки змѣй за яго хапився, якъ звяри тойчасъ кинылись на змѣя и разорвали! Ёнъ тоды закопавъ змяиныя головы у трохъ куткахъ, а самъ пошовъ по матку. «Ну, мамъ, ходзи: разстарався я хаты!» Вотъ пришли яны у змѣяву хату и стали тамъ жиць.

Поживши скольки-нибудзь, сынъ собрався на охвоту и кажець матцы: «мамъ! я пойду на хвоту, а ты тутъ будзь. Тольки ты коли будзешъ мяне споминаць, не глядзи у гэтые три куты!» Ёнъ пошовъ, а яна не суповнила, што ёнъ сказавъ, и стала нюкаць по куткахъ. Ашъ оттуля и вылазиць змѣй съ тромя головами. «Ну, кажець, идзи за мяне замужъ! А коли ды ня по́йдзешъ, дыкъ я цябе загублю!» Яна кажець: пойду!—«Зьѣжъ комокъ зямли!» Яна зьѣла. Тоды змѣй говорицъ: «страць ты свойго сына, што ёнъ мяне загубивъ.»—Якъ-жа мнѣ яго страциць? Научи!—«Ты притаись хворою, и скажи, кабъ ёнъ дыставъ табѣ на зелья звяринаго молока. Якъ по́йдзець ёнъ дыставаць молока, звяри яго и зьядуць!...» Матка такъ и здзѣлыла. Пришовъ сынъ съ охвоты, а яна ляжиць на койцы ды стогнець.—«Чаго ты, мамъ?»—Охъ, мой сынокъ: я дужо хвора! Кабъ ты дыставъ мнѣ лисичьчаго молока; можа-бъ мнѣ полѣпшало. Ёнъ пошовъ и принёсъ ёй молока отъ лисицы. Тоды яна послала яго за вовчинымъ молокомъ, а дали за мядвядзинымъ, а послѣ за ильвинымъ. Ёнъ-жа приносиць; звяри яму ничого ня дзѣлыли, бы ў яго были ихныя дзѣци. Тоды змѣй гово́рицъ матцы: «далеча отсюль ёсь гора, у тэй горѣ ямина, у ямини ключъ. Пошли ты яго туды за водой. Оттуль ёнъ ужо пѣвне ня ўзвернетца!» Матка такъ и здзѣлыла. Нечаго тому дзѣлыць—узявъ и пошовъ. Ишовъ, ишовъ ёнъ, ишовъ, ишовъ—приходзиць къ

горѣ. Найшовъ на горѣ ямину и полѣзъ. Звяри яго за имъ. Доставъ ёнъ воды и ставъ вылѣзацъ. Ашъ зямля обрылася и засыпала яго звяровъ. Плакавъ ёнъ, плакавъ надъ ими и пошовъ одзинъ домовъ. Принёсъ матцы воды; яна цiхынько за ковнеръ и вылила.—«Вотъ, дзякуй, сынокъ: цяперъ я ўжо полѣпшала. Скажи ты мнѣ, сынокъ, у чомъ твоя сила?»—У рукахъ, мамка! Тоды змѣй научаецъ яѐ, кабъ дала сыну перарвацъ товстэй зялѣзный прутъ: коли ёнъ гэтый прутъ перарвецъ, дыкъ у яго кровъ съ пáлцовъ пойдзецъ и ёнъ уворвецъ половину своей силы. Яна такъ и здзѣлыла. Якъ тольки ёнъ перарвавъ прутъ,—такъ сила яго и ўтрацилыся... Вылязъ тоды змѣй исъ-подъ пола ды кажецъ: «вотъ-жа коли я цябе забъю! Цяперъ ты ўжо утрацивъ свою силу! Звару цябе заўтра у котлѣ!...» Ставъ тоды малецъ плакыцъ. Ашъ приходзицъ икъ яму нѣйкiй старичокъ, якъ-бы святэй, ды говорицъ: «не плачь, а просись, кабъ давъ табѣ строку на три дни. Ужо твой собака и мядвѣдзь вылязли, ды ждуць другихъ звяровъ. Якъ тольки ўси вылязуць, дыкъ прибягуць и цябе отратуюць...» Сказавъ такъ, ды нема-вѣдома дзѣ подзѣвся. Малецъ тоды и ставъ проситца у змѣя, кабъ ёнъ подождавъ три дни: «усё ровно и тоды здзѣлыешъ со мной, што захочешъ!» Змѣй здався. Ну, прошовъ дзень, пройшовъ и другiй. На трєтьцiй дзень приходзицъ змѣй. Тольки ёнъ узявся за малца, кабъ яго рѣзыць,—ашъ тутъ и звяри бягуць. Кинылись яны—который у двери, который у вокны, и разорвали и змѣя и матку.

Тоды подзякували яны малцу, распрощалиси, и пошли кóжанъ къ своей матцы. А малецъ ставъ у тэй хаци жыць ды поживаць, ды добра заживаць. И я тамъ у яго бывъ, усё тое видзѣвъ, медъ и пиво зь имъ пивъ: по вусамъ цякло, ды ў ротъ на пупало.

Д. Климовичи, сѣнн. у.

Сказка записана въ 17 варiантахъ. Это само собою доказываетъ, что она подверглась большимъ измѣненiямъ: дѣйствующими лицами въ ней являются, какъ видно изъ приводимыхъ ниже варiантовъ, и мужъ съ женою, и чаще-всего—братъ съ сестрою. Миѳическими существами, *кромѣ змѣя*, являются: мѣдяный вовкъ, вовколаки, Кощей безсмертный и Юда прозпуститель. Позднѣе они были замѣнены разбойниками, какъ струпливый воронъ, извѣщавшiй Ивана-царевича о приближенiи звѣрей, замѣненъ *старичкомъ, якъ бы святымъ.*

Ср. Драгом. 299. Чубинск. 285. Аѳанас. VI, 241.

2. Пуща драмуща.

Живъ бывъ царъ съ царицей, и было у ихъ двое дзяцей: сынъ Иванъ и дочка Алéна. Померли ихъ бацьки, застались яны сиротками. Вотъ яны и пошли зъ двора. *)

*) *Варiанты:* 1) Живъ бывъ дзѣдъ изъ бабой. И было у ихъ три сына и дочкá. Дзѣдъ и баба не любили ни дочкў, ни меньшаго сына. Тоды дочка и меньшiй сынъ зрадзилиси йци у свѣтъ. И пошли..... 2) Якъ жили были старикъ и старуха, и *було* у ихъ сынъ Иванька и дóчка Аннушка. Помёрли ихъ бацьки, покинули ихъ сиротками. И на було имъ нидзѣ прiюту. Много процярпѣли яны голоду и холоду. А тоды узяли ды пошли зъ двора. 3) Живъ, бывъ одзинъ богатый купецъ И *було* у яго сынъ и дочка. Купецъ и купчиха были дужо старыя, а дзѣци ихъ были малыя. Дзѣци дужо не хоцѣли видзѣць смерци своихъ бацькóвъ, дыкъ яны зрадзилиси и уцякли ноччи отъ ихъ....

Ишли яны, ишли, якъ стало смеркатца. Зайшли яны на ночь къ одному пану. А у того пана бывъ маленькій собака, и дужа ёнъ имъ сподобався. Ноччи, якъ уси полягли спаць, яны украли гэтаго собачку и уцякли. Нясуць яны яго, нясуць, а ёнъ усё росцець, ды росцець, и къ повдню выросъ зъ добраго собаку. Пусцили яны бѣгчи —ёнъ бяжиць, ды ўсё росцець ды росцець, и къ вечару выросъ зъ добраго жарабенка. Тоды яны якъ заморутца, дыкъ на имъ и подъѣдуць. Ѣхали яны такъ, ѣхали, и пріѣхали у большій лѣсъ, у такую пущу, што и сцешки нема. Стали яны, и ня вѣдаюць, што тутъ робиць. Ашъ чуюць—нѣйдзи пятухъ кричиць. Тоды братъ кажець на сястру: «ты посядзи тутъ, а я пойду поляджу, хто тамъ живець?» Идзець ёнъ дзень, идзець другій, а на третьцій узлѣзъ ёнъ на древо и увидзѣвъ високіе покои. Ёнъ злѣзъ и пошовъ туды. Приходзиць, ашъ тамъ дванатцаць покоевъ, на сцѣнахъ шабли ды ружжи навѣшаны, а людзей никóго нема. Тольки хоцѣвъ ёнъ ици за сястрой, ашъ видзиць, идуць дванатцаць разбойниковъ. Енъ назадъ ды и двери запёръ. Разбойники стукали, стукали—не отчинюць. Стали яны у вокно лѣзць. Иванъ царевичъ узявъ шаблю, ды якъ тольки который просунець голову—ёнъ яго и зарѣжець. Побивъ ихъ усихъ такъ, але самаго опослѣдняго не забивъ, тольки шію порѣзавъ. *) Спянувъ ёнъ ихъ у особый покой и завязавъ двери лычкомъ. Тоды пошовъ ёнъ за сястрой. Привёвъ яѐ и кажець: «ну, ты шъ ходзи по ўсихъ покояхъ, а ў гэтый ня йдзи, и лычка не отвязувай.» А самъ пошовъ на охвоту. Якъ ёнъ пошовъ, дыкъ яна зацикавилася, зачимъ гэто братъ не вялѣвъ ёй ходзиць у тэй покой. Ня ўцéрпила яна, отвязала лычко и пошла у тую коморку. Тольки яна отчинила, ашъ разбойникъ уставъ ды говориць: «ци пóйдзешъ за мяне замужъ? А коли ды ня пóйдзешъ, дыкъ я цябе забъю!» Яна говориць: «я пойду, али што будземъ дзѣлаць зъ братомъ? Ёнъ дужа сильный, и цябе забъець?»—А ты притаись, якъ бытто хвора; скажи, што табѣ болиць голова, и што бытто ты видзѣла уво снѣ, што кабъ выпила вовчинаго молока, дыкъ-бы поздоровѣла!... Тольки братъ пришовъ съ охвоты, а яна и говóриць: «мнѣ, брацецъ, дужа болиць голова. И я видзѣла уво снѣ, што кабъ ты мнѣ принесъ вовчинаго молока, дыкъ-бы я поздоровѣла!» Енъ и [1]) пошовъ. Ишовъ, ишовъ, увыйшовъ у пущу драмущу, ашъ бяжиць вовчица зъ вовченятами. Енъ зложився craляць, [2]) а вовчица якъ стала проситца: «Иванъ Иванѐвичъ, руській царевичъ, не страляй мяне, а бяри, што хочешъ!»—Ничóго мнѣ не надо, тольки дай мнѣ свойго молока!.. Яна станула, а ёнъ надоивъ молока у бутэлочку. Тоды яна кажець: «возьми сына на оборону, ёнъ табѣ у худую годзину понадобитца!» Иванъ узявъ, поспасибовавъ и пошовъ. А покуль енъ ходзивъ, разбойникъ бывъ съ сястрой и сказавъ: «коли яго вовки не зьядуць, дыкъ ты скажи, кабъ ёнъ принесъ молока мядзьвѣдзьджаго!» Яна такъ и здзѣлала. Якъ ёнъ принёсъ ёй вовчинаго молока, дыкъ яна выльлила яго за посцелю

*) *Варіантъ*: Ишли яны, ишли, и видзюць хатку, у ёй огонь. Увыйшли яны у тую хату, ашъ тамъ нема никóго. Братъ и говориць сястрѣ: «подождземъ, што тутъ будзець. Ты-тку лѣзь на печь, а я залѣзу-тку за шахву.» Залѣзли яны и сидзяць. Ажны у самую повночь приходзиць дванатцаць разбойниковъ, и пычали пъянствуваць; а якъ упилиси, такъ уси и заснули. Тоды ёнъ вылѣзъ зъ-за шахвы и давай ихъ по'днымъ рѣзыць. Усихъ зарѣзавъ, а одзинъ схувався подъ печь. *Орш. у.*

1) *Вар.* Узявъ шаблю и пошовъ. 2) *Вар.* Ёнъ хоцѣвъ яе засѣчь.

и сказала, што ничóго яно не помогло. Вотъ, кабъ ёнъ принёсъ молока медзьвядзинаго. Ёнъ и пошовъ. Якъ тольки ёнъ пошовъ, тойчасъ къ Алéни пришовъ разбойникъ: «ну, коли-шъ яго не разорвуць мядзьвѣдзи, дыкъ скажи, што хочешъ молока лявинаго!» А Иванъ царевичъ ишовъ, ишовъ, пройшовъ пущу драмущу, увыйшовъ у другую такую, ашъ видзиць—идзець мядзьвѣдзица зъ мядзьвѣдзенятами. Иванъ царевичъ зложився стралядь, а мядзьвѣдзица стала проситца: «Иванъ Иванѐвичъ, руськiй царевичъ, не страляй мяне, а возьми, што хочешъ!»—Ничóго мнѣ ня треба, а дай тольки мнѣ свойго молока! Яна станула, и Иванъ надоивъ у бутэлочку молока. Тоды мядзьвѣдзица говóрицъ: «нà табѣ сына на оборону, ёнъ табѣ у худую годзину понадобитца!» Узявъ Иванъ мядзьвѣдзянёнка, поспасибовавъ и пошовъ. Приходзиць домовъ, отдаѐць сястрѣ молоко; а яна яго за посцелю выльлила и сказала, што яно ничого не помогло. «Вотъ, я видзѣла уво снѣ, што кабъ ты мнѣ принёсъ молока лявинаго, тоды я была-бъ здорова!» Иванъ царевичъ пошовъ. Ишовъ, ишовъ, увыйшовъ у пущу драмущу, пройшовъ яѐ, увыйшовъ у другую такую; пройшовъ и яѐ, ухóдзиць у третьцяю, у такую, што ни людзи ня ходзюць, ни птушки ня лётаюць, а ходзюць тольки дзикiе звярѝ, и видзиць Иванъ идзець лявица зъ лявенятами. Иванъ зложився страляць, а яна якъ стала проситца: «Иванъ Иванéвичъ, руськiй царевичъ! не страляй мяне, а возьми, што хочешъ!»—Ничóго мнѣ твоё ня треба, а дай мнѣ свойго молока! Лявица станула, а Иванъ надоивъ у бутэлочку молока и хоцѣвъ ици. Лявица говорицъ: «возьми сына на оборону, ёнъ табѣ у худую годзину понадобитца!» Иванъ узявъ, поспасибовавъ и пошовъ. А тымъ часомъ, покуль ёнъ ходзивъ, разбойникъ бывъ зъ Алёной и сказавъ: «коли и лявы не зьядуць яго, дыкъ ты скажи, што видзѣла уво снѣ, што ёсь заклятая мельница на дванатцаць вянцовъ, на дванатцаць камянёвъ. Кабъ ёнъ съ самаго нижняго вянца принёсъ илу (мучной пыли), дыкъ ты зъ гэтаго илу поздоровѣешъ!» Вотъ, якъ Иванъ пришовъ домовъ, Алёна выльлила лявиное молоко за посцелю и сказала, што яно ничого не помогло. «Видзѣла я уво снѣ, што кабъ ты принёсъ илу съ тэй мельницы, што на дванатцаць вянцовъ, на дванатцаць камянёвъ, съ самаго нижняго вянца, тоды я поздоровѣю.» *) Иванъ пошовъ, а звяри яго за имъ. Ишовъ, ишовъ, приходзиць къ тэй мельницы, ашъ тамъ стоиць старенькiй чаловѣчакъ. Иванъ царевичъ запытався у гэтаго чаловѣка: «ци можно тутъ илу достаць?»—Нѣ, кажець: трудно! И пошовъ доставаць Ивану илу, а Иванъ пославъ тỳды зъ имъ вовка. Ждавъ, ждавъ, а вовкъ тамъ забавився. Тоды ёнъ пославъ за вовкомъ мядзьвѣдзя. Ждавъ, ждавъ, не дождався, пославъ ильва, кабъ барджѣй приходзили. Якъ тольки левъ зайшовъ на нижнiй вянецъ, дыкъ двери уси и замкнулиси. Вынесъ тоды старенькiй чаловѣчакъ Ивану илу трошку, ёнъ и пошовъ домовъ одзинъ, безъ звяровъ [1].

---

*) *Вар.* Вмѣсто илу сестра посылаетъ брата купить пирожокъ у чертей, «што жили у тымъ лѣси за дванатцацьми зялѣзными дверами. «Нечаго дзѣлаць, треба ици!» кажець братъ. Пошовъ, а звяри за имъ. Приходзиць къ первымъ дверамъ, яны расчинилися; енъ къ другимъ—и тыя расчинилиси. Такъ уси дванатцаць и перайшовъ. Приходзиць къ самому старшóму чорту, купивъ у яго пирожокъ, поспасибовавъ, и пошовъ назадъ. Тольки енъ пройшовъ одны двери—яны и зачинилиси: звяри яго тамъ и осталиси.»

1) *Вар.* Ждавъ, ждавъ Иванъ звяровъ, не дождався, къ сястрѣ вярнувся: «ня принесъ табѣ илу, нямоясно ўзыйци!»

Пришовъ у дворъ, ашъ сястра яго сядзиць зъ разбойникомъ, и куриць. Якъ тольки ёнъ увыйшовъ у хату, дыкъ разбойникъ схувався, а сястра говбрицъ: «ци вѣдыешъ, брацецъ, хо́чу я поспробуваць твою силу?»—Ну, спробуй сабѣ!.. Узяла яна дванатцаць аршинъ холста и ўкруцила яго. Ёнъ якъ страпянувся, дыкъ холстъ и разодравъ на куски. Тоды яна купила дванатцаць аршинъ шовку и ўкруцила яго. Иванъ якъ страпянувся, дыкъ шовкъ поѣхавъ яму у мясо до самыхъ косцей [1]). Вызвала тоды сястра разбойника, и сказала яму: «ну, цяперъ ты попався у наши лапы. Мы цябе забъёмъ!» А Иванъ почавъ проситца у разбойника: «дай хуць Богу помолитца!»—Ну, молись!.. Вышовъ разбойникъ, ашъ приляцѣвъ вырья [2]) и говбрицъ: «Иванъ Иваневичъ, руській царевичъ! Проси, кабъ ня губили цябе, и пождали три часы: звяри твоѐ троя дврей прогрызли, а дзевяцеро грызци!» Приходзиць разбойникъ: «ци скоро ты помолисься?» Иванъ ставъ просиць ня губиць яго три часы: даць яму ящо помолитца Богу. Разбойникъ здався. Якъ выбило три часы, узновъ приляцѣвъ вырья: «Иванъ Иваневичъ, руській царевичъ! Проси, кабъ ня губили цябе одзинъ часъ: звяри твоѐ дзевяцеро дврей прогрызли, а троя грызци!» Тольки поляцѣвъ вырья, приходзиць разбойникъ: «молись скорѣй, докуль я цябе буду ждаць?» Иванъ ставъ проситца, кабъ яго ня губили одзинъ часъ, ящо помолитца Богу. Разбойникъ здався. Кончився часъ, узновъ прилетаець вырья и кажець: «Иванъ Иваневичъ, руській царевичъ! Проси, кабъ ня губили цябе хуць половину часа: звяри твоѐ послѣднія двери грызуць!» Тольки поляцѣвъ вырья, приходзиць разбойникъ. Иванъ отпросився ще на половину часа. Проходзиць половина часа, ляциць узновъ вырья: «Иванъ Иваневичъ, руській царевичъ! Проси, кабъ ня губили цябе хуць на 'дну минуту: звяри твоѐ повдороги ўбѣгли!» Тольки поляцѣвъ вырья, приходзиць сястра и разбойникъ. Иванъ ставъ проситца, а сястра говориць: «сячи яму̀ голову!» Тэй сѣканувъ: «ну, нехай перадъ нами потрудзитца!» Ашъ разомъ застучѣло—загручѣло, прибѣгли звяри, а Иванъ царевичъ и скбнчився. Разбойникъ съ Алéной якъ почули, што нѣшто загручѣло, и схувалиси [3]). Стояли—стояли звяри надъ Иваномъ, тоды левъ кажець: «я пойду йскаць воды гоющей и живущей, а ты, вовкъ, идзи шукаць жированьня сабѣ и мядзьвѣдзю, а мядзьвѣдзь нехай остаетца тутъ пильнуваць!» Пошовъ левъ за водой, а вовкъ за жированьнемъ. Уловивъ вовкъ козу, самъ зьѣвъ, а мядзьвѣдзю принёсъ голову. Мядзьвѣдзь поссавъ, поссавъ голову, ды й кинувъ подъ лавку, и кажець: «мнѣ мало!» Тоды вовкъ пошовъ, зловивъ свинью, самъ зьѣвъ, а мядзьвѣдзю принёсъ голову. Мядзьвѣдзь узновъ поссавъ, поссавъ ды й кинувъ подъ лавку. Дыкъ вовкъ ашъ полыскуетца отъ жиру, а мядзьвѣдзь ашъ слоняетца голодный. А левъ ишовъ, ишовъ, знашовъ гнѣздо крука на бярéзини. Ёнъ узявъ и ставъ тресци бярѐзину, и зъ гнѣзда звалився кручанёнокъ. Приляцѣвъ крукъ и ставъ просиць сына. А левъ говориць: «приняси мнѣ воды гоющей и живущей, тоды отдамъ сына!» Крукъ поляцѣвъ и принёсъ воды [4]). Левъ, кабъ познаць, ци добрая вода, разодравъ круча-

1) Сестра надѣла на него желѣзную сѣтку, усѣянную шпильками. Братъ началъ ее рвать—шпильк ивонзились въ тѣло. 2) *Варіантъ*: голубь. 3) Вар. Разбойникъ не успѣлъ убить Ивана, звѣри прибѣжали и разорвали разбойника. 4) Вар. За водой пошли левъ и волкъ. Левъ забивъ коня, а вовкъ цихынько притаився ли коня. Приляцѣли круки и стали клюваць. Вовкъ и ухвациьъ одного крука.....

ненка на двѣ половинки, помочивъ перви гоющей, а тоды живущей водой—и кручанёнокъ отживъ. Левъ пусцивъ яго ў гнѣздо, а самъ пошовъ домовъ. Пришовши къ Ивану, яны порѣзали ножикомъ шовкъ, [1]) тоды помочили яго гоющей и живущей водой, и ёнъ отживъ. Уставъ ёнъ и пошовъ у тэй покой, дзѣ лежали разбойники, и ставъ ихъ пераглядацъ, который зъ ихъ живый. Найшовши, ёнъ забивъ яго, а самъ съ сястрой и звярами пошовъ дали.

Ишли, ишли, и пришли къ дзераву̀. Тоды ёнъ привязавъ сястру за дзераво̀ [2]), а самъ пошовъ дали. Отыйшовшиси, ставъ думацъ: «што-то дзѣлаецъ сястра?» И хоцѣвъ послацъ вовка, кабъ ёнъ полядзѣвъ, што дзѣлаецъ яго сястра? «Коли пяецъ, дыкъ ня 'твязувай, а коли плачецъ, дыкъ отвяжи! [3])» А мядзьвѣдзь кажецъ: «якъ ты по́йдзешъ? цябе ящо собаки дзѣ попадуцъ; лучче пойду я!» Иванъ яго и пославъ. Пошовъ мядзьвѣдзь и думаецъ: «я шъ цяперъ табѣ отдзячу за тое, што голодавъ, пильнуючи!» Приходзицъ ёнъ къ ёй, ашъ яна плачецъ. Тоды ёнъ ударивъ яѐ разъ, другій, дыкъ и забивъ. Вярнувся къ Ивану и кажецъ: «яна пяецъ!» Иванъ и пошовъ дали. Пройшовъ троху, и ўзновъ посылаецъ вовка къ сястрѣ: «полядзи, што яна дзѣлаецъ: коли пяецъ, дыкъ ня 'твязувай, а коли плачецъ, дыкъ привядзи сюды!» Вовкъ пошовъ. Полядзицъ—ашъ яна забитая. Тоды ёнъ пошовъ къ Ивану и кажецъ: «мядзьвѣдзь забивъ Алёну!» Иванъ вярнувся, помочивъ яѐ водой го́ющей и живущей, и яна отжила. Пошли яны дали. Ишли, ишли, и пришли на ночь къ лазьни. Покинувъ ёнъ сястру и звяровъ коло лазьни, а самъ пошовъ у лазьню проситца на ночь. Увыйшовъ, ашъ тамъ сядзицъ царевна. Енъ и пытаецъ: «ци можно сюды зайци на ночь?» —Я рада-бъ пусцицъ, кажецъ царевна: али мяне самую посадзили тутъ на зьядзеньня змѣю... Тоды Иванъ посадзивъ сястру при лазьни, а самъ зъ звярами увыйшовъ у лазьню: звяровъ поставивъ по вуглахъ, а самъ сѣвъ съ царевной. А кругомъ лазьни было болото—болото, мохъ, оржавиньня! Сядзѣли яны, сядзѣли, чуюцъ подъ повночь: цялёпъ! цялёпъ! Плывецъ змѣй по болоци. Приплывъ къ лазьни, и идзецъ ужо ѣсци царевну. Увыйшовъ у лазьню, ашъ сядзицъ Иванъ съ царевной. Змѣй и кажецъ: «чаго ты тутъ, Иванъ Иваневичъ, руській царевичъ?» А Иванъ кажецъ: а ты чаго? И стали яны битца. Бъютца, дыкъ бъютца, а змѣй усё поглядаецъ на царевну, ды гово́рицъ: «нябось, жирная: зьѣсци можно!» Билиси яны, билиси—нихто никого ня збивъ. Тоды змѣй поплывъ назадъ, и принёсъ два бочонки вина: одзинъ, што прибавляецъ силы, а другій, што убавляецъ. Тэй, што прибавляецъ, поставивъ сабѣ, а тэй, што убавляецъ—Ивану. Тольки ёнъ вышовъ—а Иванъ перамянивъ бочонки. Пришовъ змѣй и гово́рицъ: «выпъемъ по бочонку вина, а тоды будземъ битца!» Выпили; у Ивана шъ силы прибыло, а у змѣя поменьшало. Тоды Иванъ схапивъ змѣя, ды якъ ударивъ объ зямлю, дыкъ и забивъ. Звяри яго по кувалкахъ и разорвали. Тольки Иванъ ца-

---

1) Вар. Выбрали сѣтку.. . 2) Пришли къ високому дубу. Братъ и кажецъ звѣрамъ: узнясиця мою сястру на високій дубъ, нехай остаетца одна. Мядзьвѣдзь узявъ Алёну, и узнёсъ на високій дубъ. 3) Братъ говѐрицъ: идзиця, который изъ васъ крапчѣй, полядзиця, што яна дзѣлыецъ? Коли глядзицъ туды, откуль ишли, то трахани такъ, штобъ яе косци разсыпались; а коли глядзицъ за нами, дыкъ приняси съ собой. Левъ побѣгъ. Видзицъ—глядзицъ туды, откуль ишли,—схвацився за дзераво и стросъ яѐ.

ревичъ вырѣзавъ у яго языкъ и заклавъ за пазуху. Бывъ у Ивана на руцѣ персцянь, дыкъ ёнъ разсѣкъ яго пополамъ: давъ половинку царэвнѣ, а половинку сабѣ покинувъ. Царевна помѣлася йци за яго замужъ. Послѣ того Иванъ пошовъ съ сястрой и звярами дали, а царевна осталась у лазьни. Подъ-дзень чуець яна, што ѣдзець чарапашникъ складаць яѐ косци. Ухбдзиць у лазьню, ашъ яна сядзиць живая. Тоды ёнъ говбриць: «идзи за мяне замужъ, а то я цябе утоплю тутъ!» Нечаго дзѣлаць, согласилась яна ици. Тоды ёнъ посадзивъ яѐ на чарапаху и ѣдучи пяець: «бязетника чарапашкой забивъ, а царевна засталася мнѣ!» А царевна плачець. Пріѣхавши домовъ, зачали гуляць вясельля. Ашъ якразъ подъ тое царство пришовъ Иванъ зъ звярами. Довѣдавшиси, што царевна идзець замужъ, ёнъ пославъ икъ ёй вовка̀. Вовкъ увыйшовъ у хату: дзѣци похувалиси, а большіе стали даваць яму мясо. Енъ ничбго не бярець, а пришовши къ царевни, поклонився. Яна навязала у хусточку пироговъ, подвязала яму̀ подъ шію. Енъ и пошовъ къ Ивану. Тоды Иванъ почакавши, пославъ мядзьвѣдзя. Мядзьвѣдзь якъ тольки увыйшовъ, дыкъ уси стали ўцекаць: хто на полы, хто на лавки; хто выставлявъ яму мясо, хто пироги. А ёнъ просто подышовъ къ царевни и поклонився. Царевна навязала яму у хусточку мяса и пироговъ, кабъ ёнъ нёсъ къ Ивану. Иванъ узновъ, подождавши, пославъ ильва. Якъ тольки увыйшовъ левъ—дыкъ уси ховатца, хто куды могъ. Царъ и царица выставляли яму и пироги, и мясо. Енъ не бравъ ничбго, а подыйшовши къ царевни, поклонився ёй. Царевна навязала и яму пироговъ и мяса, кабъ ёнъ отнёсъ къ Ивану. Иванъ и самъ съ сястрой ѣвъ и звяровъ кормивъ. А якъ поѣли ўсё, тоды пошовъ самъ Иванъ. Пришовъ ёнъ и сѣвъ коло царевны и ставъ зь ёй говориць. Пришовъ чарапашникъ и говбриць: «што ты отбиваешъ мнѣ жонку? Я яѐ отъ змѣя ратувавъ!» А Иванъ кажець: якая-жъ у цябе примѣта, што ты яѐ ратувавъ?—«Я яго чарапашкой забивъ! А ў цябе якая?» Иванъ вынявъ языкъ змѣявъ и говбриць: «вотъ якая! Вотъ мы зь ей и персцянь разсѣкли!» и показыець свою половинку персьня. А царевна кажець: «ага, правда!» Ды показыець и свою половинку персьня! Якъ примѣрили, дыкъ половинки были ровныя. Тоды царъ казавъ разстраляць чарапашника и привязаць къ конямъ за хвосты, за тое, што ёнъ хоцѣвъ подманно ожанитца съ царевной. А Иванъ царевичъ ожанився и ставъ жиць съ царевной и съ сястрой.

Д. Кимейка, сѣнн. у.

3. Хортки.

Живъ царъ и царица. И было у ихъ сынъ и дочка. Померъ царъ и царица, а дзѣци застались. Пожили яны, пожили, а тоды и пошли ў свѣтъ. Идзи, идзи—стоиць хатка на куриныхъ ножкахъ. У тэй хатцы жила баба-юга, зялѣзная нога. Попросились яны ночуваць. Назаўтраго баба-юга сказала дзѣвцы кросны ткаць, а мальцу дровы сѣчь, ды сама и пошла, а коту звялѣла ихъ сцерагчи Походзиць, походзиць, ды подбйдзець подъ вокно и пытаетца: «дзѣвка-дзявица, руса косица! Ци тчешъ ты?»—Тку, бабунька, тку! Яна и пошла. Пычали яны тоды даваць коту̀ мясо, пычали просиць, кабъ ёнъ ихъ ослобонивъ. Котъ давъ имъ клубачокъ и хустку, и пу-

сцивъ ихъ, а самъ сѣвъ за кросны. Подыходзиць баба-юга подъ вокно: «дзѣвка-дзявица, руса косица! Ци тчешъ ты?» А котъ кажець: тку, бабунька, тку! Убѣгла яна ў хату: «на што ты пусцивъ ихъ?»—А! ты хозяйка, ды мяне такъ не накормила, якъ яны мяне накормили!.. Уссѣла яна на ступу, кочаргой погоняець, помяломъ слѣдъ заметаець. А братъ и сястра якъ вышли съ хаты, пусцили клубочакъ; куды ёнъ коцитца, туды яны йдуць. Идзи, идзи—пришли къ огнянному морў. Махнули хусткой—ставъ мостъ. Перайшли яны по имъ черазъ мора, узнова махнули—мостъ пропавъ. Прибѣгла баба-юга къ мору—и не змогла перайѣхаць. А братъ съ сястрой пошли дали. Идзи, идзи—стоиць хатка. Увыйшли яны ў хатку—нема никóго; и стали яны у тэй хатцы жиць. Вотъ разъ братъ пошовъ на охвотў, а сястра засталась дома. Ашъ приходзиць икъ ёй Кощей бязсмертный. [1]) Дзѣвка спужалася, а ёнъ кажець: «Идзи за мяне замужъ, а то забъю!» Яна согласилася. Тоды Кощей бязсмертный кажець: «Заби свойго брата!»—Якъ-жа мнѣ забиць: ёнъ дужо сильный?—«Якъ придзець ёнъ съ охвоты, дыкъ ты захворѣй. Станець ёнъ пытатца: чаго ты? А ты скажи, кабъ ёнъ принёсъ табѣ звяринаго молока. Ёнъ пойдзець и ня вéрнетца!» Вотъ приходзиць братъ съ охвоты, а яна ляжиць.—«Чаго ты, сястрица?»—Захворѣла, брацець. Вотъ, кабъ ты принёсъ мнѣ, брацець, зайчаго молока!.. Пошовъ ёнъ доставаць зайчаго молока. Ишовъ, ишовъ—ажны бяжиць зайчиха зъ зайчанятами. Тольки ёнъ зложився, хоцѣвъ забиць, а яна говóриць: «Иванъ Царевичъ, ня би мяне! я табѣ дамъ молока и зайчанёнычка!» Узявъ ёнъ молока и хортка. Зайчиха кажець хортку: «што ёнъ табѣ скажець, тое й дзѣлай!» Пошовъ ёнъ домовъ и хортокъ бяжиць за имъ. Отдавъ сястрѣ молоко, а яна яго за плечи выльлила, ды кажець: «сходзи ты, брацець, приняси мнѣ молока лисиччаго!» Ёнъ узявъ ружжо и пошовъ. Ишовъ, ишовъ, ажны бяжиць лисица зъ лисенятами. Тольки ёнъ зложився страляць, а лисица говóриць: «Иванъ Царевичъ, ня би мяне: я табѣ дамъ молока и дзяцёнычка! Дала яму молока и хортка, и приказала хортку: «дзѣлай тое, што ёнъ скажець!» Понёсъ ёнъ тое молоко домовъ, и хортки за имъ бягуць. Сястра выльлила за плечи и гэтое молоко и сказала, кабъ ёнъ принёсъ вовчаго молока. Ёнъ узявъ ружжо и пошовъ. Ишовъ, ишовъ, видзиць-идзець вовчиха зъ вовчанятами. Ёнъ зложився, и хоцѣвъ у яё стрѣльнуць. А яна кажець: «Иванъ Царевичъ! ня би мяне: я табѣ дамъ молока и вовчанёнычка!» Узявъ ёнъ молока и хортка. Вовчиха приказала хортку яго слухатца. Пошовъ Иванъ Царевичъ домовъ, отдавъ тое молоко сястрѣ. Сястра выльлила яго за плечи, и кажець: «приняси мнѣ, брацець, мядзьвѣдзьджаго молока!» Ёнъ пошовъ узновъ. Ишовъ, ишовъ, видзиць-идзець мядзьвѣдзиха зъ мядзьвѣдзенятами. Ёнъ зложився и хоцѣвъ у яё страляць; а яна кажець: «Иванъ Царевичъ, не страляй у мяне: я табѣ дамъ молока и мядзьвѣдзянёнычка!» Дала яна яму̀ молока и хортка, и хортку приказала: «дзѣлай тое, што ёнъ скажець!» Понёсъ тоды Иванъ Царевичъ мядзьвядзйное молоко у дворъ и отдавъ сястрѣ. Яна и гэто залила за плечи, ды кажець: «сходзи ты мнѣ приняси лосинаго молока!» Ёнъ узявъ ружжо и пошовъ. Идзи, идзи-ажъ бяжиць лосица зъ лосенятами. Ёнъ зложився и хоцѣвъ у яё стрѣльнуць. Тоды яна говóриць: «не страляй у мяне, Иванъ Царевичъ: я табѣ дамъ молока и дзяцёнычка!» Ёнъ узявъ

1) Вар. приходзиць вовкулака.... Прилетаець цмокъ.

молока и хортка. Лосица приказала хортку: «што ёнъ скажецъ, тое дзѣлай!» Понёсъ ёнъ лосиное молоко у дворъ, а сястра и яго такъ жа само выльлила за шію. «Идзи, кажецъ, брацецъ, приняси мнѣ молока лявинаго!» Пошовъ ёнъ; видзицъ-бяжицъ лявица. Тольки хоцѣвъ ёнъ яѐ забицъ, а яна кажецъ: «Иванъ Царевичъ! ня би мяне, я табѣ дамъ молока и дзяцёнычка!» Узявъ ёнъ молока и хортка, и пошовъ у дворъ. Узяла сястра лявиное молоко и посылаецъ яго за смоляковымъ молокомъ. Ёнъ узявъ ружжо и пошовъ. Идзи, идзи-ажъ бяжицъ смолячиха. Ёнъ хоцѣвъ яѐ забицъ, а яна кажецъ: «ня би мяне, Иванъ Царевичъ, я табѣ дамъ молока и дзяцёнычка!» Дала яму молока и дзяценычка, приказала, кабъ ёнъ дзѣлавъ усё, што скажецъ Иванъ Царевичъ. Стало цяперъ у яго семяро хортковъ, и яны яго слухались и усюдыхъ за имъ ходзили. Якъ принесъ енъ отъ смолячихи молока, сястра видзицъ тоды, што звяри ничо́го ямў ня здзѣлыюцъ. И послала яна яго у такій прудъ, што черци мелюцъ на дванатцацъ камянёвъ, набрацъ за послѣднимъ ка́мянемъ илу. Узявъ Иванъ Царевичъ своихъ хортковъ, и пошовъ. Идзи, идзи, идзи, идзи—ровно три годы: самъ проголодався и хортки яго. Пошовъ ёнъ съ хортками у прудъ за дванатцацъ дзвярей, нагробъ за дванатцатымъ камянемъ того илу, и пошовъ. А хортки яго лижуцъ, ды лижуцъ илъ—вядо́мо голодные—и ня ўвидзѣли, коли пошовъ ихъ ходзяинъ. Тольки ёнъ вышовъ, ажъ уси дванатцацъ дзвярей и зачинилиси, и хортки яго тамъ осталиси.... Поплакавъ ёнъ, погоровавъ и пошовъ у дворъ, понёсъ илъ сястрѣ. Пришовъ, ажъ Кощей бязсмертный съ сястрой сидзяцъ за столомъ. Тоды Кощей кажецъ: «ну, Иванъ Царевичъ,—пора цябе зьѣсцъ!»—Якъ ты будзешъ мяне ѣсци: я за три годы закопцѣвъ. Лѣпи вытопъ лазьню—я помыюся, тоды и зьяси!—«Ну, идзи, топи!» Ива́нъ Царевичъ пошовъ и затопивъ лазьню. Ажъ ляцицъ крукъ и кричицъ: «кру, кру! Иванъ Царевичъ! топи, топи, ды погась! Твоѐ хортки съ пруду дзярутца: ужо чецьвяро дзвярей проломили!» Вотъ Иванъ Царевичъ топицъ, топицъ, ды й погасицъ. Тольки отляцѣвся крукъ, а Кощей бязсмертный кричицъ: «Иванъ Царевичъ! ци готова лазьня?»—Нѣ, яще каменьня не садзивъ!—«Ну, топи скорѣй!» Тоды ляцицъ другій крукъ и кричицъ: «кру! кру! Иванъ Царевичъ, топи, топи, ды погась: твоѐ хортки яще чецьвяро дзвярей проломили!» Тольки крукъ отляцѣвся, пришовъ Кощей бязсмертный: «Иванъ Царевичъ!ци готова лазьня?»—А тольки ще каменьня ўсадзивъ!—«Ну, топи скорѣй!» Иванъ Царевичъ топицъ, топицъ, ды й погасицъ. Ляцицъ третьцій крукъ: «кру! кру! Иванъ царевичъ! Топи, топи, ды растапливай: твоѐ хортки послѣднія дзвери ломаюцъ!» Енъ ставъ растапливацъ; растопивъ жарко, ажъ приходзицъ Кощей бязсмертный: «ну, ходзи ў лазьню, я ужо цябе и такъ довго жду!» Тольки увыйшли ў лазьню—ажъ бягуцъ хортки! Иванъ Царевичъ узрадовався: «слуги моѐ вѣрныя! слуги мое дорогія! бярицесь-ка за яго! Ты, вовкъ, съ зайцомъ ды зъ лосемъ старайцеся дровъ! А ты, мядзьвѣдзь, бяри-ка дубинку—драчунъ, каци-ка по имъ! А ты, лисица-хитрая молодзица, старайся угарковъ—печь затопицъ! А ты, левъ, Кощея у трубочку звярци, ды ў печь укинь! А ты, смолякъ, отдыхай!» Сичасъ дровъ постарались, угарковъ постарались, растопили печку. А дубинка-драчунъ, тымъ-часомъ, кацицъ по Кощею! Якъ тольки печка до́бро растопилася, дыкъ левъ звярцѣвъ Кощея у трубочку, и ў печь укинувъ.....

Пошовъ тоды Иванъ Царевичъ къ сястрѣ. А Кощей сказавъ ёй: «коли мяне твой братъ забъецъ, дыкъ пойщи мой клыкъ, ды коли ляжиць ёнъ спаць, ты подложи яму̑ клыкъ подъ го́ловы. Ёнъ тоды помрець!» Вотъ, якъ тольки пришовъ Иванъ Царевичъ у дворъ, яна побѣгла у лазьню и у̑зяла клыкъ. Узвярнувшись, дала брату ѣсци, а тоды постлала яму посцелю, и подложила подъ головы клыкъ. Иванъ Царевичъ подъѣвъ самъ, накормивъ хортковъ, и лягли яны спаць. Якъ лёгъ Иванъ Царевичъ на посцелю, клыкъ нагрѣвся и у̑вязъ у голову. Ёнъ и помёръ *) Прочнулася лисица,—ажъ видзиць: ихъ ходзяинъ ня живъ. Узбудзила яна другихъ хортковъ, и кажецъ: «вы тутъ глядзиця яго, а я сходжу воды гоючія и живучія! Пошла лисица, а хортки сидзяць ды плачуць. Зайчикъ сѣвъ плакыць ли головы—и увидзѣвъ клыкъ. Ставъ ёнъ яго лизаць—клыкъ нагрѣвся ды зайцу у̑ лобъ. Иванъ Царевичъ отживъ—зайчикъ помёръ. Ставъ зайца лизаць вовкъ. Клыкъ нагрѣвся ды вовку у̑ лобъ. Зайчикъ отживъ—вовкъ помёръ. Ставъ вовка лизаць мядзьвѣдзь—клыкъ нагрѣвся ды яму̑ у̑ лобъ, и забивъ, а вовкъ отживъ. Ставъ лось лизаць мядзьвѣдзя—клыкъ яго забивъ. Ставъ левъ лизаць лося—клыкъ согрѣвся, ды яму̑ у̑ лобъ: ёнъ померъ, а лось отживъ. Ажъ прибѣгаецъ лисица. Хортки къ ёй: «ну, лисичка-хитрая молодзичка, отживи цяперъ ильва!» Лисица узяла ды стала церци ильва по лобу концомъ хвоста. Клыкъ согрѣвся, ды лисицы по хвосту! Ды тольки волосься зачапивъ, и ничого ня здзѣлавъ. А левъ отживъ. Тоды Иванъ Царевичъ кажецъ: «ты, вовкъ, старайся съ зайцомъ ды зъ лосемъ дровъ! А ты, лисица, старайся угарковъ! А ты, мядзьвѣдзь, бяри-ка дубинку—драчунъ, каци-ка по ёй! А ты, левъ, у трубочку скаци ды у̑ печь укладзи! А ты, смолякъ, отдыхай!» Такъ ёнъ и спаливъ сястру! Пошовъ тоды Иванъ Царевичъ, подпаливъ свою хату, а самъ пошовъ у свѣтъ. Идзи, идзи, идзи, идзи—ажъ видзиць, идзецъ ля мора царская дочка Марья и дужо плачецъ. Тоды ёнъ спросивъ: «чаго ты плачешъ, Марья Царевна?»—Якъ жа мнѣ ня плакаць: улюбився у мяне змѣй о шасци *головей*. Абы зь имъ жанитца, абы на гэтымъ свѣци ня жиць!—«Ну не плачъ, Марья Царевна: можа я зь имъ справлюсь!» Пошовъ Иванъ Царевичъ къ мору, ставъ надъ морамъ и жджецъ. Ажъ ляцицъ змѣй о шасци головей. Якъ тольки ёнъ приляцѣвъ, Иванъ Царевичъ кажецъ: «вовкъ, старайся дровъ! А ты, лисица, старайся угарковъ! А ты, мядзьвѣдзь, бяри-ка дубинку—драчунъ, каци-ка по имъ!

*) Вар. «Принясла сястра клыкъ и якъ Иванъ Царевичъ подъѣвъ и хоцѣвъ класцися спаць, яна и кажецъ: «ляжъ, брацецъ, на моѐ колѣны, я пойщу у цябе у̑ головѣ: можа брудзь завелась. Енъ легъ и заснувъ; яна яму клыкъ усадзила у потылицу. Енъ и помёръ..» Эпизодъ съ зубомъ разсказывается и иначе. Когда Иванъ Царевичъ воротился съ мельницы безъ хортковъ, *змѣй* далъ сестрѣ Ивана свой, «чарвоный» зубъ, а самъ спрятался. Сестра положила зубъ подъ братнину постель. «Тэй зубъ, якъ тольки нагрѣвся, дыкъ якъ ударивъ яму у голову и забивъ. Тоды змѣй съ сястрой положили яго у зялѣзную труну, набили на яго дванатцаць обручовъ и захували у склепъ. А тымъ-часомъ вырвались яго хортки зъ-за тыхъ дзвярей и прибѣгли домовъ. Пищаць яны, што ихъ хозяинъ ужо ня живъ. Али-тки достали труну изъ склепа и стали думаць, якъ яго достаць изъ труны. Думали, ду̑мали и стали обручи разбиваць: разогнався мядзьвѣдзь ды ударивъ по трунѣ—такъ чатыре обручи и звалилиси; разогнався левъ ды ударивъ по трунѣ-такъ чатыре обручи и звалилиси; разогнався лось ды ударивъ-уси обручи звалилиси. Вынули яны яго изъ труны и стали думаць, якъ яго отживиць.

А ты, смолякъ, у трубочку скруци, ды ў печь укладзи! А ты, левъ, отдыхай!» Сичасъ постаралися дровъ, угарковъ и затопили печь, а смолякъ скрудивъ змѣя у трубочку, ды только хоцѣвъ укинуць у печь, ажъ увидзѣли яны хорошій камень. Иванъ Царевичъ кажець: «ты, левъ, подыми камень!» Левъ поднявъ, а смолякъ подсадзивъ змѣя подъ камень. Тоды Марья Царевна пошла домовъ, а Иванъ Царевичъ съ хортками ставъ отдыхаць. Выспавшися, пошли яны къ цару. Завёвъ Иванъ Царевичъ хортковъ у садъ царській, и сказавъ, кабъ яны лягли подъ агрéстомъ, а самъ пошовъ, нанявся за садовничаго. Разъ пришлося Марѣ Царевнѣ гуляць по саду и ўвидзѣла яна гэтыхъ хортковъ подъ агрестомъ. Побѣгла яны тоды икъ цару и сказала, што видзѣла тыхъ самыхъ хортковъ, што отратовали яѐ отъ змѣя. Царъ сичасъ позвавъ усихъ садовничихъ и спрашыецъ: «чіе гэто хортки подъ агрèстомъ?» Нихто не признався. Тоды царъ кажецъ: «ну, коли такъ, дыкъ я повѣшу ихъ!» Пожалѣвъ Иванъ Царевичъ своихъ хортковъ и признався, што гэто яго хортки. Царъ тоды пожанивъ яго съ своёй дочкой Марьей Царевной. На тымъ вясельли и я бывъ, медъ-вино пивъ, по вусамъ цякло, а ў ротъ не попало. Дали мнѣ чапялу, я побѣгъ по сялу; дали мнѣ цмыкъ, я подъ вороты шмыкъ; дали мнѣ сковорòду, я побѣгъ по горòду.

Д. Сукремно, сънн. у. Ср. Чубинск. стр. 152.

4. Мѣдзяный вовкъ.

(Вовкъ—цыгунный лобъ.)

Живъ сабѣ дзѣдъ ды баба. Было у ихъ двоя дзяцей—сынъ и дочка. Сына звали Иванька, а дочку Марья. Вотъ прибѣгъ икъ имъ вовкъ мѣдзяный, и зьѣвъ дзѣда й бабу. А самъ остався зъ дзяцьми. Вотъ ёнъ улѣзецъ у люльку, ды й кажецъ на дзяцей: «трохъ-трохъ! колышиця мяне!» Тыя дзѣци и почнуць яго колыхаць; колышуць, колышуць, покуль ёнъ заснецъ, тоды выйдуць на вулицу, сядуць по завалинку и плачуць. *) Вотъ разъ сидзяць яны и плачуць. Ажъ идзецъ заяцъ: «чаго вы плачеця?» Яны говòруць: «якъ-жа намъ не плакаць? Были у насъ бацька и матка; прибѣгъ мѣ-

*) *Варіанты* 1) Живъ дзѣдъ зъ бабой. Были у ихъ дзѣци—дочка и сынъ. Перадъ смерцю яны отказали своихъ дзяцей мѣдзяному вовку. Мѣдзяный вовкъ улѣзецъ у люльку и кажецъ: колышиця мяне... 2) Живъ сабѣ дзѣдъ ды баба. И было у ихъ мѣдный вовчокъ, сынъ и дочка. Перадъ тымъ, якъ умерци, яны призвали дзяцей и кажуць: «коли мы помромъ, вы, дзѣтки, колышиця мѣдзянаго вовка. Покуль яго не заколышиця, и не отходзициси, а то ёнъ васъ зьѣсь! Тоды яны помёрли, а дзѣци усё колышуць вовка. И дужо яны гэтому наскучили и здумали уцекаць. Только хоцѣли яны побѣгчи, ажны енъ прочхнувся. Тоды яны узновъ заколыхали. Ажъ приходзиць заяцъ... 3) У одного купца було двоя дзяцей: сынъ и дочка. Умираючи, бацька сказавъ своимъ дзяцёмъ, кабъ яны жили дòбро. И скоро послѣ гэтаго умёръ. А ў гэтымъ царсцьви объявився вовкъ—цыгунный лобъ Гэтый вовкъ усё чисто царство опустушивъ, и ўсихъ чисто людзей пераѣвъ. Такъ што не осталося никòго, опирчь купцовыхъ дзяцей. Яны такъ, сякъ али-тки отпросилися и согласилися быць у вовка слугами: братъ, Иванька, за лакея, а сястра, Марья, за покоёвку. Разъ вовкъ—цыгунный лобъ кажецъ: Маша, ты мнѣ расчаши на цыгуннымъ илбѣ волосы, а ты, Иванька, идзи спаць! Ажъ бяжиць заяцъ....

дзяный вовкъ, зьѣвъ бацьку й матку; а намъ сказавъ, кабъ мы яго колыхали...» Тоды заяцъ говбрицъ: «я васъ отъ гэтыя бяды збавлю: садзицеся на мяне, я васъ повязу!»—Нѣ, мѣдзяный вовкъ и цябе забъецъ и насъ отбярецъ!—«Ня бойцеся, садзицесь!» Марья полядзѣла вовку у вочи, ажъ ёнъ спицъ. Тоды яны сѣли на зайца и поѣхали Ѣхали, ѣхали, ци довго, ци мало, а мѣдзяный вовкъ прочхнувся ды кричицъ: «трохъ, трохъ! колышиця мяне!» Ня чуць. «Трохъ, трохъ! колышиця мяне!» Ня чуць. Ёнъ тоды ускочивъ и побѣгъ за ими. Догнавъ ихъ, зайца раздзёръ, и Иваньку и Маръю хоцѣвъ забиць. Али яны такъ, сякъ отпросилиси, и енъ узявъ понесъ ихъ домовъ. Вотъ улѣзъ мѣдзяный вовкъ у люльку: «трохъ, трохъ! колышиця мяне»! Яны стали колыхаць. Заколыхавши, вышли на вулицу,—сѣли на завалинку и плачуць. Ажны идзецъ вовкъ: «чаго вы плачеця?»—Якъ-жа намъ не плакаць? Были у насъ бацька и матка; прибѣгъ мѣдзяный вовкъ, бацьку й матку зьѣвъ, а намъ сказавъ, кабъ мы яго колыхали!—«Садзицеся на мяне, я васъ отъ гэтыя бяды спасу!»—Нѣ; не спасешъ: заяцъ уцекавъ, ня ўцёкъ, и цябе мѣдзяный вовкъ догоницъ и забъецъ и насъ отбярецъ!—«Садзицеся, ня бойцесь!» Яны здались; сѣли и поѣхали. Ѣхали, ѣхали ци довго, ци мало, а тымъ часомъ прочхнувся мѣдзяный вовкъ: «трохъ, трохъ! колышиця мяне!» Ня чуць.—«Трохъ, трохъ! колышиця мяне!» Ня чуць. Енъ ускочивъ и побѣгъ за ими. Догнавъ ихъ, вовка раздзёръ, хоцѣвъ и дзяцей забиць, али яны такъ, сякъ упросили яго и ёнъ принёсъ ихъ домовъ. Узлѣзъ узнова мѣдзяный вовкъ у люльку: «трохъ, трохъ! колышиця мяне!» Яны стали колыхаць. Колыхали, колыхали и заколыхали. Тоды вышли на вулицу, сѣли на завалинку, сидзяць и плачуць. Идзецъ мядзьвѣдзь: «чаго вы плачеця?»—Якъ жа намъ не плакаць? Были у насъ бацька и матка; прибѣгъ мѣдзяный вовкъ, бацьку й матку зьѣвъ, а намъ вялѣвъ колыхаць яго.—«Ну, садзицеся на мяне; я васъ отъ гэтыя бяды збавлю.»—Нѣ, не збавишъ. Заяцъ ня ўцёкъ отъ яго, вовкъ ня ўцекъ, и цябе енъ догоницъ и забъецъ. «Садзицесь, ня бойцеся: я силнѣй за яго!» Марья зъ Иванькомъ послухали, сѣли на мядзьвѣдзя и поѣхали. Ѣхали, ѣхали, ци довго, ци мало, а мѣдзяный вовкъ прочхнувся, ды й кричицъ: «трохъ трохъ! колышиця мяне!» Ня чуць. «Трохъ, трохъ! колышиця мяне!» Ня чуць. Енъ выскочивъ, побѣгъ за ими. Догнавъ ихъ, мядзьвѣдзя раздзёръ, а яны узнова отпросилиси: «мы сами не хоцѣли ўцекаць, али енъ насъ примусивъ!» Принесъ енъ ихъ домовъ и вялѣвъ, кабъ яго колыхали. Заколыхали яны яго, вышли на вулицу, сѣли на завалинку и плачуць. Ажны приляцѣли къ имъ гуси: «чаго вы плачеця?»—Якъ-жа намъ не плакаць? Были у насъ бацька и матка; прибѣгъ мѣдзяный вовкъ, бацьку й матку зьѣвъ, а намъ сказавъ, кабъ яго колыхали!» Тоды гуси сказали: «садзицеся на насъ, мы васъ унясёмъ отъ мѣдзянаго вовка!»—Нѣ, не ўнесецё: заяцъ отъ яго ня ўцёкъ, вовкъ ня ўцёкъ, мядзьвѣдзь ня ўцёкъ. И васъ ёнъ догоницъ и забъецъ!—«Ня бойцесь; якъ енъ догоницъ, коли мы ляцѣць будземъ!» Здались яны; сѣли и поляцѣли. Ляцѣли, ляцѣли, ци довго, ци мало, ды посѣли отдыхаць. А мѣдзяный вовкъ прочхнувся: «Трохъ, трохъ!к олышиця мяне!» Ня чуць. «Трохъ, трохъ! колышиця мяне!» Ня чуць. Енъ ускочивъ и побѣгъ догоняць. Догнавъ ихъ, гусей побивъ, хоцѣвъ и Йваньку зъ Марьей забиць, али яны упросили: «мы сами не хоцѣли уцекаць, али насъ къ гэтому примусили гуси!» Енъ узявъ и принёсъ ихъ домовъ. Улѣзъ узнова мѣдзяный вовкъ

у люльку: «трохъ, трохъ! колышиця мяне!» Яны стали яго колыхаць. Колыхали, колыхали, вовкъ заснувъ. Тоды яны вышли на вулицу, сѣли на завалинку, сидзяць и плачуць. Ажны идзець лось: [1]) «чаго вы плачецяʔ»—Якъ-жа намъ не плакаць? Мѣдзяный вовкъ зьѣвъ бацьку и матку, а намъ сказавъ, кабъ мы яго колыхали! Тоды лось кажець: «я васъ отъ бяды спасу, садзицеся на мяне»!—Нѣ, не спасешъ: вовкъ, прочхнувшися, догониць цябе и забъець.—«Нѣ, не догониць, тольки ты, малецъ, возьми щотку, а ты, дзѣвка, грабло!» Здались яны, сѣли и поѣхали. Лось якъ скаканéць—вярсту ўѣдзець, якъ скаканèць—вярсту уѣдзець. А мѣдзяный вовкъ прочхнувся: «трохъ, трохъ! колышиця мяне!» Ня чуць. «Трохъ, трохъ! колышиця мяне!» Ня чуць. Енъ тоды ускóчивъ и побѣгъ догоняць. А тымъ часомъ прiѣхали яны къ горѣ, къ такей високой, што и птушка не пераляциць. Прилёгъ лось на зямлю, и слухаець, ци бяжиць мѣдзяный вовкъ. Чуець—бяжиць. Енъ тоды дмухнувъ ноздрами—и гора разступилася. Яны и пераѣхали. Тоды лось узновъ дмухнувъ на горỳ: тò была яна високая, а то ящè ўдвоя повышала. Поѣхали яны дальше. Ѣхали, ѣхали, ци довго, ци мало—узновъ лось прилёгъ на зямлю и слухаець. «Ну, кажець, прокопавъ ёнъ гору и бяжиць за нами. Кйдай, дзѣвка, грабло!» Кинула яна грабло, и здзѣлався непроходзимый лѣсъ, такая пуща, што й мышина ня пролѣзець. Поѣхали яны дали. Ѣхали, ѣхали, лось узнова прилёгъ къ зямлѣ и слухаець. «Послѣднюю дзеравину перагрызаець! Кйдай, малецъ, щотку!» Малецъ кинувъ щотку—узникли сцѣны, ровы, рѣчки. Поѣхали яны дали. Ѣхали, ѣхали,—прiѣхали къ возярỳ. [2]) Лось давъ тоды мальцу хустку и кажець: «махни хусткой на возярò!» Енъ махнувъ три разы на возяро, и здзѣлалось сухо. Яны и перайшли на тэй бокъ. «Махни узнова хусткой на возяро!» Енъ махнувъ три разы—и здзѣлалось возяро. Вовкъ ставъ плыць по возяру, уплывъ у половину, и остався на кўпинѣ. А лось завёзъ дзяцей у такiй покой, што ня ўздумаць, ня ўгадаць, ни ў казцы сказаць. И стали яны тамъ жиць. Лось тоды сказавъ, кабъ яны яго спалили. Яны довго ня хоцѣли палиць, алитки мусили спалиць. Братъ усё ходзивъ на охвоту, а дзѣвка сядзѣла дома. Разъ пришла яна на возяро мыць ложки. А вовкъ яè познавъ, и скинувся дужо ладнымъ мальцемъ, и говбрицъ: «ты, дзявица, у мяне улюбилася?» А йна кажець: улюбилася!—«Ну, коли-жъ ты у мяне улюбилася, дыкъ пусци ко мнѣ чашку!» Яна ўзяла и пусцила икъ ямỳ чашку. Енъ сѣвъ у тую чашку и приплывъ къ ёй: «ага, вотъ коли я цябе зьѣмъ!» *) Дзѣвка спужалася.—«Ну, мы съ тобою оженимся! Ды ўсётки, коли ты будзешъ жалѣць брата, дыкъ я цябе

---

1) *Вар.* волъ; быкъ. 2) къ морю, которое волъ переплываетъ.

*) *Варiанты*: 1) Уцякли яны отъ мѣдзянаго вовка и пришли ў дзяревню: братъ пасцивъ коровъ, а яна жила у дзяревни. И жили яны довго. Разъ сястра пошла на возяро мыць посуду. Видзиць на купинѣ ладнаго мальца. Енъ ставъ просиць у яè перавоза, а яна сказала, што у яе ничого нема. Тоды енъ кажець: кинь мнѣ цебаръ и полоньникъ. Яна кинула; енъ и пераплывъ. Пераплывъ, ды й скинувся вовкомъ. «Ну, я цябе зьѣмъ!»... 2) Ну, якъ тольки уцякли яны отъ мѣдзянаго вовка, дыкъ зъ быкомъ попрощалиси и пошли. Иванъ ставъ пастухомъ, а Марья кухаркой. Тоды разъ пошла яна на возяро мыць чашки, а вовкъ яе познавъ и здзѣлався пригожимъ мальцомъ. «Дай мнѣ талерку, я приплыву къ табѣ!» Яна кинула яму талерку, енъ сѣвъ и приплывъ. Тоды здзѣлався вовкомъ, ды кажець: «а вотъ коли я цябе зьѣмъ!»

зьѣмъ, а коли ня будзешъ жалѣць, дыкъ ня буду!» Яна кажець: нѣ, ня буду жалѣць!—«Ну, треба-жъ яго згубиць!»—Якъ жа мнѣ яго згубиць?—«А во якъ: ты возьми ды пристався хворой! Якъ енъ прійдзець съ охвоты, ты скажи, што табѣ людзи раяли, кабъ пользоватца лисьсимъ молокомъ. И попроси яго принесци гэтаго молока. Енъ якъ побяжиць за лисицой, дыкъ и розумъ поцераець.» Пришовъ братъ, а Марья говорипь: «вô што, мой братокъ: я захворѣла, и мнѣ людзи нараяли, кабъ я выпила лисьсяго молока. Знайдзи ты лисицу, и дай мнѣ яѐ молока!» Братъ, ня довго думая, узявъ ружжо на плечи и пошовъ у лѣсъ. Тольки ёнъ идзець, ажъ бяжиць лисица зъ лисенятами. Иванька зложився у яѐ, а яна кажець: «ня би мяне, Иванька, што хочешъ, тое дамъ!»—Дай тольки мнѣ молока!—«И молока свойго дамъ, и дзиця свойго дамъ, Иванька,—ёнъ табѣ надо будзець!» Дала яму̂ молока и дзяцёнка, и сама побѣгла. Тоды Иванька пошовъ домовъ зъ лисянёнкомъ, и тэй лисянёнокъ живъ не по годахъ, ды по часахъ. Пришовъ енъ домовъ, отдавъ сястрѣ молоко, а самъ нѣкуды отвярнувся. Яна тоды и выльлила гэто молоко подъ короваць. Коли узнавъ про гэто мѣдзяный вовкъ, што Иванька принёсъ лисьсяго молока, дужа низдзивився, и сказавъ Марьи, кабъ яна вялѣла брату принесци ёй вовчинаго: «цяперъ коляды *); ёнъ якъ пойдзець у лѣсъ—и нападзѐць на стадо вовковъ: тамъ яму и конецъ будзець.» Братъ мѣвъ ици на охвоту, а сястра яму̂ кажець: людзи нараяли мнѣ пиць вовча молоко! Ну, братъ узявъ ружжо на плечи и пошовъ у лѣсъ. Тольки ёнъ идзѐць лѣсомъ—болотомъ, ажъ идзець вовчица зъ двумя вовчонками. Иванька зложився у яѐ страляць, а яна говбриць: «ня би мяне, Иванька,—што хочешъ, тбе дамъ!»—Дай мнѣ свойго молока!—«И молока дамъ, и дзиця свойго дамъ, Иванька: енъ табѣ надо будзець!» Узявъ Иванька молока и вовчанёнка, и пошовъ домовъ. Вовчанёнокъ тэй росъ не по дняхъ, ды по часахъ. Пришовши домовъ, енъ отдавъ сястрѣ молоко, а яна яго выльлила подъ короваць. Мѣдзяный вовкъ тоды сказавъ ёй, кабъ яна просила брата принесци мядзьвѣжжаго молока. Собрався Иванька на охвоту, а сястра и говориць: «нараяли мнѣ людзи пиць мядзьвѣжжа молоко!» Братъ заплакавъ и пошовъ. Идзець по лясу, по болоту, ажъ видзиць—ссуць мядзьвѣдзиху мядзьвѣдзеняты. Ставъ ёнъ мѣцитца у яѐ, а яна говбриць: «ня би мяне,—што хочешъ, тбе дамъ!»—Дай мнѣ молока! —«Дамъ и молока и мядзьвѣдзянёнка,—ёнъ табѣ у лиху̂ю годзину надобенъ будзець!...» Узявъ Иванька молока и мядзьвѣдзянёнка и пошовъ у дворъ. Мядзьвѣдзянёнокъ росъ не по дняхъ, ды по часахъ. Пришовъ Иванька у дворъ, отдавъ сястрѣ молоко. А яна и гэто за бокъ залила. Ну, и якъ тольки Иванька ходзивъ на охвоту, мѣдзяный вовкъ вылѣзець исъ-подъ печи, и пируець зь ёй; а якъ тольки приходзивъ съ охвоты, дыкъ и схуваетца подъ печь. Тоды Иванька нѣкуды отвярнувся, а вовкъ кажець сястрѣ: «ёнъ, мусиць, дужо силный! Нехайтку ёнъ принясець табѣ ильвинаго молока!» Сястра и кажець Иваньку: «мнѣ людзи раяли пиць ильвиное молоко. Кабъ ты принесъ?» Енъ заплакавъ: «Божа мой, Божа мой! идзѣ я табѣ яго достану!» Ды у̂звявъ ружжо и пошовъ. Ишовъ, ишовъ по лясу, по болоту, и нашовъ ильвиное гнѣздо зъ ильвенятами. Енъ узявъ молока и одного ильвянёнка и пошовъ домовъ. Сястра и гэто молоко выльлила за вокно. Мѣдзяный вовкъ дужа здзивився, што Иванька вышовъ цѣлый отъ иль-

*) Бѣлоруссы разсказываютъ сказки преимущественно въ рождественскіе праздники, *коляды*.

вовъ, и сказавъ Маръи, кабъ яна послала Иваньку у тэй прудъ, идзѣ мука сама мéлетца, пироги сами пякутца и сами у гóродзи продаютпа: «енъ мусиць, оттуль ужо ня выйдзець, бо тамъ никóго нема, кромя нячистыя силы. Нехайтку енъ табѣ съ того пруду приняcець съ подъ большого кáмяня пылку!» [1]) Пошла сястра къ Иваньку и кажець: «параяли мнѣ людзи потрабляць такiй и такiй пылокъ. Сходзи, братокъ, приняси!» Енъ заплакавъ: «Божа мой, Божа мой, идзѣ я табѣ яго достану?» Алитки узявъ съ собой усихъ звяровъ: лисицу, вовка, мядзьвѣдзя, ильва, и пошовъ къ тому пруду. Видзиць—у прудзи дванатцаць дзвярей. Упусцивъ енъ упяродъ своихъ звяровъ, а самъ яще ня ўспѣвъ увойпи ў прудъ, ажъ дзвери и замкнулиси! Али лисица, вѣдомо-хитрая звярушка—прибѣгла цихынько къ большому камяню и ўзяла трошку пылку, ды подбѣгла къ щелцы и черазъ щелку подала гэтый пылокъ Иваньку. Завярнувъ Иванька пылокъ у паперку и понёсъ домовъ. Сястра ўзяла пылокъ и пошла къ мѣдзяному вовку. Тэй, якъ узнавъ, што звяри Иваньковы остались у прудзи, дыкъ троху узрадувався, бо знавъ, што безъ звяровъ яго подыйци можно. Енъ сказавъ Марьи: «треба поспробуваць яго силу. Увярци яго ў полотно, а коли ёнъ гэто полотно разорвець, тоды увярци яго шовкомъ. И коли енъ шовку не разорвець, тоды позови мяне!» Марья пошла икъ брату, ды кажець: «вотъ, мой браточакъ: мнѣ людзи казали, што ты дужо силный. Хоцѣла бъ я поспрóбуваць твоѐ силы?»—Отчаго, можно! Тоды яна завярцѣла яго у полотно. А енъ якъ рванувся—тàкъ полотно усё и разсыпалося. Тоды яна узяла и ўвярцѣла яго у шовкъ. Иванька рванувся, али шовку не разорвавъ, и шовкъ уциснувся ў яго косци. Тоды Марья позвала мѣдзянаго вовка. Тэй пришовъ съ шаблей и хоцѣвъ отсѣчь яму головў. Али птушачка што сядзѣла ў клѣтцы, спѣла Иваньку, кабъ енъ просився худь на пувчаса, ли того, што звяри яго ужо прогрызли дзвери. Иванька такъ-сякъ отпросився на пувчаса Богу помолитца. Пувчаса пройшло, а звяровъ нема. Тоды птушачка запѣла, кабъ Иванька просився на пувминуты, бо яго звяри ужо бягуць. Такъ, сякъ Иванька отпросився яще на пувминуты. Пройшло и пувминуты, а звяровъ, якъ нема, дыкъ нема.... Ужо вовкъ идзець съ шаблей, кабъ забиць Иваньку. А тўтъ и птушачка пѣць перастала. Вовкъ и отрубивъ Иваньку головў... Тольки енъ отрўбивъ голову, а звяри и прибѣгли. Кинулись яны на мѣдзянаго вовка и почали яго рваць [2]) и разорвали на куски. Тоды левъ сказавъ мядзьвѣдзю, кабъ енъ пилнувавъ трупа Иваньковаго, а вовку сказавъ, кабъ енъ доставъ сабѣ и мядзьвѣдзю ѣсци, а самъ зъ лисицай пошовъ по воду гоющую и живущую. Ишли яны, ишли, дужа довго; ажъ пришли къ дўбу, а на тымъ дубў сядзиць воронъ. «Воронъ, воронъ! кажець левъ: приняси мнѣ воды гоющiя и живущiя!»—А за што я табѣ мáю приносиць такея воды? Што ты мнѣ здзѣлыешъ, коли я не принясу табѣ?—

1) Въ одн. варiантѣ прежде, чѣмъ послать брата на мельницу, сестра посылаетъ его „къ чартиси за чартинымъ молокомъ,“ въ увѣренности, что чертъ непремѣнно его задушитъ. Пошелъ Иванька съ своими звѣрями по лѣсу, по болоту. Шелъ, шелъ—приходитъ къ озеру. У озера стоитъ хатка. „Увыйшовъ ёнъ у хатку, ажны видзиць—ссуць чарциху чарценяты. Енъ примѣцився страляць у яѐ, а яна дала яму молока и чарцянёнка. Пошовъ енъ домовъ....“ Затѣмъ его посылаютъ на мельницу.

2) *Вар.* Левъ, вовкъ, мядзьвѣдзь и лиса ирвали, а чертъ раскидàвъ по куткамъ, кабъ енъ ня зжився.

«А за свою жись!» кажець левъ. Ды якъ потросъ дубомъ, дыкъ ворону и зляцѣць няможно: чуць у имъ нутры не порвалиси. Тоды воронъ побѣщавъ принѣсци воды гоющія и живущія: «тольки подвяжиця мнѣ подъ крыльля двѣ бутэлочки, кабъ було уво што воды ўзяць!» Левъ подвязавъ яму подъ крыльля бутэлки; воронъ и поляцѣвъ. Ляцѣвъ ёнъ, ляцѣвъ, дужо много. Ажъ прилетаець къ царському дворцу, дзѣ была вода гоющая и живущая. Коло тыѐ воды и дзень и ночь стоявъ солдатъ на часахъ. Ляцючи, воронъ ставъ стукаць бутэлочками. Поднявъ солдатъ головў ўгбру, видзиць—ляцицъ птушка и стукаець бутэлочками. Задзивився енъ и побѣгъ, сказавъ цару и ўсяму двору царському. Уси выбягли глядзѣць. Видзюць, што ляцицъ нѣйкая птушка и ляцючи нѣчимъ стукаець и бразчиць. И стали ўси на яѐ глядзѣць. Тоды воронъ ставъ отлетаць дали. За имъ побѣгли уси чисто. Отвёвши ихъ за вярсту, воронъ скорѣй вярнувся, набравъ у бутэлочки воды гоющія и живущія, и поляцѣвъ къ ильву. Левъ узявъ отъ яго водў и пошовъ зъ лисицай домовъ. Пришовши, видзиць, што мядзьвѣдзь ссохъ, якъ щепка, а вовкъ разжирѣвъ, якъ кормный парсюкъ. Тоды левъ пытаець: «чаго ты, мядзьвѣдзь, высохъ, якъ щепка?»—А вовкъ самъ наядався, а мнѣ тольки дававъ голую косточку! Тоды левъ кажець: «Ну, ты яго за гэто посадзи на лѣвую лапу, а правой погладзь!» Мядзьвѣдзь узявъ, посадзивъ вовка на лѣвую лапу, а правой якъ пописнувъ, то вовку й духъ вонъ. Тоды левъ узявъ воды гоющія ды узливъ на Иваньку—голова къ трупу и пристала. Тоды енъ уливъ у ротъ воды живущія—Иванька й отживъ. «Ахъ, якъ я смашно заснувъ!»—Да, добро заснувъ: кабъ ня мы, дыкъ-бы ня ўставъ!

Вышли яны тоды зъ гэтаго дому: Иванька съ сястрой, мядзьвѣдзь, левъ и лисица. Пройшовши нѣскульку вёрстъ, Иванька раздумався: «нашто я ўзявъ съ собой сястру?» И узявъ ды привязавъ яѐ къ дзераву. А самъ зъ звѣрами пошовъ дали. Али пройшовши троху, стало яму жалко своѐй рбдной сястры. Послав ёнъ мядзьвѣдзя: «идзи, поглядзи: ци смяетца яна, ци плачець? Коли смяетца, тамъ оставъ, а коли плачець—отвяжи и ко мнѣ привядзи!» Мядзьвѣдзь пошовъ, и на дорози дужо усердзився на Марью, што черазъ яѐ ёнъ высохъ, якъ щепка. Пришовъ къ ёй, ды ўзявъ ды й забивъ. Вярнувшиси къ Иваньку, кажець: «смяетца; ажъ пѣна красная валиць зъ рота!» —Якъ гэто пѣна красная валиць зъ рота? спытався Иванька.—«Ды я яѐ забивъ!» кажець мядзьвѣдзь. Ну, пошли яны дали.

Ишли, ишли, ишли, ишли—приходзюць икъ городу. Пришовъ Иванька къ одному двору и ў ходзяина спатався: «што у васъ тутъ чуць добраго?»—А добраго ничбго ня чуць, а худое чуць, кажець ходзяинъ. Вотъ, у нашаго цара ёсь одна дочка; и тую смокъ сказавъ къ сабѣ привѣсци: хочець яѐ зьѣсь! Иванька, ня думавши довго, пошовъ на ўзморье. Тамъ была малая хацёнка, куды мѣли привезци царевну, смоку на зьядзеньня. Улѣзъ ёнъ у хацёнку, видзиць, царевна молитца Богу. Тоды енъ кажець царевнѣ: «вотъ, я засну. А якъ станець мора волноватца, тоды мяне узбудзи!» Лёгъ и заснувъ. Тольки стало мора волноватца, царевна узбудзила Иваньку; енъ узявъ, дзвери на замокъ зачинивъ. Ажъ приходзиць смокъ. «Отчиняй!» кричиць.—Нѣ, ня 'тчиню!—«Отчиняй!»—Нѣ, ня 'тчиню! Тоды смокъ разломивъ дзвери. Видзиць Иванька, што смокъ дванатцациголовый. И стали яны битца. Иванька збивъ смоку шесь

головъ. Али тоды смокъ ставъ яго змогаць. «Стой!» кричиць Иванька: «цари бъютца, и то отдыхаюць; а мы съ тобой што такъ ня 'тдыхнемъ?» Стали яны отдыхаць. Смокъ принёсъ два бочонки воды. Одзинъ—што убавляець дванатцаць силъ—поставивъ ли Иваньки, а другій—што прибавляець дванатцаць силъ—поставивъ сабѣ. А царевна усё гэто видзѣла. Вотъ, якъ тольки смокъ отвярнувся, пошовъ за закуской,—царевна и перамянила бочоночки. Пришовъ смокъ, и выпивъ бязсилную воду̇; пришовъ Иванька, и выпивъ силную воду̇. У смока дванатцаць силъ отбыло, а у̇ Иваньки прибыло. Стали яны битца: Иванька збивъ смоку и послѣднихъ шесь головъ. Тоды царевна дала Иваньку пярсцёныкъ и хусточку. Иванька пошовъ къ свойму ходзяину. А съ царськаго дворца царъ выславъ слугу, кабъ енъ змывъ у хацёнцы кровъ. Тольки ёнъ приходзиць, а царевна жива. «Хто цябе збавивъ?»—А збавивъ мяне Иванька!—«Ну, дыкъ вотъ: смокъ цябе не забивъ, то я цябе забъю, коли со мой ня 'женисься и не скажешъ, што я цябе збавивъ отъ смерци!» Царевна дужо спужалася и сказала, што усё ли яго здзѣлыець, кабъ ёнъ тольки яѐ не забивъ. Пришовши у дворецъ свой, царевна сказала бацьку̇, што яѐ збавивъ отъ смока гэтый слуга, якого ёнъ посылавъ кровъ съ подлоги змыць. Тоды царъ отписавъ яму половину царства и ставъ жаниць зъ имъ свою дочку̇. 1)

Почувъ Иванька, што царевна выхо́дзиць за свойго слугу, што ёнъ бытто збавивъ яе отъ смока, и праславъ ёнъ къ царевнѣ лиснцу по пиво. Царевна увознала лисицу и привязала ей бутэлку съ пивомъ. Тоды Иванька праславъ мядзьвѣдзя по вино. Царевна яму̇ привязала бочонокъ вина. Иванька праславъ тоды ильва за горѣлкой. Царевна привязала яму̇ кухлю горѣлки. Бацька царевны пытаець: «што гэто значитца?» А яна не признаетца. Ажны приходзиць на вясельля Иванька. Царевна якъ увидзѣла яго, такъ и кинулась къ яму̇ цаловатца. «Во, татычка, тэй, хто збавивъ мяне отъ смока, а ня тэй, съ кимъ я мѣла жанитца!» Тоды Иванька кажець слузѣ, мѣвшаму быць мужикомъ царевны: «якэя ты маешъ примѣты, што ты збавивъ царевну отъ смока?» Тэй, мыкався, мыкався и такъ, и сякъ,—и ничо́го не сказавъ. Показавъ тоды яму̇ Иванька пярсцёныкъ и хустку царевны. Царъ тойчасъ вялёвъ привязаць слугу икъ коньскимъ хвостамъ. А Иванька съ царевной ожанилиси, и жили дужо до́бро.

Д. Земковичи, сѣнн. у.

1) Въ одн. вар. вставлена въ этомъ мѣстѣ сказка „Солдатъ и черти," гдѣ мѣсто солдата занимаетъ Иванъ. Затѣмъ продолжается „Мѣдный волкъ." Подъ заглавіемъ „Залізний вовкъ" помѣщ. сказ. у Рудч. т. I, стр. 149 и Драг. 271 сод.-эпизод. изъ Васил. премудр. и Кобылина сына. Срав. Чубинск. 138. Садовник. 67.

5 Юда—беззаконный чортъ.

Поѣхывъ царь на польгуваньне, и заблудзився у лѣси. Ходзивъ, ходзивъ—ниякъ нябожно выйци изъ лѣсу. Вотъ, приходзиць къ яму̇ нѣйкій чаловѣкъ и гово́рицъ: «коли ты отдаси мнѣ то, чаго дома ня знаешъ, дыкъ я цябе вывяду!» А гэто бывъ Юда—беззаконный чортъ. Думывъ, думывъ царь: усё, кажетца, знаецъ! И гово́рицъ Юдзѣ: «ну, нехай-сабѣ табѣ остаетца, тольки вывядзи мяне!» Юда и вывевъ царя

изъ лѣсу, и пошовъ ёнъ домовъ. Тольки приходзиць ёнъ домовъ, ажъ у яго родзилиси дзѣци: дычка—Марья, и сынъ—Иванъ, покуль енъ блудзивъ пы лясу. Ажъ во приходзиць и Юда: «ну, давай дзяцей!» Царь ставъ проситца, кабъ хуць трошку яны побыли зь имъ. Юда здався и пыляцѣвъ. Якъ тольки енъ отляцѣвся, царь сичасъ дворецъ спаливъ, а дзяцей схувавъ у склепъ, и стали яны тамъ, у склепи, жиць. Пришовъ строкъ; приходзиць Юда за дзяцьми, гдядзиць—ничого нема, тольки головешки. Юда давай грызци головешки. Грызъ, грызъ: «идзѣ Иванъ зъ Марьей?» Головешки яму ничого не сказали. Ставъ ёнъ грызци чепялу. Грызъ, грызъ—чепяла ничого не сказала. Тоды ставъ грызци вилки. Грызъ, грызъ—вилки ничого яму не сказали. Ставъ грызци пымяло—и пымяло ничого яму не сказало. Послѣ ёнъ ставъ грызци полоньникъ. Грызъ, грызъ и спрашыецъ: «идзѣ Иванъ зъ Марьей?» Полоньникъ пыднявся и поляцѣвъ, ды й сѣвъ на склепи. Юда тоды ўлѣзъ у склепъ и говорицъ: «ну, вотъ коли я васъ зьѣмъ, Иванъ и Марья!» А Иванъ зъ Марьей говорюць: «Юда, Юда, беззаконный чортъ! ци у нашаго татки хлѣба-соли нема?» Принясли яму булку хлѣба, повпуда соли и вядро воды. Юда усё зьѣвъ ды й лёгъ спаць. Приляцѣла тоды сорока и говорицъ: «Иванъ зъ Марьей! сядзицеся мнѣ на крыльля, я васъ увязу!» Яны сѣли. Сорока ляцѣла, ляцѣла, а Юда прошнувся. Видзиць—нема Ивана зъ Марьей, и пыляцѣвъ дыгоняць. Якъ дыгнавъ, крыльля сороцы отпаливъ, и говорицъ на Ивана зъ Марьей: «вотъ коли я васъ прожру!» А яны говорюць: «Юда, Юда, беззаконный чортъ! ци ў нашаго татки хлѣба-соли нема?» Принясли и дали Юдзѣ двѣ булки хлѣба, ды пудъ соли, ды два вядры воды. Юда поѣвъ усё, попивъ, и легъ спаць. Приляцѣвъ къ имъ крукъ и говорицъ: «ну, Иванъ зъ Марьей, садзицеся мнѣ на крыльля, я васъ увязу!» Яны сѣли и пыляцѣли. Ляцѣли, ляцѣли, а Юда прошнувся, глядзиць, а Марьи зъ Иваномъ нема. Пыляцѣвъ ёнъ дыгоняць ихъ. Дыгнавъ, круку крыльля отпаливъ, и говорицъ: «ну, Иванъ зъ Марьей! я васъ ужо зьѣмъ!» А яны говорюць: «Юда, Юда, беззаконный чортъ! ци ў нашаго татки хлѣба-соли нема?» И дали яму три булки хлѣба, повтора пуда соли и три вядры воды. Юда поѣвъ, попивъ усё и крѣпко заснувъ. Приляцѣвъ икъ дзѣцямъ орёлъ: «ну, Иванъ зъ Марьей! садзицесь на мяне, я васъ увязу!»—Нѣ, орелъ: насъ сорока вязла, ня ўвязла, ворона вязла, ня ўвязла, и ты ня ўвязешъ!—«Ну, не вашъ клопытъ!..» Яны сѣли, а орелъ и пыляцѣвъ. Ляцѣвъ, ляцѣвъ, а тымъ-часомъ прошнувся Юда. Полядзиць—ажны Ивана зъ Марьей нема. Вотъ пыляцѣвъ Юда ихъ дыгоняць. Дыгнавъ, орлу крыльля отпаливъ, а на Марью зъ Иваномъ говорицъ: «вотъ жа коли я васъ прожру!» Иванъ зъ Марьей говорюць: «Юда, Юда, беззаконный чортъ! ци у нашаго татки хлѣба-соли нема?» Сичасъ вынули яму чатыре булки хлѣба, ды два пуды соли, ды чатыре вядры воды. Юда ўсё зьѣвъ и выпивъ, и заснувъ. Вотъ, прилятаець икъ имъ бычокъ съ ковпачокъ и говорицъ: «ну, Иванъ зъ Марьей, садзицеся на мяне, я васъ увязу!»—Нѣ, бычокъ съ ковпачокъ, ты не ўвязешъ насъ: сорока вязла, ня ўвязла, ворона вязла, ня ўвязла, орелъ вёзъ, ня ўвёзъ!—«Ня бойся, я ўвязу!» Сѣли яны и покацили. Ѣхыли, ѣхыли, приѣхыли къ морю. Тоды бычокъ съ ковпачокъ говорицъ: «ну, Иванъ и Марья! злѣзайце зъ мяне; собирайце осинывыя дровы ды спалице. А пыпялокъ у хвустучку увяжице; и якъ тольки черязъ моря переходзиць, то

гетой хвустучкой махнице, и здзѣлыетца мостъ, а якъ перейдзеце на тэй бокъ—узнова махнице: мостъ гетый пропадзець. Тоды васъ Юда ня зможець узяць!» Яны такъ и здзѣлыли: сыбрали дровъ осиныхъ, спалили ихъ, и пыпялокъ увязали у хвустучку. Якъ подыйшли къ морю, такъ хвустучкой махнули—и ставъ мостъ. Яны перяйшли по нимъ на тэй бокъ, тоды ўзнова махнули—мостъ и пропавъ. Вотъ, и пошли яны дали. Ишли, ишли, ўзыйшли на високую горў. Махнули хвустучкой, и здзѣлывся домъ. Вотъ яны увыйшли у тэй домъ, и стали тамъ жиць. Жили, жили... Якъ тольки Марья пойдзець воды, Юда и говорыць ёй: «Марьячка-сястрица, скажи, куды вы перяходзили?» И начнець яѐ просиць: «кыли хочешъ—братымъ твоимъ буду, а кыли хочешъ—бацькымъ буду, кыли хочешъ—мужукомъ!» Жаль стало дзѣвцы Юды, стала яна просиць у брата хвустучку: «дай, я яѐ помыю, а то яна чорна. Можа, ты будзешъ жанитца!» Братъ довго не дававъ, ды ўсётки сыгласився и отдавъ ёй хвустучку. Вотъ яна пошла на моря, махнула хвусткый—ставъ мостъ. Марья и перевяла по имъ Юду. Якъ тольки братъ пойдзець на работу, яна зь Юдымъ и пируець. И задумали яны якъ-не-якъ ды згубиць брата. Стала яна притворятца хворою и говорыць брату: «ну, брацець, я стала хвора. Дыстань ты мнѣ заяччаго мылока, тоды можа я выздоровлю!» Ёнъ говорыць: «ну, што, сястрица, заўтра заўтрашнее и будзець!» Назаўтра, якъ тольки давъ Богъ дзень, ёнъ уставъ раняնько, умывся бѣлянько, и пошовъ на польгуваньня. Ходзивъ ёнъ, ходзивъ, видзиць-идзець зайчиха зь дзяцьми. Иванъ тольки думавъ забиць яѐ, а яна говорыць: «ну, Иванъ Царевичъ, ня би мяне: я табѣ сама дамъ мылока и дзяцёнка, кабъ яна табѣ повѣрила!» Узявъ ёнъ мылоко и дзяцёнка, и пошовъ домовъ. Пришовши домовъ, зайца пысадзивъ подъ полъ, а мылоко сястрѣ отдавъ. А яна говорыць: «болото болотомъ пахнець, а бѣсъ бѣсомъ! Ня хочу гетаго мылока; приняси мнѣ лисьсяго!»—Ну, сястрица, заўтра заўтрашнее и будзець!.. Назаўтраго уставъ раняնько, умывся бѣлянько, и пошовъ на польгуваньня. Идзець ёнъ, а на ўстрѣчь лисица зь дзяцьми. Енъ тольки хоцѣвъ стряляць у яѐ, а лисица говорыць: «Иванъ Царевичъ! ня би мяне: я табѣ сама дамъ мылока, ды й дзяцёнка, кабъ яна табѣ повѣрила!» Ёнъ узявъ мылоко и дзяцёнка и пошовъ домовъ. Лисянёнка пысадзивъ подъ полъ, а мылоко отдавъ сястрѣ. А сястра говорыць: «болото болотомъ пахнець, а бѣсъ бѣсомъ. Приняси ты мнѣ вовчинаго мылока!»—Ну, сястрица, заўтра заўтрашнее и будзець!.. Назаўтра уставъ раняնько, умывся бѣлянько и на польгуваньня пошовъ. Ходзивъ ёнъ, ходзивъ, видзиць-вовчица идзець зъ вовчанятами. Тольки Иванъ хоцѣвъ яѐ забиць, вовчица говорыць: «Иванъ Царевичъ! ня би мяне: я сама табѣ дамъ мылока и вовчанёнка, кабъ яна табѣ повѣрила.» Иванъ узявъ мылока и вовчанёнка и пошовъ домовъ. Вовчанёнка пысадзивъ подъ полъ, а сястра говорыць: «на што ты собираешъ гетыхъ чарцей болотныхъ?» Узяла яна мылоко: «ну, болото болотомъ пахнець, а бѣсъ бѣсомъ. Идзи приняси мнѣ мылока мядзьвѣжжаго!»—Ну, што сястрица, заўтра заўтрашнее и будзець!.. Перяспали ночь. Назаўтра, якъ давъ Богъ дзень, уставъ енъ раняնько, умывся бѣлянько и пошовъ на польгуваньня. Идзець ёнъ пы лясу, видзиць-идзець мядзьвѣдзица зь дзяцьми. Енъ тольки прицѣлився забиць яѐ, а мядзьвѣдзица говорыць: «ня би мяне, Иванъ Царевичъ, я табѣ сама дамъ мылока и мядзьвѣдзянёнка, бы сястра безъ яго не повѣриць!» Дала яму мылока и мядзьвѣ-

дзянёнка. Енъ узявъ и пошовъ. Пришовши домовъ, мядзьвѣдзяненка пысадзивъ подъ полъ. А сястра говорицъ: «на што ты собираешъ гетыхъ чарцей зъ болота?» Подавъ ёнъ мылоко, яна говорицъ: «болото болотомъ смярдзицъ, а бѣсъ бѣсомъ! Приняси ты мнѣ ильвинаго мылока!»—Ну, сястра, заўтра заўтрашнее и будзецъ!... Лягли спацъ. Назаўтра, уставши ранянько, умывся бѣлянько и пошовъ на польгуваньня. Ходзивъ енъ, ходзивъ, видзицъ-идзецъ ильвица зь ильвенятами. Вотъ енъ тольки хоцѣвъ выстрялицъ, а ильвица говорицъ: «Иванъ Царевичъ! ня губи мяне: я табѣ сама дамъ мылока и ящо ильвянёнка, кабъ яна повѣрила!» Енъ узявъ мылоко и ильвяненка, и пошовъ домовъ. Пришовши, ильвяненка пысадзивъ подъ полъ, а мылоко отдавъ сястрѣ. А яна говорицъ: «болото болотомъ смярдзицъ, а бѣсъ бѣсомъ! Ня хочу гетаго мылока, приняси мнѣ пциччаго!»—Што ты, сястра, съ памяци выбилася, ци што? Идзѣ я табѣ пциччаго мылока дыстану?.. Сястра и заплакыла: «ты, вѣрно, моёй смерци хочешъ?...» Жалко стало Ивану: «ну, заўтра заўтрашнее и будзецъ!» Назаўтра, уставши енъ ранянько, умывся бѣлянько, и пошовъ на польгуваньня. Ходзивъ, ходзивъ—нѣйдзѣ пциччаго мылока дыстацъ. Найшовъ енъ кручиное гнѣздо, пыбравъ яйцы и понесъ сястрѣ. А сястра ужо придумала яму новую смерцъ. Якъ тольки енъ пришовъ, дыкъ яна пычала яго просицъ, кабъ ёнъ принесъ ёй такій пирогъ, што самъ на прудзи моловся, самъ пёкся. Назаўтра Иванъ уставъ ранянько, помывся бѣлянько, накормивъ своихъ звярёвъ, и пошовъ пирогъ искацъ. Ишовъ, ишовъ, пытався, пытався, алмтки напытавъ такій прудъ. Пришовъ ёнъ туды, увыйшовъ на прудъ и звяри зь имъ. Тоды найшовъ тамъ ёнъ пирогъ и ўзявъ. Пошовъ енъ съ пруда, а двери и зачинилиси, и запёрли на прудзи яго звярёвъ. Нечаго дзѣлыць, пошовъ ёнъ домовъ. Покуль енъ гетый пирогъ прыставлявъ, придумыли яму трецьцюю смерцъ: задумыли яго у лазьни спалицъ. Вотъ, якъ тольки енъ пришовъ, Марья пычала гыворицъ: «вытыпи ты лазьню помытца!» Принясла яна дровъ, пукъ лучины—растопицъ лазьню, и кажецъ: «топи живо!» Тольки яна пошла, якъ ляцицъ къ Ивану крукъ. Приляцѣвъ и кажецъ: «ну, Иванъ: ня стольки топи, скольки гаси; а то твоѐ звяри табѣ не помогуцъ: яны крѣпко запёрты!» Иванъ узявъ и пыгасивъ дровы. Прибѣгаецъ сястра: «ну, што ня топишъ?»—Ну, што, кыли дровы не горяцъ: лучина пыгорѣла, а яны потухли!... Пошла яна и принясла ящо пукъ лучины: «ну, топи живѣй!» Тольки яна пошла—крукъ приляцѣвъ: «Иванъ Царевичъ! ня стольки топи, скольки туши: звяри твоѐ ще двери лымаюцъ!» Енъ опяцъ пытушивъ дровы. Прибѣгаецъ сястра у трецьцій разъ: «ну, што, ци растопивъ?»—Ды ниякъ ня можно: ўсё пытухаецъ! Принясла яна ящо пукъ лучины: «ну, живѣй топи!» А сама побѣгла домовъ. Прилетаецъ крукъ: «ну, Иванъ Царевичъ, ня стольки гаси, скольки топи: твоѐ звяри близко!» Енъ и начавъ рыстапливацъ. Прибѣгла сястра: «ага! вотъ такъ бы ты давнѣй дзѣлывъ!...» Вотъ лазьня вытыпилась; пришовъ Юда у лазьню зъ Марьей, принясли зялёзные пруцьця, и хоцѣли Ивана забицъ. Ставъ енъ проситца. Яны пусцили яго зъ бѣлымъ свѣтымъ попрощатца. Енъ, якъ выйшовъ,—якъ свиснецъ, якъ крикнецъ: «поскорѣй, слуги моѐ, поскорѣй!..» А сястра зъ Юдымъ говорицъ: «ну, ня кричи, идзитку сюды!..» Енъ ничого имъ больше не сказавъ—якъ прибѣгли яго звяри. Иванъ сичасъ отчинивъ лазьню, пыказавъ на Юду—яны и пошли яго скумацицъ! Вынесъ енъ тоды сястру изъ лазьни

вонъ, и лазьню подпёръ и запаливъ, и спаливъ тамъ Юду. Енъ тамъ и згорѣвъ. Узявъ тоды Иванъ сястру, завёвъ у лѣсъ и пысадзивъ у пящеру, ды й запёръ.

Самъ послѣ гетаго пошовъ у свѣтъ. Зайшовъ не ў наше царство, и жанився тамъ. Якъ жанився, дыкъ жонка пычала пытатца: «Иванъ Царевичъ, што-ци ў цябе роду-племя нема?» Енъ говорицъ: ёсь у мяне сястра, ды яна у турьмѣ сядзицъ! Вотъ жонка и послала яго за сястрой. Енъ пошовъ. Тольки пришовъ у пящеру—сястра узрадывалась и говорицъ: «брацецъ родненькій, возьми мяне съ собою, а то я тутъ соўсимъ змарнѣла!» Иванъ узявъ яѐ и повезъ. Якъ тольки проѣзжали мимо тэй лазьни, идзѣ згорѣвъ Юда, яна уздыхнула, соскóчила съ колесъ и пошла на вóгнище. Найшла тамъ Юдзинъ клыкъ, схувала яго и поѣхыла домовъ. Пріѣхавши домовъ, сястра говóрицъ Ивану: «дай я табѣ пойщу!» Енъ дався. Яна и ўвогнала яму у завыекъ Юдзинъ клыкъ. Енъ и обмяртвѣвъ. Ну, надо было яго хыроницъ. Стала жонка пытатца у сястры яго: «якъ у васъ хоронюцъ?»—А вотъ якъ у насъ хоронюцъ: вóзьмуцъ бочку, ды ў бочку нябощика положуцъ, ды обручовъ зъ дванадцыць узгонюцъ, ды тоды на моря и пусцюцъ! Жонка пошла къ ковалю и зыказала дванадцаць обручовъ. Коваль здзѣлывъ и подавъ жонцы. Тоды узяли большую бочку, положили у бочку Ивана, нагнали дванадцаць обручовъ, ды й пусцили на моря. Вотъ, стали яны жицъ удвюхъ. Зыхоцѣли звяри ѣсь, стали вищацъ; жонка узновъ пытаетца у Марьи: «чимъ ихъ кормицъ?» А Марья кажецъ: мякины усыплемъ, ды воды нальлёмъ: вотъ имъ и яда! Жонка такъ и здзѣлыла. Видзюцъ звяри, што имъ приходзитца плохо, кинули яны домъ и пошли исцацъ Ивана, и пришли къ морю. Ходзили, ходзили кыло моря, усё искали ходзяина, и увидзѣли на мори бочку. Якъ имъ дыстацъ тую бочку? Пошли яны, попросили у мужука вярёвку. Тоды стали думыцъ, якъ имъ зыложицъ вяревку за бочку?—«Ну, ты левъ, силенъ: идзи закладзи вярёвку!»—Нѣ, братъ: я тóвестъ, могу ўтопитца.—«Ну, ты, зайчикъ-лехкій мальчикъ-ты закинешъ!» Поплывъ заяцъ, закинывъ вяревку за бочку, а тыи выцягныли бочку. Выцягнывши, стали яны гыворицъ, якъ яго изъ бочки выняцъ: разбицъ бочку—дыкъ ящо и яго забъéшъ.... И пыряшили яны зняцъ обручи. «Ну, ты, левъ, крѣпокъ, и кипци твоѐ кряпчѣй усихъ—уздзирай обручи!» Левъ узявся здзирацъ; брався енъ, брався—чуцъ пысодравъ. Выняли тоды Ивана изъ бочки и пычали глядзѣцъ: ци ня ёсь якая ранка? Глядзѣли яны, глядзѣли, и ўвидзѣли у завыйку клыкъ. Яны сичасъ тэй клыкъ выняли—Иванъ и отживъ. «Вотъ я довго спавъ!»—Ды нѣ, ты ня спавъ, а помёрши бывъ! кажуцъ звяри. И рызсказали яму, якъ сястра яго пухувала, чимъ ихъ кормила. Тоды пошли яны домовъ. Пришовши домовъ, Иванъ узявъ сястру, и пывяли яѐ ў лѣсъ, ды тамъ и пысадзили на високое дзерявó. Ну, якъ вярнўвся Иванъ у дворъ, стало яму жаль сястры. Енъ тоды кажецъ ильву: «сходзи ты пылядзи сястры! Кыли яна зы нами глядзицъ, дыкъ зними яѐ и привядзи сюды; а кыли, часомъ, туды глядзицъ, идзѣ спалили Юду, дыкъ такъ тряхани, кабъ и косци разсыпались!..» Пошовъ левъ; видзицъ—глядзицъ яна туды, идзѣ згорѣвъ Юда. Схвацився енъ за дзерявó, якъ тряханувъ—яна упала и разбилась на мелкія крошки.

А Иванъ съ своéй жаной стали жицъ ды пыживацъ, ды добра ныживацъ. И я тамъ была, видзѣла тамъ лазьню, у лазьни корыто, у корыци корецъ—моей басни конецъ.

Д. Черногостье, остров. вол. сѣнн. у. Кр-ка Елена Иванова.

Считаемъ не лишнимъ привести, рядомъ, варіантъ этой сказки, записанный южнымъ бѣлорусскимъ говоромъ въ 350 в. отъ Черногостья-въ *с. Переростъ гомельскаго уѣзда:*

6, Живъ дѣдъ да баба. И було у ихъ двоя дятей: сынъ и дочка̀. Сына звали Иванькомъ, а дочку̑ звали Ма́ръячкой. Вотъ дѣдъ и баба умéрли, остались одны дѣти. Пришовъ къ имъ Юда-прознуститялъ, хотѣвъ ихъ прознустить. И стала Юда пить да гулять, а напившись, лягла спать, и кажа дятямъ: сядитя, ня ложитясь спать, покуда я у̑стану. Вотъ, якъ Юда заснула, дѣти заховались у пóграбъ. Юда прошнулася и спрашуя: «ти сядйтя вы?» Мовчать. Яна и у̑дру̑гій: «ти сядитя вы?» Мовчать. Юда ускóчила и стала пытать у кочарги: «кочарга, скажи, дѣ дѣти?» Кочарга кажа: «за што я табѣ скажу? Хиба я ня ѣла? Мною вымаять и хлѣбъ, и мяккія полянички,— ня скажу!» Юда стала пытать у ёмки: «емка, скажи, дѣ дѣти?» Емка кажа: «за што я табѣ скажу? ти я ня ѣла? Мною пякуть блины, прагуть яешню, прагуть сало,— ня скажу!» Юда стала пытать у вилокъ: «скажйтя, дѣ дѣти?» Вилки кажу̑ть: «я скажу, дѣ дѣти. Што, я вымаю горшки? Маръячка отломила мнѣ одинъ рогъ!.. Шибни етый рогъ, ёнъ найдя ихъ!» Юда шибнула рогъ, рогъ и у̑павъ на пограби. Юда стала тамъ рыть. Рыла, рыла, вырыла тамъ дятей и повяла ихъ у хату. И стала изновъ пить да гулять! А тоды и говора дятямъ: «сядитя-жъ, ня спитя, поку̑ль я у̑стану!» А сама лягла спать. Вотъ, якъ Юда заснула, Иванька плюнавъ на печи и у̑ порози, и на кутѣ. А сами пошли у̑ хлѣвъ. И стоявъ тамъ, у хлѣви, воликъ. Яны говóрать: «што ето намъ дѣлать?» А воликъ кажа: «бяритя съ собой щотку и грабёнку, и хустку, и садитясь на мяне!» Узяли яны щотку, грабенку и хустку, сѣли на волика и поѣхали. А Юда прошнулася и говóра: «ти сядитя вы?» Слюна на пѐчи отзываетца: «сядимъ!» Юда и у̑дру̑гій: «ти сядитя вы?» Слюнка у̑ порози: «сядимъ!» Юда и у̑третьтій: «ти сядитя вы?» Слюнка на кутѣ: «сядимъ!» Юда и у̑ чатьвертый разъ спрашуя: «ти сядитя вы?» Мовчать. Вотъ Юда потхватилася и пошла у хлѣвъ. Полядѣла—нема волика, тольки слядки. Юда по слядкахъ побѣгла ихъ догонять. Бягить, бягить Юда, и догоняя ихъ. Вотъ, Маръячка зиръ назадъ, а Юда у̑же ли ихъ! Маръячка кажа волику: «уже насъ догоняя Юда!» Воликъ говора: «кидай щотку!» Маръячка кинула щотку: ставъ большій густый лѣсъ! Вотъ Юда побѣгла икъ ковалю и говора: «ковалёкъ, ковалёкъ! искуй мнѣ топорокъ!» Ковалекъ и сковавъ ёй топорокъ. Юда побѣгла у лѣсъ дорогу тярабить. Протярабила Юда дорогу и побѣгла дятей догонять. Бягить Юда и бягить, и у̑же догоняя ихъ. Маръячка зиръ назадъ—а Юда у̑же ли ихъ. Вотъ Маръячка говора волику: «уже Юда догоняя насъ, уже огнёмъ пяче!» Воликъ кажа: «кидай грабенку!» Маръячка кинула грабенку—и стали большія горы! Вотъ Юда побѣгла икъ ковалю: «ковалища, ковалища, искуй мнѣ заступища!» Коваль сковавъ заступища. Вотъ Юда и пошла горы прокапавать. Копала, копала и прокопала, и побѣгла дятей догонять. Догоняя Юда дятей, а Маръячка зиръ назадъ, а Юда у̑же ли ихъ. Вотъ Маръячка говора волику: «уже догоняя насъ Юда!» Воликъ кажа: «мовчи, ще хоть трошки проѣдомъ!» Маръячка изновъ волику кажа: «уже огнёмъ пяче!»—Ну, махай назадъ хусткой! Маръячка махнула—и стало большое мора. Юда за морамъ и осталась.

Тогды воликъ говора Иваньку: «ну, Иванька, тяперака попаръ уже мяне, а то я у̑морився!» Вотъ Иванька ставъ вѣники вязать, а воликъ говора: нѣ, ты, Иванька, ня

вяжи мнѣ вѣниковъ, а знайди мнѣ дубовый прутъ!» Иванька знайшовъ дубовый прутъ. Вотъ воликъ и говора: «би мяне, Иванька!» Иванька ударивъ волика—выскочивъ изъ волика собака!—«Би яще ўдрўгій!» Иванька ударивъ—выскочивъ ще собака!—«Би яще ўтретьтій!» кажа воликъ. Иванька ударивъ—выскочивъ и третьтій собака. Тогды воликъ попрощався зъ дятьми и пошовъ. А собаки тыя стали Иваньку служить, и служили вельми хорошѐ: што енъ тольки ни скажа, тоя яны ямў и дѣлали. Знайшли яны сабѣ хату и стали у ёй жить. Иванька ходивъ зъ ружжомъ у лѣсъ на охоту, а Марьячка была дома. Вотъ, разъ Иванька пошовъ на охоту, а Марьячка вышла съ хаты. А Юда здѣлався такимъ молотцомъ, и ў дудку йграя! Убачивъ Марьячку и говора: «махни ты, Марьячка, назадъ хусткой, дакъ я перайду къ табѣ, и поженимся, и будомъ жить удвохъ!» Марьячка послухала Юды и махнула хусткой: мора казавъ-бы и ня було—стало ровно. Юда перайшовъ да й кажа: «ну, тяперака махай назадъ!» Марьячка махнула хусткой,—и стало изновъ большое мора. Вотъ Марьячка и пожанилась изъ Юдой. Иде Иванька съ охоты, а Юда здѣлався иголкой, и кажа Марьяццы: «устыркни мяне у стяну! Да якъ будути лѣзть собаки у хату, дакъ ты ихъ ня пускай, а то яны мяне разорвуть!» Иванька увыйшовъ у хату, а собаки лѣзуть и брешать. Вотъ Марьячка и говора Иваньку: «отгони ты собакъ отъ вокна!» Иванька отогнавъ собакъ. Яны пошли и лягли. На другій день Иванька изновъ пошовъ на охоту, а Юда Марьяццы говора: «ты возьми да бытцомъ-то и захворѣй. И посылай Иваньку, штобъ енъ табѣ приносивъ разныхъ зельлявъ!» Вотъ, иде Иванька съ охоты, а яна и захворѣла, и ляжить на пе́чи. Пришовъ Иванька у хату; Марьячка и говора: «иди приняси мнѣ изъ мядвѣдихи молока!» Иванька пошовъ у лѣсъ. А вотъ бягить и мядвѣдиха лѣсомъ. Иванька прицковавъ собаками—отъ, яна утякать. А Иванька кажа: «ня ўтякай, а то конецъ табѣ будя!» Мядвѣдиха стала и говора: «ня би мяне, я табѣ буду у вяликой пригоди. Што ты зъ мяне требуешъ?»—Дай мнѣ свойго молока! Дала яму мядвѣдиха молока, да й кажа: «яна ето ня молока мойго жадая, а смерти твоѐ!» Вотъ, пошовъ Иванька домовъ и отдавъ Марьяццы молоко. Яна узяла, понюхала и кажа: «псина псиной и пахня! То, коли-бъ ты мнѣ принесъ вовчицынаго молока, вотъ-ба я очўняла!» Пошовъ Иванька изновъ у лѣсъ. Вотъ, иде ёнъ лѣсомъ, а вовчица бяжить. Иванька прицковавъ яѐ собаками—яна утякать. Иванька и говора: «стой, ня ўтякай, а то конецъ табѣ будя!» Вовчица говора: «стой, ня би мяне, Иванька, я табѣ буду у вяликой пригоди. Што ты зъ мяне требуешъ?»—Дай мнѣ свойго молока! Вовчица дала молока и говора: «нѣ, Иванька, яна ня требуя мойго молока, а твоѐ смерти жадая!» Пошовъ Иванька домовъ и отдавъ Марьяццы молоко. Узяла яна молоко, понюхала да й кажа: «псина псиной и пахня! То, колибъ ты мнѣ принёсъ орловую пе́рку, отъ тогды-бъ я очўняла!» Пошовъ Иванька изновъ у лѣсъ. Иде лѣсомъ, ажъ лятить оролъ. Иванька говора: «стой, ня ляти, а то конецъ табѣ будя!» Оролъ ставъ и говора: «ня би мяне, я табѣ буду у вяликой пригоди. Што ты йзъ мяне требуешъ?»—Дай мнѣ своѐ пярьйны! Оролъ говора: «яна ня пярьины моѐ требуя, а смерти твоѐ жадая!» И ня давъ яму пярьины. Пошовъ Иванька домовъ и говора: «ня давъ мнѣ пярьины оролъ!» Тогды Марьячка яго посылая: «иди ты, кажа, возьми мнѣ у ветраку за дванатцатыми дверами, подъ ка́мянямъ, промо́лу!» Пошовъ Иванька,

знайшовъ вятракъ, отобивъ дванатцать двярей, и ўзявъ подъ кáмянямъ промолу. Тольки енъ вышовъ, а двери хляпъ, хляпъ—позачинялися,—собаки и осталися тамъ.

Вотъ, пошовъ Иванька домовъ. Иде, иде, ажъ лятить воронъ: «кра, кра! потише, Иванька, иди, а то конецъ табѣ будя!» Иванька и пошовъ потихóньку. Подыходя икъ дому, а Маръячка выходя на дворъ и говора: «иди ты скорѣй, ня марудь! А то мой животъ болить, треба баню топить.» А Юда уже наготовала сухихъ дровъ, штобъ спалить у бани Иваньку. Тогды Марьячка говора: «иди-жъ ты, да скорѣй баню топи!,» Иванька ставъ растапливать, лятить воронъ: «кра, кра! Иванька! повыкидай ты дрóвы сухія, а наклади мокрыхъ пнёвъ, штобъ тольки сипѣли; а то конецъ табѣ будя: твоѐ собаки четвяро двярей отобили!» Иванька тыя дрóвы сухія повыкидавъ, а наклавъ пнёвъ. Прибягая сястра: «топи скорѣй, ня марудь!» Тольки яна пошла, лятить воронъ: «кра, кра! потише, Иванька, топи: твоѐ собаки восьмяро двярей отобили!» Прибягая изновъ сястра: «топи скорѣй, ня марудь. Ти довго щѐ тябе ждать?» Тольки Марьячка пошла, лятить воронъ: «кра, кра! топи Иванька: твоѐ собаки уже одинатцать двярей отобили, послѣднія бъють!» Иванька топя. Прибягая сястра: «ти готова баня?» —Готова! Вотъ Юда здѣлалася блохой, сѣла Марьяцды на плячо, и пришли яны у баню; замкнули зялѣзныя двери и стали паритца. Ажъ прибягаять собаки. Бѣгаять коло бани, да ниякъ ня ўлѣзуть. «Проси, Иванька, штобъ Марьячка отчинила трошки двярей!» Иванька ставъ просить, Марьячка отчинила яму тольки глазомъ проглянуть. А лапы нялъзя заложить. «Проси, Иванька, штобъ ящѐ отчинила хоть трошки!» Иванька ставъ просить, штобъ яще хоть трошки отчинила. Марьячка и говора: «зачимъ табѣ лядѣть: ты ўже тягався по свѣту, якъ и народився—наглѣдився!» Ну, отчинила яму̀ ще трошки. Вотъ, собака засадивъ свою лапу, да якъ ирванувъ,—такъ зялѣзныя двери пополамъ! Ускóчили собаки, ухватили Юду и разорвали. Марьячка узяла сабѣ зубъ Юды, и заховала ў карманъ.

Пошли яны тогды у свѣтъ. Ходили, ходили, пришли къ цару. Иванька и жанився на царевни. Згуляли вясельля, повяли ўже ихъ ложить спать. И Марьячка пошла зъ ими. Лягли спать; вотъ Марьячка устала да зубъ и подклала подъ головы Иваньку. Зубъ той и ўгрузъ Иваньку у лысину. Ляжить ёнъ няживый. Тогды собаки говóрать: «што намъ дѣлать? Нумъ, побягимъ удвохъ у лѣсъ, а ты стой тутъ, да Иваньки стяражи!» Вотъ яны и побѣгли удвохъ у лѣсъ. Бягать яны лѣсомъ, ажъ иде мядвѣдиха. Собаки побѣгли яѐ догонять, а яна ўтякать. Собаки й говóрать: «стой, ня утякай, а то конецъ табѣ будя! Ты-жъ намъ обящалась, што я буду вамъ у вяликой пригоди!» И повяли яѐ къ Иваньку. Стала яна вырывать зубъ, а зубъ выскочивъ изъ Иваньки, да ёй у лобъ! Иванька отживъ, а мядвѣдиха ляжить нянива. Собаки говóрать: «ну, ще намъ обящалася вовчица. Ходемъ изновъ у лѣсъ!» Побѣгли собаки, знайшли вóвчицу и привяли. Стала вовчица зубъ вытягать; отъ, той зубъ выскочивъ зъ мядвѣдихи да вовчицы у лысину, и ўбивъ яѐ. А мядвѣдиха стала жива. Тогды собаки говóрать: «яще-жъ намъ обящався оролъ!» Побѣгли яны ў лѣсъ орла шукать. Знайшли собаки орла и повяли яго зубъ вырывать. Вотъ, оролъ ставъ вырывать зубъ. Зубъ той потскочивъ, да ня попавъ орлу по лысини, да тольки по перъяхъ, и ўгрузъ у зямлю на цѣлый сажань. Вовчица и отживилась.

Завёвъ тогды Иванька Маръячку у лѣсъ и покинавъ тамъ, а самъ вярнувся къ жонцы и стали яны жить да поживать, да добра наживать.

Запис. крест. Герасимъ Кривошеевъ.

7. Иванъ Ивановичъ руській царевичъ.

Нѣўкоторомъ царствьи, нѣўкоторомъ государствьи, бывъ царъ. Гонявъ ёнъ по мору три корабли. Вотъ разъ, одинъ корабель, самый красивѣйшій, затоная. Царъ и говора: „хто етый мой корабель узверня, половина царствьія откажу!“ А нячистая сила поткасалася и говора: „ня надо мнѣ твойго половина царствьія, а тольки отдай мнѣ тое, што ў доми ня вѣдаешъ!“ Царъ думавъ, думавъ: усё ёнъ у доми вѣдая. И согласився. Тоды сатана узвярнувъ корабель. Поплывъ ёнъ, и ня затоная. Вотъ, ти довго, ти нѣ царъ плававъ, приплывая къ свойму городу. Сустракають яго слуги и говоруть: „вы ня вѣдаетя, што ваша жана родила двойнятъ—хлопчика и дѣвочку!“ А у ихъ да ня було дятей. Зажурився тутъ царъ, и думая, якъ-ба обманить змѣя. И придумавъ отдать яму чужихъ дятей. Ну, пройшло ти много, ти мало, подросли тыя дѣти. Ажъ якъ-разъ змѣй и лятить: „ну, давай дятей!“ Царъ узявъ да давъ яму бондароваго сына и городниковую дочку. Змѣй узявъ и говора: „ты, дѣвочка, садись на лѣвое плячо, а ты, хлопчикъ, на правое!“ Поднявсь и полятѣвъ. Нёсъ, нёсъ, —а по дорози лѣсъ-то, лѣсъ! Хлопчикъ и говора: „вотъ, кабъ мой суды батька: сколькибъ клёпки надѣлавъ!“ Пролятѣли трошки дали. Тамъ городъ: а городъ-то, городъ! Вотъ дѣвочка и говора: „вотъ, кабъ мой батька суды: штобъ гурковъ, гарбузовъ було!“ Змѣй раздумався, и вярнувся назадъ. Отдае тыхъ дятей цару, да й говора: „чаму-жъ вы мнѣ своихъ дятей ня дали?“ Царъ мыливсь, мыливсь, да й отдавъ. Змѣй узявъ да й понёсъ. Якъ нести, дакъ нести, и принесъ у свое имѣньня. Были тамъ у яго струпливый воронъ и струпливый волъ. Вотъ, разъ змѣй отлятѣвъ, а дятямъ загадавъ работу: дѣвоцды давъ шовковую ширинку вышивать, а хлопчику давъ два гарцы попялу, а въ ёмъ гарнецъ маку, кабъ ёнъ етый макъ выбравъ. Вотъ, дѣвочка ходя по саду да пяѐ, а хлопчикъ выбирая макъ да плача. Прилятая струпливый воронъ и говора: „ты, хлопчикъ, садись подъ правое крыло, а ты, дѣвочка, садись подъ лѣвое крыло, я васъ унясу!“ Яны сѣли. Воронъ поднявся и понесъ. Несъ, несъ, —ажъ во налятая змѣй. Якъ удара помижъ плечъ ворона,—воронъ и выпустивъ дятей. Змѣй подхвативъ ихъ, и понесъ назадъ. На другій день загадавъ работу ще большую: дѣвоцды двѣ шириночки вышить, а хлопчику чатыре гарцы попялу и два маку перабрать. Полятѣвъ змѣй. Дѣвочка-жъ ходя по саду да пяѐ, а хлопчикъ выбирая да плача. Приходя струпливый волъ и говора: „ну, я васъ увязу. Ты, дѣвочка, возьми щотку и грабёнку, а ты, хлопчикъ, возьми брусокъ и хустку; ты, дѣвочка, садись у лѣвое вухо, а ты, хлопчикъ, садись у правое вухо!“ Яны ўзяли, што ёнъ имъ сказавъ, сѣли и поѣхали. Волъ, якъ силикне—двѣ вярсты! якъ силикне—двѣ вярсты! Ѣхали, ѣхали, ти довго, ти коротко—волъ и говора: „злѣзь ты, дѣвочка, послухай: ти ня шумить дуброва, ти ня стогня дорога, ти нема ў насъ кого у погони?“ Злѣзла дѣвочка: „нѣ, ня шумить дуброва, ня стогня дорога, нема никого ў насъ у погони!“—Злѣзь ты, хлоп-

чикъ: дѣвочка нявѣрна. Послухай, ти ня шумить дуброва, ти ня стогня дорога, ти нема кого ў погони?... Злѣзъ хлопчикъ: „ой, шумить дуброва, стогня дорога, ёсть нѣхто у погони!“—Кйдай, дѣвочка, щотку назадъ!.. Яна кинула назадъ щотку—ставъ лѣсъ, такая пуща, што ни пройти, ни проѣхать, ни звѣру не пролѣзть. Кричить змѣй по той бокъ лѣсу: „проса насѣю, пива навару, людей напою, лѣсъ просяку и васъ догоню!“—Нѣ, здохнешъ, кажа волъ: ня догонишъ!.. Якъ силикне—двѣ вярсты! якъ силикне—двѣ вярсты! Ѣхали, ѣхали, ти довго, ти коро́тко, волъ изновъ говора: „злѣзь, дѣвочка, послухай: ти ня шумить ду́брова, ти ня стогня дорога, ти нема ў насъ кого ў погони?“ Злѣзла дѣвочка, послухала: „нѣ, ня шумить дуброва, ня стогня дорога, нема нико́го у погони!“—Злѣзь ты, хлопчикъ: дѣвочка нявѣрна. Послухай, ти шумить дуброва, ти стогня дорога, ти ёсть хто ў насъ у погони?.. Хлопчикъ злѣзъ: „ой, шумить дуброва, стогня дорога, ёсть нѣхто ў погони!“—Кйдай, дѣвочка, грабёнку назадъ! Яна кинула назадъ грабенку—стала гора земляная: ни перайти, ни peраѣхать и птицѣ не пералятѣть. Кричить змѣй по той бокъ горы: „проса насѣю, пива навару, людей напою, гору раскопаю, и васъ догоню!“—Здохнешъ! кажа волъ: ня догонишъ!... Да якъ силикне—двѣ вярсты! якъ силикне—двѣ вярсты! Ѣхали, ѣхали, ти довго, ти нѣ, волъ и говора: „злѣзь-ка, дѣвочка, послухай: ти ня шумить дуброва, ти ня стогня дорога, ти нема кого ў насъ у погони?“ Злѣзла дѣвочка: „нѣ, ня шумить дуброва, ня стогня дорога, нема нико́го у пого̀ни!“—Злѣзь-ты, хлопчикъ послухай, ти шумить дуброва, ти стогня дорога, ти ёсть хто ў погони? Дѣвочка нявѣрна... Злѣзъ хлопчикъ, послухавъ: „ой, шумить дуброва, стогня дорога, ёсть нѣхто ў погони!“—Кйдай, хлопчикъ, назадъ брусокъ! Хлопчикъ кинувъ назадъ брусокъ—выросла гора камянная: ни перайти, ни пераѣхать, и птицѣ не пералятѣть! Кричить змѣй по той бокъ горы: „ проса насѣю, пива навару, людей напою, гору̀ разсяку и васъ догоню!“—Нѣ, здохнешъ, ня догонишъ! кажа волъ. Да якъ силикне—двѣ вярсты! якъ силикне—двѣ вярсты! Прибѣгли къ мору. „Злѣзай, хлопчикъ, мотанѝ хусткой!“ Злѣзъ хлопчикъ, мотанувъ хусткой—ставъ мосточакъ. Перайшли яны черазъ мосточакъ. Волъ говора: „мотани, хлопчикъ, назадъ хусткой!“ Хлопчикъ мотанувъ назадъ хусточкой, и зновъ нема мосточка. Тоды волъ говора: „хлопчикъ, сячи мяне на дванатцать частей!“—А Господи! Якъ мнѣ тябе сѣкчи?—„Сячи!“ Посѣкъ хлопчикъ волика на дванатцать частей и ўкинувъ у мора. Выскочили зъ мора дванатцать собакъ гоньчихъ. Стали собаки хлопчику служить.

Пошли тоды хлопчикъ и дѣвочка дали, увйдяли дворъ и стали ў имъ жить. Жили яны, жили,—ставъ лятать къ сястрѣ змѣй, а братъ и ня зная, што змѣй бывая у сястры. Вотъ и захотѣла яна брата спа́трошиць. Стала яна няздорова, бытцомъ-то захворѣла. „Братка мой миляныкій! иди ты у такій то лѣсъ, у такую то пущу. Ёсть тамъ мядьвѣдиха: возьми подо̀й яѐ, и приняси мнѣ молока—ти ня поздоро̀вѣю я?“ Пошовъ енъ у лѣсъ; бача—ляжить мядьвѣдица зъ дятьми ў гняздѣ. Ёнъ зацкувавъ яѐ собаками. А яна говора: „стой, Иванъ Ивановичъ, руській царевичъ! што табѣ зъ мяне треба?“—Дай мнѣ свойго молока, сястрѣ на лякарство!.. Дала яна яму̀ молока. „На̀ табѣ и мойго медьвядёночка!“ Ёнъ узявъ и пошли яны домовъ. Сястра и говора: „што ето такое, што мядьвѣдица яго не забила?“ Да й изновъ яго посылая: „сходи ще,

братка мой: у такимъ то лѣси, у такой то пущи ёсть вовчица зъ вовчанятами: принеси отъ яѐ молока!" Енъ пошовъ. Приходя—вовчица ляжить у гнѣздѣ зъ вовчанятами. Енъ зацкувавъ яѐ собаками, а яна говора: „стой, Иванъ Царевичъ, што ты зъ мяне хочешъ?"—Дай мнѣ свойго молока, сястрѣ на лякарство!.. Яна дала яму молока и вовчанёночка. Пошовъ енъ домовъ. Принося ёй молоко, а ў яѐ змѣй. Змѣй, якъ увидявъ собакъ, дакъ и пошовъ черазъ дванатцать покоявъ. Собаки почули, да за имъ! Якъ только забѣгли за дванатцать дьярей—такъ усѣ двери хляпъ! хляпъ! и позачинилися. Вярнувся змѣй икъ сястрѣ. Вотъ яна и говора брату: „иди носи воду у котелъ, да грѣй!" Пошовъ Иванъ, наносивъ воды, тольки ставъ грѣть, ажъ лятить струпливый воронъ: „Иванъ Ивановичъ, руськiй царевичъ! грѣй да ня хапайся: уже твоѐ собаки прогрызли шестяро дьярей, яще шестяро остались!" Вотъ енъ грѣя, грѣя, да холодныя и подольлѐ! Пришла сястра: „ грѣй скорѣй! змѣй хоча ѣсти!" Тольки пошла—лятить струпливый воронъ: „Иванъ Ивановичъ, руськiй царевичъ! грѣй, да не хапайся: уже собаки девятяро дьярей прогрызли, тольки троя осталось. Зубовъ, Богъвѣдая, ти хватя? Якъ то тыя прогрызуть?" Вотъ енъ грѣя, грѣя, да холодныя и подольлѐ. Пришла сястра: „ти готова вода?"—Да нѣ, ще тольки лѣтняненькая!—„Ну, грѣй жа скорѣй: мы зáразъ прйдемъ!" Пошла яна—лятить воронъ: „Иванъ Ивановичъ, руськiй царевичъ! твоѐ собаки прогрызли уси двери, и стоять якъ дурныя. Треба имъ отдыхнуть. Якъ прйдуть яны сажать тябе у етый котелъ, попросись у сястры перадъ смертiю хоть у трубу потрубить, а тымъ часомъ собаки отдыхнуть!" Вотъ и приходя сястра зъ змѣямъ: „ну, лѣзь, говора змѣй, лѣзь у котелъ!" Енъ и проситца хоть перадъ смертiю у трубу потрубить.—„Ну, труби, тольки скорѣй!" Енъ ставъ трубить. Почули собаки и прибѣгли. Якъ кинулись, и попорвали змѣя на крошачки! А сястра узяла сабѣ змѣявъ зубъ.

Пошли яны тоды къ батьку, и стали тамъ жить. Жили довгое уремя. Разъ Иванъ Царевичъ пошовъ на охвоту, и дужа ёнъ тамъ заморився. Матка и говора: „ляжъ, я постялю табѣ постéлю!" А сястра говора: „нѣ, я, мамочка, постялю!" Узяла и постлала; и подложила подъ подушку змѣявъ зубъ. Иванъ царевичъ якъ ишовъ, дакъ и ўпавъ на подушку; змѣявъ зубъ яму у голову и въѣхавъ. Енъ и помёръ. Повышли ўси зъ двора, сястра узяла да яго у бочонокъ, да запячатовала, и пустила на мора. Вотъ собаки пошли къ мору, сѣли на берази да й выють. Ажъ идуть мядьвѣдь зъ вовкомъ. Собаки разсказали имъ своѐ гора, и показали на мори бочонокъ. Вовкъ сичасъ поплывъ и пригнавъ бочонокъ икъ берагу; а мядьвѣдь отобивъ дно. Стали яны оглядывать Ивана Царевича, съ чаго ето енъ помёръ, и увидяли зубъ. Якъ тольки яны той зубъ вытягли, такъ Иванъ Царевичъ и отживъ. Ну, пошли яны тоды у дворъ. Иванъ Царевичъ прогнавъ сястру, а сами стали жить, да поживать, да добра наживать.

С. Болотня, рогач. у.

Въ VI в. Сборн. сказ. Афанасьева сказка подъ названiемъ „Звѣриное молоко" приведена въ двухъ варiантахъ (стр. 244—259). Въ обоихъ за молокомъ посылаетъ сестра брата: въ первомъ по наущенiю змѣя-горынича, во второмъ—разбойника. Тамъ-же (241), въ ск. „Князь княжевичъ Иванъ королевичъ" за молокомъ посылаетъ жена мужа, по наущенiю змѣя змѣевича. У Худяк. (вып I стр. 42) приведена эта-же сказка подъ назван. „Иванъ Царевичъ и Марья

Царевна.“ Сестра дѣйствуетъ по указ. разбойника, а зубъ, убивающій Ивана—*свиной*. Вообще редакція слаба.

Приводимъ, въ извлеченіи, варіантъ записанный въ томъ-же уѣздѣ:

Жилъ себѣ попъ. Умерла его жена. Отправился онъ къ владыкѣ просить разрѣшенія снова жениться. Владыка, уступая троекратной просьбѣ попа, разрѣшилъ ему жениться, но только на той женщинѣ, которой придется платье покойной жены. Сталъ онъ примѣрять платье, пришлось оно только его дочери. Когда онъ объявилъ дочери, что она должна выйти за него замужъ, та ушла въ темный лѣсъ и поселилась тамъ въ «кельнѣ». Стала она молиться Богу, стала ей идти съ неба манная пища—по три на день баранка. Вотъ, ходили въ томъ лѣсу царскій сынъ съ слугою, заблудились и пришли къ кельнѣ. Влюбился царевичъ въ дѣвицу, взялъ ее во дворецъ и женился. Прошло нѣсколько лѣтъ; прижили они ребенка. Разъ поповна увидѣла въ окно своего отца: «ходя ёнъ по городу да милостину прося.» Она сказала объ этомъ мужу, тотъ позвалъ попа во дворецъ. Ночью попъ зарѣзалъ ребенка и вложилъ окровавленный ножъ въ карманъ дочери. Стали её судить «усимъ народомъ,» и осудили на изгнаніе. Взяла она зарѣзаннаго ребенка и пошла въ свѣтъ. Нашла снова свою кельню, положила трупикъ на столъ, и стала жить. Прошло пятнадцать лѣтъ. Разъ она пошла на прогулку и увидѣла, какъ гадъ оживилъ мертваго гада чудною травкой. Взяла она травку и ею воскресила сына. Сталъ сынъ ходить по лѣсу и нашелъ домъ, «повянъ чартовъ». Всѣхъ чертей онъ побилъ, а главнаго мучилъ, мучилъ, и такъ, и сякъ, и повѣсилъ въ каюткѣ на крюкъ, и каютку завязалъ лычкомъ. Взялъ онъ тогда изъ кельни мать, и поселились въ домѣ. Сынъ отправился добывать лошадь (см. № 1, *Нещастное дитя:* завалилъ дорогу дубами и взялъ у купцовъ лошадь), а матери запретилъ ходить въ завязанную каютку. Мать не утерпѣла и отворила дверь. Чертъ попросилъ её подать ему «тресочку зъ яго кровью». Та подала, онъ и соскочилъ съ крюка. «Здрастуй, душенька,—я буду твоимъ мужикомъ!» И велѣлъ ей послать сына за тридевять земель къ *Рыба—Кощею* за поросенкомъ, ей на лѣкарство, потомъ за золотыми и серебряными яблоками въ садъ двѣнадцатиглаваго змѣя. Исполняя второе порученіе, сынъ—Иванъ Ивановичъ—увезъ изъ сада змѣя царевну. Змѣй предслѣдовалъ ихъ, но «яны ня ўтякуть, а ёнъ ня догоня; яны ня ўтякуть, а ёнъ ня догоня,» пока прибѣжали къ монастырю и тамъ скрылись. Затѣмъ мать начинаетъ испытывать силу сына: обматываетъ его пенькою, шелкомъ и наконецъ мѣднымъ «дротомъ,» который и впился въ тѣло. Чертъ вылѣзъ изъ подъ подушки: «ну, тяперь ты мой!»—Би, би, нячистая сила! говоритъ Иванъ. Чертъ избилъ его, ослѣпилъ и защемилъ въ расщепленной на-двое соснѣ. Но ѣхавшіе мимо извощики освободили Ивана, а «криничная» вода, которою онъ умывается, возвращаетъ ему зрѣніе. Приходитъ онъ къ матери; видитъ, что чертъ съ ней «милуется.» Чертъ испугался, проситъ мира, но Иванъ пришелъ «битца, а ня миритца.» Онъ начинаетъ черта бить: «бивъ-бивъ, пилой пилявъ, свярдломъ свярдивъ, крукомъ кишки съ пуза тягавъ—соўсимъ убивъ.» Пошелъ потомъ Иванъ въ свѣтъ, нашелъ царевну, увезенную изъ сада двѣнадцатиглаваго змѣя, и женился на ней. А матери далъ чугунные башмаки и отпустилъ отъ себя: тогда-де буду твой сынъ, когда сносишь эти башмаки.....

Наконецъ, въ *могилевскомъ уѣздѣ* записанъ варіантъ, въ которомъ дѣйствующими лицами являются мужъ и жена. Жили они „у палацу замурованному." Мужъ разбилъ дверь и они вышли на бѣлый свѣтъ. Далѣе они встрѣчаются съ разбойниками; мужъ убиваетъ всѣхъ, кромѣ старшаго; съ нимъ то жена сближается, и посылаетъ мужа за звѣринымъ молокомъ. Характерно здѣсь то, что звѣри, къ которымъ его посылали за молокомъ, *выли такъ громко*, что „ажъ *земля дрыжала.*" Сказка оканчивается тѣмъ, что мужъ убиваетъ разбойника, а звѣри сбрасываютъ жену съ дерева, на которое она посажена была мужемъ, и разрываютъ.

См. Чубинск. 157.

8. Иванъ Златовусъ.

Живъ бывъ царъ съ царицай. И была у ихъ дычка. И такая была пригожая, што уси на яе глядзѣли. Разъ царъ здзѣлывъ большую баль, назвавъ много госцей. Посли бали госци усё царевни дзякуюць, а цару за хлѣбъ-за соль не дзякуюць. Здзѣлывъ ёнъ и другій баль и третьцій, а госци ўсё не цару дзякуюць за хлѣбъ-за соль, ды царевни. Разсердзився царъ за гето на дочку: «надо яѐ, гету нягодницу, замурувацъ у слупъ!» Такъ и здзѣлыли. 1) Замурўвали яѐ у слупъ, тольки покинули маленькое воконцо, кабъ можно было давацъ ёй ѣсци. Довго сядзѣла яна ў слупи. Вотъ, разъ приносиць слуга ёй ѣсци, а яна говориць: «сястрица моя! приняси мнѣ клубочакъ ницей и пруточки: буду я дзѣлыць рукавички, бо мнѣ тутъ дужо маркотно!» Слуга приняслa ёй клубочакъ нитокъ и прутóчки. Тоды царевна стала выкручивацъ дзирку у слупи, и выкруцила бóльшую, чимъ тое вокно. Поднявся вихоръ и ставъ празъ тую дзирку дуць у царевну. Царевна съ того забременяла и скоро родзила сына. Нихто къ ей ня приходзивъ ни ў бабы, ни ў кумы, и ня вѣдала яна, якое дацъ яму̀ ймя. Али стала яго разглядацъ и увидзѣла у яго золотый вусъ. «Ну, нехай жа табѣ ймя будзецъ Иванъ Златовусъ!» 2) Ставъ Иванъ Златовусъ рэсцъ не по годахъ, ды по минутахъ: на третьцій дзень ставъ ходзѝць и говорѝць, а чераз мѣсяцъ вырось, якъ настоящій мущина. Разъ Иванъ Златовусъ спрашыецъ: «любезная моя маменька, скажи мнѣ, хто цябе у гетый слупъ замурувавъ?»—Замурувавъ мяне, сынокъ, у гетый слупъ мой бацюшка, за то, што госци не яму за хлѣбъ—за соль дзякували, ды мнѣ!.. Зачула гето слуга, што яны говоруць, побѣгла къ цару, и сказала: «ёсь нѣхто у нашія царевны у слупи, и разговарыецъ изъ ёй!» Захоцѣлось бацьку полядзѣць, хто тамъ говóриць, пошовъ ёнъ къ слупу, полядзѣвъ у маленькое воконцо, видзиць—сядзиць изъ ёй малецъ и разговарыецъ. Царъ тоды ящо хуже разсердзився: «треба яѐ разстралиць!» Поставивъ царъ ли слупа полкъ солдатовъ, кабъ разбиць муръ и яѐ разстралиць. Иванъ Златовусъ почувъ коло мура гомонъ, полядзѣвъ у вокно и увидзѣвъ цѣлый полкъ солдатовъ. «Ну, родзимая маменька, скажу табѣ новосци! Хочуць насъ съ тобой забиць; али не пужайся!» Уперся ёнъ ногами у зямлю, узявъ матку подъ пáху, схапивъ слупъ

1) *Вар.*: 1, Живъ бывъ панъ. Было ў яго двѣ дочки, меньшая—дужо пригожая, а бóльшая—нѣ. Вотъ и стали сваты къ мéньшой дочцѣ ѣздзиць, а на большую и не глядзѣли. Бацьку дужо ето ня ўподобалося, и вялѣвъ енъ своимъ слугамъ вымуровацъ слупъ и засадзиць туды меньшую дочку. 2, Живъ бывъ царъ зъ жаною, и была у ихъ дочка, дужо пригожая И якъ хто на яѐ ўзглянецъ, дыкъ яна и становитца нездоровой. Царъ тоды здзѣлавъ високій домъ, такъ што яѐ людзи ня видзюць, а яна людзей видзиць. 2) *Вар.* Якъ родзився, дала яму̀ имя Вихоръ Вихоровичъ.

ды й кинувъ на солдатовъ, и ўсихъ перабивъ. Пошли яны тоды по вольному свѣту. Ишли, ишли, и пришли у лѣсъ. Иванъ-жа Златовусъ сытъ бывъ духомъ божимъ, а матка ѣсци хоцѣла. Вотъ яна и говорыць: «сынокъ мой, я ѣсци хочу. Идзи, пойщи мнѣ хлѣба!» Побѣгъ Иванъ Златовусъ на дорогу, ци ня будзець хто ѣхаць, ды покуль забѣгъ, забывся, чаго треба просиць. Прибѣгъ назадъ и говорыць: «маменька родзимая, што мнѣ говорыць?»—А хлѣба, дзицятка, хлѣба, дзицятка!.. Побѣгъ ёнъ, и ўзновъ забывся, чаго просиць. Прибѣгъ узновъ къ матцы. Матка сказала яму ще разъ, тоды побѣгъ ёнъ на дорогу. Ажъ видзиць—ѣдуць подорожники. Енъ узявъ, схвацивъ большую дзеравину, вырвавъ яѐ съ корнемъ, забѣгъ напяродъ подорожникамъ и повадивъ дзеравину черазъ дорогу. А самъ узявъ и сѣвъ на камени. Подъѣхали подорожники къ дзеравини—нэ могуць дали ѣхаць. Подыходзюць яны къ яму и хочуць яго забиць. А ёнъ сядзиць смѣло, никого ня боитца, тольки говориць: «братцы мое, ня бице мяне, тольки дайце мнѣ, што треба!»—Што-жъ табѣ треба? Можа, гроши?—«Нѣ!»—Крупъ?—«Нѣ!»—Сала?—«Нѣ!»—Хлѣба?—«Ага, хлѣба, хлѣба!» Подорожники дали яму торбу хлѣба, и крупъ дали, и соли, и сала. «Тольки, говоруць, звали намъ зъ дороги дзеравину, а то мы тутъ умромъ!» Иванъ Златовусъ узявъ медзинымъ пальцамъ дзеравину за макушку, и спягнувъ яѐ ў канаву. Подорожники и поѣхали. Понёсъ ёнъ матцы хлѣбъ. Расклали яны цяпло, наварили каши съ саломъ, подъѣли. А тоды пошли дали по пущи драмущи. Ишли, ишли, видзюць—стоиць домъ, дванатцацеро двярей. Иванъ Златовусъ матку оставивъ на ганку, а самъ пошовъ туды. Ходзивъ ёнъ, ходзивъ по ўсихъ покояхъ, и въ однымъ покои знашовъ дванатцаць разбойниковъ: сидзяць за столомъ, у карты йграюць. «Здрастуйце!» кажець Иванъ Златовусъ.—Здрастуй, Иванъ Златовусъ!—«А ци можно и мнѣ ў карты йграць?»—Можно! Сѣли яны играць. Видзиць Иванъ Златовусъ, што одзинатцаць разбойниковъ играюць, а дванатцатый ўсё двинетца къ сцянѣ, кабъ якъ-нибудзь узяць шаблю и зняць голову Ивану. Енъ тоды якъ сморканець носъ—и забивъ того разбойника. Ды схвацивъ яго за ноги и побивъ имъ усихъ чисто. Тольки одзинъ самъ звалився, и легъ бытцамъ забитый. Забивши разбойниковъ, Иванъ Златовусъ самъ сабѣ думаець: «забивъ-то я ихъ, забивъ, али дзѣ-жъ мнѣ ихъ дзѣць?» Узложивъ ёнъ бывъ ихъ на плечи, и понесъ къ дверамъ, дыкъ яны ня лѣзуць у двери. Полядзѣвъ ёнъ вокругъ сябе и увидзѣвъ склепъ. Вотъ енъ и склавъ ихъ туды. Позвавъ енъ тоды матку, показавъ ёй уси покои и говориць: «ну, родзимая маменька, усюдыхъ ходзи, усяго пильнуй, тольки ў склепъ ня йдзи!» А самъ узявъ ружайцо, и пошовъ на охвоту. Попадаетца яму мядзьвѣдзь. Тольки хоцѣвъ Иванъ Златовусъ забиць яго, а енъ *отвѣчаець*: «ня би мяне, Иванъ Златовусъ: я табѣ знадобенъ буду!» Посли попалиси яму вовкъ, лисица, заяцъ, лось, голубы и разное птаство, и ўсё ў яго отпросилиси и пошли за имъ. Ходзивъ енъ и дзень и два: набивъ звярины и принесъ матцы. А на другій дзень узнова пошовъ на охвоту. Ну, а матка, покуль енъ, значитца, ходзивъ на охвоци, думаець сабѣ: «што гето такое, што ёнъ ня хочець, кабъ я глядзѣла у склепъ? Пойду погляджу, што тамъ такое ёсь!» Тольки яна туды ўвойшла, ажъ видзиць, одзинатцаць разбойниковъ ляжиць забитыхъ, а дванатцатый сядзиць живый, и вяровки въѣць. Схапивъ енъ яѐ и ставъ пытатца: «скажи ты мнѣ, хто гето Иванъ Златовусъ:

ци ёнъ табѣ мужъ, ци енъ братъ, ци енъ сынъ?» Яна и отвѣчаець: «гето мой сынъ!» —Ну, дыкъ вотъ-жа: Иванъ Златовусъ забивъ моихъ одзинатцаць братовъ, а я за гето забъю цябе. А коли страцишъ яго, дыкъ ня буду ўбиваць!—«А якъ-жа яго страциць?» —А вотъ якъ: прикинься хворой. Якъ енъ прійдзець, ты пошли яго на чортову мельницу за таба́кой. Енъ оттуль ня ве́рнетца!.. Ну, вотъ, якъ пришовъ Иванъ Златовусъ съ охвоты къ матцы съ своими звярами, матка и говбриць; «сынокъ мой, я хвора; сходзи ты на чортову мельницу за табакой. Я покуру, и мнѣ ляхчѣй станець!» Пошовъ Иванъ Златовусъ на мельницу, а за имъ и ўся яго звярина. Увыйшли яны за дзесяцеро цугунныхъ дзярей на мельницу: набравъ Иванъ табаки и пошовъ назадъ, а звярину яго тамъ за дзесяцеро двярей и заперли; тольки пара голубковъ выляцѣла.

Жалко Ивану Златовусу звярины, а матки ящо больше жалко. Пошовъ ёнъ съ табакой къ матцы: «вотъ, родзимая маменька, табака!» А матка кажець: «сынокъ мой, кольки я съ тобой живу, а ня вѣдую твою силу; хбчу я поспробуваць яѐ!»—Ну, спробуй! Побѣгла яна у склепъ, принясла вяровку, тую, што разбойникъ звивъ, и обвила яго зъ ногъ до пахъ. Иванъ Златовусъ страпянувся и разорвавъ. Пошовъ ёнъ тоды на охвоту, а матка побѣгла у склепъ къ разбойнику на раду. Разбойникъ узявъ волосься съ коровиччихъ и коньскихъ хвостовъ, и звивъ товстэй канатъ. Якъ Иванъ пришовъ съ охвоты, матка и кажець: «сынокъ мой, кольки я съ тобой живу, а ня вѣдую твоёй силы; хбчу я яѐ поспробуваць!»—Што такъ, енъ кажець, хворой мамянцы пришлося спробуваць мою силу?—«А мнѣ тоды, сынокъ, полѣпшаець!» Обвила яна яго канатомъ. Енъ разъ, два цисканувъ плячми—канатъ и порвався.... Пошовъ Иванъ Златовусъ на охвоту, а матка сичасъ побѣгла у склепъ къ разбойнику на раду. Разбойникъ даець ёй ужо дроцяную вяровку. Пришовъ Иванъ съ охвоты, матка и говбриць: «сынокъ мой, кольки я съ тобой живу, а ня вѣдую твоей силы; хбчу я яѐ поспробуваць!» И обвязала Ивана дроцяной вяровкой. Иванъ цисканувъ плячми разъ, другій, третцій—вяровка дроцяная не порвалась, а тольки уѣхала ў цѣло. Побѣгла матка скорѣй у склепъ по разбойника. А голубки поляцѣли къ звярамъ и кажуць: «якъ можно скорѣй проламувайце двери, бо Ивана Златовуса хочуць забиць!» Мядзьвѣдзь проломивъ троя двярей, голубки поляцѣли къ Ивану: «якъ можно отцягуй, Иванъ Златовусъ: мядзьвѣдзь ужо проломавъ троя двярей!» Вотъ, якъ пришла матка зъ разбойникомъ, разбойникъ хоцѣвъ Ивана забиць. А ёнъ ставъ проситца: «пусци мяне, родзимая мамынька, хуць у лазьню сходзиць, грѣшную кровъ обмыць, кабъ чистымъ умерци.» Яны позволили. Иванъ Златовусъ наносивъ у зубахъ дровъ, наносивъ воды, а ногами мывся. Приляцѣли голубы и говоруць: «Иванъ Златовусъ, якъ можно отцягуй: звяри, твое помошникй, проломали ящо троя двярей!» Помывся енъ и ставъ проситца, кабъ позволили яму Богу помолитца. Яны позволили. Ставъ ёнъ молитца Богу, прилетаюць голубки: «якъ можно отцягуй, Иванъ Златовусъ: звяри, твоѐ помошникй, проломали ящо троя двярей—одны ломаць осталося!» Помолився ёнъ Богу и ставъ упрашуваць, кабъ позволили яму узлѣзци на бярозку у жулеючку пойграць [1]) перадъ смерцю. Яны позволили. Полѣзъ енъ на бярозку, ажъ ляцяць голубки: якъ можно отцягуй, Иванъ Златовусъ: звяри, твоѐ помошникй. послѣднія двери ломаюць!»

Вар.: узлѣзци на йгрушину—свѣтомъ у остатьнiй разъ полюбоваць.

Узлѣзъ ёнъ на бярозку; разъ зайгравъ—приляцѣвъ птахъ; другій зайгравъ—приляцѣли уси пщицы; третьцій зайгравъ—прибѣгла ўся звярина. Якъ прибѣгли—такъ сичасъ разбойника и разорвали; хоцѣли ирваць и матку, али Иванъ Златовусъ сказавъ: «ня троньце мамыньки!» Злѣзъ енъ зъ бярозки, сичасъ заяцъ ставъ дротъ грызци; синичка зъ голубками выбрали яго съ цѣла; мядзьвѣдзь ставъ раны зализуваць; крукъ принесъ гоючей и живучей воды; вовкъ вымазавъ цѣло гоючей и живучей водой—и ўсё цѣло згоилося. Распявъ енъ тоды свою матку на горкой осини и поставивъ перадъ ей свою чашку золотую и разбойницкую мѣдзяную: у которую яна больше слезъ наплачецъ. А самъ отыйшовся. Черазъ кольки днёвъ приходзицъ къ матцы; полядзицъ —ажъ изъ разбойницкой чѐразъ цячецъ, а ў яго и половины нема. Давъ ёнъ ёй звязку сѣна, ящичакъ воды и кучу глины: «сѣно ѣжъ, воду̀ пи, а глиной закусувай!» Попрощався и пошовъ. Отпусцивъ ёнъ свою звярину, подзякувавъ имъ и пошовъ одзинъ.

Ишовъ, ишовъ, ишовъ, ишовъ—сустрѣчаецъ нѣйкаго чаловѣка. «Хто ты?»—Ирви-дубъ. А ты?.—«Я Иванъ Златовусъ!»—Пóйдземъ умѣсци! И пошли яны удвоихъ. Ишли, ишли—и стрѣли ящо чаловѣка. «Хто ты?»—Камянникъ! А вы хто?—«Я Иванъ Златовусъ! А я Ирви-дубъ!»—Ну, пóйдземъ умѣсци! Пошли яны утроихъ. Ишли, ишли—стрѣли ящо чаловѣка. «Хто ты?»—Я Вярни-гору. А вы хто?—«Я Иванъ Златовусъ. А я Ирви-дубъ. А я Камянникъ!»—Ну, пóйдземъ умѣсци! И пошли учацьвярыхъ. Дорóгою Иванька Златовусъ и думаецъ: «у того ёсь дубъ, у того каменьня, у того гора, а ў мяне нема ничóго. Треба мнѣ скуваць хуць ляску!» Вотъ и зайшли яны у кузьню. Давъ Иванъ Златовусъ ковалямъ гвоздъ: «скуйце мнѣ зъ гетаго гвозда ляску ў пяцьдзесятъ пудовъ!» Коваль думавъ, думавъ, якъ тутъ зъ гвозда скуваць ляску у пяцьдзесятъ пудовъ? Ды ўзявъ, гвоздъ положивъ, а ляску ставъ куваць съ свойго зялѣза. Ковалѝ кувáли, кувáли, чуць скувàли. Захоцѣвъ Иванъ Златовусъ поспробуваць, ци хороша ляска. Схвацивъ яѐ, якъ кинецъ угбру—яна повтора часа ляцѣла. Наставивъ ёнъ руку̀, ляска ударилась объ руку̀, и пераломилась. Пошовъ енъ къ ковалю: «нѣ, дренная гето ляска, не зъ мойго гвозда здзѣлана. Здзѣлай зъ мойго гвозда ляску у сто пудовъ!» Ковалѝ кували, кували, ды усё-тки скували у сто пудóвъ ляску съ свойго зялѣза. Узявъ Иванъ Златовусъ ляску и шибнувъ угору. Ляцѣла яна два часы. Подставивъ енъ колѣно, яна якъ ударилась объ колѣно и пераломилась. Пошовъ енъ тоды самъ у кузню, поклавъ свой гвоздъ и сказавъ ковалямъ скуваць ляску у повтораста пудовъ. Распалили ковали гвоздъ и почали куваць. Што разъ ударицъ коваль—пудъ зялѣза и прибавитца; што разъ ударицъ—пудъ зялѣза и прибавитца. И вышла вяликая ляска, якъ-разъ у повтораста пудовъ. Пошовъ Иванъ Златовусъ спробуваць и гету ляску. Якъ шибнецъ яѐ угору—яна три часы ляцѣла. Подставивъ енъ лысину, яна якъ ударила по лысини—тольки согнулась. «Ну, гето ладная ляска!» кажецъ Иванъ. И пошли яны дали.

Ишли, ишли, на дорози попався имъ домъ у тринатцацеро дварей. Увышли яны у тэй домъ и стали тамъ жиць. На другій дзень покинули яны у доми Камянника варицъ обѣдъ, а сами пошли на охвоту. Камянникъ подпёръ двери каменьнями, наливъ воды у коцёлъ и ставъ грѣць. Ажъ-во, приходзюцъ три дочкѝ Кощея. Большая грукнула—двери отчинились, якъ пальцу ўлѣзци; середьняя грукнула—отчинились, якъ руцѣ улѣзци; мéньшая якъ грукнула—соўсимъ отчинила. Узяли яны Камянника, подъ

столь подвязали, и стали у горачимъ котлѣ мытца. Вымылись и пошли. Чуць-ня-чуць Камянникъ отвязався. Приходзюць тые съ охвоты, а ў яго ничо́го не готово. «Нѣшто гето ты?»—Ды мовчице вы; я самъ чуць застався живъ. Приходзили сюды дочки Кощея бязсмертнаго.—«А! говорицъ Иванъ Златовусъ: я вѣдую геткихъ!» На другiй дзень застався дома Ирви-дубъ. Подпёръ енъ дубомъ двери, ставъ грѣць воду, ажъ приходзюць Кощеевы дочки, и здзѣлыли зъ Ирви-дубомъ тое-жъ, што и съ Камянникомъ. На третьцiй дзень покинули яны дома варицъ обѣдъ Вярни-гору. А Кощеевы дочки здзѣлыли и зъ имъ такъ-жа само, якъ и съ тыми. Тоды Иванъ Златовусъ выправивъ ихъ на охвоту, а самъ остався дома. Узявъ ёнъ свою ляску, подперъ двери, уливъ воды у коцёлъ, и ставъ варицъ обѣдъ. Ажъ приходзюць тыя-жъ самыя Кощеевы дочки. Большая грукнула у двери—отчинила двери якъ пальцу ўлѣзци; серядьняя грукнула,—отчинила двери якъ руцѣ ўлѣзци, а меньшая якъ грукнула—отчинила соўсимъ двери. Иванъ Златовусъ поздоровкався зь ими, поцулувався и здзѣлывъ большую баль. Пришли тые съ охвоты, и стали ўси ўмѣсци балюва́ць. А Кощей ждавъ, ждавъ—нема дочо́къ. Пославъ ёнъ туды свою слугу. Пришла слуга и говорицъ: «Кощей ужо три дни якъ ня ѣвъ; идзице, готуйце яму ѣсци!» А Иванъ Златовусъ говорицъ: «нехай уперадзи намъ Кощей послужицъ, а ня мы яму̇!» Разсердзився Кощей и пославъ на ихъ полкъ чарцей. Узявъ Ирви-дубъ, схвацивъ дубъ, ды якъ пусцицъ у чарцей—усихъ гетыхъ чарцей перабивъ! Тоды говорицъ самъ сабѣ: «коли я побивъ усихъ чарцей, а одного Кощея лацьвѣй забицъ!» Пошовъ къ Кощею, якъ ударицъ яго дубомъ—тэй и не схилився. Ды якъ дасъ Ирви-дубу у грудзи—тэй и ноги задравъ. Кощей забивъ яго и ўкинувъ у огнянную раку̇. Пославъ ёнъ узнова свою слугу за дочками. Прихо́дзицъ слуга и говорицъ: «Кощей голодаецъ, и дужо ѣсь хочецъ, идзице къ яму!» А Иванъ Златовусъ говорицъ: «нехай намъ уперадзи Кощей послужицъ, а ня мы яму̇!» Усердзився Кощей и пославъ на ихъ два полки чарцей. Вотъ Камянникъ, якъ хвацицъ камянь, якъ пусцицъ у чарцей—усихъ ихъ побивъ! Тоды говорицъ: «коли я побивъ усихъ чарцей, а одного Кощея лацьвѣй забицъ!» Пошовъ ёнъ къ Кощею. Якъ кинецъ у яго камянемъ-камянь отско́чивъ отъ Кощея и ничого яму ня здзѣлывъ. А Кощей якъ дасъ Камяннику—однымъ щавкомъ и забивъ, и ўкинувъ у огнянную раку̇. Третьцiй разъ посылаецъ Кощей слугу свою къ Ивану Златовусу и кажецъ: «нехай моихъ дочокъ отдаецъ!» А Иванъ кажецъ: «ня дамъ!» Кощей усердзився, и пославъ три полки чарцей на Ивана Златовуса. Вотъ Вярни-гору̇ схвацивъ гору̇ съ каменьнями и кинувся за черцями, и ўсихъ чисто ихъ позабивъ. Тоды и говорицъ: «коли я побивъ гетыльки чарцей, а одного Кощея лацьвѣй забицъ!» И пошовъ енъ къ Кощею. Пришовъ и шибнувъ у яго горой съ каменьнями и съ пяскомъ. А Кощей вочи заплюснувъ и ничо́го яму̇ Вярни-гору̇ ня здзѣлывъ. Тоды Кощей якъ дасъ яму щавкомъ по лысини, такъ отразу и забивъ, и ўкинувъ у огнянную раку̇. Приходзицъ тоды Кощеева слуга у чацьвёртый разъ и говорицъ: «што гето вы сабѣ думаеце? зачимъ вы ня приходзице? Задась вамъ Кощей!» А Иванъ Златовусъ говорицъ: «нехай енъ намъ уперадзи послужицъ, а ня мы яму̇!» Усердзився Кощей ящо хуже. Не пославъ енъ ужо чарцей, бы знавъ, што Иванъ Златовусъ побъецъ ихъ, а пошовъ самъ. Стали яны битца. Билиси, билиси цѣлый дзень, а къ вечару Кощей забивъ

Ивана Златовуса [1]) и кинувъ на поли. Лежавъ Иванъ Златовусъ на поли ровно повгода. Ужо й косци яго згнили. Вотъ, разъ приходзиць къ яго косцямъ вовкъ-старый яго помошнйкъ—увознавъ, што гето косци Ивана Златовуса, и ставъ выць. Вывъ, вывъ—ничого ня здѣлывъ. Нашовъ енъ тоды дохлую кобылу, прицягнувъ яѐ сюды, и схувався у ребрахъ. Ажъ прилетаець крукъ съ кручанятами. Кручаняты сѣли на кобылу и кричаць: «абы мясо, абы мясо»! А крукъ кричиць: «ня ѣжце, дзѣтки: гето погибель наша!» А вовкъ заразъ и схвациvъ кручанёнка. Ставъ крукъ просиць, кабъ вовкъ пусцивъ кручанёнка; а вовкъ кажець: «приняси гоючей и живучей воды, тоды отдамъ табѣ кручаненка!»—Якъ-жа мнѣ достаць воды: треба-жъ пляшки подъ крыльля подвязаць! Узявъ вовкъ, поклавъ кручаненка на зямлю, наварнувъ на яго камянь, кабъ крукъ ня вынявъ,—а самъ пошовъ на мѣсто, [2]) узявъ двѣ пляшки и нитокъ, ды пришовши и зачапивъ гетыя пляшки круку подъ крыльля. Крукъ поляцѣвъ и черазъ кольки днёвъ принесъ гоющей и живущей воды. Вовкъ тоды разодравъ кручаненка и помазавъ яго гоючей водой, кручаненокъ згоився. Тоды енъ помазавъ живучей водой—кручаненокъ отжився. Вовкъ пусцивъ кручанёнка, а самъ пошовъ, помазавъ косци Ивана Златовуса гоючей водой. Якъ тольки помазавъ—такъ усё цѣло и згоилося. Помазавъ тоды вовкъ живучей водой—Иванъ Златовусъ и отживъ. Ды й говориць: «ахъ, якъ я смашно заснувъ!»—Вѣкъ-бы ты спавъ, кажець вовкъ, кабъ не я: ты бывъ умёрши!.. Подзякувавъ тутъ Иванъ Златовусъ вовку̂. Ставъ енъ тоды подымаць свою ляску у повтораста пудовъ. Заросла яна соўсимъ травой и въѣхала у зямлю. Поднимавъ енъ, поднимавъ—и не поднявъ, бо силы у яго цяперъ стало много менѣ. Такъ ляска тамъ и осталась. Пошовъ енъ съ однымъ ружайцомъ.

Ишовъ, ишовъ, пришовъ узнова къ Кощеевымъ дочкамъ. Вялѣвъ енъ имъ допытатца у Кощея, идзѣ яго смерць. Вотъ большая дочка стала допытуватца. Кощей сказавъ, што яго смерць у вѣнику. Дочка узяла, спалила вѣникъ, а Кощей усётки живъ. Стала тоды допытуватца сяредьняя. Кощей сказавъ ёй, што яго смерць у помялу. Тая укинула помяло у печку, а Кощей усётки живъ. Тоды почала допытуватца мéньшая дочка. Кощей и кажець: «ёсь на мори войстровъ, на тымъ войстрови стоиць дубъ, подъ тымъ дубомъ лежаць два кáмяни, а ў тыхъ камяняхъ гнуздо, а ў тымъ гнязду сядзиць птушка, а ў тэй птусцы яечко,—у тымъ яечку моя смерць!» Разсказала гето меньшая дочка Ивану Златовусу. Пошовъ Иванъ Златовусъ по Кощееву смерць. Идзи, идзи—попадаетца яму на дорози два парсюки; грызутца-ажъ пѣна плуець. Тольки Иванъ Златовусъ хоцѣвъ ихъ забиць, а яны говоруць: «ня би насъ, Иванъ Златовусъ: мы табѣ знадобны будземъ!» Покинувъ ихъ Иванъ Златовусъ, а самъ пошовъ дали. Ишовъ, ишовъ, видзиць—бъютца два бараны, ажъ кровъ цячець, роги сабѣ позбивали. Тольки приклався Иванъ Златовусъ, кабъ ихъ забиць, а яны говоруць «ня би насъ: мы табѣ знадобны будземъ!» Покинувъ енъ ихъ, пошовъ дали. Ишовъ, ишовъ, и пришовъ къ мору. И ня можець енъ дойци на тэй войстровъ, идзѣ Кощеева смерць. Ставъ енъ плакаць ды *Богу молитца.* Ажъ плуець рыбина: «чаго ты плачешъ, Иванъ Златовусъ?» Разсказавъ Иванъ Златовусъ рыбини своё гора. Яна гово-

1) *Вар.* Бились, бились, и нихто никого ня здолѣвъ, такъ и разойшлись. 2) Рынокъ.

рицъ: «садзись на мяне, я цябе перавязу, куды табѣ треба!» Узсѣвъ Иванъ Златовусъ на рыбину, и перавязла яна яго на войстровъ. Подыходзицъ Иванъ Златовусъ икъ дубу. А дубъ, дубъ! Ня можецъ енъ яго повалицъ, и говорицъ: «вотъ кабъ мнѣ цяперъ тыхъ два парсюки! Подрыли-бъ яны мнѣ гетый дубъ, я-бъ поваливъ яго!» Полядзицъ назадъ, ажъ плывуцъ два тые парсюки. Подрыли яны гетый дубъ. Иванъ Златовусъ и поваливъ яго. Ажъ тамъ лежацъ два камяни. Бивъ енъ, бивъ, не разбивъ. И говорицъ: «вотъ кабъ мнѣ цяперъ сюды два тыхъ бараны, яны-бъ мнѣ разбили гетые каменьня!» Полядзицъ назадъ, ажъ плывуцъ два тые бараны. Разбили яны каменьня, а отгетуль выляцѣла птушачка и ў крылу понясла яйцо, ды й укинула яго у мора. Пошовъ Иванъ къ мору, сѣвъ ли мора ды й плачецъ. Ажъ плуецъ тая рыбина: «мовчи, Иванъ Златовусъ, я табѣ помогу!» И вялѣла яна усимъ, хто тольки ёсь у мори,—рыбамъ, ракамъ, лягушкамъ—знайци тое яйцо. Искали, йскали яны цѣлый дзень. Увечари собралиси—нихто не знашовъ. Стала ихъ рыбина личйцъ. Личйла, личйла и говбрицъ: «уси ёсь, тольки одного безногаго рака нема!» Полядзяцъ, ажны хромэй ракъ повзецъ, и нясецъ свою старую ногу и яйцо. Узрадовався Иванъ, узявъ яйцо, подзякувавъ рыбини и пошовъ къ Кощею. Якъ тольки пришовъ Иванъ Златовусъ къ Кощею, енъ и кричицъ: «ци ты гето ящо живъ?»—Да живъ-жа!—«Ну, дыкъ треба цябе зъѣсь!» Разинувъ свою мялу, а вѣдомо—чортъ большій, а яго мяла ящо большая—и хоцѣвъ Ивана проглынуцъ. Вотъ Иванъ и кинувъ яму яйцо ў мялу.... Дробенъ макъ, а Кощея ящо дробнѣй порвало! И згорѣвъ ёнъ, и сысмылѣвъ.

А Иванъ Златовусъ ставъ тоды у Кощеевыхъ дочокъ жицъ, ды поживацъ, ды добра наживацъ.

Д. Тухинка, сѣнн. у. См. Афанас. VIII, 79. Чубинск. 239.

9. Чаволай.

Живъ сабѣ дѣдъ да баба. И бывъ у ихъ сынъ Иванъ. Жили яны дужо бѣдно. Самъ чаловѣкъ бывъ большій пьяница: пропивъ своё ўсё, усякую худобу—и коровъ, и кбній, и овецъ, и свиньней—усё! И нѐчимъ яму ужо похмялитца. Отъ, ёнъ и кажа: «отъ, коли-бъ хто мнѣ поставивъ гарнецъ горѣлки, я-бъ яму заставивъ свойго сына Иваньку!» Бывъ тамъ одинъ хозяинъ; жалко яму̀ стало хлопца: «отдай ты, кажа, яго мнѣ; на́ табѣ пять карбованцовъ!» Узявъ хозяинъ Иваньку къ сабѣ. Побывъ тамъ Иванька чатыре годы, ўвобрався годовъ у пятнатцать. Отъ, той хозяинъ и кажа: «ну, што, Иванъ, пьянишнинъ сынъ, ти понявся ты чаго нѐбудь?»—Енъ кажа: слава Богу, знаю уже, што мнѣ треба!—«Ну, коли знаешъ, дыкъ иди зъ Богомъ!» Расчитався хозяинъ, давъ яму грбшій на дорогу. Иванька подякувавъ и пошовъ. Ишовъ, ишовъ, и сустрѣкая якогось чаловѣка, нибытцомъ купца. Отъ, той купецъ и говора: «здоровъ, хлопчикъ!»—Здоровъ, дѣдка!—«Откуль и куды тябе Богъ нясе?»—А оттуль и оттуль. Иду, ти не найми мяне хто.—«А ты наймаесься?»—Наймаюсь!—«Ну, дакъ наймись ко мнѣ!»—Ну, дакъ чаму,—можно!... Уговорились яны тамъ за кольки и на якое урэмя. Хорошо! Нанявсь ёнъ къ яму и ставъ служить. Служивъ, служивъ—скоро казка кажетца, да нискоро дѣло дѣлаетца; скоро бабка блинцы пяче да опару ставя; такъ

и ето. Прослуживъ ёнъ шесть годовъ. А етый яго хозяинъ бывъ большій чаровникъ—змѣй, да ще й кривый. Отъ, якъ пройшло шесть годовъ, хозяинъ и пытая: «ну, што ты, Иванъ—пьянишнинъ сынъ, ти понявся ты чаго-небудь?»—А тяперъ я лучь тябе ўже знаю!—«Ну, коли знаешъ лучь мяне, дыкъ иди сабѣ шукай другого хозяина!» Отправивъ яго и давъ яму, уклавъ у торбу, большую книгу. «Гляди-жъ, кажа: не разгартувай книги, а то я тамъ сичасъ буду, и зъѣмъ тябе!» А етой книгой ёнъ да запраставъ яму дорогу. Ну, Иванька подякувавъ яму и пошовъ, куды вочи глядѣли. Ишовъ ёнъ, ишовъ, ишовъ, ишовъ,—увыйшовъ у лѣсъ. Ходя ёнъ по томъ по лясу ходя, то туды, то оттуда—усё по 'днымъ мѣсту кружитца. И дужо енъ притомивсь, Хоча ѣсти—ѣсть нѐчаго, хоча пить—пить нѐчаго. Кружився енъ, кружився, и приблудився енъ къ рацѣ. Сѣвъ енъ отдыхать. И раздумався, што ёсть у яго книжка. «Ахъ, кажа; ето-жъ у мяне гдѣсь книга ё! Дай-ка погляджу, што йто за книга такая, што енъ казавъ у яѐ не глядѣть.» Отъ, и разгорнувъ ёнъ тую книгу. Тольки разгорнувъ,—ажъ якъ пошовъ скотъ, якъ пошовъ скотъ! Такъ и валя! Тамъ и коровы, тамъ и овечки, тамъ и свиньни, и разный скотъ! И навалило яго стольки, што й пераличи́ть нельзя. Отъ енъ и самъ нерадъ,што разгорнувъ тую книгу! «Ну, думая: што тутъ дѣлать зъ етымъ скотомъ?» Думавъ, думавъ, ничо́го ня придумавъ. «Ну што-жъ? хоть якъ-небудь буду живъ: вода ё, а скотъ буду рѣзать, да ѣсти!» Тольки енъ ето сказавъ, а тутъ яго хозяинъ здѣлався кривымъ вовкомъ и скача. «Ну, што-жъ, Иванька—пьянишнинъ сынъ! на што йто ты книгу разгорнувъ? Я жъ табѣ приказувавъ, што-бъ ты ня разгартувавъ. А тяперъ я тябе изъѣмъ!» Спужався Иванька, якъ Чаволай сказавъ: я тябе изъѣмъ!—«Нѣ, кажа: ня ѣжъ мяне, вовча крыволяччa!»—Нѣ, изъѣмъ!—«Нѣ, кажа: изъѣжъ лучь мою самую луччую скотину!»—Нѣ, я тябе изъѣмъ!—«Ну, зъѣжъ, кажа, по самой луччай скотинѣ усякаго ско́ту!» Тоды Чаволай кажа: «ну, вотъ што: я тябе ня буду ѣсти, коли ты ня будешъ жанитца!»—«Ну, якъ-жа мнѣ не жанатому быть?»—Ну, дакъ изъѣмъ!—«Ну, кажа Иванька: ня буду жанитца!»—Ну, однача, гляди: якъ но́гды станешъ жанитца, я тогды тябе нябезпремѣнно зъѣмъ!... Тогды Чаволай зайшовъ скоту наперадъ, ды якъ хыркня! дакъ той скотъ увесь у книгу. Згорнувъ Иванъ книгу, и пошли. Вывявъ яго Чаволай на дорогу и пошли: той сабѣ, а той сабѣ.

Ишовъ, ишовъ Иванька, и пришовъ домовъ, къ своимъ батька̀мъ. Бача, живуть яны дужо бѣдно: ни хлявка, ни гуме́нца. Отъ енъ и кажа: «Ну-тка, татъ, иди наймай у людей хлявы да гумны!» Пошовъ батька, понаймавъ кольки-тамъ хлявовъ да гу̂мновъ. Тогды Иванька разгорнувъ тую книгу. Отъ, скотъ зъ яѐ и пошовъ, и пошовъ: самъ по̂итца, самъ доглядаетца, самъ у хлѣвъ иде—коровы съ коровами, вовцы зъ вовцами, свиньни съ свиньнями—и такъ увесь скотъ. И отъ, стали люди той скотъ куплять. Яны купляять, а енъ размно́жуетца. И такъ годы за три ставъ енъ такимъ бога́тыромъ, што о—ё—ей! Прочулись люди, стали ўжо яго сватать икъ сабѣ. Отъ разъ пріѣхали къ яму сватать яго, а Иванька кажа: «нѣ, не пойду!» Троху погодя, ѣдуть другіе и сватаять яго. Енъ имъ кажа: «нѣ, не пойду. Мнѣ приказавъ Чаволай, штобъ не жанився. А то, кажа, я тябе зъѣмъ!»—О, нѣ, кажать сваты: ё ў насъ такіе два стралцы, што скрозь ихъ ни вужака не проповзе, ни муха не пролятить, ни што.

Ня бойся!—«Нѣ, боюсь, не пойду!»—Ну, ня пойдешъ, дакъ ня пойдешъ!.. Отказавзя ёнъ етыхъ сватовъ, ажъ черазъ малое уремя пріѣзжаять третьтіе: «*Пойди за насъ*!» —Нѣ, ня пойду: Чаволай мяне зьѣсть.—«Овъ! ты етаго боисься?»—Боюсь! кажа.—«Ну, ня бойся: ё у мяне два хортовыхъ собаки—яны не пропустять никого!»—Ну, коли такъ, пойду!—«Ну, вотъ: давнѣй-ба ты такъ. Коли жъ вяньчатца?»—Ну, будомъ у сераду!.. Поѣхали сваты, а Иванька ставъ дожидать серады. Давъ Богъ сераду, ёнъ сѣвъ и поѣхавъ къ нявѣсти. А тамъ ужо собрались, якъ слѣдуя: сходили къ попу, договорились. Запрагли тройку коній, сѣли на повозку. Тольки хотѣли ѣхати —ажъ тутъ, откуль не ўзявся, бягить Чаволай: «ну, кажа: отъ тяперъ я тябе зьѣмъ!» Тольки хотѣвъ яго ѣсти, а Иванька соскочивъ съ повозки да ворчиковаго коня топоромъ по гужахъ! Да ўскочивъ на яго, да якъ пуститца енъ на тымъ конѣ. Ѣхавъ, ѣхавъ, ѣхавъ, ѣхавъ, а Чаволай за имъ бяжить назиркомъ! Бѣгли, бѣгли—ёнъ не ўтяче, а енъ не догоня! Ѣхавъ, ѣхавъ Иванька, да й коня уже перагнавъ. Той конь звалився и лопнувъ. Соскочивъ енъ съ коня, заплакавъ, и побѣгъ.

Бѣгъ енъ, бѣгъ, бѣгъ, бѣгъ—нў, што дѣлать? Убѣгъ енъ у чароты, у болоты, ў такія, што ни стежачки, ни дорожачки, у тямреть, у большую. А Чаволай усё за имъ бяжить. Отъ, Иванька бѣгъ, бѣгъ, тымъ чаротомъ, бача—стоить хатка. Енъ къ ёй. Тольки хоча увойти у яѐ, а яна и перакружитца—къ яму задомъ, а къ чароту перадомъ. Енъ зайдя на той бокъ, а яна зновъ перакружитца къ яму задомъ. Тутъ енъ кажа: «хатка, хатка, перакружись ко мнѣ перадомъ, а туды задомъ!» Яна и стала такъ, якъ енъ сказавъ. Увыйшовъ енъ у тую хатку, а тамъ на печцы ляжить баба-яга, да стогня. «Здрастуй, бабулька!» кажа Иванька.—Охъ, охъ, охъ, охъ! здоровъ, Иванъ пъянишнинъ сынъ! По етыхъ поръ тўтъ яще и руськаго духу ня было; якъ ето тябе Богъ занесъ?—«Да отъ, бабулька: такое и такое дѣло: за мной погонъ—Чаволай гонитца!»—Ну, кажа, ня журись, Иванъ, пъянишнинъ сынъ! я твоё дѣло поправлю. Ложись, кажа, спать: ё у мяне такій собачка, што у девять верстъ звѣра почуя!—«Нѣ, бабулька, я ѣсти хочу!» Отъ яна съ печки злѣзла, п.....ла, столъ поддернула, дала яму питяньня, ядяньня, разнаго кушаньня. Енъ хорошенько поядавъ и легъ спати. Спавъ, спавъ, тутъ сичасъ собака и забрахавъ. Отъ, баба яго и будя: «уставай, Иванъ, пъянишнинъ сынъ! за тобой погонъ бяжить. Уже Чаволай близко— за девять верстъ!» Уставъ Иванька, умывся; дала яна яму окрайчикъ хлѣба, и кажа: «тольки ня ѣжъ етаго крайчика, хоть якъ будя хотѣтца. Бяги-жъ ты тудой и тудой: тамъ дальшъ будя другая моя сястра!»

Побѣгъ Иванушка; бѣгъ, бѣгъ, ажъ стоить хатка. Ёнъ икъ ей, а яна крутитца. Отъ енъ и кажа: «хатка, хатка, стань ко мнѣ перадомъ, туды задомъ!» Яна стала. Увыйшовъ Иванька у хатку—ляжить на печцы баба-яга, да стогня.—«Здоровъ, бабка!» —Здоровъ, Иванъ, пъянишнинъ сынъ! Што тябе суды загнало?—«Такъ и такъ, бабка: гонитца за мной Чаволай!» —Ну, я табѣ ету бяду поправлю. Ложись спать: ё у мяне такій собачка, што у шесть верстъ звѣра почуя!—«Охъ, нѣ, бабка: я выбѣгався, дужо ѣсть хочу!» Отъ яна съ печки злѣзла, п.....ла, столъ поддернула, дала яму питяньня, ядяньня, разнаго кушаньня. Енъ поядавъ и легъ спать. Спавъ, спавъ, туть собака и забрахавъ. Яна яго и будя: «уставай, Иванька, пъянишнинъ сынъ: уже Чаволай за

шесть верстъ!» Енъ уставъ, умывся. Дала яна яму̂ окрайчикъ хлѣба, и приказуя, штобъ енъ ня ѣвъ етаго 'крайчика, хоть якъ ѣсьти будя хотѣтца. И направила яго до третьтія сястры. Енъ пошовъ. Ишовъ, ишовъ, приходя икъ третьтяй хати. Увыйшовъ енъ у яѐ такъ-жа само, якъ у тыя у̂ходивъ, и знайшовъ и тамъ баба-ягу.—«Здрастуй, бабулька!»—Охъ, охъ, охъ, охъ! Здоровъ, Иванька, пъянишнинъ сынъ! што тябе суды занясло?—«Такое и такое, бабулька, дѣло: гонитца за мной Чаволай!»—Ну, я тябе навяду на путь! Ложись-ка спать: ё у̂ мяне такій собачка, што у три вярсты звѣра учуя!—«Охъ, нѣ, бабулька, я дужо ѣсть хо̂чу!» Отъ, яна злѣзла съ печи, п.....ла, столъ поддернула, дала яму питяньня, ядяньня, усякаго кушаньня. Енъ поядавъ и легъ спать. Тольки задрамавъ, ажъ тутъ и собака бреша. Отъ, яна и будя яго: «уставай, Иванъ, пъянишнинъ сынъ, за тобой погонъ иде: Чаволай у̂же за три вярсты. Да якъ можно скорѣй!» Енъ уставъ, умывся. Яна дала яму третьтій окрайчикъ хлѣба и ху̂сту. «Ну, што, кажа: бяги ты судой и судой; тамъ табѣ будя мора. Ты хустой махни, и здѣлаетца табѣ мостъ. Ты по имъ и пяройдешъ на той бокъ. Тогды, якъ тольки пяро̂йдешъ, махни хустой назадъ. И мостъ опять побуритца. Тогды, якъ ты ляжашъ спать, поклади уси етые окрайчики на хусту: одинъ у концы головы, а тые съ ободвыхъ боковъ!» Енъ побѣгъ. Бѣгъ, бѣгъ, видя—мора. Отъ, енъ ще зда̂лека махая хустой. И здѣлався яму̂ мостъ. Енъ черазъ мостъ и побѣгъ. А Чаволай сусимъ яго догоняя: уже сажняхъ у сто отъ яго. Тутъ Иванька перабѣгъ черазъ той мостъ, и махнувъ хустой назадъ. Мостъ побурився, Чаволай и у̂павъ у мора.

Дужо заморився Иванька; захотѣвъ енъ спать. Отъ, енъ разостлавъ хусту, поклавъ тые окрайчики—одинъ у головахъ, а два другіе съ ободвыхъ боковъ, и легъ спать. Якъ спать, дакъ спать, проспавъ ажно дванатцать сутокъ! Прошинаетца, ажъ стоять надъ имъ три большія собаки.—«Ой, Господи, што ето такое?» Енъ думавъ, што ето Чаволай нераплывъ черазъ мора. А собаки кажать: «ня бойсь, мы ня кривый вовкъ, а мы твоѐ слуги!»—Коли вы моѐ слуги, дакъ скажитя, якъ васъ зовуть? Одинъ кажа: «мяне зовуть Вярнигоръ!» А другій кажа: «а мяне—Ломикамянь!» Третьтій кажа: «а мяне—Ломизялѣзо! Мы съ тыхъ окрайчиковъ, што табѣ дали тыя бабы-яги!»—Ну, коли такъ, дакъ по̂йдомъ умѣсти!.. И пошли яны учатьвярыхъ. Ишли, ишли, пришли у водно царство; ажъ тамъ нема людей, ня 'дныѐ души. Яны у другое—и тамъ нема нико̂го, тольки царская семъя одна. А ето унадився туды змѣй, и повыявъ етые два царствы. Добрався енъ до само̂го цара: хоть самъ царъ иди, хоть дочку̂ вяди. *) Приходя Иванъ, ажъ яны прибираять царскую дочаръ весть туды у нору змѣю. Ну, што тутъ дѣлать? Зжалився Иванъ и кажа: «ти ня можно мнѣ йти помѣратца зъ имъ?»—Нѣ, кажать, зъѣсть и тябе!—«Ну, кажа, зъѣсть, ня зъѣсть, а пойду помѣраюсь!» Отъ, пошла тая дѣвка туды къ норѣ, собравшись, якъ на смерть. А Иванька услѣдъ. Приходять къ норѣ; а тамъ стоявъ ли норы слуга. Якъ ногды хто придя къ норѣ, дакъ ёнъ возьмя и шибне у нору къ змѣю. Убачивъ енъ, што царевна ня 'дна йде, и у̂тёкъ за гору̂. Пришли яны къ норѣ. Змѣй почувъ и кричить: «ну, подавай, кажа, руськое говядло!» А Иванъ кажа: нѣ, песьсяя мясо! Отъѣвся ты, тяперъ подависься!—«Ти ето ты, Иванъ-пъянишнинъ сынъ?»—Я, кажа,

*) Ср. Бѣл. Сборн. в. II, стр. 369, № 3 и 4.

песьсяя мясо! Выходь суды! Тутъ енъ якъ лятить прамо на Ивана, хотѣвъ яго прожерть —а собаки тыя вёрхи на яго, да якъ узяли яго шкуматáть! Иванька тогды давай мѐчомъ косить, и скосивъ яму одинáтцать головъ. Змѣй тогды у нору. А Вярнигоръ повярнувъ горý, улѣзли яны туды, и давай тамъ бить змѣя! Били, били, змѣй вырвався и полятѣвъ у камянную гору. Подбѣгъ Ломикамянь и разломавъ камянную гору. Убѣгли яны туды и стали зновъ бить змѣя. Тутъ енъ у зялѣзную гору. Подбѣгъ Ломизялѣзо и разломивъ зялѣзную горý. Стали яны бить змѣя. Подскочивъ тутъ Иванъ и зрубивъ яму дванатцатую головý. Змѣй и пропавъ. Тольки здѣлавъ енъ Иваньку три раны. Зняла царевна съ сябе шовковую хусту, порвала яѐ и ўвяртѣла яму раны. Пошли яны домовъ. Пройшовши трохи, сѣли на лугу отдыхнуть вѣдомо,—замордовались.—«Ты, Вярнигоръ, покуль мы бились, отдыхавъ; тяперъ стеражи. А мы—посли побою; отъ, тяперъ отдыхнёмъ!» Лягли яны и заснули. Отъ, царевна и говóра Вярнигору: «ложись и ты, а ўсё ровно я постерагу!» Лёгъ енъ, и заснули на дванатцать сутокъ. А слуга той подмѣтивъ, што яны спять, и пошовъ къ имъ. Стала царевна будить Иваньку, будила, будила—ня ўзбудила. Подбѣгъ слуга и знявъ Иваньку голову. А самъ узявъ царевну и повевъ домовъ. «Ну, кажа: коли ты не скажашъ, што я тябе збавивъ отъ змѣя, дакъ тутъ табѣ и смéрть!» Спужалась царевна: «дóбро, кажа: скажу!»

А черазъ дванатцать сутокъ прошнулись собаки. Поглядять, ажъ у Иванушки головы немашъ! Вотъ яны и закричали на Вярнигору: «мы-жъ оставляли тябе стярегти! А ты й не ўстярогъ!» Той собака плакавъ, плакавъ, и побѣгъ. Прибѣгая къ норѣ, ажъ повзе гадюка, а ўслѣдъ гадючаня. Енъ ставъ на гадючанёнка и хотѣвъ яго раздрать. Отъ, гадюка и стала яго просить: «ня рушъ мойго дятенка, я надъ имъ семъ годъ сядѣла!» Вярнигоръ и кажа: «а достань мнѣ воды зрастущія и живущія!» Яна поповзла и принясла воды. Пошовъ Вярнигоръ икъ Иваньку. Помазали яны яго водой зрастущею,—голова зрослась съ туловомъ; помазали водой живущею—Иванька оживився: «Ахъ, кажа, крѣпко я заснувъ!»—Крѣпко! кажать яны: и ня ўставъ-ба, колибъ ня мы!.. Отъ, устали яны и пошли къ цару. Пришли у городъ; зайшовъ Иванька съ собаками къ одному дѣду. Дѣдъ и кажа: «заўтра у цара обѣдъ, царевна иде за слугу, што збавивъ яѐ отъ змѣя!» Отъ, Иванька давъ собацы кайстерку, и послáвъ яго къ цару. Якъ убачила царевна собаку, наклала яму повну кайстерку булокъ. На другій день пославъ Иванька другого собаку, на третьтій-третьтяго. Царевна и имъ понакладала повны кайстерки. Тоды пошовъ самъ Иванька. Пришовъ и сѣвъ за 'динъ столъ съ старцами. Стала царевна столы обходить, приглядатца—ўбачила Иваньку. Стала яна гостей частувать: усимъ по 'дной чашцы, а яму двѣ; усимъ по 'дной чарцы поднясе, а Иваньку—двѣ. Убачивъ ето слуга, разсердився, и ставъ цару жалитца. Отъ, царевна тогды и кажа: «татка мой родняанькій! Ето-жъ вò хто збавивъ мяне отъ змѣя, а ня етый лакей!» И разсказала цару усё, што тамъ было. Убачивъ царъ, што й раны у Иваньки уверчаны у царевнину хустку, и вялѣвъ енъ тому лакею голову знять. А Иванъ жанився на царевни, и стали сабѣ жить да поживать.

С. Перерость, гом. у.

10. Подземное царство.

а, Живъ сабѣ царъ. Было ў яго три сыны: два разумныхъ, а третьцій дуракъ —Иванушка-дурачокъ. У гэтыго цара бѣлый мядзьвѣдзь съ того свѣту кажныя ночи кóній *) кравъ. Часовэя стыяць кылы стайни ны часахъ и пилнуюць коній, и замки замкнуты,—а кóній крадуць. И часовэя никóго ня видзюць. Такъ царъ и ня вѣдыець гэтыго, што кóній у яго крадзець бѣлый мядзьвѣдзь. Довго ёнъ кравъ гэдыкъ: што ночь, то кыня. Прйдзець царъ ураньни, посчитаець, полйчиць—а кыня й нема; што ночь, то кыня й нема. Алитки старѣйшій царевичъ кажець: «ахъ, што будзець, ды ня будзець—пойду я пилнуваць: можа я ўловлю, хто гэто кóній крадзець!» Ну, вотъ и пошовъ старѣйшій царевичъ ны стáйню пилнуваць кóній. Пришовъ царевичъ ны стайню, стоиць, и вочъ ня звóдзиць—усё пилнуець. Али у самую пóвнычъ на минутку задрамавъ. Чуць вóчи звёвъ—а конь ужо ўкрадзенъ. Нызаўтрыго рано пошовъ царъ личи́ць кóній. Личи́въ, личи́въ,—усётки одного кыня нема. Ны другую ночь сяредній царевичъ кажець: «ахъ, што будзець, ды ня будзець—пойдутку я пилнуваць: уловлю, хто гэто такъ кóній крадзець!» Пошовъ ёнъ пилнуваць. Стыявъ, стыявъ; кажетца, цѣлую ночь и вочъ не зводзивъ—а кыня нѣхто укравъ.

На третьцюю ночь Иванька дурачокъ кажець бацьку: «пусци мяне, татъ, пилнуваць ны стайню!»—Идзѣ табѣ, дураку, пилнуваць? Кыли ўжо разумные пилнували, ды ня ўпилнували—усётки коней двохъ украли,—а то табѣ ўжо упилнуваць! Ставъ Иванька просиць бацьку, ставъ просиць; ну, тэй кажець: «идзи сабѣ!» Тоды Иванька царевичъ пошовъ у кузьню и сказавъ кывалямъ дзѣлыць ляску дзесяць пудовъ. Здзѣлыли яму кывали ляску дзесяць пудовъ. Иванька царевичъ узявъ гэтую ляску у лѣвую руку, ды якъ кинець яѐ ўгóру—дыкъ яѐ три часы ня видаць было. Чаразъ три часы пыказалася ляска; ляциць, ляциць, а Иванька царевичъ пыдставивъ мезяный паляцъ—яна якъ ляцѣла, ды ударилася объ паляцъ—дыкъ такъ и пераломилыся! Тоды Иванька царевичъ кажець кывалямъ: «здзѣлыйце-тку мнѣ ляску пятнанцыць пудовъ»! Здзѣлыли яны ляску пятнанцыць пудовъ. Узявъ енъ гэтую ляску, вынесъ на дворъ, ды якъ кинець угору! Ляска якъ пыляциць—ажны стало ня видаць, ажны за воблыки зыляцѣла! А тоды ляциць, ляциць оттуль. Иванька царевичъ пыдставивъ колѣно. Яна якъ ляцѣла, дыкъ якъ ударитца объ колѣно, дыкъ такъ уся чисто и разбилыся; а колѣно цѣло. Пошовъ Иванъ царевичъ къ кывалямъ: «скуйце-тку цяперъ мнѣ ляску дватцыць пяць пудовъ!» Скували кывали яму ляску дватцыць пяць пудовъ. Узявъ Иванъ царевичъ гэтую ляску, вынесъ на дворъ, ды якъ кинець яѐ угóру! Ляска якъ пыляциць—ажъ подъ небо, ажъ двананцыць часовъ ня видаць было. Якъ яна стала нызадъ ляцѣць, Иванька царевичъ пыдставивъ лобъ. Ляска якъ ляцѣла, ды якъ ударитца объ лобъ—ды й отляцѣлася цѣлая. Узявъ тоды Иванька царевичъ гэтую ляску и пошовъ на стайню **). Стоявъ, стóявъ,—ажъ у самую пóв-

*) Вар. Коровъ бивъ. Или: барановъ кравъ. **) *Вар.*: 1) „Узявъ Иванюшка дурачокъ булку хлѣба и кусокъ сала и пошовъ пилнуваць. Сядзѣвъ, сядзѣвъ—захоцѣлося яму спаць. Тоды енъ разъ укусиць хлѣба, другій сала; разъ хлѣба, другій сала. Ажъ приходзиць бѣлый мядзьвѣдзь, и ў вороты гручиць. Иванька къ яму, а ёнъ уцякаць:—якъ бѣгъ—на двѣ чецьвярци кип-

нычь вылѣзаець бѣлый мядзьвѣдзь изъ зямли. У гэтаго мядзьвѣдзя вярста вухо! Тольки пыказався бѣлый мядзьвѣдзь, а Иванька царевичъ якъ дась яму ў лобъ ляской, дыкъ ёнъ и ринувся у зямлю узнова. Иванька царевичъ тоды пришовъ у дворъ, ды й легъ спаць. Нызаутрыго ураньни царъ кажець: «ци ходзивъ Иванька на стайню пилнувацъ?» А яму кажуць: Иванька-жъ спиць!—«Ну, кажець царъ: я гэдыкъ и думувъ! я думувъ, што гэдыкъ будзець!» Али пошовъ енъ ны стайню, ставъ личыць коній. Посчитавъ, поличивъ—кони ўси цѣлы.

Тоды ставъ Иванька царевичъ просиць бацьку, кабъ здзѣлывъ яму ланцугъ три вярсты и коловротъ, кабъ спусцитца на тэй свѣтъ, забиць тамъ бѣлаго мядзьвѣдзя. Царъ прикызавъ кывалямъ, слесырамъ, кабъ яны здзѣлыли такій ланцугъ—три вярсты. Якъ ёнъ бывъ готовъ, Иванька царевичъ ставъ просиць бацьку, кабъ яго спусцили пы ланцугу на три вярсты у зямлю, ды кабъ пыставили ли ланцуга часовыхъ пилнувацъ, кабъ нихто яго ня принявъ, покуль ёнъ вѐрнетца. Ну, царъ распырадзився. Пошовъ тоды Иванька зъ братами къ норѣ и кажець: «жджице-жъ мяне цѣлый мѣсяцъ; а якъ я дзёрну за ланцугъ, вы й цягнице.» *) Ну, опусцився енъ у зямлю на три вярсты, и ставъ на тымъ свѣци. А браты осталиси ли норы. Ходзивъ, ходзивъ по тымъ свѣту Иванька царевичъ, и пришовъ къ мѣдныму двору. Приходзиць ёнъ туды, увыйшовъ у хату, ажны тамъ сядзиць дзѣвушка—красотушка и вышиваець.

цями зямлю дравъ..“ Ляска дѣлается уже тогда, когда Иванъ идетъ отыскивать нору медвѣдя. 2) Узявъ Иванька молока и пошовъ калавурить. Ажъ у самую повночь приходя бѣлый мядьвѣдь, такій большій, што одно вухо повпуда. Иванъ якъ сѣкане—отрубивъ яму поввуха—десять хунтовъ! Мядьвѣдь и ўтекъ. *Гомельск. у.* Тамъ-же сказка имѣетъ и такое начало: Живъ сабѣ царъ да царица. Было у ихъ три сыны; и третьтій сынъ бывъ стралецъ—богатырь. Унадився у етое царство бѣлый вовкъ и пераѣвъ усихъ людей. И ниякъ того вовка нялъзя убить. Вотъ обобрався стралецъ-богатырь. Пошовъ енъ, сѣвъ подъ тыномъ и стереже вовка. Тутъ сичасъ вовкъ иде. Иде и увидѣвъ Иванушку богатыра, и кажа: здрастуй, Иванушка!—Здоровъ, бѣлый вовкъ!—Што ты тутъ сядишъ? Хочашъ мяне убить? Нѣ, ня убъешъ! —Нѣ, убъю,—кажа Иванушка. Узявъ и стрѣльнувъ, и попавъ яму у лѣвое вухо, а ў правое вылятѣло. Кровъ и потякла изъ яго. Вотъ тогды Иванушка искувавъ большому брату булаву три пуды. Той потшибнувъ булаву, наставивъ локоть, булава икъ лятѣла, ударила по локтю и разбилась, и богатырь той повалився. Искували тогды сяредняму брату булаву шесть пудовъ. Вотъ ёнъ потшибнувъ и наставивъ лобъ. Булава икъ лятѣла и ударила по лобу̀, и раскололась. Енъ и повалився. Вотъ Иванушка искувавъ сабѣ булаву дванатцать пудовъ; узявъ и потшибнувъ яѐ угору̀: яна лятѣла три дни угору̀ и три ночѝ назадъ. Наставивъ енъ колѣно, яна икъ ударила яго по колѣну—и булава цѣла, и енъ стоить, якъ стоявъ. Вотъ яны пошли тогды по слядахъ шукать бѣлаго вовка. Ишли, ишли и пришли къ такой огради, што нялъзя у яѐ улѣзьти. Ходили яны, ходили ли яѐ—нѐкудой улѣзьть! Ажъ тутъ и ѣдя на сями паръ коній голова зъ дежку, по солянцы вочи, и кричить на ихъ: „зворачуйтя! а то я васъ поѣмъ!“—Нѣ, ты зворачуй! Вотъ енъ излазя уже ихъ ѣсти, а Иванушка якъ удара яго булавой:—„Ой, ня бись, ня бись, я буду у васъ за меньшаго брата!“ И пошли учатырохъ. Дойшли до тыѐ ограды, Иванушка и даѐ большому брату булаву, и кажа: нука, би! Енъ ударивъ, и ня пробивъ. Давъ енъ булаву сяредняму брату, и той ударивъ—ня пробивъ. Давъ и тому головану, што голова зъ дежку, по солянцы вочи и той ударивъ—ня пробивъ. Узявъ енъ тогды, самъ, ды икъ удара—и пробивъ ограду. Вотъ яны улѣзьли туды, и дирку тую замазали. А въ той огради да была нора на той свѣтъ...

*) *Вар.* Пошовъ Иванька къ норѣ зъ братами, звили вяровки зъ лыкъ, и опусцили Иваньку на тэй свѣтъ.

Увидзѣла яна Иваньку и кажецъ: «Здрастуй, Иванька царевичъ!»—Здоровъ, дзѣвушка—красотушка!— «А куды цябе Богъ нясецъ, Иванька царевичъ?»—Такъ и такъ: иду я биць бѣлыго мядзьвѣдзя: ёнъ у мойго бацьки ныпокравъ кóній!—«Дзякуй табѣ, Иванька царевичъ, кажецъ дзѣвка: кыли ты забъешъ яго. Гэто мой бацька; али ёнъ у васъ кóній крадзецъ, а насъ ссысаецъ!» Дыла яна яму ѣсци, ныпоила яго, ныкормила яго и дорогу ўказала. Ну, пошовъ Иванька царевичъ дали. Ишовъ ёнъ, ишовъ, ишовъ, ишовъ—приходзиць икъ сяребрыному двору. Ёнъ увыйшовъ у гэтый дворъ, ажны тамъ сядзиць дзѣвушка-красотушка, ящо пригожѣйшая за першія. «Здрастуй, кажецъ, Иванька царевичъ!»—Здоровъ, красная дзѣвушка!—«А куды цябе Богъ нясецъ, Иванька царевичъ?»—Такъ и такъ: иду, кабъ забиць бѣлыго мядзьвѣдзя, а то ёнъ у мойго бацьки крадзецъ кóній.—«Я буду дужо рада, кыли ты яго забъешъ: гэтый бѣлый мядзьвѣдзь мой бацька, али ёнъ у васъ коній крадзецъ, а насъ ссецъ!» Посадзила яна яго тоды за столъ, ныпоила яго, ныкормила яго, и дорогу пыказала. Пошовъ Иванъ царевичъ дали. Ишовъ, ишовъ, ишовъ, ишовъ—приходзиць къ зылотому двору. Увыйшовъ ёнъ у гэтый зылотый дворъ. Сядзиць и ў гэтымъ дворѣ дзѣвка, ды такая пругожая! И чаровики у яѐ дыямантовые. Увидзѣла яна Иваньку и кажецъ: «здрастуй, Иванька царевичъ!»—Здоровъ, дзѣвушка-красотушка!—«А куды цябе Богъ нясецъ, Иванька царевичъ?»—Такъ и такъ: иду я у ваша царство биць бѣлыго мядзьвѣдзя! Ёнъ у мойго бацьки коній крадзецъ!—«Гэтый бѣлый мядзьвѣдзь—мой бацька. Али я за цябе буду Бога молиць, кыли ты яго забъешъ: бы ёнъ у васъ коній крадзецъ, а насъ ссецъ!» Пысадзила яна Иваньку царевича за столъ, ныкормила яго, ныпоила яго, пыказала дорогу къ бѣлыму мядзьвѣдзю, и кажецъ: «ты-жъ глядзи: якъ будзешъ пыдходзиць къ яго двору, ды увидзишъ у дворѣ огонь, дыкъ ня йдзи—Божа цябе сыхрани! А кыли увидзишъ, што тольки дымъ кўріецъ, дыкъ идзи: бы ёнъ тоды спиць! Придзи у дворъ, возьми у яго пыдъ гылывами ключи отъ склепа и идзи у склепъ. У тымъ скляпу ны правой руцѣ стыяць бочки силныя, а на лѣвой руцѣ слабицялныя; ты слабицялныя поставъ на правую руку, а силу поставъ на лѣвую руку!» Подзякывавъ Иванька царевичъ дзѣвцы, и пошовъ къ бѣлыму мядзьвѣдзю. Ишовъ, ишовъ, и подыходзиць ужо къ мядзьвѣдзевыму двору. Видзиць ёнъ, што тольки дымъ кўріецъ, вотъ ёнъ и пошовъ у дворъ. Приходзиць на дворъ, увыйшовъ у хату, а бѣлый мядзьвѣдзь спиць. Иванька царевичъ узявъ ды выцягнувъ изъ пыдъ мядзьвѣдзя ключи и пошовъ у склепъ. Пришовъ ёнъ къ склепу, отомкнувъ, увыйшовъ ў гэтый склепъ, ажны тамъ стыяць бочки по правый руцѣ и по лѣвый. Иванька царевичъ узявъ, у тэй бочцы, што стыяла на правый руцѣ, крантъ отпусцивъ, и выпивъ силы. И здѣлывся крѣпкимъ. Тоды ўзявъ, тэя бочки, што стыяли по правый бокъ, пыставивъ на лѣвый, а што стыяли по лѣвый бокъ, тэя пыставивъ на правый...

Развиднѣлося... Увидзѣвъ Иваньку, царськаго сына, бѣлый мядзьвѣдзь; якъ зыравецъ: «чаго ты, Иванька, царській сынъ, пришовъ: битца, ай миритца?»—Ахъ ты пыганьская сила! Ты у мойго бацьки кóній кравъ, а я съ тобой буду миритца? Ды нѣ!.. Стали яны битца. Билиси, билиси—Иванъ царевичъ своей ляской дватцаць пяць пудовъ збивъ бѣлыго мядзьвѣдзя. Стали яны отдыхаць. Побѣгъ бѣлый мядзьвѣдзь скоренько у склепъ, ды якъ хопиць слабицялной воды замѣсто силы, а Иванька царевичъ

хлябнувъ силы. Вотъ бѣлый мядзьвѣдзь пыслабѣвъ, а Иванька, царській сынъ, пыкрапчѣвъ. Стали яны узнова битца. Билиси, билиси, алитки Иванька, царській сынъ, забивъ бѣлыго мядзьвѣдзя! Забивъ и зыкопавъ у зямлю. Тоды ёнъ узявъ сабѣ изъ склепа силы и пошовъ назадъ. Ишовъ, ишовъ, ишовъ, ишовъ—подыходзиць къ тэй дзѣвцы, што дворъ зылотэй. «Здрастуй, Иванька царевичъ!»—Здоровъ, дзѣвушка-красотушка! —«Ну, а што? ци помогъ Богъ забиць бѣлыго мядзьвѣдзя?»—Помогъ; я яго забивъ! —«Ну, дзяку жъ табѣ, Иванька царевичъ, за гэто!» Тоды Иванька кажець: а што, можа бъ ты пошла у наша царство? Яна кажець: «а чаго жъ я буду тутъ оставатца?» Вотъ яны и пошли зъ двыра. Трошку отыйшлиси, яна и глядзиць назадъ, на свой дворъ. Тоды Иванька царевичъ говóрицъ: «можа ты жалѣешъ свойго двыра! У нашимъ царствьи уво ўсимъ нема столькі золыта, сколькі у гэтымъ двору!» Якъ сказавъ гэто Иванька царевичъ, дыкъ дзѣвка обыйшла кругомъ двыра три разы, а тоды боднула палцомъ у сцяну—увесь дворъ и злився у зылотое яйцо, и ў гэтымъ яйцы осталиси яé дыямантовые чаровички. Яна и отдыла гэто яйцо Иваньку. Тоды пошли яны удвохъ. Ишли, ишли, приходзюць икъ тэй дзѣвцы, што дворъ сяребрыный. Яна кажець: «здрастуй, Иванька царевичъ!»—Здоровъ, красная дзѣвушка!—«А куды цяперъ Богъ нясець?»—Я иду къ бацьку у свое царство. А тая дзѣвка, што ишла зь Иванькомъ, и кажець: «ходзи й ты, сястрица: чаго ты будзешъ тутъ одна оставатца?» Яна и пошла зь ими. Али ўсё назадъ озирастца. Иванька царевичъ говорицъ: «што ты ўсё назадъ озираесься? Можа табѣ жалко твойго двыра? У нашимъ уво ўсимъ царствьи нема столькі сярыбра, сколькі у гэтымъ двору!» Яна тоды обыйшла кругомъ двыра три разы и боднула палцомъ у сцяну—и дворъ злився у сяребрыное яйцо. Яна ўзяла яйцо и отдыла яго Иваньку. Нясець ёнъ ужо два яйцы: зылотое и сяребрыное. Пошли яны дали ужо ўтрохъ. Ишли, ишли, приходзюць икъ тэй дзѣвцы, што мѣдный дворъ. «Здрастуй, Иванъ царевичъ!»—Здоровъ, красная дзѣвушка!—«А куды цяперъ Богъ нясець?»—Иду къ бацьку у своё царство! Тоды сёстры говоруць: «ходзи ты, сястрица, зъ нами: што ты тутъ будзешъ одна оставатца?» Яна пошла, али ўсё назадъ пыглядаець. Иванька царевичъ кажець: «можа табѣ жалко двыра? У моимъ уво ўсимъ царствьи нема столькі мѣдзи, сколькі на гэтымъ дворѣ!» Яна тоды узяла ды обыйшла кругомъ двыра три рáзы ды палцомъ бодзь у сцяну—дыкъ такъ увесь дворъ и злився у мѣдное яйцо. Яна узяла гэтое яйцо, ды отдыла Ивану царевичу у кишень. Стало ў яго ужо три яйцы. Пошли яны дали учацьвярыхъ. Ишли, ишли, и пришли къ ланцугу. Иванька царевичъ одну дзѣвку пыдавъ пы ланцугу, тоды другую, а тоды третьцюю; ды толькі самъ хоцѣвъ лѣзьци, ажны браты ланцугъ и пыдхвацили... Што тутъ дзѣлыць? Стыявъ ёнъ, стыявъ, думавъ, думавъ, а тоды пошовъ назадъ. Ишовъ, ишовъ—приходзиць къ рацѣ. Идзéць ёнъ кылы ракй, ажъ стоиць дубъ—съ хату тувщиной. Пылядзѣвъ Иванъ царевичъ ўгóру, видзиць на дубу кублó. Узлѣзъ ёнъ къ гэтыму кублу, ажъ тамъ чатыре птушкиныхъ дзяцёнки. И заповзла къ имъ змѣя, и одного ўжо зьѣла. Иванъ царевичъ узявъ ды змяю забивъ и зыкопавъ у зямлю. Тоды гэтыя птушуняты кажуць: «ты, Иванъ царевичъ, цяперъ, покуль наша матка прилящиць, схувайся пудъ яйцовую шулýпину, бы яна якъ прилящиць, дыкъ ня развѣдавши цябе зьѣсь!» Иванъ царевичъ схувався пудъ шулупину

и сядзиць. Ажъ вô прилетаець матка. Нôсомъ кивъ-кивъ! нюхыець. «Нѣшто тутъ русь-кось пахнець?» А птушуняты кажуць: «гэто ты пô свѣту нылеталася, и руськаго духу нанюхылася. У насъ тутъ во змяя была: одного птушунёнка зьѣла. Можа-бъ и ўсихъ насъ поѣла, али откуль Богъ наславъ Ивана царевича: ёнъ гэтую змяю забивъ. Што-бъ ты, мама, здзѣлыла Ивану царевичу, кабъ енъ назадъ вярнувся, ды тутъ бывъ?»—А я бъ яму усё тое здзѣлыла, штô бъ ёнъ зыхоцѣвъ! Тоды яны кажуць: «енъ-жа тутъ, пудъ шулупиной сядзиць!» Вылѣзъ Иванька съ пудъ шулупины, птахъ яму̀ и говорицъ: «ну, што зь мяне хочешъ?»—Ды я боли ничого ня хôчу, кабъ тольки ты мяне вынясла у моё царство! Птахъ кажець: трудно гэто здзѣлыць, ды дужо трудно! Ну, али дыстань ты мнѣ высямнанцыць ялывокъ и высямнанцыць бочакъ вина, тоды можа вынясу!

Пошовъ Иванъ царевичъ шукаць, идзѣ дыстаць высямнанцыць ялывокъ и высямнанцыць бочакъ вина. Пошовъ ёнъ узнова кылы раки. Ишовъ енъ, ишовъ, ишовъ, ишовъ—ажны стоиць хатка. Увыйшовъ енъ у гэту хатку, ажны тамъ сядзиць дзѣдъ зъ бабый. Увыйшовши ў хатку, Иванъ царевичъ кажець: «ци ня можно тутъ нанятца работыць?» А дзѣдъ кажець: «зачимъ? Можно!» И ставъ Иванъ царевичъ у гэтыго дзѣда служиць. А дзѣдъ тэй ды ловивъ рыбу; дыкъ Иванъ царевичъ поѣхывъ зь имъ рыбу ловиць. Ну, ловили, ловили, и наловили стольки, што дзѣдъ увесь свой вѣкъ ловивъ, ды стольки ниразу не ўловивъ. На другій дзень повёзъ дзѣдъ у гôрыдъ прыдаваць гэту рыбу, и прыдавъ до 'днэй рыбинки. Узявъ дужо много грôшій. Тоды поѣхыли яны ўзнова рыбу ловиць, и опяць наловили дужо много. Повёзъ дзѣдъ у горыдъ прыдаваць, и не прыдавъ ня 'днэй рыбины—усю рыбу назадъ привёзъ. Пытаюць яны ў яго: «зачимъ ты ня прыдавъ ня 'днэй рыбинки?» А енъ кажець: а затымъ, што у гôрыдзи печаль—жалоба большая: прыславъ къ цару шасциглавый змѣй, кабъ царъ отдавъ яму свою дочку; а кыли ды ня 'тдась, дыкъ ёнъ усё наша царство поѣсь. Дыкъ вотъ у горыдзи уси крамы замкнуты, и нема ниякей прôдыжи!

Тоды Иванъ царевичъ кажець: «дайце мнѣ лукошко, пойду я грибовъ ныбяру!» Дзѣдъ кажець: «кýды ты пôйдзешъ, ня вѣдывши,—ты заблудзишъ!»—Ды нѣ, я далеко дужо ня пойду, тольки вô ў гэтый парысьничакъ сходжу! Узявъ ёнъ лукошко, и пошовъ у лѣсъ. Якъ пришовъ у лѣсъ, дыкъ и побѣгъ скорѣй туды, куды пывязли царськую дочку̀. Тольки пришовъ, ажъ ляциць шасциглавый змѣй. «Во, кажець, якей хорошій царъ: я просивъ одного, а ёнъ прыславъ двохъ!»—Ды нѣ, нячистый духъ, кажець Иванъ царевичъ: двумъ ты ня радуйся! Змѣй тоды пылядзѣвъ: «ци гэто ты, Иванъ царевичъ? Ци ты жъ пришовъ битца, ци миритца?»—Нѣ, битца; дзѣ тамъ ужо миритца!—«Ну, дми пылянку!»—Нѣ, ты дми, нячистая сила!» Змѣй якъ дунувъ, дыкъ на три вярсты цыгунный мостъ *) выдувъ. А Иванъ царевичъ якъ дунувъ, дыкъ на шесь вёрстъ выдувъ мѣдный мостъ. Ну, стали яны битца. Билиси, билиси, Иванъ царевичъ отсѣкъ змѣю три гыловы. Тоды змѣй кажець: «стой, Иванъ царевичъ; дай отдыхнуць! Цари, кыроли воюютца, ды отдыху маюць, а мы нѣ!» Стали отдыхаць. Иванъ царевичъ выпивъ силы, и ящо пыкрапчѣвъ. Стали ўзнова битца; енъ отразу и отсѣкъ змѣю уси три гыловы. Тоды сыбравъ уси шесь головъ, спаливъ на осиныхъ дровахъ, а пôпялъ по вѣтру пусцивъ. Узявъ ёнъ тоды своё лукошко, ды пошовъ ско-

*) Въ значен. *полъ*

рѣй къ дзѣду. А дзѣдъ кажецъ: «нѣшто-жъ ты дужо бавився?»—А я троху зыблудзився, дыкъ забавився, покуль дворъ знайшовъ!.. На другей дзень повёзъ дзѣдъ у горыдъ рыбу, и ўсю рыспродавъ. Наловили яны тоды ўзнова рыбы. Повёзъ дзѣдъ прыдавацъ—и ня прыдавъ ня 'днэй рыбинки. Пріѣхывъ ды кажецъ: «у нашимъ горыдзи узнова большая печаль-жалоба: дзевяциглавый змѣй приславъ къ цару, кабъ отдавъ яму свою сяредьнюю дочку. А кыли ды ня дась, дыкъ змѣй усё наша царство выѣсь. Дыкъ у горыдзи уси крамы пызамкнуты, и нема ниякей прбдыжи!» Тоды Иванька кажецъ: «дайце мнѣ лукошко, пойдутку я грибовъ ныбяру!» Дзѣдъ изъ бабый кажуць: «на чорта тэя грибы! Ящо заблудзишъ, якъ тэй разъ!»—Нѣ, треба сходзицъ: не ныбяру, дыкъ хоць проходжуся, а то мнѣ нѣшто тошно! Узявъ ёнъ лукошко и пошовъ у лѣсъ. Якъ пришовъ у лѣсъ, дыкъ и побѣгъ скорѣй туды, куды пывязли царськую дочку. Приходзицъ енъ туды, ажны ляцицъ дзевяциглавый змѣй: огонь-дымъ зъ рота дышецъ. «Во, кажецъ, якей хорошій царъ: я просивъ у яго одногд, а енъ давъ двохъ!» —Ну, нячистая сила, двумъ ня радуйся!—«А зачимъ? Кыли я никого не боюсь. Тольки ёсь на свѣци, не ў нашимъ царстьви, Иванъ царевичъ: я яго боюсь. Дыкъ яго сюды ворынъ косьцей не занясецъ!»—А добрый мылодзецъ самъ зайдзецъ! кажецъ Иванъ царевичъ.—«Ци гэто ты, Иванъ царевичъ? Ну, ци пришовъ битца, ци миритца?»—Во, нячистый духъ! буду я зь имъ миритца!—«Ну, дми пылянку!»—Нѣ, ты дми, нячистая сила! Змѣй якъ дунувъ, дыкъ на шесь верстъ мѣдный мостъ выдувъ. Иванъ царевичъ якъ дунувъ, дыкъ на двананцыць верстъ сяребрыный мостъ выдувъ. Ну, тоды стали яны битца. Иванъ царевичъ якъ дась-дыкъ отразу три гыловы прочь. Выпивъ енъ силы—и ящо три головы збивъ. Тоды змѣй кажецъ: «стой, Иванъ царевичъ, будземъ отдыхацъ. Цари и кыроли воюютца, ды отдыху маюць, а мы нѣ!» Стали отдыхацъ. Иванька выпивъ ящо силы, и ящо пыкрапчѣвъ. Стали битца узнова. Якъ бися, дыкъ бися—отсѣкъ Иванъ царевичъ и послѣднія гблывы! Тоды сыбравъ уси дзевяць головъ, на осинывыхъ дровахъ спаливъ, а попялъ по вѣтру пусцивъ. Приходзицъ къ дзѣду, а дзѣдъ кажецъ: «ну, вд й опяць забавився!»—А гэто я троху заблудзивъ! На другей дзень повёзъ дзѣдъ рыбу, и прыдавъ ўсю чисто. Наловили яны тоды ўзнова ящо боли. Повёзъ дзѣдъ прыдавацъ, и ня придавъ ня 'днэй рыбинки. Пріѣхывъ и кажецъ: «у нашимъ горыдзи узнова печаль-жалоба вяликая. Цяперъ ужо двананцациглавый змѣй приславъ къ цару, кабъ царъ отдавъ яму мéньшую дочку на зьядзенья. Дыкъ у нашимъ горыдзи уси крамы пызамкнуты, и ниякей нема прбдыжи!» Узявъ Иванъ царевичъ лукошко и пошовъ туды, куды пывязли царськую дочку. Тольки енъ приходзицъ, ажны ляцицъ двананцациглавый змѣй. Смяетца ды й кажецъ: «во, якей хорошій царъ! я одного просивъ, а енъ прислав двохъ. Ну, али зьѣмъ и двохъ!»—Ды нѣ, обоихъ не зьяси, пыдавиться! кажецъ Иванъ царевичъ.—«Зьѣмъ, бы я никбго не боюсь. Тольки ёсь на свѣци, не ў нашимъ царстьви, Иванъ царевичъ. Тэй мяне подужыецъ; ды яго сюды ворынъ косьцей не занясецъ.»—А добрый мблодзецъ самъ зайдзецъ! кажецъ Иванъ царевичъ.—«Ци гэто ты, Иванъ царевичъ? Ну, пришовъ битца, ци миритца?»—Во, нячистая сила! буду зь имъ я миритца!—«Ну, дми пылянку!»—Нѣ, ты дми, нячистая сила! Змѣй якъ дунувъ—на дзесяць верстъ сяребрыный мостъ выдувъ. Иванька дунувъ—на двацыць верстъ зылотэй мостъ выдувъ. Ну, стали яны

битца. Иванъ царевичъ отразу отсѣкъ змѣю три гыловы. Тоды выпивъ силы, и ящо отсѣкъ три гыловы. Якъ пычалй узнова битца. Билиси, билиси, алитки Иванъ царевичъ отсѣкъ змѣю ящо три гыловы. И самъ дужо притомився. Ёнъ тоды кажецъ: «цари, кыроли воюютца, ды ўсётки отдыху маюць, а мы съ тобой ня 'тдыхаемъ!» Стали яны отдыхаць. Отдыхнувъ Иванъ царевичъ, выпивъ силы и ўзнова пыкрапчѣвъ. Стали битца; збивъ Иванька послѣднія три гыловы. Собравъ уси дванаццыць головъ, спаливъ на осинывыхъ дровахъ и попялъ по вѣтру пусцивъ. Пошовъ ёнъ тоды съ царськой дочкой къ цару. Царъ и кажецъ: «ну, што-жъ табѣ даць, што ты моихъ дочокъ отъ смерци отрытувавъ?»—Ничого мнѣ ня треба, кажецъ Иванька: тольки дай мнѣ высямнанцыць ялывокъ и высямнанцыць бочакъ вина! Царъ, звѣстно, сичасъ вялѣвъ усё гэтое даць.

Тоды Иванъ царевичъ пошовъ къ свойму птаху. Тамъ забивъ ялывокъ, и отдавъ птаху и мясо, и вино. Тэй кажецъ: «ну, садзись цяперъ ны мяне. Ды глядзи-жъ: якъ я пывярнуся на лѣвый бокъ, ты мнѣ дывай ялывку, а кыли на правый пывярнуся, дыкъ давай бочку вина!» Сѣвъ Иванька на птаха; узявъ ёнъ подъ лѣвые крыло ялывокъ, а пыдъ правые вино, и пыляцѣвъ. Ляцицъ, ды ўсё пыворачуетца то ў тэй бокъ, то ў тэй, а Иванька царевичъ кидаецъ яму то ялывку, то бочку вина. Ляцѣвъ, ляцѣвъ птахъ,—ня много ўжо дыляцѣць, а ёнъ съ силы збився, а ўжо ўсё и поѣдзено и попито. «Дай, кажецъ, хуць трошку чаго пыдкрапитца: бы ня много ўжо ляцѣць!» Иванъ царевичъ узявъ ды скоренько вынявъ ножъ съ кишаня, кывалокъ икры отрѣзывъ отъ ноги, ды й укинывъ птаху ў мялу. Птахъ и вынясъ яго на свѣтъ. «Ахъ, кажецъ: якого смашныго мяса ты давъ мнѣ у послѣдьній разъ!»—Гэто-жъ я отъ ноги кывалокъ икры отрѣзывъ! И пыкызавъ ёй. Яна тоды кырханула и выкырхнула яго мясо; приложила къ нозѣ—яно й прижило.

Пошовъ Иванька царевичъ пы своимъ царству. Идзецъ, идзецъ, и присцигла яго цёмная ночь. Зайшовъ ёнъ у водну хату, проситца нучуваць. Ажны тамъ сядзицъ царській шавецъ ды плачецъ. Иванька царевичъ ставъ пытаць у шавца, чаго ёнъ плачецъ. Тэй пылядзѣвъ ны яго, ды й кажецъ: «а ци жъ ты ня тутышній? Царськіе сыны дыстали дочокъ бѣлыго мядзьвѣдзя, и хочуць изь ими жанитца; и старшій братъ хочецъ узяць меньшую дочку бѣлыго мядзьвѣдзя. Яна скызала яму, кабъ ёнъ дыставъ ёй такея чаровики, якея у яè тамъ были, у яè царстьви—дыямантовые. Вотъ, царській сынъ призвавъ мяне и вялѣвъ здзѣлыць икъ заўтрыму чаровики зъ дыяманту. «А коли къ заўтрыму не пошіешъ—дыкъ мой мечъ—табѣ гылова съ плечъ!» А якъ я ихъ буду шиць? я ихъ вѣкъ ня пошію!..» Иванька царевичъ и кажецъ: «ну, ня плачь! Можа знимецъ гылову, а можа й нѣ. Ложись-ку спаць!» Якъ уси лягли, Иванька царевичъ узявъ зылотое яйцо съ кишаня, ды три разы кругомъ палцомъ обвёвъ, ды—бодзь! И здѣлывся зылотэй дворъ. Иванъ царевичъ отомкнувъ скоренько гэтый дворъ ды й узявъ дыямантовые чаровики. Тоды три разы кругомъ двора обыйшовъ, ды палцомъ бодзь! и зылотэй дворъ злився узнова ў зылотое яйцо. Ёнъ яго ўзявъ и пыложивъ у кишень. А чаровики принёсъ у хату и повѣсивъ на сцянѣ. Такъ уся хата и засьяла. Пызаўтрыго уставъ шавецъ, видзицъ — чаровики висяць. Дужо ёнъ узрадывався, и понёсъ чаровики къ царськыму сыну. Царській сынъ

пыказавъ ихъ дзѣвцы. Тая кажецъ: гэто моѐ чаровики! Ды й пытаецъ у шавца: хто у цябе нучувавъ? Енъ кажецъ: «нихто!»—Брешешъ, гэто моѐ питыманные чаровики! Табѣ ихъ нѣхто принёсъ. Идзи, пызови яго сюды!.. Шавецъ пошовъ и пызвавъ Ивана царевича. Пришовъ ёнъ у дворецъ и стоицъ у порози. Яна яго спызнала, и кажецъ на царськыго сына: «не за цябе я пойду, а вѐ за кого я пойду!» Вышли яны зъ дворца, Иванъ царевичъ вынявъ зылотое яйцо, обвевъ кылы яго три разы палцомъ, ды боднувъ, дыкъ ставъ зылотэй дворъ. Яны увыйшли туды, и стали тамъ жицъ. Тоды Иванъ царевичъ пошовъ къ сяредьняму брату, вынявъ сяребрыное яйцо, обвевъ кругомъ три разы ды боднувъ—и ставъ сяребрыный дворъ. Ставъ у тымъ дворѣ жицъ сяредьній братъ съ сяредьняю дочкою бѣлыго мядзьвѣдзя. Тоды узявъ Иванъ царевичъ ды пошовъ къ большому брату. Вынявъ тамъ съ кишаня мѣдное яйцо, обвевъ три разы палцомъ ды боднувъ, и здѣлывся мѣдный дворъ. Ставъ жицъ у гэтымъ дворѣ большій братъ зъ большаю дочкою бѣлыго мядзьвѣдзя. Пошовъ тоды Иванъ царевичъ къ бацьку; пришовъ и кажецъ: «здрастуй, бацюшка!»—Здоровъ, Иванька, мой сынокъ!—«За што ты мнѣ гэдыкъ зробивъ? Я ли цябе хырошо дзѣлывъ, а ты ўзявъ ды ланцугъ пыдхвацивъ, кабъ я оттуль не вярнувся! А мяне Богъ усётки принёсъ!».. А царъ кажецъ: нѣ, мой сынокъ! гэто не я дзѣлывъ, а браты твоѐ. Идзи ды й дзѣлый имъ, што хочешъ!—«Нѣ ўжо, кажецъ Иванька: нехай имъ Богъ дзѣлыецъ, што хочецъ, а я ня буду имъ ничóго дзѣлыцъ!..» Ну, помирилися яны, и цяперъ, мусиць, ладно живуцъ.

Дер. Тютьки, рясньян. вол.

Возвращеніе Ивана царевича изъ подземнаго царства описывается и такъ: Когда онъ взялся было за цѣпь, братья подняли его до половины и потомъ бросили. Иванъ сильно ушибся, а ляска такъ глубоко въѣхала въ землю, что онъ вытаскивалъ её три дня и три ночи. Пошелъ онъ по подземному царству и нашелъ слѣпыхъ дѣда и бабу, у которыхъ змѣя повыпила очи. Иванъ нанялся у ихъ пасти козъ, и вопреки приказанію дѣда, погналъ ихъ на лугъ змѣи. Началась битва. Иванъ одолѣлъ змѣю и заставилъ её возвратить дѣду и бабѣ зрѣніе. Тогда они сказали ему взять шкуру бѣлаго медвѣдя вмѣсто коня, выдру вмѣсто сѣдла и „ужаку" (самку ужа) вмѣсто кнута, и ударить ужакой три раза по шкурѣ. Иванъ сдѣлалъ такъ, и вылетѣлъ на шкурѣ бѣлаго медвѣдя на бѣлый свѣтъ.

Приводимъ варіантъ позднѣйшаго происхожденія, записанный отъ солдата:

б, Живъ сабѣ одзинъ царъ. Было у яго три дочки, такея пригожія, што и сказацъ ня можно. Тэй царъ никуды ихъ ня пускавъ, бы якъ хто увидзицъ ихъ, дыкъ яны и захворѣюць. Ну, али усётки одзинъ разъ отпросилиси яны на прохадку ў садъ. Пришли яны ў садъ, ажны приляцѣли три змѣя: одзинъ съ тромя головами, другей съ шасцьми, а третьцій зъ дзевяцьми,—похватали тыхъ царевянъ и поляцѣли. Оглѣдзився царъ, што нема дочóкъ, собравъ янараловъ, яхвицарéй, и ставъ у ихъ спрашувацъ: ци ня видзѣвъ хто, ци ня вѣдыецъ, куды яны подзѣвалиси? Одзинъ кажецъ: «я ня видзѣвъ!» Другей кажецъ: «можа якая вечаринка ёсь, и яны тамъ загулялиси!» А третьцій кажецъ: «мусиць, изъ ими якая причина стала!» Стали искацъ, ци ня вóзьметца хто знайци царевновъ. Вотъ, одзинъ яхвицеръ и кажецъ: «кабъ мнѣ давъ царъ грошій, дыкъ я бъ разаскавъ ихъ!» Почувъ про гэто царъ, призвавъ того яхвицера и говорицъ: «нà табѣ скольки хочешъ грóшій,—разыйщи дочокъ!» Яхвицеръ

узявъ грбши и пошовъ искаць. Ходзивъ, ходзивъ, приходзиць икъ мору. Справивъ корабель и поѣхувъ по мору. Ѣздзиць по мору, а царевновъ и ня ищець. Вызвався тоды другей яхвицеръ искаць царевновъ. Призвавъ царъ и того къ сабѣ, давъ и яму грбшій, скольки ёнъ хоцѣвъ. Пошовъ яхвицеръ искаць: ходзивъ, ходзивъ и пришовъ икъ мору. Справивъ и ёнъ сабѣ корабель, и ставъ ѣздзиць по мору, а царевновъ ня ищець. Тоды ужо вызвався разаскаць царевновъ солдатъ пя....ло, суконное рыло. Призываець царъ солдата; давъ яму грбшій и отправивъ искаць. Ходзивъ солдатъ, ходзивъ, и приходзиць икъ мору. Видзиць ёнъ, што яхвицеры ѣздзюць по мору, и говбриць: «што жъ вы ѣздзиця, а службы ня суповняеця, царевновъ ня ищиця? Ходзице-тку искаць!» Вотъ яны пошли. Ишли, ишли, узыйшли на високую горў. Полядзѣли, ажны тамъ камень ляжиць. Солдатъ и говбриць имъ: «поднимайця гэтый камень!» Вотъ одзинъ ставъ поднимаць: бравъ, бравъ—чуць зь яго кишки й антробы ня вывярнулиси—и ничо̀го ня здзѣлавъ. «Нѣ, братъ, ня сила моя!» Вотъ, бяретца другей: бравъ, бравъ, вярнувъ, вярнувъ—чуць душа съ косьцей ня выскочила—и зъ мѣста ня скранувъ. Узявся тоды солдатъ п....ло, суконное рыло: якъ повярнувъ, дыкъ зразу звярнувъ! Полядзѣли—ажны тамъ дзюрка у зе̍млю. Солдатъ и говбриць: «ну, лѣзьця который туды, можа тамъ царевны!»—Нѣ, братъ, боёмся! Тоды солдатъ призвавъ коваля и ставъ ковбць ланцугъ. Ковавъ, ковавъ—сажанёвъ скольки,—послѣ прикововався къ ланцугу самъ и кажець: «спускайця потрошку; а коли ланцуга ня хвациць, дыкъ вы подковувайця. И дотуль мяне спускайця, покуль я колотну ланцугомъ!» Ставъ ёнъ спускатца; спускався, спускався, ажны нѣшто яму ў ж..у кбль! Полядзиць ёнъ, ажны гэто слупъ. На тымъ слупи написано: коли направо пбйдзешъ—щасьлйвъ будзешъ; налѣво пбйдзешъ—зъ голоду помре̍шъ; прамо пбйдзешъ—причина случитца. Спусцився енъ унизъ, и ставъ думаць, куды йци? Думавъ, думавъ, и надумавшися, пошовъ направо. Идзе̍ць ёнъ, идзе̍ць, ажны видзиць—мѣдный домокъ. Увыйшовъ ёнъ у тэй домокъ, а тамъ сядзиць бблышая царевна. Вотъ яна якъ увидзѣла яго, стала плакаць, стала яго обнимаць, цалуваць. Посадзила яго за столъ, накормила, напоила. Тоды говориць: «сичасъ приляциць мой мужикъ, змѣй съ тромя головами. Ёнъ цябе зьѣсь. Куды-бъ тутъ цябе схуваць?» А ёнъ кажець: «ды во̀ ў гэту скрыню!» Вотъ яна дала яму мечъ трохсотный пудовый на 'тборону и ўсадзила у скрыню, и замкнула. Ажны сичасъ затраслася хата, улетаець змѣй. Нюхъ, нюхъ носомъ: «нѣшто ў цябе, баба, руськимъ духомъ пахнець?» А яна отказаваець: а нѣ! Самъ по свѣту летавъ, много чаго пожравъ, дыкъ табѣ и тутъ смярдзиць!—«Нѣ, дай-тку ты мнѣ ключи; поляджу я ў скрыни!» Тольки ёнъ отчинивъ скрыню, а солдатъ якъ дась по̀ головѣ—отразу и знёсъ три головы! Погосцивъ ёнъ у яѐ три дни, и пошовъ дали. Идзе̍ць ёнъ, идзе̍ць, ажны видзиць сяребраную хату. Увыйшовъ енъ у яѐ, ажны тамъ сяредьняя царевна живець. Увидзѣла яго царевна, стала плакаць, стала яго цаловаць. Посадзила тоды за столъ и ўпоштовала такъ, якъ и бблышая. А тоды кажець: «лѣзь-ку ты ў скрыню, я цябе замкну! А то приляцйць мой мужикъ—змѣй съ шасцьми головами, дыкъ ёнъ цябе зьѣсь!» Дала яму мечъ шасцисотный пудовый; енъ и засѣвъ. Тольки енъ схувався, ажны хата сичасъ затраслася, прилетаець змѣй шасциголовый. Нюхъ, нюхъ: «што ў цябе нѣшто руськимъ духомъ пахнець?»—Ды нѣ! Ты по свѣту налетався, много чаго нажрався, дыкъ яно табѣ и

пахнець!—«А нѣ, кажець: дай-ку ключи!» Отчинивъ ёнъ скрыню, а солдатъ яго якъ дась пд головѣ—отразу ўси голбвы знёсъ! Погосцивъ енъ у яѐ три дни, и пошовъ дальшъ. Идзець енъ, идзець, ажны стоиць золотэй домикъ. Уходзиць енъ туды—ажны тамъ мéньшая царевна живець, и змѣй зъ дзевяцьми головами ляжйць на койцы. Солдатъ п....ло, суконное рыло, схвацивъ скорѣй яго мечъ дзевяцисотный пудовый и кажець: «мой мечъ, табѣ голова съ плечъ!» И рубанувъ яго пд головѣ. И знёсъ уси головы. Тоды ўзявъ енъ царевну за рукў, и хоцѣвъ ици къ сяредьней сястрѣ. А яна говбриць: «можа табѣ гэтый домокъ упонорáви? Нá, перакинь яйцо черазъ яго, и енъ останетца въ яйцы!» Енъ такъ и здзѣлавъ. Узявъ тое яйцо и перакинувъ черазъ хату,—яна й пропала. Поднявъ енъ яйцо и пошли. Пришли къ сяредьней сястрѣ. Дала и сяредьняя яйцо. Ёнъ перакинувъ яйцо черазъ сяребраный домокъ, и домокъ остався ў тымъ яйцы. Поднявъ енъ яйцо и пошли яны къ бблыпой сястрѣ. Пришли туды, узяли и тэй домокъ, и пошлй дали. Ишли, ишли, пришли къ ланцугу. Прикововавъ енъ перви одну царевну, яны выцягнули; тоды другую, а тоды третьцюю. Тольки ёнъ хоцѣвъ самъ прикбвуватца, ажъ яны ланцугъ и подхвацили. Оставили яго у норѣ, а сами и пошли домовъ къ цару. А солдатъ п....ло, суконное рыло, заплакавъ и пошовъ.

Ишовъ, ишовъ, ажны живець дзѣдъ зъ бабой. Зайшовъ ёнъ туды, а яны сляпэя. «А! кажуць: стань ты ў насъ воловъ пасциць, а то ў насъ змѣя вочи повыпила!» Вотъ енъ й ставъ пасциць. Одзинъ разъ *пропавъ* (т. е. издохъ) у ихъ волъ. Солдатъ узявъ, скуру злупивъ, а мясо покинувъ. Унадзилися туды круки. Вотъ, солдатъ разъ и поймавъ одного крука. Крукъ гэтый ставъ проситца, кабъ енъ яго пусцивъ.—«А вотъ, говориць солдатъ: коли суповнишъ гэту службу, дыкъ я цябе пущу: скажи другому круку, хай принясѐць живэй и мяртвой воды!» Тэй такъ и здзѣлавъ. Полядѣвъ крукъ, принесъ у двухъ пузурахъ воды живэй и мяртвой, и отдавъ солдату. Вотъ, солдатъ пусцивъ крука гэтаго, што ўловивъ, и пошовъ домовъ. Пришовъ къ дзѣду, брызнувъ яму у вочи разъ мяртвой водой,—у дзѣда вочи отжили. Ёнъ брызнувъ другей разъ живэй водой—дзѣдъ ставъ видзѣць. Подыйшовъ енъ тоды къ бабѣ, здзѣлавъ енъ и ёй тое жъ самое—и баба стала видзѣць. Тоды енъ говбриць: «ну, дайця-жъ мнѣ што за труды!»—А вотъ, возьми сабѣ двананцать воловъ и двананцать бочакъ воды. Ёнъ узявъ, подзяковавъ, и пошовъ. Идзець енъ, идзець, ажны найшла хмара, пошовъ дождж. Подыйшовъ енъ къ дубу и ставъ подъ имъ. Полядзѣвъ угбру, ажъ тамъ гнѣздо, а на тымъ гняздзѣ сидзяць дзѣци жаръ-пцицы. Вотъ енъ узлѣзъ на дуба и накрывъ ихъ своёй шинельлю. Вотъ прилетаець жаръ-пцица; видзиць, што солдатъ п....ло, суконное рыло, схувавъ яѐ дзяцей отъ дождэку,—вотъ яна и говориць: «ну, чимъ-жа мнѣ за гэто табѣ отслужиць?» Ёнъ кажець: «а вотъ чимъ ты мнѣ за гэто отслужи: заняси мяне у мой край!»—Дбобро, тольки приготуй ты мнѣ што нибўдзь ѣсци ды пиць! Вотъ, солдатъ узявъ, привязавъ ёй подъ правое крыло двананцаць воловъ, ды привязавъ ёй подъ лѣвое крыло двананцать бочакъ воды. Тоды яна говбриць: «ну, садзись мнѣ на плечи! Тольки, говориць: якъ я махну головой направо, дыкъ ты давай мнѣ ѣсци, а коли налѣво, дыкъ ты давай пиць!» Ну, енъ сѣвъ ёй на плечи, и понясла яна яго. Вотъ яна ляцѣла, ляцѣла, ляцѣла, ляцѣла, и поѣла ўсихъ воловъ.

Нѐчаго ѐсци жаръ-пцицы. Махнула яна направо—енъ давъ ёй ногу̂; яна оторвала. Проляцѐвши, махнула яна у̂зновъ—енъ давъ ёй другую ногу; яна зьѣла и другую. Тоды скоро принясла яго у̂ яго царство. Спусцились на зямлю. Яна кажець: «злѣзай!» А енъ кажець: «ногъ нема!»—А дзѣ яны?—«Ты зьѣла!» Вотъ тоды жаръ-пцица узяла большенный камень и говорицъ: «стукни мнѣ разъ пòмижъ плечъ!» Ёнъ стукнувъ ёй у карокъ, яна и выкархнула яму̂ ноги. Приторкнувъ солдатъ ноги, яны й прижили. Ёнъ тоды злѣзъ, подзякувавъ жаръ-пцицы, а яна яму̂, и пошовъ у свое царство.

Приходзиць енъ туды, а царъ говòриць: «што жъ ты службы ня суповняешъ? Ходзишъ по свѣци, а дочокъ моихъ давно яхвицеры знайшли. Я цябе за гэто повѣшу!» Вялѣвъ сичасъ и шибялницу дзѣлаць. Зажурився солдатъ п....ло, суконное рыло. Ды у̂здумавъ на тэя яйцы, и говориць цару: «а вотъ, гусударъ—бацюшка, полядзи, идзѣ твоѐ дочки жили!» Ды разбивъ перадъ имъ яйцы. Издѣлалиси изь ихъ хаты: мѣдная, сяребраная, золотая. Увыйшли яны туды, а тамъ и змѣй забитые ляжаць. «А вотъ, кажець солдатъ: и мужуки твоихъ дочокъ, што я позабивъ!» Царъ сичасъ призвавъ царевновъ. Ну, тэя и призналиси: «такъ, и такъ, позабивавъ змяёвъ солдатъ, а 'хвицеры тольки насъ привяли!» Призвавъ тоды царъ яхвицарёй и вялѣвъ ихъ повѣсиць на тэй шибялницы, што дзѣля солдата дзѣлалась. А солдата ожанивъ на мѐньшой дочцѣ своѐй. И живуць яны сабѣ, поживаюць и добра наживаюць.

Д. Климовичи, ульянов. вол., сѣнн. у. Ср. слѣд. № и Чубин. 207, 236, 263.

12. Иванъ дуракъ.

Утъ, такъ, буу̂ саби царъ. У яго були три сыны: два вумныхъ, а трэтьцій дуракъ. Цяперъ, у водзинъ дзень царица вышла гуляць. Уткуль узѐу̂ся змий: 'хвацивъ царицу и пунюсъ. Усшукòлися царицы: туды, суды—нема царицы! Пудуждали кульки урэмя,—розумные сыны кожуць бацьку: «бугуслувиця насъ, бацюшка: пуйдомъ шукоць матки!»—Якъ жа вы пуйдзеця? Вы ня йдзьця, а йдзиця пѐшкумъ лучьчи! Бугуслувиу̂ сыноу̂, увуружиу̂ и утправиу̂ у пуць. Сыны пушли. Приходзюць у цюмный лисъ, знайшли сцежучку у лиси, и пушли гэтуй сцежучкой. Трошки пруйшли, бачуць—ступць думъ (домъ). Бу̂льшій, бульшій думъ! Яны приходзюць у думъ, бачуць—сядзиць дзѣвица, нѝшто шія. «Здростуй, крòсная дзивица!»—Здростуй, здростуй, дубрые мулуйцы! Куды васъ Бугъ нясе?—«Идòмъ шукоць матки!»—А вутъ, матка ваша тутъ!—«А дзи-жъ яна?»—А вутъ, гувòра—у склепи! Утчинила дзвери: лизьця суды! Яны у̂зѐли и пулизли. Яна у̂зяла и зачинила ихъ. «Тутъ вамъ прупадоць!»

Цяперъ, дуранъ туй дувой прусиць бацьку: «бугуслуви, бацюшка, и мяне!»—А куды ты дурань, пуйдзешъ?—«Пуйду и я матки шукоць.» Бацьку нѐчуго дзилаць, бугуслувиу̂ яго и пусциу̂ у свитъ. Пушоу̂ дурань етымъ самымъ слийдумъ, кудой ишли розумные. Приходзя акъ гэтуму думу самуму; уходзя у хату: «здростуй, красная дзѣвица!»—Здростуй, здростуй, дубрый мулодзецъ! Куды цябе Бугъ нясе?—«Иду матки шукоць!»—А дзи жъ ты яѐ знайдзешъ?—«А дзи-нѐбудзь знайду.»—Твуя матка тутъ! —«А дзи яна?»—А у̂ склепи! Утчинила склепъ и пусылаа яго туды. А юнъ кòжа юй: нѝшто матка муя суды зализя? Лизь сама суды! Узѐу̂ яѐ за куу̂неръ (ковнеръ)

воротникъ) и пхнуў у гэту ямку. А браты пучули: «эй, братъ, кажуць: рутуй насъ!» —А ча вы сўды зайшли?—«А гэто насъ гэта дзиўка усадзила.»—А ще вумные браты! Пуслухали дзиўки, пулизли у склепъ! Узёу ихъ, выцягъ. Тугды дзиўка пучала̀ пруситца: дубрый мулудзе́цъ, выцягни мяне утсюль, я таби нараю куня, якій можа служиць пу гробъ твуѐ жисци. Юнъ тугды яѐ выпусциў и каа брато́мъ: «худзе́мъ, браты! кули-жъ няпроўды яна намъ искажа, тугды прѝдумъ и ўкинумъ яѐ у ямку!.. Якого жъ ты куня мни нараяшъ?»—А йдзи утъ гэтуй самуй дорўжкуй, и будзя стуяць бульшій дубъ, и ты придзи акъ гэтуму дубу, и ўбачашъ зялизныя дзвери. Ты утчинишъ—выскуча къ таби кунь. Ты садзися и идзь, куды знаяшъ! Браты узёли и пушли. Приходзюць акъ гэтуму дубу. Утчиниў дурань дзвери—выскучивъ кунь. Дўрань сиў на куня и пуихуў, а браты йдуць. Ихули я̀ны дзень-другій, ня пупудаа имъ ничого наўстричъ. Идуць доляй—и стуиць мустъ на пяць вюрстъ, и написуна тублица, и сказуно у тублицы: хту гэтый мустъ ня параидзя у пяць минутъ, туму жи̂вуму ня быць. Дуракъ и сказуя на братувъ: вы идзиця пѣшкумъ, а я пуиду! Спюбнуў куня пугуй, параихуў теразъ пяць минутъ. Злизъ юнъ съ куня, пусциў куня на лугъ, самъ пушоў шукоць вутукъ. Убиў вутучку, обдзилуў яе якъ трэба, испюкъ, и дужидаа брату̀въ. Приходзюць браты. Пудъили. Юнъ имъ и ка̀а̀: будзьця вы тутъ, утдыхниця трушки, а я пуйду, пруйдуся. Сиў на куня и пуихуў. Трушки пруихуў, гони двѣ-три, бача—йдзя змий зь двюмя гулувами. «Ну, шту, Иванъ-дурань, ци бўдумъ битца, ци миритца?»—Ни, змий, не на ту я ихуў, кобъ миритца, а на ту я ихуў, кобъ битца! Разъихулися. Иванъ сикануў—и ссикъ убия (обѣя) гуло́вы. Узёў кўня змиявуго и пуихуў къ братумъ. «Нў, братцы, устуво́йця! Утъ, таби бўльшій бротъ, дусто́ў кўня. Садзися, ты идзь, а ты сярэдній идзи такъ!» Пуихўли доляй. Ихули мало ўрэмя, пріяжжаюць изнуў акъ мусту̀. Стуиць мустъ на дзесяць вюрстъ, и тублица написуна: хту гэтый мустъ не параидзя у десяць минутъ, туму жи̂вуму ня быць! Иванъ сказуя бўльшому брату: «излизь съ куня и вядзи ў рукахъ, а я пуйду!» Спюбнуў куня пугуй, параихуў у дзесяць минутъ. Пусциў куня на лугъ, самъ убиў вутучку, обдзилуў яе якъ трэба, испюкъ, самъ пудъиў, тугды пулужиў сядло пу̀дъ гуло́вы, и люгъ утдыхнуць. Прихудзюць браты. «Ну, здоровъ, бротъ! Якъ цябе Бугъ паранюсъ?» Славу Бугу. Ну садзицеся, да зьижця чаа-не́будзь! Сили яны, укусили хлиба, вутучки. «Ну, вы, братцы утдыхайця, а я пуиду, пруидуся!» Пруихуў нямного дуроги и бача—идзя змий съ трумя гулувами. «Ну, шту, Иванъ дуракъ: будумъ битца, ци миритца?»—Ни, нячистая сила: ня на ту я иду, кобъ миритца, а на ту иду, кобъ битца. Разъихулись яны, Иванъ дуракъ якъ махнуў шабляй, и ссикъ уси три гуловы. Тугды узёў, яго пурубиў на кувалки, пусикъ и спалиў, и попялъ за витрумъ пусциў. «Ни ўже, нячистая сила, такъ ня 'сто́влю, якъ першаго: моо (можа) ты туй со́мый!» Узёў змиявуго куня и пувюў. Пріяжжаа акъ братумъ: «ну, братцы, будзя спаць. На̀ й таби, сярэдній бротъ, куня!» Пуихули утрохъ. Пруихули трушки, стуиць мустъ на пятнанцаць вюрстъ и тублица написуна: хту гэтый мустъ не параидзя у пятнанцаць минутъ, туму жи̂вуму ня быць. Тугды Иванъ сказуя на братувъ: излизьця исъ куняй, идзиця пѣшкумъ. Спюбнуў куня пугуй и параихуў у пятнанцаць минутъ. Параихувши, пудуждоў братувъ и каа на ихъ: «вы утдыхниця, а я пуиду, пруидуся.

И вутъ вамъ два стога́ны (г=g) (стаканы): удзинъ изъ вудой, а другій нясчимный. И кули зъ гэтуго, зъ нясчимнуго, будзя бѣгци кроў, идзьця ку мни на помучь: а кули ня будзя ничуго бигци, ту ня идзьця! Самъ пуихуў. Идзя на ўстричу змий шасцигулбвный. «Ну, шту, Иванъ дуракъ: будумъ битца, ци миритца?»—Ня на ту я ихувъ, кобъ миритца, а на ту, кобъ пубитца! И разъихулись яны. Змий яго зьбиу съ куня, и суўсимъ уже ўбиваа ў зямлю. Тугды юнъ на гэтаго на свуйго куня и каа: «кунь муй вирный, шту жъ ты стуишъ? Чому ты мни ня пуможашъ?» Кунь раскипиуся и пусциуся на змия. Убиу яго ў прахъ!.. Устоли браты и бачуць—исъ стога̂на бяжиць кроў. «Ну, кауць: няхай яго тамъ убъюць, а ту бацька утдась яму усё царство!» Пріяжжаа дуракъ: «ну, будзя спаць вамъ!» Яны устали и кауць: «а бротъ, якъ мы спали дувго: ничуго й ня бачили!» Пуихули яны доляй. Пріяжжаацъ акъ булшенной гурэ, што нялъга ниякимъ родумъ узлизци на яѐ. Юнъ на свуйго̀ куня—пупытовъ: «ци ўзнясешъ ты мяне на гэту гуру̀?»—Ни! Юнъ на другого, якого утубровъ у змия у двухгулбвнаго: «ци ўзнясешъ ты?»—Ни, каа: ня ўзнясу, пулувину ўзнясу!.. Юнъ у трэтьцяго куня пупытавъ, якого утубровъ у трохгуловнаго змия: «ци ўзнясешъ ты мяне на гэту гуру̀?»—Узнясу! Сиў юнъ на куня и пуихуў. Узъихуў на гуру̀ и бача два шкляные думы. У перштй думъ зайшўвъ, бача—сядзиць дзиўка. «Здростуй, дзявица!»—Здро̀стуй, дубрый мулудзецъ! Куды цябе Бугъ нясе?—«Иду матки шукоць.»—А дзѣ жъ ты яѐ на̀йдзешъ?—«А моо, Бугъ дась, тутъ найду! Худзѐмъ, дзиўка, су мной!»—Ни, я не пуйду, у мяне ще ю (ё) другаа сястра.—«А дзи-жъ яна?»—А ў тумъ ду̀ми! Юнъ узёў и пушоў у тэй думъ. Приходзя—и тамъ дзиўка сядзиць. «Здростуй, дзявица!»—Здростуй, дубрый мулудзецъ! Куды цябе Бугъ нясецъ?—«Иду матки шукоць.»—А дзи ты яе на̀йдзешъ?—«А моо, тутъ знайду!»—Моо, тутъ знайдзешъ: матка твуя тутъ!.. Матка пучула у вусобянной кумнаци, и вышла акъ яму. «Здростуй, мамянька!»—Здростуй, сынокъ, здростуй! Якъ цябе Бугъ суды принюсъ?—«Пріихуў я зъ бра̂тами.»—А дзи-жъ яны?—«А тамъ зусталися ли гуры!»—Ну, хуць ты пришоў суды, ды кобъ цябе ня ўбили змяи.—«Ни, я ихъ пубивъ. Ну, худзѐмъ, мамянька!» Узёли и пушли. Зубрали съ субой и дзиўку. Пришли акъ туй, акъ ме́ньшуй. Зубрали и меньшую. Пришли на тое мисто, дзи юнъ узлазиў. «Ну, якъ тутъ испусцицъ васъ дулоу? Пустой-ка, мамъ, я пушукою вяруўки.. Пушоў у гэтыя хаты шукоць вяруўки. Нашувъ вяруўку, навязбў пупѐрадъ мацъ, пусциў дулоў, а тугды дзиўку удну̀ и другую. Тугды браты кауць: «дувай шмурганбмъ вяруўку, кобъ юнъ тамъ зустоўся!» Шмурганули—вяруўка и вышмургнула зъ рукъ: юнъ тамъ и остоўся. Цяперъ яны кауць на дзивукъ и на мацяру: «пріидумъ мы думоў, дыкъ ня кажиця, шту юнъ васъ дустбвъ, а кажиця, шту мы; а то бацька ня дась намъ ничуго,—утдась яму усю (усё) царство. И тульки не плачьця, а то якъ убачамъ, дыкъ зарэжамъ!» Дзиўки скучаюць по тумъ, шту зустовсь на гурэ, а ихъ увоўси (вовсе) яны ня любюць—гэтыхъ двохъ. Меньшая дзиўка и думаа: «кобъ юнъ пушоў у муй думъ, юнъ ба-бъ найшувъ тамъ цыпку. Кобъ тую пипку узёў, дыкъ-ба упѐрадъ насъ дума (дома) бувъ!» А тэй тамъ худзиў, худзиў, худзиў, худзиў пу тэй гурэ и пушоў у гэтый думъ, у меньшія дзиўки. Пудъисци яму няма ничуго, тубо́ки няма, кобъ пукуриць, дзи придзя—акъ якому замку̀—ня лумбетца. Юнъ глянуў на вукно, убачиў пипку: пулувина тубоки

наложано, и ляжаць сярнiчки. Узёў юнъ и закуриў—ниякъ ня куритца. Якъ сярнiчка гурицъ—дыкъ куритца, а якъ сярничка путухня—дыкъ ня куритца. «Ай, кобъ цябе угни спалили! шту-жъ ты ня курисься?» Узёў яѐ, ды объ мустъ! Выскучило двананцаць мулуйцоў: «шту ты, худзяинъ, насъ жарко такъ трэбуяшъ?»—Нясиця мяне у такiй ту гбрудъ! Такъ саби скузаць, хуць и ў Чарнигуў (Черниговъ). Принѐсли яны яго у гбрудъ. Юнъ трошки утдыхнуў, парамяниў другую удзѐжу, парадзiў (переодѣлъ), и вышуў на вулицу. Идуць браты. «Здуроў, купцы!»—Здуроў, здуроў, мўжикъ!—«Дзи васъ Бугъ нусивъ?»—Матки йздзили шукоць.—«Ци найшли-жъ?»—Найшли.—«Ну, славу Бўгу, кули найшли!» Браты пуихули саби доляй, а дуракъ пипку вытнуў объ зѐмлю. Выскучило двананцаць мулуйцоў: «на шту, худзяинъ, жарко насъ трэбуяшъ?» —Нясиця мяне у такiй-ту гбрудъ, дзи живе муй бацька! Мулойцы пўдхвацили и пунѐсли дурака у туй гбрудъ, дзи жиў бацька. Стаў юнъ томъ думацъ: шту дзилаць? «Пуйду я къ туму шаўцу, якiй шивъ намъ чобуты!» Пришоў у хату: «здростуй, дзядзька!»—Здуроў, здуроў, мулудзецъ! Ну ча-жъ пришоў ку мни?—«Я пришоў, дзядзька: прими мяне за кусокъ хлиба!»—А шту-жъ ты будзешъ дзилаць у мяне?—«Эй, дзядзька,—шту зугудаешъ! Хуць буду дротву сукаць!»—Ну, сучи!

А браты хочуць уже жанитца на гэтыхъ пругожихъ дзiўкахъ. А дзiўки кажуць: «мы, бацюшка, ня будумъ жанитца: намъ трэба такiе чаровики, кобъ ня мираны, ня кронны, ня шиты, и акъ-разъ пришлись намъ!» Царъ имъ сказўя: хту такiе здзилаа чаровики? У насъ удзинъ ѐ шавецъ, хиба тэй здзилаа такiе чаровики! Пўзвоў свуйгѐ слугу: «идзи, привядзи тугѐ шаўца!» Слуга пушоў, привюў шаўца. Шавецъ прихудзя: «здростуйця, ваша аппяратурство! на вѐшто вы мяне зувяцѐ?»—Пуслухай, шавецъ: исшiй мни чаровики такiе, кобъ ня мираны, и ня крояны, и кобъ акъ-разъ пришлись!—«Ваша аппяратурство! я ня дзилую такихъ чаровикувъ.»—Ну, ну: кажи бўляй, да йдзи шiй! Шавецъ зуплакуў и пушоў думоў. Иванъ дуракъ пытбетца: «чаа ты, дзядзька, плачашъ?»—Утыйдзи утъ мяне, дурань!—«Чаа жъ ты, дзядзька, сердзисься? Шту таби царъ скузоў?»—Шту скузоу? Скузоў чаровики пушицъ, ды такiе мудрые, шту я ни видую, шту скузоцъ: кобъ ня мираны, ня крѐяны и кобъ акъ-разъ пришлись...—«Дзядзька, ня журись,—пушiямъ чаровики!»—А йдзи ты, дурань: я ня ўмию шицъ, а то юнъ пушiя..—«Дзядзька дой мни шкуры: я буду шицъ чаровики. Тульки кобъ нихто ня бачиў!» Шавецъ дѐў яму шкуры, кузоў шаўцомъ выйци вунъ исъ хаты, а дуракъ стоў шицъ чаровики. Выняў юнъ изъ курманѐ пипку, вытнуў яѐ объ мустъ. Выскакуя двананцаць мулуйцоў: «шту ты, худзяинъ, насъ трэбуяшъ?»—Принясиця мни гэтыхъ дзивукъ чаровики! А самъ люгъ спаць. Трушки заснуў, приносюць мулуйцы чаровики у шкляной скрынучцы и пустовили ямў. Юнъ устоў, узёў скрынучку и пунюсъ къ шаўцу: дзядзька, нѐ чаровики! Шавецъ пулядзиў на чаровики и думаа: я зроду гэткихъ чаровикувъ ня шиў. Узёў чаровики и пунюсъ акъ цару. Утдоў цару чаровики; царъ пунюсъ дзiўкамъ. Яны глянули на чаровики и засмялялися: «гэто наши чаровики!» Назоўтраго захуцили браты жанитца. Узноў яны скузоли: «мы, бацюшка, ня будумъ жанитца: намъ трэба такiя спудницы, кобъ ня мираны, ня крояны, и акъ-разъ намъ пришлися...»—А хту жъ такiя здзилаа спудницы?—«Ахъ, бацюшка: гэтый самый шавецъ издзилаа.» Пуслоў царъ слугу: идзи,

пузуви шаўца. Пришоў шавецъ: «здростуйця, ваша анпяратурство!»—Здростуй, здростуй! Слухай шавецъ: пушій мни спудницы три.—«Я ня ўмию, царъ, шиць спудницы, я не кравецъ.»—Ну, ну, гувори, а спудницы приняси! Шавецъ заплакуў и пушоў думоў. Приходзя думоў, дуракъ и пытоетца: «чаа ты, дзядзька, плачашъ?»—Якъ жа мни ня плакаць? Скузоў царъ пушиць спудницы, такія, шту я и ня ўмию.—«Муўчи, дзядзька, ды дышъ! пушіямъ и спудницы. Идзи мни вузьми на сотню рублюў ситцу!» Шавецъ набраў на сотню рублюў ситцу и отдаў дураку. Дуракъ схуваўся у другую хату и стоў шиць спудницу: рэзуў, рэзуў (рѣзавъ) нужнями сицяць и выкинуў за вукно. Дустоў пипку съ курмана, вытнуў яе объ мустъ—выскучило двананцаць мулуйцоў: шту, худзяинъ, насъ трэбуяшъ?—«Схудзиця, принясиця гэтыхъ дзивукъ спудницы!» А самъ люгъ спаць. Трушки пуспоў, приносюць мулойцы спудницы. Юнъ узёў спудницы и пунюсъ акъ шаўцу. Пунюсъ шавецъ акъ цару. Утдаў цару, а царъ утдаў дзиўкамъ. Дзиўки глянули на спудницы и засмяялися: «гэто наши спудницы!» Братьця узноў захуцили жанитца. Тугды дзиўки кажуць: пусциця насъ ихуць пугуляць! Царъ скузбў кучару запрэгци куній у кулюсы и нузначиў людзей, кобъ ихали зъ ими. «Куды намъ ихуць?» пытоютца людзи.—А идзьця, дзи шавецъ живе! Пріихули яны и сустуновилися проци шаўца. «Гукнуць намъ шаўца, якій шиў намъ чаровики и спўдницы!» Людзи гукаюць шаўца, а шавецъ ня йдзець, пусылаа дурака, дае яму дўбрую свитку. А дўракъ ня бярэ свитки, ды пришоў акъ печцы, усадзиў рукў у кбмянъ и ўмазуў увесь видъ у сажу. Идзець юнъ акъ дзиўкамъ, а людзи ня пускоюць, шту юнъ такій чўрный (черный). Дзиўки убачили и кауць: пусциця! Людзи расхинулися, дзиўки и прихинулися къ яму, акъ дураку, и пуцулували кожная пу разу, и кауць: «придзи увечара думоў, браты будуць жанитца!» А сами вярнулись думоў. Иванька дуракъ надзиў дубрую удзежу и пушоў у царській двурэцъ. А браты ўже субираютца ихаць вянчатца. Тульки Иванъ увыйшуў ў хату—глянула мацъ на Ивана, пала на ўкбляпцы и заплакула: «утъ, хту дуступаў насъ, а ня тыя сыны дуступали!» Царъ усердзиўся, скузоў кучару вывясци пару дубрыхъ куній и привязаць ихъ къ хвусту и пусциць у чисто пуля (поле), кобъ куни рузнёсли ихнія косьци. А дурака жаниў на мёньшой дзиўцы, а бульшую утдоў замужъ. Дуракъ стоў жиць пуживаць, ды дубро нуживаць.

Жиў саби царъ и царица, и була ў ихъ на двурэ крыница, а ў крыницы курэцъ—муюй казцы кунецъ.

Д. Станьково, рогач. у. тихиницк. вол.
Кр. Иванъ Ивановъ, 26 лѣтъ, неграмотный, пастухъ.

13. Вячорка, Повношникъ, Заранка.

Живъ сабѣ дзѣдъ изъ бабой, и ня було у ихъ дзяцей. Разъ яго старуха понесла на раку платьця и найшла ля берагу струковый горохъ. Яна узяла, разлузнула гэтый горохъ и найшла тамъ двѣ горошины. Яна ихъ у ротъ укинула. Тогды зирнула и яще увидзѣла одно зерня; укинула тожъ у ротъ, и пошла домовъ. Приходзя домовъ и кажа у смяху свойму дзѣду, што зъѣла три горошины. Ну, дббро. Тогды жъ соснилося ёй: што ты три горошинки гэтыхъ зъѣла, дакъ ты родзишъ три сыны сабѣ.

Назаўтраго раньнемъ, уставши, яна разсказала дзѣду, што видзѣла гэто у воснѣ, што соснилося мнѣ, што празъ гэтыя три горошинки роджу три сына̀. Потомъ гэтый ужо старикъ говора: «баба, ты̀ неправду гово́ришъ! Кольки лѣтъ мы прожили, а ня видзѣли рабёнка!» Ну, до́бро. Проживаюць мѣсяцы два и три, и баба ужо стала узнавацъ, што ужо яна забярэменѣла. Тогды яна ужо узновъ старику говора: «думала я, што ня будзя гэто правда. Вѣрно будзя правда!» Старикъ ёй говора: ну што жъ! пущай Богъ дае; однача и выйдземъ мы радзи сябе!.. Уремя гето ужо вышло, кольки ёй носицъ треба, тожъ яна начала роджацъ. Начала зъ вечара, цѣльную ночь до заўтрашняго дня. Перво Вячорковаго родзила сына, тоды Повношнаго, а посли Зараннаго.

Побыли яны мѣсяцы два, и яны хорошо расци стали, скорымъ довгомъ. Такъ што бывая иншая жанщѝна одного родзя рабенка, и то не бывая такій, якъ яны росли хутко. Потомъ имъ стало годы два ай три, выросли яны ўжо по́боли. Вотъ, выйдуцъ яны зъ дзяцьмы на ву̀лицу, дыкъ яны забиждаюць дзяцей. Тогды бацька ужо гэтыхъ сыновъ и матка говоруць: што вы, дзѣтки, ня бицеся зъ дзяцьмы! А яны кажуць: «мамынька! мы ня бъемся, а мы тольки такъ гуляемъ у смяхў!» Посли гэтаго яны не стали ходзицъ на вулицу, и зъ дзяцьмы гуляцъ не стали,—послухали гэтаго приказу. И такъ я̀ны ужо мѝжда собой росли, ни съ кимъ не сходзилиси,—мѝжда собой да й усё. И выросли яны—годовъ подъ дватцать ужо бралося. Гэтый старикъ говора: што жъ вы, моѐ сыны, ничого не работаеця? Яны отвѣщаюць то: «намъ, говоруць, бацюшка, вашія работы не робицъ, а намъ треба работой своёй займатца!» Бацька гэтый потомъ ставъ думацъ, што гето яны сказали яму. И попытався ў ихъ: «якой жа вы работой будзеця займатца, коли вы моѐ работы не хоцѝця работацъ?»—Мы просимъ у васъ, тата, кабъ вы дали намъ хоцъ по 'дной стралѣ. Мы васъ покинемъ дома: мы чуемся, што мы хлопцы дужіе, намъ треба йци ў свѣтъ бѣлый, походзицъ по свѣту, што-нибу̀дзь дзѣ почуцъ!.. Бацька ужо догадався, што яны ужо осилки, и потомъ енъ вялѣвъ ковалю, кабъ енъ здзѣлавъ имъ по стралѣ, по зялѣзной, и отправивъ ихъ: «моѐ сыны! не хоциця вы со мной жицъ, идзиця сабѣ, куды надумалися,—мнѣ васъ не суняцъ! Трапицеся который ко мнѣ, не трапицеся, а треба попрощатца!» Потомъ, прощеньня давъ упяродъ Зараннiй сынъ отцу, другiй Повношный, третьцiй Вячорковъ. Зъ Вячорковымъ попрощався, дакъ бацька ихъ и повалився ужо,—зъ гэстаго, што яны покидаюць яго. Вячорковъ сынъ ухапивъ яго и поставивъ ли сябе: ёнъ ужо ня могъ усто́ицъ, зъ жали зъ гэстыя... «Не печалься, бацюшка: пущай яны кѝдаюць цябе, ну̀ я ня кину цябе; хиба самъ живъ ня буду, дакъ покину. И потомъ, яны браты моѐ родные, а я ня вѣдаю: отправляемся мы у свѣтъ бѣлый—ци до́бро намъ будзя, или нядобро?» Тогды Вячорка попытався у Зараннягo брата и ў Повношнаго: «братцы мое! хто ў насъ будзя старшiй—ци вы, ци я? Кого будземъ слухацъ? Отправляемся у свѣтъ бѣлый, дакъ тре̇ба, кабъ пуцъ вёвъ по свѣту!» Повношникъ сказуя: «я, братцы, такъ: хоцъ старшiй будзя старшимъ, хоцъ молодзѣйшiй, а я сярэднiй, дакъ я буду вашаго пуця слухацъ!» А Заранка сказуя: «я буду старшимъ! Слухайця мяне!».

Ну, и пошли у пуцъ дороги; куды хоцѣли, туды й пошли. И пройшли яны сутокъ двое—трое, пришли къ гэтому̀ уремю—ма́льчачки пасуцъ конiй,—вотъ, якъ у насъ,

у Чугрынцы, абы абы-гдзѣ. Ёнъ, Заранка, пришовъ у гэто стадо, и тамъ зачавъ зь имы гуляць. Гэтые удвохъ стояць, тольки глядзяць на яго, а ёнъ котораго возьмя, дакъ хоць вухо воторвѐ, хоць што небудзь здзѣлая,—ёнъ и заплача! И поразгонявъ ихъ усихъ до 'дного отъ гэтаго цяпла; поразбѣгались, куды который, погэтому, што енъ бився крѣпко. Потомъ Вячорка говора: «ходзѐмъ, братцы, по своёй дорози, куды намъ треба,—брось гэто дзѣло!» Пройшли яны вярсты двѣ—три, потомъ на дорози догоняюць ихъ отцы гэтыхъ дзяцей, што Заранка побивъ, поразгонявъ. Дзѣци нажалилися отцомъ своимъ. Нагнали ихъ: «Здраствій вамъ!»—Здраствій, Вячорка отказуя. —«Што вы за таковые людзи, што вы могли нашихъ рабятъ побиць, да яны намъ пришли жалитца?» Заранка за гэтаго чаловѣка узявся за правую рукў и говора: мы зь имы ня бились, гэто я тольки погулявъ зь имы за смѣхъ!—«А якій жа гэто смѣхъ, што котораго побили, которому рукў оторвали—гэто ня смѣхъ зъ гэстаго!» Енъ яго за рукў якъ дзержавъ, дакъ торгонувъ, дакъ руку и вырвавъ съ тулова. Ихъ нѣскольки у погони было, и гэтые узялися ўжо за яго ўсѣ, пляцёнкой: «мы будземъ на васъ жалитца, што вы усё равнѝ, разбойники!» Вячорка ставъ гэтыхъ мужиковъ просиць: «братцы, оставця: и не кратайця яго и не жальцеся, потому—нехай васъ будзя хоць дзесяць чаловѣкъ, хоць дватцать, дакъ енъ вамъ хоць руки потрывая, хоць ноги,—потому, ёнъ силный!» Яны гэтаго послўхали и не стали ўжо займаць яго, братца за яго. Вячорка говóра: «благодариць вамъ, братцы, што вы послухали гэтаго приказу: намъ треба отправлятца у свѣтъ бѣлый!» Тогды мужики гэтыя пошли домовъ, а яны пошли своёй дорогой, куды имъ треба. На дорози мйжды самы собой и говоруць: «вотъ, говора Вячорка на Заранку: хоцѣвъ ты бóльшимъ быць, и намъ цябе слухаць,—а якій съ цябе порадокъ? Съ цябе тольки гэтакій порадокъ, што коли кого попадзёмъ на дорози, дакъ забиць тольки: вотъ гэто увесь твой порадокъ! И вотъ, насъ на дорози забираюць терасъ цябе! Вѣрно бъ яны забрали, коли-бъ я ихъ не ўпросивъ, и вѣрно бъ судзилися! Ну, намъ оставиць цябе нельзя, потомъ, што ты большій сказався, —намъ цябе й слухаць нельзя: дзѣ нибудзь ще такую драчу завядзешъ—хоць подъ арештъ посáдзюць, хоць у вострогъ, за цябе. А я бъ хоцѣвъ, братъ Заранка, кабъ я бывъ старшимъ, потому я й такъ старшій. Я бъ порадокъ повёвъ лучьче за цябе: свѣтъ ба пройшовъ, не зачапивъ ба никóго, и васъ ба теразъ мяне ня трогали. Зъ жидомъ ба я бывъ жидъ, съ паномъ ба я бывъ панъ, зъ мужикомъ я бывъ ба мужикъ,—нихто бъ до насъ ниякаго препяства ня мѣвъ!».. Заранка говора на Повношника: «ну, становися ты за старшаго!» Повношникъ говора къ братóмъ: «я не могу быць за старшаго, потому я—якъ вы, тáкъ и я за вамы ўслѣдъ: я битца ни съ кимъ ня буду.» Тогды Заранка говора на Вячорку: «ну, становися сабѣ ужо ты старшимъ!» —Вотъ жа, братцы, кажа Вячорка: мы лучьче увознаемъ, хто будзя зъ насъ старшій: кидайця стрѣлы удоль дороги! Чія страла будзя дальше, тэй и будзя старшимъ!.. Заранка кинувъ стралу удоль дороги упéрадъ. Вячорка кажа: ну, братъ Повношникъ, кидай и ты стралу свою! Тэй кинувъ. Потомъ и Вячорка кинувъ позáдзи свою. Ну, и пошли. Ишли сутки цѣлныя, найшли Зараньняго стралу брата. Другія сутки проходзюць, найшли сярэдняго брата стралу, Повношнаго. На третьція проходзюць—найшли Вячорковаго. «Вотъ, братцы: цяперъ я вамъ говору: я буду стар-

шій, и вы мяне слухайце; што бы я ни сказавъ, дакъ вы довжны слухаць!» Ну, яны ямў и сказуюць: будземъ мы цябе слухаць, куды скажешъ! Ну, и пошли яны дорогой.

Проходзили яны по свѣту такъ, што ужо годы два ци три: нигдзѣ ня 'тдыхали, нигдзѣ не засѣджавали, ишли да ишли. Потому сыйшли яны на край свѣту, што ужо нема дороги имъ, куды йци: штобъ ужо пошовъ, дакъ ба провалився соўсимъ и забився. И коло гэтаго край-свѣту горо́дъ стоиць. «Якій ба то городъ?» И яны пошли обыхо́дзиць коло гэтаго свѣту, што тамъ ужо небо низко кругомъ, а яны пошли коло гэтаго.

Тольки найшли у воднымъ мѣсци кресло золотое, на цапахъ на зялѣзныхъ, и яно спущано далеко на низъ. Тогды Вячорка говора: што братцы будземъ дзѣлаць цяперъ? А Заранка говора: по́йдземъ мы у гэтый городъ—у гэтымъ городзи видзѣвъ я дзѣвокъ пракрасныхъ—и будземъ жапитца! А Вячорка говора: нѣ, братъ, тутъ мы дзѣвокъ сабѣ не найдземъ по нашай сили, а намъ йци садзитца у гэто кресло и спускатца на тэй свѣтъ. И хто мі̆жда васъ двохъ по́йдзя: или Заранка, или Повношникъ? Яны яму говоруць: ты братъ большій, табѣ будзя больше трудовъ, идзи ты! Ёнъ кажа: «братцы мое, вы мяне тутъ оставиця!» Ня вѣра имъ. «Нехай сабѣ и я ўжо пойду, достану вамъ по дзѣвцы и сабѣ. Коли вы захо́чеця у гэтый городъ ици гуляць, дакъ вы поставця сторо̀жу. Мнѣ, потому, ня звѣстно, ци довго я буду тамъ, ци нѣ. А коли я приду къ гэтомў цѣпу и гэто сядло поколочу, а васъ ня будзя, дакъ я буду ожидаць довго!» Ну и попрощався енъ зъ гэтымы братамы. Енъ у гэто кресло сѣвъ, яны яго и спусцили на тэй свѣтъ. Енъ и пошовъ на тымъ свѣци, куды енъ тамъ хоцѣвъ, куды яму норавилося ици.

Ишовъ, ишовъ, приходзя енъ къ дому,—новянькій домокъ, и ў гэтымъ доми дзѣвушка у вокошко стучиць: «пожалуйця, Иванъ Вячорковый, погуляць со мной!» Почаму жъ ты узнала, што я Иванъ и Вячорковый? Намъ имя ниякаго ня было!.. Приходзя енъ къ дверамъ, и замкнуты двери замкомъ. Енъ поглядзѣвъ на гэтый замо́къ и самъ сабѣ думая: ня ўжо́ я гэтаго замка̀ не расцисну? Икъ узявъ гэтый замо́къ, дакъ енъ и не спочўвся, коли енъ у яго разломився. Енъ самъ сабѣ подумавъ и засмѣявся: ‹у ца́лѣ я дужъ!› Приходзя у гэтый покой. ‹Здрастуй!›—Здрастуй!—‹Ну, хто-жъ цябе тутъ запёръ на гэтый замо́къ?› Яна отвѣщая яму: цмокъ запёръ!—‹А ци скоро енъ будзя домовъ?›—Будзя домовъ енъ повднемъ.—‹Ну, скажи ты мнѣ, дзѣвица, ли подужаю я яго, кабъ мнѣ начатца изъ имъ битца?›—Я не знаю вашія силы—ци вы силны, ци нѣ? А тольки я нараю вамъ: у вынбари ёсць бочки таковыя, што ў ихъ пиво: по правый бокъ што сила прибывая, а по лѣвый—отбывая!... Енъ пошовъ у вынбаръ и бочки гэтыя перакациву съ того боку на гэтый а зъ естаго на той, кабъ енъ, значитца, не знавъ. Потомъ вышовъ съ ынбара и вышовъ на ганки на дворъ. И бача, што ляциць страла на дворъ, на ганки, и енъ рукамы своимы потхапивъ гэту стралу, и рука яго ня схинулася отъ гэтой стралы: якъ дзержавъ рукў, такъ и здзержалася. Скорымъ уремямъ и цмокъ гэтый налетая на дворъ. ‹Здрастуй, Иванъ Вячорковъ!›—Здрастўй, проклятая сила, змѣй!—‹Чаго сюды зайшовъ: ци битца, ци мирится?›—Не за то я сюды зайшовъ, кабъ миритца, а надо побитца.—‹Ну, дуй токъ!›—Твоя зямля, ты й дуй токъ! Цмокъ токъ здувъ цыгунный, а Иванъ мѣдный.

Ну и почали битца. И енъ бывъ на трохъ головахъ, цмокъ. Иванъ двѣ головы зрубивъ. Енъ говора: «што, Иванъ Вячорка,—цари, князи воюютца, то бтдухъ маюць,—отдыхнёмъ маленько!»—Ну, нехай сабѣ й отдыхнемъ! Тэй жа цмокъ, якъ тольки съ току, дыкъ и побѣгъ сабѣ у вынбаръ то пиво пиць, што сила прибывая. Значитца, енъ ужо стомився. Тожа Иванъ за имъ услѣдъ. Цмокъ ставъ пиць тое пиво, што сила отбывая, бо енъ не знавъ того, што бочки перакочаны, а Иванъ ставъ пиць лѣпшаго, што сила прибывая. Ну, и пошли опяць битца на токъ. Якъ тольки стали битца, дакъ енъ цмока и збивъ соўсимъ, до-счéнту, соўсимъ ня можа ничимъ волóдовацъ. Увыйшовъ у домъ: ну, я цмока твойго перавёвъ: ня будзя ў цябе цмока! Жалаешъ со мной ты, дзѣвица?—«Отчаго жъ не жалаю, зъ большимъ удовольствомъ зъ вамы жалаю.» Енъ паперку съ кармана вынявъ, и начавъ яѐ круцицъ у трубочку. И гэто ўсё, якъ ёсць, скруцилося у трубочку: и домъ гэтый и дзѣвушка,—якъ ёсць усё. Уклавъ у карманъ и дальше пошовъ.

Приходзя къ другому дому: другíй домъ лучьче гэтаго, и тожъ дзѣвка у вокошко смотрйцъ: «пожалуйця, Иванъ Вячорковъ, погуляць ко мнѣ!»—Почомъ ты знаешъ, што я Иванъ Вячорковъ: намъ имя нѣту!—«Якъ я сказала, дакъ вѣрно такъ будзя, што вы Иванъ Вячорковъ!» Енъ приходзя на ганки къ гэтому дому, и замкнуты двери замкомъ большимъ, такъ сказаць, што пудовъ пяць будзя замокъ. Енъ узявши гэтый замокъ, цисканувъ, енъ и расциснувся. Приходзя у покой. «Здрастуй!»—Здрастуй! Просимъ погуляць!—«Гуляць-то, гуляць, да хто цябе замкнувъ тутъ?»—Цмокъ на шасцёхъ головахъ.—«А ци подóляю я яго?» Ина говора: не знаю, ци подоляешъ, ци нѣ, а тольки я нараю табѣ вотъ што: ёсць у вынбари бочки съ силнымъ пивомъ и съ слабымъ. Ты ихъ перадвинь одны на мѣсто другихъ, дакъ ёнъ якъ напъетца слабаго пива, тогды ты яго можа подоляешъ. Пошовъ енъ у вынбаръ, перакациvъ бочки съ того боку на гэтый, а зъ естаго на той, и вышовъ на дворъ и ставъ на ганкахъ. Ажъ скоро и цмокъ тэй налетая на дворъ. «Здрастуй, Иванъ Вячорковъ!»—Здрастуй, нячистая сила!—«Чаго ты сюды зайшовъ: ци битца, ци миритца?»—Нечаго ўжо миритца, треба битца.—«Ну, дуй токъ!»—Твоя зямля, ты й дуй!... Цмокъ здувъ токъ мѣдный, и Иванъ мѣдный, и почали битца. Бились, бились, Иванъ чатыри головы зрубивъ. Цмокъ тогды говора: «што, Иванъ Вячорка, цари, князи воюютца, и то бтдухъ маюць, отдыхнемъ и мы!»—Што жъ, отдыхнёмъ, то й отдыхнемъ! Цмокъ прамо съ току у вынбаръ, и напився того пива, што сила отбывая, а Иванъ того, што прибывая. Пошли опяць на токъ, стали битца. Енъ цмока и збивъ соўсимъ. Тогды вынявъ паперку и скруцивъ у трубочку гэтый домъ, усё якъ ёсць.

Пошовъ енъ дальше. Ишовъ, ишовъ, приходзя къ третьцяму дому: гэтый домъ лучьче за ўсихъ. Дзѣвка у вокошко яго гукаець. Енъ отбивъ замокъ, увыйшовъ у покой. «Здрастуй!»—Здрастуй!—«Хто цябе тутъ замкнувъ?»—Цмокъ на дванацацёхъ головахъ.—«А ци подóляю я яго?»—А не знаю, ци подóляешъ. Коли енъ будзя пиць пиво тое, што сила отбывая, а ты тое, што прибывая, дыкъ можа!.. Енъ пошовъ у вынбаръ, перакациvъ бочки. У скоромъ уремю прилетая змѣй. Стали яны битца, Иванъ збивъ яму семъ головъ. Пошли у вынбаръ, напилися пива: тэй, што отбывая сила, а Иванъ—што прибывая. Стали узновъ на токъ, дакъ Иванъ яго сусимъ у землю уво-

гнавъ, а цмокъ яго выше колѣна. Скрцуцивъ енъ у паперу гэтый домъ и ўсё якъ ёсць, и пошовъ самъ сабѣ, куды хоцѣвъ.

Приходзя енъ на гэто мѣсто, бача ёнъ тое кресло, што сюды улазивъ. Енъ за яго ўзявся, поколоцивъ—ци ёсць хто на тымъ свѣци, и спочувся, што ёсь ля кресла. Посадзивъ енъ у гэто кресло одну дзѣвку, и яны понесли гэто кресло, поцягнули. Выцягнули и опяць спускаюць. Енъ посадзивъ другую. Понесли й другую, поцягнули. Тожа спусцили кресло, енъ и третьцiю посадзивъ. Выцягнули третьцiю. Тыя двѣ были пригожи, да не такъ-то, а третьцяя здорилася имъ красивѣй усяго свѣту. «Што, братъ, будземъ дзѣлаць? Мы гэто кресло яму подадзимъ, подымемъ сажнявъ дзесятокъ али пятнанцаць, да й пусцимъ: нехай забъетца! А якъ выцягнемъ самого, дакъ енъ намъ гэтой дзѣвки не попусця!» Отъ, зрада ужо й ёсь яму! Спусцили кресло. А енъ обдумався. Казавъ бы енъ чувъ гэто! И уклавъ камушокъ пуды три, повѣрицъ, ци зрадзюць браты, ци нѣ. Яны поднесли кресло съ камнемъ зъ гэтымъ сажнявъ дзесяць ци пятнанцать, да й кинули! Якъ кинули, дакъ и камушокъ разсыпався на мелкiя часци, и кресло разбилось, и цапы порвались тые, што кресло здержали!..

Стоючи, обдумався енъ и заплакавъ: вотъ братъ, якая зрада! Постоявъ, подумавъ —вѣрно не понясуць ужо—и пошовъ сабѣ. Подыходзя енъ къ дубу—дубъ большiй выросъ! И на гэтымъ дуби на вярху гняздо. И енъ не знавъ, што гэто гняздо, яму здолку ня видно—високо гэтый дубъ. «Полѣзу, каа, на дубъ, ци не ўбачу гэтаго свѣту!» Узлазюя на дубъ, тожъ гняздо убачивъ енъ. И тамъ было три дзяцёнки птушкиныхъ. Найшла хмара крѣпкая, почавъ дождждъ ици крѣпко большiй, и енъ гэтыхъ дзяцёнковъ пожалѣвъ: узявъ своей полой накрывъ, кабъ дождждъ не змочивъ ихъ. Прилетая птушка гэтыхъ дзяцей. «Иванъ Вячорка, я цябе зьѣмъ! Чаго ты узлѣзъ сюды? Я думала, што нихто ня ўзлѣзя сюды, тольки я ўзлячу!» А дзѣци отказуюць: «мамъ, ня ѣжъ яго: енъ насъ сохранивъ отъ крѣпкаго дожджу. Коли бъ енъ насъ не накрывъ, дакъ ба зъ насъ шкуры позлазили!» Тогды гэта птушка говора: «ну, што жъ, Иванъ Вячорка, за гэто хочешъ, што ты моихъ дзяцей сохранивъ отъ дожджу?»—Я ня вѣдаю, чимъ цябе назваць? Якая ты птушка?—«Я птушка такая, што больше мяне нѣту: я птушка-грипъ называюся!»—Хоцѣвъ ба я цябе просиць, кабъ ты мяне вынесла на тэй свѣтъ?—«Нямножко я посяджў, обдумаюсь, ци можно вынясци, ци нѣ?» Обдумавшись, погэтымъ, отвѣщая: «ступай жа ты, Иванъ Вячорковъ, купи дврананцаць паръ воловъ украинскихъ (sic!) и двананцаць паръ бочакъ, и гэтыхъ воловъ порѣжъ, и кожи полупи, и говядзину на мелкiя штуки порѣжъ, и кладзи гэту говядзину у бочки, а шкуры порѣжъ на пасы и чапай бочку за бочкой, гэтымы пасамы завязуй; и завязуйся самъ близко коло мяне—завязуй мяне за правую ногў, я цябе понясу на тэй свѣтъ. Якъ я буду ляцѣць да головў схину къ табѣ, дакъ ты кидай у ротъ говядзину, бо я ня буду силна. Якъ опорожню бочку, дакъ кидай яѐ назадъ, а къ сабѣ ближе бяри зъ говядзиной!»

Енъ пошовъ, купивъ воловъ, надзѣлавъ пасовъ, наклавъ дванanцаць паръ бочакъ говядзины, почапавъ ихъ на пасы и попривязувавъ ёй икъ правой нозѣ. Привязався самъ и поляцѣли. Якъ тольки яна головў схiня, енъ бочку говядзины ёй и выбросиць у ротъ! Бочку безъ говядзины доловъ,—подцягувая къ сабѣ другую. И такъ

поперацягувавъ енъ уси бочки, и не стало яму гэтой говядзины, кабъ грипъ вынясъ яго на гэтый свѣтъ. Енъ ужо и бача, што гэтый свѣтъ, да отощая ня ѣвши, дакъ и не ляцицъ угбру, и книзу опущаетца. Енъ видзя (3 л. наст. вр.), што гэто яму будзя плохо, енъ съ кармана ножъ вынявъ и отрѣзавъ своѐ икры (род. пад.) и кинувъ яму у ротъ. И поляцѣла яна ужо вышай. Тольки-тольки што на гэтый свѣтъ выйци, ну усё-тыки ѣсць хоча,—опяць спускаетца унизъ. Енъ тоды опяць отрѣзавъ икру зъ другія ноги и ўкинувъ у ротъ. Поляцѣла яна ўгбру и вынясла яго на гэтый свѣтъ! «Ну цяперъ, Иванъ Вячорковъ, ты мнѣ поблагодари, а я табѣ поблагодарў. Якъ ты мнѣ послуживъ, што сохранивъ дзяцей отъ дождьжа, такъ и я табѣ послужила, што вынѐсла на гэтый свѣтъ. Кабъ не я, дакъ ба нихто ня вынесъ. И скажи мнѣ: якую говядзину напослѣдокъ ты мнѣ давъ?» Енъ обдумався—боитца сознатца: у цалѣ яна мяне зьѣсць!—«Ня бойся, сознайся!»—Я бачу тое, што ты ужо ослабѣла, и на гэтый свѣтъ ящо мяне ня вынесла, дакъ я своихъ обѣихъ йкровъ потрѣзáвъ и кинувъ табѣ на говядзину!.. Яна—кархъ! Повылетали икры зъ рота, и приклеила яна ихъ къ ранамъ, и съ подъ лѣвыя ноги выняла бутылку тожъ зелья, помочила гэтымъ зельлемъ тыя раны, яны и зрослися, усё рбвно, казавъ-бы ёнъ ихъ и ня рѣзавъ. «Куды хочешъ, Иванъ, идзи, а я полячу къ своимъ дзяцёмъ!»

Приходзя енъ у гэтый городъ, который на краю свѣта стоявъ, и надо яму заночуваць. Попросився на ночь у солдата отстановнаго. Солдатъ говора: «нельзя мнѣ цябе ночуваць пусцить за скукой!»—Якая табѣ скука, скажи мнѣ!—«А вотъ якая: якія-то найшлись людзи не наши, и потребовали бязъ мѣры черовики и сподницы: бязъ мѣры не могу шиць!»—Тожа, што нибудзь обдумаемъ, можа я помогу што нибудзь: молицеся Богу, ложицеся спаць, ничбго ня думайця, я гэто дзѣло справлю!... Потомъ ёнъ лёгъ спаць, а енъ вынявъ исъ кармана черовики и сподницы, и на кручокъ повѣсивъ.

Назаўтраго посолщикъ приходзя: «ци ёсь гэто, што казали вамъ?»—А ёсь!.. Ну, узяли сподницы гэты и черовики гэты и понѐсли. Яна увидзѣла и ўзпала, што гэто имянно яе. «Который мнѣ пошивъ? сыщиця!» Пришли къ шавцу. «Гэто не я шивъ, а тэй, што я пусцивъ яго на ночь!» Яны узяли яго и повяли. Енъ попросивъ помытца и зайшовъ у трахтыръ. Якъ помывся, ставъ соўсимъ не такій, якъ бывъ. Приходзя ёнъ къ ёй. Яна говора: во дзѣ мой будзя другъ. А браты говоруць: енъ жа гэткій старый, гэткій некрасивый! Яна кажа: ничбго, што некрасивъ,—будзя красивъ ли мяне! Пришла къ яму и духнула своимъ духомъ на лицо яго,—дакъ гэто усё злѣзло, што енъ водой дзѣлавъ. Тò бывъ пригожъ, а то ще попригожѣвъ! Увознали яго братьци, и спужалися. Тогды енъ: «Здрастуйця, браты моѐ рбдные! Якъ жа вы могли гэто здзѣлаць, што вы мяне бросили да забили? Мяне нихто не забивъ. Я бъ отпросився, поклонився ў ноги, и то бъ мяне отпусцили, ня били бъ мяне!.. Ну, гэтая дзѣвка табѣ, братъ Повношникъ, а гэтая дзѣвка табѣ, Заранка, а гэта мнѣ!»—Пригожѣйшую сабѣ. «Цяпѐръ пбйдземъ гэтою дорогой, которой мы сюды пришли!»

Тожъ и пошли. Пройшли вярстовъ пятнанцаць отъ гэтаго городу, енъ ў чистое поле зъ дорози зайшовъ гоней двое—трое, и раскацивъ тыя трубочки. «Гэтый домъ вотъ, братъ, табѣ!—на Зараннаго,—а мы пбйдземъ дальше!» Пошли узновъ, пройшли

вярстовъ дзесятокъ, вярстовъ пятнанцаць, енъ тамъ ужо сышовъ зъ дороги гоней зъ двое и раскацивъ сяредній домокъ.—«Во гэто табѣ домокъ, братъ Повношникъ. Вамъ умѣсцяхъ жиць нельзя!» Потымъ то и поставивъ ихъ по дальной часци. «Бывай здоровъ! А я пойду къ свойму отцу домовъ. Ци ёнъ живъ, ци ня живъ, а тольки я пойду къ отцу свойму!» Пришовъ енъ домовъ—яны вумярли. Здзѣлавъ енъ домокъ, раскацивъ, и ставъ на бацьковщини жиць.

С. Чигиринка, быховск. у. Отъ кр. Осипа Иванова, 34-хъ лѣтъ, неграмотнаго.

14. Царь Василь.

Ў нѣкоторомъ царстви, нѣкоторомъ-то государстви, живъ бывъ царь Василь. И нырадзився у яго наслѣдникъ Василь Васильевичъ. Енъ такъ не росъ пы годахъ, якъ пы часахъ, и ставъ силный могущій быгатырь. Черезъ нѣскульки лѣтъ зыхоцѣвъ ёнъ чисто поле извѣдыць. Пошовъ ёнъ ны стайню, выбравъ сабѣ добраго лошадзя—быгатыря, и спрашуваець у вотца: «Позволь мнѣ чисто поле извѣдыць!»—Нѣ, сынку: ты яще младъ,—лошадзь убъёць! Пройшло нѣскульки уремя, спрашуваець ёнъ у другій разъ позволеньня у вотца. И позволивъ яму оцецъ. Тоды узявъ ёнъ мечъ-самосѣчъ и щитъ и поѣхывъ у чисто поле. Выѣхывъ енъ у чисто поле и увидзѣвъ лакари (лагерь). И не ўвознавъ енъ свойго войська, и думывъ енъ, што гето якія мухи. Ёнъ узявъ и пыложивъ чисто ўсё тое войсько своё: туды ѣдзя, пы правой руцѣ, а оттульѣдзя, по лѣвой. Пріѣжжаець енъ тоды домой къ ойцу. Оцецъ спрашуваець: «дзѣ ты, мой дзѣтка, бывъ?» А ёнъ отказуваець: «выѣхывъ я ў чисто поле, виджу—нѣйкія мухи у буткахъ сидзяць, дыкъ я побивъ ихъ—туды ѣдзя, пы правой руцѣ, а оттуль—по лѣвой!» Вышовъ оцецъ на високій балхонъ, узявъ позорную трубу, пысмотрѣвъ у чисто поле и говорыць: «сынку мой, сынку! Што гето ты здзѣлывъ? Побивъ войсько моё и своё!...» Было у гетаго царя три дычарй, и говорюць яны ойцу: «оцецъ! на што ты пускавъ гетаго дурня ў чисто поле? Разви гето быгатырь? Вотъ ёсь силный быгатырь—Василь Полякъ-Войстрый Кувпакъ (колпакъ) на тридзесятомъ царстви, на тридзевятой зямлицы!» Тоды Василь Васильевичъ разсырчавъ на своихъ сясцёръ и хоцѣвъ ихъ пыўбиваць. А оцецъ не позволивъ: «якъ ты можешъ, сынку, убиць дычарей моихъ, а своихъ сясцеръ?» Тоды ёнъ говорыць: «оцецъ, позволь мнѣ по свѣту пыѣжжаць и свѣту пывидаць, увидзиць Василя Пыляка—Войстраго Кувпака: што енъ зы быгатырь такій, што мнѣ сёстры колюць имъ вочи?» А оцецъ говорыць: сынку мой, сынку, якъ я табѣ позволю? Я табѣ не позволю: одзинъ ты ў мяне, а я старъ—мяне прочіе цари могуць обидзиць!» А енъ говорыць: идзѣ я ни буду, а якъ почую, што мойго отца забиждаюць прочіе цари, дыкъ я наѣду, стопчу и собъю!» Тоды оцецъ бугусловивъ яго: «Тольки, дзѣтка мой, дзѣтка, не забувай мяне: што моё царство, то й твоё!» Ёнъ говорыць: «оцецъ мой, я цябе не забуду!» И ўзявъ ёнъ добраго кыня-быгатыря, кыбеля, хырта и сыкыла, побугусловився у вотца и поѣхывъ у чисто поле, прямо ў свѣтъ.

Пріѣжжаець енъ у Василя-Пыляково царство, и видзиць—стоиць у яго на привязи кобель у кобельни. Василь Васильевичъ говорыць: кыли мой кобель выгынець

кыбеля изъ кобельни и станець ны яго мѣсто, то я Василя Пыляка убъю! Кобель выгнывъ и ставъ ны яго мѣсто. Тоды прiѣжжаець икъ хортовни, а хортъ ў хортовни ѣсь муку замѣшаную. «Кыли мой хортъ выгыниць яго хырта изъ хортовни и станець ны яго мѣсто, то я Василя Пыляка убъю!» И хортъ выгнывъ хырта Василя Пыляка и ставъ ны яго мѣсто. Тоды енъ прiѣжжаець икъ сокольни, а соколъ сядзиць у сокольни. «Кыли мой соколъ выгыниць сыкыла изъ сокольни, и сядзиць ны яго мѣсто, то я Василя Пыляка убъю!» И соколъ выгнывъ и сѣвъ ны яго мѣсто. Прiѣжжаець ёнъ икъ конюшни, ажъ яго лошадзь стоиць у конюшни и ѣсь яру пшаницу. «Кыли мой лошадзь выгыниць яго изъ конюшни, то я Василя Пыляка-Войстраго Кувпака убъю!» Тоды лошадзь Василя Васильевича выгнывъ лошадзь Василя Пыляка-Войстраго Кувпака изъ конюшни, и ставъ ѣсь самъ яру пшаницу. Тоды Василь Васильевичъ пошовъ къ Василю Пыляку-Войстрому Кувпаку у палацы, а енъ, быгатырь, спиць трое сутыкъ. Тоды Василь Васильевичъ узявъ свой мечъ быгатырськiй и хоцѣвъ яму зняць гылову. Посли того самъ сабѣ обдумывся: «якiй я быгатырь, што я соннаго человѣка, усё ровно што мёртваго, убъю?» Узявъ и лёгъ на другой койцы отдыхаць. Якъ легъ, тыкъ и ўснувъ быгатырськимъ сномъ.

Сёстры жъ Василя Васильевича приляцѣли упярёдъ къ Василю Пыляку-Войстрому Кувпаку и обвясцили яму: «што нашъ братъ, Василь Васильевичъ, хочець поспробувываць твоихъ силныхъ плечъ!» А Василь Васильевичъ гетаго не знавъ. Тоды Василь Полякъ-Войстрый Кувпакъ проснувся и глядзиць, што ляжиць ёнъ на другомъ ложку, и ўзявъ мечъ-самосѣчъ и хоцѣвъ зняць Василю Васильевичу гылову; а тоды обдумывся: «што мнѣ убиць яго у моимъ доми, якъ зайца ў силѣ? Енъ жа, мылодый юношъ, ня ўбивъ мяне сонныго, и я не могу яго ўбиць!» Тоды енъ пошовъ пыглядзѣвъ свойго кыбеля, ажъ ляжиць кобель чужiй, ды не яго. Тоды енъ пошовъ у хортовню, ажъ чужiй хортъ ѣсь съ корытца, ды не яго. Пошовъ ёнъ къ сокольни,—сядзиць сокылъ у сокольни, ды чужiй, а не яго. Пошовъ енъ тоды у конюшню, ажъ чужiй конь ѣсь яру пшеницу, ды не яго. Уходзиць енъ у палацы, ажны Василь Васильевичъ уставъ. Тоды Василь Полякъ-Войстрый Кувпакъ говориць ны Василя Васильевича: якiй ты разбойникъ уѣхывъ! А Василь Васильевичъ говориць яму: «я не разбойникъ; а тольки мнѣ за тобой ня можно проѣхыць по свѣту, што ты ўсимъ у примѣцы. Ня тольки кому, дыкъ и дзѣвушкамъ. Дыкъ я прiѣхувъ силныхъ могущихъ плечъ быгатырськихъ отвѣдыць!» А Василь Полякъ-Войстрый Кувпакъ говориць: «якъ жа ты могъ мойго кыбеля выгнуць съ кобельни?»—А я скызавъ: кыли мой кобель выгыниць твойго кыбеля изъ кобельни, то я цябе ўбъю!—«Якъ жа ты могъ выгнуць мойго хырта изъ хортовни?»—А я скызавъ: кыли мой хортъ выгыниць твойго хырта изъ хортовни, то я цябе ўбъю!—«Бывъ я ли сокольни, ажны сядзиць соколъ чужiй, ды ня мой! Якъ жа ты могъ мойго сыкыла выгнуць?»—А я скызавъ: кыли мой соколъ выгыниць твойго сыкыла изъ сокольни, то я цябе ўбъю!—«Тоды я пошовъ у конюшню, ажны чужiй конь ѣсь яру пшаницу, ды ня мой. Якъ жа ты могъ мойго кыня выгнуць?»—А я скызавъ: кыли мой лошадзь выгыниць твойго лошадзя изъ конюшни, то я цябе ўбъю. Енъ и выгнывъ. Поѣдземъ-ка ў чисто поле силныхъ могущихъ плечъ узнаваць!. Тоды сычасъ пыдвяли имъ добрыхъ конѣй быгатырськихъ къ високому балхону. Сыдзятца.

яны ны своихъ добрыхъ лошадзей, не смотря ни воротъ, ничагô—черезъ зялѣзный тынъ, и выѣхали ў чисто поле. Василя Васильевича конь рядучей рысью ѣдзець, а Василя Пыляка—Войстраго Кувпака на ўсю прыць лышадзиную. Разъѣхылися яны ў чистымъ поли, выставили одзинъ къ одному тупымъ концомъ копъй, и ударили одзинъ одного ў рацивыя сертца. Василь Полякъ—Войстрый Кувпакъ звалився съ свойго кыня доб-раго якъ снопъ овсяный! Тоды Василь Васильевичъ спрашуваець у Василя Пыляка—Войстраго Кувпака: «што табѣ: ци придаць смерци, ци живота?»—Братъ, Василь Васильевичъ! Ня придай смерци, а придай живота,—зашту (зачту) я цябе за бóльшаго брата!.. Тоды Василь Васильевичъ узявъ Василя Пыляка—Войстраго Кувпака за праву руку, пыднявъ яго и пуцулувалися. И говорицъ Василь Васильевичъ Василю Пыляку—Войстрому Кувпаку: «будзь ты младшій братъ! Не хвастувай, што ты хвабрый и силный воинъ, а то я цябе другимъ разомъ убъю!» Тоды пріѣжжаюць яны у домъ Василя Поляка—Войстраго Кувпака, попили, пугуляли и кладутца отдыхаць. И говóрицъ Василь Полякъ—Войстрый Кувпакъ: «заўтрашній дзень на насъ нячистая сила—баба-юга, зялѣзныя ныга, на ступи ѣдзець и зялѣзнымъ тувкачомъ пыгоняець, нашлець войська!»—Э, братъ Василь Полякъ—Войстрый Кувпакъ! Молися Богу ды ложися спаць: я буду бицъ, приколачуваць, а ты на бокъ зъ дороги зволачуваць! Тоды яны лягли спаць.

Нызаўтраго устали раненько, умылися бѣленько, вышовъ Василь Васильевичъ на високій балхонъ и глянувъ на чисто поле,—ажны ўсё ровно якъ цёмный лѣсъ, стоиць войсько. «Ну, братъ Василь Полякъ—Войстрый Кувпакъ, умывайся ды бу'емъ ѣсь; наша ўсё поле занято: стоиць усё войсько чужое, ды не наша!» Тоды уставъ Василь Полякъ—Войстрый Кувпакъ, умывся. Садзятца на своихъ добрыхъ лошадзей, узяли своѐ мячи и щиты, и поѣхыли ў чисто поле. Сыйчасъ Василь Васильевичъ якъ ѣхувъ, такъ и ставъ бицъ—бъець, приколачуваець, а Василь Полякъ на бокъ зъ дороги зволачуваець. Побивъ, сколоцивъ Василь Васильевичъ усё войсько, а Василь Полякъ на бокъ зъ дороги зволочивъ, а сама баба-юга, зялѣзныя ныга, подъ зéмельле увыйшла.

Пріѣжжаюць яны домовъ; попили, погуляли и кладутца яны спаць. Василь Полякъ—Войстрый Кувпакъ говóрицъ: «сяньни силная войська была, а заўтри будзець двойная!» А Василь Васильевичъ говóрицъ: «Василь Полякъ—Войстрый Кувпакъ, молися Богу, кладзися спаць!» Пымолилися яны Богу и лягли отдыхаць. Нызаўтри Василь Васильевичъ устаець пыраньше, узявъ позорну трубу и выходзиць на високій балхонъ, и видзиць енъ, што найшло войськи ўдвое больше. Ёнъ тоды говóрицъ: эй, братъ Василь младшій! уставай, а то насъ зыбяруць сонныхъ, кыли мы бýдземъ поздно спаць! Уставъ Василь Полякъ—Войстрый Кувпакъ, умывся, Богу пымолився, покушали яны и поѣхыли ў чисто поле. Василь Васильевичъ бъець, приколачуваець, а Василь Полякъ на бокъ зъ дороги зволачуваець. Збили, скылоцили, на бокъ зъ дороги зволочили и поѣхыли домовъ. Попили, пыгуляли, у карты пыйграли, и говóрицъ Василь Васильевичъ мéньшуму брату Василю Пыляку—Войстрому Кувпаку: «што гето, кыли ўсякій дзень едыкъ битца намъ? Едыкъ мы съ силы выбъемся. Ци ня ёсь у цябе камянная стряла?»—Ёсь!—«Ну, говорицъ старшій братъ Василь Васильевичъ мéньшуму брату Василю Пыляку: сыйчасъ закомандый своимъ аквитантамъ, хай приставюць камянну стрялу!» Сыйчасъ была камянна стряла, и приставили яѐ къ високуму балхону. Тоды Василь

Васильевичъ, старшій братъ, и говбрицъ меньшуму брату: «ну Василь Полякъ Войстрый Кувпакъ, молися Богу, ложися спаць, заўтри кабъ повутру пораньше уставаць!» Помолились Богу и лягли отдыхаць.

Нызаўтри Василь Васильевичъ устаець раненько, мыетца бѣленько, пымолився Богу, узявъ позорную трубу и выходзиць на високій балхонъ. Глянувъ у позорную трубу, ажно войськй наслано якъ цёмная хмара—у сколько рѣдзей побольше того. Уходзиць енъ тоды у домъ и будзиць меньшаго брата, Василя Пыляка: «уставай, братъ, а то насъ зыбяруць сонныхъ, кыли мы будземъ поздно спаць!» Уставъ Василь Полякъ Войстрый Кувпакъ, умывся, Богу помолився, поснѣдыли, покушали. Бярець Василь Васильевичъ камянную стрялу, уссѣли яны на добрыхъ своихъ лошадзей и поѣхыли ў чисто поле воеваць. Василь Васильевичъ зарядзивъ камянную стрялу,—зыхоцѣвъ енъ бабу-югу, зялѣзную ногу, ўбиць. Якъ ударивъ енъ яѐ ў ротъ, дыкъ у низъ выскочило! Войсько-жъ збивъ, скылоцивъ, а Василь Полякъ на бокъ зъ дороги зволочивъ. Тоды говбрицъ Василь Васильевичъ мéньшуму брату, Василю Пылякў: поѣдземъ глядзѣць, откуль войсько выхбдзиць и куды баба-юга провалилася скрозь донно. Оглядзѣли яны, што ёсь пячурка, откуль войсько выходзиць; туды и баба-юга, зялѣзныя ныга, провалилась. Тоды яны поѣхыли у палацы, попили, поѣли, ў карты погуляли. И говорицъ Василь Васильевичъ меньшуму брату, Василю Пыляку—Войстрому Кувпаку, кабъ сыромоци накрбнцъ и сшицъ пасъ такій, кабъ спусцитца туды, откуль войсько выходзиць. Тоды Василь Полякъ гукнувъ свойго аквитанта и приказавъ, кабъ сыромоци накроено было и нашито пасовъ, и привезено къ яго царському дому. Тоды яны пымолились Богу и лягли спаць.

Нызаўтри Василь Васильевичъ, старшій братъ, устаець раненько и будзиць меньшаго брата, Василя Пыляка. Умылись, Богу пымолились, поснѣдыли, и говорицъ Василь Васильевичъ меньшуму брату Василю Пыляку: пбйдземъ пяшкомъ, а наши добры лошадзи нехай остаютца, нехай ядуць яру пшаницу! Узяли яны сыйчасъ и пошли, а за ими ны коняхъ сьгромотный пасъ пывязли къ тэй пячурн, откуль войсько выходзило и куды баба-юга, зялѣзныя ныга, нровалилась. Сыйчасъ и говбрицъ Василь Васильевичъ мéньшуму брату Василю Пыляку: пылязай туды, откуль войсько выходзило и куды баба-юга, зялѣзныя ныга, провалилась! А Василь Полякъ Войстрый Кувпакъ говбрицъ: «Василь Васильевичъ! ты зы мяне силнѣй и вумнѣй, и табѣ пылѣзаць туды и найци, и откуль войсько выходзило и куды баба-юга, зялѣзныя ныга, провалилась!» Тоды Василь Васильевичъ пыдвязавъ кыля сябе сьгромотный пасъ, узявъ мечъ-самосѣчъ и сказавъ Василю Пыляку—Войстрому Кувпаку: «глядзи, братъ, не зрадзь мяне: коли коло'ну (колотну) рéмнемъ, кабъ вытащили мяне вонъ!»

Спусцили тоды Василя Васильевича подъ зéмельле. Якъ спусцився ёнъ, дыкъ и пошовъ. Приходзиць енъ на крыжовую дорогу: одна ўправо, другая прямо, третьця ўлѣво. Енъ думавъ, думавъ, якой дорогой ици: «пойду правой дорогой! Кыли по правой сторонѣ пойду, можа правъ я буду!» Идзи, идзи—приходзиць енъ къ кузьницы: стоиць кузьница—удоль три вярсты, попярёкъ повторы. Улѣзаець енъ у кузьницу, ажно тамъ кывалёвъ нясчотно! Што разъ стукнець молотомъ объ кувадло, то солдатъ, што стукнець, то солдатъ. Енъ у ихъ спрашуваець: хто васъ ставивъ, нячистая сила? А

яны отказуваюць: ня ты насъ поставивъ, ня ты насъ и знимешъ! Тоды енъ узявъ свой мечъ-самосѣчъ, збивъ, скылоцивъ усихъ чисто, кузьницу спаливъ и попелъ здувъ.

Пошовъ енъ дорогой тэй самой, ажъ стоиць домъ—удоль три вярсты, упыпярёкъ повторы, а ў тымъ доми швачки шіюць: што разъ кольнець къ сабѣ ды отъ сябе, то солдатъ съ конемъ. Василь Васильевичъ и говориць: хто васъ постновивъ, нячистая сила? А яны кажуць: ня ты насъ постновивъ, ня ты й знимаць будзешъ! Тоды енъ узявъ, збивъ, сколоцивъ, посѣкъ, порубивъ, домъ спаливъ и попелъ здувъ.

Узявъ тоды и пошовъ дали тэй самой дорогой. Скольки ўремя йшовъ, и приходзиць—стоиць хатка. И тольки тамъ у тэй хатцы одна барышная. Енъ говориць: што ты тутъ одна живешъ? я цябе убъю! А яна яму отказуваець: я такая самая царевна, якъ и ты, тольки я забранка. Я силъ не маю такихъ, якъ ты. Кыли ты убъешъ мяне, то и самъ не разживесься. А лучьче ныбярись у мяне рӧзуму. Ты будзь мой мужъ, а я твоя жана, и навучу я цябе розуму. Тоды сыйчасъ енъ и отказуваець: я кажись силенъ и разуменъ. Тоды яна яму говориць: «ты разуменъ и силенъ ны зямли, а не пыдъ зямлёй: пыдъ зямлёй нячистая сила разумнѣй цябе!» Ну, пымѣнялись яны тоды персьнями. Василь Васильевичъ и кажець: «кыли ты моя жана, дыкъ наўчи мяне розуму!»—А вотъ пойдземъ мы съ тобой у пыдвалъ: тамъ стыяць вины у бочкахъ. Пы правой сторонѣ стыяць вины, што выпъешъ—пысилнѣешъ и пыразумнѣешъ, а по лѣвой—поплошѣешъ и подурнѣешъ! Тоды пошли яны у подвалъ и перакацили бочки съ правой стыропы па лѣвую, а зъ лѣвой на правую. «Ступай-жа цяперацьки по гэтой по самой дорози, и сустрѣнешъ ты бабу-югу, зялѣзную ногу, у зялѣзной ступи. И скажешъ ёй: здоровъ, бабка! А йна скажець: здоровъ, мошельникъ! И станець съ тобой битца. Ты жъ глядзи на тое вино, што мы на лѣво перадвинули!»

Пошовъ ёнъ тэй дорогой и сустрѣчаець бабу-югу, зялѣзную ногу, у зялѣзной ступи. «Здоровъ, бабка!»—А! здоровъ, мошельникъ. Войськй моѐ побивъ?—«Побивъ, бабка!»—Мяне забиць хоцѣвъ?—«Хоцѣвъ, бабка!»—Кузнецовъ моихъ побивъ?—«Побивъ, бабка!»—Кузьню спаливъ?—«Спаливъ, бабка!»—Попелъ здувъ?—«Здувъ, бабка!»—Швальню мою спаливъ?—«Спаливъ, бабка!»—Швачекъ моихъ побивъ?—«Побивъ, бабка!»—И попелъ здувъ?—«Здувъ, бабка!»—Нў, вотъ жа цяперь табѣ смерць, мошельникъ!—«А нѣ, бабка: якъ ўдастца!»—Ну, будземъ жа битца!.. Ухапила яна товкачъ и пусцила по Василю Васильевичу, и хоцѣла яго забиць. А енъ пригнувся къ зямлѣ, и товкачъ пераляцѣвъ. Тоды яна пусцила у яго ступу. И ступа пераляцѣла. Схопилиси тоды яны битца, и убивъ енъ яѐ по пӧвясъ у зёмлю; а яна, вядӧмо нячиста сила, дыкъ отживаець. Билиси, билиси, тоды йна говорӧиць: «цари-короли бъютца, пардонъ маюць, а мы съ тобой удвоихъ. Пӧйдземъ винца попъёмъ!» И пошли яны у пыдвалъ. Сыйчасъ яна побѣгла на правую сторону, а яму кажець по лѣвой сторонѣ. Ина жъ думала, што выпъець—посилнѣець, а енъ поплошѣець, ажны яна поплошѣла, а енъ посилнѣвъ. Тоды Василь Васильевичъ говориць: «ну, пӧйдземъ, бабка, битца!»—Пойдземъ, мошельникъ! Ты моѐ войськй побивъ?—«Побивъ, бабка!»—Мяне забиць хоцѣвъ? —«Хоцѣвъ, бабка!»—Кузьню спаливъ?—«Спаливъ, бабка!»—Попелъ здувъ?—«Здувъ, бабка!»—Швальню спаливъ?—«Спаливъ, бабка!»—Швачекъ побивъ?—«Побивъ, бабка!» —Попелъ здувъ?—«Здувъ, бабка!»—Ну, пӧйдземъ, мошельникъ, битца! Бились, бились,

—Василь Васильевичъ збивъ бабу-югу, зялѣзную ногу, скылоцивъ, у землю ўбивъ. А ина, вядомо нячиста сила, отжила и пардону просиць: «ай, Василь Васильевичъ: цари-короли бъютца,—пардонъ маюць. Пойдземъ и мы съ тобой винца попъемъ, пымяркуемся!» А Василь Васильевичъ говориць: пойдземъ! И пошли яны у подвалъ: ина на праву сторону, а енъ на лѣву; енъ бывъ силенъ— посилнѣвъ, яна была плоха—яще поплошѣла. Выходзюць яны съ пыдвалу и стали битца. Дыкъ Василь Васильевичъ збивъ бабу-югу, зялѣзную ногу, скылоцивъ у попелъ, и попелъ здувъ.

Тоды ёнъ вярнувся къ яѐ служебцы и говориць: «пойдземъ, супруга моя, на нашъ свѣтъ! Благодаримъ цябе, што ты мяне наўчила: я силный, а можа бъ я й гыловў положивъ!» Тоды яны сыйчасъ и пошли тэй самой дорогой, якой енъ ишовъ, къ таковому мѣсту, идзѣ енъ спускався на ремняхъ. Колонувъ енъ за тэй пасъ, а тамъ чусовые стояць якъ дзень такъ и ночь, ждуць яго, Василя Васильевича. Тоды енъ говориць: «садзися ў тыя раменьня, цябе выцягнуць на тэй свѣтъ!» А йна кажець: садзися ты, кабъ не зрадзивъ Василь Полякъ-Войстрый Кувпакъ! А енъ кажець: «енъ поклявся не зрадзиць мяне. А то, борони Божа, ты тутъ останесься, а наскочиць нячистая сила, дыкъ ина цябе забярець!» Тоды яна сѣла,яе и выцягнули. Сыйчасъ, якъ вытащили яе, Василь Полякъ-Войстрый Кувпакъ поглядзѣвъ ны яѐ, и не хоцѣвъ раменьня назадъ спускаць. Яна якъ замѣцила гето, и говориць чусовымъ: «сколькы енъ силы положивъ за васъ, сколькы крывй проливъ, а вы ня хочеце яго выцягнуць! Я не могу безъ яго жиць!» Дыкъ чусовые спусцили раменьня пы яѐ приказу, и тольки бъ яго сюды выцягнуць, а Василь Полякъ-Войстрый Кувпакъ узявъ мечъ и перасѣкъ раменьня! Василь Васильевичъ звалився подъ земельле и чуць ня ўбився у смерць. И думыець: «што, ежели бъ мяне упярёдъ выцягнули, то я бъ яе ня кинувъ. А то ина кинула мяне, по 'хвоци, ци пы няволи.»

Пошовъ ёнъ тоды на ростанки, узявъ жулёячку и ставъ играць, самъ сабѣ жуду разводзиць. Думаець сабѣ: якой тутъ дорогой ици? И пошовъ енъ сяредней дорогой. Идзи, идзи,—приходзиць енъ къ избушцы. Ажъ коля тэй избушки засѣяна яра пшаница. Уходзиць енъ тоды у тую избушку, ажъ тамъ отдыхаець старина. «Здрацвуй, старина!»—Здрацвуй, бацькувъ сынъ! Хто ты ёсь?—«А я ёсь Василь Васильевичъ царській сынъ!»—Якъ ты ишовъ, яру пшаницу не пуламавъ?—«А нѣ, старина, цѣла пшаница,—не пулумавъ. А ци нема чаго, старина, у цябе поѐсь?»—Бяри вячеряй: вунъ стоиць на столику; молися Богу, кладзися спаць! Василь Васильевичъ повячерявъ, Богу помолився и легъ спаць. Нызаўтри, уставъ раненько, помывсь бѣленько, помолився щиренько и кажець: «старина, што гето у васъ волы зямлю поѐли? Чаму ня гониця пасьвиць?»—А, Василь Васильевичъ, гони ихъ, тольки кабъ яру пшаницу не пулумавъ! Енъ узявъ, пуспусцивъ воловъ зъ лунцуговъ, ды прямо у яру пшаницу: воловъ пасець, у жулеячку играець. Якъ ляциць нячистая сила, смокъ съ тремя гыловами, сипиць пы змяиному, равець пы звяриному: «Што жъ ты, Василь Васильевичъ, пусцивъ воловъ у яру пшаницу? Ты войськй побивъ?»—Побивъ!—«Кузьню спаливъ?»—Спаливъ!—«Ковалёвъ побивъ?»—Побивъ!—«Попелъ здувъ?»—Здувъ!—«Швальню спаливъ?»—Спаливъ!—«Швачекъ побивъ?»—Побивъ!—«Попелъ здувъ?»—Здувъ!—«Матку забивъ?»—Забивъ!—«Ну, цяперь я цябе убъю!»—Нѣ, якъ удастца!.. Ця-

перь, яны сыйчасъ стали битца. Вились, бились, тыкъ Василь Васильевичъ збивъ, скылоцивъ проклятаго смока съ тремя гыловами, спаливъ и попелъ здувъ. А головы проклятаго смока звязавъ укучи, и ўскинывъ на йзбушку. А старина говбрицъ: «хто тамъ? Кабъ избушку не зываливъ!»—А нѣ, гето я, старина, надравъ лыкъ зъ лозы ды ускинывъ на 'збушку.—«Дбобро, сынку: што лѣтомъ приспѣешъ, то зимой купляцъ ня будзешъ! Ци загнавъ воловъ?»—Загнавъ!—«Ци пулумавъ яру пшаницу?»—А нѣ, дзядуля, не пулумавъ!—«Ну, садзися, сынокъ, вячеряй, молися Богу, кладзися спаць!» Енъ сѣвъ, пывячерявъ и легъ спаць.

Нызаўтри повутру уставъ раненько, помывся бѣленько, помолився щиренько, и кажецъ: «дзядуля, я пыгоню воловъ!»—Гони, кажецъ, тольки яру пшаницу не пулумай!—«А нѣ, дзядулька, ня бось: цѣла будзецъ!» Сыйчасъ пошовъ, воловъ зъ лунцуговъ спусцивъ, ды ў яру пшаницу: гоняецъ пы пшаницы, ды ў жулеячку йграецъ. А тутъ и ляцицъ нячистая сила, смокъ съ шасьми гыловами: сипицъ пы змяиному, зарёвъ пы звяриному: «Што жъ ты, Василь Васильевичъ, пшаничку мою поѣвъ?»—Поѣвъ!—«Кузенку спаливъ?»—Спаливъ!—«Пбопелъ здувъ?»—Здувъ!—«Кывалёвъ побивъ?»—Побивъ!—«Швальню спаливъ?»—Спаливъ!—«Попелъ здувъ?»—Здувъ!—«Швачекъ побивъ?»—Побивъ!—«Матку забивъ?»—Забивъ!—«Брата забивъ?»—Забивъ!—«Ну, цяперь я цябэ убъю!»—Нѣ, якъ удастца!... Якъ стали яны битца! Билиси, билиси,—Василь Васильевичъ яго збивъ, скылоцивъ, голбвы яму звыроцивъ, трупъ яго спаливъ и попелъ здувъ, а голбвы усчапивъ на лычко, и пригнавши воловъ, ускинывъ на йзбушку, ажъ избушка зыколоцилась. А старина кажецъ: «хто гето тамъ? Кабъ избушку не зываливъ!»—А нѣ, старина; гето я троху надравъ лычковъ!—«Ну дбобро, сынку: што лѣтомъ приспѣешъ, то зимой купляцъ ня будзешъ. А воликовъ ци пригнавъ?»—Пригнавъ!—«А яру пшаницу ци не пулумавъ?»—А нѣ, дзядуля, не пулумавъ!—«Ну, добро, сынокъ! Вячеряй ды кладзися спаць! Пывячерявъ енъ и легъ спаць.

Нызаўтри повутру уставъ раненько, помывся бѣленько, пымолився щиренько и кажецъ: «дзядуля! я пыгоню воловъ!»—Гони, сынку, тольки не пулумай яры пшаницы, а то и мнѣ и табѣ тоды мѣста ня будзецъ!—«А нѣ, дзядуля, ня бойся!» Пыгнавъ енъ воловъ у яру пшаницу, пасецъ, у жулеячку заигрываецъ. Ажъ ляцицъ нячистая сила, смокъ зъ дванатцаци гыловами: огонь—полымя зъ ноздзёръ сыпицъ, сипйцъ пы змяиному, равёцъ пы звяриному. «Што ты, нячистая сила, сипишъ пы змяиному, равешъ пы звяриному?»—Ну, што жъ ты, Василь Васильевичъ, кузенку спаливъ?—«Спаливъ!»—Кывалёвъ побивъ?—«Побивъ?»—Пбопелъ здувъ?—«Здувъ!»—Швальню спаливъ?—«Спаливъ!»—Швачекъ побивъ?—«Побивъ!»—Попелъ здувъ?—«Здувъ!»—Матку забивъ?—«Забивъ!»—Двохъ братовъ забивъ?—«Забивъ!»—Ну, цяперь я цябе ўбъю!—«Нѣ, якъ удастца!» Якъ стали яны битца! Билиси, билиси—Василь Васильевичъ шесь голбвъ яму̂ знявъ, а енъ яго по колѣни у зе́млю ўбивъ. Тоды Василь Васильевичъ говбрицъ: «што жъ ты, нячистая сила? Цари-кыроли бъютца, и то пардонъ маюцъ, а мы съ тобой удвухъ бъёмся, и пардону не маемъ. У цябе дванатцыцъ головъ, якъ цаповъ, а ў мяне одна головка, яка маковка!..» Пардонъ мѣли, отдыхнули, и якъ стали узновъ битца! Билиси, билиси,—тыкъ Василь Васильевичъ яму три гыловы знявъ, а енъ Василя Васильевича по пбвясъ у зе́млю ўбивъ. Помѣвши узновъ

пардонъ, сычасъ стали опяць битца. Билиси, билиси,—Василь Васильевичъ напослѣдыкъ три гыловы знявъ, трупъ спаливъ, головы на лычко почапавъ, воловъ у стодолу загнавъ и голбвы на 'збушку ускинывъ, ажъ столя увогнулася! А старина якъ закричиць: «хто тамъ избушку ломаець?»—Ня бось, старина: гето я лычковъ надравъ. —«Ну добро, сынокъ; што лѣтомъ приспѣешъ, то зимой купляць ня будзешъ. А воловъ загнавъ?»—Загнавъ, дзядуля!—«А пшаница ци цѣла?»—Нѣ, дзядуля: я ўже ўсю пшаничку збивъ, стоптавъ и проклятыхъ смоковъ усихъ трёхъ забивъ, и матку! —«Ну, дзицятка: мнѣ ўже тутъ вѣкъ вѣкываць, а ты идзи гетый дорогой, и тамъ стоиць дубъ на дванатцыць суковъ, и къ тымъ сукомъ прикована жаръ-пцица. Ты сорви тэй дубъ и ўси лунцуги порви, и тоды жаръ-пцица цябе вывезець на тэй свѣтъ!»

Тоды пыблагодаривъ енъ тэй старинѣ: «живи, кажець, зъ Богомъ тутыцька, а я пойду жаръ-пцицу шукаць!» И пошовъ енъ тэй самой дорбгой прямэй. Скоро кажетца, ня скоро дзѣетца. Ишовъ ёнъ, ишовъ, и пришовъ къ дубу; и видзиць енъ, сядзиць жаръ-пцица на дуби, на дванатцыци сукахъ, прикована на дванатцыци лунцугахъ. Ёнъ сычасъ сырвавъ тые лунцуги и спусцивъ жаръ-пцицу. И говбриць яму жаръ-пцица: «ай, Василь Васильевичъ, што табѣ нáдобѣ за ўслугу?»—А звязи мяне на нашъ свѣтъ!—«Я й сама рада на свой свѣтъ вярнутца! Садзися лягéнько, дзяржися кряпéнько, пылящимъ. А куды жъ цябе везць?»—А вязи къ Василю Пыляку-Войстрому Кувпаку!—«А я й сама у яго садзи родзилася!» Сычасъ енъ уссѣвъ ны яе лягéнько и дзяржитца кряпéнько. Яна тоды якъ стала пыдыматца,—пыдымалась, пыдымалась и вывязла на гетый свѣтъ. Привозиць у Василя Пыляка-Войстраго Кувпака царство и спрашіець: «ци видзишъ Василя Поляка-Войстраго Кувпака царство?»—Видзѣць виджу, ды далёко! Яна тоды якъ ляцѣць, дыкъ ляцѣць, пыдляцѣла ближе и ўзнова спрашіець у яго: «ци видзишъ ты Василя Пыляка царство?»—Виджу, што соўсимъ близко! И стала яна опускатца. Покуль спусцилась, дыкъ яна увезла яго у садъ Василя Пыляка-Войстраго Кувпака. «Ну, ляци ты сабѣ зъ Богомъ! Ну, а куды жъ мнѣ ици? Пойду Василя Пыляка-Войстраго Кувпака убъю и жану отбяру!»

И сѣвъ енъ пыдъ ягрыстомъ, и видзиць, што яго жана идзець зъ Василемъ Пылякомъ-Войстрымъ Кувпакомъ прохадживатца. Тоды енъ сядзиць, сядзиць тамъ и слухыець, якія яны рѣчи будуць гыворйць. Проходзюць яны коля яго, и кажець яна Василю Пыляку-Войстрому Кувпаку: «за што ты яго, неборака, убивъ? Енъ сколькi трудовъ, силы пыложивъ! Усю нячистую силу йзбивъ! Ци ёнъ то погибъ, ци живый? Кабъ енъ дыгадався ды лѣвой дорогой пойшовъ! Ёсь тамъ на лѣвой дорози гора, а ў тэй горѣ ётоиць быгатырськая лошадзь тритцыць три лѣты. Вотъ бы тая лошадзь яго вывязла!»

Тоды Василь Васильевичъ, слыша геты рѣчи, зыхоцѣвъ дыстаць кыня. Посидзѣвъ енъ тамъ, покуль яны пройшли, и пошовъ узновъ икъ тэй ями. Звязавъ тамъ раменьня и спусцився на тэй свѣтъ. Приходзиць енъ икъ ростанькамъ, идзѣ три идзець дороги: одна ўправо, другая прямо, а третьця ўлѣво,—и пошовъ енъ по лѣвой дорози. Ишовъ, ишовъ, и приходзиць енъ къ горѣ. Приложивъ енъ къ сырэй зямли вухо,—ажны лошадзь ржець тамъ, ажъ земля-мацъ трясéтца! Тоды енъ попавъ нѣйдзи лопатку, и давай кыпáць горў. Раскопавъ склепъ, разломавъ двери. И лошадзь

яму дужо обрадовався, и говорицъ: «ахъ, Василь Васильевичъ! Пусци мяне ў чисто поле пыкататца, шавковой травы подьѣсь и крынишныхъ водъ напитца!» Тоды енъ пусцивъ кыня, а конь призабавився. Василь Васильевичъ зыплакывъ и говорицъ: «обманивъ мяне добрая лошадзь! Хто цяперь мяне на тэй свѣтъ вывязецъ?» Конь счувъ тое слово, бяжицъ, ажъ земля мацъ дрыжицъ, и говорицъ Василю Васильевичу: «чаго ты соскучавъ?»—А якъ жа: хто мяне на тэй свѣтъ вывязецъ? Я цябе дыставъ, и думывъ, што ты мяне покинывъ сусимъ!—«Нѣ, я цябе во вѣки вѣшные не покину: я радъ, што по сабѣ сѣдока дождавъ. Ну, садзись лягѐнько, дзяржися кряпѐнько!» Уссѣвъ Василь Васильевичъ на лошадзя лягѐнько, и ставъ дзержатца кряпѐнько, и спрашіецъ у коня: «куды мы поѣдземъ?»—А поѣдземъ черезъ синія моря!..

Выѣхыли яны на гетый свѣтъ, и ѣдуцъ черезъ синія моря. Ажъ идзецъ корабъ. Василь Васильевичъ спрашіецъ у кыня: якій гето корабъ идзецъ? А конь говорицъ: идзецъ Настася-прекрасна царевна, и три полки нянекъ, и три полки лялекъ! «Ци ня можно яѐ дыстацъ?»—Чаму ня можно: спусци свою перщатку ны корабъ, и скажи: подайце мнѣ мою перщатку! Настася-Прекрася вышлецъ свою няньку, а ты скажи: ня мѣешъ ты правила мою перщатку пыдавацъ! Довжна Настася-Прекрася мнѣ мою перщатку подацъ! Тоды ты яѐ бяри за рукў и садзи на мяне. Да тольки не цалуйся, а то ўтонемъ мы ободвы. У мяне ёсь братъ на тридзевятомъ царстви, на тридзесятой зѐмли, у горѣ. Вотъ на тымъ ты могъ бы яѐ ўзяцъ и пуцулувацъ и черезъ море проѣхыцъ. А я такія силы не маю!.. Подъѣжжаюцъ яны къ кораблю, и ўронивъ Василь Васильевичъ свою перщатку, и кричицъ: «Настася-Прекрася! Подай мою перщатку!» И ина сыйчасъ зыгадала свою няньку яму перщатку подацъ. А ёнъ говорицъ: «идзи прочь, довжна мою перщатку сама Настася-Прекрася пыдняцъ, и ў моѐ бѣлы руки подацъ!» Тоды Настася-Прекрася яго перщатку пыдняла и яму ў бѣлы руки пыдала. Якъ тольки яна ямў пыдала, сыйчасъ енъ яѐ схапивъ и на кыня ўссадзивъ, и пуцўлувалиси!... Якъ тольки съ кырабля доловъ, дыкъ конь и ўтонувъ. Яѐ жъ кырабельщики пыдхапили, а конь сўсимъ утопився. Василь Васильевичъ и поплывъ.

Плывъ, плывъ, подплываецъ подъ берегъ, и видзицъ,—ляжицъ колцо. Ёнъ тое колцо ўзявъ, ажны гэто тростка. Нямножко йна вѣсу—тритцыцъ пудовъ. Тоды енъ вышовъ, добрый молодзецъ, на берегъ, пересушивъ одзѐжу и лёгъ отдыхнуцъ. Отдыхнувши, енъ узявъ тростку и пошовъ. Ишовъ, ишовъ, приходзицъ икъ городу, а тэй городъ увесь у жалоби, увесь чорнымъ сукномъ устла́нъ. Тоды енъ приходзицъ къ ыдному домику, пыставивъ свою тростку коля домику, дыкъ ажно домикъ зыколоцився! Уходзицъ енъ у тэй домикъ, ажно тамъ старушка. Енъ говѐрицъ: «здрацвій, старушка!»—Здрацвій, бацькўвъ сынъ!—«Што гето у васъ за жалоба, што увесь городъ застланъ чорнымъ сукномъ?»—Ай, дзицятка: заўтрашній дзень царськую дочкў пывязуцъ на снядзеньня проклятому смоку!.. Ну, попили, поѣли, Богу помолилиси и лягли спацъ.

Нызаўтри яны ўстали раненько, умылиси бѣленько, ажъ и царськую дочку пывязли на снядзеніе проклятому смоку. Василь Васильевичъ узявъ свой мечъ-самосѣчъ и тростку, и пошѐвъ къ синему морю. А царськая дочь сидзицъ ли моря и силно плачецъ. Ёнъ подходзицъ къ ёй и спрашіецъ: чаго, слишная царевна, чаго плачешъ? А ина говѐрицъ: чаму мнѣ ня плакыцъ, кыли я проклятому смоку на снядзеньня вы-

вязёна. Сыйчасъ приляцицъ, и мяне прожрецъ, и цябе со мной. Дыкъ нехай лучьче мяне одну прожрецъ, а ты уходзи!..—«Нябось, подавитца! Ня тольки двоихъ не прожрецъ, дыкъ и цябе одну не прожрецъ!» Сидзяцъ, разговарюють... Ажъ ляцицъ проклятый смокъ по синему морю: зъ ноздзёръ огонь-полымя свищецъ! Прилетаецъ икъ берегу и говорицъ: садзися, слишная царевна, ко мнѣ на языкъ: я цябе проглычу! А Василь Васильевичъ говóрицъ: нѣ, выходзи на суходоль, и прожирай мяне перви, тоды яѐ! Вышовъ енъ на суходоль и говорицъ яму: Василь Васильевичъ, дми поль станови токъ! А енъ кажецъ: дми ты перви! Смокъ якъ дунувъ—на шесь вёрстъ поле здувъ—и береги у мори пызолоцивъ. А Василь Васильевичъ дунувъ—на дзевяць вёрстъ вычисцивъ поле, пыставивъ токъ и пызолоцивъ береги! Стали яны битца; билиси, билиси, дыкъ Василь Васильевичъ посѣкъ яго, порубивъ, на 'гни спаливъ и попелъ здувъ.

Распрощався ёнъ съ царевной, а яна говорицъ: «ступай ко мнѣ у супружаство: цяперь пувцарства твое, а посли смерци отца усё!» А енъ говорицъ: «отборонивъ я цябе отъ злой смерци—ня спорцивъ ничого вашаму царю, а твойму отцу. А ў мяне ў самагó ёсь царство!» Тоды приходзицъ енъ узновъ къ тэй старушцы и говорицъ: «отборонивъ я вашу царевну отъ проклятаго смока: збивъ яго, скылоцивъ, спаливъ и попелъ здувъ!» Пришла тая царевна къ отцу и говорицъ: «отборонивъ мяне чужастранный человѣкъ, и ня вѣдую, хто ёнъ такій. И просила я яго у супружаство къ сабѣ, дыкъ енъ скызавъ, што у мяне ёсь свое царство. И спросила я ў яго: куды ты цяперь пóйдзешъ, и енъ скызавъ: няўжлѝ мнѣ ня можно у вашимъ гóродзи пугуляцъ?» Сыйчасъ, якъ тольки ина разсказала отцу геты рѣчи, што тэй человѣкъ ёсь у гóродзи, сыйчасъ царь пославъ найци яго. И отказуецъ тая старушка, у которой енъ захвацеровавъ, што енъ у мяне. Тоды царь посылаецъ за имъ парку коній. А енъ говорицъ: «што за мной парку тольки прислали? За моимъ кійкомъ шасцёрку лошадзей треба присланцъ! А за мной нѣхай пришлецъ тыхъ коній и тую карэту, што на первый дзень Вяликодьня ѣздзюцъ!» Ну, прислали шасцерку за кійкомъ, а за имъ сама царевна пріѣхыла у тэй карэци, што царь ѣздзицъ на Вяликодьне къ обѣдни. Стали поднимацъ яго тростку, и нихто не поднимецъ. Тоды узявъ енъ, самъ узложивъ свою тростку, а самъ сѣвъ съ царевной. Пріѣжжаюцъ яны у царьскій домъ, и царь собравъ большій банькетъ, и самъ не знаецъ, што изъ имъ дзѣлыцъ. И говóрицъ яму царь: «идзи къ моёй дочарѝ у супружаство: я табѣ даю цяперь пувцарства, а по смерци усё!» А енъ яму отказыецъ: «у васъ по ўсяму царству нема лошадзя по мнѣ!» Пугуляли, побанькетували, и отказыецъ енъ царю: «я къ вамъ прибуду, не могу сказацъ, ци надовго, ци нѣ, а самъ пойду лошадзя шукацъ!»

Распрощався енъ изъ ими, узявъ свою тростку и пошовъ. Узявъ по дорози рыдель подъ паху и пошовъ у нѣкотóрыя царствы, у нѣкоторыя государствы. Пришовъ енъ къ тэй горѣ, идзѣ бывъ конь, приклавъ къ зямли правое вухо свое, и чуецъ, што яго лошадзь иржецъ, ажно земля мацъ стогницъ. Раскопавъ ёнъ гору, и стоицъ лошадзь у склепи, черезъ трое дверей замкнута. Тоды енъ двери поразломавъ, замки поразбивавъ и отвязавъ того лошадзя. И радъ тэй лошадзь, што по сабѣ сѣдока знайшовъ. Вывевъ енъ кыня ў чисто поле погулянцъ, шавкóвой травы подьѣсь и кры-

нишной воды напитца. Пусцивъ яго Василь Васильевичъ, а самъ и соскучавъ. Якъ крикнецъ молодзецкимъ посвистомъ быгатырськимъ покликомъ, лошадзь тая бяжицъ, ажъ земля мацъ дрыжицъ: «Штд ты, Василь Васильевичъ, соскучавъ?»—Я думывъ, што ты кинула мяне!—«Я ня кину цябе во вѣки вѣшные!» Уссѣвъ енъ на добраго лошадзя и пріѣхывъ енъ у тое царство, идзѣ отборонивъ царськую дочь отъ проклятаго смока. Распрощався енъ зъ ими и поѣхывъ къ отцу къ свойму.

Тоды сыйчасъ ѣдзецъ ёнъ къ синему морю, и говбрицъ енъ коню: «ци ня можемъ мы дыстацъ Настасю-Прекрасю у жану мнѣ?» Идзецъ корабъ, и енъ на корабъ узъѣжжаецъ и ўпусцивъ свою перщатку, и говорицъ: «Настася-Прекрася, подай мнѣ перщатку!» А Настася-Прекрася сказала няньцы подацъ яму̀ перщатку. А енъ говбрицъ: «ня смѣй ты мнѣ моёй перщатки пыдавацъ! Довжна Настася-Прекрася сама мнѣ яѐ подацъ!» Ина пришла, перщатку пыдняла и яму̀ ў бѣлы руки пыдала. Сыйчасъ енъ яѐ за бѣлу руку̀ пыдхвацивъ и ны коня пысадзивъ, и съ кырабля на сине море поѣхывъ. Сине море перѣехывъ, и приходзюцъ у Василя Пыляка—Войстраго Кувпака царство.

Тольки енъ у яго царство пріѣхывъ, якъ два быгатыри ѣдзецъ проци яго, и хочуцъ яны яго ўбицъ. Гетые быгатыри—два сыны Василя Пыляка—Войстраго Кувпака. Тоды енъ ссадзивъ свою жану, а самъ поѣхывъ къ имъ на сустрѣчу, и якъ ставъ енъ ихъ сцегацъ сцеблиной, дыкъ енъ чуцъ ня ўбивъ ихъ. Тоды яны вярнулиси къ отцу къ свойму, Василю Пыляку—Войстрому Кувпаку, и говорюцъ: «оцецъ нашъ родной! Напали мы ны такого быгатыря, ны разбойника, што чуцъ енъ насъ ня ўбивъ!»—Дзѣтки, вѣрно гето вярнувся мой братъ большій! И выгоницъ енъ исъ царства нашаго ня тольки васъ, а й мяне!.. А Василь Васильевичъ узявъ жану свою и пріѣжжаецъ у царство Василя Пыляка—Войстраго Кувпака. «Здрасцви, мой мѐньшій братъ!»—Здрасцви, мой большій братъ!—«Ну, што жъ, ты хоцѣвъ мяне пугубицъ, и жану мою отобравъ у мяне? Я бъ табѣ не просцивъ, али дзѣли жаны твоѐ прощаю: ина мяне спасла отъ смерци! Цяперь, идзѣ мнѣ отдыхнуцъ?» А Василь Полякъ—Войстрый Кувпакъ кажецъ: ёсь у мяне корабъ такій, што якъ ты узыйдзѐшъ ны яго, ды скажешъ: отъ берегу! Дыкъ енъ отбйдзецъ. А кыли отдыхнешъ, дыкъ скажешъ: къ берегу, корабъ! Дыкъ енъ и приплывецъ къ берегу.

Узыйшовъ Василь Васильевичъ на корабъ и говорицъ: отъ берегу, корабъ! Ёнъ и отыйшовся отъ берегу. Пошовъ тоды Василь Васильевичъ пы кораблю ходзицъ. Зайшовъ у одну коморку, у другую, у третьцію, и ў кождой коморцы по тросцы. Прилетаюцъ на гетый корабъ яго сёстры; одна у водну, другая у другую коморку, а третьція у третьцію. Тоды енъ зайшовъ къ бблыпой сястрѣ, выбивъ яѐ, выбивъ, и руку̀ отломавъ. А ина обярнулась вуточкой и пыляцѣла. Тоды приходзицъ енъ у другую коморку, къ сяредней сястрѣ: паривъ, паривъ яѐ, отломивъ ёй ногу̀ и отправивъ домовъ: обярнулась ина вуточкой и пыляцѣла. Захбдзицъ у третьцію коморку къ мѐньшой сястрѣ. Паривъ, паривъ яѐ, оторвавъ ёй вухо. Ина обярнулась вуточкой и пыляцѣла домовъ. Тоды енъ кажецъ: къ берегу, корабъ! Вышовъ, сѣвъ ны коня, узявъ жану и поѣхывъ къ Василю Пыляку—Войстрому Кувпаку. Гулявъ, гулявъ у яго, тоды забравъ у яго войська: три полки музыки, три полки коньницы и три полки пѣшахбдзи, и поѣхывъ

у дворъ. Пріѣжжаець къ ойцу къ свойму. Маць и оцецъ яму силно возрадовались: яны яго якъ съ того свѣту ждали.

Отписавъ оцецъ яму̂ усё своё царство, и ёнъ тамъ царйць. И я тамъ бывъ, мёдъ вино пивъ: пы бородзѣ цякло, а ў роци ня було.

Дер. Дуброва, островенск. вол. сѣнн. у.

От крест. Василія Цыбуна, 56 лѣтъ, неграмотнаго, записала В. Т. Плещинская.

15. Иванъ сучкинъ сынъ—золотыя пуговицы

Живъ бывъ царь. Ды ня мѣвъ ёнъ дзяцей. И дужо енъ объ гетымъ сосмуцився. Вотъ идзець ёнъ разъ по городу и думыець: кому послѣ мяне дыстанéтца мое царствіе? Идзець старая баба: «объ чимъ ты, царь, такъ задумывся?»—А ўвознай, бабка, объ чимъ я думаю! Подняла баба гылову̂, пылядзѣла на царя, ды говóриць: «ты думыешъ объ дзяцей. Ты бяздѣтный, и думыешъ, што послѣ сябе нéкому царствія оставиць!»—Ну, вотъ и поможи гетому̂ горю, бабка!—«Гетому горю помогчи ня трудно. Ёсь у мори рыба съ однымъ вокомъ, съ однымъ бокомъ. Коли яѐ ўловишъ, ды зжаришъ, ды отдаси жонцы—нехай зьѣсь—тоды нарóдзитца у цябе сынъ.» *) Пошовъ царь скорѣй домовъ, призвавъ своихъ рыболововъ—у царя, конешня, усякихъ слугъ ня нѣтъ—и приказавъ имъ, кабъ уловили у мори рыбину съ однымъ вокомъ, съ однымъ бокомъ. Узяли рыболовы свои сѣци и пошли къ морю. Разъ закинули сѣтку-ня ўловили ничóго; другій закинули—такъ жа само ня ўловили ничóго; а на третьцій разъ якъ закинули сѣтку, дыкъ и ўловили рыбину съ однымъ вокомъ, съ однымъ бокомъ. Принясли тую рыбину къ царю. Царь узявъ рыбину и отдавъ кухарцы, кабъ яна яѐ зжарила и подала царицы. Якъ приказыно, такъ и здзѣлыно. Узяла кухарка рыбину и стала жариць. Жарючи, яна возьми ды й поспытай рыбины. Вѣдомо, кухаръ заўсёгды ранѣй пановъ спытáець стравы. Ну, якъ поспытала, такъ и забрюхацѣла. Понясла яна, зжаривши, рыбину къ царицы. Тая зьѣла—и такъ-жа само забрюхацѣла. Ды была ў царицы у покояхъ сучóнычка. Царица отдала ёй зьѣсь рыбъія

---

*) *Варіанты*: 1, Живъ такъ сабѣ царъ и царица. И ня було у ихъ дятей. Ня знали яны, хто будя царовать посли ихъ у ихнымъ царстви, и дужа горавали. Вотъ разъ царъ съ царицай поѣхали у вяликую дорогу. Ѣхали, ѣхали—захотѣлося цару ѣсти. Ажъ-во—пріѣзжаять къ вóзяру. Бачать—рыболóвецъ ловя рыбу. Кольки ня ловивъ—уловивъ тольки одну рыбину. Ставъ царъ просить рыболовца, штобъ продавъ яму етую рыбину. А той кажа: бяри, тольки дешавѣй ста карбованцовъ ня 'тдамъ. Разсердився царъ и поѣхавъ даляй. Ѣхавъ, ѣхавъ, и раздумався: зачимъ ето ёнъ такъ дорого прося за рыбину? Узявъ и пославъ кучара спросити. Той пошовъ, распросивъ и кажа цару: затымъ ёнъ дорожився, што ета рыбина ня простая: што коли яе хто изъѣсти, дыкъ у того безпрамѣнно будуть дѣти. Возрадовався царъ, вярнувся назадъ и купивъ рыбину... *Гом. у.* 2, Живъ бывъ король зъ жонкой. И ня было у ихъ дзяцей. Тоды яна говóриць: идзиця и закиньця сѣтку у мори, и ўловиця вокуньца, ня боли трохъ хунтовъ. Яны пошли. Закинули разъ—нема ничóго; другей—такъ-жа само; а за третьцимъ разомъ уловили вокуньца—якъ-разъ три хунты. *Сѣнн. у.* 3, Живъ сабѣ царъ. Ня было у ихъ сыновъ. Собравъ царъ чужихъ дятей, и загадавъ имъ сплести брадникъ. Отъ, спляли дѣти брадникъ. Закинули яго на раку̂ и ўловили рыбину. *Рогач. у.*

косточки. Зьѣла сучка—и тая забрюхацѣла. *) Черезъ годъ уси трое родзили по сыну: упéредъ родзила сына кухарка, тоды родзила сына царица, а затымъ родзила сына и сучка. Царицынъ сынъ пущѣй за ўсихъ и слабѣй, а сучкинъ сынъ пригожѣй за ўсихъ и кряпчѣй. Ну, и стали яны ресць, уси трое на царськимъ дворѣ. Растуць не по годахъ, ды по часахъ. Черезъ три годы стали яны ужо вяликими, и подзѣлылись сильными богатырями. Ставъ тоды сучкинъ сынъ—зылотэя пуговицы просиць царйцынового сына, кабъ яго бацька вялѣвъ своимъ ковалямъ здзѣлыць яму ляску у дзесяць пудовъ. Якъ ёнъ просивъ, такъ яму и было здзѣлыно. Пошли яны тоды утрёхъ на польгуваньне: царицынъ сынъ и кухаркинъ зъ ружжами, а сучкинъ зъ ляской. Пришли къ лѣсу, и змовились, што дзѣ ни ходзйць, дзѣ ни ходзйць, а къ вечару собиратца на гету проталину. Царицынъ сынъ и кухаркинъ пошли разомъ, а сучкинъ сынъ остався одзинъ. Якъ тольки тыхъ не стало видно, ёнъ подшибнувъ свою ляску угорў. Покуль яна назадъ узвярнулася, прошло часы два. Подставивъ ёнъ подъ ляску свою ладоню. Яна якъ ляцѣла, ударилася объ ладоню и разсыпалась на мелкія крошачки. Стало примяркаць, и собралиси ўси на гету проталину. Сучкинъ сынъ и ставъ жалитца: «вотъ, кажець, скувавъ мнѣ царь ляску! Ляцѣвъ веробей; я кинувъ, кабъ яго забиць, а ляска якъ ляцѣла назадъ, дыкъ ударилась объ гетую травинку и разбилась. Такъ я сяньни и не забивъ ничóго!» И ставъ ёнъ просиць царицынаго сына, кабъ яго бацька сказавъ ковалямъ своимъ здзѣлыць ляску у двагцаць пяць пудовъ. Якъ было сказано, такъ было й здзѣлыно. Пошли яны тоды зновъ у той лѣсъ, и змовились такъ жа само, якъ у першій разъ: дзѣ ни ходзиць, дзѣ ни ходзиць, а къ вечару собиратца на гету проталинку. Царицынъ жа сынъ и кухаркинъ пошли изнова удвóхъ, а сучкинъ сынъ остався одзинъ. Якъ тольки тыхъ не стало видно, ёнъ и шибнувъ свою ляску угорў. Покуль яна назадъ узвярнулася, ёнъ ждавъ чатыре часы. Наставивъ ёнъ подъ яѐ колѣно, яна якъ ударилась объ колѣно—и разбилась на крошачки. Ставъ ёнъ тоды ждаць вечара. Стало смеркатца, стали ўси на проталинку собиратца. Сучкинъ сынъ узнова начавъ жалитца: «якую гето ляску искувавъ мнѣ царь! Кинувъ я яѐ у ворону, ляцѣла яна назадъ, ударилась объ гетый сукъ—и разсыпалась! Такъ я й не забивъ ничóго!» И ставъ узнова просиць царицынаго сына, кабъ яго бацька вялѣвъ своимъ ковалямъ скуваць ляску ў пяцьдзесятъ пудовъ, ды кабъ и вызлачана была. Рызсказавъ царицынъ сынъ бацьку, якъ усё было. Пошовъ царь самъ у кузьню: ну, коли вы цяперь ня здзѣлыеце ляски у пяцьдзесятъ пудовъ, ня вызлациңе, ды коли яна рызобъетца—дыкъ мой мечъ, а вамъ гылова съ плечъ! Здзѣлыли ковали ляску и пызлацили. Узявъ яѐ сучкинъ сынъ—зылотэя пуговицы, и пошли узнова на польгуваньне. Пришли къ тому самому лѣсу, на тую самую на проталинку; и змовились такъ, якъ и ў першіе разы: дзѣ ни ходзиць, дзѣ ни шлятца, а къ вечару собиратца на гету проталинку, кабъ домовъ ици разомъ. Царицынъ жа сынъ и кухаркинъ пошли удвохъ, а сучкинъ сынъ остався одзинъ. Якъ тольки тыхъ не стало видно, ёнъ и шибнувъ свою ляску угорў. Покуль яна назадъ узвярнулась, ёнъ ждавъ шесь часовъ. Наставивъ ёнъ ладоню—ляска ударилась и отскóчила. Шибнувъ ёнъ яѐ ящо

*) Вар „Узяли слуги рыбину на кухню и зжарили, а шалуху выкинули на дворъ. Ходзила по двору кобыла и зьѣла гету шалуху...“ Сучкинъ сынъ замѣненъ кобылинымъ сыномъ.

кряпчѣй: покуль узвярнулась, пройшло дванатцыць часовъ. Наставивъ подъ ляску колѣну—яна ўдарилась и отскóчила. Шибнувъ ёнъ тоды яѐ съ усіѐ силы, а самъ лёгъ. Выспавшись, уставъ и наставивъ подъ ляску лысину. Яна ударилась и отскóчила, тольки трошку согнулась. Вотъ ёнъ съ тою ляской пошовъ у лѣсъ; и кого ни ўбачицъ—ци звѣря, ци пцицу—забъецъ безпремѣнно: трѣба тольки ляску угорỳ подшибнуць. Набивъ ёнъ такъ много и звяровъ, и пцицъ. Вышовъ на проталѝнку, обклався вовками, медзьвѣдзями, лисицами, зайцами, лосями, орлами, ястребами, разными—разными пцицами и звярьми, и ляжиць самъ пысярёдъ ихъ. Стало смеркатца, стали ўси на проталинку собиратца. Пришли царицынъ и кухаркинъ сынъ, и низдзивилиси, што ў яго такъ много звярины.

Ну, пройшло ци много, ци нѣ,—стали яны проситца у царя, кабъ пусцивъ ихъ оглѣдзиць своё царствіе. Царь ставъ ихъ отгывариваць: «куды вы пóйдзеце, вы ще молоды!»—Объ гето ты ня тужись, што мы молоды, тольки бласлови насъ!.. Дзѣлыщь нечаго: бласловивъ ихъ царь, давъ кажному по коню, по хорту, по мечу—кладзенцу. Вотъ яны и поѣхыли. Ѣхыли, ѣхыли, ѣхыли, ѣхыли—и пріѣхыли у такей сцепъ, што тольки й видно небо ды земля. Тоды царицынъ сынъ и кухаркинъ говорюць: «вотъ, мы ѣдземъ, а ночуваць дзѣ будземъ?» А сучкинъ сынъ говóрицъ: «вотъ, братцы! ня ўсё жъ подорожные у хаци ночуюць. Вотъ прѝдзетца и намъ такъ ночуваць, коли не знáйдземъ якѐй хацёнки!» Проѣхыли ящо трошку, ажны стоицъ домъ на три вянцы. Увыйшли яны туды, пыглядзѣли—покои чисты, ли ночлега мѣсто ёсь. Тоды сучкинъ сынъ и говóрицъ: «ну, вы тутъ зготуйце обѣдыць, а я пойду обглѣджу мѣсто, яковó янó!» И пошовъ. Пройшовъ трошку, видзицъ быстру рѣку, *) а на рѣцѣ калиновый мостъ. Яго мосцили нячистая сила. Даяволы у повночь приходзили у тэй домъ и прожирали людзей. Усё гето сучкинъ сынъ и ўвознавъ. Вярнувся ёнъ у домъ. Тые браты обѣдъ зготовили. Побѣдали. Ажъ вó и вечаръ. Сучкинъ сынъ и говóрицъ: «ну, братцы, никоторому изъ насъ прѝдзетца сéночи ици на калинывый мостъ калавурицъ!» Кинули яны жéраби: первый жерабъ достався царицыному сыну. Сучкинъ сынъ ямỳ и говорицъ: «глядзи-жъ, ходзи ли калинива моста, ды ня спи. А то самъ сабѣ и намъ бяду наспишъ!» Пошовъ царицынѣ сынъ къ мосту; ходзивъ, ходзивъ—якъ тольки подъ повночь—спаць захоцѣвъ; мечъ подъ головы, и заснувъ. А сучкинъ сынъ сидзѣвъ, сидзѣвъ дома, ды думаецъ: дай-ка пойду пыляджу, ци ня спицъ ёнъ? Узявъ ляску и пошовъ. Приходзицъ къ мосту, а ёнъ спицъ. Ну, сучкинъ сынъ самъ ставъ ли калинива моста. У самую повночь прилетаецъ триглавый змѣй: «хто тутъ?»—Я Иванъ—зылотэя пуговицы!—«Што-жъ ты, Иванъ—зылотэя пуговицы, на чужую сторонỳ своѐ косьци занесъ?»—А ўвидзимъ: ци я своѐ косьци принесъ, ци ты голóвы своѐ зложишъ!—«Ахъ ты якей дерзкій! Мы скольки годовъ жили, нихто зъ нами ня грубивъ, тольки ты такей знашовся. Дми-ка токъ!»—Ахъ ты, нячистая сила! у цябе три рылы, а ў мяне одно: ты дми!.. Змѣй якъ дунувъ—дзѣ были имхи, болóты, оржавиньни, потопы—стало гладко, якъ яйцо, на три вярсты. Сучкинъ сын

*) *Въ с. Замочкѣ вар.*: Остановились у огнянной рѣчки, у калиноваго моста. Змѣй говоритъ своимъ собакамъ и птицамъ: „што вы такъ неспокойны? Чаго, песьсее мясо, брешеця, чаго ястребиное перъе, кричиця?“

—зылотэя пуговицы якъ дунувъ—усё пызолоцивъ, бережки пызавороцивъ и на битву ставъ. Стали яны битца. *) Билиси, билиси—Сучкинъ сынъ змѣю двѣ гыловы збивъ, а змѣй яго по заборосни ў зямлю увогнавъ. Сучкинъ сынъ якъ замахнецъ ляской—послѣднюю гылову збивъ.; Уси головы на осиныввыхъ дровахъ спаливъ, а попялъ на быстру рѣчку пусцивъ. **) Самъ вярнувся домовъ, узбудзивъ кухаркиныго сына, сказавъ яму, кабъ готовавъ обѣдъ, а самъ лёгъ спаць. Ураньни приходзиць царицынъ сынъ. Сучкинъ сынъ уставъ и пытаець: «ну, што, ци ня чувъ чаго, ци ня бывъ якей шумъ и крикъ?»—Нѣ, ничóго ня чувъ: нихто ня йшовъ, ня ѣхывъ—усё было спокойно!.. Зготовався обѣдъ: сѣли яны, побѣдали, и стали вечара дожидатца. Увечари сучкинъ сынъ и кухаркинъ кинули жераби—жерабъ выпавъ кухаркиныму сыну. «Глядзи-жъ, кажець Сучкинъ сынъ: ня спи, а то и самъ сабѣ и намъ бяду наспишъ!» Пошовъ ёнъ къ калиныву мосту; ходзивъ, ходзивъ, а якъ подъ повночь—спаць захоцѣвъ. Узявъ, мечъ подъ головы подклавъ и заснувъ крѣпкимъ сномъ. Сучкинъ сынъ узнова пошовъ къ калиныву мосту—што дзѣлыець калавурный? Пришовъ, а ёнъ спиць. Ставъ ёнъ самъ калавурыць. Ходзивъ, ходзивъ, у самую повночь ляциць шасцигла-вый змѣй. «Хто тутъ?»—Я, Иванъ—зылотэя пуговицы!—«Што-жъ ты, Иванъ—зылотэя пуговицы, на чужую сторонў своё косьци принёсъ?»—А вотъ, помѣряемся: ци я косьци принёсъ, ци ты головы зложишъ!—«Ды што мнѣ съ тобой мѣрятца: посаджу на руку, другой ударю—и здзѣлыю мяккій блинъ, ды зьѣмъ!»—Ну, а можа й подависься!—«Дми токъ!» кричиць змѣй.—У цябе шесь рылъ, нячистая сила, а ў мяне одно: ты и дми!... Змѣй якъ дунувъ—дзѣ были имхи, болоты, оржава, потопы—стало гладко, якъ яйцо, на цѣлыхъ шесь вёрстъ. Дунувъ тоды Сучкинъ сынъ—зылотэя пуговицы—усё чисто пызолоцивъ, бережки пызавороцивъ, и на битву ставъ. Схвацилиси битца. Билиси, билиси—Сучкинъ сынъ збивъ змѣю три гыловы, а змѣй яго по колѣны ў зямлю увогнавъ. Тоды Сучкинъ сынъ говориць: «полядзи, вунъ жонка йдзéць ды сквырыць!» Отвярнувся змѣй, а Иванъ якъ свиснецъ—ще двѣ гыловы збивъ. Змѣй тоды говóриць: «слухай, Сучкинъ сынъ—зылотэя пуговицы: цари, кыроли бъютца, а й то отдыхъ мѣюць; а мы скольки бъёмся и ня 'тдыхаемъ?» А Иванъ говориць: «цари, кыроли на коняхъ зьѣзжаютца, а насъ съ тобой чортъ знёсъ!» Ды якъ свиснецъ ляской—послѣднюю головў збивъ! Убивши змѣя, ёнъ пособравъ головы ды на осинывыхъ дровахъ попаливъ, а попялъ на быстру рѣчку пусцивъ. Тоды пошовъ домовъ, узбудзивъ царицыныго сына: «топи-тку ты печь, а я трошку отдыхну!» Ёнъ лёгъ спаць, а царицынъ сынъ усяго навариъ, нажаривъ. Якъ ставъ дзень, приходзиць калавурный домовъ. Иванъ уставъ и пытаець: «ну, што, ци ня чувъ чаго, ци ня бывъ якей шумъ и крикъ?»—Нѣ, ня чувъ ничóго; ня было ниякого шуму, усё было спокойно!.. Ну, сѣли яны, побѣдали, и стали ждаць вечара. Увечари приходзит-

*) Встрѣча съ змѣемъ разсказывается и такъ: Подъѣхавъ змѣй съ того боку къ мосту и спрашуя: „хто тутъ ё?"—Иванъ Кристофоръ. А ты хто?—„А я змѣй трохголовый. Ну што ты пришовъ битца ай миритца?"—Нѣ нячистая сила, я пришовъ ня миритца, а битца.—„Ну, пераходь ко мнѣ!"—Нѣ, нячистая сила: ты на конѣ, ты пераходь!.. Тольки змѣй узъѣхавъ на мостъ, мостъ увогнувся и вода поняла по косточкп коню. Перађхавши, стали битца. (У шестиглаваго змѣя вода поняла мостъ коню по колѣно, а у двѣнадцатиглаваго—по пузо.)

**) Трупъ на ковалки порубавъ и у рѣчку покидавъ, а головы и коня подъ мостъ сховавъ.

ца ици на калиновый мостъ Сучкину сыну. Собрався ёнъ ици, и кажецъ братамъ: «ну, братцы, вотъ я иду, а вы ня спице усю ночь, а то мнѣ будзецъ дужо трудно!» —Якъ жа-жъ мы будземъ вѣдыць, што табѣ трудно?—«А я дамъ вамъ знакъ вотъ якѐй: у стóлю уткну ножъ, а на столѣ пыставлю стаканъ зъ водою. Якъ тольки канпецъ кровъ изъ ножика ў стаканъ, дыкъ вы убирайцесь и ѣдзьце ко мнѣ якъ можно скорѣй!» Здѣлавши такъ, Сучкинъ сынъ пошовъ на калинывъ мостъ. А браты засѣли у карты йграць. Играли, йграли—якъ тольки подъ повночь, спаць захоцѣли. Яны ящо пойграли, и заснули крѣпкимъ сномъ. А Сучкинъ сынъ ходзиць ли калинывa моста. У самýю повночь прилетаецъ дванатцыциглавый змѣй. *)—«Ну, што, Сучкинъ сынъ—зылотэя пуговицы, на чужую сторонý своѐ косьци принёсъ? Будзецъ мнѣ чимъ побѣдаць!»—Пыгодзи, нячистая сила: ще можа ўдависься!—«Ды нѣ, я табѣ ня здамъ! Ты думаешъ, што братовъ моихъ забивъ, дыкъ и мяне забъѐшъ? Нѣ, вотъ я цябе сичасъ убъю!»—Ну, што-жъ? Давай помѣряемся!—«Дми токъ!» кричиць змѣй. —У цябе дванатцыць рылъ, а ў мяне одно: ты и дми!.. Тоды змѣй якъ дунувъ—дзѣ были имхи, болоты, оржавы, потопы,—стало гладко, якъ яйцо, на дванатцыць вёрстъ. Сучкинъ сынъ якъ дунувъ—усё пызолоцивъ, бережки пызавороцивъ и на битву ставъ. Схвацилиси битца. Билиси, билиси.... Иванъ збивъ три гыловы змѣю, а змѣй яго по косточки ў зямлю увогнавъ. Тоды змѣй говóриць: «цари, кыроли бъютца, а й то отдыхъ мѣюць, а мы скольки бъёмся, а не отдыхаемъ?»—Цари, кыроли на коняхъ зьѣзжаютца, а насъ съ тобой чортъ знёсъ!.. Ды якъ свиснецъ—збивъ ящо три гыловы, а змѣй яго по колѣны у зямлю ўбивъ. Тоды Сучкинъ сынъ говóриць: «полядзитка, вунъ жонка твоя йдзéць и сквырицъ!» Змѣй обярнувся, а Сучкинъ сынъ схапивъ шапку ды якъ пусциць у хату, дзѣ спали яго братъг—крышу ўсю збивъ, а товариши спяць. А кровъ изъ стакана чéрезъ полилáсь на столъ. Стали узновъ битца. Билиси, билиси... Змѣй кажецъ: «дай отдыхнуць, якъ волосу згорѣць!»—Ну, отдыхай!.. Покуль змѣй вырвавъ волосъ ды спаливъ, дыкъ Иванъ знявъ сапогъ зъ ноги и пусцивъ у хату—такъ верхній вянецъ и збивъ. А товариши спяць... Стали узновъ битца. У змѣя, покуль ёнъ отдыхавъ, силы убыло, а у Сучкиныго сына прибыло. Билиси, билиси... Збивъ Иванъ змѣю ящо три гыловы, а змѣй яго по повясъ у зямлю ўбивъ. «Стой! кричиць змѣй: дай отдыхнуць, якъ соломинкѣ згорѣць!»—Ну, отдыхай! Покуль соломинка горѣла, Иванъ знявъ другѐй сапогъ, ды якъ пусциць у хату—ўсю хату зарывъ сапогомъ. Прочхнулиси браты, бачуць кровъ черéзъ бяжиць! Сѣли скорѣй на кóній и поѣхыли. Пріѣзжаюць и къ калиныву мосту—а змѣй яго по шію у зямлю ўбивъ, а ёнъ змѣю дзесяць головъ отсѣкъ. Ну, браты якъ наскóчили, отсѣкли и послѣднія головы. Убивши змѣя, выцягнули яны Иваньку изъ зямли. Ёнъ дужо разсердзився на ихъ; хоцѣвъ ихъ забиць. Стали яны тоды проситца у яго. Ёнъ змиловався и просцивъ. Собрали яны ўси голóвы, спалили на осиныхъ дровахъ, а попялъ на быстру рѣчку пусцили **) Вотъ, ставъ тоды Сучкинъ сынъ разсказываць: «Якъ

*) *Вар.* девятиглавый. **) Вар. записан. въ м. *Обчугѣ* сѣнн. у.: Въ первую ночь ѣхала сестра змѣя, во вторую—тетка, въ третью змѣй трехголовый. Съ ними кони, псы и соколы. У моста кони зарзали, псы завыли, соколи запѣли. Сестра, тетка и змѣй спрашиваютъ: „кони моѐ дорогіе, кого вы заслышали, кого вы завидѣли? Псы моѐ дорогіе, кого вы заслышали, кого вы

ходзивъ першую ночь царицынъ сынъ, дыкъ ёнъ заснувъ, а я пришовъ и бывъ на калавури, и ўбивъ триглавыго змѣя. Якъ ходзивъ па другѣй ночѝ кухаркинъ сынъ, и ёнъ заснувъ. А я пришовъ и бывъ на калавури, и ўбивъ шасциглавыго змѣя. И ўсё гето вамъ ня ўзвящавъ. И вотъ, якъ на моёй черед*зѣ* приляцѣвъ самый старшій братъ ихъ, я и запрес цивъ вамъ *не* спаць.» Пошли яны къ хаци, а Сучкинъ сынъ и говбрицъ: «дббро! мы змяёвъ убили, а ёсь жа нѣйдзи ихныя жонки. Яны насъ могўцъ ящо загубиць! Идзице-тку вы сыстановице хату такъ, якъ яна была, а я пойду разыщу ихныхъ жонокъ!» Тые пошли къ хаци, а Сучкинъ сынъ сѣвъ ны коня и поѣхывъ. Ѣхывъ, ѣхывъ, видзиць—хатка. Ёнъ съ кыня злѣзъ, кыня поставивъ вбдали, а самъ коцикомъ обрацився, подъ вокошко подкацився, ставъ кавкыць. Вышла къ ямў баба; вышла, узяла яго на рўки и понясла у хату. Принясла и говбрицъ: «коцичакъ-котокъ, сѣренькій лобокъ! ци ня знаешъ ты, ци ня вѣдыешъ Сучкиныго сына, разбойника? Ёнъ мойго мужа забивъ. Кабъ я знала, куды ёнъ пбйдзецъ, али куды поѣдзецъ, обярнулася бъ я зялёнымъ лугомъ, и на тымъ ба лугу стояла кыровацъ. Якъ бы ўзьѣхавъ ёнъ на гетый лугъ, яму бъ зыхоцѣлося спаць, такъ што ёнъ валився-бъ съ коня. Ну, якъ бы ёнъ лёгъ на гетую кыровацъ, вѣкъ ба енъ не прочхнувся....» Коцикъ прыгъ у вокно—и выскочивъ. Тоды яна говбрицъ: «охъ, головка бѣдная! мусицъ, гето енъ бывъ, увознавъ про свою напасцъ. Ничбго жъ я ямў цяперь ня здзѣлыю!» А Сучкинъ сынъ пришовъ къ коню, сѣвъ на яго и поѣхывъ дали. Ѣхывъ, ѣхывъ енъ, видзиць опяць хатку. Поставивъ енъ кыня, самъ коцикомъ обрацився, подъ вокошко подкацився, ставъ кавкыць. Вышла къ яму баба, узяла яго на руки, понясла ў хату. Принясла и говбрицъ: «коцичакъ котокъ, сѣренькій лобокъ! ци ня чувъ ты, ци ня видзѣвъ, идзѣ тэй разбойникъ Сучкинъ сынъ? Енъ мойго мужа забивъ. Кабъ я знала, куды ёнъ пбйдзецъ, али поѣдзецъ—обярнулася бъ я зялёнымъ садомъ, у тымъ садзи была бъ яблыня съ зылотыми яблыками. Якъ бы пріѣхывъ енъ къ тому саду, *такъ* бы захоцѣвъ енъ яблыкъ. Ну, якъ бы поспытавъ енъ яблыкъ, тутъ бы ўмёръ!» Коцикъ прыгъ у вокно—и ўцёкъ. Яна й говбрицъ: «головка бѣдная! мусицъ, гето самъ енъ бывъ, и ўсё увознавъ. Цяперь ничбго я ямў ня здзѣлыю!» А Сучкинъ сынъ пришовъ къ коню, сѣвъ на яго и поѣхывъ. Ѣхывъ енъ, ѣхывъ, видзиць ящо хатку. Енъ узновъ кыня поставивъ, коцикомъ обрацився, подъ вокошко подкацився, ставъ кавкыць. Вышла баба, узяла яго на руки, понясла ў хату. Принясла и говбрицъ: «коцичакъ-котокъ, сѣренькій лобокъ! ци ня чувъ ты, ци ня видзѣвъ дзѣ Сучкиныго сына? Енъ мойго мужа забивъ. Кабъ я знала, дзѣ ёнъ знаходитца, али куды енъ поѣдзецъ, обярнулася бъ я ключавой криничкой. Якъ бы енъ яѐ увидзѣвъ, захоцѣлося бъ яму пиць. Ну якъ бы тольки выпивъ енъ тэй воды, такъ бы тойчасъ и ўмёръ!» Коцикъ прыгъ у вокно—и побѣгъ.—«Головка бѣдная! мусицъ, гето ёнъ самъ

завидѣли? Соколы мое дорогіе, кого вы заслышали, кого вы завидѣли?"—Не ты тутъ ходяинъ, а Сукинъ-сынъ!.. А Сукинъ-сынъ сказывается: „а! вы меня въ глаза ругаете!" Да какъ пальнетъ изъ лука... Въ первую и вторую ночь всѣхъ снесло стрѣлою, только осталось по одному коню, псу, соколу, а въ третью ночь—ничего не снесло. И сталъ тогда Сукинъ—сынъ биться съ змѣемъ... Мать змѣя впослѣдствіи обращается *свиньей кованой*, и гонится за Сукинымъ сыномъ, царевичемъ и кухаревичемъ.

бывъ, и ўсё мое разознавъ! Цяперь я яму̀ ничо́го ня здѣлыю!» А Сучкинъ сынъ пришовъ къ коню, сѣвъ на яго и поѣхывъ дали. Ѣхывъ, ѣхывъ ёнъ, видзиць ящо хатку. Ёнъ опяць кыня постновивъ, самъ коцикомъ обрацився, подъ вокошко подкацився, ставъ кавкыць. Вышла къ яму̀ баба, сивая, стара̀я, узяла яго на руки и понясла ў хату. Принясла и говбрицъ: «коцичакъ мой, котокъ, сѣренькій твой лобокъ! Ци ня знаешъ ты, ци ня вѣдаешъ, идзѣ тэй разбойникъ—Сучкинъ сынъ? Ёнъ мнѣ нанёсъ большую скуку: забивъ моихъ трёхъ сынковъ, якъ соколковъ. Кабъ я знала, кабъ я вѣдала, куды ёнъ пойдзецъ, али поѣдзецъ—обярнулась ба я лютэй змяёю, прожрала бъ яго и съ конёмъ разымъ!» Коцикъ прыгъ у вокошко, вокно разбивъ, и самъ уцёкъ. Баба и говбрицъ: мусиць гето ёнъ самъ бывъ! А Сучкинъ сынъ пришовъ къ коню, сѣвъ на яго и поѣхывъ къ братамъ. Отдыхнувши, сѣли яны ўси на ко́ній и поѣхыли. Ѣхыли, ѣхыли, видзюць яны зялёный лугъ. Узъѣхыли на лугъ—та́къ имъ спаць захоцѣлось! А трава—трава на лугу, дужо хорошая! Кухаркинъ сынъ и говбрицъ: «а! якъ-жа спаць хочетца! Вò, тутъ и трава добрая: пусцимъ ко̀ній своихъ, а сами трошку̀ за̀снемъ!»—Нѣ, братцы, говбрицъ Сучкинъ сынъ: якъ мы тутъ будземъ спаць? немашацьки ни кыроваци, ни не́чаго послаци. Поѣдземъ-ка дали, можа хто кыровацъ поставивъ, посцелю постлавъ!... Проѣхыли яны ящо трошку, ажны стоицъ кыровацъ. Подъѣхыли поближѣй, Сучкинъ сынъ и говбрицъ: пойду-тка я погляджу, ци крѣпка кыровацъ. Подыйшовъ къ ёй, узявъ мечъ-кладзянецъ, ды якъ свиснецъ—такъ кровъ съ кыроваци и полилась.... Разымъ усё и пропало: и лугъ, и трава, и кыровацъ. «Вотъ, видзице, братцы, якая гето кыровацъ. Гето была жонка триглавыго змѣя: яна хоцѣла загубиць насъ за свойго мужука!» Не стало имъ хоцѣтца спаць, поѣхыли яны дальше. Ѣхыли, ѣхыли, видзюць зялёный садъ. А яблыки, яблыки хорошія! Царицынъ сынъ говбрицъ: «вотъ кабъ поспытаць, што ў ихъ за смакъ?»—А вотъ, говорицъ Сучкинъ сынъ: я сичасъ ихъ поспытаю; коли смашны, и вамъ дамъ! Пошовъ ёнъ у садъ, ходзивъ, ходзивъ—усё шукавъ большея яблыни съ зылотыми яблыками. Ажны яна пысярёдъ сада. Енъ подыйшовъ, вынявъ мечъ—кладзянецъ, якъ свиснецъ—тольки кровъ полилася! Усё й пропало. И не стало имъ яблыкъ хоцѣтца. «Вотъ жа, братцы, кажецъ Сучкинъ сынъ: гето была жонка шасциглавыго змѣя. Яна хоцѣла насъ загубиць за свойго мужука!» Поѣхыли яны дальше. Ѣхыли, ѣхыли, видзюць криницу. Якъ тольки увидзѣли воду̀, такъ и захоцѣли пиць. Сучкинъ сынъ говбрицъ: «постойце, я поспытаю, ци смашная вода?» Подыйшовъ къ криницы, ажъ тамъ плаваецъ по водзѣ ку̀бочакъ. Енъ якъ сѣканёцъ по кубочку мячомъ-кладзянцомъ—тольки кровъ полилась. И ўсё пропало. И пиць ня стало хоцѣтца. «Ну, ци вѣдыеце, братцы: гето-жъ была жонка дванатцыциглавыго змѣя. Яна хоцѣла насъ загубиць за свойгб мужука! Цяперь мы побили усихъ змяиныхъ жонокъ. Вы сабѣ ѣдзьце домовъ, а я поѣду дальше!» Тые поѣхали домовъ, а Сучкинъ сынъ поѣхувъ искаць змяиную матку. Ѣхывъ ёнъ, ѣхывъ, видзиць—хатка. Зайшовъ енъ туды, ажны тамъ живецъ баба-юга. «Што, Иванъ Сучкинъ сынъ—зылотэя пуговицы, куды Богъ нясецъ?»—Такъ и такъ, бабуля: ищу змяиныя матки!.. И рызсказавъ ёй усё, якъ было. Баба-юга узяла половину соли, половину муки; замясила цѣсто, спякла три бухоны и дала Ивану: «Вотъ, Иванъ, Сучкинъ сынъ—зылотэя пуговицы! Якъ будзешъ ты ѣхыць, нанадзѣць на цябе лютая

змѣя, захочець цябе прожрацъ. А ты скажи: поѣжъ упярёдъ мою хлѣбъ-соль, а тоды ўжо ѣжъ мяне! И кинь ёй у ротъ бухонъ!..» Узявъ Сучкинъ сынъ хлѣбъ, подзякувавъ баби, и выправився дали. Ѣхывъ, ѣхывъ, ажъ видзиць, ляцицъ ны яго лютая змѣя: «ага, кажецъ: вотъ коли я цябе зьѣмъ! Ты забивъ моихъ трёхъ сынковъ, якъ соколковъ, трёхъ дочушакъ, якъ зязюлекъ!»—Ну, што: поѣжъ упярёдъ мою хлѣбъ-соль, а тоды ѣжъ и мяне!... Кинувъ ёй бухонъ хлѣба ў мялицу, а самъ давай скорѣй уцекаць. Зьѣла змѣя хлѣбъ-соль, яѐ й разобрало. А яны ня пьюцъ такѣй воды, якую пьюцъ людзи; дыкъ яна и побѣгла у свою сторону *). Тамъ было такое возяро, откуль уси яны брали воду. Вотъ яна пила, пила оттуль воду, пила—пила, выпила пыловину возяра. Тоды ўзнова погналась за Сучкинымъ сыномъ. Гналась, гналась—вотъ догоняецъ! «Ага, вотъ коли я цябе зьѣмъ! Ты забивъ трёхъ моихъ сынковъ, якъ соколковъ, трёхъ дочушакъ, якъ зязюлекъ!»—Зьѣжъ упярёдъ, кажецъ Сучкинъ сынъ, мою хлѣбъ-соль, а тоды ўжо мяне зьяси! И кинувъ ёй другій бухонъ у мялицу. Зьѣла змѣя хлѣбъ, и разобрала яѐ опяць соль. Побѣгла яна ў свою сторону, выпила усю воду у возярѣ,—тольки дзѣ-нидзѣ осталось у ямочкахъ,—и кинулась опяць за Иваномъ. Догнавши яго, змѣя разявила ужо мялицу, кабъ яго прожрацъ, а ёнъ кинувъ ёй послѣдній бухонъ: «зьѣжъ упярёдъ мою хлѣбъ-соль, тоды мяне зьяси!» Разобрала змѣю соль, побѣгла яна ўзновъ у свою сторону. Повыпила усю воду до капельки, и кинулась за Йваномъ. Вотъ, вотъ догоницъ. Видзицъ Иванъ—стоицъ кузьня. Ёнъ туды: «братцы, кажецъ: запирайце скорѣй кузьню: за мной змѣя гонитца, хочецъ мяне зьѣсь!» Тутъ сичасъ двери запёрли; коваль узявъ своѐ клещи, у пяцьдзесятъ пудовъ, и ставъ ихъ распалюваць. А тутъ и змѣя приляцѣла, и кричицъ на коваля: «подай мнѣ Сучкиныго сына! А коли не подаси, я й цябе зьѣмъ, и яго!» А коваль кажецъ: «пролижи двери, ды высунь сюды языкъ: я посаджу яго табѣ на языкъ!...» Змѣя якъ лизнула разъ—другей,—третьцій,—такъ двери и пролизала. Тольки яна высунула языкъ скрозь двери, а коваль узявъ своѐ обцуги—ды за языкъ! Схвацивъ и дзяржицъ. А другіе за молотки, ды давай змѣю биць пò голови. Прибили трошку, тоды ўзяли и ўкинули у горенъ, ды й давай у два мяхи дуць. Якъ тольки змѣя разгорѣлась, положили яѐ на кувадло и стали ўзновъ кувацъ. Узявъ тутъ и Сучкинъ сынъ молотъ у пяцьдзесятъ пудовъ. Кували яны, кували и вышовъ изъ яѐ конь **). Коваль и говòрицъ: «ну, Сучкинъ сынъ—зылотэя пуговицы! нà табѣ жменьку лёну, садзись на гетаго кыня, запалù лёнъ и ѣдзь кругомъ свѣта. Коли объѣдзешъ, покуль лёнъ згорицъ, дыкъ поѣзжай зъ Богомъ, а не объѣдзешъ—дыкъ назадъ ко мнѣ ворочáйся!» Сѣвъ Сучкинъ сынъ на коня, запаливъ жменьку лёну и поѣхывъ кругомъ свѣта. Повсвѣта не объ-

*) *Вар*. Побѣгла къ морю, напилася. **) *Вар*. „Поймали ковали змяю, скували зялѣзную соху, запрагли у яѐ змяю и дали Ивану Кристофору, штобъ пахавъ на ёй зямлю. „Да глядижъ, кажа коваль: ня смѣйся, хоть што будя смѣшное!“ Ставъ пахать Иванъ Кристофоръ. Бача ёнъ: то пень на соху, то соха на пень! Што ни дѣлавъ, ничòго не подѣлая. Ёнъ и засмѣявся. Якъ засмѣявся, дакъ змѣя за имъ. Чуть ёнъ утекъ у кузьню. Запрагли ковали опять змяю, и зновъ послали Ивана Кристофора пахать. Ставъ ёнъ пахать, бача—опять тое жъ дѣетца: то пень на соху, то соха на пень. Ну, да ёнъ якъ запустивъ соху ў зямлю, дакъ буртонъ поднимався ажъ на сажань у вышки. Довёвъ ёнъ такую борозну до мора да тамъ змяю й ўтопивъ. Такъ ёнъ отъ яѐ и ослобонився.“ На этомъ сказка оканчивается. *Гом. у.*

ѣхывъ, а лёнъ ужо згорѣвъ. Вярнувся ёнъ назадъ къ ковалю. Уложили яны коня у горенъ, стали дуць у два мяхи; разогрѣвши, стали кувать, ноги поправляць. Кува́ли, кува́ли... «Ну, садзись-ка цяперь!» Сѣвъ Сучкинъ сынъ на коня, запаливъ жменьку лёну и поѣхывъ кругомъ свѣта. Увесь свѣтъ объѣхывъ, а лёну згорѣло тольки половина жменьки. Пріѣхывъ Сучкинъ сынъ къ ковалю, ставъ дзякувать. Коваль и говбрицъ: «ну, цяперь ты ѣздзи на гетымъ кони, и нихто цябе на имъ ня подо́лѣець у битви. Ну тольки сцеряжись: будзешъ ѣхыць черезъ такое и такое мѣсто, будзець тамъ большѣй кирмашъ: глядзи, не сустана́вливайся, а то попадзесься ў плѣнъ!»... Подзякувавъ ёнъ ще разъ коваля и поѣхывъ. Ѣхывъ, ѣхывъ, видзиць—*городокъ* стоиць, а ў имъ большѣй кирмашъ, народу много. Сучкинъ сынъ и думыець: «ну, якъ жа мнѣ не сустановитца? Тутъ людзи ўсё хрисьяне. Пойду и походжу троху по рынку!» Якъ скызавъ, такъ и здзѣлывъ: кыня постновивъ, а самъ ставъ ходзиць по городку. Ходзивъ, ходзивъ—ажъ видзиць, подыходзиць къ яму старъ-старичокъ, самъ съ кокоць, борода зъ локоць, ву́сы по сажню, вочи по ложки ня видзюць ни крошки. Якъ подыйшовъ къ Сучкиному сыну, такъ ў вусы и ўмотавъ: «ага, вотъ коли я цябе задавлю! Ты забивъ моихъ трёхъ сынковъ, якъ соколковъ, трёхъ дочушакъ, якъ зязюлекъ, и жонку мою конемъ здзѣлывъ ды ѣдзешъ на ёй!» Ды такъ сциснувъ вусами, што й дыхнуць ня можно. Што тутъ робиць? Во напасы! Али-тки Сучкинъ сынъ надумався. «Ци вѣдыешъ, дзѣдъ, што я табѣ скажу? Ня губи-тка ты мяне: усё 'дно ня вѐрнешъ ты своихъ ни сыновъ, ни дочокъ, ни жон*ку*. А лучче скажи, куды ў сваты сходзиць: я за цябе высватаю ще лѣпшую жонку, чимси твоя была!» Дзѣдъ гетымъ дужо узрадывався: «ну, коли высватаешъ мнѣ дочку̀ царя Побѣгая, дзѣда Сивовая, Марью царевну, дыкъ ужо пущу. Али усётки на жонцы не дамъ ѣхыць, *такъ* идзи!» Пусцивъ ёнъ изъ вусовъ Сучкиныго сына, тэй и пошовъ. Идзець ды распытываець, идзѣ тэй царь Побѣгай, дзѣдъ Сивовай. Идзи—идзи, идзи—идзи, сустрѣчаець нѣйкаго чаловѣка. Поздоровкылиси и разговорилиси. «Хто ты такей ёсь?» —Иванъ—Сучкинъ сынъ! А цябе якъ зову́ць?—«Мяне Сямёнымъ. Куды жъ ты йдзешъ?» —Ды иду я къ царю Побѣгаю, дзѣду Сивоваю, ды вотъ дороги ня вѣдыю!—«Охъ, худо табѣ дойци ды яго! Тамъ дужо много собакъ, и нико́го ня подпускаюць: за три вярсты къ чаловѣку бягуць и за клиньня ирвуць!»—А хто жъ ихъ можець отыгнаць? —«Я!»—Ну, ходзи со мной!.. Ишли, ишли, видзюць ящо чаловѣка. Поздоровкылиси, разговорилиси. Сямёнъ спрашыець: «якъ цябе зовуць?»—Гришкомъ. А цябе?—«Мяне Сямёнымъ!»—Куды-жъ вы йдзецё?—«Къ царю Побѣгаю, дзѣду Сивоваю у сваты.»—Ну, якъ вы прийдзеце къ яму, ёнъ упярёдъ зы ўсяго пошлець васъ у лазьню помытца. А ў тую лазьню нихто ня можець увыйци: ящо якъ подходзишъ, дыкъ за три вярсты волосы скврярутца. «А хто-жъ яѐ можець отушиць?»—Я!—«Ну, ходзи зъ нами!» Пошли ўтроихъ. Ишли, ишли, видзюць ящо чаловѣка. Поздоровкылиси, разговорилиси. Звали яго Иваномъ. «*Послѣ* лазьни, кажець Иванъ, дадуць вамъ пиць и ѣсь: кабъ усё поѣли, што енъ отъ дванатцыци годовъ собираець—повные свирны съ хлѣбомъ, повные скляны съ пицьцёмъ!»...—А хто-жъ гето можець здзѣлыць? спрашыець Гришка. —«Я!»—Ну, ходзи зъ нами! Пошли ўчецьвярыхъ. Ишли, ишли, видзюць ящо чаловѣка—Мирькуху. Поздоровкылиси, разговорилиси. Мирькуха и говбрицъ: «Послѣ объ-

да вывядуць ихъ вамъ усихъ узнавацъ, которая старшая. Вы й не спознаеце, бы яны ўси одного лица!»—А хто жъ яѐ можецъ спознацъ? спрашыецъ Иванъ.—«Я!»—Ну, ходзи зъ нами! И пошли ўпяцярыхъ. Ишли, ишли, стали подходзиць къ царю Побѣгаю, дзѣду Сивоваю. Ажъ, ящо за три варсты прибѣгли собаки и стали за клиньня ирвацъ. Сучкинъ сынъ и говбрицъ: «ну, хто обирався уцишиць ихъ?» Сяменъ кажецъ: я! Ды ўзявъ, собакъ половивъ, ды хвосты позвязáвъ, ды ўсихъ сабѣ на плячо усклавъ и понёсъ къ царю Побѣгаю, дзѣду Сивоваю. Пришли къ царю. Ёнъ и говорицъ: «ну, вѣрно табѣ ўзяць мою дочку! Идзице-тка жъ помыйцесь у лазьни, а то вы подорожные людзи, можа нѣчись якая зыбрáлася!» Яны й пошли. Якъ тольки стали подходзиць къ лазьни,—ящо не дыходзя варсты три, стало жарко. Сучкинъ сынъ и говбрицъ: «ну, хто обирався отушиць лазьню?» Гришка кажецъ: я! Ды якъ дунецъ—у лазьни увесь жаръ пропавъ, стала ажны инія! Вярнулись яны къ царю Побѣгаю, дзѣду Сивоваю, и говорюць: «зачимъ ты насъ обманувъ? Пришли мы ў лазьню, а тамъ ня тольки духъ—а ажны печка ўся заинѣла!» Царь и говорицъ: «ну, вѣрно, табѣ ўзяць мою дочку! Ну, ходзице жъ, зъ дороги подкряпицесь!» Вялѣвъ имъ подацъ ѣдзеньня—пиценьня, што отъ дванатцыци годовъ собравъ. «Ну, коли ўсё пададзёное поѣсьцё, попъецё, дыкъ отдамъ дочку!» Стали яны пиць—ѣсь: наѣлиси, поўпилиси, а ни однэй бочки ня выпили. Сучкинъ сынъ и говбрицъ: «а хто обирався усё попиць—поѣсь?» Иванъ кажецъ: я! Ды якъ ставъ обручи збивацъ зъ бочакъ ды пиць! Ѣсь ды пъёцъ, ѣсь ды пъёцъ. А пивъ ёнъ бочку горѣлки такъ усё 'дно, якъ простэй чаловѣкъ лыжку воды! Усё попивъ, усё поѣвъ, ды ящо кричиць: мало! ще больше подайце!—«Ну, говорицъ тоды царь: дзѣлыць нечаго: отдамъ табѣ дочку, тольки ўгадай, которая старшая!» И вывевъ усихъ дванатцыць дочокъ: ўси ровныя и зъ лица, и зъ росту. Сучкинъ сынъ и говорицъ: «ну, хто обирався спызнацъ, идзи!» Мирькуха говбрицъ: я! Пройшовъ кылы ихъ разъ, другей, третьцій, ды ўзявъ одну за руку и говорицъ: вô яна! Сказали царю. Ёнъ приходзицъ: «ну, мылодзецъ ты, Сучкинъ сынъ—зылотэя пуговицы! Скольки ў мяне ни сватали—вотъ ужо дванатцыць годовъ—ну нихто ня змогъ яѐ высватацъ!» Ставъ Побѣгай, дзѣдъ Сивовай, готовитца къ вясельлю. И не ставъ такъ готовиць посвбяму, али ставъ готовиць понаську, почаловѣччы. Ну, згуляли яны вясельля, бацька бласловивъ нявѣсту и отправивъ яѐ съ Сучкинымъ сыномъ.

Пошли яны. Ишли—ишли, ишли—ишли, стала яна говорйць: «скажи, мой милый другъ: за кого ты мяне высватавъ—ци за сябе, ци ще за кого?» Ёнъ кажецъ: «нѣ, не за сябе, а за дзѣда сиваго, што самъ съ кокоць, борода зъ локоць, вусы по сажню, вочи по ложки, ня видзюць ни крôшки!» Якъ сказавъ ёнъ ей гето, дужо яна сосмуцилась. Пройшли трошку—яна обярнулася мѣсячкомъ, и давай уцекацъ. Сучкинъ сынъ—*зылотэя пуговицы* обярнувся *зоричкой*, и догнавъ яѐ. Тоды яна обярнулась лябёдкой и стала ўцекацъ; а ёнъ обярнувся соколомъ, и догнавъ яѐ. Тоды яна обярнулась рысьсю и побѣгла ўцекацъ; а ёнъ обярнувся шѣрымъ вбвкомъ, и узновъ яѐ не пусцивъ. Тоды ўжо пошли яны къ дзѣду. Приходзюць къ яму, а ёнъ кажецъ: «а хто цябе вѣдыецъ, за кого ты яѐ высватавъ: можа не за мяне! Коли ты отъ щираго серца сватавъ за мяне, дыкъ перяйдзи черезъ гету пропасъ по спружи-

ни!» Сучкинъ сынъ перяксцився и пошовъ черезъ, и перяйшовъ.—«Ну, ты, дзѣвочка! Можа ты будзешъ на другихъ заглядатца, а мной гордувацъ? Перяйдзи-тка й ты!» Перяксцилася яна и пошла, и такъ жа само перяйшла черезъ пропасъ по спружини. Тоды Сучкинъ сынъ и Марья царевна говорюць яму: «ну, мы перяйшли: мы ни ў чимъ ня винны проци цябе. Перяйдзи-ка ты: можа и ты тутъ знайшовъ сабѣ другую, можа на кого заглядȧвся!»—Куды мнѣ заглядȧтца на другихъ! я ўжо старъ чаловѣкъ! —«Ничо́го: съ старыхъ усяго бываецъ! Идзи-ка, йдзи!..» Тольки ёнъ ставъ ици, а спрунжина дрыганулася—ёнъ и полящѣвъ у пропасъ! И косточки яго тамъ разсыпалисъ!

Знайшовъ тоды Сучкинъ сынъ—зылотэя пуговицы свойго кыня, што отобравъ гетый дзѣдъ, пожанилиси яны зъ Марьей царевной, и стали жиць ды поживаць, ды добра наживаць....

Д. Черногостье, сѣнн. у. Кр—нъ Тимофей Синкевичъ.

Сходныя съ настоящею сказки помѣщены у Худякова в. II № 46 (Иванъ кошкинъ, Иванъ дѣвкинъ, Ив. царицынъ) и у Афанасьева в. II № 30, в. III № 2 (эта же и въ сборникѣ Дмитріева) в. V № 54, в. VII № 3 и в. VIII № 2 и д. Сказка въ редакціи г. Худякова очень кратка (3 странички). Наиболѣе полны: № 3 в. VII и № 2 в. VIII Афан. (Иванъ Быковичъ, Буря богатырь, Иванъ—Коровій сынъ.) См. также Чубинск. 167, 252. Садовн. 1,133

16. Удовинъ сынъ.

Вотъ была сабѣ удова. И мѣла яна сабѣ мальчишачку малéнькаго, можа—такъ годы три ци чатыре. И жила яна у большой гóрасци (горести), што у яѐ пропитацъ души своѐ нéчимъ, а не то, што пропитацъ мальчишку етаго. Пóплечь изъ ёй живъ большій купецъ. И ў етаго купца живъ сынишка. И выбѣгавъ етый купцовъ сынъ къ удовȉному гулянь; выбягуць вобѣ на вулицу и гуляюць. Разъ удовȉнъ сынъ и кажецъ: якъ ба я такую пищъ примавъ, якую ты, дакъ бо я Чуду-Юду звоевавъ, сонца-мѣсикъ отобравъ и на небеса пусцивъ. Етый хлопчикъ, купецкій сынъ, побѣгъ двору, и рассказавъ свойму бацьку: вотъ, татка: удовȉнъ сынъ говóрицъ, што якъ ба я, каецъ, такую пищъ примавъ, якую ты, дакъ ба я Чуду-Юду звоевавъ, сонца-мѣсикъ отобравъ и на небеса пусцивъ! Етый купецъ посылаецъ свойго сынишку на вулицу, и приказаваецъ етому сынишку, кабъ ёнъ гукнувъ етаго удовȉнаго сына и кабъ подвевъ яго такъ, штобъ тэй етыя бъ самыя слóвы переказавъ, кабъ самъ купецъ почувъ. Етый купецкій сынъ выбѣгаецъ на вулицу, подбѣгаецъ подъ вокошко и говóрицъ удовиному сыну: ходзи на вулицу гулянь! А енъ отвѣщаецъ: што мнѣ ици на вулицу гулянь, коли я ѣсць хóчу! Купецкій сынъ говорицъ: ходзи тольки на вулицу гулянь со мной, я табѣ и хлѣба принясу! Вотъ ёнъ выбѣгаецъ на вулицу, и тэй выносицъ яму скибочку хлѣба, можецъ, такъ, разовъ пяцъ укусицъ. Удовȉнъ сынъ укусивъ, тоды купецкій сынъ и требуецъ у яго етыхъ самыхъ рячей. «Скажи-ка ты мнѣ, што ты мнѣ говоривъ спрéжда: што ты можашъ Чуду-Юду звоевацъ и сонца-мѣсикъ отобрацъ.» Бацька яго стоицъ у воротахъ и еты рѣчи слышицъ: ци собственно ёнъ будзецъ говорицъ правду, или нѣ? Етый удовȉнъ сынъ перевярнувся туды-сюды и во ўси четыри стороны глянувъ, ци нема кого, кабъ нихто больше ня чувъ, помимо етаго хлопчишки, и кажецъ: «што я, кажецъ, у чора говоривъ? Што я, якъ ба такую пищъ

принимавъ, якую ты у свойго бацьки, то бъ я собственно, собственно Чуду-Юду звоевавъ!» А купецъ етый, стоючи у воротахъ, еты рѣчи чуецъ, што ёнъ, собственно, говбрицъ правду. Такъ сичасъ бярѐцъ етаго Удовина сына къ сабѣ ў домъ, и продзерживъ яго шесцяро сутокъ, и старявся яго годувацъ якъ ба получьче. Такъ продзерживъ шесцъ сутокъ и пишецъ до царя: «што вотъ, Удовинъ сынъ у такихъ то и такихъ лѣтахъ—што яму беспремѣнно дзѣетца уже годовъ пяцъ—и енъ бярѐтца своимъ собственнымъ языкомъ, што Чуду-Юду звоюю!» Царь приписаваецъ къ яму, кабъ енъ у три часы бывъ къ яму̀, етый самый Удовинъ сынъ. Сичасъ запрягали пару лошадзей, узялѝ етаго Удовѝнаго сына, и потащили. Привязли къ царю. Царь спрашыецъ: чимъ цябе питацъ, Удовинъ сынъ? А ёнъ отказуецъ царю, што надо мяне три годы кормицъ воловымъ мбзокомъ (мозгомъ). Ну, и могли воловъ доставляцъ и рѣзацъ, и мбзокъ яму готовицъ. И ў етаго у царя бывъ ящо тожъ сынишка. Подзержали яны яго, етымъ воловымъ мозокомъ прокормили, тоды Удовинъ сынъ и подмовляецъ етаго царьскаго сына съ собой у товариши. Подговаруецъ ёнъ царьскаго сына съ собой у товариши и говбрицъ: скажи ты отцу, нехай енъ приставицъ купецкаго сына,—нехай ба енъ бывъ изъ нами у товаришахъ. Етый царьскій сынъ сказавъ свойму отцу: што потребуйце купецкаго сына вотъ изъ такого и такого города! У царя етому дзѣятца ня довго: сичасъ написа̀ли бумагу и послали къ купцу, кабъ енъ выславъ свойго сына. А купецъ етому не радъ, сына высылацъ ня хочецъ; тольки исъ царемъ ничого нельзя подзѣлацъ: ето не съ такимъ человѣкомъ. Етаго сына свойго ўзявъ и отправивъ. Тоды ёнъ, Удовинъ сынъ, и кажецъ: «скажи-тка ты, кажецъ, свойму отцу, кабъ енъ скувавъ мнѣ хуцъ небольшѐнькую палочку, кабъ мнѣ можно было̀ по городу пройци, а то я собакъ боюсь. Хуцъ небольшѐнькую: пудзиковъ дванатцацъ.» А купецкій сынъ кажецъ: а мнѣ, кажецъ, два пу̀ды! А царьскій кажецъ: а мнѣ три, я сабѣ скую. Доложили царю. Царь приказавъ ковалёмъ, кабъ яны скували Удовиному сыну дванатцацъ пудовъ палку, и вочаньня крѣпкую. А купецкому сыну два пуды, а царьскому три пуды. Ковали етые, много-довго ня думаючи, скували имъ. Удовинъ сынъ получивъ отъ ковалёвъ палку ету и зъ руки на руку перякинувъ, такъ и сказуваецъ: ня можно зъ естой палкой и за вороты выйци нику̀ды, бо ета палка несподзёжная (ненадежная). И выходзицъ енъ зъ естой палкой на городъ на Карачовъ зъ естыми съ своими товаришами, съ царьскимъ сыномъ и купецкимъ. Пусцивъ енъ ету палку ўгору̀. Пробыла яна ўгбри три минуты и ляцицъ назадъ. Енъ выставивъ ногу̀ вотъ такимъ то родомъ, *) подогнувшись. Яна якъ ляцѣла изгоры, ударилась объ колѣно, и перяломилась пополамъ. Такъ енъ уставъ и дужо ставъ сярдзитъ на царя. И сказуецъ ёнъ царьскому сыну: «не прикажешъ ты свойму отцу, кабъ енъ ня дзѣлавъ обману мнѣ! Кабъ енъ приказавъ кузняцомъ, што якъ ба найлучьчай скували, покрѣпче. Ну якъ етакъ яны будуцъ кувацъ, дакъ мы ўси помрёмъ: и вы, и я. Вотъ ты скажи свойму отцу, штобъ енъ приказавъ кузняцомъ скувацъ мнѣ шастнатцацъ пудовъ палку, якъ можно покрѣпче!» А царьскій сынъ сказуецъ: а мнѣ пяцъ пудовъ! А купецкій сынъ сказуецъ: а мнѣ три пуды. Перемяню и я свою!.. И царь етому тожъ не спокоенъ, што ковали дзѣлаюцъ такую-то подлосцъ дзѣли етакихъ людзей подорож-

*) Сказанникъ дѣлаетъ соотвѣтственное тѣлодвиженіе.

ныхъ. И приказуець имъ: «што якъ будзеце кувацъ, кабъ не беспечалилися, кабъ кували крѣпко, а то я вамъ, ковали, посымаю головы, бо мнѣ етыя людзи дорого стоюць!» Кувацъ яны начинали, скували у три часы етыя штуки. Тоды Удовинъ сынъ получивъ свою отъ ковалевъ палку, и выходзиць на тое на самое мѣсто, гдзѣ пускавъ тую палку пярѐдошнюю, и пусцивъ яѐ тожъ подъ небяса. Ета палка яго пробыла три часы ўгорѣ. Наставивъ енъ ладонь правую,—ета палка якъ ляцѣла згоры, ударилася объ ладонь—перялюмилася пополамъ! Етый Удовинъ сынъ безъ конца ставъ скушанъ: што мнѣ нельзя нику̀ды и выйци! И самъ идзѐць налишно къ царю и сказуець: «коли вы хочеце дзержацъ мяне на свѣци, дакъ вы мяне дзяржице, и не дзѣлайце мнѣ ниякаго обману, што мнѣ ня можно выйци и за вороты. Прикажице вы мѣдзьникамъ, которые мѣдзь плавюць—котлы али звоны—нехай нальлюць мнѣ булаву мѣдную у дватцаць пяць пудовъ, кабъ яна была крѣпкая, хорошая!» А царскій сынъ говориць: «мнѣ нехай восемъ пудовъ сольлюць.» А купецкій сказуець: «мнѣ нехай шесць пудовъ: нехай у насъ усихъ буду̀ць одностайныя булавы етыя!» Етые мѣдзьники, довго ня думаючи, злилѝ ихъ у чатыри часы, и надзѣютца етые мѣдзьники, што тутъ уже подлосци нема ниякей. Такъ етый Удовинъ сынъ получивъ ету бу̀лаву отъ мѣдзьниковъ, сичасъ зъ руки на руку̀ перякинувъ яѐ, и такъ самъ ставъ, якъ слово, вясёлъ, што ета штука-то по яго мышленьню здзѣлана. И выходзиць енъ на городъ на Карачовъ и пускаець яе подъ небяса. Залетаець яна за болоки. Ходзивъ енъ трое судокъ по городу, ждавъ етыя своѐ булавы. На третьція судки, у первымъ часу, пришовъ на ето на самое мѣсто и выставивъ свою голову̀. Такъ яна якъ ляциць—и ўдарилася объ лысину объ яго, объ лобъ,—и покацилася. Та́къ енъ радъ ставъ! Тоды кажець на товаришовъ: идзице-тка вы, товариши моѐ, прощайцесь-ка вы съ своимъ родомъ,—по̀йдземъ-ка мы ў бѣлый свѣтъ. Царскій сынъ пошовъ къ бацькомъ къ своимъ, попрощався, узявъ троху гро̀шей исъ собой, помолились Богу, и идуць у пуць, у дорогу. А купецкій сынъ кажець: чаа мнѣ йци къ своимъ бацькомъ прощатца, коли я разъ попрощався и выбрався соўсимъ! Помолёмшись Богу и пошли. Ишли яны, ишли, ишли, ишли, пройшли одно царство, али два,—подходзюць яны подъ поганый цмокъ. Мѣетца сподзёжу етый Удовинъ сынъ, што тутоцьки енъ недалёко проживаець, Чудо-Юда. Такъ етый Удовѝнъ сынъ хочець промижъ—со̀бку ўзнацъ, ци много у ихъ силы, ци можно на ихъ дзѣ-нѐбудзь сподзёжу ма́ицъ. Такъ и заставляець купецкаго сына: нутка, кажець: кинь-ка ты свою булаву, кажець. Купецкій сынъ якъ кинувъ,—дыкъ яна заляцѣла на восемдзесятъ дзвѣ вярсты. Тоды каець: нутка ты, царскій сынъ! нутка и ты кинь! Царскій сынъ якъ кинувъ, дакъ яна заляцѣла на сто дватцаць вёрстъ. А Удовинъ сынъ кажець: вотъ жа цяперь я свою кину,—будземъ ици сощипя руки. Удовинъ сынъ свою якъ бросивъ, дакъ яна заляцѣла у поганый цмокъ, идзѣ проживаець етый самый Чудо-Юда. Вотъ яны якъ ицицъ, дакъ ицицъ, якъ ицицъ, дакъ ицицъ дорогою,—находзюць купецкаго сына палку. Тоды кажуць: хвала табѣ, Божа, што мы найшли ету свою булаву: будзець чимъ хуць отъ собаки отмахнутца, идучи по дорози! Идуць яны утроихъ да́ляй по дорози. Удовинъ сынъ и сказуець: «ахъ, братцы моѐ, каець: нуце-тка мы старятца ицицъ поскорѣя!» Ну, яны ишли, можець, судки, найшли царскаго сына булаву. Подняли яѐ и кажуць: хвала табѣ, Божа: бу-

дзець чимъ отъ собакъ отмахнутца, идучи по дорози. Пошли яны дорогою, прошли двое судокъ,—подняли Удовиннаго сына бўлаву: пришли, значитца, у поганый цмокъ. Тоды енъ у ихъ, у товаришовъ своихъ, и спрашуецъ: што ба мы, рабяты, здзѣлали? кажецъ. Наняли бъ мы сабѣ дзѣ-нибўдзь хвацеру, да кабъ у боку, кабъ насъ мало хто знавъ тута! И нанимали яны сабѣ ў концы города: промижды ковалёвъ хатка была. Тамъ жила ў той хатцы бобылка, такъ яны у яѐ давай просѝтца перяночавацъ судки, алибо двоя. А яна отвѣщаецъ: «я бъ рада васъ пусцицъ, дакъ моя хатка сусимъ няпригожая, малянькая!»—Да мы людзи ня пышные, и мы жъ у цябе дарма̀ ня хочемъ, а мы табѣ заплóцимъ тое, што ты у насъ запросишъ. Яна каецъ: будзьце сабѣ зъ Богомъ! И здаетца на ихъ ра́ду: што дасцё, то будзецъ и ладно! Пробыли яны судки. Отъ етой мѣсносьци, дзѣ Чудо-Юда прабываецъ, яны были у три вярсты. Потомъ енъ найшовъ хатку водали, кабъ Чудо-Юда не найшовъ на ихъ усѐй силой, затымъ, што ихъ три бра́ты, нячистыхъ, и ёнъ не сподзѣваетца помочь ихъ, разомъ усихъ. Давъ Богъ ночь. Надзѣетца Удовинъ сынъ, што будзецъ Чудо-Юда ѣхацъ по дорози; посылаецъ енъ туды, на сустрѣчу, купецкаго сына. Купецкій сынъ бярѐцъ съ собою свою булаву и отправляетца на калиновый мостъ на ночь. Прихóдзицъ туды, ставъ на мосту и самъ сабѣ думаецъ: «што мнѣ тутъ стояцъ на мосту? Якъ будзецъ хто ѣхацъ, да ўдарицъ, дакъ я тутоцьки и повалюсь. Пойду-тка я лягу подъ мостомъ подъ етымъ! Кого я буду тутъ сцярецъ?» А Ўдовѝнъ сынъ, яго выправивши, ня мѣецъ енъ сподзёжи на йго. Бяре́цъ исъ собою свою збрую, булаву свою, и отправляетца за имъ услѣдъ. Приходзицъ, становитца на мосту на етымъ, на калиновымъ. Етому ўремю позно ўвечари дзѣятца. Ѣдзецъ самый малый братъ, съ троми головами. Узъѣжжая енъ на калиновый мостъ, такъ сичасъ конь зарзавъ, хортъ забрехавъ, сóколъ защебетавъ. Енъ коня мижда вушъ якъ ударицъ ладоньню: «ты ча, травяный мѣхъ, зарзавъ? А ты, ча ты, песьсее мясо, забрехало? А ты, ястрябиное перье, чаго зацвилило? Тутъ немашъ никакаго супроцивника. Ёсць супроцивникъ на продзевятомъ царсцьви, на продзесятой зямли—Удовинъ сынъ, дакъ яго сюды воронъ косци не занясѐцъ!» А Ўдовинъ сынъ стоючи отвѣщаецъ: да ня воронъ косць заносицъ, а самъ добрый молодзецъ заходзицъ!—«А ци ты тутъ?»—Тутъ!—«Ну, што жъ будземъ дзѣлацъ: ци битца, ай миритца?»—Да не того я сюды, у свѣтъ у бѣлый, заходзивъ, кабъ миритца, а того заходзивъ, кабъ битца.—«Дми-тка жъ ты, Удовинъ сынъ, точокъ по дорози, кабъ намъ чисто було, ничого не мѣшало!»—А Ўдовинъ сынъ отвѣщая: што ты, нячистый духъ, заставляешъ мяне дуцъ точокъ: у цябе три духи, а ў мяне одзинъ. Мнѣ будзецъ ладно и такъ, и ня дувши!... Тольки етый Чудо-Юда злѣзаецъ съ кóній, а Ўдовѝнъ сынъ ня пускаецъ яму̀ ходу. Што ящо богато зь имъ ворозкатца,—махнувъ яго бўлавой, такъ яго и головы доловъ—уси три! Енъ сичасъ узявъ, языки зъ головъ повыцягавъ, усчапивъ на суровое лыко, да подъ камянь. А самъ сѣвъ на яго лошадзи и погнавъ на яго собствянную хвацеру, а хорта и сокола забивъ. Енъ ба ихъ ня бивъ, дакъ боявся, што яны нячистой сили служили, дакъ якъ ба не зрадзили адзѣ-нибўдзь. Тоды самъ на свою хвацеру, да й лёгъ спацъ. Назаўтряго, давъ Богъ дзень, приходзицъ купецкій сынъ изъ сторóжи двóру. Такъ Удовинъ сынъ спрашуецъ: ну што, братъ: якъ ты тамъ ночававъ? Можа ишовъ хто, алибо ѣхавъ хто?

А енъ отвѣщаецъ: «нѣ, братъ: простоявъ цѣлную ночь на мосту и вокомъ ня звёвъ, дакъ ня видавъ, кабъ и птушка пролядѣла: ничагухтонька ня було!» Етый Удовинъ сынъ головою кивнувъ, да самъ сабѣ й кажецъ: «ахъ, Божа мой, Божа! занёсъ я голову на сторону! Товариши моѐ плохіе!» Дождали ночи. Посылаецъ ёнъ царьскаго сына: нутка, братъ: идзи-тка ты да постаряйся получьчи, кабъ коло насъ людзи не смѣялись! Царьскій сынъ идзе́цъ и бяре́цъ свою булаву съ собой, и идзецъ на етое самое мѣсто. Такъ само и етый думаецъ сабѣ: «ето ёнъ мяне посылаецъ не напрасно! Мусицъ, енъ мѣецъ якую-не́бу́дзь надзежу, што будзецъ непріяцель якій-небудзь ици али ѣхацъ!» И большую енъ сабѣ мѣецъ заботу, объ тымъ—«чаго я пошовъ отъ отца свойго у бѣлый свѣтъ? Чаго мнѣ треба було? Коли енъ обобрався воевацъ яго, нехай ба енъ одзинъ сабѣ ишовъ, воевавъ.» Ну, наконецъ поетому треба уже ховатца и сабѣ. «Подлѣзу подъ мостокъ и лягу спацъ: што Богъ дасцъ, тое будзецъ!» А етый Удовйнъ сынъ, выправивши етаго царьскаго сына, и уклавши спацъ того, купецкаго сына, бярецъ свою булаву и отправляетца услѣдъ на тое мѣсто. Троху понаровя, позно вечаромъ, ѣдзецъ Чудо-Юда съ шасцьми головами. Узъѣжжаецъ на мостокъ, конь становитца дуба и зарзавъ, а хортъ забрехавъ, со́колъ защебетавъ. Енъ коня мижда вушъ: «ча, травяный мѣхъ, зарзавъ? А ты ча, песьсее мясо, забрехало? А ты ча, ястрябиное перье, зацвилило? Тутъ нема ниякаго супроцивника. Ёсцъ супроцивникъ на продзевятомъ царсцьви, на продзесятой зямли, Удовйнъ сынъ; дакъ яго сюды воронъ косци не занясецъ!» А енъ отвѣщаецъ: ня воронъ косцъ заносицъ, самъ добрый молодзецъ заходзицъ!—«Ци ты, каецъ, тутъ?»—А тутъ!—«Дакъ што жъ, будземъ миритца, ци битца?»—Да, я ли того сюды заходзивъ, кабъ зъ вами, нячистая сила, миритца! Я ли того йшовъ, кабъ битца!—«А я бъ совѣтовавъ ба табѣ, Удовинъ сынъ, кабъ ты со мной помирився: табѣ бъ було во́чанья ле́хше, а то я цябе убью, усё ро́вно.»—А мнѣ у́сё ровно помирацъ! Коли помирацъ, дакъ помирацъ. Усе 'дно: смерцъ одна.—«Ну, якъ ты сподзѣваесься помирацъ, дми-тка ты напе́рво токъ!» А У́довйнъ сынъ отвѣщаецъ: якъ я мужикъ, дакъ мнѣ по смяцьцю будзецъ ладно, а якъ ты нячистый духъ, у цябе шесцъ духовъ, дми-тка ты! У цябе одзежа даликатная, дакъ табѣ кабъ було чисто и хорошо пройци! Чудо-Юда якъ дунувъ—на дванатцацъ верстъ проду́въ, чищай, якъ мятлой вымявъ. Начинали яны битца. Бились яны повтора часа, Удовйнъ сынъ шесцъ головъ яму зрубивъ доловъ. И сичасъ, довго ня думаючи, повыцягавъ языки зъ яго головъ, зачапивъ суровымъ лыкомъ да подъ камянь. А самъ садзитца на яго лошадзей и отгоняецъ на яго хвацеру́; а хорта̀ и сокола̀ убивъ. Отправляетца къ сабѣ на хвацеру, и ложитца спацъ. Наза́утряго, давъ Богъ дзень, приходзицъ царьскій сынъ, и заспѣвъ Удовинаго сына ще на посцели и гукаецъ: «нутка, братъ товаришъ, уставай! бо на чужей сторонѣ засыпатца етакъ не́коли. Вотъ, якъ я старяюся, дакъ цѣлную ночь не спавъ, и вокомъ ня звёвъ.» А енъ, Удовинъ сынъ, отвѣщаецъ: што, братъ? ты можа задремавъ якъ не́будзь, можа пропусцивъ кого?—«Што жъ ба, братъ, я жъ ба цябе побоявся, ци што? Я жъ ба сказавъ, ци хто йшовъ, ци ѣхавъ!» Такъ Удовйнъ етый сынъ устаецъ, самъ сабѣ головой кивнувъ и говбрицъ: «ахъ, Божа мой, Божа!» Больше ня 'твясцивъ яму̀ ничо́го. Проходзицъ дзень: яны то прохаджувались, то отдыхали. Дождали ночи, такъ изъ вечара садзилися яны

у карты йграць уси ўтроихъ. Удовину сыну, ето, не до картовъ, а тольки ёнъ хочець устроиць, кабъ яны не спали цѣлную ночь ету. И якую енъ имъ игру выставлявъ—гуляць у возка. *) Прокинувъ енъ разъ изъ ими, и такъ сичасъ на ету на самую хозяйку, што у етой хатцы проживала: «выйдзи-ка ты, хозяйка, на ету ночь съ своѐ хаты: бо будзець у насъ сяѐночи беспокойство!» А на ихъ каець: «вы, говориць, свою здали черяду, дакъ вы цяперь гуляеце вясёло. Ну й гуляйце, цѣлную ночь кабъ не спали, а я пойду свою черяду здавать.» И ўторнувъ ножикъ у сцяну, и подъ ножикъ поставивъ кубокъ. «Якъ у етый кубокъ изъ ножика кровъ капнець, дакъ бярице своѐ булавы и бяжице, кольки ёсць вашія силы, ко мнѣ!» Самъ свою бўлаву узявъ и пошовъ. А яны, тольки Удовинъ сынъ вышовъ съ хаты, такъ сичасъ карты ето узялй кинули, и лягли спаць. Приходзиць Удовйнъ сынъ на тое на самое мѣсто и становитца серядзи мостка. Такъ у самую повнбчь ѣдзець Чўдо-Юда зъ дзевяцьми головами: сонца у яго ў грудзяхъ, мѣсикъ у яго уво лбѣ, звѣзды кругомъ яго. Якъ пріѣжжаець къ мостку, прямо Удовина сына палиць, пяѐчць сонцамъ, якъ огнёмъ, усё рбвно. Якъ узъѣжжавъ на мостокъ, дакъ у яго конь на колѣнки ўпавъ, сичасъ зарзавъ, хортъ забрехавъ, соколъ защебетавъ. Такъ и обясцився: Чудо-Юда! послѣдній разъ ты на мнѣ ѣдзешъ! А Чудо-Юда патаетца: «почомъ ты дббро такъ узнавъ? Тутъ нема ниякаго супроцивника. Ёсць супроцивникъ на продзевятой зямли, на продзесятомъ царсцьви, Удовинъ сынъ,—дакъ яго сюды воронъ косци не занясѐць!» А енъ говбриць: ня воронъ косць заносиць, самъ добрый молодзецъ заходзиць.—«Ну, што-жъ ты зъ мяне хочешъ, Удовинъ сынъ? Ци будземъ битца, ци миритца? Я бъ табѣ совѣтовавъ лучьче со мною помиритца, потомъ што ты со мною ще молодъ гуляць!»—Зайшовши у свѣтъ у бѣлый,—молодъ ня молодъ, а миритца ня буду: што будзець—ня будзець, помирать дакъ помирать!—«Коли ты уже задумавъ со мной битца, дакъ дми-тка ты точокъ; я ўзнаю цябе по дуцьцю, якій ты знаходзисься чаловѣкъ!» А ёнъ яму̀ отвѣщаець: мнѣ точокъ сусимъ ня треба. Якъ ты пышанъ, дакъ ты сабѣ и дми, коли привыкъ по чистымъ ходзиць. А якъ я мужикъ, дакъ мнѣ ладно будзець и по сметьцищу... Чудо-Юда якъ дунувъ—на дватцать чатыри вярсты продувъ! Удовинъ сынъ головою кивнувъ и самъ сабѣ думаець: быць жа мнѣ забитому ўже! Чудо-Юда, вылязши изъ своѐ поязды, стоиць на своимъ точку, а Ўдовинъ сынъ стоиць на ў такой земли, што ня дувши, ба Чудо-Юда яго на свой точокъ ня пускаець. И начинали яны битца. Билися, билися,—пробилися чатыри часы. И отвѣщаець Удовинъ сынъ: а што, Чудо-Юда,—цари-короли воюютца, да 'тдышку маюць: дай, отдыхнёмъ маленько! А Чудо-Юда етому и радъ: здзѣлавъ сабѣ папироску и закуривъ. А Ўдовинъ сынъ, покуль енъ завярнувшись отъ вѣтру скабочкой запаливъ ету папироску, знявъ зъ лѣвыя руки перщатку, ды якъ кинець у ету хатку, адзѣ остались товариши,—такъ съ хатки крышу и зняло усю чисто. А товариши спяць и ня чуюць ничого. И начинаюць яны зновъ битца. Билися, билися—Удовинъ сынъ подъ камянь хуваетца, кабъ трошку отдыхнуць, а Чудо-Юда камянь разбиваець и Удовина сына забиваець. Остаетца Удовинъ сынъ по колѣно у крыви. Начинали изновъ

*) Игра, требующая большого вниманія. При равныхъ игрокахъ партія можетъ продолжаться чрезвычайно долго.

дратца, и пробились яны три часы. И просиць Удовинъ сынъ Чуду-Юду опяць: Чудо-Юда! Цари-короли воюютца, и то 'тдышку маюць: дай отдыхнемъ трошку! А Чудо-Юда говориць то: «што ето ты зачинавъ со мною дратца, и дужо ты млбсенъ дзѣлаесься!»—Да ўремя жъ намъ церпиць ящѐ, каець Удовинъ сынъ. А мѣець сподзѣжу на товаришовъ, тольки энъ имъ уремя норовиць, кабъ яны проспалися. Изнявъ зъ лѣвыя руки перщатку и кинувъ у бокъ, и каець: «пущай ты мяне не бунтуешъ, бо за тобой толку нема!» А за што енъ, ето, цѝхенько кинувъ?—кабъ цмоку неўдогадъ, што енъ сабѣ товаришовъ требуець. Перщатка жъ ета якъ перяляцѣла, дакъ хатку по вокны раскопала. А яны спяць, ня чуюць! Чудо-Юда и говбриць: «давайка, будзець намъ отдыхаць, ба мы й такъ довго отдыхаемъ!» Пилиць усё яго. И начали изновъ битца. Билися, билися—Удовѝнъ сынъ по поясъ у крыви. Пробилися яны два часы—и давъ Богъ дзень. Надзѣетца ёнъ, Удовѝнъ сынъ, што уже товариши собственно проспались. И проситца у Чуды-Юды: Чудо-Юда! цари-короли воюютца, и то 'тдышку маюць: дай отдыхнемъ у третьцій разъ, а тоды уже битца будземъ до конца! Чудо-Юда здзѣлавъ папироску, а енъ знявъ зъ лѣвыя ноги чоботъ, якъ пусциць на ету саму хатку и кажець: а, няхай мнѣ хоць троху ляхчѣй станець! Якъ кинувъ—хату ету раскопало увбвся! Усхопилиси яго товариши, поглядзяць—и хаты нема, и бярвеньня плаваець по крыви—и заплакали: немашъ нашаго товариша, ня будзець и насъ! А Чудо-Юда отвѣщаець Удовину сыну: што ты, Удовѝнъ сынъ? Кйдай ты, ня кидай, дакъ ты мяне не поможе́шъ; усё ровно, табѣ не поможетца! А товариши етые узяли своѐ булавы и думаюць: дай побяжимъ! Можа ще заскочимъ—ёнъ будзець живъ. Прибѣгли къ етому цмоку, тоды цмокъ и догадався: «а, Удовѝнъ сынъ! Дакъ ты разуменъ! Якъ ба я табѣ отдышки не даваўъ, дакъ ба я давно цябе забивъ!» Махнули по три разы енъ да товариши яго, и зрубили яму дзевяць головъ. И етому дзѣятца—дзень уже большій: отогнаць яго лошадзей на хвацеру на яго нельзя ужо. Попобили яны етыхъ самыхъ лошадзей, и хорта, и сокола, и поломали поязду яго, а языки зъ головъ поповыдзергали, почапили на суровое лыко и подъ камянь подложили. Удовѝнъ жа сынъ сонца й мѣсикъ отобравъ, завярцѣвъ у папе́рку и заложивъ за пазуху. И пошли на свою хвацеру. А хозяйка ихъ поперядзила ихъ прициць у хатку у свою,—ажно хатки нема: одно бярвеньня ляжиць. Сѣла яна на бярнушкѝ и плачець: што яна рада была, што справила сабѣ хацёночку, хоць небольше́нькую, дакъ пусцила нѣйкихъ разбойниковъ, яны во й раскопали хатку мою, што и самой нейдзи прожиць! Ажъ Удовѝнъ сынъ и отвѣщаець: ня бойсь, хозяечка: я твоихъ трудовъ ня хо́чу! Вынимаець ёнъ ёй пятсотъ цалковыхъ грошій, сичасъ жа и отдае́ць ёй нà руки; а самъ идзе́ць на городъ наняць такую хвацеру, адзѣ бъ яму троху отдыхнуць. Нанявши хвацеру, яны троху ўкусили, уси ўтроихъ. Тоды енъ такъ сабѣ и думаець: и отдыхнуць то яму хочетца, и зрады боитца; и якія зрады—што мацерь яго, Чуды-Юды, большая вѣдзьма-волшебница, што яна можець напросиць съ чужихъ зямель къ сабѣ на помогу покрѣпчихъ цмоковъ, што яны могу̀ць яго розыскаць у етымъ городзи—и городъ выпалиць, и яго убиць. Перемянивъ енъ на сабѣ одзежу и пошовъ походзиць по городу у собствянный у етый домъ, адзѣ жили Чуды-Юды. Приходзиць у *воръ* и скидаетца ко́томъ, да подходзиць подъ дзвери и коло дзвярей—кавъ! При-

ходзиць мацерь етыхъ Юдовъ къ дзвярёмъ, и коцикъ етый кавкаець коло дзвярей. Яна яго узяла упусцила у горницы ў своѐ. Трошку обнoровя, приходзюць ихъ три жонки. Коцикъ етый дужо лисавъ коло ихъ: усё по ўлоньню повзаець и кланяетца имъ. Мацерь яго узяла на руки и яго гладзиць, и отвѣщаець яму: «мой ты коцичакъ! Якъ намъ цяперь прожиць однымъ? Жили кое-якъ-нибудзь, нахвацився Удовйнъ сукинъ сынъ, побивъ моихъ сыновъ усихъ трёхъ: оряшивъ мою жисцъ!» Малаго брата жонка и кажець: стой, мамъ, не печалься: мы и яго спрячемъ: будуць ѣхаць по дорози, дакъ я скинуся крыницаю, што будзець вода, дакъ ажъ кипѣць, холодна; и ли тыя крынички будзець комяга стояць—коня попоиць, и черпаха лежаць—воды налиць: конь напъетца и самимъ напитца и поѣхаць. И захочетца имъ безъ конца пиць; што двѣ варсты не доѣжжаючи до крыницы издзѣлаетца ў ихъ у роци сушъ, што прямо языки повыставивши зъ рота, будуць ѣхаць до криницы. Якъ выпъюць яны етыя воды, такъ тамъ и полопаютца!.. А другая, сяредняго брата жонка, кажець: што, можа водў яны будуць вéзци исъ собою, етакіе! А вотъ, якъ я здзѣлаю, дакъ лучьче будзець. Скинуся яблоньню при дорози, што яблочки будуць хорошія, сахарныя, красненькія. Яны якъ увидзюць, дакъ и духъ ихъ разгоритца: ето дзѣло лакомое! Якъ тольки зьядуць яблочко одно, сощипнувши, дакъ и лантушпа ихъ пополопаець!.. А самаго большаго говóриць жонка: вы говóрице усё тое, што можно оборонитца безъ вашихъ етыхъ штукъ. А вотъ якъ я здзѣлаю, дакъ безъ моѐ штуки ня мóжуць яны прожиць на свѣци. Што отъ етаго отъ городу на сто дватцаць верстъ попасу нема ниякаго ни конёмъ, ни сабѣ; дакъ я скинуся лугомъ привукраснымъ, трава будзець ядомая, и двѣ вербы будзець при дорози. Дакъ яны якъ будуць ѣхаць, захочуць коня покормиць и сами отдыхнуць. Коня жъ яны отпрягуць, да пусцюць на лугъ, а сами лягуць подъ вербами ў холодокъ. Якъ тольки лягуць подъ вербами, дакъ якъ заснуць, дакъ н на вѣкъ заснуць. А конь три разы скубнéць травы—и издохнець! А матка говорипь: «што, говориць, дзѣточки: дзѣлайце, якъ знаеце. Коли вы ихъ спрячеце, дакъ спрячеце, а не спрячеце, дакъ я постаряюсь. Скинуся свиньнёю, дакъ я у пятнатцаць вёрстъ съ конемъ ихъ проглычу!» Етый коцикъ со ўлоньня ў ихъ доловъ, да къ дзвярёмъ, да коло дзвярей стоючи—кавъ! Узяла матка, яго выпусцила вонъ. Енъ и пошовъ, куды ямў треба. Догадались яны: «вѣрно ето Удовйнъ сынъ, сукинъ сынъ, бывъ, да выслухавъ уси наши говорки!»

А Ўдовйнъ сынъ цяперятка узявъ, да сонца, мѣсикъ и звѣзды на небяса пусцивъ; затымъ што ёнъ не боитца уже зъ ихъ колѣна зрады ниякія, што енъ выслухавъ ихъ подозрѣніе усё. И давъ Богъ на дворѣ вясёлосць, видносць на свѣци и цеплосць: што мѣсичакъ у ночьчу свѣциць, у дзень совнушко грѣець. И народъ етому безъ конца ставъ радъ. А то на сто восемдзесятъ годовъ было затменіе, што ня видзѣвъ нихто ни сонца, ни мѣсика у вочи, затымъ што Чудо-Юда знявъ ихъ зъ неба и завладавъ. А коли енъ знявъ: якъ ня було Суса Христа на свѣци. Якъ Сусъ Христосъ народзився, —показавъ уси пуци, устроивъ силныхъ крѣпкихъ богатыровъ, большихъ осилковъ, кабъ были божацкія силы и божацкое ўладзѣньня, а ня дзьяволское. И Божа, Божа, сколькп народовъ тоды собирались мижъ сóбку и просили Господа Бога: хто ето здзѣлавъ, поможи Господзь тому во ўсихъ дзѣлахъ яго!

Ну, поетому Удовинъ сынъ, и царьскій, и купецкій купили сабѣ лошадзя хорошаго, заплацили яны за лошадзя триста цалковыхъ, которая лошадзь можецъ бѣчь безъ попасу сто семдзесятъ вёрстъ. А зачимъ яны выбирали такую: кабъ яна не могла повалитца безъ харчей на етый лугъ, покуль яны выбярутца на ўремя на хорошое. Набираюцъ яны пятнатцаць пудовъ сыровъ исъ собой и пятнатцаць пудовъ соли, и мѣшаюцъ яны ето ўсё ўмѣсто, кабъ якъ-якъ можно быць да забавиць яѐ, кабъ яму куды-куды ды ўцечь отъ яѐ. Поѣхали. Ѣдуць яны дорогою, доѣжжаюць до етыя крыницы; и ёнъ имъ не сказавъ ничагухтонька, што енъ чувъ у ихъ, етымъ своимъ товаришамъ. Подъѣжжаюць подъ ету крыницу, захоцѣлося имъ безъ конца воды. И енъ отвѣщаець: стойце-тка! Ваша-жъ колѣно усётки ня мужицкое: ето-жъ царьскій сынъ, а ты купецкій сынъ; а якъ я мужикъ,—пойду вамъ воды подамъ и самъ напъюся. Такъ сичасъ за ету за свою за булаву, и идзе́ць къ крыницы; а яны спрашуюць у яго: на што ты ето бяре́шъ? А енъ отвѣщаець имъ: а я перша помочу ету булаву, што гвоздзя було спижо́вое, дакъ яно отъ бойки порасшатувалось, дакъ я яго помочу! Яны жъ сабѣ думаюць, што ето ёнъ гово̀риць правду имъ; дожидаюць тыя воды, дакъ ня можуць и рѣчь проговориць. А енъ, не чаре́пая тыя воды, якъ узявъ булавой возиць по крыницы, дакъ енъ збивъ яѐ, што одна грязь да кровъ, а воды тыя и званьня нема. А яны дакъ ажъ заплакали: ты насъ хочашъ поморицъ во́вся! Али-тки досъ яны пиць хоцѣць, и поѣхали дали. Проѣхали яны зъ го́ни, *) и спрашуюць: «за што ты ето бивъ ету крыничку? Ета крыничка была привукрасная, а ты яе бивъ?»—А енъ имъ отвѣщаець: «ето ня крыничка, а ето была наша зрада!» И ѣдуць дорогой. И ето было вярстовъ у дзевяцьдзесятъ—становилася яблоня, што такія яблочки сахо́рныя, привукрасныя! Якъ подъѣжжаюць яны къ яблоньцы къ етой, дакъ прямо имъ дзѣлаетца нивѣсць яково̀—што хоцяць яны яблокъ етыхъ безъ конца. А енъ кажа: стойце-тка вы, братцы! вы тыки людзи—не со мной ровняги: я мужикъ, дакъ я знаю, якъ топоромъ сѣчь. Я яѐ ци завалю, ци якъ,—и принясу яблокъ, а вы што будзеце дзѣлаць? Узявъ булаву съ собой, и идзець. Ня ’ббивавши яблокъ, да зачавъ яѐ самую биць: збивъ яѐ, дакъ одна грязь да кровъ! Яны и стали объ етымъ скушны: «вотъ, братъ, якій ты! Жалѣешъ намъ и яблочка подаць!» Проѣхали зъ го́ни,—дось имъ хоцѣтца яблокъ тыхъ, и думаць забыли яны на ихъ. И патаюць яны у яго: «за што ты, братъ, яблонку такъ посѣкъ? И мы бъ изъ дзесятокъ сабѣ отщипнули, ще й чаловѣкъ ба якій отщипнувъ.» А енъ отвѣщаець: «ето не яблонка, а ето досада наша!» Поѣхали дальше. Подъѣжжаюць яны подъ етый подъ самый подъ лужокъ, и самихъ ихъ сонъ безъ конца клониць, и конь прямо осцѣняетца—ѣсць хочецъ. Ну Удовинъ сынъ надзѣетца на коня, што ёнъ ету залозу̀ можець перялѣзць. Такъ и кажець: стойце-тка, братцы: я пойду поляджу, ци можець конь ету траву ѣсць, ци нѣ? Бярѐць исъ собою ето булаву свою, приходзиць икъ етымъ вербамъ,—якъ узявъ етыя вербы чисциць булавой своѐй! Изъ етыхъ изъ вербовъ лужокъ той увесь посохъ и такая здзѣлалась дрягва̀, што ня можець курица пробѣчь по ѣй. И на томъ жа часу дось имъ спаць хоцѣтца. За што имъ дось спаць хоцѣтца: што немашъ при

*) Гоня, или гони—собственно полоса поля такой длины, которая позволяетъ при пахотѣ „прогнать" борозду отъ одного конца до другого; затѣмъ мѣра длины въ 60 саженъ.

ихъ духу нячистаго нијакаго. Сѣли яны и поѣхали. Доѣхали яны до станцыи, докуль конь могъ бѣчь, отпряглѝ коня и сами сѣли вячеряць. Повячеряли сами и перяночавали тамо умѣсци. Назаўтряго—давъ Богъ дзень—устали, попомылись, Богу помолились и на распрощаніе выпили по чарочцы горѣлки. Удовинъ сынъ и отказуець имъ: «што вотъ, вы, братцы, идзице сабѣ домовъ: у васъ помѣсци ёсць хорошія, бацьки ёсць. Ну якъ у мяне нема низваньня: мацерь была старая—тая ўмёрла,—я поѣду ў бѣлый свѣтъ, хоць свѣту повидаю больше.» Попрощались тые, и пошли. Запрягаець енъ ету свою добрую лошадзь и ѣдзець у пуць-дорогу.—А свякровъ ета хвацилася, што нявѣстокъ ужѐ нема на свѣци, скидаетца сама свиньнёй, и ляцицъ за имъ у догонъ. И што зъ роту у яѐ огонь пышець, а ў ноздры искры сыпюць, а въ вуши дымъ идзѐць. Набѣгаець на Ўдовѝнаго сына у дватцаць пяць вёрстъ и отвѣщаець: «у! ды ня ўцёкъ, сукинъ сынъ, Удовѝнъ сынъ! Спрятавъ моихъ сыновъ, спрятавъ моихъ нявѣстокъ, ну мяне не спрячешъ! Съ конемъ проглычу!» Ёнъ коня погоняець, кольки моцъ яго бярѐць! И довго ня думаючи, узявъ пяць пудовъ сыру и пяць пудовъ соли, якъ замахнувъ, да ёй у ротъ якъ кинець! Яна проглыцила. Проглыцёмши, пробѣгла за имъ три вярсты—распалила яѐ ета соль,—што яна ня можець за имъ бѣчь дальше. Отправляетца яна у свою крыницу, адзѣ яна жила, водỳ пиць. Й черязъ чатыри царствы яна пробѣгла. Напилась воды, сама сабѣ й думаець: нагоню опяць и зьѣмъ! И поляцѣла. Нагоняець изновъ и отвѣщаець яму: «ня ўцёкъ, сукинъ сынъ, Удовинъ сынъ! съ конемъ проглычу!» Енъ изновъ размахнувъ пяць пудовъ сыру и пяць пудовъ соли и кинувъ ёй у ротъ. Яна проглыцила и сама сабѣ думаець: ето я разнясу, проглыцёмши! Пробѣгла яна чатыри вярсты,—забралася уже теразъ пяць царствъ—и распалила яѐ ета соль. Упала яна на колѣнкахъ, сама сабѣ думаець: «пущусь опяць у свою крыницу, напьюсь и ўзновъ догоню яго.» Боитца, бачь, зрады, пиць другую водỳ, што ёнъ можа колодзязи засоливъ уси. Пробѣгла яна пяць царствовъ за повтора часа, и воды напившись, сама сабѣ и думаець: «пусциць яго? нехай сабѣ сукинъ сынъ такъ уже ѣдзець!» Сходзила домовъ; забрала яѐ жаль. Сама сабѣ обдумалася: побягў изновъ. И побѣгла. Опяць на шастомъ царсцьви догоняець яго—у доми яна пробыла шесць часовъ. И 'пяць ляцицъ и отвѣщаець яму тыя самыя рѣчи: «ня ўважу! Сямью мою разоривъ!» Напусцивъ ёнъ яѐ поближе на сябе, и ўзявъ етыхъ остальныхъ пяць пудовъ сыру и пяць пудовъ соли, да якъ пусциць ёй у ротъ!—Яна й проглыцила. И проглыцёмши, пробѣгла яна за имъ семъ вёрстъ; сабѣ думаець: разнясу!... И ўпала на колѣнкахъ, сусимъ пропадаець. Тоды и кажець: за што я могу свою душỳ такъ губиць? Отправилась опяць у свой городъ, у свою крыницу воды напитца. Напилась воды и бяжицъ за имъ опяць у здогонъ. Знаець яна собственно, што у яго больше етаго припасу нема. Зирнувъ Удовѝнъ сынъ у прозорную трубу, а яна перябѣгла уже чацьвертое царство—бяжицъ за имъ. А ў сёмымъ царсцьви стоиць кузьня на дванатцаць верстъ. И въ етой кузьни куѐць Кузьма-Дземянъ, Михайло-архáній, судзьдзя правядный, и дванатцаць молотобойцовъ. И ета кузьня зялѣзная ўся и на дванатцаць дзвярей. Енъ подъѣжжаець подъ ету кузьню и гукаець: «ахъ, Кузьма-Дземянъ и Михайло-арханій, судзьдзя правядный! порятуй мяне, Удовинаго сына!» А яны сичасъ—бахъ! уси дванатцаць дзвярей отчинили: ѣдзь и съ

конемъ сюды! Тольки ёнъ съ конемъ у кузьню ўскочивъ—сичасъ уси дзвери зачинилися. Подбѣгаецъ яна къ етой кузьни: «ахъ, Кузьма-Дземянъ и Михайло-арханій, судзьдзя правядный, пожалѣйце и мяне! Што енъ, Удовинъ сынъ, сукинъ сынъ, оряшивъ моихъ трёхъ сыновъ и трёхъ нявѣстокъ. Высобце мнѣ яго оттуль!» А яны отвѣщаюць: возьми, пролизни сцяну и выставъ сюды языкъ, дакъ мы на языкъ яго табѣ уссодзимъ: што хочешъ то зь имъ и дзѣлай! Ето мы не знали, што енъ такій душагубникъ!» Яна разъ лизнула—не бярéць; другій лизнула—не бярéць; у третьцій разъ лизнула—трошки показався языкъ. А яны грѣюць дванатцацеро клящей, и отвѣщаюць ёй: «лизьни-ка ты ящѐ, да ўсадзи морду̑ побольше, кабъ намъ можно было яго ўссадзиць!» Яна чацьвёртый разъ якъ лизнула—дакъ усю храпу ўсадзила! Яны ёй якъ уплялися етыми клящами за языкъ, горячими, якъ узяли биць у дванатцаць молотовъ, кувацъ яѐ,—збили яѐ изъ свиньни да на кобылу. «Ну, садзися, Удовинъ сынъ, на яѐ и объѣдзь кругомъ кузьни три разы, покуль згориць посконéй куль!» А Удовинъ сынъ сѣвъ на яѐ, дакъ и разу не объѣхавъ, а куль згорѣвъ увесь. Опяць яны яѐ привязали, узяли у дванатцаць молотовъ ящѐ кувацъ. Посли етаго кувàли яны яе шесць часовъ, не перестаючи̑. Тоды и каецъ Кузьма-Дземянъ: «Ну-тка, Удовинъ сынъ, сядзь, объѣдзь кругомъ кузьни три разы покуль нитка кужалёвая перягориць!» Удовинъ сынъ на яѐ—нитки половина не згорѣла, а енъ чатыри разы обляцѣвъ. Цяперь ёнъ имъ благодариць хорошо, а яны яму отвѣщаюць: што ѣдзь жа ты, Удовинъ сынъ, у такое то царство, и ёсць тамъ царь Постоялецъ, и енъ съ однымъ бокомъ, съ однымъ вокомъ, съ одною ногою, съ одною рукою, и половина головы и половина бороды. Ну ты зь имъ не закладáйся у пропуски гуляць, ня мѣй сподзежи, што кобылка ета хороша дужо.

Поѣхавъ Удовинъ сынъ исъ кузьни у такое то царство. Наѣжжаецъ на етаго царя Постоянца. Ну, етый узнавъ, што ў яго лошадзь хорошая, и хочецъ енъ, кабъ якъ-якъ да яѐ отобрацъ у яго. И давай яму пратэнцыи (претензіи) дзѣлацъ, кабъ якъ-якъ зачапиць да отобрацъ. Тоды и кажецъ: Удовинъ сынъ! давай-ка мы съ тобой у пропуски погуляемъ! Такъ Удовинъ сынъ самъ сабѣ думаецъ: «якъ? етаго ня можецъ быць, кабъ енъ на 'днэй нозѣ, ды могъ мяне выперядзиць!» Узяли, заклалися. Такія то рѣчи говорили: што коли я цябе, Удовина сына, выперяжу, то кобылка моя; а коли ты мяне выперядзишъ—царство твоё! Стали яны бѣчь у пропуски, дакъ Удовинъ сынъ три разы не скаканувъ, а царь Постоянецъ чатыри разы оббѣгъ кружкà яго. И кобылку тую й отобравъ у Вдовинаго сына. И жалко силно стало Удовиному сыну етыя кобылки. И сказуецъ ёнъ царю Постоянцу: царь Постоянецъ, якъ ба мы съ тобой положилися, кабъ табѣ ци ўплациць за кобылку, ци ўслужиць? А нъ отвѣщаецъ: «мнѣ твоя плата не нада и служба не нада, а коли ты своѐ кобылки жалѣешъ, то ёсць на продзевятомъ царсцьви, на продзесятой зéмли баба Каргóта. Што ў етыя бабы Карготы дванатцаць дочокъ, и якъ одна: и волосъ у волосъ, и голосъ у голосъ, и лицо ў лицо. Што ў яѐ коло яѐ дому на три дзесяцины щакетомъ обгорожено, на жодной щакецини сядзиць чаловѣчецкая голова, тольки на 'днэй нема; а ўсё сватники, што у сваты приходзили къ ей; дакъ высватаць ня высватаеюць, а докладъ здзѣлаюць, дакъ яна имъ голову̑ доловъ. Дакъ коли ты высватаешъ

малую дочару за мяне, дакъ кобылку во́зьмешъ тоды!» А малой дочари усяго восямнанцаць годовъ, што яна ня хочець яѐ отдаваць за яго, и яѐ узнаць ня можно. Удовинъ сынъ Богу пеpяксцився и говóриць: «пойду! Коли высватаю, дакъ высватаю, а ўсё 'дно дзѣ голову̀ положиць, дакъ положиць.» И пошовъ. Идзе́ць ёнъ дорогою,—бяжиць пò морю, якъ пò мосту, чаловѣкъ. Удовинъ сынъ кажець: добрый дзень табѣ бѣчь пò морю, якъ по мосту! А енъ отвѣщаець: добраго здоровика, Удовинъ сынъ,—куды йдзе́шъ, пуць-дорогу вядзе́шъ?—«Иду къ бабѣ Каргоци за царя за Постоянца малую дочару высватаць.»—Якъ ба ты мяне ўзявъ съ собою, дакъ ба я табѣ яѐ указавъ!—«А мнѣ етакіе бъ людзи нады бъ были!» И идуць удвохъ. Проходзили яны, идуць и зюкаюць—дорога корочѣй—находзили на Вусыню, што однымъ вусомъ дзяржиць прудъ, на двананцаць камянéй мелиць, а другій подъ небяса дзяржиць. Тоды ёнъ идзе́ць, Удовинъ сынъ и кажець: «добрый дзень табѣ, Вусыня!»—Добраго здоровика, Удовинъ сынъ! куды йдзешъ, пуць-дорогу вядзешъ?—«Иду къ бабѣ Каргоци за царя за Постоянца у сваты!»—Возьми мяне съ собой, я табѣ пригоджусь!—«А мнѣ етакіе людзи надо!» Идуць утроихъ дорогою. Ишли, ишли, ишли, ишли, ци много ци мало—пъе́ць Водопой море, пъець, допиваець, и гвалту кричиць: пиць хóчу! Подходзюць яны ўтроихъ къ яму̀ и говорюць: «добрый дзень табѣ, Водопой!»—Добраго здоровика, Удовинъ сынъ! Куды Богъ нясець? куды йдзешъ, пу̀ць-дорогу вядзешъ?—Иду къ бабѣ къ Каргоци у сваты за царя за Постоянца.»—Возьми мяне съ собой: я табѣ пригоджусь!—«Мнѣ етакіе людзи надо, пóйдземъ сабѣ!» Идуць учецьвярыхъ. Нямного проходзили—жрець Прожора колоду, и доѣдаець и гвалту кричиць: ѣсць хóчу! Отвѣщаюць яны яму ўси: дзень добрый табѣ, Прожора!—Добраго здоровика, Удовинъ сынъ! куды йдзешъ, пуць-дорогу вядзешъ?—«Иду къ бабѣ Каргоци у сваты за царя Постоянца!»—Возьми мяне съ собой, я табѣ пригоджусь.—«Мнѣ етакіе людзи и надо, пóйдземъ!» Идуць яны упяцярыхъ. Нямного проходзюць,—находзюць на Мороза. Морозъ идзець: хлопъ! хлопъ!—«Добрый дзень табѣ, Морозу!»—Добраго здоровика, Удовинъ сынъ! куды йдзешъ, пуць-дорогу вядзешъ?—«Иду къ бабѣ Каргоци у сваты за царя Постоянца!»—Безъ мяне табѣ будзець худо!—«Ну, ходзи со мной!» Идуць яны ўшесцярыхъ. Идуць, идуць—подыходзюць подъ яѐ дворъ. На щакеци на етымъ сидзяць головы, а на 'днэй щакецини нема головы. Удовинъ сынъ и кажець: во тутъ моя голова сядзець! А товариши кажуць: можа бъ и сѣла, дакъ товаришовъ богато ёсь! Кругомъ яѐ двора ворóтъ нихто ня можець узнаць, помимо етаго, што бѣгъ пó морю, якъ по мосту. Такъ сичасъ ёнъ вороты и отчинивъ. Узыйшли яны ушесцярыхъ къ бабѣ къ Каргоци. Баба ета тожъ сабѣ думаець: што ето за людзи за такіе, што нихто ня могъ узыйцѝ, а яны ўзыйшли? Такъ Удовинъ сынъ и кажець добрыдзень табѣ, баба Каргота!—Добраго здоровика, Удовинъ сынъ! Што ты ко мнѣ ходзишъ?—«Я къ табѣ ходжу, баба Каргота, у сваты за царя за Постоянца меньшаю дочару!»—Ето моѐ сваты! Тольки вотъ, ёсць у мяне склепъ пива; коли той склепъ пива попъецѐ, отдамъ дочаръ.—«А бабочка, мы пиць хочемъ! ходзи хоць по стаканьчику, по два выпъемъ!» Яна и говориць: слуги, завядзице ихъ ў склепъ! Слуги тыя повяли, да ихъ и замкнули у скляпу̀. Покуль яны, мелкота ета, пили по стаканьчику, дакъ Водопой нагнѐць бочку и пъѐць. Выпъець, тоды кулакомъ якъ ударицъ, ажъ

бочка посыпетца! Допиваець пиво и кричиць гвалту: баба Каргота! приставъ пива побольше! Отомкнули склепъ, баба ета и кажець: ну, ничого, попили! А ёсць у мяне склепъ пироговъ: поясьцѐ пироги—моѐ сваты! Удовинъ сынъ и кажець: «а бабочка, мы ѣсць хочемъ! хоць трошку зъ дороги покрѣпимся.» Тоды баба Каргота вялѣла слугамъ отомкнуць склепъ и ўпусциць Удовина сына съ усими сватами ў пироги. Покуль яны по пирогу зьѣли, а на яго й кажуць: нука ты, Прожира, постаряйся! Прожира пироги поѣвъ и сцяну проѣвъ. И гвалту кричиць: ѣсци хочу! И идуць уси съ склепу ня выпусканыя. Баба ета стала сярдзита, што яна выставляла еты штуки восемнянцаць годъ, а яны за повтора часа прибрали. Была ў яѐ лазьня зялѣзная. Вялѣла яна ету лазьню натопиць, кабъ яна стала красна, якъ сковородȁ. «Вотъ, сваты мое: дзвѣ службы сослужили, коли третьцію сослужице, ниякихъ боли службъ ня буду выставляць. Стўшице мою лазьню, пераночуеце у ёй—моѐ сваты!» Удовинъ сынъ отвѣщаець: «бабочка! мы жъ зъ дороги, дакъ давно хочемъ погрѣтца, помытца!» Вядзець яна ихъ у лазьню. Тольки Удовинъ сынъ хочець ступиць, а Морозъ кажець: стой, ня прися, а то ноги попсўешъ! Такъ Морозъ у лазьню наперядзи, хлопъ! цихенько—троху похолоднѣло; уступили яны уси ў лазьню, стало ужо вόлно. А баба Каргота сичасъ дзвери зачинила и замкнула. Морозъ тоды другій разъ—хлопъ! третьцій разъ—хлопъ! «Ну, каець: лядзице-тка, рабяты, ци можно пераночувапь ненакрывшися?»—Тольки, што ў самую красу! Пераночували. Назаўтряго баба Каргота высылаець своихъ слугъ: «отомкнице лазьню и повыкидайце скварки собакамъ, нехай собаки поядуць!» Отомкнули лазьню—идуць яны ўшесцярыхъ, одзинъ за 'днымъ, якъ дубы. Бабѣ ето дзѣлаетца грузко. «Ну, коли жъ вы ўгадаеце мою малую дочару, то вы яѐ вόзьмеце посилно; а коли не ўгадаеце, головў я вамъ ня сыму, а тáкъ пόйдзеце.» Тоды Удовинъ сынъ ставъ скучаць: ня мѣець енъ сподзежи на своихъ товаришовъ ни на вόдного. И ставъ зъ ими радзитца: што, братцы: якъ ба тутъ яѐ увознаць? А етый, што ходзивъ по морю, якъ по мосту, говориць: «э, Удовинъ сынъ! за глупосьцю ты, говориць, журисься! Требуй-ка ты яѐ поскорѣй! Я ўвознаю.» Такъ яна и вядзець за собою услѣдъ цѣлыхъ двананцацеро, и волосъ у волосъ, голосъ у голосъ, и лицо ў лицо, и плячо ў плячо: якъ ёсь, якъ одна! Стала яна наперядзѣ, за собой поставила бόльшаю, а за большай меньшаю, кабъ яны, значитца, не ўгадали, думали, што меньшая на концы стоиць. Удовинъ сынъ три разы обыйшовъ кругомъ ихъ, узнававъ. Яны яму промижъ сόбку указавали, дзѣвки, кабъ енъ бравъ ня тую. Ну, етый, што ходзивъ пό морю, якъ по мосту, кажець: досыць табѣ, Удовинъ сынъ, ходзиць! Сичасъ пошовъ да на бяремя яе, малую, да Удовиному сыну ў руки: нȁ, нȁ, кажець: дзяржи! И за етымъ яны благодаряць бабу Карготу, и зъ естою дочарью отправляютца у пуць свой. Тольки яны за вороты, дакъ Удовинъ сынъ, думавъ, што яна будзець ициць имъ улагόдьни, ажъ яна вырвалась, и за болоки сѣла. А енъ по етымъ не скучаетца ўже, а кажець: Вусыня, постаряйся-ка! Вусыня вусомъ яѐ оттуль узявъ и отдавъ ямў опяць у руки. И идуць яны ўси. И якъ который дойдзець до свойго мѣста, тамъ и останѐтца: Морозъ, дзѣ хлопавъ, тамъ по свое мѣсто и остався хлопаць, и ўси такъ. А енъ провевъ изь ёй дорогу. Приходзюць икъ етому къ царю къ Постоянцу. Царь Постоялецъ на яго кобылцы нацягавъ яму смолы, у такую

(вотъ такую) груду, съ хату, и стопивъ ету смолу усё 'дно, якъ алей—у ключъ кипиць. И положивъ дзягелйну теразъ яѐ, у родзи кладки, и посылаець яго: нутка, Удовинъ сынъ, перяйдзи-тка ты теразъ есту кладку, тоды вбзьмешъ ету свою кобылку! Етый тольки Удовинъ сынъ ступаець на былинку, а яна сичасъ уцягнула ў яѐ craляный прутъ съ аглицкія стали. Ёнъ и перяйшовъ. Тоды и отвѣщаець яму: «нутка, царь Постоялецъ! Я жъ табѣ выслуживъ уже дзвѣ службы—и я жъ мужикъ, мѣхоноша, а перяйшовъ, а ты жъ такій лёхкій! Хоць ба ўбачиць, якъ ты будзешъ ицицъ по былинцы. Ты яѐ такъ и переяскбчишъ!» Тольки енъ поступаець, царь Постоялецъ, ици, и ўходзиць посерядзи, а дзѣвка ета сичасъ прутъ етый—сморьгъ! Усмотрѣла, бачь, яго, што ёнъ сусимъ некрасивъ—ничуць, низваньня, што зь имъ жиць ня можно. Отъ ёнъ у етой самой смолѣ и затопився, што енъ самъ нацягавъ. А Ўдовинъ сынъ изъ естой дзѣвкой ожанився тамоцьки, и стався на свѣци жиць тамо, у етымъ царсцьви...

С. Тимоново, климовицк. у.

Крест. Антонъ Гончаренокъ, 38 лѣтъ, неграмотный. Ср. Афан. II, 280, III, 6, V, 118.

17. Иванъ Ивановичъ—кобылинъ сынъ.

Живъ сабѣ старикъ Мельлянъ при большой бѣдносци. Було у яго два сыны. И жили яны дужо бѣдно, ня було у ихъ ниякія скоцинки,—усяго одна курица. Дождався ёнъ ярмалковаго дня. «Што ты вѣдыешъ, моя баба?» кажа на жонку.—А што? —«Пойду я къ коршмѣ!»—А чаго табѣ, мой миляпькій, ходзиць? Кабъ у цябе гроши были, дыкъ и самъ ба чарку горэлки выпивъ и чаловѣку бъ поднесъ; а якъ няма, дыкъ нѐ зачимъ и ходзиць.—«А будуць людзи вѐсци скоцинку на базаръ, хоць я на скоцинку подзивлюся. А то ужѐ моё серца отгнило, што ня могу я зъ гора ходзиць!» Приходзя къ коршмѣ, ажъ тамъ сидзиць Савка, самый першій яго знакомый, пріяцель.—«Ци здоровъ ты, братъ Мельлянъ?»—А якъ ты сабѣ, братъ Савка, поживаешъ, крапѝся?—«А я слава Богу! Што ты, братъ, вѣдыешъ?»—А што?—«Сходзи ты, Мельлянъ, къ свойму брату; ёнъ табѣ позычиць двананцаць рублёвъ!»—Э, нѣ, кажа, братъ: ёнъ мнѣ на 'бѣдъ хлѣба ня дасць, а то дасць ёнъ мнѣ двананцаць рублёвъ!—«Нѣ, братъ, дасць, идзи!» Мельлянъ пошовъ къ брату. Приходзя: «дзень добрый!» говора.—Добраго здоровъя, братъ Мельлянъ! Ходзи, братъ обѣдаць!—«Обѣдайця на здорбвъе!» Ёнъ зъ естаго удзивляетца: што ето тутъ за штука ёсь: сидзи, бывало, дзень зъ ноччу—не позовѐ обѣдаць, а то сычасъ зовець. Ёнъ побѣдавъ. Выходзя зъ застольля, благодариць за хлѣбъ-соль. Богатый братъ и пытаетца у своѐ жонки: «што ты вѣдыешъ, моя жонка?»—А што?—«Дадзимъ мы брату рублевъ двананцаць грбшій: няхай ёнъ купя сабѣ хоць якую-нѐбудзь кобылёнку!»—А дадзимъ—сабѣ. Я бъ рада была, кабъ и енъ такъ живъ, якъ мы живёмъ. А то мы живемъ слава Богу, а енъ живѐ абы-якъ зъ дробными дзяцьмы!.. Братъ унёсъ двананцаць рублёвъ и давъ яму̀. Той узявъ гроши и благодариць: спасибо, братъ! И хоцѣвъ ици. «Постой, братъ! съ чимъ жа ты пбйдзешъ?» И нясѐць яму̀ хлѣба повбохона̀ и сала ковалочакъ на дорогу. «За гроши ты купишъ якую-небудзь шавлягу на лѣто, а ѐсь нечаго будзя!» Прихбдзя Мельлянъ домовъ; етый хлѣбъ дзяцёмъ отдавъ, а самъ такъ пошовъ.

Заходзя у коршму, ажъ той Савка (лясунъ бывъ) жджѐць яго. «А што, братъ Мельлянъ: ци давъ братъ двананцаць рублевъ?»—Давъ, каа, спасибо яму̀!—«Ну, идзи жъ ты цяперъ домовъ. Ёсь у цябе одна курочка—возьми й тую, и за́йдзешъ ко мнѣ.» Ёнъ пошовъ домовъ, узявъ ету курочку, звязавъ, и идзе. Приходзя у коршму, ажъ тамъ Савка жджe яго. «Ну, братъ Мельлянъ: якъ по́йдзешъ ты на базаръ, будуць табѣ жиды давацъ двананцаць копѣекъ за курочку. Отдай, ня торгуйся больше. А тамъ ты по́йдзешъ на базаръ ко́ній купляць. И будзя тамъ коній присилѐнно много. Ну ты туды ня йдзи. А по́даль будзя стояць одна кобыленка и коло яѐ много народу будзя стояць. И будуць за яѐ давацъ и семъ и восямъ, и дадуць, говора, и дзесяць. Ну, а двананцаць рублей нихто не дась. А ей цана двананцаць рублевъ. Дыкъ ты тоды ня подходзи, коли народу много будзя. Ну, а якъ ото́йдутца, тоды—подыйдзи. И ня торгуйся: якъ скажа двананцаць рублевъ, дакъ и дай. Ды коли купишъ, дакъ не продавай и ня мѣняй ни съ кимъ: дзяржи потуль, покуль табѣ ня треба будзя, а тоды у поля пусци!» Пошовъ Мельлянъ на базаръ, курочку подъ паху ўзявъ. Подходзя подъ городъ—идзе жидъ. «Што, Мельлянъ, продае́шъ курочку?»—Продаю!—«Што табѣ за яѐ?»—А што, говора: двананцаць копѣекъ! Жидъ, курочки ня беручи, полѣзъ у карманъ и вынявъ гроши. А тому жалко стало, хоцѣвъ ёнъ поторгуватца—зиръ на правый бокъ, ажно Савка зъ имъ по́плечь идзе. Ну, и отдавъ курицу за двананцаць копѣекъ. Узявъ енъ гроши и пошовъ къ хлѣбопечайкамъ, и купивъ за двананцаць копѣекъ булочку хлѣба. Ета перапечайка зове: Мельлянъ, Мельлянъ! ходзи я табѣ перарѣжу, можа ў цябе ножа нема!

Приходзя ёнъ на базаръ, ажъ тамъ ко́ній присиленно много, на базари, да енъ ня йдзе́ць, стоиць зда́ляку. По́сли смотрѝць--видзя, стоиць одна кобыла здали. Енъ поткнетца къ етой кобыли, ажно коло яѐ стольки народу, што й приступитца нельзя. Даюць за яѐ и семъ рублёвъ и восямъ, и дзесяць; ну двананцаць нихто ня дае, а ёй цана двананцаць рублевъ. Мельлянъ съ повчаса обождавъ, покуль народъ троху разыйшовся. Тоды приходзя: «Здрастви, братъ!»—Здрастви! тэй отвѣщая.—«Што, братъ, продаѐшъ кобылу?»—Про́даю!—«А што табѣ за яе?»—А я, братъ, скажу табѣ усю правду: мнѣ давали за яѐ и семъ рублевъ и восямъ, и дзесяць давали. Ну я меньше двананцаци ня 'тдамъ! Мельлянъ, ня беручи кобылы, выймая коваловакъ хлѣба, повбулочки: «на̀, братъ, табѣ упе́радъ хлѣба-соли! А цяперъ на̀ и двандцаць рублевъ. Хочашъ личи, хочашъ ня личи: яны уже пераличаны. Ето мнѣ братъ отдолживъ двананцаць ру́блевъ, кабъ купиць якую-небудзь шавлягу на лѣто!» Етый жа, ня беручи грошій, даѐ яму̀ пяць копѣекъ: ты ко мнѣ пришовъ съ хлѣбомъ-сольлю, а ў мяне хлѣба-соли нема, дыкъ на̀ табѣ пяць копѣекъ на поводъ!—«Ну, спасибо табѣ, братъ!» Самъ ету кобылу узявъ и повёвъ. Ве́сци, дакъ ве́сци ету кобылу по базару, выводзя яе зъ города. Сустрѣкая ёнъ свойго сусѣда, Прокопа. «Эхъ, братъ ты мой, Мельлянъ, каа: скорѣй ты вядзи моимъ собакамъ мясо! Яны дужо давно выюць, ждуць твойго мяса!» Тольки енъ зъ имъ разминувся—брыкъ ета кобылёшка со ўсихъ ногъ, и ўпала.—«Ахъ, Господзи милосьливый! хуць ба моя кобылёшка сама ўстала, хуць ба я ня просивъ людзей подымаць яѐ!» Кобылёшка покачалась зъ боку на бокъ, усхвацилась, во̀ й пошла. «Слава Богу, што моя кобыла сама ўстала!» Енъ яѐ якъ ве́сци, дакъ ве́сци, якъ ве́сци, дакъ ве́сци, якъ ве́сци, дакъ ве́сци—

обнимая яго цёмная ночь. Енъ яѐ сычасъ трошку припутавъ, и пусцивъ коло шляху: «няхай пощипля травицу!» Тольки ёнъ яѐ пусцивъ, а кобылёшка сычасъ брыкъ со ўсихъ чатырохъ ногъ, и повалилась. «Ахъ, Господзи милосьливый! хуць ба моя кобылка ўстала, хуць ба я ня просивъ людзей подымаць яе!» Яна покачалась, покачалась, и усхвацилась и пошла. «Слава Богу, што моя кобылка сама ўстала! хуць я ня просивъ людзей подымаць яе!» Разложивъ енъ сабѣ цяпелцо и заснувъ. Ци много ци мало заснувъ, ды заснувъ. Прошнувсь и говора: «ахъ, Господзи мой! гдзѣ моя, каа, кобыла?» Зиръ, зиръ кругъ сябе, а яна и ходзиць тутъ жа. Ёнъ яѐ ўзявъ, забрытавъ и пошовъ. Якъ вéсци, дакъ вéсци, якъ вéсци, дакъ вéсци,—кобылка брыкъ со ўсихъ чатырохъ ногъ, и ўпала. «Ахъ, Господзи мой милосьливый! хуць жа бъ моя кобылка сама устала!» Яна покацилась зъ боку на бокъ—устала. Походзила трошку, ёнъ яѐ и повёвъ. Вёсци, дакъ вéсци, вéсци, дакъ вéсци—то цягнувъ ёнъ яѐ, усклавши на плячо поводъ, а то уже яна яго цягня на поводзи. «Ахъ, говора: слава табѣ, Господзи, што я съ своéй кобылкой ня справлюся ици. Ну, ўже што будзя, дакъ будзя, а ўссяду вярхомъ!» Якъ уссѣвъ енъ, якъ пошла яна рысьсю, а рысьсю, рысьсю, а рысьсю, рысьсю, а рысьсю—не глядзиць ни горы, ни долѝны—валя а валя—и прiѣхавъ енъ икъ своéй коршмѣ. «Зайду я ў коршму!» думая. А пóсли обдумався: «ахъ, чаго я пойду? поѣду домовъ!» А братъ яго выходзя, и говора: «эй, братъ Мельлянъ! што жъ ты не похвалисься: што куплявъ, што продававъ?»—Эхъ, братъ! што я продавъ? одну курицу продавъ. За твоихъ двананцаць цалковыхъ сабѣ кобылку купивъ! —«Вярнись жа, хуць похвалися!» Ёнъ вярнувся. «Што ты, братъ, вѣдыешъ?»—А што?—«Ёсь у мяне двананцаць конéй: выберъ сабѣ самаго першаго коня, а мнѣ отдай свою кобылку!»—Знаешъ ты што, братъ: услучай, твой конь будзя жиць у мяне, а моя кобыла пропадзéць у цябе—ты прѝдзешъ и забярешъ сабѣ свойго коня. А ўслучай, твой конь пропадзѐць у мяне—ня будзя ў мяне ни коня, ни кобылы!—«А ето, братъ, говора, правда. Ѣдзь сабѣ, каа, зъ Богомъ!» Енъ приходзя домовъ. «Ахъ, сынки мое, сынки—соколки! Идзѣ наша давнѝна подзѣлась? Дзѣ наша сошка, дзѣ наши ляме́шики подзѣлись?» Да самъ на печь. Сынъ большiй сычасъ пошовъ, соху настроивъ, и поѣхавъ, горóдъ узоравъ. Прiѣхавъ домовъ, покормивъ яѐ трошку. Бацька прошнувся: «ахъ, сынки мое, соколки! дзѣ наша давнина подзѣлась? Дзѣ наша сошка, дзѣ наши ляме́шики подзѣлись?»—Э, татка, я ўже горóдъ узоравъ!—«А што жъ, якова кобыла?»—Слава Богу, таточка! дай Богъ намъ помéрци зъ эстакамы коньмы! Бацька сычасъ поѣхавъ, загорóдзьдзя ўзоравъ. Привёвъ яе, трошку покормивъ, самъ побѣдавъ, отдыхавъ, и поѣхавъ у поле орацъ. Ѣдзя яго сусѣдъ, Прокопъ, съ кирмашу, и говора: «вотъ, братъ ты мой, Мельлянъ! хочашъ ты, кабъ у цябе скоцина была: у мяне кольки конёвъ, кольки конёвъ, а я зъ зясны стольки ня ўзоравъ, кольки ты. А ты ўчора кобылку купивъ, и ты кольки ўзоравъ! Я зъ вясны посѣявъ пшаницу, овёсъ, а твой за ’дзинъ дзень зровнявся зъ моимъ!»—Слава Богу, што зави́дуешъ мойму жицьцю!—«Я не завидую, я правду говору!» Сычасъ яго кобылка брыкъ со ўсихъ чатырохъ ногъ и ўпала. «Ахъ, Господзи милосьливый! хуць ба моя кобылка сама ўстала!» А яна покачалася зъ боку нà боку,—устала. «Слава табѣ, Господзи, што моя кобылка сама ўстала!» Ета кобылка якъ пошла, спорнымъ шагомъ: къ одной

мяжѣ прикинувъ, къ другой ставъ прикидаць—цупъ яго кобыла, стала!—Нэ! крикнувъ ёнъ. Яна якъ хвацила—выкацила яму коцялокъ грошій. Енъ кобылу отпрогъ, за етый коцялокъ да домовъ. Посылая свойго большаго сына по дзядзьку: «Што, говора: мой сынокъ, сходзи ты по дзядзьку: няхай дзядзька къ намъ придзя!» Етый сынокъ приходзя къ дзядзьку: «дзядзька!»—А?—«Казавъ бацька, кабъ ты къ намъ пришовъ.»—А чаго я къ вамъ пойду? Што вы гроши отдасце, ци што? А жонка кажа: «а сходзи-тка, чаловѣча: можа, каа, отдадуць!» Енъ ето приходзя: «зачимъ, братъ, мяне требуешъ? Ци гроши мнѣ отдаси?»—А ўжо-жъ! Што виненъ, дакъ отдаць повиненъ. Кольки табѣ слѣдуя?—«Кольки? ци ты ня вѣдаешъ, кольки—сто цалковыхъ!» Пошовъ той у клѣць, отсчитавъ яму сто цалковыхъ, нясе. «На̀, говора, братъ, гроши!» Той гроши ўзявъ, вышовъ на дворъ: «ну, говора: хуць сто цалковыхъ, братъ, отдавъ, а кобылка, братъ, моя!»—А нѣ, што ты: ня сироци, братъ, дзяцей моихъ!—«А што мнѣ твоѐ дзѣци!»—Кольки жъ я табѣ яще виненъ?—«Яще сто цалковыхъ!» Енъ пошовъ, нясе яму яще сто цалковыхъ: изволь, братъ, гроши! Той гроши ў карманъ. Приходзя къ жонцы: «во, каа, вѣръ ты имъ, еткимъ! Цѣлую вясну зъ голоду похъ и дзяцей моривъ, а гроши блювъ. Якъ пришлось кобылу брацъ, дакъ двѣсця цалковыхъ нашовъ!»

Ну, а ёнъ зъ естой кобылой якъ жиць, дакъ жиць, якъ жиць, дакъ жиць, яна— што годъ, дакъ конь, што годъ, дакъ конь, што годъ, дакъ пунька, што годъ, дакъ хлявокъ. Сыны яго подросли, и ставъ енъ жиць якъ лучьче ня треба. Людзи посѣюць чецьверць, а ёнъ половину, а нажнець боли людзей, а намолоця удвбя. Што ня здзѣлая, дакъ усё ўдвойнѣ. Вотъ, у яго зъ естыя кобылы якъ пошло, дакъ за двананцаць годовъ яна привяла яму двананцаць коне̇й. Разъ пошовъ ёнъ у коршму. Тамъ у коршмѣ сядзиць бѣдный ста́рацъ. «Ци знаешъ што, Мельлянъ? Вотъ, колибъ ты мнѣ отдавъ свою кобылу на зиму, съ прокорму: я дровъ сабѣ подвязу печку топиць, ну можа и смольля насяку, дзёхцю выгоню: вамъ ба бъ удруживъ, и сабѣ до́бро було бъ!»—А ня вѣдаю, братъ: поговору съ сынамы! Приходзя у дворъ. «Што, мое сынки?»—А што, татка?—«Да просивъ у мяне сусѣдъ кобылы на зиму, съ прокорму: сабѣ бъ дровъ подвёзъ печку топиць, можа бъ и смольля насѣкъ, дзёхцю выгнавъ: и намъ ба удруживъ, и яму̀ до́бро бъ було!»—Бо́льшій сынъ и гово́ра: ахъ, тата, тата! Ци табѣ яще ета бясконница ня надоѣла? Цяперъ мы, слава Богу, сусимъ доволны,—а якъ мы спрежда жили? говора. Уздумай ты, каа, на Савково слово, што табѣ Савка приказавъ: штобъ дзяржавъ, поку́ль яна табѣ ня треба будзя. А ня треба будзя, пусци яѐ ў чистое поле!—«А што, моѐ сынки? Яна уже намъ ня треба, яна уже нажила насъ усимъ: и хлѣбомъ и сольлю, и одзе́жой и ѣжой, и скоцинкой и посудзинкой, и будовлей—усимъ нажила. Пусцимъ яѐ у чистое поле!» Ме́ньшій сынъ пошовъ, забрытавъ яѐ, вывявъ на горо́дъ, оброць здзѣвъ и пусцивъ. Яны обѣдаюць и въ вокно поглядаюць. Приходзюць икъ ёй двананцаць вовковъ отразу. «Ахъ, таточка: зьядуць вовки нашу кобылу!»—Ну, што жъ дзѣлаць, моѐ сынки! Зьядуць, дакъ воля Божая. Яна ужѐ нажила насъ! Вотъ, тые вовки пришли къ ёй, понюхали, понюхали, и пошли пречь. «Нѣ, татка: поживѐ ще наша кобыла—вовки пошли ўси ў лѣсъ!» Наконецъ того, приходзя икъ ёй одна вовчица, и

большая—большая, ажъ цыцки по зямлѣ бовтаютца. «Зьѣсь яѐ ета вовчица!» —Ну, зьѣсь, дакъ здѣсь, што жъ дзѣлаць: воля Божая! Ета вовчица понюхала, понюхала кобылу, и пошла у лѣсъ. Кобыла ўслѣдъ за ёй. «Вотъ жа, говòраць, таточка: пропадзѐць кобыла —пошла ўслѣдъ за вовчицай.» Вовчица, якъ пришла ў лѣсъ, сычасъ чаловѣчьчимъ шталтомъ родзила сына. Услѣдъ за ёй кобыла родзила сына чаловѣчьчимъ шталтомъ.

Гэтые сыны ростуць не по годахъ, да по часахъ, не по часахъ, да по минутахъ. Удались яны одзинъ у водзинъ: волосъ у волосъ, голосъ у голосъ. А пригожіе—однымъ словомъ, якъ кровъ зъ молокомъ. Выросли яны, и пошли сабѣ по лясу, за руки побравши. Ици, дакъ ици, ици, дакъ ици—сустракая ихъ ляcникъ—старикъ: «Здраcтви, рабяты!»—Здраcтви, старикъ!—«Вы откудова?»—Ня вѣдаемъ!—«Хто вы такіе?» —Ня вѣдаемъ!—«Якого вы сяленьня?»—Ня вѣдаемъ!—«Якія губерни?»—Ня вѣдаемъ!—«Хто ваши бацьки и мацъ?»—Ня вѣдаемъ!—«Ци хращоные вы?»—Ня вѣдаемъ!—«Ну, дòбро; ходзиця со мной!» Ёнъ узявъ ихъ да привёвъ домовъ. И говора на хозяйку: «ци знаешъ што? Я найшовъ сабѣ мальцовъ. Пытаю ў ихъ: откуль вы?—Ня вѣдаемъ. Якъ зовуць?—Ня вѣдаемъ. Ци хращоные вы?—Ня вѣдаемъ. Дакъ треба ихъ перахрисцицъ!»—Дакъ што жъ? треба, дакъ треба! Собрали кумовъ, отвяли къ попу, и перахрисцили. Попъ вовчицыному сыну давъ *имя* Романъ, а кобылиному Иванъ.

Цяперъ жа, етые мальцы стали у яго жиць. Ляcникъ выўчивъ ихъ грамоци, што самъ знавъ. Жили, жили яны, а пòсли надумалися: «што мы, братъ, тутъ будземъ жиць! Пòйдземъ сабѣ разныхъ языковъ доходзиць!» Во й пошли. Уходзюць у городъ, сустракая ихъ отразу городничій. «Вы откуль, рабяты?»—Ня вѣдаемъ! «Хто вы такіе?»—Ня вѣдаемъ!—«Хто ваши бацьки—мацъ?»—Ня вѣдаемъ!—«Ходзиця со мною!» Привёвъ ихъ у сиротское и говора дозорщику: «призирай получьче за етыми мальцами! Якъ будуць яны приниматца за грамоту, дакъ пускай у святый дзень по гòроду; а ня будуць приниматца, дакъ и ў святый дзень дзяржи!» Етые мальцы за мѣсяцъ пройшли уси ихные класы. Приходзя етый городничій узнаць про ихъ. «Што етые мальцы?» спрашуя ёнъ у дозорщика.—О, етыя мальцы дужо хорошо понимаюць! Коли бъ уси такіе мальцы, дакъ я бъ и думаць забывъ!.. Отъ, ёнъ ихъ пусцивъ на другій мѣсяцъ у городъ погуляць. Етые мальцы ходзили, ходзили по городу, посли вышли за городъ и написали таблицу. «Вотъ, братъ, говора: твоя матушка кобыла, а моя матушка—вовчица. Станя табѣ тошно да нудно, ты прихòдзь къ етому слупу; станя мнѣ тошно да нудно, я приду къ етому слупу. Ты ступай у правую сторонỳ, я пойду у лѣвую!» Кобылинъ сынъ пошовъ у правую сторону, а вовчихинъ пошовъ у лѣвую.

Етый, правой стороной, ици, дакъ ици, ици, дакъ ици, ици, дакъ ици—приходзя къ мору. Идзѐць коло мора, ажъ ляжиць морській ракъ. «Ахъ, говора, Господзи! Кольки на свѣци проживъ, не довялось мòрськаго рака побачиць, а цяперъ во, ня то, што побачу, дакъ и покушаю!» А ракъ етый отвѣщая: ахъ, говора, Иванъ Ивановичъ—Кобылинъ сынъ! Да ты мною подъѣсци не подъяси, а тольки съ свѣту перавядзѐшъ. А коли Бога боисься, лучьче ўкинь мяне ў мора: я табѣ ў лихую годзину знадоблюся! Ёнъ яго ўзявъ да ў мора и ўкинувъ. Пошовъ дальше. Ици, дакъ ици, ици, дакъ ици, ици, дакъ ици, и ўбачивъ енъ морськую рыбу. И говора: «ахъ, Господзи! кольки на свѣци проживъ, а ниразу морськія рыбы ня бачивъ, а цяперъ во довялòсь ня тольки

побачиць а й покушаць—ня разъ, а можа два и три!» А рыба яму отвѣщая: Ахъ, Иванъ Ивановичъ—Кобылинъ сынъ! Да ты мною подъяси и разъ, и два, и три, ды ўсётки усяѐ не зьяси, а тольки мяне съ свѣту перавядзѐшъ. А коли боисься Бога, дакъ лучьче возьми дручокъ да мяне у мора сопхни: я табѣ къ лихой годзини знадоблюсь! Енъ узявъ дручокъ и сопхнувъ яѐ ў мора. Пошовъ дальше. Ици, дакъ ици, ици, дакъ ици, ици, дакъ ици—ажъ стоиць хатка на куриной ножцы. Енъ у ету хатку. У етой хатцы старуха, такъ плача, такъ рыдая, што за слезами свѣту не бача. Приходзя ёнъ у хату: «Здрастви, старуха!»—Здрастви, Иванъ Ивановичъ—Кобылинъ сынъ!—«Што ты, бабка, силно плачашъ, силно рыдаяшъ?»—Ахъ, мой голубчикъ, Иванъ Ивановичъ—Кобылинъ сынъ! Якъ намъ ня плакаць, якъ намъ ня рыдаць, коли ў нашамъ царстви, ў нашамъ государстви—вѣрно ў томъ, у которомъ мы живёмъ—проявився поганый цмокъ. Етому цмоку ишла дань по цѣлому чаловѣку нà дзень, и пришла дань къ самому цару, кабъ самъ царъ свою дочаръ увобравъ, и вёзъ къ яму на зьѣжу!—«А ци скоро жъ яѐ будуць вѐзци?»—А вотъ, говора: сычасъ!—«Ну, говора, бабка: я вотъ лягу сычасъ засну трошку, а якъ будуць яѐ вѐзци, тоды мяне узбудзишъ!» И лёгъ, заснувъ. Тутъ яѐ удругъ вязуць. Ета старуха яго будзила, будзила—и била, и щипала, и што яна яму̀ ня дзѣлала—ничо́го рады не дала: спиць да й го́дзя. Дакъ што яна придумала: прихинула своѐ глазы да яму̀ у глазы, дакъ яѐ сляза да яму у вочи и капнула. Енъ прохвацився и спрашуя: ахъ, бабка: якъ ты мяне силно ўдарила!—Ахъ, Иванъ Ивановичъ—Кобылинъ сынъ! Я цябе ня тольки била, дакъ и щипала, и порола, и чаго ня дзѣлала. А ето моя сляза упала табѣ на вочи, дыкъ табѣ показалось, што я цябе ўдарила!—«Што жъ, бабка, ци повязли царевну?»—А вонъ уже коло камяня сядзиць, и тые, што привязли, поѣхали: и попы и проводничіе.—«А вотъ и мы пóйдземъ!» Сычасъ узявъ и пошовъ къ ёй. Приходзя туды: «Здрастви, царевна!»—Здрастви, Иванъ Ивановичъ—Кобылинъ сынъ!—«Ну, што, говора, душанька: присягнешъ ты мнѣ, што ты будзешъ дружина моя, а я буду другъ твой—отратую отъ смерци; ня присягнешъ—тутъ табѣ загибнуць!»—Присягну, говора, Иванъ Ивановичъ—Кобылинъ сынъ: я табѣ, а ты мнѣ. Я буду дружина твоя, а ты другъ мой.—«Присягни!»—Присягну: я буду дружина твоя, а ты другъ мой! —«Присягни!»—Присягну: я буду дружина твоя, а ты другъ мой!.. Сычасъ узявъ яѐ на улоньня, и отнёсъ за семъ вёрстъ отъ камня.—Яна яму дала на прѝсяги своѐ золотое кольцо и хусточку. Посадзивъ яѐ и говора: ну глядзи жъ, што тутъ будзя! И пошовъ икъ камню. Приходзя икъ камню, ажъ вò съ подъ камня вылазя поганый цмокъ. «А!... га!.. Што ты царевна, дакъ ты отыйшлася за семъ вёрстъ отъ камня! Да я цябе и тамъ найду, и тамъ зьѣмъ!»—Ахъ ты, поганый ты цмокъ! Да ты упяродъ мяне зьѣжъ, а тоды яѐ на закуску, якъ зайца!—«А ци тутъ ёсь Иванъ Ивановичъ—Кобылинъ сынъ?»—Ёсь.—«Што жъ, брацецъ: ци будземъ битца, ци миритца?»—Нѣ, говора, прапоганое твоѐ мясо: не на то я йшовъ, кабъ миритца, а на то, кабъ битца!—«Ну, дми поле!»—Нѣ, собачьче прапоганое мясо: не моя воля, а ты прежда дми поле!.. Енъ якъ дунувъ—на семъ верстъ лѣсу поломивъ. Иванъ Ивановичъ—Кобылинъ сынъ якъ дунувъ поле, якъ сикнувъ яму гольцу (гололедица), дакъ яму̀ и стаць ниякъ нялзя. Якъ начали битца!.. Билиси, билиси, билиси, билиси, до

тыхъ поръ, што цмокъ ни рукой, ни ногой не поверня. Тоды ёнъ яго за хохолъ, страханувъ (встряхнулъ), косци выкинувъ сорокамъ, а кожу ўзявъ, да мезянымъ палцамъ камянь поднявъ, да яѐ скомкавъ, скомкавъ, да подъ камянь и подложивъ.

Тамъ бывъ на поли пастушокъ-конюшокъ дворецкій, и бачивъ ето усё дзиво ихное. Енъ, éтаго убивши цмока, и пошовъ къ царевни. «Ну, говора, я трошку поляжу отдыхну, а ты пойщи у мяне ў головѣ!» Лёгъ ёй Иванъ Ивановичъ на колѣнки и заснувъ. А яна ищець у яго ў головѣ. Вотъ той пастушокъ-конюшокъ дворецкій приходзя икъ етой царевни. «Здрастви, царевна!»—Здрастви, пастушокъ-конюшокъ дворецкій!—«Што ето за чаловѣкъ?»—А ты жъ бачишъ,—чаловѣкъ!—«Однача, отвярниця ноги, я поляджу!» Яна—вѣдомо баба—узяла ноги отвярнула, а ёнъ нибытцамъ ставъ глядзѣць, ды й порнувъ яго нóжомъ у горло. Зарѣзавъ и заволокъ яго у мора. Приходзя къ царевни. «Ну, царевна: ёнъ погибъ, и ты погибнешъ! Присягни, што ты будзешъ дружина моя, а я другъ твой!»—Ну, присягну: я буду дружина твоя, а ты другъ мой.—«Присягни!»—Присягну: я буду дружина твоя, а ты другъ мой.—«Присягни!»—Присягну: я буду дружина твоя, а ты другъ мой. Присягнула. Вотъ яны побравши за руки, сычасъ у дворецъ пошли, и стали готовитца законный бракъ принимаць.

Якъ стало тому Роману тошно, якъ стало тому Роману нудно—ня можець ёнъ прожиць!.. Вотъ и пошовъ енъ яго дорогой, Ивановой. Ици, дакъ ици, ици, дакъ ици, ици, дакъ ици—и приходзя къ мору. Ажъ ляжаць тольки яго косци. Енъ етыя косци начавъ складаць. Якъ складаць, дакъ складаць, якъ складаць, дакъ складаць—косточка до косточки, суставка до суставки—изложивъ усяго! Изложивъ, и самъ сѣвъ коло яго. Ляцяць вороны—старыя и молодыя. Молодый говора: мясо на сожраньня, нашай душѣ на оплетаньня! А старый говора: нѣ, мясо смердзь, а намъ будзя смерць! Старый жа поляцѣвъ дальше, а молодый спусцився, сѣвъ и ставъ цягаць косци. Романъ нѣякъ поткрався, да за яго. Надзѣлавъ ёнъ крику, назлятались къ яму вороны отъусюль, и надзѣлали яму̀ крику, што дзѣць негдзи. «Ахъ, Романъ Романовичъ —Вовчихинъ сынъ! Што хочашъ, тое табѣ дадзимъ, тольки пусци нашаго ворона!» —Ничóго я ня хóчу отъ васъ, тольки дайця мнѣ воды живущія и растучія! Етые вороны якъ поляцѣли за водой—ляцѣць, дакъ ляцѣць, ляцѣць, дакъ ляцѣць—пераляцѣли теразъ огнянную раку̀. Посмылѣло имъ крыльля, яны три дни пяхотóй ишли. Приходзюць икъ етой крыницы; тамъ стоиць часовый: нѣякъ воды ўзяць. Тоды одзинъ воронъ подляцѣвъ къ крыницы и сѣвъ. Часовый кажа: ахъ, кабъ цябе! я жъ табѣ задамъ! Узявъ палку, да въ ворона! Той отляцѣвъ сажни на три, и зновъ сѣвъ. Часовый опяць поднявъ палку, да ўзновъ кинувъ. Воронъ ящѐ трошку отляцѣвъ. Часовый опяць за имъ. Тоды етые вороны у крыницы—щовкъ! щовкъ! Воды понабирали, узнялися и поляцѣли. Оглѣдзився часовый—воды нема! А яны опяць ляцѣць, дакъ ляцѣць, ляцѣць, дакъ ляцѣць, пераляцѣли огнянную раку. Подсмылѣло имъ крыльля, и яны зновъ три дни, пяхотóй ишли. Приходзюць туды: «Отъ, Романъ Романовичъ—Вовчихинъ сынъ, звольця вамъ воды, а пусциця нашаго ворона!»—Нѣ, говора: я яго ня пущу, а прежда раздзяру! Узявъ яго разодравъ, склавъ умѣсто, помазавъ растучай водой—зросся; помазавъ живущай водой—поляцѣвъ. Цяперъ яго ўзявъ, вымазавъ чисто ўсяго—и пальчики и суставчики—чисто ўсяго, растучай водой—енъ зросся, по-

мазавъ яго ўсяго живущай водой—отжився. И говора: «вотъ, братъ, якъ я заснувъ смашно!»—Ну, братъ Иванъ Ивановичъ! ты заснувъ на вѣки вякомъ аминъ. Ну, братъ, чаго доходзивъ, того й доходзь! А самъ бывъ, да й няма. Тоды Иванъ Ивановичъ ици, дакъ ици, ици, дакъ ици по берагу морськимъ, и ўстрѣвъ того самаго рака. Ракъ дзе́ржа яго кольцо. «Вотъ, Иванъ Ивановичъ—Кобылинъ сынъ! Я казавъ, што буду ў пригодзи у лихую годзину: вотъ, бяри своё кольцо!» Иванъ Ивановичъ поблугударствувавъ: спасибо вамъ! и пошовъ. Ицыць, дакъ ицыць, ицыць, дакъ ицыць, ажъ ляжиць морськая рыба и дзяржиць яго хусточку. «Здрастви, Иванъ Ивановичъ —Кобылинъ сынъ!»—Здрастви, морськая рыба!—«Изволыця вашу хусточку ўзяць!» —Покорня васъ блугударимъ! Узявъ хусточку и пошовъ дальше. Ицыць, дакъ ицыць, ицыць, дакъ ицыць, и приходзя у тую хатку. Ажъ ета старуха такъ пяе, такъ весялитца, што не примянйць ни къ чаму́. «Здрастви, бабка!»—Здрастви, Иванъ Ивановичъ—Кобылинъ сынъ!—«Чаго ты такъ весялисься бабка?»—Якъ жа мнѣ не весялитца, коли ў нашамъ царстви, ў нашамъ государстви появився поганый цмокъ. Етому цмоку ишла дань по чаловѣку на дзень. И пришла дань къ самому цару, кабъ царъ свою дочаръ увобравъ и вёзъ къ яму на зьѣжу. Привязли царевну къ цмоку, а тамъ бывъ пастушокъ-конюшокъ дворецкій, дакъ ёнъ етаго цмока ўбивъ, царевну отъ смерци отратовавъ, и цяперъ вясельля гуляюць. Дакъ хто бъ ни пришовъ, хто бъ ни пріѣхавъ, дыкъ и пбюць и кормюць, ще й на дорогу даюць.—«Ци няма ў цябе, бабка, корытца?»—Нѣ, корытца ў мяне няма, а йшли тутъ два му́зыки, зачапилися мижда собою, стали дратца, и поломали одзинъ одному скрипки. Я пособирала етыя щепочки; яны вонъ подъ загнётомъ ляжа̀ць у мяне. Ёнъ узявъ, етыя щепочки поскладавъ и склеивъ сабѣ скрипочку. Посли якъ зайгравъ, пошла ета баба танцоваць... разслухатца! «Ну, пбйдземъ, старуха, на свадзьбу!» Пошовъ на свадзьбу. Приходзя на свадзьбу, зайгравъ у свою скрипочку, ажъ дворецъ хбдоромъ ходзя! Ета царевна почула, што такая музыка, бяре графиньчикъ горѣлки и нясе яго почтоваць. «Нѣ, говора, царевна: вы мнѣ етый стаканьчикъ ня поднбсьця горѣлки, а поднясиця мнѣ прамо кубышку!»—«Ну, што жъ, милая дочь, кажа царъ: прося, дакъ и подняси!» Яна поднясла яму кубышку горѣлки. Енъ выпивъ, кровъ разгорѣлась, повесялѣвъ ёнъ, скрипочку на столъ положивъ, ху́стку исъ кишени вынявъ,—на шію, кольцо на палящъ. «Вотъ, цяперъ, слышна (слична) царевна, прошу у васъ милосци той стаканьчикъ, што прежда подносили!» Яна яму́ поднбсиць стаканьчикъ водки, ёнъ бярѐць, да такъ, штобъ кольцо было̀ замѣтно. *) Яна й убачила. Зиръ на шію—и хустка яѐ. «А што, другъ, откуль ето ты маешъ сабѣ ето кольцо?»—А што, ци ня ваша ето кольцо?— «Я замячаю—похожа, моё.»—А кому жъ вы, говора, присягали: ци мнѣ, ци пастушку?—«Ня знаю.»—Вы вясельля ще ня гуляли?—«Нѣ!»—Ну, й ня гуляйця жъ, покуль ёнъ ня покажа цмоковой кожи съ подъ камня. Покажа кожу, дакъ гуляйця; ну ня покажа, дакъ биця у барабаны, пущайця за́клики, и требуйця Иванъ Ивановича —Кобылинаго сына. За што ето пастушокъ-конюшокъ дворецкій у такіе лицари попавъ, што на царевни же́нитца...

Цяперича, якъ стало имъ тошно, якъ стало имъ нудно—Ивану Ивановичу—Кобы-

*) Сказанникъ производитъ соотвѣтственную манипуляцію.

линому сыну и Роману Романовичу—Вовчихиному сыну. Прибягаюць яны къ тому слупу, ажъ тая таблица была—была красная, да ўже и почарнѣла... Вотъ, Романъ и кажа: твоя матушка—кобыла и моя матушка—вовчица, померли у воднымъ мѣсци. Пойдземъ ихъ похуваемъ. Пошли, похували. Похувавши, Романъ Романовичъ—Вовчихинъ сынъ кажа: «ну братъ, Иванъ Ивановичъ—Кобылинъ сынъ! Чаго доходзивъ, того й доходзь! И тутъ бывъ, тутъ няма.

Цяперъ, етый пастушокъ-конюшокъ поспробовавъ достаць цмокову кожу съ подъ камня. Приходзя къ цару и кажа: «ваша царськое вяличаство! я тоды бывъ золъ, дакъ я мезянымъ палцамъ поднимавъ камянь; а цяперъ моё серца остановилось, я облащився, не могу ўсѣй рукой подняць. Дайця помочи!» Яму дали два полки солдатовъ. Ну, етые два полки солдатовъ работали-работали до обѣдзьдзя, сѣли обѣдаць —и зравнялася уся ихная работа, и знаку няма! Работали-работали до вечара, у ночь пошли; назаўтраго приходзюць ураньни—работы ихъ няма ниякой: якъ было, такъ и ёсь. «Нѣ, говора, ваша царськое вяличаство: биця ў барабаны, пущайця заклики, ищиця Ивана Ивановича—Кобылинаго сына, а я ня могу!» Разыйскали Ивана Ивановича—Кобылинаго сына. Приходзя ёнъ къ цару. «Ну, ваша царськое вяличаство: отправця по имъ по живомъ на тэй свѣтъ!» Собрали нѣскольки поповъ и отправили по живомъ на тэй свѣтъ. Повязли яго на тое мѣсто, дзѣ енъ яго ўбивъ, за семъ верстъ отъ камяня. Иванъ Ивановичъ—Кобылинъ сынъ приходзя къ етому камяню, мезянымъ палцамъ камянь поднявъ, кожу выцягнувъ, скомкавъ у комокъ, да якъ пусцивъ за семъ верстъ, да етому пастушку у грудзи, такъ енъ и разсыпався у пясокъ! Тутъ яго зь естой кожай и зарыли.

Иванъ Ивановичъ—Кобылинъ сынъ пошовъ у царськія палаты, принявъ законный бракъ, ожанився, и живе́ць. Поживъ ёнъ нѣскольки уремя и заскучавъ. «Вотъ, говора, бацюшка!»—А што, мой любезный сынъ?—«Подходзя подъ насъ чужаземецъ. Дайця мнѣ силы, треба якъ-не́будзь боронитца!»—А кольки жъ табѣ даць силы?—«А ня больши—два полки солдатовъ!» Тэй давъ.—«Ну, ваша царськое вяличаство, бацюшка, басловиця!»—Ну вотъ, Иванъ Ивановичъ—Кобылинъ сынъ: Богъ цябе басловляя и я басловлю!.. Пошовъ енъ съ тыми солдатами. Приходзиць къ такой пущи. «Ну, говора, рабяты: идзиця, куды хто хоча, и што стрѣнеця, то й биця: ци вужа, ци вовка̀, ци зайца. А собиратца вамъ тамъ и тамъ, ли такой то раки̇!» А самъ пошовъ икъ той рацѣ, отаборився и жджець своихъ рабятъ. Яго рабяты пришли и наволокли етакій грудъ звяръя, што нялься приступитца къ яму̇. Ажъ яна—матка того цмока, двананцациголовая змяя—и плывѐ. «А, сукинъ сынъ, Иванъ Ивановичъ —Кобылинъ сынъ! перавёвъ мойго сына, цмока; цяперъ я цябе перавяду!»—Ахъ ты, вѣдзьма ты лютая, поѣжъ уперадъ моихъ звяръёвъ, а тоды мяне на закуску, якъ зайчика!—«А дзѣ твоѐ звяры?»—А во, лѣзь на кручу и ѣжъ!—«Во, ще на кручу полѣзу; кидай сюды!» Ёнъ ставъ кидаць, ставъ кидаць, и поўкидавъ ёй усё до 'дной штуки. «Ну, говора: прощайця, рабяты! ожидайця мяне тута!» и скакнувъ у глотку..

Якъ стало етому Роману тошно, якъ стало яму нудно—ня можно прожиць. Приходзя енъ у царській дворецъ, нибытцамъ Иванъ Ивановичъ, и говора: «вотъ, бацюшка: прибавця яще силы, той мало!»—Кольки жъ табѣ?—«А дайця яще два полки!» Приходзилось яму

заночувацъ у дворцѣ; ёнъ икъ ёй и говора: вотъ, говора, вѣрная моя супруга: я цяперъ золъ, *ня* могу серца свойго уздзержацъ; дакъ глядзи: коли ты на мяне положишъ рукў —я рукў оторву, прихинишъ головў—я головў оторву!... Здалась ёй ночь, бѣдной, цѣлый годъ. Назаўтраго давъ Богъ дзень. «Ну, бацюшка, дайця солдатовъ!»—А бяри! Дали яму два полки солдатовъ, енъ и пошовъ самой той дорогой, якой енъ ишовъ. Приходзя къ лѣсу. Ну, рабяты: куды хто хоча, туды й идзи; што ўстрѣнецця, то й бицця: вужа—вужа, гада—гада, звѣра—звѣра! Тые пошли, и нанясли звярья грудъ такій, што ня пройци—Божа милосьливый! Самъ пошовъ на тое мѣсто. «Ну, рабяты, стройця кузьню! И кладзиця клящей у го́ранъ побольше, и грѣйця пожарчѣй!» Удругъ яна плывѐцъ, на двананцаци головахъ. «А, Романъ Романовичъ—Вовчихинъ сынъ! Разъ яго отратувавъ отъ смерци, дакъ хочашъ у другій. Брешашъ! Цяперъ я цябе зьѣмъ!» —Ахъ ты, вѣдзьма проклятая! Ты поѣжъ упе́радъ моё звяръё, а мяне зьяси на закуску, якъ зайчика!—«А дзѣ твоё звяръё?»—А вонъ, на крўчи!—«Подавай яго сюды!»—Хочашъ ѣсь, дакъ *вылязешъ*, пожре́шъ!—«Подавай сюды!»—Вылязешъ!—«Нѣ, сюды подавай!»—Вылязешъ! Яна *вылязла*.—Ну, рабяты: клещи пожарчѣй! Тольки яна стала ѣсци—можа штуки зъ двѣ зьѣла—а солдаты со ўсихъ боковъ клящами за языки, и давай жарицъ молотами! Били, били, били, били,—видзицъ яна, што плохо: «эхъ, Романъ Романовичъ—Вовчихинъ сынъ! усё табѣ отдамъ, тольки пусци мяне живую!»—Нѣ, ня хо́чу я съ цябе ничого,—отдай мойго товариша! Вотъ яна якъ карханула—ёнъ сычасъ и выскочивъ!—«Ну, братъ, якові табѣ тамъ було?»—Да ничого!—«Ну, бяри молотъ, да би!» Ну, яѐ ўбили, головы позарывали, шкуру выколоцили, косци ў мора: табѣ, рыба, пропитаньня, а табѣ, кустъ, одзяваньня! Сычасъ собрались и пошли у дворецъ. И стали тамъ уси жицъ умѣсци. И я тамъ бывъ ня такъ давно.

С. Батунъ, глухской вол. быховскаго у.

От кр. Исая Васильева, 55 лѣтъ, неграмотн., долго служилъ кучеромъ. Ср. галицк. ск. Корнебурый Попелюхъ, у Драг. стр. 262. Также Рудч. II, 11.

18. Иванъ и кусюлька.

а, Живъ сабѣ дѣдка и бабка. И бывъ у дѣдки сынокъ Иванька. Отдали яны яго ў школу, а сами доглядали ходяйство. Вотъ, разъ, ожарабилася ў ихъ дома кобыла. А дѣду треба было ѣхать у хуру. Приходя Иванька исъ школы, батька яму кажа: «мой сынъ, не́кому кусюльки доглядать: ты ў школи, я ѣду ў хуру. Ти намъ паробка нанять, ти лучьче кусюльку продать?»—Нѣ, татка, не продавай: я самъ буду доглядàть, пришовши съ школы!.. Вотъ, поѣхавъ батька у хуру, а Иванька ставъ самъ доглядать кусюльку: урани ўстаня, догл*ѣ*дя яѐ, и пойдя ў школу; придя съ школы, и зновъ зайдя къ кусюльцы. И дужо яѐ хорошо доглядавъ *). Отъ, приходя ёнъ разъ

*) *Вар.* сѣнн. у.: Якъ живъ сабѣ такъ купецъ дужо быгатый. И бывъ ёнъ жанатъ на другей жонцы. И яна была сыма съ коршокъ, гылова съ горшокъ, а хвостъ три аршины. И у яго бывъ сынъ Иванька отъ першія жонки. Расъ поѣхыли яны ны кирмашъ, и дрывниковъ наѣхало дужо много. Сынъ яго ходзивъ, ходзивъ ны кирмашу, и пыныравилыся яму одна коросьливая кобылка. Енъ тоды кажецъ: „ци не прыдажная гета кобылка?"—Прыдажная!—„А

такъ исъ школы, заходя къ кусюльцы, а яна по щиколодки у крывй стоить. Ёнъ тогды спрашуя у яѐ: «кося моя милая, кося любимая, чаго ты такъ скучаешъ?»— А якъ жа мнѣ не скучать: у твоѐ мачихи сяньни большая бясѣда: хоча яна тябе стратить. Тогды хто мяне доглядать будя?—«Ну, а што ето будя? Якъ яна мяне стратить хоча?»—А ничо́го ня будя. Нагрѣла яна табѣ чаю. Якъ увбйдешъ ты ў хату, дыкъ табѣ яго й подадути. И ты ня пи, а стань пить, ды нибытцомъ-то и ўпусти!.. Ушовъ Иванька у хату и кажа: «дай мнѣ, мамъ, обѣдать! Яна дала яму̀ обѣдать. Тольки ёнъ ставъ ѣсти, ажъ яна кажа: «ахъ, головка бѣдная: забылася табѣ чайку дать, попить съ холоду!»—А давай тяперъ, матушка! Поднося яна яму чаю. Вотъ ёнъ узявъ казавъ-бы пить, да бытцомъ не нарошно и ўпустивъ... На другій день иде Иванька съ школы и зновъ заходя къ кусюльцы. Полядѣвъ, а яна по колѣно ў крыви. Отъ, ёнъ и спрашуя: «кося моя милая, кося любимая, чаго ты такъ скучаешъ?»—А чаго я скучаю: у твоѐ мачихи сяньни ще бо́льшая бясѣда, и тябе хо́чать стратить. Хто мяне тогды доглядать будя?—«Якъ-жа яна мяне хоча стратить?»—А спякла яна табѣ пирожокъ. Якъ увбйдешъ ты ў хату, дыкъ яна дасть табѣ пирожокъ. А ты ня ѣжъ, ды собацы отдай, дыкъ убачишъ, што будя собацы. Отъ, тое-бъ и табѣ было!.. Ушовъ ёнъ у хату и кажа: «дай мнѣ, матушка, по'обѣдать!» Подала яна обѣдъ. Тяперъ, сѣвъ Иванька обѣдать, а яна и кажа: «вотъ! забыла табѣ дать пирожка, зъ разными зельлями!» Дала Иваньку пирожокъ; ёнъ разломивъ и отдавъ собацы. Той собака сичасъ и здохъ. Иванька ўзявъ яго за хвостъ и тягня съ хаты. Мати дожидаетца, што й яму̀ такъ будя. А ёнъ собаку вытягъ, помывъ руки ды за столъ. Поядавъ сабѣ, и пошовъ. Назаўтраго пошовъ у школу, отбывъ тамъ день, а ўвечари иде домовъ и заходя къ своёй кусюльцы. Ажны яна стоить у крыви по пузо. Ёнъ тогды кажа: «кося моя милая, кося любимая, чаго ты такъ скучаешъ?»—А чаго я скучаю: опять хоча тябе мачиха стратити!—«Чимъ-жа яна хоча мяне стратить?»—А вотъ чимъ: будя у васъ сяньни сыбота, и вы будетя баню топить. Отъ, якъ пбйдешъ ты ў баню, мачиха дасть табѣ *бѣлую* (въ знач. *чистую*) рубашку. Ты якъ надѣнешъ яѐ, дыкъ и конецъ! Пришовъ Иванька у хату, мачиха и посылая яго ў баню, и даѐ яму̀ бѣлую рубашку перадѣтца. Пошовъ Иванька ў баню, помывсь ды й надѣвъ зновъ чорную рубашку, а етыя рубашки и ня надѣвъ. Приходя домовъ, отъ, мачиха и спрашуя: «што-жъ ты у чорной рубашцы, идѣ

скольки табѣ зы яѐ?"—Пяць цылковыхъ и ны кварту горѣлки! Иванька побѣхъ икъ бацьку: „тата, дай мнѣ пяць цылковыхъ: я сабѣ куплю кобылку!" Бацька тэй якъ ня'шалѣвъ! Ёнъ такей быгатый, а сынъ купляець кобылу зы пяць цылковыхъ. Ты, кажець, купи зы пяцьсотъ цылковыхъ!" Али давъ яму пяць цылковыхъ и ны кварту горѣлки. Пришовъ Иванька купечацкій сынъ къ мужуку: „ну, на̀ пяць цылковыхъ!" А ёнъ тоды кажець: „дуракъ ты: геты-шъ я кылы цябе пысмѣявся! Дай ты мнѣ дзесяць цылковыхъ и ны гарнецъ горѣлки!" Пошовъ Иванька къ бацьку: „дай, тата дзесяць цылковыхъ и ны гарнецъ горѣлки!" Купецъ давъ, а самъ ящо боли усердзився. Пошовъ Иванька къ мужуку: „ну, на̀ дзесяць цылковыхъ и ны гарнецъ горѣлки!" Узявъ, отдавъ дзесяць цылковыхъ и ны гарнецъ горѣлки, и ўзявъ кобылу. А яна и йци ня здолѣець! Узложивъ ёнъ повыдъ ны плячо и цягнець тую кобылу. Бацька тэй якъ увидзѣвъ, дыкъ зьбѣлянився! Узявъ ды отъ страму и поѣхувъ у далёкій го́рыдъ. У дворѣ осталыся тольки мачиха.

жъ ты тую рубашку дѣвъ?»—А тольки ставъ, матушка, грѣть надъ печкой, што яна холодная, а яна й згорѣла! На другій день пошовъ ёнъ у школу, перабывъ тамъ день, а ў вечари иде домовъ и заходя къ кусюльцы. Ажны яна стоить у крыви по шію. Отъ, ёнъ кажа: «кося моя милая, кося любимая, чаго ты такъ скучаешъ?»—А чаго я скучаю: у твоѐ мачихи сяньни яще большая бясѣда; хо̀чать яны тябе стратить. Дыкъ ты пи—и ня ўпивайся, ѣжъ—и ня ўѣдайся, спи—и ня ўсыпайся, а слухай, што будя!—«А што будя?»—Ды ничо̀го ня будя. Хо̀чать яны тябе зарубить. Дыкъ ты поляжи, ды й выйди на дворъ, а намѣсто сябе положъ свой потретъ!.. Ушовъ Иванька у хату, напився, наѣвся, и лёгъ нибытцомъ-то спать. Тогды мачиха пошла къ своимъ бахурамъ и кажа: идитя, отсячитя яму̀ голову̀. Отъ, Иванька уставъ, да на тымъ мѣсти, дѣ спавъ, положивъ свой потретъ, а самъ вышовъ съ хаты *). Пришли тые у хату, выняли топоръ, и давай яго сѣкти. «Ну, кажа мачиха: будя!» Кинули яны топоръ, стали пить ды гулять, ажъ Иванька ў хату: «здоровъ, мамъ!» Тые глядять: «што ето такое, Господи? Мы яго засѣкли, а ёнъ живъ!» И побѣгли ўтякать.

Пройшло тамъ кольки днёвъ, пріѣхавъ батька съ хуры. Вотъ мачиха пошла къ сусѣдцы. Пришла и жалитца: «отъ, хотѣла я свойго пасынка стратить, да ня стратила ниякими зельлями. Што ня здзѣлаю, ёнъ усё вѣдая!» А сусѣдка кажа: «ё у васъ такое лоша̀. Яно ўсё яму̀ говора!»—Якъ жа-жъ мнѣ яго стратить?—«Треба зарѣзать!»—Якъ-жа яго зарѣзать?—«А ты возьми ды нибытцомъ захворѣй, ды й скажи, што табѣ нараяно почкой лошонковой мазатца!» Вотъ, иде Иванька съ школы, и заходя къ кусюльцы—ти хорошѐ яна доглѧджана. Ня вѣра батьку. Заходя къ кусюльцы, ажъ яна стоить уся ў крыви, тольки вуши тырчать. Ёнъ подыйшовъ и кажа: ‹кося моя милая, кося любимая! чаго ты такъ скучаешъ?›—А чаго я скучаю? Я тябе отъ смерти отратовала, а тяперъ мнѣ ўже пропадать!—‹Дыкъ якъ ето?›—А такъ: мачиха нибытцомъ захворѣла, и кажа на батьку, што прираяно ёй зарѣзать кусюльку и яѐ почкой мазатца!—«Дыкъ што йто будя?»—А што будя: якъ придя ёнъ мяне рѣзать, дыкъ просись проѣхатца на мнѣ у послѣдній разъ... **) Ушовъ Иванька ў хату, а батька ножъ истрѝть. Ёнъ спрашуя: ‹на што ты, тать, ножъ истришъ?›—А, мой сынокъ; мати твоя захворѣла, дыкъ прираяно кусюльку зарѣзать, штобъ почкой мазатца; дыкъ яна тогды очуняя!—‹А таточка! якъ жа яго рѣзать? яно такое хорошое!› Вышли яны на дворъ. Иванька и кажа: ‹дай-ка, татка, я на ёмъ проѣду ў послѣдній разъ!› Сѣвъ на кусюльку, выѣхавъ за вороты: «ну, прощавай, татка! Попомни ты: я буду ноги мыть, а ты тую воду будешъ пить!» Якъ махнѐ—тольки тогды яго й видѣли. ***)

*) *Вар.* Иванъ покупаетъ шапку невидимку, и положивъ портретъ на постели, самъ остается въ хатѣ, надѣвъ шапку. **) Мачиха тая, сыма съ коршокъ, гылова зъ горшокъ, а хвостъ три аршины, рызозлилася: стала писацъ къ свойму мужуку: „ничо̀го нельзя зробицъ исъ сыномъ, што рызоривъ насъ!“ Мужикъ отписыецъ: пріѣду я зь имъ рызбяруся! А Иванька бывъ у школи. Нызаўтра идзѐцъ домовъ и заходзицъ къ своёй кобыльцы, ажны яна стоицъ уся Ў крыви. „Чаго ты плачешъ?“—Якъ жа мнѣ ня плакыцъ: выстрыили табѣ висѣльницу, и будуцъ вѣшицъ.—„Што жъ мнѣ робицъ?“—А якъ будуцъ цябе вѣшицъ, дыкъ ты просися, якъ можно, проѣхыцъ ны своёй кобыльцы! ***) *Вар.* сѣнн. у. Увыйшовъ Иванька у хату, ажны пріѣхувъ яго бацька. Госцей дужо много. Сичасъ узяли яго и пывяли по горыду къ висѣльницы и ста-

Поѣхавъ Иванька вулицай; выѣхавъ за вулицу, ѣдя и ѣдя. Заѣхавъ ёнъ у такую нетярать! Ляжити камянь. «Злазь-ка, Иванъ, кажа кусюлька: подымай-ка камянь!» Ёнъ злѣзъ, поднявъ камянь, а тамъ яма. Лѣзь-ка туды, поспытай-ка воды зъ двёхъ де́жакъ!» Вотъ, ёнъ поспытавъ. Кусюлька кажа: «вылазь-ка, зава́люй камянь!» Отъ, ёнъ заваливъ. Сѣвъ на кусюльку, кусюлька и кажа: «нѣ, ня ўдержу. Злазь-ка! Лѣзь изновъ, ды выпи съ третьтія дежки пять разовъ!» Ёнъ выпивъ, вылязъ назадъ, сичасъ завярнувъ камянь, сѣвъ на кусюльку. «Вотъ тяперъ самый разъ! кажа кусюлька. Ну, якъ жа мнѣ тяперъ тябе несть: ти вышай лѣсу, ти нижай?»—А тяперъ якъ хочашъ—няси! Яна й понясла яго вышай лѣсу. Ѣхали яны, ѣхали, и пріѣхали у царскій го́родъ. «Ну, кажа кусюлька: тяперака мяне пусти, а коли треба буду, выйди тольки да свисни—я й прибягу!» Пустивъ тутъ Иванька кусюльку, а самъ пошовъ, купивъ сабѣ шубу зялёную и ходя по городу. Отъ, иде городомъ. Хто попытая: откуль ты? Дыкъ ёнъ кажа: зялёная, зялёная! Дойшовъ ёнъ такъ до царa. Царъ и пытая: откуль ты? Енъ кажа: зялёная, зялёная! Отъ, царъ и кажа: ‹што ето за муракъ такій? Ну, коли зялёная, дыкъ наймись ко мнѣ ў садъ!» Иванька и нанявся ў садъ. Здѣлавъ сабѣ курѐнь у саду, да й живе. Дыкъ у яго нихто нивόднаго яблочка не ўкрадя. Ну, и было ў царa три дочкй, и яны носять яму, кажная почарадѣ, обѣдать у садъ. *) Пройшло ти много, ти нѣ, тольки прислано къ цару отъ змѣя на шастёхъ головахъ по бόльшаю дочкў: ‹коли ня 'тдаси дочкў, то самъ икъ прилячу, дакъ ня станя твойго й царства!› Отъ, царъ нарѣзавъ воловъ, собравъ обѣдню, назбиравъ людей. Вядуть уже бόльшую ца́рову дочкў икъ змѣю; плачать... И солдаты идуть зъ змѣемъ воюватца. Почувъ Иванъ, што плачать, вышовъ у поле, крикнувъ да свиснувъ молодецкимъ посвистомъ да богатырскимъ голосомъ,—вотъ сичасъ конь и тутъ. Прибѣгъ и пытая ўже: ‹што ты, Иванъ Ивановичъ—купечацкій сынъ зъ мяне требуешъ?›—Што жъ я съ тябе требую? Повялѝ ца́рову дочкў къ змѣю на шастёхъ головахъ, дыкъ хочу повоюватца.—‹Ну, улазь-ка мнѣ ў лѣвое вухо, а ў правое вылазь!› Отъ, енъ икъ вылязъ, дыкъ такій молодецъ!—‹Ну, садись на мяне!» Енъ икъ сѣвъ ве́рхи, сичасъ ихъ и перагнавъ. Пріѣхавъ и ставъ коло рѣчки. Ажъ ѣдя й змѣй на шастёхъ головахъ. Убачивъ Ивана и кажа: ‹што ты, Иванъ? Тре-

---

ли страмиць. А ёнъ усё просиць, кабъ проѣхыць ны своей кобыльцы. Тутъ госци кажуць на бацьку: ну, дай ты яму проѣхыць! Енъ кажець—бацька яго: „ну, идзи проѣдзы!" Смяютца кылы яго. Иванька пошовъ у хлѣвъ, узявъ кобылку, цо́выдъ на плечи и цягнець. Выцягнувъ съ хлѣва, сѣвъ, и кажець: „прощайце! Будзешъ ты, татулька, тую воду пиць, што я буду ноги мыць!" Якъ ге́йнувъ, тольки яго й видзѣли. *) *Вар.* сѣнн. у. Пріѣхувъ ёнъ къ одному кырольку. Кобылку пусцивъ, а самъ пошовъ у садъ и легъ ны яго крываци. Тутъ кыролёкъ тэй якъ почувъ, сичасъ пысылаець слугу скызаць; якое енъ право мѣець класцися на моей посцели? Приходзиць слуга къ Иваньку: „ходзитку къ кыролю: якое ты право мѣешъ класцися ны яго посцели?" А Иванька купечацкій сынъ кажець: кыли енъ угыдаець мою зыгадку, дыкъ пойду; а нѣ—дыкъ нѣ. Сказали объ гетымъ кыролю. Ну, тэй кажець: хай зыгадаець. Иванька тоды ўзявъ, отщипнувъ три яблычки: одно дужо спѣлое, другое полуспѣлое, третьцее зялёное,—и отдавъ кырольку. Енъ угадывавъ, угадывавъ, и ўгадавъ-тки, и кажець: „Три яблыки—гето ў мяне три дочки: бо́льшая, сярёдняя, и ме́ньшая!" Приходзиць тоды Иванька къ кырольку, и дужо яму уподобався. Вотъ кыралекъ и змовивъ яго къ сабѣ зы садовничаго.

буетца тябе суды?›—А якъ жа, песьсее мясо, ня требуетца мяне!—‹Ну, што жъ ты—битца, ай миритца?›—Добрые молотцы никóли ня мíратца, а нáболя бъютца! —‹Ну, дми-ка токъ, Иванька!›—Нѣ, дми-ка ты, песьсее мясо! Отъ, змѣй икъ ставъ дуть, дыкъ *якъ токъ* (глиняный), а Иванъ ставъ дуть, дыкъ зялѣзный. Вотъ, икъ почали воюватца, дыкъ зямля-мать затраслася. Конь збивъ три головы, а Йванька три ссѣкъ. Крикнувъ тогды солдатамъ: ‹палитя тутъ, разметайтя!› А самъ сѣвъ ды й поѣхавъ. Отъѣхавши, коня пустивъ у пóля, а самъ шубу зялёную надѣвъ и лёгъ у курéнь.

Пройшло кольки-тамъ уремя, присылая къ цару по сяредняю дочку̀ змѣй уже на девятёхъ головахъ. Отъ, царъ собравъ опять обѣдню, нарѣзавъ воловъ, назвавъ солдатовъ... Зновъ вядути, голосять. Учувъ Иванька, што вядуть, голосять, вышовъ на ганки, икъ крикнувъ да свиснувъ молодецкимъ посвистомъ, богатырскимъ голосомъ—вотъ конь и тутъ. ‹Што ты зъ мяне требуешъ, Иванъ Ивановичъ—купечацкій сынъ?›—А што я съ тябе требую? Пришовъ по цàрову дочку̀ змѣй на девятёхъ головахъ, дыкъ я хóчу повоюватца!—‹Улазь-ка у правое вухо, а ў лѣвое вылазь!» Отъ енъ икъ вылязъ—такій молодецъ! Икъ сѣвъ ды икъ поѣхавъ—усихъ перагнавъ. Пріѣхавъ и ставъ коло рѣчки. Ажъ вò, ѣдя й змѣй, такій, што на девятёхъ головахъ. ‹Што ты, Иванъ? Требуетца тябе тутъ?›—А якъ жа, песьсее мясо, ня требуетца мяне!—‹Ну, што жъ ты: битца, ай миритца?›—Добрые молотцы никóли ня мíратца, а нáболя бъютца!—‹Ну, дми токъ!›—Нѣ, дми-ка ты, песьсее мясо! Вотъ змѣй икъ ставъ дуть, дыкъ зялѣзный, а Иванька икъ дмухнувъ—дыкъ сяребраный. Отъ, икъ стали битца, дыкъ зямля-мать затраслася. Што конь позбивавъ голóвы, а што Йванька позрублявавъ. Убили того змѣя. Отъ, Иванька и кричить: «рубитя, палитя, дмитя!» А самъ сѣвъ и поѣхавъ. Доѣхавъ до куранѧ, коня пустивъ, а самъ шубу зяленую надѣвъ и легъ. Тольки ўснувъ, ажъ и ѣдя змѣй на дванатцатёхъ головахъ по меньшаю дочку. Пришовъ отъ яго посолъ и кажа на цара: «лучь отдавàй дочку̀, а то самъ икъ придя, дыкъ уже ня дожидайсь!» Вотъ царъ плача. Собравъ енъ обѣдню. Люди збираютца весть меньшаю яго дочку̀, а дочкà день и ночь Богу молитца: «Господи! коли-бъ и мяне той отратовавъ, хто моихъ сястеръ отратовавъ!...» Вотъ яѐ вядуть; яна плача и люди плачать.

Зачувъ Иванька, што цàрову дочку̀ вядуть и плачать, отъ енъ вышовъ, и крикнувъ да свиснувъ молодецкимъ посвистомъ да богатырскимъ голосомъ—отъ, конь и тутъ. Прибѣгъ и спрашуя: «Иванъ Ивановичъ, купечацкій сынъ, на што требуешъ?» —А на што я тябе требую: опять пріѣхавъ по царову дочку̀ змѣй—на дванацатёхъ головахъ!—«Охъ, Ваня, плохо жъ наша дѣло будя!... Ну, да ничóго: улазь-ка у лѣвое вухо, а ў правое вылазь!» Отъ, енъ икъ вылязъ, дыкъ ставъ такій молодецъ, такій молодецъ!—«Ну, нà-ка-жъ табѣ три пляшачки: одну пляшку самъ выпъешъ, а другую мнѣ ў глотку выльлешъ, а третьтяю у рану ульлёшъ!» Сѣвъ енъ и поѣхавъ. Пріѣхавъ и ставъ коло рѣчки.

Вотъ ёнъ и ѣдя на дванацатёхъ головахъ, и кричить съ-сертца: ‹што ты, Иванъ? Требуетца тябе суды?›—А якъ жа ня требуетца!—‹Ну, дми токъ!›—Нѣ, песьсее мясо, дми-ка ты токъ! Вотъ ёнъ икъ ставъ дуть, дыкъ мѣдный, а Иванъ икъ дмухнувъ, дыкъ золотый. Вотъ, и стали воюватца. Воювались, воювались—Иванъ и ўмо-

рився. ‹Ой, кажа: дай отдыхнуть!›—Нѣ, кажа змѣй: нельзя, а то ты отдыхнéшъ, то знов́ъ будешъ воюватца! Выпивъ Иванъ одну пляшку, и стали воюватца. Воювались, воювались, отъ, змѣй и говора: ‹дай, братъ, отдыхнуть!›—Нѣ, песьсее мясо, воюйсь! Давъ ёнъ коню пляшку выпить, и стали зновъ воюватца. Отъ, Иванъ звоювавъ змѣя, а ёнъ поранивъ яго у рукў. Уливъ Иванъ водў съ третьтія пляшки у рану и кричить: «эй, подай трапку!› Вотъ царова дочкà и нясе ямў шавковяньκую хустку. Ёнъ завязавъ рукў и кричить: ‹палитя тутъ, размятайтя!› А самъ сѣвъ на коня и поѣхавъ. Пріѣхавъ къ кураню, коня пустивъ, а самъ шубу зялёную надѣвъ и лёгъ у курень. Вотъ, икъ заснувъ, дыкъ на дванатцать сутокъ. А цàрова дочкà, вярнувшись, приноси яму у курень обѣдать. Приходя туды, а ёнъ спить, а на руцѣ у яго яѐ шавкóвая хустка. Будила яна яго, будила—ня ўзбудила, и пошла домовъ. Вотъ, идуть яны уже *сами* бўдить. Будили, будили—ня ўзбудили. Иде староньκій дядокъ: ‹ня будитя яго! Якъ выспя дванацать сутокъ, самъ устаня!› Вотъ якъ вышло дванацать сутокъ, пошли яны у курень и стали яго будить. Ёнъ сичасъ и ўставъ. Повяли яго къ царў. Дознався енъ, што ето Иванъ побивъ змяевъ, и звянчавъ яго съ своёй мéньшой дочкой. Згуляли яны вясельля и живуть.

Чаразъ кольки днёвъ, ти, можа, годовъ, успомнивъ ёнъ на свойго батьку. Захотѣвъ енъ поглядѣть свойго стараго ходяйства, и кажа своимъ: ‹треба мнѣ свойго батьки отвѣдать!› Яны й зажурились, и говóрать: ‹ты жъ якъ поѣдешъ, дыкъ и ня пріѣдешъ!›—Нѣ, кажа: зачимъ ня пріѣду,—пріѣду! Ну, вотъ, запрагли ямў тройку кóній, подушакъ намостили. Вышовъ енъ на ганки и кажа: ня треба мнѣ етые кони, у мяне свой ё. Отъ, икъ крикнувъ богатырскимъ голосомъ да молодецкимъ посвистомъ —конь и тутъ: подыйшовъ подъ ганки и ставъ. Енъ сѣвъ и поѣхавъ, да прамо чаразъ заборъ. Ѣхавъ, ѣхавъ, пріѣзжая у своё сяло. Бача—ничóго нема зъ ихнаго ходяйства, и трава поросла. Енъ тогды спрашуя: ‹дѣ тутъ такій и такій старикъ живе?›—А ў попа у пáробкахъ!—‹А жонка яго дѣ?›—А ў богача ў нянькахъ. Вотъ ёнъ и поѣхавъ до попа. Якъ доѣхавъ, такъ у дворъ и ўѣхавъ. Приходя ў хату и проситца пераночувать. Ну, яго пустили. И пришлося яму ночувать у кучи зъ батькомъ. Иванъ Ивановичъ зъ дороги захотѣвъ вымыть ноги, и вялѣвъ принесть сабѣ воды. Вотъ, перадъ тымъ, якъ ложитца, енъ и вымывъ ноги. Лягли спать. Ночьчи батька прошнувся и захотѣвъ енъ пить. Шукавъ енъ, шукавъ воды, и знайшовъ тую, што Иванъ ноги мывъ, да й узявъ, и напився. Назаўтраго ўрани прошнулися, поглядѣвъ Иванъ—воды отпито. Енъ тогды спрашуя: ‹хто мою водў пивъ?› Старикъ глядѣвъ, глядѣвъ, да кажа: я пивъ! Отъ Иванъ Ивановичъ и говора: ‹а ти помнишъ ты, якъ сынъ табѣ сказавъ, што енъ будя ноги мыть, а ты будешъ тую воду пить? Отъ, яно такъ и ёстека: я ўчора вымывъ ноги, а ты той воды и напивсь. Я жъ твой сынъ!› Ставъ тогды батька проситца, штобъ яго простивъ. Ну, сынъ яго простивъ. Привяли тогды матку яго. Вотъ ёнъ привязавъ яѐ къ коньскому хвосту, конь яѐ и разнёсъ чисто ўсю. А самъ узявъ батьку свойго и поѣхавъ зновъ къ царў. *) И стали тамъ усѣ ўкучи жить, да поживать, да добра наживать.

Гомельскій у.

---

*) Вар. сѣнн. уѣзда: Пріѣхавъ Иванъ у горыдъ, и видзиць, што бацька ходзиць по нищихъ. Приходзиць у дворъ, ажны мачиха яго сядзиць зъ нѣйкимъ полюбовникомъ, а тывару и дзе-

Въ сѣнн. у. борьба съ змѣями варьируется такъ: Ходилъ Иванъ по саду. Вдругъ всхватился вѣтеръ и принесъ письмо: требуетъ трехглавый (потомъ шестиглавый, и двѣнадцатиглавый) змѣй дочь королька. Иванъ вышелъ на крыльцо, крикнулъ богатырскимъ голосомъ, молодецкимъ посвистомъ—кобылица бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ушей „полымя" пышетъ и головешки сыплются. Прибѣжала и спрашиваетъ: на что требуешъ, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ?—А вотъ дужо сильная война.—Это еще не война, а будетъ война. Садись на меня. Онъ сѣлъ и поѣхали. Пріѣхали туда. Коли стали биться—кобылица сбила двѣ головы, а онъ одну (потомъ кобылица 4, Иванъ 2, кобылица 8, Иванъ 4) Взялъ, камень поднялъ, головы подъ камень подложилъ, кобылицу въ поле пустилъ, а самъ пошелъ на печи легъ и лежитъ. Тутъ пріѣхали солдаты королька, стали говорить, что они „завоевали" змѣя. Королекъ съ радости „справивъ баль." Всѣ балюютъ, а онъ, Иванъ Ивановичъ—купецкій сынъ, лежитъ на печи, не идетъ балевать.... Послѣ убіенія 12-главаго змѣя стали и его просить на баль. Вышелъ онъ на крыльцо, призвалъ кобылицу, въ лѣвое ухо влѣзъ, въ правое вылѣзъ, и сталъ такимъ „паничомъ", что и не спознать. Придя на баль, Иванъ попросилъ хваставшихъ генераловъ показать ему на мѣстѣ сраженія „потерю." Отправились всѣ туда—генералы ничего не знаютъ. Иванъ и говоритъ: ну, поднимайте камень, я покажу вамъ потерю. Тѣ поднимали, поднимали, и не могли поднять. Подъѣхалъ Иванъ, поднялъ камень и показалъ корольку змѣиныя головы. Догадался королекъ, что не генералы „завоевали" змѣевъ, и велѣлъ ихъ казнить. А Иванъ Ивановичъ—купеческій сынъ оженился съ его дочкой, и сталъ жить да поживать, да добро наживать.

б, Нѣўкоторомъ царстви, нѣўкоторомъ государстви, можа ў томъ, што мы живёмъ, живъ сабѣ такій купецъ прабогатый, могучій. И дужо енъ бывъ гордый; такій, што къ яму̀ някимъ способомъ нельзя подыйти што поторговать. Однымъ словомъ, што енъ съ своими городнянами обсварився съ усими, нихто къ яму не хоча и зайти. И забременѣла яго жана, и родила сына. И нихто къ яму̀ у кумовъё не хоча йти, никдого ёнъ не запрося. Ёнъ тогды запрогъ лошадку, шукать ужо сустрѣшнаго кума—кого сустрѣня, того и возьмя. Сустрѣкая енъ—ѣдя татаринъ. Енъ ставъ татарина просить: господинъ, ходи ко мнѣ у кумовъё. Татаринъ отвѣщая яму: якъ я пойду, коли я нехрищоный. Енъ говора яму тое, што ты христить ня будешъ, а будя христить попъ, а ты тольки мойго рабёнка будешъ держать! Татаринъ согласився, поѣхавъ къ яму ў домъ. Понѐсли христить рабенка, перахристили и згуляли христины. И подаривъ татаринъ свойму хресьнику жарабочка на каши.

Хресьникъ растѐ и коникъ расте, хресьникъ уже ладный и коникъ уже ладный. Ставъ купецъ сына грамоти обучать. А ўкасався проклятый змѣй икъ яго матцы, икъ купечацкой жанѣ. Сынъ пойдя ў школу, а батька ў лавку, а яна зь змѣямъ якъ хоча, такъ и дѣлая. Ладно. И ставъ змѣй знущать купечацкую жану: «возьми ты истрать свойго сына, ты сабѣ лучьчаго рόдишъ!» Яна отвѣщая яму̀: якъ жа мнѣ яго стратить?—«А ты возьми ды спячи пирожокъ исъ сульмой. Дакъ якъ придя ёнъ исъ школы, ты яму̀ и дай поснѣдать. Енъ якъ зьѣстъ, дакъ и умрéтъ.» Яна сыну наготовала пирожокъ, и спякла. Приходя сынъ исъ школы, ды не побѣгъ у йзбу, да побѣгъ упярόдъ икъ конику. Ёнъ такъ усягды дѣлавъ. Пришовъ икъ конику, ажно яго коникъ плача. Енъ пытаетца ў яго: «коня мой дорогій, чаго ты плачашъ?» Енъ

сятый чáстычки нема.. (Слѣдуетъ эпизодъ о мытьѣ ногъ, согласно съ гом. в.) Узявъ тогды Иванъ, накуплявъ тывару и пысадзивъ свойго бацьку тургуваць, а самъ поѣхувъ домовъ.... (Что сдѣлалось съ мачихой, неизвѣстно)

отвѣщаетца: якъ жа мнѣ не плакать, коли твоя матушка хоча тябе страбить!—«Якъ жа яна хоча мяне страбить?»—А вотъ якъ: увъйдешъ ты у комнату, дакъ яна дасть табѣ пирожокъ исъ сульмой поснѣдать. Дакъ ты яго якъ зъяси, дакъ и помрѐшъ!—«А ти ня можно бъ якъ отборонитца?»—А чаму жъ? можно! Искажи такъ матушчи своёй: маменька! мнѣ вялѣвъ учиталь ще Богу помолитца у книжачку. Да возьми той пирожокъ подъ паху, и книжачку возьми, да стань молитца, да той пирожокъ и ўпусти. А тамъ будуть собачки коло тябе, яны пирожокъ и ўхопять. Тоды побачишъ, што изъ ими будя!.. Енъ и пошовъ отъ коня да ў комнату. Пришовъ у комнату—матушка тая упа́дуетца коло яго: мой сынокъ, мой такій, мой сякій! Во̀ я табѣ пирожокъ спякла на снѣданьне! Енъ отказуя: «до́бро, маменька. Да тольки мнѣ ще учиталь накинувъ урокъ, кабъ я Богу помолився. Дакъ не́коли снѣдать, а треба Богу молитца.» Узявъ книжачку, узявъ пирожокъ подъ паху—во̀ й ходя по хати, и молитца. И собачки за имъ бѣгають. Матка кудысь отвярнулася, енъ той пирожокъ вынявъ, разломивъ, да й кинувъ собачкамъ. Тыя собачки якъ зъѣли, дакъ у ихъ языки и повыпирало изъ рота. Енъ кричить: «ай, маменька,—тревога! упустивъ пирожокъ, а собачки схапили, разорвали; зъѣли—дакъ и языки ў ихъ повыпирало. Няўжебъ и со мной зробилось ето?» Яна яго стала уговаравать, стала сокрушать: ето такъ нѣшто случилося! Зготовила яму̀ кушанья другóго, спужалася. Затымъ, што ёнъ яще младъ, сями лѣтъ, да ўже возрастъ могучій. Пришовъ батька зъ лавки, поснѣдали и пошли по мѣстахъ: той у лавку, а той у школу. Наконецъ, приходя опять змѣй. «А што, ти дѣлала ты ето?» Яна яму кажа: дѣлала! Да ўчиталь накинувъ яму урокъ—Богу помолитца. Дакъ ёнъ узявъ пирожокъ подъ паху, да ўпустивъ; дакъ собаки зъѣли и подохли.—«Ну, отъ жа—говора такъ—на́ табѣ ситцу, и пошій яму рубашачку.» А ето дѣло да было ў сыботу. «Собярутца—батька зъ лавки, а сынъ исъ школы—и вытопять баню. И пойдуть яны у баню мытца. Енъ у бани помыетца, да якъ надѣня тую рубашачку, дакъ и помре.» Яна постаралась, скоро яму рубашачку и пошила. Приходя сынъ съ школы, да якъ бѣгъ, дакъ такъ икъ коню и побѣгъ. То̀ конь плакавъ, а то̀ ще хужай плача. Енъ яго зновъ пытаетца: «ко́ня мой дорогій, чаго ты плачашъ?»—А якъ жа мнѣ не плакать, што твоя тыки матушка хоча тябе стратить.—«А якъ жа яна хоча мяне стратить?»—А по́йдетя вы у баню изъ батюшкомъ, и дасть яна табѣ рубашачку. Дакъ ты тую рубашачку надѣнешъ, дакъ и помре́шъ.—«А ти ня можно-жъ якъ-небудь отборонитца?»—Чаму, кажа—можно. Якъ помыетеся вы у бани, да по́йдете на раку̀ обдаватца, дакъ ты рубашачку возьми подъ паху да й упусти у воду̀!... Приходя енъ у комнату, а батька зъ лавки пришовъ. Вытопили слуги баню, и гукають ихъ у баню. Яна выправляя ихъ и дае яму̀ рубашачку, и говора: вотъ, мой сынокъ, я табѣ новянькую рубашачку пошила, дакъ ты помывшися и надѣнешъ яе! Пошли яны зъ батькомъ у баню; помылися ў бани пошли на раку̀ обдаватца. Енъ рубашачку и ўпустивъ. Упустивъ, и говора: «ахъ, батюшка, тревога!»—Што тамъ?—«Да вотъ, батюшка: дала мнѣ маменька рубашачку; дакъ я, неўгадавши, на. воду̀ пустивъ!»—Э, мой сынъ! тольки бъ у году и бяды, што ето! Ти ў насъ рубашакъ нема? Мы якъ клицномъ, дакъ намъ приставитца рубаха. Лишъ-ба сами живы были!.. Купецъ крикнувъ на слугъ, слуги

побѣгли и принясли другую рубашку. Надѣлися яны, и пошли благополушно домовъ. Пераночували, а назаўтраго пошли по мѣстахъ: сынъ у школу, а батька ў лавку. Прилетая змѣй. «А што, ти дѣлала ты ето?»—Дѣлала.—«А дѣ-жъ ёнъ дѣвъ?»—А, говора—на воду пустивъ! Змѣй отвѣщая ёй: «ето яму нѣхто сказуя!» Кинувся по сумашэтчихъ книгахъ, по хволшебницкихъ и найшовъ у книгахъ, што ето яму̀ конь сказуя. Штобъ яго коня якъ-небудь истрабить. Хорошо дѣло. Якъ-жа яго коня страбить?—«А такъ: придуть яны—батька зъ лавки, а сынъ съ школы—дакъ ты здѣлайся хворой. И та̀къ здѣлайся: ки̇дайся, говори нема вѣдома што... Покуль яны тябе положуть. Дакъ ты здайся нибытцамъ заснула, и прошнувшися, исказуй имъ сонъ: што мнѣ снився за сонъ! Кабъ ИванькоВаго коня зарѣзать и вынять зь яго жовть и серца—серцамъ мазатца, а жовтю тертися—дакъ ба я поздоровѣла; а то я скоро помру!» Сказка скоро сказуетца, да не скоро дѣло дѣлаетца: ето жъ усё продовжаетца уремя. Приходжають батька зъ лавки, а сынъ съ школы. Якъ сынъ бѣгъ, дакъ такъ и побѣгъ прамо къ коню. То̀ конь плакавъ, а то̀ ще ху̀жай плача. Ёнъ пытаетца у яго: «ко́ню мой дорогі́й, чаго ты плачашъ?»—Якъ жа мнѣ не плакать, што твоя матушка хоча ўже мяне страбить.—«А якъ жа яна хоча страбить?»—А вотъ, придите у комнату, дакъ повидите, што яна дѣлая, што яна вытворая. Яна сама сябе хворою приставляя. А яна не хворѣя, да та́къ дурѣя. Яна ки̇даетца—подъ яѐ попала силная горачка, а ето ўсё ложно. Вы яѐ полѳ́жите изъ батькомъ, яна бытцамъ и засне, и прошнувшися будя вамъ сонъ говорить: то̀ які̇й мнѣ сонъ снився! Кабъ ИванькоВаго коня зарѣзать и вынять зь яго жовть и серца—серцамъ мазатца, жовтю тертися—дакъ ба я тогды поздоровѣла..—«Ну, ти ня можно жъ якъ-ба-небудь отборонитца?»—А чаму жъ, можно! отвѣщая конь: якъ-небудь уговори и батюшку и матушку. И матушка поздоровѣя, и конь мой будя конемъ. Батюшка тябе будя змовлять, будя змущать: зарѣжма коня, матушка дорожѣй коня. У мяне ко́ні̇й повна стайня—который табѣ угодный. А ты батюшку проси: нехай жа ў мяне будя конь хре́снаго батюшки мойго. И ўговбрите яѐ, яна и поздоровѣя... Пришовъ сынъ отъ коня, ажно матушка на̀ стяну ки̇даетца, дотворая тое, што слухать нельзя. Приставляя сама съ сябе. Яны яѐ придѐржили, извязали и поклали, сынъ изъ батькомъ. Покуль яны побѣдали, дакъ яна и заснула, и выспалася. И прошнулася, и стала сонъ говорить имъ: вотъ які̇й мнѣ сонъ снився! Кабъ ИванькоВаго коня зарѣзать и вынять зь яго жовть и серца—серцамъ мазатца, жовтю тертися—дакъ ба я тогды поздоровѣла. Батька согласянъ, а сынъ плача, и прося такими словами, якъ яго учивъ конь. И сышлося такъ: уговоривъ батьку и матку. Назаўтраго ўраньни пошли яны по мѣстахъ: батька ў лавку, а сынъ у школу. Скоро казка кажетца, да не скоро дѣло дѣлаетца. Такъ и тутъ. Прилятѣвъ змѣй: «а што, ти дѣлала ты такъ?»—Дѣлала.—«Ну, што жъ не зарѣзали?»—Уговоривъ батьку й мяне. Якъ ставъ просить, да ставъ плакать, дакъ и ўговоривъ.—«Ну, изновъ жа такъ дѣлай, такимъ способомъ, якъ дѣлала, изновъ такъ кажи, якъ казала. Дакъ батька-тыки наможе́тца, што зарѣжа коня.» Приходють яны—сынъ исъ школы, а батька зъ лавки. Сынъ якъ бѣгъ, дакъ икъ коню и побѣгъ прамо. То̀ конь плакавъ, а то́ ще ху̀жай плача. «Ко́ню мой дорогі́й, чаго ты плачашъ?»—А якъ жа мнѣ не плакать, што твоя матушка хоча мяне стратить.

—«А якъ жа яна хоча тябе стратить?»—А такъ, якъ и тогды было.—«Ну, ти ня можно жъ якъ-ба-нёбудь отборонитца?»—Отчаго жъ, можно! конь яму сказуя. Уже батюшки ня ўговбришъ, а скажи такъ: позвольте мнѣ, батюшка, хоть перадъ яго смертю по гброду на имъ погулять. И надѣнь самую лучьчую на сябе одёжу, бы намъ у твойго батюшки тяперъ ня жить! Приходя ёнъ у комнату, ажно матушка своимъ порадкомъ, якъ прежды дѣлала, такъ изновъ дѣлая. Яны зъ батюшкомъ яѐ звязали да й положили. Яна здалася, бытцамъ заснула. Прошнулася—опять тое пляте, што пляла. Батюшка согласянъ, и ўговáрая сына: мой сынокъ, у мяне кóній повна стайня. Бяри сабѣ котораго хочашъ, а матушка жъ дорожѣй коня! Сынъ яму отказуя такъ: «ну, говора, родимый мой батюшка! Дай жа мнѣ самую лучьчую одёжу, самую дорожѣйшую; хотя жъ я перадъ яго смертю на имъ покатаюся по городу!» Батюшка сына одѣвъ якъ найлучьче. Пошовъ сынъ къ коню, поклавъ рукỳ на крыжъ—конь яго якъ цопнувъ заднимъ копытòмъ у груди, дакъ енъ у три кулѝ и покатився отъ яго. Уставъ ёнъ, ставъ ямỳ оброть надѣвать—енъ яго якъ цопнувъ пяреднимъ копытóмъ у груди, дакъ енъ зновъ у три кули покатився отъ яго. У третьтій разъ енъ ставъ сядло накладать на коня. Конь яго якъ цопнувъ, дакъ енъ и не страпянувся. Тоды говора: «кóню мой дорогій, за што ты мяне такъ бъёшъ?»—Я тябе ня бъю, да я табѣ силы прибавляю. Иди, распростись зъ батюшкомъ и зъ матушкой—поѐдомъ мы далёко. Ёнъ пошовъ, зъ батюшкомъ распростився, зъ матушкой, съ усими рòдными, и маршъ на коня. Самъ бывъ да й нема, тольки яго и чули.

Прискóчили яны чаразъ девять зямель у десятое царство. Пріѣжжають икъ гóроду. Ля города поплавéцъ. И стоить на имъ три кусты: кустъ калиновый, кустъ смуродовый и кустъ супщиновый. Уѣжжають яны ўсерадѝ кустовъ. И сказуя яму конь: «иссѣдай жа зь мяне, искидай дорогое платьтя съ сябе да клади на верхъ на мяне, а самъ одѣнься такъ, якъ простый мужичокъ: обуй лаптики, надѣнь свиточку, надѣнь мегерочку. И иди ў городъ, и не признавайся, што ты купечацкій сынъ, а скажи, што я пастуховъ сынъ: мой батька свиньней пасе, а я пошовъ, кабъ дѣ нанятца. А етый царъ да довгое уремя да садя садъ, да ниякъ не насадя: люди садять, а енъ сохня. Ну и стань ты къ цару у садовники, да не работай зъ людями, да работай одинъ. А случай табѣ якія тревоги, приходи у етые кусты и гукай мяне...» Енъ свою одёжу скинувъ, знявъ, на коня положивъ, а самъ одѣвся у простенькую одёжу и пошовъ у городъ. Приходя у городъ, ажны царськія прислуги бѣгають по городу, шукають новыхъ людей,—ти нема кого—къ цару на работу. Подходють икъ яму и спрашують: «откуль ты, парань?» Енъ имъ сказуя: оттуль и оттуль—вѣдомо, чаразъ девять зямель. «Якого жъ ты родà?»—А родà такого—простыхъ мужиковъ. Яны бачуть, што енъ не съ простыхъ мужиковъ, а ёнъ тóитца. Яны у яго пытаютца: «ти ё ў тябе батька?»—Ё!—«Чимъ жа енъ займаетца?»—Свиньней пасе. А я ўже ня хòчу свиньней пастить, пошовъ, кабъ идѣ нанятца.—«Ходи ты къ нашаму цару, наймися садить садъ!» Ёнъ кажа: можно! Повялѝ яны яго къ цару. Привяли къ цару. Царъ ставъ распрашавать: «чій ты сынъ?»—Я пастуховъ сынъ. Мой батька свиньней пасе, а я свиньней пастить уже ня хóчу, пошовъ, кабъ идѣ нанятца.—«Ну, наймися ў мяне садить садъ.»—Наймуся. Да тольки ня хочу зъ людьми работать, а коли одному, дакъ буду работать. Яны яго повялѝ, и

показали яны яму̀ мѣсто. Енъ ста́въ работать. Ставъ работать, стало яму шанцовать. Люди работають—садъ сохня, а енъ работая—примаетца, и растѐ, и цвѣтѐ. Пошли глядѣть саду, ажъ у яго слава Богу. Зняли тогды тыхъ народовъ зъ работы, и дали яму̀ увесь садъ. Построили яму̀ у саду горницу. Ставъ енъ у саду жить, работать. Яму пищу доставляли, и принимали, и одявали. И стала ходить ме́ньшая дочка̀ царськая у садъ зъ дѣвушками. И дай къ яму захо́дить у горницу. И стала яна у яго улюблятца, и стала у яго пытатца: чій ты сынъ? А енъ кажа: а я пастуховъ сынъ.—Нѣ, кажа: ты не пастуховъ сынъ; а ты хоть якого купца, а хоть якого князя. Стала яна тамъ маленько нѣшто записавать, и отхинулася. Енъ узявъ, да на той самой паперцы што-небудь и записавъ. Яна ще боли стала яго полюблять, и стала почащай къ яму̀ заходжувать, стала поболи ў яго распрашувать. Енъ не сознаетца.

Издавнѣй было такое ўремяно̀, што не сватали, якъ тяперъ, а высылаетца потретъ. Во̀ и за потретъ коли полюбя, дакъ заручины гуляють, ну не полюбя, дакъ назадъ отсылають. И пришло къ етому самому̀ цару три потреты. Старшая дочь приняла, и сярэдьняя приняла, а ета—ме́ньшая—не приняла. «Я не пойду, кажа, ни за ко́го, а пойду за садовника.» Зь яѐ и батька смяетца, зь яѐ и сестры смяютца, зь яе и прочьчіе смяютца: «што ты идешъ за пастуха замужъ?»—Нехай сабѣ пастухъ, я пойду за яго замужъ! И почащай усё къ яму ходя, и ўсё у яго выпытуя. Ну енъ ёй одно кажа. И занимаетца ў ихъ бо́льшія дочкѝ свадьба. Заручины згуляли, повянчать повянчали, тольки бъ уже занимать вясельля гулять. Ажъ присылая нячистая сила зъ мора, той самый змѣй, што хотѣвъ яго стратить, кабъ ве́зти царевну бо́льшую яму на жра́ньня. То̀ гуляли по вясёлому, а то стали гуля́ть по жало́бному: стали плакать, стали рыдать. Пошла меньшая дочка къ свойму пастушку: «прощай, говора, другъ мой любезный! Можа тамъ мѣсто тыя да мяне отдадуть, однача я батьку усердила!» А енъ уже отказуя: и зъ Богомъ, кажа. Нехай ёнъ тамъ хоть и ўсихъ поѣсть. Вотъ-то, кажа, до́бро-бъ было!.. Яна отъ яго пошла, ихъ сичасъ и отправили зъ музыкой и съ кунпаніей зъ жало́бной, и зъ войськой. А енъ святличку свою замкнувъ, и вокошки позачинявъ круго́мъ, и пошовъ икъ тромъ кусто́мъ на поплавецъ. И крикнувъ и свиснувъ молодецкимъ голосомъ, кавалерскимъ подсвистомъ: «эхъ, сивчикъ-бурчикъ, вѣчный кавурщикъ, стань перадо мной, якъ листъ перадъ травой! Служивъ я табѣ семъ годъ, послужи ты мнѣ етый часъ!» Сивчикъ-бурчикъ бяжить, ажъ сырая мать—зямля дрыжить, зъ заду головешки сыплютца, а зъ ноздёръ поломя сапя.—«Живѣй, живѣй, Иванъ Ивановичъ, купечацкій сынъ, абы ўтратишъ! Скидай ето платтья съ сябе, а надявай своё!» Енъ тое платтья съ сябе, подъ кустъ, а тое, свое, съ коня да на сябе. Сѣвъ на коня да туды! Объѣхавъ усю вармію и заѣхавъ напе́радъ. Пріѣжжають яны къ мору. Выходя змѣй зъ мора и оявляя: «а якій ето лицаръ ѣдя упроти мяне?»—А той ѣдя, што тябе ня боитца! А змѣй отвѣщая яму: да мяне увесь свѣтъ, якъ ёсть, дакъ усѣ боятца. Тольки ёсть одинъ Иванъ Ивановичъ, купечацкій сынъ,—той мяне не боитца. Дакъ ёнъ ще младъ, яго сюды воронъ и кости̇ не занясе. А ёнъ отвѣщая яму: «да ня воронъ добраго молойца кость нося, да енъ самъ тутъ ворочаетца.» Змѣй яму и сказуя: а што жъ ты пришовъ сюды—битца, ай миритца? Иванъ Ивановичъ яму̀ отвѣщая: «да якій чортъ будя зъ нявѣрною силою ми-

ритца: я пришовъ битца!» Якъ сѣканувъ—дакъ отразу чатыре головы яму̀ и зрубивъ. Змѣй вярнувсь назадъ у мора и сказавъ усимъ боярамъ: отправляйтеся домовъ! Яны по вяселому отправилися домовъ изъ музыкой; по вясёлому зайграли, заўспѣвали, а Ивана хотѣли поймать съ конемъ и кликнули: «дяржи, дяржи!» А енъ бывъ да й нема! Прiѣжжая на мѣсто, на поплавецъ, злазя съ коня, искидая съ сябе платьтя, кладе на коня, а тое надяѐ на сябе, и отправляетца у свою святлицу. А коня пустивъ у чистое поле гулять. Прiѣжжають яны со свадьбой, и зъ музыкой, повяселому, што имъ давъ Богъ благополушно. Прибягая яго нявѣста къ яму и сказуя: «вотъ, другъ мой любезный! Слава табѣ, Господи: давъ Богъ намъ счастя!»—Што такое? Няўже ня ўсихъ поѣли?—«Никого ня зьѣвъ змѣй!»—Дакъ хто-жъ васъ заборонивъ?—«А нѣйкiй панъ-лицаръ. Якъ догнавъ насъ, дакъ кругомъ объѣхавъ насъ и заѣхавъ напяродъ. Дакъ змѣй якъ вышовъ зъ мора, якъ стали битца, дакъ енъ яму чатыре головы ссѣкъ. Дакъ змѣй назадъ у мора схувався и отправивъ насъ домовъ усихъ!»—Отъ, дурный той панъ! Нехай ба ѣвъ, хоть ба й усихъ поѣвъ!

Яны свадьбу первыя дочки догуляли, дѣло усё покончили. И заниматца стала свадьба сярэднiя дочки. А ў того змѣя пни тые отъ зрубленныхъ головъ зажили. Енъ опять подае гласъ, кабъ царъ приставивъ яму̀ сярэднюю дочку̀ на жраньня. То гуляли по вяселому, а то стали гулять по жалобному. Собрали кунпанiю жалобную, и отправили ихъ къ змѣю. А Иванъ Ивановичъ святличку свою замкнувъ и пошовъ къ тромъ кустомъ на поплавецъ, и крикнувъ и свиснувъ молодецкимъ голосомъ, кавалерскимъ подсвистомъ: «эхъ, сивчикъ-бурчикъ, вѣчный кавурчикъ, стань перадо мной, якъ листъ перадъ травой! Служивъ я табѣ семъ годъ, послужи ты мнѣ етый часъ!» Сивчикъ-бурчикъ бяжить, ажъ сырая мать-зямля дрыжить, зъ заду головешки сыплютца, а зъ ноздёръ поломя сапя. «Живѣй, живѣй, Иванъ Ивановичъ, купечацкiй сынъ, абы утратишъ! Сѣвъ енъ на коня и поѣхавъ къ мору. Выходя змѣй. Енъ якъ сѣкану̀въ, дакъ отразу чатыре головы и ссѣкъ. Змѣй схувався ў мора, а ихъ отправивъ домовъ. Отправилися яны, зайграли, заўспѣвали по вяселому А ёнъ бывъ, да й нема, и отправився у свою святлицу.

Згуляли яны свадьбу сяреднiя дочки, дѣло покончили, и стали гулять свадьбу уже етаго пастуха зь мѐньшой дочкой! Дакъ у етыя у меньшiя дочки съ пастухомъ не такое собранiе, не такая и музыка, не такая и радость, а ўсё по простóму. А ў того змѣя изновъ тые пни позаживали, и выкликая енъ опять на зжираньня самую мѣньшую уже дочку. Етыя меньшiя дочки не жалѣя такъ и батька. И нема уже къ ёй ниякаго собраньня, и музыки меняй, и кунпаняя меньшая,—войська, и плачу меняй: не весьма убиваетца батька. Собралися, садють яѐ на возъ. Яна пошла къ свойму пастушку прощатца. Пришла у яго святличку, обняла яго, поцаловала и заплакала: «прощай, мой дружокъ! Отъ батьки я ласку утратила, и отъ тябе славы не получила. Виднó мяне тамъ одну отдадуть змѣю на зъяденьня за ўсихъ!» А енъ ёй кажа: ну, и дóбро ето будя, коли ето злу̀читца съ тобой. Було табѣ ня йти за мяне!.. Яна пошла на вóзъ, а енъ живо святлицу ставъ замыкать свою. Замкнувъ святлицу, позачинявъ вокошки, и пошовъ на поплавецъ къ кустомъ. И крикнувъ и свиснувъ молодецкимъ голосомъ, кавалерскимъ подсвистомъ: «эхъ, сивчикъ бурчикъ, вѣчный кавурчикъ, стань

перадо мной, якъ листъ перадъ травой. Служивъ я табѣ семъ годъ, послужи ты мнѣ етый часъ!» Сивчикъ-бурчикъ бяжить, ажъ сырая мать-зямля дрыжить, зъ заду головешки сыплютца, а зъ ноздёръ поломя сапя. «Живѣй, живѣй, Иванъ Ивановичъ, абы ўтратишъ! Да за етымъ разомъ пораня ўже й тябе!»—Ну, хоть пораня, да надо лучьче постаратца ля жонки! Енъ тое платьтя съ сябе, подъ кустъ, а тое, свое, на сябе, сѣвъ на коня—и маршъ на мора. Выходя змѣй зъ мора: «а, ето ты, Иванъ Ивановичъ, купечацкій сынъ! Ну, што жъ ты пришовъ сюды, битца, ай миритца?»—Да якій чортъ будя зъ нячистой силой миритца, я пришовъ битца!—«Ну, и давай битца!» Бились, бились, енъ три головы ссѣкъ, а чатьвертая осталась. Змѣй чатьвертой головой справився, да яму руку и ранивъ. А царевна зъ воза соскочила, да свою хусточку на яго рану узложила. А енъ другой рукой справився, да й тую голову зрубивъ. Тулово покатилося у мора, а головы осталися. На яѐ кричать: дяржи, дяржи! А енъ якъ можно поскорѣй на коня! Да самъ бывъ, да й нема. Пріѣжжая па мѣсто, икъ кустомъ, ды иссѣвъ съ коня, пустивъ яго у чистое поля гулять, а самъ не перамѣнявъ платьтя, да пошовъ у святлицу свою. У святлицу пришовъ, двери отчинивъ, а вoконъ ня 'тчинивъ, да защапився оттуль, и самъ лёгъ уже отдыхать послѣ работы. Яны пріѣхали домовъ съ свадьбой. Усё благополушно. Батька ня вотъ-то и радъ. Яна приходя икъ святлицы, ажны позачиняты вокны и двери—ня 'тчиня дврей. Яна кругомъ походила, поплакала, поголосила —нема пастуха! И отправилася у кунпанію и сказуя: нема мойго пастуха,—утратила! Изь яѐ смяютца, приставляють разныя насмѣшки... Пошла яна на другій день къ святлицы—усё чисто позачинято,—и вокны, и двери. Приходя на третьтія сутки—ажны енъ ня тольки двери да ставни, дакъ и вокны порасчинявъ. А самъ ляжить на койцы у той самой одёжи, и той самой хусточкой накрывшись, и смяётца. Яна якъ увидѣла яго, якъ ускóчила, дакъ заразъ и обняла яна яго, а ёнъ яѐ. И признавсь енъ тогды усё отъ конца и до конца, якъ яму злучалось усё зъ естымъ самымъ змѣемъ: што енъ хотѣвъ яго стратить, што енъ хотѣвъ яго коня стратить, што енъ икъ яго матцы ходивъ. Узяла яна яго подъ руки изъ радостю, полюбовалися, и пошли у кунпанію до отца. Пришли къ отцу, яна и сказуя отцу: вотъ, батюшка мой родимый, хто насъ усихъ поратувавъ—пастушокъ мой! Царъ тогды обрадовався весьма, хорошо, и ставъ доволянъ меньшимъ зятемъ лучьче, якъ первыми. Свадьбу згуляли, дѣло покончили. Описавъ имъ царъ половину свойго царства, а на кончини жизни осталося усё имъ. И стали яны жить. И коника свойго вялѣвъ на стайни поставить.

М. Городецъ, рогач. у.

Крестьян. Адамъ Ѳедоровъ, 44 лѣтъ, слѣпорожденный. См. Чубин. 214, 219. Садовн. 77.

20. Удовины сыны.

Бывъ колись ня ў нашай зямли царъ. И было у яго три дóчки. Узросли яны, царъ и захоцѣвъ ихъ замужъ по'тдавацъ. Стали свататц кавалеры першую дочку, стали наѣжжацъ съ усихъ царствъ царевичи, королевичи. Никóго яна ня ўподобала. «Нѣ,

кажа, бацюшка: не пойду я замужъ, а поставця мнѣ бѣлый домъ и купи мнѣ бѣлаго шовку, и я буду у ёмъ жиць и работаць!» Цару ци довго?—ёнъ здзѣлавъ домъ и отдзяливъ дочку. Стала яна тамъ жиць, дóбро и жила, занялась шиць бѣлый шовкъ. Прикасався къ ёй нячистая сила—змѣй трохголовый, уподобавъ ету дзѣвчину и ставъ къ ей лётаць. Лётавъ, лётавъ, и возьмись ету дзѣвчину съ собой. Цяперъ етый царъ ждавъ, ждавъ—нема дочки ў госци. Поѣжжая самъ туды. Бача—запустовавъ домъ, нема дóчки. Ёнъ ускинувсь у скуку, што якъ жа можа быць—куды яна дзѣлась? Ставъ распытаватца, разслухаватца: ци ня чули дзѣ, ци не бачили. Пусцивъ вóбыскъ —и осѣвъ, ци ня 'кажатца дзѣ.

А тымъ часомъ, пожила другая дóчка годы три—уремья и ету уже отдаваць дочь, сяреднію. Енъ говора: «вотъ што, моя дочь милая, любезная: мы думаемъ цябе отдаць у людзи!»—Нѣ, говора, оцецъ мой любезный: мяне, кажа, ў людзи ня 'тдавайця, а поставця мнѣ, говора, красный домъ: я отыйду у красный домъ. И постарайцеся мнѣ краснаго шовку.—«Да, говора, любезная моя дочь: одну, кажа, ўправивъ, и цябе буду—ни за што ня буду!»Яна якъ узяла отца просиць, узяла отца просиць,—кабъ безпремѣнно домъ поставивъ. Етый оцецъ, чаго ня хоцѣвъ, узявъ и поставивъ домъ ёй, и шовку краснаго приставивъ. Пожила яна мѣсяцы три, якъ прикасалася къ ёй нячистая сила—шасциголóвый. Лётавъ ёнъ, лётавъ, и забравъ яѐ къ сабѣ у ночи. Царъ ждавъ, ждавъ—нема дочки ў госци. Поѣжжая туды—нема, домъ запустовавъ. Ставъ енъ распытаватца, ставъ разслухаватца, пўсцивъ вобыски—ня чуць! Остався царъ съ одной дочкой.

Пожила меньшая дочка годы три,—находзятца людзи къ етой. Цяперака ёнъ говора: «ну, што, говора, дочка; къ табѣ людзи нахóдзютца. Я цябе, говора, хóчу отдаць у людзи замужъ, довольно, што двюхъ дочокъ уже управивъ: третьцію никўды ня пущу!» Ставъ находзиць къ ёй зяця. Ета дзѣвчина счула, што шукая оцецъ зяця,—«нѣ, говора, оцецъ любезный: мнѣ, кажа, зяць ня треба. А поставъ мнѣ чорный домъ, и постарайцеся мнѣ чорнаго шовку!» Етый оцецъ ня хоча.—«Дочь моя любезная! Я й такъ уже управивъ двѣ, съ кимъ я тоды буду жиць?»—Оцецъ мой любезный! Мнѣ, кажа, хоць такъ, хоць такъ, дакъ зъ вами ня ўжиць! Тоды царъ узявъ домъ становиць. Поставивъ домъ и пристарався ёй шовку. Стала яна тамъ жиць. Пожила яна мѣсяцы три, али можа чатыри,—прикасався къ ёй нячистая сила —змѣй дзевяциглавый! Узявъ ёнъ къ ёй лётаць, узявъ лётаць, лётавъ мѣсяцы три, —узявъ, за ету дзѣвчину, и поляцѣвъ. Оцецъ етый довѣдався икъ ёй черазъ три дни, якъ яна къ яму,—а тутъ нема дóчки!... Ждавъ, ждавъ, завялѣвъ запречь лошадзей и ѣдзя туды, у чорный домъ. Пріѣжжая—нема дочки и послѣднія. Енъ якъ укинувся ў тугу по етыхъ дочкахъ!.. Хоча отцуратца усяго свояго—и анпери, и ўсяго. «Мѣвъ, кажа, три дочки,—цяперича нема ниводныя.» И пусцивъ вобыскъ по ўсихъ, по ўсихъ сторонахъ: хто бъ идзѣ ци ня чувъ, ци не слыхавъ вотъ такихъ и такихъ дочакъ царскихъ. «Хто тольки, каа, окажетца зъ моими дочками—половина царства отказую!» Прошло кольки уремья—тымъ часомъ нихто ня 'казуетца нигдзѣ! У другій разъ прося изновъ: «хто бъ тольки дочувся, дойскався, гдзѣ моѐ дóчки,—будзя, говора такъ жиць, якъ я живу. Тольки пожалуста, каа, прослухайцесь, дзѣ бъ хто ня чувъ!»

Було у довы три сыны. Пошли яны разъ у гумно молоциць. Приходзя къ имъ убогая, у ихъ хату: прося у ихъ хлѣбца. А ў ихъ одна матушка дома, а сыны молоцюць. Яна сычасъ гукнула сыновъ обѣдаць. Приходзяць етые хлопцы зъ гумна; сѣли обѣдаць. Убогая ета й говора: вотъ што, говора, издзѣлалось у нашимъ, говора, царстви. Було, говора, у нашаго цара три дочки, и ихъ покрадзено за ночь. Цяперича нашъ царъ прося: «хто бъ то найшовсь выказаць моихъ дочѐкъ,—половина яму царства отказую!» У другій жа разъ: «хто тольки найдзя моихъ дочокъ,—усё рóвно якъ на моимъ мѣсци будзя жиць!» Етые хлопцы сѣли обѣдаць и почули еты слóвы, што ета убогая говора. Большій говора: «я ня слыхавъ! И званьня мы ня знаемъ ничого!» А матка кажа: вотъ ба, каа, моѐ сынки, кабъ вы дзѣ-нидзѣ прочули, дзѣ дочки тыя,—жили бъ мы тоды ловко, хорошо! Тоды сяредній кажа: нѣ, кажа, ня можа ихъ сознаць нихто. А меньшій думая, што дзѣлаць. И ўбогая тая сядзиць. Думавъ, думавъ, и надумався: «эхъ, вы, говора, брацьци, брацьци, и ты матушка! Насъ три, и ихъ три. Пущай отдасць намъ по жóни, дакъ я, говора, отыйщу!» А ўбогая ета сядзѣла, сядзѣла, да словы еты почула, да дайсь-ка, да подальшъ, подальшъ—расказуя еты словы. Дойдзися до самагó цара. Етый царъ узрадовався и пусцивъ сильный вобыскъ: «будзя ёнъ благодàранъ мнóю, доволянъ, тольки сыйскаць!» Доставили яму̀ убогую; доставили къ самóму цару. «Ты, говора, убогая: слыхала дзѣ-нибудзь про моихъ дочокъ?» Яна говора: слыхала, тамъ и тамъ.—«Ну, говора, дóбро!» Завялѣвъ лошадзей запречь, узявъ ету убогую на возъ и пославъ трохъ слугъ зъ естой съ убогой. Пріѣжжая убогая къ этоту двору, и слуги спрашуюць: ето, говора, той домъ?—Ето! Тутъ сычасъ подскакуя слуга пóдъ вокошко и спрашуя у етыя старухи: «Ци тутъ удова живе?»—Тутъ!—«Ци дома твоѐ сыны?» Яна отказуя: дома!—«А дзѣ жъ яны?»—Вонъ, говора, молоцюць у гумнѣ! Енъ сычасъ кинувся къ имъ одзинъ у гумно. Пришовъ и говора: «здрастуй, Богъ на помочь! Ну што, вы, говора, слыхали про нашаго цара дочокъ идзѣ-нибу̀дзь?» Тые, бóльшіе, говоруць: нѣту, ня слыхали, говора, нигдзѣ. Етый слуга, пришовши, за ету убогую, да ў гумно, дзѣ яны молоцюць. «Ты, говора, слыхала, якъ яны говорили про царскихъ дочокъ?»—Слыхала, говора.—«А который жа, говора, говоривъ?»—А вотъ, говора, утъ етый, меньшій самый.—«Ты сказававъ объ дочокъ при убогой, при етой, якъ було?»—Сказававъ.—«А вы знаеця объ ихъ?»—Мы, говора, ня вочанно знаемъ, тольки, говора, знаемъ!—«Ну, коли жъ вы знаеця, садзицесь зъ нами, поѐдземъ!»—Нѣ, говора, я зъ вами не поѐду. Коли цару дочакъ жалко, дакъ самъ пріѣдзя ко мнѣ! Еты слуги убогую кинули, лошадзей заклали и опяць поѐхали зъ естымъ словомъ. Пріѣжжаюць къ цару. «А што, говора: окáзуетца дзѣ?»—Оказуетца, да ще не соўсимъ. Вотъ у той и той, говора, сторонѣ ёсць, говора, парань ву довы, и енъ объ ихъ зная, объ дочокъ.—«Ну, што жъ вы яго ня ўзяли съ собой ко мнѣ?»—Мы, говора, хоцѣли узяць съ собой—енъ ня хоча. Коли, говора, жалко цару дочокъ, енъ можа самъ пріѣхаць ко мнѣ! Етый царъ, ничого ня думаючи, завялѣвъ опяць коній запречь и пославъ опяць слугъ, кабъ якъ можно быць яго привязли, яго доставили. Слуги поѐхали. Пріѣжжаюць у ихъ домъ и спрашуюць у старухи: дзѣ твоѐ сыны?—У гумнѣ молоцюць. Яны сычасъ кинулися у гумно уси ўтрохъ, слуги. «Здрастви! Богъ на помочь!»—Здрастви! Благо-

дарицъ за добрыя слόвы!—«Вы ци ня слыхали дзѣ, нашаго цара нема дочокъ?» Меньшій и говора: я-то, говора, слыхавъ трохи.—«Ну, говора, пожалуста: прося енъ васъ къ сабѣ!» Енъ имъ отказавъ, што мнѣ ня уремья ѣздзиць. «А коли жалко цару дочокъ, енъ ко мнѣ самъ пріѣдзя!» Слуги зъ естымъ словомъ обороцились назадъ. Садзятца на кόній и поѣхали. Пріѣжжаюць къ цару. «А што, говора, ци были вы у яго?» —Такъ и такъ, говора: были у того чаловѣка, што чувъ про ихъ.—«Што жъ вы яго ня доставили сюды?»—Мы, говора, хоцѣли доставиць, да ёнъ кажа: мнѣ за вашими дочками нéколи ѣздзиць. А коли, говора, цару жалко, то енъ пріѣдзя самъ сюды. Етый царъ нибытто трохи ўсердзився, разсерчавъ: «якъ жа, говора, мяне не послухаць, приказу мойго?» Али обдумався: «э, говора: оказуютца моѐ дзѣци! Мнѣ можно и самому!» Завялѣвъ сычасъ запрагаць кόній и ўзявъ съ собою скольки-тамъ кого енъ хоцѣвъ, и поѣхавъ. Пріѣжжая къ етому дому, къ етой удовѣ и спрашуя: «ето, говора, удова?»—Ето.—«А дзѣ твоѐ сыны?»—А нѣту дома.—«А дзѣ яны?»—У гумнѣ молочуць.—«Ну, дόбро. Сыскаць ихъ!» Ну, матка збѣгала, и сказала: царъ васъ требуя,—пріѣхавъ. Яны цапы кинули, приходзяць къ етому цару. «Здрастви!»—Здрастви!—«Вы, говора, што пріѣхали къ намъ?»—Я чувъ, каа, што вы слыхали объ моихъ дочокъ! Бόльшіе кажуць: «нѣ, мы ня слыхали!» Етый то царъ испугався. А меньшій говора: «слыхали, и вѣдаемъ, дзѣ яны.»—Вы можеця ихъ сыскаць, моихъ дочокъ?—«Мы, говора, дочокъ можамъ сыскаць ихъ, тольки кабъ намъ по жόни було!» Царъ етый, ничого ня думаючи, и отказуя имъ, говора: тольки сыйщиця моихъ дочокъ: вамъ, говора, усё мое царство останéтца. Потому, говора, што ў мяне дзяцей нѣту: кому яно останéтца?—«Ну, хорошо, говора: поѣдземъ, говора, старатца. А вы зъ Богомъ отправляйцесь домовъ.»—Ну, якъ жа вы, говора: коли вы окажецесь назадъ?—«Годъ, то навѣрно будземъ, каа, нуждатца, а што подольшъ—Господзь вѣдая. Яще ци будземъ и сами живы. Рады, говора, старатца етому дзѣлу, тольки моѐ браты плόхи: не надзѣюсь я на ихъ, тольки самъ на сябе надзѣюсь, а на братовъ нѣту. Ну тольки поѣдземъ старатца!» Енъ говора: ну, кольки вамъ грошій даць на дорогу?—«Намъ, говора, гроши не надо, мы, говора, гроши нáйдземъ. Хоць головы, каа, положимъ, хоць нáйдземъ дзѣвокъ и гроши нáйдземъ!»—Ну, дзѣ жъ вы, говора, лошадзей будзеця брачь? Енъ яму̀ отказуя: «ето не ваша дзѣло: я што надумався, то й найду, то й здзѣлаю!» Царъ и поѣхавъ домовъ. *)

Цяперъ ёнъ говора на своихъ на братовъ: «убирайцеся, пόйдземъ!»—Куды жъ намъ ицицъ? Што жъ мы пѣшки пόйдземъ?—«Ето не ваша дзѣло! Я найду кόній!» Попрощались зъ матушкой: «Матушка, баслови насъ ициць у чужую зéмлю далёко!» —Моѐ сынки любезные! Якъ жа вы пѣшки пόйдзеця? Яны ей отказуюць: «нѣ, лю-

*) Въ гомельскомъ у. дочери просятъ краснаго, синяго и чернаго шелку: „покуль не наўчусь я шить—вышивать, дотуль не пойду замужъ!“ Объ удовиныхъ сынахъ донесъ царю „старецъ“ (нищій). „Первая слуга“ поѣхала прямо въ гумно и поковыряла токъ подковами. Братья слугу побили за это и прогнали. „Другая слуга“ уже слѣзла съ коня и кажа: могáйбо!—Здоровъ!—Вы казали, найдетя царовыхъ дочарей. Прося васъ царъ къ сабѣ на пораду!—„Няхворъ енъ и самъ пріѣхать!..“ Царь, пріѣхавши, застаетъ братьевъ за обѣдомъ и начинаетъ говорить о цѣли пріѣзда. Братья разсердились, что онъ не сказалъ имъ: „хлѣбъ да соль!“— и не вступали съ нимъ въ разговоръ до тѣхъ поръ, пока встали отъ послѣобѣденнаго сна.

безная матушка: мы пѣшки ня пойдземъ; мы найдземъ коній.»—Сынки мое, можно на своихъ кбняхъ ѣхацъ! Меньшій сынъ отказуя: «матушка моя любезная: нашъ конь мяне зъ двора не звязе.» Попрощались и пошли. Проходзяцъ у сцепъ, у чистое поле, ажну пасе́цъ конюхъ лошадзей. Лошадзей много. Приходзюцъ яны къ етому кбнюху и говоруцъ: эхъ, говора, конюхъ—голубчикъ! дай намъ тройку лошадзей! Енъ отказу́я: лошадзи, кажа, не моѐ—лошадзи хозяина, ну тольки, говора, не на много у́ремья дамъ лошадзей. Выбирайця, каа, котораго-нибу́дзь сабѣ! Большій братъ выбравъ самаго добраго коня: вѐ етаго, каа, у́зяцъ!—А возьми сабѣ, коли уподобавъ! Енъ и у́зявъ сычасъ коня. Цяперъ сяредній выбирая сабѣ: «а я, ѓовора, утъ ету возьму сабѣ!»—Ну, бяри, говора ты ету. Сяредній узявъ сабѣ коня. И дзержуцъ етыхъ лошадзей браты етые два. «Ну, што жъ ты, брацяцъ, сабѣ не бяре́шъ лошадзя?»—Я сабѣ выбяру, говора. Ходзя рыжанькій конёкъ, небольшенькій. Енъ ѓовора: утъ етаго я возьму коня! Конюхъ тэй говора: што ты самую плохую лошадзь выбираешъ сабѣ? Тыя лошадзи хорошія, а ето самая поскудная.—«Ето не твое дзѣло: я знаю, якого брацъ лошадзя!» Конюхъ ето слово замбвчивъ. Сычасъ енъ свиснувъ на етаго коня. Приходзя енъ къ яму, конь етый. Енъ яго спрашуя, у коня: «эхъ, кажа, голубчикъ, лошадзь моя любезная! ты мяне можашъ звезцъ у чужую зе́млю, и вбзьмемъ мы нячистую силу, идзѣ найдземъ, трохъ смбковъ?»—Возьмемъ, кажа: радъ-старатца! Побрали яны етыхъ коній и повялй. Приводзяцъ у якійся городъ, и браты яму сказуюцъ: «што жъ мы вядзёмъ кбній у рукахъ? Надо садзитца!» Енъ отказуя: што-жъ мы, братцы, ще сядземъ на ихъ, коли ще у насъ припасовъ нѣту. Мы на войско ѣдземъ, а мы жъ зъ голыми ру́ками ѣдземъ. Намъ треба подзѣлацъ припасы! Допыталися, идзѣ ковали куюцъ. Приходзяцъ яны къ ковалёмъ. Работаюцъ ковалёвъ чаловѣкъ тритцацъ. Енъ и спрашуя у ихъ: можаця вы мнѣ подзѣлацъ припасы?»—Отчаго жъ, можамъ!—«Здзѣлайця жъ вы мнѣ дванатцать пудовъ мечъ!»—Можамъ.—«И дванатцацъ пудовъ булаву, и дванатцать пудовъ сядло кабъ зробили. А етымъ говора, простыя, братбмъ моимъ, подзѣлайця. Ня боли, говора, якъ по пяцъ хунтовъ!» Етые ковали узялй работацъ. Ня довго думаючи, подзѣлали. Енъ завялёвъ братбмъ: «ступайця на городъ, покупляйця уздэчки ловкія!» Етый жа рыжанькій конекъ, то бывъ—плохе́нькій, а то здзѣлався такій, што страшно на яго у́зглянуцъ. Другъ по другу идуцъ,—по хозяину. И стала у яго золотая шарсцинка и сяребраная. Принясли уздэчки. Яны коній позамуздовали етыхъ, и стали класцъ етый свой струмэнъ, сѣдлы. Увобралися якуратъ, якъ слѣдуя быцъ. Садзятца на лошадзей. «Ну, говора, братцы: молись Богу, поѣдземъ, говора, у большую дорогу!» Етые браты стали садзитца на кбній, и енъ сѣвъ. «Ну, поѣдземъ!» Побрали своѐ припасы, сѣли и поѣхали. Выѣжжаюцъ зъ города, а браты яго спрашуюцъ: «куды мы далѐко поѣдземъ?»—Поѣдземъ далёко дужо, тольки ня 'ставайцеся отъ мяне! И не поѣхавъ ёнъ шляхомъ прамо, а по поли. Ѣхали яны дзень, другій, третцій, ѣхали яны цѣлую нядзѣлю. Дороги ня пилнували, а ѣхали по лясахъ, ѣхали по водахъ. Етый жа пераляцицъ чѐразъ, хоцъ якая вода, а тая брацьця осгаетца яго. «Што я тольки васъ побравъ: вы мнѣ помочь плохая будзеця. Ну нибытто мнѣ трошки весялѣй, што вы со мной ѣдзеця!» Ѣхали яны ще нядзѣлю. Узъѣжжаюцъ на чистое поле, и видзѣнъ тутъ якійся городъ бѣлый. Браты у яго пытаютца: «Што ето, говоруцъ, вид-

но такое?»—Эхъ, говора, братцы: подъѣдземъ ближе и ўгадаемъ, што такое: городъ, моо, якій, али, можа, якій домъ стоиць. Тольки, говора, намъ къ яму̀ треба ѣхаць: мы яго ня минёмъ, етаго дому!» Пріѣжжаюць ближе—ажну домъ такій, што Божа-Божа! Ня можа и пцица пераляцѣць черазъ тэй домъ. Ажны тамъ живе́ць, што пяредній узявъ —триголовный смокъ, у етымъ доми. Пріѣжжаюць къ етому дому—вороты зялѣзныя; ня можа нихто добитца ў етый домъ. Енъ говора на братовъ на своихъ: «злазьця съ коній, отчиняйця вороты етыя: довѣдаемся, хто тутъ живець, ў етымъ доми!» Етые браты злѣзли съ ко́ній, стали етыя вороты отчиняць. Дакъ яны ихъ и не подумали отчиниць! Етый меньшій якъ соскочивъ зъ лошадзя, и товхонувъ етыя вороты—вороты и поляцѣли! Якъ поляцѣли етыя вороты, енъ кажа на братовъ: «вядзиця коній подъ повѣць!» А самъ ускакуя у домъ у етый. Ускочивъ на другій атажъ,—ажны старшая царская дочка сядзиць тамъ, на скольки зялѣзъ прикувана, а *яго* нѣту дома, енъ, нячистая сила поляцѣвъ ку́дысь. Ускакуя къ ёй етый хлопецъ, и яна яго увидала: «э, говора, голубчикъ мой, землячокъ: ци самъ ты заѣхавъ сюды, ци Господзь занёсъ?»—И сами зайшли, и Господзь занесъ, кабъ цябе отсюль узяць.—«Нѣ, говора: вы мяне отсюль ня во́зьмецця. Енъ, говора, нячистая сила, огнёмъ попаля насъ усихъ!» —Ня бойсь, во́зьмемъ! Узявъ сычасъ, зялѣзы еты потарвувавъ, и яе опро́ставъ. Наступая цемная ночь. Яна говора: «вотъ ёнъ сычасъ будзя ляцѣць. Енъ счуя цябе пахомъ и засыпя огнемъ за вярсту!» Енъ узявъ своѐ припасы: узявъ свой мечъ и узявъ свою булаву на плечи, вышовъ къ братомъ и говора: «слухайця жъ, братцы, што я вамъ буду говори́ць! Я сычасъ пойду на сустрѣчу: ну тольки жъ вы спаць не ложицесь! И якъ начане конь мой кидатца, дакъ спускайця яго ко мнѣ!» Собравсь ёнъ и пошовъ. И тамъ якаясь была гребля. Енъ подъ тую греблю и сѣвъ. А *енъ* сычасъ ляциць, огнемъ засыпавъ и ляциць. «Хто тутъ, говора, ёсць?»—Ёсць такій чаловѣкъ, што пришовъ со́йскаваць, зачимъ ты по чужихъ земляхъ крадзешъ дзѣвокъ? —«А што жъ ты, кажа, пришовъ, ци битца, ци миритца?»—Нѣ, нячистая сила, битца! Якъ сплялись битца... Билися, билися, билися, билися—помогъ хлопецъ зразу! Якъ помогъ яго хлопецъ етый—откулься узялись три проклятыхъ, три чартѣ, и стано́вютца яму̀ ў помочь. Етый братъ кричавъ, кричавъ гвалту, конь ирве́тца, а браты заснули. Енъ бився, бився—проснулися тые браты. Бачуць—конь ирветца крѣпко. Яны сычасъ приско́чили, коня етаго спусцили. Конь якъ вырвався съ стайни, дакъ земля-мацъ застогнала, якъ побѣгъ иќъ хозяину свойму. Прибѣгая къ яму̀ и спрашуя: живъ ты, ай убитъ?—Нѣ, ще живъ! Якъ узяли удвохъ садзиць, якъ узяли садзиць, дакъ яны яго убили на смерць. Енъ узявъ, головы потсякавъ яму и кинувъ подъ греблю, а яго порўбавъ на мелкія часци. Сычасъ забравъ своѐ припасы и кладзе на свойго коня. Пріѣжжая у тэй домъ. Дзѣвчина ета видзя, што ёнъ увесь у крыви, выскакуя къ яму на ганки: ну, говора, што Господзь давъ?—Убивъ, говора: головы посѣкавъ, подкинувъ подъ греблю. Ну, братцы: объ етымъ намъ нечаго богато мэдлиць—убирайцеся. Запрагайця змяиную повозку, надзѣвайця пара хомутовъ и садзиця ету дзѣвчину съ собой, поѣдземъ! Узяли яны кольки-тамъ чаго на дорогу и поѣхали. Выѣжжаюць яны на дорогу, енъ и спрашуя: «ци ня чула ты, говора: идзѣ тутъ твоя сястра живе?»—Чуць ня чула, идзѣ яна, а тольки къ етому смоку прилятавъ

братъ, дакъ я замѣцила, изъ якія енъ стороны лётая.—«Ну, я яго найду, пытатца нечаго!» И поѣхали. Ѣхали то кольки, бачуць—красный домъ стоиць—огромный! Браты спрашуюць: «якійся-то городъ видзѣнъ.»—Да, говора: подъѣдземъ, говора, ближе, дакъ и ўгадаемъ, якій городъ: городъ ето, али домъ. Подъѣжжаюць ближе, ажну стоиць домъ. «Вотъ, говора, идзѣ твоя сястра!» Подъѣхали яны туды—ще силнѣй домъ за етаго, вороты ще крапчѣй! Енъ говора на братовъ: злѣзайця съ кбній, отчиняйця вороты! Етые браты злѣзли и рады не дали ничого. Енъ якъ соскочивъ, якъ товхонувъ —вороты и поляцѣли. «Ну, подъѣжжайця съ повозкой под повѣць!» Яны подъѣхали, а ёнъ прамо у горницу, на другій атажъ. Ускочивъ туды, ажъ сяредняя дочка сядзиць, чисто уся скована у зялёзы, зъ ногъ до головы. Убачила яго, сычасъ и заплакала: «эй, говора, голубчики—землячки! ци вы сами сюды зайшли, ци васъ Господзь занёсъ сюды?»—И сами зайшли, и Господзь занёсъ. Мы, говора, и сястру твою уже привязли.—«Няхай, говора, сястра сюды придзя!» Енъ отказуя ёй: я цябе пущу къ ёй!—«Ты мяне ня 'торвешъ!»—Нѣ, каа, 'торву, по'тбиваю, каа, уси цапы! Якъ хвацивъ—зялёзы еты потарвувавъ. Выскакуя яна къ сястрѣ къ своёй и дужо заплакала: ай, говора, сястрица моя любезная! якъ ты, говора, попалася къ нячистой сили къ етой? Няўжо, каа, у нашаго бацюшки хлѣбушка ня хватало намъ, што мы ня хоцѣли ѣсци?... Тымъ часомъ наскбчила ночь. Яго жъ ня було дома, смока. Яна говора: «вотъ, сычасъ будзя ляцѣць, и огнемъ попаля, бо ёнъ за двѣ вярсты огонь пусця!» Енъ на братовъ говора: «ну, вы оставайцеся тутъ, а я пойду на сустрѣчу къ проклятому. Глядзиця жъ вы, говора: не кладзицеся спаць. Якъ начне конь ирватца, кабъ вы яго спусцили!» Да была тамъ якаясь гребля. Доходзиць енъ до тыя гребли, ажны енъ ляциць—Божа, Божа! Сычасъ, якъ подлетая, дакъ засыпавъ огонь,—исчувъ пахомъ. «Хто тутъ такій?»—А тутъ такій, што пришовъ сойскавацъ, зачимъ вы летаеця у чужія земли да крадзеця у насъ дзѣвокъ?—«Да што жъ ты вбзьмешъ яѐ отсюдова?»—Я ўже ўзявъ!—«Што жъ, будземъ битца, ай миритца?»—Нѣ, будземъ битца!.. Якъ узяли битца! Билися, билися—помогаець ёнъ,—проклятый.—Дай, каа, отдыхацъ, покуль волосъ перагориць! Отдыхнувъ троху. Узяли зновъ битца—посиливъ богатыръ. Прискакуюць изновъ къ яму тые ироды на помочь, убиваюць осилка соўсимъ. А браты етые заснули. Прохвацився одзинъ братъ, ажны ўжо лошадзь у колѣно зямлю выбивъ. Енъ скорѣй яго спусцивъ. Конь бяжиць скорѣй туды и спрашуя: ци живъ ты?—Ай, говора: ратуй! убиваюць соўсимъ!... Якъ узяли удвохъ,—дакъ осилокъ яму знявъ усѣ шесць головъ. Головы подкинувъ подъ греблю, а яго порубивъ на мелкія штуки. Тоды зъ лошадземъ приходзя ёнъ у дворъ. Сычасъ узявъ на братовъ сваритца: чаго вы укла́дуецесь спаць? Мяне, говора, были ўбили на смерць! Ну, тымъ часомъ, нечаго тутъ мэдлитца намъ: забирайця и ету сястру на повозку! Тые рады старатца. Посадзили ету дзѣвку на возъ. Уѣжжаюць у пбля. Меньшій говора на братовъ: утъ ета табѣ жана, а ета табѣ! Старшую старшаму, а сяреднію сяреднему. Вотъ вамъ по жони ёсць ужо, а мнѣ ще Богъ вѣдая гдзѣ ци на́йдзетца. Тоды говора на дзѣвчину: ци не знаешъ ты, идзѣ сястра твоя меньшая?—Я знаць не знаю, дзѣ яна, ну тольки прилятавъ проклятый смокъ у госци къ брату, дакъ я видзѣла зъ якого ёнъ боку лётавъ.—Ну, нечаго пытатца: я яго знайду! Ну, цяперака,

братцы, я лягу трошки отдышу! Выѣхали ў поле, лёгъ ёнъ отдыхаць—отдыхавъ усяго три часы. И вялѣвъ братомъ запрагаць лошадзей: поѣдомъ! Позапрагли коній и поѣхали. Ѣхали яны три дни, и видзюць яны, стоиць чорный домъ. Браты спрашуюць у яго: што ето, говора: городъ якій видзѣнъ?—А вотъ, каа, подъѣдземъ ближе, тоды увознаю! Етыя дзѣвчины видзюць, што енъ стараетца хорошо, и стали яны яму̂ благодарицъ за ето, и здзѣлали яны яму̂ перщаточки на руки: «твоѐ руки силно позбиваны; та́къ будзя болно!» Ёнъ етыя перщаточки сычасъ узявъ, схувавъ у карманъ. Подъѣжжаюць къ етому дому—ажну̂ стоиць чорный домъ, дакъ такій домъ, што уже и рады ниякія не дацъ!—«Вотъ, говоруць браты: уже ня вѣдаемъ, якъ тутъ улѣзци у етый домъ,—дужо силный!» Енъ сычасъ на братовъ: злазьця, отчиняйця вороты! Етые браты, ничо́го ня думаючи, соско́чили съ повозки, товхонули вороты, дыкъ яны и не подумали, штобъ отчиницъ ихъ. Енъ злѣзъ зъ лошадзя, у вороты у етыя товхонувъ,—не подае́тца: ня давъ рады, ня 'тчинивъ. Сѣвъ на свою на добрую лошадзь. «Нука, говора: удвохъ ци ня 'тчинимъ!» Якъ разогналися, удвохъ товхонули—шулы вонъ! Улѣзли. «Ну, лошадзей подвядзицця подъ повѣцъ!» Браты етые лошадзей подвяли подъ повѣцъ, а енъ сычасъ уско́чивъ у горницу на другимъ ата́жи, ажну̂ яна на кольки цаповъ прикована! Сковано и руки, и ноги,—усё посковано! Убачила яна яго, и заплакала силно, и говора: «здрастуй, голубчикъ-землячокъ! Ци ты самъ сюды зайшовъ, ци Господзь занёсъ?»—Да, говора: и сами йшли, и Господзь занёсъ. Ну, тольки, говора, мы ужо твоихъ сясцёръ привязли сюды обѣихъ.—«Мяне отсюля ня во̂зьмеця, потому, говора, што етый дужо силный, етый дзевяциголо́вный!» Енъ якъ узявъ старатца, да зялѣзы етыя потарвувавъ. Яна выскакуя къ сестрамъ. Ето видзиць яна, што ужо браты старатца ня хочуць и яму разсказуя: «ты имъ давъ по жони, а яны ня хочуць старатца!»—А я ихъ жалосци ня хо́чу; яны мнѣ ня помогуць ничо́го!—«Ну, говора: ёнъ дужо силенъ: ёнъ запаля огнемъ за три вярсты; и домъ етый спаля, и насъ попаля!» Надыходзя ночь; енъ убираетца. «Глядзицця жъ, кажа, не засыпайця тутъ, кабъ лошадзя спусцили сычасъ, а я пойду на сустрѣчу!» Узявъ, на столъ поставивъ стаканъ, и надъ стакано́мъ повѣсивъ етыя своѐ перщаточки. «Браты вы любезные! Вы, говора, кладзецёся спацъ; дакъ лядзицця: якъ поцячѐ зъ естыхъ съ перщаточакъ кровъ у стаканъ у етый,—дакъ вы якъ можно лошадзя спускайцця мнѣ!» А самъ пошовъ на сустрѣчу. Доходзиць до гребли—якаясь тамъ была—дакъ енъ сычасъ и ляциць. Якъ запусцивъ огонь за три вярсты, дакъ енъ яго по колѣни усыпавъ йскріемъ. Подлятая къ яму̂ ближе: «да, говора: попавсь! Вотъ, каа, больше ня будземъ оторвувацъ дзѣвокъ!»—Я за етымъ пріѣхавъ, што я ихъ до́вжанъ поторвувацъ: вы, песьсее мясо, ня довжны красцъ по чужихъ земляхъ дзѣвокъ!—«А што мы, говора: будзе̂мъ битца, ай миритца?»—Нѣ, я не за етымъ пріѣхавъ, кабъ миритца, а за тымъ, кабъ битца!.. Якъ узяли битца... Билися, билися, билися, билися—помогая проклятый. Ёнъ про́ситца: дай отдыхнуць, покуль волосъ перагорицъ!. А браты уклалися спацъ. Цяперака прошнулася бо́льшая дзѣвчина и бачиць, што съ стакана̂ кровъ уже пошла черазъ, и закричала: ступайцця, скорѣй лошадзя спускайцця! Тые побѣгли, лошадзя спусцили. Енъ уже чуць тольки живый! Конь етый прибягая: ци живъ ты, ай убитъ?—Нѣ, каа, щѐ живъ. Якъ узяли битца, узяли битца—помогли проклятаго!

Якъ тольки убили, такъ яму головы етыя доловъ поссѣкавъ, подъ греблю позакидавъ, а яго на мелкія часточки порубавъ. За свойго за добраго коня, и на хвацеру. Цяперъ етые рады ўси, што собралися: слава Богу, сямейку собрали ўсю: три сястры и три браты.—«Ну, говора, братцы: нямэдленно запрагайця коній,—ѣдземъ!» Етые браты запрагли смоковыхъ коній и повозку яго, дзевяциголовнаго, и поѣхали. Дзѣвки поѣхали у повозцы, а браты поѣхали на своихъ кóняхъ, верхи. Проѣхали яны, можа, вярстовъ дзесятокъ, и ета яго дзѣвчина знимая зъ руки съ своѐ золотое кольцо и дае яму. Ёнъ ня хоча брацъ. Яна на яго говора: «другъ мой любезный, надзѣвай! Я рада, што ты мяне вызволивъ; вѣрно уже я твоя буду супруга!» Енъ узявъ у яѐ персцянь и надзѣвъ. Надзѣвъ ето кольцо, и уздумавъ, што забывсь перщаточки у доми ў тымъ. «Ну, говора: пойду по перщатки!» Яны яго не близко! Ня пускаюць уси гўртомъ.—«Нѣ, говора: пойду! Кабъ проклятая сила нашимъ добромъ не пользовалась! А вы, говора, малéнько обожджиця тутъ, покудова я.» Енъ якъ побѣгъ назадъ, ускакуя у етый домъ. Тольки хоцѣвъ етыя перщаточки зняць—откуль бывши, сычасъ сатóнки двери позачиняли, прiўкрапили домъ. Остаéтца енъ у дому одзинъ душой! А тўтъ ни коня немашъ зъ имъ, ни припасу. Яны ждали, ждали—яго ня чутно. Дзѣвки етыя говоруць: нуця вéрнемся ўси назадъ! А браты говоруць: ‘не надо!’ Цяперъ енъ, бѣдный, кйдався, кйдався тамъ—нямозкно яму вылѣзць оттуль. Яны ждали, ждали, да й поѣхали, яго кинули одногó. Енъ сядзѣвъ у етымъ доми нядзѣли двѣ. Орашеньня (рѣшенiе) яму уже приходзя, сусимъ смерць ужо подходзя. Зирнувъ на рукў на свою, ажну на руцѣ кольцо золотое. Енъ перщаточки етыя сычасъ у карманъ, и што ўздумавъ: ахъ, говора, Господзи милосэрдный! Няўжо, говора, за мою щиросць Господзь мяне не пожалѣя ничимъ, ня вызволя отсюль? Да ўзявъ, да зъ руки на рукў кольцо перамянивъ. Сычасъ двери етыя и по'тчинялися. Якъ отчинилися, енъ оттудова якъ вырвався! Сычасъ прискакуя къ яму штукъ шесць проклятыхъ. Енъ имъ не подався. «Ну, говоруць: стольки жъ ты старався, а табѣ, говора, ня мѣць жóны!» Тутъ, етые двое зачали зь имъ буховатца, а тые уздогонъ за ими ўчатырохъ. Здогнали ихъ и дзѣвокъ побрали. Яны якъ узяли дзѣвокъ, стали тоды браты просиць у иродовъ у етыхъ, и своихъ выпросили, а меньшую отдали. Ёнъ вырвався оттуль, якъ пошовъ, да пѣшшой уздогонъ, ишовъ, ишовъ—не догнавъ нигдзѣ! Годзи гнатца! Засмуцився енъ, што якъ бився, якъ старався—нема ничого! Идзéць ёнъ сабѣ дорогой, самъ сабѣ одзинъ; ишовъ ня пивши, ня ѣвши нядзѣли двѣ. Прибиваетца къ дзяревни. Попросився на ночь. Яны яго пўсцили и пытаютца: откуль ты, чаловѣча?—Я подорожный чаловѣкъ! У дзяревни жъ у той бывъ тамъ якiйсь коваль. А ў того у чаловѣка, што ёнъ на ночь попросився, была дочка дзѣвка. «Вотъ, каа, чаловѣкъ добрый, ты утомивсь, идзи, каа, у зáпячакъ, тамъ отдыхай.» Етый полѣзъ у запячакъ, лёгъ отдыхаць. Приходзя тая дзѣвка у вечару. «Вотъ, говора: у нашаго, говора, цара покрадзяны, говора, дочки, и цяперъ ёнъ вобыскъ такiй давъ, штобъ ни нашовъ тольки хто дзѣ ихъ, усё отказуя царство. И найшлось, каа, три браты сыйскаць етыхъ дзѣвокъ. Поѣхали яны искаць ихъ—отыйскали. Ѣхали яны домовъ, дакъ меньшiй братъ призабывся перщаточки у смоковымъ доми. Пошовъ по перщатки, а яго хропъ! и зачинили у доми ў тымъ. А браты не поѣхали назадъ ратоваць, да домовъ по-

ѣхали. Догоняюць ихъ на дорози ироды ўчатырохъ, и ўзяли ў ихъ етыхъ дзѣвокъ, отобрали. Дакъ тые два отпросило своихъ, а тэй, што старався, дакъ того узяли, отдали имъ дзѣвку тую. Дакъ вотъ цяперъ тыя дзѣвки идуць замужъ за етыхъ за хлопцовъ, што привязли. Цяперъ царъ скучаець, што отчаго жъ нема того самаго воина и нема меньшія дочки? Яны яму отказали, што идуць узадзи. Дакъ вотъ, говора, прислали къ нашаму ковалю, кабъ ёнъ имъ повыливъ золотыя кольцы. Енъ, коваль етый, повыливавъ, повыливавъ и отославъ двёмъ етымъ. Етыя кольцы дойшли до самóго цара. Енъ отдавъ ихъ дочкамъ. Тыя полядзѣли—хорошо повыдзѣлавъ. Тутъ нямэдленно и свадзьба зь ими: уже жъ нялъзя отказаватца цару, потому—слово!» А ўдовинъ сынъ, сѣдзючи, спрашуя: а ня чула жъ ты, коли у ихъ будзя свадзьба? Енъ, бачъ, прослухая, што будзя дальшъ. Увознавъ енъ у якое число свадзьба и пошовъ ближе къ царству. Приходзя зновъ у дзяревню и проситца на ночь. Людзи говоруць: у тамъ, на краю, живе у насъ коваль, дакъ у яго можно пераночуваць. Приходзя удовинъ сынъ туды, попросивсь на ночь; яны яго и пусцили. А коваль да дужо пъяница большая. Напивсь горѣлки и приходзя съ кузьни домовъ. Приходзя яго дочка—идзѣсь была—и сказуя: вотъ, говора: у нашаго цара покражаны дочки; нў тольки ихъ потыскували: двѣ упяродъ пріѣхало, а третьцяя цяперъ оказалась. У тое и тое число будзя свадзьба. А коваль тэй, сѣдзючи: ну, пойдземъ уси на свадзьбу глядзѣць! Тольки што ето поговорили, сычасъ приказъ вышовъ, кабъ коваль етый выливъ такое и такое кольцо. Коваль говора: дóбро, я выльлю! Тоды етый удовинъ сынъ лёгъ отдыхаць и говора: «дзядзь, и я, каа, умѣю выливаць кольцы!»—Якъ ето, каа, ты зроду не работавъ, да ты здзѣлаешъ? Ты ня здзѣлаешъ!—«Нѣ, говора, здзѣлаю!»—Ну, нà жъ табѣ, говора, хорму утъ ету, што выливаютца кольцы, а я лягу трохи поляжу! Ето, знаешъ, коваль пъяный. Етый коваль лёгъ спаць, а хлопецъ кольцо зъ рýки, да ў бумажачку увярцѣвъ. Прошинаетца тэй коваль: эй, говора: запознився я, ня будзя готово кольцо, а треба, кабъ яно къ тому и тому часу было готово. Вотъ, кажа: пошовъ ба на свадзьбу и яго бъ узявъ съ собой. Удовинъ сынъ кажа: я жъ выливъ кольцо! Позирнувъ етый коваль на ето кольцо, дакъ ёнъ зродъ ня здзѣлая такого! «Ого, кажа: хорошо! Буду, кажа, госць, што здзѣлавъ такую штуку!» Узявъ кольцо да ў карманъ. И понясися етому кольцу на свадзьбу къ цару. Подавъ ето кольцо цару,—царъ зирнувъ на кольцо, ажну ето кольцо дзѣлавъ енъ ще, выливавъ дочцѣ своёй мѐньшай. Лядзѣвъ енъ, лядзѣвъ: мое кольцо! Богато ня мэдляючи, къ дочцѣ. Подáли ёй на руки полядзѣць ето кольцо—яѐ кольцо! Яна ў голосъ: «откýль ето кольцо узялось? Ето, говора, кольцо того друга мойго, што енъ объ насъ старався! Ня ўжо бъ енъ, говора, идзѣ живъ ящѐ?» А яна, бачъ—попався ёй зновъ няхрищоный, и яна присягнула яму, што выйдзя за яго, кабъ тольки енъ яѐ назадъ не цягнувъ. Цяперъ яна пусцила цихій вобыскъ, сказала братомъ и сястрамъ: «тутъ ужо нѣйдзи другъ нашъ! Окажися!» И енъ оказався ёй цихимъ порадкомъ. «Будзешъ ты ѣхаць до вянца, дакъ кабъ одзѣжу узяла мнѣ, а то я, бачъ, у лапикахъ, обнищився. Я яго на дорози убэйдарую, а съ тобой повянчаюсь.» Ну, яны ѣдуць до вянца, ничого ня думаюць, а енъ пошовъ уперадзѣ. И яна примячая усякаго чаловѣка, усё глядзиць, кабъ увознаць. И ўвознала. И сычасъ говора: чаловѣча,

подсядзь, говора, зъ нами!—на яго. Енъ сѣвъ. Яна сычасъ облилась слязами. Сторожа̀къ (и *стрыжа̀къ*) етый пытаетца у яѐ: чаго ты плачешъ? А яна яму ужо ня хоча говорицъ. «Перадзѣвай, каа, одзѐжу, чаловѣча!» Енъ сычасъ узявъ, одзѐжу перадзѣвъ. И тоды яна говбрицъ: утъ ето мой другъ! Дакъ удовинъ сынъ яго якъ хапивъ за голову, да якъ швыргне, дакъ на кольки часцей порвавъ яго, на мэтлахъ! Цяперъ здзѣлали воборотъ назадъ къ цару—покажися, каа, налишно. Пріѣжжаюць яны, царъ и говора: «вотъ, говора, мой зяць! Вотъ етый старався, вотъ етый нуждався.» А яны уси собралися къ яму: три сястры, три браты. «Вотъ за етымъ усё моё царство!» Три годы нуждався, ходзивъ, а цяперака ставъ царомъ, Иванъ-удовинъ сынъ. Повянчалися, узяли матку къ сабѣ *) и стали жиць да поживаць. А на братовъ сказавъ: вашу ласку я вамъ пбсли отдамъ.

Дер. Новоселки, кормянской вол. рогачев. у.

Крест. Өедотъ Игнатовъ Горѣликъ, 68 лѣтъ. Въ молодости сплавлялъ плоты по р. Сожу. См. Афан. II, 280, III, 6, V, 118.

21. Сынъ продадзёный.

а, Живъ у нашай сторонѣ лясникъ. Дзяцей у яго былò порадошнаго, а живъ при большой бѣдносци, и заняціе яго былò ружейное. Вотъ разъ пошовъ ёнъ у лѣсъ. Ходзивъ, ходзивъ ёнъ нѣскольки уремя—сядзиць пцица на дзерави съ сянную копу. Ёнъ ладзитца ету пцицу биць. Пцица ета отвѣщая яму: «ахъ, чаловѣча добрый! ня би мяне, я живъёмъ табѣ у полу ўлячу!» Енъ ружжо подъ дуба, полу подставивъ... Ждавъ, ждавъ—яна не падая. Ёнъ узновъ за ружжо; ахъ, кабъ ты околѣла, што ты мяне обмануешъ? Я цябе за другимъ разомъ убъю! Отвѣщая яму пцица: «ахъ, чаловѣча добрый! ня би мяне, а табѣ живъёмъ у полу ўлячу!» Енъ ружжо подъ дуба, разгарнувъ полу, дзяржиць. Ждавъ, ждавъ—не ляціць. «Ахъ, кабъ ты здохла! Што ты мяне другій разъ обмануешъ? За третьцимъ разомъ я цябе вѣрно ужо ўбъю!» Енъ за ружжо, отводзя окурокъ. Тольки бразнуць,—а пцица отвѣщая яму: «ахъ, бѣдный добрый чаловѣкъ! ня би мяне, я табѣ живъёмъ у полу ўлячу!» Ёнъ ружжо подъ дуба, разгарнувъ полу, и жджѐць. Яна яму у полу и ўпала. Принёсъ енъ тогды ету пцицу домовъ. Яна яму и говора: «што я табѣ скажу, бѣдный добрый чаловѣкъ: ци ёсь у цябе корова?»—Ёсь!—«Ну, рѣжъ корову, да корми мяне, бо будзя табѣ голоба за мяне!» Енъ корову зарѣзавъ. Пцица яѐ троя сутокъ ѣла, а послѣ того троя такъ посядзѣла. «Што, говора, бѣдный добрый чаловѣча: ци ёсь у цябе другая корова?»—Ёнъ говора: ёсь!—«Ну, рѣжъ опослѣднюю корову, ды корми мяне, бо будзя табѣ голоба за мяне!» Енъ говора своёй жонцы: «ци вѣдаешъ, баба: ета пцица говора, што рѣжъ опослѣднюю корову, ды корми мяне, бо будзя табѣ голоба за мяне!»—Ну што жъ, говора жонка: чимся мы мали отвѣчаць за яѐ, дыкъ лучьче зарѣжъ! Енъ и зарѣзавъ. Яна троя сутокъ ѣла, а троя такъ посядзѣла. На чацьвёртыя сутки говора: «Што, бѣдный добрый чаловѣча!»—А што?—«Няси мяне туды, дзѣ ты мяне ўзявъ!» Енъ яѐ

*) По гомельскому варіанту, мать богатыря была взята во дворецъ, по его просьбѣ, тотчасъ при отправленіи сыновей на подвиги. „Давъ ей царъ горницу и слугу.“

опяць у полу и понёсъ. Приноси подъ того дуба: ну, говора: ляци!—А нѣ, бѣдный добрый чаловѣча! Я сама къ табѣ оттуль звалилася: посадзи мяне такъ, якъ я сядзѣла. Енъ ето полу скомкавъ свою, и на дуба лѣзя. Узлѣзъ на дуба можа сажань, можа два. Ета пцица съ полы да подъ яго. Яна яго якъ несци, дакъ несци, и занясла за тридзевяць зямель. Уносиць яго ў рощу у такую, што ня здумаць, ня ўгадаць, только ў казки сказаць. У тэй рощи стоиць привукрасный домъ. Пцица ета говбрицъ: «У етымъ доми живе́ць мой бацька и матка. Идзи ты къ мойму бацьку, къ матцы. И будуць яны у цябе спрашаваць: ци ня бачивъ ты Соловъя-разбойника, нашаго сына? Ты скажи, што бачивъ; не довольно того, што бачивъ, дакъ у своёмъ домѣ дзяржавъ; не довольно того, што дзяржавъ, дакъ двюхъ коровъ стра́вивъ на ёмъ. И будуць яны табѣ давацъ усяго, што заўгодно: и золото, и серабро, и мѣдзь. Дакъ ты ничо́го не бяри, а только скажи: «ваша царская милосць! ничо́го я зъ васъ ня хо́чу, только ёсь у васъ подъ подушками ўголовахъ три галочки: одну галочку отдайця мнѣ, а двѣ заста́нетца вамъ.» Ёнъ повѣра, што ты мяне видавъ, и галочку табѣ отдась. Ты жъ тамъ довго ня будзь: не больше, якъ троя сутокъ, бо мнѣ выходзюць лѣты, треба оявитца къ бацьку, къ матцы! Енъ и пошовъ. Подходзя подъ вокно къ матцы, яна убачила яго и кажа: «а, здрастуй, бѣдный добрый чаловѣча! Куды йдзе́шъ, куды пуць дорожку вядзе́ць? Ты по свѣту ходзивъ: ци ня видзѣвъ дзѣ Соловъя-разбойника, мойго сына?»—Видавъ, видавъ; не довольно того, што видавъ,—а ў своёмъ домѣ дзяржавъ; не довольно того, што дзяржавъ, дакъ и двѣ коровы стравивъ на ёмъ.—«Ну, говориць, брацецъ: не я табѣ отдата, а панъ Богъ заплата!» Сичасъ яго напоила, накормила, да подъ печку. Ходзяинъ приходзя, по хаци ходзя: «пхе! русь-кось пахня далёкая!»—Ахъ, говора, душанька: ты по Руси летавъ, Руси набрався, дакъ яна табѣ и пахня.—«Ахъ, говора, вѣрная моя супруга: не говори мнѣ! Коли я знаю, што вѣрно русь-кось пахня далекая! Давай вячерацъ!» Сѣли яны вячерацъ.—«Што, говора, другъ мой милый: што бъ ты здзѣлавъ, коли бъ нашъ сынъ явився?»—А ничо́го: не знавъ бо дзѣ яго дзѣцъ, и зъ жалосци разорвавъ ба яго!—«Ну, а коли бъ пришовъ такій чаловѣкъ, што разсказавъ ба про яго, ци живъ ёнъ—ты бъ яго не страцивъ?»—Нѣ! Напоивъ ба, накормивъ и дорогу показавъ.—«Ну, дакъ у мяне жъ ёсь такій чаловѣкъ!»—Ну, давай яго сюды! Вотъ яна печку отчинила: «лѣзь, бѣдный добрый чаловѣча, оттуль!» Енъ вылязъ: «здрастуй, ваша царское вяличаство!»—Здрастуй, бѣдный добрый чаловѣкъ! Што жъ, братъ: видавъ Соловъя-разбойника, мойго сына?—«Видавъ, говора. Не довольно того, што видавъ, дакъ и ў своёмъ домѣ дзяржавъ; не довольно того, што у доми дзяржавъ, дакъ и двѣ коровы стравивъ на ёмъ!»—Ну, брацецъ: не я табѣ отдата, панъ Богъ заплата. Садзись со мной вячерацъ! Енъ сѣвъ зъ имъ, повячеравъ. Назаўтраго, давъ Богъ дзень, енъ повёвъ яго туды, дзѣ ўсё лежало: и золото, и серабро, и мѣдзь, и одзёжа.—«Ну, говора, бѣдный добрый чаловѣча: бяри сабѣ, што хочешъ: ци золото, ци серабро, ци мѣдзь. Бяри, кольки понесци!»—Нѣ, говора, ваша царское вяличаство: ня хо́чу я ничо́го! Ёсь у васъ подъ подушками ўголовахъ три галочки: вы одну мнѣ отдайця, а двѣ останетца вамъ.—«Ну, молодзецъ, бѣдный добрый чаловѣкъ! Вѣрно видавъ мойго сына! Почомъ ба ты знавъ, што у мяне ёсь подъ подушками ўголовахъ три галочки.» И отдавъ яму одну галочку. «Ну, бѣдный добрый чаловѣча!

Бяри цяперъ золота, кольки понесци!» Енъ узявъ, набравъ клума́къ золота, и выходзя у рощу, а Соловей-разбойникъ кричиць на ўсю голову: «эй, бѣдный добрый чаловѣча! ходзи скорѣй, а то мнѣ выходзюць лѣты. Я цябе тутъ и брошу. Треба мнѣ оявитца къ бацьку, къ матцы!» Енъ приходзя къ Соловью, той узявъ яго на сябе и понёсъ. Вотъ якъ несци, дакъ несци, якъ несци, дакъ несци, и занёсъ за двадзевяць зямель назадъ. «Ну, говора, бѣдный добрый чаловѣча! Мнѣ вышли лѣты, треба оявитца къ бацьку, къ матцы. Поспѣшай жа ты домовъ, и штобъ ты еты гроши занёсъ подъ того дуба, идзѣ ты мяне бравъ. Да глядзи, кабъ ты сяродъ дороги етыя галочки не разляпивъ, а то будзя табѣ худо!»

Енъ изъ естыми грошами ици, дакъ ици, ици, дакъ ици, ици, дакъ ици,—старався поспѣшаць и дзень и ночь. Ну и вышли етыя гроши до копѣйки. Обхарчився енъ, што й ѣсць нечаго. Вотъ енъ звярнувъ у лѣсъ, сѣвъ на колодзи и развярнувъ ету свою галочку... Якъ тольки развярнувъ, такъ и стало у яго царство. Ставъ енъ ца́ромъ, и стала ў яго и прислуга и ўсё. Енъ жиць, дакъ жиць, жиць, дакъ жиць—и соскучавъ. «Ахъ, говора, Господзи! живу я тутъ одзинъ, а жана моя зъ дзѣтками дома. И я ня вѣдаю объ ихъ!» Однымъ словомъ соскучивъ. Подходзя къ яму сатанюка: «Што ты, бѣдный добрый чаловѣча, зажурився?»—Да што, говора: разляпивъ я свою галочку, ниякъ не зляплю.—«А што мнѣ будзя: я зляплю!»—А што ты хочешъ?—«Отдай тое, што ў дворѣ ня вѣдаешъ!» Енъ думавъ, думавъ: што тутъ такое? Покинувъ я ў дворѣ двананцаць дзяцей; усё я знаю... А того не зная, што бяременную жонку покинувъ у дворѣ. «Ну, пущай сабѣ: отдамъ табѣ, што ў дворѣ ня вѣдаю!»—Ну, распишамся! Енъ разрѣзавъ мезяный палецъ, и пошла зъ естаго палца кровь. Енъ етою кровью и расписався на бумази. Гетый сатанюка схапився за кольцо и выскочивъ на крыльцо, крикнувъ казацкимъ голосомъ, молодзецкимъ подсвистомъ, плеснецъ зъ ладони на ладоню,—и зляпивъ ету галочку. Енъ узявъ галочку и пошовъ. Ици, дакъ ици, ици, дакъ ици, и пришовъ подъ того дуба. Разляпивъ енъ тутъ тую галочку, и ставъ у яго дворецъ, стало царство, и енъ ставъ ца́ромъ. Вотъ и ставъ енъ тамъ жиць. Проживъ енъ тамъ кольки ўремя. Разъ урани выходзиць енъ на крыльцо, глядзиць,—ажъ идзе яго жонка. Якъ схвацютца—поздоровкались. «Здрастуй, моя вѣрная супруга!»—Здрастуй, милый другъ! Прибѣгли дзѣци, ухапили за руки, за ноги, обцалували: «Здрастуй, бацюшка!»—Здрастуй, дзѣци! Што-жъ, моя вѣрная супруга, чій ето грѣхъ? У насъ было двананцаць дзяцей, а чіё жъ ето тринанцатое услѣдъ бяжиць, якъ собачка?—«А, милый другъ: съ тобой прижила, безъ цябе родзила!»—Ну, енъ жа ўжо не нашъ, я яго запродавъ!—«Коли запродавъ, дакъ Богъ изь имъ: мы и зъ естыми проживемъ!..» Вотъ яны тутъ окороновалися жиць, и живуць. Вышло етому хлопчику двананцаць годовъ—*енъ* и приходзиць по яго. «Ну, говориць, бѣдный добрый чаловѣча: отдай моё!» Енъ яму отвѣщаець: енъ ящѐ младъ!—«Во, яму жъ двананцаць годовъ: самый молодзецъ!»—Ну, коли самый молодзецъ, дакъ и бяри сабѣ, говора. Енъ яго узявъ и повёвъ. Якъ весци, дакъ весци, якъ весци, дакъ весци—вёвъ ёнъ яго и по лясахъ, вёвъ ёнъ яго и по борахъ, вёвъ ёнъ яго и по болотахъ. Вёвъ, вёвъ—и приводзя къ свойму кролю. И давъ яму хвацеру у дзѣвушки. Вотъ приходзя енъ икъ кролю за приказаніемъ: «Здрастуй, ваша царское вяли-

частво!»—Здрастуй, младъ-юнушъ. Ну, ци йшовъ ты по лѣсахъ?—«Ишовъ, ваша царское вяличаство!»—Ишовъ по борахъ?—«Ишовъ, ваша царское вяличаство!»—Ишовъ по болотахъ?—«Ишовъ, ваша царское вяличаство!»—Ну, глядзи жъ: кабъ ты ў такимъ и такимъ бору лядо высѣкъ, выбравъ, узоравъ, заскородзивъ, узмѣшавъ, и пшаницу посѣявъ, запахавъ, кабъ пшаница ўзышла, и поспѣла, зжавъ, змолоцивъ, и змоловъ, кабъ и пироги спёкъ, и ко мнѣ принёсъ на показъ за два часы до дня!.. Вышовъ енъ отъ кроля, и плача... Тая дзѣвушка и спрашуя: «што ты, младъ-юнушъ, зажурився?»—Якъ жа мнѣ ня журитца, коли мнѣ кроль задавъ на ночь такую работу, што я за годъ не перадзѣлаю.—«А якую?»—А вотъ: якъ пришовъ я къ яму, енъ и спрашуя: ци йшовъ ты по борахъ?—Ишовъ.—Ци йшовъ по лясахъ?—Ишовъ.—Ци йшовъ по болотахъ?—Ишовъ.—Ну, кабъ ты у такимъ и такимъ бору лядо высѣкъ, выбравъ, узоравъ, заскородзивъ, узмѣшавъ, пшаницу посѣявъ, запахавъ, пшаница кабъ узышла и поспѣла, и кабъ зжавъ, змолоцивъ и змоловъ, и пироги спёкъ, и ко мнѣ принесъ на показъ за два часы до дня!..—«А ты увядзёшъ мяне у хращоную вѣру?»—Увяду!—«А не забудзешъ мяне?»—Не забуду!—«Ну, молись Богу, ложись спаць!» Енъ сѣвъ, повячеравъ, Богу помолився, лёгъ спаць. Вотъ дзѣвушка узялась за кольцо и выскочила на крыльцо; якъ плесня зъ ладони на ладоню—и зляцѣлись икъ ёй уси дъяволы.—«Здрастуй, молодая сударыня!»—Здрастуй, поганые дъяволы!—«На што насъ требуешъ: ци на перакличку, ай на работу?»—Што мнѣ зъ вашія переклички? Я зъ васъ работы требую. Смотриця, кабъ на томъ и на томъ бору лядо высѣкли, выбрали, узорали, заскородзили, узмѣшали, пшаницу посѣяли, запахали, кабъ пшаница ўзышла и поспѣла, зжали, змолоцили и змололи, пироги кабъ спякли и ко мнѣ за три часы до дня принясли! Яны ўзнялися, усхвацилися: хто сѣчь лядо, хто убираць, хто ораць, хто скородзиць—усю работу къ отчоту. И сичасъ лядо высѣкли, убрали, заскородзили, ўзмѣшали, пшаницу посѣяли, запахали; пшаница ўзышла и поспѣла, яны зжали, змолоцили, и за три часы пирогъ икъ ёй принясли.—«Ну, ступайця сабѣ по своихъ мѣстахъ. Узяла дзѣвушка пирогъ и понесла у покой. «Ну, говора, младъ-юнушъ: такъ подорожные людзи не засыпаюць! У дорози треба поранѣй уставаць!» Енъ усхопився, уставъ, умывся, Богу помолився и хоцѣвъ ици.—«Што жъ ты, съ чимъ идзёшъ? Бяри-тка вонъ пирогъ, да йдзи къ кролю за приказаніемъ.» Узявъ ёнъ пирогъ, усклавъ на золотое блюдо, рушникомъ накрывъ и понёсъ къ кролю. «Здрастуй, ваша царское вяличаство!»—Здрастуй, младъ-юнушъ! Ци суповнивъ приказаніе?—«Суповнивъ, ваша царское вяличаство!»—Покажи!—«Звольця посмотрѣць!» Енъ етый пирогъ ня мытый, ня рытый цапъ! храпъ-храпъ и зъѣвъ. «Ну, говора: молодзецъ, младъ-юнушъ! Одну службу сослуживъ! Коли ще двѣ сослужишъ—пущу къ бацюшку на житьцё! Ступай, брацецъ, троя сутокъ отдыхай, на чацьвёртыя приходзи за приказаніемъ!» Пошовъ енъ домовъ и плача. Дзѣвушка яго и спрашуя: «чаго ты, младъ-юнушъ, плачешъ?»—Якъ жа мнѣ не плакаць, коли кроль сказавъ, што ще двѣ службы треба сослужиць.—«А ўвядзёшъ ты мяне у хращоную вѣру?»—Увяду.—«А не забудзешъ ты мяне?»—Не забуду.—«Ну молись Богу, кладзись спаць!» Енъ сѣвъ, побѣдавъ, Богу помолився и легъ спаць. Енъ думавъ, што спиць дзень, а ўжо троя сутокъ проходзя. Тоды дзѣвушка будзя яго: «ну, младъ-юнушъ! не такъ подорожные людзи засыпаюць: треба пораньше ўставаць!» Вотъ енъ

уставъ, умывся, Богу помолився, и пошовъ къ кролю за приказаньнемъ. «Здрастуй, ваша царское вяличаство!»—Здрастуй, младъ-юнушъ! Ну, сослуживъ ты мнѣ одну службу; коли сослужишъ ящè двѣ—отпущу къ бацюшку на житьцё! Видзишъ ты мой субо́ръ (соборъ, дворецъ)?—«Виджу!»—Видзишъ на томъ боку возяра гору?—«Виджу!» —Ну, штобъ ты на той горѣ дворецъ выстроивъ получьче мойго, кабъ макомъ накрывъ, и ў маковое зе́рня по три золотыхъ гвоздзики бивъ. И кабъ за три часы усё было готово, и ко мнѣ за приказомъ пришовъ!... Пошовъ ёнъ домовъ и плача. «Чаго ты?»—Да якъ жа мнѣ не плакацъ: што приказавъ кроль работу на ночь, дакъ я за свой вѣкъ ня здзѣлаю... «Што жъ енъ табѣ приказавъ?»—Приказавъ, кабъ на томъ боку возяра, на горѣ, выстроивъ дворецъ, накрывъ макомъ и ў маковое зерня по три золотыхъ гвоздзики бивъ.—«А ўвядзе́шъ ты мяне ў хращоную вѣру?»—Увяду. «А не забудзешъ ты мяне?»—Не забуду!—«Ну, молись Богу, ложись спацъ!» Енъ сѣвъ повячеравъ, Богу помолився и лёгъ. А яна ухвацилась за кольцо и выскочила на крыльцо. Якъ плесня зъ ладони на ладоню—и зляцѣлись къ ёй уси дъяволы. «Здрастуй, молодая сударыня!»—Здрастуй, поганые дъяволы!—«Што жъ ты насъ на перакличку требуешъ, ай на работу?»—Эка вы, поганые дъяволы! што мнѣ ваша пераклички? я на работу васъ требую. Бачиця вы дворецъ кроля?—«Бачимъ!»—Бачиця гору на томъ боку возяра?—«Бачимъ!»—Ну, штобъ на той горѣ выстроили дворецъ получьче кролева, макомъ покрыли и ў маково зерня по три золотыхъ гвоздзики били. И кабъ у два часы было ўсё готово!—«Хорошо, сударынька!» Сичасъ якъ схаменулись: хто бровны нясе, хто рубя—сичасъ суборъ поставили, макомъ накрыли, кожное маковое зернятко троми золотыми гвоздзиками прибили. Одно зерня ня ўспѣли—однымъ гвоздзикомъ прибили, и про тое сказали: «вотъ, сударыня: на тымъ и на тымъ вуглѣ одного зерня ня ўспѣли прибицъ троми гвоздзьми, однымъ прибили!»—Ну, до́бро! Ступайця по своихъ мѣстахъ!.. Ну, младъ-юнушъ, не такъ подорожные людзи засыпаюцъ: треба пораньше ўставацъ. Енъ уставъ, умывся, Богу по́молився, идзе къ кролю за приказанiемъ. «Здрастуй, ваша царское вяличаство!»—Здрастуй, младъ-юнушъ! Состроивъ суборъ?—«Состроивъ, ваша царское вяличаство, звольця смотрѣцъ!» Кроль ето вышовъ глядзѣцъ,—ажъ зъ яго золото каплецъ!—«Ну, братъ: двѣ службы сослуживъ: коли третьцiю сослужишъ, отпущу къ бацюшку на житьцё. Ступай, троя сутокъ отдыхай, на чацьвертыя приходзи за приказанiемъ!» Пошовъ енъ домовъ и плача. «Чаго ты, младъ-юнушъ, зажурився? Што кроль приказавъ?»—Што приказавъ: троя сутокъ отдыхай, а на чацьвертыя приходзи за приказанiемъ!—«А ўвядзе́шъ мяне у хращоную вѣру?»—Увяду!—«Не забудзешъ мяне?»—Не забу́ду!—«Ну, молись Богу, кладзись спацъ!» Яму̀ батца, што ёнъ дзень спицъ, ажъ проходзюцъ третьцiя сутки.—«Эй, младъ-юнюшъ! подорожные людзи такъ не засыпаюцъ. У дорози треба поранѣй уставацъ!» Енъ уставъ, умывся, Богу помолився и пошовъ къ кролю. «Здрастуй, ваша царское вяличаство!»—Здрастуй, младъ-юнюшъ! Ну, младъ-юнюшъ: сослуживъ ты мнѣ двѣ хорошiя службы; сослужишъ ящо одну, отпущу къ бацюшку на житьцё. Твой бацюшка королюе, а ты за што сюды попавъ?—«Я, ваша царское вяличаство, ня знаю!»—Видзишъ ты мой су́боръ?—«Виджу!»—Видзишъ ты суборъ на тымъ боку возяра?—«Виджу!»—Глядзи жъ, кабъ ты отъ субора къ субору здзѣлавъ

мостъ: золотая мостничка, сяребраная мостничка, золотая паля, сяребраная паля. Не довольно етаго: кабъ обаполъ мосту стояли разныя—разныя яблоны, и якъ буду ў суборъ ѣхаць, кабъ яблоны цвѣли, а якъ съ субору—кабъ я яблоки щипавъ и ѣвъ!.. Енъ идзéць къ дзѣвцы и плача. «Чаго ты, младъ-юнюшъ, плачашъ? Што король приказавъ?»—Штò приказавъ? Видзишъ ты сўборъ кроля?—«Виджу!»—А видзишъ суборъ на тымъ боку возяра?—«Виджу!»—Дакъ сказавъ кроль, кабъ отъ субора къ субору бывъ мостъ—золотая мостничка, сяребраная мостничка, золотая паля, сяребраная паля; кабъ обаполъ мосту стояли разныя—разныя яблоны, и якъ будзя енъ у суборъ ѣхаць, кабъ цвѣли, а съ субору—кабъ яблоки щипавъ и ѣвъ.—«А ўвядзéшъ мяне у хращоную вѣру?»—Увяду.—«А не забудзешъ мяне?»—Не забуду.—«Ну, молись Богу, кладзись спаць!» Ухвацилась за кольцо, выскочила на крыльцо, якъ плёсня зъ ладони на ладоню—зляцѣлись икъ ёй уси дъяволы. «Здрастуй, молодая сударыня!»—Здрастуй, поганые дъяволы!—«Ци на пераличку насъ требуешъ, ай на работу?»—Ахъ вы, поганые дъяволы! што мнѣ зъ вашія пераклички, я васъ на работу требую. Видзиця вы нашаго кроля суборъ?—«Видзимъ!»—Видзиця суборъ на тымъ боку возяра?—«Видзимъ!»—Кабъ отъ субора къ субору вы здзѣлали мостъ—золотая мостничка, сяребраная мостничка, золотая паля, сяребраная паля. Не довольно того: кабъ обаполъ моста стояли яблонки, разныя—разныя яблонки. Будзя кроль ѣхаць туды, кабъ яны цвѣли, а оттуда—кабъ яблоки щипавъ и ѣвъ...—«Нѣ, молодая сударыня! Етаго ня можно здзѣлаць: у етымъ возяри дна нѣту!»—Нема невозможносци! Я вамъ разъ сказала: кабъ было здзѣлано!—«Ня можно, сударыня: у етымъ возяри дна нѣту!»—Нема невозможносци: кабъ было здзѣлано!—«Ня можно, сударыня: у етымъ возяри дна нѣту!»—А ци ня ёсь тутъ старая чарапаха зъ вами?—«Нема.»—Подаць яѐ сюды!.. Яны кинулись, и вядуць яѐ подъ пашки. Яна йдзе, хромае. «Здрастуй, молодая сударыня!»—Здрастуй, старая вѣдзьма!—«Зачимъ ты мяне требуешъ: ци на пераличку, ай за дзѣломъ?»—Што мнѣ съ твоѐ переклички: видзишъ ты кроля нашаго суборъ?—«Виджу!»—Видзишъ суборъ на тымъ боку возяра?—«Виджу!»—Кабъ отъ субора къ субору бывъ мостъ—золотая мостничка, сяребраная мостничка, золотая паля, сяребраная паля. Не довольно того: кабъ обаполъ моста стояли разныя—разныя яблоны, и якъ кроль будзя туды ѣхаць—кабъ яны цвѣли, а якъ оттуль, кабъ яблоки щипавъ и ѣвъ. Можешъ ты ето здзѣлаць?—«Могу; да трудно ето здзѣлаць: у етымъ возяри дна нѣту!...» Старая чарциха якъ схаменулася, сичасъ свой народъ узяла, стала строиць. Хто бровны цягая, хто доски... Яна сычасъ повыбирала здоровѣйшихъ дъяволовъ, посогинала ихъ, пали попоўставляла, кладзи позацяговала, мостъ настлала, и кончили. Тоды повыбирала другихъ, посогинала, и попоўставляла которому яблону, которому ёлку... Усё й готово. Тоды дзѣвушка ета приходзиць къ яму. «Ну, младъ-юнушъ, такъ подорожные людзи не засыпаюць. Треба поранѣй уставаць!» Енъ уставъ, умывся, Богу помолився, и хоцѣвъ ици. «Стой! съ чимъ ты йдзѐшъ? Натка коробку гвóздзевъ и молотокъ. Лѣзь подъ мостъ, да забивай гвоздзики, гдзѣ надо, гдзѣ й не надо, покамѣсь енъ будзя ѣхаць. А якъ будзя ѣхаць да гукне, дакъ ня 'тзывайсь, покуль ня гукне три разы!» Вотъ енъ пошовъ и ўбивая гвоздзи. Ажъ ѣдзя кроль. Чуя, подъ мостомъ стукая. Енъ на куча-

*

ра̀: «стой! Што, младъ-юнушъ, ци ўморився?» Мовчиць.—«Я спрашую: младъ-юнушъ! уморився?» Мовчиць.—«Што ты, младъ-юнушъ, уморився?» *)—У-мо-рив-ся!—«Ступай, троя сутокъ отдыхай, а на чацьвертыя приходзи за приказаніемъ!» Идзе ёнъ домовъ и плача. Дзѣвушка и спрашуя: «што, младъ-юнюшъ, плачешъ? што кроль приказавъ?»—Приказавъ троя сутокъ отдыхаць, а на чацьвертыя приходзиць за приказаніемъ!—«А ўвядзе́шъ ты мяне у хращоную вѣру?»—Увяду.—«А не забудзешъ?»—Не забуду!—«Ну, а коли не ўвядзе́шъ да забудзешъ—дыкъ не страцивъ цябе кроль,—я страчу. Молись Богу, кладзись спаць!» Ёнъ повячеравъ, помолився Богу и лёгъ. Яму батца, спиць сутки, ажъ троя проходзя.—«Ну, младъ-юнушъ: не такъ подорожные людзи засыпа̀юць. Треба поранѣй уставаць!» Енъ уставъ, умывся, Богу помолився, и пошовъ къ кролю. «Здрастуй, ваша царское вяличаство!»—Здрастуй, младъ-юнюшъ! Ну здзѣлавъ ты мнѣ три хорошія работы, цяперъ я не знаю цябе, ты не знай мяне. Отправляйся сабѣ зъ Богомъ икъ бацюшку на житьцё. Твой бацюшка королюе, а ты за што попався у етакую службу.—«Ваша цярское вяличаство, отдайця мою ро̀списку!»—Нема ў мяне ро̀списки!—«Пожалуйця, ваша царское вяличаство!» Призвавъ кроль того дьявола, што росписку бравъ: отдай росписку!—Нема ў мяне! Ну кроль прину̀дзивъ яго отдаць. Идзе́ць енъ икъ дзѣвушцы веселъ. «Ну, што кроль приказавъ?»—Казавъ: я не знаю цябе, ты не знай мяне! Казавъ отправлятца къ бацюшку.—«А ўвядзе́шъ мяне у хращоную вѣру?»—Увяду.—«Не забудзешъ мяне?»—Не забуду.—«Ну, а коли жъ не ўвядзе́шъ, ды забудзешъ, дакъ не страцивъ цябе кроль,—я страчу!»

Выбрались яны оттуль и пошли. Ици, йици—троя сутокъ ишли, ня пивши, ня ѣвши,—усё отдалялись отседова. Пройшло три дни,—ходзяйка кроля оглѣдзилася, што нема дзѣвушки. А тутъ старая чарапаха и подвярнулася: «вы, каа, думаецця, што ето ёнъ пирогъ пёкъ, суборъ дзѣлавъ и мостъ строивъ,—ето ваши людзи ўсё дзѣлали: и пирогъ пякли, и суборъ строили, а мостъ и цяперъ дзержуць, бо у возяри дна нема, паль некуды было забиваць!» Побѣгла ходзяйка икъ кролю: «што ты людзей мучишъ? Ступай разорай мостъ, а кабъ людзей повынявъ!» Пославъ кроль чарапаху. Чарапаха мостъ разорила: яны лѣзуць оттудова, якъ корчёвъя. Тоды ходзяйка говора на кроля: «ступай, догоняй ихъ! Кого нападзёшъ, дакъ *яго* зьѣжъ, а дзѣвушку бяри назадъ!» Ёнъ уссѣвъ на ступу, товкачомъ погоняя, и мятлой замятая и ихъ здогоняя. Яны учули етый гукъ и остановились. «Увядзе́шъ мяне у хращоную вѣру?»—Увяду.—«Не забудзешъ мяне?»—Не забуду!—«Ну, я разсыплюсь пшаномъ, а ты здзѣлай съ онучи пужайло, ходзи кругомъ и отгоняй, кабъ веробъи ня клювали етаго проса. А якъ ёнъ придзя, да спрося: ци не бачивъ ты, ци йшли тутъ пара людзей,—ты скажи, што бачивъ тогды, икъ я ето лядо сѣкъ да просо сѣявъ. Дакъ енъ цябе очураетца!» Ну, узяла и разсыпалась просомъ, а ёнъ здзѣлавъ съ онучки пужайло и ходзя кругомъ, пужая веробъёвъ. Прискакуя кроль: «здрастуй, бѣдный добрый чаловѣча!»—Здрастуй!—«Ци йшли тутъ пара людзей?»—Ишли!—«Якъ давно?»—А такъ давно, якъ я ето лядо сѣкъ да просо сѣявъ.—«Э!.. прахъ ихъ догоня! Ето ўже просо пора жаць, а яны тоды йшли,

*) Этотъ вопросъ разсказчикомъ произносится крича, а отвѣтъ на него тихо, болѣзненно.

якъ енъ сѣявъ. Дзѣ я ихъ догоню!» И вороцивсь назадъ. Приходзя домовъ; жонка спрашуя: «а што, ци догнавъ?»—Да нѣ, не догнавъ.—«А ци бачивъ ты кого?»—Да бачивъ, чаловѣкъ сцярогъ просо. Я спросивъ, ци йшли тутъ пара людзей? Енъ кажа: йшли. Якъ давно? А коли я ето лядо сѣкъ да просо сѣявъ. Дакъ идзѣ я ихъ догоню, коли тое просо ужо жаць пора...—«Ахъ ты, дуракъ! Надо було яго зьѣсци, а просо ўзяць. Яна большая штука́рка: здзѣлалася просомъ, а ёнъ сцярогъ. Идзи зновъ догоняй, да кого убачишъ, того й зьѣжъ, а дзѣвку назадъ бяри!» Уссѣвъ енъ на ступу, товкачомъ погоняя, мятлой замятая и ихъ здогоняя. Яны ўчули гукъ и остановилися. «Ну, увядзе́шъ ты мяне у хращоную вѣру?»—Увяду.—«Не забудзешъ мяне?»—Не забуду.—«Ну глядзи жъ: я стану овечачками, а ты пастухомъ. Якъ енъ спрося, ци ня видзѣвъ ты пары людзей, скажи, што видзѣвъ, тогды, якъ наймався пастухомъ, да ў мяне одна овечка была, а цяперака, слава Богу, стадо.» И скинулася овечачками, а енъ ставъ пастухомъ. Прискакуя ёнъ къ пастуху. «Што, братъ, ци ня видзѣвъ ты пару людзей?»—Видзѣвъ.—«А якъ давно?»—А такъ давно, коли я наймався пастухомъ, да ў мяне одна овечка была, а цяперъ у мяне стадо!—«Э!.. идзѣ я ихъ догоню! Тутъ овечакъ, моо, съ тыщу. Не по пяць жа яна приводзила. Кольки ето годовъ пройшло!» И поѣхавъ назадъ. А яны побѣгли дальше. Прiѣжжая енъ домовъ; жонка пытая: «ну што, ци догнавъ?»—Нѣ, не догнавъ.—«А ци видзѣвъ кого?»—Видзѣвъ стадо овечакъ и пастуха.—«А, якій ты дуракъ! Чаму жъ ты яго ня зьѣвъ, а овечакъ домовъ не гнавъ? Ето жъ яна, большая штукарка, здзѣлалась овечками, а яго здзѣлала пастухомъ. Ступай, догоняй: кого нападзе́шъ, дакъ яго зьѣжъ, а дзѣвушку назадъ!» Енъ ето на ступу уссѣвъ, товкачомъ погоняя, мятлой слѣдъ замятая и ихъ здогоняя. Почули яны етый гукъ. «Стой! ци ўвядзе́шъ мяне у хращоную вѣру?»—Увяду.—«Не забудзешъ мяне?»—Не забуду.—«Ну, глядзи жъ: я стану церковкой, а ты попомъ. Якъ ёнъ прiѣдзя да спрося, ци йшли тутъ пара людзей, ты скажи, што йшли, тогды, якъ мяне попомъ восвящали, да мнѣ ету церковку становили. Енъ цябе очураетца!» И скинулась церковкой, стареничкой, а ёнъ ставъ попомъ. Прiѣжжая енъ. «Здрастуй, оцецъ духовный!»—Здрастуй!—«Ци ня видзѣвъ ты пару людзей?»—Видзѣвъ.—«А якъ да́вно?»—А такъ давно, якъ мяне попомъ восвящали, да мнѣ ету церковку становили.—«Э, прахъ ихъ догоня! На етой церковцы ужо мохъ поросъ и углы объѣхали, и попъ ссивѣвъ. Поѣду назадъ, идзѣ я ихъ догоню!» Верць назадъ, а яны пошли у свой пуць. Прiѣжжая домовъ. «А што, ци догнавъ?»—Нѣ.—«А ци бачивъ кого?»—Бачивъ у поли церковку и попа.—«А дурный жа ты! чаму жъ ты яго ня зьѣвъ? Ето жъ яна, большая штукарка, скинулась церковкой, а яго здзѣлала попомъ. Будзь-ка ты дома, а я сама пойду!» Сичасъ яна на ступу ўссѣла, товкачомъ погоняя, мятлой слѣдъ замятая, и ихъ здогоняя. Почули яны етый гукъ. «Стой! Увядзе́шъ ты мяне у хращоную вѣру?»—Увяду.—«Не забудзешъ мяне?»—Не забуду.—«Ну, глядзи жъ: я разольлюсь возяромъ, а ты сядзь у лодочку, да ўсё посярэдзини возяра крупися, а къ берагу не прiѣжжай, бо яна якъ цябе схопиць, тоды й мяне возьмя. Будзя яна просиць, кабъ пераве́зци яё, дакъ ты скажи: выпи возяро, тоды перайдзе́шъ по сухопуци!» И сичасъ хлипъ—и разлилася во̀зяромъ. А енъ на сярэдзини и кружитца. Прiѣжжая *змѣя*:

«здрастуй, бѣдный добрый чаловѣкъ! Перавязи мяне на той бокъ!»—Ахъ ты, каа, змѣя лютая! Выпи ето вőзяро, тоды по сухопуци перайдзéшъ! Вотъ яна стала пиць. Пила, пила.... тутъ-тутъ возярŏ выпиць, ужо гразь смокча—покацилась по бéрагу, а возяро хлипъ—и опяць повно! Яна стала изновъ пиць. Пила, пила—усё выпила, ужо живую гразь смокча—покацилась по берагу, а возяро хлипъ—и ўзновъ повно! Стала змѣя опяць пиць. Выпила до капельки, вотъ-вотъ гразь допиць—покацилась по берагу отдыхаць, хлопъ—и лопнула! «Нў, цяперича мы пőйдземъ спокойно!» И пошли сабѣ. Ня мѣли ниякихъ сабѣ ни заботъ, ни страху. Идуць, идуць, дзѣ захочуць, отдыхнуць. Ици такъ, ици—и пришли у тое прирождзенное царство, дзѣ яго бацька королювавъ. Подыйшли къ городу, яна й кажа: ‹ну, ты идзи къ бацьку, а я тутъ останусь. Да глядзи, богато не продовжай уремя, увőдзь мяне у хращоную вѣру. А коли забудзешъ, дакъ табѣ худо будзя!› Ёнъ пошовъ къ бацьку, а яна у городъ, и нанялась тамъ у столярни работаць, и занялась тамъ разными разносцями: и тое и другое, и шахвы, и шкатулки, и креслы—однымъ словомъ, масцеровый чаловѣкъ. А енъ, пришовши, поздоровкався съ усими, зъ бацькомъ, зъ маткой. Тые рады, што енъ вярнувся: усё ровно, якъ съ того свѣту. Проживъ тамъ кольки, да на яѐ и забывся. Бацька и матка стали залицаць за яго чужазѐмку. Яна жъ ето узнала, надзѣлала яму разныхъ разносцяй—шкатулочакъ, креселцовъ, тое, другое, и принясла къ яму у спальню. Скинулась тутъ голубочкой, сѣла ў ногахъ на койцы и стала разговаравать: Вотъ, говора, младъ-юнюшъ, якая твоя правда! Якъ було табѣ трудно, дакъ ты обѣщавсь мяне у хращонуto вѣру увéсци, и не забытца, а цяперъ, якъ стало табѣ слободнѣй, дакъ ты й забывся. Я за цябе лядо сѣкла, пахала, пшаницу сѣяла, пирогъ пякла—ты обѣщався увесци у хращоную вѣру и не забытца, да й забывся! Я суборъ строила за цябе—ты обѣщався увесци у хращоную вѣру и не забытца, да й забывся! Я за цябе мостъ дзѣлала, ты говоривъ: увяду у хращоную вѣру, не забуду,—да й забывся! Я дробнѣй маку за цябе разсыпалась, ты казавъ: увяду у хращоную вѣру, не забуду,—да й забывся! Я за цябе камянемъ разсыпалась по полю, ты казавъ: увяду у хращоную вѣру, не забуду,—да й забывся! Я за цябе горой народжалась, ты казавъ: увяду у хращоную вѣру, не забуду,—да й забывся! Я кровъ свою за цябе по полю разливала, ты казавъ: увяду у хращоную вѣру, не забуду, да й забывся!.. Енъ прохвацився, успомнивъ яѐ,—и ня 'дзѣвавшись, ня 'бувавшись—прамо къ бацьку. ‹Нѣ, кажа, бацюшка: ня треба мнѣ чужаземку: ёсь у мяне своя дзѣвушка. Етой дзѣвушцы ничőго не надо, тольки надо у субори перакспциць и ўвесци ў хращоную вѣру!›—Ну, мой сынъ, намъ ето и лучьче, што у цябе ёсь своя дзѣвушка! Сичасъ шасцярикъ коній запрагли у кипажъ, ету дзѣвушку посадзили, и ў суборъ. Перакспцили, увяли у хращоную вѣру, сичасъ бракъ приняли, и живуць.

С. Батунъ, быховскаго у. Крест. Исай Васильевъ. Ср. Чубин. 180.

6, Занявся сабѣ мышъ зъ веробъёмъ лядо копаничиць. И наняли яны три пары быковъ лядо тое орацъ и жито сѣяць. Ну, ўзяли, лядо ўзорали, жита посѣяли къ налѣтьцю. Жито тое налѣто якъ ударило—три зярны! Яны два зярны подзялили, а третьцяго ниякъ не подзѣлюць: веробей говора на мышъ: ты дзяли нáполъ! А мышъ

говора: ты дзяли на́полъ!—ба дружка дру̂жкѣ ня вѣра. Веробей возьмя зярно—полящиць угору̂, а мышъ возьмя зярно—полѣзя у нору̂. Кинули тогды жéрабя, кому дзялиць третьцее зéрня. Жéрабя попало—мыши дзялиць. Цяперъ мышъ узяла третьцее зéрня да й перакусила, да не на двѣ часточки, да на три! Зновъ издзѣлали мижъ собой спорку за третьцяю часточку зерня. Споровали, споровали, и сучинили мижъ собой драчу. Дрались, дрались—нихто никого не подблѣя. «Ну, говора мышъ на веробъя: вызывай ты свою у̂сю помочь, и я свою бяру; и будземъ воевадь: хто кого перабъѐ, такого и третьцяя часточка зерня. Ну, якъ тэй веробей возляцѣвъ да засвиставъ, дакъ уся къ яму, якая тольки ёсць, лятучая пцица зляцѣлася. А мышъ якъ запищѣла, дакъ уся чисто звѣрина̀ къ ёй собралася: и вовки, и львы, и псы, и у̂сякая гадзина, што тольки на зямлѣ повзая. Спрашуюць у ихъ: «объ чимъ требуеце скоро, што нельзя было при сабѣ ничо̀го у̂зяць?»—Вотъ, кажуць яны: перша мы не подзялили третьцяго зерня, адылѝ не подзялили третьцяю часточку зерня; дыкъ треба битву здзѣлаць: хто кого отобъѐ, тому третьцяя часточка зерня попадзе. Ну, и давай дратца...

Охотникъ идзе зъ ру̂жжомъ по лясу и находзя перво-на̀-перво на мышина звѣра, и дзивитца: што ето такое? Кольки у̂ лясу ходзивъ, съ-отрода не бачивъ стольки побитаго звѣра. И хоцѣвъ узяць любую сабѣ штуку: тамъ ци оленя, ци рысь, ци що, да незмога̀: не понясѐ, не поцягня—увесь звѣръ убитъ. Цяперака, пройшовъ ёнъ етаго звѣра бягучаго, приходзя на пциччаго звѣра. И такжа само, увесь пциччій звѣръ убитъ. Ёнъ ставъ и дзивитца: Господзи, што ето такое здзѣлано? Кольки было звѣра бягучаго и повзучаго—увесь побитъ. Ну, етый побитъ, а отчаго жъ, кажа, лятучаго звѣра побито? Озирнувся ёнъ назадъ, ажно сядзиць оролъ на кусци живый. Ёнъ зложився на яго, хоцѣвъ зъ ружжа у̂биць, а оролъ тэй отвѣщая: ахъ, братъ охотникъ! ня би мяне, а возьми мяне домовъ, дакъ я знадоблюся табѣ коли-нéбудзь. Ёнъ ето озирнувся кружка сябе, хто ето отвѣщая—и нема никого. Ёнъ тоды зложився на яго другій разъ. А оролъ зновъ отвѣщая: ня би мяне, кажа: а возьми къ сабѣ и корми мяне яру̂й пшаницу̂й и по̂й сладку̂й вудо̂й, я табѣ знадоблюся. Ёнъ зновъ тыки озирнувся кружка сябе, хто ето разговаруець, ды й нема никого.—«Ну, говора: за третьцимъ разомъ убъю, дзѣлаць нечаго!» Третьцій разъ зложився, а ёнъ отвѣщая изновъ: «ну, братъ-охотникъ, ня би, я самъ дамся живый!» Узявъ и звалився къ яму съ куста доловъ. «Ну, говора: вядзи мяне, братъ охотникъ, домовъ. Я, кажа, хоцѣвъ у свою сторону̂ ляцѣць, домовъ, да оборванъ увесь, не долячу!» Ёнъ яго приводзиць домовъ. Ставъ яго кормиць пшаницу̂й бѣлу̂й, сладку̂й вудой поиць. Годъ кормивъ яго—лавки продавъ съ товарами на яго за годъ. Зновъ ставъ другій годъ кормиць. Прокормивъ другій—домъ продавъ за другій годъ. Хоцѣвъ уже яго выпусциць, дакъ ёнъ кажа: «корми, корми третьцій годъ!»—Нѣ, братъ оролъ, ня у̂ силахъ я цябе кормиць.—«Ну, штожъ, кажа: у силахъ, ня у̂ силахъ, а треба кормиць. Я, кажа, уси твоѐ труды узнясу̂: ворочу, кажа, твоѐ лавки, ворочу, кажа, домъ твой!» Ёнъ узявъ, поставивъ жану̂ за работницу, и самъ пошовъ у работники: продавъ усё своё йимущаство на орла. Покормивъ ёнъ яго третьцяго повгода, тоды оролъ кажа: выпусци-ка цяперъ мяне силъ своихъ увознаць! Ёнъ узявъ, яго пусцивъ. Оролъ тэй поляцѣвъ. Летавъ ёнъ троя сутокъ. Ходзяинъ тэй заскучавъ: кормивъ, кажа, орла,

самъ и жана у работники пошли, затрацивъ усё,—и цяперъ ни орла, ни хлѣба, пропало ўсё! На чацьвертыя сутки выходзя ходзяинъ зъ города глядзѣць орла, у якій бокъ енъ поляцѣвъ, а ёнъ и ляцицъ назадъ. «Нѣ, братъ охотникъ: ще треба два мѣсяцы кормицъ!» Енъ зновъ два мѣсяцы ставъ кормицъ. Прокормивъ яго два мѣсяцы, тоды оролъ говора на ходзяина на свойго: «бяри, говора, ружжо своё и торбу, говора, свою охотницкую бяри, и пойдземъ съ тобой у дорогу!» Енъ узявъ торбу и ружжо, и пошли за городъ. Вышовши зъ города: ну, садзись, кажа, на мяне, ходзяинъ; поѣдземъ, кажа, поскорѣй! Енъ сѣвъ на яго верхи. Тэй и поднявся у гору подъ зоболоки. Подъ зоболоки поднявши, пусцивъ яго доловъ. Тольки бъ яму доловъ упасць, а ёнъ подъ яго: «стой, братъ! цѣлъ будзешъ. А вѣдаешъ, говора, якъ ты на мяне першій разъ зложився? Яково табѣ було, а? Ну, цяперъ, кажа, поѣдземъ поскорѣй, а то жана ѣсци хоча, а грошій нема, купицъ не́ завошто!» Общапився енъ за яго и пошли зновъ у ходъ, подъ зоболоки. Поднялись подъ зоболоки, енъ яго зновъ пусцивъ доловъ, ужо другій разъ. Тоды яму тольки бъ доловъ упасць, енъ зновъ подъ яго. «Стой, кажа: дзяржись за мяне, будзешъ живъ! Вѣдаешъ, якъ ты на мяне другій разъ зложився?» Общапився ёнъ зновъ и поѣхали подъ зоболоки. Поднялись подъ зоболоки, енъ яго зновъ пусцивъ изъ зоболокъ. Тольки бъ яму третьцій разъ упасць доловъ, енъ зновъ подъ яго: «стой, братъ, цѣлъ будзешъ! А ци вѣдаешъ, кажа, якъ ты третьцій разъ зложився на мяне? Яково табѣ було, а? Вотъ такъ жа и мнѣ! Цяперака сядзимъ съ тобой, посядзймъ, каа, отдыхнёмъ, воды, каа, напъёмся да покуримъ. Слухай-ка, братъ, што я цяперъ буду говорицъ. Поѣдземъ мы дальше, будзя стояць большій мѣдный домъ на три вянцы, на три крылцы. У томъ доми будзя жицъ моя бо́льшая сястра. Якъ пріѣдземъ мы къ тому дому, да 'пусцимся на зе́млю, дакъ ты, говора, бяри бичовку, чапай мяне за шію: и возьми, каа, друка, и би мяне мижда крылъ, што ёсць силы твое̇. Яна ўбача съ третьцяго вянца и кинетца прамо зъ вокна на зе́млю и будзя цябе просицъ: идзѣ ты мойго брата узявъ, и завошто ты яго такъ болно бъе́шъ? И будзя табѣ даваць и гроши и хлѣба, ты ничо́го не бяри, а проси тую скрыночку, што ў яе̇ сяродъ двора у каменномъ стовпѣ замуровано! Да глядзи, не зѣвай!» Поляцѣли яны дальше. Ляцѣли, ляцѣли—стоицъ большій мѣдный домъ на три вянцы, на три крылцы. Яны спусцились; узявъ охотникъ бичовку, зачапивъ орла за шію и бье друкомъ мижда плечъ. Убачила ето съ третьцяго вянца яго бо́льшая сястра, кинулась прамо зъ вокна на зе́млю и прося: «идзѣ ето ты мойго брата ўзявъ? завошто ты яго бъе́шъ такъ? Я яго шесць годовъ не бачила, а ты привёвъ яго ко мнѣ! Што табѣ треба, я табѣ заплачу, отдай мнѣ яго: ци гроши, ци хлѣба, ци домъ выстроицъ, дакъ я могу выстроицъ и сямъю твою сыщу и буду кормицъ до вѣку!» Ну ёнъ ёй говора: мнѣ ня треба ни гроши, ни хлѣба, ни домъ твой,—отдай ты мнѣ тую скрыночку, што у цябе сяродъ двора у камянномъ стовпѣ замурована!—«Ну, нѣ, кажа: скрыночки не отдамъ табѣ. Идзѣ ты яго ўзявъ, туды й вядзи; якъ хочешъ, такъ изъ имъ и живи!» Пошли яны зъ двора. То̀ бивъ яго, на дворъ идучи, а зъ двора йшовъ—ще лучьче бивъ. Вельми заплакавъ оролъ. Стало ёй жалко, вярнула назадъ ихъ: «выпицця, каа, закусиця и гро́шій на дорогу возьмицця, кольки треба, и отправляйцесь зъ Богомъ!» Яны вярнулись назадъ у домъ, выпили,

закусили на радосци съ своёй сястрицай, грошій узяли на дорогу и отправились. Вывявъ енъ яго зь яе́ дому у степъ. «Ну, зновъ, кажа, садзись на мяне, понясу, каа, къ сяредняй сястрѣ: можа, тая скрыночку дасць.» Цяперича, подъѣжжаюць яны подъ сярёдняю сястру. Стоицъ домъ сяребраный на три вянцы. «Ну, говора: проси у етой якъ ни можно! Якъ ня 'тдасць, дакъ намъ трудно будзя!» Енъ яго зновъ зачапивъ бичовкою за шiю и почавъ бицъ друкомъ. Пришли прамо къ ёй на дворъ. Яна убачила съ третьцяго вянца, кинулася зъ вокна на зе́млю къ имъ, и давай яго просиць: «ахъ, говора, чаловѣкъ: за вошто ты такъ вельми мойго брата бъёшъ? Возьми зь мяне, кажа, ци гроши, ци хлѣба, ци што табѣ треба, да отдай мнѣ яго. А коли ня 'тдаси, дакъ ня би!»—Ну, говора: мнѣ ня треба ни гроши твое̇, ни хлѣбъ, ни домъ. Отдай мнѣ тую скрынячку, што сяродъ двора у камянный стовпъ замурована!—«Нѣ, кажа: не дамъ! Идзѣ ўзявъ, туды сабѣ и вядзи яго. Якъ хочешъ, такъ изь имъ и живи! Енъ узявъ яго, повевъ зъ двора, и давай зновъ погоняць яго друкомъ. Яна вярнула ихъ назадъ, напоила, накормила, гро́шій дала на дорогу, и отправила. «А скрыночки, кажа, ня 'тдамъ табѣ етой!» Ну, вышли яны зъ дому зь яе у степъ. Оролъ кажа: садзись, кажа, поляцимъ къ третьцяй сястрѣ, икъ самуй меньшуй. Тая, кажа, коли етой скрыночки не отдасци,—кончана наша жисць, не попадзёмъ и домовъ! Ляцѣли, ляцѣли—стоицъ золотый домъ, на три вянцы, на три крылцы. Опусцилися на землю, подходзюць къ двору. Енъ зновъ зачапивъ бичовкуй орла за шiю, бъе друкомъ и вядзе на дворъ. Яна ўбачила съ третьцяго вянца, зъ дому и кинулась на землю. Спрашуя: «откуда, чаловѣкъ, узявъ брата мойго и завошто ты яго такъ вельми бъе́шъ?» Зразу заплакала, сѣла на колѣнцы и прося: «бяри, што хочешъ, и вядзи брата на дворъ!» Ёнъ кажа: коли отдаси тую скрыночку, што сяродъ двора у камянномъ стовпѣ замурована, повяду и отдамъ брата, а коли ня 'тдаси тыя скрыночки, ня 'тдамъ табѣ брата и на дворъ не повяду̇.—«Да вядзи, кажа, ў горницы: выпъемъ, закусимъ, подумаемъ,—можа й отдамъ!» Увыйшли у комнаты, сѣли за столъ, стали выпиваць, закусуваць и добрыя рѣчи казаць. «Идзѣ жъ ты, кажа, братъ, бывъ? Чаго ты къ етому чаловѣку попавсь?»—Да я, кажа, бывъ на воинстви,—требовали. Много силы побито, и я ўвесь бывъ поранятъ, да ще бывъ живый. А етый чаловѣкъ ходзивъ зъ ружжомъ по лѣсу, убачивъ мяне и хоцѣвъ убиць изъ ружжа. Ну, я ставъ яго просиць: ня би мяне, а возьми домовъ, корми мяне, и раны злячи, и перъя ўзрасци. Цяперича, енъ ставъ сусимъ бѣдный, покуль раны злячивъ и перъя ўзрасцивъ. Мы цяперъ идзёмъ, гдзѣ бъ заработаць, да яму̇ убытки ўплациць. Ну, вотъ и пришли къ табѣ на обѣдъ: грошій нема, хлѣба нема—которыя сутки ничо́го ня ѣли.. Ну, яны выпили, закусили. Оролъ ставъ самъ просиць, а ходзяинъ бытцомъ лёгъ пъяный спаць, а самъ слухае, ци отдасць яна скрыночку. Ажно яна говора: «нѣ, ня приходзитца яму̇ отдаць!» Ходзяинъ тоды устаѐць: ну, по́йдземъ, кажа, оролъ! Узявъ яго, зачапивъ у комлатахъ за шiю бичовкуй и почавъ яго лупиць друкомъ, да уже по чомъ попало. Вывявъ яго съ комла́тъ, ставъ енъ съ сястрой прощатца, сле́зно заплакавъ. «Треба отдаць!» сама сабѣ думая сястра: «а то забъѐ брата!» И вярнула ихъ. Вярнулися назадъ, сѣли опяць за столъ, и давай зновъ выпиваць, а йна пошла за скрыночкуй. Стовпъ тэй разбили, скрыночку ўзяли и ўцягнули у комла́ты. Яна и

кажа на того охотника: «ну, распишися, што ничого ня будзешъ мацъ на моимъ брацi!» Енъ чирканувъ; узявъ скрынку, усунувъ у барсуччую торбу, узявъ ружжо своё, попрощався зъ яго сястрой и попросивъ орла провесци яго, показацъ пуць-дорогу: ну, братъ, кажа: покажи пуць-дорогу! Енъ кажа: ‹идзи туды, куды глядзишъ, куды твоѣ вочи смотрацъ: ня будзешъ ни ўбитъ ни обиджанъ, и домовъ прийдзешъ. Тольки глядзи: ня 'тчиняй скрынки на дорози. А якъ прийдзешъ домовъ у городъ, ды знайдзешъ жану—выдзи изъ города и отчини скрынку сяродъ поля!› Енъ сабѣ и пошовъ прамо, куды вочи глядзяцъ, якъ оролъ яму разсказавъ. Ишовъ енъ, ишовъ и обдумався: скрыночка лёхка, што жъ я нясу? Можа ў ёй нема ничого. Треба отомкнуцъ и поглядзѣцъ, што ў ёй ёсцъ. Вынявъ енъ съ торбы скрыночку, узявъ и отомкнувъ. Якъ отомкнувъ,—такъ сичасъ и стали яму городъ строицъ. Ажъ енъ спужався. Построили городъ нема знацъ съ чаго такiй, што и ў царстви ихъ не было такого. И нема яму ходу, неколи домовъ ици—свой городъ ёсцъ. Узнавъ змѣй двананцациглавый, што на яго зямлѣ городъ выстроенъ почище яго, посылая посланцовъ своихъ спросицъ: хто тамъ безъ мойго позволеньня выстроивъ городъ? Нехай ба спросився, тогды бъ строивъ! Посланцы прiѣжжаюцъ и спрашуюцъ: ‹хто тутъ ходзяинъ?›—Я!—‹А хто табѣ вялѣвъ строицъ тутъ?›—Ето я тутъ по судзьбѣ выстроивъ: мнѣ ня треба было тутъ строицъ,, да судзьба одолѣла.—‹Ступай, кажуцъ, икъ нашаму цару! Намъ веляно приставицъ цябе туды на расправу!›—Я кажа, самъ не пойду туды; нехай вашъ царъ самъ приходзя, абы прiѣдзя: у яго слугъ и работниковъ богато, а я, якъ бачиця, одзинъ! Отправилися посланцы назадъ къ змѣю, звясцили яму, што тамъ стольки усякаго строеньня и добра, што у змѣя и третьцяй часци того нема. И сказавъ ходзяинъ: нехай самъ царъ прiѣдзя ко мнѣ. Змѣй вялѣвъ запрегцъ конiй и поѣхавъ у городъ. ‹Отчаго, ты, кажа состроивъ на моѣй зямли городъ?›—Ваша царская милосцъ! мяне судзьба такъ одолѣла. Ходзивъ я ў лѣсъ и нашовъ ранятаго орла; ускормивъ я його, отвёвъ домовъ, дакъ енъ отдавъ мнѣ скрыночку, и казавъ на дорози у яѣ не глядзѣцъ, а тогды полядзѣцъ, якъ приду домовъ. Ну мнѣ захоцѣлось на дорози ѣсцъ, я ўзявъ полядзѣвъ, и самъ ня вѣдаю, якъ усё ето здзѣлалось. Цяперъ не знаю, што й дзѣлацъ. Змѣй тоды кажа: ‹я табѣ ўсё згоню ўкучу, тольки што мнѣ за ето будзя?›—Я жъ ня вѣдаю, кажа охотникъ.—‹Отдай мнѣ тое, што у доми ня вѣдаешъ!› Енъ думавъ, думавъ, перадумавъ и говора: усё знаю.—‹Коли ты ўсё знаешъ, дакъ табѣ жъ лучьче; а ты ўсё жъ отдай тое, чаго ня знаешъ!›—Ну, ёнъ кажа, отдаю, што дома не знаю. Написавъ змѣй бумагу: ‹ну, цяперъ роспишися!› Енъ кажа: я жъ не могу росписатца, я жъ няграмотный.—‹Ну, кажа, возьми ножикъ, прорѣжъ на правой руцѣ палецъ и поставъ три хресцики кровъю!›—Ахъ, нема жъ у мяне ножика: нечимъ палца прорѣзацъ. Вотъ енъ вынявъ свой ножикъ, енъ узявъ и порѣзавъ палецъ, и поставивъ три хресцики. Змѣй тоды ўзявъ и загнавъ увесь городъ у скрыночку. ‹Ну, цяперъ отправляйся домовъ!› Тэй усунувъ скрыночку у торбу и пошовъ. Приходзя домовъ; жонка живе у сусѣдзей, хлѣба куска не мае. Ёнъ давай икъ ёй признаватца, а яна къ яму ниякъ: нѣ, кажа: я не твоя, ты ня мой! Покуль уже ёнъ разсказавъ ёй, якъ ёнъ поймавъ орла, якъ яго яны кормили, якъ на яго прокормили и лавки и домъ, якъ яны служицъ пошли. Признала яна яго, ёнъ яѣ за руку и повёвъ. Поглядзицъ,

а слѣдомъ идзе хлопчикъ. Енъ и спрашуя: «якій жа ето хлопчикъ?» —Ето жъ, кажа, нашъ сынъ, што родзився безъ цябе! Вышли яны изъ города, пришли у степъ. «Ну, садзицесь да ѣжця!» дае имъ свой хлѣбъ подорожный.— «Да татъ: твое булки не смашны, ци подавитца ими?» кажа сынъ. «Тожъ объ етымъ и заработки уси?» спрашуя жонка.—Нѣ, кажа, стой! Тоды вынявъ скрыночку зъ барсуччія торбы и отомкнувъ. Якъ отомкнувъ, дакъ откуляка што ўзялося: такій городъ привукрасный, што и ў цара такого не было. Яны ўси ходзюць и дзивютца. Сынъ тоды и кажа: «ну, татъ, басловляй: ты зъ дороги, а мнѣ ў дорогу! Треба ицыць къ двананцациглавому змѣю!» А бацька й забывъ про ето. Якъ не жалко сына, а треба знаражаць у пуць. Собрався ёнъ и пошовъ. Идзе енъ по дорози, уходжуя у лѣсъ. У лѣси стоиць хатка, маленькая, дзиравая. Енъ уходзя у тую хатку—нема никого. Ходзивъ, ходзивъ енъ по хаци, захоцѣвъ покурыць, да огню немашъ. Ёнъ подыйшовъ къ ямцы, копнувъ попелъ, а оттуль выскочила баба сопливая. Выскочила и кажа: ахъ, унучакъ! сядзь, отдышъ: змѣй цябе уже поджидая. Да добро ты здзѣлавъ, што ко мнѣ зайшовъ. Возьми вядро да зачерпни у рѣчцы воды, а я табѣ обѣдъ звару! Цяперъ ёнъ пошовъ, воды принёсъ, яна обѣдъ зварила. Сѣли, по'ѣдали. «Ляжъ, отдыхни, унучакъ, до вечара! увечари пойдзешъ.» Енъ легъ, отдыхнувъ. Прошнувся, ажно ужо вечаръ. Енъ по хаци туды-сюды—немашака бабы. Енъ у ямку,—яна зновъ у ямцы. Выскочила оттуль: «ахъ, унучакъ! Возьми вядзёрцо да зачерпни у рѣчцы воды: я табѣ вячерку звару!» Енъ принесъ воды, баба зварила вячерацъ. Повячерали и лягли спаць. Назаўтраго ўстали, и отправляя яна яго у дорогу. «Ну, унучакъ: идзи ты къ той рѣчцы, што бравъ воду, зайдзи вярсты на повторы къ правой руцѣ. Тамъ, кажа, стоиць большій кустъ. Ты улѣзь у тэй кустъ и сядзи. Будуць тамъ ляцѣць двѣ лябёдки разомъ, а третьцяя ззаду одна. Яны, якъ приляцяць, одвяжуць крыльля, скинутца дзявицами, и стануць купатца. Дакъ ты у етыхъ двюхъ ничого не бяри, а ў етыя, што ззаду будзя ляцѣць, возьми што-небудзь. Да ня 'тдавай, покуль яна не скажа, што будзешъ другъ мой. Тоды спроси у яѐ, якъ тэй огонь потушиць, што у городзи у змѣя?» Пошовъ енъ къ рѣчцы, знашовъ кустъ и сховався въ ёмъ. Ажъ ляцяць двѣ лябёдки разомъ, а третьцяя ззаду. Приляцѣла и стала кружитца надъ кустомъ, ци нема тамъ злодзія якого. Скинулись яны тоды дзявицами, повѣсили одзёжу на кустъ и стали купатца. Ёнъ и ўкравъ у яѐ панчошку съ правыя ноги. Вылязли яны зъ воды, стали одзяватца. Тыя жъ двѣ одзѣлись и поляцѣли, а ета цапъ за панчошку—нема панчошки съ правыя ноги. Яна тоды спрашуя: «эй, хто ето ўзявъ мою панчошку, отдай—награджу, чимъ хочешъ.» Енъ мовчиць. Яна опяць: «отдай, кажа, панчошку: якъ старше мяне—оцецъ будзешъ мой; а меньше мяне—братъ будзешъ мой; а якъ ровный мнѣ—другъ мой!» Якъ назвала другомъ, ёнъ и вышовъ съ куста. «А, ето ты узявъ! Мой бацька давно цябе жджёцъ!» —Якъ жа мнѣ остановиць полома у городзи, у твойго бацьки? Яна дала яму хусточку бѣлую и кажа: «махни етой хусточкой на'бадвы боки, якъ будзешъ уходзиць у городъ, и полома спишитца!» Енъ узявъ и пошовъ къ бабѣ назадъ. Баба тая кажа: «а што, ци ўзявъ што, унучакъ?» Енъ показавъ. «Ето правда, унучакъ: етымъ огонь уняць можно. Ну, унучакъ, приняси жъ вядзёрцо водзицы, вячёрку зготовиць!» Енъ принесъ, яна зварила вячерацъ, повячерали и лягли спаць. Пераночававъ енъ, на-

заўтраго баба изнов посылая яго у кўстъ сцярегць. «Глядзи жъ, кажа: змѣй поставя у своихъ воротахъ стовпы, што муха не проляцицъ и комаръ не проповзе мижда ихъ,—такъ яны шпарко бъютца. Вотъ ты, якъ украдзешъ у яé съ одзежи што-небудзь, дакъ и спроси, якъ остановицъ етые стовпы.» Ёнъ залёгъ у кустъ и знов присцярогъ яе: укравъ зъ ноги подвязку. Тоды яна изнов жа такъ вызываецъ: коли старше мяне—будзешъ оцецъ мнѣ; а меньше мяне—будзешъ братъ мнѣ; а ровня мнѣ —будзешъ другомъ мнѣ. Енъ и оявився. Яна яму и кажа: «чаму ты зразу не казавъ тоды, што табѣ треба? И цяперъ ухвацивъ!» Енъ кажа: зразу ня ўсё скажешъ! треба подумацъ. А ты скажи-ка мнѣ цяперъ, якъ у твойго бацьки стовпы остановицъ, што такъ шпарко бъютца, што муха не проляцицъ и комаръ не проповзе? Яна яму кажа: «якъ подбойдзешъ къ воротамъ, дакъ скажи стовпамъ: а нуця, перакиньцеся лѣвый на правый бокъ, а правый на лѣвый! Якъ перакинутца яны, дакъ такъ и останутца!» Енъ пошовъ назадъ къ бабѣ. Приходжуя къ бабѣ, а яна и спрашуя: «што жъ, ци дала яна табѣ што, ци на 'твѣтъ сказала?»—Нѣ, не дала ничо́го, а сказала: якъ прйдзешъ къ воротамъ, дакъ скажи: нука, перакинься лѣвый стовпъ на правый бокъ, а правый на лѣвый! Баба кажа: ну, ложись спацъ: яна сказала правду! На третьцее раньне знов баба посылая: идзи яще! змѣй поставивъ у дверахъ мечъ, треба тую мечъ звярнуцъ! Пришовъ ёнъ, лёгъ подъ кустъ. Приляцѣли лябёдки стали купатца, енъ тоды у послѣдней и укравъ засцяжку. Изновъ яна стала вызывацъ: хто укравъ яè вещи? Енъ вызвався. Яна тоды кажа: што ты мяне мучишъ? што табѣ ящè треба. Енъ кажа: у доми у твойго бацьки, у дверахъ, стоицъ мечъ. Якъ мнѣ яё суставицъ? Яна тоды дае яму́ персцянь съ правыя руки и кажа: «якъ подбойдзешъ ты къ дверамъ, дакъ тамъ будуцъ мячи. Ты повярни персцянь вочкомъ къ ладони; мячи тоды обёрнутца къ табѣ тупымъ концомъ, и ты пройдзешъ у хату.» Приходзя енъ къ бабѣ той назадъ. Баба и спрашуя: якую жъ примѣту дала яна? Ёнъ разсказавъ ёй, што яму лябёдка дала кольцо и сказала: якъ, кажа, прйдзешъ икъ дверамъ, перавярни яго вочкомъ къ ладони, тоды мечъ войстріемъ икъ змѣю перавéрнетца. Баба тоды говора: «на жъ, унучакъ, и моè три примѣты. Якъ будзешъ ворочатца назадъ, яны табѣ пригодзятца!» Дала яму вузялокъ пяску, и дала щотку, и грабёнку кляновую. «Якъ, кажа, будзя за тобой погонь ицицъ, дакъ ты пяскомъ назадъ посыпъ. Тоды, станя пясчаное мора. А якъ махнéшъ щоткуй, то здзѣлаютца логи-болоты, яловый лѣсъ; а якъ махнéшъ грабенкуй, то здзѣлаетца пуща-драмуща, кляновая уся. Тоды ты можа ўцячéшъ отъ яго домовъ!» Узявъ енъ еты вещи, поспасибкувавъ и пошовъ у пуцъ-дорогу. Приходжуя подъ городу, такъ и бача, што огняное полома наслано на яго. Енъ узявъ бѣлую хустку, махнувъ ёй на 'бадвы боки—полома и ўтухло. Уходжуя енъ у городъ, къ дому двананцациглаваго змѣя, а ў яго воротахъ два стовпы, дружка объ дружку бъютца, што муха не проляцицъ и комаръ не проповзе. Енъ етымъ стовпамъ кажа: перакиньцесь лѣвый на правый, правый на лѣвый! Яны перакинулись и остановились. Якъ яны тольки остановились, енъ махнувъ рукой, и пошовъ прамо у дворъ. Змѣй убачивъ яго изъ вокна и кажа: ахъ, ожидавъ якъ солодкихъ конхветъ, да ня прйдзетца зъѣсцъ: потушивъ огонь и стовпы остановивъ. Ну, да—думаецъ сабѣ змѣй —поставлю мечъ—наскóчишъ! Хлопецъ той пришовъ къ дверамъ, такъ сичасъ пер-

спянь той перавярнувъ на палцы вочкомъ къ ладони, мечъ и перавярнувся змѣю у грудзи. Увыйшовъ енъ у хату и кажа: «Здрастуй!» — Здрастуй, здрастуй! говора змѣй; ждався, ждався, да не дождався: хоцѣвъ изьѣсць, а, кажа, ня зьѣвъ, подавився тобой. Ну, цяперъ, кажа, якъ змогъ ты прицзиць ко мнѣ ў домъ, дакъ можешъ цяперъ и моимъ царствомъ правиць, якъ самъ знаешъ. Ёсць у мяне одна дочка незамужняя, дакъ я за цябе замужъ отдамъ. — «Нѣ, кажа: коли половину царства отпишешъ мнѣ и отдаси дочкў замужъ, дакъ буду царствомъ твоимъ правиць!» — Ну, кажа змѣй, нехай будзя такъ. Тольки во што я табѣ скажу: коли дочку мою меньшую узнаешъ, дакъ будзя твоя; а якъ нѣ, дакъ головў ссяку... Меньшая дочка чула, што казавъ бацька, и стало ёй жалко етаго царевича. Убачила яна яго и кажа: «якъ собяре насъ бацька укучу трохъ, то будзя ў насъ голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, нога ў ногу и одзёжа въ одзёжу. Якъ поставя енъ насъ у радъ, дакъ я пошевяльнў цихенько ногой. Ты тоды и выводзи мяне изъ раду и кажи: вотъ ета яна. Поставя енъ насъ у другій разъ у радъ, дакъ у мяне будзя муха сядзѣць на головѣ. Тольки не зѣвай, не дзивись на бокъ. А ў третьцій разъ зновъ якъ поставя, дакъ глядзи хорошенько: я правымъ вокомъ моргну! Тольки глядзи, кажа, не прозявай, а то ўсё пропадзе.» Якъ яна сказала, такъ усё и было, енъ три разы яе и ўгадавъ. «Цяперъ, кажа змѣй, треба свадзьбу гуляць!» Поѣхали къ вянцу, повянчалися. Повяли ихъ на ночь у клѣць, да й замкнули, кабъ яны ня вышли. Назаўтраго змѣй посылая посланцовъ, дружковъ: «идзиця, узнайця, чаго ихъ такъ довго нема?» Яны пришли, а клѣць запёрта. Ходзили яны, ходзили, ниякъ ня можно допытатца—запёрто. Узлѣзъ одзинъ на столь, узнявъ стольницу и усунувъ туды головў. А яна кажа: возьми бацьковъ мечъ, да стань на часахъ, да руби имъ головы! Енъ узявъ мечъ и зрубивъ ямў головў. Ёнъ туды и ўвалився. Тоды полѣзъ другій—и яму такъ жа само. И до тыхъ поръ, стоявъ покуль усимъ двананцаци посланцамъ головы позрубавъ. Поскладавъ енъ туловы хрестъ на хрестъ, поднявся по ихъ доверху, вылязъ самъ и жонку выцягнувъ. Жонка тоды три разы плюнула, и побѣгли. А змѣй ждавъ, ждавъ и пославъ тринанцатаго посланца. Тэй приходзя, бача —усё замкнуто и забито. Кинувсь на верхъ, ажъ тамъ стольница выбита. Енъ туды голову усадзивъ, бача—много народу побито. Хоцѣвъ ужо ициць, а далй спросивъ: «ци ёсць тутъ хто живый?» — Ёсць, кажўць тамъ: мы молодые. — «А што жъ вы ня 'тзываецесь?» — А ще, кажуць, рано! Енъ пошовъ икъ змѣю и кажа, што молодые ще спяць. «Ну, ступай жа скорѣй зови, а то голову зрублю доловъ. Приходзя енъ и спрашуя: «ци скоро вы?» — Подождзи трошки, сычасъ выйдземъ. Идзи домовъ, мы сами придземъ. Пошовъ енъ и сказавъ змѣю. Змѣй пославъ изновъ, а слюна кажецъ: ня вѣдаемъ, ци будземъ мы цяперъ живы. Змѣй тоды догадався, што ихъ нема тамъ, кинувъ вясельля и погнався ў погонь: «дзѣ нападу, тамъ и зьѣмъ обоихъ!» Дужо уже бывъ сярдзитъ. А тые бѣгли, бѣгли, яна кажа: «ахъ, мой милый! стань ты на правую ногу да послухай, ци ня шумиць дуброва, ци ня стогня дорога, ци нема за нами погони?» Енъ ставъ и кажа: «ахъ, милая: вельми шумиць дуброва, вельми стогня дорога!» — Ето нашъ бацюшка за нами у погонь ѣдзя. Ци ёсць у цябе примѣты, што табѣ баба сопливка давала? — «Ёсць!» — Сыпни жъ, кажа, назадъ пяскомъ! Енъ сыпнувъ и здзѣлалося назаду песчаное мора. Побѣгли яны даль-

ше, а змѣй перабрався черазъ песчаное мора и зновъ ихъ догоняя. «Нў, цяперъ, кажа, махай ззаду щоткуй!» Енъ махнувъ—и стали логи да болоты, и лѣсъ яловый, такій гусценный, што и вужъ не проповзе. Побѣгли яны дальше, а змѣй перабрався черазъ пущу и зновъ ихъ догоняя. «Ну, цяперъ махни грабёнкуй кляновуй!» Махнувъ ёнъ грабёнкуй, и здзѣлалася пуща драмуща кляновая. Перабрався змѣй и черазъ пущу драмущу кляновую. «Ахъ, кажа яна: вельми жъ дужъ, окаянный! И черазъ ето перабрався. Ну, цяперъ я скинуся рѣчкой, а ты будзешъ вокунемъ. Енъ скинетца щукой, и будзя цябе хватаць зъ головы: вокунь, вокунь, стань ко мнѣ бокомъ! А ты ворочайся къ яму задомъ и скажи: коли ты, щука, войстра, дакъ возьми мяне съ хвоста! А я ўсё буду усыхаць, дакъ енъ и останетца у етой рѣчцы. Будзя у насъ воды просиць, а мы скажамъ: якъ ня ўмѣвъ дома умираць, дакъ будзешъ на дорози пропадаць!» Ну, такъ усё и було: змѣй етый щукой пропавъ у высохшай рѣчцы. Пошли яны даляй; ишли, ишли, пришли у городъ, ажно яго бацьки ще живы. Сустрѣцили яго, заплакали и кажуць: «ахъ ты, сынъ нашъ любый! стольки годовъ цябе ня було!»—Ну, кажа, што було, то пройшло, а тольки, татъ за цябе да чаразъ орла по чужой сторонѣ пришлось много гора перацярпѣць. Ну, да цяперъ, кажа, усё пройшло. Вярнули мы усё, што затрацили, а цяперъ будземъ жиць да поживаць, да зновъ добра наживаць.

С. Меркуловичи, рогач. у. Записано въ моемъ присутствіи учителемъ народнаго училища Петрашнемъ со словъ кр. Ивана Зубаренко, 44 лѣтъ, неграмотнаго. Сказка, распространенная въ губерніи; записана въ гомельск., рогачевск. быховск. сѣнненск. оршанск. и могилевск. уѣздахъ. Гомельскій варіантъ сходенъ съ рогачевскимъ; онъ начинается такъ:

Живъ бывъ дѣдъ да баба. И жили яны ня совсимъ у бядѣ, ну тольки яны сабѣ бяду мали у томъ, што ня було у ихъ дятей. Вотъ, пошовъ разъ дѣдъ у заработки. Ишовъ, ишовъ—бача мостикъ. Пошовъ дѣдъ подъ мостикъ *за своимъ дѣломъ*, ажъ тамъ бьютца вяробей зъ мышшу за пшанишное зернятко. Вотъ, вяробей и кричить: дѣдъ, раскуси намъ зернятко! Дѣдъ послухавъ вяробья, раскусивъ зернятко. Мышъ и вяробей зъѣли зернятко, дѣдъ сабѣ и пошовъ даляй. Троху пройшовъ, вяробей изновъ кричить: дѣдъ, возьми мяне съ собой! Дѣдъ вярнувся и ўзявъ вяробья, да ня пошовъ уже у заработки, да пошовъ домовъ. Приходя домовъ и кажа: «бабъ! я табѣ гостинца принесъ!»—Якого?—«А вяробья.»—Пранцовъ ты дѣдъ! якого жъ ты принесъ! Поругала дѣду, поругала. Ну, да няхай сабѣ живè! Вотъ яны и живуть. Дѣдъ коню замяшая, вяробей съ конемъ поядая, и живуть. Живуть яны такъ годы три. Вяробей выкормився, ставъ большій. Тогды ёнъ и кажа на дѣда: «дѣдъ, каа, полятимъ-ка мы къ моимъ сястрамъ у гости!»—Полятимъ!—«Якъ жа мнѣ тябе, дѣдъ, нести: ти висóко, ти низко? Икъ низко, дакъ черазъ большіе лясы вочи повыколупаемъ, а високо, дакъ хорошо будя!»—Ну, дѣдъ кажа, няси сабѣ и високо! Вотъ, сѣвъ дѣдъ на вяробья, вяробей яго и понёсъ вышай за ўсихъ лясовъ. Нёсъ, нёсъ и говора: «вотъ, скоро будя видянъ бѣлый домъ. Тамъ живе моя бóльшая сястра. Яна якъ убача насъ, дакъ будя просити мяне у тябе. Будути табѣ давать усяго. Дакъ ты не бяри ничого, а проси бѣлаго сундучка!» Вотъ, долятая вяробей зъ дѣдомъ на крылцо. Такъ дѣдъ вяробья—тись! а вяробей—пись! Сястра почула и бягить: «здоровъ, здоровъ,

мой братка, идѣ ты стольки бывъ?» Узяли ихъ подъ пашки, посадили за столъ — шануяти! Напились вяробей зъ дѣдомъ, наѣлись, вотъ дѣдъ и кажа: пойдомъ домовъ! А сястра вяробъёва кажа: «да ты, дѣдъ, иди, а ты, братка, оставайся тутъ. На́ табѣ, дѣдъ, хлѣба и коня́й, и поляжжай зъ Богомъ домовъ!» — Коли даси, кажа дѣдъ, бѣлый сундочокъ, дыкъ пойду! няхай и братъ у тябе остае́тца! — «А нѣ! ня треба мнѣ и братъ, икъ отдавать сундучокъ. Идитя сабѣ!»

Вторая сестра жила въ желтомъ домѣ, третья въ красномъ. Она отдала дѣду красный сундучокъ: «нехай жа мнѣ лучъ братъ будя!» Дѣдъ раскрылъ сундучокъ близъ того мостика, гдѣ взялъ воробья. Явившiйся змѣй предлагаетъ дѣду «втоптать городъ въ сундукъ: тольки дай мнѣ тоя, што ў тябе у доми забытное дѣло!» Такимъ образомъ дѣдъ отдалъ змѣю своего сына, *Микиту Запродаева*. Пришло время, змѣй присылаетъ одно письмо, другое — дѣдъ даетъ харчей *Микиту Запродаеву* и отправляетъ. По дорогѣ заходитъ Микита къ бабѣ, та угощаетъ его блинами, и на утро говоритъ: «вотъ што я табѣ искажу, мой голубецъ: икъ пойдяшъ ты, дыкъ троху пройшовши, будя мора, и ля берагу мора будя дубъ. Икъ етому дубу прилятять того змѣя дочки, прилятять, поскидаять платьтя, покладуть крылцы ли того дуба, а сами пойдути купатца. Дыкъ ты возьми крылцы меньшiя дочки!» Микита сдѣлалъ такъ и дочка посовѣтовала ему, придя къ змѣю, «упасть ницъ, а то енъ тябе зъѣстъ: пройшовъ уже строкъ, было давнѣй приходить. Приходя Микита къ змѣю — ще ў порози шапку знявъ — упавъ ницъ, и ляжить. Змѣй ходивъ, ходивъ вокру́гъ яго, ходивъ, ходивъ, адыли кажа: уставай! Микита ўставъ. Иди, доглядай воловъ!»

Другiе воловники начали завидовать Микиту, что у него волы были сытѣе другихъ, и стали на него клеветать змѣю. Тотъ поручалъ Микиту добыть яблокъ золотыхъ и серебряныхъ и строить «церкву такую, што сами звоны звонятца, сами свѣчи палятца, сами книжки читаятца.» Когда дочка это сдѣлала и змѣй рѣшилъ съѣсть ихъ, они убѣжали, оставивъ послѣ себя слюнки на постели, на постолахъ и на клямкѣ. Слюнки на постели отвѣтили посланнымъ: «устаемъ!» На постолахъ: «обуваямся!» На клямкѣ: «умываямся и идомъ!»

Окончанiе сказки замѣчательное: «Лятѣвъ, лятѣвъ змѣй уздогонъ, и вотъ догоняя. Тоды жонка Микитова скинулась криницай, а Микита ставъ вокунёмъ. Тольки змѣй хотѣвъ пить воду̀, а воку̀нь яму̀ якъ пырскня у вочи, такъ яму̀ вочи и заливъ. И ниякъ нялъзя яму той воды пить. Тоды змѣй и кажа: «штобъ жа ты тутъ до вѣку стояла!» А вокунь отвящая: «штобъ жа ты дѣ ни ходивъ, а суды пришовъ!» Съ тыхъ поръ змѣй, дѣ ни ходя, дѣ ни лятая, дыкъ усё икъ ёй приходя....»

23. Роги.

Такъ сабѣ нѣўкоторомъ царстви, нѣўкоторомъ государстви, ци можа ў томъ, што мы живёмъ, живъ сабѣ чаловѣкъ. И было у яго три сынки, якъ соколки. Ёнъ ихъ порасцивъ, погодовавъ, пуць имъ подававъ, а дзялиць нигоднаго не дзяливъ до смерци до своё. Наконецъ того, старикъ исчувъ кончинную жисць. И енъ своихъ сыновъёвъ собравъ и говора сыновъямъ: «моё сыны! я ўже собираюся умирацъ, и треба мнѣ

васъ раздзялиць. Возьмиця вы мяне, ды нясиця на той и на той берагъ къ синяму мору, ды перанясиця черазъ мора на востровъ подъ зялёнаго дуба: я васъ тамъ раздзялю.› Яго сыновъё узяли и понясли, и нясли на перамѣнку, кажанъ понямногу. Можа яны пронясли яго три дни, можа больше пронéсли, покуль донéсли до мѣста. А подъ зялёнымъ дубомъ да стояла у яго скрынка. Енъ вынимаа исъ тыѐ скрынки торбочку и дае бóльшаму сыну, и говора: ци доволянъ ты, мой сынъ, моей наградой? Енъ отвѣщаа: дзѣлаць нечаго, доволянъ! Затымъ, што енъ убачивъ, што нема ничого у ёй, пустаа. Дакъ и нядоволянъ, и боитца бацьки сердзиць. Вынимаа другому сыну, сяредняму, рожокъ, што трубяць, и знова кажа: ну, ци доволянъ ты, мой сынъ, етой наградой? Енъ отвящаа: дзѣлаць нечаго, доволянъ! По того сляду̀, по большаго. Тоды ѐнъ вынимаа мéньшаму сыну, холóстому—а тые два жанатыхъ—рушничокъ, и зновъ спрашуя: ци доволянъ ты, мой сынъ, моёй наградой? И ёнъ отвѣщаа такъ, по томъ сляду: доволянъ! Тоды енъ и разсказуя сыномъ. Бóльшаму сыну: ‹вотъ, мой сынъ! ты при ходяйстви живéшъ, табѣ надобны усякіе расходы ходяйскіе. Ты етую торбочку, коли куды надо, сколотни, будзя яна табѣ повна. Выбярешъ зъ яе куды надо, и повѣсишъ. А коли ящо надо, опяць сколотни, опяць яна будзя повна. И покамѣсць твоя жисць—будзя съ цябе!› А другому, сяредняму сыну, разсказуя: ‹а ты, мой сынъ, по лясницкой часци ходзишъ, по лясахъ; случай табѣ ўсякій бываа. Стрѣця цябе няпріяцель ци ўдвохъ, ци ўтрохъ, кольки случитца,—дакъ ты у водзинъ конецъ рожка затруби, дакъ табѣ помочь и будзя, кольки табѣ треба. А ў другій коньчикъ затрубишъ, дакъ яны зновъ убярутца у рожокъ! А ты, меньшій мой сынъ,—холостый; табѣ ще ничóго ня треба; табѣ треба тольки кабъ зъ дзѣвками погуляць. Дакъ ты возьми, рушничокъ раскапи да скажи: рушничокъ раскацися, добрый молодзецъ садзися, няси мяне туды й туды,—куды хочешъ!› Тоды и пытаа у ихъ: ‹а што, моѐ сынки: ци доволны вы моёй наградой?› Яны яму говоруць: доволны! Изъ радосьци. «Вотъ цяперъ, моѐ сыны, я вамъ искажу: хóчеця вы узяць ету скрыночку, дакъ запражиця коня да возьмиця; а коли ляницѐся, дакъ няхай яна гніе тутока, бо ў ёй нема ничого!» Яны зъ радосьци, узяли свойго бацьку да понéсли. Туды нясли три дни, а оттуль за повтора притащили. Принéсли яго домо̀въ. Енъ кольки уремя поживъ да й помёръ. Яны стали жиць межда собой, братъ изъ братомъ.

И проявилась черазъ дзевяць зямель, у дзесятымъ царстви, у царa дочка, такаа красиваа, пригожаа, и картыжница большаа. Кольки къ ёй кавалеровъ наѣжжало, дакъ яна у карты обыграа, да тоды и выбъя. Прочувъ про ето холостый, и давай у большаго брата просиць торбочки. Большій братъ не хоцѣвъ яму даць: перавядзешъ, и ничóго съ цябе ня будзя! Довго цягалися, а наконецъ того—давъ. Енъ вышовъ на дворъ, вынявъ рушничокъ, да кажа: «рушничокъ раскацися, добрый молодзецъ садзися, няси мяне къ той царевни!» Сичасъ енъ ни бывъ ба тамъ. Увышовъ у городъ, купивъ сабѣ хорошую одзéжу, купечацкую, одзѣвся да й ходзя по городу и пытаа у городзецкихъ жицялей: якъ ба мнѣ къ вашай княжнѣ подыйци? Яны яму сказуяць: ня еткіе були, яна ихъ обáгровала, а цябе нечаго обаграваць! Енъ имъ говора: «а ўже жъ попробуемъ, што зъ естаго будзя!» Яны яго привяли къ часовымъ. Часовые пропусцили яго. Енъ увышовъ у горницу, поздрастовався, и сѣвъ пироваць.

Попили, погуляли, и давай у карты йиграць. Грали нѣскольки дней, нѣскольки сутокъ: усё яна отбираа гроши, а ёнъ усё съ торбочки колоця. Яна ў яго спрашуя: вотъ што, мой милый другъ, любезный! Изъ якими я играла—обыгрывала, ну цябе ня 'быграць. Откуль ты етыя гроши бярéшъ? Видно я твоя»!—А ўже жъ моя! ёнъ говора. Ну, бросили ў карты гуляць, и сѣли хлѣбъ-соль ѣсць. Яна яго хорошенько напоила, и стала спрашуваць: «усё ровно, я твоя! Искажи мнѣ правду, откуль ты етыя гроши бярéшъ?» Чаловѣкъ выпивъ, разумъ послабѣвъ, и дай сказаць, откуль гроши енъ бяре: у мяне ёсць такая бацькова торбочка; не моя, а бóльшаго брата. Дакъ я яѐ буду колоциць, а яна ўсё будзя повна!.. Яна тоды яму ще крапчѣйшаго напитку дала, кабъ енъ упився больнѣй, пъянѣй. Пивъ енъ, пивъ, покуль напився, да й зъ ногъ звалився! Яна яго тоды обобрала, торбочку ўзяла, гукнула своихъ часовыхъ, да якъ дала яму казацкихъ нагаёвъ! Выбила хорошенько, да й за двери выпихнула. Енъ проспався, проглуздався, полядзѣвъ—няма торбочки, тольки рушничокъ! Енъ рушничокъ вынявъ, разостлавъ: рушничокъ раскацися, добрый молодзецъ садзися, няси мяне домовъ! Прискочивъ домовъ, ставъ у сяредьняго брата просиць рожка. Сяредьній братъ ставъ на яго сваритца: «што? перавёвъ большаго брата награду, перавядзешъ и мою!» Енъ яму кажа: што Богъ дасць, тое и будзя: можа вярну и тую—и твою, и свою. Сяредьняму брату дзѣлаць нечаго: давъ яму рожокъ. Енъ вышовъ на дворъ, рушничокъ вынявъ, разложивъ: «рушничокъ раскацися, добрый молодзецъ садзися, няси мяне, рушничокъ, опяць икъ той царевни!» Ёнъ опяць на мѣсци. Ли того города остановився на поли и ставъ у рожокъ играць. Ставъ играць, ставъ играць, дотуль игравъ, покуль увесь той городъ войськой обнявъ. Што ў того цара и силы стольки нема, разная войська: и казаки, и жандары, и ўсякая войська, якая тольки на свѣци ё, дакъ енъ натрубивъ. Распявъ бѣлый шацёръ, поставивъ межда собой часовыхъ, обнявъ увесь городъ пушками, разнымъ припасомъ, и смаля у городъ! И здзѣлавъ вывяску такую, што вывяшу усё царство и разорў городъ, затымъ што тутъ ня живуць царъ съ царевной, а живуць злóдзяи. Якъ имъ можно было мяне обкрасць? Царъ той вышовъ на дворъ, глянувъ у прозорную трубу, и спужався, што нема ямў силы, нема ў яго стольки войськи, нечимъ яму оправитца. Енъ ставъ на свою дочкў, на царевну, сваритца: идзи, моя дочка, перапроси, бо черазъ цябе намъ усимъ головой не накладаць. А ня треба було табѣ такъ чапаць. Царевна сичасъ жа надзѣлася у хорошое платьця, узяла съ собою прислугъ, и пошла къ яму просиць съ прозьбой. Подходзя къ яго шатру, къ яго часовымъ, часовые яѐ ня пускаюць: «куды идзёшъ, коравка нямытая? Ты яго разъ обобрала.» Яна горко плача и прося, якъ можно, прося, кабъ яны яѐ пропусцили. Яны яѐ ня пусцили, сказали, што нашъ царъ спиць. А ёнъ ня спиць, усё чуя, да тольки яѐ муштруя. Подождавши, яна подходзя у другій разъ: «здзѣлайця милосць, пропусцицця мяне къ своему государу!» Яны яѐ у грудзи, ня пускаюць, сказуюць, што нашъ государъ ящо спиць, ня ўставъ. А ёнъ ня спиць, да ўсё яѐ такъ муштруя. За третьцимъ разомъ подышла, ёнъ вялѣвъ пропусциць часовымъ. Яна подышла къ яму, укленчила, стала плакаць, стала просиць: другъ мой любезный, просци мяне! Послѣ етаго ня будзя ўже етаго. Усё 'дно ты мой, я твоя! Енъ сѣвъ, давай яѐ госциць съ своими часовыми, и яѐ прислугъ принявъ. Попирова-

ли, погуляли, и стала яна просиць яго опяць у свой домъ зъ яго дружиной. *) Енъ узявъ свою дру̀жину, и яѐ прислуги, и пошли у яѐ домъ, и стали тамъ пиць и гуляць. Пили, гуляли нѣскольки уремя, наконецъ того, яна яму̀ опяць хорошихъ напитковъ поднясла, кабъ ёнъ попъянѣвъ. И опяць у яго давай спрашувацъ: «откуль ты набравъ столькй войськй, што у мойго бацюшки столькй нѣту яѐ, и якъ ето ты ко мнѣ приставляесься зъ далёкія стороны?» Енъ, выпивши добро, да й признався ёй: у мяне ёсць такій рожокъ, што якъ у яго затрублю, дакъ ще у пяць радзей набяре́тца столькй. У одзинъ конецъ затрублю, дакъ яна набяре́тца, а ў другій конецъ затрублю, дакъ яна опяць убяре́тца ўся. И ё у мяне такій рушничокъ: куды угодно енъ мяне занясе и опяць домовъ принясе.» Яна яго яще больше подпоила крапчѣйшими напитками. Енъ дотуль пивъ, покуль и заснувъ. Яна яго хорошенько обобрала: узяла рожокъ, узяла рушничокъ, вышла на ганки, и давай трубиць у рожокъ у другій конецъ. Потуль трубила, покуль усю войську утрубила. И часовые яго поўцякали: усихъ умѣсто потрубила. Тольки осталися яѐ часовые, яѐ слуги, а яго нема никого. Яна своихъ часовыхъ гукнула, яго ўзбудзила, да вывяла яго на дворъ, да дала яму такихъ нагаёвъ казацкихъ, кольки яму ўлѣзло. Вытаскали яго за городъ да й укинули у балку. Енъ кольки ўремя проляжавъ, покуль прочухався по́слѣ чесци, тоды поповзъ кое-якъ ровомъ тымъ; и поповзъ, и пошовъ, не чаявъ уже живымъ быць. Нялъзя яму и домовъ ици, потому обкрадзянъ увесь. Дакъ енъ сабѣ думая: пойду, ци не найду дзѣ якую пропасць—упропасцитца, бо мнѣ домовъ нялъзя вярнутца: и братовъ боюся, и нѐ съ чимъ. Пройшовъ кольки уремя—дзенъ, ци два, ци можа й три берагомъ, повзъ болото, чуя яблышный воздухъ пахня. Енъ сабѣ думаа: пойду, ци не найду дзѣ яблычка смагу прогнаць—бо ўже ротъ заросши смагой—негдзи а ни напитца, а ни ўкусиць чаго. Нашовъ яблыну рогатую, кашлатую; сорвавъ яблычко и ўкусивъ того яблычка. Якъ поросли на ёмъ роги! Такіе, якъ на яблынцы! Було яму лихо, да й погорѣло! То ишовъ, дакъ хоць ничо́го не чапавъ, а то идзе, дакъ бярезникъ скобля рогами! Пройшовъ кольки уремя, ци дзень, ци два, ци можа три, поскобливъ рогами бярезникъ, уже чуя зновъ яблышный воздухъ. Енъ сабѣ думая такъ: «пойду, ци ня зъѣмъ уже такого яблыка, кабъ уже пропасци!» Потому, стыдно уже выйци и на свѣтъ Божій зъ естакой карой. Одна кара, што роги, другая кара, што побито крѣпко бизунами. Найшовъ яблыну, хоро́шанькую яблыну, сорвавъ яблычко, укусивъ, и отпали уси яго роги, и ставъ енъ ще получьчай того, якъ бывъ: и здоровѣй, и боль уся унялася. Ёнъ яще нарвавъ яблыкъ, боли да боли, доставъ хусточку, была ў яго у карманику, дакъ ёнъ у хусточку завярнувъ ихъ, да й пошовъ тымъ слѣдомъ, которымъ скобливъ бярезникъ рогами. Пришовъ икъ той яблыни, къ рогатой, нарвавъ и тыхъ яблыкъ, да ў другое мѣсто. Да й пошовъ у городъ опяць у той самый. Ажны нанимаа царъ работниковъ засаджавацъ садъ у сябе. Кольки ўремя енъ яго засаджуя, дакъ енъ усё сохня; дакъ енъ нанимаа садовниковъ. Енъ и оявився: я могу садъ садзиць! Доне́сли ето цару, што такій и такій паранъ поднимаетца быць за садовника. Сичасъ доложили цару. Выкликаа царъ яго самого къ сабѣ на лицо и спрашуя у яго: можашъ ты садзиць? Енъ отвѣщаа: чаму, могу. Енъ яго приставляя икъ

*) По опредѣленію разскащика, „войська, што при ёмъ знаходзилась.“

народомъ, а ёнъ говора: я ня хочу зъ людзями садзиць, отвядзиця мнѣ у другимъ мѣсци, зъ другого крыла! Яны яму показали другое мѣсто, енъ и ставъ заниматца работой. Ето казка скоро кажатца, да ня скоро дзѣло йшло. Енъ садзиць садъ самъ сабѣ у другимъ мѣсци. Народъ садзяць садъ, енъ сохня; а енъ садзя садъ—енъ и расце, и цвице, и яблоки растуць. По кончаніи дзѣла, пошли обсматравать работъ. Пошли, дзѣ садзили народы—нема ничо́го: якъ було, такъ и ё,—посохло ўсё. Яны посмѣялись, пороготали, повыдумавали и опяць гово́рать: по́йдземъ глядзѣць новаго садовника работы. Пошли глядзѣць новаго садовника работы,—и яго работа привукраснаа: и расце, и цвице, и яблыки растуць, и польза вяликаа. Донясли яны самому цару, што ня треба больше нико́го брать и плациць, окромъ новаго садовника: нехай живе и садзя, покуль яго жисць. Царъ выстроивъ яму святличку и приставивъ къ яму дзѣвицу, кабъ яму служила, пищь готовила, подносила кушаньня, посли яго прибирала, обмывала. Енъ занявся работой, хорошой. И начала царевнина служанка ходзиць къ яму на гулянки; и енъ начавъ яѐ прѝвчивать (пріучивать, пріучать) къ сабѣ, и сказуя: «што, вотъ, говора: ты красиваа дзѣвица, а то бъ ще покрасивѣла, коли бъ зьѣла мойго яблыка, што я табѣ дамъ. Мудрѣй ба была за своѐ царевны!» Ну, ета прося: пожалуста, дай мнѣ яблычка; ци продай, ци такъ дай. Енъ ёй яблычко хорошое вынявъ и давъ, хорошое. Яна яго зьѣла,—и то была красиваа, а то ще гораздо покрасивѣла, што такъ яѐ и царевна ня ўвознала. И пытаа у яѐ: дзѣ ты ето такія масци набрала, нарумянилася? Яна говора: «ето, говора, мнѣ давъ садовникъ новый яблыка, дыкъ я якъ зьѣла, дакъ я подужѣла и попригожѣла, и повяслялѣла сама сабѣ.» Ну, яна сказуя: ходземъ жа мы поторгуемъ и мнѣ яблыка! Ну, и пошли торгувать яблыка. Приходзюць къ садовнику и торгуюць. Ёнъ дае ня тое яблыко, а другое—рогатое, и прося за яго, што самъ хоча. Царевни жъ грошій ня нѣтъ: абы бъ тольки достаць! Ёй, бачь, дорога̀ красота, што ёй обидно, што дзѣвка пригожѣй царевны. Садовникъ яблычка ёй поклавъ, а гроши отъ яе узявъ, и говора: «ты жъ ня ѣжъ яго цяперъ, а зьяси заўтра ўрани.» А дли того енъ уремя продовжаа, кабъ енъ уцёкъ оттуль. Узяла яна яблычко, пошли яны съ святлицы. Енъ святлицу зачинивъ, усё свое собравъ, ды самъ—маршъ! Хорошо! Ето казка кажатца, да тольки довго дзѣло проходзя. Покуль царевна пераночувала, дакъ садовникъ искрывся у городзи, и нема нико́го у святлицы. Назаўтраго ўрани помылася царевна и зьѣла того яблыка. Якъ поросли на царевни ро́ги! Дакъ ня мѣсцятца и ў комлаци! Што хоча который зломаць—болиць; хоча сорваць—болиць; и ня ўходзя ў двери, ня можно выйци вонъ! Царъ сказуя: «вотъ, моя дочка! Ето вѣрно енъ самый! Будзешъ ты цяперъ горавать, було табѣ ня дзѣлаць такихъ приступковъ!» Здзѣлали вобыскъ по ўсимъ городамъ, ци не найдуць якого знахара, якого чаловѣка, кабъ ето збавиць могъ. Той жа самый парань купивъ ксяндзовское платьця, надзѣвся такъ, якъ ксёндзъ, и наўчився маленько грамоци, и оявився: «я могу вычитаць ёй усё, тольки кабъ яна созналася своими грахами!» Приставили яго къ ёй. Енъ кажа: «выйдзиця уси вонъ: мнѣ треба яѐ сповѣда́ць и молитву читаць!» Ладно! Вышли уси вонъ; енъ ставъ яѐ сповядаць, и ставъ пытатца граховъ: «Вотъ, дзицятка, можа ты кого обидзѣла? Можа хто на цябе плачатца?» Ну, яна и призналася: «вотъ, я торбочку узяла у та-

*

кого и такого кавалера.» Енъ кажа: сподай, дзицятка, ето мнѣ! ето треба на косцёлъ отдаць! Яна и отдала яму торбочку. Енъ тоды ставъ читаць молитву—што читаа, а што маня—потому, грамоци знавъ мало, а ето тольки такъ прикословіе, кабъ якъ-небудзь да своё узяць яму. «Нѣ, дзицятка: ще ня ўси грахи! Ще нѣшто заняла у людзей! И тое подай на косцелъ!» Яна и рожокъ отдала яму, и рушничокъ отдала. Енъ тоды вялѣвъ топиць лазьню, и вялѣвъ приставиць шéсцьдзесятъ музыковъ. Вытопили лазьню, приставили музыковъ, узяли яѐ подъ руки и повяли у лазьню. Енъ узявъ яе зъ руки персцянь и ўбивъ у лазьни подъ брусомъ. Раздзѣвъ яѐ якъ треба быць и подчапивъ яѐ за ноги за брусъ, якъ кобылу подцягнувъ. И крикнувъ на музыковъ: играйця! Музыки зайграли, енъ яе якъ узявъ нагаёмъ, дакъ знявъ ёй родзимую шкуру исъ пятъ и до головы. Тоды вокно расчинивъ: «рушничокъ раскацися, добрый молодзецъ садзися, няси мяне икъ братомъ!» А яе такъ и кинувъ. Тые музыки играли, играли, да й потомилися, и нема ниякого отзыву зъ лазьни. Яны пошли, двери разломили, ажно яна висиць подъ брусомъ, якъ кобыла. Яны отвязали, оттуль яе вывяли,—кровъ зъ яе цяче!.. Ну, прислуги яѐ обмыли, обчапурали, тыя раны. Бацька и выславъ яе ў свѣтъ: «идзи, кажа: бо ето енъ самъ! Шукай яго, можа дзѣ знайдзешъ!» А енъ явився къ братомъ. Браты говôрацъ: «годзи табѣ плустаць пô свѣту! Жанися уже тутъ, да будомъ жиць,—дôбро, што своё поўзыскувавъ!» —Нѣ, братцы, ня буду жанитца, подожду! Проживъ можа годъ, а можа повтора, а можа повгода—нязвѣстно кольки—выѣхали яны уси ўтрохъ исъ сохами на поле работаць. Работаюць яны—ажно яна идзе шляхомъ. Енъ и кажа: «во, братцы: вы казали, кабъ я жанився,—вô моя жонка идзе!» Яны засмѣялись, надзѣлали смѣху; вѣдомо, бачуць, што еткое чудо. Подыходзя яна къ яму, обняла яго ноги, стала цаловаць, стала просиць: «просци мнѣ! што было, то пройшло, а цяперака я твоя,—што хочашъ, то со мной и дзѣлай, бо мнѣ уже домовъ не ворочатца отсюль!» Яны собралися, поѣхали домовъ, узяли яе съ собой. Ѣдуць дзяревняй, хто ўбача—смяютца. Пріѣхали, сичасъ погосцивъ яе, принявъ за госця, зъ братами, и давъ ёй яблычко, хорошое. Яна якъ зьѣла,—дакъ тô была пригожаа, а то ще ў пяць радзей попригожѣла! Роги зъ яе спали, и боль тая унялася: не чуя боли уже ниякія. Ну и начали жанитца, вясельля гуляць. Згуляли вясельля и послали къ бацьку поклонъ, што благополушно усё. Бацька давъ много прйданаго. И цяперъ живуць. И я тамъ, сляпуючи, бывъ, медъ-вино пивъ, по губахъ цякло, а ў ротъ не попало.

М. Городецъ, рогач. у. Отъ кр. Адама Ѳедорова 44 л. слѣпорожденнаго.

Довольно сходная сказка есть у резьянъ. Тамъ отъ бѣлыхъ фигъ выросъ хвостъ, отъ черныхъ онъ отпалъ. Меньшой братъ не наказывалъ царевны, но вѣнчаясь, далъ ей черную фигу. Слав. Сборн. т. III, 306—308. Также см. Афан. VIII, 214.

24. Казакъ-Громакъ Ляксѣй Хвёдоровъ.

Нѣўкоторомъ царстви, нѣўкоторомъ государстви, вѣрно, ў томъ, у которомъ мы живемъ, живъ сабѣ хресцянинъ-бѣднякъ. Живъ ёнъ дужо при большой бѣдносци. Пôтомъ енъ померъ. Вотъ, съ того остався яго сынъ, Казакъ-Громакъ, Ляксѣй Хвёдо-

ровъ, ни при чомъ. Тоды енъ засмутнѣвъ: «о Господзи! Што жъ я живу, живу, и оцецъ мой живъ, и ня 'ставивъ мнѣ ничо́го!» Походзивъ енъ по хаци, глянувъ—на сцѣнцы висиць кисе́цикъ-мяшечакъ. Узявъ енъ, знявъ яго, полядзѣць, што у имъ ёсь, бача—тамъ красивцо̀ и вогни́вцо. «Ахъ, Господзи! Хвали́ць Бога, што хоць гэто засталося, бацьковъ поминокъ!» Узявъ енъ развязавъ и выпявъ. Вынявъ гэтыя вогнивцо̀ и красивцо̀, сѣканувъ енъ разъ—выскочивъ молодзецъ. Отъ одного разу енъ сѣканувъ двананцаць разовъ; выскочило, значитца, двананцаць молойцовъ, и спрашуяць у яго: што табѣ, говоруць, треба Казакъ-Громакъ, Ляксѣй Хвёдоровъ? Тоды енъ спрашуя: треба мнѣ пиць и ѣсь, ѣсь хо́чу. Тольки сказавъ,—стало перадъ имъ пицѐньня, ядзѐньня, разны приборы. «Што-жъ мнѣ робиць?» Попивъ, поѣвъ. Якъ попивъ, поѣвъ, тутъ уже и нема яго ничого, усё яно минулося. Собравъ енъ своё красивцо̀, вогнивцо̀ и крамянёкъ, и пошовъ пуцёмъ дорогой. И матушку свою съ собой узявъ. Ици, дакъ ици, ици, дакъ ици, и приходзя на гэтый пляцъ, што солдаты вучутца, подъ государственный дворъ. Ставъ тутъ и сѣканувъ двананцаць разовъ, выскочило двананцаць молойцовъ и спрашуюць у яго: што треба, Казакъ-Громакъ, Ляксѣй Хвёдоровъ? Енъ имъ отвѣчая: «треба мнѣ выстроиць домъ чище царскаго дворца и штобъ коло гэтаго дворца стояла войська̀, часовые, кругомъ!» Тоды на заўтрашнiй дзень гэто черазъ ночь стало. И выѣжжая на заўтрашнiй дзень зъ гэтаго зъ дворца съ царскаго вѣстовый смотрѣць на гэтый пляцъ. Убачивъ гэтый домъ, и отношуетца къ цару: «занятъ нашъ пляцъ: выстроенъ дворъ чище царскаго дворца.» Потому выѣжжая царъ самъ осмотра̀ць, попробовацъ яму разбиць гэтый домъ, посунуць. Подавъ яму Казакъ-Громакъ, Ляксѣй Хвёдоровъ бумагу, што ты мойго двора не разобъе́шъ. Тэй царъ назадъ и поѣхавъ. Скольки енъ хоцѣвъ, проживъ, а бывъ енъ холостый. Вотъ енъ говора: «треба намъ ици, мамка, у сваты!»—А куды жъ намъ ици?—«Да треба намъ ици къ цару у сваты!»—Якъ жа, мой сынъ, мы по́йдземъ, коли мы мужики простые, а ёнъ царъ?—«Ступай, кажа, матка: отдась!» Узявъ енъ свой крамянёкъ и вогнивцо̀, и сѣканувъ двананцаць разовъ,—выскочило двананцаць молойцовъ: «што треба, Казакъ-Громакъ, Ляксѣй Хвёдоровъ?»—Да што треба? Треба намъ ици у сваты къ цару. Ци отдась енъ дочку̀ свою за насъ?—«Отдась!»—Якъ жа намъ яе узяць?—«А якъ жа узяць? Дадзёмъ мы вамъ драгоцѣнный камянь—дыямантъ, и ўхини ты яго у платочакъ, уложи у карманъ, и нехай зъ имъ идзе матка у сваты. И нехай яна идзе прамо у комлату и вялиць позачиняць вокны; и нехай яна положа яго на столѣ, и загоратца уси комлаты, ажъ зазьяя!» Узяла матка дыямантъ, ухинула у платочакъ и пошла. Приходзѣць яна къ имъ у комлату и кажа: зачиниця, пожалу́ста, вокны! Яны зачинили вокны, положила яна на столѣ дыямантъ,—такъ усё и загорѣлось, ажъ зьяя.. Тоды царъ говора: «што ты, баба, хочешъ за гэтый камянь?»—Я хо́чу? Пришла къ вамъ ў сваты за свойго сына. Царъ замѣцивъ, што енъ гэтакiй штукаръ,—можецъ и мнѣ помогци у воинстви,—и здзѣлали яны запоины зъ естой зъ бабой. Тоды енъ яе и отправивъ: «Ну, ступай жа ты, бабка, домовъ, покуль табѣ будзя указъ!» Сычасъ енъ, ня довго думая, разославъ минихвесты по ўсихъ царахъ у во ўси земли: кабъ зъѣжжалися ко мнѣ на заручины: я выдаю дочь! Присылая енъ гэтой баби указъ, кабъ ишла яна къ яму на заручины. Яна пошла дзѣлаць

заручины. Здѣлали яны заручины, списали, у которое, значитца, число, у якій дзень будзя у ихъ вясельля. Дочка гэта царська я была дужо штукованая. Узяла яна гэто сабѣ у голову: «коли жъ ты гэтакій штукаръ, хочешъ мяне узяць, дакъ я табѣ штуку устрою,—погодзи жъ!» Здѣлали яны тыя заручины,—«вотъ жа, говора яна, матка—на свякруху—якую я табѣ искажу штуку: кабъ было къ вясельлю выстроенъ садъ отъ нашаго крылца до вашаго. Якъ будземъ ѣхаць къ вянцу, кабъ яблонки цвѣли, а зь вянца—кабъ яблоки были готовы, поспѣли къ обѣду. Да кабъ ня ўвознала, на чомъ ёнъ пріѣдзя!» Матка гэта приходзя домовъ и давай плакаць: «куды гэто мы залѣзли? што намъ гэто дзѣлаць?»—Ну, што ты плачешъ?—«Да якъ жа ня плакаць: заказала дзѣвка твоя, кабъ икъ вясельлю бывъ выстроенъ садъ отъ ихнаго крылца до нашаго. Якъ будзеця къ вянцу ѣхаць, кабъ яблонки цвѣли, а якъ зь вянца—кабъ яблоки поспѣли. Да ще,—кабъ яна ня ўвознала, на чимъ ты пріѣдзешъ!»—Эхъ, матка, матка:што намъ гэто устроиць?! Сычасъ дожидаюць яны гэтаго уремя, у которую вясельля дзѣлаць. Выходзйць ёнъ у вечару на дворъ, сѣканувъ енъ двананцаць разовъ, выскочило двананцаць молойцовъ: «што треба табѣ, Казакъ-Громакъ, Ляксѣй Хведоровъ?»—Заказала намъ царськая дочка, кабъ было отъ нашаго дворца до царськаго дворца садъ обаполъ дороги выстроянъ. Ци можамъ мы гэто выстроиць?—«Да окромя насъ нихто у бѣлымъ свѣци ня можецъ выстроиць!»—И казала яна, кабъ ня ўвознала, на чомъ я пріѣду. Тоды яны яму отвѣчили такъ: «Казакъ-Громакъ, Ляксѣй Хведоровъ, ложись спаць спокойно: теразъ ночь гэто ўсё будзя готово!» Дочцѣ царськой ня спитца, усё думаетца: якъ ёнъ усё гэто здзѣлая? Ускочила яна у ночи ще, вышла на дворъ глядзѣць, ци будзя гэто вѣрно, кабъ енъ устроивъ,—а тамъ ужо цвятуць яблонки разнамы цвятамы,—ня можно отглѣдзитца! Тоды яна говора: ну, говора, штукаръ! Давъ Богъ дзень, енъ сычасъ собираетца и ѣхаць къ ёй. И што енъ запрогъ у пояздъ?—Козловъ! Выжъ подъяжжая подъ крылцо, выходзя яна глядзѣць. Тоды яна говора: «ну, говора, однакъ ня можно увознаць, на чомъ пріѣхавъ!» Уссѣла и поѣхала зь имъ. Уссѣла и поѣхала зь имъ яна, ѣдзя и распрашуя на гэтый садъ, ды й говора: ну, однача! вотъ устроивъ, дакъ устроивъ! говора. Ѣдзя отъ вянца, глядзиць--яблоки уже готовы на обѣдъ. Пріѣхали зь вянца, подносюць имъ гэтыя яблоки на обѣдъ. Згуляли яны свадзьбу, поѣхали домовъ,—къ сабѣ енъ повезъ. Бацька отписавъ имъ богато посаги, войськй давъ кольки. Вотъ кольки яны тамъ жили, якъ мужъ зъ жаной, а яна усё-тки добра яму ня мыслиць. Пошли яны разъ спаць, яна и говора: «скажи ты мнѣ, Казакъ-Громакъ, Ляксѣй Хведоровъ, чимъ ты гэткія штуки приставляешъ? Ци ты зь якія зямли, ли ты здѣшній чаровникъ?» Тоды енъ усё-тки боитца яѐ; якъ гэто ёй яму сказаць? Серца яго чуя, што яна хоча яму зло здзѣлаць Тоды-тка енъ обдумався: «якъ-тыки можно? Яна моя жана, якъ яна можа здзѣлаць мнѣ злось якую?» И тоды енъ ёй сознався. Сознався ей, и гэто, показавъ ёй увесь примѣръ, якъ енъ усё гэто дзѣлавъ. Гэтый примѣръ енъ ёй показавъ, и яна сама зняла, поспробовала здзѣлаць. Ну, яна у яго открала, и говора: пойдземъ-ка мы проходзимся! Тоды енъ пошли изъ ёй на прохождэньне и яна дала приказъ напяродъ солдатамъ: «якъ будземъ мы ици, да будземъ уходзиць (входить), мяне упусцице, а яго возьмице на штыхи!» Якъ яны вярнулися, солдаты яѐ пусцили, а яго хо-

цѣли на штыхи ўзяць. Тоды енъ цапъ-цапъ у карманы—нема яго вещи! «Братцы вы моё, говора солдатамъ: што я вамъ здзѣлавъ? Я дли васъ устроивъ службў лёхкую, одзѐжу лехкую!» Яны яго и пусцили. Тоды ёнъ бросивъ усё и пошовъ у свѣтъ. Якъ пошовъ дорóгой, якъ пошовъ дорогой,—бъётца три дъяволы, прамо, до смерци забиваютца. Енъ спрашуя: «за што вы бъецёся, молойцы?»—А вотъ, мы разскажамъ примѣръ: бывъ у насъ бацька. Тоды ёнъ помёръ, а намъ осталося яго богацьце: ковёръ-самолётъ, жбанъ-ли-жбанъ, шапка-нявидзимка, чаботы-шкурляты. Коверъ-самолетъ такій, што занясе цябе у бѣлый свѣтъ, а жбанъ-ли-жбанъ—накорми мяне! А ў шапцы-нявидзимцы нихто цябе не ўбача. Дакъ вотъ мы ниякъ гэтаго богацьця не подзѣлимъ! Тоды енъ обдумався, якъ ба яму гэто отобрадь. «Ну, братцы, кажа: окромя мяне нихто васъ не подзѣля!» Пошовъ енъ у лѣсъ, отрѣзавъ палку, якъ шибнéць ёнъ имъ у ельникъ густый: «ну, кажа: хто ету палку упяродъ ухопя, того гэто ўсё яго!» Енъ гэто и пилнуя: якъ побѣгли яны за гэтой палкой, енъ сычасъ шапку нявидымку на головў, чаботы-шкурляты на нóги, у коверъ самъ ухинувся—жбанъ-ли-жбанъ, подымайся! И поляцѣвъ. Ухапили яны гэту палку, прибѣгаюць на гэтое мѣсто: тому жалко, а тые рады—«нехай не достанетца ни табѣ, ни намъ, никóму!» Прилетае енъ на забытный мостыръ. Уходзйць у гэтый суборъ, монахи гэтые чуць тольки што живы, ня можуць прошавкнуць—зъ голоду позводзилися. Тоды енъ говора: жбанъ-ли-жбанъ, дай-ка пиць-ѣсць! Жбанъ-ли-жбанъ давъ пици, ѣсци. Тоды енъ самъ ня ўзявъ ѣсци, узявъ бутылку вина и рўмочку, и пошовъ у суборъ у гэтый, наливъ румочку, одному уливъ у ротъ, тоды другому, тоды третьцяму, усимъ поўливавъ. Яны трошачку отлынулися. И ставъ енъ починяць суборъ. Выписавъ енъ бумагу и пославъ у гэтый у лицейный домъ, дзѣ льлютца звоны, кабъ вылиць звонъ триста пудовъ. И ужо енъ тутъ перамянивъ имя своё: написавъ,—завѣдуя забытнымъ мостыромъ такій и такій—Шѣрая Свита—налѣво шита. Гэтый звонъ вылили. И якъ яго приставиць? Коньмы ня можно приставиць. Ухинувся ёнъ у ковёръ, узявъ жбанъ-ли-жбанъ и поляцѣвъ туды! Прилетая у гэтый у лицейный домъ, сычасъ гэтый звонъ ухинувъ у коверъ—жбанъ-ли-жбанъ, подымайся у забытный мостыръ! Енъ сычасъ приляцѣвъ у забытный мостыръ и зачапивъ гэтый звонъ на звоницу. На заўтрашній дзень пошли служиць на служеньня, звониць у гэтый звонъ. Якъ ударивъ у гэтый звонъ на суборъ, дыкъ у царськимъ дворцѣ повысыпалися шибки, и яна съ посцели доловъ звалилася, объ мостъ ударилась. Выскочила яна на крылцо и слухае: звонюць у забытнымъ мостырѣ на суборъ. Тоды яна бацьку выхваляетца: «вотъ, говора, вы на мяне тоды сварилися—такая ты, шельма, сукина дочка, на што ты яго страбила, а вотъ ёнъ, говора, живъ. Гэто ня Шѣрая Свита—налѣво шита, а гэто Казакъ-Громакъ, Ляксѣй Хведоровъ. Енъ на гэтыя штуки здашенъ!» Сычасъ царъ высылая аквитанта свойго на забытный мостыръ: хто тамъ надъ мостыромъ завѣдующій? Пріѣжжая аквитантъ и спрашуя у яго: «хто надъ гэтымъ надъ забытнымъ мостыромъ завѣдующій?» Тоды енъ говора: Шѣрая Свита—налѣво шита! Спросивъ енъ и ўѣхавъ, и отношуетца къ цару: гэто на забытнымъ мостырѣ находжуетца Шѣрая Свита—налѣво шита. А яна стоючи отвѣчая: нѣ, говора: гэто ня Шѣрая Свита—налѣво шита, а Казакъ-Громакъ, Ляксѣй Хведоровъ. И сказала, што хочетца ёй довѣдатца на гэтый

мостыръ, хочетца ѣхаць Богу молитца на яго. И яна приказала, кабъ Шѣрая Свита—налѣво шита здзѣлавъ мостъ отъ забытнаго мостыра до царськаго дворца - золотая мостничка, сярebраная мостничка, и чаразъ дзесяць мостничакъ довжны хвенари горѣць. Енъ сычасъ говора: жбанъ-ли-жбанъ, кабъ бывъ такій и такій мостъ! Чаразъ ночь и явився мостъ. Ёй жа, проклятой, ня спитца, и выскакуя ще у ночи глядзѣць на дворъ. Видзя—мостъ ажъ зьяя, и хвенари горацъ. И ниякъ яна ня можа дождатца дня. Жджѐць яна прамо бѣгая. Давъ Богъ дзень, яна сычасъ садзитца и ѣдзя на бѣдьню. Ня можа яна отглѣдзитца! Пріѣжжая яна на гэтый мостыръ, уходзя у суборъ Богу молитца. Гэто яна молитца, дзивитца: гэтакаго собору нема у цѣломъ царстви! Отыйшла обѣдня—енъ и зовѐ ихъ на 'бѣдъ къ сабѣ. Отправляя яна бацьку, а сама остаѐтца и обѣдая, и не такъ на 'бѣдъ смотра, якъ на яго: яго ўсё лицкуя, кабъ не укляпатца—показуя, што бытцомъ мужикъ яѐ. Тоды яна и спрашуя: ты, говора, ня Шѣрая Свита, а ты Казакъ-Громакъ Лаксѣй Хвёдоровъ! Енъ ниякимъ вобразомъ не сознаѐтца: гэтакую штуку яна дала! Будзь ты сама, а я самъ, ня хочу я цябе! Али обдумався: а можа яна ня будзя ужо такъ дзѣлацъ! Поткацилася яна къ яму прамо сатаною. И сознався ёнъ ёй: такъ, говора, вѣрно: я Казакъ-Громакъ!—«Ну, я жъ табѣ покаяніе дамъ, што я уже боли такъ дзѣлацъ ня буду: на̀ табѣ красивцо, вогнивцо твоё, и будземъ жиць укучи!» А яна яго при сабѣ и возя. Сычасъ енъ подумавъ, подумавъ: «треба гэтый мостыръ бросиць, а то яна мяне опяць стребя.» Дождався енъ ночи, узявъ яѐ у коверъ. «Жбанъ-ли-жбанъ, подымайся на выспу!» И тамъ енъ выстроивъ сабѣ домъ, опяць жа такій жа хорошій. «Нѣ, отсюль, брешешъ, не ўцячéшъ.» Кольки яны тамъ пожили, и усё-тыки яна доходзиць гэтыя вещи. «Нѣ, брешешъ! я табѣ не сознаю, откуль гэтыя вещи!» Ну, звѣстно: баба—сатана! Якъ поткацилась яна къ яму, ночь и двѣ—можа и съ повгода—баба усякаго звядзе, али поткацилася яна къ яму—и сознався ёнъ! Яна коло яго лисой. Увѣривъ енъ ёй, показавъ уси гэтыя прахты. Тоды яна ночьчи, ня довго думаючи, собралась, узяла усё чисценько, покинула яму тольки двѣ булочки хлѣба. Узяла кремянцо—вогнивцо, сѣканула дванацць разовъ, выскочило дванацць молойцовъ: «што треба?»—Раскидайце увесь гэтый домъ по кирпичини по ўсёй выспи! Жбанъ-ли-жбанъ, няси мяне у бацьковъ домъ! Прилящѣла яна у бацьковъ домъ.

Цяперака енъ назаўтраго прошнувся, зиръ-зиръ—раскиданъ увесь домъ, тольки одна кирпичинка подъ головой! Заплакавъ дужо енъ: отъ дзѣ цяперъ загину ужо вѣрно! Зирнéць енъ у головы—лежацъ двѣ булочки хлѣба. «Ну, хвала табѣ, Божа: хуць ёсь чимъ душу отживиць!» Сѣвъ, поѣвъ, и пошовъ ходзиць по выспи. Бача ёнъ—плыве корабъ. Давай енъ кричацъ и шапкой махацъ, гукацъ къ сабѣ. И гэто матросъ убачивъ, што чаловѣкъ ходзя по выспи и гукая ратунку. Гукая матросъ работниковъ, вялицъ узяцъ лёхкую лотку, ѣхацъ узяцъ гэтаго чаловѣка.

А бацька, якъ пріѣхала яна домовъ, давай сваритца: «вотъ, кажа, надо съ цябе шкуру знящь свиньнячьчу и волову, тоды ты будзешъ людзьмы, а гэта шкура ня твоя. А тольки яна съ цябе коли-николи да злѣзя!» Яна бацьку ничого ня 'твѣчила. Ну, а тымъ часомъ, узяли яго у корабъ и повязли съ собой. Вывязли яго на берагъ, енъ и пошовъ дорогой. Идзе, идзé—ѣсци хоча, ня можа вытримаць. Бача енъ

—стоиць кустъ ягодъ красныхъ. Енъ узявъ, красныхъ ягодъ зьѣвъ—то бывъ красенъ, а то ще покрасивѣвъ! Пошовъ енъ дальше, нашовъ кустъ чорныхъ ягодъ. Зьѣвъ ягодъ—и выросли у яго роги. Што тутъ робиць? Вярнувся назадъ, узявъ ѣсци красныя ягоды, зьѣвъ енъ ихъ можа кулакъ—гэтыя роги зь яго позлазили. Тоды стоиць кустъ лозы. Узявъ енъ плѐсци корзины, наплевъ корзинъ, набравъ ягодъ одну красныхъ, другую чорныхъ. И царськая дочка брала за городомъ съ криницы воду мытца сабѣ. А енъ про гэту криницу знавъ. Сычасъ енъ туды и побѣгъ. Пришовъ и сѣвъ: знавъ, якой яна приходзя пòрой. Прибѣгая служанка зъ бутылкой, воды. «Дай мнѣ, голубка, попиць воды!»—Дала бъ я табѣ воды, да боюся—царская дочка узная, яна дужо злая!—«Да ня бойсь!» Енъ ци пивъ ци нѣ—голодному чаловѣку якое питьцѐ уже—тольки здзѣлавъ примѣръ. Давъ ёнъ ёй зьѣсци красныхъ ягодъ; стала яна дужо пригожая—ня можно на яѐ отглѣдзитца! Якъ ускочила яна на порогъ, тая и ўзнала, што яна давала воду нѐкому. Ну, а тая таитца ўзяла: не давала.—Нѣ, кажа, давала! Яна й созналася: давала старичку: енъ давъ мнѣ ягодъ, я зьѣла и стала такая пригожая. Яна посылая: ступай, привядзи мнѣ того старика, кабъ и мнѣ узяць гэтыхъ ягодъ. Почомъ плаци, плаци, а мнѣ доставъ гэтыхъ ягодъ! Пошла тая дзѣвка шукаць ягодъ. Найшла яго на тымъ жа мѣсци. «Што ты хочешъ за ягоды?»—Нача ня 'тдамъ ягоды, якъ сто рублей за штуку. Дáла яна яму рублей триста, енъ давъ ей ягодъ кулакъ хорошій, и кажа дзѣвцы: «нехай ягодъ не разбирая, а скомкая, скомкая и уси зьѣсь отразу! Тоды будзя дужа пригожа.» Яна такъ и здзѣлала. Якъ зьѣла яна тыхъ ягодъ—поросли на ёй горбы да рòги—ня можно ей ни сидзѣць, ни лежаць! Бацьку, звѣстно, жалко: «ахъ, сукина ты дочка! Чаго ты хоцѣла, того ты й достала!» И ставъ ёй разныхъ дохторей сòйскаваць. Што яны давали ёй разнаго зелья! Нема пользы. Стали зрѣзаць: дзѣ зрѣжуць одзинъ, нарасце дзесяць. Нема рады! Давай сойскаваць бабъ разныхъ—нема пользы. А Казакъ-Громакъ, Ляксѣй Хведоровъ идзе тоды городомъ коло крамовъ, и сядзиць крамникъ, и гукая яго къ сабѣ: «эй, дзѣдъ! ци ня вѣдаешъ ты, якъ ба согнаць тые горбы, роги, што поросли на царськой дочцѣ?»—Зачимъ? я могу самъ согнаць. Крамникъ трахъ яго у краму, да й замкнувъ, а самъ пошовъ сказаць, што ёсь такій дзѣдъ, што бярѐтца лячиць царськую дочку. Отъ, яго и попёрли туды. Ну енъ сказавъ вытопиць у три часы лазьню и привѐзци три возы сушшиннику. Тутъ гэто удругъ: якъ сказавъ, тутъ сичасъ и готово. Енъ тоды сказавъ позачиняць вокны и двери и сказавъ, што хто будзя близко да штонѐбудзь почуя, дакъ тому будзя усё тое—и горбы и рогй. Уздавъ духу, давъ ёй три красныхъ ягодки зьѣсь, кабъ горбы порадзѣли, да якъ ставъ тымъ сушшинникомъ хвостаць! Во гэто, кажа, волова шкура! Знявъ яѐ; зновъ давъ три ягодки зьѣсци, кабъ горбы порадзѣли, уздавъ духу, узявъ лупиць, бивъ, бивъ... Во гэто, кажа, свиньнячьча шкура! Бье да й приказуя: «во гэто вогнивцо-кресавцо! Во гэто жбанъ! Во гэто коверъ!»—А ци гэто ты Казакъ-Громакъ Ляксѣй Хведоровъ?—«А ты думала хто? Ты думала, што ты мяне згубишъ?» Давъ ёй яще ягодки три, остались тольки горбы три ци чатыре. Тоды яна уврцѣлась да якъ дуня за ўсимы за гэтымы вящамы. Прибягая домовъ—ня пускаюць.—Ня бойцесь, гэто я!—«Во, я казавъ зняць три шкуры, дыкъ людзьмы будзешъ, моя й правда!» кажа бацька. Узяла яна гэтыя вещи, при-

нясла у лазьню. Узявъ ёнъ вещи, давъ ей уси ягоды и стала яна и здорова и пригожа. Идуць яны зъ лазьни обнявшись. А бацька да писавъ минихвестъ: хто вылѣча яе, за того замужъ отдамъ! Якъ пришли яны на ўпокой, бацька сычасъ, безъ никихъ, сычасъ свадзьбу дзѣлаць: «а што, кажа, за гэтакаго ла́псарника треба замужъ ици!» Тоды яна отвѣщая бацьку: бацюшка, ня треба намъ свадзьбы, гэто жъ Казакъ-Громакъ Ляксѣй Хвёдоровъ. Ну, и стали жиць, поживаць, и цяперъ живуць.

Дер. Семукачъ, городищенск. вол. быховск. у. Кр. Якимъ Яськовъ, 24 лѣтъ, неграмотный. Семья Яськовыхъ изстари славилась *казанниками*, но къ сожалѣнію при проѣздѣ мнѣ не удалось видѣть старѣйшихъ членовъ семьи. Приведенная сказка отчасти можетъ служить образчикомъ того, чѣмъ будутъ народныя сказки лѣтъ чрезъ десять въ устахъ молодого поколѣнія, и по языку и по развитію фабулы.

25. Иванъ рыбакъ.

Живъ сабѣ рыбакъ ли синяго мора. Енъ постоянно занимався рыболовъемъ, и дзень и ночь. Бывъ у яго сынъ Иванъ. И тэй заўсягды зъ бацькомъ рыбу ловивъ. Ну сыну Ивану лучьче повадзилося рыболовъе, чимси бацьку. Пройшло нѣскольки годовъ, рыбакъ тэй помёръ, и ставъ заниматца рыболовъемъ одзинъ Иванъ. И послѣ бацьки рыболовъе ще лучьче повадзилось яму, якъ при бацьку̀. Ну одно время, поѣхавъ енъ на рыбу, ловивъ цѣлый дзень, и тольки подъ вечаръ уловивъ одну рыбину, да такую, што ня видзѣвъ у своёй жисци. И самъ сабѣ говориць: «ну, хоць не удача рыболовъя, не обнаковенно счасьливо, да надзѣюсь, што мой бацька у жисць ня видзѣвъ такой рыбы, якъ я зловивъ сягодьни!» Рыба отказуець яму: «ропташъ, што мало рыбы? Ну, я хо́чу, кабъ ты совсимъ ня ловивъ больше рыбы. Возьми зъ мойго рота кольцо, узложи яго на палецъ и скинь,—табѣ триста дукатовъ высыпитца!» Разинула яна ротъ, ажъ тамъ на рыбиномъ языку кольцо. Узявъ ёнъ кольцо, надзѣвъ на палецъ да здзѣвъ—триста дукатовъ посыпалось. «Ну, ци будзешъ ловиць больше рыбу?»—Сохронь Божа, нико́ли ня буду!—«Ну, пускай мяне ў мора!» Енъ яѐ узявъ и кинувъ у мора, а самъ зъ радосцей поплывъ скорѣй икъ берагу. Плыве́ць, да накладаець кольцо да знимаець, накладаець да знимаець, и такъ накладаючи да знимаючи, да по триста дукатовъ считаючи, покудова къ берагу доплывъ, повную лотку дукатовъ нагрузивъ. Ну не доплывши са́жневъ тритцаць до берагу, лодзь яго стала тонуць. Стала тонуць и утонула. Чуць Иванъ рыбакъ не утонувъ, тольки застався ў жисци самъ и кольцо на пальцу. А лодзь зъ дукатами утонула. Приходзиць ёнъ домовъ мокрый и безъ рыбы. Матка и братьця малолѣтніе якъ убачили яго мокраго, безъ рыбы, дужо перапугались и заплакали. «Што гето такое ёсь, што ты николи безъ рыбы не приходзивъ, а сягодьни не принёсъ ничо́го, и увесь мокрый?» —Ну, ничого, маменька: хуць чуць не ўтонувъ, ну объ гетымъ не безпокоюсь. И ты, маменька, не безпокойся: хуць рыбы и нѣту, ну й больше ловиць не буду. Надзѣюсь, што не буду хоцѣць смотрѣць на рыбу, не то—ѣсци. Матка яго заплакала ще боли: «сынъ мой милый! съ чаго жъ мы будземъ жиць, коли ты ня будзешъ рыбы ловиць?»—Ну, маменька, подай мнѣ поѣсць што-небудзь, я тоды покажу, што я мѣю безсчотный капиталъ на своёй руцѣ. И подайце мнѣ посуду такую, кабъ улѣзло у

яе тритцаць гарцовъ. Матка дала яму ѣсци, и поднесла посуду. Енъ подъѣвъ, сѣвъ на зэдликъ и ставъ кольцо на палецъ ускладаць и знимаць и по триста дукатовъ считаць. И повный ящикъ насыпавъ. «Ну, цяперича, маменька, на вашъ вѣкъ будзець гетыхъ дзенихъ достатошно. А я самъ отправляюсь на свѣтъ, свѣту повидаць!» И пошовъ енъ у свѣтъ. Вѣдомо, якъ енъ рыбакъ, ня бывъ нигдзѣ, дакъ енъ поцикавився свѣту повидаць. Пошовъ енъ у свѣтъ, ишовъ, ишовъ—увыйшовъ у прочьчее государство. У гетымъ государстви было вяликое страженіе, и посли страженія треба было гэтому цару заплациць вяликую силу дзенихъ прочьчему цару. И не знавъ ёнъ, што дзѣлаць, скудова выбраць такую силу дзенихъ. Объявивъ енъ по ўсимъ государстви: «хто бъ найшовся такій, кабъ гетыя гроши уплацивъ, то бъ стався моимъ зяцемъ!» Ну нихто не находзився. Почувши Иванъ рыбакъ гето, уздумавъ сабѣ, што енъ можець выплациць и статца зяцемъ цара, а посли смерци яго статца й царомъ. Приходзиць енъ къ цару и говориць: «вяликій государъ! я выплачу гетую подаць!» Государу гето смѣшно стало, што такій непочестный человѣкъ бярѐтца выплациць такъ много грошій, што цѣлое царство не могло выплациць. Ну потомъ енъ раздумався: а можа, енъ и мѣець такій кипиталъ! «Ну, хорошо!» говбриць царъ, хуць зъ насмишкой, ну говориць: «почестный чело̀вѣкъ! Якъ жа ты выплацишъ такую подаць?»—А вотъ такимъ манеромъ: прикажице, вяликій государъ, построиць такій домъ безъ вокон̂ъ и безъ двярей, кабъ у ёмъ помясцилось столько грошій! Сичасъ государъ вялѣвъ построиць. И построили домъ тритцаць сажневъ длинины и дзесяць широчины, безъ вокошакъ и безъ двярей, только покинули у самымъ вярху вокошачко, можа, у варшинъ. Иванъ рыбакъ туды ўлѣзъ и яму только ѣсць туды спускалося по вяровки. Перасѣдзивши енъ тамъ одзинъ мѣсяцъ, уже царъ убачивъ яго на вярху. Енъ удзивився, якъ енъ оттудова вышовъ. Иванъ рыбакъ попросивъ лѣсьвицу злѣсци съ крыши, и говбриць: вотъ, вяликій государъ, мѣеце геты гроши подъ вашимъ распораджені̇емъ! Царъ, увидзѣвши столько гроши, узрадовався, обнявъ и поцалувавъ Ивана рыбака и назвавъ яго своимъ зяцемъ. Сичасъ одославъ яго съ своей дочкой дли выполненьня законнаго брака у церкву, а самъ скоро занявся записаць яму усё государство и утвярдзивъ яго наслѣдникомъ.

Проживъ нѣсколько лѣтъ съ своей жаной Иванъ рыбакъ, жана яго начала допрашаваць, откуда енъ узявъ столько грошій. Енъ, любя свою жану, открывъ ёй усю правду, и показавъ ёй гето кольцо. Яна жъ, узявши кольцо, пошла къ свойму отцу и говориць: «надо ўбиць гетаго мужука! Енъ намъ больше ня треба!» Иванъ рыбакъ, учувши геты слова, и побѣгъ уцекаць. Бѣгъ енъ, бѣгъ, и посли спуга такого, не угадавъ, якъ забѣгъ у глыбь лѣсу. Чуець енъ, нѣшто—цупу-лупу! цупу-лупу! бытто бъютца. Енъ ставъ радъ, што добъѐтца до людзей. Приходзиць на гето мѣсто, ажъ трохъ чартовъ бъютца и дзярутца. Тоды ёнъ спрашуець: чаго вы бъецёсь и дзерецёсь? А яны кажуць: «што табѣ за дзѣло?»—Нѣ,—разскажице мнѣ, за што вы бъецёсь, дакъ я васъ помиру!—«Ну, вотъ цяперъ мы табѣ скажемъ! Нашаго бацьку убивъ Домбиль, такъ сказаць, пярунъ. Вотъ, осталось посли яго бочка золота, боты самискоки, дыванъ самоносный, и шапка нявидка. Боты дзѣлаюць однымъ сигнёмъ сто вёрстъ, дыванъ занясе̇ць куды хочешъ, а шапку нявидку якъ надзэць на голову̀, нихто цябе ня

ўвидзиць. Дакъ вотъ мы гетыхъ вящей не подзѣлимъ!» Такъ Иванъ рыбакъ говориць: «ну, ты, кулявый чортъ, бяжи по сухое древо, а ты, простый рогатый, бяжи по камень зъ двумя рогами, а ты, криволупый, бяжи по козячьчій рогъ. Якъ принесецё вы мнѣ гето, я васъ подзялю!» Знаець, што гетыхъ вящей нидзѣ нема близко. Вотъ, скоро, якъ черци разбѣглись, который сабѣ, пошибче, енъ зложивъ золото на дыванъ, узявши, боты надзѣвши на ноги и шапку нявидку на головў, сѣвъ на дыванъ и говóриць: дыванъ, няси мяне къ моёй жонцы ў дворецъ! Дыванъ поднявся и поляцѣвъ. Прилетаець у дворецъ. Ставъ енъ на крыльцы, ажъ чуець—музыка играець. И гето було, што Ивана рыбака жонка ишла замужъ за вяликаго князя. Иванъ, учувши гето, што яго жонка идзéць за другого замужъ, енъ тоды гето золото, што було на дыванѣ, раздавъ людзёмъ, а самъ узявши дыванъ подъ паху,—шапка нявидка у яго на головѣ, а боты самискоки на ногахъ—уходзиць у дворецъ, и яго нихто ня видзиць. Ажъ смотриць—сядзиць яго жонка за столомъ. Подходзиць ёнъ къ ёй, бярéць у яѐ талерку, и кйдаець на землю. Яна сичасъ возразумѣлась, што тò яѐ мужъ, пришовши зъ мертвыхъ, гето дзѣлаець, и говориць: Иванъ, мужъ мой, зъ мертвыхъ уставъ! Енъ говориць: брешешъ, я живый, а ты при живомъ за другого замужъ идзéшъ! Подходзиць енъ къ свойму тьстю, и бъéць яго у морду: «Якое ты на мяне выдававъ рашеньне? Безъ нiякiя вины и моё добро забравъ, и мяне хоцѣвъ поперацъ!» Царъ у то время крикнувъ громкимъ голосомъ: ловице, ловице гетаго разбойника! Хвацились ловиць, нема вѣдомо кого, бо никóго ня було видно. Тоды Иванъ хвацивъ ломиць креслы и столы и до того урěмя ломивъ, покудова царъ присягнувъ, што яму ниякой обиды ня будзець. Стали яны тоды изновъ умѣсци жиць. Жонка яго и начала подпытавацъ: што йто цябе ня було видно, якъ ты къ намъ пришовъ? Енъ кажець: «я мѣю такую шапку, што яѐ якъ надзѣць, дакъ нявидно чаловѣка. Вотъ у мяне гета шапка ёсь, и дыванъ ёсъ самоносный и боты самискоки.» Посли того, узнавши объ яго вещи, стала жиць зь имъ согласно, и подходзйць яго боли. Уздумала сабѣ: якъ ба яго страциць, а вещи кабъ мнѣ засталисъ? И стала подмущаць яго, кабъ ѣхаць на дыямантовыя долины и набраць дыяманту. Ёнъ согласився. Набравъ харчи на повгода, сѣвъ на дыванъ и поѣхавъ зь ёй на дыямантовыя долины. Прiѣхали туды, набрали дыяманту и стали отправлятца домовъ. Отъѣхавши нѣскольки верстъ, товхонула яна ногой, и самый найбольшiй камень звалила зъ дывана. «Ахъ, милый мой мужъ! Злѣзь подыми гетый камень дыямантовый!» Енъ приказавъ дывану стаць ли каменя. Дыванъ ставъ, енъ злѣзъ узяць гетый камень, а яна сичасъ и сказала: дыванъ мой, няси мяне ў палацъ мой! Дыванъ поднявся и поляцѣвъ, а Иванъ рыбакъ и застався у тэй дзикой пустыни. Прозабывъ енъ, што мѣвъ на ногахъ своихъ боты самискоки. Штобъ ёнъ скоро ўздумавъ, то бъ енъ ускочивъ на дыванъ, а то енъ тоды уздумавъ, коли яна проляцѣла уже боли, якъ пятьсотъ вёрстъ. Енъ тоды вялѣвъ ботамъ скакаць, здзѣлавъ пяць сигнёвъ, ну упавъ у такую пущу драмущу, што тольки видно земля да небо, и скакаць больше нéякъ—древы мѣшаюць. Ставъ енъ ходзиць по лѣсу; ходзивъ, ходзивъ, захоцѣлось яму ѣсци, да не былó чаго. Ставъ енъ шукаць, што бъ тутъ такого зъѣсци, глядзиць—стоиць яблынь, золотыя яблоки. Ставъ енъ ихъ ѣсци; якъ зьѣвъ одно яблоко, такъ и здзѣлався козломъ. Хо-

дзиць по лясу, бляе́ць, якъ козёлъ. Хоцѣвъ ба ёнъ уже лучьче помёрци, чимси быць козломъ, ну немашъ ниякаго средства: ня могъ найци сабѣ ни смерци, ни жисци чаловѣчецкой. Ходзивъ енъ такъ, ходзивъ, ажъ смотрицъ—висяць яблоки, и совсимъ дренныя, поморщенныя. «Дай, думаець сабѣ, зьѣмъ гетыхъ яблоковъ, можа я помру отъ ихъ!» Якъ зьѣвъ ёнъ одно яблоко, сичасъ и ставъ чаловѣкомъ. Радъ ставъ, якъ бытто на свѣтъ народзився! Сѣвъ енъ тоды ли яблонки и ставъ плесци корзинку. Тоды, сплёвши корзинку, набравъ яблокъ, золотыхъ и поморщенныхъ, и пошовъ дальше. Выбивсь на пбле и ставъ скакаць у своихъ ботахъ самискокахъ. Прискбчивъ къ дворцу, къ своёй жонцы, ажъ яна съ своимъ отцомъ сидзиць на балхонѣ и разговаріець объ Иванѣ рыбакѣ. «Вотъ, говориць: богатъ чаловѣкъ, ну тольки што ня ўмѣець съ своимъ добромъ распорадзитца!»—А ёнъ не дуракъ, говбриць царъ. «Дзѣйствицельно дуракъ, што дався мнѣ такъ обманываць сябе.» А енъ чуець гето усё. Подходзиць икъ имъ и говбриць: «вяликій государъ! ци не пожелаеце купиць яблокъ золотыхъ, бо надзѣюсь, што у вашамъ саду нѣту такихъ!» Царъ не хоцѣвъ, ну жана рыбака говориць: папаша, купимъ! Достатошно дзенихъ ёсь. Дадзимъ заработаць бѣдному чаловѣку. И откупили усю корзиночку золотыхъ яблокъ и стали ѣсць. Якъ зьѣли по яблочку, такъ удругъ и обвярнулися ў козловъ: енъ козёлъ, а йна коза. Ну, начальство увидзѣли, што ў дворцѣ цара найшлись козёлъ и коза, и министра приказавъ ихъ выгнаць въ обору до скоту. И были яны уси въ безпокои, што не стало цара ў покои. И раздумались яны, што гето вѣрно причина, што царъ—козёлъ, а йна—коза. И приказали слугамъ, кабъ возвярнуць назадъ гетыхъ козъ. Стали лячиць ихъ, пользоваць, ну ниякой помочи не було. Тоды Иванъ рыбакъ говориць: эй, лѣкари! не знаеце, якъ вылѣчиць козу и козла. Прикажице-тка вытопиць лазьню и завесци козу и козла, ды наготовце молодого дубничкў, тоды я буду лячиць гетыхъ козъ. Сичасъ усё и сповнено: и лазьня стоплена, вода нагрѣта, и дубинки напараны. И вялѣвъ енъ поставиць сторбжу, кабъ нихто не подходзивъ подъ лазьню. Пошовъ самъ у лазьню, а тамъ уже приведзены козы. Отъ, енъ и ставъ ихъ лячиць дубинами: бъе́ць, колоциць, шерсць ирве́ць, за бороды дзяре́ць... Козы кричаць: мэ-мэ-мэ! А енъ кажець: нѣ, ня мэ, а й мнѣ було злѣ. Отойдзётца на три шаги, да й опяць хваци́ць за рогй. Козелъ круциць головой, а онъ жариць дубиной. «Вотъ такъ вамъ сподманиваць рыбака!» И лупиць дубиной бока. Сичасъ вялѣвъ лакею принесци кольцо, дыванъ, шапку нявидку. Якъ тольки лакей принёсъ геты вещи, ёнъ узявъ, надзѣвъ усё гето на сябе и кажець: «вотъ жа, знайце, цесць и жана, мужа и зяця рыбака!» Такъ жа сѣвъ на дыванъ, и подавъ имъ два яблочки поморщенныхъ. Яны якъ зьѣли, дакъ и стали людзьми, а енъ здае́ць приказъ дывану, кабъ занесъ яго за минуту домовъ, къ матки и къ братьцямъ. Дыванъ и понесъ яго. А царъ вывярнувся съ козла ў чаловѣка и кричиць сторожи: стряляйце найскорѣй у гетый бокъ, куды ёнъ поляцѣвъ! Яны стали страляць, и той стрѣлъ и цяперича слышно, бытто якъ громъ гремиць... А енъ прилящѣвши, ставъ радъ, што увидзѣвъ своихъ родныхъ, и ставъ зь ими жиць съ тыхъ поръ.

Д. Ладиково, пустынск. вол. сѣнненск. у. Запис. мѣщ. Ивашкевичъ со словъ мѣщ. Михаила Ляховича, католика—литвина, 26 лѣтъ, переселившагося въ могилевскую губ.

изъ виленской въ 1874 году. Русской грамоты Ляховичъ не знаетъ. Помѣщаемъ въ виду заявленія рецензента „Вѣстн. Европы“ (1886 г. апр. стр. 883—887.) хотя должны заявить, что собираніе *такихъ* памятниковъ не входило въ нашу программу.

26. Иванъ дуракъ двѣнадцаць кобылицъ пасцивъ.

Ну, починаетцa казка. Такъ тошно, якъ и ў нашамъ мястэчку у Пропольску, ли ў сялѣ, ли ў дзяревни, жило такъ сабѣ три браты мужуки: два разумныхъ, а третьцій дурень. И стались яны сиротами горкими: оцецъ ихъ помёръ и мацъ. И жили яны при большóй бѣдносци. Стали яны подростацъ, и ѣсць нечаго ряшицелно—хуцъ зъ голоду ўмирай. Стали яны придумавацъ: «якъ бы тутъ намъ прожицъ, братцы? идзѣ бъ намъ найцицъ кусокъ хлѣба?» Другъ, бóльшій братъ пошовъ. И пошовъ у лѣсъ у дрямучій. И напавъ ёнъ тамъ домъ у томъ у лясў. У томъ дому живе старуха. И наймаецъ яна яго пасцьвицъ двѣнадцацъ кобылицъ одны судки; даéцъ ямў на выбóръ самую перву кобылицу и дзьвѣсця рублей дзенягъ. Отъ, етый мужикъ обдумавсь: «слава табѣ, Господзи! ето мнѣ Богъ долю давъ: за судки получицъ едакую благодацъ отъ Бога!» Къ етому жъ кажа ета старуха: «смотри, чаловѣкъ! Ежали ты спасéшъ двѣнадцацъ кобылицъ, получаешъ плату, которая табѣ сказана. А ежали ты не спасёшъ етыхъ кобылицъ, то голова табѣ доловъ и на частоколину устóркну!» Цяперъ яна усходзицъ къ етымъ кобылицамъ у пуню, и давай зялѣзнымъ прутомъ ихъ наказавацъ кожную: «смотриця, говора: поховайцеся по мохамъ, по болотамъ, по большимъ рѣкамъ!» Тоды ёнъ гоницъ етыхъ кобылъ пасцьвицъ, яна даéцъ *пиро* (пирогъ) и стаканъ пива. Енъ ето пиво выпивъ и погнавъ кобылицъ етыхъ пасцьвицъ на лугъ. Пригнавъ етыхъ кобылицъ пасцьвицъ, другъ, етый чаловѣкъ сѣвъ. Етыя кобылицы ходзюцъ зьмиррно и цихо, одна на другую головў кладуцъ. Енъ и говорицъ: хвалицъ Бога; што мнѣ ихъ упасцьвицъ? Енъ якъ сѣвъ на купини, дакъ и заснувъ. Прошнувся етый чаловѣкъ—нема ня 'дныѐ кобылицы! Ходзивъ, ходзивъ, шукавъ, шукавъ, плакавъ—нѣтъ ня дныѐ. Енъ и думая: а можа яна помилуя! Да ўзявъ и пошовъ къ старуси къ етой. Яна узяла ямў да голову отсѣкла, да на частоколину и устóркнула.

Цяперъ етые брáты ждали, ждали—нема бóльшаго брата. Узявъ, пошовъ другій, *сяррэ*дній братъ. Приходзя у етый самый лѣсъ, икъ етому дому къ самому. Другъ, выходзя опяцъ ета старуха наймацъ. Дае яму самую перву кобылицу и чатыреста рублей гроши: уже, бачъ, одна голова засталася, дакъ дай и ящѐ. И говóрицъ яму тожа: спасéшъ моихъ лошадзей, получишъ што сказано; не спасешъ—отсяку голову и усторкну на частоколину! Енъ опяцъ обдумавсь: ето мнѣ Богъ долю давъ: за 'дны судки чатыреста рублей, и кобылица сáма перва. Якъ енъ гнавъ етыхъ кобылицъ, опяцъ *пирó* даéцъ яму и стаканъ пива. Енъ узявъ да й выпивъ стаканъ етый пива. Опяцъ, кобылицъ погнавъ на лугъ пасцивицъ. Видзицъ ёнъ, што кобылицы ходзюцъ зьмиррно, одна на 'дну голову кладуцъ, енъ обдумався: зачимъ мнѣ ня ўпасцивици? И сѣвъ на купину и ўснувъ. Прролнувсь—нѣтъ ня 'дные кобылицы! Што жъ енъ: походзивъ, походзивъ, поплакавъ, поплакавъ—не нашовъ ни водныя. «Ну, пойду къ старуси: хуцъ

платы ня получу, хуць дасць подъѣсць, пойду ще куды!» Цяперь, ёнъ якъ пришовъ, яна голову̀ отсѣкла и усторкнула на частоколину.

Етый дурачокъ ждавъ, ждавъ—нема ни 'днагò: уже енъ и ня ѣвши помираець. Узявъ да й енъ пошовъ. Идзе́цъ по лясу—горицъ боръ; кричицъ на пни га́дына: эхъ ты, Иванъ дурень, порятуй мяне, я табѣ при злой годзини знадоблюся! Енъ приходзя къ ёй и кажа: я цябе боюся! А яна яму 'тказуя: возьми шостъ и положъ на пень. Я обвярчуся на шостъ, и ты мяне вынесешъ. Енъ узявъ шостъ, положивъ на пень. Яна обвярцѣлась коло шоста, енъ яѐ ўзявъ и вынесъ и пусцивъ на волю. Тоды енъ узявъ и пошовъ дали. Приходзя къ ряцѣ—ляжицъ ракъ на берягу, и гукаець: Иванъ дурень, порятуй мяне: я табѣ при злой годзини знадоблюся! А енъ кажа: якъ мнѣ цябе рятувацъ?—Укинь мяне у ряку! Укинувъ енъ рака у ряку, и пошовъ енъ опяць пуцёмъ. Другъ, напавъ енъ на собакъ табунъ: ррѣжуць большія собаки маленькаго щаночка. Етый щаночакъ говоря: эй, Иванъ дуракъ, порятуй мяне: я табѣ при злой годзини знадоблюся! Енъ узявъ хлудзину, разбивъ етыхъ собакъ и 'тобравъ етаго щанка отъ ихъ. Большія побѣгли сабѣ, а малый сабѣ. А енъ пошовъ своей дорогой опяць.

Ишовъ, ишовъ, и приходзицъ къ етому самому къ дому. Ета старуха заглѣдзила и давай наймацъ етаго Ивана дурачка пасцивицъ кобылицъ тыхъ. Опяць дае кобылицу самую перву и шессотъ дзенягъ, и наймаець на 'дны судки. И кажа яму̀: спасе́шъ мохихъ кобылицъ—вотъ табѣ перва кобыла и шессотъ рублей дзенягъ; не спасешъ—голову̀ отсяку и на частоколину усторкну! Етый Иванъ отвярнувся и начавъ плакацъ силно. Откуль етый щанокъ выбягая къ яму и кажа: Иванъ дуракъ, ня плачъ: я твойму горю помогу! Другъ, ета старуха уносицъ яму пирò и стаканъ пива. Енъ узявъ да й выпивъ. И дала яму̀ пугу, а сама опяць пошла зъ зялѣзнымъ дубцомъ у пуню, школицъ опяць етыхъ своихъ дочо́къ. И приказуя имъ: лядзиця, послѣднiй разъ хувайцеся по мохамъ, по болотамъ и по большимъ рѣкамъ! Погнавъ енъ кобылицъ на лугъ, яны ходзюць зьмиррно, такъ што одна на 'дну голову кладуць. А енъ на купини сѣвъ и заснувъ. Пррошнувсь енъ—нема ня 'дныѐ кобылицы. Енъ давай плакацъ: што тутъ дзѣлацъ—голова пропадзе? Откуль гадыня узялась и говоря: Иванъ дуракъ, дзяржи пугу у рукахъ крѣпко! Откуль ракъ кричицъ зъ ряки: Иванъ дуракъ, хапайсь на первую кобылицу! Ета гадыня якъ пошла пороць етыхъ кобылицъ съ болота, то яна не дала имъ побыць повчаса. Побѣгли яны у ряку —откуль етый ракъ узявся: не давъ имъ быць ни подъ берягомъ, ни напосярёдку—сущипавъ ихъ усихъ до косьци. Выхопилися яны на берягъ, енъ сычасъ и схапивъ перрвую кобылицу̀. Та́къ узявъ ихъ жарицъ пугой по спини—рядомъ усихъ, пригнавъ ихъ усихъ, и запёръ ихъ у пуню. Самъ приходзя у домъ. Другъ, прибѣгая къ яму щаночакъ етый опяць, и говоря цихо яму: лядзи, Иванъ дуракъ, не бяри самыя первыя кобылицы, а попроси у яѐ зьвергача̀, который закопанъ подъ яслями у гной!

Дала старуха яму шессотъ рублей и дае самую первую кобылицу. А енъ кажа: ня треба мнѣ, старуха, самая первая кобылица,—мнѣ нейдзи зь ёй дзѣтца; а дай мнѣ того зьвергача, который подъ яслями у гной ляжицъ! Яна и жалѣла, а по̀томъ-тыки отдала. Енъ узявъ, у мѣхъ уклавъ етаго зьвергача, да й понесъ на плячахъ. Вынясъ

за плотъ и вытрясъ зъ мѣха. Тэй жерябокъ кажа: Иванъ дуракъ, пусци мяне, я пойду выссу дванадцаць кобылицъ! Етый жерябокъ узявъ и пошовъ, и поссавъ дванадцаць кобылицъ етыхъ. Приходзя назадъ къ яму и кажа: Иванъ дуракъ, садзись на мяне! Енъ узявъ да й сѣвъ на яго. Енъ яго узявъ да й понесъ выше лѣсу, и носивъ многое урémя, и много свѣту повидавъ Иванъ дурень. Приносся на ето мѣсто на самое опяць. Говоря: Иванъ дурень, посьпи тутъ, я пойду поссу етыхъ дванадцаць кобылицъ! Пошовъ да й поссавъ тожа дванадцаць кобылицъ. Прибѣгая къ етому Ивану дурачку опяць назадъ и говоря: садзись на мяне! Тэй сѣвъ, ёнъ и понёсъ яго по подбблочьчу! И носивъ многое урémя—много свѣту повидавъ Иванъ царевичъ—и занесъ у чужое царство.

У етымъ царстви цмокъ у мори живе. И потреблявъ сабѣ на спокушеніе усякій дзень по чаловѣку. Многіе народы отъѣвъ. Доходзя до царьскія дбчи вочарядзь. Сказўець цмокъ сямиголовный: ты, царъ, хуць самъ идзи, хуць дочь вядзи. А 'сталные народы у большой скуцы, и царь изъ дбчай. И бывши енъ такъ изь ёй ровно, якъ умэршій, и говориць: «Господзи, наняси, Божа, такого чаловѣка, штобъ мою дочь успасивъ отъ смерци. Коли енъ молодый—будзя яму жана, а коли сяррэдній—будзя ёй дзядзюшка, у коли старшій—будзя оцецъ рбдный. И будзя ямў моя дочь и моё царство!» Приходзитца, бачъ, абы самъ, абы дочь идзи. Другъ, етый самый Иванъ дуракъ приходзя къ коню къ свойму, и буйны-буйны слёзы покацилися у етаго Ивана дурня. Етый конь говоря: «Иванъ дўракъ, не ўлякайся—мы етаго цмока побъёмъ!» Привяли царевну изъ дому къ синяму морю, поставили царевну на бѣломъ камяни, высцилали дорогу чорнымъ сукномъ отъ дому и до моря.

Етый цмокъ якъ полѣзъ изъ моря по царевну—съ семя головами, конь говоря: Иванъ дурень, садзись на мяне и дзяржись покрѣпче, и дзяржи у рўкахъ копъё крѣпко и попадай яму у сяррэднію головў! Етый лошадзь якъ бѣгъ икъ синяму морю, дакъ якъ усхапився копытáми на первую головў, дакъ копытами первую головў и ссѣкъ; а сяррэднію головў Иванъ дуракъ копъёмъ пробивъ. Поплывъ етый цмокъ унизъ по морю. Остався Иванъ дуракъ съ царевной зъ естой. На вѣки вякомъ яго й царство.

М. Пропойскъ, быховск. у. Кр. дер. Поповки Петръ Емельяновъ, 56 лѣтъ, негр.

27. Василь—Удовинъ сынъ, богатаго Марочки зять.

Ето у которомъ-то царстви, у которомъ-то госўдарстви, у такомъ, у которомъ мы живёмъ, живъ бывъ прабогатый Марочка. Енъ никбго ня кормивъ и ня поивъ, и на ночь ня пускавъ,—ни нищихъ, ни бѣдныхъ, ни ўбогихъ. И ўси прознясли жалобу къ Богу. И Господзь захоцѣвъ правило зняць самъ съ прабогатаго Марочки, ци вѣрно ето правда? Тоды Господзь зайшовъ на ночь, и ставъ проситца ў кухни (предл. пад.). И яму отвясцили: што мы безъ прабогатаго Марочки ня могбмъ пўсциць! Спросили у прабогатаго Марочки, отвясцивъ прабогатый Марочка: што сычасъ позвацъ старика ко мнѣ ў комнаты! Да. Цяперъ прабогатый Марочка сказуя такъ: «старикъ, прошу милосци вашія покорно не прогнѣватца. Я табѣ дамъ ўсё продоволствіе, только ня гнѣвайся, што я повялю цябе отвесць у лазьню, ли спокою твойго ношлегу.»

А енъ у яго такъ просився: «баринь, прошу я васъ—подъ койкой ночавацъ (мнѣ).» —У мяне будуць госци, дзѣдочка, дакъ табѣ неспокойно будзя!—«Баринь, прошу вашія милосци покорно дацъ мнѣ свячу у лазьню, помолитца Богу!» Прабогатый Марочка повялѣвъ свячу дацъ, и завесцъ яго у лазьню; Марочка прабогатый пославъ слугу свою, у лазьню старика завесцъ. И после пославъ вячеряцъ покоёвой дзѣвушкой, и што самъ кушавъ.

Якъ принясла вячерю дзѣвка, и старикъ молитца Богу у книжку. Тоды злетаюць три янгялы и отчиняюць двери. И старикъ спросивъ у ихъ: зачимъ, янгялы, слуги моѐ вѣрные, ко мнѣ приляцѣли? И яны яму отказали такъ: о Господзи, многомилосьливый! Нѣўкоторомъ царстви, нѣўкоторомъ государстви ородзила удова сына: якое яму́ дацъ щасця и долю и имя? Богъ сказавъ такъ: «дать яму щасця и долю прабогатаго Марочки, а имя—Василька Удовѝнъ сынъ!» Тоды янгялы узнялися и поляцѣли. Сѣвъ Господзь вячеряць. Повячерявъ Господзь и говбрицъ такъ: дзѣвушка, слыхала ты ето, што я говоривъ янгяламъ? Ина говорицъ: слыхала.—Ну и можашъ ты отказацъ прабогатому Марочку, и ня довгое урemя провесцъ! Тоды дзѣвка, сычасъ якъ пришла яна у комнаты, сычасъ бариню сказала, прабогатому Марочку: што, баринь, ня ёсць ето старикъ, а ёсць самъ ядыный Господзь! Марочка такъ спросивъ у дзѣвки: почомъ ты узнала? Дзѣвка отказуя такъ яму: «што, баринь, вотъ почомъ: приляцѣли три янгялы, и спрашавали у яго, што нѣўкоторомъ царстви, нѣўкоторомъ государстви, ородзила удова сына: якое яму дацъ щасця й долю, и имя? Господзь такъ сказавъ: дацъ щасця й долю прабогатаго Марочки, а имя—Василька Удовѝнъ сынъ!»

Ну, Марочка вялѣвъ запрягацъ тройку коній, и набиравъ сабѣ много грошій, и отправлявся шукацъ удовы изъ естымъ сыномъ. Ёнъ нѣскульки урemя проѣздзивъ, покуль допытався. И нашовъ ёнъ удову, и захоцѣлъ енъ откупицъ етаго сына—Василька. Удова яму нѣскульки урemя провяла—не хоцѣла яму́ продацъ, а после погалилася на гроши и продала яму,—за много грошій продала. Ну, тоды енъ узявъ етаго Василька и повёзъ, и ўвёзъ у лѣсъ, у большій лѣсъ. Ето урemя бывъ силный морозъ и большій снѣгъ. Енъ яго сычасъ раздзѣвъ, якъ мацъ родзила, и оставивъ тамъ у снягу. Тоды и поѣхавъ. А яго тамъ бросивъ.

Ня многое ўремя провождаючи ѣхавъ жа другій помѣщакъ, тольки нязвѣстно якій. Узьѣхавъ на тое мѣсто, чуя—кричицъ дзицёнокъ. Енъ пославъ лакея: идзи, полядзи, якій ето дзицёнокъ кричицъ! Енъ пошовъ, полядзѣвъ, дзицёнокъ етый гуляя красочками, разными цвѣтами. Отъ, енъ сказавъ, етый лакей: баринь, ето якійся-то дзицёнокъ способный, што енъ голый сядзицъ и разными красочками, цвѣтами, гуляя! Тоды помѣщикъ сказавъ такъ: идзи возьми яго, етаго дзяцёнка! Лакей пошовъ, узявъ. Такъ етый узявъ къ сабѣ на ўлоньня и привёзъ домовъ. Тоды расцивъ, расцивъ яго, годовъ до двятцаци узгодовавъ яго.

Пріѣжжаа Марочка у госци къ етому пану. Енъ такій жа вѣрный, што лучьче у свѣци нема ли етаго пана, што яго росцивъ. Тольки ёнъ не знаа, чимъ яго зовуцъ. И яны яго звали знайдзёномъ. Тоды панъ ставъ хвалитца, што енъ моцно вѣрный лакей у яго. А прабогатый Марочка ставъ спрашавацъ: идзѣ найшли вы яго?—А ў томъ и ў томъ мѣсци! Тоды енъ сказуя: отдайця вы мнѣ яго за зяця! У мяне одна

дочаръ, дакъ нигдзѣ не знайци зяця! Етый панъ сычасъ жа сыжалѣвъ яго. А прабогатый Марочка якъ ставъ яго просиць, ставъ просиць, тоды панъ обдумався и отдавъ у зяци. Марочка написавъ письмо украдьне, штобъ нихто не знавъ и ня вѣдавъ, и отдавъ яму на дорогу. И штобъ енъ никому не показававъ, окромя яго хозяйки. Енъ и пошовъ.

А яго насерадзи дороги сустрѣвъ ядыный Господзь и спрашуя у яго такъ Василька Удовинъ сынъ: здраствн, дзѣдушка, бацюшка мой!—Здраствн, здраствн, Василька Удовинъ сынъ, прабогатаго Марочки зяць. Куды жъ цябе Богъ нясе? А енъ сказуя: нѣ, старикъ: яще ня бывъ Марочкинъ зяць, а буду!—Хорошо, говора: Богъ цябе басловиць. Съ чимъ жа ты идзёшъ: ци съ письмомъ, ай зъ рячами? А енъ говора такъ: дзѣдушка, я иду съ письмомъ! Енъ у яго ставъ спрашавацъ: покажи письмо!—Дзѣдушка, бацюшка мой! приказали моцно строго, штобъ я ни зашто не показавъ!.. Енъ у яго таки допросився: «ня бось! ни кому ты показуешъ письмо, а самому ядыному Богу. Я ни хто, а самъ ядыный Господзь!» Тоды Василька показавъ яму письмо. Енъ узявъ письмо и полядзѣвъ у яго, и сказавъ такъ: «Василька Удовинъ сынъ, прабогатаго Марочки зяць! Цябе выправляно не ожаниць, а стрябиць! И скоро приказано своей жанѣ—до Марочковаго пріѣзду!» Тоды Господзь разгарнувъ на своё колѣно и написавъ своей рукой своё письмо, и тоды свою руку подписавъ: «сычасъ жа Васильку Удовинаго сына до Марочковаго пріѣзду штобъ Марковаго хозяйка сычасъ одружила изъ дочарью съ своей и вясельля згуляла!»

И нѣскульки уремя провёвши, пріѣжжаа Марка домовъ. Василь здрастуетца зь имъ. И крѣпко усерчавъ. На кого усерчавъ—на свою хозяйку: ли чаго не по моему здзѣлала? А яна яму сычасъ тоды письмо и сказуя: якъ жа мнѣ такъ здзѣлацъ, коли ня вы присылали письмо, а самъ ядыный Богъ, и свою руку подписавъ. Полядзѣвъ Марочка у ето письмо—вѣрно, правда. Тоды ёнъ у Марочки нѣскульки уремя провевъ, да й нямногое. Тоды говора Марочка такъ: Василька Удовинъ сынъ, а мой зяць! Скажи жъ ты мнѣ усю правду, коли ты Бога видавъ, и дзѣ ты яго видавъ? А яму Василь отказуя такъ: «оцецъ мой, я видавъ Бога на дорози, и енъ твоё письмо у мяне узявъ и подравъ, а вынявъ свою бумагу исъ кармана и положивъ на колѣно и написавъ своё письмо!» (Што бъ ето имянно було здзѣлано, што Господзь устроивъ Васильку, Удовину сыну). Тоды Марочка яму сказуя: «вотъ, мой зяць: ето дужо пракрасно, ето—любимое письмо! Ну, коли жъ ты Бога знаешъ, дакъ сходзи икъ Богу, спроси, чаго трое сутокъ цьмяно було? А я табѣ дамъ грошн на дорогу и хлѣба.»

Тоды Василька узявъ хлѣба коваломакъ и грошій, скольки енъ яму давъ, у торбочку, и тоды пошовъ дорогой. Приходзя къ морю и кличиць перявозу. Пріѣжжаа къ яму перявозьникъ старенькій, сивянькій. Василька говора такъ: здраствн, старичокъ! —Здраствн, здраствн, Василька Удовинъ сынъ, прабогатаго Марочки зяць! Куды цябе Господзь нясе? А ёнъ старику отказавъ: што пойду икъ Богу, спрошу, чаго трое сутокъ цьмяно було. Старичокъ Васильку просивъ: ахъ, Василька, каа: спроси й объ мяне; докуль мнѣ трудзитца и добрыхъ людзей возиць?—Добро, спрошу. Перявёзъ ёнъ яго, пошовъ Василька дали. Приходзиць къ рѣчцы—ляжиць щука большая теразъ рѣчку, уся помятаа, по ёй уси и ходзюць и ѣдуць. Щука яму поздра-

стовалась: здрастви, Василька Удовинъ сынъ, прабогатаго Марочки зяць, куды цябе Господзь нясе? Василька ёй отказавъ, щучцы: што пойду икъ Богу, спрошу, чаго трое сутокъ цьмяно було? Щучка просила Василька: спроси и объ мяне: докуль мнѣ тутъ лежаць?—Добро, спрошу. Пошовъ Василька дальшъ. Узыходзиць на гору на большую —качающь двѣ дзѣвки яблоко, крапина золотая и сяребряная—одна къ одной, и яны ужо у колѣно зямли выбили. Енъ говора: «здраствы, дзѣвушки!»—Здраствы, здраствы, Василька Удовинъ сынъ, прабогатаго Марочки зяць! Куды цябе Господзь нясе? —«Пойду къ Богу, спрошу, чаго три дни цьмяно було?» Яны яго просили: Василька Удовинъ сынъ! просимъ мы цябе, што бъ ты спросивъ объ насъ, докуль мы будземъ яблочко качаць! Енъ каа: добро, спрошу! Опяць Василька пошовъ. Приходзя Василька у пущу—загоняя старикъ птушачку длиннымъ шастомъ у дуплё. И енъ ужо у колѣно зямли выбивъ,—и не загнаць птушачки у дуплё. Енъ говориць: здраствы, дзѣдушка! А дзѣдъ говора: здраствы, здраствы, Василька Удовинъ сынъ, прабогатаго Марочки зяць! Куды цябе Богъ нясе? А Василька старику отказавъ: дзѣдзька, иду къ Богу, спросиць, чаго три дни цьмяно було? Дзѣдъ просивъ Васильку: спроси и объ мяне, докуль я буду птушачку ету загоняць у дуплё? Василька сказавъ: што, хорошо, спрошу и объ цябе! И пошовъ дальшъ.

Выходзя Василька на сцепъ—на сцяпу круцитца конь на былини, на чарнобылини—золотая шарсцинка и сяребраная. Енъ ставъ проци коня, Василька, и удзивляетца: што такое? Конь спрашуя у Василька: ахъ, Василька Удовинъ сынъ, прабогатаго Марочки зяць, куды цябе Господзь нясёць? Василька коню отказавъ: пойду къ Богу, спрошу, чаго три дня цьмяно було? Конь Васильку просивъ: спроси и объ мяне, докуль я буду тутъ круцитца? Василька сказавъ коню: добро, спрошу! Опяць Василька пошовъ дальшъ. Нѣскульки енъ прошовъ далины, стоиць хатка, у той хаци сядзиць мацерь божая. Енъ увышовъ у хатку, здзѣвъ шапку, перахрисцився и говора такъ: здраствы, старушка, матушка моя! А яна яму отказала: здраствы, здраствы, Василька Удовинъ сынъ, прабогатаго Марочки зяць! Ци самъ сюды зайшовъ, ци воронъ сюды занесъ? Ёнъ ёй отказавъ, Василька: старушка, матушка моя! Ня то добрый молодзецъ, што воронъ косьци занося, а то добрый молодзецъ, што самъ заходзя! Тоды яна у яго спрашуя: зачимъ ты пришевъ?—Матушка моя, пришовъ спросиць у Бога, чаго три дни цьмяно було?—Добро. А што ты видавъ по дорози? што табѣ злучалося? Вотъ, ёнъ ёй сказавъ: «што видавъ коня на сцяпу на большомъ, круцитца на былини, на чарнобылини—золотая шарсцина и сяребраная. И просивъ мяне, штобъ я спросивъ объ коня, докуль яму круцитца на етой былини?» Яна спрашуя у яго опяць жа: а што дальшъ видавъ?—«А дальшъ видавъ старика у пущи—загоняя шастомъ птушачку, у колѣно зямли выбивъ кругомъ дуба,—и ў дуплё не загнаць птушачки. И просивъ енъ мяне, штобъ я спросивъ у Бога: до якого уремя мнѣ трудзитца и ету птушачку загоняць?»—Ну, а дальше што видзѣвъ?—«А дальшъ видзѣвъ дзѣвокъ на крутой горѣ—качающь одно яблоко, крапина золотая и крапина сяребряная, и по колѣно зямли выбили. И просили мяне, штобъ я спросивъ у Бога, докуль имъ качаць яблочко? А дальшъ видавъ на дорози щучку: ляжиць яна теразъ рѣчку, уся поломаная, по ёй уси идуць и ѣдуць. И щучка просила мяне, штобъ я

*

спросивъ у Бога, до якого урема лежаць ёй?» Старуха спрашуецъ опяць жа: што дальшъ видавъ, значалу, што зъ дому вышовъ? Василька отказуя старуси: што видавъ перявозьника на мори. И просивъ старикъ мяне, штобъ я у Бога спросивъ: докуль яму возиць добрыхъ людзей терязъ море? Тоды старуха, мацеръ божая, сказала Васильку: «што, Василька, можа ты ще ня ѣвши? Сядзь покушай!» И поднясла яму покушаць чацьвёртую дольку проскурки. Енъ сѣвъ, зьѣвъ тую чецьверць дольки, и ставъ сытъ. И сказуя ёй: благодарю тебѣ, старушка, матушка моя, за твою вячерю! Тоды яна яму сказала: «Василька, лѣзь подъ печь! И не прогнѣвайся, бо моѐ сынъ и унуки якъ придуць, дакъ яны цябе сожгуць. Сынъ—богъ, а унуки—луна и сонца. Дакъ яны цябе спалюць, што яны моцно жарки. Коли яны увесь свѣтъ грѣюць, а то зблизку! А я про цябе спрошу у бога!» Тоды Василька и полѣзъ подъ печь.

И зайшло сонца, и пришли яны домовъ уси три ў хатку. Якъ отчинили яны хатку, и говорицъ богъ: фэ, русь-кось пахня! А старуха яму отказала: сынку мой, чаду возлюбленный! Ты по свѣту ходзивъ и русу-*косу* набрався, дакъ табѣ и тутъ пахня. А богъ такъ сказавъ: «матушка моя, у насъ ёсць госць да й далекій, Василька Удовинъ сынъ, прабогатаго Марочки зяць. Зачимъ енъ сюды пришовъ, треба у яго распросиць?» А яна яму отказала такъ: «сынку мой, чаду возлюбленный! Енъ зъ дороги утомивсь, а я ў яго распросила до твойго приходу: чаго три дни цьмяно було?»—Енъ не самъ жа пришовъ спрашаваць, а яго прабогатый Марочка приславъ. Ну за што жъ енъ яго приславъ? За то, што енъ на яго усердзився теразъ моё письмо. Енъ хоцѣвъ яго страциць, за што остаѐтца яму прабогатаго Марочки щасця и доля, Васильку Удовину сыну. Дакъ вотъ за што три дни було цьмяно—я яму̀ разскажу—што сонца купалося три дни, дакъ за то було на свѣци цьмяно!.. Старуха стала спрашаваць: «сынку мой, чаду возлюбленный! докуль ето у сцяпу у вяликомъ на былини, на чарнобылини, коню круцитца—золотая шарсцина и сяребряная?»—Мацъ моя возлюбленная! ето ня конь, а Васильково щасця; ето яго дзеньги. Якъ пойдзя Василька домовъ, дакъ я яму дамъ свой платокъ на придмѣтъ (примѣту), што енъ имянно жъ у мяне бывъ и своими глазами мяне видавъ, и я яму давъ дорогій госцинякъ, любя яго. Якъ енъ расцеля етый платокъ подъ коня, то енъ разсыплетца золотомъ и серябромъ на платокъ. И Василька ўробѣя, што яму цяжоло несць будзя, а яму будзя лехче пяра!.. Тоды матка спрашуя: сынку мой, чаду возлюбленный! Докуль етому чаловѣку—старичку у лѣси, у пущи, загоняць большимъ шастомъ птушачку у дуплё у дуба, и ў колѣно зямлю выбивъ, и не загнаць? Богъ отказавъ: «матушка моя, ето не чаловѣкъ, а чаровникъ: енъ могъ съ чаловѣка душу̀ вынящь безъ поры, ну усадзиць—николи ня ўсо̀дзя. Дакъ енъ прагряшивъ богу, покуль перастављеніе, окончeніе свѣту!»—Ну, до̀бро! Докуль, сынку мой, чаду возлюбленный, дзѣвкамъ яблочко—золотая крапина и сяребряная—качаць, у колѣно зямлю выбили—одна икъ одной?—«Матушка моя! Яны прагряшили богу: яны удвёхъ однаго мо̀лойца любили, и загубили—штобъ ни той, ни той не остався. Дакъ яны не яблочко качаюць, а головку яго. Дакъ яны будуць качаць до сконьченьня свѣту!»—А докуль щучцы терязъ рѣчку лежаць? Яна уся поломана и помята, бо по ёй идуць и ѣдуць?—«Матушка моя возлюбленная, щучка прагряшила богу: якъ ишла воська̀ терязъ рѣчку—двѣ роты пяхоты и три роты

коньницы, дакъ яна ихъ проглынула. Дакъ якъ будзя Василька ици домовъ и те рязъ яѐ пярейдзя, а йна будзя спрашавацъ у Васильки: што богъ казавъ, скажи пожалуста, про мяне?—Василька нехай скажа ей выхаркнуць усихъ. Тоды яна выхаркня и пойдзя у ряку гулять, а воськà ета пойдзя у воспользу у Васйляву, ёнъ будзя распораджатца етой воськой!» Тоды матка спрашуя яще: сынку мой, чаду возлюбленный! Докуль дзѣду перявозьнику возиць на мори людзей? А енъ отказуя: покуль Василька придзя домовъ и съ своёй воськой, которыхъ щука выхаркнецъ; тоды Марочка прабогатый позавидуа на Васильку на свого зяця, и пóйдзецъ жа самъ у бога спрашавацъ, чаго три дни цьмяно було. Яму будзецъ думатца, што и яму ето будзя, а енъ якъ придзя икъ морю, тоды гукне старика, старикъ якъ уссодзя прабогатаго Марочку на паромъ и отпихне отъ берягу, дакъ енъ будзя вѣковацъ, перевозиць людзей, а старикъ пойдзя пó міру кормитца!.. Тоды гукнувъ Васильку: Василька, Удовинъ сынъ, прабогатаго Марочки зяць! Выйдзи пожуласта сюды! Ци ты слыхавъ, ци табѣ разсказацъ, зачимъ ты пришовъ?—А енъ сѣвъ на колѣнахъ перядъ Богомъ, исклавъ руки и говóрицъ такъ: о Господзи многомилосьливый, я ўсё слыхавъ, што *вы* говорили, и понявъ! Тоды Господзь вынимаа хустку большую—золотая крапина и сяребряная—и сказавъ яму̀ такъ: нà табѣ платокъ, мою придмѣтъ, што ты имянно у мяне бывъ. И тоды якъ дóйдзешъ до коня, подсцяли подъ коня. Дакъ ето ня конь, а доля твоя, и енъ разсыплетца на етый платокъ. И бяри на плечи и няси съ собой. И табѣ здастца, што моцно цяжоло, а яна будзецъ ляхчѣй пяра. А тоды скажашъ дзѣду, што казано. Ты чувъ, што казано? Енъ яму отвѣсцивъ, што чувъ.—«И про ўсихъ чувъ?»—Про ўсихъ чувъ.—«Ну и ўсимъ разскажи, што кому будзя, до якого урема якъ кому работацъ. Ну за етымъ отправляйсь домовъ, и Богъ цябе басловицъ у пуци и ў дорози!»

Тоды Василька пошовъ домовъ. Доходзя до коня, распилаа свою хусту—разсыпався конь: золото и серябро, на хусту. Василька узрадовався, дужо яго душа узвесялилася, радъ ставъ, сѣвъ на колѣнкахъ, исклавъ руки и помолився Богу: слава табѣ, Господзи, и благодарю Богу ядыному, што мяне Господзь сыжалѣвъ! Узявъ хусту на плечи—и хуста ляхчѣй пяра. Идзѐцъ Василька домовъ. Приходзя у лѣсъ у пущу, приходзя къ дзѣду: здрастви, дзѣдушка!—А здоровъ, здоровъ, Василька! Што про мяне Богъ сказавъ? А Василька отказавъ яму такъ: ты могъ съ чаловѣка душу выняць, да ня можашъ усадзиць. Дакъ ето ня дубъ, а чаловѣкъ; а ето ня птушка, а душа. Дакъ ты яѐ ни вѣкъ не загонишъ до пераставленьня свѣту! Тоды Василька пошовъ дальшъ. Приходзя къ дзѣвкамъ: здрастви, дзѣвушки!—А здоровъ, здоровъ, Василька Удовинъ сынъ. Ци спросивъ ты объ насъ у Бога?—Спросивъ.—Докуль намъ качаць яблоко? А енъ имъ сказуа такъ: ето не яблоко, а молойцова головка. Вы удвёхъ любили, да й загубили, дакъ до пераставленьня свѣту вамъ качаць! Пошовъ Василька дальшъ. Пришовъ икъ щучцы. Щучка спрашуя: ахъ, Василька, што про мяне Богъ казавъ?—Погодзи, покуль я перяйду, тоды табѣ скажу!.. Ты прогряшила Богу, проглынула воськà—двѣ роты пяхоты и три коньницы. Дакъ за нѣскульки разовъ выхаркни ету воську̀ усю, дакъ воськà пойдзя со мной, а ты пóйдзешъ у рѣку гулять! Подождавъ енъ перяйшовши, покуль яна харканула нѣскульки разовъ, и

и выхаркала усю воськў. Тоды сама пошла у рѣку гулянць, а воська—етые солдаты, поблагодарили Василю, што ёнъ ихъ исъ того свѣту ўзвороцивъ. И ўзяли Василька на руки и понясли домовъ. Дойшли до перявозьника, и кричиць Василька перявозу: подай, старикъ, пожалуста перявозъ якъ можно поскорѣй, и перевязи моё воська, тоды я скажу, што про цябе Богъ сказавъ. Тэй старикъ перявёзъ Васильково воська и Василя. Тоды Василь ставъ разсказавацъ старику: «што узрадуетца прабогатый Марочка моимъ воськомъ и моими грошами, и позавидуець на моё воська и на моё гроши, што мнѣ Богъ давъ, и самъ пойдзя къ Богу спрашавацъ, чаго три дни цьмяно було. Коли я, не знаючи дороги и не знаючи Бога, дошовъ до Бога и распросивъ, а прабогатый Марочка—у яго ўсяго много и ёнъ знаа дорогу, дакъ енъ самъ пойдзя, штобъ и яму Богъ ето давъ. Ну Богъ яму сказавъ тольки до моря дойци. Дáйдзя ёнъ до моря и сядзя па перявозъ, и ты, старикъ, ня будзь дуракомъ, ня 'ставайся, пихни якъ можно поскорѣй паромъ на море, и ёнъ остаётца до праставленія своей *жизни* перявозьникомъ а ты пойдзешъ свою душў по міру кормицъ, и тымъ отъ Бога будзешъ доволянъ!»

Тоды Василька пріѣхавъ домовъ изъ воськомъ исъ своимъ и поздраступався исъ своимъ отцомъ, прабогатымъ Марочкомъ: здрастви, говора, оцецъ мой! Якъ живы и здоровы поживаеце изъ вашаю хозяйкою, изъ вашаю дочарью, а зъ моей жаной? А прабогатый Марочка показуя такъ: «здрастви, здрастви, мой зяць Василька! Живъ ты, здоровъ, у дорози бывши, якъ Богъ миловавъ цябе?»—Бацюшка, слава Богу! И благодарю Богу за яго дорогій госцинянъ и за подарокъ!—«А ци спросивъ жа ты у Бога, чаго три дни цьмяно було?» А енъ говора: спросивъ!—«Ну, зачимъ жа, говора, було три дни цьмяно?»—А за тымъ, што сонца купалося!

Тоды Марочка не повѣривъ Васильку, узявъ моцно много грошій съ собой, и повялѣвъ запрягацъ тройку лошадзей, довезць яго до моря, и тоды поѣхавъ спрашавацъ къ Богу, а Василю приказавъ такъ: «Василь, мой зяць! распораджайся моимъ ходзяйствомъ до тэхъ поръ, покудова я пріѣду, якъ я самъ; штобъ було благополушно и ўсё хорошо!» Тоды сѣвъ и поѣхавъ. Пріѣхавъ прабогатый Марочка икъ морю и гукая перявозу: перявозьникъ, подай пожалуста перявозъ, якъ можно поскорѣй! Перявозьникъ етому радъ. Ёнъ могъ старатца, якъ лучьче. Перягнавъ паромъ, и даéць Марочка старику дзеньги за перявозъ унярёдъ; а старикъ отказавъ прабогатому Марочку: нѣ, баринъ, ня треба мнѣ вашы грошы, тольки садзицеся поскорѣй! Тоды Марочка сѣвъ на паромъ, и старикъ отпихнувъ отъ берягу, а самъ съ парому доловъ: «и за етымъ, баринъ, прощайце! Вамъ вѣковацъ возиць, а мнѣ по міру кормитца! Такъ Богъ сказавъ.» И остаётца Василю Марково добро и щасця и доля по Господову повялѣнію. И яны осталися жиць.

И я тамъ бывъ, и медъ-вино пивъ, и ў роци ня було, и по бородзѣ не цякло. И дали мнѣ оттуляка смоляную кобылу и рѣпное сядло, и горохвинную уздэчку и сыромятный коньчукъ. Я сѣвъ на кобылу, и оттуль поѣхавъ. Пріѣжжаю ў лѣсъ, горицъ цяпло ли смоляка. Я къ цяплу ближе, а кобылка моя ниже; я ящё ближе, а кобылка ще ниже; а за третьцимъ разомъ я приближився, и кобыла соўсимъ знижилася. Я ўзявъ рѣпное сядло и горохвинную уздэчку и сыромятный коньчукъ, и пошовъ. Доходжу до поповыхъ воротъ, выскочили поповы индыки и отобрали у мяне

горохвинную уздэчку. Я дойшовъ до ўчилища—у нашаго учицеля свиньни злыя; яны выскочили и отобрали у мяне рѣпное сядло. На што мнѣ тоды коньчукъ—я коньчукъ бросивъ.

М. Гайшинъ, быx. y. Отъ кр. Никиты Петрова, 56 лѣтъ, неграмотнаго.

Сказка весьма распространенная въ русскомъ эпосѣ. Срав. Афан. вып. I стр. 80, II—294. Чубинск. 133 и 341. Драгом. 329, запис. въ Галиціи. У насъ было множество списковъ изъ различныхъ уѣздовъ губерніи. Изъ встрѣчъ Василька приведу еще двѣ: 1, „Стоиць человѣкъ ни живый, ни мéртвый, ня дѣйствуець ни рукой ни ногой, стоиць и ўвесь трасéтца... И будзець стояць до скончання свѣту, за тò, што на ночь никóго не пусцивъ и никóго не подаривъ...“ 2, „Съ одной кучи человѣкъ каменьня бярéць и кíдаець другую. И дзѣ бярéць, тамъ прибавляетца, а куды кладзѣць, тамъ ничого нема... И будзець кидаць до скончання свѣту, за то, што ёнъ кравъ у людзей. И дзѣ ёнъ бравъ, тамъ Богъ даравъ боли, а куды клавъ, тамъ Богъ ничого не даравъ...“

28. Дикій Бурьма.

Бывъ собою хозяинъ богатый. Што ў яго была дочарь вельми пригожая. И яна, замужъ ня вышовши, забременѣла. Народзила яна сабѣ сына, и сама собою яна, по нашаму, боитца уже бацьки. Народзёмши яна сына, никому яна не объявляла, и сичасъ етаго рябёшачка увярнула у полу и пошла. И знала яна недалёко отъ сябе пущу непроходзимую, што по ёй мало хто ходзивъ. Вотъ яна узяла етаго рябешачка и занясла туды и кинула у лѣсъ. Сняги были большіе. Цяперь, яна прорѣзала яму живоцёнка, штобъ выпусциць яму кишки, кабъ ёнъ окончѝвъ сичасъ. Ну, по етымъ дзѣли, пошла яна домовъ, отправилась. Оцецъ той патаетца у яѐ: «адзѣ ты пробывала, уремя продовжала довго?»—А была у товаришки своѐ, гуляла такъ, сама собою. За мной дзѣлъ неманиякихъ, дакъ я гуляла! И давъ такъ Богъ, што кругомъ етаго рябёшачка раставъ снѣгъ на дзесяцину, животъ яго ставъ усимъ якъ надо быць, кишки етыя назадъ увыйшли, и живоцёнка яго зросся, што яна прорѣзала. Такъ стало, што якъ зверхъ дзесяцины отъ яго, дакъ морозы пякуць такіе, што няможно духу къ сабѣ пригарнуць, а коло самаго красочки цвятуць, и енъ то за тую красочку хапаець, то за тую, гўкаець, забавляетца самъ съ собою. Дзѣвчини жъ здалося, што яна яго занясла Богъ знамо куды сярёдъ пущи, а того не знаець, што ли дороги у пяць шаговъ бросила.

Етому уремю нямного дзѣятца, (н. н.) пробывъ рябёнокъ шесць часовъ у лясу, и ѣдзець купецъ Иванъ Ивановичъ за товаромъ исъ своимъ исъ извощыкомъ. И чуець ёнъ—у лясу гу-гў, гу-гў, гу-гў, гу-гў! гўкаець нѣшто, тольки нязвѣстно што. Вялѣвъ енъ свойму звощыку придзéржиць коній и йци узнаць етаго дзѣла. Етый звощыкъ пошовъ къ етому рябёнку, дакъ по такимъ снягу! Ногў ўсóдзиць, ногў вынець, ногу ўсодзиць, ногу вынець! А подходзиць къ рябёнку—коло яго краски цвятуць. Приходзиць назадъ икъ купцу. Купецъ спрашуець: што, братъ, ты тамъ бачивъ такое? Енъ отказуець: «вотъ што, господзинъ купецъ,—Богъ знаець, што такое: сядзиць рябёшачекъ, и нема ли яго ни снѣгу и ничóго, тольки краски цвятуць, и енъ зь ими гуляець.» Купецъ злѣзъ исъ своѐ съ поязды, и пошовъ самъ. Приходзиць къ рябенку, и духъ яго разгорѣвся, кабъ узяць етаго рябенка. Угарнувъ яго у полу, кабъ

яму было цѣпло и принёсъ до своѐ поязды. Сѣвъ на поязду и вялиць свойму звощыку завярнуць коній, и ня ѣхаць за товаромъ, а завезць етаго рябёшачка къ сабѣ домовъ. Привёзъ къ сабѣ домовъ и сичасъ собравъ кумовъ. Принясли къ попу ксциць яго. Бярéць попъ вангéлію и подымаець книгу становйць етому рябёшачку йменьня. Повтора часа глядзѣвъ у вангéлію, кабъ поставиць яму имéньня якое,—не выпадаець яму йменьня ниякаго, якъ Дзикій Бурьмà. Ну, оксцили яго и ставъ енъ у купца годуватца. Купецъ нанявъ яму мамку, и ёнъ расцéць не годами, а часами. Пошли етому купцу доходы такіе, што бывало уторгуець у три годы, дакъ цяперь уторгуець у три нядзѣли тое самое. И трёхъ годъ енъ яго отдавъ ў школу, до сями годъ енъ вышовъ исъ школы, и якъ ёсь на свѣци якая грамота, такъ ёнъ усю понявъ.

Пробывъ енъ у купца дванацаць годъ, и пошли купцу, значитца, силные доходы. Тоды купцы сусѣдскіе промижды собки думаюць: «за што яму такіе доходы? За чужого рябёшачка давъ Богъ щасця! Отписаць къ царю, пущай лучьче служиць царю, чимся яму!» Узяли написали къ царю на бумази гербовой и отослали: «што вотъ, такъ и такъ, у такого то купца живéць знайдзёнъ, малецъ такій вумный, такій разумный, што ёнъ будзець годзитца вамъ у сынодъ. Прозваніе яго Дзикій Бурьмà.» Царь получивъ бумагу, прочитавъ и радъ ставъ: ну, мнѣ етакіе людзи и надо вумные! Приписавъ у ету губерню, штобъ енъ у чатыре часы бывъ приставленъ. Ну, яго у чатыре часы приставили. Потребувавъ яго царь къ сабѣ, спросивъ у яго акзаминтовъ изъ разныхъ языковъ. Енъ яму отдавъ акзаминты на дванацаци языкахъ дóразу. Знявши зъ яго етые акзаминты, сычасъ яго перавяли ў сынодъ. И штò ў сынодзи ёнъ скажець, ня можець нихто перямяниць—ни царь, ни хто. Пробывъ енъ у сынодзи дзевяць годовъ. Ето зъ роду яму знаходзилось дватцаць одзинъ годъ. Думаець енъ такъ сабѣ, якъ ба уже и жанитца. Наконецъ етому, царь не вялѣвъ яму браць ни 'ткудова, а хоциць отдаць свою дочарь, кабъ ёнъ получьче старявся ў сынодзи, кабъ яму вочи не драли, што енъ—либо якій старецъ—ли государя, што супроцѝвъ яго ня можно ни якими судзьбами. И отдавъ дочарь за яго. И што енъ уславився у царя по всёмъ царьстви, што царь за имъ постоянно спокоенъ—усё ёнъ распоряджаетца.

Цяперь, на придзевятомъ царьстви, на придзесятой зямли помёръ царь. Осталося отъ яго костыль и панахвида и царьская коруна. Докладаюць етые санотчики, и найпача етые побольшіе начальники царю: коли у васъ Дзикій Бурьмà вѣрянъ, нехай енъ вамъ доставиць отъ такого то царя костыль и панахвиду и царьскую коруну. Дзикій Бурьмà приходзиць на 'бѣдъ, царь и пытаетца ў яго: «ну, што, Дзикій Бурьмà? Знаешъ?»—А што, оцецъ?—«Я хочу послаць цябе у дорогу!»—У якую?—«А вотъ, на придзевятомъ царьстви, на придзевятой зямли помёръ царь: дакъ засталося отъ яго костыль и панахвида и царьская коруна. Якъ ба ты доставивъ яѐ?» А енъ отвѣщаець: я доставиць-то ето могу, коли жъ той пойдзёць со мною, хто ето вамъ нараивъ! Ну, по царьскому приказанью треба тымъ начальникамъ ициць. А сами то яны и не хоцѣли бъ. Бярѐць ёнъ съ собою дужо много солдатовъ, цѣлную, можа, берегату (бригаду), и начальниковъ етыхъ усихъ, што нараили царю, и капэльлію съ собою, музыку, и поѣхали. Ѣхали яны нѣскольки уремя, можа повгода,—терязъ дзесяць царствовъ перябратца не малое разстояніе! Подъѣхали яны къ тому царству. Не

доѣжжаючи того царства вярсту, а можа и двѣ, стоиць хатка. Етый Дзикій Бурьма̀ вялѣвъ коній отпречь ли етыя хатки, а самъ захо̀дзиць у хатку у ету. Тамъ живѐць старушка одна, и яна етой царицы удовѣ не йзъ родьни, а значитца, знакомая етой царицы, и яна ёй можець повѣриць абы-што, не змотала яна. Етый Дзикій Бурьма̀ здзѣлавъ гуль: стали пиць, гуляць, музыка граець... Гониць пастухъ съ поля,—дакъ уси скачуць: коровы сабѣ, вовцы сабѣ, козы мудрянѣй усихъ скачуць! И Дзикій Бурьма давай просиць ету старушку, кабъ яна просила царицу сюды выйци, кабъ якъ-якъ яѐ выманиць. Ета старушка написала царицы: «прошу васъ къ сабѣ у госци, не такъ у госци, якъ поглядзѣць дзива.» Ета царица сама ня ѣдзець и ня йдзѐць, а шлѐць своихъ самыхъ вѣрныхъ слугъ, и приказуець слугамъ: коли яны хорошо угосцяць васъ и привѣцюць, дакъ и вы къ сабѣ зовиця ихъ. Слуги тыя прогуляли едакъ судки и зовуць ихъ исъ собою крямо туды, усю ету силу, усю капэльлію. А старуха отправилась упе-рядзи икъ ёй, ёй растолковала, якій человѣкъ, што, куды. Пріѣхали яны, музыка зайграла, сама царица вышла, приняла ихъ до чесци. Дзикій Бурьма отвѣщаець: «вотъ што, рябяты! Пиця, гуляйця, скольки вамъ нравитца, ну тольки вума не пропивайця николи!» А Дзикаго Бурьму̀ приняла яна особенно до чесци. И промижъ собку удалися у разговоры: што, куды, якъ? А енъ етыхъ рячей ёй вытавкуватца ня хочець, а заговаріець ёй зубы другими рячами. Було у яго разные напитки, енъ кое-якъ зъ ёй поладзивъ, загосцився и своихъ напитокъ, и подобрався къ ёй. И здзѣлалась яна хмелная. Были у яго коло боку сичасъ жа сонныя капли. Якъ то ёнъ давъ ёй понюхаць—тамъ яна и заснула на томъ мѣсци. Ета старушка сичасъ за костыль, за панахвиду, за царьскую коруну, да Дзикому Бурьму у руки: «да и отправляйся-ка ты зъ естымъ адзѣ бывъ!» Етый Дзикій Бурьма на рябятъ и кажа: «которые поупилися, тые нехай сабѣ остаютца, а которые нѣ, дакъ запрягайця ко̀ній и поѣдземъ. Да поскорѣя!» Яны коній тыхъ запрягли и поѣхали. А царица ета спала шесцяро судокъ посли етаго. Проѣхали яны чатыре царьствы, узьѣхали на лугъ, на хорошій, такъ Дзикій Бурьма̀ и кажець: «во што, рябяты: коній мы попозьбили, и цяперь, слава Богу, повдороги ўѣхали; отпрягайця вы, коній попасёмъ и сами отдыхнёмъ!» Яны стали ко̀ній отпрягаць, а енъ злѣзъ съ поязды, да на лугу перякинувся,—якъ перякинувся, такъ сичасъ и заснувъ. А яны коній ня 'тпрягаючи маршъ по ко̀няхъ—и поѣхали, и ўсё тое повязли. А енъ проспавъ трое судокъ. Тоды уставъ, Богу перяксцився—нема ничо̀го при имъ! И ѣсць хочетца, и негдзи купиць, и грошій нема при имъ, и соўсимъ голый. Такъ сабѣ думаець: «э, што Богъ дасць, да дасць--пойду етой дорогой, куды-нибудзь да выйду!» Пройшовъ ёнъ судокъ троя, бачиць ёнъ—стоиць домъ, безъ конца огромный, високій, такій, што... Боитца енъ у етый домъ заходзиць! И треба зайци, и боитца, и ѣсць хочетца. А тоды думаець: што Богъ дасць, дакъ дасць—пойду! Заходзиць ёнъ у етый домъ. Сядзиць баба 'дна за столомъ. Енъ каець: «добрый дзень!»—Добраго здоровика! Ну што, Дзикій Бурьма? отъ моѐ сястры укравъ костыль, панахвиду и царьскую коруну? Отъ яѐ уцёкъ, думаешъ, што и отъ мяне уцячѐшъ—нѣ!—«Ахъ, Божа, Божа нашъ милосэрдный! У нашай то сторонѣ—ци бьюць, ци вѣшаюць, дакъ сытаго, а не голоднаго!»—И я табѣ за пицяньнё, за ѣдзяньнё не стою! Садзисъ, пи и ѣжъ, кольки твоёй душй угодно! Енъ сѣвъ за столъ,

можа тамъ разовъ пяць-шесць укусивъ, самъ сабѣ подъ носъ и говорицъ: «Божа, Божа нашъ милосэрдный! Якъ я ў своимъ царьстви бывъ, и вѣрно служивъ, и ня выслуживъ ничого. А якъ ба тутъ, кажетца, свою головў бъ положивъ, такъ ба вѣрно служивъ, старявся!»—Коли ты, Дзикій Бурьма, по правдзи говоришъ, и будзешъ жиць со мною вѣрно, то я цябе губиць ня буду! И присягнувъ ёнъ ёй такъ: «што буду служиць вѣрно, лучьче якъ у своемъ царьстви буду вѣровацъ. Ты будзешъ мнѣ жана, а я твой мужъ!»

Тое жъ начальство вещи еты доставило и сказало на Бурьму, што Бурьма спьянствовався, збуянивсь, ни на вошто. Ну, а Бурьма проживъ изъ ёю годъ, прижили яны сабѣ дзявчоночку. Прожили другій—опяць мѣюць хлопчика. И по етымъ боку яны живуцъ, а по другимъ море, заняло яго, куды яму ициць у пуць. Подговаріецъ енъ яè: «што ты, душачка, знаешъ? Живемъ мы на свѣци, не бачимъ ни Бога, ни людзей—никого, званія! Ци ў насъ нема грошій, ци чаго? Запрягли бъ мы коній, поѣхали бъ у церкву—ци ў руськую, ци ў польскую—усё жъ ёсць Богъ на свѣци!» Яна—баба—на ето и ротъ разинула. Разъ запрягли, поѣхали, и ў другій, хоць и ў третьцій. А ў чацьвёртый разъ ёнъ и кажа: я жъ тыки хозяинъ знаходжуся у своёмъ добромъ—свбіцъ ужо—поѣжжай ты, душачка, одна, а я тутъ приглѣджу у хозяйстви!» Яна вялѣла запречь коній, и поѣхала сабѣ съ кучаромъ одна. А на дворѣ сказала: вороты зачиняйцесь, замки замыкайцесь, кабъ Дзикій Бурьмà ня ўцёкъ. Сичасъ вороты хляпъ!—зачинились, замкнулись, а Дзикій Бурьмà на дворѣ оставсь, хоць головой бися! Довго не зѣваючи, Дзикій Бурьма узявъ, барканъ раскидавъ и здзѣлавъ сабѣ торокъ. Сѣвъ сабѣ на етый торокъ, набравъ сабѣ хлѣба, грошій, 'дзéжи, и поплывъ по морю. Уѣжжаецъ можа ў половина моря—и яна на дворъ готова. Якъ узьѣхала на дворъ—сичасъ и съ ума сыйшла: «ага, кажецъ, Дзикій Бурьма: вотъ вѣроваешъ, дакъ вѣроваешъ! Лучьче ўже некуды, якъ вѣроваешъ!» Сичасъ ускочила у хату, узяла ету дзявчоночку, на 'дну ногу стала, другую ўгору—и разодрала пополамъ. «Нà жъ, кажа, Дзикій Бурьмà, и табѣ половинку!» Якъ шибне, дакъ ета половинка прямо на торокъ! Дакъ етый торокъ кулей вобъ зямлю—у воду потонувъ. Етый Дзикій Бурьмà бачицъ дзѣло, што потонаецъ соўсимъ, узявъ яè, якъ бросивъ ету половинку ў воду—сичасъ торокъ на верьхъ. Яна узяла, и другую половинку такжа! Енъ и тую такъ. Тоды узяла хлопчика: нà жъ табѣ, кажецъ, сына—ходзяина на заводъ! Якъ кинула за ноги, и ўскинула яму на торокъ, вярсты за три! Етый торокъ ще скорѣй тонецъ того. Енъ думавъ, думавъ, што тутъ дзѣлацъ?—шарахъ ногой, да яго у воду! Торокъ на верьхъ. Во й перяѣхавъ. Ставъ на берязи и сабѣ думаецъ: слава табѣ, Господзи—перябрався! И отправляетца ициць у пуць. Ну, ишовъ енъ, можецъ, судокъ трое ци чецьверо, съ харчою, зь естою, што набравъ. Прибравъ яе, попоѣвъ, а судки уже идзѐцъ ня ѣвши. Приходзицъ къ и двору на большаку. Енъ радъ бывъ, думавъ, што ето коршма. А гроши ёсь. «Ну, думаецъ, выпью, закушу!» И боитца заходзицъ, затымъ што вяликъ, али сабѣ думаецъ: «што Богъ дась, то дась, а пойду!» Приходзицъ у етый домъ, сядзицъ Дзѣдъ-Шкуропётъ съ однымъ вокомъ. Уходзицъ енъ у хату: «добрый дзень табѣ, Дзѣдъ-Шкуропётъ!»—А, добраго здоровика табѣ, Дзикій Бурьмà! Хто мнѣ надо, дакъ мнѣ тэй самъ идзецъ

у руки! Одну пляме́ньницу обкравъ и ўцёкъ, коло дру́гой насмѣявся: пару дзяцей прижывъ, и отъ тыѐ уцёкъ. Дакъ ты думавъ, што и отъ мяне уцяче́шъ? Нѣ, отъ мяне уже не ўцяче́шъ!...—«Божа, Божа!.. Дзѣдъ-Шкуропе́тъ, дай-ка ты мнѣ укусиць чаго-не́будзь! Тоды сабѣ уже што хочешъ, дзѣлай: ци би, ци дзяри, ци вѣшай!»—Во̀ на столѣ стоиць пицяньнё и ѣдзяньнё, садзись, пи и ѣжъ, кольки табѣ ўгодно!.. Енъ сѣвъ, можа разовъ пяць—шесць укусивъ. Дзѣ уже полѣзець у ротъ чаловѣку, коли смерць надъ шіей! Подпёрся рукой правой да й кажець: «Божа, Божа нашъ милосэрдный, святый! Якъ у своимъ царстви бывъ за дохтура за такого, што у кого не было ноги, дакъ ногу пристанавливавъ, у кого не было руки, руку придзѣлававъ, у кого не было бока, дакъ бокъ приставлявъ!»...—А воко ци ўмѣешъ пользовацъ?—«Да што, дзѣдзячка: я табѣ ето воко выпользовавъ бы у три минуты, тольки докладу богато треба!»..—А якій жа докладъ?—«А вотъ якій: треба мѣдная черпаха, вядры ў три, и завѣсиць коцёлъ висучій у воротахъ, и натопиць яго повенъ смолы, и треба зъ женьскаго волосу совиць канатъ, кабъ ты не ворохнувсь!»—Э, ето соўсимъ глупостный докладъ! Коли ты мнѣ воко выпользуешъ, дакъ я цябе доставлю у твоё царьство у три часы, а докладъ усякій могу доставиць оттуль, дзѣ ты бравъ костыль, панахвиду и царьскую коруну—у два часы!.. Сичасъ пошовъ енъ у клѣць, выставляець висучій коцёлъ, су́довъ у семяро, и завѣсили яго у воротахъ, натопили яго повнюхтонякъ смолы. Положивъ ли котла мѣдную черпаху у три вядры, а сами стали виць канатъ изъ женьскаго волосу. И звили яны сорокъ са́жнявъ. Ускипяцили смолу жидко такъ, якъ але́й. Ёнъ яго поклавъ у воротахъ, и ўкру́цивъ яго етымъ канатомъ усяго. «Ну-ка, дзѣдушка, пописнися!» Дзѣдъ тэй пописнувся, дакъ канатъ тольки повыцянувся! «Однача, дзѣдъ, ты силянъ!»—У мяне, кабъ у небо ды ў зямлю стовпъ бывъ уставленъ, дакъ бы я свѣтъ обярнувъ!—«Ну, дзѣдичка, лядзитка ты на небеса: якъ по небу ходзяць болоки швидко, кабъ твоё воко такъ ходзило швидко уво лбѣ. Якъ на неби сонца свѣциць жарко, ярко, кабъ твоё вочачко свяцило уво лбѣ жарко и ярко!» Тоды зачарепаець черпаху смолы, да якъ узолье́ць на тое на здоровое воко... Якъ ворохне́тца Дзѣдъ-Шкуропетъ! Ажъ земля—матка здрыганулася! Посыпались тые канаты уси чисто, и ёнъ кричиць: эй, вороты, зачиняйцесь, замки, замыкайцесь, кабъ Дзикій Бурьма̀ ня ўцёкъ никуды зъ двора! Такъ етыя вороты сичасъ хляпъ-хляпъ! зачинились и замкнулиси! А Дзѣдъ-Шкуропетъ за вочи обѣ́ручь узявся: «во, вылячивъ, дакъ вылячивъ! Што жъ цяперь робиць? Во нахвацився сукинъ сынъ!» Стоиць Бурьма̀ и нявѣдаець, што дзѣлаць. А тоды узявъ, етые концы собравъ, да й подвязався козлу подъ пузу, да й висиць. Дзѣдъ Шкуропе́тъ повзаець по двору, шукаець Бурьму. Приповзаець къ корови, спрашіець: ци тутъ Дзикій Бурьма̀?—Нѣ, дзѣдъ, нема! Коли бъ бывъ, мы бъ табѣ на рогахъ яго вынясли! Поповзъ ёнъкъ конямъ: «Кони, ци тутъ Дзикій Бурьма̀?»—Нѣ, нема, дзѣдзичка: мы бъ табѣ копыта́ми выкацили. А козёлъ етый: «билль-билль-билль! говбрицъ: у мяне Дзикій Бурьма̀ подъ пузомъ! Бяри яго!» А той говорки яго не разбяре́ць. Тоды козелъ разогнався да яго рогами подъ рябро: во̀ дзѣ Бурьма: бяри яго! А Дзѣдъ Шкуропѐтъ усердзився: «мнѣ надоѣвъ Бурьма, а ту́тъ ты ще подъ рябро колешъ!» Схапивъ яго, да терязъ барканъ и перякинувъ. А Бурьма

кричиць: «ай, дзѣдзичка! ты жъ мяне околѣчивъ!»—Ци ты уже тамъ?—«А тутъ, кажець: оставайся здоровъ!» Поповзъ ёнъ тоды у хату, узявъ сякерку: на̀ табѣ, кажа, разбойникъ, за твое выгоды, што ты мнѣ воко выпользовавъ! На дорози дровъ насячёшъ, цяпло накладзёшъ! И шибнувъ сякерку. За воротми стояла сосонка; ета сякерка у сосонку и ўлипла. Енъ хоцѣвъ яѐ узяць усѣй рукой, да побоявся, да мезинымъ—торькъ! палцемъ. Палецъ етый и прилипъ къ сякерцы! Дзѣдъ-Шкуропетъ кричиць: сякерочка, ци ўзяла?—Узяла, дзѣдзичка, да нямножко! Енъ выхвацивъ ножикъ съ кармана—да по палцу! Да й самъ пошовъ. Пройшовъ енъ судки—и тамъ до̀бре не поѣдавъ, и тутъ нейдзи—ѣсць хочетца. Чуець ёнъ у лясу: хлопъ—хлопъ! Сабѣ думаець: «треба бъ було ицицъ полядзѣць, што тамъ хлопаець, да боюся! Э, дай пойду, поляджу, што такое?» Приходзиць енъ туды, дакъ левъ изъ змѣемъ воюетца. Якъ змѣй лева сѣканець, дакъ тольки шерсць разлегаетца, а якъ левъ сѣканець змѣя, дакъ пересячець усяго—одна жилка останетца; а покуль яще замахнець, дакъ змѣй изновъ увесь зростаетца. «Добрый дзень вамъ!»—Здоровъ, Дзикій Бурьма̀! Поможи намъ воеватца—который котораго. Кому пособишъ звоевацъ, дакъ доставимъ у твоё царство! Остановили яны бойку свою, и дали яму ѣсць удвохъ, кабъ помогъ имъ битца. Енъ разы три укусивъ, и думаець: «што ето такое? Левъ таки съ хрящоныхъ людзей, а змѣй—ето-жъ нячистый духъ.» Левъ якъ сѣканець змѣя, дакъ одна жилка осталась, а енъ ножикъ вынявъ да по жилцы по етой, дакъ змѣй и покацився! «Ну, кажець: догадався, кому пособиць,—доставивъ ба я цябе у твоё царство: назадъ къ Дзѣду Шкуропету!» А левъ кажець: садзись на мяне, привязувай шапку крѣпко, затыкай бавылной вуши! Сѣвъ енъ на яго, левъ и понёсъ у яго царство. Принёсъ яго къ царству и кажець: «Божа сохрани, похвалисься, што я цябе принёсъ,—тоды зьѣмъ я цябе!» Пріѣхавъ ёнъ у двору. Тутъ жонка рада стала безъ конца, и цесць яго ставъ радъ. Такъ яго подгосцили нямножко, и давай спрашувацъ: якъ ты суды дostався? Енъ не признававсь, не признававсь, али признався: «такъ и такъ, доставивъ мяне левъ!» Тольки выходзиць на крыльцо, енъ и стоиць, ротъ разинувши. «Ну, вотъ, Дзикій Бурьма̀: ворòцись назадъ къ жонцы, попрощайся, ба отъ мяне уже ня выкруцисься: ето не царевны, да ня Дзѣдъ Шкуропетъ!» Енъ вярнувсь, попрощався, выходзиць изновъ къ яму. Ну, што? попрощавсь?»—Попрощавсь, да ето не я казавъ!—«А хто-жъ?»—Хмель!—«А дзѣ ёнъ расцець?»—Я табѣ не покажу, дзѣ енъ расцець, я табѣ покажу сокъ съ хмелю съ того.—«Ну, покажи!» Вотъ енъ яго увёвъ у склепъ, адзѣ горѣлка стояла можа повтораста годовъ, жовта, якъ ўволга, солодка, якъ мёдъ—пиць прикро. Вотъ етый левъ покушавъ яѐ—смашно. Выпивъ вядро, выпивъ два, и потуль енъ пивъ, покуль на тымъ мѣсци и сунувся. Етый Дзикій Бурьма̀ назбиравъ облычьча, па̀скубокъ, и етаго лева усяго укруцивъ, умотавъ у облычьча и паскубки, да ўзявъ дубовый коликъ, да якъ узявъ того лева працъ по рабрахъ! Проспавъ енъ троя судокъ. Тоды уставъ, дакъ нямо́жно и головы подняць, ни выплутатца ниякимъ родомъ. И спрашуець у Бурьмы: «якъ ето можно, кабъ съ хмелю болѣли косци, и кабъ не памятовацъ ничо́го—едакъ я уплутався!»—А вотъ жа, ты мнѣ ня вѣривъ! Такъ жа и на̀щинецъ: якъ выпья, дакъ ничо́го ня помниць. А ты мяне хоцѣвъ зьѣсци за глупось.—«Ну, я табѣ тое прощаю! Покажи ты мнѣ-

дзѣ енъ расцѐць? Я яго оряшу̀, и званьня яго ня будзець на свѣци!» А надъ моремъ стояла сосонка. Дакъ сонца на заходзи, сцѣнь на во̀дзи болшущій! Дакъ яго собираюць, да у бочки льлюць... Вотъ левъ якъ кинетца у море, да воевавъ, воевавъ—кореньнемъ, полѣньнемъ—узмуцивъ ету̀ воду, ня видно сцѣни стало. Тоды вылѣзъ. Попрощалися, поцаловались. «Ну, ступай изъ Богомъ, живи здоровъ! Не кажи никому ни ты, хто цябе доставивъ, ни я, што со мной было. А хмель цяперь ня будзець изъ роду!» На етымъ остався Дзикій Бурьма жиць у етымъ царьстви. А начальниковъ тыхъ самъ царь уже понаказувавъ.

С. Тимоново, климовицк. у. Кр. Антонъ, неграм.

29. Куваль бѣды искавъ.

Жили сабѣ были кравецъ и шавецъ, и куваль, и яны вѣкъ бяды ня видзѣли. Вотъ яны пошли бяды искать. Ишли яны, ишли, и видзюць яны—стоиць баба. И гета баба была вѣдзьма. Ина у ихъ пытаетца: куды вы идзицё? А йны кажуць: «бяды искаць. Вѣкъ бяды ня видзѣли!»—А! на̀ця жъ вамъ клубочекъ, и кациця етый клубочекъ: куды ёнъ поко̀цитца, туды й вы йдзиця. И на̀йдзеця бяду! Вотъ кравецъ узявъ за коньчикъ нитычку, и пошли. Клубочекъ самъ коцитца, и яны за клубочкомъ идуць. Кацився, кацився гетый клубочекъ, и ўкацився у хатку. И яны за имъ улѣзли у хатку. Пылядзяць, ажно печка топитца. Пылядзяць, ажно чортъ сядзиць ли печи—красныя вочи. Улѣзли яны у хатку, тоды чортъ кажець: грѣйцеси, рябяты: заразъ будземъ гуляць, весялитца. Тоды пытаетца ў ихъ: хто вы?—Я куваль!—«Ну, до̀бря. А ты хто?»—Я кравецъ! Ёнъ узявъ, кравца скруцивъ, скомкавъ, поджарювъ и зьѣвъ. «А ты хто?»—Я шавецъ! Енъ и шавца узявъ скруцивъ, скомкавъ, поджарювъ и зьѣвъ. А ны кываля кажець: «Ты куваль?»—Ку̀валь!—«Ну̀, скуй мнѣ вилки, у пекли грэшныхъ ворсаць!» Енъ ставъ куваць, а чортъ пришовъ ды глядзиць на вилки. Вотъ куваль узявъ ды напаливъ вилки, ды якъ дась яму пы вочахъ! Енъ и зывалився. Али ўскочивъ, ны порогъ сѣвъ и ня пускаець кываля. А ў чорта ў хаци було три овечки. Куваль узявъ одну̀ овечку, якъ ударювъ у чорта—чортъ тольки кылыхнувся. Енъ узявъ другую овечку, ударювъ чорта, ня збивъ чорта съ порогу. Узявъ енъ третьцію овечку, якъ ударювъ у чорта,—чортъ звалився съ порогу, и ляжиць безъ памяци. Куваль узявъ гетыго чорта и прикувавъ яго къ мосту, а самъ пошовъ. Ишовъ, ишовъ, бачиць—на бярѐзини висиць мулюваный топоръ. А бярёза дужо большая. Лѣзъ ёнъ, лѣзъ за тымъ топоромъ, узлѣзъ. Тольки узявся за тэй топоръ—рука и пристала! А чортъ очучурювся и бягиць дыгоняць кываля. Видзиць кываль—идзѐць чортъ зъ рыгами, вотъ ёнъ вынювъ съ кишеня ножикъ, отрѣзувъ руку, ды нутку драло бѣхчи! Прибѣхъ у дворъ и ставъ кызаць жонцы: «а бабулька, навидався горя! Ня дай Богъ вамъ, дзѣтки, такого горя!» Ставъ тэй куваль жиць. «Нѣ, кажець: ня хо̀чу и вѣкъ такей бяды, и не давай Богъ никому такей бяды!» И ставъ жиць, и Богъ щасця яму ставъ даваць. И наживъ енъ много добра, и скота много.

С. Мощены, сѣнн. у. Крест. Кондратій Хиженковъ. Ср. Чубин. 85.

30. Проварна Ярыжка.

Да бывъ сабѣ Иванъ Ивановичъ, руській царевичъ. А ёнъ бывъ большій карцёжникъ, и любивъ крѣпко у карты гулянь. И была на возморьи, у которомъ то царстви, жила тамъ Василиска Дыяболска, и ина тожъ охвотница у карты гулянь. Ну, гэтый Иванъ Ивановичъ тожа знавъ, што ина любиць у карты гулянь, ну и могъ енъ къ ёй доѣхаць, и могъ ёнъ зъ ёй ў карты разыйгратца. Ну, играли яны много уремя, да й дотуль яны играли, покуль Иванъ Ивановичъ, руській царевичъ обыгрався. Итакъ енъ обыйгрався, што и государственную коруну пройгравъ.

Якъ енъ поѣхавъ домовъ, Василиска Дыяболска и замуровала гэту коруну у печь. Ну гэто ёнъ отъ яѐ отъѣхавъ у свой государській домъ и ставъ енъ празъ есто клопотаць. Собравъ роту солдатовъ къ сабѣ и говбрицъ: идзице-тка по ўсёмъ моимъ царству, и воспытайцеся такого чаловѣка, ци не обярѐтца хто мою коруну отыйскаць. Ну и приходзиць солдатъ, быттомъ такъ, якъ и ў Городзище, и заходзиць енъ у ка́ршму, и ў ка́ршми спрашавая: ци нема тутъ такого чаловѣка, кабъ царськую коруну отыйскаць? Лѣзя изъ за печки у каршми чаловѣкъ и объявляетца: «а вотъ я могу!» —Ну, хто жъ ты такій ёсь?—«Я Проварна Ярыжка, прогоркая пъяница!»

Ну сычасъ солдатъ бяре яму стаканьчикъ горѣлки. А енъ говора, Проварна Ярыжка: «ахъ ты, служба! Проварна Ярыжка у ка́ршми гуляя и не по гэткимъ стаканьчику выпивая!» И показавъ яму вядро: «вѐ мой стаканьчикъ!» Ну, якъ увидзѣвъ солдатъ, што енъ богатырській чаловѣкъ, то енъ, солдатъ, могъ старатца гэтому. Видзиць, што на ёмъ свитка плошѐнькая, то енъ радъ старатца ли яго купиць, и повёвъ яго до цара.

Приводзя яго къ цару, и енъ говора: «здраствій, ваша царское вяличаство!»—Ну, спрашавая яго государъ: «якъ цябе зваць?»—Зваць мяне Проварна Ярыжка, прогоркая пъяница!—«Ну, што жъ ты можашъ мою коруну отыйскаць у Василиски Дыяболски?» Отвѣщая енъ цару: могу, тольки мнѣ надо солдатовъ полкъ, и надо корабъ, и надо пороху, и надо увесь припасъ солдацкій!.. Цару ци довго? Убрались на корабъ и поѣхали мбрамъ. И можа яны ѣхали мѣсяцъ и больше, и подъяжжаюць подъ дворецъ, такъ не дальше, якъ ярсты ў три до дворца до Василиски Дыяболски. Цяперъ Проварна Ярыжка вылязъ на берагъ и пошовъ берагомъ, а имъ сказавъ ожидаць. Ну, приходзя Проварна Ярыжка прогоркая пъяница подъ дворецъ, а тамъ кругомъ яѐ дворца обвився большій вужъ, и въ зубы хвостъ узявъ; и хто идзе у дворъ къ ёй, ёнъ пуская, а хто идзе зъ двора, того ня пуская. Ну й упусцивъ ёнъ яго. И ўходзиць енъ у первую комнату, Проварна Ярыжка. И сычасъ якъ увыйшовъ енъ, и увидавъ государськую коруну, умурбванную у печь, и чуць яна видна. Ну, гэтый Проварна Ярыжка сычасъ яѐ выдравъ и сховавъ за пазуху. Оявляетца тоды къ Василивски Дыяболски: «Здраствій, Василивска Дыяболска!»—Здрастуй, Проварна Ярыжка! Ну, чаго жъ ты сюды пришовъ?—«Я слышавъ, што вы охвотники у карты гуляць?» —Да, охвотники!—«Ну, вотъ жа, позвольця мнѣ на корабъ сходзиць: у мяне ёсць книжачка такая, што вы можаця увесь свѣтъ обыйграць!»—Ну, ступай сабѣ на корабъ и приняси мнѣ книжачку гэту! Вышла ина на дворъ и кричиць: «вартовый!

отпусци Проварну Ярыжку прогоркую пъяницу на корабъ сходзиць!» Ну и пошовъ енъ. Приходзя на корабъ и говора солдатамъ: смотри, рабяты; будзець до васъ отъ Василивски Дыяболски нападзеньня! Ну, а самъ у лёхкую лотку сѣвъ и поѣхавъ. «Грабиця, каа, рабяты, якъ можно, и уцекайця якъ можно, и отбивайцеся орудзіемъ!» А самъ поѣхавъ. Ѣхавъ енъ можа дзень, а можа и два, и захоцѣлось яму ѣсь. Вылязъ енъ на берагъ. Идзе берагомъ—стоиць хатка. Уходзиць ёнъ у хатку, ажъ тамъ на столѣ стоиць чанъ капусты, чанъ каши. Ну, гэтый Проварна Ярыжка садзитца за столъ и кушая, и тольки кушая и скучая, што ня вѣдая, чій столъ, а покушаць то енъ покушая. Ну, и покушавъ енъ, Проварна Ярыжка, и сядзиць. А отчаго енъ сядзиць? Што гэта хатка такая: хто у яё идзе, ина пуская, ну назадъ ня пусця никого. Сядзиць енъ, жджe. Ну, и оявляетца гэтой хаты ходяинъ, косовокій богатыръ: «о, каа, русь-кось пахня!» А енъ кажа: гэто ня русь-кось, а Проварна Ярыжка!—«А! гэто ты, Проварна Ярыжка, мою сястру побядзивъ?» А гэта Висиливска Дыяболска посылала на корабъ, и яны ня могли доступитца до корабля. Отчаго яны ня могли доступитца,—што тые солдаты, што осталися на корабли, ударили изъ пушакъ. Василивска Дыяболска ждала, ждала ихъ, и не дождалася. Сѣла ина на зялѣзную ступу и товкачами погоняя, и прилятая къ кораблю. Садзитца на корабъ, и бяре солдата и пытаетца: ци ты Проварна Ярыжка? Якъ скажа солдатъ: я Проварна Ярыжка! Ина—глоць! и проглыне. И такъ, што увесь корабъ поѣла.

Цяперъ гэтый Проварна Ярыжка садзитца съ косовокимъ богатыромъ обѣдаць. Цяперъ гэтый косовокій богатыръ говориць: «а што такъ, Проварна Ярыжка, на мяне такъ позираешъ?»—А я, говора, на цябе позираю, што ты на 'дно воко косовокій, а на другое соусимъ не бачишъ!—«А што, ты мнѣ вылячишъ?»—Я бъ то табѣ могъ вылячиць, коли бъ бывъ у цябе припасъ!—«А якій табѣ треба припасъ?»—Треба припасъ мнѣ: пудъ соломы, и треба, треба мнѣ зялѣзный ланцугъ хорошій, и треба мнѣ припасъ—коцёлъ! Отвѣщая яму косовокій богатыръ: «ёсь у мяне увесь гэтый припасъ!» Дае яму упародъ коцёлъ, тоды смолу услѣдъ. Разгрѣвая Проварна Ярыжка гэту смолу, и разогрѣвъ силно. Цяперъ спрашуя: няси ланцугъ! Уноси енъ ланцугъ яму. Ну, сычасъ Проварна Ярыжка увязавая косовокаго богатыра ланцугомъ: страпянись-ка, ци будзя крѣпко? Страпянувсь ёнъ—ланцугъ посыпався! «Нѣ, кажа, шукай крапчѣйшаго!» Принесъ енъ ланцугъ другій, ставъ енъ увязаваць яго другимъ ланцугомъ: «страпянись изновъ!» Ну, страпянувся—енъ не подався, гэтый ланцугъ. Садзитца косовокій богатыръ на порози ли того, кабъ Проварна Ярыжка ня ўцёкъ. «Цяперъ, кажа Проварна Ярыжка, вылупъ вочи хорошо!» Узявъ енъ ковшъ, зачерпавъ смолы и линувъ яму у вочи!... Якъ ускоча косовокій богатыръ, разорвавъ ланцугъ: «дакъ во якъ, каа, ты лѣчишъ! Погуляй жа, не ўцячёшъ отъ мяне!» Сѣвъ на порози и сядзиць. А бывъ у косовокаго богатыра козелъ такій любимый, што енъ изъ имъ гулявъ. Проварна Ярыжка садзитца на гэтаго козла и щовкъ яго подъ пузо! Гэтый козёлъ якъ брыгнець празъ порогъ и празъ гэтаго богатыра! Цяперъ кричиць косовокій богатыръ: «идзѣ ты, Проварна Ярыжка?»—А я ўже на дворѣ!—«А хто цябе вынесъ?»—А козёлъ, кажа, вынесъ! Выскочивъ енъ цяперъ услѣдъ, косовокій богатыръ, да якъ пусця за имъ услѣдъ сякѐркой: «на̀, табѣ, кажа, и мою сякерку!»

Гэтый Проварна Ярыжка цапъ за гэту сякерку однымъ палцомъ—гэтый палецъ и приставъ къ сякерцы. Кричиць гэтый косовокій богатыръ: ци дзяржишъ ты?—Дзяржу, да мало! Бача Проварна Ярыжка, што гэто дзѣло плохо, ёнъ-чикъ, да палецъ и отрѣзавъ, и пошовъ.

Ишовъ енъ, ишовъ опяць берагомъ можа дзень, а можа й два—стоиць хатка тожъ. Заходзя енъ у тую хатку, ажъ тамъ на столѣ чанъ капусты, чанъ каши. И садзитца енъ за столъ и начиная ѣсь. Ну, укусивъ енъ трошки, приходзя Оплетавъ—богатыръ: «э, кажа, русь-кось пахня!» А енъ кажа: ня русь-кось, а Проварна Ярыжка тутъ ёсь! Садзитца гэтый Оплетавъ-богатыръ кушаць, и садзиць яго опяць исъ собой: «кушай, кажа, кушай, да й пóйдземъ!» Ну, покушали яны, вылязли изъ за стола, и садзитца Оплетавъ богатыръ яму на плечи, Проварну Ярыжку. Енъ яго и понёсъ. Нёсъ, нёсъ ёнъ яго, поднесъ подъ яблонку и проситца: позволь мнѣ на гэту яблонку злазиць, достаць яблокъ! Тэй пусцивъ. Енъ полѣзъ, доставъ яблоковъ сабѣ и яму. Сѣвъ тоды Оплетавъ-богатыръ яму зновъ на плечи, и зновъ енъ яго понесъ. Поднося яго къ другой яблонцы. Яблоки на гэтой яблонцы—якъ покушаешъ, дакъ и заснéшъ. Спрашуя Проварна Ярыжка у Оплетавъ-богатыра: позволь мнѣ и зъ гэтой яблонки достаць яблоковъ. Богатыръ дозволивъ. Енъ полѣзъ, доставъ яблоковъ и давъ яму ѣсь. Енъ якъ изъѣвъ, дакъ и заснувъ. Проварна Ярыжка, бача, што Оплетавъ—богатыръ заснувъ, и пошовъ.

Ишовъ енъ, ишовъ опяць берагомъ и приходзя къ горѣ, икъ большой горѣ, и на тэй горѣ левъ и змѣй бъютца, силно бъютца. И просюць Проварну Ярыжку разсудзиць ихъ. Енъ разсудзивъ ихъ такъ: «ты, змѣй, стань подъ горой, а ты, левъ, стань на горѣ! Змѣй, разинь ротъ: якъ левъ будзя бѣгци зъ горы, ты яго проглынёшъ!» Левъ якъ разогнався зъ горы, такъ и разбивъ змѣя. Тоды левъ говориць; «ахъ ты, Проварна Ярыжка, садзись на мяне! повязу цябе у твоё царство!» И повёзъ. Подвозя къ царському дворцу и говора: «Проварна Ярыжка, не хвались нигдзѣ, што ты на льву—звѣру ѣхавъ. А коли ты похвалисься, што ты на льву—звѣру ѣхавъ, то не будзя табѣ ничого!»

Проварна Ярыжка приносе къ цару крѣпку дзержаву и отдае цару. Царъ яго спрашуя: што табѣ треба за гэто?—Треба мнѣ за гэто, штобъ куды ни пошовъ, усюды кабаки были отчиняты!.. Вядомо, што Проварну-Ярыжку треба? Царъ дозволивъ. Вотъ распився Проварна Ярыжка, распъянствувався, и похвалився пъяный, што на льву—звѣру ѣхавъ. Якъ похвалився, такъ сичасъ кабаки и закрылись...

С. Городище, бых. у. Отъ кр. Якова Сампсонова, 61 года.

31. Иванька большій, середній Иванька и меньшій Иванька.

Жили сабѣ у воднымъ сялѣ мужъ изъ жаной, и жили яны дужо бѣдно. Яна бяремянна была и родзила яна трохъ сыновей зразу. Кумамы нихто къ имъ ня йшовъ, значитца, были яны дужо бѣдныя. Тоды яна говора: возьми ты ихъ у торбочку и няси у рѣку!—тыхъ трохъ сыновей. Ёнъ такъ и здзѣлавъ: узявъ у торбочку и понёсъ. Сустракая яго старичокъ: што ты, говора, нясёшъ? Говора: нясу торбочку жита

на прудъ, треба змолоцы! А енъ говора: «нѣ, говора, ты мяне обманыешъ: ты нясе́шъ трохъ ангаловъ топицы! Няси, говора, домовъ, положъ у колыску, нехай спяць, говора, до третьцяго дня. Я тоды къ табѣ приду, на третьцій дзень!» Той вярнувся назадъ и такъ здзѣлавъ. На третьцій дзень приходзя енъ, той старичокъ, къ тому бѣдному, и говора яму: «отломи ты зъ вѣника три розочки и вли воды. Ня треба къ бацюшку несци, мы, говора, дадзёмъ самы име́ньня, перахрисці́мъ. И дадземъ именьня —три Иваньки: Иванька большій, сярэдній Иванька и меньшій Иванька. И положъ ихъ узновъ у колыску, нехай спяць до третьцяго дня. И приду я на третьцій дзень узновъ къ табѣ!» Такъ яны и здзѣлали. И тожа, ёнъ приходзя, на третьцій дзень къ яму и говора: ну, котораго ты мнѣ Иваньку даси за гэто, за моѐ тру́ды? Енъ кажа: котораго хочешъ!—А я, кажа, бо́льшаго сабѣ возьму Иваньку! Тоды жонка пожалѣла яго: «нѣ, мы, говора, даць не дадзёмъ, а продаць продадзёмъ!»—А што жъ ты хочешъ за яго?—«А вотъ, говора: спрежда такъ продавали: якъ стоиць, грошмы обсыпъ, тоды бяри сабѣ...» Тожа енъ такъ и здзѣлавъ: вынявъ съ кишены и обсыпавъ грошмы. И узявъ съ собой. Тоды жонка узновъ пожалѣла яго и кажа на мужика: догонь и отбяри яго! Енъ вышовъ, полядзѣвъ—нидзѣ яго нема.

А гэтый старичокъ узыйшовъ зь имъ на небяса и сказавъ яму, кабъ енъ усюдыхъ ходзивъ и ўсё дзѣлавъ, тольки, кажа, не садзися у золотомъ кресли! И давъ яму двѣ трысцинки: одна тросцинка на пропитаньня—гэто, значитца, якъ удара, дакъ яму будзя пропитаньня—а дру́гая на прогуляньня,—значитца якъ у́дара, дакъ яму музыка открыетца, весяло́сь. Вотъ старичокъ отлучився, а енъ усюдыхъ ходзивъ, ўсё дзѣлавъ, да не послухавъ старичка, и сѣвъ у золотымъ кресли. Якъ сѣвъ, дакъ и ўбачивъ, што дзѣетца на ўсимъ свѣци! И дужо енъ гэтому узрадовався: што якъ макъ зацвѣтая, такъ енъ и бача у́сё; и ўвесь народъ на ўсимъ свѣци, якъ одного чаловѣка; и бача, якъ чаловѣкъ заломъ зало́млюя!

Старичокъ тоды на яго усе́рдзився, на Иваньку большаго, што ёнъ сѣвъ у кресло, и ўсё ўбачивъ, и спусцивъ яго доловъ. И давъ яму жарабца и говора: «усюдыхъ можашъ ходзиць, идзѣ хочешъ, усюдыхъ гуляць, наниматца, тольки не наймайся, у кого кучаравые волосы!» Вотъ Иванька пусцивъ свойго жарабца у ясные лясы, а самъ пошовъ пуцёмъ дорогой. Ици ёнъ, ици, ици ёнъ, ици, соўстрака̀я пана: «Здраствій!»—Здраствій! Куды идзе́шъ?—«Иду найматца!—Ци не на́ймесься у мяне? —«Наймуся!» Посли убачивъ кучаравые волосы на головѣ у яго: «нѣ, панокъ, кажа: ня буду найматца у цябе—у цябе кучаравые волосы!» Той панъ заѣхавъ напе́родъ, умывъ голову, учасавъ, кабъ волосы гладкіе были, и опяць соўстракая, кабъ наймаць яго—уподобався яму крѣпко! «Здраствій, чаловѣкъ! Куды идзе́шъ?»—Иду найматца!—«Ци не наймесься у мяне?»—Наймуся!.. И нанявся ў яго. Тоды панъ уссадзивъ яго къ сабѣ на возъ, и поѣхали яны—повёзъ панъ къ сабѣ домовъ. Пріѣжжая туды, домовъ, покруцилися у яго волосы—обсохла голова. Иванька и кажа: нѣ, кажа, панокъ, ня буду, кажа, у цябе,—кучаравые у цябе волосы, пойдуотъ цябе! Такъ ёнъ и пошовъ пуцёмъ—дорогой отъ яго.

Якъ ици, дакъ ици, якъ ици, дакъ ици—ишовъ и по поляхъ, ишовъ и по борахъ, и приходзя у иншая царство, къ царському саду, къ самому первому. И пилнуя

гэтаго саду старичокъ. Ёнъ и говора: «давай, говора, я цябе обмяню, за цябе покалавуру гэтаго сада!» Тоды енъ гэто: а чаго, говора, обмяни. Ночь, говора, можно!— Ну, ложися спаць! Такъ старикъ и здзѣлавъ, и лёгъ спаць. Ставъ Иванька калавурицъ, и говора: треба штуку уводраць гэтому старичку! И вышовъ на пόля и крикнувъ помолодзецку, свиснувъ показацку: кабъ мой лошадзь сычасъ тутъ бывъ! Тэй жарабецъ сычасъ прибѣгая къ ямў й спрашуя: «чаго, Иванька, жалаешъ? Што за служба?»—А вотъ, говора: треба гэтый садъ намъ сорваць, скораниць и спалиць, кабъ тутъ чистое поле було! Конь кажа: «можно! Садзись на мяне! Такъ енъ и здзѣлавъ: сѣвъ на яго, и поѣхали яны тэй садъ ирваць: ёнъ лятаць, а ёнъ дзярэвья йрваць, у груды складаць и палиць тэй садъ, дзѣлаць чистое поле.» Такъ енъ издзѣлавъ (*и* придых.), и легъ спаць. Прошнувся тэй старичокъ, и будзя того Иваньку, и плача: «што гэто намъ надзѣлалося, Иванька?»—Што такое?—«Да вотъ, бывъ садъ—чистое поле стало!»—Нѣ, говора, старичокъ, не стращай(ся)!.. И ў скорымъ уреми дочувся до гэтаго царъ, и прислявъ листъ, кабъ тому старому головў доловъ. Тоды говора Иванька тэй тому посланцу: отпишамъ мы яму назадъ, нехай енъ обноровиць до третьцяго дня, бы ни ў водной зямлѣ гэтаго нема, кабъ знимаць голову бязъ суда: нехай спрежда судъ будзя! Гэтакъ енъ отписавъ и пославъ назадъ. Гэтаго царъ и послухавъ. А Иванька сычасъ выходзя у чистое поля, крикнувъ помолодзецку, свиснувъ показацку: кабъ мой конь сычасъ бывъ! Бяжиць гэтый лошадзь: «чаго, Иванька, жалаешъ? што за служба?»—А ёсь, говора, у такимъ то царстви, у такой то зямлѣ садъ, ще пригожѣй гэтаго—золотыя яблоки и ўсякія: треба намъ съ того саду наломаць сучьча!—«Тэй садъ обгорожанъ камянемъ у три вярсты кругомъ, и три вярсты ўгору. Худо намъ достаць будзя! Ёсь тамъ проклятая змѣя, дакъ яна тымъ садомъ завѣдўя, и ў яè, у *тыя* у змяи ёсь три дроцины. «И хто ў садъ у тэй уляциць, и тыя дроцины краня, дакъ яна и ўзная. Ну, да садзись на мяне, поѣдземъ!» И поднялися височо, на три вярсты вышинёй, пераскόчили у тэй садъ и не крапули ня 'дные дроцины. Стали ломаць, стали—ирваць съ кажныя яблонки по сучку: конь ставъ лятаць, а енъ ломаць и ў кишены накладаць. И стояли обаполъ ганокъ тыя змяи, стояли двѣ яблонки: на 'днэй яблоки золотыя, на другой сярэбраныя. И захоцѣлось яму съ тыхъ яблонокъ отломиць по сучку. Конь тэй яму говора: «ты злѣзь зь мяне и отложи пару сучковъ зъ гэстыхъ яблонокъ. Да глядзи, ня йдзи туды, у покои, и на яè не любуйся!» Ёнъ отломивъ пару сучковъ зъ яблонокъ, и ўвыйшовъ къ ёй у покои. А змѣя спиць. Ёнъ углѣдзився у яе, улюбовався—и зь яè сонныя сокпивъ. Яна й ня ўчула. Тоды гэто ёнъ сокпивъ, а конь по колѣно камянемъ ставъ. Выходзя енъ къ коню, конь ямў говора: «ахъ, Иванька, ня треба було табѣ такъ дзѣлаць: и ты пропавъ, и я пропавъ. Идзи возьми пудъ мыла у яè ў головахъ и сотри на сябе!» Такъ ёнъ и здзѣлавъ—пудъ мыла сцёръ на сябе. Сычасъ, выскакуя енъ къ коню. «Ахъ, кажа, Иванька! Якъ можно поспѣшай: старайся ўзяць у яè у головахъ два пуды мыла, и сотри на сябе!» Такъ ёнъ издзѣлавъ, исцёръ два пуды мыла на сябе. Сычасъ, выходзя енъ къ коню: вышовъ тэй конь наверхъ, якъ бывъ, такъ и ёсь. «Ахъ, говора, Иванька! садзися на мяне, якъ можно уцекаймо отсюль, бы ты головой наложишъ, и я наложу!» Поднялись яны узновъ ў три вярсты

уцекаць и зачапили одну дроцину. Тая дроцина зазвянѣла, а яна прошнулася. «Ахъ, говора: я знаю, хто тутъ бывъ: тутъ бывъ большій Иванька. Ёнъ мой садъ обворовавъ и зь мяне скпивъ. И ничого, говбра, зь имъ ня здзѣлаешъ!»

А яны пріѣхали къ тому старику, и конь давай лятаць, а енъ яблонки саджаць. Сычасъ тыя яблонки зацвѣли того часу. И тыя, што тамъ обаполъ ганокъ выщикнувъ, посадзивъ. И тутъ обаполъ ганокъ яблочакъ золотый и яблочакъ сярэбраный. Яны зацвѣли и отцвѣли, и сычасъ яблоки поспѣли того дня. Сычасъ отписуя Иванька тому цару, кабъ ѣхавъ обсматраваць того сада. Тд бывъ садъ хорошій, а гэто ще получьчій! Царъ пославъ туды своѐ три дочи. Пошли яны полюбоватца туды на шпацыръ. Ходзили, ходзили яны по саду, любовалися, и говоруць: то бывъ садъ, а гэто лучьчій садъ! Пошли яны дальше, убачили тые яблочки, што обаполъ ганка—золотый яблочакъ и сярэбраный яблочакъ—улюбовались ими и захоцѣли ихъ выщикнуць. Што яны хочуць ощикнуць, дакъ яны угбру подымаютца. Яны спрашуюць тоды: «што ты, Иванька, хочашъ зъ насъ?»—Ничого я ня хочу, а вотъ заголися, три разы вокругъ сама сябе обкрудися, тоды дамъ!—«Хочашъ ты, Иванька, зъ насъ скпиць?»—А хбчу, кажа. Такъ яны и здзѣлали. (Ёнъ зь ихъ скпивъ). И ёнъ имъ усимъ тромъ по яблочку давъ. И приходзюць яны туды, домовъ, и говоруць: вотъ, папенька, мы такого саду ще ниразу ня видзѣли! Яны говоруць, а меньшая и говора: «коли ты мяне, папенька, ня 'тдаси за того Иваньку, дакъ ня буду жиць съ тобой!» Яна ў яго дужо улюбилася. Тоды пиша царъ къ Иваньку, кабъ ёнъ къ имъ бывъ, къ имъ пріѣхавъ. Тоды тэй Иванька отписуя цару: коли выстроя енъ отъ свойго дворца до моѐ хаты мостъ—одна мостница золотая, одна сярэбраная, и кабъ обаполъ моста дзеравъёмъ высаджано, и кабъ дзеравъё тое зацвѣло разными цвятамы—тоды поѣду!.. И гэто ня ёнъ жалая—царъ, а гэто дочь яго, што ўлюбилася ў яго крѣпко. Такъ енъ издзѣлавъ: мостница золотая, мостница сярэбраная, такъ и здзѣлавъ до яго хаты. Цяперъ Иванька зновъ отписуя: хай у сутки выстроя цэркву, и тоды я поѣду зь яго дочкой обвѣньчаюся. Такъ ёнъ издзѣлавъ. Цяперъ узновъ Иванька отписуя къ цару: кабъ бывъ подъ мяне сычасъ шасцярикъ кбній, тоды я зь яго дочкой повѣньчаюся! Такъ ёнъ издзѣлавъ. Тоды подъяжжая подъ яго шасцярикъ лошадзей, енъ и подъѣхавъ подъ царськія ганки. Яго дочь убираетца къ вянцу, садзитца зь имъ и ѣдзя у соборъ до вянца. Такъ яны поѣхали, повѣньчалися у собора. Царъ отписавъ тоды половину свойго царства свойму зяцю, половину своѐ силы—воинства. А тые два браты зъ отцомъ своимъ засталися и зъ *мацеромъ* на мѣсци.

С. Городище, быхов. у. Крест. Яковъ, 60 лѣтъ.

32. Курила Кожемяка.

Якъ то была нѣйдзи силная гора, а ў тэй горѣ живъ цмокъ. Тоды гэтый цмокъ укравъ у цара дочку. Жила яна годъ у тэй горѣ съ цмокомъ, жила два. А ў тэй горѣ была дзюрка, куды летавъ цмокъ. Разъ, якъ поляцѣвъ цмокъ, улетаець у тую дзюрку голубъ. Тоды яна написала карточку къ свойму бацьку, на ниточку привязала и начапила на шію голубу. Якъ начапила карточку, дакъ выпусцила голуба вонъ.

*

Голу̂бъ пыляцѣвъ у̂ тэй городъ, откуль цмокъ узявъ царевну, и сѣвъ на даху. Тоды людзи убачили, што у того голуба̂ нѣйкая карточка на шіи, и стали яго ловиць. Уловили, отвязали карточку отъ шіи и стали читаць. А у̂ тэй карточцы написано: «оцецъ мой любезный, достаньця мяне съ такей и съ такей горы. И больше мяне нихто не достанець, опричь Курилы Кожамяки. И вотъ якъ вы яго можецця узнаць: якъ тольки будуць топитца печки и будзець ици дымъ, дыкъ уво у̂сихъ домахъ дымъ по̂йдзець на бо̂къ, а у̂ яго прамо. Ёнъ силнѣй цмока, и кыли хочецця достаць мяне отсюль, дыкъ упросиця Курилу!»

Тоды тэй царъ собравъ стариковъ поштэнныхъ и пославъ ихъ къ Курилу, просиць, кабъ енъ доставъ яго дочку̂ зъ горы отъ цмока. Пошли цяперъ тые старики къ Курилу и стали яго просиць. Просили, просили, и кланялиси, и каралиси—ня у̂просили. Собравъ тоды царъ сяредьнихъ людзей и пославъ ихъ къ Курилу, просиць, кабъ енъ доставъ яго дочку̂ зъ горы отъ цмока. Пошли яны къ яму кланялиси, каралиси, усё просили—нѣ, ня у̂просили. Засмуцився тэй царъ и ня вѣдаець, што яму цяперъ робиць, якъ-ба-то яго упросиць. Тоды яму̂ пора̂яли особы: возьми ты, поспробуй послаць малыхъ рабятъ, можа ёнъ надъ ими изьмилуетца! Енъ послухавъ тыя рады ихныя, собравъ малыхъ дзяцей и пославъ ихъ къ Кожамяку, просиць, кабъ ёнъ сходзивъ къ цмоку за дочкой за царьской. Пошли тыя дзѣци къ Кожамяку, а ёнъ на возяри кожи мыець. Стали яны перадъ имъ плакаць, кланятца. Тоды яго бытцомъ-то узяла жаль. Разырвавъ енъ тыя кожи на чатыри часци и у̂кинувъ у возяро̂. И пославъ сказаць цару, кабъ ёнъ купивъ дванатцаць пудовъ пяньки и шесь пудовъ смолы, и доставивъ яму. Курила обвярцѣвся пянькою, обсмолився смолою, и пошовъ на тую гору̂.

Приходзиць ёнъ на тую гору̂, ажны цмокъ сичасъ вылетаець къ яму: «што, говорыць, Курила, зачимъ пришовъ сюды?»—А пришовъ, кажець за царськой дочко̂й. Отдай мнѣ яѐ!—«Нѣ, я не отдамъ царськія дочки!»—А ня 'тдаси, дыкъ мы съ тобой разбяромся! И схапилиси яны битца. Билиси, билиси съ самаго раньня до самаго повдня. Цмокъ убивъ Курилу по пяты у зе̂млю, а Курила цмока убивъ по колѣни. Тоды цмокъ кажець: «отдышемъ, Курила! Цари съ царами бьютца, короли съ королями бьютца, и то отдушку маюць, а мы съ тобой бились половина дня, и ня 'тдыхаемъ!» А Курила кажець: нѣ, я ня хо̂чу отдыхаць, битца, дакъ битца! Стали яны узновъ битца. Билиси, билиси отъ самаго повдня до самаго вечара: Курила цмоку голову̂ знявъ, а цмокъ убивъ у землю Курилу по колѣни.

Убивши проклятаго цмока, Курила раскопавъ гору̂ и доставъ царевну. И доставши царевну, приставивъ яѐ къ отцу. Царъ, увидавши свою дочку перадъ собой, крѣпко узрадовався, угосцивъ Курилу якъ можно лучьче и давъ яму̂ дужо много гро̂шей.

Вярнувся Курила домовъ и лёгъ спаць на дванатцаць сутокъ. И приставивъ ли дзярѐй часавого, и приказавъ яму такъ: которые хоцяць посмотрѣць на мяне мущины, ты пу̂скай, ну женщинъ ня 'днэй не пускай! Якъ лёгъ ёнъ спаць, тоды яго матцы крѣпко захоцѣлось на яго полядзѣць. Узяла яна, одзѣлась у мущинськую одзѣжу и приходзиць. Часовэй думавъ, што гэто мущина, и пропусцивъ яѐ у покой. Увыйшла яна туды, дзѣ ёнъ спавъ, и якъ тольки глянула на яго, такъ енъ и у̂мёръ....

Г. Сънно. Ср. Афан. I, 495, Кулишъ II, 27. Драгом. 248, кратко. Nowosielski I, 278.

33. Степанъ—великій панъ.

Якъ живъ сабѣ Сцепанъ шавецъ, и бывъ енъ большій пъяница. И такъ ёнъ распився, што нихто не дававъ яму шиць ни ботувъ, ни чыравикувъ. Пропивъ Сцепанъ усё, што ў яго було, и пошовъ у свѣтъ. Ишовъ, ишовъ и заблудзивъ у лѣси; зайшовъ у болото, у лозы, обшарпався и сѣвъ—нéкуды йци голому. Сядзиць ёнъ тамъ, у чомъ маць родзила. Ажны видзиць, бяжиць лисица къ яму: «Здраствій, Сцепанъ вяликій панъ!» А Сцепанъ кажецъ: якій я вяликій панъ—у мяне ѣсци нема чаго, одзѣтца не ўво што!—«Ничóго, кажецъ лисица, бýдзешъ вяликій панъ. Ци пошіешъ ты мнѣ чыравики, а я табѣ дзѣвку высватаю прýгожую, богатую!»—Дóбро, высватай, коли ласка: я пошію чыравики!—«Ну, сядзи-жъ тутъ да шій, а я пойду сватацъ табѣ пригожую дзѣвку!» Сцепанъ ставъ шиць чыравики лисицы (дат. пад.), а лисица побѣгла къ Грому. Бяжиць, бяжиць—сустрѣчаецъ зайца. «Куды ты бяжишъ, кумка?» патаетца заяцъ.—А къ Грому у госци!—«Возьми и мяне съ собой!»—Э, штобъ васъ зайцовъ було дзевяць, тоды бъ я ўзяла!.. Загугукавъ заяцъ, и собралось дзевяць зайцовъ, а лисица дзесятая. И пошли яны къ Грому. Пришли къ Грому. Лисица кажецъ: «Громъ, Громъ! прислав табѣ Сцепанъ, вяликій панъ дзевяць зайцовъ у госцинецъ!» —Ну, скажи Сцепану *спасибо*! И вялѣвъ загнацъ зайцовъ у хлѣвъ.

Вярнулась лисица къ Сцепану: «Сцепанъ вяликій панъ! ци пошивъ ты мнѣ чыравики?»—Нѣ ще!—«Ну, коли не пошивъ, дыкъ и я табѣ дзѣвки ня высватала!» Пошла зновъ лисичка къ Грому. Идзéць, идзéць,—сустрѣчаецъ вовка на дорози. «Куды ты бяжишъ, кумка-лисичка?»—А къ Грому у госьци!—«Возьми и мяне съ собой!»—Штобъ васъ вовковъ було дзевяць, я бъ узяла!.. Якъ завывъ вовкъ, и собралось дзевяць вовковъ, а лисица дзесятая. И пошли яны къ Грому. «Громъ, Громъ! приславъ табѣ Сцепанъ, вяликій панъ госцинца дзевяць вовковъ!»—Скажи пану *спасибо*! Запёръ и вовковъ у хлѣвъ. Вярнулась лисица къ Сцепану и патаетца: «Сцепанъ, вяликій панъ! ци пошивъ ты мнѣ чыравики?»—Нѣ, ще!—«Ну, коли не пошивъ, дыкъ и я табѣ дзѣвки ня высватала!...»

Узновъ пошла лисица къ Грому. Идзéць, идзéць—сустрѣчаецъ мядзьвѣдзя. «Лисичка—сястричка, куды ты бяжишъ?»—Къ Грому у госци!—«Возьми й мяне съ собой!» —Нѣ, цябе не возьму! Штобъ васъ було дзевяць, то бъ узяла!.. Якъ заравéць мядзьвѣдзь, и пришло дзевяць медзьвѣдзей, а лисичка дзесятая. Пошли яны къ Грому. «Громъ, Громъ! приславъ табѣ Сцепанъ, вяликій панъ дзевяць медзьвѣдзéй госцинца!» —Скажи пану *спасибо*!.. Загнавъ и медзьвѣдзей у хлѣвъ. Вярнулась лисичка къ Сцепану: «Сцепанъ, вяликій панъ, ци пошивъ ты мнѣ чыравики?»—Нѣ, ще не пошивъ!—«Дыкъ и я табѣ ня высватала ще нявѣсту!»

Тоды пошла ўзновъ лиса къ Грому. На дорози сустрѣчаецъ ильва. «Куды ты, кумка, бяжишъ?»—У госци къ Грому!—«Возьми и мяне съ собой!»—Штобъ васъ ильвовъ було дзевяць, тоды бъ я васъ узяла!.. Левъ якъ заровъ, и собралося дзевяць лявовъ, а лиса дзесятая. И пошли яны къ Грому: «Громъ, Громъ! приславъ табѣ Сцепанъ, вяликій панъ госцинца дзевяць ильвовъ и приславъ къ табѣ у сваты, къ твоёй дочцѣ. Самъ ёнъ пригожій, родня ў яго вяликая,—отдай за яго дочкý!»—Якъ

жа мнѣ ня 'тдаць своёй дочки замужъ за Сцепана, вяликаго пана, коли енъ присылаець такіе госцинцы. Тольки я ня вѣдаю, ци пойдзець дочка!... А дочка кажець: пойду! Цяперъ, вярнулася лиса къ свойму Сцепану, вяликому пану и говориць: «ну, Сцепанъ, вяликій панъ, ци пошивъ ты мнѣ чыравики?»—Пошивъ!—«Ладно, коли пошивъ; и я высватала табѣ дзѣвку богатую, у самаго Грома, да пригожую, чарнобрывую!» Надзѣла лисица чыравики ды й кажець: «добро! чыравики мнѣ прійшлиси! Цяперъ пойдземъ къ Грому жанитца!»

Пошли яны къ Грому. Бачиць лисица, вязець по дорози мужикъ возъ добра. Тоды яна говориць Сцепану: лядзи жъ, набяри добра зъ воза, якъ мужикъ побяжиць за мной! И пошла наўстрѣчь мужуку. Мужикъ якъ убачивъ лисицу, такъ и побѣгъ къ ёй. Яна отъ яго, а ёнъ за ёй. Отбѣгъ отъ воза. Тоды Сцепанъ подбѣгъ къ возу, схапивъ што зъ воза и побѣгъ у лѣсъ. А лиса сватьця за имъ. Подъѣли яны и пошли дали. Идуць узновъ дорогою. Приходзюць у городъ, на мѣсто. Лиса кажець: лядзи-жъ, Сцепанъ, вяликій панъ: якъ побягуць купцы за мной, хватай у крамахъ одзежу сабѣ! Цяперъ, якъ убачили купцы лисицу на мѣсци, такъ и побѣгли за ёй. А Сцепанъ ускочивъ у крамъ, схапивъ у вохапокъ, што попало, да й побѣгъ уцекаць. А лиса сватьця услѣдъ за Сцепаномъ. Одзѣвсь ёнъ, идуць яны ўзновъ по дорози. Ишли, ишли, приходзюць къ мосту. Лисичка говориць: «Сцепанъ, вяликій панъ! Я пойду напяродъ къ Грому, а ты разрушъ гэтый мостъ, поскидай съ сябе одзѣжу и покидай на воду!» Побѣгла лиса къ Грому и кажець: «ай сваточыкъ! пераходзили мы теразъ мостъ, мостъ обломився и потопилася уся дружина Сцепанова, а яго я чуць выхвацила! Дыкъ ёнъ сядзиць на берази, и стыдно яму ици къ вамъ голому!»—Тоды Громъ кажець: а сватьційка жъ, а миляанькая, дзякуй табѣ, што ты яго выхвацила!.. Послали подъ яго коній, дали пригожую одзежу. Ёнъ одзѣвся, и пріѣжжаець. Увыйшовъ у покой, заложивъ руки назадъ и ходзиць сабѣ, ды усё зъ боку на бокъ позираець. Тоды Громъ патаетца у лисы—сватьци: чаго гэто, сватьційка, Сцепанъ, вяликій панъ, позираець косо зъ боку на бокъ? А лисичка-сястручка говориць: гэто енъ того позираець на боки, што ёнъ у мяне николи не носивъ гэткія одзежи: енъ усягды прибирався у найлѣпшую одзежу!.. Тоды дали Сцепану перадзѣць другую одзежу, лѣпшую. Подбѣгла лисичка и шапорнула: ходзи цяперъ ровно, не позирай на бокъ! Отъ ёнъ перадзѣвся и ходзиць сабѣ по покояхъ, якъ вяликій панъ.

Ожанився енъ на Громовой дочцѣ, згуляли вясельля, тоды лисица говориць: ты, Сцепанъ, вяликій панъ, тутъ будзь, а я побягу! А Громъ спрашуець: куды жъ ты, сватьця, бяжишъ?—А вѣдымо-жъ—сватьця: треба ўсё приготоваць! Надо якъ треба устрѣциць Сцепана вяликаго пана, зъ молодзицай!.. И побѣгла. Бяжиць, бяжиць—пасетца стадо воловъ. Яна пытаетца у пастуховъ: «пастухи, пастухи, чіѐ гэто волы?» —Змѣя Горымца!—«Ай, пастухи: коли у васъ хто спросиць, чіѐ гэто волы, дыкъ не кажиця, што Змѣя Горымца, а скажиця, што Сцепана, вяликаго пана. А то, ѣдзець Громъ зъ Молоньнёй, енъ пупалиць и пусмалиць васъ, коли вы гэтакъ не скажиця!» —Добро, скажамъ сабѣ й такъ!

Побѣгла лисичка дальше, видзиць табунъ лошадзей. «Пастухи, пастухи! чіѐ гэто кони?»—Змѣя Горымца!—«Ай, пастухи, пастухи! не кажиця Змѣя Горымца, а кажиця

Сцепана, вяликаго пана! А то ѣдзець Громъ зъ Молоньней, ёнъ васъ побьёць и пупалиць, коли не будзеця такъ казаць!»—Дóбро, скажамъ!

Побѣгла лисичка дальше, бачиць—пасéтца стадо коровъ и овецъ. Яна пытаетца у пастуховъ: «пастухи, пастухи, чiё гэто стадо коровъ и овецъ?»—Змѣя Горымца!—Ай, пастухи: не кажиця вы, што гэто Змѣя Горымца, а кажиця, што Сцепана, вяликаго пана. А то ѣдзець Громъ зъ Молоньнёй, ёнъ васъ побьёць и пупалиць!»—Добро, скажамъ и такъ. Бяжиць лисица дальше, ажны видзиць—жнуць жнейки. Яна спрашыець: чiè вы, жнейки?—Змѣя Горымца!—«Ай, жнейки: ѣдзець Громъ зъ Молоньнёй: енъ васъ и пупалиць и пусмалиць, коли вы будзеця казаць, што вы Змѣя Горымца. Вы кажиця, што вы Сцепана, вяликаго пана!» А жнеи кажуць: дóбро, скажамъ!

А лисица побѣгла дали. Глядзиць, ажны косюць косцы. «Косцы, косцы, чiе вы?» —Змѣя Горымца!—Ай, косцы: ѣдзець Громъ зъ Молоньнёй: енъ васъ и пупалиць и пусмалиць, коли вы будзеця казаць, што вы Змѣя Горымца. Вы кажиця, што вы Сцепана вяликаго пана!»—Дóбро, скажамъ! Побѣгла лисица дальше, видзиць, стоиць домъ на два вянцы, вокругъ слуги ходзюць. «Слуги, слуги, чiй гэто домъ?»—Змѣя Горымца!—«Ай, слуги: ѣдзець Громъ зъ Молоньней: енъ васъ пупалиць, пусмалиць, коли вы будзеця такъ казаць. Вы кажиця, што вы Сцепана, вяликаго пана!»—Дóбро, скажамъ!.. Убѣгла лисичка ў покои, бачиць, Змѣй и Змѣя збираютца ици на прохацку. Лисичка говориць: «ци вѣдаеця што? Ѣдзець сюды къ вамъ Громъ зъ Молоньнёй: енъ васъ побьёць и пупалиць, кыли вы ня схуваецесь. Ты, Змѣй, схувайся у дуплё у тэй дубъ, што ли палацовъ стоиць, а ты, Змѣя, лѣзь подъ мостъ!» Похувались Змѣй изъ Змяёю, а лисичка осталась ходяйкой у доми: жджèць Сцепана, вяликаго пана зъ молодухой и тьсцями.

Ѣдуць яны уже, Громъ зъ Молоньнёй, къ Сцепану, вяликому панъ догуливаць вясельля, бачуць большое стадо воловъ. Громъ патаетца у пастуховъ: чiè гэто волы?—Сцепана, вяликаго пана! Поѣхали дальше, бачуць большiй табунъ лошадзей. «Чiè гэто кони?»—Сцепана, вяликаго пана! Громъ тэй ажны радýетца! Ѣдуць дальше, бачуць стадо коровъ и овецъ. «Эй, пастухи, чiè гэто коровы да овцы?»—Сцепана, вяликаго пана! Прiѣхали къ жнейкамъ, Громъ патаетца: жнейки, чiè вы? А жнейки кажуць: Сцепана, вяликаго пана! Поѣхали дальше, бачуць косцовъ: «Косцы, косцы, чiè вы?»—Сцепана, вяликаго пана! Ѣдуць яны дальше, видзюць домъ на два вянцы, большiй, пругожiй. И вокругъ слуги ходзюць. Громъ патаетца у слугъ: «чiй гэто домъ?» —Сцепана, вяликаго пана! Громъ думаець: во, богатый якiй гэтый панъ!

Выбѣгаець лиска сватьця, сустрѣчаець ихъ на крылцы и вядзéць у покои. А Сцепанъ вяликiй панъ тольки дзивитца. Увыйшли яны у покои, лиска подсѣла къ Грому и кажець: «Громъ, Громъ! я николи ня видзѣла, якъ ты грымишъ и якъ Молоньня блiскаець. Покажи ты мнѣ, стукни вотъ суды у гэтый дубъ, у дуплё!» Громъ якъ загудиць, якъ загрымиць, якъ стукнець у дуплё—разбивъ дуба ўмѣсци зъ Змѣемъ, а Молоньня спалила. Тоды лиска узновъ говориць: «Громъ, Громъ, я заглѣдзилась и ня видзѣла, якъ ты ударивъ. Стукни ще вотъ у гэтый мостъ!» Громъ якъ загудзиць, якъ загрымиць, якъ стукнець у мостъ—и разбивъ яго умѣсци зъ Змяёй, а Молоньня спалила!..

Такъ кумка—лиска—сватьцюшка здзѣлала ўсё, што хоцѣла. Стали яны тамъ пиць—гулядь, добрыя мысли мадь, и застався Сцепанъ, вяликiй панъ у тымъ дом

ходяиномъ, и ставъ наживаць яще большаго добра. И я тамъ была, медъ-вино пила, по бородзѣ цякло, а ў ротъ ня пупало. Дали мнѣ смыкъ—я пудъ вороты шмыкъ; дали мнѣ чыпялу—я побѣгла пы сялу; дали мнѣ блинъ, што три годы гнивъ. Я за тэй блинъ да домовъ. Выскочили дзѣвки, молодзицы, кричаць: блинъ, блинъ! да за мной! Я давай тэй блинъ по кусочкамъ ирваць, да имъ кидаць. Такъ увесь и раздзялила тэй блинъ. А сабѣ ничого й не осталось.

С. Ульяновичи, сѣнн. у. Зап. С. М. Космачевская. Ср. Афан. IV, 42, Сад. 82, Чубин. 204

34. Иванъ-царъ Копицкій.

Живъ сабѣ такъ одинъ ўюношъ, звали яго Иванъ. И яго ня було ниякихъ *родиталявъ*: ёнъ живъ одинъ. Наймѐтца сабѣ гдѣ у паробки, и живе. Отъ, разъ, договорився ёнъ служить у хозяина на цэлный годъ. И за скольки енъ у яго нанявся—за 'динъ шагъ (т. е. полкопѣйки, денежка). Прослуживъ енъ щиро етый годъ и дае яму̀ хозяинъ десять карбо́ванцовъ и хлѣба на дорогу. Ёнъ жа не бярэ етыхъ грошай, ни хлѣба, узявъ тольки одинъ заро́бляный шагъ, пообѣдавъ, попрощавсь съ хозяиномъ и пошовъ. Дойшовъ енъ до крыницы, шагъ етый узявъ и кинувъ у крыницу. А самъ пошовъ у другую дярэвню, и ставъ тамъ ще на годъ у хозяина—за два шаги (т. е. 1 коп.) Прослуживъ енъ тамъ цэлный годъ, хозяинъ дае яму дватцать карбованцовъ за яго працу и хлѣба на дорогу. Енъ жа не бярэ етыхъ грошай, ни хлѣба, а бярэ тольки своѐ заро́бляные два шаги. Пообѣдавъ, попрощався, и пошовъ. Пришовъ енъ къ самой той крыницы и укинувъ своѐ два шаги. Сѣвъ тамъ, отдыхавъ, и пошовъ дальшъ. Приходя зновъ у другое сяло, и договоривсь тамъ у хозяина на годъ за тригро́ши ($1^1/_2$ коп.) Выслуживъ ёнъ етый годъ, дае яму̀ хозяинъ расчотъ: дае яму тритцать карбованцовъ, и хлѣба й сала на дорогу, за яго працу. Енъ кажа: на што мнѣ тритцать карбованцовъ, коли я договаравався за три гроши? Ня ўзявъ енъ тыхъ грошай, а ўзявъ своѐ заро́бляные три-гроши, пообѣдавъ, узявъ хлѣба на дорогу и сала, попрощавсь и пошовъ. Вышовъ ёнъ у поля, доходя до той самой крыницы, и етыхъ три-гроши укинувъ. Самъ пошовъ подъ *копу*, сѣвъ да й давай хлѣбъ ѣсть и сало. Нѐчимъ яму було рэзать, дакъ енъ исъ цэлаго и кусая.

Ажъ во, бягить лисичка-сястричка: «драстуй, Иванъ, царъ *Копицкій*!»—Здоровъ, лисичка-сястричка!—«Дай и мнѣ хлѣбца!»—Да я давъ ба, дакъ во̀—ножика няма, нѐчимъ отрэзать!—«Погуляй-ка, я достану!» Побѣгла ў сяло, украла ножикъ и приноси. Вотъ Иванъ порэзавъ хлѣбъ и сало, сѣли яны удвохъ, и давай ѣсти хлѣбъ да сало, полудновать. Тогды лисица спрашуя у Йвана: а што, Иванъ, царъ Копицкій: ти ты холостый, ти жанатый?—Холостый, кажа Иванъ. Яна тогды кажа: ну, Иванъ, я за тябе пойду ў сваты къ Грому! А енъ отказуя: Якъ жа! Тамъ за тябе ня 'тдадуть!—Нѣ, отдадуть! Я побягу, а ты обжидай мяне тутъ!.. Побѣгла лисичка лѣсомъ, а на сустрэчу ёй мядьвѣдь иде: «драстуй, лисичка-сястричка!»—Здоровъ!—«Куды ты йдѐшъ?»—А за вами медьвѣдями: заўтра ў Грома болшій празьникъ, то ёнъ и васъ медьвядёвъ прося къ сабѣ. Дакъ позбирай хутчѣй усихъ медьвядёвъ, да й по́йдомъ заўтра ўрани. Мядьвѣдь пошовъ збирать, а лисица побѣгла даляй. Бѣгла, бѣгла, сустракаетца вовкъ:

«драстуй, кумка-голубка, куды ты йдѐшъ?»—А за вами вовками: заўтра у Грома болшій празьникъ, то ёнъ и васъ вовковъ прося къ сабѣ. Дакъ вотъ позбирай усихъ вовковъ, да заўтра и пойдомъ урани! Вовкъ побѣгъ збирать по лясу вовковъ, а лисица пошла даляй. Бягить заяцъ. «Драстуй, кумка-голубка! Куды ты йдѐшъ?»—А по васъ, зайцо́въ: заўтра у Грома болшій празьникъ, то просивъ ёнъ и васъ зайцовъ къ сабѣ. Иди хутчѣй збирай усихъ зайцо́въ, да й пойдомъ!..

Назаўтраго ўрани позбирались усѣ мядьвѣди, вовки, зайцы съ усяго лѣсу. Вотъ лисица и повяла ихъ къ Грому. Приводя туды, поставила ихъ на дворѣ, а сама пошла у хату. «Драстуй, Громъ!—Здоровъ, лисичка-сястричка!—«Пришла я къ табѣ, Громъ, у сваты за Ивана, цара Копицкаго. Вунъ ёнъ прислалъ табѣ звяровъ, дару́я!» —Спасибо. А чаму жъ Иванъ самъ ня пріѣхавъ ко мнѣ у сваты?—«Да яму стыдно показатца суды!»—Зачимъ такъ?—«Да енъ ѣхавъ зъ города, на яго напали разбойники и ободрали яго: и ко́няй узяли и повозку, и оде́жу зняли. То ёнъ и ня йдѐ суды, а тамъ сидить подъ копой!» Тогды Громъ прыказавъ загнать звяровъ у звярыняцъ, а лисицы дать ко́няй съ кучаромъ, и давъ одежу ли Йвана. Лисица поѣхала къ Ивану и кажа: «одявайся у ету оде́жу, поѣдомъ къ Грому!» И наўчила яго, якъ и што казать Грому. Ну, енъ одѣвсь, и поѣхали. Пріяжжаять туды. Громъ узявъ яго подъ-пашки и повъёвъ у комлаты. Вотъ яны повяньчалися зъ Громовой дочкой и стали жить у Грома. И лисица зъ ими.

А на тымъ мѣсти, коло той крыницы, што енъ укинувъ три копѣйки, вышла цэрква, и на вярху написано золотыми литарами: Ивана, царя Копицкаго.

Вотъ, пожили яны мѣсяцъ, а можа два, у Грома, стала тогды лисица говорить Иваньку: «ну, Иванъ, проси Грома, штобъ намъ ѣхать у своё царство!»—А дѣ-жъ яно?—«Да ты тольки ѣдь!» кажа лисица. Отъ Иванъ ставъ просить Грома, штобъ ѣхать у яго царство. Громъ кажа: ну, поѣдомъ! Узяли, запрагли коняй и поѣхали. Ѣдуть и бачать тую цэркву. Громъ и читая: Ивана, царя Копицкаго! А Иванъ кажа: такъ, вѣрно, ето моя цэрква. А лисица побѣгла упяродъ. Отъ яна бягить, бягить, бача—пасуть пастухи стадо коняй. Прибѣгла яна къ имъ: «драстуйтя, пастухи!»—Здоровъ!—«А што, чій ето *скотъ*?»—Зміёвъ!—«Вотъ жа, кажа лисица: ѣдя тутъ Громъ, и спрося у васъ, чій ето скотъ, то вы скажитя: ето скотъ Ивана, царя Копицкаго! А коли скажатя: зміёвъ, то ёнъ васъ убъе и скотъ забярэ!»—До́бро, кажать пастухи. Вотъ лисица и побѣгла дальше. Дояжжаять до пастуховъ Иванъ да Громъ. Громъ и пытая: чіѐ ето кони?» А пастухи кажать: Ивана, царя Копицкаго!—Такъ, вѣрно кажа Иванъ: ето моѐ кони! А лисица добягая до другихъ пасту́ховъ, што пасли коровъ. «А што, чій ето скотъ?»—Ето скотъ зміёвъ!—«А вотъ што: ззаду ѣдя Громъ. Ёнъ спрося у васъ, чій ето скотъ, то вы скажитя: Ивана, царя Копицкаго! А коли скажатя—зміёвъ, то ёнъ васъ убъе и скотъ съ собой забярэ!—Добро, скажамъ!.. Побѣгла яна дальшъ. Дояжжаять Иванъ и Громъ до тыхъ пасту́ховъ, Громъ спрашуя: а што, чій ето скотъ?—Ивана, царя Копицкаго!—Такъ, вѣрно, ето мой скотъ, кажа Иванъ.

Добягая лисица до го́рода. Прибѣгла яна къ змѣю и кажа: вотъ, ѣдя суды Громъ, то я боюсь, коли бъ ёнъ тябе ня страбивъ. Сховайсь ты лучь, покуль ёнъ тутъ

погостюя. А штобъ енъ ня такъ сярчавъ, вяли *побликовать*, што ето городъ Ивана, царя Копицкаго, и штобъ сустрѣли яго зъ вяликою милостю и ў твой домъ привяли!.. Отъ, змѣй сховався у дуплё на тое дераво, што стояло на дворѣ проти вокна. А люди поѣхали на сустрѣчу Грому, сустрѣли яго зъ вяликою милостю и привяли у домъ змiёвъ. Тогды лисица кажа Ивану: прикажи ты своимъ слугамъ, што бъ у ето дераво съ пушки выстралили, и ўсё, што ў ёмъ è, штобъ спалили: тамъ сядить змѣй, котораго етый домъ!» Отъ, сичасъ слуги выстралили съ пушки, и тое дераво разбили на мелкiя щепочки и спалили.

Громъ тогды, погостювавши, поѣхавъ домовъ, а Иванъ, царъ Копицкiй ставъ тамъ царовать умѣсто змѣя зъ Громовой дочаръю. Посля етаго здѣлали пиръ на ўвесь мiръ, и я тамъ бывъ, мéдъ-вино пивъ, по вусамъ тякло, а ў роти ня було.

Гомельск. у.

35. Панъ Копичинскiй.

Жили были сабѣ такъ два браты. Жили яны богато и ня видзили бяды. Тоды яны пошли искаць бяды. Ишли, ишли, у кого ня спытаютца, нихто имъ бяды не нараиць. Пошли яны щè дали и видзюць раку. А ў тэй рацѣ сядзиць баба по вуши у грази. Стали яны у яè пытатца бяды, а ина кажець: «выцягниця мяне, тоды скажу!» —Нѣ, скажи, тоды выцягнемъ!—«Нѣ, выцягниця, тоды скажу!» Алитки яны яè выцягнули. Тоды яна кажець: «зайдзиця за горў, тамъ убачиця дворъ, шастоколомъ обнéсяный: о тамъ бяда живéць!» Яны подзяковали и пошли. Пришли къ тому двору, а тэй дворъ зъ дванацаци ворóтами, а тэя ворóты порасчиняты. Тоды яны зайшли на дворъ. Якъ тольки узойшли на дворъ, вороты зачинилиси. Приходзюць къ хаци, двери расчиняты, а якъ зайшли яны ў хату, двери зачинилиси. А ў тэй хаци тольки печь ды столъ стóиць, а на тэй печи ляжиць ды сушитца баба, якую яны выцягнули. Стояць яны ды боятца. А баба ўстала, узяла сякеру ды кажець: который зъ васъ старѣйшiй братъ? А ёнъ кажець: я! Яна ямў головў отсѣкла, тоды сьпякла и зьѣла. Сама залѣзла на печь ды й заснула. А другiй братъ думаець: якъ бы тутъ вылязьци? На другiй дзень яна ўстала, ды Богъ ёй давъ слѣпотў. Яна кажець: дзѣ ты, дзицятка? А ёнъ кажець: тутъ, бапка! Ды самъ бѣгаець по вуглахъ. «Идзѣ ты, дзицятка?»—Тутъ, бапка!—«Идзѣ ты, дзицятка?»—Тутъ, бапка! Бѣгали, бѣгали по хаци, тоды видзиць енъ—расчинилиси двери. Енъ тоды побѣхъ на дворъ ды сховався у вовчарникъ и сядзиць. «Идзѣ ты, дзицятка?»—Тутъ, бапка! Пришла яна тоды у вовчарникъ и стала у дверахъ. Ставъ ёнъ ёй подаваць овечакъ. Яна ухопиць, головў отсячèць ды й кинець черазъ шастоколъ. Енъ подась, яна отсячèць головў ды й кинець черазъ шастоколъ. Перадававъ ёнъ ёй усихъ овечакъ—осталàся тольки одна. Енъ ёй подавъ яè ды й самъ уцупивея крэпко у вовну. Баба ухапила овечку, отсѣкла ёй голову, ды й перакинула черазъ шастоколъ, перакинула исъ овечкой и того чаловѣка. Якъ тольки перакинула, дыкъ вороты уси и отчинилиси, и баба стала видзиць. Тэй чаловѣкъ побѣхъ уцекаць, а баба за имъ. Яна кажець: догоню! А енъ кажець: не догонишъ!—Догоню!—Не догонишъ!—Догоню!—Не догонишъ! Бѣгла, бѣгла

не догнала. Пусцила баба за имъ сякерку. А сякерка попала не ў яго, да ў дупъ. Енъ думаець сабѣ: *возьню* топоръ! Тольки притронувся, а рука и пристала къ сякерцы. И баба набягаець. Енъ тоды руку по локоць откруцивъ, ды й побѣхъ. А баба узяла сякерку, руку зьѣла и пошла домовъ.

Тэй чаловѣкъ ишовъ, ишовъ, ашъ видзиць копа сѣна. Енъ сѣвъ подъ тэй копой, и сядзиць. А рука болиць, ѣсци хочетца!... Бяжиць коло тые копы лисица, убачила яго ды кажець: «здоровъ, панъ Копичинскій!»—Здоровъ!—«Што сядзишъ тутъ?»—А што шъ, рука болиць, ѣсьци хочетца.—«Ну, циху: я табѣ ѣсьци дамъ!» Пошла йна искаць ѣсьци, ашъ вязуць баранки. Яна лягла на дорози ды й ня дышиць. Наѣхали на яё, ўзяли ды положили на посьлѣдній возъ. А лисица поповыкидала уси баранки ды подобрала и принясла Копичинскому. Тоды енъ подъѣвъ ды кажець: цяперъ, нема у мяне чаго надзѣць! Лисица пошла искаць яму одзёжи, ды видзиць, вязуць солдатамъ шанялѝ, штаны. Яна легла на дорози и ня дышиць. Яны яѐ узложили на возъ, а яна поповыкидала одзежу и уцекла. Позвала Копичинскаго, енъ подобравъ и надзѣвся. Тоды лисица кажець: ци хочешъ жанитца, я цябе ожаню! А ёнъ кажець: хочу! Тоды лисица побѣгла у сваты къ цару Грому и высватала за Копичинскаго яго дочкў. Стали збиратца къ вянцу. Лисица побѣгла къ Копичинскому ды кажець: лѣзь по шію у воду ды пусьци свою одзежу на воду. Ёнъ улѣзъ у воду по шію, пусцивъ одзёжу на водў, а самъ якъ ба тонець. Лисица побѣгла къ Громў ды кажець: ѣдзьця скорэй, а то панъ Копичинскій утопитца! Яны поѣхали, выцягнули яго зъ воды, ды дали яму одзежу дужо хорошую. Тоды енъ надзѣвся ды кажець: «у мяне було гэткихъ восямъ, ды я ихъ объ землю бросивъ! Што гэто за 'дзёжа?» Поѣхали яны къ вянцу, перавяньчалиси и поѣхали домовъ. А лисица побѣгла попераду, ды видзиць, пасуць кóній. Яна подбѣгла къ пастухамъ, ды кажець: чіѐ гэто кони? А яны кажуць: цара Зьмѣя! А лисица кажець: «ня кажиця, што цара Зьмѣя, а кажиця, што пана Копичинскаго. А то ѣдзець яго цесь (тесть), царъ Громъ, дыкъ енъ васъ побъёць!» Ды сама побѣгла дали. Бѣгла, бѣгла, ашъ видзиць, пасуць коровъ. Ина побѣгла къ пастухамъ ды кажець: «чіѐ гэто коровы?» А яны кажуць: цара Зьмѣя!—«Ня кажиця, што цара Зьмѣя, а кажиця, што пана Копичинскаго. А то ѣдзець цесь яго, царъ Громъ, дакъ енъ васъ побъёць!» А сама побѣгла дали. Бѣгла, бѣгла, ашъ видзиць—пасуць гусей. Ина кажець: чіе гэто гуси?—Цара Зьмѣя!—«Ня кажиця, што цара Зьмѣя, а кажиця, што пана Копичинскаго. А то ѣдзець яго цесь, царъ Громъ, дыкъ енъ васъ забъёць!» А сама побѣгла дали. Бѣгла, бѣгла, ашъ видзиць—пасуць сьвиньней. Тоды яна кажець пастухамъ: чіе гэто сьвиньни? А яны кажуць: цара Зьмѣя!—«Ня кажиця, што цара Зьмѣя, а кажиця, што пана Копичинскаго. А то ѣдзець яго цесь, царъ Громъ, дакъ енъ васъ забъёць. Тоды лисица побѣгла къ самому цару Зьмѣю, ды кажець: «ховайся, царъ Зьмѣй, а то ѣдзець царъ Громъ, дыкъ ёнъ цябе забъёць!» А енъ кажець: куды жъ мнѣ ховатца?—А ў гэтый дупъ, у дуплё! Тоды енъ улѣзъ у дуплё исъ сямъёй, а лисица закрыла ихъ.

Ѣдзець царъ Громъ коло пастуховъ. У кого ни спытаетца: чій гэто скотъ? Уси кажуць: пана Копичинскаго. Пріяжжаюць икъ дому, а лисичка наготовила ѣсьци. Увыйшли яны ў хату, побѣдали. Тоды лисица кажець на цара Грома: вотъ, кажець, царъ Громъ! ты якёя каменьня разьбивавъ, якёя дзярэвъя разьбивавъ, якея дворы разьби-

вавъ, а гэтаго дуба ня разобъёшъ!» Ёнъ якъ усердзитца, якъ ударицъ у дуба—дыкъ дубъ и разьбився у тресочки!... Справили яны вясельля, и Копичинскій ставъ царовацъ у царству Зьмѣя-цара. На тымъ вясельли и я бывъ. Коли вясельля коньчитца, тоды моя басьня продовжитца.

Д. Богданово, ульян. вол. сѣнн. у. Крест. Ѳедосъ Осиповъ.

36. Попелышка.

У воднэй хаци на 'дзиноцы живъ сабѣ Попялышка и котъ. Попялышка ўсё ў ямцы кычався у пóпяли, а котъ живъ на печи. Жили яны гэтыкъ довго. Одзинъ разъ котъ кажецъ Попялышку: «слухай, Попялышка! Што мы такъ живемъ цэлый вѣкъ? Пойду я къ Грому и къ Молоньни у сваты, и высватаю табѣ ихную дочку̀, и ты оженисься!» А Попялышка кажецъ: «ку́ды мнѣ жанитца? У мяне нема ни одзе́жи, ни людскосци; я ўсё кычаюся у попяли, а ты хочашъ мяне жаницъ на Громовой и на Молоньниной дочцѣ!»—Нѣ, ожаню, кажецъ котъ. И пошовъ у сваты. Ишовъ, ишовъ, и теразъ три дни приходзицъ икъ Грому. Увыйшовъ у яго пылацы. Громъ якъ убачивъ кота,—ахъ кажецъ, якій славный котокъ! Узявъ яго на ўлоньни къ сабѣ и ставъ гладзицъ. А котъ кажецъ: «я къ табѣ, Громъ, ня гуляцъ пришовъ, а чувъ, што у васъ ёсь дочка̀, дыкъ я пришовъ у сваты. Ды сватыю не за простого, а за пана Попялышку!» Громъ зъ Молоньнёй пырадзились, пырадзились, ды й сыгласились отдацъ дочку̀ за Попялышку. Згуляли яны запоины, и котъ-сватъ на запоинахъ троху подпивъ; мусили яго ня пусцицъ проци ночи у дорогу. Нызаўтраго енъ уставъ, пыхмялився, и кажецъ на Грома: «ну, я пойду ужо ды пана Попялышки. А теразъ днёвъ скольки мы будземъ икъ вамъ. Тольки я видзѣвъ у васъ дзиравые мосты на дорози, дыкъ вы прикажиця ихъ пыладзицъ, а то якъ бу́ду я ѣхыцъ съ своёй дружиной, дыкъ часомъ увалюся!» Попрощався ёнъ зъ Громомъ, зъ Молоньнёй, и пошовъ домовъ. Ишовъ, ишовъ, приходзицъ къ тэй хаци, идзѣ шіюцъ красныя шапки. Енъ назьбиравъ шматъ красныхъ окраекъ, и приносицъ ихъ домовъ. «Ну, кажецъ, Попялышка: высватавъ я табѣ Громуву дочку!» А самъ сѣвъ шицъ съ тыхъ окраекъ шапки. Нашивъ енъ ихъ дужо много, цэлый мѣхъ. Тоды узяли яны съ Попялышкомъ гэтый мѣхъ шапокъ, и пошли къ Грому. Ишли яны, ишли, дойшли до мосту, котъ узявъ да й поўкидывавъ у воду шапки! Приходзюцъ яны къ Грому. Котъ жа пошовъ у станьцыю, а Попялышка убачивъ первую печь, дыкъ и ставъ кылы яѐ, и ўсё глядзицъ у попелъ у ямку. Тоды Громъ кажецъ: а дзѣ жъ панъ Попялышка? А котъ говорицъ: «ахъ, кабъ ты знавъ, панъ Громъ, што у насъ злучилося! Мы якъ ѣхали, тольки доѣхали ды моста, а енъ и провалився; дыкъ и дружина уся пытопилася, тольки шапки пóвярху плаваюцъ, и кони, и коляски, и одзе́жа яго хорошая. Дыкъ енъ у дрэнной одзе́жи стыдзитца сюды йци!» Тоды яны узяли яго *надзѣли* у хорошую одзе́жу, и згуляли вясельля.

Цяперъ кажуцъ Молоньня и Громъ: ну, цяперъ поѣдземъ къ табѣ, пывязёмъ свою дочку! Тоды котъ кажецъ: «енъ чаловѣкъ одзинокій, у яго некому прибрацъ пылацевъ. А якъ вы поѣдзеця къ яму, дыкъ у неприбраныхъ пылацахъ будзецъ няпругожа. Дыкъ вы тутъ пыдождзиця, а я пойду, прибяру яму палацы!» Яны осталиси, а котъ

побѣгъ отъ ихъ. Бяжицъ енъ дорогой—ажъ косицъ дужо много косцовъ. Котъ пытаетца: чіѐ вы? А косцы кажуцъ: вужо́вы. Тоды котъ кажецъ: «не кажиця-вужовы, а кажиця пана Попялышки, бы ѣдзецъ тутъ Громъ изъ Молоньней, дыкъ яны васъ и спалюцъ и ссмалюцъ, коли вы скажаця, што вужовы!» Тоды побѣгъ енъ дали, видзицъ —жнѣцъ дужо много жонокъ. Котъ прибягаецъ къ имъ и пытаетца: чіѐ вы? А жнеи кажуцъ: вужовы!—«Не кажиця-вужовы, а кажиця пана Попялышки; а коли скажаця вужовы, дыкъ тутъ будзецъ ѣхацъ Громъ зъ Молоньней, яны васъ испалюцъ и ссмалюцъ!» Тоды побѣгъ дали, ажъ пасьцитца дужо много коровъ и овечакъ. Котъ пытаетца у пастуховъ: чіѐ гэто коровы и овечки? А пастухи кажуцъ: вужовы! А котъ кажецъ: «не кажиця вужовы, а кажиця, што мы пана Попялышки, кыли ў васъ хто спытаетца. Бы тутъ будуцъ ѣхацъ Громъ изъ Молоньней, дыкъ яны васъ спалюцъ и ссмалюцъ.» Тоды бяжицъ енъ дальше, видзицъ—дужо пругожій пылацъ. А ў гэтымъ пылаци живъ самъ вужъ. Прибягаецъ ёнъ къ вужу. Вужъ якъ убачивъ кота, уловивъ яго, пысадзивъ на ўлоньня, гладзицъ яго и кажецъ: ахъ, якій славный котокъ, дайця яму ѣсьци! Яму того часу налили ѣсьци. Енъ подъѣвъ и кажецъ: ахъ, панъ Вужъ! Я прибѣгъ цябе перасцерагчѝ; бы ѣдзецъ Громъ изъ Молоньнёй, дыкъ я чувъ, што яны радзилиси цябе и спалицъ и ссмалицъ! Вужъ спужався и кажецъ: а дзѣ жъ мнѣ дзѣтца? А котъ кажецъ: а ў цябе на поли ёсь большій дужо дубъ, дыкъ ты улѣзь у дуплё и сядзь. А Громъ якъ выраѣдзецъ, дыкъ я табѣ тоды скажу, дыкъ ты вылязишъ. Вужъ пошовъ ды й сѣвъ у дуплѣ. А котъ побѣгъ назадъ. Прибѣгаецъ къ Грому и кажецъ: ну, ѣдзь, я ўжо приладзивъ пылацы! Громъ запрогъ буды восьмёркой и поѣхавъ къ Попялышку зъ жонкой, зъ дочкой, съ котомъ и съ Попялышкомъ. Ѣдуцъ яны и видзюцъ дужо много косцовъ. Громъ пытаетца: чіѐ вы косцы? А яны кажуцъ: Попялышковы! Поѣхали дали, видзюцъ дужо много жней. Тоды пытаетца Громъ: чіѐ вы? А жнеи кажуцъ: Попялышковы! Тоды поѣхали яны дали, ажъ насьцюцъ пастухи дужо много коровъ и овецъ. Громъ пытаетца: чіѐ вы? А пастухи кажуцъ: Попялышковы! Тоды пріѣхали яны у дворецъ. Котъ кажецъ: ну, злѣзайця! гэто Попялышковъ дворецъ! Громъ зъ Молоньней, и зъ дочкой, и съ Попялышкомъ, вылязли зъ буды и пошли у пылацъ. Увыйшли у сярѐдзину, а тамъ ажъ золото капыецъ. Сѣли зы столы, а на столахъ тольки птушаччаго молока нема, а то ўсё ёсь!

И пычали яны гулярь вясельля у Попялышки. Отгуляли вясельля, тоды котъ кажецъ: вотъ, панъ Громъ изъ Молоньней! Тутъ дужо до́бро намъ було и будзецъ жицъ; али тутъ ёсь вужъ, дыкъ енъ намъ житьця не дае́цъ! А Громъ кажецъ: а дзѣ енъ живе́цъ?—А вотъ я, кажецъ котъ, васъ пывяду! И повёвъ Грома и Молоньню къ дубу, дзѣ сядзѣвъ вужъ. Якъ привёвъ ихъ къ дубу, ды показавъ гэтый дубъ—Громъ якъ давъ пяруномъ—дыкъ дубъ и расщапивъ! А Молоньня якъ свиснула—дыкъ и загорѣвся и дубъ и вужъ, и згорѣли! Тоды Громъ попрощався зъ дочкой и зь зяцемъ и поѣхали домовъ. А Попялышка ставъ жицъ у вужовымъ холива́рку.

И ужо якъ ставъ паномъ, дыкъ ужо ня лазивъ у ямку у попялъ. А котъ бывъ у яго комисаромъ...

Д. Слидцы, лукомльской вол. сѣнн. у.

Отъ кр. Данилы Клементьева запис. кр. Миронъ Позиякъ.

37. Тритцаць три сыны, два и одзинъ.

Вотъ были такъ сабѣ бацька и матка. И мѣли яны тритцаць три сыны, два и одзинъ. И етый одзинъ, бо́лшій сынъ, бывъ дуракъ. Были яны дўжо зъ бѣднаго зложенія; а покуль етыхъ сыновъ порасцивъ, бѣдзякъ моцно ставъ. Порасцивъ ёнъ сыновъ, посправлявъ усимъ имъ топоры: тритцаць три топоры, два и одзинъ. Пошли яны логъ церабиць на сѣнокосъ. Выцерабивши логъ, дождались яны уремъя того, што треба косиць. Поѣхавъ бацька у мясцечко, купивъ тритцаць три косы, двѣ и одну. Выкосили яны логъ. Яны жъ—тритцаць три и два—особянно косили, а дуракъ особянно сабѣ косивъ. И выкашуа ёнъ одзинъ туу часъ, акъ тыа уси своимъ семяйствомъ выкашуюць. Дождались погоды, сѣно тоа пограбли, посклали ў стоги, а дуракъ своу часъ особянно. Приходзюць домовъ, и спрашуа бацька у ихъ: идзѣ, каа, вашъ братъ, дуракъ нашъ? Што вы яго бросили? Яны гуво́рапъ: «ахъ, бацюшка! А што мы яму здѣлаамъ, коли ёнъ силный: ёнъ такіа копы зло́жаа укучу, акъ мы стоги. То мы ничо́го ня можамъ здзѣлаць!» Ну, акъ отцу, стало жалко свуго сына дурака, то пушовъ енъ на работу къ яму самъ. Приходзя къ дураку, дуракъ и гувора: «благодару табѣ, оцецъ, што ты мяне не поконавъ!» И цяперъ, дуракъ ставъ своѐ копы къ одонищу цягаць на своихъ плячахъ, акъ на конй, и ўссадзивъ свуго бацьку на до́нища и зачавъ у стогъ складаць сѣно. Исклавши у стогъ сѣно, кинавъ бацьку на стогу и пушовъ самъ думовъ. Пришовъ думовъ, спрашуюць у яго брацьця яго: «идзѣ ты бацьку дзѣвъ?»—А на стогу! —«Коли-жъ мы яго возьмямъ?»—«Акъ за сѣномъ поѣдомъ, тоды й возьмямъ! Ну, акъ имъ жалко отца свого, дакъ яны узяли, пошли да й зняли отца съ стога, ня дожидаючись.

Акъ стояци сѣну тому, дакъ до восеньска уремъя. А въ восянь гуворацъ разумныа дураку: «дуракъ, а вицъ наша сѣно кони чужіа поѣли!» Дожидаетца ёнъ ношного уремъя, дуракъ, и идзе на сторожу. Сѣвъ на сторожу, прибѣгаа тритцаць три кони, два и одзинъ, и на ихъ золотаа шарсцинка и саребранаа. И ставъ проци дурака лошадзь простый. Етый дуракъ не позавидовавъ на прыгожаго коня, да ўфацивъ простого. Етый лошадзь яму кажа: «ну, гувора, Иванъ Ивановичъ: узявъ ты мяне, и ўсихъ побярёшъ!» Сѣвъ етый дуракъ на лошадзя и поѣхавъ ду дому, и ўси ўслѣдъ за имъ. Пріѣхавъ Иванъ Ивановичъ у дворъ, ихъ загнавъ у пуню и замкнувъ на замокъ. И ўходзя ў хату и гувора: вотъ, братцы, я ўсцярогъ сѣна свуго и вашаго! Оцецъ почувъ ето и пушовъ у пуню, полядзѣвъ и ўпужався. И пришовъ у хату и гувора: сыны моѐ! згониця ихъ зъ двора: ето лошадзи не простыа! А сыны гуворацъ: мы згоняцъ ихъ ня будомъ, а поѣдомъ на ихъ къ цару на гуляньня! Поѣхавъ сярэдній сынъ ў мясцечко, и купивъ тритцать три сядлѣ, два и одно, и уздэчки. Осядлали коняй и поѣхали яны; дуракъ упяродъ. Уяжжаюць яны у сцепъ къ зялёному лугу, и стоиць тамъ хатка бабы ягы, косцяныа ноги, и на крылцы у яѐ пѣвянь сядзиць—косы до зе́мли, а акъ крикня, дакъ голосъ на ўвесь свѣтъ идзе, и гусли самыгранны—самы йграюць, самы скачуць. И ўѣхали яны у тую хатку, а бабы ягы, косцяныа ногы, нема дома, поѣхала на прогулянье; тольки дома яе тритцаць три дочки, двѣ и одна, и зъ естымы зъ братамы волосъ у волосъ, голосъ у

голосъ, лицо ў лицо. Етыа дочки тольки-што вярнулися съ прогуляньня, и пріѣхавши, лягли яны спаць. Ну акъ яны силны и могушши, потомилися, и отдыхаюць яны троа сутокъ. Цяперъ имъ гувора Иванъ Ивановичъ, дуракъ: што, браци? Не ложицеся спаць изъ имы, а то будзя вамъ смерць. А нуця мы плацьця парамѣнимъ изъ ихъ на сябе, а съ сябе на ихъ. Потому, акъ ихъ маць пріѣдзя съ прогуляньня, а мы зъ имы волосъ у волосъ, голосъ у голосъ, лицо ў лицо—дакъ мы будомъ цѣлы! Парамянили яны платьця и лягли отдыхаць коло тыхъ дзѣвокъ—тритцаць три, два и одзинъ. Пріяжжаа баба-яга исъ прогуляньня на кобылицы-сивицы. Акъ уходзя яна у своў хату и гувора: «вотъ, добро: госць ко мнѣ пріѣхавъ, пригнавъ моихъ коній—тритцаць три, два и одзинъ!» И съ того серца схвацила исъ сцѣнки мечъ и порубила своихъ дочокъ. Тоды сѣла за столъ, разныхъ напитковъ напилася, и лягла спаць. Акъ яна заснула, тоды устае Иванъ Ивановичъ, дуракъ, и побуджаа своихъ братовъ: пора намъ, каа, братцы, уцекаць отъ яѐ! Посядлали коній и поѣхали зновъ къ цару. Пріѣжжаюць яны у царскій дворъ и гуворацъ: «вотъ, гуворацъ, ваша царскаа анпяраторство, госцинчикъ вамъ привяли!» Царъ съ тыа зъ радосци ставъ зъ имы пиць и гуляць и бясѣдоваць. Цяперъ, попивши, погулявши, яны гуворацъ: «вотъ, ваша царскаа анпяраторство: ё у бабы яги, косцяныа ногы, гусли самыгранны, самы йграюць, самы скачуць. Вотъ, акъ ба на ваша крылцо: дужо бъ пригожа було!»—А можаця вы ихъ доставиць?—«Ня то мы могомъ,—дуракъ доставя! А мы вамъ, каа, ня етакуу службу сослужамъ! Ето ще службочка!» Призаваюць яны дурака къ сабѣ: сослужитка ты намъ службочку, достань отъ бабы-яги, косцяныа ногы, гусли самыгранны—самы йграюць, самы скачуць! Приходзя Иванъ Ивановичъ на конюшню къ свойму лошадзю и гувора: вотъ, каа, лошадзь мой добрый: загадали намъ браты службу! Лошадзь гувора: ихъ, хозяинъ мой, Иванъ Ивановичъ, ня смуцися! Ето службочка, а служба ще ўперадзѣ будзя. Тоды Иванъ Ивановичъ акъ усердзився, акъ скоча на свуго коня, акъ крикнавъ богатырскимъ голосомъ, свиснавъ молодзецкимъ посвистомъ, сѣвъ и поляцѣвъ. Подъяжжаа ёнъ къ етому крылцу, ухапивъ етыа гусли на бярэмо, схапивъ и поѣхавъ. Привозя Иванъ Ивановичъ етыа гусли къ цару и ставя на царскимъ крылцы ихъ: яны самы йграюць, самы й скачуць. Той царъ зновъ съ тыа зъ большіа радосци ставъ пиць и гуляць и бясѣдоваць зъ братамы. А дурака яны и ў разонтъ ня принимаюць. Тоды яны сколькі уремъя пили, гуляли, а тоды гуворацъ: «ваша царскаа анпяраторство! Мы вамъ ще службу сослужимъ. Ё ў бабы яги, косцяныа ногы, на крылцы пѣвянь—косы до зямлй, а акъ крикня, дакъ голосъ на ўвесь свѣтъ идзе! Колибъ на ваша крылцо, дакъ ба дужо пригожа було!»—А ци можаця вы яго доставиць? —«Ня то што мы могомъ доставиць, дуракъ нашъ можа доставиць! Цяперъ яны яго призаваюць. «Ну, братъ Иванъ: сослуживъ ты намъ службу, сослужи другуу. Доставъ намъ, кажуць, пѣвня, што у бабы ягы, косцяныа ногы, на крылцы, косы до зёмли, а голосъ на ўвесь свѣтъ. Дакъ на наша бъ крылцо, каа, пригожа було бъ!» Пошовъ ёнъ къ коню. «Што, лошадзь мой добрый? Вялѣли намъ браты сослужиць службочку—доставиць пѣвня отъ бабы яги, косцяныа ногы. Тоды конь гувора: эхъ, хозяинъ мой, Иванъ Ивановичъ, ня смуцися! Ето ня служба—службочка, служба ще уперадзѣ будзя. Доставимъ. Закажи, каа, кувалю два пруты зялѣзныхъ скуваць

погоняць мяне. А то, каа, моя хозяюшка цяэръ (теперь) хитра, знаа, што мы пріѣдомъ. Цяперъ жа, скувавъ куваль два пруты, Иванъ осядлавъ коня, сѣвъ, крикнавъ богатырскимъ голосомъ, молодзецкимъ посвистомъ, и поѣхавъ. Пріяжжаюць яны у сцяпы, у зялёныя луги. Ну цяперъ лошадзь говора: «ну, Иванъ Ивановичъ, ходзяинъ мой! Оставайся ты одзинъ, а я побягу къ свуёй хозяюсцы и спровѣдаю, дзѣ яна.» Оставивъ лошадзь свойго любезнаго хозяина, Ивана Ивановича, а поляцѣвъ енъ къ свуёй хозяюсцы, къ баби-язѣ, косцяной нозѣ. И прилётуа енъ жостко, становитца стромко, и смотрицъ хозяюсцы у вокно—дзѣ яна? Отдыхаа яго хозяюшка на посцели бѣлой. Тоды лошадзь отправляетца къ свойму любезному хозяину, Ивану Ивановичу. «Ну, любезный мой хозяинъ, Иванъ Ивановичъ, садзись на мяне, пугоняй, каа, бойко, а ня кричи громко, кабъ моя хозяюшка ня почула!» Пріяжжаюць яны къ баби—язѣ, косцяной нозѣ икъ крылцу, забираюць пѣвня—косы до зёмли, а голосъ на ўвесь свѣтъ—на бярэмо. Лошадзь и гувора: «хозяинъ мой, Иванъ Ивановичъ, любезный хозяинъ! коли хочашъ сослужиць братомъ службу—не жалѣй мяне, сячи зялѣзнымы прутамы, уломки зялѣзныя за шкуру мнѣ саджай!» И поляцѣли. Привозюць етаго пѣвня икъ цару и становюць на крылцо. Пѣвянъ пяе, гусли йграюць—и—и, красиво!

Съ тыѐ зъ радосци изновъ царъ ставъ пиць и гуляць и бясѣдоваць съ тымы зъ братамы. Цяперъ яны гувбруць: «вотъ, каа, ваша царскаа анпираторство! Отобрали уси вешши у бабы ягы, косцяныя ногы. А цяперъ ёсць одна вешшъ: у якомсь царстви, у якомсь государстви ёсць Алéна курулевна—пракраснаа дзѣвица. Ну, и силнѣй, и мудрѣй, и пригожѣй за яѐ нема й ў свѣци никбго. Яна на жану вамъ красиваа бъ жана была!»—А можацяя вы яѐ доставиць?—«Ня то мы могбмъ, дўракъ нашъ можа доставиць. А мы ще не такуу службу вамъ услужамъ!» Цяперъ призаваюць яны брата Иваню. «Вотъ, братъ, сослужи ты намъ службу: ёсць у якомсь, царстви, у якомсь государстви Алéна курлéвна, пракраснаа дзѣвица. Дакъ доставъ ты яе сюды цару на жану!» Пошовъ енъ на конюшню къ свойму лошадзю и гувора: вотъ, каа, добрый мой лошадзь! Загадали намъ браты службу. Ё у якомсь царстви, у якомсь государстви Алéна курлéвна, пракраснаа дзѣвица, дакъ вялѣли доставиць яе сюды! И лошадзь засмуцився. «Во ето, любезный хозяинъ, во ето служба! А ще тыки служба бóльшаа будзя! Ну, надзявай на мяне дорогўу збрўу, и запрагай у дорогій тарантасъ, и забирай уси припасы: и пѣвня, и гусли, и разныя напитки. И бяри двананцаць пудовъ снасци!» Енъ надзѣвъ сярэбраный хомутъ и сярэбрануу сядзёлку, запрогъ у дорогій тарантасъ, узявъ уси припасы, и отправився у дорогу. Ѣхаць, дакъ ѣхаць, ѣхаць, дакъ ѣхаць—тритцаць три годы, два и одзинъ. Пріяжжаа на морскій пристань, дзѣ Алéна курлéвна гуляа. Выдувъ лошадзь изъ ноздзёръ мостъ—золотаа мостничка и сярэбранаа, и насадзивъ обаполъ мбсту садъ—золотаа яблонка и сярэбранаа, и выдувъ два стўлы золотыхъ, на 'днымъ стули посадзивъ пѣвня—косы до зямли, а голосъ на ўвесь свѣтъ идзе—и гусли самыгранны—самы йграюць, самы скачуць, а на другимъ поставивъ разныя напитки. «Ну, хувайся, любезный мой хозяинъ, Иванъ Ивановичъ, пудъ мостъ, и слухай, што яна будзя гуворицъ, а я побягу у зялёный сцепъ кормитца. А акъ буду потребянъ, ты свисни,—я прибягу!» Вотъ, у скоромъ уремъю Алéна курлéвна по мору ѣдзя у золотой лоточцы, а сярэбранымъ вяселцомъ

пограбаа, ѣдзя и пѣсяньки ўспяваа. Пріяжжаа на свой пристань и выходзя. И гувора: «хто на муей пристани красоту такуу выстроивъ? Коли бъ енъ тутъ бывъ, што бъ я яму здзѣлала? Хоць ба купцомъ здзѣлала, хоць ба мужъ мой бывъ ба.» Пошла яна тоды къ той красоцѣ, узыйшла на мостъ, подыйшла къ пѣвню и къ гуслямъ, сѣла ў стули, напилась разныхъ напитковъ и заснула. Тоды Иванъ Ивановичъ съ пудъ мосту вылязъ, узявъ снасць и завязавъ яѐ соннуу. Тоды крикнавъ богатырскимъ голосомъ, свиснавъ молодзецкимъ посвистомъ. Услышавъ лошадзь яго голосъ и бяжиць къ яму зъ дзикихъ полёвъ а зъ зяленыхъ луговъ, къ свойму любезному хозяину. «Ну, любезный хозяинъ мой, запрагай мяне поспѣшно!» Запрогъ ёнъ своу лошадзь, кинавъ уси своѐ вешши, тольки забравъ Алéну курулевну, забравъ и поѣхавъ. Сѣвъ енъ, поѣхавъ, и за тритцаць три часы, и два й одзинъ пріѣхавъ. Пріяжжаюць яны на царскій дворъ, опрошнулася яна; страпянулась—уся снась зь яе объѣхала. Вышли браты на стрѣчу: «вотъ, каа, ваша царскаа анпяраторство, привъёзъ дуракъ вамъ жану —пригожую!» А яна гувора: можа буду жаной, а можа нѣ. Можа тому буду жаной, хто живыа воды достався мнѣ и мяртвыа, и силныа. Ну, цяперъ царъ призвавъ братовъ и гувора: сослужиця жъ цяперъ мнѣ службу: доставця воды живыа и мяртвыа и силныа.—Да ето ня то мы,—дуракъ нашъ достався! Призаваюць дурака брата: ну братъ, кажуць, Иванюша: сослужи, кажа, послѣдняю службу намъ! Енъ засмуцився и заплакувъ. Пошовъ на конюшню и гувора: вотъ, гувора, лошадзь мой драгоцѣнный! Загадали намъ службу сослужиць: достаць воды живыа и мяртвыа и силныа! Тоды лошадзь засмуцився: во ето, каа, ня службочка, а служба; тутъ мы и головой наложамъ обадва. Ну, упрочамъ, што Богъ дась! отвѣстуя хозяину. Запрогъ енъ свуго коня у лёхкуу пувозку; дали яму грошій на дорогу харчитца; енъ и поѣхавъ. Ѣхаць, дакъ ѣхаць—тритцаць три годы, два и одзинъ, и заѣхавъ у якіась царствы, што уже и самъ не знаа. И подъяжжаа икъ тому городу, дзѣ три колодзяжи изъ естой вудой. Лошадзь гувора: «ну, хозяинъ мой любезный, Иванъ Ивановичъ: я ляжу—здохну, а ты разрѣжъ мнѣ брухо, улѣзь у мой трупъ и сядзи. И будзя летаць воронъ изъ воронятмы, и ёнъ упадзéць на мой трупъ, и захоча воронёнокъ моо воко выклюнуць, дакъ ты не давай—ухваци яго. Зачане воронъ просиць цябе: Иванъ Ивановичъ, пусци мойго дзяцёнка! А ты скажи: нѣ, воронъ! приняси мнѣ воды живыа и мяртвыа, и силныа! Цяперъ ёнъ акъ поляциць за етой водой и принясе, дыкъ ты етого вороненка и раздзяри. Дакъ енъ яго акъ намоча, ты и будзешъ знаць, якого сорта̀ вода!» Якъ сказавъ ето конь, повалився. Енъ пузо разрѣзавъ, улѣзъ у трупъ и сядзиць. Ляциць воронъ съ трóмы воронёнкамы. Яны упали на трупъ; одзинъ воронёнокъ прискакуа къ воку, хоцѣвъ воко выклявань,—а енъ яго и поймавъ. Тоды етый воронъ гувора: «Иванъ Ивановичъ, пусци муйго дзяцёнка!»—Нѣ, каа, ня пушшу. Сослужи службу мнѣ: доставъ, каа, воды—живыа, мяртвыа и силныа!—«Подвяжи жъ мнѣ, Иваня Ивановичъ пуздэрики подъ крыльля, то я полячу и принясу,—сослужу табѣ службу!» Иванъ Ивановичъ, яму̀ узявъ, подвязавъ, енъ и поляцѣвъ. Ляцѣвъ до города сто вярстовъ щѐ. Прилётуа ёнъ у городъ,—часовыа стояць надъ етымы надъ колодзяжмы; енъ упавъ, и не подлётуа,—сядзиць. Солдаты гувóраць: «нумъ, каа, мы пташку ету поймаамъ!» И за имъ. А ёнъ усё даляй, даляй, отводзя ихъ. Отвёвъ ихъ далёко, самъ

поднявся, набравъ воды и ў воднымъ колодзяжи, и ў другимъ, и ў третьцямъ—поднявся и поляцѣвъ. Прилётуа икъ лошадзи къ той: «ну, Иванъ Ивановичъ, бяри ў мяне вешши своѐ!» Тоды Иванъ Ивановичъ узявъ, на двѣ половинки разодравъ яго воронёнка. Воронъ дзюбочкой узявъ, помочивъ у пуздэрикъ зъ мяртвой водой, да на вороненка—енъ зросся. Тоды зъ живой—енъ отживився; а съ силной—силанъ ставъ. Тоды Иванъ Ивановичъ узявъ, свойго лошадзя етой водой помочивъ, енъ зросся и отживився; тоды силной помочивъ—енъ силанъ ставъ и красивъ. Енъ сѣвъ на яго и поѣхавъ. То ѣхавъ тритцаць три годы, два и одзинъ, а то за тритцаць три часы, два и одзинъ ставъ. Тоды выходзя Але́на курле́вна на дворъ и спрашуа: «Ци привёзъ, Иванъ Ивановичъ, воды?»—Привёзъ.—«Ну давай мнѣ!» Тогды Иванъ Ивановичъ отдавъ ёй воду̂ туу. Принявши воду туу, Але́на курле́вна зачала вясельля гуляць съ царомъ и напоила Ивана Ивановича разнамы напиткамы. Енъ заснувъ, а яна и перасѣкла яго напополамъ. Тоды узяла яго трупъ, у водзѣ перамыла, склала, мяртвой водой спрыскнула—енъ зросся; тогды яна живой спрыскнула—енъ отживився; тоды силною—ставъ ёнъ силный—могушшій. Тоды царъ напився разныхъ напитковъ и кажа: здзѣлай и мнѣ такъ Але́на курле́вна! Яна ўзяла мечъ, и зрубила яму̂ голову̂. А зъ Иваномъ Ивановичамъ посваталась и пожанилась. Братовъ своихъ ёнъ отправивъ у свою зямлю по днымъ: пошли, акъ нищіа! А енъ застався на царськимъ мѣсьци жиць зь ёй.

Чацьвёртый годъ, акъ я тамъ бывъ. И ў ихъ уже двоа дзяцей ё: Марка й Лугъянъ. Акъ ишовъ я по дзяревни, дакъ малцы выросточки зараджали холостуу пушку гноамъ. Схапили й мяне ў кучи, да ў пушку. Акъ выстралили, дакъ я вярцѣвсь, вярцѣвсь, да прамо суды къ вамъ и упавъ, и явивсь казки казаць.

С. Нисимковичи, рогачев. у.

Кр. Якимъ Ивановъ, 48 л. неграмотный. Ср. Др. 336—Сорокъ одинъ братъ.

38. Золотое перо.

Давно-давно нѣколи жило у насъ два браты. Поѣхали яны разъ у Сянно̂. Ѣхыли. Ѣхыли и знайшли на дорози дзяцёнка и жирабёнка. Старѣйшій кажецъ: нехай мнѣ будзецъ гэтый дзяцёныкъ! А меньшій кажецъ: нѣ, нехай мнѣ. И стали яны ажны сваритца зы того дзяценка. Спорилиси, спорилиси яны гэтыкъ, али кажуцъ: ну, пóйдземъ икъ пану, пынясёмъ гетыго дзяцёнка: нехай насъ панъ разсудзицъ. «Ну, й пóйдземъ!»—Ну, й пóйдземъ! кажуцъ яны одзинъ одному. Сказали гэдыкъ, и пошли къ пану. И пынясли ту̂ды гетыго дзяцёнка и жирабёнка. Якъ принясли къ пану дзяценка и жирабенка, панъ якъ увидзѣвъ,—яны яму дужо зныравилиси. Отъ, ёнъ имъ и кажецъ: чимси вамъ спороватца, отдайця вы мнѣ лучче ихъ: я вамъ зыплачу. Браты тые пырадзилиси, ды ўзяли ды й отдали пану гэтыго дзяцёнка и жирабёнка, а панъ зыплацивъ имъ, скольки яны тамъ згыворилиси.

Осталиси яны у пана. Панъ узявъ, отгыродзивъ имъ по покою: одзинъ покой рабёнку, а другій покой жирабёнку. И ныззавъ яго панъ Иванькымъ. Ставъ панъ ихъ гыдуваць, стали яны рэсць: не по годахъ растуць, ды по числахъ. Скоро казка кажетца, ды ня скоро дзѣло дзѣлаетца; такъ и тутъ. Вырысъ Иванька. Панъ разъ пыславъ

яго исъ хуливарку ў дзяревню—якъ вотъ изъ Богданыва ды ў Андрейчики—приказывацъ мужикамъ на пригонъ ици. Ѣдзець енъ на тымъ, на своимъ, кони по дорози, ажны видзиць—ляжиць ны дорози золотое пяро, ды якое пригожее! Тольки Иванька согнувся яго брацъ, а конь кажець: Иванька! нярушъ пяра, ня будзець бяда! Иванька не послухывъ кыня, и ўзявъ пяро. Узявъ Иванька пяро и поѣхывъ на дзяревню, приказавъ тамыцьки мужикамъ, кабъ ишли заўтра ны пригонъ къ пану, и поѣхывъ у дворъ. Пріѣхывши, занёсъ пяро къ сабѣ у покой и пыложивъ. Якъ пыложивъ, такъ ўвесь покой и освяцило. Приходзиць панъ, увидзѣвъ гэто пяро и кажець Иваньку: Иванька, отдай мнѣ гэто пяро! Иванька кажець: бяри сабѣ! Унёсъ панъ пяро у своѐ покои, дыкъ такъ и освяцило покои, усё ровно якъ днемъ, такъ и ноччу. Ставъ съ тыхъ поръ панъ Иваньку любиць и жалѣць. Тоды пыропкѝ набунтували пану ны Иваньку. «А паночикъ нашъ! Иванька кызавъ, што енъ можець дыстаць тую птушку, што ссорила гэто пяро!» Панъ призвавъ Иваньку и кажець яму: ну, Иванька! кыли ты знашовъ гэткыя пяро, цяперъ жа ты мнѣ знайдзи тую птушку, што ссо́рила гэто пяро. А нѣ, дыкъ мой мечъ, табѣ гылыва съ плечъ! Иванька, якъ почувъ гэто, якъ зыплачетца! Побѣгъ къ коню: «а ко́ничекъ! Божа шъ мой, Божа! што я буду дзѣлыць?»—А што?—«А штой шъ? зыгыдавъ мнѣ панъ: якъ дыставъ (прош. вр.) пяро, дыкъ дыставъ (повел. накл.) и тую птушку, што гэто пяро згубила. А коли не знайду я тую птушку, дыкъ панъ скызавъ: мой мечъ, а табѣ гылыва съ плечъ!»—А што, Иванька: я табѣ кызавъ: нярушъ пяра, ня будзець бяда! Ну, да гэто бяда—не бяда, бяда ящо ўперадзѣ.—«А што шъ дзѣлаць?»—А йдзи къ пану ды возьми у яго бочку смолы и лако́нъ пылытна. Иванъ пошовъ къ пану, узявъ тамыцьки бочку смолы и лаконъ пылытна, и принёсъ къ коню. «Ну, садзися на мяне, Иванька, ды бяри бочку смолы и лаконъ пылытна!» Сѣвъ енъ и поѣхыли. Ѣхыли, ѣхыли и подъѣхыли яны къ сосоничку. Конь и говбрицъ Иваньку: ну цяперъ, Иванька, возьми пылотно ды нымашъ яго смолой и расцяли на гэтый сосонникъ! Иванька узявъ, нымазывъ пылотно, разыстлавъ на сосонникъ, а самъ сѣвъ, схувався ды й пилнуець. Ци довго, ци нѣ енъ ждавъ, ажны ляциць птушка. Сѣла яна на гэто пылотно; ну якъ сѣла, дыкъ и прикипѣла. Конь кричиць: скорѣй, Иванька, лови, кабъ яна не поляцѣла! Иванька потскочивъ и схапивъ яѐ; уложивъ зыпазуху, уссѣвъ на кыня ды й поѣхывъ. Пріѣхывъ къ пану, отдавъ яму птушку, а самъ пошовъ отдыхаць.

Пройшло сколькы тамъ уремя, пыгнило у того пана ўсё сѣно. Панъ думывъ, думывъ, отчаго бъ гэто яно пыгнило, и ниякъ не ўгыдаець. А пыропкѝ узяли ды зновъ набунтували ны Иваньку пану: «а паночикъ! Иванька кызавъ, што енъ можець сходзиць икъ Богу запытатца!» Панъ вялѣвъ имъ пызвацъ Иваньку. Пыропки пызвали Иваньку. Приходзиць енъ къ пану, панъ кажець Иваньку: «Иванька, сходзитку ты къ Богу; спытайся у Бога, чаго гэто у мяне сѣно пыгнило. А кыли ня сходзишъ, дыкъ мой мечъ—табѣ гылыва съ плечъ!» Иванька якъ пыбяжиць къ коню, ды якъ зыплачетца: а Божа-шъ мой, Божа! А конёчикъ мой! А што шъ я буду дзѣлыць? Скызавъ панъ исходзиць къ Богу спытатца, чаго яго сѣно пыгнило! А конь кажець: а што, Иванька! я кызавъ табѣ: нярушъ пяра, ня будзець бяда. Ну ды гэто ще бяда не бяда, ящо уся бяда напе́радзи. Али, што дзѣлыць? Садзись, Иванька, на мяне ды

*

поѣдземъ! Уссѣвъ Иванька на кыня и поѣхыли. Ѣхыли, ѣхыли, стоицъ хатка. Уходзюць яны у хатку, ажны у тэй хатцы дзѣдъ на печи кычаетца ды кричиць гвалту. Увыйшовъ Иванька у хатку, ёнъ и кажець: «куды цябе, Иванька, Богъ нясе́ць?»—А иду къ Богу, пытатца, чаго пыгнило паныво сѣно.—«Ахъ, мой ты унучекъ: спытайся шъ у Бога, чаго я гэдыкъ кычаюся на печи! и злѣсци ня можно, и ноги моѐ отмёрзли?»—До́бро, спытаюся! Пошовъ Иванька дали, ишовъ, ишовъ, ажны бачиць—кычаетца пы дорози мылодзица и яѐ уси топчуць, и уси чиразъ яѐ ѣздзюць. «Куды цябе Богъ нясе́ць, Иванька?»—Иду къ Богу, пытатца, чаго паныво сѣно пыгнило.—«Запытайся шъ тамъ у Бога, Иванька, чаго гэто я увесь свой вѣкъ ляжў ны дорози, и мяне ўси топчуць, и ўси чиразъ мяне ѣздзюць!»—До́бро, кажець Иванька, и поѣхывъ дали. Ѣхывъ ёнъ, ѣхывъ, ажны бачиць—удвохъ человѣки пераливаюць водў съ одного колодзеся у другій колодзесь, ды ня могуць ниякъ пералиць. «Куды цябе Богъ нясе́ць, Иванька?»—Иду я къ Богу, пытатца, чаго паныво сѣно пыгнило.—«Скажи шъ ты, Иванька, тамъ Богу, што мы гэто увесь вѣкъ свой пераливаемъ воду съ одного колодзеся у другій колодзесь, ды ниякъ не перальлёмъ: у воднымъ колодзяси ня меньшиць, а ў другимъ ня большіиць.»—До́бро, скажу! кажець Иванька и поѣхывъ дали. Ѣхывъ ёнъ, ѣхывъ, и пріѣхывъ ажны къ самому мору. Видзиць Иванька, ляжиць у мори рыбина, ниякъ ня можець яна перавярнутца. «Куды цябе, Иванька, Богъ нясе́ць?»—А иду къ Богу, пытатца, чаго паныво сѣно пыгнило.—«А скажи шъ ты тамъ, Иванька, Богу, чаго гэто я ляжу на днымъ боку, и ниякъ не перавярнуся.»—До́бро, кажець Иванька, скажу! Пераѣхывъ Иванька мора, ды й поѣхывъ дали. Ѣхывъ, ѣхывъ—стоиць хатка. Ѣдзець енъ кылы тыѐ хатки, ажны выходзиць съ тыѐ хатки старенькій человѣчекъ. «Куды ты ѣдзешъ, Иванька?»—Ѣду къ Богу, пытатца у Бога, чаго гэто у пана сёлѣта ўсё сѣно пыгнило.—А того у пана сѣно пыгнило, кажець старенькій человѣчекъ—гэто бывъ Богъ—што Дзѣвка Пылынянка дванацыць дней купалыся у мори, ды гуляла съ сонцамъ. Отгэтаго ня було сонца, ишовъ дожжъ, паныво сѣно и пыгнило. Иванька тоды кажець: «а Божа, Божа! што я видзивъ ны дорози, якъ ишовъ сюды: нѣйкій человѣкъ у хатцы на печцы кычаетца, ды кричиць гвалту, што злѣсць ня можно, и ноги яго отмёрзли?»—Гэтый человѣкъ бывъ моросъ, и енъ дужо много у людзей добра пыморозивъ, много людзей голыдъ цярпѣло празъ яго и много людзей ёнъ пысироцивъ. Коли ёнъ зложиць руки наўхрестъ, што ня будзець боли никого морозиць и никого обиждаць, дыкъ пойдзець и будзець ходзиць. А кыли ня зложиць рукъ наўхрестъ, дыкъ узнова будзець лежаць на печи не злѣзаючи.—«А Божа, Божа! што я ящо видзивъ: нѣйкая мылодзица ляжиць, кычаетца ны дорози, чиразъ яѐ уси ѣдуць, яѐ уси топчуць,—усю яѐ притоптали?»—Гэта мылодзица была старая вѣдзьма—змія; отбирала яна чужѣя молоки. Людзи мѣли пы двынанцыць коровыкъ, ды ня мѣли мылычка; а яна ни водныя коровы ня мѣла, ды мылоко ѣла. Людзи празъ яѐ смягли! Вотъ яна за гэто ляжиць ны дорози, што людзей много обиждала. Кыли яна складзѐць наўхрестъ палцы, присягнѐць, што ня будзець отбирацъ у чужихъ коровъ молоки, дыкъ устанець, а не присягнець, дыкъ узнова будзець лежаць ны дорози!»—А Божа, Божа, што я ящо видзивъ ны дорози: удвохъ человѣки пераливаюць воду съ одного колодзеся у другій, ды ниякъ не перальлюць:

уво дным колодзяси ня меньшiиць, а ў другимъ ня большiиць?—«Гэтые людзи были ўперадзи быгытыри, и дужо пригыняли бѣдныхъ мужуковъ на пригонъ къ сабѣ,—и малыхъ и старыхъ—и здзикалиси надъ ими. Кыли яны складуць руки накрыжъ, ды присягнуць, што боли ня будуць такъ дзѣлыць, дыкъ тоды яны выльлюць воду; а кыли не складуць рукъ нáкрыжъ, дыкъ узнова будуць пераливаць!»—А Божачка, Божа, што я ящо видзивъ: ляжиць на мори рыбина увесь вѣкъ свой на дным боку, и ня можець перавярнутца?—«Гэта рыбина полкъ сылдатывъ зъѣла; кыли яна выпусциць ихъ, дыкъ пыплывéць, а кыли ня выпусциць, дыкъ узнова будзець лежаць!»

Пошовъ Иванька у дворъ къ пану. Ишовъ ёнъ, ишовъ—приходзиць къ мору, дзѣ ляжиць тая рыбина. Рыбина кажець: «а што, Иванька, што мнѣ Богъ казавъ?»—Постой, якъ перайду на тэй бокъ, тоды скажу! Перайшовъ на тэй бокъ и кажець: Богъ казавъ, кыли ты выпусцишъ полкъ сылдатывъ, дыкъ пыплывешъ; а кыли ня выпусцишъ, дыкъ ня пыплывешъ! Рыбина разинула ротъ. И—ихъ! солдаты идуць, музыка йграець! якъ вышли ўси, рыбина й пуплыла. Пошовъ Иванька дали. Ишовъ, ишовъ, ажны видзиць—тэя самые два человѣки воду пераливаюць. «А што, Иванька? што намъ Богъ кызавъ?»—Постойця, дайця выйци напéрадъ. Зайшовъ енъ напéрадъ, тоды кажець: а вò што вамъ Богъ казавъ: вы были уперадзи быгытыри, вы пригыняли мужуковъ бѣдныхъ на пригонъ къ сабѣ—и малыхъ и старыхъ—и здзикалиси надъ ими. Кыли вы склыдзецё руки нáкрыжъ, што ня будзеце боли обиждаць бѣдныхъ, дыкъ вы перальлецё гэту воду; а кыли не склыдзецё, дыкъ вы низашто не перальлецё! Мужики, почувши гэто, якъ пыбягуць за Иванькымъ, а Иванька якъ побяжиць уцекаць... Бѣгъ, бѣгъ, алитки уцёкъ. Пошовъ ёнъ дали, ажны ны дорози ляжиць тая мылодзица, и черазъ яè и ходзюць и ѣздзюць—усю яè стоптали... «А што, Иванька, што тамъ мнѣ Богъ скызавъ?»—Постой, я зайду напéрадъ, тоды скажў! Зайшовъ ёнъ напéрадъ тэй мылодзицы и кажець ёй: во што табѣ Богъ кызавъ: ты уперадзи была старая вѣдзьма—змiя; ты отбирала чужéя молоки, людзей дужо обиждала, людзи тогды смягли. Кыли ты складзéшъ руки нáкрыжъ, што ня будзешъ гэтыкъ дзѣлыць, дыкъ пóйдзешъ; а кыли ня зложишъ рукъ, дыкъ и вѣкъ тутъ лежаць будзешъ! Мылодзица зложила руки накрыжъ—и пышла зъ дороги. Пошовъ Иванька дали. Ишовъ, ишовъ, ажны кычаетца тэй человѣкъ на печцы. «А што, Иванька, што тамъ мнѣ Богъ кызавъ?»—Постой, зайду напéрадъ, тоды скажу! Зайшовъ наперадъ и кажець: ты бывъ уперадзи большэй моросъ, и много пыморозивъ у людзей добра, много людзей цярпѣло голыдъ прасъ цябе, много ты людзей пысиропивъ. Кыли ты складзéшъ нáкрыжъ руки, што ня будзешъ боли обиждаць людзей, дыкъ злѣзешъ съ печи, а кыли нѣ, дыкъ николи ня злѣзешъ. Человѣкъ тэй склавъ руки накрыжъ, злѣзъ съ печи и пошовъ. Пошовъ Иванька дали. Ишовъ, ишовъ, ишовъ, ишовъ, и приходзиць у дворъ. Панъ пытаетца: «ну, Иванька, што Богъ скызавъ: чаго моё сѣно пыгнило?»—А вò чаго, паночекъ, кызавъ Богъ, пыгнило твое сѣно: Дзѣвка Пылынянка дванацыць дней купалыся у мори и гўляла съ сонцамъ. И отгэтаго ня було сонца, бывъ дожжъ, сѣно твоё и пыгнило!—«Мылодзецъ, Иванька, ступай отдыхай!» Пошовъ Иванька отдыхаць. Пройшло скольки ўремя, пыропки зновъ набунтували пану на Йваньку: «а паночикъ нашъ! Иванька кызавъ, што ёнъ Дзѣвку—Пылынянку дыстаць можець!»

—Пызовиця мнѣ сюды Иваньку. Побѣгли яны, гукнули Иваньку зь яго покою. Приходзиць енъ къ пану; панъ кажецъ: «Дыстань ты мнѣ, Иванька, тую Дзѣвку—Пылынянку! А кыли не дыстанешъ, дыкъ мой мечъ, табѣ гылыва съ плечъ!» Иванька якъ заплачетца, якъ пыбяжиць къ коню: «а конечикъ ты мой! А Божа шъ мой, Божа! А што мнѣ дзѣлыщь: панъ скызавъ мнѣ дыстаць Дзѣвку Пылынянку; а кыли не дыстану, дыкъ панывъ мечъ, мнѣ гылыва съ плечъ!»—А што, Иванька, ци я не кызавъ табѣ: нярушъ пяра, ня будзецъ бяда. Ну, ды гэта бяда не бяда, бяда ящо уся напéрадзи. Што дзѣлыць, сдазись на мяне, поѣдземъ искаць Дзѣвку—Пылынянку! Уссѣвъ Иванька ны кыня, и поѣхыли. Ѣхыли яны, ѣхыли, ажны идзѣць тэй человѣкъ моросъ, што упéрадзи на печцы лежавъ. «Добрый дзень табѣ, Иванька! куды цябе Богъ нясéць?»—Ны здоровъя! Иду искаць Дзѣвку Пылынянку, панъ скызавъ.—«Ну, Иванька, пойду и я съ тобой. Ты шъ мнѣ помогъ, можа и я табѣ пымогу што-небудзь!» Пошли яны удвохъ уже. Ишли, ишли, ажны идзѣць тая мылодзица,—вѣдзьма, што лежала ны дорози. «Добрый дзень табѣ, Иванька! куды цябе Богъ нясéць?»—Ны здоровъя! Такъ и такъ: иду по Дзѣвку-Пылынянку, мнѣ панъ скызавъ дыстаць.—«Пойду й я зъ вами. Бы ты мнѣ помогъ, можа й я табѣ, Иванька, што-небудзь пымогу!» Пошли яны ужо ўтроихъ. Ишли, ишли, ажны стрѣчаюць тыхъ двохъ человѣкывъ, што воду̀ пераливали уперадзи. И яны Иваньку добрыдзень не дали. Пошли яны утроихъ дали. Идуць, идуць, и приходзюць къ мору. Якъ бы тутыцьки дыстаць зъ мора Дзѣвку-Пылынянку? Думыли, думыли, алитки уздумыли. Мылодзица тая скинулыся крáмкой и стала на морськимъ бéрази; и ў тэй крамцы видаць дужо пругожія стушки, хустки, и ўсё чисценько, што кому треба, усё ёсь. Ды такое пругожая, што и ўздумыць ня можно. Вытыркнула Дзѣвка-Пылынянка гылову̀ зъ мора, ды якъ увидзила гэту крамку, дужо ёй зыхоцѣлося што-небудзь у гэтый крамцы узяць. Али боитца, ци нема кого. Вытыркнула яна гылову̀ другій разъ, пылядзѣла, пылядзѣла—нема никóго, бы Иванька съ конемъ захувався, мылодзица скинулась крамкой, а человѣкъ тэй ставъ морозымъ. Вытыркнула яна гылову ў третьцій разъ; глядзиць, узнова никóго ня видаць. Тоды яна сама сабѣ думыецъ: ужо тутъ никого нема: пойду ў крамку. Вылязла зъ мора и пошла. Тольки яна вылязла, а моросъ узявъ ды мора ўсё и зыморозивъ. Конь крикнувъ ны Йваньку: бяжи, Иванька, лови скорѣй Дзѣвку-Пылынянку! Тая якъ почула гэто, што хочуць яѐ ўловиць, побѣгла у мора. Ажны тамъ усюдыхъ ледъ. Иванька яе тутъ и ўхвацивъ. «Ну, кажецъ конь: дзяржи, Иванька, покрапчѣй гэту Дзѣвку-Пылынянку, ды поѣдземъ!» Подзякывавъ Иванька мылодзицы тэй и морозу, што пымогли яму уловиць Дзѣвку-Пылынянку̀, ды ўссѣвъ ны кыня и поѣхывъ къ пану у дворъ. Пріѣхыли у дворъ, отдавъ Иванька пану Дзѣвку-Пылынянку, а самъ пошовъ отдыхаць. Отдыхнувъ енъ скольки—тамоцьки, тая Дзѣвка-Пылынянка вялѣла пану дыставиць ёй зъ мора яѐ скрынку. Призвавъ барджѣй панъ Иваньку и кажецъ: «дыстань ты мнѣ зъ мора скрынку Дзѣвки-Пылынянки! А кыли не дыстанешъ, дыкъ мой мечъ, а табѣ, Иванька, гылыва съ плечъ! Иванька якъ заплачетца, якъ заголоситца! Побѣгъ къ свойму коню: «а конёчикъ! а татычка ты мой! а Божа шъ мой, Божа! А што шъ я буду дзѣлыць цяперъ?»—А што тамъ?—«Мнѣ панъ скызавъ: кыли ты дыставъ Дзѣвку-Пылынянку̀, дыкъ дыстань жа шъ цяперъ скрынку яѐ зъ мора; а кыли не дыстанешъ,

дыкъ мой мечъ, а табѣ гылыва съ плечъ!»—А што, Иванька! Ци я табѣ не казавъ, што нярушъ пяра, ня будзець бяда? Ну, ды гэто бяда не бяда, бяда ящо уперадзи. А треба якъ-небудзь дыстаць скрынку. Садзись на мяне поѣдземъ! Усѣвъ Иванька на кыня, и поѣхыли. Ѣхыли, ѣхыли, ѣхыли, ѣхыли—никого нийдзѣ ня видаць. Пріѣхыли къ мору, ажны выходзиць рыбина, што лежала на днымъ боку. «Добрый дзень, Иванька! Куды Богъ нясéць?»—А иду дыставаць скрынку Дзѣвки-Пылынянки зъ мора, панъ скызавъ.—«Ну, Иванька, ты мнѣ ўперадзи помогъ, а я цяперъ табѣ пымогу. Посидзи-тку ты тутъ, а я пойду прикажу усѣй рыби искаць скрынку!» Сѣвъ Иванька на бéрази, а рыбина пышла у мора и зыгыдала усѣй рыби йскаць скрынку. Искала, йскала ўся рыба, и не знайшла. Рыбина узновъ зыгыдала искаць, другій разъ. Рыба йскала, йскала—не знайшла. Третьцій разъ якъ зыгыдала рыбина искаць, якъ пышла уся рыба! Ихъ! Ашъ кишиць, ашъ мора шумиць. Искали, искали, али-тки одна маленькая рыбинка нясéць скрынку Дзѣвки-Пылынянки!.. Ухвацила рыбина скрынку и пыдыла Иваньку. Узявъ енъ скрынку, пыдзякывавъ, усѣвъ ны кыня и поѣхывъ къ пану. Ну, пріѣхывъ у дворъ, отдавъ скрынку Дзѣвцы-Пылынянцы, а самъ пошовъ у свой покой отдыхаць. Отдыхнувши, думыець сабѣ: ну, ужожъ никуды я не пойду. Ажны вò табѣ: Дзѣвка-Пылынянка зыгыдала пану дыставиць воды гоючія й живучія. Пызвавъ панъ Иваньку: «сходзи ты, Иванька, приняси мнѣ воды гоючія и живучія! Кыли принясéшъ, дыкъ ладно; а кыли не принясéшъ, дыкъ мой мечъ, а табѣ, Иванька, гылыва съ плечъ!...» Иванька, якъ почувъ гэто, якъ заплачетца, якъ зальлéтца слязми!.. Побѣхъ икъ коню: «а Божа мой, Божа! а конёчикъ мой, а татка мой! А што я буду дзѣлыць?»—А што?—«Ды зыгыдавъ мнѣ панъ принéсци воды гоючія и живучія, а кыли не принясу, дыкъ панывъ мечъ, а моя гылыва съ плечъ!» —А што, Иванька: ци я табѣ не кызавъ, што нярушъ пяра, ня будзець бяда. Ну, ды ще гэто бяда—не бяда, бяда будзець напéрадзи. Садзись на мяне, поѣдземъ! Сѣвъ Иванька ны кыня, и поѣхыли. Якъ ѣхыць, дыкъ ѣхыць—и пріѣхыли къ мору. Тоды конь кажець Иваньку: «злѣзай-ка, ды рѣжъ мяне!»—Якъ я цябе буду рѣзыць? А хто шъ мяне будзець тоды учиць?—«Я табѣ кажу: злѣзай ды рѣжъ! Улѣзешъ у моѐ косци, и якъ будуць тутъ садзитца круки клювать мяне, дыкъ ты, якъ можно, хапай, лови кручанёнка!» Иванька узнова кажець: якъ я цябе буду рѣзыць? А конь говорыць: ня бось, рѣшъ! Нечего дзѣлыць. Злѣзъ Иванька съ кыня, разрѣзывъ пузо, ды ў сярéдзину, у косци, улѣзъ, схувався—сядзиць, пилнуиць крука. Ажны икъ-расъ леціяць круки. Кручанёнки лецяць ды кричаць: тата, мясо! тата, мясо! А старый крукъ кричиць: нѣ, дзѣтки: гэто зрада наша, зрада наша! Али кручанёныкъ зляцѣвъ ды сѣвъ на кысцяхъ; тольки хоцѣвъ енъ клюнуць, а Иванька й схапивъ яго. Тутъ крукъ ставъ просиць, кабъ Иванька отдавъ яму дзяцёнка яго, а Иванька кажець: злетай ды приняси мнѣ гоючія и живучія воды, дыкъ я табѣ отдамъ, а то ня тдамъ. «Ну, дай жа мнѣ, Иванька, двѣ пляшачки!» Давъ яму Иванька двѣ пляшачки, ёнъ одну пляшачку привязавъ къ одному крылцу, а другую къ другому, и пыляцѣвъ. Ляцѣвъ, ляцѣвъ, прилетаець туды, дзѣ живучая и гоючая вода. Бачиць, тую воду пилнуюць бабы съ кочóргыми. Ниякъ ня можно воды дыстаць! Енъ тоды узявъ и пыляцѣвъ кылы самыхъ ихъ. Бабы тыя и заглѣдзилиси: вунъ, вунъ, кажуць, якая дзивная птушка—

съ пляшачками подъ крылцами! Заглѣдзилиси и отыйшлиси отъ воды. Крукъ тоды скоренько къ водзѣ, зачерпнувъ ў водну пляшку гоючія воды, у другую—живучія, поднявся и поляцѣвъ, понёсъ водў къ Иваньку. Приносиць ёнъ водў, Иванька узявъ ды кручанёнка и разыдравъ пыпыламъ. Тоды узявъ гоючія воды, узливъ на кручанёнка, кручанёныкъ згоився; узливъ живучія воды—кручанёныкъ отжився. Бывъ кручаненыкъ хорошій, а то ящо полѣпшивъ. Тоды Иванька кажець: злетай ды доповни мнѣ пляшачки! Узявъ крукъ пляшачки, схувавъ подъ крыльлемъ, набравъ пругожихъ стужекъ, и пыляцѣвъ. Приляцѣвъ енъ къ водзѣ, а тамъ узновъ бабы сидзяць съ кочбргыми, и никого ня пускаюць. Што тутъ робиць? Отляцѣвъ ёнъ трошку отъ воды, ды такъ якъ ляцѣвъ, и кинувъ истушки. Бабы побѣгли сыбирацъ истушки, а крукъ скоренько къ водзѣ, зачерпнувъ у обѣдви пляшачки, и пыляцѣвъ. Узявъ Иванька воду, отжививъ кыня, отдавъ круку кручанёнка-дзяцёнка, и поѣхыли у дворъ. Отдавъ Иванька водў гоючую и живучую Дзѣвцы Пылынянцы; яна и говбриць яму: можа ты мяне обманюешъ, треба цябе посѣчь! Иванька кажець: сячи сабѣ! Узяла яна топоръ и посѣкла Иваньку на дробныя частычки. Тоды узяла гоючія воды, спырснула яго,—цѣло згоилося. Узяла живучія воды ды спырснула,—Иванька уставъ. «Ахъ, кажець якъ я смашно бывъ заснувъ!» Бывъ Иванька пругожій, а то ящо пругожѣйшій ставъ! Панъ тоды кажець Дзѣвцы-Пылынянцы: здзѣлай и мнѣ гэдыкъ! Дзѣвка-Пылынянка узяла сякерку ды й посѣкла пана на дробные кывалычки, уложила у горщокъ и зварила. А Иванька посватылиси зъ Дзѣвкый-Пылынянкый и пожанилиси, и стали жиць.

Дер. Андрейчики, рясняя. вол. сѣннен. у.

Со словъ кр. Онуфрія, 64 лѣтъ, записалъ кр. Кириллъ Тимофеевъ.

Въ *Гомельскомъ у.* сказка варьируется такъ: Три сына старика стерегли сѣно; меньшой, Иванюшка дурачекъ, поймалъ кобылу. Она привела за собой табунъ лошадей во дворъ, и тамъ родила конька для Иванюшки. Поѣхали братья въ сваты, по дорогѣ Иванюшка поднялъ золотое перо. Братья стали пытать: «ти нема у кого дѣвокъ, душъ со три?» Вѣдьма предложила имъ своихъ дочерей, и когда они легли спать, конь Иванюшки вызвалъ его и предўпредилъ, что вѣдьма хочетъ ихъ убить. Братья спасаются, одѣвшись въ одежды дочерей вѣдьмы. Она убила своихъ дочерей. Далѣе, братья постўпили на службу къ царю. Умные начали завидовать дураку и вслѣдствіе ихъ клеветъ, тотъ посылался царемъ къ вѣдьмѣ за золотыми яблоками, за золотыми скрынками, и потомъ—«дознатца, чаго три дни сонца ня усходило?» Исполняя послѣднее порученіе, Иванюшка встрѣтилъ на дорогѣ «рыбину уперакъ ракѝ,» проглотившую безъ Божьей воли семь кораблей съ людьми, человѣка, переливавшаго воду изъ стакана въ стаканъ, за то, что во время «шинкарства» подмѣшивалъ воду въ вино, и наконецъ, «неправедную судьдю,» котораго черви «сточили.» Узнавъ отъ Бога, что солнце не всходило три дня потому, что морская дѣвка хотѣла его поймать, Иванюшка долженъ былъ доставить потомъ и морскую дѣвку. Окончаніе сказки сходное съ приведенною выше.

Слич. Афан. VII, 121. Садовн. 187. Чубин. 290.

39. Шиварь-молодзецъ.

У которымъ-то царстви, ну тольки ня ў томъ, у которымъ мы живёмъ, живъ сабѣ дзѣдъ ды баба. Жили яны дужо довго, ну ня было у ихъ дзяцей. Подъ старось ня могли яны ужо своими трудами большими заробицъ сабѣ хлѣба; вотъ дзѣдъ и нанявся у пана за лясника быцъ. Идзéцъ ёнъ разъ пы лясу, кыло большóго болота. Видзицъ, пыляцѣла зъ гестаго болота вутка. Пошовъ енъ пы болоту, и видзицъ у кусци дванатцыцъ вуциныхъ яецъ. Ёнъ узявъ ихъ и понёсъ домовъ. Принёсъ домовъ гетыя яйцы, и кажецъ баби: нà табѣ, баба, гетыя яйцы, спражи ты мнѣ яéшню! Тая баба стала на яго кричаць: «што ты, дўракъ, говóришъ? У насъ нема дзяцей, а ты хочешъ, кабъ я табѣ спекла яешню. Идзи приняси лубку, я буду высѣдживаць дзяцей!» Дзѣдъ пошовъ принёсъ лубку, постлавъ соломы, поклавъ яйцы. Сѣла баба на яйцы и сядзиць. Сядзи, сядзи тая баба—иссѣдзилася на товкачъ, а дзяцей ня вывела. Сядзи, сядзи баба,—иссѣдзилася на ложку, и вывела одзинатцыць сыновъ, а дванатцатаго Ивана Шиваря, добраго мылойца.

Не ростуць яны пы годахъ, а ростуць по числахъ, и выросли большіе. Тоды говоруць яны бацьку: идзи, татъ, пыпроси у пана дванатцыць дзесяцинъ ляда! Пошовъ дзѣдъ къ пану, ставъ просиць; просивъ, просивъ и выпросивъ ляда. Приходзиць домовъ и говóриць: «ну, сынки: панъ давъ намъ дванатцыць дзесяцинъ лѣсу. Идзиця, сячиця яго!»—Идзи жъ, татка, у кузьню, здзѣлай намъ дванатцыць топоровъ пы дванатцыць пудовъ! Пошовъ дзѣдъ у кузьню, здзѣлавъ дванатцыць топоровъ пы дванатцыць пудовъ; хоцѣвъ принесци, ды ни вóднаго не поднявъ. Приходзиць домовъ и кажецъ: здзѣлавъ я топоры, идзиця, бяриця! Пошли сыны, узяли топоры и почали сѣчь лѣсъ. Стали сѣчь: который сячéць, который дзярéць—и высѣкли за дзень дванатцыць дзесяцинъ лѣсу. Пришли домовъ и говоруць: ну, татъ, мы ужо повысякли увесь лѣсъ. Идзи цяперъ къ пану, пыпроси дванатцыць бочекъ овса! Пошовъ дзѣдъ къ пану, ставъ просиць овса; просивъ, просивъ—давъ панъ овса. Пришовъ ёнъ домовъ: ну, кажецъ: идзиця, бяриця овёсъ, панъ давъ! Узяли яны овёсъ и за 'дзинъ дзень засѣяли усё своё поле. Тэй овесъ якъ рэсци, дыкъ рэсци,—ставъ уже поспѣваць. Нà табѣ: унадзився нѣхто у гетый овёсъ, ставъ яго биць, лумаць, пустóшиць. Стали сыны тые пилнуваць овса. Одзинъ пилнувавъ—ня ўпилнувавъ, другій пилнувавъ—ня ўпилнувавъ, и такъ уси. Наконцы пошовъ пилнуваць Иванъ Шиварь, добрый мылодзецъ. Пришовъ ёнъ у вовёсъ. А посяродъ овса стоявъ большій дубъ. Отъ ёнъ у гетый дубъ наторкавъ зялёнаго овса, сѣвъ поколо дуба и пилнуецъ. У самую пóвночь прибѣгаець у вовёсъ кобыла, а за ёю прибѣгли дванатцыць жерабцовъ—золотая шарсцинка, сяребраная шарсцинка, золотый копытокъ, сяребраный копытокъ. Прибѣгла кобыла къ дубу, и стала рваць зъ дуба овесъ. Тутъ Иванька Шиварь, добрый молодзецъ, схвацивъ яè за гриву и ставъ биць. Бивъ ёнъ яè, бивъ, убивъ по колѣно у зямлю и говориць: ага, будзешъ ходзиць у мой овёсъ? Яна говóриць: буду! Ставъ ёнъ знова яè биць. Бивъ, бивъ, убивъ по брухо. А што, будзешъ ходзиць у мой овёсъ?—Буду! Енъ яè знова ставъ биць. Бивъ, бивъ—убивъ по вуши. «А што, будзешъ ходзиць у мой овёсъ?»—Нѣ, ня буду! Ёнъ тоды выцягъ яè изъ зямли, сѣвъ

и поѣхывъ. За кобылой побѣгли и ўси жерабцы. Пріѣжжаець ёнъ домовъ. А ў ихъ ды не було хлѣва̀. Пошли яны къ другому хозяину зняли у того зъ зямли новый хлѣвъ и загнали туды ко́ній. А гетые кони были большого вѣдуна—чаровника. Ставъ ёнъ ихъ шукаць, и найшовъ у Ивана Шивара, добраго мылойца̀. Просивъ енъ, просивъ, кабъ отдали коній яго, ну Иванька Шиварь говбрицъ: «твоѐ кони знистожили мнѣ увесь овёсъ. Я табѣ ихъ не дамъ, а бяри сабѣ кобылу!» Тэй сѣвъ на кобылу и поѣхавъ.

Ци много, ци мало поживши, стали браты шукаць, кабъ имъ дзѣ-небудзь ожанитца. Поѣхыли яны у дорогу. Ѣхыли, ѣхыли, пріѣжжаюць на калинывый мостъ. Иванька Шиварь, добрый мылодзецъ, увидзѣвъ на мосцѣ золотое пяро и хоцѣвъ яго узяць. А конь яму говбрицъ: нярушъ гетаго пяра, а то будзець дужа былышая бяда! Ну ёнъ не послухавъ и ўзявъ. Пріѣхыли яны къ однэй баби, къ сяс͡трѣ того чаровинка, а ў яѐ ды було дванатцыць дочокъ. Яна якъ увознала, што гетые кони яѐ брата, и высватала за ихъ своихъ дочокъ. Ночьчи полягли браты спаць зъ гестыми дочками, и заснули. Яна жъ поглядзѣла и говориць: ага, вы у мойго брата отобрали коній, вотъ я цяперъ вамъ познимаю головы: мой мечъ, а вамъ голова съ плечъ! А Иванька Шиварь ды й почувъ гетыя сло́вы. Уставъ ёнъ цихынько съ посцели, пошовъ на дворъ, стоиць тамъ и цяженько уздыхаець. А конь яго и почувъ: чаго ты, Иванька Шиварь, уздыхаешъ!—Ды якъ жа ня ўздыхаць: казала баба, што яѐ мечъ, а намъ гылыва съ плечъ! А конь кажецъ: а што? я табѣ говоривъ, кабъ ты не бравъ пяра! Вотъ цяперъ загубиць васъ баба. Идзи скорѣй, скажи братамъ, кабъ яны зняли свою одзе́жу ды надзѣли на дзѣвокъ, а ихныя сабѣ надзѣли! Енъ тоды побѣхъ скорѣй къ братамъ и кажецъ: скорѣй вы перадзѣньця имъ своѐ одзежи, а ихныя сабѣ надзѣньця! Яны узяли, перадзѣлиси, и зновъ заснули. Приходзиць баба и давай сѣчь своихъ дочокъ; посѣкла, посѣкла и пошла. Браты тоды скорѣй на ко́ни ды уцекаць! Назаўтраго увидзила баба, што дочокъ засѣкла, сѣла у ступу и побѣгла ихъ дыгоняць. Чуць-чуць не догнала Иваньку Шивара добраго мылойца, али енъ успѣвъ пераскочиць черазъ калиновый мостъ. Вывярнувшиси, ёнъ ёй кричиць: «а што шъ, баба, чаму не ловила мяне?»—А ты, Иванька Шиварь, добрый мылодзецъ, коній звёвъ?—«Звёвъ, бабушка!»—Дочакъ моихъ зъѣвъ?—«Зъѣвъ, бабушка!» —Ну, прощай!—«Нѣ, не прощай, а ще ў госци дожидай!» А самъ и поѣхувъ.

Ѣхыли яны умѣсци, ѣхыли, и заѣхыли у чужія земли, у иньшее царство. И нанялись у того цара за работниковъ: браты на току молоциць, а Иванька Шиварь садъ пилнуваць. И имъ було хуже, а яму̀ лѣпи. Стали яны яму завидоваць, што яму лѣпи, а имъ хуже, и стали гыворыць: якъ бы намъ яго ци забиць, ци зарѣзыць? А другіе кажуць: ци зарѣзыць, ци забиць—грѣхъ, а лучьче скажемъ цару, што у тэй бабы, идзѣ мы жанилиси, ёсь самопитный жбанъ: што боли пъёшъ, то боли хочетца. Дыкъ царъ яго пошлёць туды, а тамъ яна яго забъёць! Пришовъ царъ на токъ, яны и говоруць: «вотъ што, царъ: идзѣ мы жанилиси, ёсь самопитный жбанъ. Дыкъ Иванька Шиварь вамъ яго дыставиць. Призвавъ царъ Иваньку и говориць: «што ты, Иванька Шиварь, добрый мылодзецъ, щиро мнѣ служишъ?»—Щиро!—«Ды ящо не соўсимъ! Вотъ мнѣ говорили твоѐ браты, што у тэй бабы, идзѣ вы жанилиси, ёсь самопитный жбанъ. Кабъ ты мнѣ яго дыставъ! А не дыставишъ, дыкъ мой мечъ, а табѣ гылыва съ плечъ!» Вышовъ

Иванька Шиварь на дворъ и цяженько ўздыхнувъ. А конь почувъ, што енъ такъ цяжко ўздыхаець, и говорицъ: «што ты, Иванька Шиварь, такъ цяжко ўздыхаешъ?»—Якъ жа мнѣ ня уздыхацъ? Царь казавъ, што у тэй бабы, идзѣ мы жанилиси, ёсь самопитный жбанъ. Дыкъ кабъ я яго дыставивъ, а кыли не дыставлю, дыкъ яго мечъ, а мнѣ гылыва съ плечъ!—«А што, Иванька: я табѣ казавъ, кабъ ты не бравъ пяро, а ты не послухавъ мяне, узявъ. Вотъ табѣ цяперь! Ну, да гето бяда не вяликая, я табѣ ў ёй пумогу, а будзець бяда большая! Идзи ты скажи царю, кабъ давъ намъ три дни поѣсць, попиць и погуляць, и кабъ давъ двананцыць воловъ, по двананцыць пудовъ, а то ў тые бабы ёсь шесь котовъ, што зъѣдаюць доразу человѣка.» Ну, поѣли яны три дни, попили, погуляли, ды ўзяли двананцыць воловъ по двананцыць пудовъ и поѣхыли къ тэй баби. Пріѣхыли яны къ калиновому мосту, конь и говбрицъ: «вотъ, у бабы цяперъ съ комину искры сыплютца; а якъ станець дымъ ици, тоды ты мяне гукни,—я пойду походжу троху!» Сѣвъ енъ на камень и глядзицъ. Глядзѣвъ, глядзѣвъ—усё упередъ искры сыпалиси, а вб сычасъ ставъ и дымъ ици! Енъ свиснувъ, конь прибѣгъ, и говорицъ: садзись жа скорѣй, бяри воловъ и поѣдземъ! Узявъ енъ воловъ, сѣвъ на кыня, и поѣхыли. Пріѣхыли яны туды стали ў сянёхъ—баба спиць. Енъ тоды пошовъ скорѣй по самопитный жбанъ. Тольки ўвыйшовъ, а коты къ яму. Енъ скорѣй узявъ шесць воловъ, ды ў запе́чку имъ торкнувъ. Стали яны ѣсь, а енъ ухапивъ самопитный жбанъ, ды уцекаць. А коты зъѣли тыхъ воловъ, ды за имъ; а ёнъ ящо уторкнувъ имъ пы волу, а самъ и поѣхывъ. Прошнулася баба, бачиць—нема самопитнаго жбана! Сѣла на ступу, товкачомъ пыгоняець, пымяломъ услѣдъ заметаець—ѣдзець у догоню. Догоняець Иваньку, вотъ-вотъ ухвациць Иванькуваго кыня за хвостъ—алитку енъ пераскочивъ черазъ калиновый мостъ. Пераѣхавши черазъ мостъ, вывярнувся енъ къ баби, а баба кажець: «а што, Иванька Шиварь, коній звёвъ?»—Звёвъ, бабушка!—«Дочекъ моихъ зъѣвъ?» —Зъѣвъ, бабушка!—«Самопитный жбанъ звёзъ?»—Звёзъ, бабушка!—«Ну, прощай!»—Нѣ, не прощай, а ще ў госци дожидай! И поѣхувъ. Пріѣхувъ къ царю, отдавъ самопитный жбанъ. То було яму хорошо, а то ящо полѣпшало. А братамъ якъ було, такъ и було. Тоды яны сабѣ думаюць: якъ бы намъ яго страбиць: ци зарѣзыць, ци забиць? А другіе говоруць: ци зарѣзыць, ци забиць—грѣхъ, а лучьче скажемъ цару, што у тэй бабы ёсь самодуды. Вотъ царь яго пошлёць, дыкъ можа яна яго цяперъ забъе́ць. Пришовъ царь на токъ, яны и говоруць: вотъ што, царь: у тэй бабы, идзѣ мы жанилиси, ёсь самодуды—што боли йграешъ, то боли хочетца. Вы пошлиця Иваньку Шивара, енъ вамъ ихъ дыставиць!.. Пришовъ царь домовъ и говорицъ: «што Иванька Шиварь, добрый молодзецъ? щиро ты мнѣ служишъ?»—Щиро и вѣрно, ваша царское вяличаство!—«Ну, не соўсимъ ящо. Вотъ у тэй бабы, идзѣ вы жанилиси, ёсь самодуды. Дыкъ ты мнѣ ихъ дыставъ, а кыли не дыставишъ, то мой мечъ, табѣ гылыва съ плечъ!» Вышовъ Иванька Шиварь, добрый молодзецъ на дворъ, та́къ цяженько ўздыхаець. А конь яго почувъ и спрашіецъ: «чаго, Иванька Шиварь, такъ цяжко ўздыхаешъ?»—Якъ жа мнѣ не ўздыхаць, кыли сказали браты, што у тыѐ бабы, идзѣ мы жанилиси, ёсь самодуды, и царь сказавъ мнѣ дыставиць, а коли не дыставлю, то яго мечъ, а мнѣ гылыва съ плечъ.—«А што, Иванька: я казавъ—нярушъ пяра! А

ты не послухавъ—вотъ табѣ и бяда. Али я ў гетой бядзѣ табѣ пумогу, а будзець табѣ ящо большая бяда. Идзи скажи пану, хай дась намъ три дни попиць, поѣсь, погулядь, и хай дась намъ три горошины по три пуды, а то ў бабы ёсь три мухины, што отразу человѣка зъѣдаюць!» Давъ имъ царь три дни попиць, поѣсь, погулядь и давъ три горошины по три пуды. Погуляли яны и поѣхыли. Ѣхыли, ѣхыли, пріѣжжаюць къ калиновому мосту. Конь говориць: «я жъ пойду, походжу трошку, а ты сядзь на камень и глядзи, бы цяперъ съ комина сыплютца искры, а якъ станець дымъ ици, то ты свисни, я й прибягу!» Сѣвъ енъ на камень, глядзѣвъ, глядзѣвъ, усё искры сыплютца. Ажны во пошовъ и дымъ. Енъ свиснувъ, конь прибѣгъ и кажець: садзись скорѣй ды поѣдземъ! Сѣвъ ёнъ на кыня и поѣхыли. Пріѣжжаюць туды, баба ляжиць на койцы, кыло яѐ самодуды, а на ихъ мухи сидзяць. Конь кажець на Иваньку Шивара, добраго молойца: кидай ты одну горошину мухинамъ! Енъ кинувъ, мухины стали ѣсь горошину, а самодуды и зайграли. Баба кажець: цишеця вы, мнѣ й такъ тошно! Кинувъ Иванька другую горошину, мухины стали яѐ ѣсь, а баба знову говорицъ: цишиця вы, мнѣ й такъ тошно! Кинувъ Иванька послѣднію горошину, мухины зновъ кинулись ѣсь яѐ, а самодуды зайграли. Тоды баба узяла ды ихъ поцѣрла, яны перастали йграць, баба й заснула. Иванька Шиварь, добрый молодзецъ, схвацивъ самодуды и поѣхувъ. Прошнулася баба, убачила, што нема самодудовъ, сѣла на ступу, товкачомъ погоняець, помяломъ услѣдъ заметаець, и побѣгла у догонъ. Чуць не ухвацила яна Иваньку Шивара, али енъ ўжо пераѣхавъ черазъ калиновый мостъ. Вывярнувся ёнъ къ баби, баба и кричиць: «што, Иванька Шиварь, добрый молодзецъ, коній звёвъ?»—Звёвъ, бабушка!—«Дочокъ моихъ зъѣвъ?»—Зъѣвъ, бабушка!—«Самопитный жбанъ звёзъ?»—Звёзъ, бабушка!—«Самодуды ўзявъ?»—Узявъ, бабушка!—«Ну, прощай, Иванька Шиварь, добрый молодзецъ!»—Прощай, бабушка! Поѣхывъ енъ къ цару, отдавъ самодуды. Тѐ було яму хорошо, а то ще полѣпшало.

Тоды браты говоруць сами съ собой: во якъ яму усё удаетца! Якъ бы намъ яго страбиць: ци зарѣзыць, ци забиць? А другіе кажуць: нѣ, зарѣзыць ци забиць—грѣхъ, а лучьче скажемъ пану, што якъ мы ѣхыли, дыкъ видзѣли—плавыець у чавеньчику Дзѣвка Красавка. Дыкъ енъ яго пошлѐць за ёй, ёнъ не дыставиць, и самъ згинецъ!.. Пришовъ царъ на токъ, яны и говоруць: вотъ што, ваша царское вяличаство: якъ мы ѣхыли, дыкъ видзѣли плавыець ў чавеньчику Дзѣвка Красавка, ды тыкая пригожая, што и сказаць нявожно. Пошлиця Иваньку Шиваря, ёнъ вамъ яѐ дыставиць. Пришовъ царъ домовъ. Пришовъ домовъ и говориць: «што ты, Иванька Шиварь, добрый молодзецъ, щиро и вѣрно мнѣ служишъ?» —Щиро и вѣрно, ваша царское вяличаство!—«Ды ящо не соўсимъ. Вотъ што браты твоѐ говорили: якъ вы ѣхыли, дыкъ видзѣли, што у чавеньчику Дзѣвка Красавка плавыець. Дыкъ кабъ ты мнѣ яѐ дыставивъ. А кыли не дыставишъ, то мой мечъ, табѣ гылыва съ плечъ!» Вышовъ Иванька Шиварь на дворъ и цяженько уздыхнувъ. Конь близко бывъ, почувъ, што енъ такъ цяжко уздыхаець и говориць: што ты, Иванька Шиварь, такъ цяжко уздыхаешъ?»—Якъ жа мнѣ ня ўздыхаць; сказавъ царъ, кабъ я дыставивъ яму Дзѣвку Красавку, а кыли не дыставлю, дыкъ яго мечъ, мнѣ гылыва съ плечъ!—«А што, Иванька! Я табѣ казавъ, кабъ ты не бравъ зылотого пяра, а ты не послухавъ—вотъ табѣ и бяда. Ну, ды гето

ще не бяда, а будзець табѣ ящо большая бяда! Хай намъ дась царъ три дни попиць, поѣсь, погуляць, и хай дась намъ тываровъ усякихъ крамныхъ и бочку зъ дванан-цыци зялѣзными вубручами и двананцыць воловъихъ шкуръ, и разныхъ напиткувъ, наѣдкувъ. Пошли яны, погуляли, узяли бочку и шкуры, и тывары, и напитки разные и поѣхыли. Ѣхыли, ѣхыли, ѣхыли, ѣхыли—пріѣжжаюць къ мору. Тоды Иванька Шиварь, добрый молодзецъ узявъ, развѣсивъ тывары на дубахъ ли берагу, ды поставивъ напитки, наѣдки, а самъ схувавсь. Дзѣвка-Красавка ўвидзѣла тывары, подъѣхыла ближе къ берагу, пыглядзѣла, пыглядзѣла, и поѣхыла. Ѣздзила, ѣздзила—узнова пріѣхыла къ гетымъ дубамъ. Вышла на берагъ, разглѣджўець тывары. И ўвидзѣла разные напитки и наѣдки. Стала яна пиць—ѣсь, упилася и заснула. Тоды конь говбрыць: бяри яѐ, садзи у бочку, и обвивай воловъими шкурами! Енъ узявъ, уклавъ яѐ у бочку, уврцѣвъ у двананцыць шкуръ, и повёзъ. На дорози бачиць ёнъ—бяжиць парсюкъ, зылотая шарсцинка, сяребраная шарсцинка, и кажець: «Иванька Шиварь, добрый молодзецъ! не кажи, штó я побѣгъ гэтой дорогой, а скажи, што другой!» Поѣхыли яны дальше,—бяжиць пастухъ. «Иванька Шиварь, добрый молодзецъ, скажи, куды побѣгъ парсюкъ?» Иванька Шиварь не пыказавъ яму тую дорогу, пы якой побѣгъ парсюкъ, ды пыказавъ другую. Пастухъ и побѣгъ. Поѣхыли яны узнова. Ѣхыли, ѣхыли, стала яна прошинатца. Якъ пывярнулася—шесь зялѣзныхъ вубручовъ пераломилиси и шесь воловъихъ шкуръ перарвалиси. И опяць заснула. Пріѣхыли яны у дворъ: якъ пывярнулася—шесь зялѣзныхъ вубручовъ пераломилиси, и шесь воловъихъ шкуръ перарвалиси, и яна вышла зъ бочки. Царь и повёвъ яѐ у покой. Иваньку Шивару тѐ було хорошо, а то ще полѣпшало. Царь хоцѣвъ на тэй Дзѣвцы Красавцы жанитца, а яна кажець: кыли дыставишъ мнѣ зъ мора зылотую скрынку мою и сяребраный ключикъ, дыкъ пойду зы цябе, а не дыставишъ, дыкъ не пойду! Позвавъ царь Иваньку: «ну што, Иванька Шиварь, щиро и вѣрно мнѣ служишъ?»—Щиро и вѣрно, ваша царское вяличаство!—«Ну, ды ще не соўсимъ: дыставъ ты мнѣ зъ мора зылотую скрынку Дзѣвки-Красавки и сяребраный ключикъ. А коли не дыстанешъ, дыкъ мой мечъ, табѣ гылыва съ плечъ!» Вышовъ Иванька на дворъ и цяженько уздыхнувъ. Конь недалёко бывъ, почувъ, што ёнъ такъ цяжко уздыхаець, и говбрыць: «чаго ты Иванька Шиварь, добрый молодзецъ, такъ цяжко уздыхаешъ?» А енъ кажець: якъ жа мнѣ ня ўздыхаць, кыли скызавъ царь, кабъ я дыставивъ зъ мора зылотую скрынку Дзѣвки Красавки и сяребраный ключикъ, а кыли не дыставлю, то яго мечъ—мнѣ гылыва съ плечъ.—«А што? ци я табѣ не казавъ, кабъ ты не бравъ зылотого пяра. А ты не послухавъ, узявъ—вотъ табѣ и бяда. Гето бяда, дакъ бяда, и я скажу, што бяда. Ну, ды йдзи скажи, хай дась намъ три дни попиць, поѣсь, повесялитца!..» Ну, попили яны три дни, поѣли, погуляли, повесялились, и поѣхыли. Ѣхыли, ѣхыли, пріѣхыли яны къ тому морю. Конь и говорыць: ну, я пойду, трошку походжу, а ты ляжъ и ляжи. И будзець тутъ ици цѣлая стада рáкувъ, дыкъ ты не бяри ни воднаго рака, а тольки ззаду бўдзець ици кривый маленькій рáчикъ, дыкъ ты яго и ўлови. Стануць тоды раки просиць цябе, кабъ ты пусцивъ яго, а ты не пускай, скажи, кабъ принясли табѣ тыя вещи!.. Вотъ Иванька Шиварь лёгъ и глядзиць. Глядзѣвъ, глядзѣвъ—повзуць раки—цѣлое мора! И енъ не бравъ ни воднаго, а

увидзѣвъ, што назадзѣ повзѐць кривый маленькій ра́чикъ, енъ яго и ўловивъ. Стали тоды тэя раки просиць яго, кабъ енъ отдавъ имъ рачика: отдай, кажуць, намъ гетаго рачика, гето нашъ братъ меньшій! Енъ говрйць: нѣ, ня 'тдамъ: дыстаньця мнѣ зъ мора зылотую скрынучку и сяребраный ключикъ Дзѣвки-Красавки! Пуплыли яны искаць тыхъ вящей. Искали, искали—не найшли. Ажны бяжиць парсюкъ зылотая шарсцинка, сяребраная шарсцинка и говориць: «што табѣ, Иванъ Шиварь, добрый молодзецъ, треба тутъ?»—Ды треба мнѣ дыстаць у мори зылотую скрынучку и сяребраный ключикъ Дзѣвки-Красавки. Ды вотъ раки йскали, не найшли!... Якъ сказавъ енъ такъ, гетый парсюкъ бовць у мора и поплывъ. Поплывъ и поплывъ, и раки за имъ,—и цягнуць зылотую скрынучку и сяребраный ключикъ. Узявъ Иванька гетыя вещи, отдавъ имъ кривого рака, подзякувавъ и поѣхувъ.

Пріѣхувъ къ цару, отдавъ вещи. Ну гета Дзѣвка-Красавка ня любиць цара, ды любиць Ивана Шивара, добраго молойца. Вотъ тоды ужо и царь ставъ шукаць злуча́я, кабъ якъ нибудзь яго страбиць. Приказавъ енъ своимъ слугамъ подоиць дванацыць кобылъ и вялѣвъ гето мылоко спариць, ускипяциць. Тэя ўскипяцили мылоко; призвавъ царь Ивана и говрйць: «я хочу цябе пыкупаць у кобылинымъ мылоцѣ!» Вышовъ Иванька Шиварь на дворъ и цяженько уздыхнувъ. Конь близко бывъ, почувъ, што енъ такъ цяжко уздыхаець, и говрйць: што, Иванька Шиварь, добрый молодзецъ, такъ цяжко уздыхаешъ?»—Якъ жа мнѣ ня ўздыхаць? Сказавъ царь, што хочець мяне ў кобылинымъ мылоку пыкупаць. А яно такое жаркое, што ня можно подыйци къ яму!—«Глядзи жъ, Иванька Шиварь: якъ скажуць табѣ лѣзць у коцёлъ, дыкъ ты напромилуй Богъ проси: привядзиця мнѣ мойго кыня: хай жа ёнъ пуплачець по мнѣ.» Вотъ пошли яны къ котлу. Иванька ставъ просиць цара, кабъ привяли яму кыня: «хай жа ёнъ пуплачець по мнѣ!» Тоды царь говрйць: «ну, идзиця привядзиця яго кыня!» Привяли слуги кыня; енъ подыйшовъ къ котлу и ўпусцивъ три слязины лёду по три пуды. Иванька ускокнувъ у коцелъ, покупався тамъ и вылязъ. И то̀ бывъ красивъ, а то ще покрасивѣвъ. Бачиць царь, што Иванъ Шиварь, добрый молодзецъ попригожѣвъ у мылоцѣ, захоцѣвъ енъ и самъ пукупатца, и говрйць слугамъ: подойця вы зновъ двананцыць кобылъ и нагрѣйця мылоко, якъ тоды награвали. Слуги пыдоили двананцыць кобылъ и спарили мылоко. Пришовъ царь къ котлу, а къ яму и пыдойци нельзя отъ жару. Ну, каець: привядзиця жъ и мнѣ изъ стайни самаго лѣпшаго кыня, хай ёнъ по мнѣ пуплачець! Тэя слуги пошли, привяли кыня, а конь ня йдзѐць къ котлу, бо дужо жарко, а тольки скачець кыло котла. Царь ждавъ, ждавъ, ды й ускочивъ у коцёлъ—и спарився тамъ...

А Дзѣвка Красавка зъ Иваномъ Шиваромъ добрымъ молойцомъ ожанилася, и цяперь живуць. И здзѣлыли пиръ на ўвесь міръ. И я тамъ бывъ, медъ-вино пивъ; повусамъ цякло, а ў ротъ не пупало.

Г. Сѣнно. Мѣщ. Петръ Николаевъ Кучинскій.

40. Ладька.

Жили сабѣ три браты; одного звали Ладзька. Жили яны бѣдно, не було имъ ни ў чемъ удачи. Вотъ и пошли яны ў свѣтъ доли искаць. Ишли, ишли, приходзюць у

лѣсъ. Видзюць—стоиць хатка. А ў гэтый хатцы жила вѣдзьма, што людзей ѣла, и ў яе було три дочки. Стали яны проситца на нычъ, а вѣдзьма кажець: кили будзеця зъ моими дычками спаць, дыкъ ночуйця. Нечыго имъ робиць—нейдзи нычуваць, яны кажуць: ну будземъ! Пусцила ихъ вѣдзьма на нычъ, и пыклала большую дочку зъ большымъ братомъ, сярэднію съ сярэднимъ, а меньшую зъ Ладзькымъ. Яны уси заснули, а Ладзька ня спиць. Чуець ёнъ, што вѣдзьма вышла съ хаты, и думыець сабѣ: мусиць нѣшто тутъ будзець! Ставъ ёнъ пытатца у меньшыя сяструы, якъ яны живуць, што у ихъ ёсь? Ина яму кажець: «ёсь у насъ конь, сярэбряная шарсцинка, зылотая шарсцинка, зылотый копытъ, сярэбряный копытъ; ёсь у насъ гусельки сымыгранныя: сами йграюць, сами скачуць—ни пиць, ни ѣсь ня хочетца, только любо слухаць; и ёсь у насъ шаринка: хуць якая будзець ряка, а кыли махнéшъ гэтый шаринкый напéредъ, дыкъ мостъ станець, а якъ махнéшъ ньизадъ, дыкъ узнова ряка станець!»—А йдзѣ ина ляжиць? пытаетца Ладзька. Ина яму скызала, а посьли и заснула. Вотъ Ладзька уставъ и вышовъ вонъ. Пылядзиць—увы йстопцы огонь горицъ. Енъ подыйшовъ къ вокну, пылядзѣвъ увы йстопку, ажны тамъ вѣдзьма ножъ истрицъ! Тоды енъ пришовъ ў хату, ды ў яе дочокъ хвустки зънявъ зъ головъ и пыныдзивавъ братамъ, и сабѣ надзѣвъ ны гылову хвустку, а вѣдзьминымъ дычкамъ пыныдзивавъ шапки, и цихынько лёгъ. Приходзиць вѣдзьма и щупыецъ: чыя гылыва у шапцы, тому гыловў прочь, чыя гылыва у шапцы, тому гыловў прочь, и по'трѣзыла усимъ трёмъ дычкамъ голóвы! Сыма пышла зы лучинкый, а Ладзька уставъ, шаринку укравъ, разбудзивъ братовъ ды кажець: ну, братцы, пóйдземъ на ўцёки, а то будзець худо! И пошли яны уцекаць. Увыйшла вѣдзьма зъ лучинкый у хату, спляснула руками, и зарюла (заревла), што порѣзала своихъ дочокъ. Побѣгла яна дыгоняць братовъ, а яны прибѣгли къ ыгняный ряцѣ, и мыста нема. Ладзька махнувъ шаринкый, и мостъ ставъ. Тольки яны перяйшли черезъ ряку, Ладзька махнувъ шаринкый ныізадъ, и мыста не стало. А тутъ и вѣдзьма услѣдъ гонитца. Прибѣгла, а мыста немашыцьки. Яна кричиць: «а што, Ладзька, укравъ шаринку?»—Укравъ, бабка!—«А што, Ладзька, порѣзывъ моихъ дочокъ?»—Нѣ, бабка, сыма порѣзыла!—«А ци прибудзешъ ты ко мнѣ?»—Чаму, бабка! Вярнулыся вѣдзьма у дворъ, а яны пошли сабѣ дальше. Вотъ яны ишли, ишли, ишли, ишли, приходзюць икъ кыролю. И стали у кырыля служиць. Старшимъ братамъ було плохо жиць, а Ладзьку дóбря: яго король любивъ. Стали яму браты завидываць, и зыхоцѣли яго съ свѣту збыць. Вотъ яны и кажуць кыролю: Ладзька табѣ вѣрно служиць, а правды ня кажець: ёсь у вѣдзьмы конь—зылотая шарсцинка, сяребряная шарсцинка, зылотый копытъ, сяребряный копытъ. Енъ табѣ гетыго кыня дыстаць можець! А сами думыюць: цяперь ёнъ отъ вѣдзьминыхъ рукъ ня выйдзець! Король призвавъ Ладзьку и говóрицъ яму: ты мнѣ вѣрно служишъ, а правды ня кажешъ! Ёсь у вѣдзьми конь—зылотый копытъ, сяребряный копытъ, зылытая шарсцинка, сяребряная шарсцинка, кабъ ты мнѣ яго дыставъ! Ладзька сыбрався и пошовъ у дорогу. Приходзиць икъ вѣдзьми, ажны яѐ у дворѣ нема—у чорта ны родзйнахъ гуляець: звавъ яѐ чортъ у бабки, у яго рябёныкъ родзився. А конь зы дванатцыци дьверями, зы дванатцыци замками. Ладзька якъ махнувъ шаринкый—замки прочь, и двери рысчинилиси. Енъ узявъ кыня и поѣхувъ. Пришла

вѣдзьма домовъ—кыня нема! Побѣгла ина у погонь зы Ладзькый. А Ладзька подъѣхувъ къ ыгняный ряцѣ и якъ махнувъ шаринкый, дыкъ мостъ ставъ, а перяѣхавши махнувъ нызадъ, ряка стала. Прибягаець вѣдзьма къ ряцѣ, видзиць, што гнатца дали некуды, стала ли ряки и кричиць: «А што, Ладзька, укравъ шаринку?»—Укравъ, бабка!—«А што, Ладзька, укравъ кыня?»—Укравъ, бабка!—«А што, Ладзька, порѣзывъ моихъ дочокъ?»—Нѣ, бабка, сыма порѣзыла!—«А ци прибудзешъ ты ко мнѣ?»—Чаму, бабка!

Привёвъ Ладзька кыня къ кыролю; було яму кырошо жиць, ящо полутчало! Тоды браты говорюць кыролю: «Ладзька табѣ вѣрно служиць, а правды ня кажець. Ёсь у вѣдзьмы гусельки сымыгранныя—сами йграюць, сами скачуць, ни пиць, ни ѣсь ня хочетца, только любо слухыць. Енъ табѣ можець ихъ дыстаць!» Король пызвавъ Ладзьку и говориць: ты мнѣ вѣрно служишъ, а правды ня кажешъ! Ёсь у вѣдзьмы гусельки самыгранныя—сами граюць, сами скачуць; ни пиць ни ѣсь ня хочетца, только любо слухыць. Кабъ ты мнѣ ихъ дыставивъ! Узявъ сабѣ Ладзька торбу, краюшку хлѣба, жменю гороху и пошовъ къ вѣдзьми. Приходзиць къ ёй у хату, ажны яна ляжиць ны лавцы и зысыпаець, а гусельки лежаць на столѣ. Енъ пыткрався, и кинувъ одну горошинку на йструны. Йструны зазвинѣли, а вѣдзьма кажець: ишъ муха-злая духа! и яна гуляць зыхоцѣла! Енъ другую горошинку кинувъ, а вѣдзьма узнова тое самое говориць, только цишѣй. Енъ, пыгодзя, третьцію горошинку кинувъ. Вѣдзьма ничого не кажець—спиць. Енъ схвацивъ гусельки, ды наўходы! А вѣдзьма прошнулыся ды яго и пыймала. И хоцѣла згутуваць и зьѣсци.Ажъ прибѣгаець чортъ и просиць вѣдзьму на хрисцины. А йна кажець: а нѣ, не пойду: я свойго злочинца поймала, треба яго зьѣсци! А чортъ яѐ дывай просиць, дывай молиць: мы яго, кажець, у яму запрёмъ, каме́ньнемъ ды полѣньнемъ зывалимъ, а посьли зь имъ рызьбярёмся! Вѣдзьма послухала. Усадзили яны яго ў яму, ды й зывалили, а яна пышла ны хрисцини. А Ладзька узявъ шаринку, якъ махнець—рядъ каме́ньня, рядъ полѣньня доловъ! Пызмахавъ усё, а самъ вылѣзъ. Увыйшовъ у хату, а гусельки лежаць ны столѣ. Енъ ихъ схвацивъ, и побѣгъ уцекаць. Приходзиць вѣдзьма—ни Ладзьки, ни гуселекъ нема. Ина побѣгла у погонь, а Ладзька ужо перяйшовъ черезъ огняную ряку, махнувъ шаринкый нызадъ—мыста не стало. И некуды вѣдзьми дали гнатца! Стала яна при ряцѣ и кричиць: «А што, Ладзька, укравъ шаринку?»—Укравъ, бабка!—«А што, Ладзька, укравъ кыня?«—Укравъ, бабка!—«А што, Ладзька, укравъ гусельки?»—Укравъ, бабка!—«А што, Ладзька, порѣзывъ моихъ дочокъ?»—Нѣ, бабка, сыма порѣзыла!—«А ци прибудзешъ ты ко мнѣ?»—А чаго я къ табѣ прибуду: ци ўгловъ твоихъ глядзѣць? Вѣдзьма тутъ, со злосьци, ударилася объ землю, и разьбилыся! А Ладзька пошовъ у дворъ. Идзе́ць ёнъ, идзе́ць дорогой—гусельки сами йграюць, сами скачуць, ни пиць ни ѣсь ня хочетца, только любо слухыць! Устрѣчаець Ладзька человѣка. А ў гетаго человѣка кій. Человѣкъ убачивъ гусельки и кажець: «дывай пымѣняемъ кій на гусельки!»—А якій твой кій?—«Мой кій такій, што хўць якое войсько, только скажи: кій, мой вѣрный слуга, поби гето войсько!—енъ и побъе́ць!» Пымѣняли яны. Ладзька троху пройшовъ, и пыкызалыся яму скушно бязъ гуселекъ; енъ и кажець: кій, мой вѣрный слуга! Идзи заби гетыго человѣка и отбяри гусельки! Кій

пошовъ, человѣка забивъ, и гусельки отыбравъ. Идзéць Ладзька. Гусельки играюць, кій скачець, а на ўстрѣчу яму идзець человѣкъ съ пугый. Давай, каець, пымѣняемъ пугу на гусельки!»—А што твыя пуга? пытаетца Ладзька.—«А мыя пуга тыкая, што тольки скажи: пужка-посвистушка, подыми гето войсько!—и хуць якое побитое войсько,—дыкъ ина подымиць!» Пымѣнявъ Ладзька гусельки, на пужку и пошовъ. Пройшовъ Ладзька троху, скушно яму стало. Енъ и кажець кію: кій, мой вѣрный слуга! идзи гетыго человѣка заби и гусельки отбяри! Кій пошовъ и гето здзѣлывъ. Идзéць Ладзька дали: гусельки йграюць, кій скачець, пужка свищець—вясёло яму! А на ўстрѣчу человѣкъ съ сякирой идзéць. «Пымѣняемъ, каець, сякиру на гусельки!» —А што твыя сякира? пытаетца Ладзька.—«А моя сякира тыкая, што кыли ёй прикажешъ, то хуць якій домъ зá нычь зрубиць!» Пымѣняли яны. Пройшовъ троху Ладзька—скушно яму стало. Енъ и кажець кію: кій, мой вѣрный слуга! Идзи, гетыго человѣка заби и гусельки отбяри! Кій человѣка забивъ и гусельки отыбравъ. Идзéць Ладзька: гусельки играюць, кій скачець, пужка свищець, сякира зы пысясóмъ тырчиць —вясёло яму! Приходзиць енъ ны кыролевское поле, обнимаець яго цёмна ночь. Кажець Ладзька сякири: «зруби мнѣ за нóчь домъ, полутче кыролевскыго!» Яна и зрубила. Ны другій дзень уставъ король, видзиць, што стоиць ны яго поли дворецъ, и пысылаець узнаць, хто тамъ ёсь, и кабъ енъ къ кыролю явився. «Якую енъ праву мѣвъ безъ мойго пызволеньня строиць дворецъ ны моёй зямли?» Посланцы пошли, а Ладзька пывялѣвъ кію зъ двыра ихъ пригнаць. Усердзився король, пыславъ войсько. Якъ увидзивъ Ладзька, што войсько идзець, дыкъ енъ и скызавъ кію: кій, мой вѣрный слуга! Идзи поби гето войсько! Кій пошовъ и побивъ усё. Король пыславъ войська ящо больше, а кій и тое побивъ. Пошовъ тоды самъ король къ Ладзьку съ поклонымъ, и ставъ яго просиць милосьци. Ладзька кажець: а што будзець,—я табѣ усё войсько подыму? Король кажець: што хочешъ, бяри, тольки пыдыми! Ладзька кажець: отдай зы мяне свою дочкỳ замужъ, и отдай мнѣ гето ўсё поле, дзѣ стоиць мой дворецъ! Король сыгласився. Вотъ Ладзька кажець: пужка-посвистушка, подыми ўсё гето войсько! Пужка якъ стала бѣгаць ды свистаць—ўсё войсько устало! Скоро яны сыйграли свадзьбу.

И я тамъ ны вясельли бывъ, мёдъ-вино пивъ, пы вусамъ цякло, а ў роци ня було. Дали мнѣ скыворóду, й побѣгувъ пы горóду; дали мнѣ чепялу, я побѣгувъ пы сялу; а якъ дали мнѣ смыкъ—я зы вороты шмыкъ! И уцёкъ...

Д. Сапѣги, латыгов. в. сѣнн. у.

Запис. учит. нар. уч. Громузовъ. См. Чубин. 37, 409.

41. Тремъ—сынъ.

Вотъ было сабѣ такъ у бацьки три сыны. Пошли яны расъ на хвоту, ходзили, ходзили, ничого не найшли. Рызыйшлиси яны по днымъ, и кажуць одзинъ одному: кыли хто кого нáйдзець, гукайця тоды усихъ! Вотъ идзéць меньшій братъ, и видзиць—стоиць дупъ, а на дубу гняздзечко. Полѣсъ ёнъ на дупъ,—у гняздзечку мальчикъ. Ставъ енъ тоды гукаць братовъ. Гукавъ, гукавъ, догукався сяредняго брата; сяредній

гукавъ, гукавъ, догукався большаго брата. Меньшій братъ узявъ мальчика, навязавъ на пбисъ и спусцивъ зъ дубу. Принясли яго домовъ, стали ксцицъ—ниякъ именьня не прикладуцъ. Думыли, думыли и дали яму йимя Трёмъ-сынъ. Вотъ меньшій братъ кажецъ: я опишу яму на ксцины жрябенка! сяредній кажецъ: а я опишу сядло! А большій кажецъ: а я опишу уздэчку! Ну, тэй мальчикъ якъ рэсци, дыкъ рэсци—ни по годахъ, ды по часахъ, вырысъ вяликій. Пошовъ енъ расъ къ сусѣдзимъ, яму сусѣдзи говоруцъ: «што ты ў ихъ будзешъ жицъ? ѣдзь отъ ихъ, бяри свойго кыня и сядло и уздэчку.» Енъ пришовъ домовъ и кажецъ: отцы моѐ милые, я ня буду у васъ жицъ! Яны кажуцъ: зъ Богомъ сабѣ, Трёмъ-сынъ! Меньшій вывявъ кыня, сяредній вынясъ сядло, большій вынясъ уздэчку. Собрали яго и выправили, поѣхувъ ёнъ. Ѣхувъ, ѣхувъ, ѣхувъ, ѣхувъ,—ажъ сядзицъ птахъ—за семъ вёрстъ видно отъ яго. Подъѣхувъ енъ къ птаху и хоцѣвъ яго схапицъ. Тольки за яго, а птахъ пыднявся и пыляцѣвъ, осталыся одно пяро у яго ў рукахъ. Поѣхывъ ёнъ съ тымъ пяромъ дали. Якъ выстновицъ пяро, такъ усё поле и освѣцицъ. Ѣхывъ ёнъ, ѣхывъ, и пріѣхывъ ды царя. Царъ нанявъ яго къ сабѣ зы конюха, коній чисцицъ.

Вотъ, ставъ енъ у царя жицъ, ставъ коній дыглядацъ. Другіе жъ конюхи идуцъ чисцицъ коній—царъ имъ свѣчки подаѐцъ, а Трёмъ-сынъ и свѣчекъ не бярѐцъ и вычисцицъ лучче за ўсихъ коній своихъ. Царъ усё дзивитца, што тэя бяруцъ свѣчки, а ёнъ нѣ, ды лучче за ихъ вычисцицъ. Стали конюхи яму завидывацъ, стали за имъ пыдглядывацъ. Одзинъ узявъ и прокруцивъ дзирку съ своѐ стайни въ яго, дыкъ празъ тую дзирку освяцило и гэтую стайню. Тэй увидзивъ пяро, ды пошовъ къ царю и сказавъ: затымъ ёнъ свѣчекъ не бярѐцъ, што у яго ёсь пяро птаха. Вышовъ царъ на ганыкъ и гукаецъ: «Трёмъ-сынъ, ходзи сюды! Казали, што ў цябе ёсь пяро птаха. Отдай яго мнѣ!» Трёмъ-сынъ и отдавъ. Нызаўтраго рано вышовъ царъ на ганыкъ и гукнувъ Трёмъ-сына: Трёмъ-сынъ, ходзи сюды! Пришовъ Трёмъ-сынъ, царъ и кажецъ: «дыставивъ ты мнѣ пяро, дыставъ ты мнѣ й птаха!» Трёмъ-сынъ заплакувъ и пошовъ къ свойму коню. Конь спрашуецъ: чаго, Трёмъ-сынъ, плачешъ?»—Якъ жа мнѣ ня плакыцъ, косю? Скызавъ мнѣ царъ: дыставивъ ты мнѣ пяро, дыставъ и птаха!.. —«Не плачъ, Трёмъ-сынъ, гэто не бида, бида будзецъ ўперадзѣ. Идзи скажи царю, хай дась два пуды пшаницы, два вядры горѣлки и шесь корытцувъ!» Царъ дыставивъ усё гэто, Трёмъ-сынъ и поѣхувъ на тымъ коні. Ѣхыли, ѣхыли, пріѣхыли къ большэй горѣ. Налили яны тоды два корытцы горѣлки, насыпали два корытцы пшаницы и пыставили на горѣ. Конь кажецъ: я жъ пойду походжу, а ты подлѣзь подъ корытцо и глядзи: якъ приляцицъ птахъ, зьѣсь одно корытцо пшаницы, выпъецъ одно корытцо горѣлки, и пераляцицъ на другое корытцо горѣлки. Тоды ты яго лови!.. Трёмъ-сынъ такъ и здзѣлывъ. Уловили птаха и поѣхыли. Пріѣхыли у дворъ, отдали птаха царю. Поставивъ Трёмъ-сынъ кыня на стайню, самъ пошовъ отдыхацъ. Нызаўтраго рано выйшувъ царъ на ганыкъ и ўзнова гукаецъ Трёмъ-сына. «Ну, Тремъ-сынъ, дыставивъ ты мнѣ пяро, дыставивъ птаха, вотъ жа на мори на лоточцы плаваецъ Настася-Прекрася, дыставъ мнѣ яе!» Пошовъ Тремъ-сынъ къ коню и заплакувъ. «Чаго ты, Тремъ сынъ, плачешъ?»—Якъ жа мнѣ не плакыцъ? Скызавъ мнѣ царъ: дыставивъ ты мнѣ пяро, дыставивъ ты мнѣ птаха, дыставъ мнѣ—на мори на лоточцы плаваецъ

Настася Прикрася!—«Ну, не плачъ, Трёмъ-сынъ: гэто не бида, бида будзецъ ўперадзѣ. Идзи скажи цару, хай ѣдзецъ на мѣсто, ныкупляецъ красныго тывару!» Царъ поѣхувъ, накуплявъ красныго тывару и отдавъ Трёмъ-сыну. Поѣхыли яны ўзнова. Ѣхыли, ѣхыли, пріѣхыли на море. Конь и говорицъ Тремъ-сыну: разьвѣсь тываръ ли берагу. И якъ будзецъ плусци у лоточцы Настася Прикрася, скажецъ: «сподмана!» Ты кажи: красный тываръ. Ина выйдзецъ и будзецъ торгувацъ у цябе тывары, а я лопну копытомъ по лоточцы, лотычка и пуплуве̇цъ. Ты яѐ возьми и вядзи къ цару!.. Такъ яны и здзѣлыли. Узяли Настасю Прикрасю и привяли къ цару.

Назаўтраго рано выйшла Настася Прикрася на ганыкъ, гукнула Трёмъ-сына и горицъ: «дыставивъ ты пяро, дыставивъ ты птаха, дыставивъ ты мяне. Ёсь у моѐ матушки на мори ны вокошку повилёны, дыставъ ихъ мнѣ!» Трёмъ-сынъ заплакувъ и пошовъ къ коню. «Чаго, Трёмъ-сынъ, плачешъ?»—Якъ жа мнѣ не плакыцъ? Скызала мнѣ Настася Прикрася: ёсь у моѐ матушки на мори ны вокошку повилёны, дыставъ ты мнѣ ихъ.—Ну, не плачъ, Тремъ-сынъ! Гэто ня бида, бида будзецъ ўперадзѣ! Садзись, поѣдземъ!» Ѣхыли, ѣхыли, пріѣхыли къ мору. Конь говорицъ: ты жъ стань ля мора, а я пуплыву пы повилёны. И глядзи: кыли будуць красныя бу̇рковки скыкаць, дыкъ не вярнуся, а кыли бѣлыя, дыкъ вярнуся!.. Нырнувъ конь у мора; Тремъ-сынъ жджёць. Якъ заскочуць красныя бу̇рковки, якъ зыплачецъ Трёмъ-сынъ!.. Ажны пылядзицъ—скачуць бѣлыя бу̇рковки. Ставъ енъ ратъ. Ажъ скоро и конь плуве̇цъ, и нясецъ у зубахъ повилёны. Ну, поѣхыли яны домовъ. Отдавъ Тремъ-сынъ повилены Настаси Прикраси, постановивъ коня на стайню, а самъ пошовъ отдыхацъ.

Назаўтраго рано выйшла Настася Прикрася на ганыкъ, гукаецъ Трёмъ-сына. «Ёсь, каецъ, у моѐ матушки на мори привязыно двананцыцъ жерапцовъ на двананцыцъ лунцуговъ, а тринанцытая кыбылица на тринанцыцъ лунцуговъ; дыставъ ихъ мнѣ!» Тремъ-сынъ заплакывъ и пошовъ къ коню. «Чаго, Тремъ-сынъ, плачешъ?»—Якъ жа мнѣ не плакыцъ? Скызала мнѣ Настася-Прикрася: ёсь у моѐ матушки на мори привязыно двананцыцъ жерапцовъ на двананцыцъ лунцу̇говъ, а тринанцытая кыбылица на тринанцыцъ лунцуговъ; дыставъ ты мнѣ ихъ.—«Не плачъ, Тремъ-сынъ! Гэто бида не бида, бида будзецъ ўперадзѣ! Поѣдземъ!» Пріѣхыли узнова къ мору. Конь кажецъ: «ты жъ стань ля мора, а я пойду грысци лунцуги. Упе̇рытъ буду грысци ў кыбылицы. Кыбылица пыбяжицъ, а за ёй уси жерапцы. Дыкъ ты якъ будзецъ бѣхчи кыбылица, хватай яѐ, и ѣдзь къ Настаси Прикраси!» Такъ и здзѣлыли. Прибѣгли жерапцы за кыбылицый у дворъ. Настася-Прикрася выйшла на ганыкъ, заманила ихъ; коськи моѐ, коськи!.. Яны ёй и зарзали.

Назаўтраго рано выйшла Настася Прикрася на ганыкъ, гукнула Тремъ-сына и кажецъ: «дыставивъ ты пяро, дыставивъ ты птаха, дыставивъ ты мяне, дыставивъ ты мнѣ повилёны, дыставивъ двананцыцъ жерапцовъ на двананцыцъ лунцуговъ, а тринанцутую кыбылицу на тринанцыцъ лунцуговъ,—дыставъ ты мнѣ гоющія воды и живущія!» Заплакывъ Тремъ-сынъ и пошовъ къ коню. «Чаго ты, Тремъ-сынъ, плачешъ?» —Якъ жа мнѣ не плакыцъ: сказала Настася Прикрася дыставицъ гоючія воды и живу̇щія!—«Во гэто бида, дыкъ бида!.. Али жъ ничо̇го, поспробуемъ! Идзи къ цару, нехай дась ножъ!» Пошовъ Тремъ-сынъ къ цару, узявъ ножъ. Ну, кажецъ конь: садзись на мяне, поѣдземъ!» Сѣвъ Тремъ-сынъ и поѣхыли. Ѣхыли, ѣхыли, пріѣжжаюцъ къ

*

рацѣ. «Ну, Трёмъ-сынъ, бяри ножъ, рѣжъ мнѣ пузо. И якъ прилецяць круки ды сядуць ны мяне, ты лови. Стануць яны просиць, кабъ ты пусцивъ, ты й скажи, кабъ принясли намъ гоющія воды и живущія.» Трёмъ-сынъ такъ и здзѣлувъ, поймавъ кручанёнка. Крукъ пыляцѣвъ и принёсъ воды гоющія и живущія. Трёмъ-сынъ рызодравъ кручанёнка, пумазавъ яго водою, енъ и отжився. Пумазавъ кыня—конь отжився. «Ну, каецъ, Тремъ-сынъ: садзись пыскорѣй, дзяржись пыкрапчѣй, поѣдземъ, а то вылецицъ на насъ цмокъ, спалицъ цябе и мяне!» Уссѣвъ ёнъ и поѣхувъ. Ня ўспѣвъ далеко отъѣхыць, якъ ляцицъ за имъ цмокъ съ огнёмъ, и па́лицъ яго со ўсихъ сторонъ. Вотъ, вотъ бы сусимъ згорѣць, али недалеко дворъ бывъ; ускочили яны у дворъ; цмокъ и пыляцѣвъ ни съ чимъ.

Отдавъ Трёмъ-сынъ воду̀ гоющую и живу̀щую Настаси Прикраси. «Нѣ, кажецъ, постой, можа ты манишъ!» И ссѣкла яму гылову̀. Тоды ўзяла, спорснула водой гоющей и живущей, ёнъ и отживъ. То бывъ пригожъ, а то ще попригожѣвъ! Царъ тоды говрицъ Настаси Прикраси: здзѣлый и мнѣ такъ! Яна й порубила яго на куски. А съ Тремъ-сыномъ пыбралиси и живуць.

Д. Латыгово, ульян. вол. сѣнн. у.

Со словъ кр—ки Марьи Николаевой, 48 лѣтъ, записалъ кр. Иванъ Клащенокъ. Сравн. Малор. разск. и пред. Драгоманова, стр. 286. Тремъ сына нашли разбойники. Прекрасна Настасья посылаетъ его и за намистомъ. Воду гоющую и живущую замѣняетъ горячее молоко, въ которомъ панъ „зовсім изпікся, ажъ облізъ.“ Чубинск. 290. Садовн. 73.

42. Дра-птахъ.

Живъ бывъ такъ сабѣ одзинъ богатый человѣкъ. И було ў яго три сыны: старшій бывъ разумный, сяредній такъ сабѣ—ни туды ни сюды, а меньшій бывъ дурачокъ—Иванъ дурачокъ. Бывъ у гэтыго богатыра садъ преболшенный-вяликій, а ў саду яблунка стыяла—яблычко зылотое, яблычко сяребраное. Скоро казка кажетца, ды ня скоро дзѣло дзѣетца—унадзився у гэтый садъ нѣйкій зло́дзя: кожныя ночи у садзи бываець, зылотыя и сяребраныя яблучки оббиваець, сучьча обла́муець. Ставъ дзѣдъ радзитца съ сынами, якъ бы гэтаго злодзю ўловиць. И пырадзилиси такъ, што треба имъ гэтыя яблунки пилнуваць; упе́рытъ пойдзиць бо́льшій сынъ, за большимъ сяредній, а ме́ньшому хуць ици посли усихъ, а хуць соўсимъ ня йци. Ну, пошовъ на першую ночь злодзю пилнуваць большій сынъ, разумный-то. Ходзивъ, ходзивъ ёнъ пы саду. Якъ пыдъ повночь—зыхоцѣлося яму спаць. Ёнъ и заснувъ. Назаўтраго рано приходзиць бацька ў садъ, бачиць—яблуки обклюваны, сучча оббиты, а вартовщикъ нічо́го ня чувъ, не бачивъ. Ставъ ёнъ сварится на сына, што енъ нико́го ня ўпилнувавъ; ды дзѣлыць ужо нечаго. На другую ночь ици у садъ сяреднему сыну пылнуваць злодзю. Тэй пошовъ, ходзивъ, ходзивъ пы саду, Богу молився, а якъ пыдъ повночь—и заснувъ. Приходзиць рано бацька—узнова яблуки пуклюваты, сучча оббиты, а сынъ ничо́го ня чувъ, ня видзѣвъ. Посваривсь ёнъ ны яго ды й пошовъ. Давъ Богъ смерканьне, приходзитца черада Ивану дурачку ици злодзю пилнуваць. Енъ просится ици, а бацька кажецъ: «куды табѣ, дураку, ици! Кыли разумные ходзили, не ўловили,

а табѣ ўжо уловиць!» Али-тку якъ-ни-якъ ды ўпросився. Пошовъ енъ у садъ, Богу пымолився, узлѣзъ на яблыну, сѣвъ на вилочкахъ и сядзиць. Сядзѣвъ, сядзѣвъ—никого нема. Ажъ у самую пóвнычъ ляциць Дра-птахъ—освяцила увесь садъ, ды якъ затарарахаець! Стала яна сучча оббивацъ, яблуки клювацъ, а енъ мѣцився, мѣцився, ды якъ хáпиць Дра-птаха за хвостъ. Енъ ирванувся и пыляцѣвъ, тольки пяро осталыся у Ивана-дурачка. Давъ Богъ дзень, приходзиць бацька у садъ, видзиць—и яблуки цѣлы и сучча ня 'ббиты. «Ну, каець: никого ня було, затымъ и цѣлы!» И не давъ вѣры Ивану дурачку, што енъ бачивъ Дра-птаха. Приходзиць Иванъ дурачокъ у хату, вынувъ пяро Дра-птаха зъ-за пазухи, такъ усю хату и освяцило, ажъ зьяець. Якъ тольки бацька увидзѣвъ пяро, зыхоцѣлось яму якъ-ниякъ уловиць Дра-птаха. Вотъ енъ насушивъ сухаровъ, и распусцивъ своихъ сыновъ по ўсихъ сторонахъ. Бóльшому давъ сухаровъ больше: «табѣ, кажець, треба за ўсихъ больше ици!» Сяреднему давъ сухаровъ сярéдня: *) «табѣ треба ици сяредня!» А Ивану дурачку давъ за ўсихъ меньше: «табѣ треба за ўсихъ меньше ици!»

Пошли ўси три браты у дорогу. Ишли, ишли, пытомилиси и ѣсци зыхоцѣли. Большій сѣвъ ля возяра, ѣсь сухари, водой запиваець. Ажъ прибѣгаець вовкъ: «человѣчекъ, дай мнѣ хлѣбца хуць разовъ съ пятокъ укусиць!» А тэй кажецъ: ахъ ты, вовчища-дурнища, ты идзѣ бывъ, туды й идзи! а мнѣ дорога ящо вяликая, мнѣ самому треба.—«Дай, каець: на злую годзину и я табѣ знадобенъ буду!»—О, знадобникъ нашовся! Идзи сабѣ, убирайся! Вовкъ побѣгъ дальше. Бяжиць, бяжиць, бачиць—сяредній братъ ли раки сухари ѣсь, водой запиваець. Прибѣгъ къ яму: «добрый дзень табѣ, человѣчекъ!»—На здоровье!—«Дай мнѣ, человѣчекъ, хуць разкѝ на три укусиць хлѣба!»—Ахъ ты, вовчища-дурнища! Ты идзѣ бывъ, туды й идзи, а мнѣ дорога ящо вяликая, мнѣ самому треба!—«Дай, каець, человѣчекъ: на злую годзину я табѣ знадобенъ буду!»—Убирайся ты, гэткій знадобникъ! Ты вò пыдъяси, ды й пóйдзешъ сабѣ, куды захочешъ, а мнѣ треба во йци шукаць Дра-птаха!... Побѣгъ вовкъ дальше, ажъ видзиць—сядзиць меньшій братъ, Иванъ дурачокъ, надъ водой, ѣсь хлѣбъ и водой зыпиваець. Прибѣгъ енъ къ яму̀: «добрый дзень табѣ, Иванька!»—На здоровье!—«Ци не давъ бы ты мнѣ скольки-небудзь хлѣбца укусиць?»—Зачимъ? Можно: садзись во, ды й ѣжъ, дó будзець! Сѣвъ вовкъ, и ѣвъ скольки хоцѣвъ. Подъѣли, тоды вовкъ кажець на Ивана дурачка: «садзись ны мяне, Иванька, ды поѣдземъ, куды табѣ треба!»—Ды Богъ съ тобой, идзи сабѣ, куды йшовъ; я й пѣшки пойду. Ставъ отговаруватца. Вовкъ узнова говóриць: «садзись, Иванька! Ты тольки сядзи ды дзяржись, я самъ цябе дыставлю, куды треба!» Сѣвъ Иванька на вовка и поѣхувъ, якъ птушка ляциць.

Ѣхыли, ѣхыли, пріѣхыли у иньшая царство. Ставъ вовкъ подъ плотомъ и говòриць Иваньку: «ты идзи цяперъ къ цару ў дворъ. Тамъ будзець склепъ на дванаццыцеро двярей, на дванаццыцеро замковъ, на дванаццыцеро стырожовъ: у тымъ склепи Дра-птахъ сядзиць. Заразъ будуць гнаць царскихъ кóній на воду̀ поиць. Я свисну, собярутца моѐ братьцы и погонюць тыхъ коній. Слуги пыбягуць ихъ отборанивацъ, и стырожи тые пыбягуць, ты й идзи просто ў склепъ: табѣ ўси двери расчинютца, ўси

*) Нарѣчіе колич.

замки отомкнутца. Тольки глядзи: Дра-птахъ пригожъ, а клѣтка ящо пригожѣй; ты Дра-птаха возьми, а клѣтки не бяри, а то сычасъ якъ тольки во́зьмесься за клѣтку, такъ уси двери позачинютца, уси замки замкнутца!» Пошовъ Иванька къ царскому двору, ажны тутъ гонюць царскихъ коне́й. Вовкъ свиснувъ, собралиси яго братьци и погнали тыхъ коні́й. Уси побѣгли зъ двора ихъ отбораниваць, а Иванъ тымъ часомъ у склепъ. Ямў ўси двери отчинилиси, и уси замки отомкнулиси. Увыйшовъ ёнъ туды, та́къ яго усяго и осіяло: Дра-птахъ пригожъ, а клѣтка ящо пригожѣйша! «Якъ яѐ покинуць? Возьму!» И цапъ за клѣтку. А тутъ уси двери хляпъ-хляпъ—позачинилиси, уси замки замкнулиси. Прибѣгли стырожи и ўзяли Ивана. Били яго, драли яго и цару дыставили. Царъ яго судзивъ три дни, а тоды на волю отпусцивъ. Пришовъ Иванъ къ вовку и плачець, и жалитца на своё безталаньне. «А, я жъ табѣ казавъ, ня рушъ клѣтки! Ну, али не плачъ, идзи другимъ разомъ за Дра-птахомъ: заразъ узнова будуць ко́ній гнаць!» Пошовъ Иванька сы плачомъ у другій разъ зы Дра-птахомъ. Ды ужо не хватався за клѣтку, и принёсъ Дра-птаха къ вовку.

«Ну, кажець вовкъ, поѣдземъ дальше! Садзись пыскорѣй, ды дзяржись пыкрапчѣй!» Сѣвъ Иванька на вовка и поѣхыли. Ѣхыли, ѣхыли и пріѣхыли у третьцее царство. Ставъ вовкъ у алешничку и гово́рицъ Иваньку: «Тутъ во ёсь крыница. Идзи ты къ крыницы, и будзецъ ици туды за водой царская дочка, и за ёй вёдры будуць кацитца. Ты рукавъ зними, ды усё кланяйся, и якъ будзецъ яна ли цябе ици, ты яѐ рукавомъ зыхваци, а руками, хронь Божа, не хватай! Ды гылову зывярни отъ яѐ, а то яна цябе вочами зъѣсь!» Пошовъ Иванька къ крыницы; бачицъ—идзе́цъ царская дычка, а за ёю вёдры коцютца; отъ ёнъ и ставъ кланитца, рукавъ наставивши. Яна говорицъ: «што ты до мяне маешъ, Иванька?» А енъ кланявся, кланявся, ды якъ хвацицъ яѐ руками... Яна яго узяла на руки, якъ малаго дзяценка, ды й отнесла къ цару. Царъ яго ныказавъ ды й пусцивъ: глядзи, Иванька, другій разъ не попадайся! Пришовъ Иванька къ вовку и плачець, и жалитца, што яго царъ набивъ. А вовкъ кажець: а ты мяне ня слухаешъ, та́къ табѣ й треба. Ну, али дось плакыць, идзи ў другій разъ къ крыницы, ды глядзи жъ, руками не хватай яѐ, и гыловў зывярни, а то яна цябе вочами зъѣсь!» Пошовъ Иванька къ крыницы, убачивъ царскую дочь, зыхвацивъ яѐ рукавомъ и принёсъ къ вовку.

«Ну, садзись ны мяне, Йванька, пыскорѣй, ды дзяржись пыкрапчѣй, поѣдземъ дальше!» Сѣвъ Иванька, дзяржицъ у рукахъ и царевну и Дра-птаха, и пріѣхыли яны у чацьвёртые царство. Ставъ вовкъ подъ плотомъ и гово́рицъ ны Иваньку: «ну, Иванька, ты жъ идзи къ цару у дворъ; тамъ у стайни стоицъ конь—зылотая шарсцинка, сяребраная шарсцинка, и возокъ зъ рыбъей косци. Заразъ погонюць воловъ поиць; я свисну, собярутца моѐ братьци и погонюць воловъ. Слуги уси пыбягуць сы двора воловъ отбораниваць, а ты тымъ уремямъ идзи ў стайню и возьми кыня и возокъ зъ рыбъей косці́, ды тамъ дужо не зыглядувайся, а то узнова вловюць!» Ну, Иванъ пошовъ, и ўсё такъ и стало: узявъ енъ кыня зылотая шарсцинка, сяребраная шарсцинка, и возокъ зъ рыбъей косці́, сѣвъ ны возокъ и пріѣхывъ къ вовку.

«Ну, цяперъ, говорицъ вовкъ, поѣдземъ домовъ! Сѣвъ Иванька съ царевный у возочекъ, Дра-птаха узявъ, и поѣхыли, и вовкъ бяжицъ. Дорогой помѣнялись яны персьнями:

царевна дала яму̂ свой, а ёнъ ёй свой. Доѣхыли яны ды того мѣста, дзѣ Иванька хлѣбомъ кормивъ вовка, вовкъ и говбрицъ ны Иваньку: «глядзи жъ, Иванька! не давайся, кабъ яна гылову табѣ чесала, а то якъ станецъ яна ў цябе йскацъ, ты заснёшъ, а браты придуцъ и цябе загубюць!»—Попрощавсь зъ ими и побѣгъ. Проѣхывши трошку, стала царевна просицъ: «дай, я ў цябе пойщу!» Иванька ставъ отказуватца, алитки яна яго уговорила. Стала яна йскацъ яму̂, ёнъ и заснувъ. Ажны якразъ ѣдуцъ браты. Увидзили, што енъ вязёцъ Дра-птаха и кыня-зылотая шарсцинка, сяребраная шарсцинка, и царскую дочку̂, и хоцѣли яго зарѣзыцъ. Тоды царевна стала тувхацъ Иваньку подъ бокъ, кабъ ўзбудзицъ. А браты говоруцъ: кыли ты яго узбудзишъ, дыкъ нашъ мечъ—табѣ гылова съ плечъ! Тая соўсимъ спужалась, а большій братъ и отсѣкъ Иваньку гылову. Сѣли яны и поѣхыли.

А Иванька якъ лежацъ, дыкъ лежацъ—разнясли круки яго й костычки по чистому полю. Ажны прибѣгаецъ туды, на тое мѣсто, вовкъ. Ставъ ёнъ збирацъ косточки, одну къ однэй прикладувацъ, ставъ збирацъ—и зложивъ усяго умѣсто, тольки одного мезинаго палца не хвацило. Узявъ вовкъ лозинку, выстругавъ па́лучку, и приклавъ гету палучку къ руцѣ. Тоды дыхнувъ на косци, Иванька и ўставъ, и палочка тая здзѣлалась палцомъ! «Ахъ, кажецъ, якъ я смашно заснувъ!»—Нѣ, кажецъ вовкъ: ты не спавъ, а цябе большій братъ забивъ, бо ты мяне тки не послухавъ! Здзѣлывъ тоды вовкъ Иваньку скрипку изъ лозинки, и кажецъ: «у цябе ў дворѣ вясельля идзёцъ: большій братъ бярёцъ царскую дочку̂ замужъ зы сябе. Дыкъ ты йдзи и играй тамъ у дворѣ на гетой скрипочцы. Яны стануцъ звацъ цябе, кабъ ты ишовъ на вясельля къ имъ играцъ: будзецъ звацъ сяредній братъ—ня йдзи; будзецъ звацъ старшій—ня идзи; ну позовёцъ бацька, тоды йдзи—бацьку послухай!»

Пошовъ Иванька у дворъ у свой, зайшовъ у садъ и ставъ рыпацъ, сѣдзя пыдъ яблынкый—рыпаецъ ды й рыпаецъ. Почули гето уси, што енъ рыпаецъ у садзи, стали просицъ, кабъ ёнъ ишовъ на вясельли йграцъ. Упе́редзи ставъ просицъ сяредній братъ,—енъ не послухавъ, не пошовъ; тоды пришовъ бо́льшій,—енъ не послухавъ, не пошовъ; послѣ ужо приходзицъ бацька. Ёнъ послухавъ бацьки, пошовъ. Сѣвъ у запечку и ставъ рыпацъ. Рыпавъ, рыпавъ, стали яму пыдносицъ горѣлку. Поднёсъ сяредній братъ—ёнъ не бяре́цъ; поднёсъ большій—не бяре́цъ; поднёсъ бацька—и отъ бацьки не принявъ. Мусила поднесци яму горѣлки царская дочка. Енъ узявъ, горѣлку выпивъ, а въ чарку positionживъ тэй персцянь, што яна яму̂ дала. Яна якъ увидзила свой персцянь, и крикнула: «во̂ мой милый другъ! Во гетый, каецъ, дыставъ Драптаха, дыставъ и мяне, дыставъ и кыня—зылотая шарсцинка, сяребраная шарсцинка, и возокъ зъ рыбьей косци! Якъ мы ѣхыли, дыкъ енъ заснувъ, а бо́льшій братъ забивъ яго, ды сказавъ, што гето ёнъ усё дыставъ!.. Кинулась къ яму на шію, зыплакыла.

Бацька жъ якъ почувъ гето, сычасъ вялѣвъ привязацъ тыхъ братовъ къ коньскимъ хвостамъ, а Иванька жанився съ царской дочкой, и ставъ жицъ ды поживацъ, ды добра наживацъ, а лихо збывацъ.

Д. Тютьки, рясн. вол. сѣнн. у.

Со словъ негр. кр. Ивана Мартинова, записалъ кр. Кириллъ Аникіевичъ. Ср. Афан. вып. VII, стр. 121—133 Худяк. I, стр. 1.

43. Иванъ Ивановичъ—удовинъ сынъ.

У нѣкоторомъ царстви, у нѣкоторомъ государстви... Зачинаетца не казка, а приказка. Будзець казка уперяду, поѣдавши мяхкаго хлѣба у серяду...

Нѣукоторомъ царстви, нѣукоторомъ государстви было у водной старухи три молойца, силные богатыри. И покупляли яны сабѣ лошадзей и отправлюютца у пуць. Ѣхали нѣскольки вёрстъ однымъ пуцёмъ еты братьци. Два изъ ихъ вумные, узывалися рѣчами, ну, а третьцій малый—маленько зъ дуриною бывъ. Нѣскольки проѣхали тысячъ верстъ—стоиць стовпъ. На стовну написано: хто пойдзець утъ етымъ пуцемъ, счасьливый будзець чаловѣкъ; хто етымъ пуцемъ пойдзець, красную дзявйцу за сябе возьмець; ну хто пойдзець правою стороной—убитъ будзець. Братьця ето обсовѣтовались, которые были вумные: давай мы, братъ, пойдземъ утъ етымъ пуцемъ, а етый нехай идзець сюды! Который пуць показанъ плохій. Распрощались яны утроихъ и пошли разными пуцями.

Етый пошовъ дурачокъ етымъ пуцемъ, дзѣ назначено убитому быць. Ишовъ, ишовъ, нѣсколько судокъ, приходзиць—стоиць хатка. Ёнъ у тую хатку. Тамъ сядзиць старая старушка. «Здрастуйця, бабушка!»—Здрастуй, поцтеннѣйшій! отказуець старуха яму. «Одовжи мнѣ, бабушка, попиць воды!» Яна яму отвѣщаець: голубчикъ ты мой сызый! Рада бъ я табѣ дацъ воды, дакъ у насъ троя судокъ ужо по зямли воды нема!—«Отчаго такъ, бабушка?»—А ёсь у нашамъ царстви силный богатырь, змѣй. Дакъ ёнъ сожираець народъ. Коли яму дадуць человѣка, то енъ воды на нѣскольки днёвъ пусциць. Опяць, якъ человѣка не дадуць, изновъ удзержиць воду. Енъ усю зямлю народъ обожравъ ужо, а приходзиць черада до царевны,—на сожареньня царевну.—«Дакъ якъ жа, бабушка, мнѣ узнаць той пуць, у ето царство добратца?»—А вотъ, мой голубчикъ, идзи вотъ такимъ то пуцёмъ. Будзець стояць хатка у цёмнымъ лясу, на куриной ножцы. У той хатцы опяць старуха живець, Ягипица, силная волшебница. Тая табѣ разскажець, куды ициць, или поводъ дасць!.. Поблагодаривъ енъ старуси и отправився зъ естыми словами.

Нѣскольки пройшовъ верстъ, незнамо наткнувся на хатку. Увышовши у хатку, зирнувъ—сядзиць дужо страшная, дряхлая старуха. «Здрастуй, старуха Ягипица, силная волшебница!»—Здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ! Ци по хоци ходзишъ, ци по няволи?—«Якъ, Ягипица—волшебница, добрый молодзець ходзиць по няволи?—усё по хоци. Одовжи, пожалуста, Ягипица—волшебница, водзицы попиць!»—А вотъ скоро напъёсься, мой голубчикъ, коли зайшовъ у ету сторону!—«Почаму жа такъ, старая чартовка, я скоро напъюсь?»—А потому ты скоро напъёсься, за што мяне волшебницай узываешъ. Якъ прїедзець мой сынъ съ охоты, тоды цябе напоиць водой!—«Куды жъ енъ, голубка, пошовъ на хоту?»—А коли ёнъ силу мѣець, дакъ енъ никого не боитца; куды захочець, туды и идзёць.—«Ну, вотъ ба, бабушка, жалавъ ба и я у товариши къ твойму сыну стаць. Разскажи, старушка, у якій ёнъ отправився пуць?»—А вотъ куды, Иванъ Ивановичъ: отправився ёнъ у вяликій садъ. Коли жалаешъ, Иванъ Ивановичъ, у товариши стаць, я табѣ дамъ поводъ. На етыхъ часахъ привязуць царевну на сожареніе мойму сыну. Якъ енъ царевну, богъ дась, сожрёць,

тоды пусциць воду по ўсяму нашаму царству!—«Ну, голубка, покажи жъ мнѣ пуць: радъ я старятца твойму сыну у помочь, кабъ мнѣ не зблудзиць!»—Добро, Иванъ Ивановичъ; коли жалаешъ, дакъ черязъ твой вумъ можа и ты станёсься живый!.. Дала яму клубочекъ изъ ниточкой: куды етый клубочекъ будзецъ кацитца, и ты за имъ услѣдъ поспѣшай. Тамъ яго и на́йдзешъ!—«Ну, благодаримъ, старуха, табѣ за хорошія словаса̀!» Попрощавсь и пошовъ.

Етый клубочекъ кацився по мохохъ, по лясохъ, по болотохъ, нѣсколькии судокъ, нѣсколькии урemя, и енъ за имъ ишовъ. Прико́чуетца етый клубочекъ икъ царьскому дворцу. Ли того дворца выкъ, голосъ силный дужо! Ажъ царевна збираетца на сожаренья. Етый клубочекъ було супунивсь трохи,—скоро й покацився; и укацився у вяликій садъ, дзѣ змѣй сожираець народъ, изъ дванатцадими головами. Прикацився у садъ, и супунився. Сичасъ къ яму являетца якей-то молодзецъ: «здрастуй, Иванъ Ивановичъ! Што жъ, младъ, рано ты сюды заходзишъ такъ,—ци по хоци, ци по няволи?»—Добрый молодзецъ по няволи ня ходзиць, усё по хоци!—«Ну, дакъ подожджи жъ! Коли по хоци, дакъ мы съ тобой погуляемъ. А я, молодзецъ, полячу на синее море воды напитца и больше силъ набратца!..» Удругъ отъ яго и отправився. А енъ бывъ змѣй, тольки бязъ силъ яще.

Нямно́го згодзя вязуць царевну въ акипажи, чецьвярней, и вязе́ць цыганъ. Обобрався у государствы, «што я убъю змѣя, поѣду зъ ёй!» А етый царь отписавъ, што хто побядзиць змѣя, тому половина царства, и на ёй жанитца, на царской доццѣ. Удругъ етому цыгану неколи було тутъ ожидаць, якъ енъ увидавъ, што сидзиць нѣйкій человѣкъ у етымъ саду. Енъ думавъ, што ето тэй самый змѣй; и ўхвацивъ царевну съ колясницы и бросивъ прямо къ яму̀, и лошадзей, якъ можны скорѣй заварнувъ, и поляцѣвъ шибко назадъ. Прiѣжжаець назадъ у царство, и хвалитца: «што я маленько яго приглушивъ; а якъ тольки пойду, такъ сусимъ яго прико́нчу̀, и царевна останетца жива!»

Ета жъ царевна заплакала силно и зарыдала, и упала перядъ добрымъ молойцомъ на колѣнки, склавши бѣлыя руки: «бѣлый молодзецъ! што хоцицѧ, то бярицѧ, тольки съ свѣту мяне не трябицѧ!»—Нѣ, голубушка, не пу̀жайся! Ты мяне считаешъ, што я змѣй, народъ пожираю?—«Такъ, вѣрно! Я считаю цябе, што ты самый тэй, што табѣ народъ приставляюць на сожареніе!»—Нѣ, голубушка! Я нѣсколькии зямелъ пройшовъ, кабъ приняць труду за цябе, да змѣя етаго побядзиць. Ты мяне не бойся!.. Ина ўпала перядъ имъ на колѣнки, цалуець яго руки и ноги: «коли можно, дакъ постаряйся! Ты отъ мойго отца, што захочешъ, то получишъ!»—Ну вотъ жа, голубушка, садзися и не бойся; енъ скоро будзецъ ляцѣць. А якъ жа мнѣ тоды увознаць цябе, коли мнѣ поможецъ Богъ яго побядзиць?—«А вотъ, добрый молодзецъ, по чаму можно признаць: отдамъ я своѐ два кольцы зъ руки табѣ. Тоды, коли найдзетца хто нибудзь—услучай я останусь жива—дакъ оцецъ будзецъ мяне посылаць подъ вянецъ. Вотъ приставъ етый самый цыганъ! Вѣрно енъ ко мнѣ будзецъ приставаць. А другая примѣта: ты здзѣлайся тоды либо—якимъ музыкантомъ, дакъ я усё буду цябе ожидаць. Разнаго сусловія будуць музыканты, и военные, и съ усихъ зямелъ,—то мнѣ усё ня будзецъ нравитца музыка. Якъ тольки ты доложишъ, што

пришовъ музыка съ чужихъ зямель—лишъ ба якая скрыбочка лубяная—цябе скоро допусцюць. И вдобавокъ, моѐ кольцы етые надзѣнь на правую рукў. Якъ тольки ты зайграешъ, я сичасъ увознаю свое кольцы, тогды и цябе увознаю!»—Дакъ ты цяперь, красная дзявица, садзись, ня бойся мяне. А тоды, якъ пойдзецъ у насъ битва, то ты не улякайся, не ўбѣгай никуды, а то ты можашъ со спугу нема вѣдомо куды збѣчь. А ящо табѣ приказую: енъ скоро будзець ляцѣць. Случàямъ я задрямлю, дакъ вотъ нà табѣ мою мечь, и прямо мяне тоды подъ бокъ ворсай, не лякайся. Якъ енъ будзецъ ляцѣць, силно будзецъ лѣсъ клонитца, тоды мяне и будзи.

Ёнъ лёгъ и малéнько ставъ дремаць. Нямножко спусця, ставъ вѣцяръ пошурхавацъ силный. Ета дзявица силно заколоцилася. Тольки слухаецъ яго приказанія—пока лѣсъ станецъ клониць. Тоды, якъ начавъ лѣсъ клониць, силно яна, громкимъ голосомъ, кричиць и добраго молойца будзиць: рятуйця мяне! Ето ничого яго не бярéць —не ворочаетца. Удругъ, видзиць яна, што дзѣло плохо, ухвацила войструю мечь, и прямо бросилася яму подъ рябро войстрою мечью. Енъ тоды стрепянувсь, и скоро силно усхапивсь: «што ты, красная дзявица, мяне силно такъ пужаешъ?»—А я слушаю твойго приказаньня! Посмотри-ка: лѣсъ гнувся, а цяперь уже и до зямли гнéтца. —«Ну, благодарю цябе, красная дзявица, што мяне скоро силно разбудзила!»

Глянувъ енъ на лѣсъ, ажъ тутъ, у нѣскольки минутъ, сичасъ енъ явитца. Ци мало, ци много дзѣялося етому уремю—скоро казка кажетца, да не скоро дзѣетца—удругъ сичасъ етый змѣй являетца. «Што-жъ, добрый молодзецъ! разскажи ты цяперь сторыю—моё мѣсто заступивъ ты: ци съ тобой будземъ битца, ай миритца? Мнѣ съ тобой битца,—да ты мнѣ младъ юнашъ ящѐ!»—Младъ не младъ, а тольки я не пришовъ черазъ нѣскольки зямель къ табѣ миритца, а пришовъ битца!—«Коли жалаешъ битца, выходзи на точокъ!» Выйшли яны на точокъ, óбы, стали у парапи. Змѣй говорицъ: «но! би мяне!»—Енъ говорицъ: нѣ, ты мяне упярéдъ би! Спорили яны, спорили, ну потомъ змѣй узлився: дзяржись, добрый молодзецъ! Якъ джигнувъ разъ—по колѣно зразу у землю ўбивъ. Тоды говорицъ добрый молодзецъ: ну, дзяржись жа ты, сожарицелъ народу! Якъ джгнувъ—три головы зразу съ плечъ! Тоды змѣй и говора: ну, дзяржися жъ опяць покряпчѣй! Енъ яму говорицъ: крѣпко-ня-крѣпко, а уже на служби стоючи, треба стояць! Змѣй якъ джгнувъ другій разъ—по поясъ у зямлю убивъ. Тоды говóрицъ добрый молодзецъ: ну, сожарицелъ народу, дзяржися жъ и ты цяперь покряпчѣй! Якъ джигнувъ добрый молодзецъ другій разъ—зразу шесць головъ збивъ! За два разы дзевяць головъ збивъ. Тоды змѣй говорицъ: «эхъ, добрый молодзецъ, силный богатырь! Не надзѣявся я на цябе! Цари-короли бьютца, и то залогу мающь—давай дадзимъ залогу, трошки отдыхнемъ!» А енъ яму отвѣщаецъ, добрый молодзецъ: нѣ, я не пришовъ къ табѣ залогу даваць, а пришовъ къ табѣ у 'хоту съ тобой погуляць. Цяперь начинайка мяне третьцій разъ биць! Змѣй яму отвѣщаецъ: «ну, коли жъ ты не жалаешъ, дакъ дзяржись послѣдній разъ покряпчѣй!» А енъ говорицъ: колибъ я цябе боявся, дакъ ба я къ табѣ не попадався—якъ угодно би! Тоды змѣй яго якъ джгнувъ—по пахи у зéмлю убивъ, третьцій разъ.—«Ну, дзяржись-ка, сожарицелъ народу, на послѣдній разъ зьѣжжу, ци ня пусцишъ ты по етому царству людзёмъ воду!» У третьцій якъ джгнувъ змѣя—

головы до 'дной зваливъ зъ змѣя! Тоды приступаецъ къ яму, вылязши изъ зямли, добрый молодзецъ: «ну, пущай воду̀, дакъ поставлю головы уси на плечи, и съ тобой помиримся!» Етыя головы уси заболмотали: «пусцимъ, пусцимъ, только осадзи насъ на мѣсто!» Енъ тоды на 'дну голову говорицъ: «Я етымъ рѣчамъ вашимъ ня вѣрю, а дуй ка на 'дно дзерево!» Одна голова якъ дунула—тое дзерево усохло. Енъ опяцъ и говорицъ на тую голову: дуй, кабъ сичасъ зялёно стало! Яна дунула,—яно зялёно и стало.

Етый добрый молодзецъ ставъ да й обдумався: «ахъ вы, нячистая сила! Валяетца: головы сабѣ, тулово сабѣ, а ядъ ящѐ идолскій—змяйнный!» Разсердзився, вынявъ свою мечь, головы етыя разрубивъ на мелкія часци, а языки вырѣзавъ да ў карманъ съ трёхъ головъ. И пошла тоды вода, давъ Богъ, по всяму етому царству. Милосцъ вяликая!.. Тоды ухвацивъ добрый молодзецъ богатырьской силою, начавъ огромное дубъё у лясу ломацъ, и большѐй грудъ огонь раскладацъ. И еты головы и тулово посѣкъ, порубавъ, и бросивъ у большѐй огонь. Тоды, якъ облёгсь малéнькій огонь, тоды ёнъ говóрицъ: «подходзи сюды, красная дзявица, ня бойся цяперь. Заўтри хто за тобой ни пріѣдзецъ, дакъ ты поѣжжай, а за етымъ, не давай только вѣтру попелу раздумáцъ. А цяперь, прощай,—я лягу маленечко отдыхну. Тымъ жа самымъ змысломъ якъ будзешъ видзѣцъ, хто будзецъ ѣхацъ, хватай опяцъ войструю мечь и ворсай мяне опяцъ подъ рябро. Опяцъ жа табѣ и той, хто пріѣдзецъ, жалаецъ смерцъ здзѣлацъ, и будзецъ цябе просицъ: «скажи, што я змѣя побядзивъ!» Тоды ты яму подавайся рѣчами слабками, на супоръ ня йдзи, а то и табѣ смерцъ здзѣлаецъ!»

Удругъ назаўтраго утра являетца той цыганъ икъ ёй. Почула яна, што колясница бурчицъ, хвацила яна войструю мечь, опяцъ бросилася доброму молойцу подъ рябро: устань, добрый молодзецъ, пробудзися! Якéй-то отъ мойго папяньки посланьникъ ляцицъ. Енъ усхвацився и обдумався: не робѣй, дзѣвица, не пропадзешъ, жива будзешъ! А самъ скоро поспѣшно стулився,—што зь естаго посланьника издзѣетца. Етый цыганъ, якъ прилетаецъ къ ёй—«о, бацю! Дакъ ци ты ще жива?» Бярéцъ съ подъ-полы свою цыганскую хорму—сякеру—«ну, коли жъ ты, бацю, жива, да не скажешъ, што я змѣя побядзивъ, да не пойдзешъ за мяне замужъ, дакъ я табѣ голову отрублю!» Яна бросилася къ яму и говóрицъ: «милый мой, родный мой, ты, ты мяне збавивъ—пойду за цябе. И скажу свойму отцу, што собственно ты побядзивъ змѣя!» Енъ тоды зъ радосьци бярéцъ яе нѣжно подъ пахи и садзицъ благородно у поязду и заворачуецъ строго лошадзей. Только завярнувъ лошадзей, тронувъ ѣхацъ —етый добрый молодзецъ, ли-ўцѣли цыгану, вынявъ цѝхинечко еты три языки и бросивъ у пояздъ у задъ, кабъ цыгану было чимъ похвалитца, што енъ побядзивъ. А цыганъ жа етый и знацъ не зная, што языки прилѣплены. Отправився цыганъ у царскій дворецъ. Якъ приводзицъ живую дочь царскую, хватаюцъ цыгана нѣжно подъ руки, цалуюцъ дочь и милуюцъ, и спрашуюцъ у яе: хто собственно змѣя побядзивъ? Яна и тамъ жа уробѣла и говóрицъ: оцецъ мой родный, штобъ тамъ ни було, только цыганъ змѣя побядзивъ!

Царь, много ня думавши, сичасъ разославъ хвишки, кабъ збиралися князья-бояры на свадзьбу, а яго одзѣвъ у чистую одзёжу. Рада бъ ета царевна либо отлучитца

куды, поговорицъ коё съ кимъ, съ отцомъ, али зъ мацерью, ну ёнъ ня пущаецъ шагу яе отъ сябе. И силно яна, красна дзѣвица, скучаецъ по томъ молойцу,—якъ ба у глазы яго увидацъ? Тоды и говбрицъ: ну, оцецъ мой любезный, собирайця уже къ свадзьби, къ свадзьби, тольки задавайця хвишки по ўсихъ сторонахъ, кабъ были къ свадзьби разные музыканты.

Позъѣхались князья, бояры на свадзьбу, разныя дзержавы, а цыганъ етый ужо якъ на шурбохъ (веселъ), выхваляетца, што я змѣя побядзивъ! Ну, приготувалися соўсимъ къ свадзьби. Етый жа добрый молодзецъ, якъ лёгъ отдыхацъ, дакъ проспавъ дванатцацъ судокъ, на ўсё на ето забывъ. Опнувсь, и одумався: «ахъ, Божа мой! быцъ вѣрно царевнѣ замужамъ за цыганомъ!..» А яна усё ўремя ето продовжала! Разные музыканты къ ёй подходзили зъ разныхъ зямель, ну яго не ўличила. Удругъ енъ собравъ сабѣ лубяную скрыбочку и лышный (лычный, лыковый) смышокъ, и являетца къ царьскому дворцу и докладаецъ: «не угодно,—я съ чужихъ зямель пришовъ музыкантъ. Я слыхавъ, што тутъ дочки государственныя будзецъ свадзьба?» Доложили царю. Дочь ето услыхала, ажъ уся прыгнула! Рада бъ яна пойци одна, ну цыганъ поспяшнѣй за рўкў, ня пущаецъ одну. Етаго жъ музыканта уси плююцъ, харкаюцъ: «куды ты лѣзешъ, тўтъ ня етакіе ёсь!» Ёнъ ня твѣщаецъ имъ ничаго, и похмуривши головў стоицъ. Ета царевна просицъ папяньку поспяшнѣй выходзйцъ на пляцъ послухацъ музыки етой. Выходзюцъ на пляцъ князи, бояры и ета самая царевна. Ну цыганъ яѐ дзяржицъ покрѣпче подъ руки. Тоды яна говбрицъ: «папянька, позвольця яму зайграцъ, етому чужастранному музыканту!» Енъ сичасъ вынимая свою лубяную скрыбочку, якъ зайгравъ, такъ тая царевна чуцъ не могла тамъ плясацъ. «Папянька мой родный! Вотъ цяперь я вамъ признáюсь, хто змѣя побядзивъ и хто другъ будзецъ милый. Утъ етый самый добрый молодзецъ змѣя побядзивъ и мяне на етый свѣтъ живую пусцивъ!» И якъ-живо рвéтца къ етому музыканту. Ну цыганъ яе ня пускаецъ и кричицъ громкимъ голóсомъ: нявѣрно! я змѣя побядзивъ! Тоды царевна говбрицъ: «опросиця, папянька, у яго моихъ двухъ кольцовъ. Коли приходзилось мерцъ мнѣ, дакъ я своѐ кольцы зъбросила зъ рукъ, да отдала тому, который змѣя побядзивъ!» Стали прочія дзержавы у етаго цыгана спрашувацъ: получивъ кольцы у царевны, или нѣтъ? Енъ со зла, цыганьской натурой и хормой: «нѣ, бацю, у яѐ ня було ниякихъ кольцовъ. А змѣя я побядзивъ!» А яна говбрицъ: «ну, папянька родный, спросиця у музыканта примѣты!» Удругъ призываюцъ музыканта, якъ енъ играецъ, и увидали у яго на правой руцѣ два персьни. Уси и закричали: брȁво, брȁво, брȁво! Етый жа цыганъ ниякъ яѐ отъ рукъ ня пускаецъ и говбрицъ: я змѣя побядзивъ! Етый музыкантъ и говбрицъ: «ваша царьское вяличаство! я спорицъ ня буду, нехай сабѣ и енъ. Вялиця выкацицъ тоѐ поязду, которую ѣздзили за царевной!» И тоды скоро поспѣшно прикацили на точокъ поязду. Етый музыкантъ говбрицъ: ну, коли ты змѣя побядзивъ, бяри три языки съ поязды! А яны тамъ усё 'дно, уросли. Етый цыганъ отвѣщаецъ: «дакъ отчаго жъ, бацю, ихъ не ўзяцъ? Я ихъ сичасъ возьму!» Повялѣли яму скоро поспѣшно вынимацъ языки етые. Енъ якъ ляцѣвъ, дакъ за дзинъ руками—не подаéтца; за другій—такжа не подаéтца; тоды за третьцимъ—такжа етымъ статомъ. И тоды кричицъ: «позвольця, я зубами оторву!» Енъ хватався къ

кажному и зубами, ну не 'дзинъ не подався. Тоды кричиць громкимъ голосомъ: «подайця ножъ, я повырѣжу!» Ножа яму не позволили подаць. А ня пусцили яго къ царевни ужо й на минуту.

Крикнули на того музыканта: «подходзи и бяри свою примѣту съ поязды!» Ёнъ подыйшовъ. Якъ узявся правой рукою—уси отстряли отъ одного руца,—и ў карманъ ихъ положивъ. Опяць уси тоды заплясали: «бра̀во, бра̀во, бра̀во! Вотъ хто змѣя побядзивъ!» Етый жа царь, довго ня думавши, силно узлився, и вялѣвъ силнаго жарябца вывесць съ конюшни, и привязаць етаго цыгана къ хвосту и пусциць у чистое поле. А етаго музыканта стали чисто одзѣваць, и стали зь имъ сичасъ жа свадзьбу играць.

Вотъ я тамъ, в. в., на свадзьби на тэй бывъ, мёдъ-вино пивъ—по губахъ не цякло и ў роци ня було.

М. Молостовка, чериковск. у.

От крест. Данила Якимова, 45 л. неграмотнаго. Былъ нѣкогда кучеромъ.

44. Празъ Ильлюшку.

Жили сабѣ удвоихъ мужъ зъ жаной, и народзився у ихъ сынъ Ильлюшка. Проживъ ёнъ большъ дватцаци годовъ, и лежавъ дватцаць три годы на 'днымъ боку. Посьли того, пролежавъ ёнъ дватцаць три годы, приходзя къ яму дзядуля—Господзь. «Што ты, Ильлюшка: воды бъ напився, ци квасу?» Ёнъ говора: могу напитца воды! И сказавъ яму дзядуля принесци вядро воды. Такъ енъ якъ унёсъ, такъ и выпивъ. Тоды послѣ говора: «якъ ты, Ильлюшка, маесься самъ собою?»—А во, дзядуля: мѣюся такъ, што могу отъ зямли неба достаць, а отъ неба зямли! (Дужо давъ яму Господзь богатырскую силу.) Тоды говора, штобъ ёнъ унёсъ вядро квасу. Тэй якъ унесъ, такъ и выпивъ. Тоды дзядулька узновъ спрашуя: «якъ ты мѣесься, Ильлюшка?»—Нѣ, кажа, дзядуля: чустую, што крэпокъ, да ўжо такъ не могу здзѣлаць—отъ зямли неба достаць!—«Живи жъ, говора, Ильлюшка, на здоровья и очищуй свѣтъ. Прощай!»

Тоды яго матка зъ бацькомъ пошли гэтакимъ уремямъ, у пятровку, якъ во й цяперъ, *) пошли лядо сѣчь, а яго, значитца, кинули бо̀лнаго. Тоды Ильлюшка знявъ вороты, поставивъ на ихъ бочку воды и двананцаць булокъ хлѣба, и понёсъ имъ на головѣ обѣдаць. Яны, значитца, не знаюць, што давъ яму Господзь здоровья. Подходзя енъ къ ляду, бацька убачивъ, говора: нашъ Ильлюшка идзѐ!—Во̀, кажа матка: нашъ Ильлюшка такъ здзѣлая? Гэто такъ нѣхто идзе. Енъ тольки часу (т. е. кончины) дожидая!.. А того не ўвознала, што Господзь яму̀ давъ.—«Нѣ, кажа бацька: гэто нашъ Ильлюшка!» Приходзя Ильлюшка: помогай Богъ вамъ! говора. Тоды бацька зъ маткой узрадовалися, што пришовъ ихъ сынъ Ильлюшка гэтакъ.

Тоды ёнъ говора: «ну, оцецъ зъ матьцю, обѣдайця, ложицясь отдыхаць, а я посякаю лядо!» Тоды оцецъ—маци по'бѣдали, лягли отдыхаць, а енъ ставъ лядо сѣчь, да ня сѣчь, а такъ ирваць съ кореньнямъ. И ставъ Ильлюшка тэй лѣсъ кидаць на 'дзинъ бокъ и на другій на семъ вёрстъ, и загацивъ тымъ лѣсомъ раку̀ Дунай на семъ верстъ. Тоды разлилася тая рака и пошла по ўсихъ сторонахъ, хоцѣла увесь свѣтъ оттопиць —крэпко загацивъ. Прошнувся яго оцецъ—маци, убачили, што ёнъ надзѣлавъ и

*) Сказка записана около 20-го іюня, въ петровъ постъ.

говоруць: «ахъ, Ильлюшка, не ладно дзѣлаешъ, свѣтъ затопишъ!» Тоды пошовъ Ильлюшка къ Дунай-рацѣ, и зновъ ставъ раскидаваць лѣсъ на семъ верстъ, расчищуваць раку. Расчисцивъ раку и пошовъ домовъ. Ракà якъ была, такъ и пошла зновъ гуляць. Приходзюць бацька зъ маткой домовъ. Ильлюшка пославъ бацюшку свойго икъ попу. «Ёсь у яго такій конь, купи ты мнѣ яго за пяць злотыхъ!» Енъ пошовъ къ попу: бацюшка, ёсь у васъ лошадзь за пяць злотыхъ, прося Ильлюшка продаць гэтаго лошадзя!—Ёсь, говора, продамъ! Ёнъ и купивъ.

Приводзя къ сыну домовъ. А коникъ бывъ ня чистый, коросьливый, маленькій. Тоды тэй Ильлюшка пускаець яго, того лошадзя, у чистое поле на дванацаць сутокъ, штобъ дванацаць трóвинъ зьѣвъ за дванацаць днёвъ. А самъ пошовъ у кузьню къ ковалю и зработавъ дванацаць пудовъ булаву залѣзную. Тоды вышовъ на чистое поле добрый молодзецъ Ильлюшка, раскрුцивъ тую булаву и шибнувъ ўгору̀. Яна ляцѣла дванацаць часовъ, половина сутокъ, и якъ узворочалася, подставивъ енъ колѣно. Яна якъ ляцѣла—дéръ объ колѣно, и разсыпалась. Тоды опяць енъ: нѣ, говора, треба крапчѣйшую дзѣлаць! Опяць пошовъ къ ковалю у кузьню, и здзѣлавъ булаву дватцаць пяць пудовъ. Побалувавъ яе у рукахъ: вотъ гэта, говора, будзя мнѣ хорошо! Тоды здзѣлавъ сабѣ пигу (pigu)—усё ровно, шаблю войструю здзѣлавъ сабѣ. Тоды вышовъ добрый молодзецъ Ильлюшка на чисто поле, и крикнувъ помолодзецку, свиснувъ показацку: кабъ мой конь сычасъ тутъ бывъ! Енъ прибягая. Бяжиць—земля дрыжиць, самъ увесь колоцитца—дужо ставъ крэпко силянъ. Прибягая, и ставъ,—повсцина золотая, повсцина сяребраная. И спрашуя: чаго, Ильлюшка, жалаешъ?—А поѣдземъ у бѣлый свѣтъ, очищаць, нягиднаго Сокола побиваць!

И прося енъ у отца-маци бугусловéнства: бугусловиця, оцецъ-маци, у бѣлый свѣтъ ѣхаць мнѣ! Оцецъ говора: «Богъ бословиць и мы бословимъ. Куды надумався, отправляйся сабѣ, куды табѣ Господзь бословивъ!» Тоды ёнъ увобравъ лошадзя у золотое сядло, узявъ съ собою весь струменъ бойный—булаву и пигу, и поѣхавъ у бѣлый свѣтъ. Ѣхавъ енъ, ѣхавъ—трое сутокъ, и пріѣхавъ у царство цара Прôжора. Енъ по дзесяць чаловѣкъ ѣвъ на дзень, а нягидный Соколъ яму доставлявъ ѣсь. Енъ, нягидный Соколъ якъ свисьня, дакъ на дванацаць верстъ даленёй чаловѣкъ упадая—крэпко силянъ бывъ. И доставлявъ яму, цару Прожору, по дзесяць чаловѣкъ у дзень. И сядзѣвъ тэй нягидный Соколъ на дванацаци дубахъ одзинъ, и ў яго дванацаць роговъ. Тоды Ильлюшка подъяжжая, енъ и говора: «здрастуй, Ильлюшка, добрый молойца! чаго ты сюды зайшовъ?»—Самъ добрый молойца охвотою зайшовъ!—«Што жъ, Ильлюшка, ци битца будземъ, ци миритца?»—спужавсь, значитца, зная, што голову̀ положа. Енъ говора: не на тое я йшовъ, штобъ миритца, а на тое, штобъ битца съ тобой! Тоды якъ крикнувъ помолодзецку, свиснувъ показацку, говора: «бослови, Господзи, и ўси мнѣ сродственьники—оцецъ, маци на помочь, и лошадзь мой, изъ нягиднымъ Соколомъ повоеватца!» Тоды якъ хвацивъ добрый молойца Ильлюшка булаву, якъ дзёрнувъ яго пô голови—на мѣсци и положивъ. Отрубивъ яму голову̀ и устыкнувъ яѐ на пигу, и посѣкъ яго тулово на дробный макъ, и ўзявъ—у осиновый грудъ, и спаливъ. Сычасъ крикнувъ помолодзецку, свиснувъ показацку: «ну, мой лошадзь, поѣдземъ икъ нягидному цару Прожору!» Ну й поѣхали—голову̀ на пигу!

Подъяжжаюць туды, и выставляюць тую голову нягиднаго Сокола на пиги у царa под ганкомъ. Тоды услыхавъ тэй царъ Прожоръ, што нѣхто ѣдзя, и говора: «хто тамъ ѣдзя? Кого гэто мой нягидный Соколъ допусцивъ?» А того не зная, што нягиднаго Сокола голова у яго подъ ганкомъ на пиги!—А ѣдзя, каа, Ильлюшка! Будзя тое и табѣ, што твойму Соколу! говора на царa Прожора. А енъ бывъ крэпко жиранъ; дакъ вочи у яго заплыли и бровы заросьли, и енъ ничого ня видзѣвъ. Дакъ енъ говора: слуги моѐ вѣрные, подымиця мнѣ вилкамы бровы! Хоцѣвъ енъ полядзѣць на Ильлюшку. А добрый молодзецъ Ильлюшка узявъ булаву и идзе къ яму уже, ажъ ганки тращаць подъ ногамы. Царъ Прожоръ спрашуя: а дзѣ жъ мой Соколъ? Ильлюшка сычасъ выскакуя на ганки, бярѐтца за пигу и показуя: а во, говора, дзѣ твой Соколъ! Царъ Прожоръ говора: «слуги моѐ вѣрные! Дайця намъ пиценьня, ядзеньня—попъѐмъ, поядзимъ мы зь Ильлюшкой!» Тоды завялѣвъ царъ Прожоръ приготовацъ ли Ильлюшки золотое кресло, съ собой посядзѣць.

Не хоциць Ильлюшка ничого, садзитца нибытцомъ-то пиць-ѣсь изь имъ, да ничого не говора, схапивъ зъ головы свою шапку—двананцаць пудовъ, якъ ударивъ—того нягиднаго цара Прожора—дакъ на три аршины сцяну камянную пробивъ, и яго наскрозь сцяны пробивъ!.. Убивъ енъ нягиднаго Сокола и цара Прожора, и очисцивъ свѣтъ.

Тоды убираетца ѐнъ у бѣлый свѣтъ, ѣхаць пуцѐмъ дорогою. И уяжжая ѐнъ у такіе лясы, у такую пущу драмущу, што ня ўздумаць, ня ўзгадаць, только ў казкахъ сказаць. Пріяжжая енъ у такое царство, ня ў гэто, дзѣ мы живемъ, а ў прочая. Пріѣжжая енъ туды. И ставляетца у тымъ царстви прудъ на двананцаць камянѐвъ. Подъяжжая енъ туды и говора: «Богъ помочь вамъ! ци ня ѐсь у васъ, рабяты, воды попиць?» Яны отказуюць: «чаму, кажуць, можно водзицы попиць, ѐсь хорошая!» Попивъ ѐнъ воды, подзякувавъ: «ну, спасибо вамъ за хорошую воду!» И разговорилися яны. И спрашуюць яны у яго: «вотъ, говоруць, ци не пораешъ ты намъ, ци не поможешъ ты намъ двананцаць камянѐвъ узложиць? Мы бъ табѣ, што ты хочешъ, заплацили бъ.» Тоды говора Ильлюшка: я вашія платы ня хочу, а пособиць могу. А ци крэпки ваши ганки!—гэто, значитца, узнѐсци камяни наверхъ.—«Отчаго, говоруць, крэпки—можаця узойци!» Объ тымъ яны не знаюць, што ѐнъ такій крэпкій богатырь! Тоды ѐнъ узявъ, на 'дну руку камянь надзѣвъ и на другую надзѣвъ, и ставъ ступаць на ганки. Ступивъ—тыя ганки ломютца. «Нѣ, говора, ня могу узнѐсци по гэтыхъ ганкахъ, ломаютца ганки. Ну, да мнѣ ваши ганки ня треба, я могу й такъ поўскидаць!» Узявъ одзинъ камянь у водну руку, а другій у другую, и поўскидавъ ихъ наверхъ, туды, дзѣ треба ихъ класци. Ну, тоды яны говоруць: «ну, просимъ мы цябе, кабъ ты усѣ поўскидавъ!» Такъ енъ узявъ и ўсѣ поўскидавъ. Тоды яны говоруць: «хто ты такій, добрый молойца?»—Я Ильлюшка Ивановъ!—«Што жъ ты зъ насъ хочешъ: ци гроши, ци што?»—Ничого я зъ васъ ня хочу, хочу только благодареньня, кабъ вы мнѣ постоянно благодарили.—«Можа хочешъ, мы цябе попоштуемъ хорошимы напиткамы?»—Ну, мнѣ гэто ваша ня треба! Прощайця, по Христу братцы! Очисцивъ я увесь бѣлый свѣтъ! Живиця на здоровъя! Вотъ, цяперъ вы ня знали, а цяперъ я скажу, што я ѐсь сильный могущій богатырь, Ильлюшка Ивановъ. И молицесь Богу за моѐ здоровъя погэтомъ!..

Тоды уяжжая ёнъ оттудова и пріяжжая у цэркву, у соборъ отца Миколая. Заѣхавъ ёнъ у той соборъ, помолився Богу низкимъ уклономъ, и отцу Миколаю поклонився за своё здоровъя. Поклонився и сѣвъ на коня и поѣхавъ у своё царство. Скольки проѣхавъ лясамы, морамы, болотамы, покуль проѣхавъ у своё царство, доставився. Пріяжжая туды, приходзя у свой дворъ къ отцу, къ маци. Такъ яны узрадовались: «ахъ, говоруць, Ильлюшка! Мы уже думали, што цябе на свѣци нема!»—Слава Богу, каа: живъ и здоровъ, и вясёлъ, и очисцивъ увесь свѣтъ! Цяперъ, говора, хай хрисціяньскій міръ молитца Богу за мяне!..

Сычасъ лёгъ на бацьковой посцели, полежавъ ёнъ три дни и пераставився. И поступивъ у святъ—святый Ильлюшка. «Вотъ, говора, буду я громовой тучай завѣдувацъ!» А отцу завялѣвъ завесць гэтаго лошадзя опяць къ попу и дзякувацъ яму низкимъ уклономъ отъ мяне и отъ сябе за гэтаго лошадзя. Такъ ёнъ и здзѣлавъ, завёвъ лошадзя: благодаривъ, татулька, и сынъ, благодару и я за вашаго лошадзя! И мой сынъ уже пераставився, и просивъ васъ, кабъ вы на похороны на *моé* были! Попъ пришовъ отправивъ яго, и схоронили яго у склепъ... Господзь такъ давъ: нихто яго не знавъ, ня видзѣвъ—отправився ёнъ водой у склепи у Кіявъ, у пящеры,—плывъ по Сожи по рацѣ. И оявився, и получивъ сабѣ святъ у пящеры. И цяперъ тамъ.

А *маць* яго здоровыя, вяселыя, осталися и цяперъ, и живуць.

С. Городище, бых. у. нар. Друти. Отъ кр. Кузьмы Прохóрова Исаева, 30 л., негр.

45. Чудная дудка.

а, Живъ сабѣ дѣдъ да баба. И было у ихъ двѣ дочки, а третьтій сынъ Кирилка. Пошли яны у лѣсъ по ягоды. Дакъ дѣвки ня бяруть ягодъ да гуляять, а Кирилка ягодокъ глячокъ набравъ. Тоды сёстры ягоды у яго отобрали, ножикомъ яго зарѣзали, подъ колодочку подкатили, коринкой вочки накрыли, и пошли домовъ. И сказали дома, што Кирилка згубився. *)

Выросъ на Кирилку дубчикъ золотый и сярэбраный. Вотъ ѣхали тамъ купцы, убачили той дубецъ, выразали яго и здѣлали дудочку. Зайгравъ купецъ на дудочцы, а яна выигравая:

Ня йграй, купчикъ, ня йграй:
Моѐ раны ня ўразь.
Моя рана вяликая:
Мяне сёстры зарѣзали,
Подъ колодку подкатили,
Коринкой вочки накрыли!...

«А братъ, кажа купецъ: дивнàя якая дудка!» Подивились, подивились и поѣхали. Заяжжаять яны у сяло. А хатка дѣдова стояла край сяла. Купцы и заѣхали къ имъ на ночь. Разговорилися, и стали казать про свою дудочку: «вотъ, кажать, у насъ якая дивнáя дудка! Натка, дѣдъ, пойграй-ка» Ставъ дѣдъ играть, а яна выигравая:

Ня йграй, таточка, ня играй:
Моѐ раны ня ўразь.
Моя рана вяликая:
Мяне сёстры зарѣзали,
Подъ колодку подкатили,
Коринкой вочки накрыли!..

«Натка ты, бабка, пойграй! што ето за дудка?» Стала бабка йграть, а дудочка кажа:

*) На мѣстномъ говорѣ *згубить* знач. потерять. Згубитца—потеряться, заблудиться.

Ня йграй, мамочка, ня йграй:
Моё раны ня ўразь.
Моя рана вяликая:
Мяне сестры зарѣзали,
Подъ колодку подкатили,
Коринкой вочки накрыли!...

«А Божа жъ мой! Ти ня про Кирилку яна пяѐ? Натя-тка вы, сёстры, пойграйтя!» Стала одна играть, а дудочка выигравая:

Ня йграй, конорѣзная душа, ня йграй:
Моё раны ня ўразь,
Моя рана вяликая:
Вы мяне зарѣзали,
Подъ колодку подкатили,
Коринкой вочки накрыли!..

Тоды на другую сястру кажать: нутка ты пойграй! Яна зайграла, а дудочка кажа:

Ня йграй, конорѣзная душа, ня йграй:
Моё раны ня ўразь.
Моя рана вяликая:
Вы мяне зарѣзали,
Подъ колодку подкатили,
Коринкой вочки накрыли!..

Дѣдъ и баба дознались, что дочки зарѣзали Кирилку—сына и вельми заплакали. И прогнали тыхъ дочокъ отъ сябе. *Гом. у.*

б, Бывъ сабѣ дѣдъ да баба. И была у ихъ Алёнка-дочка и Иванька—сынокъ. Пошли яны ў лѣсъ по ягоды. Ходили, ходили яны по лясу, и назьбиравъ Иванька боляй, а Алёнка меняй ягодъ. Тогды Алёнка кажа: «ходи, Иванька, я ў тябе вошай пошукаю!» Ёнъ поклавъ ёй голову на ўлоньня, а яна узяла яго да й зарѣзала!.. Выкопала яму подъ ягоромъ, яго тамъ поховала, жовтымъ пяскомъ присыпала, коринкой вочи накрыла, и пошла домовъ. Дѣдъ пытая у яе: а гдѣ Иванька?—А згубився! —Гдѣ згубився?—А ў лѣси!.. Заплакали яны и пошли шукать. Шукали, шукали, и обламу дѣлали,—ня найшли!

Ѣхали коло того ягора паны, убачили ягоръ и посылаять лакея: иди, выражъ дубчикъ, да здѣлаемъ дудочку! Пошовъ лакей, выразавъ дубчикъ зъ ягора, и здѣлали дудочку. Зайгравъ панъ у дудочку, а яна играя:

Помаленячку играй:
Моё косточки бразчать (или: болять).
(Или: Моё серца не ўрай).
Мяне сястра зарѣзала,
Подъ ягоромъ поховала,
Жовтымъ пяскомъ присыпала,
Коринкой вочки накрывала!..

«Ахъ, братъ, хорошая дудочка! Нȧка ты пойграй!» Лакей зайгравъ, а дудочка опять кажа:

Помаленячку играй:
Моё косточки бразчать.
Мяне сястра зарѣзала,
Подъ ягоромъ поховала,
Жовтымъ пяскомъ присыпала,
Коринкой вочки накрывала!..

Подивились яны и поѣхали, и дудочку узяли съ собой. Ѣхали, ѣхали и ўѣхали ў сяло. И выпросились на ночь къ тому дѣду. Разговорились, и ставъ дѣдъ журитца при пану по своёмъ сыну. Вотъ панъ и кажа: дѣдъ! у насъ якаясь чудная дудочка ё! Показали дѣду дудочку и кажать: нȧ-ка пойграй у дудочку, дѣдъ! Дѣдъ узявъ дудочку и зайгравъ. У той дудцы такъ и говора:

Татка, помаленьку ты йграй:
Моё косточки бразчать.
Мяне сястра зарѣзала,
Подъ ягоромъ поховала,
Жовтымъ пяскомъ присыпала,
Коринкой вочки накрывала!..

Дали яны играть дѣдовой баби: нáка ты, бабка, пойграй у дудочку! Бабка узяла дудочку и зайграла, а ў дудцы такъ и говора:

Мамка моя, помаленячку играй:
Моѐ косточки бразчать.
Мяне сястра зарѣзала,
Подъ ягоромъ поховала,
Жовтымъ пяскомъ присыпала,
Коринкой вочки накрывала!.

Вотъ яны сидять да й плачать по своимъ Иванькy! Дають тогды яны играть той Алёнцы: нáка ты, моя дочка, пойграй у дудочку! Яна ня бярэ, да ўтякая.—«Да нà!» —Я ня хбчу!—«Да нá бо!» Дали ёй силкомъ. Узяла яна дудочку и зайграла. А дудочка кажа:

Помаленьку, шельма Алёнка, играй:
Моѐ косточки бразчать.
Мяне на што зарѣзала,
Подъ ягоромъ поховала,
Жовтымъ пяскомъ присыпала,
Коринкой вочки накрывала?..

Яны догадались, што Алёнка зарѣзала сына Иваньку. Сидять да й плачать, да й думаять, што той дочцѣ здѣлать? Узяли яѐ, за косы икъ коньскому хвосту привязали, и разнясли по полю!...

С. Перерость, гом. у. См. Чубин. 473, Садовн. 105.

в, Живъ сабѣ дзѣдъ ды баба. Було у ихъ три сыны: два разумныхъ, а третьцій дуракъ. Вотъ, икъ бацька сыстарився, сыбравъ ёнъ своихъ сыновъёвъ къ сабѣ, и кажиць имъ: «вотъ, дзѣтки, я старъ ужо. Кыли я помру, дыкъ хто ны моёй могілцы переночуиць, тэй уловиць зылатого воперька!» А етый воперёкъ царьскій садъ рывъ, и царь обѣщавъ тому вяликую награду, хто етаго воперька уловиць. Вотъ, пымёръ ихъ бацька. Тоды яны схували яго на могильнику у могилцы и стали ходзиць почарёдно на могилку нучувацъ. Пошовъ перьво большій сынъ нучувацъ. Пришовъ ёнъ ны могильникъ и сѣвъ пыдъ бярёскый. Сидзѣвъ ёнъ, сидзѣвъ—у самую повнычь зыкылоцилыся земля. Енъ спужався и побѣхъ у дворъ. Прибѣхъ у дворъ, и пытаетца яго жонка: «ци перенучувавъ?»—Нѣ!—«А што?»—Ды земля зыкылоцилыся, я чуць уцёкъ оттуль! Ну другую ночь пошовъ сярёдній сынъ. И сярёдній сынъ такъ жа: земля зыкылоцилыся, ёнъ ня ўцéрьпивъ и ўцёкъ у дворъ. На третьцію ночь пошовъ дурачокъ нучувацъ. Узявъ ёнъ съ собой мяшокъ и пошовъ. Приходзиць ны могильникъ, обобравъ сабѣ мѣсто пыдъ бярёзый, и сѣвъ пыдъ бярёскый нучувацъ. А етая бярёза стыяла надъ бацькиной могилкой. Сидзѣвъ ёнъ, сидзѣвъ, у самую повнычь зыкылоцилыся земля. Видзиць енъ—бяжиць выпярёкъ, зылотая шарсцинка, сяребряная шарсцинка. Вотъ енъ бяжиць, етый выпярёкъ, прямо къ дурачку. А енъ разставивъ мяшокъ, ды якъ дась выпярьку довбешкой, вотъ енъ и ўскочивъ у мяшокъ. Енъ зывязавъ мяшокъ и понёсъ у дворъ. Нёсъ ёнъ, нёсъ, идзéць яму на ўстрѣчу бóльшій братъ. «Што ты нясéшъ, дуракъ?» патаетца у яго.—А якое табѣ дзѣло, разумный? Воперька нясу!.. Тоды большій братъ отобравъ у яго довбешку, и забивъ яго; выкопавъ ямку и зухувавъ. А воперька понёсъ къ царю. Принесъ и кажецъ: «здраствійця!»—Здоровъ: што скажешъ?—«А принесъ я вамъ звѣрька того, што ў твоимъ садзи рывъ!» Царь радъ, высадзивъ яго за столъ, почестувавъ яго, давъ яму скольки дó грошій—выградзивъ яго. Пошовъ разумный домовъ, радъ ёнъ. Приходзиць

домовъ, разсказуець, якъ царь яго ныградзивъ—и жонка рада, и дзѣци рады. И стали жиць. Такъ яму̂ тое и минулося; объ дурака и забылись.

Сколькi уремя пройшло, пригнали пастухи статыкъ на тое мѣсто, идзѣ туракъ схуванъ. А на томъ мѣсци, идзѣ дуракъ лежавъ, туросцинка (тростинка). Пастухи зрѣзыли яе, и здзѣлыли посвирѣль, и стали играць. Играли яны, играли, чуюць голосъ изъ посвирѣля: «Играйця, играйця, моѐ пастушки! Мяне братъ тутъ забивъ зы зылотого воперька!...» Дзивютца пастухи, што ето ёсь? Идзе́ць пыдорожникъ. Пастухи дали и яму пыйграць. Игравъ енъ, игравъ, и яму тое кажець. Дзивютца яны, ашъ идзе́ць царь. Дали яны царю пыйграць. Ставъ ёнъ играць, и чуець голосъ съ посвирѣля: «Играй, мой паночикъ, играй! Мяне братъ тутъ забивъ зы зылотого воперька!» Дыгадався царь, што яго обманивъ тэй больш́iй братъ. Сычасъ яго вялѣвъ узяць, и предали яго смерци.

С. Мощены, сѣн. у. Кр. Горостевичъ. Сходн. сказки см. у Чубин. 473; Садов. 105.

47. Братъ—бараньчикъ.

а, Жила сабѣ такъ удова, и было у яе двоя дятей: дочка Алёнка и сынъ Иванька. Пошла разъ матка жито жать, а яны пошли матки шукать, да й заблудили. Ходили, ходили, увыйшли у лѣсъ, да й приблудилися къ хатцы. Увыйшли яны у хатку, ажъ тамъ сядити змѣй. Яны кажать: «дѣдка, голубчакъ, пусти насъ на ночь!»—А ночуйтя! Увыйшли ето яны, параночавали, назау̂траго змѣй кажа: дѣвка—дявица, пойдешъ за мяне замужъ?—Пойду! Пожанилися яны. Тогды змѣй уже кажа: «Алёнка—жонка, давай Иваньку у засадъ засодимъ, кормить будомъ, да зъядимъ!»—Давай! Отъ, засадили яны яго у засадъ. Алёнка замяшая Иваньку одного тѣста, да понясе бытто Иваньку, да на сме́тнищи выкиня. А яму̂ украдя то хлѣбца, то борщику, то крупничку—принясе да плача—плача ли Йваньки... Чаразъ кольки-тамъ днёвъ змѣй кажа: «Алёнка жонка, иди-тка Иванькинаго ме́зянца отрѣжъ, ти пожирнѣвъ ёнъ!» Яна пошла икъ Иваньку, да плакала-плакала, да пошла на сметнища, найшла косточку да зварила да й дае змѣю. Енъ грызъ-грызъ косточку, да кажа: нѣ, ня сытъ ще! Давай яще кормить! Кормили, кормили, змѣй изновъ кажа: Алёнка жонка, иди-ка Иванькиныя ляшки отрѣжъ, да звари! Алёнка пошла, да плакала, плакала ли Йваньки, да пошла, найшла на сметнищи шкуратóкъ, да у̂ борщъ укинула, да зварила. Вытягла шкуратокъ зъ борщу да й дае змѣю. Енъ грызъ, грызъ шкуратокъ: нѣ, кажа, ще ня сытъ. Давай ще кормить! Отъ, Алёнка замяшая тѣсточка, понясе, на сметнищи выкиня, а Йваньцы украдя то хлѣбца, то борщику, то крупничку, да занясе да й дасть. Кормили, кормили, змѣй изновъ кажа: Аленка-жонка, иди-тка Иваньку няси, будомъ рѣзать! Яна пошла, да плакала, плакала ли Иваньки, да у̂нясла яго, помыла чисто, бѣлую рубаху надѣла, вытопила печь жарко. Змѣй лопату узявъ: ну, Иванька, садися! Отъ ёнъ што сядя, дакъ ня такъ—то бокомъ, то жогомъ. Змѣй кажа: ня такъ ты жъ вo якъ садись! Енъ изновъ якъ сядя—ня такъ. Тогды Алёнка кажа на змѣя: ты жъ тыки старѣйш́iй, поучи яго! Отъ Иванька злѣзъ, а змѣй сѣвъ на лопату, да й кажа: ты жъ о такъ садись! Тольки змѣй сѣвъ, а Алёнка и Йванька узяли змѣя

да ў печь, да заслонкой и прикутали! Ёнъ просився, просився, да й сосмажився!... Яны набрали у яго ўсяго да й пошли.

Ишли, ишли, уздумала Аленка, што забылися яны персьня. Аленка кажа: я пойду! А Иванька кажа: я пойду!—Ну, иди, мой братка, да гляди жъ, ня лижи того туку, зъ змѣя!—Нѣ, ня буду! Пошовъ енъ, узявъ перстянь, да и думая: што ето яна мнѣ казала: ня лижи туку! Дай-ка я лизну! Тольки лизнувъ—и здѣлався бараньчикомъ! Бягити да бя! бя! Алёнка убачила, да и кажа: тò-то, мой братка! я табѣ казала: ня лижи того туку! А ты ня послухавъ! Да заплакала, да й пошла дальшъ. Ишли, ишли, ажъ ѣдуть купцы: «дѣвка-дявица, садись на возъ!»—Да я сяду, да коли бъ вы ўзяли етаго бараньчика,—ето мой братъ!—«Возьмямъ!» Яна сѣла па возъ, узяла бараньчика. Пріѣхали икъ двору, купецъ кажа: дѣвка-дявица, пойдешъ за мяне замужъ?—Пойду! Отъ, побралися яны и живуть. Купецъ ёй приказуя: ляди жъ, не ходи николи у лазьню! А яна ня послухала да разъ и пошла. А тамъ ли лазьни хатка, а ў той хатцы змяя живе. Алёнка тольки раздѣлася, увыйшла у лазьню, а змяя ухапила яѐ, навязала на шію камянь, да ў рѣчу и ўкинула. А сама увобралася у Аленкину одéжу, да й пошла къ купцу жить. Отъ, жила, жила, адыйй кажа: зарѣжмо бараньчика! А купецъ каа: ахъ ты, каа, дура: хиба табѣ ня жалко свойго брата! А тая кажа: зарѣжъ, я хóчу баранины! Нечаго тому дѣлать; пошовъ ёнъ рѣзать, а бараньчикъ миркича, миркича... Ёнъ и пустивъ. Побѣгъ бараньчикъ на берагъ и гукая: «Алёнка-сястрица! вары вáрать, ножи тóчать, мяне рѣзать хóчать: покажись хоть по пашки!» Яна показалася и кажа: «Иванька, мой братка! накажи мойму пану, нехай сѣтку закидая, мяне зъ воды вытягая!» А кўчаръ ето и подслухавъ. Прибягая бараньчикъ домовъ, змяя зновъ кажа: да я хóчу баранины, зарѣжъ бараньчика! Пошовъ ёнъ рѣзать, а ёнъ изновъ миркича, миркича... Ёнъ и зновъ выпустивъ. Побѣгъ бараньчикъ и къ рѣчцы, а кучаръ и сказавъ пану. Панъ пошовъ да ѝ сѣвъ за кустомъ. Отъ бараньчикъ и гукая: «Алёнка-сястрица! вары-варать, ножи точать, мяне рѣзать хóчать: покажись хоть по пашки!» Тольки яна показалась, а панъ—откуль бывши—да вытягъ яе, оттёръ, привёвъ домовъ, надѣвъ сорочку. И ставъ бараньчикъ зновъ Иванькомъ. Стали яны умѣсти жить. А змяю къ коньскому хвосту привязали, да по полю разносили.

С. Перерость, гом. у. Отъ кр. Евтея Лобзикова.

6, Живъ сабѣ дзѣтъ зъ бабой, и было у ихъ двоя дзяцей: сынъ Исакъ и дычка Кыцярина. А дзѣтъ ды любивъ дужо веробъёвъ ѣсци. Вотъ уловивъ ёнъ ихъ шматъ, и отдавъ баби смажиць, а кошка одного и ўкрала: было дзесяць, стало дзевяць. Ставъ дзѣтъ считаць веробъёвъ, и не досчитався. Не досчитався ёнъ одного веробъя, и кажець на бабу: дзѣ веробей? дзѣ веробей? Ставъ шумѣць, кричаць, съ кулаками кидатца—и забивъ бабу. Дзѣци тыя—дзѣвка ды малецъ—боятца того, кабъ ёнъ и ихъ не забивъ, собралиси, и пошли ўпрочки. *) Идуць яны и ўсё нызатъ пыглидаюць, капъ ихъ бацька не догнавъ. Ишли яны, ишли, и зыхоцѣлося мальцу тому пиць:

*) *Вар.*: Живъ сабѣ одзинъ человѣкъ. Тоды ёнъ узявъ, ожанився, и родзилось у яго двоя дзяцей—сынъ и дочка. Пройшло скольки уремя—померъ тэй бацька. А матка вышла замужъ за другого. Тому сыну и дочцѣ дренно было жиць у вóтчима. Собрались яны и пошли ў свѣтъ...

сястрица, я дужо пиць хочу! Дэжджъ найшовъ, и ў коньскимъ копыту̀ вода стоиць. Енъ говбрицъ: напъюся я съ коньскаго копыта̀? Яна кажиць: ня пи, брацецъ, а то коникомъ обе́рнесься! Пошли дали. Ишли, ишли—стоиць у коровъимъ копыцѣ вода. Малецъ кажиць: сястрица, я съ коровъяго копыта напъюся?—Ня пи, брацецъ, бо коровкой обе́рнесься! Ишли, ишли, и дужо яму̀ пиць хотетца—ёнъ ашъ валитца. Бачуць яны, стоиць вода у бараньнемъ копытцы. Малецъ кажиць: сястрица, напъюсь я изъ бараньняго копытца̀?—Ня пи, брацецъ, а то баранькомъ обе́рнесься!.. Дужо яму пиць хоцѣлося, и ёнъ ня послухавъ сястры и напився. Оглянетца ина нызатъ, ашъ бяжиць баранька, и на имъ одна шарсцинка зылотая, другая сяребраная. Ина яму̀ говориць: «а што, брацецъ: я казала—ня пи, а то баранькомъ обе́рнесься! Што шъ я цяперъ буду съ тобой дзѣлыць?..» Ишли яны, ишли—обнимаець ихъ ночь. Стояла блиско ли дороги копешка; яны подышли пыдъ копешку и зынычували: сястра пыдъ копешкой, а баранька узлѣсъ ны копешку. Ашъ ѣдзець панъ. Бачиць—нѣшто на копешцы блищиць. Енъ кажиць на слугу: «сходзи ты, полядзи, што гэто тамъ блищиць!» Полядзѣвъ енъ и кажець: ляжиць на копѣ баранька—золотая шарсцинка и сяребраная—а пыдъ копой пригожая дзѣвка. Панъ кажець: идзи, привядзи ихъ сюды! Слуга пошовъ и приводзиць ихъ. Панъ пысадзивъ дзѣвку у пояздъ, и поѣхыли, а баранька ззадзи бягиць. Прiѣхыли яны у дворъ, панъ вялѣвъ ёй даць одзѐжу хорошую; яна одзѣлыся, и то была пригожая, а то ще попригожѣла. Нядовго побыла, панъ изъ ёй и ожанився. И баранька у ихъ ставъ жиць.

Жили яны, жили, и родзила яна рабёшка. И такого пригожаго, якъ и сама. И ставъ баранька няньчиць того рабешка. И была ў дворѣ дзѣвка покоёвая. Расъ ина говориць: барыня, пойдземъ мы покупаемся у ставокъ!—Пойдземъ сабѣ! Пошли яны купатца, дзѣвка тая пихнула паню у воду и ўтопила. *) Тоды баранька узнавъ, што няма сястры яго, и ставъ плакыць. Тоды якъ тольки ныстанець ночь, ёнъ во̀зьмець рабёшка, принясе́ць къ ставку и кажець: «Кыцяринка сястрица, вылѣсь изъ воды, пыкорми рабёшка!» Подниметца вѣцеръ, ставокъ заволнуетца, выйдзець сястра и покормиць дзяцёнка. Ёнъ принясе́ць дзяцёнка домовъ, и самъ плачець. Тоды панъ убачивъ, што енъ плачець, и патаетца у яго: «объ чимъ ты, баранька, плачешъ?»—А объ тымъ я плачу, што гэто не моя сястрица!—«А дзѣ шъ твоя сястрица?»—А моя сястрица у ставку!—«Якъ жа шъ намъ яе дыстаць?»—А треба сажалку бочками обставиць! Пришла ночь, панъ вялѣвъ обставиць сажалку бочками, и пошовъ умѣсци зъ баранькомъ къ сажалцы. Принесъ баранька дзяценка и ставъ зваць сястру: «Кыцяринка-сястрица, вылѣсь изъ воды, пыкорми рабёшка!» Вотъ яна вылязла и ўвалилась у бочку. Панъ яе зы волосы придзерживъ и пераксцивъ. Яна и осталась. Узяли яны дзяцёнка и пошли домовъ. И баранька скинувся зновъ малцомъ, Исакомъ. Стали яны жиць, пыживаць, ды добра ныживаць. А слугу тую привязали къ ко̀нимъ и рызорвали...

Г. Сѣнно. Сходн. ск. см. Афан. II, 276; IV, 141; Худяк. II, 85. Рудченко II, № 14 и 18. Кулиш. II, 23. Драгом. 352, запис. въ Галиціи.

---

*) *Вар.* Была ў пана мачиха. Расъ яны пошли у лазьню мытца. Мылиси, мылиси—и не стало воды. Тоды яны пошли воду̀ черпаць на раку. Мачиха яѐ и ўпихнула у воду̀. Пришла

49. Иванька — сынокъ.

а, Живъ дзѣтъ зъ бабый, и ня було у ихъ дзяцей. Тоды баба кажець дзѣду: идзи ты, дзѣдзька, у лясокъ, отсячи пенюшокъ, здзѣлай люлечку, уложи буртулёкъ и кылыши! Дзѣтъ послухавъ, пошовъ у лясокъ,ссѣкъ пенюшокъ, здзѣлавъ люлечку, уложивъ буртулёкъ и ставъ кылыхаць. Кылыши дзѣтъ, кылыши—пыкызалася ручка. «Цыцъ, бапка, пыкызалася ручка!»—Кылыши, дзѣдзька-лябедзька,—ци не пыкажетца другая!.. Дзѣтъ кылыши, кылыши—пыкызалася другая ручка. «Цыцъ, бапка, пыкызалася другая ручка!»—Кылыши, дзѣдзька-лябедзька,—ци не пыкажетца ношка!.. Дзѣтъ кылыши, кылыши—пыкызалася ношка. «Цыцъ, бапка, пыкызалася ношка!»—Кылыши, дзѣдзька-лябедзька,—ци не пыкажетца другая!... Дзѣтъ кылыши, кылыши—пыкызалася другая ношка. «Цыцъ, бапка,—пыкызалася другая ношка!»—Кылыши, дзѣдзька-лябедзька,—ци не покажетца головка!.. Дзѣтъ кылыши, кылыши—пыкызалася головка. «Цыцъ, бапка, пыкызалася головка!..» Отъ, ёнъ вылѣсъ зъ люльки, и пошовъ и сѣвъ на печи зы стовпомъ. Дзѣтъ и баба дали яму̊ имя Иванька. Стала баба обѣдъ готовиць: «дзѣдзька-лябедзька, сходзи воды!» А Иванька кажець: «я сходжу, мамулька!»—А ты шъ маленькій?—«Ну вд̊: сходжу!» И принёсъ воды. Наготовила баба горшки: дзѣдзька-лябедзька, сходзи дровъ! А Иванька кажець: «я сходжу, мамулька!»—А ты шъ маленькій!—«Вд̊, сходжу, мамулька!» Сходзивъ, дровъ принёсъ. А тоды кажець бацьку: «идзи ты, татка, у̊ лясокъ, отсячи буртулёкъ, здзѣлый мнѣ човникъ, я поѣду рыбку ловиць!» Дзѣтъ пошовъ у лясокъ, ссѣкъ тамъ буртулёкъ и здзѣлывъ човникъ яму̊. Ёнъ и поѣхувъ рыбу ловиць. Зварила баба обѣдъ и пынясла яму ѣсци. Пришла къ рѣчцы и стала яго гукаць: «сынку мой, сынку! перяпечка зъ макымъ, каша зъ маслымъ!» Енъ почувъ: «моя, кажець, мамка, моя!» Пріѣхувъ, подъѣвъ, рыбу отдавъ, и у̊знова поѣхувъ рыбу ловиць.

Жила тутъ неподалеку вѣдзьма. Почула яна, якъ матка гукаець Иваньку, и зыхоцѣла яго зъѣсь. Пришла къ берягу и стала яго гукаць (*басомъ*): «сынку мой, сынку! перяпечка зъ макымъ, каша зъ маслымъ!» Енъ почувъ, што не яго матка: «не моя мамка, кажець, не моя!» Тоды вѣдзьма пышла къ кывалю. «Кываль-кывалёнык, скуй мнѣ язычоныкъ!» Кываль скувавъ. Ина у̊знова пышла къ берягу и стала гукаць: «сынку мой, сынку! перяпечка зъ макымъ, каша зъ маслымъ!» Енъ думывъ, што матка, и пріѣхавъ къ берягу. Вѣдзьма яго ухапила и пынесла къ сабѣ. Принесла и кажець своёй дочцѣ Алени: «вымый яго, ды вытыпи печку, ды сысмажъ! А я пойду привяду вороньня—крючча̀!» Вѣдзьма пышла, а дочка Алена вымыла яго, вытыпила печку жарко, тоды говбриць Иваньку: садзись ны лопату! Енъ сѣвъ, ды не такъ. Яна кажець: во гэтыкъ сядзь! А ёнъ кажець: я шъ ня у̊мѣю, пыкажи мнѣ! Ина сѣла ны лопату, а ёнъ узявъ и у̊садзивъ яе у печь, и заслбнкый прикутывъ. А самъ узлѣсъ на дупъ, и сядзиць.

Пришла вѣдзьма зъ вороньнёмъ, съ крюччомъ, и зъѣла свою дочку̊. Ворбньня жъ да крючча лягли спаць, а яна стала кычатца. Кычаетца ды говориць: пывалюсю,

---

мачиха домовъ. Баранька пытаетца: идзѣ сестра?—А тамъ осталась! Пошовъ баранька у лазьню, а тамъ нема никбго...

пыкачусю, наѣвшиси Иванькываго мяса!.. А енъ зъ дуба: пывалюсю, пыкачусю, наѣвшиси Аленкиныго мяса! Ина глядзиць, ажно енъ на дубу! Тоды пышла вѣдзьма къ кывалю, и ныкувала мѣхъ тыпоровъ. Стала сѣчь дупъ. Якъ тольки яна сѣканéць—ямка зыросцéць. Пулумала мѣхъ тыпоровъ. Побѣгла узнова къ кывалю, ныкувала два мяхи тыпоровъ. Ашъ лецяць гуси. Иванька просиць у ихъ пяринныкъ (пёрко-пярѝнка, единичн.) Яны яму кинылы пы пяринцы. Иванька опторкувъ одну ручку. Ляцицъ другое стадо гусей. Иванька пыпросивъ у ихъ пяриныкъ. И яны яму кинылы пы пяринцы. Енъ другую ручку опторкувъ, и пылящѣвъ у свѣтъ.

А вѣдзьма сѣкла-сѣкла дуба, два мяхи тыпоровъ пылымала, и ня ссѣкла.

Д. Кышки, латыговск. вол. сѣнн. у.

6, Ну, пиши!... Бувъ сабѣ дѣдъ да баба, и бувъ у ихъ Иванка сынокъ. Отъ, Иванка и кажа батьку: тать, здѣлай мнѣ золотый човникъ, сярэбраное вяселцо: я пуѣду рыбки ловить! Здѣлавъ дѣдъ яму човникъ и вяселцо, посадивъ Иванку у човникъ: ѣдь, мой сынокъ, рыбку лови! Пуплывъ Иванка на рыбу и ставъ ловить. А матка наварила кашп, [1]) и пунéсла яму обѣдать. Пришла къ рѣчцы, и почала яго гукать: «Иванка, мой сынокъ! золотый твой чавнокъ, сярэбраное вяселцо! [2]) Плыви, плыви къ беражочку, икъ жовтяныкому пясочку: я табѣ ѣсточки принясла̀!» Иванка почувъ, приплывъ, пубѣдавъ, отдавъ рыбку, и зновъ пуплывъ. [3]) И була тамъ змяя, [4]) а ў змяи була Алёнка дочка. Яна почула ето, дакъ яна кажа дочцѣ своёй Алёнцы: «дочка моя! Я пуйду на рѣчку, пугукаю Иванку, а ты затопи печку. Якъ принясу Иванку, дакъ штобъ ты зжарила, и на столъ поставила!» Дакъ змяя пушла на берагъ, ходя пу берагу да ўсё гукаа: «Иванка, мой сынокъ! золотый твой чавнокъ, сярэбраное вяселцо! Ѣдь, ѣдь, мой сынокъ, къ беражочку, вязи рыбку! Ты мнѣ рыбки, а я табѣ кашки!» Иванка почувъ и кажа: брешашъ, брешашъ, змяя: не моѐ мамки гулусокъ! Пўбѣгла змяя къ кувалю: куваль, кувалёкъ, искуй менѣ язычокъ, якъ у Иванкиной матки! Куваль пуклавъ змяиный языкъ на кувадло и пучавъ куватъ. Здѣлався змяиный языкъ потонѣй. Пушла яна̀ узновъ на берагъ, ходя да ўсё гукаа: «Иванка, мой сынокъ! золотый твой чавнокъ, сярэбраное вяселцо! Ѣдь, ѣдь къ беражочку, я табѣ кашку принясла!» А Иванка почувъ да й кажа: «чую, чую, змяя! не моѐ мамки гулусокъ!» Разсердилась змяя, побѣгла ўзновъ къ кувалю: «коли ня скуешъ такого языка, якъ у Иванковой матки, дакъ я тябе зъѣмъ!» Куваль перакувавъ ей языкъ: здѣлався языкъ, якъ листина. Узяла яна кучаргу и торбу, пушла на берагъ и запѣла матчинымъ голосомъ, Иванковыя матки: ня вѣришъ, Иванка сынокъ, золотый чавнокъ? Ближай, ближай къ беражочку—твоѐ мамки гулусокъ!... Иванка й приплывъ къ берагу. Якъ тольки Иванка приплывъ, яна яго кучаргой зачапила и ў торбу ўтащыла. Принéсла думовъ яго, да й кажа своёй дочцѣ Алёнцы: «Аленка, моя дочка,—принéсла Иванку табѣ: мый яго, да саджай у печь, пражи яго мясо! А я пуйду по гостей! Покуль я привяду гостей, дакъ ты Иванку зжаръ и на столъ поставъ!» Пушла вѣдьма по гостей, а Алёнка печку вытопила, да й Иванку съ торбы высадила. Вымыла

1) Вар. гом. у. напекла блиновъ... 2) Мулюваный чавнокъ... 3) Гукала, гукала Иванку, не догукалася и пушла ду дому. 4) Вѣдьма.

яго, надѣла бѣлую рубашку, да й стала саджать у печь: «садись, Иванка, на лопату, да лѣзь у печь!» Што ни сядя Иванка на лопату, усё ня ўлазя у печку; што ни сядя —усё ня такъ. «Я, каа, ня ўлѣзу. Ты поўчи мяне: пуспробуй ты улѣзти, тоды я пулѣзу!» Яна сѣла на лопату, а енъ яé у печку бубухъ! И заслонкой заслонивъ, и ступою закативъ,—и зжаривъ Алёнку. Изжаривши, на столъ поставивъ; поставивши на столъ да й кажа: «стой, Аленка, стой, покуль твоя мамка придя!» Тоды позамыкавъ вурóты, хвортку, сѣнцы, а самъ узлѣзъ на горў, и захувався у коминъ, штобъ яго нихто ня видѣвъ. Мамка Аленчина пришла, привяла гостей, дворъ отомкнула, а сѣнцы стала отмыкать—ни якъ ня 'томкне. «Аленка дочка, отомкни!» А туго ня знаа, што Аленка уже спяклась на жару! Отъ, яна гукала, гукала—ня йде Аленка. «Ишъ, шельма, уже гулять пубѣгла!» И вылумала двери. Увыйшли ў хату; яна кажа: «ѣжтя, ѣжтя Иванкино мясцо, ѣжтя!» И зъѣли Аленку. Тоды лягла да й кажа: «пукачуся, пувалюся, Иванкинаго мяса наѣвшись!» А Иванка сѣдючи у кóмини, кажа: пукачуся, пувалюся, Аленчинаго мяса наѣвшись.—«Пукачуся, пувалюся, Иванкинаго мяса наѣвшись!»—Пукачуся, пувалюся, Аленчинаго мяса наѣвшись!.. Почула яна яго голусъ, и пушла Иванки шукать. А ёнъ уже на крышу узлѣзъ и сѣвъ на комини. Убачила яна яго тамъ и пулѣзла доступать. Тольки пудлазя брать, ажъ лятять гуси. Иванка гувора: гуси сѣрыя, гуси бѣлыя! Скиньтя мнѣ по пёрушку, и я зъ вами пулячу! Скинули яму гуски по пёрушку, енъ обтóркався, пуднявся, и пулятѣвъ зъ ими. Лятѣвъ, лятѣвъ—притомився. Бача ў чистомъ поли широкаго дуба, [1]) енъ и сѣвъ на дуба, на самый вяршокъ. Коли поглядить, ажъ и змяя тутъ! Прибѣгла къ широкому дубу и ходя вокругъ дуба, достаè Иванку. А Иванка сѣвъ високо и оправдаетца тамъ. Змяя яго и ня бача. «Пустой, кажа, Иванка, пустой: я тябе пуймаю!»—Ты мяне ня пуймала, дыкъ ты мяне и ня пуймяшъ!... Што той змяѣ дѣлать? «Пуйду къ кувалю, скую тупоръ, дуба зрублю и тябе забъю!» Пубѣгла, принясла тупоръ, и пучала рубить дуба. Тольки бъ дубу повалитца, а зайчикъ прибѣгъ, да перды! дубъ и зросся. Стала яна узновъ рубить. Рубила, рубила—тупоръ хрупъ! и зломився. Пубѣгла яна у кузьню къ кувалю: «куваль-кувалёкъ! искуй менѣ тупорокъ, штобъ дуба подрубить!» Скувавъ куваль ёй тупорокъ. Пубѣгла яна дуба рубить. Тольки бъ дубу пувалитца, и змяѣ зъѣсть Иванку—ажъ лятять вутки. Иванка гувора: «вуточки-лябедочки! скиньтя мнѣ по перушку, и я зъ вами пулячу!» Вутки послухали Иванки, скинули яму по пёрушку. Енъ зъ ими и полятѣвъ. Лятѣвъ, лятѣвъ, змяя за имъ бѣгла, бѣгла, и ня догнала. [2])

Прилятѣвъ Иванка къ свойму дому, откуль пошовъ, сѣвъ на кóминъ, а яго нихто ня бача. Слухая енъ, што батька зъ маткой гувóрать. Ажъ яны журатца объ имъ. Енъ тоды злѣзъ оттуль да ў хату. И стали яны умѣсти жить!..

М. Жлобинъ, рогач. у.

Ср. Афан. I, 35; VI, 109; VII, 247. Худяк. II, 60. Чубинск. 406. Кулиша II, 17; Драг. 353.

---

1) Вар. яворъ. 2) Сказка оканчивается и такъ: подбѣгла вѣдьма подъ широкаго дуба, ходя кружка, а Иваньки ня бача. А Иванька узявъ да голину отломивъ, да голину якъ шибнувъ, дакъ и вѣдьму убивъ. Вотъ табѣ, вѣдьма! И Аленки нема, и вѣдьмы нема. А Иванька живъ остався..

50. Журавовъ кошалёкъ.

Живъ сабѣ такъ дзѣдъ зъ бабой. Ня мѣли яны при сабѣ ни дзяцей, ни якихъ сростевеньниковъ, такъ сабѣ жили удвояхъ у хатцы. Жили яны крѣпко бѣдно. Вѣдомо, были крѣпко старыя, годовъ по восямдзесятъ, а можа и боляй,—звѣстно, старыя людзи довго жили. Прижили яны до того, што и ѣсць нечаго. Тольки тымъ и питались, што дзѣдъ достаня якихъ-небудзь сухарковъ по міру. Дождались яны вясны красны. Баба дзѣда и наставляя: «дзѣдка, людзи тыки усё сѣюць, хоць ба ты посѣявъ пшана, у насъ нѣйдзи гарчикъ ёсь! Хоць ба мы, бяззубыя, на старосци поспытали кашки, ци крупничку, мяхкаго и цёплаго, а то гэтые сухарки ужо крѣпко обрыдзѣли!» Дзѣдъ бабы послухавъ, и посѣявъ пшана по вяснѣ краснѣ. Высякъ лядцо, и на лядцы посѣявъ, на пни. Посѣявши дзѣдъ пшана, не пошовъ глядзѣць яго цѣлую нядзѣлю, яго ўсходу, ли ёсь изъ яго што, ли нема. На другую нядзѣлю пошовъ—выросло пшано ажъ по поясъ. Такъ богъ поспяшивъ, кабъ яно росло на старыхъ, на бѣдныхъ, што ѣсць нечаго. Приходзя ёнъ къ пшану свойму, бача ёнъ, стоиць у яго пшанѣ журавей, ды такій большій, прагромный. Якъ приходзиць (неопр. накл.) къ тому пшану, узявъ палку и шибнувъ у того жорова. Жоровъ поднявся и полящѣвъ. Ставъ глядзѣць дзѣдъ того пшана, ажъ яно усё чисто збито, потоптано, поломано. Енъ тоды приходзя домовъ и кажа баби: «вотъ, бабка, давъ намъ богъ хорошую уроду пшана, да ня дась богъ спожиць. Отчаго такъ ня дась богъ спожиць—унадзився жоровъ у пшано, и прамо ѣсь, кося—усё чисто побивъ, поломавъ!» - А, мой дзядулька, а ты жъ бывъ спрежда стралцомъ, возьми стрѣльбочку, почисци яё, подповзи да й заби яго. Вотъ будзя намъ и мясо! Той дзѣдъ послухавъ, узявъ стрѣльбу почисцивъ, и вутрóмъ пошовъ къ пшану. А журавей да прилятавъ перадъ повднемъ. Тоды енъ тольки подпâвзуя, подыходя, строитца, кóбъ убиць того жорова, приходзя туды,—а ёнъ тамъ. А ёнъ якій, значитца, жоровъ—самъ змѣй. Енъ тольки подышовъ, а жоровъ сычасъ скинувся: то бывъ пцицай, а то скинувся паномъ—ажъ зьяя, при усёй хорми, у твари красный. Отвящая тэй панъ тому дзѣду: стой, говора, дзядулька, ня би мяне, говора. И спрашуя у яго: «гэто твоё, дзядулька, пшано?»—Моё!—«Што жъ хочашъ за своё пшано?» Тэй дзѣдъ спужався: бача—такій панъ, а енъ такій шкутъ, ободранный, залатаный, укураный, якъ у лазьни у якой! «Што, кажа, я жалаю: нема ў мяне никóго-ни дзяцей, ни сроственьниковъ—кормиць мяне некому!»—Ну, дзядулька, коли ў цябе никóго нема, и нéкому цябе кормиць, дыкъ идзи ты за мной,—зялёной тропой, шавковой травой. Якъ пóйдзешъ ты зяленой тропой, шавковой травой, выйдзешъ ты на поляну, тамъ будзя мой дворъ. Ня йдзи ты назаходъ сонца къ мойму ганку, зайдзи ты наўпроци повдня. Тамъ будзя другій ганокъ: ты на яго и идзи у мой домъ. Тамъ будзя часовый стояць; енъ спрося у цябé: куды ты идзёшъ? А ты скажи: къ журавлёвому. Енъ цябе пусця. А тутъ я, можа, почую, а можа, у вокно убачу,—самъ отчиню табѣ двери и ўпущу у свой домъ!... Сказавши гэто, енъ сычасъ тропъ-тропъ! Здзѣлались у яго руки крылушкама, а ноги ногама. Енъ узнявся и полящѣвъ. Тэй дзѣдъ и пошовъ зяленой тропой, шавковой травой. Ици яму, ици,—выходзя на поляну, и бача домъ сяродъ поляны. Такое строеніе,

што ни здумаць, ни згадаць, только ў казкахъ сказаць; можа такого и ў цѣломъ нашамъ царстви нема—такъ и зьяя! Цяперъ, подходзя тэй дзѣдъ къ дому, подыходзя къ тому ганку, што отъ повдня, стоиць часовый яго, того журавлеваго. «Ты куды, каа, идзёшъ, шкутъ ты гэтакій? Ты достоинъ тутъ шлятца?» А тэй почувъ, жоравъ, лопъ-лопъ, отчиняе одну комлату, а тоды другую: «а пойдзи, пойдзи сюды!» Часовый сыйчасъ отступився на бокъ. Вотъ дзѣдъ пройшовъ одзинъ покой, другій покой, уходзя у третьцій. Журавъ посадзивъ яго у кресло—якъ вотъ вы мяне примѣрича— и поставивъ яму ядзе́ньня, пице́ньня, вина усякаго, придухтовъ, хрухтовъ (продуктовъ, фруктовъ)—открывъ яму̀ свой увесь столъ, только молока птушачьяго ня було. Угосцивъ того дзѣда, тоды спрашуя: «што ты, дзядулька, хочашъ за своё просо?»—Мой панокъ, мой золотый, ня могу сказаць: што ваша ласка, то й дасцё!.. Тэй панъ пошовъ у другій покой, и выносця яму кошалёкъ. И говора: «ну, дзѣдъ, коли ты идучи по дорози, захочешъ ѣсци, ты скажи: кошалёкъ, кошалёкъ! дай мнѣ пицѐньня, ядзѐньня! Енъ открыетца, и съ того кошалька будзя и столъ, и кресло, и тыя самыя кушаньни, што ты ў мяне ѣвъ. А якъ подъяси, напъе́сься, наясися, тоды скажи: пице́ньня, ядзѐньня, хоронися у кошалёкъ! Тоды яно усё скрыетца, ты згорни, и идзи сабѣ домовъ. Только по многу ня пи, а то увопъе́сься, и хто-небудзь украдзя кошалёкъ!»...

Тэй дзядулька, пройшовши по дорози домовъ, захоцѣвъ поспробовацъ: ци именно правда гэто будзя, што мнѣ жоровъ отвясцивъ? Отыйшовсь повдороги, енъ сѣвъ, вынявъ кошалёкъ, раскрывъ, и кажа: «кошалёкъ, кошалёкъ! кабъ мнѣ було пице́ньня, ядзе́ньня!» И тутъ заразъ явилось якъ покой, ажъ зяя, и открылось пице́ньня, ядзе́ньня. Дзѣдъ тэй поспытавъ того, сяго по малой часточцы, тоды кажа: пиценьня, ядзеньня, хоронися ў кошалёкъ! Усё и сховалось. Приходзя енъ къ свойму къ сялу, къ своёй хатцы. Уходзя ў свою хатку, да: «дзень добрый! каа: ци жива тутъ, баба моя?»—А жива, дзядулька! (старческимъ голосомъ) А ты, ци живъ?—«Я живъ, здоровъ!»—А я жъ думала, што цябе ци вовки зъѣли, ци мядвѣдзи забили, у мохъ зацягнули, закопали и коло́дзьдземъ завярнули!..—«Нѣ, бабулька: вовки ня зъѣли, мядвѣдзи ня забили, а принесъ я хлѣба-соли, будзя зъ насъ по нашай жисци! Садзись-ка, бабка, за столъ, и я сяду,—можа ты зъ мѣсяцъ ня ѣла. Будзя намъ пице́ньня, ядзе́ньня!..»—Што ты, дзядулька? Откуль ты во́зьмешъ пиценьня-ядзеньня?—«Садзись-ка, садзись!..» Сѣли яны за столъ, вынявъ дзѣдъ кошалёкъ, поклавъ на столъ. А столъ тэй коравый,—вѣдомо, у курницы. Раскрывъ ёнъ кошалёкъ: «ну, кошалёкъ, кошалёкъ! кобъ було открыцено пице́ньня, ядзе́ньня!» И, тутъ, откуль што ўзялось! То была курница, а тутъ стали покои, можа получьче гэтыхъ, *) да што гетыя—можа и ў цѣломъ царстви нема такихъ. И разныя-разныя пиценьня-ядзеньня: тутъ и вины, и бабки, и пироги,—усяго було. Баба тая ни здзивилася! «Божа мой, Божа мой, откуль усё гэто? Откуль ты гэто ўзявъ?»—А вотъ, бабка: якъ послала ты мяне забиць жорова, дыкъ я приходжу къ свойму просу, а ёнъ тамъ. Только я зложився, кабъ яго забиць, а енъ скинувся паномъ, такимъ паномъ, што ажъ зяя. «Што ты, кажа,

*) Сказка записывалась въ квартирѣ мѣстнаго священника о. Давидовича, которую въ селѣ можно признать весьма приличною.

хочашъ зъ мяне за своё пшано?» Я яму̀ ку̀ (кажу): у мяне нема никого, кормицъ мяне некому! Тоды енъ каа: идзи ты ко мнѣ у мой дворъ зяленой тропой, шавковой травой, тамъ я цябе награджу! Пошовъ я туды, у дворъ къ яму, енъ мяне накормивъ, напоивъ и давъ гэтый кошалёкъ. Ну, изъ гэтаго кошалька намъ усё открываетца!.. Тая баба выпила, обняла того дзѣда, поцаловала: «ну, спасибо жъ таѣ (табѣ), дзѣдка: я рада тобой; ты усё ровно якъ съ того свѣту явився! Ци вѣдаешъ ты што дзѣдка? Мы одны живёмъ, ни ў людзей ня бываемъ, ни людзи у насъ. Ци вѣдаешъ што: позовёмъ мы къ сабѣ войта̀ и старосту у госци къ сабѣ! У насъ гэтакій столъ, и хата наша отъ стола правитца!»—А якъ, баба, сабѣ хочашъ: можашъ и позвацъ сабѣ, нехай и побудуцъ у насъ!.. Тая баба закухлила на̀мятку, пошла на сяло и позвала войта̀ и старосту: «ходзиця, каа, моѐ дзѣтки, ко мнѣ у госци!»—Што ты, каа, старая корзина, якіе у цябе госци? Живе у западной хаци, можа ѣсь нечаго, а яна у госци зове!—«Нѣ, моѐ дзѣтки, тоды будзеця насъ ругацъ, якъ побываеця, да ня будзя у насъ накрывацелно стола. А напяродъ нечаго ругацъ!» Тоды тые одумались: ну, нехай сабѣ и такъ, пойдземъ сабѣ! И пошли яны удвояхъ у госци. А яны, значитца, охвочи попивацъ, коли хто зове! Уходзюцъ яны у хату: «дзень добрый, дзѣдъ!» —Здоровъ!—«Што скажаця намъ?»—А во̀ сядзьця, посидзиця на лавцы: и скажамъ и покажамъ! Тые сѣли. Одзинъ кнутъ дзержа—пугу, а другій—бизунъ. Вѣдомо, войты и старосты были гроза дли хресцянъ, заўседы съ кнутами ходзили по сялу, съ хатъ выгоняли на барщину. Тоды дзѣдъ вынявъ кошалёкъ. «Кошалёкъ, кошалёкъ, кабъ було пице́ньня, ядзе́ньня открывацелное!» После того открываетца съ того кошалька пице́ньня, ядзе́ньня, усякое угощеньня ли усяго засѣданія, кольки будзя—ли пяцъ, ли дзесяцъ. Тоды енъ угощаецъ войта̀ и староста̀. Тые пьюцъ и ядуцъ, и ня здзивютца, што гэто такое: и пице́ньня и ядзеньня, и хата посвятлѣла? Ци ня Богъ гэто зъ неба скинувъ рай? гэто и ў нашаго пана нема такого угощенія, стола, укращенія! Тоды яны напилися, наѣлися—ловко нахлябались и зялёнаго и вишнёваго, якое тольки ёсь на свѣци—и пошли. Баба и говора: «ци вѣдаешъ што, дзядулька?» —А што?—«Позовемъ мы пана къ сабѣ у госци?»—Што ты, баба дурная! Во, правды: хто бабы слухая, заўсёды погибая. Пойдзя къ намъ панъ, къ старцомъ къ такимъ! Идзитка, енъ табѣ кнутомъ уздасцъ!—«А што будзя, да будзя—пойду!»—Ну, идзи сабѣ! Пошла баба. Приходзя къ пану у покой, да. Выходзя панъ: «А што, старая бабка, скажашъ?»—А што, паночакъ, скажу: просивъ дзѣдъ, прошу и я васъ къ сабѣ ў госци!—«Што? ахъ ты быдла! Ты мяне зове́шъ у госци? Я пойду къ старчи́си?» —Нѣ, паночакъ: ня йимецё вы вѣры мнѣ, запытайцесь у своихъ вѣрныхъ людзей. Ёсь у васъ войтъ и староста: спросиця у ихъ, ци можно ици къ намъ, ци нѣ?—«А, во ладно, ладно!» Сычасъ, позвавъ лакеявъ, кучаровъ: сходзиця, позовиця ко мнѣ на часокъ войтовъ: позывая панъ васъ! Тоды слуги тые пошли къ войто́мъ: казавъ панъ, кабъ вы къ пану йшли! Приходзяцъ войты къ пану: на счотъ чаго вы насъ зовецё? —А во на счотъ чаго: зове вѣдзьма мяне ў госци, дыкъ ци можно къ ёй ици?—А, паночакъ, можно, можно: мы у пана ня видзѣли такого стола, якъ у ихъ. Ёсь у яго кошалёкъ, и зъ яго усё открываетца: золото канецъ—посуда, и чаго тамъ нема: и горѣлки разныя, и вины, и столъ. Можно пойци! Тэй панъ послухавъ войтовъ, вялѣвъ

своимъ кучаромъ, кабъ заклали коняй, панъ съ паняй одзѣлися и поѣхали, не такъ пиць-ѣсци, якъ тыя правды узнаць: ци именно правда, ли можа ложно, што старуха говора. Поѣхали; пріяжжая къ тэй хатцы, и злазя съ хвальтона (фаэтона?) Тоды дзѣдъ тэй выходзя: ня гнѣвайцеся; паночакъ, моя хатка знаружа ня чиста, а ў сярэдзини будзя вамъ и стульля, и цвяты, и ўсё накрывацялно—мое поштэніе! Уходзиць тэй панъ у тую хату, и ставъ у порози. Тоды тэй дзѣдъ вынявъ кошалёкъ и говора перадъ паномъ: кошалёкъ, кошалёкъ! кабъ було тутъ пице́ньня, ядзе́ньня и ўсякое укращеньня у моей хаци! Тутъ сычасъ усё открылося: и пиценьня, и ядзеньня, и усякое укращеньня: што и ў цѣломъ царстви нема такого открывацелнаго стола, якъ у яго! Вотъ тэй панъ бача—ня стыдно сѣсць. «Просимъ, паночакъ, на свой на хлѣбъ-на соль, на усякое бугу́словенство!» Ставъ панъ разбирацъ тыя вины, бача, што самыя дорогія. Стали пиць и ѣсци. Извѣстно, блугуродный чаловѣкъ ня столько угощаетца, скольки разнымы совѣтамы уцѣшаетца. Гэто ня мужикъ, што, якъ кажуць, якъ дорве́тца, дакъ нажре́тца! Тоды попили, поѣли, панъ и кажа: дзядуля, табѣ совѣстно мѣць гэтый кошалёкъ; ты такій шкутъ, а ў цябе домъ и столъ повыше мойго. Мнѣ совѣстно, каа, проци своихъ друговъ. Я цябе прошу по ласцы: отдай ты мнѣ гэтый кошалёкъ. Дамъ табѣ провизію суповную: кру́пы, муку́, закрасу; усё, што треба, усё табѣ буду приставляць. И слугу табѣ дамъ, и корову, и свиньню, и масло—усё. На што табѣ й кошалёкъ? Я цябе поховаю, и сыботники отправлю, уцѣшу, по номастырахъ позаво́джу!.. Тэй дзѣдъ поговоривъ зъ бабой: «ну што, баба, будземъ робиць? панъ прося. Ци отдадзёмъ, ци нѣ?»—Ну што жъ, дзѣдъ: панъ прося—треба послухаць. Намъ усё будзя: и слуга будзя и одзе́жа—и помыто, и подадзено!.. Послухали и отдали. И остались у своёй у дзиравой хатцы, якъ были. Тэй панъ узявъ кошалёкъ и поѣхавъ. Тоды давъ имъ и провизію и слугу: пудъ муки, пудъ гороху, пудъ крупъ яшныхъ драныхъ, пяць хунтовъ сала, три хунты масла, дзесяць хунтовъ соли—выдавъ имъ паёкъ. Потрабили яны тэй паекъ у нѣскульки дней. Потрабивши паекъ, послали яны свою слугу у хульварокъ къ пану. «Пане, прислали дзѣдъ ды баба по паёкъ,—тэй паекъ вышовъ!» Тоды тэй панъ не давъ пайка, и слугу ня пусцивъ. Полно, каа, даваць: у мяне ёсь гэткихъ много, што треба даваць Мнѣ треба кормиць тыхъ, хто работая, а яны на барщину ня ходзюць. Хай по міру собираюць и ядзяць: зъ міру по нитцы,—голому рубашка; зъ міру по крошцы—двоимъ пропитатца можно! Такъ панъ и знявѣривъ, слово змяпивъ. Пошла тая слуга и отвясцила гэто дзѣду: «казавъ панъ, што у мяне ёсь гэткихъ много, што треба даваць; треба кормиць тыхъ, што работаюць. А вамъ казавъ по-міру собирацъ и ѣсци. И мнѣ назадъ у дворъ ици!» И пошла назадъ. Осталися тые дзѣдъ изъ бабой, якъ были—душама: и коравые, и дзиравые, и ў нуздзи у вяликой.

Дзѣдъ тэй тоды думавъ, думавъ, думавъ, думавъ думу: што тутъ робиць? Якъ хлѣбъ доставаць? И надумався: пойду-тка я къ тому жураву, пожалюся яму,—ци не помилуя, ци не дась ёнъ другого кошалька. Той баба звяла. Сказано: хто бабы слухая, тэй заўсёды загибая. Зъ бабой живе́шъ, нравды не кажи николи! Надумався, и пошовъ енъ. «Пойду́, кажа, баба къ жураву, ци ня дась ёнъ намъ другого кошалька?»—Ну, сходзи, дзѣдъ. Дась, не дась, а сходзи!.. Ну, енъ пошовъ зялёною тропою,

шавковою травою. Ишовъ, ишовъ, приходзя на полянку. На тэй полянцы журавовъ домъ. Приходзя ёнъ къ журавлёвому дому, подыходзя подъ яго ганокъ. Часовый сычасъ на яго кричиць: ты куды, шкутъ, табѣ тутъ треба? А жоровъ почувъ, сычасъ лопъ-лопъ, двери отчинивъ: а, ходзи, ходзи сюды! Часовый сычасъ на бокъ. Увыйшли яны у покои; одзинъ пройшли, другій, увыйшли у третьцій. Жоровъ пытаетца: «ну што, дзядулька, можа хто обидзѣвъ?»—Што, паночакъ,—панъ обидзѣвъ. Позвала баба войтовъ у госци, напоила, накормила, а тоды кажа: позовёмъ мы пана! Я не хоцѣвъ, али сатана звядзе и сокола. Пошла яна, позвала. Пріѣхавъ панъ съ паней. И подлёгъ ёнъ подъ мяне, кабъ отдаць яму кошалёкъ, подлёгъ и подлёгъ; я, кажа, усё табѣ буду приставляць. Мусивъ я у бабы попытатца. А баба кажа: отдай, дзѣдъ, треба пана послухаць, ёнъ жа усё намъ будзя приставляць. Отдавъ я кошалёкъ, а панъ прислав̆ъ намъ паёкъ. Тоды якъ той паёкъ вышовъ, енъ и знявѣривъ: хай, каа, по міру идуць собираць да й кормютца!... Ну, жоровъ посадзивъ яго за столъ, угощая, а той за слязама и ня ѣсь... «Ци не дасьцё вы мнѣ, кажа, ще такого кошалька?»—Добро, дамъ, дамъ! Будуць знаць уси! Ня дамъ я табѣ кошалька, али дамъ табѣ бочоночакъ!.. Пошовъ енъ у другій покой, выноси бочоночакъ и вуча яго: «приходзи ты домовъ, скажи: баба, лѣзь-ка съ печи. Ня принёсъ я кошалька, а принёсъ бочоночакъ! Якъ баба злѣзя съ печи, ты и скажи: нука, дванатцаць молойцовъ, лѣзьцека зъ бочоночка, расцяниця гэту бабу, улиниця ёй кнутама хорошенько! Дадуць яны баби, тоды скажи: нука, дванатцаць молойцовъ, лѣзьця у бочоночакъ! Ну, тоды скажи баби, кабъ яна закухлила свою нàмятку и пошла къ пану, да ня казала, што ты принёсъ бочоночакъ, а сказала бъ, што принесъ другій кошалёкъ, ще почищо того. Позови пана и паню, и войтовъ, и дворанъ усихъ. И якъ собярутца уси, посадзи пана съ паняй на куцѣ, а тыхъ усихъ на дворѣ. Тоды скажи: нуцетка дванатцаць молойцовъ, лѣзьце-ка зъ бочоночка, улиниця имъ усимъ! Якъ дадуць, тоды скажи: нуцетка, дванатцаць молойцовъ, стойця у порози! И потребовай назадъ свойго кошалька!..» Подзяковавъ дзѣдъ, пошовъ домовъ. Якъ улинувъ баби! Баба побѣгла позвала пана и паню, и войтовъ, и дворанъ усихъ. Якъ улинули имъ, усимъ, и дворанамъ, и войтомъ, и кучаромъ, усимъ! Ну, дванатцаць молойцовъ, стойця у порози! «Ну, пане, положъ тутъ кошалёкъ, а то будзя и табѣ такое угощеньня, якого ты николи ня бачивъ, и дзяды твоѐ и прадзяды ня бачили!» Грозя, бачь! А што грозиць, коли тэй и самъ усё видзѣвъ, и стояць у порози дванатцаць молойцовъ съ кнутама! Панъ тэй, видзя, што плохо, да призапомнивъ узяць съ собою. Отвящая дзѣду: «отдаю, дзядулька, табѣ кошалёкъ твой питáмянный, тольки пусци живого! Много—мало мнѣ жиць, будзя зь мяне и свойго добра. Призовиця мнѣ мойго слугу!» Призвали того слугу, припусцили яго къ пану. «Пожалуста, голубчикъ, ѣдзь скорѣй у дворъ, и тамъ и тамъ, у шахви, ци можа у скрыни, ляжиць кошалёкъ. Возьми яго и приставъ мнѣ яго сюды у скоромъ урему, а то мнѣ тутоцьки плохо знаходзитца!» Чаму?—коли дванатцаць дъяволовъ стояць у брыляхъ, стояць съ кнутама! Давъ ключики, при сабѣ мѣвъ у кишаню. Тэй поѐхавъ, узявъ тэй кошалёкъ, идзѣ було сказано, и приставивъ къ пану. Тэй панъ кажа: на, дзѣдушка, твой кошалёкъ, тольки пусци мяне! Дзѣдъ узявъ кошалёкъ и кажа: а дайцетка яму! Ёнъ мужуковъ бъё болно, а ня ўвѣрая,

што болно, хай-ка и енъ почу́стуя, якъ намъ болно! Ну, узяли дванатцаць молойцовъ, отдзюбашили троху, тоды дзѣдъ кажа: дванатцаць молойцовъ, лѣзьця у бочоночакъ! Панъ тоды хбду! ци у́зявъ шапку, ци нѣ, а шубу посѣкли до новакъ, у куски! Тэй дзѣдъ остався тоды жиць съ своимъ кошалькомъ, съ своѣй силы до оброны. И нихто яго ужо ня тронувъ.

С. Городище, быховск. у.

От кр. Ивана Степанова Мельникова, 38 л. негр. Ср. Садовник. 136. Чубин. 344, 350.

51. Жоровова кайстерка.

Жили сабѣ дѣдъ да баба. Ня було у ихъ николячки хлѣба. Почала баба ругать дѣда: пранцовъ ты дѣдъ, иди хлѣба зароблять! И выгнала дѣда съ хаты. Пошовъ дѣдъ. Ишовъ, ишовъ, уморився; лёгъ подъ кустомъ да й плача. Ажъ лятить жбровъ зъ довгими ногами. Дѣдъ яго за ноги. А жоровъ кричить: пусти, я табѣ штось принясу! Пустивъ дѣдъ жорова, жоровъ полятѣвъ и нясе яму кайстярку. Дѣдъ кажа: што йто за кайстярка?—А ето такая кайстярка, што якъ скажашъ: «раскатись, развались, дай попить, поѣсть, што на свѣти есть!»—яна и дасть.... Пошовъ дѣдъ домовъ—годи заработковъ шукать. Отыйшовъ трохи, да й думая: «нумъ, я поспробую,—можа жоровъ мяне обманивъ!» Да й кажа: «кайстярка, кайстярка, раскатись, развались, дай попить-поѣсть, што на свѣти есть!» Яна того часу раскатилась и дала яму поѣсть, попить, што тольки на свѣти ё. Поядавъ ёнъ и пошовъ домовъ. Приходя у своё сяло, сустракая яго ку́ма: «Здоровъ, каа, кумокъ, идѣ бывъ?»—Да ходивъ, каа, кумка, хлѣба зароблять, да тяперака уже ня треба!—«Чаму?»—А вд жоровъ, спасибо, давъ мнѣ кайстярку!—«Якая жъ ето кайстярка?»—А ето такая, што якъ скажашъ на яѐ: раскатись, развались, дай попить, поѣсть, што на свѣти есть! Яна и дасть! —«Ты жъ, моо, кумокъ, уморився! Зайшовъ ба ко мнѣ, отдыхавъ?» И повяла дѣда къ сабѣ. «Положъ, каа, кумокъ, кайстярку у сѣнцахъ, у насъ нихто ня возьмя!» Той поклавъ. Повяла яна яго у хату, почала поштувать. А дочцѣ шапорнула: возьми, каа, тую кайстярку, а замѣстъ яе положъ другую, свою! Тая такъ и здѣлала: свою кайстярку положила, а тую жоровову у́зяла. Упоштували яны того дѣда, што чуть ноги поволокъ. Усунули яму за пазуху кайстярку и выправили. Приходя дѣдъ домовъ. «Ну, баба, разжився я на хлѣбъ! Садись-ка за столъ!» Сѣли яны, вотъ дѣдъ и говора: «кайстярка, кайстярка! раскатись, развались, дай попить, поѣсть, што на свѣти есть!» А кайстярка и ня поворухнётца. Разсердилась баба, и прогнала дѣда съ хаты. Пошовъ, плачучи, той дѣдъ зновъ туды, подъ той кустъ, сѣвъ подъ кустъ, и горуя, сѣдючи. Ажъ лятить опять той жоровъ. Дѣдъ яго за ногу́! «Пусти, кажа жоровъ, я табѣ принясу штось другое!» Пустивъ дѣдъ жорова, жоровъ полятѣвъ, и нясе яму лопату. «Што ето за лопата?»—А ето такая лопата, што накладе́шъ на яѐ листя, да принясе́шъ къ печи—будя хлѣбъ! Дѣдъ поспасибовавъ и пошовъ домовъ. А кума уже стераже. «Кумокъ, што ето у тябе за лопата?»—А ето такая лопата, што на яѐ якъ някладе́шъ листя, да поднясе́шъ къ печи,—будя хлѣбъ. «Ты жъ, кумокъ, уморився; зайди къ намъ, отдышъ!» И повяла яго къ сабѣ. «Поставъ, кажа, кумокъ,

лопату ў сѣнцахъ, у насъ нихто ня возьмя,—и золото положъ, дакъ цѣло будя!» Стала поштувать дѣда, а дочцѣ шапорнула: подмяни лопату! Поштували, поштували дѣда, —у того и языкъ ня ворочаетца. Дали яму̀ свою лопату и выправили,—чуть совкаетца. Приходя дѣдъ домовъ. «Бабъ, а бабъ! Слава Богу, разживсь на хлѣбъ! Приготуйка листя!» Тая дала яму̀ листя. Енъ ихъ на лопату да ў печь. Тое листя и згорѣло. Баба тая якъ стала дѣда ругать! Ругала, ругала, и выпихнула за двери. Пошовъ дѣдъ зновъ къ тому кусту. Сѣвъ подъ кустъ, плача, горуя... Лятить зновъ той жоровъ зъ довгими ногами. Дѣдъ яго за ногу̀. «Пусти, каа, дѣдъ: я табѣ ще штось принясу!» Полятѣвъ жоровъ, и принося яму мѣхъ. «А якій ето мѣхъ?»—А ето такій мѣхъ, што якъ на яго скажашъ: зъ мяшка! дакъ яно табѣ и ўсыпля, *) што треба!.. Пошовъ дѣдъ домовъ, да на дорози раздумався: «дай-ка я поспробую, можа мяне жоровъ зновъ подманивъ!» Да и кажа: зъ мяшка! Тольки сказавъ, ажъ выскакуя оттуль чаловѣкъ зъ дубиной. Якъ почане дѣда возить! Бивъ, бивъ... Той кричить: «ай, годи!» А ёнъ бъе. «Ай, болно!» А ёнъ усё бъе. «Будя ўже табѣ битца!» А ёнъ усё бъе. «Лѣзь ты ўже у мяшокъ!» Якъ сказавъ—у мяшокъ, ёнъ и сховався. Пошовъ дѣдъ даляй. Приходя на сяло, а кума уже зновъ стераже. «Драстуй, кумокъ! Што нясе́шъ?»—Мѣхъ!—«Што жъ ето за мѣхъ?»—А ето такій мѣхъ, што на яго якъ скажашъ: зъ мяшка!—дакъ яно табѣ и ўсыпля, што треба!—«Зайди жъ, кумокъ, отдышъ у мяне!» И повяла. «Положъ, каа, мѣхъ у сѣнцахъ, у насъ цѣло будя!» Енъ поклавъ. Стала кума яго поштувать, а дочцѣ шапорнула: «скажи тамъ —зъ мяшка!» Дочка̀ зъ-дуру и скажи. Енъ и давай яѐ бить. Тая кричить, а енъ яѐ бъе! Выбягла матка, енъ и яѐ. А дѣдъ сабѣ поштуетца! Бивъ, бивъ, тоды яны догадались,—за кайстярку, да за лопату. «На, кумокъ-голубокъ, тольки скажи, штобъ ня бивъ боли!» Отъ дѣдъ и кажа: у мяшокъ! Яго и ня видно. Узявъ дѣдъ лопату, и мѣхъ, и кайстру, и пошовъ домовъ. Приходя домовъ. «Ну, баба, слава Богу, разжився на хлѣбъ!»—-Пранцовъ ты дѣдъ! Ты усё разживаесься, да усё подманюешъ!— «Нѣ, садись-ка за столъ!» Сѣли яны. Дѣдъ на кайстярку кажа: «раскатись, развались, дай попить, поѣсть, што на свѣти есть!» Яна и дала. Поядали хорошѐ. Дѣдъ тоды кажа: накладитка, баба, листя на лопату! Баба наклала. Енъ у печь,—ажъ ставъ хлѣбъ! Пошовъ тоды дѣдъ къ сусѣдямъ на вясельля. Заспоривсь тамъ съ пъяными, и стали яго бить. Енъ пошовъ домовъ, узявъ мѣхъ, приходя зновъ къ сусѣдямъ, да й кажа: зъ мяшка! Той выскочивъ да й давай ихъ бить! Бивъ, бивъ, усихъ перабивъ. Стали тогды дѣда боятца.

Гом. у.

52. Зъ рога всяго много.

Коли такъ живъ сабѣ дзѣдъ изъ бабый. И ў ихъ ня було ничого, тольки одна лубочка жита. Тоды дзѣдъ кажець баби: бабка, бабка, што мы будземъ дзѣлыць изъ гэтымъ житомъ? А баба кажець: а йдзи у прудъ, змяли тамъ жито, хлѣбца спячомъ!

*) Двусмысленное выраженіе: кромѣ буквальнаго значенія, употребляется въ смыслѣ—сильно побить, наказать розгами, палкой или кнутомъ.

Пошовъ тоды дзѣдъ у прудъ, змоловъ гэто жито, и идзѐцъ домовъ. Идзѐцъ домовъ, и зайшовъ у каршму. А мукў поставивъ на зувалини ли каршмы. Откуль узявся вѣцеръ, и раздувъ тую дзѣдову муку. Узявъ дзѣдъ лубку и пошовъ домовъ. «Бабка, бабка, што мы будземъ дзѣлаць? Поставивъ я муку на зувалинки, а вѣцеръ раздувъ яе!»—А йдзи, дзѣдка, ня даруй яму!.. Пошовъ тоды дзѣдъ шукаць вѣтра. Ишовъ, ишовъ, ишовъ, ишовъ, бачицъ—хатка. Узявъ енъ тую хатку за вуголъ и ставъ оборачиваць. А вѣцеръ кричицъ: «ня бури мою хатку! А на̀ табѣ окрайчикъ хлѣбца: што ты будзешъ яго ѣсци, то ёнъ будзецъ бо́льшицъ!» Пошовъ дзѣдъ домовъ, и зайшовъ къ кумѣ на ночь. Ставъ енъ ѣсь тэй хлѣбъ, а енъ ня меняецъ, ды боляецъ. Ноччу кума узяла, отрѣзала окрайчикъ свойго хлѣба и отмянила: яго узяла сабѣ, а свой дала яму. Приходзицъ дзѣдъ домовъ, стали яны ѣсци тэй окрайчикъ, и зьѣли! Тоды баба кажецъ: идзи, дзѣдка, не даруй вѣтру! Пошовъ дзѣдъ узнова. Ишовъ, ишовъ, знайшовъ вѣтрову хатку, узявъ яѐ за ўголъ и ставъ оборачиваць. Тоды вѣцеръ гукаецъ: «чаловѣкъ, чаловѣкъ, ня бури мою хатку, а на̀ табѣ бараньку. Якъ ты скажашъ: баранька, стрыханися, высыпъ злата-се́рабра!—ёнъ и высыпицъ.» Гэтый дзѣдъ узявъ бараньку и пошовъ домовъ. Пошо̆въ домовъ и зайшовъ опяцъ къ кумѣ на ночь. Посядзѣвъ трошку, и ўздумавъ, ци правда гэто, што яму сказавъ вѣцеръ. И кажецъ кумѣ: дай мнѣ, кумочка, дзяругу! Тая кума дала яму дзяругу. Енъ поставивъ бараньку ны дзяругу и кажецъ: баранька, стрыханися, высыпъ злата-серабра! Баранька стрыханувся и высыпавъ золота и серабра. Кума гэто убачила, и ноччу замянила барана. Нызаўтраго дзѣдъ узявъ куминаго бараньку, и пошовъ домовъ, Приходзицъ домовъ, поставивъ бараньку ны дзяругу и кажецъ: баранька, стрыханися, высыпъ злата-серабра! А баранька тэй стоицъ, якъ муракъ! Прогоняецъ тоды баба узновъ дѣда: идзи, ня даруй вѣтру! Пошовъ дзѣдъ опяцъ къ вѣтровой хаци и ставъ яе опяцъ за ўголъ оборачиваць. Вѣцеръ гэто убачивъ и кричицъ: чаловѣкъ, чаловѣкъ, ня бури мою хату. На̀ табѣ рожокъ, цяперъ твоё усё ве́рнетца, тольки скажи: зъ рога ўсяго много! Пошовъ тэй дзѣдъ домовъ, заходзицъ узновъ къ кумѣ. Посядзѣвъ троху и гово́рицъ: вотъ, кумка ты моя! Ёсь у мяне рожокъ; енъ што тольки захочешъ, дась, тольки скажи, кумочка: зъ рога ўсяго много!—тутъ усяго будзецъ! Вотъ дзѣдъ вышовъ на дворъ, а кума заразъ и кажецъ: зъ рога ўсяго много! Якъ тольки яна гетыкъ сказала, якъ выскочило зь яго, якъ стали яѐ бицъ! Били, били, а яна кричицъ. Уходзицъ дзѣдъ. «Ай, кумокъ, ратуй мяне! отдамъ табѣ окрайчикъ и бараньку, капъ тольки яны кинули битца!» Тоды дзѣдъ кажецъ: охъ, усё ў рогъ! И яны ўси позахувалиси. Отдала тоды кума и окрайчикъ, и бараньку; дзѣдъ узявъ и пошовъ домовъ. Пришовъ домовъ, и ставъ жиць. И ставъ ёнъ такимъ богатымъ, што ни здумаць, ни згадаць, ни ў казцы сказаць, ни пяромъ написаць! Ну й звѣстное дзѣло: кыли енъ такій богатый, дыкъ енъ и друживъ изъ богатыми. Разъ издзѣлывъ дзѣдъ пирушку, и сызвавъ своихъ товаришовъ богатыровъ. Тоды яны на гэтой пирўшцы поўпилиси. А одзинъ нѣ. Вотъ лягли яны гэто спаць, а тэй узявъ гэтый хлѣбъ и бараньку, и къ сабѣ домовъ. Нызаўтраго оглѣдзився гэтый дзѣдъ—нема ни бараньки, ни окрайчика. Дзѣдъ тоды запрогъ коня и поѣхавъ къ тому пану. Тэй пытаетца у дзѣда: што ты мнѣ, дзѣдъ, привёзъ? А дзѣдъ кажецъ: привёзъ табѣ рожокъ!

—«Покажи, якій?» Дзѣдъ показавъ. Тоды панъ спрашуець: што изь имъ дзѣлыюць?—«А вотъ што, паночакъ: скажи тольки—зъ рога ўсяго много! дыкъ ёнъ и дась.» Панъ заразъ и кажець: зъ рога ўсяго много! Якъ выскочили яны, якъ начали яго оплитывацъ! Панъ гэтый кажець: ай, дзѣдка, ратуй! Отдамъ бараньку твойго, и окрайчикъ отдамъ! А яны яго оплитуюць! Тоды ўжо дзѣдъ узьмиловався надъ имъ и кажець: охъ, уси ў рогъ! Яны уси и пухувалиси. Узявъ тоды окрайчикъ, и бараньку, и рожокъ, и пошовъ домовъ. И ставъ тоды дзѣдъ жиць самъ по сабѣ: ня ставъ дружитца ни сь кимъ!

Д. Коровичи, замоцк. вол. сѣнн. у. Кр. Иванъ Дашкевичъ.

53. Два съ трубы.

Жили были сабѣ дѣдъ да баба, и ня було у ихъ хлѣба. Выкопавъ разъ ихъ пѣвянь зернятко подъ мостомъ. Узяли яны ето зернятко, усыпали ў мѣхъ, повязли на млынъ и змололи. Усыпали тую муку̇ у мѣрку, и понёсъ дѣдъ муку домовъ. А вѣтяръ узявъ да тую муку и выдувъ зъ мѣрки. Зновъ няма хлѣба. Вотъ и пошовъ дѣдъ вѣтра судить. Ишовъ день, ишовъ другій, три дни увыйшовъ—ажъ стоить хатка на куриной ножцы. Увыйшовъ дѣдъ у хатку, ажъ у той хатцы сядить Щастя на стули. Дѣдъ кажа: «драстуй!»—Драстуй, дѣдъ! Куды йде́шъ?—«Вѣтру шукать!»—На што?—«Хо́чу судить яго!»—Што ёнъ табѣ здѣлавъ?—«Мою муку раздувъ: тяперъ у насъ зъ бабой хлѣба няма!»—Ня йди ты вѣтра шукать, а на̀ табѣ стулчикъ. *)—«А што ето за стулчикъ?»—А ето стулчикъ вотъ якій: стулчикъ, стулчикъ, развярнись, дай етому чаловѣку питяньня, ядяньня, и ўсякаго кушаньня!.. Дыкъ стулчикъ сичасъ перакружнувся, перавярнувся, и давъ яму питяньня, ядяньня и ўсякаго кушаньня. Вотъ дѣдъ поядавъ, узявъ стулчикъ, подяковавъ и пошовъ. Ишовъ, ишовъ цѣлый день, а на ночь зайшовъ икъ дѣвкамъ. Тыя пытаять у дѣда: што ето, дѣдъ, у тябе за стулчикъ? А вотъ якій: стулчикъ, стулчикъ, развярнись, дай етымъ дѣвкамъ питяньня, ядяньня и ўсякаго кушаньня! Стулчикъ перакружнувся, и давъ имъ питяньня, ядяньня и ўсякаго кушаньня, чуть яны поѣли. Вотъ дѣдъ лёгъ спать, а дѣвки стулчикъ и перамянили... Назаўтраго ўраньни енъ уставъ, узявъ стулчикъ и пошовъ. Приходя домовъ: «бабъ, а бабъ! садись-ка за столъ!» Баба сѣла, и енъ сѣвъ, и говора: «стулчикъ, стулчикъ, развярнись, дай намъ питяньня, ядяньня, усякаго кушаньня!» Стулчикъ а ни зъ мѣста! Узяла тогды баба ёмку, якъ почала дѣда возить—возила, возила, ти ще, ти годи... «Уздумавъ, кажа, мяне дурить, старый бѣсъ!»

Иде опять дѣдъ вѣтру шукать. Ишовъ, ишовъ—и день, и два, и три. Ажъ стоить хатка самая тая. Увыйшовъ енъ у тую хатку, ажъ сидить Щастя на стули. «Драстуй!»—Драстуй! Куды идешъ?—«Вѣтру шукать!»—Ня йди ты вѣтру шукать, а на̀ табѣ барашку!—«А што ето за барашка?»—А ето вотъ якій барашка: барашка, струхнись! Енъ струхнувсь—ажъ якъ посыпятца чарвонцы. Вотъ то енъ узявъ барашку, подяковавъ и пошовъ. Ишовъ, ишовъ цѣлый день, утомився; заходя у шинкъ. Жиды и спрашуять: што ето, дѣдъ, у тябе за барашка?—А во якій: барашка струхнись! Той струхнувся—чарвонцы такъ и посыпались. У жидовъ ажъ руки заколотились.

*) *Вар.*: столикъ.

Напоили яны яго горѣлкой, поклали спать, а ночьчи барашку и перамянили. Назаўтраго уставъ дѣдъ, узявъ барашку и пошовъ домовъ. Приходя домовъ и говора: дяржи, баба, приполъ! Яна поднялась, а енъ говора: барашка, струхнись! А енъ и ня повѣрнетца! Якъ узяла яна ёмку, якъ почала яго бить, била, била, ругала, ругала...

Пошовъ енъ узновъ вѣтру шукать. Ишовъ день, ишовъ другій, увыйшовъ три дни, и приходя икъ той самой хатцы на куриной ножцы. Увыйшовъ у хатку. «Драстуй!» —Драстуй, куды йдешъ?—«Пойду йзновъ вѣтру шукать!»—Ня йди вѣтру шукать, а на табѣ ету трубу!—«А што ето за труба?»—А ето такая труба, што не кажи: два съ трубы! А то выскоча двоя й уздадуть!.. Узявъ дѣдъ трубу, подяковавъ, и пошовъ домовъ. Ишовъ, ишовъ, и заходя на ночь къ дѣвкамъ. А тыя ўже й рады. «Дѣдка, каа, што ето у тябе за труба?»—А ето, моѐ голубки, такая труба, што ня кажи: два съ трубы! Вотъ вышовъ енъ на дворъ, а яны скорѣй: «два съ трубы!» Якъ жа выскочили двоя, якъ начали ихъ довбать! Довбали, довбали.... Увыходя дѣдъ. «А што? давайтя мой стуликъ, а то вотъ яны вамъ уздадуть!» Дѣвки тыя унясли стуликъ и отдали дѣду. Тогды дѣдъ кажа: два ў трубу! Тые и сховались. Узявъ енъ стулчикъ и пошовъ. Приходя у шинкъ. Жидовки и спрашуять: «што ето у тябе за труба?»—А такая, што ня кажитя: два съ трубы! Вышовъ дѣдъ на дворъ, жидовки сичасъ: два съ трубы! Якъ выскочило изновъ двоя, якъ почали ихъ довбать! Довбали, довбали... Увыходя дѣдъ: а што? давайтя мойго барашку! Тыя принясли и отдали дѣду. Тогды дѣдъ кажа: два ў трубу! Тые и сховались. Узявъ енъ барашку, узявъ стулчикъ, и трубу, и пошовъ домовъ. Приходя домовъ. «Ну, баба, садись-ка за столъ!» Яна сѣла. Дѣдъ тогды кажа: стулчикъ, стулчикъ, перавярнись, дай етой баби питяньня, ядяньня, усякаго кушаньня! Енъ перакрутнувся, и давъ баби питяньня, ядяньня и ўсякаго кушаньня. Поядала яна, вылязла зъ застольля, и пытая: а ето жъ, каа, што за барашка?—А ето во якій барашка: дяржи-ка приполъ. Яна поднялась, а дѣдъ кажа: барашка, струхнись! Той струхнувсь, чарвонцы такъ и посыпались... «А якую жъ ты ето трубу у порози поставивъ?»—А труба ето такая, што ня кажи: два съ трубы!

Вотъ поѣхавъ дѣдъ орать. А баба назбирала усихъ своихъ родичовъ, назвала гостей и кумовъ, посадила за столъ и давай господарити. «Стулчикъ, стулчикъ, развярнись, дай намъ питяньня, ядяньня, усякаго кушаньня!» Стулчикъ давъ. Упоштовались бабы и пытаяти: а што ето за барашка?—А во якій: барашка, струхнись! Барашка струхнувся—чарвонцы и посыпались! Баба дала усимъ по чарвонцу. Тяперъ къ трубѣ: што ето за труба?—А ето труба такая, што ня кажи-два съ трубы! Одна баба ня ўтерпѣла, да кажа: два съ трубы! Якъ выскочило двоя, якъ почали яѐ довбать... А другой завидно. Кричить и тая: два съ трубы! Выскочило ще двое, почали и тую довбать! Муторно приходитца гостямъ тымъ, да ня ўмѣять унять. Яны кричать: два съ трубы! годи вамъ битца! А съ трубы ще выскакуя два. Яны кричать, а яны выскакуяти. И выскочило на кажную бабу по двоя—давай ихъ усихъ довбать!..

Довбали, довбали, покуль ходяинъ пріѣхавъ съ поля. Убачивъ, што тутъ дѣятца, и кажа: два ў трубу! Тые и поховались. Ставъ тогды дѣдъ зъ бабой жить да поживать.

Гом. у.

Въ Сѣннен. у. вѣтра замѣняетъ и морозъ, поморозившій гречу у бѣднаго мужика. Онъ жилъ въ пущѣ-дремущѣ, въ хатѣ безъ оконъ и безъ дверей, и сидѣлъ „на дуплѣ“ весь „у сопляхъ,“ въ видѣ стараго дѣда. Мужикъ бралъ жару „у кубарь“ и ходилъ палить мороза. Тотъ далъ ему столикъ, кайстерку и наконецъ рогъ.

54. Брусочакъ, рамянекъ и ковилка.

Жили такъ три браты: два разумныхъ, а третьцій дуракъ. И ня стало имъ чаго ѣсьци. Тоды бо́льшій братъ пошовъ, капъ идзѣ нанятца—ци ў паробки, ци ў пастухи. Ишовъ ёнъ, ишовъ, и зайшовъ къ дзѣду на ночь. «Куды ты, чаловѣчакъ, идзе́шъ?»—Иду, капъ идзѣ нанятца ци ў паробки, ци ў пастухи!—«Змовся у мяне овечачакъ пасциць!» Ну, ёнъ змовився. Перанучували, а назаўтраго погнавъ енъ у поля. Якъ енъ выгонявъ, дыкъ дзѣдъ давъ яму бутэлочку и вялѣвъ прине́сци тэй воды и тэй травы, што будуць ѣсь и пиць овечачки. Енъ погнавъ. Якъ тольки подышли овечачки къ рѣчцы, дыкъ того часу кинулись у рѣчку и поплыли на тэй бокъ. А ёнъ остався. Сѣвъ ёнъ и плачець. Ашъ, якъ зайшло сонца, бягуць овечачки назатъ. Перабѣгли чаразъ раку и побѣгли домовъ. Тоды енъ зачерпнувъ бутэлочку воды, вырвавъ травы, и понёсъ дзѣду. Дзѣдъ узявъ, полядзѣвъ и каець: нѣ, дзицятка, гэто ня тая трава, што ѣли овечачки, и ня тая вода, што яны пили! Давъ яму брусочакъ, што дае́ць ѣсьци и пици, и отправивъ. Ишовъ енъ, ишовъ, пришовъ къ пню. Сѣвъ на пни и ставъ ѣсьци. Тоды подъѣвши, пошовъ дали. Ишовъ, ишовъ и заходзиць къ чаловѣку на ночь. Людзи тэя вячерали, и просюць и яго къ сабѣ вячерацъ. «Нѣ, каець, спасибо, я ня хо́чу!» И не пошовъ. А якъ яны повячерали, тоды енъ сѣвъ на концы стола, поклавъ брусочакъ и кажець: «дай попиць, поѣсьци!» Брусочакъ давъ яму, енъ подъѣвъ и легъ спаць. А хозяинъ усё гэто видзѣвъ, якъ брусочакъ яго кормивъ. Дыкъ енъ ночча̀ уставъ, узявъ у яго тэй брусочакъ, а яму поклавъ свой, схожій на тэй. Енъ жа уставши ня 'глѣдзився, узявъ тэй брусочакъ и пошовъ домовъ. Приходзиць домовъ и кажець братамъ: ну, братцы, злѣзайця съ печи, я васъ накормлю! Яны злѣзли; енъ поклавъ брусочакъ на столѣ и кажець яму̀: дай попиць, поѣсьци! А тэй брусочакъ и ня давъ.

На другій дзень пошовъ сяредній братъ найматца ци ў паробки, ци ў пастухи. Зайшовъ и гэтый къ тому самому дзѣду, и такъ жа само змовився у яго пасциць овечачакъ. Якъ гнавъ енъ у поля стаду, дзѣдъ давъ яму бутэлочку и вялѣвъ прине́сци тэй воды и тэй травы, што будуць ѣсьци и пиць овечачки. Енъ погнавъ. Якъ тольки пригнався къ рѣчцы, овечачки того часу и побѣгли у рѣчку, и поплыли на тэй бокъ. Сѣвъ енъ и плачець. Увечари овечачки бягуць назатъ, пераплыли чаразъ раку̀ и побѣгли домовъ. Тоды енъ зачерпнувъ воды, вырвавъ травы и понёсъ дзѣду. Тэй дзѣдъ полядзѣвъ и кажець: нѣ, дзицятка, гэто ня тая трава и ня тая вода, што пили и ѣли овечачки! И отправивъ яго домовъ. И якъ енъ отходзивъ, давъ дзѣдъ яму рамянёкъ, што самъ дававъ ѣсь и пиць. Узявъ енъ гэтый рамянёкъ и пошовъ домовъ. Ишовъ, ишовъ и пришовъ къ пню. Сѣвъ на пни; давъ яму рамянекъ пиць и ѣсь: енъ подъѣвъ и пошовъ дальше. Ишовъ, ишовъ, и зайшовъ на ночь къ тому къ самому мужуку, што укравъ у большаго брата брусочакъ. Подглѣдзивъ гэтый мужикъ,

што яму рамянёкъ даёцъ пиць и ѣсь, енъ и яго ноччи подмянивъ. Назаўтраго тэй, ня 'глѣдзившися, узявъ рамянёкъ и пошовъ домовъ. Приходзиць домовъ и кажецъ: злѣзайцятку, братцы, съ печи, я васъ накормлю! Тэя злѣзли, сѣли за столъ; енъ поклавъ рамяшокъ на столъ и говбрицъ яму: дай попиць, поѣсьци! А енъ и ня давъ.

На третьцій дзень говорицъ дуракъ: «пойду-тку я служиць! Ци не зароблю хлѣба?»—Куды ты пойдзешъ, дуракъ: кыли мы, разумные, ня зарбили, а ты ня заробишъ! Дуракъ ня послухавъ братовъ и пошовъ служиць. Ишовъ, ишовъ енъ, и зайшовъ къ тому къ самому дзѣду. Дзѣдъ пытаетца: «куды ты идзёшъ, чаловѣча?»—Иду, капъ идзѣ нанятца ци ў паробки, ци ў пастухи!—«Змовся у мяне овечачакъ пасьциць!»—А чаму! Перанучувавъ дуракъ у яго, и назаўтраго погнавъ овечачакъ. Якъ енъ выгонявъ, давъ дзѣдъ яму бутэлочку, и вялѣвъ, капъ ёнъ принёсъ яму тэй воды, што будуць пиць овечачки, и тэй травы, што яны будуць ѣсьци. Погнавъ дуракъ; овечачки побѣгли, пераплыли чаразъ раку, а дуракъ ускочивъ на барана ды й самъ праѣхавъ. Пераплыли овечачки на тэй бокъ и побѣгли. Бѣгли, бѣгли, и прибѣгли къ церкви. Убѣгли у церкву и зачали ѣсьци проскурки и пиць мёдъ. Дуракъ узявъ проскурку, наливъ бутэлочку мёду, и погнавъ овечачакъ домовъ. Побѣгли овечачки, пераплыли чаразъ рѣчку, а ёнъ ускочивъ на барана и самъ праѣхавъ. Приносиць енъ дзѣду медъ и проскурку. Дзѣдъ узявъ, полядзѣвъ, и кажецъ: гэто тая трава, што моѐ овечачки ядуць, и тая вода, што яны пьюць! Перанучувавъ дуракъ, даёць яму дзѣдъ ковилку, што даёць ѣсь и пиць, и отправивъ яго домовъ. Енъ ишовъ, ишовъ, пришовъ къ пню. Сѣвъ на пни, по'бѣдавъ и пошовъ дали. Ишовъ, ишовъ и заходзиць на ночь къ тому мужуку, къ самому, куды заходзили разумные браты. Мужикъ тэй просиць яго вячерацъ, али ёнъ не пошовъ. А якъ яны повячерали, тоды енъ поклавъ ковилку на столъ и кажецъ ёй: дай мнѣ пиць и ѣсь! Яна дала яму, ёнъ и подъѣвъ. А хозяинъ гэто ўсё видзѣвъ. Тольки лягли спаць, енъ тоды цихонько уставъ, подыйшовъ къ столу, и хоцѣвъ ужо узяць ковилку, а покласъ схожую. А дуракъ гэто почувъ. Енъ ухапивъ ковилку да давай яго биць! Бивъ, бивъ, тэй тоды ставъ просйтца: ня би, отдамъ и брусочакъ и рамянёкъ! Дуракъ нераставъ биць, а мужикъ отдавъ яму брусочакъ и рамянёкъ. Якъ тольки отдавъ, дыкъ ёнъ и пошовъ домовъ. Приходзиць домовъ и кажецъ братамъ: «злѣзайця съ печи, я васъ накормлю!» —Идзѣ ты, дурнила, насъ накормишъ? Кыли мы, разумные, ня накормили, а то ѐнъ накормицъ!... А ёнъ кажецъ: злѣзайця, злѣзайця! Яны злѣзли, енъ отдавъ большаму брату брусочакъ, сяредняму рамянёкъ, а сабѣ оставивъ ковилку. Подъѣли яны и стали жиць. И боли не ходзили на службу зароблять сабѣ гроши.

Заст. Кимейка, пустынск. вол. сѣнн. у.

У составителя было одиннадцать списковъ этой сказки. По недостатку мѣста, остальные не помѣщаются. Главные мотивы ихъ слѣдующіе:

1. Богатый братъ далъ бѣдному доенку муки, вихорь ее «размелъ.» Мужикъ пошолъ съ вихремъ «позыватца». Приходитъ въ вихреву хату, въ пущѣ-драмущѣ, и тамъ находитъ мать вихря, которая по приходѣ сына бранитъ его. Вихорь даетъ мужику простенькую кайстерку, которая и кормитъ мужика нѣкоторое время. Потомъ богатый братъ покупаетъ у бѣдняка эту

кайстерку за два воза жита. Вихорь даетъ бѣдняку другую кайстерку, золотую. Богачъ мѣняетъ первую кайстерку на вторую, сзываетъ гостей, и двѣнадцать молодцовъ «чистятъ» ихъ кнутами. (Гом. рог. уу.) 2. Богатаго мужика прогнала жонка зароблять хлѣбъ: «гэто богатьця ня твоё—моё, а ты идзи заробляй сабѣ!» Стыдно богатому мужику идти служить, пошолъ онъ въ лѣсъ, въ надеждѣ, что тамъ его волки съѣдятъ. Приходитъ въ пущу дремущу, видитъ, встаетъ изъ-подъ березины человѣкъ, «выше воболокъ» и спрашиваетъ у мужика: «ци зъ добрыя ты воли ходзишъ, чаловѣчакъ, ци по няволи?» Узнавъ о положенiи мужика, лѣсовикъ даетъ ему суму, изъ которой являются два молодца и «пытаютца: што треба?» На дорогѣ онъ угостилъ куму, и она суму подмѣнила. А дома жена пуще разсердилася и выгнала мужика изъ дому помеломъ. (У бѣлор. самый позор. родъ наказанiя) Пошолъ мужикъ къ кумѣ за своей сумой—и тамъ набили. Съ горя идетъ мужикъ въ лѣсъ. Лѣсовикъ даетъ ему другую суму, лучшую. По словамъ: «два съ сумы!» изъ нея являются два молодца съ розгами и немилосердно сѣкутъ, прежде самого мужика, потомъ куму и кума—которые вслѣдствiе этого, отдаютъ первую суму--и наконецъ жену богатаго мужика. (Оршан. и сѣннен. уу)

Ср. Садовник. 136. Чубин. 344, 350.

55. Бязрукая сястра.

Живъ сабѣ дзѣдъ ды баба, и було у ихъ двоя дзяцей—сынъ и дочка, и гэтыя дзѣци дужо ладно жили мижъ собою. И говоруць имъ бацьки, кабъ яны и посли ихъ смерци жили такъ само хорошо, якъ цяперъ при ихъ. Померъ бацька, померла и матка. Захоцѣвъ братъ жанитца. Вотъ и патаетца ёнъ у сястры: якъ думаешъ, сястрица ци можно мнѣ жанитца? А сястра яму отвѣщаець: брацецъ мой родняныкiй, якъ хочешъ, такъ и дзѣлай! Тольки якъ оженисься, дыкъ ня будзешъ мяне такъ жалѣць, якъ цяперъ жалѣешъ! Братъ обицався ёй, што усё ровно будзець, якъ цяперъ. Ну и жанився братъ. Ды не ра́дзитца енъ изъ жонкой, ды у́сё съ сястрой ра́дзитца: куды треба яму исци, абы ѣхыць, то енъ пойдзець къ сястрѣ и радзитца зь ёй. Нявѣстцы дужо ня спудобалося гэто, што енъ не радзитца зь ёю, а радзитца съ сястрою, и зычала яна яму бунтуваць на яѐ. Поѣхувъ разъ мужикъ яе на охвоту дужо далёко, ды й призабавився. А жонка узяла отруты ды й отруцила самую лѣпшую корову у хлѣви цiхонько, а тоды послала письмо мужуку: «вотъ якая твоя сястра спорадница: отруцила самую лѣпшую корову нашу!» Енъ ёй отвѣщаець: «што не корова насъ наживала, а мы корову!» Тоды жонка ящо горше ня узлюбила золовку: узяла узновъ отруты и отруцила самаго лѣпшаго коня цiхонько, а мужуку написала, што гэто сястра зробила. Мужикъ узновъ отписавъ ёй: «што и жарабка мы наживали, а не жаробокъ насъ!» Тоды шъ што яна робиць? Родзився у яѐ рабёшачакъ. Яна яго узяла и загубила! А мужуку послала карту: «вотъ якая твоя сястра спорадница: загубила корову, загубила жарабка, а цяперъ и рабёшачка нашаго загубила!» Вотъ прiѣхавъ мужикъ у дворъ и говбрицъ сястрѣ: «досиць ты скацину мою губила, я табѣ прощавъ, а гэтаго я ужо не могу просциць. Надзявай,

сястра, смяротную кошулю, и выходзи на крылецъ!» Сястра яму ни слóвечка не сказала, надзѣлася и выйшла. «Садзись на колёсы, поѣдземъ!» Сястра сѣла, и поѣхала Ѣхали яны, ѣхали, и пріѣхали у такую вяликую пущу-драмущу, што ни ў казцы сказаць, ни пяромъ ныписаць. Братъ кажець ны сястру: злѣзай съ колёсъ, кладзи рўки на колёсы! Яна злѣзла съ колесъ и пыложила руки на колёсы. Братъ узявъ топоръ и отсѣкъ ёй рўки: «якъ ты, каець, дзѣлала дóбро, тáкъ и я дзѣлаю табѣ! Идзи сабѣ у свѣтъ!» Ды самъ и поѣхувъ домовъ, а яе тамъ покинувъ. Ина тамъ блудзила, блудзила, и приблудзилыся у царській садъ, дзѣ были зылотыя яблоки подъ счотомъ. И кажное раньня царъ ихъ приходзивъ, считовавъ. Бохъ ёй давъ такъ, што одно яблычко зылотое согнулыся, и яна яго зьѣла. Нызаўтраго ўраньни пришовъ царъ считовaць яблыки. Считавъ, считавъ—одного яблыка нема. Тоды енъ каець: «хто тута ёсь у саду? кыли старши мяне—мацъ моя будзешъ; кыли ровна мнѣ—жана моя будзешъ; кыли младчи мяне—сястра моя будзешъ!» Ну яна ня 'кызалася. Узновъ ёй Бохъ такъ давъ, што одно яблычко согнулыся, и яна яго зьѣла. Нызаўтраго рано пришовъ царъ считовaць яблыки—узновъ одного нема. Тоды енъ кажець: «хто тута ёсь? Кыли старши мяне—мацъ моя будзешъ; кыли ровна мнѣ—жана моя будзешъ; кыли младчи мяне—сястра моя будзешъ!» Ну яна ўзновъ ня 'кызалася. И ўзнова Бохъ давъ такъ, што одно яблыко согнулыся, и яна яго зьѣла. Нызаўтраго рано пришовъ царъ считовaць яблыки—одного узнова нема. Тоды енъ кажець: «окажися, хто тута ёсь у саду! Кыли старши мяне—мацъ моя будзешъ, кыли ровна мнѣ—жана моя будзешъ; кыли младчи мяне—сястра моя будзешъ!» Яна й окызалась. Увидзѣвъ царъ яе, и дўжо яна яму спудобалася, бы яна была дужо пригожая. Знявъ енъ яблычко, откусивъ самъ и ёй давъ: нà, дзявчина, зьѣшъ яблычка, бы ў цябе нема рукъ, нечимъ узяць. Повёвъ енъ у дворъ; узвёвъ на крылецъ и кинывъ яѐ на крылцы, а самъ пошовъ къ матцы ды говóрицъ: «мамочка моя! пришла у нашъ садъ одна дзявчина, ды дужо пригожая, хочу я зь ёй жанитца!» Матка кажець: якъ сабѣ хочешъ, такъ и робъ. Вотъ, тольки шъ, якъ ты зь ёй будзешъ жиць, кыли ина бязъ рукъ!—«А ничóго, говóрицъ: я шъ ёй слугу найму!» Вотъ и пыжанились яны, и живуць дужо ладно. Прожили яны такъ можа зъ годъ. Тольки разъ поѣхывъ мужъ яѐ на хвоту, а яна осталася зъ маткою. Безъ яго давъ ёй Бохъ дзяцёнычка—уво лбѣ мѣсяцъ, у потылицы зорки. Пыслала яна къ мужуку пысланца, а матка й письмо пыписала, што у яго сынъ родзився. Тэй посланецъ якъ понёсъ письмо къ мужуку, и зайшовъ пы дорози у одзинъ дворъ нучуваць. Ды й злучилося яму якъ-разъ зайци у братнію хату. Нявѣстка пусцила яго на ныч, ды й давай пытаць, куды енъ идзѐць и откуль. Енъ и говóрицъ, што нясéць письмо къ мужу. Ина распытала у яго усё чисто: у кого енъ служиць, што и якъ. Енъ усё чисто ёй рызсказавъ, яна и спызнала, што гэто тая самая золовка, што яна хоцѣла страциць. Ну, лягли яны спаць. Тоды тая нявѣстка устала уноччи, узяла у того пысланца письмо, ды й переписала: «што жонка твоя родзила ни жуку, ни жабу!» ды й узновъ пыложила у яго хатомычку. Нызаўтраго уставъ тэй пысланецъ и пошовъ. Приходзиць къ мужику и отдавъ письмо. Прочитавъ тэй мужъ письмо, подумывъ, подумывъ, ды й отписавъ: «што ёсь, нехай тое и будзець, покуль я самъ не вярнуся!» Тэй пысланецъ, нызатъ идучи, узновъ

зайшовъ на нычь ў тую самую хату. Тоды тая нявѣстка узновъ украла письмо и переписала: «капъ матка у водзинъ часъ страцила тое, што родзилыся и того, хто родзивъ!» Ну, и пошовъ тэй посланецъ зъ гэтымъ письмомъ. Отдавъ письмо матцы. Матка тая дужа дзивилыся, што енъ гэтыкъ прикызавъ дзѣлыць, али ничо́го ня зробишъ! Пыдвязала ёй рабёшачка и выправила яѐ ў свѣтъ Пошла яна, бѣдная, заплакывши. Ишла, ишла, зыхоцѣлыся ёй напитца. Видзиць—крыничка. Тольки яна согнулыся пиць, а дзяцёнычакъ хлёпъ! и вываливсь у крыничку. Видзиць яна, што енъ ужо й тонець, а сама зробиць ничо́го ня можець, бо рукъ нема, нечимъ узяць. Стоиць ды горко плачець. Али чуець голысъ: «не плачь мылодзичка, али пымолися Богу и процягни свою правую руку̑!» Ина такъ здзѣлыла, и вырысла у яѐ правая рука. И хочець яна ухапиць скорѣй дзяцёнычка, ажны голысъ узновъ ёй говорыць: «нѣ, ще рано! Узновъ пымолися, ды другую руку̑ пыцягни!» Ина такъ здзѣлыла—вырысла у яе другая рука! Во тоды яна перехрисцилыся, выцягнула дзяцёнычка и пошла дали. Ишла яна, ишла, и заходзиць у тоя сяло, идзѣ живъ яе братъ. И зыхоцѣлыся ей дужо зайци и пылядзѣць ны того брата, што колись-то яе дужо жалѣвъ. Заходзиць яна у хату, ажны тамъ и мужикъ яе: заѣхывъ съ охвоты на нычь. Нявѣстка якъ увидзѣла яе, заразъ жа яе спызнала, али тольки, што гэта зъ руками, а золовка яе бязъ рукъ. Ну, вотъ, гэта золовка у своёй нявѣстки проситца на нычь. Яна яе за ништо не пускаець: «куды, каець, я цябе пущу? Тутъ во и такъ ёсь у насъ чужій чаловѣкъ; сама бачишъ, хатка цѣсная, а ты зъ дзяцёнкымъ!» Мужикъ жа зъ братомъ, почувши, што нѣйкая мылодзица проситца на нычь, пусцили яе: «тольки капъ ты намъ казки кызала! Ипа кажець: до́бро, моѐ паночки! скажу вамъ—казку ни казку, али такъ, якъ бы и правду!.. Ну и зычала яна рызсказывать усё своё житьцё: якъ ина жила зъ бацькомъ, якъ зъ братомъ, якъ братъ яе жанився, ды якъ яе нявѣстка ня ўзлюбила... А нявѣстка ажно по́каетца со злосьци, слухаючи яѐ гэтыя казки. Якъ дыказала яна гэту свою казку, дыкъ и шапычку зняла зъ рабёшычка. А ў яго уво лбѣ мѣсяцъ, ны потылицы зорки!.. Дыкъ братъ и мужикъ заразъ спызнали, якая гэто мылодзица, и про што яна кызала. Тоды братъ кажець: «хоцѣла ты за ништо зьвесци яе съ свѣту, дыкъ я шъ цябе зьвяду!» Привязавъ яе къ коньскому хвосту и пусцивъ у чистое поля. А царъ тэй забравъ свою жонку у дворъ...

С. Немойта, сѣнн. у. Запис. О. Ѳ. Потаповичъ.

б, Бывъ сабѣ дѣдъ да баба, да бу́ло у ихъ двоя дятей—сынъ и дочка̀. Вотъ яны жили—жили, ды й поме́рли, остались двоя дятей. Отъ хлопяцъ той икъ ставъ старатца, ходяйствувать: ёнъ по дорогахъ ѣздя, а дѣвка тая ўже дома—и разжився, лавку состроивъ, почавъ торгувать, адылѝ уже и съ купцами разнакомився и съ царами, ставъ и по чужихъ зямляхъ ѣздить. А дѣвка дома суповняя усё. Ну ёнъ и жалѣвъ яѐ хорошо, за то, што яна усё суповняла дома. Задумавъ тогды енъ жанитца. «Ожанюсь я, каа, моя сястра, хочь ты одного будешъ глядѣть!» И ожанився. 1) «Тяперака, ты, моя сястра, сяди ў лавцы, а жана моя будя дома!» А самъ и поѣхавъ

1) *Вар.* Выросли дѣти, сястра и говора брату: „ожанись ты, братъ, нечаго тогды ты поѣдешъ у дорогу, я пойду у лавку, а жана твоя будя дома!“ Братъ и ожанився.

у чужія земли. Отъ, енъ оттуля заработокъ привязе, а сястра дома ще боляй заробя у лавцы. Придя енъ у лавку: «драстуй, моя сястрица!»—Здоровъ, здоровъ, мой братка! Яна станя хвалитца: вотъ я выторгувала стольки и стольки! И енъ станя хвалитца: во и я скольки заробивъ у дорози! Дыкъ енъ сястру жалѣя, а жонцы стало криво. Вотъ енъ побывъ зъ мѣсяцъ дома и зновъ поѣхавъ. А жонка зарѣзала индыка. Икъ енъ пріѣхавъ, яна и кажа: «здоровъ, здоровъ, мой милянькій!» И заплакала: «пропади, каа, тое серабро, икъ жить ня добрд! Твоя сястрица, моя зовица страбила индыка!»—Ничо́го, говора братъ, умѣсти наживали, умѣсти и зживать будомъ! Пошовъ енъ у лавку и говора: драстуй, моя сястрица!—Здоровъ, здоровъ, мой братка! Вотъ, братка, я кольки выторгувала!. И енъ ставъ хвалитца: «вотъ я кольки заробивъ у дорози!..» Побывъ енъ зъ мѣсяцъ и зновъ поѣхавъ. Дыкъ жонка бязъ яго узяла да зарѣзала дорогоцѣннаго сокола. Проѣздивъ енъ годъ, пріяжжая домовъ. «Драстуй, жонка!»—Здоровъ, здоровъ, мой милянькій!.. И расплакалась: пропади тое й серабро, икъ жить ня добро́! Твоя сястрица, моя зовица страбила ндыка, страбила и дорогоцѣннаго сокола! А енъ кажа: «ничо́го! умѣсти наживали, умѣсти и зживать будомъ!» Пошовъ енъ у лавку: «драстуй, моя сястрица!»—Здоровъ, здоровъ, мой братка! И стала хвалитца, што яна выторговала дома; и енъ ставъ хвалитца, што выторговавъ у дорози. Побывъ мѣсяцъ дома и зновъ отъяжжая. Дыкъ жонка узяла и страбила безъ яго жарабца. Пріяжжая енъ домовъ. «Драстуй, жана!»—Здоровъ здоровъ, мой милянькій! И заплакала: пропадай тое серабро, икъ жить ня добрд! Твоя сястрица, моя зовица страбила ндыка, страбила дорогоцѣннаго сокола и страбила жарабца!—«Ничо́го, говора братъ: умѣсти наживали, умѣсти и зживать будомъ!» Пошовъ енъ у лавку. «Драстуй, сястрица!»—Здоровъ, здоровъ, мой братка! И стали хвалитца одинъ одному, хто кольки заробивъ. Побывъ енъ зъ мѣсяцъ, и зновъ отъяжжая на годъ. А жана яго родила безъ яго, и загубила. Пріяжжая енъ домовъ, яна и заплакала: пропадай тое й серабро, икъ жить ня добрд. Твоя сястрица, моя зовица страбила ндыка, страбила дорогоцѣннаго сокола, страбила жарабца, а тяперъ страбила нашаго отроча!... Енъ засмутився и пошовъ у лавку къ сястрѣ. Тая рада: «драстуй, драстуй, мой братка! Вотъ я стольки й стольки заробила!» А енъ засмутенъ. Ничо́го ёнъ ёй ня сказавъ, а пошовъ домовъ, запрогъ пару луччихъ лошадей, поклавъ на повозку сякерку и колодочку, и поѣхавъ къ сястрѣ ў лавку. «Нумъ, моя сястрица, прокатаямся по городу!» Сѣли и поѣхали. Яна спрашуя: на што ты, мой братка, поклавъ сякерку и колодочку у повозку? А енъ кажа: дѣли запасу! Ѣхали яны, ѣхали, и пріѣхали ў лѣсъ. Енъ кажа: «злазь, моя сястрица, клади голову̀ на колодку!» А яна говора: за што, мой братка?—«Ну, клади руки!» Яна поклала руки, енъ и по'тсякавъ руки ёй!.. И пошла яна у лѣсъ. Ходила яна тамъ, ходила, ажъ ца́ровъ сынъ охотничивъ у тымъ лѣси, и напавъ на яе. Бача, яна такая пригожая, енъ узявъ яѐ до сябе и повёвъ домовъ. Привёвъ яе домовъ ды й кажа отцу: утъ это жъ, батюшка, моя нявѣста! Отъ яны плакали, плакали, ды й ожанили яго зь ёй. Ожанили, енъ поживъ зь ёй кольки тамъ, и поѣхавъ у чужое царство. Отъ, яго жонка дома родила сына—у потылицы мѣсячко, уво лбѣ звѣздочка, по локоть у золоти, по колѣно ў серабри. Отъ, *старые* написали письмо и послали къ яму: «родила твоя

жонка сына—у потылицы мѣсячко, уво лбѣ звѣдочка, по локоть у золоти, по колѣно ў сéрабри!» Послали съ солдатомъ тое письмо. Иде, иде солдатъ, и увышовъ у городъ, дѣ старый дворъ братовъ. Стрѣла яго братова жонка и кажа: «ходи, мой голубокъ, ко мнѣ на ночь!»—Нѣ, ня пойду, пойду даляй!—«Ня йди, ўже ня рано, иди пераночуй у насъ!» Енъ и пошовъ икъ ёй на ночь. Яна ў яго спрашуя: куды жъ ты йдéшъ?—А нясу письмо къ такому и такому цáровому сыну! Распытала яна ў яго, объ чимъ и якъ, дала вячерать, постелю постлала, и спать поклала. «А письмо, каа, положъ, мой голубокъ, за вобразъ!» Отъ, яна тое письмо узяла, пераписала такъ: «родила твоя жонка няўма-што: задъ собачьчій, а перадъ телячьчій!» и поклала, а тое, што енъ нёсъ, у печку ўкинула. Прошнувся солдатъ, узявъ письмо и пошовъ. Пришовъ енъ у той городъ, отдавъ царовому сыну письмо. Енъ прочитавъ: «перадъ телячьчій, а задъ собачьчій!» и заплакавъ. Пожуривсь, пожуривсь, поплакавъ, поплакавъ, а тогды написавъ своё письмо такъ: «батюшка мой! Што ё, то няхай до мойго приходу у дворѣ поживе!» Письмо тое отдавъ солдату, той и понёсъ. Приходя зновъ у той городъ, и стоити зновъ тая братовая, и зове яго: «ходи мой голубчикъ, ко мнѣ пераночуй! Я табѣ баньку вытоплю!» Зайшовъ солдатъ икъ ёй, пошовъ у баню, а письмо поклавъ за вобразъ. Братовая тая узяла письмо, написала другое, такое: «штобъ до мойго приходу яго стратили!» Уставъ солдатъ назаўтраго, понёсъ тое письмо. Принёсъ письмо. Яны 'къ прочитали, и заплакали: «якъ намъ яго стреблювить? Яно такое хорошое!» А енъ не расте годами да часами. Вотъ старые плакали, плакали, да ўвобрали яе у хорошую одéжу, навязали ёй грошай два вузлы, и дятёночка увяртѣли, подвязали, да й пустили ў свѣтъ. Пошла яна ў бѣлый свѣтъ. Ишла, ишла, захотѣла воды. Найшла рѣчачку и стала водỳ пить. Тольки яна нагнулась, а дитя и ўпало ў рѣчку. Яна хáпала-хáпала куксочками—куцами руками, ня ухапила, да давай зубами. Зубами ухватила, дакъ тольки полка у зубахъ осталась, а дитя и ўпало. Отъ яна на берагъ вышла и плача. Ажъ изъ за куста бяжить хлопчикъ. «Чаго ты, мамка, плачешъ?»—А якъ жа мнѣ ня плакать: стала водỳ пить, дакъ дитя упало и потонуло! Енъ и кажа: «ето жъ, мо, я самый?»—Нѣ, у мойго сына у потылицы мѣсячко, а на лобу звѣздочка! А енъ у картузку. Дыкъ енъ исъ сябе картузокъ хвать! Отъ, яна и ўзрадовалась. *) Тогды енъ кажа: пóйдомъ, мамка, даляй! Пошли яны даляй, прихóдять до сяла, ажъ церква стоить, и ли церквы крыница. Вотъ яны пошли у тую церкву, молились, молились Богу... Дыкъ енъ и пытая: ти ё ў тябе, мамка, гроши?—Ё, мой сынокъ. Отъ, енъ вузёлъ вывязавъ, отдавъ на церкву, да й зновъ давай молитца. Молились, молились, да й другій вузёлъ отдавъ на церкву. Зновъ молились, молились, и пошли къ крыницы. Дакъ енъ кажа: мочай, мамка, рукỳ! Яна помочила одну рукỳ—рука й ё, яна й другую—и другая ё. **)

Отъ яны и пошли оттуля, и пришли у сяло. Яна кажа: дѣ бъ намъ тутъ

*) *Вар.* „Вышла на берагъ и плача. Приходя къ ёй дядокъ: чаго ты, молодичка, плачешъ?—Якъ жа мнѣ ня плакать,—моё дитя утопилось! Енъ узявъ, яго зъ воды доставъ, подяржавъ на рукахъ—яно и отжило и выросло, и стало ходить....

**) *Вар.* „Привевъ яе дядокъ икъ крыницы, и кажа: саджай, молодичка, руки у воду! Яна помочила, и стали руки...“

попроситца на ночь?—А я, каа, вѣдаю! Пойду у етый дворъ попрошуся! А яна кажа: дѣ у такій хорошій дворъ насъ пўстять, такихъ старцовъ? Пошовъ енъ проситца. Пришовъ къ хвортцы—ня пяралѣзя чаразъ хвортку. Дыкъ ёнъ пузомъ ковзь—перасковзнувъ. Увыйшовъ енъ у хату просйтца. Бача ходяинъ—енъ такій утѣшливый хлопчикъ, и пустивъ. Вотъ енъ пошовъ, матку тую привёвъ у хату. Яны ка́жать: «идитя жъ вы на кухню, а то тутъ назбираютца усякіе купцы да цары!» Яны и пошли на кухню. Отъ, назбирались усякіе князи и гулять. И говбрать промижда собой: хочь ба намъ хто сказавъ басяньку якую! Отъ хозяинъ кажа: «а ў мяне тамъ на кухни ночуя такій утѣшливый хлопчишка, той ба, мо, сказавъ!» Ну, яны пожалали привесть яго суды. Ну, яго привяли, отчинили двери, дыкъ енъ пузомъ чаразъ порогъ ковзь! Ну, и почавъ казать: То жъ такъ, каа, колись: остались малыя дѣти отъ отца, отъ матяри—братъ и сястра. И яны занимались ходяйствомъ. Вотъ братъ заробивъ грошай, да й ожанивсь. Отыйшла свадьба, поѣхавъ енъ у чужую зямлю. А жонка яго дома зарѣзала индыка, и сказала мужику: вотъ, твоя сястрица, а моя зовица, зарѣзала индыка! А енъ каа: клбпотъ сабѣ! мы по етомъ ня зголѣямъ! Поѣхавъ енъ зновъ, жонка зарѣзала уже сокола, и звярнула зновъ на сястру. Енъ зновъ простивъ. У третьтій разъ уже зарѣзала жарабца, и кажа мужику: во ўже до чаго яна добра́лась—жарабца зарѣзала! Енъ кажа: а клопотъ, умѣсти наживали, умѣсти и зживать будомъ! Тогды тая бача, што ничого ня здѣлая, загубила свойго дятенка и звярнула на сястру. Енъ тогды ўзвявъ, запрогъ коняй и поѣхавъ зь ёй у лѣсъ. Привёзъ у лѣсъ, руки на колодку, потсякавъ и поѣхавъ домовъ. А яна у лѣси и осталась. Охотничивъ тамъ царовъ сынъ и напавъ на яе. Узявъ яе съ собой и повёвъ домовъ. Привёвъ и кажа отцу: батюшка мой, ето моя нявѣста будя. Отъ яны пожурились, поплакали, што яна бязрукая, да дѣлать нечаго—узяли ожанили. Поѣхавъ царовъ сынъ у чужое царство, а дома родила яго жонка сына, такого, якъ ба и я: у потылицы мѣсячко, на лобу звѣздочка, по локоть у золоти, по колѣно ў сéрабри. Отъ яны написали письмо къ свойму сыну. А братовая тая яѐ прочитала тое письмо и написала другое: родила жонка няўма-што: задъ тялячьчій, перадъ собачьчій! Дойшло тое письмо до того сына. Енъ отписавъ: няхай яно будя до мойго приходу у дворѣ! А братовая зновъ прочитала, да й перанисала: штобъ до мойго приходу и ў дворѣ ня було! Дойшло яно къ отцу, къ матяри, яны прочитали, одѣли яе у хорошую одéжу, увязали ёй того дятенка, увязали ёй ще два вузлы грошай, и пустили. Вотъ яна ишла, ишла, захотѣла пить. Дойшла до рѣчки, стала пить, а дитя упало у рѣчку и ўтопилось. Вышла яна на берагъ и плача. Ажъ выбягая зъ за кустовъ хлопчикъ, якъ ба и я, и кажа: чаго ты, мамка, плачашъ?—А якъ жа мнѣ ня плакать, коли моё дитя утопилось! Енъ тогды картузикъ зъ головы хвать, а ў яго на потылицы мѣсячко, на лобу звѣздочка. Яна узрадовалась, и пошли даляй. Пришли къ церкви, ли церквы крыница. Яны помолились, той сынокъ, такій, якъ ба и я, развязавъ тые вузлы, гроши отдавъ на церкву, и пошли къ крыницы. Сынъ той яе говора: мочай, мамка, рукў! Яна помочила, рука и ё. «Мочай и другую!» Яна помочила, и другая ё. Попросились яны на ночь, и пущано ихъ. Вотъ мы тяперака й тутъ!» Знявъ шапочку, а ў яго у потылицы мѣсячко, а на лобу звѣздочка. «Драстуй, каа, батюшка

мой!» А ёнъ тамъ сядѣвъ мижда князевъ. «Драстуй и дядюшка!» Вотъ яны поздраствувались, побѣгли за маткой на кухню, привяли яе, стали гулять.

А дядинку тую яго привязали къ коньскому хвосту и пустили у чистое поля.

Гом. у. Ср. Чубин. 71. Садовник. 304.

59. Буреня.

Зайшла одна баба изъ дочкóй замужъ за дѣда изъ дочкой. Тяперака, дѣдова дочкà дужо разумнаа, а бабина дочка дурковата. Ну, послала баба дѣдову дочку корову гнать, и дала яна ёй куль посконéй, и штобъ спрала и соткала, и трубку збялила, и змотала. Ну, яна, дѣвка таа, тяперака, пригнала корову Буреню на пасту и стала плакать. И пришла корова Буреня къ ёй: «чаго ты, сиротина бяздолнаа, плачашъ?»—А якъ жа, коровка Буренька, мамъ, (зв. пад.) ня плакать? Што яна мнѣ дала и спрасть, и соткать, и полотно скатать, и домовъ принесть?—«Ну, тяперака, лѣзь у моё у правое вухо, а ў лѣвое вылязь!» Яна вылязла, дакъ трубка полотна и ляжить перадъ ёю. Пригнала яна домовъ и принясла туу трубку мачиси. «Ну, што, дѣдъ, будомъ дѣлать? Ето яна дѣ-небудь узяла. Треба яеураньни пристяречь, идѣ ето яна узяла?» Тяперъ, на другій день погнала изновъ, и дала ёй повѣсмо кужалю, штобъ спрала и соткала, и ўбялила, и ў трубку скачала. Погнала яна корову Буреню на пасту и стала плакать. Пришла икъ ёй корова Буреня и пытаа: чаго ты, сиротина бяздолнаа, плачашъ?»—Коровка Буренька, мамка моя, худо мнѣ, што мнѣ дѣлать, дала уже повѣсмо кужалю!—«Лѣзь у правое вухо, а ў лѣвое вылязь, будя ўсё!» А яны пристярагли, отецъ пристярогъ, што ето съ чаго выходя. И пришовъ домовъ и кажа: «а што, бабъ: зарѣжамъ корову!» А корова Буреня пришла къ дѣвцы: «Вотъ, моя лябёдка, не плачь и ня журися—мяне зарѣжуть. И ня ѣжъ ты мойго мяса, тольки збирай косточки моё, што яны будуть уже ѣсти мясо, увяжи тыа косточки, позбиравши, у трапку, и закопай ихъ у землю проти польняго вокна на вулицы. И будешъ ты сядѣть и ў вокно глядѣть, и будешъ ты мяне и видать!» Яно такъ и здѣлалось. Закопала яна, собравши, тыа косточки проти польняго вокна на вулицы, у вечари. И тяперака яна пераночавала и ў вокошко глянула: и разлилася крыница на томъ мѣсти и выросла яблонь надъ крыницой, и на той яблонцы золотое яблоко ды сярэбрапое!.. И ўдивилися ўсё началство болшое и доклалися до цара: «ваша вяликое и високое правосходитялство! вы люди якіе, разумные и хорошіе, а вы такія штуки ня видали, якъ мы видали!» И тяперъ закликнувъ закликъ: отчаго яно и што вышло—такаа штука. Яны пріѣхали туды на распросъ дѣла. Ну нихто ня знаа, ня вѣдаа: Богъ вѣдаа, откуль яно узялося такое. И яна ня призналась. И пріѣхавъ самъ царъ у дярэвню, ето усё убачивъ, и кажа: «Ихто мнѣ зъ естыа яблонки яблочко ущипне и зъ естыа крынички водички зачерпня, туу возьму замужъ за свойго сына!» И собравъ ёнъ пять дѣвокъ. Нивóдная яна ня доступила—ня выщипнула и воды не зачарэпнула! Тяперъ мачиха и говора: моо, моя дочка и выщипня подъ нашимъ вокномъ. И падчарку туу яна подъ корыто сховала, ну а дочку своу послала. Таа дочка яе роднаа подышла къ яблоньцы, дакъ яна високо поднялася, и крыница разлилася—яна ня

приступилась. Сусѣдка на мачиху и говора: «ну, чаму жъ ба вы подчарки ня попробовали?»—Э, падчарки! Дужо треба яна тутъ! Здоровъ, сорочка съ поплёвъ!.. *) Тоды другій сусѣдъ говора: «а й твоа дочка латъ на лату и йгла ня бываа!» И кажа ца́ру: «Ёстяка у яѐ щѐ падчарка!»—А дѣ жъ яна?—«А яна яе подъ корыто сховала, штобъ вы яе ня видѣли!»—Якъ жа ето вы могли яе мнѣ ня показать, якая яна?—«А намъ, каа, страмъ яе показать вамъ, етакому началнику, што надъ усимъ царствомъ, показать яе!»—Што жъ, вамъ нечаго страмить: Господь насъ создавъ и сляпыхъ и хромыхъ, и Господь на ўсихъ на насъ смотра, и намъ треба на ўсихъ—одинъ на другого смотрѣть! А мы у Бога—души наши—уси ровны! кажа царъ. Ну, тожъ яны выняли яе съ подъ корыта и къ царю подвяли. «Коли ты мнѣ, кажа, выщипнешъ зъ естыа яблонки яблочко и зачарэпнешъ зъ естыа крынички воды, дакъ я тябе за свойго сына замужъ возьму!» Яна пошла, пришла къ яблоньцы. То̀ была височо, а то стала низянько! И выщипнула яна яму̀ золотое яблочко и сярэбраное, и зачарэпнула яна съ крыницы яму и воды. «Вотъ, ты сказавала, што яна, зъ блаженнаго, ня стоа ничого, а вотъ жа яна достала. Вѣрно яна будя у мяне нявѣсткой, бяру за свойго сына!» Узявъ, увобравъ, и съ собой повёзъ. Якъ повёзъ съ собой, дакъ и крыница услѣдъ за ёй и яблонка услѣдъ за ёй! То̀ была яна подъ польнымъ вокномъ, а то стала яна подъ кутьнимъ вокномъ, коло царськаго коло прастолу, дѣ енъ сядить, да кушая. Узявъ енъ ету дѣвку Морею (мож. быть и Марею) и съ своимъ сыномъ повянчавъ.

И тяперака, стало заболно мачиси, што яна еткаа, да попалася къ ца́ру. Што жъ, яна злобу мыслила на яе большуу, штобъ ёй у свѣти ня жить, якъ—якъ да перавесть. Ну, тяперака, яна якъ написала письмо да послала къ ёй: «Забывайся ты на то, якъ што было коли, и жалаю я тябе къ сабѣ у гости. И рада я табѣ буду, якъ своёй ду̀ши!» Яна и поѣхала туды у гости. Пріѣхала, и тожъ заходилася яна—обродѝла. И родила яна у бани. Тяперака, мачиха узяла, по локти ёй руки потсякала, куксы ей позаверчавала и рабёночка подвязала и ў свѣтъ у бѣлый пустила. А свою дочку у туу одѐжу увобрала и выправила. А яна, якъ ходѝтъ, дакъ ходить съ тымъ зъ рабёнкомъ,—по свѣту уже страждалась. И пришла яна къ синяму мору. И захотѣла яна дужо воды. Тяперака рабёнокъ той говора: «пусти мяне съ подъ вязки, я табѣ воды дамъ!»—Дѣтка моё ро́дное, якъ ты мнѣ подаси: ты мало́е и дробно́е, ты ня достаняшъ воды мнѣ, упаде́шъ самъ у воду!.. Тяперъ яна согнулася у мора сама воду пить, и обмочила своѐ куксы у воду̀,—такъ руки яе и стали, якъ были!.. Дакъ яна угору руки подняла: «о Господи милосьлѝвый навышній, кажа: ня 'ставивъ ты нигдѣ загинуть моёй души!..» Тоды дитя яе стало рэсть не по годахъ, да по часахъ. Тольки до мора яна яго нясла, отъ мора за руку вяла ўжо. Якъ итить яны, ититъ, дакъ дойшли до царськаго двора до того до са́маго. Пришла яна на кухню и стала проситца у слугъ: «пуститя вы мяне на ночь хоть погрѣтца!»—Ето жъ, моа миляныкаа, царській дворъ: нялъга намъ пускать нико́го!—«А я, моѐ голубки, сяду у за́пячку, хоть

*) Пословица, выраж. неумѣстность. Ср. „На̀ мое штаны ў букъ!“ Или: „Пришій кобыли хвостъ, а у яе свой ёсть.“ „Съ поплёвъ“ технич. выраж. Когда, при пряденьи, въ нитку попадаетъ кострика, ее вырываютъ зубами, чтобы не прерывать работу пальцевъ, и потомъ выплевываютъ. Сдѣланная изъ этой выплеванной кострики рубаха, будетъ рубаха „съ поплёвъ.“

погрѣюся, я ня буду и показаватца!» И пустили яе. Яна сѣла у запячку изъ дятенкомъ тымъ, штобъ нихто ня бачивъ. Собрались туды усё начадство царськое, и стали яны кой—што разговаравать и ў карты йграть. Тоды тэй хлопчонокъ каа: «матушка, позвольтя, я збаю царо̂мъ баячку!»—Дѣтка моё, любое моё, ня показуймося зъ естаго запячку, а то ня дадуть яны намъ погрѣтца!.. Зачувъ ето царъ, што енъ проситца, и сказуа енъ: «што жъ ты, женщина, ня пускаяшъ рабёнка къ намъ? Пойди, хлопчишка, сюды, бай намъ баячку!»—Ну, збаю вамъ баячку, искажу вамъ казочку: «Была, кажа, на свѣти такаа мачиха, и ў мачихи падчарка—якъ моа матушка. И высылала яна яе на пасту съ коровой, давала яна ёй куль лёну и куль посконей и спрасть, и соткать, и ў трубку скачать. Тяперака, яна лягла и плача. Приходя къ ёй коровка Буренька: чаго ты, мать Морея, плачашъ, рыдаяшъ, табѣ будя усё хорошо!» А царъ тэй уже и ўзявъ на вусъ, на думахъ стало: якъ-разъ якъ енъ свою жонку бравъ!... «Коровка Буреня кажа: у правое вухо улѣзь, а ў лѣвое вылязь, и будя табѣ усё хорошо! И спралось ёй, и соткалось, и готовое понялось домовъ. И то жъ проклятая мачиха ня повстилась, што то ёсь на свѣти Богъ, што яна на яе усякія мошенствы накачавала. И зарѣзала туў коровку Буреню, а падчарка закопала тыя яе косточки проти польняго вокна на вулицы. И выросла съ тыхъ косточакъ коровы Бурени яблонька—яблочко золотое и сярэбраное, и разлилась крыничка. Тяперака, сказали объ етымъ цару. Пріѣхавъ енъ туды и хотѣвъ достать тыа воды и ущипнуть тыхъ яблочковъ И нихто яму етаго ня здѣлаа. Тяперака вынули падчарку съ подъ корыта и яна и яблочковъ ущипнула и воды зачарэпнула. И вышла яна замужъ за царськаго сына, и вышла за ей крыница и яблонь!..» А матка таа зъ запячку говора: дѣтка, што ты тамъ, ня знаючи, гово̂рашъ!... А царъ кажа: бай, бай, хлопчишка, баянку, бай, ня слухай матки своѐ! Хлопчикъ и кажа: «Тяперака, мачиха ня подумала, што ёсть Богъ нябесный, а царъ земляный, и написала письмо, што жалаа яна къ сабѣ у гости, мать Морею мою. Поѣхала яна у гости, и обродилася изъ ёю у бани, и родила яна сабѣ сына, Ивана воина. Тяперака яна якуу штуку приставила: отсѣкла моёй матцы руки по локоть, поўвяртѣла ёй у куклы руки, отсѣкши, и мяне подвязала, и выправила у свѣтъ со мной, Иваномъ воиномъ. А къ цару послала свою дочку̂. Ишла яна, ишла, пришла къ синяму мору воду̂ пить. Согнулася яна воды пить ротомъ, помочила свое куксы, и стали ёй руки. Мы якъ ити, дакъ ити, и зайшли мы къ цару къ Водейскому, *) и попросилися мы на ночь погрѣтца. И тяперъ тутъ... Здрастуйтя, отецъ мой родимый! пришовъ я къ вамъ, вашъ сынъ, Иванъ воинъ—силный богатыръ, изъ матушкой!» Да шапочку знявъ. Глядь, ажно ў яго звязда на лысини!

Царъ тоды угадавъ ихъ. «Вотъ я, кажа, ссяку ме̂чомъ твоёй жанѣ голову̂ съ плечъ! Ето ня жана твоя, а ето нахальница. А жана твоя у за̂пячку сядить!» Тяперъ ёнъ: дѣтка моа, воля твоя! Енъ узявъ и голову̂ ссѣкъ. «Вотъ тяперъ, мать Морея, тяперъ табѣ тутъ жить!» А самъ засядлавъ коня и поѣхавъ тожъ къ мачиси

*) На мой вопросъ—какой это царь Водейскій? разсказчица замѣтила: „Ти ты ня вѣдаешъ? Царъ Давыдъ Водейскій, у царстви котораго будуть ўси души—и живыя и мяртвыя!“ Значитъ, *іудейскій?*

къ яе, у дворъ. «И бяритятка, говора, лошадя хорошаго и привяжитя яе къ коньскому хвосту, и пошлитя яе у чистое поля, и разняситя вы яе кости и мождЖи по чистому полю. И тутъ табѣ спочивать, до вѣку проклинать!»

Во́ коли я сказала табѣ казку съ конца до верху!...

С. Нисимковичи, рогач. у. Кр.—ка Домна Морозиха, старушка.

Весьма сходный варіантъ записанъ въ островенской волости, сѣнненскаго у. верстахъ въ 300 отъ Нисимковичъ, и на другомъ говорѣ (восточномъ). Не помѣщаемъ его за недостаткомъ мѣста, тѣмъ болѣе, что онъ сходенъ почти дословно съ этимъ. Но окончаніе островенск. вар. такое:

Когда мачиха и падчерица пошли въ баню, мачиха оборотила ее рысью, а свою дочь послала съ ребенкомъ къ Ивану Васильевичу, королевскому сыну. Ночью ребенокъ захотѣлъ ѣсть и началъ кричать. Нянька вынесла его на крыльцо и стала звать мать: «рыся Марыся! и гуси спяць и куры спяць, тольки сынъ твой ня спиць: трёхъ дзёнъ молодзёнъ ѣспи хочецъ!» Мать прибѣжала, накормила ребенка и снова убѣжала въ лѣсъ. На третью ночь, Иванъ Васильевичъ, королевскій сынъ, по наущенію няньки, схватилъ рысю, когда она хотѣла бѣжать въ лѣсъ. Она «скинулась» мухой, онъ ее разорвалъ; сдѣлалась иглою—онъ переломилъ, тогда она сдѣлалась молодицей... Мачиху съ ея дочерью привязали къ лошадинымъ хвостамъ и разнесли по чистому полю.

Въ д. Кіевкѣ, аленовицк. вол. оршанск. у. сказка эта варьируется такъ:

У дѣда были дочь и сынъ. Мачихины порученія исполнялъ быкъ. Когда дочь мачихи подсмотрѣла это, баба притворилась больною и потребовала «яловичины.» Дѣдъ зарѣзалъ быка. Падчерица, промывая «кишки,» нашла тамъ два зерна: одно золотое, другое серебряное, и посадила ихъ «у воротахъ,» по наущенію быка. Тамъ явилась медовая крыница, двѣ яблони—одна съ золотыми, другая съ серебряными яблоками, и кони—золотая шерстинка и серебряная. Скоро пасынокъ, напившись воды изъ овечьяго слѣда, сдѣлался «баранькомъ.» Проѣзжій купецъ женился на падчерицѣ и повезъ къ себѣ; за ней потекли рѣки медовыя, поѣхали кони—шерстинка золотая и серебряная,—повезли чудесныя яблоньки, и побѣжалъ баранька. Чрезъ три года падчерица пріѣхала съ мужемъ, ребенкомъ и «баранькомъ» въ гости къ своему отцу. Мачиха послала мужа ея съ «дѣдомъ» въ баню «съ дороги,» а сама въ это время раздѣла падчерицу, обшила ее въ «рысьсюю скỳру» и выгнала, а свою дочь нарядила въ ея платье. Купецъ не замѣтилъ обмана и поѣхалъ домой. Тамъ, когда ребенокъ начиналъ ночью плакать, баранька бралъ его, выносилъ на дворъ и кричалъ: «рыся, рыся! молодзёнъ плачецъ, ѣсьци хочецъ!» Она отвѣчаетъ: «бягу, качу, сына кормлю!» Кормитъ сына и спрашиваетъ у бараньки: «Ци спиць панъ съ панею?»—Спиць!—«Ци йдуць рэки мядовэя?»—Нѣ!—«Ци ёсь яблочки золотэя и сярэбраныя?»—Нѣ!—«Ци ёсь кони—шерсточка золотая и сярэбраная?»—Нѣ!.. Чрезъ нѣсколько времени услышалъ это купецъ и сдѣлалъ «обламъ.» На облавѣ поймали рысь, она и сдѣлалась женщиной. Въ то же время баранька сталъ мальчикомъ, потекли рѣки медовыя, явились яблоньки и кони... Бабину дочку привязали къ лошадиному хвосту и пустили въ чистое поле.

б, Живъ дзѣдъ изъ бабой, и была у ихъ дочка̀. Баба померла, тоды дзѣдъ говорицъ дочцѣ: «будземъ съ тобой, дочу̀шка, жанитца!»—Нѣ, татулька: пойду У̀

мамульки спатаюся! Приходзиць на могильникъ и плачець... «Чаго шъ ты, дочушка, плачешъ?»—Хочець татулька, капъ я зы яго замушъ ишла!—«Нѣ, дочушка: хай енъ табѣ справиць такое платьця, якъ на неби звѣзды, якъ на неби мѣсяцъ!» Ина пошла и говориць: «справъ мнѣ, татулька, такое платьця, якъ на неби звѣзды, якъ на неби мѣсяцъ!» Ёнъ ёй справивъ. «Ну, дочушка, будземъ жанитца!»—Нѣ, татулька, пойду ў мамульки спатаюся! Пошла на могильникъ и плачець... «Чаго шъ ты, дочушка, плачешъ?» —Татулька хочець, капъ я зы яго замушъ ишла!—«Нѣ, дочушка: хай енъ табѣ справиць такіе черавики, якъ на неби звѣзды, якъ на неби мѣсяцъ!» Ина пришла и сказала: «справъ мнѣ, татулька, такіе черавики, якъ на неби звѣзды, якъ на неби мѣсяцъ!» Ёнъ ёй справивъ. «Ну, дочушка, будземъ жанитца!»—Нѣ, татулька, пойду ў мамульки спатаюся! Пришла на могильникъ и плачець... «Чаго шъ ты, дочушка, плачешъ?» —Татулька хочець, капъ я зы яго замушъ ишла!—«Нѣ, дочушка: хай енъ табѣ справиць такую повоску, якъ на неби звѣзды, якъ на неби мѣсяцъ!» Ина пришла и сказала: справъ мнѣ, татулька, такую повоску, якъ на неби звѣзды, якъ на неби мѣсяцъ! Енъ справивъ и говориць: «ну, дочушка, будземъ жанитца!»—Нѣ, татулька: пойду ў мамульки спатаюся! Пришла на могильникъ и плачець... «Чаго шъ ты, дочушка, плачешъ?»—Татулька хочець, капъ я зы яго замушъ ишла!—«Нѣ, дочушка: хай енъ табѣ справиць такихъ конiй, якъ на неби звѣзды, якъ на неби мѣсяцъ!» Ина пришла и сказала: справъ мнѣ, татулька такихъ конiй, якъ на неби звѣзды, якъ на неби мѣсяцъ! Енъ ей справивъ и говориць: «ну, дочушка, будземъ жанитца!»— Нѣ, татулька: пойду ў мамульки спатаюся! Пошла на могильникъ и плачець... «Чаго шъ ты, дочушка, плачешъ?»—Татулька хочець, капъ я зы яго замушъ ишла.— «Нѣ, дочушка, хай енъ бярець у дзяревни удову съ троми дочками!» Пошла яна и сказала: «бяри, татулька, удову съ троми дочками!» Енъ и ожанився.

Мачиха была злая, ня ўзлюбила яна своѐ падчарки. Повялѣла ёй, капъ гнала у поля, и дала ёй розвины кудзели: «спрадзи, сотчи, выбяли и ў трубучку скаци!» Пошла яна на могильникъ и плачець... «Чаго шъ ты, дочушка, плачешъ?»—Чаму шъ мнѣ не плакыць: дала мачиха розвины кудзели и сказала: спрадзи, сотчи, выбяли и ў трубучку скаци!—«Ёсь у цябе коровка Буренька: ты у водно вушко дуни, а ў другое процягни—яно спрадзетца, сотчетца, выбялитца и ў трубку скопитца!» Ина пошла, уво 'дно вушко дунула, у другое процягнула—яно спралося, соткалося, выбялилося и ў трубучку скацилося. Гониць ина домовъ и скачець.

На другiй дзень мачиха ще навязала розвины кудзели, и послала зъ ёй дочку нибытцамъ учитца. Пошла ина узновъ на могильникъ и плачець. «Чаго шъ ты, дочушка, плачешъ?»—Мачиха опяць дала розвины кудзели и дочку послала нибытцамъ учитца!—«Ты возьми, скажи: сястрица, давай я ў цябе вошiй пойщу! Ина ляжиць, ты й скажи: спи вочко, спи другое! Ина й заснець. А ты возьми, узновъ уво дно вушко дуни, а ў другое процягни—яно спрадзетца, сотчетца, выбялитца и ў трубучку скопитца!» Ина пришла и говориць: ходзи, сястрица, я ў цябе вошiй пойщу! Ина пришла йскаць, а падчарка говориць: спи вочко, спи другое! Ина й заснула. Тоды падчарка ўво дно вухо дунула, у другое процягнула—яно спралося, соткалося, выбялилось и ў трубучку скацилося. Ина тоды говориць: уставай, сястрица,—я ўжо

ўсё подзѣлала, погонимъ домовъ! Тоды мачихина дочка идзéць и плачець, а падчарица смяéтца й скачець.

На третьцій дзень мачиха ще навязала розвины кудзели и посла нибытцамъ учитца другую дочкў. Пошла ина узновъ на могильникъ и плачець... «Чаго шъ ты, дочушка, плачешъ?»—Мачиха узновъ навязала розвины кудзели и дала другую дочку нибытцамъ ўчитца!—«Ты скажи ей: ходзи сястрица, я ў цябе вошій пойщу! И скажи: спи вочко, спи другое! Ина й заснéць. А ты возьми въ одно вухо дуни, а ў другое процягни,—яно спрадзéтца, сотчéтца, выбялитца, и у трубучку скоцитца!» Пошла ина и говорыць: ходзи, сястрица, я ў цябе вошій пойщу! Стала у яе вошій искаць и говóрыць: спи вочко, спи другое! Ина й заснулá. Тоды ина узяла уво дно вушко дунула, у другое процягнула—яно спралося, соткалося, выбялилось и ў трубучку скацилося. Ина тоды говóрыць: уставай, сястрица, погонимъ домовъ—у мяне ўсё готово! Гонюць яны домовъ—мачихина дочка плачець, а падчарица скачець.

Тоды мачиха уставила третьцей дочцѣ третьцее воко, навязала ўзновъ розвины кýдзели и послала тую дочку нибытцамъ учитца. Не пошла падчарица на могильникъ, погнала просто у пóля. Пригнала у поля и кажець: ходзи, сястрица, я ў цябе вошій пойщу! Стала йскаць и говóрыць: спи вочко, спи другое! Вотъ, одно вочко заснуло и другое заснуло, а третьцее глядзиць. А ина уво дно вушко дунула, у другое процягнула—яно спралося, соткалося, выбялилось и ў трубучку скацилося. А мачихина дочка ўскочила и говорыць: видзѣла, видзѣла! Погнали яны домовъ: мачихина дочка скачець, а падчарица плачець.

Тоды мачиха нибытцамъ захворѣла и кажець дзѣду, капъ зарѣзывъ тую коровку Буреньку. А падчарка говóрыць: нѣ, татулька, я пойду ў мамульки спатаюся! Пошла на могильникъ и плачець... «Чаго шъ ты, дочушка, плачешъ?»—Татулька хочець зарѣзыць корову Буреньку!—«Хай рѣжець, тольки капъ ты перабирала кишки. Ты тамъ знáйдзешъ зернятко. Пысадзи яго ты пыдъ вокномъ!» Зарѣзыли яны корову Буреньку, стала ина перабираць кишки, и знайшла зернятко, и пысадзила яго пыдъ вокномъ. Выросла съ того зернятка яблынка—одна лисцинка зылотая, другая сяребраная, одно яблычко зылотое, другое сяребраное. Зыхоцѣла мачиха тыхъ яблыковъ и послала дочку збиць. Тая што тольки ни кипець палку—ина ўсё по головѣ бъець, а яблыковъ ня 'тбиваець. Послала ина другую дочку и третьцію—и тымъ такъ само.

У святый дзень мачихины дочки поѣхыли къ церкви, а падчарцы мачиха насыпала у макъ попялу и дала чистиць. Пошла ина на могильникъ и плачець... «Чаго шъ ты, дочушка, плачешъ?»—Чаму шъ мнѣ ня плакыць: выправила мачиха своихъ дочóкъ къ церкви, а мнѣ дала макъ чисциць съ попяломъ!..—«Ёсь у цябе кони, якъ на неби звѣзды, якъ на неби мѣсяцъ: подняси имъ, яны топнуць и перачисцюць!» Поднясла йна макъ кóнимъ, кони топнули и перачисцили... Прибралась падчарка у платьця, якъ на неби звѣзды, якъ на неби мѣсяцъ и ў черавики, сѣла у повоску, якъ на неби звѣзды, якъ на неби мѣсяцъ и поѣхыла. Ѣдзець, никуды ны боки не глядзиць,—на яè ўси глядзяць. Такъ жа само и ў церкви. И заглѣдзився на яе царській сынъ, и хоцѣвъ увознаць, хто йна ёсь. Узяв еиъ, растопивъ у порози смолы, ина якъ ишла, такъ черавикъ яе тамъ у смолѣ и остався. Пріѣхыла ина домовъ,

поставила коній, скинула платьця, якъ на неби звѣзды, якъ на неби мѣсяцъ, надзѣла брудную рубашку и пришла ў хату. А тэй царській сынъ узявъ черавикъ и ставъ ѣздзиць по ўсимъ царству, мѣраць тэй черавикъ, искаць тыя паненки. Потсякала мачиха своимъ дочкамъ палцы, капъ пришовся черавикъ, а падчарку подвярнула пыдъ корыто. Пріѣхывъ царській сынъ туды, ставъ примѣраць дочкамъ мачихинымъ—ня приходзитца. А падчарка пыдъ корытомъ кышлянула. Енъ пытаетца: хто гэто у васъ кашляець? А мачиха кажець: гэто убогая!—Покажицятку намъ яе! Яны выняли яе съ пыдъ корыта—черавикъ и пришовся. Тоды яна и другій принясла.

Высватывъ ёнъ яѐ и повёзъ домовъ. Якъ повёзъ яѐ, дыкъ и яблонка за ёй пошла. Скольки тамъ яны пожили, и родзила яна. Пріѣхыли яны на хрезьбины, мачиха вялѣла вытопиць лазьню, и пошла упяродъ за ўсихъ зъ родзихой. Тамъ яна обярнула падчарку лисицай, а свою дочкў поклала къ дзяценку. А баба пупорѣзница гэто знала. Якъ захочець рабёшачекъ ѣсьци, баба выйдзець на вулицу и кажець: «лиска, лиска! *) дзиця плачець, ѣсьци хочець!» Яна прибяжиць, пососиць рабёшачка, и ўзновъ пыбяжиць. Дознавъ гэто мужикъ. Якъ тутъ яѐ уловиць? Баба пупорѣзница говóриць: якъ я яе призову, ина станець сосиць, а ты возьми, верацѐнцамъ скуры подтрахни, яны й загоратца. Вотъ баба вышла на вулицу и гукаець: «лиска, лиска, дзиця плачець, ѣсьци хочець!» Яна прибѣгла, скинула скуры лисьсія и стала дзяцёнка сосиць. А енъ верацепцамъ и подтрахнувъ тыя лиски—яны й загорѣлись. А йна кажець: «ци ня лиски моѐ горацъ?»—Нѣ, кажець баба: гэто ў твойго кума, а ў мойго зяця свиньней смалюць!.. Ну, ина и осталася.

Тоды яны дознали, што тамъ была мачихина дочкà и ўзяли яе и мачиху, привязали къ коньскому хвосту и растащили по чистому полю...

Д. Рубежъ, сѣнн. у. на границѣ съ витебск. губ.

Ср. Афан. VI, 273. Худяк. II, 71. Садовников. 218. Чубинск. 448, 459, 466. Драгоман. 361.

61. Три сястры.

Жила сабѣ ўдова ў концѣ сяла и было у яе три дочки. Отъ разъ, разговорились яны, якая за якого хоча ити замужъ. Отъ, большая и кажа: «отъ, коли бъ мнѣ пришлось ити замужъ за царскаго клющника!» А сярэдняя кажа тожъ: «а мнѣ бъ за царскаго кучара!» А меньшая кажа: «дурныя вы! вы сказали бъ, якъ отъ я думаю: за царскаго сына!» Казали яны ето увечари. А йшовъ царскій сынъ, да ўси етыя ихъ говорки и потслухавъ подъ вокномъ! Отъ, пройшла ночь. Назаўтраго того вечара приходя къ тымъ дѣвкамъ царскій сынъ и царскій клющникъ и кучаръ, и кажать имъ: «казали вы такъ и такъ: тая за того хóчу ити замужъ, а тая за того?»—Казали!... Отъ, ихъ тойчасъ и повянчали, которая за котораго хотѣла ити. Перайшли яны уси у царскій дворъ, и живуть уси при царскомъ дворѣ. Двѣ большія и разсердились на меньшаю: што якая яна была поганая, а то стала старше ихъ.

*) Весьма вѣроятно, что слова: „лиска, лиска!“ составляютъ искаженіе словъ—„рыська, рыська!“, происшедшее въ то время, когда въ Бѣлоруссіи послѣдовало уменьшеніе звѣрей: туровъ, рысей и т. п. По созвучью и рысь замѣнена лисицей.

Пожили годовъ три, и поѣхавъ царъ икъ другому цару у гости. А яго царица безъ яго родила сына. Тыя сёстры поткупили бабку, штобъ яна поткинула собачанёнка, а дятёнка имъ отдала. Бабка дятёнка узяла, а поткинула собачанёнка. Здѣлали яны тому дятенку склепъ, засадили яго туды и пустили на рѣчку. Плывъ ёнъ, плывъ, и пераймая яго дѣдъ рыболовяцъ. Перанявъ ёнъ той склепъ и нясе домовъ: во, кажа, бабъ, я што перанявъ на водѣ! Разбили яны той склепъ, ажъ тамъ дятёнокъ. Яны и ка́жать: «во, слава табѣ, Богу: ня було у насъ дятей, а тяперака й у насъ буля!» И живуть, догладаять того дятёнка. Дѣдъ зновъ рыбу ловя.

А тыя сёстры яе и другія старшины послали тому ца́ру письмо, и сказали: «што, вотъ, твоя жана роди́ла щанёнка!» Пріяжджая царъ. Полядѣвъ—такъ и ё, щанёнокъ! Ёнъ простивъ ето ёй. Пожили ще трохи, царъ изновъ поѣхавъ у проччая царство. А жонка безъ яго изновъ родила сына. Тыя сёстры поткупили такъ жа само бабку. Бабка дятёнка того узяла да имъ отдала, а породиси поткинули котянёнка. Яны того дятёнка узяли да зновъ у склепъ, и пустили по водѣ. А дѣдъ рыболовяцъ перанявъ той склепъ и приноси домовъ. «Во, бабъ, я ще штось перанявъ на водѣ!» Разбили яны той склепъ,—тамъ зновъ дятёнокъ. «Во, слава табѣ, Богу, ще дятёнокъ ё!» Стали и того годовать. И зновъ дѣдъ ставъ ходить ловить рыбы.

А тыя зновъ отослали ца́ру письмо, хвалятца: што твоя жонка родила котянёнка! Царъ, побывши, пріѣхавъ. Полядѣвъ—ажъ и правды котянёнокъ. И захотѣвъ ёнъ ёй муку здѣлать. Пошовъ енъ къ санаторщикамъ, штобъ яны разсудили на яе му́ку якую-нéбудь. Санаторщики яму кажать: нѣ, няхай сабѣ живе на воли! Ето отъ Бога, ну ня 'тъ такого чаго-небудь!.. Царъ простивъ и етый разъ. Пожили яны ще годъ, царъ зновъ поѣхавъ у проччая царство. А царица тутъ безъ яго роди́ла дочку̀. Тыя сёстры яѐ поткупили зновъ бабку, бабка и поткинула лягушку. А тую дѣвочку узяла да имъ отдала. Яны яе такъ жа само у склепъ, и пустили на рѣчку. Дѣдъ той рыболовяцъ перанявъ склепъ и нясе домовъ. «Во, кажа, бабъ, я ще штось перанявъ на водѣ!» Разбили яны той склепъ, ажъ тамъ дѣвочка. Дѣдъ той и кажа: «слава табѣ, Богу! у насъ уже троя дятей ё!» Стали яны годовать ихъ за дятей, и яны живуть у ихъ и почитаять дѣда за батьку, бабу за матку.

А сёстры послали цару: «што твоя царица родила лягушку!» Царъ побывъ днёвъ два, ти боли, и пріѣхавъ домовъ. Полядѣвъ—такъ и ё, лягушка! Вялѣвъ тогды царъ выкласть камянный стовпъ, и заклавъ туды царицу, тольки голову пустивъ на волю. И дававъ ёй потрошку ѣсть: хунтъ хлѣба, хунтъ воды у день, боли ничо́го.

Той дѣдъ рыболовяцъ изъ бабой поме́рли, стали жить одны дѣти. Живуть сабѣ утроихъ браты и сястра, и повырастали. Браты ходять на 'хвоту, а сястра навара имъ обѣдать да вячерать. Такъ и жили. Отъ, поживши ти много, ти мало такъ, насадила тая сястра сабѣ садъ. И ў тымъ сади ё усякая красочка и ўсякое древо. Отъ разъ, пошли браты на 'хвоту, а яна вышла у свой садъ. Хо́дя по саду, расхаджуя, красуетца, любуетца, сама съ собой разговаруя: чаго, говора, у мяне тутъ няма? Усё ёстяка, чаго души заўгодно! А сатана проклятый и почувъ. Скинувся старымъ дѣдомъ и кажа ёй: «а вотъ чаго, кажа, красавица, няма у твоёмъ саду: дерава пяющаго, птаха говору́щаго и крынички!»—Правды, правды, кажа: етаго у мяне

няма. А дѣ жъ яго можно достать? Сатана проклятый и кажа: «а можно яго достать на такой и такой горѣ!» И пошовъ. Отъ, увечари пришли браты, сястра и разсказуя усё, што було. Тогды большій братъ кажа: пойду-тка я пошукаю!—А иди сабѣ зъ Богомъ! Пошовъ той братъ. Ишовъ, ишовъ—подыходя къ горѣ. Отъ, и чутно здаляку, што хтось сядить подъ горою да й кричити: «куды, щанёнокъ? куды?» А ето той самый сатана проклятый. Подыходя енъ, а сатана проклятый кажа: «я думавъ, што ето щанёнокъ, ажъ ето во якій добрый молодецъ! Ну, куды жъ тябе Богъ нясе?» Енъ кажа: туды и туды, за такимъ дѣломъ и такимъ!—«Нѣ, кажа сатана: ня достать табѣ!»—Ну, што будя, дыкъ будя, а пойду!—«Ну, иди сабѣ, да ляди жъ, назадъ ня 'зирайся, хоть якъ табѣ будя!» Отъ енъ и пошовъ. Шовъ, шовъ, а тутъ унизу музыка йграя, у бубны бъюти, кричати... Енъ ня ўтерпивъ, зиръ назадъ—камянямъ и лёгъ!

Отъ, назаўтраго пошовъ другій братъ. Ишовъ, ишовъ, сатана той изновъ кричить: куды, котёнокъ, куды? Подыходя енъ къ тому чорту, енъ и кажа: «я думавъ—котёнокъ, а ето во якій добрый молодецъ! Ну, куды жъ тябе Богъ нясе?»—А туды й туды, за такимъ и такимъ дѣломъ!—«Нѣ, ня дойти табѣ туды, твой братъ уже ляжить тамъ!»—Ну, однакъ, што будя, дыкъ будя, а пойду!—«Ну, иди сабѣ, да ляди жъ, назадъ ня 'зирайся, хочь якъ табѣ будя!» Енъ и пошовъ. Шовъ, шовъ, а тутъ музыка йграя, у бубны бъюти, кричати... Пройшовъ енъ шаги два за брата, и ня ўтерпивъ—зиръ назадъ,—такъ камянямъ и лёгъ!

Отъ, на третьтій день—няма братовъ. Пошла сама сястра. Узяла ваты у карманъ, бутылочку и платокъ большій, да й пошла. Иде, иде, доходя до того мѣста, идѣ кричавъ сатана. Чутно изновъ кричити: куды, лягушка, куды? Подыходя къ яму, ёнъ и кажа: я думавъ—лягушка, ажъ ето во якая красотка! Ну, куды жъ тябе Богъ нясе? Яна кажа: туды и туды, за такимъ дѣломъ и такимъ!—«Наўрадъ, коли бъ табѣ достать! Тамъ уже твоѐ браты ляжати!»—Ну, да што будя, дыкъ будя, а пойду!—«Ну, иди сабѣ, тольки ляди жъ, назадъ ня 'зирайся, хоть што табѣ будя!» Отъ, яна ватой вуши заткнула, платкомъ голову завязала да й пошла. Тутъ, музыка играя, у бубны бъюти, въ барабаны бъюти, а ёй и нячутно ничого. Пошла яна и пошла. Узыйшла на гору, зачерпала воды у бутылочку у крыничцы, выкопала древо пяющая, узяла уловила птаха говорущаго, увяртѣла ў платокъ и понясла. Иде зъ горы, и дѣ тольки каменьчикъ ляжить, яна и помажа водицай зъ бутылочки той каменьчикъ,—съ каменьчика craня чаловѣкъ. Каменьчиковъ сто яна помазала, и чаловѣкъ сто услѣдъ за ёй пошли. Подыйшла яна къ двомъ большимъ камнямъ, помазала яна тые камни—а то яе браты ляжали—якъ помазала, яны и ўстали: ахъ, кажать, сладко икъ мы заснули! А сястра кажа: «на вѣкъ ба вы заснули, коли бъ ня я. Ну, ходемтя жъ домовъ!» Пошли яны домовъ. Посадила яна тое древо, пустила птаха, выкопала ямку и ўлила туды водицу зъ бутылки, и здѣлалась крыница. Отъ, яны и живути. Вокно расчинять, а птахъ узлятить на вокно да й заговора, а древо пяе—весялѐ ў саду. Стали браты узновъ ходить на хвоту, а сястра обѣдать готуя. Собралися разъ уси обѣдать, расчинили вокно, птахъ узлятѣвъ на вокно и заговоривъ: «позовитя-тка вы цара къ сабѣ ў гости, и зжартя яму щанёнка, котянёнка, лягушку

*

да лягушкины монисты. Зжартя да й поставтя, няхай ѣсти!» Сястра кажа: идитя, позовитя! Браты пошли звать, а яна зжарила щанёнка, котянёнка, лягушку, да лягушкины монисты. Приходя царъ. Поставили яму жараное ето на столъ, посадили яго за столъ; расчинили вокошко, птахъ и ўзлятѣвъ на вокошко. Узлятѣвъ и заговоривъ: «позвали цара и поставили перадъ имъ щанёнка, котянёнка, лягушку и лягушкины монисты... Ѣжъ, штобъ тябе пранцы ѣли! Ето твоѐ дѣти, да жонкины слёзы!» Да й почавъ разсказувать, якъ што було. Доказавъ дотуля, што ето яго дѣти: дѣвка и два хлопцы. Царъ узрадовався, ставъ ихъ обнимать, цалувать.

Кинули яны усё и поѣхали домовъ, къ цáру. Захвативъ ёнъ живую щѐ свою жонку, вялѣвъ разбить скорѣй стовпъ. Слуги разбили, вынули яе. Царъ привязавъ къ одному жарабцу однў сястру яе къ хвосту, къ другому другую, а къ третьтяму бабку, и пустивъ жарабцовъ у пóля. Жарабцы поразносили ихъ, куды рукў, куды ногў, куды головў—сами прибѣгли порожніе. Отъ, царъ ставъ жить зъ жонкой, зъ дятьми, у своимъ царстви. И тяперъ дѣсь *предки* того цара живути тамъ.

С. Перерость, гом. у. Кр-нъ Василій Ермоленковъ.

62. Сынъ Хороборъ.

Живъ бывъ кроль и ў яго було три дочи. А ў другого кроля бывъ одзинъ сынъ. И ёнъ поѣхывъ у сваты къ меньшей кролевнѣ. Бóльшіи хоцѣли, капъ енъ ихъ узявъ, и стали хвастываць. Тоды бóльшая скызала: я съ однэй кужалинки вытку тритцыць пыстáвывъ исъ пыстáвомъ! А сяреднія кажець: а я съ одной пшаничинки спяку тритцыць пироговъ исъ пирошкомъ! А мéньшая кажець: «а я роджу тритцыць сыновъ и сына Хыробора—уво лбѣ звѣзда, у потылицы мѣсицъ, по поисъ у зольци, по колѣни ў сéребри.» Енъ узявъ меньшую сястру замушъ. Пожили яны троху, поѣхывъ царевичъ у другое—прочее царство. А йна родзила тритцыць сыновъ и сына Хыробора—уво лбѣ звѣзда, у потылицы мѣсицъ, по поисъ у золыци, по колѣни ў сéребри. Пыслала ина къ мужу къ свойму письмо слугой, а слуга зайшовъ къ сяредней сястрѣ. Тая сястра ныкормила яго, ныпоила и спаць ныложила, а сама переписала письмо, и написала, што родзила тритцыць щенюкóвъ и щенюкà шалудзиваго и паршиваго. Нызӑутри ўзнова ныкормила яго, ныпоила и отдыла письмо. Принёсъ ёнъ царю письмо. Царь прычитавъ, и отписавъ: «яки яны ёсь, капъ ды мойго пріѣзду ня были трачены!» Слуга тэй якъ ишовъ нызатъ, ящо зайшовъ къ сяредней сястрѣ. Ина його опяць ныкормила, ныпоила и спаць пыложила, а сама письмо переписала, и ныписала: «яки яны ёсь, капъ умѣсци зь ёй ды мойго пріѣзду были заковыны у зелѣзную бочку и пущены на мóря!» Яны такъ и здзѣлыли: зыкувáли и пусцили на мóря... Царь, пріѣхывши, и ўзявъ къ сабѣ своячиню.

А яны плавыли, плавыли у бочцы, тоды сынъ Хыроборъ кажець: «о Госпыдзи, капъ узнилася хвилія и прибила насъ къ бярягў, а бочку разбила!» Плылѝ яны, плылѝ, и приплылѝ къ островў. Бочка разбилыся и яны вышли на берехъ острывà. На тымъ островѣ тыкая пуща-дрямуща, што не ўздумыць, не ўзгыдаць, не ў прикызи скызаць. Яны тутъ ходзили, ходзили, тоды сынъ Хыроборъ кажець: «о Госпыдзи,

капъ тутъ бывъ нашъ го́рытъ (городъ)!» Лягли яны спаць. Нызаўтри устаюць, а̀шъ горытъ такій тамъ, што усякыго пріянту (провіанту) ёсь. Стали яны тамъ жиць: матка сидзиць, у книшку читаець, Богу молитца, а тритцыць сыновъ кытаюць зылотое яблычко и не скажуць одзинъ на 'днаго—бредзишъ! Ишли кылы того острыва̀ кырабли. Тоды сынъ Хыроборъ кажець: «крэньщики моѐ, кырабельщики, заѣдзьця вы пылядзиця мойго горыда, повидайця мойго дзива!» Яны пыходзили, пылядзѣли. Тоды сынъ Хыроборъ кажець: «нечимъ мнѣ васъ дарицъ, дару́ю я васъ коткомъ!» А котокъ прыхъ у кырабель! Пріѣхыли яны къ царю. Царь кажець: «милыи моѐ крэньщики—кырабельщики! Вы ѣздзили по свѣту, ци ня видзѣли вы якого дзива?»—Ахъ, кролю нашъ навышнѣйшій! Дзяды и прадзѣды ѣздзили, а такого дзива ня видзѣли, якъ мы видзѣли. Бывъ остро́въ; на имъ была пуща-дрямуща тыкая, што не ўздумыць, не ўзгыдаць, не ў при̇кызи скызаць. А цяперь тамъ горытъ такій, што ёсь усякыго пріянту. А ў тымъ горыдзи паня у книшку читаець, Богу молитца, тритцыць сыновъ кытаюць зылотое яблычко, и не скажуць одзинъ ны 'днаго—бредзишъ! Ящо ёсь сынъ Хыроборъ—уво лбѣ звѣзда, у потылицы мѣсицъ, по поисъ у золыци, по колѣни ў се́ребри. Во̀ дзиво!.» Царь хоцѣвъ ѣхыць туды, а своячиня кажець: «ай, во̀ дзиво! Во то дзиво, што ёсь на дзевятымъ царсцьви, на дзевятый зямлицы кыза пыба́пылъ (побаполъ) озера̀: на 'днымъ рогу прутъ (прудъ—мельница), на другимъ мостъ, и на двынатцыць ка́мяневъ мелюць. Усякыго пріянту тамъ ёсь! Во то дзиво, а ето што за дзиво?» Царь и не поѣхывъ.

Кырабельщики выбрали тывару и поѣхыли нызатъ. Опяць ѣхыли кылы острыва̀. Тоды тэй кото́къ прыхъ на 'стровъ, и побѣхъ у горытъ. Сынъ Хыроборъ кажець: «а што, котусь: што повѣдзявъ татусь?»—А што повѣдзявъ татусь: татусь хоцѣвъ ѣхыць, а цятуся (тетуся—тетя) скызала: ай, во дзиво! Во то дзиво, што ёсь на дзевятымъ царсцьви, на дзевятый зямлицы ёсь кыза пыбапылъ озера̀: на днымъ рогу прутъ, на другимъ мостъ, на двынатцыць камяневъ мелюць и ўсякыго пріянту тамъ ёсь! Енъ и остыновився!.. Ставъ ужо вечеръ, лягли яны спаць, а сынъ Хыроборъ вышовъ вонъ и кажець: «о Госпыдзи, капъ гето стало за но́чь тутъ!» Нызаўтри ёсь у ихъ кыза пыбапылъ озера̀, на днымъ рогу прутъ, на другимъ мостъ, на двынатцыць ка́мяневъ мелюць.

Идуць кырабли. Тоды сынъ Хыроборъ кажець: «милыи моѐ крэньщики-кырабельщики! Заѣдзьця ко мнѣ, пыходзиця по горыду, повидайця мойго дзива!» Яны зайшли, пыходзили, пылядзѣли. Сынъ Хыроборъ кажець: «нечимъ мнѣ васъ дарицъ, дарую я васъ коткомъ!» А кото́къ прыхъ ў кырабель! Яны и поѣхыли. Пріѣжжаюць яны къ царю. Царь кажець: милыи моѐ крэньщики-кырабельщики! Вы ѣздзили по свѣту, ци ня видзѣли вы якого дзива? Кырабельщики кажуць: «кролю нашъ навышнѣйшій! И дзяды и прадзѣды ѣздзили, а такого дзива ня видзѣли, якъ мы видзѣли! Бывъ на мори̇ остро́въ; на островѣ была тыкая пуща-дрямуща, што не ўздумыць, не ўзгыдаць, не ў прикызи скызаць. А цяперь ны стровъ такій большій горытъ, што ёсь у имъ усякыго пріянту. Сядзиць тамъ паня, у книшку читаець—Богу молитца, а тритцыць сыновъ кытаюць зылотое яблычко и не скажуць одзинъ ны 'днаго—бредзишъ! И ящо ёсь сынъ Хыроборъ—уво лбѣ звѣзда, у потылицы мѣсицъ, по поисъ у золыци, по колѣни ў се́ребри. Ящо ёсь кыза пыбапылъ озера̀, на днымъ рогу прутъ,

на другимъ мостъ—на двынатцыць каменевъ мелюць!» Царь тольки хоцѣвъ ѣхыць туды, а своячиня кажець: «ай, во̀ дзиво! Во то дзиво, што ёсь на дзевятымъ царсцьви, на дзевятый зямлицы воперь—загуберь: лычемъ оре́ць, вушами вѣець, хвостомъ засѣваець: а за имъ и варитца и снигаритца: чего живъ человѣкъ, того ёсь!» Царь и остыновився.

Ныбрали кырабельщики тывару и поѣхыли. Ѣхыли кылы того острыва̀, котокъ брыкъ на 'стровъ, и побѣхъ у горытъ. Сынъ Хыроборъ кажець: «а што, катусь, што повѣдзявъ татусь?»—А што повѣдзявъ татусь: татусь тольки хоцѣвъ ѣхыць нашаго дзива глядзѣць, а цятуся скызала: «ай, во дзиво! Во то дзиво, што ёсь на дзевятымъ царсцьви, на дзевятый зямлицы воперь-загуберь: лычемъ оре́ць, вушами вѣець, хвостомъ засѣваець; за имъ и варитца и снигаритца; чего живъ чаловѣкъ, того ёсь!» Ёнъ и остыновився!... Ставъ ужо вечеръ, лягли яны спаць. Сынъ Хыроборъ вышовъ и кажець: «о Госпыдзи, капъ гето стало за ночь тутъ!» Нызаўтри ёсь воперь-загуберь, ходзиць по горыду, лычемъ оре́ць, вушами вѣець, хвостомъ засѣваець; за имъ и варитца и снигаритца; чего живъ человѣкъ, того ёсь!

Идуць кылы того острыва̀ кырабли. Тоды сынъ Хыроборъ кажець: «милыи моѐ крэньщики-кырабельщики, заѣдзьця вы ко мнѣ! Пыходзиця вы по горыду, пылядзиця вы мойго дзива!» Яны зайшли, пыходзили, пылядзѣли. Тоды сынъ Хыроборъ кажець: нечимъ мнѣ васъ дарыць,—дарую я васъ коткомъ! А котокъ прыхъ у кырабель! Яны й поѣхыли. Пріѣхыли яны къ царю. Тоды царь кажець: «милыи моѐ крэньщики-кырабельщики! Вы ѣздзили по свѣту, ци ня видзѣли вы якого дзива?»—Кроля нашъ навышнѣйшій! дзяды и прадзѣды ѣздзили, а такого дзива ня видзѣли, якъ мы видзѣли. Бывъ на мори остро́въ; на тымъ островѣ была пуща-дрямуща, што не ўздумыць, не ўзгыдаць, не ў прикызи скызаць; а цяперь тамъ горытъ такій большій, што усякыго пріянту тамъ ёсь. И паня сядзиць, у книшку читаець—Богу молитца; и тритцыць сыновъ кытаюць зылотое яблычко и не скажуць одзинъ ны днаго—бредзишъ! Ящо ёсь сынъ Хыроборъ—уво лбѣ звѣзда, у потылицы мѣсицъ, по поисъ у золыци, пы колѣни ў се́ребри. Ящо ёсь кыза пыбапылъ озера̀: на днымъ рогу прутъ, на другимъ мостъ, на двынатцыць ка́мяневъ мелюць. Ящо ёсь воперь-загуберь: лычемъ оре́ць, вушами вѣець, хвостомъ засѣваець; за имъ и варитца и снигаритца; чего живъ человѣкъ, того ёсь!.. Царь хоцѣвъ ѣхыць туды, а своячиня кажець: «ай, во дзиво! Во то дзиво, што ёсь на дзевятымъ царсцьви, на дзевятый зямлицы пярсцёныкъ зъ рушнючкомъ. Яго якъ церне́шъ (тернёшь—потрешь)—выскычиць двынатцыць мылойцовъ: яны й варюць и снигарюць; чего живъ человѣкъ, того яны дыставюць!» Царь и остыновився.

Кырабельщики ныбрали тывару и поѣхыли. Ѣхылы кылы того острыва̀, тэй котокъ прыхъ на 'стровъ и побѣхъ у горытъ. Сынъ Хыроборъ кажець: «а што, катусь: што повѣдзявъ татусь?»—А што повѣдзявъ татусь: татусь тольки хоцѣвъ ѣхыць, нашаго дзива глядзѣць, а цятуся скызала: «ай, во дзиво! Во то дзиво, што ёсь у дзевятымъ царсцьви, на дзевятый зямлицы пярсцёныкъ зъ рушнючкомъ. Яго якъ церне́шъ, дыкъ выскычиць двынатцыць мылойцовъ: яны й варюць и снигарюць; чего живъ человѣкъ, того яны дыставюць!» Енъ и остыновився!.. Ставъ ўжо вечеръ, лягли яны спаць. Сынъ Хыроборъ вышовъ на дворъ и гово́рыць: «о Госпыдзи, капъ жа тэй пярсцёныкъ бывъ у насъ!» Нызаўтри й ёсь тэй пярсцёныкъ.

Идуць кырабли. Сынъ Хыроборъ кажецъ: «милыи моѐ крэньщики—кырабельщики! заѣдзьця вы ко мнѣ, пыходзиця вы по горыду, пылядзиця вы мойго дзива!» Яны зайшли, пыходзили и пылядзѣли. Сынъ Хыроборъ кажецъ: нечимъ мнѣ васъ дарицъ,— дарую я васъ коткомъ! А котокъ прыхъ у кырабель! Яны й поѣхыли. Пріѣжжаюць яны къ царю. Царь кажецъ: «мылыи моѐ крэньщики-кырабельщики! Вы ѣздзили по свѣту, ци ня видзѣли вы якого дзива?»—Ахъ, кролю нашъ навышнѣйшій! И дзяды и прадзѣды ѣздзили, а такого дзива ня видзѣли, якъ мы. Бывъ на мори острóвъ; на тымъ островѣ была пуща-дрямуща, што не ўздумыць, не узгыдаць, не ў прикызи скызаць. А цяперь горытъ такій, што усяго тамъ ёсь, усякыго пріянту. И сядзиць тамъ паня, у книшку читаець, Богу молитца; тритцыць сыновъ кытаюць зылотое яблыко, и не скажуць одзинъ ны днаго: бредзишъ! Ящо ёсь сынъ Хыроборъ,—уво лбѣ звѣзда, у потылицы мѣсицъ, по поисъ у золыци, пы колѣни у серебри. Ящо ёсь кыза пыбапылъ озерà: на днымъ рогу прутъ, на другимъ мостъ, на двынатцыць кáмяневъ мелюць,—усякыго пріянту тамъ ёсь. Ящо ёсь вопер-загуберь, лычемъ орéць, вушами вѣець, хвостомъ засѣваець, а за имъ и жаритца и снигаритца: чего живъ человѣкъ, того ёсь. Ящо ёсь пярсцёныкъ зъ рушнючкомъ. Яго якъ цернéшъ—выскычиць двынатцыць мылойцовъ: яны й варюць и снигарюць, чего живъ человѣкъ, того яны дыстывляюць!... Царь хоцѣвъ ѣхыць туды. А своячиня кажецъ: «кыли шъ Хыроборъ такій, хай ёнъ здзѣлыецъ мостъ—зылотая мостничинька и серебряныя; кылы того моста капъ были жовнéры, капъ были сады—виныграды, капъ у тыхъ садахъ зыморськіи коты басни баили, пташки райськіи пѣсни распѣвали. И тэй мостъ капъ бывъ отъ того острывà ды царськыго двыра. Тоды мы поѣдземъ туды!» Царь и остыновився.

Ныбрали кырабельщики тывару и поѣхыли. Ѣхыли кылы того острывà, а котокъ скокъ на вóстрывъ, и побѣхъ у горытъ. Сынъ Хыроборъ кажецъ: «а што, катусь,— што повѣдзявъ татусь?»—А што повѣдзявъ татусь: татусь тольки хоцѣвъ ѣхыць, а цятуся скызала: «кыли ёнъ такій, хай здзѣлыецъ мостъ—зылотая мостничинька и серебряныя, и капъ пыбапылъ того моста были жовнеры и сады-виныграды, а ў тыхъ сыдахъ капъ зыморськіи коты басни баили, райськіи пташки пѣсни пѣли. И капъ тэй мостъ бывъ отъ того острывà ды царськыго двыра. Тоды мы поѣдземъ!» Царь и остыновився.

Ныставъ ужо вечеръ, лягли яны спаць. Сынъ Хыроборъ вышовъ на дворъ и кажецъ: «о Госпыдзи, капъ жа гетый мостъ бывъ!» Цернувъ пярсцёныкъ изъ рушнючкомъ, выскочило двынатцыць мылойцовъ. Сынъ Хыроборъ имъ приказыецъ: капъ бывъ такій и такій мостъ! Нызаўтри и ёсь мостъ отъ того острыва ды царськыго двыра. Тоды яны—царь и своячиня—поѣхыли туды. Пріѣжжаюць яны туды, царь якъ пылядзѣвъ, ажны гето яго жонка, яго дзѣци. Тоды енъ узявъ, своячиню на коньскихъ хвостахъ рызорвавъ, а зь ёй ёнъ ставъ жиць ды поживаць, ды добра ныживаць.

Д. Томашонки, остров. вол. сѣннен. у. Кр—нъ Иванъ Ѳоминъ, 68 лѣтъ, негр.

Въ селѣ *Высокомъ Городцѣ*, того же уѣзда, въ 70 вер. отъ д. Томашонокъ сказка эта начинается такъ:

«Было у матки три дочкй. Была яна удовою, жила яна сяротъ лѣсу. Бывъ такій король, любивъ енъ на полюваньня ѣздзиць. Пріѣхавъ енъ у тэй лѣсъ. Скольки-тамъ енъ охвоцився сяротъ лѣсу, видзиць—хатка стоиць. Пославъ енъ туды свойго послу,

послухаць, што у тэй хатцы гомонюць. Ашъ бóльшая дочка говóриць: «капъ мяне тэй король узявъ замушъ, што тутъ по полюваньню ходзиць, я пъ яго однымъ повесмомъ усё войско одзѣла!» Другая говориць: «капъ мяне тэй король узявъ, я пъ яго однэй ниткой усё войсько опшила!» Третьцяя говориць: «капъ мяне король узявъ, япъ яму родзила два сынки, якъ соколки, и дочушку—золотую коску!..»

Царь оженился на третьей дочери. Затѣмъ слѣдующія варьяціи: Сестра одного сынка сдѣлала оборотнемъ. Первымъ дивомъ для купцовъ была царская жена, *одинъ* сынъ ея и дочь, которыхъ они нашли на пустынной дотолѣ «выспѣ.» Вторымъ дивомъ было появленіе *двухъ* сынковъ соколковъ и дочери. Третьимъ—котъ баюнъ на столбѣ: вверхъ идетъ—байки баетъ, а внизъ идетъ—пѣсни поетъ. Четвертымъ—«гайдукъ, што шагъ шагнéць—сто вёрстъ, што брыкъ брыкнéць—повтораста вёрстъ!» Подслушивалъ рѣчи царя и «швагерки» сынъ, дѣлавшійся соколкомъ по желанію матери: «обярнися, сынокъ, соколкомъ, ляци къ татку, къ давнѣйшей цёценьцы, цяперашней мамяньцы,—послухай, што ў татки говоруць!..» Мостъ строилъ гайдукъ по желанію самихъ дѣтей, для облегченія пути отцу.

Сказки въ Бѣлоруссіи разсказываются исключительно въ зимніе долгіе вечера, и преимущественно въ „святые вечера"—съ 25 декабря по 6 января, въ которые всякія работы, даже легкія, воспрещаются. Они всецѣло посвящаются веселью, играмъ. Среди игръ не послѣднее мѣсто занимаетъ игра въ орѣхи, „въ цотъ ай лишку" (русск. четъ или нечетъ). Близъ г. Сѣнна, въ д. *Латыговъ*, вышеприведенная сказка разсказывается именно въ связи съ игрою въ цотъ ай лишку. Приводимъ ее здѣсь въ виду этого:

б, Было у бацьки три дочкй: голысъ у голысъ, волысъ у волысъ, лицо ў лицо. Сплевъ имъ бацька по лубучцы, пошли яны у лѣсъ по грипки. Якъ ставъ ици дожжъ насилный, сѣли яны подъ бярéзиный. Дужо силный дожджикъ ишовъ, ашъ побѣгла рѣчка черазъ царськiй дворъ. Пыславъ тоды царъ свою слугу: откуль гэто рѣчка идзéць? Ѣдзець слуга, ашъ стоиць бярéзинка, подъ тэй бярéзинкый сядзиць три дзѣвицы. Одна сястра кажець: кыли пъ мяне царъ узявъ замушъ, я пъ яму̀ войську усю одзѣла! А другая сястра кажець: кыли пъ мяне царъ узявъ замушъ, я пъ яму войську усю окормила! А третьція сястра кажець: кыли пъ мяне царъ узявъ замушъ я пъ родзила яму сына—на лбѣ мѣсицъ, въ потылицы зорки! Тоды слуга тэй поѣхувъ и разскызавъ цару. Царъ яму кажець: ѣдзь, возьми тую, што скызала: роджу сына, на лбѣ мѣсицъ, въ потылицы зорки. Слуга тэй поѣхывъ и привёзъ. Царъ и ожанився. Пожили троху, царъ и поѣхывъ на дальнію границу. А яго жонка родзила сына—на лбѣ мѣсицъ, въ потылицы зорки. Написала яна листъ и послала слугой до свойго мужа. Слуга поѣхывъ до цара и заѣхывъ къ яе сястрѣ на ночь. Сястра ўзяла, листъ прочитала, и ўкинула тэй листъ у печь, а отписала листъ, што родзився ни собачонокъ, ни лягушонокъ. Царъ прочитавъ листъ и отписавъ: «што родзилося, нехай годуетца!» Слуга поѣхывъ и заѣхывъ знова къ сястрѣ на ночь. Сястра ўзнова листъ прочитала, укинула тэй листъ у печь, а отписала: «собраць треба бондаровъ, здзѣлыць бочку и просѣчь воконцо, ўсадзиць туды того рабёшка и пусциць яго на мóра!» Прочитали листъ тэй, здзѣлыли бочку, просѣкли воконцо и пусцили рабёшка на мора. Яго мацъ пышла кыло мора, хóдзиць ли мора й плачець. А яе сястра пришла у дворъ и стала жиць ны яе мѣсцй. Царъ пріѣхывъ и ставъ жиць зь ёй.

А тэй малецъ вышовъ зъ бочачки, ды ня росъ пы годахъ, ды по часахъ. Енъ построивъ своёй матцы на мори крылцо и черазъ мора двѣ кладычки: одна кладычка зылотая, а другая сяребраная. По гэтыхъ кладычкахъ енъ пошовъ икъ матцы. «Мамка, пойдземъ: сяньни свадзьба у мойго татки зъ моёй цёткой!»—Мой сыночакъ! куды мы пойдземъ, насъ яны прогонюць!—«Ня бось, мамка, не прогонюць! Надзѣнь, мамка, старенькій армякъ, завярци на гылыву старую хвустку!» Здзѣлывъ сабѣ лясковенькую скрыпку, и пошли къ цару на вясельля. Подыйшовъ енъ пыдъ вокошко и зайгравъ у скрыпучку дужо пригожо. Почувъ царъ тэй, што пригожо нѣхто йграець: «Вóзьмемъ, кажець, гэтыго музыку!» А жонка кажець: нѣ, ня треба брацъ!—«Нѣ, кажець, вóзьмемъ—пригожо играець!» Яны яго ўзяли. «Идзи, мамка, сядзь за печкый, а я пойграю!» Унёсъ царъ тэй коропку орѣхувъ: «а хто гэты орѣхи отгыдаець, опишу я тому пуловина царства!» И нихто ня ўзявся. Тольки тэй малецъ кажець: «я отгыдаю!» Цётка яго закричала: «ты ня 'тгыдаешъ!» Ны яе уси крикнули: «нѣ, нехай отгáдыець!» Енъ ставъ отгадывацъ:

Было ў бацьки три дочкѝ—цотъ пара орѣшкувъ!
Голысъ у голысъ, волысъ у волысъ—цотъ пара орѣшкувъ!
Сплёвъ имъ бацька по лубучцы—цотъ пара орѣшкувъ!
Пошли тыя дочки у грибы—ц. п. о! Пошовъ дужо силный дожджъ—ц. п. о.
Сѣли яны пыдъ бярезинкый—ц. п. о. Дужо силный дожджъ ишовъ—ц. п. о.
Ашъ побѣгла рѣчка черазъ царській дворъ—ц. п. о. Царъ пославъ свою слугу—ц. п. о.
Откуль пошла гэта рѣчка—ц. п. о. Ѣдзець слуга, стоиць бярезинка—ц. п. о.
Подъ тэй бярезинкый сядзиць три дзявицы—цотъ пара орѣшкувъ!
Тоды большая скызала—ц. п. о. Капъ мяне царъ узявъ замушъ ц. п. о.
Я пъ яму одзѣла усю войську—ц. п. о. А сяреднія скызала—ц. п. о.
Капъ мяне царъ узявъ замушъ—ц. п. о. Я пъ усю войську окормила—ц. п. о.
Тоды меньшая скызала—ц. п. о. Капъ мяне царъ узявъ замушъ—ц. п. о.
Я пъ родзила яму сына—ц. п. о. На лбѣ мѣсицъ, вт потылицы зорки—ц. п. о.
Слуга тэй поѣхувъ и скызавъ царю—цотъ пара орѣшкувъ!
Царъ приказавъ узяць тую—ц. п. о. Што кызала: роджу сына—ц. п. о.
На лбѣ мѣсицъ, въ потылицы зорки—ц. п. о. Слуга поѣхувъ, узявъ дзѣвку—ц. п. о.
Привёзъ къ цару, царъ и жанився—ц. п. о. Тоды царъ поѣхувъ ны границу—ц. п. о.
Яго жонка родзила сына—ц. п. о. На лбѣ мѣсицъ, въ потылицы зорки—ц. п. о.
Тоды ина написала—ц. п. о. Што родзила сына—ц. п. о.
На лбѣ мѣсицъ, въ потылицы зорки—ц. п. о. И пыслала слугой къ цару—ц. п. о.
Слуга заѣхувъ къ яе сястрѣ—ц. п. о. Ина ўзяла, прочитала—ц. п. о.
Ды ўзяла листъ, кинула ў печку—ц. п. о. Ды написала, што родзився—ц. п. о.
Ни собачанёныкъ, ни лягушанёныкъ—цотъ пара орѣшкувъ!
Царъ прочитавъ листъ и отписавъ—ц. п. о. Што родзилося, нехай годуетца—ц. п. о.
Слуга заѣхывъ зновъ къ сястрѣ на ночь—цотъ пару орѣшкувъ!
Ина прочитала и написала—ц. п. о. Сыбрацъ бондаровъ, здзѣлыць бочку—ц. и. о.
Ўсадзиць туды мальца, и пусциць на мора—ц. п. о. Такъ яны и здзѣлыли—ц. п. о.
И пусцилѝ на мора мальца—ц. п. о. Яго матка пышла ходзиць кыло мора—ц. п. о.

Хóдзиць ли мора, сама плачець—ц. п. о. А яе сястра пошла жиць на яе мѣсто—ц. п. о.
Тоды тэй малець вышовъ зъ бочки—ц. п. о. И ня росъ пы годахъ, а пы часахъ—ц. п. о.
И построивъ сяротъ мора ганыкъ—ц. п. о. Своёй матцы—цотъ пара орѣшкувъ!
И черазъ мора двѣ кладычки—ц. п. о. Одна сяребраная—цотъ пара орѣшкувъ!
А другая зылотая—ц. п. о. А царъ прiѣхывъ й ожанився зъ яе сястрой—ц. п. о.
Я почувъ, што у мойго татки свадзьба—ц. п. о. И скызавъ мамки—ц. п. о.
Пóйдземъ къ татку ны вясельля—ц. п. о. Мамка кажець—ц. п. о.
Якъ мы пóйдземъ—ц. п. о. Яны насъ прогонюць—ц. п. о.
Ня бось, мама, не прогонюць—ц. п. о. Надзѣнь старый армячокъ—ц. п. о.
Завярци гылыву ў старую хвусту—ц. п. о. Я отрѣзывъ—ц. п. о.
Лясковенькую искрыпочку—ц. п. о. Подышовъ пыдъ вокно—ц. п. о.
И заигравъ красивенько—ц. п. о. И почувъ татка—ц. п. о.
И вялѣвъ ўзяць гэтыго музыку—ц. п. о. Жана яго ня хоцѣла—ц. п. о.
А царъ кажець: вóзьмемъ—ц. п. о. Дужо красиво йграець—ц. п. о.
Яны мяне ўзяли—ц. п. о. Я скызавъ мамки—ц. п. о
Идзи, мама, сядзь за печкый—ц. п. о. Тоды царъ унёсъ коропку орѣхувъ—ц. п. о.
А хто гэты орѣхи ’тгыдаець—ц. п. о. Опишу тому пуловина царства—ц. п. о.
Нихто не ўзявся—ц. п. о. Тольки я ўзявся—цотъ пара орѣшкувъ!

Пераличивъ уси орѣхи, ды шапычку зъ гылывы и знявъ—а ў яго на лбѣ мѣсиць, а въ потылицы зорки! Тоды цётку яго привязали къ коньскому хвосту и разырвали ны часци, а зъ ими царъ ставъ жиць ды поживаць, ды добра ныживаць.

Кр—ка Марья Николаева Ср. Чуб. 40.

64. Кроль и дочка.

Живъ сабѣ кроль.... Коли-то, богъ зная коли, кроли тые были!.. И заўдовѣвъ. И была у яго зроду одна дочаръ: матчинъ голосъ, матчинъ и волосъ, матчина краса, матчинъ ростъ. И яна у яго, у кроля, была любимая дочаръ, одна зроду. И ўлюбився кроль у рóднаю дочку, у любимыя дочи своѐ: любимая моя дочь, хóчу я ожанитца! Дочь отвѣчая: «любимый бацюшка мой, жаницесь сабѣ зъ богомъ, богъ вамъ нехай позволяя!» И засталися матчины чаравики и золотый пярсцёнокъ. Кроль и говора: дочь моя любимая, вынь мнѣ изъ скрыни матчинъ золотый пярсцёнокъ и чаравички. Того я за сябе возьму, кому пярсцёнокъ и чаравички у часъ придутца. Ѣздзивъ, ѣздзивъ, мѣравъ, мѣравъ—чаравички то вялики, то малы, пярсцёнокъ то вяликъ, то малъ,—никóму у часъ не пришлись. Цяперъ, прiѣжжая енъ у дворъ ки своёй дочи любимой. «Дочь моя любимая, искажу я табѣ усю правду, якъ яно ёсць!»—Бацюшка, родзимый, сказавайця!—«Дочь моя любимая, мѣрай матчины пярсцёнокъ и чаравички!» Помѣрала яна—усё ў часъ: чаравички ў часъ, пярсцёнокъ у часъ! «Дочь моя родзимая, любимая, хóчу я съ тобой дружитца!»—Бацюшка мой родзимый, справця мнѣ грэбянь, якъ у неби ясный мѣсяць, за косу закласць! Поѣхавъ кроль, и доставляя грэбянь. Надлужая дочку и хоча зъ ёй дружитца. А дочка думая, якъ ба душў спасиць свою. Яна у школи была,—и на матчину книжачку богу молитца. Осталася матчина

книжачка ёй. «Оцецъ мой родзимый, справця мнѣ такую хустку, якъ ў неби ясное сонца, голову покрыць!» Енъ сычасъ поѣхавъ, и доставивъ ёй хустку, якъ у неби ясное сонца. Надлужая енъ свою дочку: «дочь моя родзимая, любимая, што табѣ больше надо?»—Бацюшка родзимый, справця мнѣ такое платьця, якъ у неби ясныя звѣздочки! Поѣхавъ енъ, сычасъ и платьця доставивъ, якъ у неби ясныя звѣздочки. «Ну, цяперъ, дочь моя любимая, больше ня треба табѣ ничого, а треба намъ дружитца, треба на шлюби становитца!»—Нѣ, бацюшка родзимый, яще мнѣ справця свинный кожушикъ!... Цяперъ енъ поѣхавъ, ѣздзивъ, ѣздзивъ, ѣздзивъ, ѣздзивъ—у скоросци не натрапивъ свинного кожушика.

Яна, у томъ дзѣли, дорогая дочь, усю посуду, уси гроши, усю 'дежу дорогую спаковала у матчину скрыню. Цяперъ вынила зъ матчиныя скрыни бялёвый клубочакъ, зачапила ниточкой скрыню за вухо, Богу щиро помолилася, у матчину книжачку бословилася, и спросилася у покойныя маменьки, кабъ маменька бословила яе выбратца зъ бацьковаго дому—«кабъ душу̀ мою Богъ спасивъ.» Матка съ того свѣту бословила, нябощица. И Богъ ёй бывъ до помочи, кабъ матчина скрыня ишла за ёй на ниточцы,—большая скрыня, силная, на каточкахъ. Цяперака, выбралася зъ бацьковаго дому̀ на̀ўпроци ночи. Спасивъ яе Спасъ милосьливый!

Якъ вярнувся кроль—нема дочи. Енъ сычасъ описавъ своё царство, и съ царства доловъ: самъ сябе змянивъ, безъ пороку; никому̀ не знатно, за што енъ съ царства рышився. И у страдъ пошовъ. Пошовъ енъ у страдъ до жизни страждаць (нищенствовать) и душу̀ свою спасаць, грѣхъ свой замаливаць. Дочка̀ и свою душу̀ спасила и отца свойго спасила.

Пошла цяперъ гэта дочь на̀ўпроци ночи, сама не знала, кольки за ночь увыйшла—и скрыня за ёй ишла,—занялося на раньняю зару. И увыйшла яна у жовтые пяска, й у високія горы. На високую гору̀ сама ўзыйшла и скрыня за ёй. Разгарнула на високой горѣ жовтый пясочакъ, разгарнула глыбо̀ко, рукамы на колѣнцахъ, закрыла скрыню жовтымъ пясочкомъ. Отыйшлася отъ тыя високія горы вдалеко, отыйшлася, на книжачку молитца и силно плача. Цяперъ, давъ Богъ, дождалася другія ночи. Пришла яна на ночь къ матчиной скрыни, узыйшла на гору̀, ажъ стоиць мижъ горъ домочакъ. Яна сыйшла зъ горы отъ матчиной скрыни и потходзила къ тому домочку подъ вокошко. У тымъ дому живе удова, стареначкая старушоночка, стареначкая. У тые ўдовы одзинъ сынъ изъ роду,—красивый, росьливый. Ёнъ сядзиць на стулку и пиша бумагу. Подыйшла яна подъ вокошко, и на правой руцѣ матчинъ пярсцёнокъ. Подыйшла подъ вокошко, и тольки первый разъ положила на сябе хростъ правой рукой, перахрасцилася, хростъ положила на сябе и сказала: аминъ. Удовинъ сынъ красивый, росьливый, вумный и разумный, глянувъ празъ сцякло и убачивъ яѐ лицо и золотый пярсцёнокъ. Енъ спрашуетца у маменьки у своѐ—маменька отдыхала на своёй лежанцы, на своёй кроватцы, старушачка отдыхала:—«Маменька родзимая, дзявчоночка подъ вокномъ у насъ! Маменька родзименька, выйду я къ ёй на ганокъ, позову яе къ сабѣ перья драць?» Отвѣщая старушачка, родзимая маменька: сыночакъ мой,—Богъ вѣдая, якая дзявчоночка, откуль?... Цяперъ, по гэтымъ дзѣлу, вышовъ ёнъ а ганки, давъ ёй правую руку̀: здрастви, дзявчонка! И яна яму̀ правую руку̀. Якъ

ухвацився за яе правую руку,—пярсцёночакъ зьѣхавъ съ палца ў яго у правую руку. Ёнъ яго, золотый пярсцёнокъ, уклавъ у карманъ. Цяперъ дзявчонку повевъ на кухню къ своёй послузи. Пришовъ у свой покой, сѣвъ на стулку, и зновъ жа ставъ писаць. По гэтымъ дзѣли, пошовъ енъ зновъ у кухню. Яго послуги стали яѐ осмѝхаваць, дзявчонку тую, што Богъ вѣдая якая, откудова и што. Паничъ спрашуетца у маменьки своѐ, у старушачки: «маменька родзимая, возьму я гэтую дзявчоночку къ сабѣ у покои, нехай яна тутъ перъя дзяре!» Маменька яму сказала: «ахъ, мой сынокъ, на што жъ намъ у покояхъ двѣ? У насъ жа ёсь покоёвка!»—А нехай сабѣ, маменька, удвохъ будуць! И призвавъ яѐ у покои. И посядзѣли до котораго часу, и енъ ня пусцивъ яѐ у кухню,—яна ночавала у покои.

А ў другимъ доми, у хульварку, отъ того дома можа вярсты двѣ, а можа и три, починаетца вясельля. И прислали съ того вясельля коннаго кучара и письмо, кабъ ёнъ прибывъ на тое вясельля изъ старенькой маменькой. На другое раньня, устали, маменька спрашуя у сына: «сыночакъ мой, поѣдземъ на вясельля. Можа и табѣ тамъ, сыночакъ, уподобаетца паненка!» Ну, и поѣхали на тое вясельля. Яму ня хочетца и дня перадноваць на вясельли, хочетца яму у свой домокъ на ночь. Цяперака спрашуетца у маменьки: «маменька родзимая, поѣду я къ ночи у свой домокъ: послуга наша нанятая-нявѣрная!» Маменька старушачка говора: «ахъ, сыночакъ, я ня хочу научроци ночи ѣхаць!»—Ахъ, маменька родзимая, я ли цябе заўтрашній дзень пришлю пару лошадзей и кучара!.. Маменька пусцила яго домовъ. Пераночувавъ ночку у своимъ домочку. Назаўтраго ранянько, якъ занялося на зару, спрашуетца тая дзявчонка у панича: «здзѣлай милось, ня 'ставъ моѐ прозьбы: запражи пару лошадзей и возьми два паробкѝ своихъ, хорошихъ молойцовъ!» Сыйчасъ пару лошадзей запрагли и сѣли ўчацьвярыхъ: два паробки—два молойцы—и паничъ зъ дзѣвкой. Цяперъ, поѣхали, поставили лошадзей подъ горой високой, дзѣвка кажа: «ступайця, братцы, за мною на гору!..» Пошла дзѣвка напяродъ, а за ёй паничъ, на гору на високую, а за имы два паробки ўслѣдъ. Дзѣвка присѣла на колѣнцахъ, разгарнула жовтый пясочакъ, вынила съ кармана хустку, счисцила у скрыни верхъ хусткой, чисценьку выцерла. Узяла яна ниточку и пошла, сама зъ горы за ёй покацилась скрыня, а за скрыняй паничъ идзе. А скрыня на каточкахъ коцитца зъ горы. Цяперъ, стали узнимаць скрыню да на лошадзей становиць! Со ўсяхъ силъ чуць подняли скрыню учацьвярыхъ, на лошадзяхъ поставили. Сѣли на скрыни паничъ и дзѣвка и поѣхали у домокъ. Зняли яе ли ганокъ, поставили, и ўкацили у покой.

Пославъ паничъ по маменьку лошадзей, а тоды пошовъ распораджаць своихъ паробковъ. Тэй часъ дзѣвка къ столику пришла къ паничовому, открыла скрыночку, узяла холостую бумагу и чарнило, и списала, што у яе у скрыночцы ёсь. Цяперъ, уходзя паничъ у покой, дзѣвка тая отчинила матчину скрыню, подняла вѣко верховое. Якъ подняла вѣко верховое,—увесь покой освяцило. По гэтымъ дзѣлу, паничъ дожидаець свою маменьку старенькую изъ вясельля,—узрадовався ёнъ, самъ не зная якъ дожидая свою маменьку. Полюбивъ сярдэшня дзявчоночку, понорави лася яна яму и волосомъ, и голосомъ, и ростомъ, и красою своёю. А цяперъ прихинулася яго душа и сэрца яще боли икъ ёй. А дзѣвка скрыню зачинила, у карманъ ключики уложила,

и сѣла на своёмъ мѣсци перъя драць. Пріяжжая маменька старенькая зъ вясельля и спрашуя у свойго сына: сынокъ мой родный, откуль у насъ гэтакая скрыня заможная? Отвѣчая маменьцы своёй сынъ: маменька, Богъ намъ давъ скрыню! Маменька яму отвѣчая: «ну, што жъ, мой сынокъ,—сознайся!» Енъ тэй дзявчонцы цихонько шапарнувъ: «ускрый вѣко у скрыни при маменьцы!» Яна сыйчасъ ключики съ кармана, отмыкнула скрыню и ўскрыла вѣко. Ускрыла вѣко—освяцила скрыня увесь покой! Узрадовалась старенькая маменька! «Сыночакъ мой, чаму ты на вясельля не пріѣхавъ? Паненки цябе силно сярдэшня хоцѣли, кабъ ты пріѣхавъ на вясельля!» А енъ маменьцы отвѣцивъ: маменька моя родненька, старенячкая моя! Чаго намъ на вясельли выглядаць? Наша паненка сама къ намъ прибыла!—«А дзѣ жъ яна, твоя паненка?» —А чія жъ гэто у насъ силная, маменька, скрыня? Гэто жъ паненкина! И прося маменьку старенькую, кабъ яна бословила яго зъ гэтой дзѣвкой шлюбъ узяць. Гэта маменька старенькая, хоць была и дужо старенячкая, а бачила большъ, чимся я, сляпая,—бача, што и голосомъ, и волосомъ, и ростомъ, и красой своёю яна ня прόстаго стану, яна и богословила сына. По гэтымъ дзѣлу, якъ богословила яна свойго сынка, свойго родзимаго, красиваго, росьливаго, вумнаго, и разумнаго, маменячка старенячкая, енъ сярдэшня улюбився, и не сознався, покуль зь ёй повянчався. Якъ увобралася яна до шлюбу уво всё свое одзѣяньня, дакъ освяцила суборъ божій, святую цэрковку. По шлюби, звѣньчавшися, приходзюць яны у свой домочакъ.

Цяперъ, приходзйць яе оцецъ родзимяныкій. Яна спрашуетца: «другъ мой любезный, другъ мой присяджоный, вѣрный! Позволь мнѣ румочку вина гэтому старичку своимы рукамы поднесци?» И укинула у румочку матчинъ золотый пярсценокъ у вино. Якъ выпивъ старичокъ румочку вина, и выколоцивъ на рукў пярсцёночакъ золотый.Узирнувъ на золотый пярсцёночакъ, обробѣвъ и задрыжавъ,—угадавъ. Цяперъ спрашуетца яна у свойго друга любезнаго: «позволь мнѣ, кабъ гэтый старичокъ у насъ поживъ!» Другъ любезный принявъ старичка и позволивъ яму пожиць. Живе у ихъ тэй старичокъ. Яна не сознаéтца другу любимому, якій тò старичокъ, и яго упросилася, кабъ енъ не сознався, што енъ у страдъ пошовъ. Потудова не созналася старикова дочь, покудова не ставъ старикъ жись свою кончаць.

У скоросци старичокъ жись кончивъ, и ўпрошая яна свойго друга любимаго сярдэшня, кабъ енъ гэтаго старика хорошѐ поховавъ. По гэтымъ дзѣлу, опяць прося у шесь нядзѣль отправиць старичка и памятничакъ хорошій поставиць па ёмъ. «Жана моя дорогая, жана моя любезная, другъ мой сярдэшный, объ чомъ ты стараесься объ гэтаго старичка?»—Другъ мой любезный, другъ мой сярдэшный—гэто мой родзимый оцецъ!.. Вό коли созналася!

Казка ўся, казаць нельзя—кончилася.

С. Чигрынка бых. у. Отъ кр. Марьи Николаевой, 72 л. негр. недавно потерявш. зрѣніе.

65. Юда разбойникъ.

Живъ сабѣ старикъ исъ старухой. Померъ старикъ, осталáся старуха безъ старика изъ дзяцьмы. Пожила яна годъ, ай два, покуль што было, дзѣдова старанься,

и побяднѣла яна. Тогды идзе яна дорогой и сама сабѣ думая: «якъ ба откуль узяць якій прбхвитъ? Не жалѣла бъ нйвѣсь чаго!» Сама сабѣ думая такъ.

Цяперъ, ня тутъ казано, и поткасався гэто дъяволъ. Енъ зная, што чаловѣкъ думая. И енъ идзе насупроци яѐ дорогой, у капялюши, бытто паничъ якій, и страчаетца зь ёй: «ахъ, здраствацъ, здраствацъ, бабка! Ну што ты говорила сама сабѣ, ци думала?» Якъ ёнъ вѣдая, дакъ у яе и пытаетца такъ. А яна тбитца: «нѣ, я, говора, ничбго ня говорила и ня думала!»—Нѣ, говора, бабка, ня бойсь: я жъ вѣдаю, знаю ўсё! Цяперача енъ сказавъ гэто къ ёй, дакъ яна говора: «а вотъ што я думала: штобъ откуль якій прбхвитъ—способъ узяць, не жалѣла бъ нивѣсь чаго!» Сама объ сабѣ гэтаго ня зная, што яна забярэменѣла: можа отъ дзѣда осталась, а можа отъ злучаю. Ёнъ ёй говора: «ну, говора, бабка: дамъ табѣ што угодно—грошій и золота, якихъ хочешъ, кольки угодно; тольки, што вѣдаешъ у сябе, тд твоё, а што ня вѣдаешъ, тд моё!» Яна думала, думала, перадумала и скоцину й посудзину, и ўсё своё добрд и сямъю усю,—а объ гэтымъ ня зная, што бярэмянпа. «Ну, говора, нехай сабѣ такъ: што вѣдаю, то моё, а што ня вѣдаю, то твоё!» Цяперъ енъ на яѐ говора также: «ну, бабка, отвярнися ко мнѣ плячмы и сступи задомъ трбйчи у мой слѣдъ!» Ина отвярнулася къ яму задомъ и ступила тройчи у яго слѣдъ. «Ну, также цяперъ, говора, бабка, подпишися своёй кровъю. Прорѣжъ мезянаго палца, ли бо показалася кровъ хоць чуточку, кабъ своёю кровъю потписатца!» Ну, и потписалась.

Цяпе́ръ ёнъ повёвъ яе у инбары ў своѐ, и бяри, бабка, скольки хочешъ, скольки сила твоя понéсци грошій! Ина набрала, скольки хоцѣла, и вывявъ енъ яе на дорогу, и пошла яна домовъ. И живе лучьче якого ходзяина,—што у яе ё и грошій и ўсяго.

И давъ Богъ, приходзя уремя, пора тая, што ёй треба обродзитца. И обродзилася яна, и родзила сына. Расцéць сынъ тэй, якъ на пары—на *ихъ* руку цягня—не по дняхъ, да по часахъ, не по часахъ, да по минутахъ расцéць. Жила яна годъ—два, ыли три, ыли скольки-либо продовжалося,—енъ годовъ теразъ два, теразъ три усё ровно—повный ходзяинъ ставъ. Такъ скоро росъ.

И цяперака, приходзя уремя тое, што треба яму ици къ дъяволу, ислужицъ за гэтыя гроши. Енъ прощаетца, убираетца ици. Матка у гблосъ, у плачъ. «Куды ты, мой сынокъ, пбйдзешъ? Ци табѣ ў насъ худо, ци цяжко, ци чаго нема?» Енъ отвѣщая матцы: «мовчи, мама, уздумай ты на пярядняго, што якъ ты запродала мяне: сама объ сябе ня чустовала, што я ў цябе бывъ!» Матка подумала на тое, уздумала, што правда. Некуды ёй плакаць. Енъ попрощався изъ маткой, изъ братмы, исъ сястрама, и со ўсёй своёю сямъёю, изнявъ обрáзъ, поцаловавъ, и пошовъ за гэтыя гроши отслужаваць. А самъ ня вѣдая, куды йци. И пошовъ.

Идзе дзень и другій, ци третьцій, и ня вѣдая куды. И стракаетца на дорози съ чаловѣкомъ, и говора одзинъ другому: здраствацъ!—Здраствацъ! Да куды цябе Богъ нясе? пытаетца у гэтаго мальца. А гэто—Юда разбойникъ, што убивъ бацьку и матку, и душъ повтораста людзей побивъ. «Иду икъ дъяволу отслужаваць гроши!»—Ты жъ ня вѣдаешъ, куды ици! Пбйдземъ умѣсци съ тобой, я цябе завяду, бо ты ще ня вѣдаешъ!.. Ну й пошли яны разомъ.

А енъ, гэтый Юда разбойникъ, што и бацьку забивъ, и матку забивъ, и душъ

повтораста людзей побивъ, енъ у самаго у старшаго у дъявола за кума,—дзяцей дзяржицъ. Енъ ужо такъ такій приступникъ, такій грэшникъ! Такъ усё рóвно, якъ по повѣтрію ходзя,—енъ и на тымъ свѣци, енъ и на гэтымъ свѣци ходзя. Пришли яны туды, къ дъяволу. Привёвъ енъ гэтаго мальца у комлату. Малецъ, якъ увошли, дакъ енъ и ставъ у порози, а Юда разбойникъ, якъ зная ужо, дакъ енъ и пошовъ дальше туды у комлаты. Чортъ пытаетца: хто тамъ? А енъ идзе къ яму и говора: «а гэто, говора, я, пане куме! Ну, нехай, говора, я ўжо тутъ! Даруй, пане куме, мнѣ тое слово, што я скажу?»—Ну, кажа, дарую!.. Якъ жа сказавъ, што дарую, такъ и даровавъ. У ихъ, бачъ, такъ жа якъ и ў насъ на совѣсци дзержатца. Ци сказавъ, што дарую, то й даруя, узыскавацъ ня будзя, перамѣняцъ словъ,—на правдзи дзержатца... «Ну, нехай ужо я тутъ, дакъ хоцъ ба и хоцѣвъ уцечь отсюль, дакъ и не ўцяку, и нихто мяне не ўкрадзя, ня выведзя отсюль. А гэтый малецъ, чаго енъ тутъ стоицъ? Енъ Богу душой виноватъ тольки!» А енъ кажа: яго тутъ нема! чортъ ужо на Юду. А енъ изновъ кажа: «нѣ, кажа, ёсь!»—Нѣ, нема!—«Нѣ, ёсь!» Спираютца. А ў ихъ уво всякаго своѐ лéйстры (реестры. По объясненію разсказщика—бумаги, метрики.) Тутъ енъ собравъ усихъ, дзѣ якіе были черци, и полядзицъ у лейстрахъ у яго.—«Нѣ, нема,—нидзѣ не записанъ!» Пераглѣдзивъ уво всихъ—нема.. Дзѣ якій сляпый завалявся, замарався на шметьнику, у тресьнику, сляпый, хромый, бязрукій и бязногій чортъ. Сыйчасъ и того узыскали, привяли къ яму, къ старшому чорту; што енъ надъ имы надъ усимы. И поглядзицъ у яго ў лейстрахъ, у мэтрикахъ,—ажъ енъ тутъ записанъ! Старшій чортъ говора: «отдай, говора, выпиши, кабъ ишовъ енъ домовъ, гэтый малецъ!» А кумъ жа яго, Юда разбойникъ, тутъ стоицъ и гэто слышицъ, што енъ приказуя яму. А ёнъ, хромый той, зъ имъ спираетца тожа: «О!... вы скольки маеця—по душъ по повтораста, по двѣсця, и, моо, по пятсотъ ё у другихъ, а я одну душў сабѣ наживъ, вы й тую хочеця отобрацъ, кабъ у мяне ня было соўсимъ. Ня дамъ!» А енъ говора: «отдай!!!»—Ня дамъ!!! Спирались, спирались скольки разовъ, цяперъ старшій чортъ говора: «тащиця яго у кузьню, гэтаго чорта!» И Юда тутъ жа разбойникъ стоицъ, и слыша гэто усё, якъ жа чортъ вялѣвъ того у кузьню несцъ.

Ну, цяперъ яго у кузьню притащили. И Юда сюды разбойникъ пришовъ ў кузьню смотрѣцъ, што будуцъ дзѣлацъ гэтому сляпому и хромому чорту, бязрукому и бязногому. Повялѣвъ тэй класци яго на ковадло. «Биця, говора, у два молоты!»—И смотра Юда разбойникъ. Били, били у два молоты... «Ци отдаси?»—Нѣ, ня 'тдамъ! «Биця ў чатыри!» Били, били у чатыри... «Ци отдаси?»—Нѣ, ня 'тдамъ!—«Биця у шесь молотовъ!» Били, били ў шесь молотовъ... «Ци отдаси?»—Нѣ, ня 'тдамъ!—«Биця у восямъ!» Били, били у восямъ молотовъ... «Ци отдаси?»—Нѣ, ня 'тдамъ! —«Биця, у дзесяцъ молотовъ!» Били, били у дзесяцъ молотовъ... «Ци отдаси?»—Нѣ, ня 'тдамъ!—«Биця у дванатцацъ молотовъ!» Били, били ў дванатцацъ молотовъ... «Ци отдаси?»—Нѣ, ня 'тдамъ!.. Ну, якъ жа можно больше й бицъ ужо? И што яму дзѣлацъ: етакъ ужо били—у дванатцацъ молотовъ! Ну, а якъ сказавъ, што дарую, дакъ треба жъ даровацъ, гэтаго мальца пусцицъ, кабъ ишовъ домовъ. Юда разбойникъ стоицъ тутъ жа, видзицъ, што якъ можно ще здзѣлацъ што больше, гэтакъ

били! Тоды старшій чортъ кажа: «ну, коли такъ, ня 'тдае,—тащиця яго на кумову посцель!» А Юда не зная самъ объ сябѣ, якая яго посцель; гэтаго ще ня вѣдавъ, только видзѣвъ, якъ били. Якъ сказавъ старшій чортъ: тащиця яго на кумову посцель!—такъ тэй сляпый чортъ и не захоцѣвъ на кумову посцель класцися: узявъ лейстры зъ за пазухи, сляпый, хромый, бязрукій, бязногій, да й объ землю кинувъ: «нацяя сабѣ, чортъ васъ бяри!» Тоды старшій чортъ узявъ, выписавъ зъ лейстры яго и пусцивъ домовъ. Пошовъ тэй малецъ домовъ; и живе, якъ добрый ходзяинъ. И спасъ яго Юда разбойникъ, што попросивъ у кума гэтаго слова, кабъ даровавъ яму.

Цяперъ жа узяла яго, Юду, цикавось: што гэтакъ били у дванатцаць молотовъ, да й то ня 'тдавъ, а якъ сказавъ: *на кумову посцель*, дакъ енъ и бросивъ. Цяперъ узнова просиць енъ свойго кума, старшаго чорта: «Ну, говора, пане куме, даруй мнѣ ще гэто слово, што я буду просиць?»—Дарую!... Сказавъ—дарую, то й треба даровáци. «Покажи мнѣ, пане куме, посцель мою, што я не бачивъ ящѐ яѐ!» Якъ сказавъ жа—дарую, то й даровавъ. «Ахъ, говора, пане куме, табѣ на яе не пора яще класцися; да нечаго дзѣлаць: ужо якъ сказавъ—покажу, дакъ покажу!» И яна за дванатцаць дзярей, за дванатцаць замковъ замкнута. И вялѣвъ енъ отмыкнуць замки и двери расчиниць, и говора: «идзи, пане куме, полядзи! Да не пора ще табѣ класцися на яе, дакъ ты до дзевяцеро дзярей перайдзи, а за троя дзярей не доходзь, бо не пора табѣ на яѐ класцися!» Ажъ енъ, якъ пошовъ, дакъ не дойшовъ до дзевятыхъ дзярей, только дойшовъ до сёмыхъ дзярей, и увидзѣвъ свою посцель мяккую—огонь горыць и смола кипиць, и ў тымъ огни бляха якъ огонь горыць, чѝрвона, раскипѣлася отъ огню, и на ёй выстлали посцель такую черци Юду разбойнику: и шкла набили, и гвоздзя насадзили, и шпылякъ, и голокъ—насадзили усяго! Якъ увидзѣвъ Юда разбойникъ свою посцель—та́къ енъ испужався!! И пошовъ уцекаць оттуль!

Ну, обдумався енъ самъ съ собою, и пошовъ спасатца, споведатца къ попо́мъ у цэркву. И придзя у цэркву къ попу, да—бацюшка, говора: разграшиця мяне! Я, говора, ўбивъ и бацьку, и матку, и душъ повтораста людзей побивъ. Попъ тэй думая, думая, ня придумая—якія покуты яму назначиць? што енъ такъ много награшивъ. «Нѣ, говора: не разграшу я цябе!» Ёнъ усе́рдзитца, што попъ не разграшая, не споведуя яго,—попа ў лобъ! Убье, и пошовъ дальшъ. Приходзя икъ другому къ попу: «Бацюшка, разграши мяне: я ўбивъ бацьку, матку и душъ повтораста людзей побивъ, и попа ўбивъ, што не разграшивъ мяне!» Попъ думая, думая: «нѣ, кажа: не разграшу я цябе: нема такія покуты, кабъ на цябе накласць!» Енъ усердзився—попа ў лобъ, убивъ и пошовъ дальшъ. Приходзя къ третьцяму попу: «бацюшка, разграши мяне: я ўбивъ и бацьку, и матку, и душъ повтораста людзей побивъ, и двохъ поповъ убивъ, што не разграшили мяне!» Енъ думавъ, думавъ гэтый попъ: што яму здзѣлаць? за покуту дацъ? Ня придумавъ. «Нѣ, говора, дзѣтка, ня могу разграшиць!» Такъ ёнъ и гэтаго ў лобъ. Пошовъ къ чацьвёртому—и того ўбивъ. Такимъ способомъ ходзивъ енъ, ходзивъ—и дванатцаць поповъ забивъ гэтакъ!

Тоды идзе пу̀щай. Тоды, кажуць, жили пустэльники по пущахъ, спасалися—самъ сябе спасавъ, такъ и проживавъ у лясу. Идзе отѐ енъ дорогой, пущай, и страчаетца съ попомъ—пустэльникомъ: только высвяцився, ѣдзя молодый попокъ дорогой; и енъ

яго ня ўвознавъ, што попъ, тольки замѣцивъ, што хресцикъ на шіи, на грудзёхъ, дакъ енъ догадався, ци ня духовный гэто чаловѣкъ, да говора: «Здраствацъ!»—Здраствацъ!—«Ци ня бацюшка вы, говора: ци ня духовные людзи?»—Такъ енъ говора: ага, говора, духовные!—«Ну, говора, бацюшка, разгрышиця, говора, мяне: я бацьку й матку ўбивъ, душъ повтораста людзей побивъ и дванатцаць поповъ убивъ, што не разгрышили мяне. Ну якъ не разгрышишъ и ты мяне, и цябе тринатцатаго убъю!» Попъ тэй думавъ, думавъ: што тутъ дзѣлаць? Покуль надумався, якую ка́ру даваць, покуту яму накладаць. Тогды спрашуя у яго: «добро, говора; а ци будзешъ ты цярпѣць тое, што я табѣ буду вялѣць, якую покуту накладаць?» Енъ ужо здався на тое, што буду цярпѣць, отвѣчаць.—«Ну, ходзи, кажа, за мной!» Юда пошовъ тогды услѣдъ.

Пришовъ за имъ услѣдъ у яго дворъ, у поповъ, попъ яго выспoвядавъ, а причасця не дае, бо енъ не достоинъ. И выноcя яму ножъ, большій ножъ—съ поваршина, и бяри, говора, гэтый ножъ самъ сябѣ у рукў, и би самъ сябе у сцягно, якъ можешъ!.. Енъ узявъ тэй ножъ у руку, и самъ сябе у сцягно якъ ударивъ—убивъ сабѣ у сцягно увесь ножъ!—«Вярни, говора, на́-бокъ, отламавай!» Якъ повярнувъ, такъ и отломивъ,—остався тольки кромокъ ля чаранца̀ зялѣзца того, можа на вяршокъ, ци на поввяршка. Тоды енъ яго узновъ выспoвядавъ, да й не причащая. Пошовъ, выбравъ дуба самаго бо́льшаго со всяго лѣсу, да й показуя яму: «ну, говора: зруби гэтаго дуба гэтымъ кромко́мъ, тогды при́дзешъ ко мнѣ!» Енъ яго рубивъ, рубивъ, кромавъ, кромавъ гэтымъ кромкомъ—покуль скромавъ. Ну, скромавъ, тоды и пришовъ къ попу. Попъ по́сли гэтаго дуба, што енъ скромавъ, опяцъ яго выспoвядавъ, а причасця не давъ. Цяперъ ёнъ яму вялѣвъ спалиць яго одного, гэтаго дуба, кабъ не припрата̀въ дажа ниякой цурочки къ яму, къ гэтому дубу. Паливъ енъ, паливъ (треніемъ?), ну и спаливъ енъ яго, тольки съ самаго тулова, зъ большія съ колодки. И енъ ихъ у кучу, головешки гэтыя, поскладавъ и пошовъ къ попу: спаливъ, говора, бацюшка! Тэй попъ пошовъ смотрѣць, ци спаливъ, ажнъ спаливъ. Спаливъ, а тольки теразъ гэту ночь зъ головешакъ па́ростки пошли. Тогды попъ яго выспoвядавъ, а причасця не дае. Ну, цяперича якъ выспoвядавъ, сыйчасъ яго посылая: «идзи жъ, говора, туды и туды, туды и туды, на тую и на тую, на високу на гору. Тамъ и тамъ, на тэй и на тэй, на високой на горѣ, яблонывa булава, што ты бацьку й матку ўбивъ и душъ повтораста людзей побивъ. Сходзи, яе приняси сюды!» Пошовъ енъ, яѐ принёсъ. Выспoвядавъ енъ яго зновъ, а причасця не дае. Тоды показавъ, дзѣ яму яе посадзиць. Яна ужо ссохла, обгнила и черви яе обточили... Енъ посадзивъ, и ли дороги такъ жа не далёко, ну вярстовъ за семъ отъ рѣчки. И приказавъ енъ яму у роци водў носиць, поливаць яблонываю булаву, кабъ отыйшла, прынялася. И сказавъ ракомъ повзаць къ рѣчцы и отъ рѣчки на колѣнцахъ усё, и ў ротъ воды узяць, а ў руки голюку якую, ломачину узяць. Гольлё—ломачча у ловжъ уво дну кучу, у гуру скидаць, а зъ роту водой булаву яблонываю поливаць. И ходзивъ, ходзивъ енъ гэтакъ, носивъ, носивъ, ракомъ на колѣнцахъ повзавъ, и носивъ, и поливавъ булаву яблонываю сухую, гнилую, чарвиваю, а ломачьча скидавъу грудъ, у ловжъ, уво дну кучу. Идзе чаловѣкъ, войтъ пьяный—якъ бывало пригоны служили—и говора: «ну, говора: того й того зживъ, и зживу, такую яго мацъ, водки ня купивъ, ще того

и того зживу, што горѣлки ня купивъ!» А гэто Юда усё слыша. Такъ енъ обдумався: «ахъ, нехай жа я такій одзинъ попався, што трудно и вылязци отсюль! Чаго жъ ты хочешъ заробиць гэтаго, што я?» Да ўхапивъ камень, усхапившись, да вбйту гэтому у лобъ, и забивъ. Тогды подъ яблонываю подъ булаву поповзъ, да и лёгъ отдыхаць ниць крыжомъ. Якъ лёгъ, такъ и заснувъ. Спиць три годы, ня ошинаетца. И попъ забывся на того ўжо на Юду разбойника.

Ѣдзя енъ разъ дорогой и слыша—пахнуць яблоки дужо хорошія, смашныя. Ёнъ вялѣвъ суняць лошадзей на кучара, и идзи, говора, пошукай: тутъ нѐйдзи недалёко яблонка ёсь—яблоки дужо пахнуць хорошія! Пошовъ тэй кучаръ, нашовъ яблонку и подъ яблонкой чаловѣкъ ниць крыжомъ ляжиць и мохомъ уросъ. Приходзя къ попу и говора: «ахъ, бацюшка! подъ яблонкой чаловѣкъ ляжиць ниць крыжомъ, и мохъ уросъ у яго! Такъ тэй попъ уздумавъ на тое, усхапився, соскочивъ и прибѣгая къ яблонцы: на ёй ужо яблоки поросьли... А енъ спиць ниць, крыжомъ, и мохъ уросъ. Такъ тэй попъ говора: «ахъ, Юда разбойникъ, ци не пора табѣ уставаць?» Такъ-то Богъ и давъ: якъ тэй попъ сказавъ, енъ и прошнувся и ўстае. «Ци выспався?» говора.—А выспався, отдыхавъ хорошо!.. Да й поглядавая на яблонку на свою, голову задравши. Такъ тэй попъ говора: «ну, можа, ци не пора яблоки твоѐ колоциць?» А енъ жа отвѣщая: ня вѣдаю, говора, можа й пора.—«Ну, лѣзь-ка ты, говора, колоци!» Енъ узлѣзъ, разъ колонувъ—ниякъ! «Колоци другій разъ!» Сколонувъ другій разъ—ниякъ! «Колоци, говора, яще разъ!» Якъ сколонувъ третьцій разъ, дакъ ихъ дужо много было, усё рбвно, якъ громъ загремѣвъ—яблоки. Третьцяю часць доловъ яблоковъ изъѣхало. «Колоци ще разъ!» Сколонувъ яще разъ—яще стольки. «Колоци ще!» Сколонувъ ще,—уси яблоки объѣхали доловъ! Стали смотрѣць на яблонку, ажъ на яблонцы, на самой вярхушцы, на самымъ верси, два яблоки осталося. «Ну, говора, колоци!» Сколонувъ разъ—ниякъ! «Колоци другій разъ!»—Сколонувъ другій разъ—ниякъ! «Колоци третьцій разъ!»—Сколонувъ третьцій разъ—ниякъ! «Ну, лѣзь доловъ! Вотъ жа, говора: я цяперъ уси грахи съ цябе знявъ: што й душъ повтораста людзей побивъ, што и дванатцаць побивъ,—ну бацькинъ грѣхъ и маткинъ ня могу разграшиць, гэто, што два яблоки остались!»

Выcповядавъ яго и причасцивъ. «Ну, говора, цяперъ гэтыхъ граховъ ня могу разгрышиць, а ўси грахи знявъ съ цябе. Ложися на гэтый ловжъ (ложе), што ломачча скидавъ у кучу, ниць крыжомъ!» Енъ ужо здався. Лёгъ на ловжй, узлѣзши, ниць, крыжомъ, а попъ узявъ сярничку—чиркъ, чиркъ! Подпаливъ ловжъ гэтый съ чатырохъ сторонъ.

А ёнъ не полѣзъ ужо изъ ловжа, съ огню, на ’гнй ужо остався горѣць. А Богъ сославъ ангала душу ўзяць, понѐсци къ Богу, за бацьковъ и за маткинъ грѣхъ отвѣчаць...

С. Чигиринка, быховск. у. Отъ кр. Василія Герасимова Козловскаго, 51 г., негр. Ср. у Драгоман. краткіе варіанты. (Стр. 131 и 406.)

66. Бѣднякъ и мертвецы.

Жили были два брата. Одзинъ бывъ бѣдный, другій богатый. У богатаго была бясѣда. Бѣдный братъ пришовъ къ яму, а ёнъ говбриць: «чаго ты пришовъ? Ты мнѣ

не братъ, идзи отъ мяне!» Бѣдный и пошовъ. Якъ тольки вышовъ отъ брата, дакъ не пошовъ домовъ, а пошовъ соўсимъ у другій бокъ. Ишовъ ёнъ, ишовъ, видзиць церкву. Енъ зайшовъ у церкву, помолився Богу, поклонився перадъ каждымъ обра́зомъ, и пошовъ дальше. Ишовъ, ишовъ нѣскульки дней, и подходзиць къ драмучаму лѣсу. Тольки ставъ уходзиць у драмучій лѣсъ, а тутъ и стало цямнитца. Вотъ ёнъ ишовъ, ишовъ, ужо подъ повночь. А цёмно—ничагухтынька не видаць. Тольки ёнъ пройшовъ дальше, видзиць маленькій огонёкъ. Ставъ енъ дальше ици, чуець—нѣхто говбриць. Енъ ставъ за товстымъ дзеравомъ, ажъ идуць дванатцаць человѣкъ. Одзинъ спрашуець: ну што, ци заклали тамъ сѣна кбнимъ, овса ци засыпали, воды ци налили? Яму отвѣчаюць: «усё подзѣлали, и сѣна наклали, и овса насыпали, и воды налили, досъ будзець имъ на дванатцаць дней!»—А ци хорошо заперли, ци замкнули, и дзѣ ключи положили? Яму отвѣчаюць: «усё заперли, замкнули, а ключи поклали повыше двярей!»—Ну, дбобро! Пбйдземъ!... И пошли ўси. А бѣднякъ тэй усё гето чувъ. Вотъ ёнъ обдумався, и пошовъ туды, дзѣ огонёкъ бачивъ. Пришовъ туды, нашовъ ключи, усё поразомкнувъ, порасчинивъ, улѣзъ у покои. А ѣсь яму̀ хочетца! А голодный жа заўсёгды перво ѣсь ищець. Пошовъ енъ ѣсь разойскуваць, и нашовъ разнаго пиценьня, ядзеньня—напивсь и наѣвсь. Ставъ тоды ходзиць по покбихъ. Приходзиць икъ склепу, отмыкнувъ, видзиць—одны тольки трупы ды головы! Енъ спужавсь. Али думаець: «яны жъ пошли на дванатцаць дней! Я ще справлюся!» И пошовъ дальше. Отпёръ другій склепъ, видзиць—одна одзёжа. Енъ дальше. Отперъ третьцій склепъ, видзиць—одна посуда, зылотая ды сяребраная. Пошовъ яще дальше, нашовъ чацьвёртый склепъ, зъ грошами, а гроши—усё золото ды серабро. Тоды бѣднякъ гетый думаець: ну, цяперъ я можа разживусь! Пошовъ отыйскавъ конюшню, отпёръ яѐ—а тамъ тритцаць шесь конёй стоиць. Енъ пошовъ найшовъ колёсы; запрогъ дванатцаць коней. На первыхъ троихъ коней енъ наложивъ одны трупы; на другую тройку поклавъ одной одзёжи; на третьцію наклавъ одныѐ посуды, зылотыя да сяребраныя, а на чацьвертую тройку насыпавъ грошій. Тоды собрався и поѣхавъ оттуль. Ѣхавъ, ѣхавъ, ну тольки уѣхавъ у сяредзину лѣса, захоцѣлось яму̀ крѣпко спаць. Звярнувъ ёнъ зъ дороги у лясокъ, выпрагъ кбній, ѣсь имъ давъ, а самъ лёгъ спаць у пяреднемъ возу. Вотъ енъ спиць одзинъ дзень, спиць и другій. Тоды яму почулося, —нѣхто яго будзиць. Прошнувся енъ, ажны и колесы выкачены на дорогу. Почулося яму, што нѣхто кажець: запрагай скорѣй коній, ды якъ можно ўцекай; а ня ўцячёшъ, дыкъ смерць будзець табѣ! Енъ запрогъ кбній, перахсцився и давай уцекаць. Ѣхавъ, ѣхавъ, подъѣжжаець икъ церкви. Енъ коній придзѣржывъ, а самъ пошовъ у церкву, кап помолитца Богу. Якъ пришовъ, такъ гарнецъ серабра на церкву отдавъ; помолився Богу, перадъ каждымъ обра́зомъ поклонився и опяць поѣхавъ.

Пріѣхавъ домовъ. Упяродъ за ўсяго сыйскавъ пупа́ и дзяка, и пухувавъ тые трупы, што привёзъ отъ разбойниковъ. За ховтуры ёнъ давъ попу гарнецъ серабра, дзяку давъ половина гарца, а старосту съ паламаромъ по пригоршняхъ. Справивъ хорошія ховтуры, помянувъ ихъ, якъ треба, и ставъ сабѣ жиць походзяйську.

Вотъ ёнъ живѐць сабѣ при ўсёй выгодзи. Разъ была ў яго бясѣда. Бѣднякъ позвавъ у госци свойго богатаго брата. А богатый говбриць: «куды я пойду къ тэй

*

ґоли? Што ў яго ёсь? Чимъ енъ мяне будзець честовацъ? Скоринками, ци што,—што по свѣту собравъ?» А жонка богатаго стала яго уговариваць: «ну, дыкъ што, што ёнъ бѣдзенъ, а мы богаты? Можа енъ насъ на совѣтъ зове́цъ!» Енъ послухавъ, и пошли ў госци. Якъ пришли яны къ яму, посадзивъ енъ ихъ за столъ, ставъ подносиць страву такую, якую яны ще ня ѣли и зроду. Дзивитца богатый, и ставъ распытываць у брата: идзѣ ты нашовъ стольки богацьця? А бѣдный говориць: «мнѣ Богъ давъ!»—Якъ жа табѣ Богъ давъ?—«А вотъ якъ: коли я ў цябе бывъ и ты мяне не принявъ, я пошовъ у свѣтъ. Ишовъ я, ишовъ, увидзѣвъ я церкву. Я зайшовъ, помолився, и пошовъ дальше. Ишовъ, ишовъ—присцигла мяне ночь у лясу. Тоды вышовъ я къ огню́ и ўвидзѣвъ людзей. Я ставъ за дзераво и ставъ глядзѣць, ци много ихъ: ставъ считаць, и насчитавъ ихъ дванатцаць человѣкъ. Одзинъ спросивъ: ци заложили ко́нимъ сѣна, ци посыпали овса, ци налили воды? А другій кажець: «усё подзѣлали, дось имъ будзець на дванатцаць дней.» Посли гетаго и пошли. Якъ тольки яны пошли, дыкъ я пошовъ у ихъ домъ. Якъ увыйшовъ у ихный покой, дакъ усё ровно, якъ у рай. Ставъ я ходзиць по ихныхъ склепахъ. Расчинивъ одзинъ склепъ—виджу я одны головы ды тру́пы. Я спужався. Али думаю, што яны пошли надовго, и я справлюся. Пошовъ дальше, виджу другій склепъ. Я расчинивъ—а тамъ одна одзе́жа. Я пошовъ дальше, нашовъ третьцій склепъ. Я опяць расчинивъ—тамъ посуда одна. Тоды нашовъ я чацьвёртый склепъ. Расчинивъ я яго, ажъ тамъ одно золото ды серабро. Пошовъ я тоды, запрогъ коній, насыпавъ гетаго золота и серабра, набравъ одзе́жи, посуды, наклавъ и мертвыхъ труповъ, и поѣхавъ домовъ. Пріѣхавши, трупы я поховавъ, а гето ўсё мнѣ осталось. Вотъ я съ тыхъ поръ и живу, слава Богу!»

Завидно стало богатому́: задумавъ ёнъ ици и набраць сабѣ гро́шій. Якъ тольки отъ брата пришовъ, такъ запрогъ коня и поѣхавъ. Ѣхавъ, ѣхавъ, и дзѣ тольки устрѣниць коршму якую, тамъ заѣдзець и напьётца горѣлки. А якъ уссядзиць на коня, тольки засвищиць, запяе́ць, ды й покоциць. Проѣжжаець ля церквы—не заѣхавъ, не помолився, а тольки запѣвъ ды засвиставъ, и поѣхавъ дальше. Коли хто спросиць: куды ты ѣдзешъ, человѣчекъ? Енъ кажець: богацьця шукаць! Ѣхавъ енъ, ѣхавъ, ци довго, ци коро́тко—уѣжжаець у цёмный лѣсъ. А тутъ яго и цёмна ночь обнила! Ѣдзець ёнъ дальше, и увидзѣвъ огонекъ. Енъ звярнувъ на бокъ зъ дороги, да й ставъ за ляскомъ циxенько. Видзиць—идуць людзи. Одзинъ кажець: ци заложили тамъ ко́нимъ, ци до́бро запёрли? Другій кажець: усё ладно подзѣлали; и конимъ ѣсь заклали, до́ будзець дней на восемъ! А третьцій кажець: нѣ, ня по́йдземъ на стольки; а то и яще хто обкрадзець насъ. Мы собираемъ понямногу, а хто пріѣдзець—изъ цѣлой кучи набяре́ць. Не больше, якъ на шесь дней по́йдземъ!.. Ну и пошли. А богачъ якъ тольки яны пошли, сыйчасъ сѣвъ на коня да й маршъ у разбойницкій домъ. Якъ тольки узъѣхавъ на дворъ, такъ сыйчасъ коня свойго привязавъ, а самъ и пошовъ у покои. Ну, покуль пріѣхавъ, ѣсь захоцѣвъ. Енъ пошовъ искаць сабѣ чаго зьѣсь. Нашовъ разныхъ напитковъ-наѣдковъ—наѣвся якъ треба, напився и ставъ пѣсни пѣць.

А разбойники на гетый разъ ня ўси пошли тольки увосьмярыхъ, а чатыре остало́сь дома, пилноваць, ка́бъ хто узновъ не пришовъ ды не покравъ гроши. Якъ яны почули геты пѣсни, яны пошли да й забили яго...

Жонка богатаго ждала, ждала—нячуць яе мужука. Пошла яна къ бѣдняку и говѐрицъ: «вѣрно, мойго ходзяина забито, што яго нячуць. Идзи ты яго пойщи!» Тэй и пошовъ. По дорози енъ зайшовъ у церкву, поставивъ перадъ вобразами свѣчи, помолився Богу и пошовъ дальше. Ишовъ, ишовъ, и къ ночи чуць до лѣсу добрёвъ. Идзѣць енъ по лясу ўсю ночь. Якъ тольки ставъ потходзиць къ дому, увидзѣвъ и разбойниковъ. Енъ схувався за дзераво, и яны собралиси укучу и говѐрюць: ну, на скольки дней пѐйдземъ? Другій говѐрицъ: да дней на восемъ, не больше! А третьцій кажецъ: «нѣ, ужо нихто ня будзецъ красци: мы того ужо забили!» Порадзилиси гедыкъ и пошли. А енъ ихъ, стоючи, пераличивъ, ци ўси яны пошли, капъ хто не застався дома, ды не загўбивъ яго, якъ ёнъ прѝдзецъ.

Пошовъ енъ у домъ. Ну якъ ѣсци хоцѣвъ, пошовъ искаць сабѣ пищь. Тоды наѣвшись, напившись, пошовъ кѐній запрогъ, и ставъ искаць свойго брата. Тольки расчинивъ первый склепъ, видзиць—братъ яго ляжицъ навярху. Енъ узявъ брата, усклавъ на повозку, а тоды и остальные трупы забравъ на три повозки, а на три повозки наклавъ одзѐжи, на три посуды и на три золота и серабра. И отправився домовъ. Тольки уѣхавъ до половины лѣса, якъ яму крѣпко захоцѣлося спаць. Енъ зварнўвъ зъ дороги у лѣсъ, коній выпрагъ, попривязавъ, а самъ лёгъ у пяредней повозцы и заснувъ. Спиць енъ одзинъ дзень, спиць и другій, тоды яму почулося, што яго нѣхто будзиць. Енъ прошнувся и видзиць, што яго и колесы выкачены на дорогу и кони запрежаны. Почулося яму зновъ, што нѣхто кажецъ: ѣдзь, человѣчекъ, скорѣй, а то смерць близко! Енъ якъ прошнувся, такъ сыйчасъ и поѣхувъ. Ѣхавъ, ѣхавъ, и ставъ подъѣжжаць къ церкви. Енъ опяць узявъ грѐшій и понёсъ къ церкви; ажны видзиць, у ёй служеньня нема. Енъ тыя гроши поклавъ на крылцы, помолився Богу и поѣхувъ. Якъ тольки пріѣхувъ домовъ, привёзъ пупа̀, дзяка, и похувавъ усихъ тыхъ забитыхъ. Отправивъ ховтуры по ўсихъ, расплацився, якъ слѣдоваецъ, а самъ ставъ жиць сабѣ спокойно съ своёй бабой.

Поднялись скоро яго дзѣтки. Тоды сыны и говѐрюць: «вотъ, татъ: живёмъ мы богато и ўсяго у насъ ёсь—и золота и серабра, и посуды, и одзѐжи, а живёмъ мы у гедакой курной хатцы! Построимъ мы сабѣ, татъ, новую хату!» А бацька говѐрицъ: «нѣ, моѐ сыны! Я ужо старъ, и въ гетой хатцы вѣку доживу, а вы коли хочецця, дыкъ сабѣ стройцця!» Вотъ яны стали йскаць мѣста хорошаго ли дома. Искали, йскали, и выбрали мѣсто ли дороги. Задумали тутъ построиць заѣздный домъ, бо тутъ, думаюць, мѣсто выгодно. Ну, якъ задумали, такъ и здзѣлали—выстроили домъ. И ўпросили тыки свойго бацьку покинуць курную хату и жиць изъ ими.

Тые жъ разбойники, якъ тольки вярнулиси, такъ и ўвидзѣли, што ихъ домъ обобранъ. Стали яны тоды думаць, якъ ба имъ найци своё. Вотъ яны порадзилиси, ды разбились на чатыре шайки и пошли во всѣ чатыре стороны, сойскаваць пропажу. Ходзили, ходзили, а тоды пришли утрохъ у самый тэй заѣздный домъ, и занучували. Спросили сабѣ ѣсь, имъ и подали на сяребраной посудзи. Яны видзюць, што гето ўся посуда ихная. На другей дзень яны расплацилиси, и заплацили за ўсё ўтроя дорожѣй, чимъ стоила тая вячера. Вышли за вороты, оглѣдзили хорошенько гетый дворъ. Ну енъ бывъ хоць на одзиноцы, али дужо украплёнъ. Одзинъ кажецъ: дужо крѣпокъ дворъ!

А другій кажець: «гето жъ ли насъ яще лучьче. Якъ мы пріѣдземъ сюды, то мы ўсё запромъ, и нихто ня выскочиць. И мы ўсихъ ихъ порѣжемъ, и своё добро заберомъ.» А коли яны нучували, дыкъ ходзяинъ спросивъ: «откуль вы и хто?»—Мы, каець, купцы, торгуемъ саломъ! Вотъ можа нядзѣли черезъ двѣ будземъ везць по гетой дорози сало!..

Собралиси уси разбойники домовъ и стали говорить, хто йдзѣ бывъ и што видзѣвъ. Одзинъ говорить: я ничого не нашовъ! Другій—и я ничого! Третьцій—и я, каець, ничого ня видзѣвъ, ничого не нашовъ. А гетые ўжо говорюць: «а вотъ мы дыкъ найшли того, што насъ обокравъ. Енъ уже и заѣздный домъ выстроивъ, и тамъ живець цяперъ. Якъ тольки мы пришли къ яму, ды попросили ѣсь, дыкъ ёнъ поднёсъ намъ пищь на нашай посудзи. Мы яе и спызнали, што гето наша посуда. Вотъ цяперъ и пойдземъ туды!» А другій говорить: а якъ енъ насъ ня пусциць? Тоды третьцій кажець: «а вотъ якъ мы къ яму убяромся: возьмемъ большую бочку, и дзевяць улѣзець у гету бочку, а троя останетца, тые, што тамъ были. Якъ спросиць: съ чимъ гета бочка? дыкъ нехай скажуць, што съ саломъ. Тоды укоцюць бочку у сарай, а вы сами заночуйця у особянной комлаци, капъ никого тамъ ня було. Якъ яны успятца, тоды зыпалиця свѣчку, придзиця ў сарай, насъ выпусциця, а тоды ужо мы ихъ порѣжемъ и вещи своё забяромъ!»

Такъ и здзѣлали. И поѣхали. Ѣхали, ѣхали, стали подъѣжжаць икъ заѣздному дому, схували тыхъ товаришовъ у бочку, а ўтроихъ остались. Пріѣхали, попросилиси нучуваць. Енъ пусцивъ ихъ, показавъ имъ сарай, идзѣ коній ставиць и бочку, давъ замокъ, капъ замкнуць, и отвёвъ ихъ у особянную комлату. И давъ свѣчку, капъ ночьчи полядзѣць коній лучьче було. Давъ Богъ ночь, ходзяинъ запёръ вороты, позамыкавъ усё и лёгъ спаць. У самую глушъ, у повночь, коли ўси спали, разбойники гетые устали, запалили свячу и хоцѣли йци выпускаць тыхъ. Тольки вышли на дворъ—чуюць, нѣхто ѣдзець изъ звонкомъ. Яны спужалиси, потушили скорѣй свѣчку, и пошли ў свою комлату. А тэй, зъ звонкомъ, подъѣхавъ къ воротамъ и ставъ будзиць ходзяина. Будзивъ, будзивъ—гукавъ, гукавъ—ниякъ не догукаетца. Пославъ енъ тоды кучара черезъ заметъ пералѣзци, ды подъ вокно кричаць, капъ енъ прошнувся. Чуць-ня-чуць добудзилиси того ходзяина. Уставъ ёнъ, отпёръ вороты, упусцивъ того человѣка. Тэй увыйшовъ у хату, и попросивъ, капъ дали чаго цёплаго, согрѣтца. Ходзяинъ наставивъ самуваръ, подавъ яму. Тэй напився, обогрѣвсь и говорить: «ну, человѣча! табѣ сядьни будзець страшная ночь!» И поѣхувъ. Ходзяинъ запёръ за имъ вороты и узновъ лёгъ спаць.

Тые жъ разбойники устали, свѣчку запалили и пошли выпускаць тыхъ разбойниковъ. Тольки вышли на дворъ, чуюць—играець полковая музыка, кричаць ура! бъюць у барабаны! Яны потушили скорѣй свѣчку и пошли у свою комлату. А тая музыка усё ближе, ближе, и подыйшовъ къ гетому дому цѣлый полкъ солдатовъ. Обступили дворъ и стали будзиць ходзяина. Будзили, будзили,—не прошинаетца. Пералѣзли яны черезъ заметъ и стали у вокно кричаць. Узбудзили яны и говорюць: «хто у цябе ёсь?»—Енъ каець: трое купцовъ!—«Покажи ихъ!» Енъ повёвъ ихъ показаваць. Якъ тольки показавъ, такъ енаралъ сказавъ солдатамъ убиць ихъ. Солдаты разсѣкли двохъ пополамъ. Тоды ходзяинъ ставъ просиць ихъ: «што вы гето робице? якъ гето

можно?» А енаралъ кажецъ на того на третьцяго разбойника: идзи, покажи ваша сало! Узяли солдаты гетаго разбойника, привёвъ ёнъ ихъ къ бочцы. Разбили солдаты бочку, ажны тамъ дзевяцъ человѣкъ разбойниковъ! Солдаты и засѣкли ихъ усихъ.

Тоды енаралъ говбрицъ ходзяину: «гето тые разбойники, идзѣ ты грошы бравъ. Вотъ яны пришли перво ўтрохъ развѣдацъ, а цяперъ пришли уси, кабъ васъ порѣзацъ и гроши своѐ узяцъ!» Тоды ходзяинъ спрашаваецъ у ихъ: «а хто жъ вы такіе ёсь?»—А первый, што пріѣжжавъ и разбудзивъ цябе,—гето братъ твой! Якуратъ у гетое самое уремя разбойники хоцѣли цябе загубицъ. Ну якъ почули звонокъ твойго брата, спужались и потушили огонь. Тоды, якъ братъ поѣхувъ, яны зновъ устали, запалили огонь и пошли выпускацъ тыхъ, што сидзѣли у бочцы. Ну якъ почули нашу музыку, спужалиси и зновъ схувалиси у комлату! Я енаралъ, забитъ бывъ разбойниками. Ты мяне похувавъ умѣсци зъ братомъ. А солдаты—гето тэй народъ, што ты оттуль вывозивъ, ды хувавъ. Мы до того уремя, покуль ты насъ не похувавъ, были ни на тымъ свѣци, ни на гетымъ! А цяперака ты ѣдзь туды, у тэй домъ, забяри усё ихное добро, а домъ спали, и споживай усё. А цяперъ прощай, цяперъ цябе нихто ня тронецъ!..

Съ тыхъ поръ ставъ тэй ходзяинъ тамъ жицъ, ды поживацъ безъ усякаго страху.

Г. Сѣнно. Записана кр. дер. Синицъ, остров. вол. сѣннен. у. Тимофеемъ Синкевичемъ.

Въ м. *Черѣя*, того же у. записана эта сказка съ слѣдующими измѣненіями:

Разбойники складывали деньги въ амбарѣ, который по словамъ: «Софіинъ, Софіинъ, отчинися!» отворялся, а по словамъ: «Софіинъ, Софіинъ, зачинися!» затворялся. У бѣдняка была дочь *Заранка.* Богатый братъ давалъ бѣдняку осьмину мѣрять деньги, и по приставшей къ осьминѣ монетѣ узналъ о богатствѣ бѣднаго брата. Разбойники привезли товарищей въ *кожаныхъ* бочкахъ, подъ видомъ оливы. Труповъ бѣднякъ не погребалъ. Его спасла дочь Заранка, заливъ смолой всѣ отверстія въ кожаныхъ бочкахъ, въ которыхъ было десять разбойниковъ. Два же другіе, желавшіе жениться на Заранкѣ, были ею убиты.

67. Злыдьни.

Жили сабѣ два брата пôплячъ. Яны подялились, и одинъ ставъ богато жить, а другій—што даляй, дакъ бядьнѣя. Вотъ пошовъ разъ бѣдный у шинкъ, напивсь горѣлки, узявъ съ собой у глёкъ, иде домовъ да пяе. Прислухаетца—ажъ хтось за имъ иде и ўслѣдъ пяе, подмогая. «Хто йто за мной услѣдъ пяе?»—Мы!—«Хто вы?»—Твоѐ злыдьни! Мы жъ усюдахъ за тобой ходимъ! Вотъ бѣдный и кажа: «Хочетя горѣлки?» —Хочемъ! «Ну, лѣзьтя у глёкъ, тамъ горелка вамъ ёстяка!» Яны ўлѣзли у глёкъ, а енъ хутчѣй узявъ да ихъ заткнувъ тамъ. А тогды што здѣлавъ? Выкопавъ ямку, да туды глёкъ и закопавъ у ямку.

И ставъ енъ съ тыхъ поръ поправлятца, и побогатѣвъ. Богачу жъ стало ето завидно. Приходя енъ къ бѣдному и ставъ распытавать у того, якъ енъ побогатѣвъ, съ чаго? Той узявъ, да ўсё и расказавъ. Вотъ той богачъ пошовъ на тоя мѣсто, дѣ были закопаны злыдьни, выкопавъ злыдьнявъ и ототкнувъ глёкъ. Енъ жа думавъ,

што злыдьни зновъ пóйдуть икъ брату жить, ажно яны стали за имъ услѣдъ ходити, яго смоктати. И здѣлавсь той богачъ прабѣднымъ чаловѣкомъ, прагоркимъ пъяницомъ.

Гомельск. у. Ср. Драгоман. 413.

68. Горе.

Якъ живъ сабѣ дзѣдъ изъ бабой и ня було у ихъ дзяцей. И жили яны дужо бѣдно. Штò яны ни сѣяли, ничого имъ не родзило. У гэтаго дзѣда бывъ дужо богатый братъ; ёнъ гэтаго бѣднаго дзѣда не почитавъ дажа и за брата. Разъ дзѣдъ кажець на бабу: «жана моя любезная, што намъ тутъ жиць? Чаго мы тутъ доживёмся. Поѣдземъ мы ў свѣтъ, куды кони пóйдуць, однакъ уже ня будзець хуже, якъ тутъ!» Дужо имъ было дренно жиць.—«Ну, што жъ, дзядулька, поѣдземъ!» Пошовъ дзѣдъ запрагаць коній. Тольки яны стали выбиратца, ажъ чуюць яны—плачець дзяцёночикъ за печкой. Баба тоды кажець: «дзядулька, вóзьмемъ мы гэтаго дзяцёночка, однакъ у насъ дзяцей нема!» А дзѣдъ кажець: нѣ, ня будземъ брацъ—гето наша горе! Баба стала плакаць и кажець: «коли мы яго ня вóзьмемъ, дыкъ и я не поѣду!»—Ну, баба, коли ты уже хочешъ яго ўзяць, дыкъ я яго упихну у бутлю—у мяне ёсь большая!. Упихнули гэтаго дзяцёнка у бутлю и поѣхали. Дзѣдъ кажець: «ня будземъ управляць конёмъ. Куды ёнъ пóйдзець, туды и мы поѣдземъ.» И поѣхали. Конь пошовъ у лѣсъ. У лясу тамъ сцéжачка. И поѣхали яны по тэй сцежачцы. Ѣхали яны, ѣхали цѣлый дзень. Стало ужо смеркатца. Дзѣдъ видзиць—рѣчка, а кыло рѣчки травка зялёненькая, и кажець баби: заночуемъ мы, баба, тутъ! Баба кажець: заночуемъ! Распрогъ дзѣдъ коня, пусцивъ яго попасываць на травку, а сами лягли спаць. Дзѣдъ, лежавши, уздумавъ про гэтаго дзяцёнка. Ёнъ цíхынько уставъ, узявъ бутлю, привязавъ яѐ за вяровку и кинувъ у рѣчку, а конецъ привязавъ за кустъ. Прошнулася баба, нема дзяцёнка: «дзѣ дзѣвся дзяцёнокъ?» И стала плакаць. Поплакала, поплакала, а тоды запрагли коня и поѣхали дальше. Ѣхали, ѣхали, прiѣжжаюць подъ хольвáрикъ. Тоды дзѣдъ баби кажець: не поѣдземъ у хольвáрикъ такими старцами, а лѣпи выкопаемъ тутъ землянку и будземъ жиць!.. Злѣзъ дзѣдъ съ коня и ставъ копаць землянку. Копавъ, копавъ, чуець, нѣшто тамъ стучиць. Ставъ енъ копаць, ажъ тамъ скрыня грошій. «А бабочка жъ моя, кажець: полядзитку, у мяне цѣлая скрыня грошій! Я выкопавъ!» Дужа яны узрадовалиси. Пошли, купили сабѣ гэтый хольварикъ и мужиковъ. Мужики были дужо бѣдные. Дзѣдъ давъ имъ по троху грошій. Яны дужо были рады гэтому и дўжо яго слухали. Стали яны работаць, лѣсъ рубиць, новые хольварки строиць. И разбогацѣвъ тэй дзѣдъ ящо больше.

Захоцѣвъ енъ тоды зьѣздиць къ тому богатому брату. И говòриць баби: баба, я поѣду къ тому брату! А баба кажець: «чаго табѣ ѣхаць? Енъ тоды вырекався насъ, а цяперъ ты ўздумавъ къ яму ѣхаць.»—А нѣ, кажець дзѣдъ, поѣду!.. Справивъ сабѣ хорошую одзёжу и поѣхавъ. Прiѣжжаець туды къ брату, а братъ яго не ўвознавъ, думавъ, што къ яму прiѣхавъ якiй помѣщикъ. Позвавъ яго у комнату, ставъ частоваць, и пытаетца: откуль вы? Енъ кажець: «Якъ гэто вы мяне не ўвознали,—я жъ вашъ братъ!» Ёнъ тоды ставъ пытатца: «якъ гэто ты добывъ такое богатьця?»—Да

было у насъ, кажецъ, гбре у хаци. И якъ ставъ я выѣжжать, то яно скинулось, якъ рабёнокъ, и плакало за печкой. Я не хоцѣвъ брацъ, али баба стала плакаць, капъ узявъ. Я тоды усадзивъ яго у бутлю и повёзъ. Ѣхали мы, ѣхали и занучували кыло рѣчки. Я ўзявъ, цихынько привязавъ къ бутли камень и кинувъ яе у рѣчку, а конецъ привязавъ за кустъ на бéрази!—«И цяперъ яно тамъ ёсь?»—Ёсь!—«Покажи ты мнѣ, дзѣ яно?»—Дóбро, ѣдзь со мною, я табѣ и покажу!.. Енъ и поѣхавъ. Пріѣжжаюць яны туды, тоды дзѣдовъ братъ и кажецъ: вынемъ! А дзѣдъ кажецъ: «на што? Ня треба!» А енъ узявъ и выцягнувъ бутлю. Поглядзяць, ажъ гэтый дзяцёночикъ дужо хўдый. Богатый братъ яго оттуль вынявъ и кажецъ: идзи къ свойму ходзяину! А горе кажецъ: «нѣ, не пойду. Енъ мяне бивъ и топивъ, енъ ня добрый. Я пойду лучьче къ табѣ!» И общапився кыло яго. Што енъ ни дзѣлавъ—ниякъ няможно зняць. Повёзъ у дворъ, и скоро здзѣлався такимъ бѣднымъ, якъ бывъ яго братъ. А тэй дзѣдъ ставъ жиць сабѣ съ своёй бабой богато и щасьливо.

Г. Сѣнно.

69. Два брата.

Жили сабѣ два брата: одзинъ живъ богато, а другій бѣдно. Богатый живъ при ўсёй выгóдзи, самъ не работавъ, а тольки ходзивъ ды красовався, бо мавъ паробковъ много, што на яго работали.

А бѣдный живъ у вяликой нўждзи. Тольки тымъ и кормився, што коли рыбы наловиць. Вотъ разъ гэтый бѣдный припозьнився на рацѣ, и занучувавъ тутоцьки пыдъ комяжкой. Вотъ, ночьчи приходзюць сюды три черцянкѝ. Сѣли яны ны комяжцы и стали гыворицъ, хто йдзѣ бывъ, дзѣ што видзѣвъ, дзѣ што дзѣлавъ. Вотъ одзинъ черцянóкъ говóрицъ: вотъ я поддзѣлывъ штуку, дыкъ поддзѣлывъ: разбуривъ мостъ у прудзи. Тамъ цяперъ скольки мужуковъ съ коньми работаюць, и ниякъ не направюць. Ну тутоцьки соўсимъ глупáя вещь: узяць, три разы на пятуху завезць зямли ў лапци, и мостъ поправитца. Молодзецъ будзецъ тэй, хто догадаетца! А другій черцянóкъ говóрицъ: ну братъ, и я здзѣлывъ хорошую штуку: паню загодзивъ. Даюць три тысячи тому, хто яе вылячиць, ну нихто не бярéтца. А тутъ соўсимъ глупáя вещь: узяць, лягушку разодраць и помазаць яѐ. Вотъ и ўся штука. Молодзецъ будзець тэй, хто догадаетца! Третьцій говóрицъ: а я закопавъ пыдъ бярозой три гарцы серабра. Хицёръ будзець тэй, хто нáйдзець ихъ!.. Поговорили яны гэтыкъ и разыйшлиси.

Тоды тэй, бѣдный мужикъ, вылѣзъ съ пыдъ комяжки, откопавъ три гарцы серабра, направивъ мостъ у прудзи и вылячивъ паню. И ставъ енъ дужо богатъ. Богатому жъ брату стало завидно, чаго енъ такъ скоро ставъ богатъ. Приходзиць ёнъ къ бѣдному и ставъ распрашуваць. Тэй усё яму и разсказавъ, якъ было. Тоды богатый пошовъ и лёгъ пыдъ комяжкой. Ночьчи приляцѣли черцянкѝ, сѣли ны комяжцы и стали говорицъ. Першій кажецъ: ахъ, братцы, нѣхто нашовся, и поправивъ мостъ у прудзи! А другій кажецъ: и мою паню нѣхто вылячивъ. Третьцій кажецъ: ну, братцы, и моѐ жъ гроши нѣхто побравъ! Ци нема, братцы, кого тутъ, ци не

подслухáець хто? Перавярнули яны комяжкў, ажъ мужикъ, якъ прутъ, ляжиць. Ну, яны яго ухвацили и поцягнули у водў.

Енъ и цяперъ яще плаваець по водзѣ.

Д. Тютьки, сѣнн. у. Кр. Кириллъ Аникіевичъ.

70. Чортовая мацъ.

Жило сабѣ такъ два браты: одзинъ бывъ богатый, а другій бѣдный, енъ яго и за брата не считавъ. Вотъ и злучилося у богатаго вясельля. Позвавъ енъ и яго на вясельля; тольки счотъ тэй, што позвавъ!

Ну, бѣдный, якъ ни старався, выстарався хлѣбецъ, и пошовъ къ яму на вясельля. Пришовъ да й стоиць у порози, а богатырь частусць госцей, и не глядзиць на брата. Бѣдный подышовъ, поцалувавъ яму ў рукў и говóриць: прими, брацецъ, мой хлѣбецъ! А енъ говóриць: «идзи къ чортовой мацери!» Енъ заплакавъ, и пошовъ домовъ къ баби, и говóриць: пославъ мяне братъ чортовы мацери искаць! Узявъ ёнъ тэй самый хлѣбецъ и пошовъ. Ишовъ, ишовъ, пришовъ у лѣсъ. А тамъ стоиць хатка. Енъ пришовъ у хатку, а тамъ баба. «Чаго ты пришовъ сюды?»—А чаго шъ? Пославъ мяне братъ чортовы мацери искаць! Яна кажець: «а я сама ёсь чортовая мацъ!» Отдавъ ёнъ ёй хлѣбецъ, яна яму и говóриць: «ну, идзи шъ къ мору, а тамъ обярнўтыхъ три лотки. Ты подлѣсь подъ лотку, и слухай, хто што будзець говориць!» Енъ пошовъ, подлѣсъ подъ лотку и сядзиць. Идуць три пары чарцей. Первая пара говоруць: «вотъ я сяньни здзѣлавъ штуку: у царськія дочки жаба!» (болѣзнь)—А якъ бы гэто направиць?—«А вотъ якъ: узяць, подняць у мосци доску, мостницу, а тамъ лягушка *короватая*. Узяць яѐ, раздзерци и вымазаць языкъ. Яна и поправитца!» А другая пара говоруць: «а я здзѣлавъ штуку: прудъ моловъ на семъ камянёвъ, а цяперъ ставъ и ня мелець.»—А якъ яго направиць?—«А вотъ якъ: узяць колъ осиновый, и ўдариць объ камень, и пóйдзець молоць!» А третьцяя пара говоруць: «а я штуку здзѣлавъ: вода, гдзѣ была—у рѣчкахъ, возярáхъ, у болотахъ—усюдахъ перасохла!»—А якъ яе направиць?—«А тамъ на поли стоиць ку́стъ лозовый. Узяць, за вихоръ яго колонуць, и пóйдзець вода!»

Давъ Богъ дзень, вылѣсъ енъ исъ-подъ лотки и идзéць. А тутъ за дохторами ѣздзюць, шукаюць, хто бъ вылѣчивъ царевну. Енъ и говóриць: я дамъ рады! Тутъ яго сычасъ узяли, приставили къ царю. Енъ поднявъ мостницу, тамъ сядзиць лягушка короватая. Енъ узявъ яе, раздзёръ, и вымазавъ языкъ. Яна и поправилась. Дали яму платы, скольки яго змога, и запрагли тройку лошадзей, и вязуць яго. А тутъ ходзюць, плачуць... «Чаго вы тужиця?»—Да вò прудъ моловъ на семъ [камяневъ, а цяперъ ставъ.—«Ну, я направлю!» Узявъ колъ осиновый, якъ давъ по камяню, и пошло молотца. Заплацили яму и тутъ хорошо. Ѣдзець ёнъ дальше, а тутъ умираюць безъ воды. «Ну, кажець, постой: я направлю!» Пошовъ на поле, а тамъ стоиць кустъ лозовый. Енъ узявъ яго за вихоръ, якъ колонувъ—и пошла усюдахъ вода. Яму й тамъ заплацили дóбро. Пріѣхавъ енъ домовъ и ставъ богатый.

А тэй жа богатырь позавидовавъ яму, и такъ жа само пошовъ къ мору и подлѣсъ

подъ лотку. Приляцѣли черци и говоруць: «вотъ, братцы: мы што поддзѣлали, нѣхто й поотдзѣлававъ. Ци ня бывъ хто тутъ?» Отвярнули лотку, а тамъ богатырь ляжиць. Яны яго й расцерзали на часточки.

С. Замочекъ, сѣнн. у.

71. Богатый братъ и бѣдный.

Жили два браты: одзинъ бывъ быгатый, а другей бѣдный бывъ. Одзинъ расъ быгатый братъ яго устроивъ баль. Пришовъ гэный бѣдный къ гэныму быгатыму брату, быгатый и говорѝць: «ня приму я цябе ны свою баль!» И прыгнавъ гэныго бѣдныго. А ёнъ ды зынимався рыболовъемъ. Рассердзився ёнъ ны брата и пошовъ. Ишовъ, ишовъ, приходзиць къ вызярỳ. Видзиць, стоиць кымяга; кылы кымяги мурованыя хатка. Пошовъ ёнъ къ мурованый хатцы, ашъ стыниць человѣкъ. Пыдыйшовъ ёнъ къ яму и ставъ просиць у яго лотки, рыбы пыловиць. Давъ тэй яму лотку, енъ сѣвъ и поѣхывъ. Ловивъ, ловивъ—усё дробненькыя рыпка ловитца. Ныловивъ енъ яе много и думыець: ци ловиць ящо, ци ѣхыць домовъ? Али думыець: закину-тку я ящо расъ! Закинывъ енъ вуду, пычавъ ловиць рыбу ну повнуду. Пыловивъ трошку, и ўловивъ такую рыбину, што й зъ роду такея ня видзивъ. Стала гэна рыбина зь имъ гымониць, и стала у яго проситца, капъ ёнъ яѐ узновъ у водỳ пусцивъ. А енъ ня пускаець, ды ў торбу ўклыдаець. «Якъ я цябе, каець, буду пущаць, кыли я бѣдный; мнѣ нечего ѣсь, а ты ящо просисься, капъ я цябе пусцивъ!»—Ну, кыли такъ, дыкъ укладзи ко мнѣ ў ротъ рукỳ и дыстань тамъ колцо зылотое!.. А енъ боитца, капъ я̇ а ня 'ткусила яму руки, и говòриць: «ты мнѣ хочешъ рукỳ откусиць!»—Нѣ, ня бойся, уклыдай! Ну, енъ дыставъ тое колцо и спрашыець: «што мнѣ зь яго за польза?»—Ня бойсь, будзець польза! Выкидай-тку пыскорѣй усю свою рыбу, ды кладзи колцо у кымягу! Енъ выкинувъ усю рыбу, ды ня ўспѣвъ и кылца пыкласци, якъ кымяга грошій повна стала. Тоды енъ *узятчи* яе и пусцивъ. А самъ пріѣхывъ къ берагу, здзѣвъ штаны, здзѣвъ сорочку, ныклавъ грошій повно и пошовъ у дворъ. Пришовъ у дворъ, высыпавъ грощи ды й думыець: што тутъ робиць? Столькі грошій я маю. Ци строиць мнѣ новыю хату, ци нѣ?Али думыець: построю! И построивъ, лѣпше, чимъ у брата. Устроивъ баль пы ўлазины, а брата не пызвавъ. Тоды тэй братъ пысылаець къ яму свойго сына ды й говориць: «сходзи-тку ты, пылядзи, што у яго ёсь тамыцьки ны бали?» Енъ пошовъ, пылядзѣвъ, ды скорѣй пызатъ: «татычка ты мой! у цябе того немашацька ў скрынцы, што ў яго кылы порога!»—Пызови-тку яго сюды: я ў яго рыспытаю, идзѣ ёнъ столькі быгацьця нажывъ! Пришовъ гэный бѣдный братъ къ яму, и рыскызавъ усё, якъ было. Тоды тэй думыець: «пойду-шъ-тку й я зловлю гэткыю рыпку; я буду тоды быгацѣй зы яго!» Пошовъ енъ къ тэй хатцы, увыйшовъ туды, склонився и ставъ прòсиць у ихъ лотки. А гэно были людоѣды. Яны яго схапили, пурубили ды ў котлы поўкидали. Жонка й дзѣци ждали, ждали. «Нѣшто нячуць яго? Пòйдземъ-тку пушукаемъ!» Пришли туды, увыйшли у тую хатку, ды й пытаюць: «ци ня видзили мойго мужука?» А яны ничòго не кажуць, ды ножи подъ сэрца ткаюць. Зыкололи и ихъ.

Тоды ўсё ихныя быгацьця дысталыся тому брату, бѣдный што бывъ.

С. Лучиновичи, сѣнн. у.

72. Правда и Кривда.

а, Начномъ скóзку, а не скóзку, да приказку, скозка будзя зоўтра пусли убида, пудъивши мяккаго хлиба.

Були саби два хлўпцы, удзинъ звовся Кривда, а другій Прóвда. И ходзили яны пу кусочкахъ. Такъ Провда пруся хлиба, а Кривда крадзя. У Провды хлиба нема, а ў Кривды пувна кóйстра. Удзинъ разъ завяли яны мижъ собку свóрку: якъ лучьче жиць? Кривда кóжа: кривдой лучьче жиць! А Провда кóжа: нѣ, провдой лучьче жиць! —«Ну, худзéмъ дорўгой, куго попадуимъ, у того й попытаамъ, чимъ лучьче жиць—ци правдою, ци кривдою? Ишли, ишли, и бóчуць—на пўли пасе дзидъ овецъ. «Зáйдомъ къ яму, попытóемся!» Приходзюць къ дзиду. «Здростуй, дзидъ! Искажи ты нóмъ, якъ лучьче жиць, ци кривдою, ци прóвдою?» Дзидъ подумавъ, подумавъ, задрóвъ вўчи ўгору и кожа: «кривдою лучьче жиць, а прóвдой цяперъ ня проживéшъ. Кривдой живши, скорій што-нибудзь укрóдзешъ: ци ў пона лйсу укродзешъ, ци хлиба ўкродзешъ, усё тыки бульше ѐ. А прóвдою идзй шту вўзьмешъ?» Прóвда кожа: «нѣ, ня прóвду, дзидъ кожашъ! Прóвдой лучьче жиць. Худземъ, Кривда, дóли!» Пройшли дóли по дорузи, и бóчуць—йдуць жиды. «Дувóй попытóемъ у етыхъ жидўвъ.» Здуровы, купцы! —Здуроў, здуроў, хлупцы!—«Искажиця вы нóмъ, якъ лучьче жиць—крйвдою, ци прóвдою?»—А шту жъ? Кривдою лучьче жиць! И мы вўтъ живомъ кривдою: куго не подмóняшъ, и нема ничўго! Тугды Кривда кóжа Прóвдзи: «а шту, пе казóвъ я таби, шту кривдой лучьче жиць?» Пошли изнувъ дóли. Провда захоцйла йсци и прўся у Кривды: дóй мни, бротъ, хлйба, хуць кусўчакъ! А Кривда кожа ямў: «дай, я таби выколю вуко!»—Нà, коли Бўга не боисься! Кривда выколола вўко и дала хлйба кусўкъ. Юнъ (ёнъ) зъивъ, и пошли дóли. Провда изнувъ захоцйла йсци. Бротъ, дой мни хлиба яще!» Кривда кожа: дай я выколю другое вўко! Провда дала выколоць вуко другое. Кривда выколола вуко и дала хлиба яму. Тогды кóжа: «шту жъ, я цябе цяперъ водзиць буду сляпўго?» Кинувъ ды й пошуў.

Провда пўповзкомъ, пўповзкомъ ды й войшла ў лисъ. И чуя, хтусь говўра юй (ёй): идзи ты етой сцéжкой, и прйдзешь ты акъ ручайку, и помый вўчи: ты будзешь бóчиць. Тугды глёнь удоль по ручайку, убóчишъ большўго дуба. И ты ўзлизь па гэтаго дуба и тóмъ ночуй. Злецятца ў ночи пудъ гэтаго дуба розное змяй*ю* (змѣйё—собир.). Шту будуць казóць, ты ўс*ю* (всё) слўхай. *Ю*нъ тóкъ и зробивъ. Зляцилися змяй*ю* на ночь. Удзинъ кожа: я тóмъ-то бувъ вутъ. Другій кожа: а я томъ-то. А третьцій кожа: «а я вутъ у королювськой дочки; кўльки литъ мучу яѐ ўже, и нихто ня мўжа вылячиць. Кобъ такій найшувся, узёў—у воднаго купца ю (ё) на ворутахъ Бужаа Мóцеръ—узёў тую викону, да спусциў изъ яе воды, да дóвъ юй напитца, я бъ тугды ниразу не поляциў, и яна бъ була здоруваа за 'дзинъ чóсъ!..» Якъ стовъ дзень, Прóвда *злизла* зъ дуба и *пошуў* акъ купцу, акъ тому. «Дзень дўбрый, купецъ!»—Здуроў, здуроў, Прóвда! А чаго ты пришуў?—«Я пришуў, дóйце мни гэту Бужаю Мóцеръ!»—Я таби домъ яѐ, тўльки отслужи мни гудъ за яе!.. Прóвда остóўся служиць. Прошуў гўдъ. Купецъ грўши (гроши) дае, а Бужія Мóцери не дае, затымъ кобъ яще гўдъ послужиў юнъ. Юнъ буў столаръ дўбрый: дзилаў рóзныя стулки,

столы дурогіе. Юнъ жа грўшій не бярэ у купца. А купецъ Бужія Моцери ня дае. Остоўсь яще гудъ служиць. Прослужиў два годы. Тугды купецъ отдаў яму Бўжаю Моцеръ. Юнъ узёў и пошоў акъ королю. Королювськія слуги ня пускаюць яго. Юнъ и кожа: скажиця королю, шту я пришуў лячиць паненку. Слуги сказоли королю. Корўль яго съ охвўтою принёў; накормиў, напоиў и доў яму часы два отдыхнуць. Провда отдыхнуў и пошуў акъ паненцы. Спусциў зъ Бужія Моцери воды и доў юй напитца, и спырснуў ны яе трўхи (трохи—немного). Яна стола здорувaа. Тугды прихўдзя корўль и пытоетца: «вылячиў?» А яна упěрадъ зы яго отко́зуя: «я ўже здурова!»—Ну, шту жъ,—ты жанотый, ци холўстый!—«Холўстый!»—Ну, буду жаниць я цябе на своюй дочцы!.. Жаниў Провду на паненцы. Вясельля згулёў дўброе: горэлки було три сўтки (сотки) съ пулувиной! Пожиў Провда годы два и кожа: «тота! я пойду ў свою (своё) сяло!» Корўль яму позвўлиў. Юнъ собрóўся ѝхаць, прусиітца и паненка услйдъ. Юнъ узёў съ собўй и жўнку, и пойхали у свого сяло.

На дорўзи сустриўся юнъ исъ Кривдой. И юнъ Кривду угадоў, а Кривда яго ня ўгадола. «Здуроў, Кривда!»—Здуроў, здуроў, ваша сьёцелство! Тульки я ня вйдаю, хту вы такія юсцека?—«А ци вйдаешъ ты Провду, шту ты юй вучи колўвъ?»—Видаю, видаю!.. Стовъ на колйнцы и умоляа Бугомъ: «просци мни, шту я таби здзилаў!»—Ня бўйсь, ня бўйсь, ня будзя ничўго. Я й таби нарóю токъ. Идзи вутъ у гэтый лисъ, и нойдзешъ сцёжку. Пўйдзешъ ты етой сцежкой, и нойдзешъ ты ручаюкъ. Помыешъ вўчи и глёнешъ удовжъ ручайка, убочишъ большўго дуба. Узлизь на яго и заночуй!.. Кривда ето здзйлаў усю, шту казола Провда. Зляцйлися змяйю подъ дуба на ночь. Удзинъ кожа: я томъ буў! Другій кожа: я вутъ томъ-то буў! А третьцій кожа: «а я, бротъ, шту тугды казоў, дакъ тўе усю и здзилалося: нйхто (нѣкто) найшуўся такій, шту ўзёў мяне да й выгнаў. Ци не сядзиць, бротъ, тўтъ хтў на дуби, ци не слухаа юнъ, шту мы раскозуемъ?» Узёў змій и ўзлизъ на дуба. «Э, бротъ! дакъ ёто ты тутака сядзишъ и ўсю слухаешъ, шту мы кожамъ!» Узёў яго за куўнеръ и скинуў яго зъ дуба.

Рассыпаўся юнъ на семсўтъ кускўў, и здзилалося семсутъ шинкуў. И цянеръ у ихъ горэлку пъюць.

С. Озераны, рогач. у. Записано г-жей Шекунъ. Ср. Афан. в. I, стр. 63.

6. Жили сабѣ два браты, и занимались яны торговляй—гоняли корабли съ товарами. Вотъ разъ ѣдуть по мору яны, и стали споритца. Больший кажа: «моя луччая жисть! Я кручу да мотаю, на душў хватаю, дакъ чаёкъ успиваю, а ты правды дяржисься, не вячеравши спать ложисься. А меньшій кажа: нѣ, моя луччая жисть! Спорили, спорили, нихто никого не пераспора. «Ну, нехай, говорать, кого устрѣномъ на мори, да якъ ёнъ разсудя, такъ и будя!» Ѣдуть дальше, и стрѣли пана. И давай говорить яму объ своимъ спори. Большій кажа: «я кручу, мотаю, на душў хватаю, чаёкъ успиваю, а ёнъ правды дяржитца, не вячеравши спать ложитца!»—Вѣрно, говора панъ: хто правды дяржитца, усягды не вячеравши спать ложитца. И такъ, што большій братъ съ паномъ осудили меньшаго брата, отнять у яго усѣ чисто товары, што яму нема ничого. А пана принявъ къ сабѣ за товарища, большій братъ.

Посадили яны яго удвохъ у лёхкаю лотку и вывязли на востровъ и кинули яго тамъ. А пбсли раздумалисъ: «будя йти другое судно, и енъ насъ догоня, увидявши. Пбйдомъ, вочи повыкалуямъ, ёнъ ня будя бачить, куды мы поёдомъ!» Вярнулись и повыкалували вочи.

Ёнъ повзавъ, повзавъ по вострову, и сляпуючи забився подъ дубъ у кореньня. Стала ночь. Чуя ёнъ, штось прилятѣло и сѣло на дубъ, а тогды другое и третьтяя и ще, и ще. И давай мижда собой говорить. Одинъ говора: «вотъ, я якъ прозвёвъ сяньни! Што братъ брату вочи повыкалувавъ!» А другій говора: «ага, а коли бъ енъ тутъ бывъ, да ето чувъ, уставъ рано, да ставъ росу збирать, да вочи мазать, то бъ и бачивъ! То жъ якъ я штуку удираю! Якъ тольки грэблю насыплять, работаять цѣлый мѣсяцъ—а я за часъ порву!» А третьтій кажа: «ага, а коли бъ енъ тутъ бывъ, да ето чувъ, да затясавъ колъ пярѐворотянъ зъ другого конца, да съ пярѐлятка (перелѣтка) съ чорнаго барана съ подъ правыя пахи вовны пастригъ, да забивъ наухрастъ, да якъ тольки ты повѐрняшъ, коли бъ енъ кинавъ туды колъ, то бъ ты и ирвать закаявся! То жъ якъ я—дакъ королевскаю дочь обязумивъ: яна рубахи на сабѣ рве да ѣсть, людей ѣсть. Дакъ яѐ засадили у тямницу, што тольки одно вокошачко па два вяршки кругомъ!» А чатвёртый говора: «ага, коли бъ хто тутъ бывъ, да ето чувъ, да ўзявъ пашаго старшаго ковёръ тутъ, да розостлавъ, да сказавъ: няси мяне на брынскій лѣсъ у пустыню, да ўзявъ хрэстъ тамъ, да полятѣвъ къ королевской дочцѣ, да тымъ храстомъ благословивъ яѐ, дакъ ба ты у вокошко гнёвсь, гнёвсь, и шкуру бъ полузавъ!» Запѣли пѣвни, яны и полятѣли.

Ёнъ вылязъ, да ставъ кругомъ дуба собирать росу, да мазать вочи—и ставъ бачить. Увидявъ енъ ковёръ, узявъ разостлавъ яго, сѣвъ на яго и кажа: коверъ мой любый, няси мяне на брынскій лѣсъ у пустыпю! Коверъ и понёсъ туды. Уходя енъ къ монаху и разсказавъ, што чувъ. Давъ ёнъ яму хрэстъ. Енъ вышовъ, сѣвъ опять па ковёръ: ковёръ мой любый, няси мяне туды, идѣ рвѐтца грэбля! Ковёръ и понёсъ Енъ спустився, приходя къ майстрамъ: «што у васъ чуть?»—А ничого нячуть, тольки вд—грэблю рве!—«Э, я бъ здѣлавъ, што не рвало бъ больше, коли дастѐ сто карбованцовъ!» Дали яны яму сто карбованцовъ, епъ затясавъ колъ зъ другого конца, у пярѐлятка выстригъ вовны, наухрастъ забивъ у колъ, и ставъ. А яны ўже наладили. Якъ тольки *ёнъ* повярнувсь ирвать, а енъ туды коломъ! То *енъ* у водѣ ажъ завищавъ! Вотъ и кинавъ ирвать.

Ёнъ опять разостлавъ ковёръ: «коверъ мой любый! няси мяне туды, дѣ обязумилась королевская дочь!» Енъ и понёсъ. Остановились вярсты за три отъ города. Пошовъ енъ пѣшки, у городъ. Попросивсь тамъ ночавать, и спрашуя у ходяина: «што тутъ чуть у васъ?»—А чуть, што королевская дочь обязумилась. Намъ слышки идуть, што коли бъ хто вылячивъ, то бъ король принявъ яго къ сабѣ упримы!—«Э, я бъ вылячивъ!» Тутъ, ня ўспѣвъ пяраночавать, а слышки ўже перададяны, што тамъ и тамъ ёстяка такій чаловѣкъ, што бярѐтца вылячить королевну. Пришли солдаты, обкружили той домъ, дѣ ёнъ ночававъ и ўзяли яго. Вотъ и повяли яго туды, дѣ была королевна. Отвалили завалъ и ўпихнули яго туды. А яна, голая, разявила ротъ и бяжить къ яму. Енъ узявъ и благословивъ яе храстомъ. Якъ полѣзъ у тое вокошачко чортъ, якъ полѣзъ—што й тямница затращала! Ну, якъ тольки вышовъ зъ яѐ

чортъ,—ёй стало стыдно. Яна упала перадъ имъ ницъ. Енъ тогды напранувъ яе своёй одёжой, яна ўстала и попросила часовыхъ, штобъ ёй принясли яѐ одёжу. Подали ёй одёжу; яна одѣлась, и вышли яны обнявши и пошли у домъ. Якъ увыйшли яны у домъ, тогды яна прибралась, и пошли у церкву, повяньчались, и ёнъ ставъ наслѣдникомъ.

Вотъ, чаразъ скольки уремя пригоняя къ яму братъ товаръ и приходя у яго домъ. Ну, однача ёнъ принявъ яго за гостя. Тогды той ставъ распрашувать: якъ ето ты суды зайшовъ? Енъ яму говора: у мяне ё такій ковёръ, што куды скажашъ, туды енъ и нясе. Тогды ёнъ яму отдавъ корабля съ товарами, а ёнъ яму отдавъ ковёръ. Сѣвъ енъ на яго: «ковёръ мой любый, няси мяне, гдѣ ты бывъ!» Ковёръ понёсъ яго подъ дубъ. Дождавсь енъ ночи, прилятаять на дубъ тые самые и говбрать: «вотъ, той, што братъ вочи выколовъ—ёнъ уже королёмъ! А яковѐ то табѣ, што ты ирвавъ грэблю?»—Ага, говора: якъ я тольки повярнувсь, енъ якъ удара мяне коломъ пѐ голови, дакъ я повгода лячивсь. А яково то табѣ было, што ты королевну обязумивъ?—Ага, кажа: якъ увыйшовъ у тямницу, да благословивъ храстомъ, дакъ я гнёвсь, гнёвсь у вокошко, и кожу полузавъ чисто на сабѣ, цѣлый годъ лячився.— «Дайка мы, братъ, спустимсь, ти ня тутъ енъ слухая!» Спустились подъ кореньня, а ёнъ сядить. Ну, тутъ яго на мелкія части порвали...

Гомельск. у.

в, Жила гэдыкъ Кривда и Правда умѣсци. Али ныраdзилиси яны пойци абыкуды ў свѣтъ. Ишли яны, ишли, али зыхоцѣлося Правдзи ѣсци. Тоды Правда кажець: «ци вѣдыешъ што, Кривда?»—А што? «Ды вѐ што: я ѣсци хочу!»—Правдзишняя правда! Вотъ правда, дыкъ правда!—«А чіё-жъ мы будземъ ѣсь?»—Будземъ сабѣ твоё ѣсци, кажець Кривда.—«Ну, будземъ!» Подъѣли яны Правдзинаго, и пошли дали. Ишли, ишли, узнова зыхоцѣла Правда ѣсци. «Ци вѣдыешъ што, Кривда?»—А што?—«Ды я ѣсци хочу!»—Правдзишняя правда! Вотъ правда, дыкъ правда, што ѣсци хочетца!—«А чіё жъ мы будземъ ѣсци?»—Ды будземъ ужо твоё доѣдаць! Выняла Правда своё, и зьѣли удвохъ. Зьѣли, и пошли дали. Пройшли яще троху, Правда узнова зыхоцѣла ѣсци, и кажець на Кривду: «Я ѣсци хочу, давай цяперъ будземъ твоё ѣсь!»—Нѣ, кажець Кривда: я не дамъ свойго ѣсци!—«Во, правдзишняя кривда! Вотъ кривда, дыкъ кривда: якъ моё, дыкъ ѣла, а свойго ня хочешъ даць мнѣ!»—Ну ўжо, кыли даси воко выкылоць, дыкъ дамъ ѣсци! Правда думыла, думыла: якъ тутъ здзѣлыць? Ѣсци дужо хочетца, хўць ты ўмирай. «Ну, нѐ, кажець, коли!» Кривда выкылыла воко, и дала Правдзи ѣсци. Подъѣли яны Кривдзинаго и пошли дали. Ишли яны цяперъ довго, али зыхоцѣлося узнова Правдзи ѣсци. «Ци вѣдыешъ што, Кривда?» кажець яна.—А што?—«Ды, кабъ ты знала, мнѣ ѣсь хочетца!»—Правдзишняя правда, што ѣсци хочетца! Вотъ правда, дыкъ правда!—«Ну, дывай жа, будземъ ѣсци твоё!»—Нѣ, не дамъ!—«Вотъ правдзишняя кривда! Вотъ кривда, дыкъ кривда: якъ моё, дыкъ поѣли удвохъ умѣсци, а свойго дыкъ вотъ, цяперъ не даёшъ мнѣ!»—А дай, выкылю другое воко, дыкъ дамъ ѣсь! Правда зыплакыла ды думыець: якъ ба здзѣлыць? А ѣсци хочетца, хуць умирай.—«Нѐ, кажець, колй!» Выкылыла Кривда другое воко Правдзи и дала ёй ѣсци. А покуль яна ѣла, дыкъ Кривда яе и кинула, а сама пошла дали.

Правда подъѣла, ды тутыцьки и осталыся: бы куды ици бязъ вочъ? Лежала, лежала на 'днымъ мѣсци, и заснула. И соснилося Правдзи уво снѣ: «повзи ты, Правда, на росу, ды жменькой росы на вочи ўзли!» Прошнулыся Правда, поповзла на траву и узлила жменькой росы на вочи. Тò бачила Правда хорошо, а то стала бачиць ящо лучче! Пышла Правда дали. Ишла, ишла, видзиць, стыяць у бору колоды съ пчала́ми. Правда хоцѣла узяць, зьѣсци меду, а пчолы кажуць: «нярушъ насъ! Мы табѣ нѣкыли будземъ знадобны!» Правда подумыла, подумыла: а можа и правда, можа коли яны будуць знадобны! Минула яна гэтыхъ пчолъ и пошла дали. Прошла дали, ѣсь ёй хочетца! Бачиць яна гнѣздо на дзерави. «Полѣзу, думыець, хуць птушиныхъ яецъ подъѣмъ!» А птушка кажець: нярушъ мойго гнязда! Я табѣ—нѣкыли буду знадобна! Правда подумыла, подумыла: а можа и правда, можа коли яны знадобятца! Покинула гнѣздо, ды й пошла. Ишла, ишла, зайшла ў хульварикъ, ажны тамъ Кривда ужо стала зы лакея. Нанявъ панъ Правду къ сабѣ зы 'конома. Ну Кривда увознала Правду, а Правда увознала Кривду. Жили яны, жили, али Кривда думыець: якъ бы тутъ зжиць Правду? Думыла, думыла, Кривда, али надумылася. У пана ня було дзяцей, и панъ дужо хоцѣвъ дзяцей. Тоды Кривда-лакей пошовъ къ пану ды кажець: «паночакъ, нашъ акономъ кызавъ, што ёнъ можець дыставиць вамъ дзяцёнка!» Призвавъ панъ аконома: «дыставъ, кажець, мнѣ дзяцёнка!»—А йдзѣ жъ мнѣ яго узяць?—«А дзѣ хочешъ! мнѣ што за дзѣло!» Вышовъ акономъ на дворъ и плачець. Ажны ляциць птушка: не плачь, кажець: будзець табѣ дзяцёныкъ! Поляцѣла Богъ вѣдыець куды па поле, ухвацила у бабы дзяцёнка и принясла къ аконому. Акономъ яго и отдавъ пану.

Тоды Кривда ўзновъ набунтувала пану: «а паночакъ, нашъ акономъ кызавъ, што енъ за ночь церкву выстроиць, тольки звоновъ не почепиць, и пераксциць гэтыго рабёнка!» Позвавъ панъ Правду: «построй, кажець, мнѣ церкву за ночь, тольки звоновъ ня вѣшай, и пераксци гэтыго рабёнка. А кыли гэтыго ня здзѣлыешъ, дыкъ я цябе съ свѣту зба́сую!» Вышла Правда на дворъ, ды якъ заплачетца! Ажно ляциць пчала: «ня бойсь, кажець; усё будзець готово, тольки идзи спытайся у пана, идзѣ церкву стновіць?» Панъ скызавъ пыстновиць церкву ны пугурку. Тоды пчолы якъ узялиси, и пыстновили церкву зъ вузы. Нызаўтраго идзе́ць панъ съ Кривдой у церкву, нясуць рабёнка. Увыйшли у церкву—у церкви ўсё чисценько ёсь. Пераксцили рабёнка; панъ отдавъ яго Правдзи домовъ зане́сци, а самъ съ Кривдой заставсь у церкви, разглядуваць церкву. Ходзили, ходзили, а совнійко пригрѣло—ву́за и растала. Церковка повалилась, яны тамъ у бузѣ и пропали. А Правда засталася у тымъ хульварку жиць, пыживаць.

Сънн. у.

По другому варіанту, панъ, убѣдившись въ клеветѣ Кривды, заставилъ его лѣзть на стогъ, «што остався отъ чатырохъ годъ», и играть тамъ на скрипкѣ. Когда Кривда сдѣлалъ это, панъ поджогъ стогъ, и Кривда сгорѣлъ.

Сказокъ, подъ назв. Правда и Кривда, у бѣлоруссовъ весьма много. Въ нашемъ распоряженіи находилось до десятка списковъ. Въ нѣкоторыхъ сохранились миѳологическія черты. Напр. въ одн. сп. къ дубу, на которомъ сидѣлъ ослѣпленный братьями поборникъ правды, собрались медвѣдь, волкъ и лисица. Къ нимъ подошолъ старенькій

дѣдокъ и въ разговорѣ сообщилъ, что роса, собранная въ ночь на Купалу, способна возвращать зрѣніе; что при бездождіи и слѣдствіи его—голодѣ—слѣдуетъ отвалить большой камень отъ рѣки, и тогда пойдетъ дождь и прекратится голодъ... Въ др. сп. вода высыхаетъ въ царствѣ оттого, что въ нее вброшена собака облупленная и „напханая" соломой. Появляется вода снова оттого, что „трохъ годъ жарабецъ да трохъ годъ молодецъ" выбрасываютъ эту собаку. Сказки о правдѣ и кривдѣ см. у Афан. в. I, стр. 63, вып. V, стр. 56, вып. VI, стр. 102; у Худяк. вып. II, стр. 46; у Чубинск. стр. 45, 386.

75. Чортъ злодѣй.

Живъ сабѣ дзѣдъ да баба. Жили яны при большой бѣдносци. Коли выпросюць у кого зернятъ, змелюць, ды пополамъ съ попеломъ спякуць прѣсночо́къ—объ тымъ и жили. Вотъ разъ пошовъ дзѣдъ у по́ля, узявъ съ собой свою шавлюгу, и пяньки узявъ. Поѣхавъ и ставъ орацъ. Оравъ, оравъ, захоцѣвъ ёнъ ѣсци. Тоды ёнъ выпрогъ свою шавлюгу, пусцивъ шавлюгу на лугъ, а самъ сѣвъ на ўзмежку и ставъ съ пяньки вяровки вицъ. Вивъ, вивъ, ажны приносицъ баба яму прѣсночокъ. Положивъ дзѣдъ коло сябе прѣсночо́къ, ставъ кончацъ вяровку, ажны выскакуецъ чортъ и схапивъ прѣсночо́къ. Дзѣдъ зиръ—нема прѣсночка̀! Полядзицъ, ажъ чортъ побѣгъ у болото. Дзѣдъ за имъ. Увыйшовъ енъ у палацы у красивыя, ажны тамъ дужо много чярцей. Пришовъ дзѣдъ къ старшо́му чорту и спрашіецъ: дзѣ мой прѣсночо́къ? А енъ кажецъ: шукай у молодыхъ черцянковъ, бы старый гэтымъ заниматца ня будзецъ! Дзѣдъ кажецъ: разѣвайця роты! Яны разину́ли, енъ и увидзѣвъ свой прѣсночокъ у черцянка̀ у роци. «Во, кажецъ, мой прѣсночокъ!» Тоды старшій чортъ говрицъ тому черцянку̀: «на што ты гэто здзѣлывъ? Яны й такъ бѣдны! Возьми, дзѣдъ, яго служицъ къ сабѣ, хай отслу̀жицъ!»—Куды я яго буду брацъ? Што ёнъ будзецъ у мяне дзѣлыцъ, мнѣ самому ѣсь нечаго! Ну, алитку узявъ,—добро, думаецъ, дровъ у лѣсъ зьѣздзицъ!

Привёвъ яго домовъ. Достали яны сабѣ жменьку жита. Енъ кажецъ: «давайця мнѣ молоцъ!»—А нѣ, мы сами змелемъ, намъ самимъ нечаго дзѣлыцъ!—«Нѣ, давайця!» Отдали яму молоцъ. Енъ моловъ, моловъ, уже й хлѣбъ замясили, а ўсё повны жорны муки. Стали яны яе у засѣкъ сыпацъ, сыпали, сыпали, и насыпали повенъ засѣкъ. Тоды яны думаюць сабѣ: дадзёмъ яму молоцъ и пшаницы жменьку! Достали жменьку пшаницы у сусѣдзей, ставъ ёнъ яѐ молоцъ, и намоловъ повный засѣкъ пшонныя муки. Достали яны тоды жменьку ячменю; енъ и съ тыѐ жменьки намоловъ повный засѣкъ ячменныя муки. Живе́цъ дзѣдъ изъ бабой ужо ладно!

Стали яны тоды землю пахацъ. Черцяно́къ тэй туды-сюды пывярнувся—усё поле и спахавъ. «Што цяперъ, дзѣдъ, будземъ дзѣлацъ? Во́зьмемъ у пана издзѣльно лядо высѣчь, ды посѣемъ пшаницы!» Узяли яны лядо. Енъ яго за 'дзинъ дзень разсѣкъ, узоравъ и пшаницу посѣявъ. Зародзилася пшаница добрая. Стали дзялицъ. Гэтый жа черцяно́къ кажецъ дзѣду: нехай панъ возицъ возами, а я табѣ буду носицъ ношками. Панъ сабѣ думаецъ: што то возъ, а што то ношка! Усё-тку возъ больше! Ну, выславъ енъ коній. Панъ жа узявъ съ поля дзесяцъ возовъ, а тэй засиливъ усё остальное ды поцёгъ.

Тоды енъ говрицъ дзѣду: ну, дзѣдъ, поѣдземъ у дровы! Привёвъ дзѣдъ яго къ лозѣ, а чортъ кажецъ: нѣ, я гэтыхъ дровъ сѣчь ня буду, покажи мнѣ товстыхъ!

Привёвъ дзѣдъ яго у боръ. «Ну̂, кажецъ, цяперъ идзи сабѣ у̂ дворъ, я й безъ цябе у̂правлюсь!» Пошовъ дзѣдъ домовъ, а чортъ наваливъ колодъ съ кореньнемъ, наклавъ на шавлюгу дровъ, чуць не подъ небо, сѣвъ на возъ и вязѐцъ, ды такъ вязе́цъ, што и чацьверикомъ не догонишъ! Ѣдзецъ панъ на чацьверику и пристаюць кони. Енъ тоды, тэй панъ, говôрицъ: давай мѣняць кôній! Чортъ кажецъ: давай! Помѣняли яны коній и поѣхыли. Пріѣжжаецъ енъ икъ дзѣду на чацьверику: «эй, дзѣдъ, отчиняй вороты, вязу дровы!» Отчинивъ дзѣдъ вороты, бачиць чецьвярикъ коній.—«Што жъ ты, кажецъ, пріѣхывъ на чацьверику,—у мяне жъ сѣна нема!» Пошовъ тоды чортъ икъ пану молоциць, сѣно заробляць. На бицюкъ узявъ бервяно, на цѣпилно узявъ балку и ставъ молоциць—сыйчасъ усё й пымолоцивъ. Пошовъ къ пану: паночекъ, я пымолоцивъ. Коли будзеце ласковы, дайця мнѣ румку горэлки! Панъ узрадовався: а йдзи, миляенькій, у склепъ! Тамъ горэлка стоиць и закусиць ёсь чимъ! Чортъ пошовъ, попивъ горэлку, поѣвъ хлѣбъ, сыръ, ветчину, и приходзиць къ пану: «дзякуй, паночекъ: выпивъ, закусивъ. Ци не дали бъ мнѣ нôшачку сѣна?»—А вунъ тамъ у лѣси, за ракой, стоиць стогъ. Идзи, наскуби сабѣ ношку. Чортъ пришовъ, узявъ стогъ обмотавъ вяровками и понёсъ. Увидзѣвъ войтъ: «ахъ, паночекъ, вы казали ношку паскусць, а ёнъ увесь стогъ поволокъ!»—Ахъ, кабъ яго! Выпусциця на яго двохъ быковъ бодливыхъ, хай яго забодаюць! Выпусцили двохъ воловъ, а чортъ тыхъ воловъ за вуши ды на стогъ, и понёсъ. «Ахъ, кабъ яго! Пусциця скорѣй двохъ парсюковь, хай яму лытки оборвуць!» Пусцили парсюковъ. Енъ и тыхъ за вуши, да на плечи, и понёсъ. Приносиць, сѣно па дворѣ постновивъ, а быковъ и парсюковъ у хлѣвъ загнавъ. И ставъ дзѣдъ жиць походзяйську.

Прослуживъ чортъ годъ и кажецъ: «дзядулька, отправъ мяне домовъ!»—А йдзи, моё дзицятко, зъ Богомъ!.. Тоды чортъ опяць кажецъ: «дзядулька, пусци мяпе домовъ!»—Да йдзи жъ, моё дзицятко, зъ Богомъ! Чортъ тоды узнова спрашіецъ: «пусци мяне, дзядулька, домовъ!» А дзѣдъ якъ разсердзитца: «а йдзи ты, кажецъ, къ чорту!» Ёнъ тоды зароготавъ и побѣгъ.

С. Замочекъ, сѣнн. у.

Сказка записана во многихъ варіантахъ. Иногда чертъ наказывается непосредственно старшимъ чертомъ, безъ жалобы дѣда, за то, что крадетъ хлѣбъ, положенный на окно простынуть, или табакерку, положенную дровосѣкомъ-бѣднякомъ на пень, или за то, что толкаетъ въ грязь дѣда и пачкаетъ на немъ чужую свитку. Тогда чертъ приходитъ къ дѣду подъ видомъ работника и усердно служитъ годъ, или три года. Когда, по прошествіи срока, дѣдъ хочетъ удержать его, какъ хорошаго работника, чертъ открываетъ ему, кто онъ такой и за что наказанъ. Въ одномъ варіантѣ финалъ такой: Чертъ, придя къ пану молотить, сложилъ на току снопы и поджогъ ихъ. Солома перегорѣла, и панъ увидѣлъ, что его хлѣбъ весь вымолоченъ: зерно въ кучѣ, мякина въ другой, солома тоже цѣла. Тогда панъ наложилъ полно гумно снопов и поджогъ ихъ—и сгорѣлъ самъ, и гумно, и снопы. А дѣдъ тогда сталъ жить на мѣстѣ пана.

76. Сестра и братья—орлы.

У якомъ-сь сялѝ такъ було, живъ старикъ. У яго бульшъ ня було, опру̂чь два сынà, и матка ихъ, сынувъѣвъ тыхъ бярэмянная була. Пунюсъ юнъ паску пусвяцаць на вяликодьня. Тугды юнъ прину̂ся паску пусвяцивши, а яны бъютца. Тугды юнъ гувора: «ахъ, сынки вы моè! бъяцюсь вы, якъ урлы якія!» Тугды яны узнялись и пуляцили,

якъ урлы, якъ юнъ сказо́въ. Тугды яны пупло́кали межда субой: «вýтъ, було два сынувъя, и тыхъ нема! Застолися удны!» Ну яны кýльки то̀мъ пробулй, гýдъ али повгýда, а рудзила таа баба дочкý саби. Таа дочка сто̀ла русци, разумнѐць. Дзйци на вулицы сто̀ли смиятца дочцы дзидовой, а тымъ сынувъюмъ сястры: «вутъ, каа, бацька твуй колдунъ: сынувъюў пудзилаў урлами!» Тугды яна, пришуўши домýў, сто̀ла пло̀кацъ: «до̀йця мни хлиба и койстручку. Хуць викъ, гувора, буду стражджацъ, а братýў своихъ буду шукоцъ.» А бацька зъ маткой ня пускоюць, плочуць: дзи ты ихъ но̀йдзешъ? А яна гувора: пруп̀оли яны, прупаду и я, кулй ихъ не найду! Ну, тугды узяла яна саби торбучку и пушла, куды вучи глядзяць. Яна ишла и дзэнь и нýчь, и прихýдзя у пущу у такую, штý тýльки небо ды зямля,—ня вѝдаа, куды яна сама идзѐ. Яе нýчь убняла, яна сычо̀съ пудъ е́лучку и обнучувóла. Тугды назбýтраго усто̀ла, кýльки-нибудзь прыйшла́. А то̀мъ стуиць домýкъ неболшій. Ли туго думка бъютца два урлы. Яна убочала и запло̀кала. Ну, сычо̀съ у тую хо̀тку увыйшла. Увыйшла—дви порцыи хлиба лежаць на стулй и два стаѓаны (*ѓ=g*) вуды. Яна сычо̀съ увошла, удного куска хлиба уткусила и другого; удного стаганьчика утпила и другого. Сама на печку узлизла и ляжиць. Такъ теразъ нѐскульки урэмя яны подзилались такими мулуйцами, акъ бы и такій нарýдъ. Цяперъ яны уходзяци у тую самую хо̀тку. «Ахъ, броцецъ—удзинъ удному гувора—шту, гувора, но̀мъ Бугъ даѐ прупитаньня, и тое нѝхто дзйля зъ нами!» Тугды яны сйли за стулъ и повужинали. *) Тугды яны сычосъ объ сырую зямлю удо̀рилися, и здзилалися узноў урлами, у пуляцѝли битца. Тугды самаа таа порцыя на стули и сто̀ла, акъ была: два стаганы вуды и двѝ обярцѐньки хлиба. Таа сястра то̀къ жа само и здзилала: утломила утъ удного 'бярценька и утъ другого, и утпила вуды съ удного стаганьчика и зъ другого, а сама упяць на печь схувóлась. Тыя браты, побившиси, узновъ приляцѝли, подзилалися такими людзьми, якъ ба надо, увыйшли у хо̀тку, пудыйшли къ стулý и гуворуць: «ахъ, Гýсподзи! штý но̀мъ дае Бугъ прупитаньня, и то нихто утбираа. Ци худый, ци дубрый—вылазь, обищайся! Хту тутъ утбираа Бужаа прупитаньня?» Яна вышла зъ за печки и сле́зно запло̀кала. Яны пытоютца у яе: хтý ты *такій*? Яна гувора: я ваша сястра! Меньшій гувора: у носъ ня було сястры! А бульшій каа: «якъ жа, у но̀съ матка застало̀сь бярэмяннаа. Можа и тошно, шту наша сястра. Ну, кули жъ ты наша сястра, дыкъ ты онямій на три гуды, дыкъ насъ узвурýцишъ; а кули ня выдзержишъ, дыкъ насъ дали запратаешъ!»

Дыкъ яна, суслязнýшись, пушла. Идзе Бугъ знаа куды. Ишла яна дзень и нучь, на другую нучь усхýдзиць такъ; пудыйшла то жъ само пудъ бярузку, заночлежилась. Ну, заночлежилась, а яе субо́ки опацовали. Юй нельга кричаць, дыкъ яна на бярузку узлизла. Ето жъ охвýциуся царській сынъ. Чуя юнъ, субо́ки цахляць, да на 'дномъ мйсци, никуды не бягуць. Ну, тугды юнъ приходзя къ бярýзи. Убо̀чиў яе на бярýзи и ко̀жа: зло̀зь! Яна мовчиць. Юнъ кричо̀ў, кричо̀ў—мовчиць. «Ну, ци нямый, ци глухій, хто ни *гось*—злазь долýў!» Тугды яна злѝзла и пло̀ча. Юнъ яѐ за рукý и повюў у двýръ, гусударській сынъ. Ну, тугды юнъ прихýдзя домýў и гувора на матку: «ну, глядзи жъ, матушка, я хо̀чу зь *юй* пожанитца!» А яна гувора: ты куго

*) Въ озеранскомъ говорѣ слово *ужинать* означаетъ ѣсть „ци въ ранцы ци въ дзень“, но не вечеромъ.

*

пупадзёшъ у лиси—ци нямого, ци глухого,—то ўсё таби хурошое, то ўсё ты хочашъ пубрацъ ихъ! А юнъ утвѣчаа: ци нямаа, ци глухаа, а будзя муя жана! Матка дужо не хоцила, кабъ юнъ яе броў, а оцецъ изь имъ хоциў. Ну, юнъ и ожаниўся. Пожили яны нискульки урэмя зь юй, сычасъ у никотўромъ царстви пудымдетца вўинство и требуюць ихъ—бацьку съ сыномъ—на тое вуинство. Ну, юнъ сычасъ пойхаў зъ бацькомъ, и кинуў яе бярэмянную,—яна забярэменила. Яны прубыли томъ кульки гудъ, мо гудъ пяць, ци кульки томъ—тугды яна рудзила два сына, а ихъ яще ня було уттуль. Свякруха оглѣдзила, што яна рудзила два сына и дужо пригожія: у вуднымъ уву лбй сонца, а звиздочка-зараньница у потылицы, а ў другимъ мисячко уву лбй, а звиздочка-зараньница у потылицы. Ну, тугды *юй* нельга було ще гуворйць. Свякруха за ихъ, обаихъ пубрала ды ў склепъ у такий, шту нихту не хўдзя туды, и замкнула. Яна жъ тульки плбча. Ну, тугды сила матка таа, пиша сыну: «вутъ, сынўкъ! я казбла таби—не жанись на юй: рудзила яна ни щанятъ, ни субачанятъ, нема якъ, каа, ихъ и писацъ!» Ну, а юнъ отписуў юй: «ну, хуць и коценяты, ду мойго пріизду кабъ цылы були!» Ну сычбсъ, дўвго ня думаючи, юнъ пріихуў оттудува, и то, и спрбшуя у матки: «дзи моè дзици?» Яна каа: «вупъ тбмъ я у склепъ поўкидбла ихъ, шту яны никуды неспосўбны!» Юнъ тугды съ сэрца пушўў, туй склепъ разломбў. Тульки разломбў, ажъ тўй склепъ увесь зьяя, и яны у розныхъ тьвитахъ сидзяць. Ну, цяперъ юнъ побрбў тыхъ сынўў, а матка на сустрйчу идзе. Юнъ выхопиў мечъ, да на матку каа: «вутъ, матушка, ты хоцила дви души загубиць, дыкъ я удну загублю!» Ды ўзяў матку и засикъ. Тульки матку засикъ, тые браты приляцили урлами, и ударились объ сырую зямлю, и стбли такими людзьми, якъ бы й надо. Ну, яна сычбсъ, таа нямаа, загуворила, убняла свуихъ братўў, поцалувблись. Тугды царській сынъ вывяў чецьвяро кўній, узёў, запрогъ, заброў своихъ швагроў и жану съ сынами, и пойхаў къ свойму тьсцю. Кбзка скўро скбзуетца, ды ня скўро дзйло дзіялось. Отцуроўся царській сынъ и цбрства, што матка плўхо хуцйла здзилацъ

С. Озераны. Отъ кр. Сераф. Мих. Коновалова, 25 л., неграмотнаго.

77. Церква восковая.

Живъ сабѣ дѣдъ изъ бабой, и яны были дужо богатые. Мѣли яны дванатцать паръ воловъ, дванатцать паръ конёвъ, на сябе и на людей по *шесть* паръ. Бывъ у ихъ одинъ сынъ. Ожанили яны яго и живутъ такъ, и живутъ. Ставъ батька умирать, и ставъ ёнъ приказавать сыну: гляди жъ, сынокъ: якъ я дѣлавъ, такъ штобъ и ты дѣлавъ! Померли батька зъ маткой, ставъ жить сынъ на томъ ходяйстви. Живъ енъ такъ, якъ и отецъ, помогавъ бѣднымъ. Вотъ разъ пришло къ яму подъ вокно и говора: ти ты лучь будешъ горавать за молодостю, ти перадъ старость? Думавъ ёнъ сабѣ, думавъ, ниякъ ня придумая. И спрашуя у жонки: якъ мнѣ казать?—Кажи: лучь за молодостю горавать! Енъ такъ и сказавъ. И ставъ енъ съ тыхъ поръ бядьнѣть, и чаразъ кольки уремя не стало у яго ничого: ни грошій, ни хлѣба, ни скотины. Живъ енъ, живъ, дожився до того, што ѣсти нечаго. Було ў ихъ двоя дятей. Вотъ яны собрались и пошли ў свѣтъ за пропитаніямъ,—по міру пошли.

Ишли яны, ишли, пришли у лѣсъ. И соўсимъ яны приморились. Жонка кажа: дай отдыхномъ! Сѣли яны отдыхать. Стала ў яго жонка во́шай шукать, и заснули. А дѣти побѣгли шукать цвятовъ. Той убача хорошій цвятокъ, а той яще лучьчій—и отбѣгли отъ ихъ дале́ко ў лѣсъ, и заблудили. Бѣгаять яны по лясу̑, пла́чать! Бѣгалибѣгали и ўзбѣгли на дорогу. Ажъ ѣдуть той дорогой цары. Убачили етыхъ хлопчиковъ и гово́рать на кучаровъ: идитя возьмитя ихъ у карэту. Узяли ихъ исъ собой, подялили, и повязли. Прошнулись батька и матка—нямȁ дятей. Шукали яны, шукали ихъ, и ня найшли. Плакали, плакали, и пошли одны. Ишли, ишли, пришли къ дорози. Ажъ ѣдя по дорози царъ. Пріѣхавъ къ имъ, убачивъ жонку,—а яна була дужо прыгожая—и спрашуя: «ти ето твоя жонка?» Енъ кажа: моя!—«Отдай мнѣ яѐ, я дамъ табѣ злата-се́рабра за яе!»—Ня хочу я ни злата, ни серабра, ня 'тдамъ я яе ни за што! Царъ тогды кажа на кучара и на лакея: возьмитя яе ў карэту! Тые зьлѣзли, узяли яѐ за ру̑ки и посадили ў карэту, а яму ўзяли разостлали платокъ, насыпали повянъ золота, кинули, й поѣхали Остався енъ одинъ у лѣси, и ставъ плакать. Плакавъ, плакавъ, узявъ тыя гроши, поклавъ на пень, самъ лёгъ спать подъ кустикомъ, и спить. Лятѣвъ оролъ (*вар.*—воронъ), убачивъ бѣлый платокъ и думавъ, што гусь, да за яго! Ухапивъ и понёсъ. Узнёсъ на дуба, полядѣвъ—няма ничо́го. Енъ и кинувъ гроши на дуби. А енъ прошнувсь, бача—няма ничого: ни сыновъ, ни жонки, ни грошій. Зновъ заплакавъ, и пошовъ.

Ишовъ, ишовъ, звёвся зъ яды. Иде ёнъ—бяжить мышъ. Енъ узявъ и притисъ яе костылёмъ, и кажа: «мышка, мышка, я хуть тябе зьѣмъ!» А яна говора: «ня ѣжъ мяне, чаловѣча (*вар.*—добрый молодецъ)! Ты мной ня поядаяшъ, тольки душу напоганишъ (*вар.*—насквяркишъ). Буду я табѣ у вяликой пригоди!» Енъ подумавъ и говора: можа ето й правда! И пустивъ яе. Пошовъ дальше. Ишовъ, ишовъ—хочатца ѣсти. Иде енъ лѣсомъ, и ляжить у лѣси муравъя. Енъ узявъ, раскопнувъ кучу муравъи, узявъ мурашачку и говора: мурашачка, хуть я тябе зьѣмъ! А мурашка яму отказуя: «ня ѣжъ мяне, чаловѣча! Ты мной ня поядаяшъ, а свою душу̑ напоганишъ. Пусти мяне, я табѣ буду у вяликой пригоди!» Енъ узявъ и пустивъ. Пошовъ дальше. Ишовъ, ишовъ лѣсомъ, бача—лята́ять пчолки. Енъ поймавъ одну пчолку и кажа: «ну, хоть ету пчолку раздавлю, да зьѣмъ—ихъ дѣти ловять, да ядять! Пчолка, пчолка, я тябе зьѣмъ!» —Ня ѣжъ мяне, чаловѣча! Мной ня поядаяшъ, тольки душу̑ напоганишъ. Пусти мяне, буду я табѣ у вяликой приго́ди! Пустивъ енъ пчолку и пошовъ дальше.

Ишовъ, ишовъ, видянъ городъ. Увыйшовъ енъ у городъ и говора: «што ето за городъ?»—А ето городъ, дѣ самъ царъ живе! Отъ енъ и пошовъ къ цару. Приходя къ цару: «ваша вяличаство анпяраторство! примитя мяне, чужастраннаго чаловѣка, хуть за кусокъ хлѣба!» Царъ давъ яму поядать, и поставивъ яго на конюшню. Ставъ енъ кормить лошадей, ставъ ихъ доглядать—стали яны получь тыхъ, што царъ прояжжая. Отъ, приходя къ яму царъ, убачивъ ко̀няй и кажа: молодецъ странникъ! Тогды пошовъ икъ кучарамъ: «э, кажа, ваши кони хуже за тыхъ, што странникъ догляда́я. Я ня буду вашихъ коняй брать, а буду странниковыхъ коня́й брать на проѣздъ!»

Вотъ стали тые на яго сёрдитца, хочать яго уже страбить. Думали, думали, што на яго сказать цару. Одинъ кажа: «я знаю, што вамъ сказать. Скажитя цару: што

казавъ вашъ странникъ, што коли бъ енъ тутъ ца́ромъ бывъ, то бъ увесь хлѣбъ, кольки яго ё у цара, за ночь пярамолотивъ, и зновъ у скирты склавъ!» Яны сказали цару. Вотъ, царъ вышовъ на крылцо и гукая: «эй ты, нищій! иди суды! Ти казавъ ты такъ и такъ?»—Нѣ, ваша вяличаство государство, я такъ ня казавъ! А царъ говора: «ляди жъ, коли ты етаго ня здѣлаяшъ, то мой мечъ, табѣ заўтра ўрани голова съ плечъ!» Пошовъ енъ и заплакавъ. Плакавъ, плакавъ, а тогды успомнивъ: «вотъ, каа, дѣ бъ тая мышка была, да суды прибыла!» А мышка и тутъ: иди, каа, чаловѣча, спроси, дѣ жито сыпать? Пошовъ енъ къ цару и спрашуя: дѣ жъ жито сыпать? Царъ сказавъ: у гамазе́ю, а ня ўлѣзя у гамазѐю, дакъ коло гамазе́и сыпъ! Сказавъ странникъ мышки, а яна кажа: иди жъ, чаловѣча, ляжъ спать, а заўтра ўрани приходи зъ мятлой, коло гамазѐи замятай! Отъ ёнъ уставъ назаўтраго ранянько, пришовъ къ гамазе́и, ходя зъ мятлой, да зерняты замятая. Пришовъ царъ, бача—усё чистянько жито пярамолочано и солома зновъ у скирты зложана! «Ну, молодецъ, кажа: ступай на мѣсто ко́няй кормить!»

Ставъ енъ опять доглядать коняй. Приходя царъ глядѣть коняй, яго кони зновъ лучь отъ усихъ. Енъ тогды говора на кучаровъ: «ня буду я брать вашихъ ко́няй, а буду брать странниковыхъ коняй на проѣздъ!» Вотъ яны зновъ хо́чать страбить яго. Пошли и сказали цару: «казавъ вашъ странникъ, што коли бъ енъ у етымъ дѣли ца́ромъ бывъ, то бъ енъ ўсю ету солому перамявъ на полову и опять у кучу склавъ!» Вотъ царъ и гукая яго: «эй ты, нищій! ходи суды! Ти казавъ ты такъ, и такъ?»—Нѣ, ня казавъ!—«Ну, дакъ ляди жъ: коли ты етаго ня здѣлаяшъ, то мой мечъ, табѣ заўтра ўрани голова съ плечъ!» Вотъ той вышовъ и плача: «ахъ, каа, мурашачка! Дѣ бъ ты была, да суды прибыла! Яна жъ мнѣ казала, што будя ў вяликой пригоди!»—Ня клопочись, чаловѣча, я тутъ уже. Иди спроси, куды солому класть? Пошовъ енъ къ цару. Царъ кажа: клади туды, дѣ солома ляжить, подъ стропъ; а ня помѣстишъ, сыпъ на токъ! Тоды мурашачка говора: «иди ляжъ спать, а заўтра ўрани приходи заграбать!» Вотъ енъ назаўтраго пришовъ урани да й ходя зъ граблями да зъ мятлой, да пераколачавая. Пришовъ царъ, ажъ уся чисто солома на полову перамята. Енъ ни здивився! «Ну, говора, молодецъ! Иди на своё мѣсто!» Енъ пошовъ и опять ставъ доглядать ко́няй. Приходя царъ,—зновъ яго кони лучь отъ усихъ. «Ня буду, кажа, брать у васъ коняй на проѣздъ, а буду у нищаго!» Зновъ яны хо́чать яго страбить. Пошли и гово́рать цару: «казавъ вашъ странникъ, што колибъ я ў етымъ дѣли ца́ромъ бывъ, то бъ я зъ воску церкву здѣлавъ: сами бъ попы пѣли, сами бъ книжки читались, кадэльницы сами бъ бовтались, и сами бъ звоны звонили!» Царъ опять вышовъ на крылцо и гукая странника: «эй ты, нищій, ходи суды! Ти говоривъ ты такъ и такъ?»—Нѣ, ня говоривъ!—«Ну, дакъ вотъ: коли ты етаго ня здѣлаяшъ, то мой мечъ, заўтра ўрани табѣ голова съ плечъ!» Енъ пошовъ и плача: «ахъ, пчолка! дѣ бъ ты была, да суды прибыла!»—Ня журись, чаловѣча, я ўже тутъ. Иди спроси, дѣ строить? Енъ пошовъ къ цару. Царъ сказавъ: строй унъ тамъ на бугра́нку! «Ну, кажа пчала: иди ляжъ спать, а заўтра ўрани приходи съ крылцомъ пылъ змятать!» Назаўтраго ўрани ёнъ пришовъ съ крылцомъ и змятая пылокъ на церкви, и въ звоны звоня. Прошнувся царъ, чуя, штось зво́нять звоны.

Вышовъ енъ бясъ пбяса на крылцо̂, полядить—ходя страньникъ выкругъ церквы. Пошовъ енъ туды у церкву, царъ. Енъ жа думавъ, што енъ трохи побывъ тамъ, ажъ енъ проходивъ до повдня: такъ усё яму здалось вясёло у церкви, прыгожо. Сонца припякло, церква и растала и цара залила.

Прибѣгли казаки, енаралы: «што такое ето ты издѣлавъ, странникъ?» Узяли яго и засадили ў тямницу. А церкву ету посукали на свѣчи. Позбирались попы, князи, енаралы, казаки. «Давайтя, кажать, зъ естыя церквы свѣчи подаёмъ усимъ. У кого ў рукахъ свѣчка загоритца, тому й быть ца̂ромъ!» Узяли, усимъ подавали свѣчки, и ще двѣ свѣчки выстались. Яны говбрать: «треба привесть страньника и того, што стереже яго одинъ, привесть ихъ и дать имъ свѣчки.» Привяли странника. Узявъ енъ свѣчку, свѣчка ў яго и загорѣлась! Уси крикнули на ўра: «проздоровляямъ зъ новымъ царомъ!» А другіе кричать: «такому страньнику да быть царомъ?»—Ну, однача яму Богъ показавъ быть царомъ!.. И ставъ енъ на царахъ. Проздравили яго и повяли къ царицы. И треба яму було спать ложитца съ царицай, ну енъ сорбмявся и ня лёгъ.

Вышла царица прогулюватца, и бача—ѣдути по мору два корабли. Пріѣхали къ берагу, и злучились ходяины умѣсто и одинъ одного угадали, и одинъ одному говбрать: «якъ твой отецъ живъ?»—А мой, каа, отецъ живъ съ своимъ батькомъ, а зъ нашимъ дѣдомъ. И мѣвъ нашъ дѣдъ дванатцать паръ воловъ и дванатцать паръ конёвъ. Помиравъ дѣдъ и нашаму отцу приказувавъ: якъ я дѣлавъ, такъ и ты дѣлай! Отъ енъ помёръ, а отецъ такъ и почавъ дѣлать, якъ енъ дѣлавъ. Разъ подыходя икъ яму подъ вокно и говора: ти ты будешъ перадъ молодостю горавать, ти перадъ старостю? Енъ думавъ, думавъ, и ня придумавъ, што яму сказать. Узбудивъ жонку и кажа: якъ намъ казать? Яна кажа: лучь перадъ молодостю горавать, а перадъ старостю красоватца! Отъ енъ и отказавъ яму, што хоча перадъ молодостю горавать. Отъ енъ побывъ кольки-тамъ-нибудь,—и гроши ўси пяравялись, и воловъ попроядавъ и конёвъ попроядавъ, и пошли мы ў свѣтъ. Ишли, ишли и приморились. Яны лягли отдыхать, а мы стали красочакъ шукать. Красочка за красочкой, красочка за красочкой,—и зо̂гли мы отъ отца и отъ матяры... Отъ, царица увознала своихъ дятей, и повалилася. Тутъ сичасъ прибѣгли, узяли яе и понясли къ цару ў дворъ, и поклали у постель. А тыхъ забрали и повяли къ цару. Енъ испрашуя: «што вы тамъ здѣлали царицы, што яна повалилася?»—Да мы, кажа, ничо̂го ня здѣлали! Мы братецъ братца узнавъ, и говорили, якъ нашъ дѣдъ живъ.—«А якъ вашъ дѣдъ живъ?»—Да енъ мѣвъ дванатцать паръ воловъ и дванатцать паръ конёвъ—на сябе шесть паръ, и на людей шесть паръ. Помиравъ нашъ дѣдъ и приказавъ свойму сыну, нашаму батьку, такъ дѣлать, якъ енъ дѣлавъ. Нашъ батька такъ и дѣлавъ. Разъ подыйшло къ яму подъ вокно и говора: ти ты будешъ перадъ молодостю горавать, ти перадъ старостю? Енъ сказавъ: перадъ молодостю. Прожили мы посли того кольки-нибудь, ня стало й хлѣба у насъ, и гроши попроядали и воловъ, и конёвъ, и пошли у свѣтъ. Ишли, ишли, приморилися; сѣли яны отдыхать и заснули, сѣдючи, а мы удвохъ братцы стали краски ирвать: краска за краской, да й забѣгли ў лѣсъ. Выбягли мы на дорогу да и плачамъ. Ѣхали цары, узяли насъ, той на свою повозку, а той на свою, и выростили насъ. А тяперъ мы тутъ стрѣлись, увознали одинъ одного!.. Ну, царъ

угадавъ, што ето яго дѣти, и ставъ ихъ цаловать: ето жъ, кажа, дѣтки, я вашъ отецъ, а царица ваша мать. Ну, вышла суды и царица, и стала цаловать дятей. Отъ, здѣлали яны бясѣду и стали гулять. Посли того вышовъ царъ ись сынами съ своими и зъ жаной прогулюватца. Бачать, на бéрази, на дубу, сядить лебядь. Царъ загадавъ казакамъ убить тую лебядь. Били, били яны, ня ўбили. Полѣзли на дуба, ажъ то платокъ зъ грошами.—«А, кажа царъ: ето тыя гроши, што мнѣ царъ за жану давъ. Ихъ у мяне оролъ укравъ!»

И стали яны тамъ жить—поживать, гóра забывать. Можа й тяперъ ще тамъ красуютца подъ старость.

С. Перерость, гом. у. Запис. кр. Сампсонъ Легчаковъ.

Сказка своимъ содержанiемъ напоминаетъ во многомъ житiе Евстафiя Плакиды. Намъ доставлена въ нѣсколькихъ спискахъ. Ср. Чубинск. стр. 539.

78. Завидливый.

Якъ жизъ сабѣ одзинъ дзѣтъ, да бывъ ёнъ дужо бѣдный. И бывъ у того дзѣда одзинъ сынъ. Вотъ тэй сынъ простудзився у зимку, зыхворѣвъ и помѣръ. Пошовъ дзѣтъ просицъ, капъ пумогли яму выкупацъ ямку и здѣлыцъ труну. Ну нихто къ яму ня йдзéцъ, бы ёнъ бывъ дужо бѣдный. Тоды ёнъ кажецъ самъ сабѣ: ёсь у мяне корыто, укладу я яго у корыто, дóшкой накрыю и пухуваю! И пошовъ самъ кыпацъ яму. Кыпавъ енъ, кыпавъ, зямля мерзлая, ашъ тыпоромъ сячéцъ... Идзéцъ нѣйкiй человѣкъ, старенячкiй: «пумогай Бохъ!»—Дзякуй, дзядулька!—«А ци мéрзла зямéлька?»—А няго нѣ, дзядулька!—Кыпай-тку ты вунъ тамъ подъ éлкой: тамъ будзецъ мякчѣй!.. Скызавъ гэтыкъ и пошовъ. Ставъ енъ кыпацъ подъ éлкой, ашъ тамъ зямля мяккая. Кыпавъ, кыпавъ енъ, и выкыпавъ горлачъ зóлыта. Обрадывався дзѣтъ, пошовъ домовъ, нанявъ дзѣлыцъ хорошую труну, и нанявъ пупа хувацъ. Вотъ, якъ пухували, дзѣтъ и зыплацивъ имъ чарвонцáми. Тоды жонка того пупà стала завидувацъ дзѣду, и кажецъ на пупа, капъ ёнъ пошовъ, укравъ у того мужука золото. Попъ кажецъ: якъ жа я пойду: енъ мяне спызнаецъ! А яна кажецъ: «зарѣшъ вола, облупи яго зъ гыловой, надзѣнь на сябе шкуру зъ рогами, а я зашiю. Идзи гэтыкъ къ яму, енъ спужаетца и пыбяжицъ, а ты возьми золыто.» Попъ обшився у воловую шкуру и пошовъ къ мужуку. Тэй якъ увидзѣвъ, перапужавсь и побѣхъ уцекацъ. Узявъ попъ сабѣ золыто и понёсъ домовъ. Отдавъ тамъ жонцы золыто и ставъ знимацъ съ сябе шкуру. Ды нѣ! шкура ня знимаетца, бы зжилась. Такъ енъ и не знявъ яѐ, и помёръ. Завязли яго ў лѣсъ, укинули ў ровъ, и закйдали колодками...

Д. Латыгово, сѣнн. у. Кр. Мих. Павловскiй. Ср. Чубин. стр. 105 и Драгом. стр. 154.

Въ гомельскомъ у. сказка варьируется такъ:

б, Живъ у воднымъ сялѣ бѣдный чаловѣкъ. Ня мѣвъ ёнъ сабѣ куска хлѣба дажа. *Умéрло* у яго рабёшачакъ. Енъ звавъ, звавъ людей на ховтуры—ня дозвався, затымъ, што енъ бывъ вельми бѣдный, нихто яго и ня слухая. Енъ давай плакати, давай самъ дѣлати гробъ. Здѣлавъ гробъ,—няма никóго яму копать. Енъ, плачучи, пошовъ самъ и ямы копать. Ставъ яму копать—и выкопавъ казанъ съ чарвóнцами.

Принёсъ ёнъ гроши домовъ, и пошовъ къ попу: батюшка, пойдемъ, похувайтя мойго рабёночка!—Я не пойду къ табѣ хувати, у тябе грошай няма мнѣ заплатить за ховтуры. Тогды той чаловѣкъ вынавъ чарвоняцъ и дае попу. «Дѣ ты, лопацонъ, узявъ такія гроши?»—Менѣ Богъ давъ: нихто мяне ня слухавъ дѣлать гробъ и копать яму. Дакъ я самъ здѣлавъ гробъ и пошовъ ямы копать, и выкопавъ казанъ грошай. Вотъ яны у мяне й ё! Попъ сичасъ пошовъ и похувавъ бѣдняковаго рабёнка. И ставъ думать, якъ ба у яго узять етыя гроши. А матушка и научая яго: «якъ придя ночь, ты возьми, зарѣжъ козла, падѣнься у яго шкуру, нибытцомъ чортъ, иди къ яму и скажи: подавай моѐ гроши! Енъ спужаетца и отдасть!» Дождали ночи. Зарѣзавъ попъ козла, облупивъ яго, самъ улѣзъ у козлиную шкуру, матушка яго обшила, енъ и пошовъ къ бѣдняку отбирати гроши. Подыходя подъ вокно и кажа: «давай моѐ гроши!» —А хто ты такій?—«А чортъ!» Той глянувъ у вокно, бача—роги! Спужався и кажа: ну, коли ты—чортъ, дакъ нà табѣ гроши!.. Попъ ўзявъ гроши и принёсъ домовъ. Отдавъ гроши жонцы и ставъ знимать козлиную шкуру исъ сябе. Знимавъ, знимавъ, ня знимаетца. Енъ кажа: матушка, ходи ты зними зъ мяне шкуру. Стала яна знимати, а ёнъ кричити, што болно. Козлиная шкура приросла икъ тѣлу. Што ни дѣлали, низкъ ня знимуть. Енъ тогды понёсъ тыя гроши назадъ тому бѣдняку. А той кажа: «у мяне жъ гроши бравъ чортъ, а ня попъ.» Такъ енъ, той попъ, и помёръ...

Ср. № 24 Отд. Юмористич.

80. Бѣднякъ и смерть.

Жили такъ сабѣ у воднымъ сялѣ два бра̀ты: одзинъ бывъ быгатый, а другій бѣдный. Жили яны мижъ собой ня дружно, богатый ня пускавъ къ сабѣ и на вочи бѣднаго: коли, бывало, убачиць, што тэй идзе́ць къ яму̀, ёнъ того часу замыкаець двери. Тэй бѣдный просивъ, просивъ у яго хуць троху хлѣба даць, жонку и дзяцей нызкормиць, а ёнъ не дае́ць: «откуль, каець, у мяне будзець, кыли я стану раздаваць усимъ?» Тоды бѣдный такъ обяднѣвъ, што ня мѣвъ ани ничого. Вотъ енъ и думаець самъ сабѣ: што будзець-ня будзець, пойду ночьчу украду у брата вола! Стала ночь, уси ў дзяревни поснули, енъ и пошовъ. Идзе́ць, идзе́ць, чуець нѣхто ще за имъ идзе́ць. Озирнувсь енъ—идзе́ць нѣйкій чаловѣкъ. «Куды ты йдзе́шъ?»—А куды ты, туды й я!—«А зачимъ ты йдзе́шъ?»—Скажи ты упе́радъ, зачимъ ты йдзе́шъ, тоды и я табѣ скажу.—«Брацецъ ты мой! у мяне дома ѣсь нечаго, дыкъ я мусивъ пойци къ брату вола красци!»—А я, кажець тэй, иду у яго ўзяць послѣдняго дзяцёнка! Пришли яны къ двору быгатаго брата, а яны ще ня спяць. Смерць кажець: «ци вѣдыешъ што? Я пойду вывяду табѣ вола съ хлѣва, а ты йдзи у хату къ имъ. Ды глядзи, якъ будзець дзяцёныкъ чихаць, не кажи яму: на здоровье! Енъ три разы чихне́ць, а ты мовчи!..» Пошовъ енъ у хату, а тые уси вячераюць. «Добры-вечаръ, хлѣбъ да соль!»—Здоровъ, спасибо!.. И не сказали яму: садзись зъ нами! Сѣвъ бѣднякъ на лавцы, лядзиць, а дзяцёныкъ сядзиць у люльцы. А яны молоцюць кашу сы скварками, у бѣднаго ажъ слюнки цякуць. Вотъ дзяцёныкъ разъ чихнувъ—уси мовчаць; другій разъ чихнувъ—мовчаць. Тоды якъ третьцій разъ чихнувъ, бѣдный гэтый якъ закричиць:

«на здоровье табѣ, дзицятка!.» А Божа жъ мой! Якъ ёнъ гэто сказавъ—хата зыколопилась, вороты знялись съ кручьча, вокны повылятали, и запищѣвъ и закричавъ нѣхто! Уси перапужались! Ставъ тоды быгатый пытатца у бѣднаго: «што гэто такое здзѣялося, якъ ты крикнувъ: на здоровье?»—А што здзѣялося? мнѣ нечаго було ѣсь и я ишовъ къ вамъ вола украсци ды зарѣзыць. Бачу, за мной нѣхто идзець. Я пытаю: хто ты ёсь, куды ты идзёшъ? А туды, кажець, куды й ты. Я пытаюсь: зачимъ жа ты йдзёшъ? А я, кажець, возьму душу послѣдняго дзяцёнка. Пришли мы къ двору, у васъ огонь горицъ. Енъ кажець: идзи жъ ты ў хату, ды коли дзяцёныкъ будзець чихаць три разы, дыкъ не кажи: на здоровье!.. Кинулись тоды уси яму дзякываць, што одзинъ бывъ дзяцёныкъ и того бъ ня було, якъ бы ня ёнъ. Пыдзялився быгатый зъ бѣднымъ усимъ пыполамъ: што було ў быгатаго, тое було и ў бѣднаго. И стали яны жиць ладно. Я тамъ бывъ, и усё гэто бачивъ.

Г. Сѣнно.

81. Знайдзенъ.

У нѣкоторымъ цфрстви, мужа (може) у якимъ мы живюмъ, ў городзи Одзесци, на гэтымъ мѣсци, буў токъ саби богытый мужикъ, якій любиў пускоць усёкихъ прохуўжихъ на пучь: богытыхъ купцуў клоў споць на куци, а нищихъ на печь. Бугъ рассердзиўся за гэто и наказоў яго: помюрло у яго троя дзяцей. Юнъ тугды кожа: «гэто Бугъ усердзиўся на мяне, шту я кладу богытыхъ споць на куци, а бидныхъ на печь. Издзилаю я токъ: буду класць бидныхъ на кутъ, а богытыхъ на печь!» Зайхаў икъ яму исперва Бугъ на ночь. И здзилаўся Бугъ такимъ старымъ, што мужикъ яго ня пузноў (познавъ). А пусьлё пріихаў купецъ. То мужикъ пуложиў дзида на кутъ, а купца на печь. Тугды купецъ и кожа: утъ, бротъ, якаа у мужика провда: нищаго пуложиў на кутъ, а мяне, купца, —на печь, кобъ кусоли прусы! А Бугъ ето усё чуя, шту купецъ кожа.

Дождолись ночи; онгалы прилятоюць пудъ вокно и кожуць: «Гусподзи! рудзиўся у такуго-ту мужука бараньчикъ; якую яму долю доць (даць)?—Няхой вувкъ зьисъ! А купецъ, лежучи на печи, и чуя: нецровды, кожа: ня будзя вувкъ псци бараньчика, я ўпярудъ зьимъ яго! Минутъ теразъ пёць прилятоюць изнуў онгалы пудъ вокно и кожуць: «Гусподзи, рудзиўся у такуго-ту мужука сынукъ. Якую яму долю доць?» А Бугъ кожа: нехой етаго купца доля, якій на печи ляжиць! А купецъ кожа: «нѣ, ня застонетца моя доля, я яго пераведу съ свиту!»

Пераночуволи яны и пойхали у розныя доруги. Купецъ пойхаў акъ туму мужуку, у якуго родзиўся баранъ. Пріихаў у двуръ, выхудзя дзидъ. «Здростуй, дзидъ!»—Здуроў, понъ! Шту ты, понъ, пріихаў?—«Я пріихаў къ таби куплёць барана, якій родзиўся сягудни. «Дзидъ пытоетца: «ци бугото даси грушай?»—А бугото таби, дзидъ, доць?—«Дой мни дви гривни!» Купецъ отдоў дви гривни за барана и кожа: вы жъ испячиця мни яго, барана! Дзидъ кожа: боба, а боба! испячи пону барана! Боба ўзяла, барана зарізала, шкурку облупила, кинула субоку, а мёсо на сквороду. Испякла, и пустовила на вукно чохнуць. Тульки постовила—прибигъ вувкъ, и зьиў барана, а пону не кинуў ни хвусцика.

Тугды купецъ пойхаў къ туму мужуку, у якуго рудзиўся сынукъ. Пріяжжаа къ

двору, выхўдзя мужикъ. «Здрбстуй, мужикъ!»—Здуроў, панъ! Чаго ты, понъ, прійхаў?—«Я прійхаў къ таби: продой мни свойго хлўпчика, якій рудзився сягудни!»—А скульки ты, купецъ, даси за яго?—«А скульки ты хучашъ за яго?»—Я хўчу бугдто грўшай за яго: постовлю яго на мўстъ, и кружкà яго обсыпъ зўлотомъ и серабрўмъ! Купецъ обсыпаў зўлотомъ и серабрўмъ, и узёў хлупчика исъ собўй. А гэто дзилалось у зимняе урэмя. Поихаў юнъ домўу, уйхаў у большій лисъ, и кджа на кучара: «сунимн кўняй! нá, няси хлупчика, зарыжъ и кинь у снигъ, а сэрца приняси мнй!» Кучаръ хлупчика ўзёў, унюсъ у лисъ и подумаў: «ахъ, Гусподзи! за шту я буду рызаць нявинную душу?» Утвярнуўся наздбъ, боча пудъ кустомъ ляжиць здяцъ. Юнъ яго узёў, зарызаў, сэрца выняў и понюсъ пдну, а хлупчика у снигъ кинуў. Пдну сэрца утдоў и поихали домуў. А хлупчикъ остдўся у снягу. Сўнца пригрыло тдя мйсто, дзи сядзиць хлупчикъ и ростдў томъ снигъ, пуруслй тьвяты, запйли птушки!.. Ихавъ за тымъ купцўмъ мужикъ. Дойхаў ду тогд мйста и сустановиўся: бдча у букъ (бокъ) пушли сляды. Юнъ пошуў гэтыми сляддми, боча хлупчика. Юнъ узёў яго и вярнуўся домуў, и кджа: бдба, знашуў я саби хлўпчика! Будомъ яго звоць—Знайдзюнъ.

Церазъ скўльки годуў прійхаў купецъ акъ гэтуму мужуку, и заночувдў. Мужикъ вячераў, захоциў вуды. «Знайдзюнъ, пудди вуды!» А купецъ пытаетца: «якій ето у вдсъ «Знайдзюнъ?»—А я нашуў у лйси у снягу! Купецъ подўмаў: гэто тўй хлўпчикъ, якуго я кинуў у снягу! Утъ, юнъ написдў письмо, и пруся ихъ, кдбъ Знайдзюнъ утнюсъ письмо жунцы. Юнъ и понюсъ. И приказоў яму: лядзи, никому не пукдзуй!» А у письмй було написано: «жана моя милаа! Пукуль я пріиду, кобъ гэтый хлупяцъ бувъ зарызанъ и субдки мёсо пуйли!» Кулй хлўпяцъ ишувъ пу доруэи, ту на ўстрйчу яму Бугъ: «куды ты идзёшъ, хлупяцъ?»—Нясу, дзйдочка, письмо!—«Покджъ мни!»—Ни, дзидочка, няльга!—«Ну, перáкинь зъ руки на рукў!» Юнъ перакинуў,—тбмъ и написдлося: «жана моя милаа! пукуль я пріиду, кдбъ гэтый хлупяцъ буў на моюй дзйвцы жанатъ!» Утъ, покуль купецъ пріихаў, жунка вясельля згулёла. Тугды купецъ кджа: постуй, бротъ, я цябе усю-таки живуго ня 'стдвлю!

А у купца була винница. Юнъ пошуў у винницу и сказоў паробкумъ: «куго я перваго пришлю, вы туго бярыця и кйдайця у коцюлъ! Хуць юнъ будзя каздць, шту я худзяинъ, а вы кйдайця!» Кулй пулягли споць, купецъ кричиць: «Знайдзюнъ!»—Я!—«Идзи, повйръ рабучихъ!» Церазъ минуту изнуў гукдя (гукае): «Знайдзюнъ!» А жунка кджа: юнъ пушуў! Утъ купецъ ускўчиў и побигъ у винницу и прибигъ упѐрудъ за зёця; ту паробкй узёли яго и ўкинули у коцюлъ. «Я, кджа, худзяинъ!»—Вйдаемъ мы, шту ты худзяинъ!..

И усталося Знайдзюну усю купцово жилища, якое Бугъ тогды вяливъ. Яны тдмъ живуць, дубрд спуживоюць, тульки ндсъ туды не жалдюць.

С. Озераны. Запис. г-жей Шекунъ, въ моемъ присутствіи. Ср. № 27.

82. Богъ въ гостяхъ.

Живъ бывъ одзинъ ходзяинъ, и енъ бывъ дужо богатый. И енъ никого нѐ даривъ, никбго на ночь не пускавъ, а коли прйдзецъ къ яму старацъ, дыкъ енъ

завядзе́ць у лазьню ды тамъ и запре́ць. *) И зыхоцѣлося яму Господа Бога попросиць у госьци къ сабѣ. Тоды енъ пошовъ къ одному обра́зу, укленчувъ, и ставъ Богу молитца и просиць яго къ сабѣ ў госци. Помолився и пошовъ домовъ; и вялѣвъ выстлаць отъ свойго дому до того обра́за пылотномъ. Зыпросивъ къ сабѣ усихъ пановъ у сусѣдстви, и стали выжидаць Бога. Вотъ, приходзиць къ яму Господзь Богъ. И не показався имъ своимъ отличіемъ, али старымъ старичкомъ. Тэй жа богачъ, што выжидавъ Бога, не спознавъ яго, думавъ, што гэто старацъ. Отправляець енъ яго у лазьню: обгодзи, кажець, тамъ; а послѣ, якъ распораджу госцей, цябе пызову! Отправивъ яго посли гэтаго у лазьню, и запёръ.

Назаўтраго уздумувъ енъ на гэтаго старца и побѣгъ отпираць лазьню. Прибѣгъ, отомкнувъ лазьню, пылядзѣвъ, а тамъ нема никого! Енъ дужо спужався. Узнавъ, што енъ не старца запёръ, а самаго Господа Бога, што просивъ у госьци... Тоды давъ енъ на ўси обѣдни, и каявся, што ня будзець боли запираць старцовъ у лазьни.

Г. Сѣнно.

83. Марка богатый.

Бывъ такій Марка богатыръ. Одзинъ разъ енъ собравъ къ сабѣ много госьцей на бясѣду. Гуляли, гуляли, и разгулявшися, Марка говóрицъ: «капъ ко мнѣ на гэту бясѣду пришовъ самъ Богъ, и яго бъ было чимъ угосциць!» Тольки енъ гэто сказавъ, ажну приходзиць нѣйкій старичокъ и проситца у яго нучуваць. Марка богатыръ пославъ яго на кухню. Приходзиць старичокъ на кухню, а тамъ тольки одна дзѣвка. Дзѣвка накормила яго, напоила и кажець: «ляжъ, дзядулька, на гэтой посцели ды й пераночуй!» Тэй старичокъ и лёгъ. А ёй якъ ня было мѣста дзѣ легчи, то яна пошла у садъ и легла подъ вокномъ, на загавалини, на травѣ. Тольки яна заснула, ажъ уставъ у садзи большій шумъ. Яна ўскочила; поглядзиць у вокно—ажны старичокъ сядзиць за столомъ, а перадъ имъ стоиць свѣчка, а коло боку стоиць янгелъ и кажець: «Божа, Божа! у такимъ то мѣсьци родзився мальчикъ у чаловѣка. Якую яму даць долю?» А Богъ отвѣщаець: даць половина Марковаго богатьця! И якъ тольки сказавъ гэтыкъ, такъ нема-вѣдома дзѣ и дзѣвся и Богъ, и янгелъ, и свѣчка.

На другій дзень приходзиць дзѣвка къ Марку и кажець: «ты пирувавъ, а ў цябе бывъ учора Богъ, и половина твойго богатьця отдавъ мальчику, што учора родзився!» Марку тутъ узяло. Нача́въ енъ тутъ думаць, якъ бы найци того мальчика ды зжиць съ свѣту, бо жалко половина свойго богатьця. И поѣхавъ енъ по свѣци шукаць. Ѣздзивъ, ѣздзивъ, то туды, то туды—и тыки нашовъ. Ставъ просиць енъ того чаловѣка, капъ продавъ яму свойго сына. Тэй не хоцѣвъ, не хоцѣвъ, а тоды кажець жонцы: «Богъ изъ имъ! Можа енъ удастца якій злодзій, ци помре́ць,—продадзёмъ яго и купимъ сабѣ вѣшную зямлю и будземъ жиць!» И продали.

Узявъ Марка мальчика, завёзъ яго у сцяпы, кинувъ у снѣгъ, а самъ и поѣхавъ домовъ. Ночьчи ѣхали пу сцяпу купцы съ тыварами. Видзюць яны—у сцяпу гориць

*) Баня считается „поганымъ“ мѣстомъ, гдѣ по преимуществу имѣютъ пребываніе темныя силы. См. № 93 и 94.

цяпло. Одзинъ купецъ поставивъ конiй и пошовъ къ тому цяплу. Приходзиць енъ туды, ажъ видзиць—сядзиць мальчикъ, перадъ имъ горыць свѣчачка, а енъ гуляець у красочки. Тэй купецъ и ўзявъ мальчика къ сабѣ и поѣхавъ изь имъ прыдаваць тывары. И такъ яму повязло, што и за годъ безъ мальчика ёнъ не продавъ стольки тывару и съ такимъ прибыткомъ, якъ изъ мальчикомъ за нядзѣлю.

По знакомосьци злучилося гэтому купцу бываць у Марки. И разговарився енъ изъ Маркомъ про гэтаго мальчика: дзѣ и якъ енъ яго нашовъ, и якъ яму пошанцувало изь имъ у торговли. «Э!» Марку усё ровно якъ укололо! Спознавъ енъ, што гэто тэй мальчикъ, што енъ хоцѣвъ збавиць сь свѣту. И ставъ енъ просиць гэтаго купца продаць яму гэтаго мальчика. Тэй узявъ зь яго большiя грошы и продавъ. Сычасъ Марка узявъ гэтаго мальчика, и якъ узявъ, то и забивъ яго у бочку, и пусьцивъ на мора. Плыви, плыви тая бочка по мору, и пераплыла на другiй бокъ мора. Выкинуло яе тамъ на берагъ, дно и выскочило. А тамъ прали платьця поповы дочки. Уподобався енъ поповымъ дочкамъ, и ўзяли яны яго къ сабѣ ў домъ. Привяли ў домъ, попъ спрашiець: ци кщаное ты, дзицятка? А енъ каець: ня вѣдаю, татулька! Попъ узявъ пераксцивъ яго, и назвавъ Пятрокомъ.

Вотъ, живе́ць Пятрокъ у попа. И стало попу вяликое щасце: якъ бывъ дужо бѣдзенъ, дыкъ ставъ такъ дужо богатъ. Дочувся Марка, што попъ ставъ богатъ, и зыхоцѣвъ енъ узнаць, съ чаго енъ такъ разбогацѣвъ. Прiѣхавъ енъ къ попу, попъ яму и разсказавъ: якъ и съ чаго. Спознавъ Марка, што гэто енъ отъ того разбогацѣвъ мальчика, што енъ пусцивъ на мора у бочцы. Ставъ енъ просиць попа, капъ енъ продавъ яму мальчика. Довго-коротко яны споровали, наконецъ того, попъ продавъ мальчика. Написавъ Марка карту, отдавъ Петроку и пославъ яго къ своей жонцы, и приказавъ, капъ не стоявъ нидзѣ, а до яго прiѣзду капъ бывъ у дворѣ. А ў карточцы было написано: «капъ до мойго прiѣзду гэтаго малца зарѣзаць, спалиць и попелъ развѣяць!»

Пошовъ тэй Пятрокъ у Марковъ дворъ. Идзе́ць ёнъ, идзе́ць, ажну стоиць ны мосьцѣ старичокъ. А гэто бывъ самъ Богъ. И кажець тому малцу: куды ты йдзе́шъ? А енъ отвѣщаець: мяне Марка быгатыръ шле́ць съ картой икъ жонцы!—Покажи мнѣ тую карту! Пятрокъ показавъ, а Богъ намѣсто того написавъ духомъ святымъ: капъ до мойго прiѣзду гэтаго малца пожанили зъ дочкой моёй! Якъ принёсъ Пятрокъ карту, полядзѣла жонка, и сычасъ стали гуляць вясельля. Згуляли вясельля, ажну прiѣджаець Марка. Бачиць енъ, што тэй малецъ, што енъ вялѣвъ спалиць, сядзиць зь яго дочкой у самой лѣпшай комлаци. Енъ якъ увыйшовъ у хату, дакъ и начавъ пробираць свою жонку, чаму яна яго ня спалила А жонка выняла карточку и кажець: якъ ты вялѣвъ, та́къ я и здзѣлала: ты написавъ, капъ я яго ожанила зъ дочкой! Полядзѣвъ Марка у карту, бачиць, што на ёй имъ самимъ гэтакъ написано. И толку не добяре́ць: здае́тца писавъ *спалиць*, а написано *жаниць*, ды съ кимъ—изъ яго дочкой! Думавъ ёнъ, думавъ: што тутъ дзѣлыць изъ гэтымъ малцамъ? Алитку надумався; призвавъ Пятрока и говориць: вотъ коли ты ў мяне будзешъ добрый зяць,—коли сходзишъ на тэй свѣтъ къ мойму бацьку ись письмомъ, и принясе́шъ отъ яго отвѣтъ.

Узявъ Пятрокъ письмо и пошовъ—што жъ яму робиць? Идзи, идзи—и приходзиць

къ огняннэй рацѣ. Бачиць—Марковъ бацька на гэтой рацѣ перавозиць безперастáнку грѣшныхъ у пекло. Пятрокъ подыйшовъ, подавъ карту яму, и просивъ, каець, Марка отвѣту! Бацька Марковъ кажець Пятроку: «ниякаго отвѣту я табѣ не дамъ. А тольки скажи Марку, што я яго жду, капъ енъ мяне зьмянивъ на перавози!» Пошовъ Пятрокъ назадъ. Пришовъ къ Марку, разсказавъ яму: «такъ и такъ, бацька твой перавозьникомъ на огняннэй рацѣ, и жджéць, капъ ты яго отмянивъ!» Якъ почувъ гэто Марка,—дужа усердзився. Што енъ такiй богатый, а бацька перавозьникомъ. Запрогъ конiй и поѣхавъ на тэй свѣтъ, вызволяць бацьку. Прiѣхавъ къ огняннэй рацѣ и кричиць: подáць перавозъ! Вотъ бацька подъѣхавъ, Марка сѣвъ на перавозъ—и остався перавозиць грѣшныхъ. А бацька пошовъ у рай.

Пятрокъ жа ставъ жиць на Марковымъ мѣсци зь яго дочкой.

М. Лукомль, сѣнн. у. Запис. крест. М. Познякъ.

84. Справядливый солдатъ.

Служивъ солдатъ дватцаць пяць годовъ,—по старыхъ службахъ. И отправивъ яго царь домовъ. Тоды давъ яму̀ жалованья три копѣйки, и давъ яму̀ старенькiй раньчикъ. Ёнъ и пошовъ. Ишовъ ёнъ нѣскольки днёвъ домовъ, и сустрѣкаетца съ старикомъ,—ну зь якимъ жа старикомъ—изъ Богомъ. Тольки енъ ня знавъ, што ето Богъ. Енъ говора старику: «здрастуй, старикъ бацюшка!»—Здрастуй, здрастуй, солдацикъ поштэнный! Што жъ, отслуживъ Богу и вяликому царю?—«Да, слава табѣ Богу и вяликому царю,—служивъ Богу и вяликому царю, анператолю, вѣрно, и заслуживъ за мою трудящую службу три копѣйки серябромъ!» Тоды старикъ яму сказуя: «ахъ, солдацикъ, обидзѣвъ цябе царь, ну Богъ цябе ня 'бидзя за твою вѣрную правду!» А солдацикъ сказуя такъ: «Богъ жа вѣдаа: сожалѣя мяне Господзь, али нѣтъ?» Богъ такъ сказавъ: «ну, солдацикъ, объ етымъ ня робѣй: будзешъ Богу молитца, и Богъ на цябе не забудзя, подумаа объ цябе (вин. пад.)!» И дойшли съ старикомъ до дзяревни, и зайшли исъ старикомъ у шинкъ. Тоды солдацикъ говоря на старика: «старикъ, выпъемъ по рюмочцы, за копѣйку!» Ну, тоды горѣлочка дéшава была. Узяли за копѣйку и выпили на дорогу, штобъ лехче ноги были старикова и солдатовы, и опяць пошли. Вышли изъ дзяревни, и разышлись, и попрощалися. На другiй дзень опяць сустрѣкаютца исъ старикомъ зъ естымъ самымъ. Тоды солдатъ радъ ставъ: «здрасту̀й, старичокъ, бацюшка мой! Слава табѣ Господзи, што я зъ вами опяць повидався! Пойдземъ умѣсци!»—А пойдземъ, служба! Вотъ, яны и пошли. Опяць доходзюць до дзяревни, до шинка. «Старичокъ, выпъемъ по рюмочцы за копѣйку ящѐ?»—Я жъ ня знаю, якъ хочашъ ты! Солдатъ узявъ за копѣйку, и выпили по рюмочцы. Осталася у солдата одна копѣйка, а двѣ зъ Богомъ пропивъ. Вышли изъ дзяревни, опяць разошлись, и попрощалися. Ну̀, и назау̀тряго идзéць солдатъ, идзéць и старикъ нау̀проци, тэй самый, и сустрѣкаютца. Ну, дòбро. Ето скоро кажатца, да няскоро дзѣетца, и ня думаць, и ня гадаць, а казки казаць, добрымъ людзёмъ слухаць. Сыйшлися съ старикомъ солдатъ. «Здрастуй, старичокъ, бацюшка мой поштэнный! Слава табѣ, Господзи, што я васъ увидавъ. Якъ я васъ у̀виджу, дакъ равнò, якъ я свойго отца,—такъ я радъ!» Ну,

старикъ яму сказавъ такъ: благодарю табѣ, солдатъ, што ты моёй устрѣчай радъ!— «Ну, и пойдземъ, старикъ, до дзяревни заумѣсци!» Пошли съ солдатомъ умѣсци до дзяревни, и зайшли у шинкъ—кабакъ, значитца—и солдатъ говоря: «старикъ, ёсь ящо у мяне одна копѣйка, пропъёмъ и тую—выпъемъ по рюмочцы. Случаемъ, поцеряю, тоды шкода будзя! Хай я съ старикомъ по любопитносци выпъю по рюмочцы!» Старикъ солдату сказуя: «благодарю цябе, солдацикъ, за твое угощенья! Коли ты служивъ Богу и вяликому царю, то ты и ли мяне вѣрно обрацився!...» Ну, й пошли съ шинка. Вышли яны у чистое поле, треба имъ уже распрощатца. Тоды старикъ говора на солдата: «знаешъ ты, говора, што?»—Ну, што?—«Я хоцѣвъ табѣ учиниць дружбу ли твоѐ справядливосци: давай мы съ тобой на раньчики помяняемъ?» И у старика, бачь, раньчикъ и ў солдата. Тоды солдатъ боитца: «ахъ, говора, старичокъ: якъ жа мнѣ можно помяняць царьскую выслугу? Ня можно!» Ну старичокъ яму сказавъ такъ: «солдатъ, ня бойся: за мой раньчикъ будзя табѣ большаа награда и вяликое щасця!» Солдатъ обдумався, и замянявъ. Тоды старикъ яму сказуя такъ: «вотъ жа, солдатъ: захочашъ ты пиць и ѣсць, и разное кушанья, дакъ ты здѣнь раньчикъ мой исъ плечъ,—ну тольки ня ў каршми, а ў поли,—и скажи такъ: раньчикъ, открыйся, выйдзи, добрый молодзецъ, дай мнѣ и пиценьня и ядзеньня, разнаго кушанья! Енъ и дась. И якъ будзя табѣ якій страхъ, дакъ ты скажи: раньчикъ, раскрыйся, добрый молодзецъ, явися, отби злого урага отъ мяне! Дакъ енъ и ня допусця!» Тоды замянялися яны на раньчики и попрощались. И пошли.

Нѣскольки уремя пройшовъ солдатъ, и захоцѣвъ здзѣлаць спробу. Захоцѣвъ ѣсць, и сѣвъ на дорози, и попросивъ ѣсць: раньчикъ, открыйся, добрый молодзэцъ, явися, дай мнѣ пиценьня—ядзеньня, разнаго кушанья! Тоды раньчикъ открывсь, вышовъ молодзецъ, вынимаа разные напитки и наѣдки, и подносä солдату. Солдатъ етый сѣвъ на колѣнкахъ, исклавъ руки и помолився Богу: «о Господзи многомилосьливый! вѣрно я Богу ўгодзенъ, што мяне Господзь сожалѣвъ! Няўжли я зъ Богомъ сустрѣвся? самъ сабѣ размышляя. Вѣрно, говора, такъ и будзя!» Ну, енъ ето кольки разовъ спробу здзѣлавъ, и зайшовъ къ помѣщику на ночь. И ў того помѣщика двоя комлатъ: одны на горѣ, а другія ля возяра. Дакъ енъ приказавъ усёй дворни своёй, во всемъ дворѣ, штобъ безъ яго дозволу, Божа сохрани, никого на ночь ня пускавъ нихто. Етый жа солдатъ попросивсь на ночь. Сычасъ жа доложили пану, што проситца солдатъ на ночь. Панъ такъ сказавъ: нехай енъ ко мнѣ придзя! Солдатъ пошовъ къ яму: баринь, пусцица пожалуста намъ перяночаваць! А енъ говора: «да, солдатъ, я цябе пущу перяночаваць; коли ты у моихъ комнатахъ перяночуешъ ля возяра три ночи, дакъ у мяне ёсь одна дочь, дакъ я цябе къ ёй у зяци приму!» Енъ говора: баринь, можно,—я перяночую усюдахъ! Повялѣвъ баринь солдату хорошую вячерю даць, што енъ самъ вячеряя, и завесь солдата у комлаты къ возяру. Солдатъ говоря: баринь, пожалуйця мнѣ свѣчку, Богу помолитца! Баринь давъ свѣчку ладную, давъ солдату лакея: покажи яму идзѣ спаць! Тоды, привёвъ лакей у комлаты солдата и показавъ на хорошай посцели спаць солдату. Пошовъ лакей назадъ у тыя комлаты, а солдата замкнувъ. Солдатъ запаливъ свячу и ставъ молитца Богу; и помолився Богу, и лёгъ спаць.

Пройшло половина ночи. У самую глушь приходзя два чарты къ солдату, и

гукаюць: отчини! Солдатъ спрашуя: хто тамъ такій?.. А ето да построивъ панъ комлаты тамъ, дзѣ жили чарты, дакъ яны не даюць яму жиць тамъ. Коли хто заночуя, дакъ яны яго до косточки обсмокчуць. Назаўтраго придзя лакей, да косци у возяро выкиня. Объ тымъ и справа ўся. И енъ нарочито шукаа такихъ людзей, ци ня 'бярéтца хто такій, можа перяначуя у моихъ комлатахъ, и енъ обѣщаа къ своéй дочари етаго чаловѣка ўзяць, хто три ночи перяночуя.

Вотъ яны и приходзюць удвохъ. Солдатъ спрашуя: «хто тамъ?»—Мы!—«Хто вы?»—Черци!—«Кольки васъ?»—Два!—«Ну, пожалуста! Вы мнѣ ня 'тчиняли сюды, я я вамъ не пойду отчиняць!» Тоды черци сами увыйшли. И говоруць: «солдатъ, убирайся отсюдова, тутъ ня твоё мѣсто ночавяць, а наша. А то якъ придуць наши дзѣци, дакъ твоѐ косци по'бсмактуюць!—А ето были старшія.—А солдатъ имъ такъ отказавъ: вы мяне сюды не завяли, а мяне панъ завёвъ и давъ мнѣ мѣсто ночавяць. А я зъ вамы распораджусь, а изъ помѣщицкія койки то не полѣзу! И говора: «раньчикъ, открыйся, добрый молодзецъ, явися, возьми нячистую силу и прикуй къ сцѣнцы, покуль пятухи запяюць. Вотъ куды!» енъ сказавъ. «Панъ запраже лошадзя, поища попа, и перахсцимъ ихъ, и будзя два чаловѣки: усётыки большъ людзей будзя!» Добрый молодзецъ выскочивъ, узявъ ихъ ободвыхъ за бороды и прикувавъ икъ сцѣнцы. А бороды такія бѣлыя, махйнныя, якъ у Аверьки. *)

Вотъ, приходзя опяць жа два. «Служба, отчини!»—Хто тамъ такій?—«Мы!»—Хто вы?—«Черци!»—Зачимъ вы?—«Службочка, милая, просимъ мы ў цябе, *пущы* стариковъ нашихъ! Што хочашъ, мы табѣ дадзимъ, тольки *пущы*! Скоро пятухи запяюць!»—Што вы мнѣ дасцё?—«А што хочашъ?»—А вотъ што я хочу: половина комлатъ моихъ,—штобъ вы ня касались!—«Ну, дóбро!»—Распишицясь на етомъ! Ну, яны расписалися на половину комлатъ—солдацкія. Тоды солдатъ повялѣвъ раньчику открытца, доброму молойцу явитца, и ўзяць ихъ отъ сцѣнки и выкинуць за порогъ. И сычасъ жа якъ яны пошли, и пѣвни запѣли. Солдатъ остаéтца у живыхъ.

Давъ Богъ дзень. Посылаа панъ лакея: идзи, выкинь солдацкія косци у возяро!—Енъ уже вѣдаа, што солдата уже зъѣли. Сычасъ прибягаа лакей у комлаты, отмыкаа двери и стучиць по комлатахъ. Солдатъ спрашуя: хто тамъ стучиць? А лакей говора: я!—«Хто ты?»—Лакей!—«Да мацъ вашу такую, васъ много тутъ лакеявъ було!» Той побѣгъ назадъ. «Баринъ, солдатъ живъ!!»—Можацъ быць? живъ?—«Живъ!» Ну, сычасъ етый панъ надзѣвъ на сябе пальто и побѣгъ глядзѣць солдата, ци живъ енъ. Увыйшовъ у комлаты, и стучиць по комлатахъ. «Хто тамъ такій?»—А я!—«Хто, ты?»—А панъ, баринъ!—Да мацъ вашу такую, васъ много бариневъ було тутъ, и зъ рогамы, и зъ ногамы!» А панъ кажа: пожалуста, не ругайцеся, я самъ иду къ вамъ на лицо, просиць васъ на чай. Я дужа доволянъ, што вы живы!» Ну и пошли яны у комлаты. «Благодарю вамъ, баринъ, што вы пришли, позвали мяне на чай!» И остаéтца, попивши чай, до другія ночи. И яны уже балевали, госцевали цѣлый дзень. И повячерявши, енъ яго туды опяць жа завёвъ, уже у другую половину. «Баринъ, знаецця што? Вотъ ета половина комлатъ уже наша! А якъ ба тую отбиць?» Енъ ставъ яго просиць большъ. И завяли яго на другую половину. Узявъ енъ

*) Аверька—мѣстный старикъ, слушавшій вмѣстѣ со мной сказку,—бородачъ.

свѣчку бо́льшаю, запаливъ на ўсю ночь, помолився Богу, и легъ на другой ужо ко́йцы. Тоды, половину ночи пройшло, идуць два чарты старыя, да ўжо ня тыя, а другія. «Солдатъ, отчини!»—Хто тамъ такій?—«Мы!»—Хто, вы?—«Черци!»—Да ўже я зъ вамы распораджу́сь сягоньни, мацъ вашу такую! Вы ўчора мнѣ ня дали спаць!. Яны увыйшли сами. Тоды: «уцекай, служба, зъ нашихъ комлатъ! Ето комлаты наши! Што ты дзѣлаешъ ето? Коли мы у пана отобрали, а ў цябе и отбирацъ нечаго!» А солдатъ тоды сказуя: ну́, посмотримъ, хто ў кого отбяре: ци вы ў мяне, ци я ў васъ! —«Ну, убирайся: наши дзѣци якъ придуць, дакъ твоѐ косци обсмокчуць!» А енъ говора: «посмотримъ! Раньчикъ, раскрыйся, добрый молодзецъ, явися, пожалуста, прикой етыхъ сукиныхъ сыновъ, нячистую силу, икъ сцѣнцы, покуда пятухи запяюць!..» Ня ўспѣвъ жа раньчикъ приковаць етыхъ, найшло повны комлаты. Солдатъ бився, бився—яны яго згоняюць съ посцели. Открывся раньчикъ, выскочивъ добрый молодзецъ, якъ узявъ ихъ биць,—чисто усихъ побивъ! Опяць два приходзя и просюць солдата, по ласцы ўжо: «службочка, миляненькій! што ты хочашъ, бяри—пусци нашихъ дзяцей й нашихъ бацьковъ!»—Нѣ, ня пущу ни во́дного, покуль пятухи запяюць. Запяе́ць пятухъ, панъ привязе попа, и ўсихъ перяксцимъ, то нѣсколько душъ народу прибавитца на свѣци!.. А яны яму отказуюць такъ: «што ты хочашъ, то зъ насъ возьми, только пусци!» Ну, енъ имъ загадавъ насыпаць тую половину, што енъ учора отобравъ, повну грошамы, штобъ икуратъ повну, только сцежачку яму покинули. Яны насыпали и пришли къ яму́, штобъ енъ ишовъ посмотрѣвъ, ци вѣрно. «Я посмотру днёмъ, а цяперь я съ койки ня пойду. Раньчикъ, открыйся, добрый молодзецъ, явися, выкидай ихъ усихъ, нячистую силу, за порогъ!» Раньчикъ раскрывся, молодзецъ выскочивъ и повыкидавъ ихъ за порогъ. Остаетца солдатъ у живыхъ.

Присылая панъ лакея: «идзи, повыкидай хоць косци!» Лакей прибяжаа. Солдатъ закричавъ: «хто тамъ?»—Я!—«Хто ты?»—Лакей!—«Да мацъ вашу такую, тутъ много васъ сеночи лакеявъ було!» Лакей побѣгъ: живъ солдатъ! Да штось, говора, насыпано грошай повны комлаты, таа половина, идзѣ учора солдатъ ночававъ! Сычасъ одзяе́тца панъ, идзе́ць къ солдату и по комлатахъ стучиць. «Хто тамъ такій?»—А я, баринъ! —«Ну, коли ты баринъ, поглядзи у тую комлату, што дзѣетца. Комлаты наши, и гроши наши!» Баринъ етому радъ. Сычасъ узявъ етаго солдата и пошли чай пиць. Цѣлый яны дзень тамъ балевали, рады ўжо!

Дойшло до ночи, опяць панъ солдата выправляя, и дае яму третьцяю свячу, ще бо́льшаю. Солдатъ запаливъ свячу́ и поставивъ, и Богу помолився, и лёгъ спаць. У повно́чь приходзюць два чарты, опяць жа ня тыя—уже третьцій сортъ—и говоруць: «служба, отчини»!—Хто тамъ такій?—«Мы, чарты!»—А, вы мнѣ ня 'тчиняли и я вамъ отчиняць ня буду. Коли треба, сами уво́йдзецця!.. Яны ўвыйшли. «Служба, убирайся отсюля, а то мы цябе тутъ обсмокчимъ!»—Раньчикъ, открыйся-ка, добрый молодзецъ, явися, прикуй нячистую силу къ сцѣнцы,—отъ я зь ими распораджусь!.. Раньчикъ открывся, добрый молодзецъ явився и приковавъ къ сцѣни, и сядзиць. Солдатъ ляжиць, спокоянъ. Якъ налящѣло ихъ, да якъ воронья, повны комлаты,—и писнуць нейдзя! Добрый молодзецъ якъ ухапивъ, якъ узявъ ихъ биць, якъ узявъ ихъ биць— отбивъ чисто ўсихъ! Скоро урема пятухомъ (дат. множ.) запѣць. Опяць жа два идуць,

да такія сивыя, старше ужо за ўсихъ, и говоруць солдату: «што табѣ треба отъ насъ, то мы табѣ усё суповнимъ, тольки пусци насъ усихъ!»—Вотъ што мнѣ треба: комлаты моѐ, и штобъ дзеньгами были насыпаны, якъ таа половина. И распишицясь со мной!—«А йдзѣ жъ мы, говора, будземъ жиць?»—А ваша вѐзяро! Тоды яны насыпали повны комлаты грошай и расписались, што комлаты яго, а ня ихъ; гроши яго, а ня ихъ, а возяро ихъ. Енъ узявъ, посмотрѣвъ на ўсё,—здзѣлано якуратно ўсё—енъ и повялѣвъ доброму молойцу повыкидаць усихъ вонъ. Добрый молодзецъ узявъ ихъ, повыкидавъ усихъ до 'дногѐ, и запѣли пѣвни.

Давъ Богъ дзень. Ня пославъ уже панъ лакея, а пошовъ самъ. Якъ пришовъ панъ самъ, посмотрѣвъ у комлаты—и енъ ня знаа, дзѣ золота дзѣць! Сычасъ пошли исъ солдатомъ на гору̀ у комлаты и сѣли бясѣдовацъ. Панъ говора: «ну, што, солдатъ, согласянъ зъ моѐй дочаръю жанитца?»—Да, баринъ, коли вы согласны мяне приняць, то и я согласянъ къ вамъ пристаць! А панъ етый сказуя тоды: я табѣ дарую тыя комлаты, што ты отобравъ, и гроши, и повное ходзяйство, и свою дочь.

Тоды сычасъ жа пославъ панъ етый за своимы госцямы, за музыкой и за попомъ. Госци попріѣхали. Яны попили заручины. Вотъ такъ ба, якъ ба у насъ, близко церква была, *)—сычасъ ихъ повязли и повяньчали, и вясельля сыйграли. И осталися яны жиць.

Тоды солдатъ спрашуя у етаго пана: баринъ, ёсь у васъ баня?—Ёсь!—Треба бъ зъ дороги помытца у бани! Баринъ повялѣвъ вытопиць баню и приготовиць, якъ слѣдуя быць, помытца. Вытопили баню, приготовили якъ слѣдуя быць, помытца, и зовуць солдата у баню мытца. А баня ля вѐзяра, изъ возяра воды наносили. Приходзя солдатъ у баню—повна баня чарцей: ли чаго воды наносили изъ возяра? «А што, солдатъ, усётыки попався къ намъ, дакъ попався. Мы отъ цябе ня 'тступимъ. Мы съ тобой расписалися: домъ твой, гроши твоѐ, а возяро наша, дакъ ня смѣешъ брацъ нашія воды, дакъ тутъ табѣ ужо конецъ!» Солдатъ отпросився у ихъ: пойду исъ ходзяйкой попрощаюсь, изъ роднымы! Пришовъ у комлату и говора: ну што, баринъ, хай моя жана, а ваша дочаръ, идзе̋ць со мною ў баню умѣсци! Панъ сказавъ такъ: ето дзѣло ваша! Якъ хочашъ, такъ и можашъ распорадзитца съ своѐй жаной—дзѣло ня моѐ!.. Енъ тоды довёвъ жану̀ до бани, и нѣскольки шаговъ ня довёвши до лазьни,—«ну, жана моя, раздзѣвайся соўсимъ, якъ мацъ родзила!»—Якъ жа я буду раздзѣватца, ня дойшовши ў лазьню?—«Нѣ, надо раздзѣватца!» Стало быць, яна яго ще совѣсцитца: якъ ето раздзѣватца, ня дойшовши у лазьню? Однача, ёнъ вялиць: «коли ты не раздзѣнесься, дакъ застанесься ты удовой, а мнѣ приходзитца загибаць!..» Жана раздзѣлася, растрапала волосы, стала ракомъ, енъ сѣвъ на яе вярьхомъ, и тоды поѣхавъ на ёй задомъ. Отчинивъ ёй двери. Зирнули етыя черци,—на комъ ёнъ ѣдзя? Енъ имъ сказуя такъ: «вотъ, черци, коли вы увознаеця, на комъ я ѣду, то я вашъ; а коли ня ўвознаеця, то ўси суды убирайцесь!» И лопая по срацы. Яны тутъ ходзили, ходзили кругомъ яе—ня ўвознали. Вѣдомо—тутъ хвостъ, а тутоцьки няма вѣдома што. «Ну, службочка, миляенькій, мы што хочашъ дадзимъ, а сюды не полѣзямъ!»—Ну, давайця половину возяра! Распишицясь!.. Яны расписались: таа

*) Въ Гайшинѣ сказки записывались мною въ училищѣ, возлѣ церкви.

половина ихнаа, а лп лазьни моя. Ень сычасъ пославъ ихъ разбиць точками, размѣрицъ. Яны разбили возяро, и размѣрили, и расписалися, и сами убралися изъ лазьни.

А солдатъ помывся у лазьни исъ своёй ходзяйкой и осталися жиць. И я тамъ бывъ, и медъ-вино пивъ, и у роци ня було и по бородзѣ не цякло.

М. Гайшинъ, бых. у. Запис. мною. Говоръ смѣшанный.

85. Купчикъ небогатый.

Якъ живъ купецъ, ды помёръ. И осталыся у яго жана и маленькій сынёнычикъ. Тогды, умираючи, ёнъ скызавъ жанѣ: «помни, жана любезная: кыли ёнъ вырысцецъ, у совершенныи лѣты выйдзецъ, тогды яму передай гроши на руки и ўсё моё имущаство!» И такъ, годовъ ды семнатцыци, бывъ енъ у мацери. И просиць енъ у маменьки: «маменька моя любезная, дай мнѣ сто рублей: пойду на базаръ што-нибудзь купиць.» Маменька дала яму сто рублей, и пошовъ енъ на рынокъ. Ходзивъ, ходзивъ по рынку цѣльный дзень, и не спозрився яму ниякій тываръ. Тольки енъ видзиць—носиць мужикъ кота. Енъ говориць: што табѣ зы кота, мужичокъ?—Сто рублей! Енъ вынявъ яму съ кырмана сто рублей и отдавъ зы кота. Приходзиць домовъ, и мацъ яго спрашіець: «сынка мой возлюбленный,якого жъ ты тывару зыкупивъ?»—Купивъ звярушку! А мацъ говбрицъ: «ето жъ ты кота купивъ!» А енъ говбрицъ: якая мнѣ штука трапилась, такую я и купивъ! Мацъ кажецъ: «сынку мой, сынку—дурный твой розумъ!..»

Тогды яны пывячерали, лягли спацъ. А назаўтри поўтру енъ знова просиць у матки сто рублей. А матка говориць: «сынка мой, ты яще такую глупусь купишъ, якъ учорась!» Енъ и говориць: што мнѣ спозритца, тоя я куплю! Тогды матка дала яму сто рублей, и пошовъ енъ на рыныкъ. И ходзивъ енъ цѣльный дзень, и ничого яму не трапилося. Идзёцъ енъ домовъ, а человѣкъ вядзёцъ собаку. Енъ спрашіецъ: «што ты вядзёшъ?»—Собаку!—«Што, ты яго продаёшъ?»—Продаю!—«Што ты за яго хочешъ?»—Сто рублей! Тогды енъ отдавъ сто рублей тому человѣку за собаку. И пришовъ енъ домовъ съ собакой. Мать у яго спрашіецъ: «якого ты тывару закупивъ?»—Собаку!—«А што отдавъ?»—Сто рублей! Стала яна бранитца: «вотъ, сынку—глупый твой розумъ: учора ты купивъ кота, а сягони собаку. Вотъ двѣсця рублей изъ кырмана!» Тогды енъ кажецъ: «мацъ моя, молися ты Богу, кладзися спацъ!» Назаўтри устаёцъ енъ раненько, помывся бѣленько, помолився щиренько, и просиць у матки яще сто рублей. А матка кажецъ: сынку мой, сынку! Ты ужо занёсъ двѣсця рублей, и яще сто рублей! А енъ кажецъ: мацъ моя, можецъ при худый годзины знадобны будуцъ! Тогды мацъ яму выняла сто рублей и подала. Енъ у яе ўзявъ и пошовъ на рынокъ. Ходзивъ, ходзивъ, и ничого яму не трапилось купиць. Къ вечару дзѣло—трапився яму нѣйкій панъ, и кажецъ яму: «молодый парень! ци не доставъ бы ты у склепи у барыни ўмёршей зылотэй перспенъ? Што хочешъ, я табѣ заплачу, хуць тыщу рублей, тольки достань мнѣ, подай!» А енъ говбрицъ: отчаго, можно! Тоды енъ узявъ, одымкнувъ склепъ и упусцивъ яго туды, а двери замкнувъ. Пошовъ енъ пы гробахъ, ажны ляжиць паня умёршая, а зылотэй перспень ажны зіяецъ у яе на руцѣ. Енъ укленчивъ перядъ ёй и пымоливсь, и говбрицъ: «позволь мнѣ перспень зъ руки зняцъ!»

Тогды узявъ яе зы правую руку̀ и знявъ персцень. И тогды уклòнився ёй низенько у ноги и пошовъ къ дверямъ и стучиць у двери: «пусци мяне вонъ, я ўжо персцень дыставъ!» А панъ говбрить: пыдай мнѣ персцень скрозь двери у болонку! А енъ кажець: «я табѣ не подамъ! перша ты мяне выпусци, и зыплаци гроши, тогды я табѣ отдамъ!» Енъ жа яго ня пускаець, а енъ персьня не даéць. Тогды енъ, сѣдзючи тамъ, знявъ персцень съ пальца, зъ руки на руку̀ перякинувъ, и стало перядъ имъ три мылойцы. И спрашуюць у яго: паня-Иваня (зват. пад.), што за ўслугу надо? А енъ имъ говориць: разбиця гетый склепъ и доставця мяне у войцовській домъ! Тутъ тые добрые мылойцы разбили склепъ и доставили яго у войцовській домъ къ мацяри.

Тогды жъ мацъ у яго спрашіець: «сынку мой, што жъ ты за сто рублей купивъ?» —Ничого по моеі натуры не трапилося, маменька! Молися Богу, ложися спаць: заўтри поўтру, маменька, будзець мудрѣй вечара!.. Узявъ персцень зъ руки на руку̀ перемянивъ, и стало перядъ имъ три мылойцы и спрашиваюць: «паня-Иваня, што за ўслугу надо?» А енъ сказываець имъ: штобъ за ночь домъ бывъ выстроенъ такій, што ни ўздỳмаць—згадаць, тольки ў приказки сказаць! Яны яму говоруць: «паня-Иваня, ложися спаць: за ночь усё будзець!» Лёгъ ёнъ спаць. Назаўтри устаéць и видзиць ёнъ, што енъ и мацъ спяць ў пяринахъ, прйслуга у ихъ ёсь—и кỳхари и лакеи. Мацъ спрашіець: сынку мой, сынку, откуль табѣ гето Богъ давъ! Енъ и говбриць: маменька моя, што я отъ Бога задумаю, тое мнѣ Богъ и дасъ? Тогды жъ енъ, перябывши дзень, и къ вечару дзѣло—говбриць: «маменька моя, молися Богу, ложися спаць: заўтри поўтру мудрѣй вечара будзець!» Тогды енъ узявъ, перякинувъ персцень зъ руки на руку,—выскочило перядъ имъ три мылойцы и спрашиваюць у яго: паня-Иваня, што надо за ўслугу? Енъ и говбриць: «кабъ було шасцёрка лошадзей и поіздъ хорошій: кучари, лакеи и хвалетыри; кабъ мацери моей одзежа была хорошая къ царю ѣхыць у сваты!» Тоды яны сказали: «паня-Иваня, молися Богу, ложися спаць: будзець табѣ поўтру усё!» Тогды жъ енъ уставъ поўтру и посмотривъ—стоиць пригната шасцёрка лошадзей, съ кỳчарами, зъ лакеями, съ хвалетырами, и мацяри одзéжу привязли. Мацъ устала и говориць: сынку мой, сынку, откуль табѣ щасця давъ Богъ? Тогды енъ говориць: ну, маменька моя: убирайся и ѣдзь къ царю у сваты. Я думаю узяць за сябе яго дочь! Тоды мацъ говориць: «сынку мой, идзѣ царь отдасъ зы цябе дочь?»—Ну, маменька, отдась-ня 'тдась, а свататца надоби! Мацъ яго прибралыся, одзѣлыся, и поѣхыла. Пріѣжжаець туды къ царю, и царь у яе спрашіець: объ чимъ ты пріѣхыла, купецкая жана? Яна яму отказыець: пріѣхыла у сваты за свойго сына! Царь гукнувъ дочь свою и сказыець: вотъ, купецкая жана пріѣхыла у сваты за сына свойго! Яна яму отказыець: «я тоды пойду зы яго, кыли будзець домъ чище нашаго ойца, и выстрыець мостъ отъ нашаго дома и до яго—сяребряная штынпальная и зылотая штынпальная, сяребряная мосцина и зылотая мосцина—тогды я пойду зы яго за мужъ!»

Поѣхыла яна домовъ и сыну сказываець: сынку мой, идзѣ намъ узяць царьскую дочь, и здзѣлыць тое пы яѐ зыгадцы? А енъ ёй отказываець: мацъ моя, мацъ,—молися Богу и ложися спаць: заўтри повутру мудрѣй вечара!.. У вечари жъ енъ кольцо перякинувъ зъ руки на руку, и стало перядъ имъ три мылойцы и спрашиваюць у яго:

«паня-Иваня, што за ўслугу надо?»—А вотъ што: кабъ поўтру мостъ бывъ выстроенъ—зылотая штынпальная, сяребряная штынпальная, зылотая мосцина, сяребряная мосцина, отъ нашаго дома ды до царьскаго!—«Паня-Иваня, молись Богу, ложися спаць—будзець усё!»

Тогды енъ ўставъ раненько, поглядзѣвъ, ажны мостъ выстроенъ, ажны зіяецъ! Будзиць енъ матушку и кажець ёй: «маменька, поѣжжай къ царю у сваты по гетому мосту!» Яна жъ устала, одзѣлыся и поѣхыла. Пріѣжжаець къ царю. Царь выходзиць на высокъ балхонъ, узявъ позорную трубу и смотрйць: ажны мостъ отъ яго крылца и до купецкаго выстроенъ, ажны зіяець! И спрашіець енъ дочь свою: видно табѣ ици за Йваньку, купецкаго сына! Дочь яго говориць: «кыли жъ енъ хитрецъ ды мудрецъ, то нехай енъ разнымъ виноградымъ обсодзиць побаполъ мосту, и якъ мы будземъ ѣхыць къ вянцу, кабъ цвицѣвъ, а отъ вянца—кабъ отцвицѣвъ, и кабъ мы могли кушаць ужо плоды!» Тоды жъ маць яго зъ естыми словами узяла и поѣхыла домовъ. Пріѣжжаець домовъ, и сынъ у яе спрашіець: «а што, ци высваталась?» А йна кажець: зыгадала зыгадку не гораздо хорошо: кабъ ты высыдзивъ побаполъ моста виноградымъ: къ вянцу ѣдзя, кабъ цвицѣвъ, а отъ вянца—ужо ѣли бъ плоды! Енъ тогды кажець: «молись Богу, да кладзися спаць: заўтра повутру будзець мудрѣй вечара!»

Енъ сыйчасъ персцень перякинувъ зъ руки на руку, и стало перядъ имъ три молойцы и спрашиваюць: «паня-Иваня, што за ўслугу надо?»—Вотъ, говориць: кабъ разными виноградыми обсадзили побаполъ моста: кабъ къ вянцу ѣдзя, цвицѣли, а отъ вянца—отцвицѣли и ўспѣли плоды, кабъ мы кушали!.. Назаўтри устаець, вышувъ на высокъ балхонъ, смотрйць—по 'бѣихъ сторонахъ обсóджано разными виноградыми. Енъ тогды кажець: «матушка, ступай одзѣвайся, и ѣдзь къ царю у сваты!» Тоды яна поѣхыла къ царю у сваты, и кажець ёй царь: ну, што жъ? Хочешъ ты со мной сватовство завясци? А яна яму кажець: жалаець мой сынъ дочь вашу у супружаство узяць! Тоды царь вызываець свою дочь и кажець: «якую зáгыдку зыгáдываешъ, а енъ тое суповняець. Видаць, што вы будзеце супруга яго, а енъ вашъ!» Яна тогды загыдку зыгадываець: «кыли жъ ёнъ мой супругъ, дыкъ кабъ были у яго лошадки получьче вашихъ, на якихъ вы ѣдзеця на паску къ обѣдни; карета кабъ была получьче вашай; домъ чище вашаго; пицяньнё и ядзяньнё получьче нашаго. И кыли усё гето за почь бўдзець здзѣлыно, дыкъ нызаўтри нехай пріѣжжаець къ вянцу; а якъ пріѣдземъ зъ вянца, кабъ столы были застланы просцирадлами, пицяньне и ядзяньне понаставлено!» Тогды царь кажець: «кыли ты моя сватьця, то нехай усё гето у васъ за ночь будзець, дыкъ заўтри къ вянцу пріѣжжайця!»

Пріѣжжаець яна домовъ, а сынъ выскакыець икъ ёй на ўстрѣчу и спрашіець: ну што, маменька? А йна говóриць: «сынку мой любезный, зыгадала царевна зыгáдку не гораздо хорошо: кабъ къ заўтрему у насъ были лошадзи получьче ихныхъ; карета, збруя кабъ почище царьскіи!»—Мадь моя родзимая, молися Богý, ложися спаць: поўтру будзець мудрѣй вечара!.. А енъ, добрый молодзецъ, узявъ, персцень зъ руки на руку перякинувъ, и выскочили три мылойцы, и спрашиваюць у яго: «паня-Иваня, купецкій сынъ, што за услугу надоби?» А енъ имъ сказываець: што заўтри я буду принимаць законный, бракъ дыкъ кабъ лошадзи, карета, кучари и лакеи получьче царьскихъ

были; кабъ, покуль я зъ вянца пріѣду, кабъ столы были закрыты дырогими просцирадлами и пиценьнё, ядзеньнё получьче царськаго поставлено! Яны яму отказываюць: «молися Богу, ложися спаць: за ночь усё твоё дзѣло суповнито будзець!» Тоды енъ пошовъ спаць. Назаўтри уставъ енъ раненько, ўмывся бѣленько, вышовъ на подворицу, ажъ видзиць, што усё тое суповнито, што царевна приказала. Тогды яны увыбралися и поѣхыли къ царю законный бракъ принимаць. Вышла тая царевна, посмотрѣла, ажны видзиць, што уся яго дружина увыбрана получьче отцовськіи. Што робиць? Оцецъ побогословивъ тоды законный бракъ принимаць. Тўды яны ѣдуць, разные хрухты цвиняць, а покуль ихъ обвѣньчали, дыкъ ужо уси хрухты поспѣли, и стали яны щипаць и кушаць. Обвѣньчавшись, яны у царя побалювали, погуляли и поѣхыли у дворъ. Царь жа пославъ за ими царамонію и самъ поѣхывъ осмотрѣць ихъ съ усёй своей свитой. И видзиць, што у яго зяця усё почище и получьче, чимъ у яго самагѓ. И говориць енъ: «сынку мой и дочь моя, богословляю я васъ усимъ добрымъ щасцемъ!» Тогды царь побывъ тамъ съ своей свитой, пугулявъ и поѣхывъ у свой царськіи домъ.

Ну, скольки яны жили тамъ, нѣскульки годовъ благополушно. Енъ жа, Иванъ-купецкіи сынъ ничого худого ня дўмаець, а йна ўсё думаець, кабъ зь имъ разлуку мѣць и перякинутца къ проклятому цáрю. И стала яна зь имъ добры рѣчи говориць: «другъ мой, и супруга моя! што жъ гето мы одзинъ съ однымъ живёмъ и правды не кажемъ? Откуль ты гетакаго богатьця узявъ и розуму набрався?» Тогды ёнъ ёй отказыець: «жана моя и супруга! На што вамъ того допытаватца, чаго нельзя знаць?» А йна яму говориць: «кыли ты мой другъ, а я твоя, дыкъ должо̀нъ мнѣ правду скызаць; а кыли не докажешъ мнѣ правды, дыкъ я выйду къ своиму ойцў! Тогды енъ ей отказыець: «кыли ты хочешъ знаць гето дзѣло, тольки кабъ гето знали мы ды Богъ третьціи: никому не кажи—ни ойцу родному, ни мацери!» И сѣли яны разныя пъяныя вины распиваць, и стала яна разныя хорошія рѣчи говориць. Попивши винъ разныхъ и пъяныхъ, и лягли яны отдыхаць. «Искажи ты мнѣ, другъ милыи, отчаго ты ставъ богатъ и откуль ты розуму набрався?» Енъ жа ёй отказыець: «ёсь у мяне на правый руцѣ персцень, и якъ я яго тольки зниму съ пальца, и зъ руки на руку перякину, дыкъ сыйчасъ выходзюць три мылойцы и дыставляюць яны мнѣ усё, што надо!» Тогды, якъ заснувъ енъ быгатырськимъ сномъ, яна сыйчасъ узяла, зняла зъ руки у яго персцень, и зъ руки на руку перякинула, и сыйчасъ выскочили три мылойцы и спрашиваюць: царевна наша, што за ўслугу вамъ надоби? А йна говориць: «кабъ гетый домъ, и со мной, и ўсё яго быгатьця перенясли къ нявѣрному цáрю, къ проклятому цмоку, а яго покинули у бацькинымъ доми зь яго матушкой!» Назаўтри устае́ць ёнъ раненько и видзиць енъ, што нема того ничо́го, што у яго было, тольки енъ у войцовськимъ домику. Царь же вышовъ на высокъ балхонъ и видзиць енъ, што нема ни мосту, ни разныхъ виноградывъ, ни зяцева двора. Тогды енъ пославъ вѣдомнось: «кыли ёсь хто живый—зяць или дочь моя, дыкъ пристановиць ихъ ко мнѣ!» Кыли жъ яны осмотрѣли, то увидзѣли, што нема ни царевны, ни двора, а тольки зяць одзинъ зъ матушкой своей. Тогды узяли яго добра мылойца, и пристановили налишно (*лишни*) къ царю. И спрашіець яго царь: «идзѣ ты подзѣвъ свою жану, а мою дочарь?» [illegible] царь и вялѣвъ замурувацъ яго у *стобъ* (стоўбъ-столбъ), и здзѣлыць

одно маленько вокошко и пыдавацъ яму у тое вокошко хвунтъ хлѣба и хвунтъ воды. «Енъ, видацъ, большій хитрецъ!»

Тогды, на другій дзень, оглѣдзився котъ и пёсъ, што нема ихнаго ходзяина. И пёсъ кажецъ коту: пойдземъ искацъ свою царевну! А котъ яму отказыецъ: «хорошо, што ты вяликъ и дужъ, можешъ переплысь черезъ сине море!» А собака яму кажецъ: «кыли я переплыву, то и цябе перевязу!» Тоды яны узяли, бросили старуху, яго мацъ: и пошли изъ дому къ синему морю. И кажецъ собака на кота: «садзися на мяне и дзяржися!» Поплывъ собака по синю морю. Плыви, плыви, и переплыли яны на тэй бокъ. Вылѣзли на берегъ, котъ соскочивъ, собака стряханувся, и пошли яны шукацъ царевну. Бѣгли, бѣгли, и прибѣгаюцъ къ тымъ самымъ палацямъ, што были у Ивана—купецкаго сына. Тогды сыйчасъ улѣзаюцъ яны у домъ, и обрадовалась имъ царевна. «А! говорицъ: коцька мой, и кобелька мой, якъ гето вы мяне найшли?» Котъ ставъ мышей бицъ да ў косцёръ складацъ, а собака ставъ на кухни кухарю повмиски мыцъ. Кухарь и лакей жалѣюцъ собаку, а царевна кота. Тоды котъ тэй приладзився: ина спицъ, а енъ цiхынько зубками тое кольцо колыши, колыши, и здзѣвъ ёнъ тое кольцо. Якъ здзѣвъ, дыкъ енъ сыйчасъ говорицъ собаку: што кольцо ужо ёсь, пойдземъ домовъ, кабъ ходзяина намъ захапицъ живого!» Тогды яны якъ пудзь, дыкъ пудзь, и прибѣгли къ синему морю. Тоды собака говорицъ на кота: «садзися на мяне, поплывёмъ; тольки хорошо дзяржи персцень, ня выпусци!» Сыйчасъ тогды плыви, плыви, и спрашiецъ собака у кота: котъ, ци ёсь персцень? А котъ мовчицъ. Тоды, сколькя яще проплыли, и спрашiецъ узновъ собака у кота: ци ёсь персцень, а то я цябе утоплю! А котъ забоявся, кабъ енъ яго ня ўтопивъ, и кажецъ: ёсь! Ды персцень и ўпусцивъ у море. Якъ приплыли яны къ берегу, дыкъ котъ соскочивъ ды па ель. А собака спрашiецъ: ча ты, котъ, ускочивъ на ель? А котъ кажецъ: а што жъ? Якъ ставъ ты спрашивацъ, ци ёсь персцень, а я сказавъ: ёсь, —а персцень у море!.. Тогды собака кажецъ коту: «лѣзь доловъ, пойдземъ мы сабѣ новаго ходзяина шукацъ!» И побѣгли. Якъ бяжи яны, бяжи, прибѣгаюцъ яны къ рыбаку: собака сцеряжецъ дворъ, а котъ очищаецъ домъ. Ходзяйка рада котомъ, а ходзяинъ собакомъ. Тогды, разъ, уловивъ тэй ходзяинъ большого щупака, и стала тая ходзяйка чисцицъ того щупака, и найшла у сярэдзини у яго персцень, и кажецъ ходзяину: «якого гето ты щупака уловивъ, што енъ проглынувъ персцень!» И поклала яго на полицу. А котъ тое дзѣло видзѣвъ. Ну, повячеряли яны и лягли спацъ, а котъ не забывся тое дзѣло, узявъ персцень у ротъ и выскочивъ у болонку. И говорицъ собаку: «ходзи, пойдземъ! Персцень ёсь! Кабъ намъ свойго ходзяина захапицъ живого!» Тогды яны якъ пудзь, дыкъ пудзь, и прямо ў тое царство, идзѣ енъ жану сабѣ бравъ. И прямо прибѣгаюцъ къ тому слупу, идзѣ енъ умурованъ. Полѣзъ котъ по слупу къ тэй шибѣ, куды яму подаюцъ ѣсь. Услыхавъ Иванъ Ивановичъ —купецкій сынъ, што къ яму лѣзецъ яго котъ, и разбивъ ёнъ шибу и ставъ гладзицъ кота; а котъ ставъ яму кланятца и усунувъ яму персцень у руку.

Иванъ Ивановичъ, якъ увидзѣвъ персцень, дыкъ дужо обрадовався, и зъ руки на руку перякинувъ, и стало перядъ имъ три мылойцы и кажуцъ: «паня-Иваня, купецкій сынъ, што за услугу надоби?» Тоды енъ кажецъ: «кабъ гету турьму разбили

и мяне достановили къ моёй мацяри у бацьковъ домикъ!..» Сычасъ узяли яны, турьму разбили и того часу яго домовъ достановили. Мать дождала сына; обрадовалась яна и кажецъ: «сынку мой, сынку, якъ цябе Богъ милуецъ?» Енъ жа кажецъ: молись, мамка, Богу, ложися спаць,—вутро вечара мудрянѣй! И узявъ енъ перспень, зъ руки на руку перякинувъ, и стало перядъ имъ три мылойцы, и спрашуюць у яго: «паня-Иваня, купецкій сынъ, што табѣ за услугу надоби?» Енъ жа имъ кажецъ: кабъ домъ мой достановили на тое мѣсто, идзѣ енъ бывъ; и кабъ жану мою пристановили у мой дворъ разомъ, сонныхъ, съ проклятымъ цмокомъ; и кабъ цесць мой, царь, а яе оцецъ, прибывъ сюды съ усёй своёй свитой!» А мылойцы яму кажуць: «молися Богу ды кладзися спаць: вутро мудрянѣе вечара!» Назаутри, уставши, видзицъ ёнъ, што ёнъ у тымъ самымъ доми, и яго жана спиць зъ нявѣрнымъ царемъ, съ проклятымъ цмокымъ. Пріѣхывъ царь осматривацъ яго и свою дочку. Иванъ Ивановичъ—купецкій сынъ тоды говорицъ: «оцецъ мой и царь! вотъ вы мяне казнили, а што ваша дочь,—съ кимъ яна живѐцъ?..» Тоды царь приказавъ нявѣрнаго царя, проклятаго цмока, порубицъ, спалицъ и попелъ здуцъ, а яѐ привязацъ къ лошадзинымъ хвостамъ, и у чистое поле пусцицъ, и разорвацъ.

А Ивану Ивановичу—купецкому сыну скызавъ: живи цяперь зъ Богымъ—богословляю цябе, и выбирай сабѣ жану уво усимъ моимъ царьстви.

С. Сорица. Отъ кр-на дер. Дуброва Василія Цыбуна записала г-жа Плещинская. У насъ было еще пять списковъ этой сказки. Ср. Аф. VI, 331; VII, 262. Садовн. 41. Чубин. 52, 59.

86. Нещастный Егаръ.

Нѣукоторымъ царстви, нѣукоторымъ государстви, бывъ такъ одинъ царъ холостый. И енъ мѣвъ у сябе охвотьника прабольшаго; и ёнъ пазывався Нещастный Егаръ. Тольки у водно уремъя царъ етый ожидавъ госцей къ сабѣ съ прочьчихъ зямель. Ну, и приказавъ яму, штобъ было къ такому то уремъю разныя дичины яму, а коли ня будя, говора, къ тому-то дню, дакъ я табѣ голову зниму. Нещастный Егаръ уставъ сабѣ рано и пошовъ на 'хоту. Проходивъ день, зъ раньня до вечара, и ня видзѣвъ дажа маленькія птички, ня токмо штобъ вяликое што. Приходя домовъ, вечаромъ, являетца къ цару. Царъ спрашуя у яго: што, говора, Нещастный Егаръ, знашовъ што, али нѣ? Нещастный Егаръ отказуя: я, говора, ня токмо што хорошое ня видавъ, а дажа и махонькія птички ня видавъ у вочи! Тоды царъ яму кажа: «ну, вотъ, Нещастный Егаръ, даю табѣ два дни строку; гляди, штобъ бязпремѣнно была дичина, дѣ хочашъ яѐ возьми, хоть подъ зямлёю; а коли да ня будя, дакъ табѣ голову зниму!» На другій день пошовъ, ходивъ зъ раньня и до вечара, и то жъ ня видавъ ничого. Вечаромъ являетца къ цару и говора: «нѣтъ ничого!»— Вотъ, послѣдній, говора, строкъ—заутрашній дзень: штобъ было мнѣ няпремѣнно!..

Отправляетца енъ на хватеру, Нещастный Егаръ, и лёгъ спать. На третьтій день устае енъ раняньно, мыетца бѣлянько, узявъ своё *ружо*, и отправляетца у лѣсъ. Ходзивъ по лясу зъ раньня и до повдня, и ня видзѣвъ тожъ а ничого! Тольки надумався самъ сабѣ: «пойду-тка я изъ лѣсу къ возяру, можа я хоть вуточку знайду,

абы бекаса якого!» Выходжуя на пясокъ, изъ лѣсу къ возяру, оглянувся кругомъ сябе, бача—лятить три вуточки. Енъ тоды зложився, хотѣвъ ихъ бить улётъ, а тоды самъ сабѣ раздумався: «што жъ я у лётъ буду бить? Я одну тольки забъю! Нехай яны лучьче сядуть, дакъ я, можа, якъ небудзь подповзу и усихъ отразу убъю!» Яны окружилились вокругъ возяра и пали, ударились вобъ зямлю, и здѣлались три пракрасныхъ дѣвушки. Раздѣлись и начали купатца. Енъ подповзъ по кустахъ, оглѣдився, што ето три дѣвушки, и што енъ надумався?—Узявъ, да одные дѣвушки платьтя сховавъ, и самъ скрывся. Яны покупались, вышли на берагъ. Етыя жъ двѣ одзѣлись, крылушками страпянулись, поднялись и поляцѣли; а тая и осталась. Ета, третьтяя, шукала, шукала—няма платьтя! Улѣзла у воду опять и говора: «хто тутъ узявъ моё платьтя? Отдай! Коли старшій—отецъ будешъ мой; коли младшій—братъ будешъ рo̊дный; коли уро̊вни—то будешъ мужъ мой!» Енъ тоды говорить: скрыйся, говора: я положу на мѣсто платьтя твоё! Яна скрылася, енъ положивъ на мѣсто платьтя, и самъ отышовъ, скрывся, што яна голая. Яна вылязла и одѣлася. Тоды спрашуя: «ну, выходи сюды, хто такій?» Выходжуя енъ, яна узнала: «здрастуй, говора, другъ мой любезный, Нещастный Егаръ!» Енъ отказуя: «здрастуй, говора, вумница!» Узялися одинъ другого подъ руку̊ и пошли. Тольки идуть, сичасъ идуть разное звяръё къ яму. Енъ и начавъ бить ихъ. Такъ жа и птаство разное—и вутки, и гуси, и лебяди—уси лятять къ яму, што яму̊ треба. Набивъ енъ кольки яму треба було разныя дичи, и отправилися у городъ. Завёвъ ету жану свою на хвацеру, а самъ являетца къ цару.

Царъ выходя: «здрастуй, говора, Нещастный Егаръ!»—Здравія жалаю, кажа, ваша царское вяличаство!—«Ну, што жа, говора, ти приготовивъ што?»—Такъ тошно, ваша царское вяличаство! Тольки прикажитя запре́гти три хургоны по троя ко́няй, потому—яна ще у лѣси!... Царъ сичасъ приказавъ ето сповнить яму̊. На три тройки сичасъ сѣвъ и поѣхавъ за дичиной. Поѣхавъ, и привожуя къ цару. Царъ увидзѣвъ и зрадовався, и благодаривъ яму: спасибо, Нещастный Егаръ, за твое труда̀, што ты мнѣ постарався икъ такому у̊ремъю, што мнѣ треба. И я славлюсь тобой, што ты хорошій охвотьникъ у мяне; ты у мяне слышанъ и заграницай по прочьчихъ земляхъ!» Тольки енъ надумався: што якъ царъ тяперъ милостивъ къ яму, дакъ найшло яму у голову̊ проситца жанитца позволенія. Тольки царъ, видя (прош. вр.) яго етыя думки и говора: «што ты, Нещастный Егаръ? Я виджу, што ты штось думаешь; хочешъ штось говорить ти просить?»—А такъ, вѣрно, ваша царское вяличаство! Позвольтя, говора, жанитца!—«Хорошо, говора: позволяю и блугуслувляю; я блугусловляю, и Богъ тябе блугусловить! И вотъ табѣ на свадзьбу усё, што треба, отпускаетца—денегъ и у̊сяго!» Енъ поблагодаривъ цару и пошовъ на хвацеру къ назва́ной жанѣ. И давъ яму царъ вольготу, на нѣскольки уремъя, на свадзьбу, и покуль уже тамъ...

Начали зъѣжжатца къ цару госпцы съ прочихъ зямель. Енъ ихъ принимая, частить,—гульбища занялося. Енъ и начавъ славить Нещастнаго Егара, што, вотъ. енъ наготовавъ разныя дичи на кушаньня. А Нещастный Егаръ начавъ свадьбу гулять. Отыйшла свадьба, яна сабѣ нашла работать што-небудь тамъ; отчинила вокошко, сѣла подъ вокномъ и вышивая хустку сабѣ. Тольки цару треба було якіясь бумаги изъ

саноту. Царъ посылая мальчика, годовъ пятнатцать, у санотъ: «принясм, говора, мнѣ такія-то бумаги!» Етому мальчику треба було итить той вулицай, дѣ живе Нещастный Егаръ. Етый мальчикъ ишовъ и ўсмотрився на жану нещастнаго Егара и остановився: смотрѣвъ, смотрѣвъ, што яна дужо красивая. И призабывъ, куды яго посылали и вярнувся опять у дворецъ. Царъ спрашуя: «ну што, принёсъ?» А енъ отвѣщая: никакъ нѣтъ, ваша царское вяличаство!—«А зачимъ ты ня принесъ?»—А ишовъ я мимо хвацеры Нещастнаго Егара, яго жана сядить подъ вокошкомъ и шія. Засмотрився я на яе красоту и забывся, куды и зачимъ мяне послано!.. Царъ назвавъ яго дуракомъ, етаго мальчика, и посылая другого. И другій такъ жа само, ишовъ, засмотрився, и той позабывъ. Вярнувся енъ у дворецъ и говора: ваша царское вяличаство! Ишовъ я—сядить Нещастнаго Егара жана и вышивая; я засмотрився и забывъ, куды мяне посылали! Царъ тоды подумавъ, што ето вѣрно, што яна такая красивая, приказавъ запрегти кóняй и поѣхавъ самъ. Проѣхавъ мимо, и надумався ѣхать у санотъ. Пріѣхавъ туды и говора: «придумайтя, господа совѣтники, куды бъ намъ послать Нещастнаго Егара, штобъ енъ оттуль ня ўзворотився. Да и сыйчасъ жа!» говора. Яны подумали, подумали и говóрать: «ёсть у такимъ то царстви, за тридевять зямель, елень-золоторогъ. Приказать яму, штобъ енъ яго приставивъ. Енъ пойдя за имъ, и вѣрно ня ўзворотитца. Покуль туды дóйдя, дакъ и можа што и злучитца зъ имъ!» Вечарóмъ посылая за Нещастнымъ Егаромъ царъ, требуя во дворецъ. Приходжуя Нещастный Егаръ, являетца къ цару. «Здраямъ-жалаямъ! кажа, ваша царское вяличаство!» Послѣ свадьбы уже давнéнько видѣлись.—Здрастуй, говора, Нещастный Егаръ! А вотъ што я табѣ, говора, скажу: ёсть у такомъ то царстви, за тридевять зямель, елень-золоторогъ. Штобъ ты мнѣ яго, говора, приставивъ; штобъ енъ у мяне, говора, бывъ, красиво бъ було, говора. Ну, и отправляйся, говора, отпочивай, а заўтрашній дзень, раньничкомъ, штобъ ты и отправився!..

Нещастный Егаръ отправився домовъ. Приходжуя, и крѣпко скўшанъ (скученъ). Жана и спрашуя у яго: «што, говора, другъ Нещастный Егаръ заскучавъ?»—Якъ жа мнѣ ня скучать, коли царъ приказавъ, штобъ я доставивъ—ёсть у такимъ-то царстви, за тридевять зямель, елень-золоторогъ. Якъ я яго, говора, отыйщу?» Ето ужо уремъя було вячерняя. Жана яму и кажа: «молись Богу, ложись спать: вутро будя мудранѣй вечара!» Нещастный Егаръ положився спать. Жана яго ще вышивала. Тольки заснувъ Нещастный Егаръ, яна выходжуя на крылцо, свиснула и гукнула: «елень, говора, золоторогъ, стань перадо мной сычасъ жа!» Елень-золоторогъ явився перадъ ёй. Яна чапая тамъ яго якимъ пояскомъ, ти чимъ, и вяде у комнату. А Нещастный Егаръ етаго ничого ня знавъ,—спавъ. Повутру жана устаѐ и будя яго «уставай: говора, друўгъ мой Нещастный Егаръ, мыйся да Богу молися, вяди еленя-золоторога къ цару!» Енъ ня вѣра ёй: польно табѣ шутить со мной!—«Ну, оглянись, говора, поляди: вонъ ёнъ стоить, говора, готовъ!» Нещастный Егаръ узглянувъ и узрадовався,—убачивъ. Сычасъ умывся, Богу помолився, бяре еленя-золоторога и вяде къ цару у дворецъ. Царъ яго похваливъ: спасибо, Нещастный Егаръ, молодецъ!» Тольки не весьма радъ етому, што енъ такъ скоро исполнйвъ: учора приказавъ, а сяньни ужо и привёвъ. Отправся, отпыхни, бы ты утомився, говора, а вечаромъ явися опять ко

мнѣ!» Нещастный Егаръ отправився домовъ, а царъ опять у санотъ, изъ няўдовольствіемъ къ совѣтникамъ, што няхорошо одумали. «А подумайтя, говора, што-небудзь луччая!» Яны одумали, што у такимъ-то царстви, далéко, ёсть мядьвѣдь-золотовухъ правогромный (преогромный). Дакъ енъ ужо ня можа примиритца къ яму, ня можа яго ўзяцъ!...

Енъ вечарóмъ являетца опять, Нещастный Егаръ. Здрастуй, Нещастный Егаръ! што я табѣ скажу: тамъ то и тамъ то, у такимъ то царстви, ёсть мядьвѣдь-золотовухъ. Штобъ ты пошовъ туды и мнѣ етаго мядьвѣдя приставивъ... нямедлянко... Вотъ табѣ и ўсё! А ня приставишъ—голову̀ доловъ.

Нещастный Егаръ отправився домовъ. Приходжуя, то-жъ задумався и голову повѣсивъ. Жана и спрашуя: «што ты, говора, другъ мой, Нещастный Егаръ, задумався и печалисься объ чимся?»—Якъ-жа мнѣ не печалитца, коли вялѣвъ царъ доставить —ёсть тамъ то и тамъ то мядьвѣдь-золотовухъ—штобъ я яго доставивъ. А якъ я могу яго доставить?—«Да, говора: вотъ, другъ Нещастный Егаръ: коли бъ ты мяне ня бравъ, дакъ ба и бяды, говора, ня бачивъ. Ну, однача, молись Богу, ложись спать —вутромъ будзя мудранѣй вечара!» Енъ помолився Богу и лёгъ спать. Яна тамъ яще што-небудзь дзѣлала, покуль енъ заснувъ. Такъ-жа вышла на крылцо, свиснула и гукнула: «ахъ, мядьвѣдь-золотовухъ, стань, говора, перадо мной!» Мядьвѣдь являетца тую минуту. Яна бяре яго, чапая якимъ-небудзь пояскомъ и уводжуя у хату. Назаўтраго, вутромъ, устае яна раняњько и будя Нещастнаго Егара: «уставай, говора, другъ Нещастный Егаръ, да вяди мядьвѣдя къ цару!» Енъ прохватився, скоро ўставъ, помывся, Богу помолився и повёвъ мядьвѣдя. Приводя мядьвѣдя къ цару. Царъ яму поблагодаривъ: «спасибо, Нещастный Егаръ, што постарався,—молодецъ!» Ну тольки етымъ бывъ крѣпко недоволянъ, што Нещастный Егаръ узвороцився назадъ. Сычасъ отпустивъ яго домовъ: «ступай, говора, отпочивай; тоды я цябе потребую, коли треба будя!» Вотъ Нещастный Егаръ отправився домовъ, а царъ приказавъ лошадей закладавать, и отправляетца въ санотъ. Пріѣхавъ у санотъ и приказуя своимъ совѣтникамъ: «вотъ вамъ, господа совѣтники, штобъ вы одумалися—трохдневный вамъ строкъ—штобъ послать Нещастнаго Егара такъ, штобъ енъ ня могъ узвярнутца назадъ!» Совѣтники думали, думали, ня могуть обдуматца, што имъ здѣлать такое. Потомъ надумалися: поѣдомъ мы по шинкахъ, пошукаемъ пъяницы,—говорать, што съ пъяницъ дужо вумные бываюць! Пріѣхали у водинъ, поглядѣли—нема никóго, и ў другій—тожъ бывъ пустый. Пріяжжають у третьтій, и закурили тамъ папироски, али цыгары; ажъ вó, съ подъ лавки вылязая пъяница. Видъ у яго оббрузгъ, вочи позаплывали, позакоравили,—можа мѣсяцъ ня мывся. Протёръ енъ своѐ вочи, и бача, што господа объ чимся думають. Подходжуя къ имъ и прося у ихъ: «господа, похмялицця пожалуста, и я можа объ васъ што подумаю; я бачу, что вы объ чимся задумались!» Господа етые требуютъ полуштохъ горѣлки и чайнóй стаканъ. Сычасъ подали; яны наливають и приглашають яго похмялитца. Енъ выпивъ стаканъ горѣлочки, попросивъ у господъ и покурить трошки. Ну, господа дали яму папироску, али цыгарку покурить. Пóтомъ яще стаканъ горѣлки, другій, выпивъ. Ну, тоды и спрашуя у ихъ: позвольтя, господа, спросить у васъ, объ чимъ вы задумалися? Яны говоруть: «у насъ дѣло не большое: тольки вотъ штобъ ты намъ пораивъ, куды

послать Нещастнаго Егара, штобъ енъ не вярнувся!»—Ето, господа, говора, штука небольшая, да тольки треба зъ васъ по двѣ тыщи рублей!—Вѣдомо, штобъ було выпивать за што. Господа етые вынимають гроши и просють яго, штобъ енъ сказавъ. Енъ гроши узявъ и говора: «пошлитя Нещастнаго Егара туды, нема вѣдома куды, принѐсти то, нязвѣстно што!» Ну, господа етые вельми узрадовались, подзяковали яму и поѣхали. Пріяжжають прамо у дворецъ къ ца́ру. «Ну што, одумались?»—Одумались, ваша царское вяличаство!—«Ну што?»—Да послать Нещастнаго Егара туды, нема вѣдома куды, принести то, нязвѣстно што!..

Сычасъ требуя царъ къ сабѣ Нещастнаго Егара. Егаръ являетца къ ца́ру, царъ и приказуя яму: «тойчасъ отправляйся туды, нема вѣдома куды, приняси то, нязвѣстно што. А не принясе́шъ, дакъ мой мечъ, твоя голова съ плечъ!» Нещастный Егаръ пошовъ домовъ, уздыхнувъ и заплакавъ. Жана у яго спрашуя: «чаго, другъ мой, Нещастный Егаръ, плачашъ?»—Якъ жа мнѣ ня плакать, коли приказавъ мнѣ царъ: иди туды, нема вѣдома ку́ды, приняси то, нязвѣстно, што!—«Да, говора, другъ мой, Нещастный Егаръ: коли бъ ты мяне не бравъ, ты бъ и гора ня видавъ. Цяперъ, говора, треба табѣ самому отправлятца!» Сычасъ начала яму приготавлювать на дорогу што яму треба було. Ну, енъ збираетца и отправляетца у дорогу. Попрощались яны. Проводжуя яна яго и даѐ яму клубочакъ такій, и приказуя яму: якъ выйдзешъ ты за городъ, дакъ ты клубочакъ кинь перадъ собой. Куды енъ поко́титца, туды и ты услѣдъ иди. И вотъ табѣ, говора, хусточка. Ету хусточку сховай. Будешъ итить по большомъ лясу—стежка будя нябольшая, пѣшаходная и ня торная. Узо́йдешъ етой стежкой на полянку у лясу, и тутъ стоять будя хатка, ня большая. У етой хатцы живе баба—старая и вельми страшна́я: вуши большія, цыцки подъ столь подвязаны... Якъ уво́йдешъ у етую хатку, баба ета грозно спрося у тябе: хто ты такій, зачимъ ходишъ? Ты ёй ничого ня 'твѣщай: постой, бабушка, хусточкой вочи протру, тоды разскажу, хто я такій, а то за слязми нявидно мнѣ ничого изъ дороги. Якъ станяшъ ты хусточкой протирать вочи, дакъ баба тябе и узная, хто ты такій...»

Попрощалися яны, и пошовъ, и отправився. Енъ пошовъ у дорогу, а царъ яго забравъ ·жинку къ сабѣ у дворецъ. Ну, пошовъ Нещастный Егаръ дорогой, кинувъ упе́радъ сябе клубочакъ, клубочакъ покатився, и енъ услѣдъ иде. Зайшовъ у большій лѣсъ, по стежцы пришовъ на большую полянку. На той полянцы стоить хатка, мале́нькая. Енъ заходжуя у ету хатку, у етой хатцы баба—старуха, большая и вельми страшна́я. И спрашуя у яго: «хто ты такій, зачимъ ходишъ?»—Стой, бабушка, ня бранись: вотъ вочи хусточкой протру, тоды разскажу,—зъ дороги за слязми ничого ня видно!.. Вынявъ хусточку и ставъ протирать вочи. Баба убачила хусточку и ўвознала яго, хто енъ такій. «Ето ты, Нещастный Егаръ, мой унўчакъ?»—Такъ, вѣрно, говора, бабушка! Сычасъ усхапилась, подъ пахи яго посадзила, стала кормить, поить и распрашавацъ: «куды Богъ нясе?»—А вотъ, бабушка, иду, каа, туды, нема вѣдома куды, прине́сти ца́ру то, нязвѣстно што!—«Ня знаю, говора, унучакъ мой, Нещастный Егаръ! Ну, ложись, говора, зъ дороги отдыхни, а я распрошу, ти ня вѣдая хто!» Енъ лёгъ, отдыхая, а баба вышла на крылцо, свиснула, гукну́ла—и

бягуть икъ ёй разное звяръё: ильвы, мядьвѣди, лоси, вовки, лисицы—уси, якіе ёсть на свѣти, ажъ до зайчика. Яны ўси проходжують повзъ яе, яна усихъ распрашуя: ти ня вѣдая хто, якъ итить туды, не́ма вѣдома куды, принéсти то, нязвѣстно што? Уси отвящаюць: ня вѣдаемъ, бабушка! Тоды яна отправила звяровъ и гукнула птаство—усихъ, якія тольки на свѣти ёсть. Уси проходжують повзъ яе, яна распрашуя: ти ня зная хто, ти ня вѣдая хто, якъ итить туды, нема вѣдома куды, принести то, нязвѣстно што? Уси отвящающь: ня вѣдаемъ, бабушка! Отправила яна тоды птаство, и гукнула усихъ разныхъ гадовъ. Сповзлися гады: ужъя, гадюки, ящарки, лягашки и жабы—уси, якія тольки ёсть на свѣти. Уси идуць повзъ яе, яна распрашуя: ти ня зная хто, ти ня вѣдая, якъ итить туды, нема вѣдома куды, принести то, нязвѣстно што? Нихто ня зная. Тоды яна спрашуя: а ци ўси вы тутака ёсць? Стала личить, и ня доличилася одныѐ жабы—старыя и хромыя. Яна крикнула, штобъ сычасъ разыскали яе! Приставили. Баба зъ грозами крикнула на яе: дѣ ты, старая чартовка, забарылася? Жаба отказуя: бабушка, я на дорози заснула трошки. Чаловѣкъ ѣхавъ у дровы на волу и каткомъ ногу мнѣ оттёръ, сонной, дакъ я припоздала.—«Ну, знаяшъ жа ты, якъ итить туды, нема вѣдома куды, принести то, нязвѣстно што?»—Знаю, кажа, бабушка!—«Ну, вяди жъ, говора, мойго унучика, Нещастнаго Егара, туды!»—Хорошо, бабушка, добро, говора, повяду!.. Сычасъ Нещастный Егаръ и отправився у дорогу. Жаба хромая ўпяродъ, Нещастный Егаръ услѣдъ за ёй. И пошли яны по лясахъ, по болотахъ, по мохахъ. Дѣ колода вяликая, Нещастный Егаръ и перасо́дя яе. Поднéсти яе нялызя було, потому яна дороги такъ ня знала, а треба було самой ити упяродъ. Пройшли лѣсъ, выходжують на чистый степъ. Бача Нещастный Егаръ, што ляжить большій камянь, вельми большій. Приходжують къ тому камяню, ажъ тамъ нора туды. Жаба полѣзла у тую нору, и енъ пошовъ. У той норы тёмно було,—скрылася жаба, потяравъ жабу. Пройшовъ нору, выходжуя на видный свѣтъ тожа. Стоить домъ правогромный. Енъ уходжуя у домъ той—нема никого тольки дванатцать корватявъ стоить. Ну, идѣ жъ дѣтца? Енъ узявъ да ўлѣзъ у грубку. А ѣсть то хотѣвъ крѣпко,—ня було чаго. Посяджу у етой грубцы, хто-небудзь довжонъ быць, што-небудзь ѣсць будзя!» Такъ у самаго повдня, чуя ляскъ и коньскій топъ. Подъѣхали дванатцаць чаловѣкъ, позлязали съ коняй, пусцили ихъ у стайню, а сами уходжують у етый домъ и спрашують ѣсть. «Мурза, говбрать, дайка попить, поѣсть намъ!» Сычасъ столъ открывся такій, што чаго угодно—и питéньня и ядéньня. Садятца за столъ и кушають. Подъѣли, устали зъ-за стола и говбрать: «прибяри, мурза!» Етый столъ скрывся. А яны лягли по корватяхъ отдыхать. Нямного поспали, устали опять и поѣхали. Нещастный Егаръ разглѣдзивъ, што яны уже убралися, ня чутно, а ѣсть-то ўже хоча порадошно, вылязъ изъ грубки и просить: «матушка Мурза, дай попить, поѣсть!» Сычасъ открылося яму яще лучче, якъ тымъ, столъ. «Вотъ, каа, пою и кормлю тритцать лѣтъ, а ще нихто николи и матушкой не назвавъ! А вотъ нашовся одинъ такій, што за тритцать годовъ матушкой назвавъ!» Ну, сѣвъ, поѣвъ; уставъ. «Ну, матушка Мурза, прибяри!» Матушка Мурза прибрала, скрывся етый столъ—няма. Тоды спрашуя: «матушка Мурза, пойдéшъ ты со мною?»—Пойду, говора. Ну и вярнувся енъ опять своимъ путемъ назадъ. Нямножко

пройшли. Нещастный Егаръ и спрашуя: тутъ матушка мурза?—Тутъ! Я уже ня 'станусь!.. Пошли такъ жа да́ляй. Приходжують къ берагу мора. Нашли яны лоточку сабѣ тамъ и поѣхали по мору. Нещастный Егаръ спрашуя: «тутъ, матушка Мурза?» —Тутъ! Вотъ скоро будя тутъ востровъ. Тамъ будя старый чортъ съ чартянко́мъ просить у тябе ѣсть, будя куплять мяне, будя давать табѣ золота и серабра, кольки хочашъ. Ничого ты не бяри, а проси у яго топоромъ и молотокъ. А я отъ тябе ня 'станусь!.. Якъ ѣдуть, устрѣчають сычасъ—идуть чортъ и чартянокъ, старый и малянькій. «Эй, чаловѣкъ, дай поѣсть!»—Обожджи, говора: на берагъ узъѣду. дамъ Пріяжжають къ берагу, сычасъ вылязли: матушка Мурза, дай попить, поѣсть! Яны сѣли, стали ѣсть. Вотъ, думали, поядимъ усё! Ѣли, ѣли, ажно яго усё цѣло ще! Енъ, чортъ, говора: «эй, чаловѣкъ, продай столъ!»—Купляй!—«Бяри грошай много, кольки хочашъ, золота и серабра!»—Мнѣ, каа, ня треба твоихъ грошай, а дай топорокъ и молотокъ! Чортъ подумавъ: ето на цѣлый вѣкъ хватя зъ мяне! Узявъ и отдавъ топорокъ и молотокъ. Сѣвъ Нещастный Егаръ у лоточку свою и поѣхавъ даляй. Етый чортъ столъ обярнувъ у воду: енъ думавъ, што зъ воды вылязъ, бо ня було ў лотцы. А Нещастный Егаръ, отъѣхавши трошку, спрашуя: матушка Мурза, ты тутъ?—Тутъ! Я ня 'тстану. Такъ жа будя, яще устрѣтя одинъ жа чортъ и будя просить ѣсти. Давай и тому. Етый будя давать такъ жа само много грошай. Ты не бяри, а проси у яго красивцо̀ и крамянецъ, и губки шматокъ!.. Такъ... Ѣдуть, сычасъ бачуть—ѣдя насупротки чортъ. «Эй, говора, чаловѣкъ, дай ѣсци, а то ўтоплю!»—Стой, говора, ня топи; а вотъ на берагъ узъѣдомъ, дамъ, покормлю!.. Узъѣхали на берагъ, Нещастный Егаръ говора: «матушка Мурза, дай попить, поѣсть!» Столъ открывся, сѣли и нача́ли ѣсть. Подъѣли. Нача́въ чортъ торговать: «продай, говора, столъ!»—Купи! —«Возьми отъ мяне много грошай, а столъ отдай!»—Ня хочу, говора, твоихъ грошай, а дай красивцо̀, крамянецъ и губки шматокъ! Чортъ раздумався и отдавъ. Одинъ другому подяковали, и отправився Нещастный Егаръ. Отъѣха*лисъ* нямного, енъ спрашуя: «матушка Мурза, ты тутъ?»—Тутъ, говора: я отъ тябе ня 'тстану!

Такъ жа поѣхали дальше. Пріяжжають къ вострову. На тымъ вострови правогромный лѣсъ, дубъё. Мурза говора яму: узъѣжжай на берагъ вострова! Яны узъѣхали на войстровъ на етый, вылязли зъ лотки, приходжують къ дубамъ, къ етымъ. Мурза Егару и говора: «бяритка, говора, топорокъ и молотокъ: топоромъ у дуба сѣкани, а молоткомъ ударъ!» Енъ узявъ, сѣканувъ у дуба топоромъ, молоткомъ ударивъ—здѣлався корабъ, и плыве по водѣ! Такъ енъ здѣлавъ ихъ нѣскольки кораблёвъ,—скольки яму треба було, штобъ уже подойти къ тому ца́ру, у видѣ няпріятеля, значитца. Тоды Мурза говора: «ну што жъ, говора, корабли у насъ ёстяка, а народу нямашака. Треба жъ, штобъ и народъ бывъ на корабляхъ. Вынимай красивцо и крамянецъ, и губки шматокъ!» Егаръ достае съ кармана. «Пракладавай губку икъ крамяньку, сказуя Мурза, и красай огонь!» Енъ праложивъ, крашанувъ,—такъ выскакуя полкъ солдатовъ съ усими припасами и зъ начальствомъ. Такжа и музыка, усё, што и надо. Накрасавъ енъ етаго народу кольки яму треба було, по ўсмотрѣнью кораблёвъ. Распорадивъ зъ начальствомъ матросовъ, што треба отправлятца ў путь. А перво здѣлать молебство, и угощеньня для войська̀. «Дай-ка, матушка Мурза, пить

и ѣсть!» Явився столъ на ўсю войську. Попили, поѣли; музыка зайграла, подняли парусы и пошли у ето царство, откуль Нещ̆стный Егаръ. Приходжують; близь города того остановилися. Такъ етый царъ и ўробѣвъ, што нязвѣстно якая войська—хлотъ обняли городъ. Царъ етый и ўробѣвъ, што няпріятель найшовъ, а того ня вѣдая, што ето енъ самый.

А Нещастный Егаръ посылая свойго полковника, начальника, требуя штобъ царъ етый явився къ яму на пристань. Царъ етый нямедляно и пріяжжая. Нещастный Егаръ поздрастовалися и начавъ разговоръ: «Я бъ, говора, хотѣвъ—я большій охвотникъ, ѣду зъ дальнія стороны,—я наслышанъ у васъ ёстяка большій охвотьникъ называетца Нещастный Егаръ, я бъ хотѣвъ зъ имъ по'хвотитца!» Царъ отвящая, што яго нѣту, енъ посланъ, да ще яго няма назадъ.—«А жана яго дѣ?» Цару тогды штось и ня такъ почулося, што жинка, бачь, уже у яго ў доми. Енъ сычасъ и догадався. А жана уже Егарова, яна уже давно зная, што ето за штука. Сычасъ жа ўслѣдъ за царомъ яна приказала лошадей заложить и поѣхала на пристань. Удругъ убачивъ Егаръ свою жану, посылая на ўстрѣчу узвести яе на корабъ. Узяли яе подъ пашки и привяли. Увыйшовши на корабъ, обняла яго за шію и сказуя: «здрастуй, мой другъ, Нещастный Егаръ! Вотъ коли я тябе дождалась! Вотъ хто, кажа цару, мой другъ, а ня ты!» Енъ тогды, довго ня думаючи, на штыхи подняли яго да ў воду А сами у тымъ царстви стали жить. И тяперака живуть.

Дер. Шараховскія Буды, меркул. вол. рогач. у.

Кр—нъ Максимъ Петровъ 50 л. неграм. Ср. Чуб. 281. Садовн. 57.

87. Ганнуся.

Бывъ такъ сабѣ у бабы одинъ сынъ, и тяперака, яна яго ожанила. И ўзяла сабѣ нявѣстку Ганнусю,—хорошуу молодицу, тольки зъ бѣднаго зложенія. Тяперъ енъ ня узлюбивъ яе, хозяинъ. Свякруха и кажа: «што жъ мой сынъ! коли ты уже ня узлюбивъ яе, вышлю я яе ночьчи у темный лѣсъ и ў щирый боръ?»—А сынъ кажа: што хочашъ зь ёй дѣлай, абы тольки коло мяне не была!—«А мой сынъ; зъядуть жа яе вовки, дакъ плохо, мой сынъ, тогды будя жить безъ яе!» Енъ отказуя: ахъ, мать моя роднаа! свѣтъ вяликъ, возьму я сабѣ яще покрашъ за яѐ!—«Ахъ, мой сынокъ! можа возьмяшъ, а можа и ня возьмяшъ! А перваа, моё дитятка, дружина лучьчи за другія дружины; а другаа мой сынъ, будя ня такаа!»—Ну, што хочашъ изь ёй дѣлай, абы коло мяне не была!

И выслали яе напроти ночи у тёмный лѣсъ, у щирый боръ. Якъ пошла Ганнуся-сиротина у темный лѣсъ, напали на яе вовки, и разорвали яе: кому рука, кому голова, а кому сусимъ Ганнуся. Головочку подкатили подъ колодочку, а храбе́тнуу косточкў на колодочку... Давъ Богъ день. Прилятѣвъ воронъ къ матцы и кричить надъ головой: «вотъ жа, кажа: няма вашіа Ганнуси—вовки разорвали,—головочку подъ колодочку *) а храбетнуу косточку на колодочку!» Пошла таа мати Ганнуси шукати

По существующему у бѣлоруссовъ повѣрью, волки боятся ѣсть голову человѣка, и растерзавъ его, прячутъ голову или въ яму или подъ колоду.

у темный лѣсъ у щирый боръ. Чорный воронъ лятить и крункая.—вяде, и привёвъ яе къ Ганнуси-сиротини. Пришла туды мати, заплакала: «Ганнуся моя, сиротиночка! Дѣтка моѐ, любое моё! Ня гнѣвайся на мяне и ня сердися на мяне: вѣрно табѣ Господь-Богъ давъ смерть такуу! Будяшъ ты у царстви нябесномъ!..»

Пришла яна думовъ; пераночували. Давъ Господь-Богъ день, мати й кажа: сынь-ку мой, сыньку любый, дитя мое дорогое! Увобрали мы Ганнусю-сиротину, чужого дитенка, узращонаго! Соснився мнѣ, мой сынъ, сонъ дивный, прадивный, думный, прадумный,—и ни ся енъ мнѣ соснився, ни ся у казцы сказався: видѣла я, што нема бытто на свѣти нашіа Ганнуси сиротины!..»—Мать моя родимаа! почомъ ты ето знаяшъ, што яе няма на свѣти?—«А мой сынку любый, ты ня слыхавъ, а я слыхала, якъ воронъ кричавъ надъ нашимъ двуромъ, говоривъ: «што зьѣли вашу Ганнусю сивые вовки, и поклали, кажа, яе головочку подъ колодочку, а храбе́точку на колодочку!.»

Вотъ, тогды уже сынъ обмякъ... «Ну, мать моя родимая, прощай мяне: за етымъ уже пойду я отъ тябе у бѣлый свѣтъ,—и ў бѣлый свѣтъ, мать моя, и ў темный лѣсъ. И буду я труждатца тритцать три годы, и за свое грахи у номастырахъ Богу молитца, и монахомъ и попо́мъ (дат. мн.) грахомъ своимъ признаватца!..»—Сыньку мой любезный! ето посознавайся, да и ў темный лѣсъ убирайся на тритцать три годы! Оттрудисься ты своѐ грахи, и прийдешъ свою Ганнусю ховать. И будяшъ ты яе ховать, и будяшъ ты яе умолять, и упрашавать, штобъ яна табѣ граховъ збавила!..

Оттрудився енъ тритцать три годы и пришовъ думовъ, и собравъ яе уси косточки, и узявъ и головочку, и здѣлавъ домовину, и уклавъ у домовину. И тяперъ, енъ яе закопавъ, и поставивъ каплицу надъ ѐй, и прибивъ у каплицы у той распятію, штобъ люди ишли мимо, молилися за Ганнусю, и жѐрствы давали. И выкопавъ колодяжъ, штобъ люди мимо ходили, и воду̀ пили. И самъ чаразъ три дни пераставився. «Прощай, моя Ганнуся милаа, перваа присяга!..»

С. Нисимковичи, рогач. у. От кр—ки Д. Морозовой.

88. Дѣдъ и баба.

Живъ дзѣдъ зъ бабый, бяздѣтныя. И были яны зрадзившись ня ўмирацъ одзинъ бязъ другого, а кыли умре́цъ одзинъ, дыкъ кабъ и другій лѣзъ у труну. Жили яны, жили, и умёрла уперадзи баба. Тоды дзѣдъ скызавъ, кабъ труну здзѣлыли гэтый баби такую, кабъ у яе двоя лѣзло. Уси людзи дзивютца съ того дзѣда, што енъ гэткую труну скызавъ дзѣлыць. Ну али здзѣлыли труну широкую—якъ двомъ легчи. Пыложили бабу ў труну и вязуць на могильникъ. И дзѣдъ пошовъ. Попъ отправивъ што треба, спусцили бабу ў ямку, и дзѣдъ лѣзецъ ложитца кыло бабы. Уси людзи кажуць яму: што ты, дуракъ, лѣзешъ живый у яму? А енъ кажецъ: а кыли мы такъ уговорилиси: якъ ина умре́цъ, я полѣзу живый, а якъ умру, ина полѣзецъ! Попъ тоды кажецъ: «ну, ня трогайця яго, хай пыляжицъ до заўтрыго; ня треба зыкапывацъ!» Ну, кинули яго тамъ и рызышлиси. Ляжавъ дзѣдъ, ляжавъ, бачицъ полповнычь лѣзецъ у труну змяя. Улѣзла туды и стала дзяцей рыжацъ; и выродзила ихъ няживыхъ. Тоды яна пышла и принясла травинку: одного пымазала—енъ отживъ, другого

пымазала—и тэй отживъ. И такъ усихъ по'дживляла. Тоды дзѣдъ у гэтый змяи ухвацивъ гэту травинку, и пымазавъ бабу. Баба.и отжила. Пошли яны тоды домовъ, и стали узнова жиць. Жили яны, ~~жили~~, тоды дзѣдъ уздумывъ што: дай поспробую, ци ляжиць баба у труни! Ды узявъ и прикинувся нибытто ўмёръ. Баба плачецъ, бядуецъ, якъ ёй живой лѣзци у труну. Али сабѣ думаецъ: «а можа енъ ня соўсимъ умёръ! Дай я лину яму вару на вочи!» Тольки яна поднясла къ яму варъ, а енъ и ускдчивъ. И давай яе бицъ: а ци я табѣ ливъ варъ на вочи? Бивъ, бивъ, али послѣ помирилиси и стали жиць. И цяперь мусиць живуць.

Д. Гончарово, ульянов. вол. сѣнн. у.

89. Котокъ—золотый лобокъ.

Живъ дзѣдъ изъ бабый. И были яны дужо бѣдные: ня было у ихъ ни хлѣба ни капусты. Тоды баба кажецъ дзѣду: «ѣдзь ты, дзѣдзька, у лясокъ, ссячи дубокъ, вязи на мѣсто, продай и купи хунцикъ муки!» Пріѣхавъ дзѣдъ у лѣсъ, стукъ у дубокъ—выскакыецъ котокъ, зылотый лобокъ, зылотое вушко, сяребраное вушко, зылотая шарсцинка, сяребраная шарсцинка, зылотая лапка, сяребраная лапка. «Дзѣдъ, дзѣдъ, што табѣ надо?»—Ды вотъ, коточакъ, мой голубочакъ: послала мяне баба у лѣсъ зъѣздзицъ, ссѣчъ дубокъ, вѐзци на мѣсто продацъ, и купицъ хунцикъ муки!—«Ѣдзь, дзѣдъ, у дворъ: будзецъ мука!» Пріѣхавъ дзѣдъ у дворъ, ажны у яго муки повны засѣки. Подъѣвъ дзѣдъ хлѣба, тоды баба кажецъ яму: «вотъ, дзядулька, выйстри топорокъ, ѣдзь у лясокъ, ссячи дубокъ, вязи на мѣсто продай, и купи хунцикъ соли!» Выйстривъ дзѣдъ топорокъ, поѣхавъ у лясокъ, стукъ у дубокъ—выскакыецъ котокъ зылотый лобокъ, сяребраное вушко, зылотое вушко, сяребраная шарсцинка, зылотая шарсцинка, сяребраная лапка, зылотая лапка: «дзѣдъ, дзѣдъ, што табѣ надо?»—Ды вотъ коточакъ, мой голубочакъ: хлѣбъ *ёсь*, соли нема! Пыслала мяне баба ссѣчъ дубокъ, отвезцъ на мѣсто продацъ, купицъ хунцикъ соли!—«Ѣдзь, дзѣдъ, у дворъ: будзецъ соль!» Пріѣхавъ дзѣдъ у дворъ, ажны ў яго соли повны засѣки. Подъѣвъ дзѣдъ хлѣба съ солью, тоды баба кажецъ: «вотъ, дзядулька, выйстри топорокъ ды ѣдзь у лясокъ, стукни у дубокъ, выскочитъ котокъ,—пыпроси у яго капусты!» Выйстривъ дзѣдъ топорокъ, поѣхывъ у лясокъ, стукъ у дубокъ—выскакыецъ котокъ, зылотый лобокъ, сяребраное вушко, зылотое вушко, сяребраная шарсцинка, зылотая шарсцинка, сяребраная лапка, зылотая лапка: «дзѣдъ, дзѣдъ, што табѣ надо?»—Ды вотъ, коточакъ, мой голубочакъ: хлѣбъ ёсь, соль ёсь,—капусты нема!—«Ѣдзь, дзѣдъ, будзецъ капуста!» Пріѣхавъ дзѣдъ у дворъ, а ў яго капусты повенъ склепъ. Наварила баба капусты, дзѣдъ подъѣвъ. Тоды баба кажецъ: «вотъ, дзядулька, капъ цяперъ салца!» Выйстривъ дзѣдъ топорокъ, поѣхавъ у лясокъ, ударивъ у дубокъ,—выскакыецъ котокъ, зылотый лобокъ, зылотое вушко, сяребраное вушко, зылотая шарсцинка, сяребраная шарсцинка, зылотая лапка, сяребраная лапка: «дзѣдъ, дзѣдъ, што табѣ надо?»—Ды вотъ, коточакъ, мой голубочакъ: просицъ баба салца!—«Ѣдзь, дзѣдъ домовъ: будзецъ салцо!» Пріѣхавъ дзѣдъ у дворъ, ажны у яго сала повна клѣцъ. Наварила баба капусты съ саломъ дзѣдъ подъѣвъ. Тоды баба кажецъ: «вотъ, дзядулька

капъ цяперъ намъ муки пшонной! Вотъ ба я пражанинки зварила бъ! Выйстри топорокъ, ѣдзь у лясокъ и ўдаръ у дубокъ!» Дзѣдъ выйстривъ топорокъ, поѣхавъ у лясокъ, стукъ у дубокъ,—выскакыецъ котокъ, зылотый лобокъ и т. д. «Дзѣдъ, дзѣдъ, чаго табѣ надо?»—Ды вотъ, коточакъ, мой голубочакъ: треба баби мучицы пшонной! —«Ѣдзь, дзѣдъ, домовъ: будзецъ мучица!» Пріѣхавъ енъ ў дворъ, ажны ў яго муки повны засѣки. Наварила баба пражанины, дзѣдъ подъѣвъ. Тоды баба говòрицъ: «вотъ, дзядулька, капъ цяперъ мяса! Возьми топорокъ, ѣдзь у лясокъ, ударъ объ дубокъ!» Узявъ дзѣдъ топорокъ, поѣхавъ у лясокъ, стукъ у дубокъ,—выскакыецъ котокъ зылотый лобокъ и т. д. «Дзѣдъ, дзѣдъ, што табѣ надо?»—Ды вотъ, коточакъ, мой голубочакъ: просицъ баба мяса!—«Ѣдзь, дзѣдъ, у дворъ,—будзецъ мясо!» Пріѣхавъ дзѣдъ у дворъ, ажны у яго шасты отъ мяса ломаютца. И стали яны жицъ, якъ треба быцъ. Пожили можа зъ годъ, можа зъ два, баба ўзновъ кажецъ дзѣду: «вотъ дзядулька, капъ ты бывъ войтомъ, а я войцихой! Возьми, дзядулька, топорокъ, ѣдзь у лясокъ, ударъ объ дубокъ!» Узявъ дзѣдъ топорокъ, поѣхавъ у лясокъ, стукъ у дубокъ,—выскакыецъ котокъ-зылотый лобокъ и т. д. «Дзѣдъ, дзѣдъ, што табѣ надо?» —Ды вотъ, коточакъ, мой голубочакъ: хочецъ моя жонка, капъ я бывъ войтомъ, а йна войцихой!—«Ѣдзь, дзѣдъ, у дворъ: будзешъ ты войтомъ, а баба войцихой!» Пріѣхавъ дзѣдъ у дворъ: ажны яго баба войциха, а енъ якъ войтъ. Пожили яны скольки-небудзь, баба узнова кажа: «вотъ, дзядулька, хочу я, капъ ты бывъ шляхцицымъ, а я шляхцянкою!» Выйстривъ дзѣдъ топорокъ, поѣхавъ у лясокъ, стукъ у дубокъ,—выскакыецъ котокъ-зылотый лобокъ и т. д. «Дзѣдъ, дзѣдъ, што табѣ надо?»—Ды вотъ, коточакъ, мой голубочакъ: хочецъ моя баба, капъ я бывъ шляхцицымъ, а йна шляхцянкою!—«Ѣдзь, дзѣдъ, у дворъ,—будзешъ шляхтцицымъ, а баба шляхцянкою!» Пріѣхавъ енъ у дворъ, ажны яго баба якъ шляхцянка, а енъ якъ шляхцицъ. Жили яны шляхтыми, жили. «Нѣ, дзядулька, дренно намъ быцъ! Вотъ, дзядулька, капъ ты бывъ панымъ, а я паней. Возьми топорокъ, ѣдзь у лясокъ, ударъ у дубокъ!» Узявъ дзѣдъ топорокъ, поѣхавъ у лясокъ, стукъ у дубокъ,—выскакыецъ котокъ—зылотый лобокъ и т. д. «Дзѣдъ, дзѣдъ, што табѣ надо?» Ды вотъ, коточакъ, мой голубочакъ: баба моя хочецъ, капъ я бывъ панымъ, а яна паней.—«Ну, ѣдзь, дзѣдъ, домовъ, будзешъ ты панымъ, а баба паней!» Пріѣхавъ дзѣдъ у дворъ, ажны яго баба якъ паня, а енъ якъ панъ. Побыли яны панами, тоды баба кажецъ: «вотъ, дзядулька, хочу я быцъ царицый, а ты капъ бывъ царомъ!» Выйстривъ дзѣдъ топорокъ, поѣхавъ у лясокъ, стукъ у дубокъ, ажны выскакыецъ котокъ-зылотый лобокъ и т. д. «Дзѣдъ, дзѣдъ, што табѣ надо?»—Ды вотъ, коточакъ мой голубочакъ! моя баба хочецъ, капъ я бывъ царомъ, а яна царицый!—«Ну, ѣдзь, дзѣдъ, у дворъ: будзешъ ты царомъ, а баба царицый!» Пріѣжжаецъ дзѣдъ у дворъ, ажны яго баба якъ царица, а енъ самъ якъ царъ. Побыли яны трохи царами, тоды баба кажецъ дзѣду: «вотъ, дзядулька, ѣдзь ты у лясокъ, ударъ у дубокъ: хочу я, капъ ты бывъ богымъ, а я божихой (или: богуродицой), а дзѣци боженятыми!» Узявъ дзѣдъ топорокъ, поѣхавъ у лясокъ, стукъ у дубокъ, ажны выскакыецъ котокъ-зылотый лобокъ, зылотое вушко, сяребраное вушко, зылотая шарсцинка, сяребраная шарсцинка, зылотая лапка, сяребраная лапка: «дзѣдъ, дзѣдъ, што табѣ надо?»—Ды вотъ, коточакъ, мой голубочакъ: моя баба хочецъ, капъ

я быв богымъ, а яна божихой, а дзѣци боженятыми.—«Ну, ѣдзь, дзѣдъ, у дворъ!» Пріѣхывъ енъ у дворъ, ажны ляжиць сучка исъ щанятыми. Злѣзъ енъ съ колесъ и ставъ субакымъ. Понюхалиси яны и побѣгли...

Д. Латыгово, сѣнн. у. Кр—ка Матрена Маркова.

Сказка имѣетъ много варіантовъ. По нѣкоторымъ, котокъ живетъ въ пенюшкѣ. Тогда баба говоритъ дѣду: „идзи ты у лясокъ, высячи кіёкъ, постукай объ пенюшокъ, ци ня выскочиць котокъ-зылотый лобокъ, попроси у яго" и т. д. Иногда дѣдъ говоритъ коту: загадала мнѣ баба загадку,—ци отгадавацъ, ци нѣ?—Якую?—Да просиць, кабъ и т. д. Иногда дѣдъ обращается въ собаку, а баба въ кошку. Въ одн. вар. дѣдъ дѣлается урядникомъ, потомъ становымъ, исправникомъ, мировымъ, а баба мировихой, губурнаторомъ, гынараломъ, царомъ и нак. богомъ.

90. Морозъ.

Живъ сабѣ одзинъ мужикъ изъ жонкой. У мужука была матка и у жонки была матка. Тольки жонка ня любила свою свякруху. «Вязи, кажець мужуку, свою матку у лѣсъ! Што яе дурно хлѣбомъ кормиць?» Узявъ мужикъ свою матку и повёзъ у лѣсъ. Привезъ, посадзивъ подъ ёлкой, а самъ и поѣхавъ у дворъ. Сядзиць тая баба. Ажъ приходзиць Морозъ. Тропнувъ пугой, и кажець: «а што, бабка, морозъ?»—Морозъ, паночакъ: яго пора,—нехай пануець, нехай крулюець!.. Давъ Морозъ баби цёплую шубу, боты и хустку. Сядзиць баба, прибралася.

Дома кажець мужуку жонка: «ѣдзь у лѣсъ, вязи свою матку у дворъ, мусиць змерзла, дыкъ треба пухувацъ!» Поѣхувъ мужикъ, ажны видзиць—сядзиць яго матка у шуби, у ботахъ, у хустцы. Узявъ мужикъ матку и повезъ у дворъ. Пріѣхали ў дворъ. Стало нявѣстцы завидно. «Вязи, кажець мужуку, мою матку у лѣсъ, на тое самое мѣсто!» Повезъ мужикъ цёщу у лѣсъ, посадзивъ подъ ёлкой и поѣхавъ у дворъ. Сядзиць баба, ажны приходзиць Морозъ. Тропнувъ пугой и кажець: «а што, бабка, морозъ?»—Морозъ, кабъ енъ лопнувъ! Усердзився Морозъ. Якъ ставъ лопацъ кругомъ! Заморозивъ бабу. У дворѣ жонка кажець: «ѣдзь у лѣсъ, вязи мою матку у дворъ!» Мужикъ поѣхавъ у лѣсъ, полядзиць—ажны баба замерзла! Привозиць няживую цещу у дворъ. Заголосила тутъ жонка!... Такъ и пухували бабу.

С. Пустынки, сѣнн. у. Зап. г-жей Козловской.

По другому варіанту, Морозъ приходилъ къ свекрухѣ три раза. За первый отвѣтъ онъ наградилъ ее шубой, за второй—черевиками, за третій—хусткой. Пріѣзжаетъ сынъ, а вокругъ нея цвѣты цвѣтутъ... Ср. Афан. IV, 129. Чубинск. 434.

91. Объ дзѣдовой дочцѣ и объ яе лихой мачиси.

Вотъ казочка начинаетца и съ хвосцика задзираетца... Ето не казка—приказка, а казка будзя уперадзѣ. Отъ фирца, отъ бурца, отъ вѣшнаго калавурца, отъ поросёночка виноходца... Поросёночакъ виноходзецъ выскакаа, выбѣгаа, добраго молойца зрываа.. Ето не казка, а приказка,—казка будзя ўперадзѣ... А цяперъ пиши!.

У нѣкоторомъ царстви, у нѣкоторомъ государстви, а можа ў томъ, у которомъ мы сами живемъ, живъ сабѣ старикъ со старухой. И была у ихъ одна дочка. Отъ,

старуха помёрла, остався старикъ зъ дочкой удвохъ. Скушно стало старику удвохъ, енъ узявъ ожанився на другой баби. А у тыѐ бабы тожъ была одна дочка. Да такаа лихаа была баба, што ненавидзѣла дзѣдовыя дочки, своѐ падчарицы. Захоцѣла яна яе звесци съ свѣту, напусцилась на дзѣда, стала яго ругаць: отвязи, дзѣдъ, свою дочку ў лѣсъ! Дзѣдъ запрогъ кобылку и посадзивъ дочку на колёсы. Поѣхали у лѣсъ. Пріѣхали у лѣсъ; дзѣдъ наклавъ дочцѣ цяпло ў хатцы, и кажецъ: сядзи, донька, тутъ, вари кашку, а я пойду у лѣсъ лучипу бицъ! Вышовъ дзѣдъ изъ хаты, пройшовъ троху у лѣсъ и привязавъ къ соснѣ довбню. Вѣцеръ дме, довбня стукаа объ сосну, а дочка думаа, што бацька лучину бъе, и кажа: тата, гу! А довбпя—стукъ! Просядзѣла до самаго вечара, а довбня усё стукаа. Прибѣгла къ дзѣвцы мышка маленькая и кажа: дзѣвка-дзявица, дай мнѣ каши: я табѣ къ худому уремю знадоблюся! Дзѣвка дала мышцы каши, накормила яе. Тымъ часомъ стало цёмно. Уломився у хату мядзьвѣдзь. Дзѣвка спужалася, а мядзьвѣдзь кажа: «ня бось, дзѣвка! Сцяли-ка посцелю: сцяли ступу, товкачъ, вилки, кочаргу и ўвесь ломъ!» Дзѣвка постлала. «Цяперъ, туши цяпло! На́ табѣ звоночакъ: будземъ съ тобой жартовацъ!» Дзѣвка такъ и здзѣлала. Удругъ прибягаа къ ёй мышка и кажа: дзѣвка-дзявица, дай мнѣ звоночакъ, а сама лѣзь подъ печь! Дзѣвка отдала мыши звоночакъ, а сама схувалася подъ печь. Отъ, мышка стала бѣгацъ и звоницъ звоночкомъ по хаци, а мядзьвѣдзь ставъ усё кидацъ па голосъ, идзѣ звенѣвъ звоночакъ. Усё пораскидавъ, а ў дзѣвку не понавъ забицъ. Самъ уморився и заснувъ. Дзѣвка, якъ стало видно, вылѣзла цихенько изъ подпечьча и сѣла. Прошпувся мядзьвѣдзь, и ўставъ и кажецъ: «ну, дзѣвка, молодзецъ: умѣешъ жартовацъ! Отъ табѣ тройка коній, карета, и добра много! Отвязи ето ў дворъ, и на другую ночь придзи пожартувацъ: я табѣ ще боли добра дамъ!»

Дзѣвка тая пріѣхала у дворъ. Убачила яе сярдитаа мачиха, и спужалася; пущи стала ругаць старика: отвязи мою дочку! моя дочка привязе двѣ кареты! Коли ета привязла, дурпаа и окбчица,—а моя боли привязе! Дзѣдъ запрёгъ тую самую кобылку, посадзивъ бабину дочку па колёсы, и повёзъ па тое самое мѣсто. Привезъ туды и кажа: идзи у ету хатку, вари сабѣ кашу, а я буду лучипу бицъ! Бабина дочь бачила, што дзѣдова дочка привязла богато добра, ина зъ радосьци стала варицъ кашу и думала сабѣ: я ня буду такаа дурань, яще боли привязу добра! Удругъ прибягаа къ ёй мышка и кажа: дзѣвка-дзявица, дай мнѣ каши: я табѣ къ худому уремю знадоблюся! Дзѣвка закричала па мышку: во, пбгань! Ударила яе ложкой и забила мышку! Тымъ часомъ стало цёмно. Прихожаа мядзьвѣдзь изновъ у хатку. «Здрастуй, дзѣвка, дзявица! Сцяли-ка посцелю: ступу, товкачъ, вилки, кочаргу и што ёсць у хаци!» Дзѣвка такъ и здзѣлала. «Цяперъ туши цяпло! На́ табѣ звонокъ: будземъ съ тобой жартовацъ!» Дзѣвка узяла звонокъ, стала бѣгацъ по хаци, а мядзьвѣдзь схвацивъ ступу и шибнувъ прямо на дзѣвку, и забивъ дзѣвку! За ночь яе обсмоктавъ, и косци ў кучу склавъ. Назаўтраго раняпько прошнулася старуха до дня ще: «запрягай старикъ скорѣй кобылу, ѣдзь къ моей дочцѣ, пособъ ёй довезци, а то ина, моя разумушка, чисто замучитца!» Дзѣдъ запрегъ кобылку и поѣхавъ па тое мѣсто. Увышовъ у хату, бача, што нема дочки бабиной, а тольки сярёдъ хаты ляжицъ косцей кучка!.. Дзѣдъ узявъ, косци собравъ, у мяшокъ склавъ, и поѣхавъ домовъ. А

сучка у дворѣ ляжиць подъ столомъ и кажа: гавъ, гавъ! дзѣдова дочка у добрѣ, а бабина у мяшку! Баба усе́рдзилася, што яна такъ кажа: ахъ ты проклятаа! Стала яе мяшулкой биць, и выгнула яе вонъ исъ хаты. Удругъ на ето ўремя узъѣхавъ дзѣдъ на дворъ. Баба кинулась къ дзѣду и пытаа: «што ты скоро прiѣхавъ? Ци не поломалася карета?»—Нѣ, баба—дурень: дочка твоя схувалася у мяшокъ! Баба ухапилася за мяшокъ, и спужалася, што тамъ косци. Тутъ сичасъ сомлѣла и померла..

А дзѣдъ, управду, не ставъ дужо й гонятца за етымъ.

М. Гайшинъ, быховск. у. Кр—нъ Евсей Морозовъ, 32 л. неграм.

92. Дзѣдова дочка.

Живъ дзѣвъ изъ бабый. У дзѣда была дычка̀, а у бабы ўнучка. Тая баба дзѣдовой дочки ня ўзлюбила и скучаець дзѣду: «вязи, дзѣдъ, дочку̀ у лясокъ: яна гультайка, дурнушка!» Дзѣдъ пазаўтра запрогъ кобылку, пысадзивъ дочку и повёзъ у лясокъ. Ѣхали, ѣхали, ажны стоиць пысяродъ ляска хатка на куриный ножцы, вовчимъ хвостомъ подпёрта, мядзьвѣджимъ хвостомъ накрыта. Дзѣдъ и кажець дочцѣ: «ну, моя дочушка, идзи у гэту хатку, а я пойду дровцы сѣчь. Я табѣ буду отгукатца!» Пошла яна у хатку, а енъ узявъ булавешачку, привязавъ къ бярозцы, и поѣхавъ у дворъ. Вѣцеръ булавешачку гоняець, яна объ бярозку стукаець, а дычка кажець: во̀ мой татка дровцы сяче́ць! Ставъ и прицемокъ, а татка ня йдзе́ць. Вышла яна съ хатки: татка, гу! А булавешачка объ бярезину дзынъ! Дыгадалась яна, што татка яе покинывъ и зыплакыла. Плакыла, плакыла—страшно однэй нучуваць,—яна и гукаець: «хто ў лѣси, хто ў цёмнымъ, ходзи ко мнѣ нучуваць на цесовую кырвацъ!» А мядзьвѣдзь кажець: «я ў лѣси, я ў цемнымъ: иду къ табѣ нучуваць на цесовую кырвацъ!» Дзѣвка спужалась ды у хатку; ажны идзе́ць мядзьвѣдзь. «Дзѣвка, дзявица, руса косица, отчини сѣни!» Дзѣвка отчинила. «Дзѣвка, дзявица, руса косица, отчини хату!» Дзѣвка отчинила. «Дзѣвка, дзявица, руса косица, перасадзи мяне черазъ порогъ!» Яна перасадзила. «Дзѣвка, дзявица, руса косица, уссадзи мяне на лавку!» Яна уссадзила. «Ули мнѣ воды у водно вушко—побяжиць мука; у другое вушко ули—побяжиць крупа. Кашу вари, блинцы пячи!» Яна улила воды у водно вушко—побѣгла мука, улила у другое—побѣгла крупа. Тоды яна хату топиць, кашу варицъ, блины пяче́ць. «Ну, дзѣвка, дзявица, руса косица, будземъ вячерицъ!» Дзѣвка узяла кашу на столъ постновила. Сѣли яны вячерицъ; стали ѣсь кашу, а мышка выскочила съ подпечча, ускочила ёй на плячо, ды й шепчецъ: «дзѣвка-дзявица, руса косица, дай мнѣ лыжачку кашки: буду я табѣ при цёмный ночи угодница!» А мядзьвѣдзь почувъ: «хто тамъ просицъ чаго?» А дзѣвка, мовча, зачарепнула лыжачку каши, ды чухъ подъ столъ. Мышка зьѣла кашку и пошла подъ печь. Стали блинцы ѣсци. Мышка выскочила съ подпечча: «дзѣвка, дзявица, руса косица, дай мнѣ блинокъ: буду табѣ у цемный ночи вяликая угодница!»—Хто тамъ просицъ? у лопъ яе лыжкой! А дзѣвка узяла, мовча скомкала блинокъ и кинула подъ столъ. Мышка зьѣла и пошла подъ печь. Повячерили. «Ну, дзѣвка-дзявица, руса косица! Повячерили ужо, буду спаць класцися; сцяли посцелю: радъ каменьня, радъ корчевъя, у го́ловы ступу,

жорнами накрытца!» Дзѣвка постлала посцелю. «Ну, дзѣвка-дзявица, руса косица! на̀ табѣ ключики, ходзи по хаци, да бразкай!» Давъ ей ключики. «Туши лучинку!» Яна потушила. А мышка выбягла съ подпечча: «дзѣвка-дзявица, руса косица, дай мнѣ ключики, я буду бѣгаць да бразкаць, а ты лѣзь подъ печь!» Полѣзла дзѣвка подъ печь, а мышка узяла ключики да бразь, бразь, бразь! ключиками, и по хаци бѣгаець. Мядзьвѣдзь ухапивъ каменьня, пу—лю! на мышку. А мышка подъ печь. Не попавъ. «Дзѣвка-дзявица, руса косица, ци жива ты?»—Жива то жива, али невяликій клёкъ. Отъ мышка зновъ выскочила съ подпечча, бразь, бразь, бразь! ключиками, и по хаци бѣгаець. Мядзьвѣдзь ухапивъ полѣньня, пу—лю! на мышку. «Дзѣвка-дзявица, руса косица! ци жива ты?»—Жива то жива, али невяликій клёкъ!—«Ага, ня пупавъ!» А мышка выскочила съ подпечча—бразь, бразь, бразь! ключиками. А мядзьвѣдзь схапивъ корчевъя, пу—лю! на мышку. «Дзѣвка-дзявица, руса косица, ци жива ты?»—Жива то жива, али невяликій клёкъ! А мышка тая посядзѣлъ подъ печчу, ды ўзнова выскочила съ подпечча ды ключиками—бразь, бразь, бразь! А мядзьвѣдзь у яе пу—лю! ступу, жорны... А мышка й упякла подъ печь. «Дзѣвка-дзявица, руса косица, ци жива ты?»—Жива то жива, али невяликій клёкъ!..

Давъ богъ дзень. Мядзьвѣдзь уставъ, а дзѣвка тая ужо сядзиць на лавцы. «Ну, дзѣвка, дзявица, руса косица, отчини мнѣ хату!» Яна отчинила. «Перасадзи мяне черазъ порогъ!» Яна перасадзила. «Отчини мнѣ сѣни, дзѣвка!» Яна отчинила. «Проводзи мяне, дзѣвка!» Дзѣвка тая проводзила яго у лясокъ. А тоды увыйшла у хату, ажны тамъ што одзёжи разныя—хустки, споднипы, бурнысы—што добра, грошай... Пригоняець мядзьвѣдзь и тройку коній ёй. Прибралася тая дзѣвка, сѣла на коній и ѣдзець. Ажны идзёць яе бацька, и дзивитца, што яго дычка такъ прибралыся. «Поѣдземъ, кажець, дочушка у двору!» И поѣхыли домовъ. Была у бабы сучачка. Выскочила сучачка на порогъ у сѣни: «цявъ, цявъ, цявъ! ѣдзець дзѣдова дочка на тройцы коній, якъ паня!»—Брешашъ, сукина дочка, кабъ цябе вовки зьѣли,—яе ужо и косцей нема! А вороты рыпъ! и ўзъѣхала дзѣдова дочка, якъ паненка! Баба тая кажа: «во прибралася, обпивало, объядало!» И кричиць на дзѣда: вязи мою дочку туды, идзѣ была эта! Дзѣдъ и повёзъ яе у лясокъ. Пріѣхыли у лясокъ, ажны стоиць хатка на куриной ножцы, вовчимъ хвостомъ подпёрта, мядзьвѣджимъ хвостомъ накрыта. Дзѣдъ покинувъ яе, а самъ поѣхувъ ў дворъ. Увечара вышла яна съ хатки и гукаець: «хто ў лѣси, хто ў цёмнымъ, ходзи ко мнѣ нучуваць на цесову кыроваць!» А мядзьвѣдзь кажець: я ў лѣси, я ў цемнымъ, иду къ табѣ пучуваць на цесову кыровадь! Приходзиць мядзьвѣдзь. «Дзѣвка-дзявица, руса косица, (или: красна споднина) отчини мнѣ сѣни!»—Самъ отчинишъ, ня хворъ!—«Дзѣвка-дзявица, руса косица, отчини хату!»—Самъ отчинишъ!—«Дзѣвка-дзявица, рука косица, перасадзи мяне черазъ порогъ!»—Ня хворъ, самъ пералѣзешъ! «Дзѣвка-дзявица, руса косица, уссадзи мяне на лавку!»—Самъ узлѣзешъ!—«Ули мнѣ, дзѣвка, воды у правое вушко—побяжиць мука, у лѣвое вушко ули—побяжиць крупа: хату топи, кашу вари, блины пячи!» Яна улила,—побѣгла мука и крупа. Яна хату топиць, кашу вариць, блины пячёць. Сѣли вячериць. А мышка выбѣгла съ подпечча: «дзѣвка-дзявица, руса косица, дай мнѣ лыжачку каши: буду табѣ у цемной ночи вяликая угодница!» А дзѣвка

мышку пò лбу лыжкой, мышка и побѣгла подъ печь. Стали ѣсць блинцы. Мышка узнова выбягла съ подпечча: «дзѣвка-дзявица, руса косица, дай мнѣ блинокъ: буду табѣ ў цёмной ночи вяликая угодница!» А дзѣвка яе пò лбу! Мышка и побѣгла подъ печь. Повячерили. «Дзѣвка-дзявица, руса косица, сцяли посцелю: радъ каменьня, радъ полѣньня, у головы ступу, жорнами накрытца!» Дзѣвка постлала. «Нà жъ табѣ ключики, бѣгай по хаци да бразкай. Туши лучинку!» Дзѣвка потушила лучинку и стала бразкыць, а мядзьвѣдзь ухапивъ полѣньня, пу—лю! у дзѣвку, и забивъ. Соссавъ яе, косци поломавъ и пошовъ у лѣсъ, а яе закйдавъ корчевъемъ, каменьнемъ.

Нызаўтра прiѣхывъ дзѣдъ, ажны ўнучка забита, закидана. Узявъ енъ яе на санки и повёзъ домовъ. А тая сучка бабина: цявъ, цявъ, цявъ! вязуць бабину унучку няживую!—Брешишъ, сукина дочка, вовки цябе ѣжъ: ѣдзець, якъ паня! Ажны вороты рыпъ! Выскочила тая баба, ажны унучка няжива. «А Божа жъ мой, Божа! Гадъ гэтый! Забивъ жа енъ мою унучку! Цяперъ, дзѣдъ, дзѣлай домовину, труну̀, яму копай, унучку хувай!» Дзѣдъ пошовъ, труну здзѣлавъ, яму выкопавъ, унучку пухувавъ.

Пришовъ у дворъ и стали дзѣдъ, баба и дзѣдова дочка—дурнушка жиць. И цяперъ живуць. А бабиный унучки и косци ў зе̂мли погнили.

Дер. Вздорники, ульян. вол. сънн. у. Отъ кр-ки Арины Сильвестровой, 64 лѣтъ, запис. г-жей Космачевской. Сказка общераспространенная. Ср. Афан. V, 65; VIII, 309. Худ. I. 48. Чубинск. 97.

93. Черци и падчарка.

Была у матчихи падчарка и рòдная дочкà. Одзинъ разъ, ў сыботу, мылиси яны у лазьни. Пришовши домовъ, матчиха послала падчарку ў примыльникъ принéсци квасу —посли лазьни напитца. А ў лазьни, вядомо, кажанъ разъ посли людзей, черци мыютца. Вотъ, падчарка тольки стала черпаць квасъ, ашъ черци и выскакуюць икъ ёй и говоруць: «скажи намъ, дзѣвка, идзѣ намъ достаць бялёваго хылста на сорочки, зъ лазьни одзѣтца?»—А што шъ вы мнѣ дасцё за тое, што я вамъ искажу? Тоды яны принясли ёй много золыта, серабра. Яна узяла и говòриць: ны бялевый холстъ много треба!.. Треба знайци дужо славную облогу... Тоды яе треба драць, драць... Тоды скородзиць, скородзиць... Тоды мѣшаць, мѣшаць... Тоды треба дужо славнаго сѣмя... Тоды треба яго сѣиць, сѣиць... Тоды пахаць, пахаць... Запахавши, яно будзець усходзиць... Тоды росци, росци... Тоды цвисць, цвисць... Отцвивши, будзець спѣць, спѣць... Якъ поспѣець, яго треба брацъ, брацъ... Выбравши, треба молоциць, молоциць... Обмолоцивши, треба мочиць, мочиць... Якъ вымякнець, треба цигаць, цигаць... Выцигнувши, стлаць, стлаць... Якъ вылежитца, треба поднимаць, поднимаць... Поднявши, треба сушиць, сушиць... Якъ высохнець, треба мяць, мяць... Помявши, треба трапаць, трапаць... Потрапавши, треба часаць, часаць... А тамъ останетца кужаль... Яго треба прасци, прасци... Тоды ткаць, ткаць... Тоды бялиць, бялиць... Выбяливши и будзець бялёвый холстъ!..

Тольки яна сказала гэто, а пѣвянь и запѣвъ. Черци й уцякли. Тоды яна узяла тое золыто, серабро, што надавали ёй черци и пошла домовъ. Пришла домовъ, а

матчиха уже спиць, рада, што няма падчарки. Назаўтраго устала матчиха, полядзиць, ажны падчарка ляжиць у золыци, у серабрѣ...

У другую сыботу послала матчиха свою дочкў. Черци само жъ такъ выскочили икъ ёй и говоруць: «скажи намъ, дзѣвка, идзѣ достаць бялеваго холста?»—А, на яго жъ много треба! Треба посѣяць, выбраць, помочиць, выниць, постлаць, вылежитца— подняць, помяць, попрасци, выткаць, выбялиць—и будзець бялевый холстъ!.. Тоды черци ухвацили яе и задушили, и кинули на печку... Матка ждала, ждала дочки, не спала ўсю ночь—не дождалася. Назаўтраго чуць-дзень побѣгла ў лазьню. Прибѣгаець, ашъ яе дочка задушанная—ляжиць на печцы.,.

Д. Кимейка, сѣнн. у. Запис. мѣщ. А. Шимановичъ.

94. Падчарка и чортъ у лазьни.

Живъ дзѣдъ изъ бабой. У дзѣда была дочкà и у бабы была дочкà. Баба не любила дзѣдзину дочкў. Разъ у сыботу на дзяды, баба кажець дзѣду: идзи, дзѣдъ, вытопи лазьню! Пошовъ дзѣдъ топиць лазьню. Топивъ, топивъ и къ вечару вытопивъ. Приходзиць у хату и кажець: ну, баба, лазьня ужо готова! Тоды баба кажець дзѣду: мы пóйдземъ у лазьню, а твоя дочка нехай остаéтца дома у хаци прибираець. Пошли яны утроихъ мытца—дзѣдъ, баба и бабина дочка, а дзѣдзина дочка осталась у дворѣ: помыла усё къ святу, подмела, прибрала у хаци, и жджèць. Помылиси яны у лазьни, пришли домовъ. Тоды баба кажець дзѣдовой дочцѣ: идзи, сукина дочка, у лазьню! Пошла тая дочка у лазьню. Ци мылася, ци нѣ—вѣдомо якое ужо мытьцё однэй уночи—напранулась скорѣй ды й побѣгла домовъ. Прибѣгла у дворъ, хвацилася за крали—нема краль. «Татка, кажець: забылася я ў лазьни своè добрыя крали!» А баба почула: бяги жъ, сукина дочка, сычасъ приняси! Заплакыла яна, пошла у лазьню. Приходзиць туды, ажны тамъ чортъ мыетца. «Дзѣвка-дзявица, руса косица, ходзи ко мнѣ мытца!»—Спасибо, я ужо помылася! Однакъ стала зъ имъ мытца. Мылиси, мылиси—не стало воды. Тоды дзѣвка кажець: чимъ жа мы будземъ мытца, коли воды нема? Тоды чортъ пытаетца: чимъ жа мнѣ паносиць воды?—А идзи, кажець дзѣвка, у мойго татки на количку висиць рѣшато; возьми ды й напоси! Чортъ побѣгъ, узявъ рѣшато: носивъ, носивъ—покуль прибяжиць, тольки каплець. Алитку якъ-не-якъ наносивъ. Помылиси. Тоды чортъ кажець: «ну, цяперъ будземъ жанитца!»—Што жъ я буду жанитца, коли мнѣ нечимъ выцерцися! Чортъ побѣгъ и принесъ ёй золотый рушникъ. Выцерлася яна, чортъ и кажець: ну, цяперъ будземъ жанитца!—Якъ я маю жанитца, коли ў мяне нема кошули! Чортъ побѣгъ, и принесъ ёй золотую кошулю. Надзѣла яна кошулю, чортъ и кажець: цяперъ мы будземъ жанитца!—Якъ жа я маю жанитца, коли у мяне нема сподничжи! Чортъ побѣгъ и принёсъ золотую сподничку. Надзѣла яна сподничку, чортъ узнову кажець: будземъ цяперъ жанитца!—Якъ жа мнѣ жанитца, коли у мяне нема панчошакъ! Чортъ побѣгъ и принёсъ ёй золотыя панчошки. «Ну, будземъ цяперъ жанитца!»—Якъ жа я маю жанитца, коли у мяне нечимъ панчошакъ подвязаць! Чортъ побѣгъ и приносиць ёй золотыя подвязки. Надзѣла яна панчошки, подвязала, тоды чортъ кажець: ци

пойдзешъ цяперъ за мяне замужъ?—Якъ жа я пойду, коли у мяне нема чаровичакъ! Чортъ побѣгъ и приносиць золотыя чаравички. Надзѣла яна чаравички, тоды чортъ кажець: ну, цяперъ ужо будземъ жанитца!—Якъ жа я маю жанитца, коли у мяне нема хустки! Чортъ побѣгъ и приносиць золотую хустку.—Надзѣла яна хустку, чортъ и кажець: ну, цяперъ будземъ жанитца!—Якъ жа мнѣ жанитца, коли у мяне нема куртки! Чортъ побѣгъ и принёсъ ёй золотую куртку. Надзѣла яна куртку, чортъ и кажець: цяперъ будземъ жанитца!—Якъ жа мнѣ жанитца, коли у мяне нема пальта! Чортъ побѣгъ и принёсъ золотое пальто. Надзѣла яна пальто, чортъ тоды кажець: ну, цяперъ ужо усё,—будземъ жанитца!—Якъ жа мнѣ жанитца, коли у мяне нема рукавичакъ! Чортъ побѣгъ и принесъ золотыя рукавички. «Ну, цяперъ будземъ жанитца!» Бачиць дзѣвка, што ўсё ужо у яе ёсь, а пѣвни не пяюць, и кажець: будземъ сабѣ! Вышли яны на вулицу и почали круцитца *) Тольки стали круцитца, а пѣвянь и запѣвъ. Чортъ и провалився скрозь зямли. А яна пошла домовъ. Бацька дужо узрадовався, што яна такъ надзѣлася, а матка ажъ счарнѣла со злости. Тоды яны стали пытатца, хто яе такъ *надзѣвъ*, а йна кажець: «прибѣгъ ко мнѣ нѣйкій чаловѣкъ и ўсё просиць, кабъ я зь имъ жанилась. Я стала казаць, што якъ жа я маю жанитца, коли у мяне нема ничо́го, дыкъ енъ мнѣ усё гэто и принёсъ.»

Послала тоды баба свою дочку у лазьню. Прибѣгъ къ ёй чортъ: «дзѣвка-дзявица, руса косица, будземъ мытца!»—А воды нема. Возьми вядро, наноси! Чортъ наносивъ. Помылиси. Тоды ёнъ кажець: будземъ съ тобой жанитца! А яна кажець: якъ я маю жанитца, коли у мяне нема кошульки, споднички, курточки, панчошакъ, подвязокъ, чаровичакъ, хусточки, пальта, рукавичакъ!.. Чортъ принесъ ёй усё гэто разомъ, усё золотое. Яна надзѣлася, чортъ и кажець: ну, цяперъ будземъ жанитца! Яна думала, думала и кажець: будземъ! Вышли зъ лазьни на вулицу и почали круцитца. Круцилиси, круцилиси по дорози, прикруцилиси къ лазьни; чортъ яе задушивъ, кровъ выссавъ, косци вытресъ, а шкурой печку обкрывъ. Была у бабы сучка. Яна сядзиць подъ столомъ, ды цявъ, цявъ, цявъ! Дзѣдовы дочки шумки шумяць, бабины дочки косци бражжаць! А баба даёць ёй блины: кажи, што бабины дочки шумки шумяць, а дзѣдовы косци бражжаць! А сучка усё ня гэдыкъ брешець. Тоды баба кажець дзѣду: идзи ты, дзѣдъ, полядзи, што тамъ дзѣетца! Пошовъ дзѣдъ, узявъ у торбу косци, шкурой обкрывся и идзёць. Баба якъ увидзѣла, дакъ и сомлѣла.

А дзѣдова дочка скоро замужъ вышла за хорошаго чаловѣка.

Г. Сѣнно. Кр-нъ Павел. Астаповъ, 50 лѣтъ, неграмотный.

У насъ было шесть пересказовъ этой сказки. Недостатокъ мѣста лишаетъ насъ возможности помѣстить ихъ всѣ.

95. Дочка и падчерка.

Жили сабѣ дѣдъ да баба: И были у ихъ двѣ дочки: дѣдова дочка Ґанно́чка, а бабина Катярина. Отъ яны пойдуть на супрадки, на посидѣнки, дакъ дѣдова дочка праде да праде, а бабина скача да пляша, да музыкъ наймая. Отъ дѣдова дочка

*) Вихрь—чертова свадьба.

попрала уси мычки да й кажа: Кать, ходе́мъ домовъ! И пошли. Подыйшли къ воротамъ, Катька и кажа: лѣзь подъ вороты отопри, а я твоѐ починки подяржу! Узяла бабина дочка Ганнины починки, да й пошла у хату. Пришла да й кажа матцы: «во, мамка,—дѣдова дочка скача да пляша, да музыкъ наймая, а я во кольки починковъ напрала!» Отъ, баба и кажа дѣду: дѣдъ, вяди ты свою дочку у лѣсъ: яна тольки дурно хлѣбъ ѣсти! Дѣдъ отрѣзавъ ёй лусточку хлѣба и повёвъ. Вёвъ, вёвъ, привёвъ акъ лѣсу, и кажа: ну, иди сабѣ одна! Яна й пошла. Иде, иде—стоить колодязь. Отъ, колодязь и кажа: Дѣвка, дявица, вычисть мяне! буду я табѣ у вяликой пригоди! Яна узяла и вычистила колодязь. И пошла даляй. Иде, иде—плыве дежка. «Дѣвка, дявица, обмый мяне: буду я табѣ у вяликой пригоди!» Дѣвка узяла, обмыла и пошла даляй. Иде, иде—стоить яблона. Отъ, яблона и кажа: «дѣвка-дявица, обколоти мяне: буду я табѣ у вяликой пригоди!» Ганночка узяла, яблону обколотила, яблочки у кучку склала, да й пошла даляй. Иде, иде—стоить котиная хатка на куриной ножцы. Отъ яна зайшла у тую хатку, ажъ тамъ усякіе шавки (шелки), золото, серабро. Яна набрала шовку, грошай, да й пошла домовъ. Пришли коты ў хатку, бачать—хтось бравъ шавки, гроши. Побѣгли яны услѣдъ за ёй. Бягуть коты, добѣгли до яблонки: «яблонка, яблонка, ти ня йшовъ хто тутъ? ти ня ѣхавъ хто?»—Нѣ, ня бачила, ня видѣла, ня йшовъ, ня ѣхавъ,—вярнитесь!.. Побѣгли коты. Бягуть, бягуть—стоить дежка. «Дежка, дежка, ти ня бачила ты, ти ня видѣла ты: ти ня йшовъ тутъ хто, ти ня ѣхавъ хто?»—Нѣ, ня бачила, ня видѣла, ня йшовъ, ня ѣхавъ,—вярнитесь! Побѣгли коты. Бягуть, бягуть—стоить колодязь. «Колодязь, колодязь, ти ня бачивъ ты, ти ня видѣвъ ты, ти ня йшовъ тутъ хто, ти ня ѣхавъ хто?»—Нѣ, ня бачивъ и ня видѣвъ—вярнитесь! Коты и вярнулися, а Ганночка и пришла домовъ у шавкахъ. Тогды и бабина дочка проситца. Баба и кажа дѣду: провяди ты и мою Катю! Дѣдъ отрѣзавъ лусточку хлѣба и повевъ. Вёвъ, вёвъ, да и вярнувсь: иди уже, каа, одна! Яна и пошла. Ишла, ишла—стоить колодязь. «Дѣвка, дявица, почисть мяне!»—А, Божа милый! буду мочитца! И пошла даляй. Иде, иде—плыве бочка. «Дѣвка-дявица, обмый мяне! буду я табѣ у вяликой пригоди!»—А, Божа милый, буду мочитца! Да й пошла даляй. Иде, иде—стоить яблонка. «Дѣвка-дявица, обколоти мяне! буду я табѣ у вяликой пригоди!»—А, Божа милый, буду сорочку драть! Да й пошла даляй. Иде, иде— стоить котиная хатка на куриной ножцы. Пошла яна у тую хатку, ажъ тамъ усякіе шавки, да гроши. Набрала яна грошай и шовку, и пошла домовъ. Прибѣгли коты, бачать—хтось бывъ. Яны услѣдъ. Бягуть, бягуть—добѣгли до яблонки: «яблонка, яблонка, ти ня бачила, ти ня видѣла; ти ня йшовъ тутъ хто, ти ня ѣхавъ хто?»—Бачила, видѣла—бягитя, догбнитя! Побѣгли коты даляй, стоить бочка. «Бочка, бочка, ти ня видѣла, ти ня бачила, ти ня йшовъ тутъ хто, ти ня ѣхавъ хто?»—Бачила, видѣла,—бягитя, догбнитя! Побѣгли коты даляй. Бѣгли, бѣгли—стоить колодязь. «Колодязь, колодязь, ти ня бачивъ, ти ня видѣвъ, ти ня йшовъ тутъ хто, ти ня ѣхавъ хто?»—Бачивъ и видѣвъ,—бягитя, догбнитя! Побѣгли коты даляй; бѣгли, бѣгли—догнали бабину дочку Катярину и разорвали...

Гом. у.

Указатель къ миѳическимъ сказкамъ.

СКАЗКИ БЫТОВЫЯ,

ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ И САТИРИЧЕСКІЯ.

1. Мѣна.

Якъ живъ сабѣ дзѣдъ изъ бабой. Посѣяли яны бобъ подъ поломъ. Тэй бобъ якъ рэсци, дыкъ рэсци—выросъ подъ самый полъ. Яны узяли, полъ раскинули. Тэй бобъ якъ рэсци, дыкъ рэсци—выросъ подъ самую столь. Яны узяли, столь раскинули. Тэй бобъ якъ рэсци, дыкъ рэсци—выросъ подъ самое небо. Поглядзѣвъ дзѣдъ на бабу и кажець: «полѣзу по стручьчу на небо!» И полѣзъ. Лѣзъ, лѣзъ, и узлѣзъ на самое небо. Тамъ яму богъ подаривъ золотую цяцерку. Узявъ дзѣдъ цяцерку и пошовъ домовъ. Видзиць—пасцюць конюхи коній. «Дзенъ добрый, дзѣдзька! идзѣ ты бывъ?»—На неби ў пана бога!—«Што табѣ панъ богъ давъ?»—Золотую цяцерку!—«Помѣняйся зъ нами на коника!» Дзѣдъ помѣнявся, узсѣвъ на коня и ѣдзець домовъ. Видзиць—пасцюць пастухи воловъ. «Дзенъ добрый, дзѣдзька! Идзѣ ты бывъ?»—На неби у пана бога.—«Што табѣ панъ богъ давъ?»—Золотую цяцерку!—«А йдзѣ жъ яна?»—Помѣнявъ на коника!—«Помѣняй зъ нами коника на волика!» Дзѣдъ помѣнявся, узявъ вола и пошовъ. Видзиць, пасцюць бараноўвъ. «Дзенъ добрый, дзѣдзька! идзѣ ты бывъ?»—На неби у пана бога!—«Што табѣ панъ богъ давъ?»—Золотую цяцерку!—«А йдзѣ жъ яна?»—Промѣнявъ на коника!—«А коникъ идзѣ?»—Промѣнявъ на волика!—«Промѣняй намъ волика на барана̀!» Дзѣдъ помѣнявся, узявъ барана̀ и пошовъ. Идзе́ць, видзиць, пасцюць индыковъ. «Дзенъ добрый, дзѣдзька! Идзѣ ты бывъ?»—На неби ў пана бога!—«Што табѣ панъ богъ давъ?»—Золотую цяцерку!—«А йдзѣ жъ яна?»—Промѣнявъ на коника!—«А коникъ идзѣ?»—Промѣнявъ на волика!—«А воликъ дзѣ?»—Промѣнявъ на барана!—«Промѣняй намъ барана на индыка!» Дзѣдъ промѣнявъ барана на индыка и пошовъ. Идзе́ць, идзе́ць, видзиць—дзѣци гуляюць на вулицы, ѣздзюць на кочаре́жкахъ. «Дзенъ добрый, дзѣдзька, идзѣ ты бывъ?»—На неби ў пана бога.—«Што табѣ тамъ богъ давъ?»—Золотую цяцерку!—«А йдзѣ жъ яна?»—Промѣнявъ на коника!—«А коникъ идзѣ?»—Промѣнявъ на волика.—«А воликъ дзѣ?»—Промѣнявъ на барана̀!—«А баранъ идзѣ?»—Промѣнявъ на индыка! «Промѣняй намъ индыка на кочаре́жку!» Дзѣдъ промѣнявъ, узсѣвъ на кочарежку и прiѣхавъ на кочарежцы домовъ. Баба ў яго пытаетца: «ци жъ бывъ ты на неби у пана бога?»—Бывъ!—«Што табѣ панъ богъ давъ?»—Золотую цяцерку!—«А йдзѣ жъ яна?»—Промѣнявъ на коника!—«А коникъ дзѣ?»—Промѣнявъ на волика!—«А воликъ дзѣ?»—Промѣнявъ на барана̀!—«А баранъ идзѣ?»—Промѣнявъ на индыка!—«А индыкъ дзѣ?»—Промѣнявъ на кочарежку!..

Усердзилась баба на дзѣда, давай яго кочарежкой биць. Забила до смерци и похувала подъ загнетомъ.

С. Пустынки, сѣнн. у. Запис. г-жей Козловской. Ср. Афан. II, 201; V, 52; VI, 92.

2. Бобокъ.

Бувъ сабѣ дѣдка и бабка, була у ихъ курка рабка. Пубѣгла яна на сметьничакъ, знашла бубочакъ. Принесла бубокъ до дому, гукаа бабку: «бабка, бабка, отчини! Отчини—нясу бубокъ!» Принесла бубокъ и пусадила ў макотёръ. Рости бубокъ, рости—'къ росъ бубокъ, 'къ росъ—дакъ пудъ самую столь. Вырусъ бубокъ пудъ самую столь, дакъ бабка зъ дѣдкумъ и радятца: «Шо будомъ, кажа, дѣдка, дѣлать?»—Шо будомъ, кажа, бабка, дѣлать?—«Нехай, кажа, бубокъ рустѐ, а мы вузьмимо, да у столи дирку прорѣжмо!» Дѣдка узявъ да ў столи дирку прорѣзавъ. Той бубокъ 'къ рости да рости,—пудъ самую крышу! Дѣдка зъ бабкуй радятца: «шо будомъ, каа, дѣлать: ти намъ бубокъ злумать, ти намъ крышу бурить?»—Нѣ, кажа бабка: вузьмимо да хату раскрыймо, а няхай бубокъ рустѐ. 'Къ росъ той бубокъ да росъ—пудъ самое небо. Дѣдка зъ бабкуй радятца: «якъ бы намъ дустать бубокъ?» А чорный котъ уткуль узявся, бубокъ злумавъ, и дѣда зъ бабую спужавъ. Дѣдъ изъ бабуй радятца: «утъ табѣ! И хату раскрыли, и бубка няма! А шо будомъ дѣлать?.. А ето курка виновата!» А баба кажа: дакъ мы пругонимо курку! Усердилась баба да курку пругнала.

Курка пубѣгла на сметьничакъ, да й кудакча. А тамъ було бугато пѣвнявъ. Пѣвни пытаютца: «чаго, курка, кудакчашъ?»—А вы ня вѣдаетя мугò гора: найшла я на сметьничку бубочакъ, принесла къ бабцы и пусадила ў макотеръ. Вырусъ бубокъ пудъ самое небо. Уткуль узявся чорный котъ и злумавъ той бубокъ. Бабка изъ дѣдкумъ усердилися, да й мяне пругнали. Дакъ я во худжỳ да й кудакчу!—«Ну, ты, курка-рабка, икъ намъ пристань,—ты будяшъ наша худяйка!»..

М. Жлобинъ, рогачевск. у.

3. Коноплинка.

Жили были дѣдъ да бабка. Была у ихъ курка рабка; панясла яецъ повянъ коробецъ и вывяла куранятокъ. Бъе баба курицу, што яна ня дае имъ цыцкѝ, ня кормя ихъ грудьдю. Дѣдъ глядѣвъ, глядѣвъ и говора: «дурная ты, баба! за што яе бъёшъ?»—А што жъ яна ня дае имъ цыцкѝ? Дѣдъ кажа: «хиба жъ у яе е цыцка? Ты насыпъ имъ конопель, да поставъ воды, яны й будути ѣсти!» Баба такъ и здѣлала. Отъ, куранятки пъють и ядять. И ўпала одна коноплинка подъ мостъ. Икъ рэсти да рэсти тая коноплинка—выросла подъ самый мостъ. Отъ яны мостницу подняли. Тая коноплинка икъ рэсти да рэсти—выросла подъ столь. Отъ яны стольницу подняли. Икъ рэсти да рэсти тая коноплинка—выросла подъ крышу. Яны й крышу раскрыли. Коноплинка тая 'къ рэсти да рэсти—выросла подъ небу. Отъ, дѣдъ узлѣзъ по коноплинки на небу и кричити: лѣзь и ты, баба, суды! И баба узлѣзла на небу. И пошли яны по небу. Ишли, ишли—пришли къ сырной хатцы на куриной ножцы. Увышли яны ў хатку, у той хатцы попранишныя лавки й полицы, а ходяина няма. Отломили яны попраниковъ зъ лавки, наколупали сыру съ стѣнъ, залѣзли подъ печь, сядять да й ядять. Ажъ прибягаяти козы, и кажать: хто, хто у нашай хатцы ёсть? Коли старый—погоня козъ пасти, коли малый—будя дома сядѣти да хатки глядѣти.

Отъ яны и вылязли съ подпечьча. Дѣдъ погнавъ козъ пасти, а баба дома сядить. И тяперъ тамъ живуть, сыръ да попраники ядять.

С. Перерость, гом. у.

Въ одномъ вар., записанномъ въ томъ же уѣздѣ, сказка оканчивается такъ:

«Отъ погнавъ дѣдъ козъ, а баба осталась у хатцы прибирать, ажъ прилятая зьмяя. Пригнавъ дѣдъ съ поля, зьмяя и отобрала вочи у дѣда и ў бабы. Погнавъ дѣдъ зновъ козъ пасти и ўзявъ съ собой скрипку. Сѣвъ и играя. Прилятая зьмяя: дѣдъ, пойграй, а я поскачу! Отъ енъ расколовъ дуба и кажа: становись суды у расколину, тогды пойграю! Яна стала, дѣдъ вынувъ клинъ, колода и стиснула зьмяѣ ноги. Узявъ тогды дѣдъ свой кнутъ, икъ ставъ яе бить: «отдай дѣдовы да бабины вочи! отдай дѣдовы да бабины вочи!» И убивъ яе. Икъ тольки убивъ, дыкъ и ставъ бачить. Приходя у хатку, и баба бача.»

Ср. Драгом. 366.

4. Бобинка.

Живъ дзѣдъ зъ бабый. У дзѣда бывъ пятухъ, а ў бабы была курычка. Пятухъ выкыпавъ на шуметьнику дзѣду бобинку, а курица выкыпала баби на шуметьнику горошинку. Принёсъ пятухъ свою бобинкў ды отдавъ свойму дзѣду, а курычка прынясла свою горошинку ды отдала своёй баби. Дзѣдъ кажецъ: што мнѣ дзѣлацъ зъ гэтый бобинкый? Возьмутку ды посаджу яе. А йдзѣ жъ мнѣ яе пысадзицъ? Посаджутку я яе подъ пóлымъ (досчатая настилка въ избѣ, замѣняющая кровати). Узявъ дзѣдъ свою бобинку ды посадзивъ яе подъ полымъ. Ну, ладно, пысадзивъ енъ яе. Тая бобнпка росци, росци—вырысла подъ полъ. Што тутъ дзѣлыцъ? Узявъ дзѣдъ полъ рызобравъ. Росци, росци тая бобинка—вырысла пыдъ полаци. Дзѣдъ узявъ—на полаци, и полаци раскидывъ. Росци, росци тая бобинка—вырысла подъ столь. Што тутъ дзѣлыцъ: треба столь разбирацъ. Дзѣдъ узявъ полѣзъ ны горў, рызобравъ столь. Росци, росци тая бобина—выросла пыдъ страху. Дзѣдъ узявъ и страху рызобравъ. Росци, росци тоды бобинка—вырысла подъ самое небо. Дзѣдъ зъ бабый пилнуюцъ, кабъ хто ня здзѣлывъ абы-чаго ихный бобѝнцы. Тоды тая бобинка зацвицѣла и поспѣла. Якъ тольки поспѣла бобинка, дзѣдъ кажецъ: треба лѣзци щипацъ бобъ! А баба кажецъ: «и я полѣзу съ тобой!»—Нѣ, баба: кыли мы ўдвохъ полѣземъ на бобинку, дыкъ яна зломитца. Ты луччи лѣзь ў торбу, а я возьму торбу ў зубы, и буду лѣзци и цябе ў торби нéсци. Тольки глядзи, кабъ ты ничого не казала, якъ я буду лѣзци!—«Вó, што я—дурная?»... Ну, ладно. Улѣзла баба у торбу, дзѣдъ торбу завязавъ да ў зубы. И полѣзъ на бобину бобъ щипацъ. Лѣзъ, лѣзъ—большу пыловину ужо ўлѣзъ, баба мовчицъ. Полѣзъ енъ дали, а яна ня ўцерпила, кричицъ: дзѣдъ, ци скоро мы узлѣземъ? Дзѣдъ мовчицъ. Баба узнова кричицъ: «ци скоро?» А дзѣдъ усё мовчицъ. Тоды баба за третьцимъ ўжо разымъ якъ крикнецъ: «што ты, ня чуешъ? ци скоро мы узлѣземъ?» Дзѣдъ кажецъ: скоро! Ды, вядóмо, ротъ разинывъ, а торба зъ бабый вырвылася зъ зубовъ и поляцѣла на землю!.. Дзѣдъ думыецъ самъ сабѣ: «ну, што жъ дзѣлыцъ—ничого не починишъ, треба ужо лѣзци

на небо торбы йскаць, бы на небо ближѣй злазиць, якъ на землю!» Ну, ладно. Полѣзъ дзѣдъ на небо торбы йскаць. Лѣзъ, лѣзъ, узлѣзъ на небо. Ходзивъ, ходзивъ тамъ на неби, видзиць—стоиць хатка. Пришовъ енъ къ тэй хатцы, ажны яна быранычкымъ замкнута, цукерычкый запхнута. Дзѣдъ узявъ першъ быранычекъ зьѣвъ, а тоды узявъ, цукерычку зьѣвъ. Якъ зьѣвъ дзѣдъ быранычекъ и цукерычку, хатка й отомкнулыся. Увыйшовъ дзѣдъ у хатку, ажны ў тэй хатцы печь збита съ перапечъ, блинами накрыта. Пошовъ енъ къ печи, ажны ў ёй усякая ядȧ стоиць, усякая страва. Енъ усё тое поѣвъ, поѣвъ, ды самъ пыдъ корыто и схувався. Ляжиць енъ цихынько пыдъ корытымъ, ажны прибѣгаюць козы у хату. Убачили, што ихъ стравы потронуты, хвосты пызадрали, ды якъ зыблякечуць! Пынаповнили яны ўзнова всё ды й пошли, покинули тольки одновокую козу пилнуваць у хаци. Дзѣдъ и почавъ пѣць съ пыдъ корыта: «спи вочко, спи вочко!» Кыза и заснула. Енъ тоды скоренько уставъ, усё тое поѣвъ, попивъ, ды узнова пыдъ корыто схувався. Прибягаюць козы, хвосты пызадрали, ды якъ заблякечуць, што нѣхто ўзнова ў хаци попивъ, поѣвъ. Били, били тую козу, и покинули пилнуваць хаты ужо зъ двомя воками. А сами побѣгли. Якъ тольки яны побѣгли, дзѣдъ узнова съ пыдъ корыта ставъ пѣць: «спи вочко, спи другое! спи вочко, спи другое!» Кыза и заснула. Тоды дзѣдъ скоренько вылѣзъ съ пыдъ корыта, напився, наѣвся, ды ўзновъ пыдъ корыто схувався. Прибѣгаюць козы, хвосты пызадрали, якъ зыблякечуць, што ўсё попотронуто! Дывай биць тую козу рогами, што ня ўпилнувала! Тоды яны усё пынаповнили и сами пошли, а пилнуваць у хаци покинули съ тромя воками козу. Дзѣдъ узнова съ пыдъ корыта запѣвъ: спи вочко, спи другое! А на третьцее не казавъ, думавъ, што у яе тольки два воки. Кыза тая на два воки задрамала, а третьцее глядзиць. А дзѣдъ скоренько съ пыдъ корыта, ды ўсё тое, што яны пынаповнили, поѣвъ, попивъ, и ўзновъ схувався. Тольки жъ енъ схувався, ажны прибѣгаюць козы. Хвосты пызадрали, якъ зыблякечуць, што ўсё попотронуто! Прибѣгли къ тэй козѣ, што покинули пилнуваць у хаци, и хоцѣли яе биць, а яна й пыкызала имъ пыдъ корыто. Яны корыто подняли, ажны тамъ ляжиць дзѣдъ. Яны яго узяли ды давай рогами биць; били, били, ды ўзяли на роги ды й скинули зъ неба...

Д. Тухинка, ульянов. вол. сѣнн. у.

5. Хомкова жонка.

Бывъ сабѣ Хомка, и была ў яго жонка,—гультайка была. Разъ пошла яна жито жать. Пожала, пожала, снопъ ти два нажала, да й лягла спать. Мужикъ ждавъ, ждавъ обѣдать; ды узявъ и пошовъ къ ёй на поля. Приходя икъ ёй, бача—яна спитъ. Отъ ёнъ узявъ, одёжу зь яе знявъ, а яе дёхтямъ вымазавъ, перъямъ опсыпавъ, узявъ одёжу и пошовъ домовъ.

Пришовъ домовъ, надѣвъ андаракъ, завязавъ хустку, да йзатопи въ почку, и блины пяче. А жонка прошнулась къ вечару, и сама съ сябе дивитца: ти я Хомкова жонка, ти не я? Пошла яна у сяло, иде дорогой и гукая: «гу-гу-гу! ня такъ ишла, якъ иду!» Пришла къ своёй хати, подыйшла подъ вокно и пытая: «Хомка, Хомка,

ти дома твоя жонка?» А енъ кажа: «дома, блины пяче!» Тоды яна и кажа: «вѣрно я ня Хомкова жонка!» И почала хаты считать: ето Сямёнъ, а ето Халимонъ, а ето мой дворъ! Подыходя зновъ подъ вокошко и пытаетца: «Хомка, Хомка! ти дома твоя жонка?»—Дома; вонъ яна блины пяче! Ну, яна и кажа: «вѣрно я ня Хомкова жонка!» Пошла зновъ по сялу. Иде и кричить: «гу-гў-гу! ня такъ ишла, якъ иду!» Ажъ идуть на сустрѣчу ёй два злóдяи, нясуть скрыню грóшай. Якъ убачили яны яе, якъ спужаютца,—кинули й скрыню зъ грошами, да сами бѣгчи! А мужикъ усё ето бача. Выбягъ енъ съ хаты, ухапивъ скрыню, да й кажа: «годи уже бродяжничать! Ходи уже домовъ!» Отъ яна тогды тольки увознала, што яна Хомкова жонка.

Годи съ тыхъ поръ спать у поли!...

Рогач. у. Ср. Аф VI, 18. Садовн. 152.

6. Цярехъ.

Живъ ба сабѣ такъ Цярехъ зъ жаною. И соснилися яму гроши у копца на горки, близко ли дороги. Пошовъ енъ шукаць. Ощупавъ штыхомъ, ощупавъ, яны не подались. Енъ дождавъ другого году. Пошовъ енъ шукаць на тое мѣсто самое, и ощупавъ, ну грошай не доставъ. Снятца яму на третьцій годъ гроши. Енъ приходзя на тое мѣсто, троху копанувъ, и тольки бъ узяць—а тутъ ѣдуць на тройки коній два паны исъ кучаромъ и гукаюць Цяреха на дорогу. И знаюць, што Цярехъ. «Ходзи-тка, ходзи, покажи, чаловѣка, ты чаловѣка сколовъ. Чимъ ты отвѣцишъ за три годы? Ты три годы яго коловъ. Чимъ ты за яго отвѣцишъ?» Гукаюць кучара: «розокъ!» Узяли яго, положили, придержали, якъ дадуць яму розокъ исъ повсотни!—«Цяперъ, Цярехъ, уставай! Бяри гроши, да съ умомъ!» Поворочавъ, поворочавъ Цярехъ скрыню зъ грошмы, и не подóлявъ одзинъ. Тоды енъ пошовъ домовъ, узявъ жачокъ и поставивъ у рѣчку; пошовъ на 'хвоту, забивъ зайца. А ў жачокъ поймалась щучка. Тоды енъ вынивъ щучку, навевъ силцо, и усадзивъ щучку ў силцо, а зайца усадзивъ у жакъ. Приходзя домовъ. «Ходземъ, молодзица: давъ Богъ намъ гроши!» И пошли. Идучи й говора: «постой-тка, поляджу: я ставлявъ жачокъ!» И выймая изъ жака зайца. Дзивитца жонка: «а-яй! якъ енъ суды улѣзъ?» Пошли дали; приходзюць у лѣсъ. «Постой, молодзица: я тутъ нѣйдзи сило ставлявъ на бору!» Пришли къ силу, и выймая изъ силца щучку. Тожъ яна, молодзица, дзивитца. Послѣ идуць, а древо устромилося на древо, и скрыпиць яно: кигѝ! кигѝ! Жонка пытаетца у Цяреха: што ето? Енъ кажа: «мовчи! ето пана нашаго черци давюць!» Приходзяць яны къ грошамъ. Узяли яны и понясли домовъ. Жили бъ яны годъ, ли два, и ставъ Цярехъ пьянствувадь крѣпко. Пошла жонка къ пану на жалобу: «вотъ, паночакъ мой! Цярехъ нашовъ гроши!» Сяйчасъ послали за Цярехомъ. Приходзиць Цярехъ къ пану. Спрашая панъ: «што, Цярехъ, гроши нашовъ?» Енъ отказуя: нѣ!—«Брешашъ, нашовъ!» Выгукая жонку на воко. Яна й говора: што жъ ты тóишъ? Мы жъ ишли съ тобой по гроши, якъ вынявъ ты зайца изъ жака и щучку изъ силца! Да на што жъ табѣ, панъ, лучьчи: ето тоды було, якъ цябе черци давили!. Панъ жонку по щіи, да й вонъ за порогъ выгнавъ. А Цяреху ще румку горѣлки давъ, н идзи зъ Богомъ!..

С. Городище. Кр. Николай Ермолаевъ, 66 лѣтъ.

7. Противная жонка.

У насъ часто гуворуть объ противныхъ жонкахъ. Дакъ вотъ у однуго мужика була противнаа жонка. Вонъ выяжжаа на поля и гувора: «ты жъ, жонка, гляди, сягодьни хорошiй обѣдъ моо наваришъ?»—Навару, гувора.—«Ты ще, пожалуй, и поросёнка, гувора, убъёшъ?»—Убъю, гувора.—«Ще, моо, здуру и яешню зжаришъ?»—Зжару, сукинъ сынъ!—«Ты ще, пожалуй, вóзьмешъ услонъ и столъ съ собой?»—Сукинъ сынъ, возьму!...

Удругъ, смотра мужикъ у поли, иде жонка, нясе столъ и услонъ и обѣдъ. Мужикъ кинувъ сýхў, пудбѣгаа пусобить, а яна гўвора: «ня треба, я сама занясу, куды нясу!» Сѣли за столъ и давай кушать. Путомъ мужикъ гувора: «жонка, кажа: тамъ кулóдяжъ кулу дуроги,—кули бъ ты ня ўпала!»—А, сукинъ сынъ, упаду! Ѣдя мужикъ съ поля, бача—стуить столъ, услонъ и посудъ, на чомъ обѣдали, а жонки нѣту. Ну мужикъ надéжи ня маа, думаа: такъ сабѣ яна пуставила, кабъ енъ пупужався. Забравъ ёнъ усё, прiяжжаа думовъ,—няма жонки. Перанучувавъ ночь—няма жонки. Живе день, живе другiй—няма. Думаа мужикъ: шо тутъ дѣлать? няўжли жъ тыки яна упала у кулодяжъ? Надумався мужикъ такъ: якъ яна була такаа противна, пожалуй, яна ще й тамъ живаа. Схуджу-тка я туды пугукаю! Приходя туды къ кулодяжу и гукаа: ти ты, гувора, тутъ?—Тутъ. Пожалуста, гувора, вытягни мяне! Енъ пушовъ думовъ, узявъ вожжи, упустивъ у кулодяжъ, и ставъ тягнуть. Тёгъ, тёгъ—вытягуя зъ рогами чорта. Енъ—«братъ! гувора: ня пугайся, гувора. Спасибо табѣ, шо ты вытягъ мяне!»—Да я, гувора, думавъ, шо йто жонка муя!—«А братъ ты мой, гувора: якъ ето ты изъ ею живъ. Я едва яе сосилавъ утопить! Чуть—чуть яе утопивъ,—яна усяго мяне сощипала. Я тое, яна тое,—усё споруя; едва-едва могъ посиловать, да утопивъ. Ня журись, гувора. Блугодаримъ, шо вытягъ! Досюда ты живъ бѣдно, а тяперъ будешъ бугатымъ чаловѣкомъ. Я, кажа, у бугатаго купца увойду ў домъ, и буду выгонять яго зъ дому. Ты объявись,—шо я вотъ, знатца, знахаръ—мугу выгнать чорта. Енъ будя давать табѣ грошай, дакъ ты ня ўважай, а бяри якъ можно больше!»—Ну, добро! Мужикъ пушовъ думовъ, а чортъ сабѣ.

Пройшло мало уремъя, выживаа чортъ купца зъ дому. А мужикъ уже прислухаетца. Прiяжжаа ў горудъ, почувъ, шо случилось съ купцомъ, шо ня дае яму збыту. Мужикъ пудходя къ етуму купцу и гувора: «шо, гувора, у васъ няспукойно ў доми, господинъ купецъ?»—Да, братъ, няспукойно: такое гóра, шо мнѣ табѣ нялъзя разсказувать дажа.—«Э, гувора, пустое! Кули бъ я захотѣвъ, сичасъ и выгуню, ничого ня будя!»—А ты можашъ, братъ?—«Мугу!»—Дакъ постарайсь, братъ, потрудись ли мяне, выгонь!—«А шо ты за ето даси мнѣ, шо я табѣ выгоню?»—А шо ты хочашъ?—«Триста рублей, шо жъ я хóчу. Даси, дакъ выгоню!»—Дакъ выгоняй, братъ! —«Дакъ давай жа гроши!» Купецъ думаа такъ: правда, неправда, нехай пропало триста рублей, а то жъ и домъ и йимущаство пропадаа! Давъ яму триста рублей.—«Ну, ходемъ, гувора на купца, у твой домъ, я сичасъ выгоню и ночувать будяшъ спукойно!» Енъ сичасъ увыйшовъ у домъ, по ўсихъ куткахъ пуходивъ, постукавъ, поляпавъ, да й пушовъ сабѣ. Купецъ зарогутавъ: во якъ, кажа, надувъ мяне мужикъ: во якъ

выгоняять!—«А отъ, тяперъ смѣло будяшъ спать, я уже яго выгнавъ!» Мужикъ тольки вышовъ за вуроты отъ купца, страчаетца съ чортомъ—зъ рогами, съ пѣвнявыми ногами, съ хвостомъ, обросши. «Шо жъ ты, насмѣшку мнѣ здѣлавъ, ти шо? Я хотѣвъ тябе чаловѣкомъ здѣлать, а ты узявъ триста рублей. Хиба ето гроши? Ну, пугоди жъ, кажа: тябе тяперъ скоро узнаять, што ты умѣяшъ выгонять, а я залѣзу у царській домъ: ты мяне уттуль ня выгонишъ, и самъ погинешъ, якъ пугалисься на гроши. Було такъ ня дѣлать!»

Ну, мужикъ отъ вуротъ пушовъ думовъ, спужався, а чортъ сабѣ пушовъ. Прошло мало уремъя, ставъ чортъ у царськимъ дворцы распураджатца пусвбяму,-бушуя, спать ня дае пу ночамъ. Скоро узнали пру етаго мужука, шо енъ умѣя чартей выгонять. Царъ сичасъ пославъ аквитанта пу туго мужука, приставить яго. Чугунокъ тоды ня було, ѣздили на поштовыхъ. Узяли яго на поштовыя и пувязли къ цару у двурэцъ. Мужикъ, ня дояжжаа дватцать пять вёрстъ ду двурца, прося туго аквитанта: «ты, кажа, мяне ду двурца ня дувожъ вярстовъ на пять,—мнѣ треба пѣшкомъ ити, а то я яго ня выгоню!» Пріѣхали на пять вярстовъ, остановилися. «Ну, вы можатя сабѣ тяперъ ѣхать, а я буду у двурэцъ! Кули буду, да буду,—ти рано, ти позно, да буду. Мнѣ треба пѣшкомъ ити!» Той поѣхавъ, а мужикъ начинаа ити шибко, а путо́мъ начинаа бѣгть. Бѣгъ, бѣгъ,—уморивсь, скидаа съ сябе верхнюю удежу, и опъять бягить. Бѣгъ, бѣгъ—скидаа шапку, а по́тумъ скидаа съ сябе обуй, а по́тумъ, пробѣгши, скидаа рубашку, а по́тумъ и штаны, близко ли царськаго двурца. Чортъ уба́чивъ яго, выбягъ на крылцо, и кричить: «чаго ты такъ крѣпко сюды бяжишъ? Ето по смерть ты бяжишъ, стараесься такъ крѣпко!» А мужикъ, уморившись, ня прогувора: эй, погоди, братъ ты мой: ты ня знаяшъ случа́ю!—«Шо тамъ тукбе?»—Вылязла жонка и шукаа—дѣ чортъ. Дакъ ето я бѣгъ, кабъ дать табѣ звѣсть, кабъ ты куды небудь утякавъ, бо́ недале́ко за мной яна, сичасъ прибяжить!—«Якъ, недале́ко уже?»—А во́ сичасъ будя. Бачь, я едва выперадивъ яе, поспѣшавъ; удежу усю, бачь, поскидавъ!—«Ну, бяри сабѣ гроши, бяри сабѣ ўсё,—я утяку! Не кажи тольки, што ты бачивъ мяне!» Засвиставъ и полятѣвъ...

М. Жлобинъ, рогач. у. Кр. Степанъ Васильевъ Корыбскій, 50 лѣтъ, неграмотный.

8. Жонка выдумщица.

Послала жонка мужука на базаръ продаваць бараньку и кажецъ: купи на базари и соли и моли, и зъ людзьми пысядзи и новину привязи, и баранька кабъ цѣлъ бывъ! Поѣхувъ тэй мужикъ на базаръ и думаецъ: якъ тутъ быцъ? Пріѣхувъ на мѣсто; подходзицъ къ яму нѣйкій старацъ и купляецъ барана: «што хочешъ за барана?»—Ды я продавъ бы якъ людзи, али жонка казала купицъ и соли и моли, и зъ людзьми пысядзѣцъ и новину привезцъ, и баранька кабъ цѣлъ бывъ!—«А, я табѣ нараю: возьми бараньку обстрижи, вовну продай и купи, што яна казала, а можа и зъ людзьми пысядзисься!» Послухавъ енъ яго, обстригъ бараньку, продавъ вовну и усё купивъ! И ящо осталыся одна копѣйка. Пришовъ енъ у каршму, ашъ тамъ людзи складаютца на гарнецъ горѣлки, и одныѐ копѣйки не стае́цъ. Енъ кажецъ: у мяне ёсь копѣйка!

Ну, купили яны горѣлки и напилиси ўси. Приходзиць енъ къ возу, запрогъ коня, и хоцѣвъ ѣхаць. Ашъ подходзиць тэй самый старацъ и пытаетца: «Ци здзѣлавъ ты такъ?»—А дзякуй табѣ, дзядульку: усё купивъ и зъ людзьми посядзѣвъ, вотъ тольки нема новины!—«Ну до́бро, я скажу новину! Якъ приѣдзешъ домовъ, дыкъ скажи ты жонцы, што вышла такая новина: которая баба заложиць ноги за вуши, будзець ей дужо большое жалованьне ици. Отъ жа глядзи: якъ тольки яна заложиць, ты вяровку пятлёй и накинь и на руки и на ноги, ды бизуномъ!..» Подзякувавъ мужикъ и поѣхувъ домовъ. Выскакуець жонка: «а, кажець, догадався! А ци привёзъ жа ты мнѣ новину?»—Привёзъ! Дай ѣсци, тоды скажу! Дала яна яму ѣсьци, и ўсё просиць, кабъ новину сказавъ. Енъ подъѣвъ и кажець: «а во йкая новина: которая баба заложиць ноги за вуши, будзець большое жалованьне ици!»—Ай, дыкъ и я гэто здзѣлаю!.. Поспробувала разъ, другій—и заложила. Енъ скоренько пятлю и накинувъ, и на ноги и на шію. Ды узявъ бизунъ, ды якъ ставъ скоблиць.... Отскобливъ такъ, што яна заказалася боли выдумываць!...

Д. Дубовцы, рясн. вол. сѣннен. у. Мѣщ. Пашкевичъ.

9. Жонка и разбойникъ.

Якъ было ў водного бацьки три сыны. Бацька й матка умёрли, осталиси дзѣци одны. Жили яны дужо богато. Тоды два браты ожанилиси, а третьцій, меньшій, бывъ холостый. Большій братъ узявъ дужо пригожую жонку. Разъ большій братъ кажець «по́йдземъ мы, братцы, у лыки ночьчи, бо якъ днемъ, дыкъ обдзираюць, а намъ гэто будзець дужо стыдно, дыкъ мы лучьчи пойдземъ ночьчи!» Давъ Богъ смерканьне, и пошли яны. Пришли къ лѣсу,—ящо видновато. Дыкъ яны сѣли у сосоньничку, кыло лѣсу недалёко. Сидзяць яны, сидзяць, ашъ идуць ли ихъ три разбойники, и пытаютца одзинъ у водного: куды, братцы, по́йдземъ?—А по́йдземъ мы къ тому, у кого дужо жонка пригожая! Гэтый большій братъ, што сядзѣвъ у сосоньничку, якъ почувъ, и кажець братамъ: по́йдземъ мы, братцы, у дворъ! А тые браты кажуць: няўжо у цябе пригожѣй усихъ жонка?—Нѣ, братцы, пойдземъ, пропадзи яны и лыки тые! Ще обкрадуцы! И пошли ўси у дворъ. Приходзюць икъ двору, ашъ у ихъ видно. Полидзяць у вокно, ашъ два разбойники сидзяць съ сяредняго брата жонкой и пирують, а старшаго разбойника съ старшаго брата жонкой нема. Тые разбойники почули, што нѣхто подъ вокномъ ёсь, ды наўцёки, а сяредній братъ и меньшій за ими,—побѣгли ихъ дыгоняць. А большій братъ ставъ спрашуваць у сяредняго брата жонки: дзѣ моя жонка? А йна кажець: пошла ў клѣць зъ разбойникомъ! Енъ тоды побѣгъ у клѣць; приходзиць, ашъ двери запёрты. Ставъ енъ кричаць, капъ яму отпёрли,—яны ня 'тпираюць. Енъ тоды узявъ топоръ и ставъ топоромъ двери ломаць. Разломавъ двери, улѣзъ у клѣць, и почали яны зъ разбойникомъ битца. Билиси, билиси, мужикъ кажа жонцы: поможи мнѣ! А яна кажець: што мнѣ табѣ пымогаць? Кыли енъ цябе здолѣець, я яго жонка буду, а кыли ты яго—твоя буду! Билиси яны, билиси,—пуваливъ разбойникъ мужука и ставъ циснуць яго колѣнками. Мужикъ кажець на жонку: дай мнѣ косу, я яго колону! Жонка зняла косу ды й подае́ць разбойнику. Тоды мужикъ бачиць,

што конецъ яму будзець, ставъ звацъ свойго злого собаку. Собака тэй сорвався съ цэпу, прибѣгъ у клѣць и перакусивъ горло разбойникў. Уставъ тэй мужикъ, уволокъ разбойника у хату, пыложивъ подъ полъ. Тоды позвавъ усихъ лучьчихъ мужовъ, позвавъ и бацьку й матку жонкину, пысадзивъ усихъ за столъ, пыставивъ мёду-вина, разныхъ наѣдковъ и кажецъ: «госційки вы моѐ дорогіе! Буду я вамъ гыворицъ казку, а хто мнѣ перемѣшаецъ, тому головў съ плечъ!»—Ну, ўси на гэто сыгласилиси. Отъ енъ тоды пычавъ разсказувацъ: «Якъ живъ я холостымъ. И захоцѣлось мнѣ жанитца. Узявъ я дужо пригожую жонку. Разъ я кажу братамъ: браты моѐ родные, пойдземъ мы у лѣсъ у лыки! Пришли мы къ лѣсу, ящо завидно, и сѣли у сосоньничку. Чуемъ—идуць три разбойники и кажуць: пойдземъ къ тому, у кого жонка пригожая! Мнѣ ня сидзитца, повёвъ я братовъ у дворъ. Приходзимъ, ашъ два разбойники сидзяць съ сярeдняго брата жонкой и пирують, а моѐ нема. Тые моѐ браты погнали гэтыхъ разбойниковъ, а я ўходжу ў хату и пытаюся, дзѣ моя жонка. Сяредняго брата жонка кажецъ: у клѣци съ старшимъ разбойникомъ. Пошовъ я ў клѣць, а яны заперлиси. Я кажу: отчиниця! Яны ня 'тчиняюць. Я тоды ўзявъ топоръ и ставъ сѣчь двери. Разбивъ двери, улѣзъ и ставъ зъ разбойникомъ битца, и кажу: жонка, поможи мнѣ! А яна кажецъ: «а што мнѣ табѣ пымогацъ пришлось: кыли енъ цябе убъѐць, я яго буду, а кыли ты яго, я твоя буду.» Билиси мы, билиси, пуваливъ мяне разбойникъ и ставъ мяне цискацъ колѣнками. Я кажу: жонка, дай мнѣ косу! А яна узяла косу ды и даѐць разбойнику. Я тоды позвавъ свойго собаку. Прибѣгъ собака и перагрызъ горло разбойнику!..» Жонка слухала-слухала, ды кажецъ: неправда гэто ўсё! Енъ тоды узявъ ды выцягнувъ разбойника съ подъ пола... Ну, присудзили мужи̇̆ зняцъ ёй головў.

На тымъ и казцы конецъ.

Сѣнно.

10. Празьнишная жонка.

Бывъ сабѣ дѣдъ да баба, и была у ихъ дочка. Отдавъ дѣдъ яѐ замужъ, давъ ёй худобкў и ўсё, што треба. А работать яна ня ўмѣла. «Молодицъ, (зват. пад.) чаму ты ня работаяшъ?»—Мнѣ нялъга работать: мяне матка у понядѣлокъ родила, уво ўторокъ христила, а ў сéраду христины были, а ў четвяръ пáхристины, а ў пятницу да ў сыботу родиталявъ поминали... 1) Ня хоча ничого работать празьнишная жонка: що—день празьникъ у яѐ, гуляя да й гуляя. Уже й сорочки у яѐ няма, а ўсё празьникъ. Зажурився яѐ ходяинъ, поѣхавъ орать у диравой сорочцы. 2) Оре мужикъ у диравой сорочцы, ажъ иде солдатъ домовъ. Убачивъ енъ, що мужикъ оре у диравой сорочцы, и пришовъ къ ямў. «Здрастуй, чаловѣкъ добрый! Чаго ў тябе, чаловѣкъ, грѣшное тѣло ня прикрыто?»—А того, що сорочки няма: празьнишная ў мяне жонка, кожанъ день у яѐ празьникъ!—«Що ты мнѣ даси, я табѣ яѐ наўчу работать?»—Нѣ, братъ; ня наўчашъ!—«Наўчу!»—Ну, братяцъ, наўчи: усё табѣ дамъ, що хочашъ!—«Якъ яѐ звать?»—Празьнишная жонка!..

---

1) Слич. в. II, Пѣсн. Юмор. № 88. 2) Вар. Зажурився ходяинъ, што нема сорочки, поѣхавъ орать у кожуху.

Увыйшовъ солдатъ у хату. «Здрастуй табѣ, празьнишная баба!» А яна сядить сабѣ на печи, сядить; руки згорнула, сорочка диравая... «Що ты, празьнишная баба, сядишъ: ти сёдьни празьникъ?»—Празьникъ!—«Якій сёдьни празьникъ?»—А мяне матка ў понядѣлокъ родила, а во ўторокъ христила, а ў сераду христины были, а ў четвяръ пáхристины, а ў пятницу да ў сыботу родиталявъ поминали... Поставивъ солдатъ раняцъ на лавцы, узявъ солдатъ бабу за волосься—вýча бабу работать: «въ понядѣлокъ работáй, работáй; уво ўторокъ попрадай, попрадай; у сераду помотай, помотай; у чатвергъ потыкай, потыкай; у пятницу полатай, полатай; у сыботу покатай, покатай, а ў нядѣлю надявай, надявай,—и ходяину надѣть дай и сама надѣньсь!» Дравъ, дравъ яѐ, кольки хотѣвъ, узявъ раняцъ, и пошовъ. Пріѣхавъ дѣдъ съ поля, ажъ баба прадѐ. Слава табѣ, Господи!.. Стали яны жить да поживать, да добро наживать.

Гом. у. Ср. Драгом. 125, въ шести строкахъ.

11. Янка войтъ.

Служивъ у водного пана войтъ, Василь. Ёнъ бывъ чаловѣкъ дужо быгатый. Умираючи, прикызавъ ёнъ свойму сыну Янку: «помни, сынокъ, гэто, што я табѣ гыворý: никóли съ панымъ не дружи, жонцы правды не кажи, и чужихъ дзяцей за здольниковъ не бяри!» Помёръ бацька; Янка ставъ жиць дóбро, усяго було досиць, и грошій було много. Зыхоцѣлыся пану узяць Янку уво дворъ, кабъ енъ зыступивъ бацьки яго мѣсто. Янку хуць не хоцѣлыся, али воли паньскей ня могъ процивитца: оставивъ жонку, сына Гришку, и ўзявъ зъ бѣдныя хаты мальца за здольника на помычь сыну, у свой дворъ, а самъ пошовъ на службу за войта къ свойму пану. Дóбро яму тамъ пывялося: людзи пыважацъ стали, и панъ дужо пылюбивъ и ямý усё своё ходзяйство звѣривъ. Али войтъ бывъ чаловѣкъ разумный. Пришло яму ў гóлову украсци сóкыла того, што панъ надъ усё боли любивъ. Пошовъ ёнъ уночьчи и ўкравъ яго. Укравши сыкылà, занёсъ яго у такое мѣсто, што нихто яго вѣшно знайци ня могъ. Тоды войтъ Янка забивъ ворону, обскубъ яѐ и приносиць жонцы ды свойго двора. И говóрицъ ёй пыдъ большимъ сакрэтымъ: «гэто, кажецъ, я принёсъ сóкыла,—укравъ яго у свойго пана. Лядзи жъ, борони Богъ, никóму не кажи на свѣци, бы тоды усё житьцё прыпадзéць! Спячи мнѣ яго,—кажуць, мясо яго дужо смашно!» Послухала яго добрая жонка, на скорый поспѣхъ утушила того сыкыла. А войтъ Янка неконешня ѣсци хоцѣвъ гэтыго сыкыла,—отдавъ и пошовъ, куды яму було треба.

А ў паньскимъ дворѣ крикъ ды галасъ пыднявся, што сыкыла не стало съ покою. «Мусиць, нѣхто яго ўкравъ!» Пыразсылавъ панъ людзей уво ўси сторóны. Хто ухапивъ шапку, хто поясъ, и пыразбѣгалиси, хто куды, йскацъ сыкыла. Бѣгали, бѣгали, шукали, шукали, и не знайшли,—поворочáлись съ пустыми руками. Патаетца у ихъ панъ: «што жъ? ня чули, ня видзѣли мойго любимыго сыкыла?» Людзи отказуюць, што ходзили и тамъ, и сямъ, и паталиси, али нийдзѣ ни чули, ни бачили! Ставъ панъ скучать дужо и журитца, ня можецъ забыць сыкыла. Войтъ Янка ня мѣвъ съ панымъ и спыткатца, бы знавъ яго; боявся у яго и спытатца што-нибудзь.

Ци довго було такъ, ци мало, али бѣда бѣдой стала. Янки жонка дыжидалыся,

дыжидалыся, и сыкыла приготувала ў масьли. И якъ нherможно було яго дождатца, дыкъ яна попросила куму свою любимую поспытаць сыкыла. И рызсказала ёй сакрэтъ мужука, али кабъ кума никому не кызала. Ну, кума, вядомо, пыклялася, што будзець усё цихо, и што зъ яѐ ня выйдзець лиха на голову Янки кума. Пышла яна къ другей кумѣ, и тольки однэй ёй скызала, што смашныго мяса у кумы войцихи спытала. Тутъ, зю-зю-зю, гу-гу-гу, и вышло, што сокольле мясо ѣла кума войциха. Дойшлось гэто скоро й до пана. Ай крикъ-галасъ пыднявся! Янку войта пыдхвацили и ў цямницу пысадзили. Панъ сыбравъ много людзей, прискочивъ къ Янкывой жонцы: «што, гэто ты, Маръя, вѣдзьма старая, сыкыла мойго зжарила?»—Нѣ, паночакъ; я сама не брала у пана. Мой Янка принесъ обскубаную птушку и скызавъ мнѣ спечь. Я ўложила у миску и спякла яму якъ треба. Али Янка бывъ у пана на службі, и ня спытавъ!.. Панъ ставъ кричаць, сердзитца, што сыколу смерць такая. А ёнъ много цанився. Кинувъ зъ Маръей гыворицъ, пошовъ у дворъ отдыхаць, бо бывъ крѣпко уморився. Пыложився зъ дысады на посцели и скызавъ привесци Янку съ цямницы. «На што жъ ты, Янка, старый слуга, гэто зробивъ? Чаго табѣ треба було отъ мяне? На што ты сыкыла мойго зживъ?»—Нѣ, панокъ,—мнѣ и спытаць ня пришлося. Али якъ скызали людзи пану,—нехай будзець воля паньская. Я ня буду отпиратца: вина моя! Чини, панъ, што хочешъ со мной!—«Будзешъ повѣшанъ, абы отъ розыкъ ня ўстанешъ!»—Добро, панокъ. Али тольки прошу пана, позволь мнѣ домовъ сходзиць, пыпрощатца зъ жонкый, зъ дзяцьми и сусѣдзій на дзяревни пызову къ сабѣ, пыговоримъ со ўсими, якъ на свѣци жиць треба!..

Панъ пусцивъ Янку войта домовъ, али, ня довго думая, и самъ пошовъ пыдзивитца, якъ Янка будзець прощатца и чимъ госцей своихъ будзець витаць. Вотъ, тольки людзи сыбралиси къ Янку, ажъ тутъ и панъ на дворъ приходзиць. Заразъ уси старики пычали просиць пана у хату. Ёнъ увыйшовъ. Тоды Янка приносиць мяшокъ грошій на столъ. Насыпавъ на столъ чатыри кучи грошій и кажець: «одна куча жонцы Марьи, одна куча сыну Гришку, одна куча здольнику, а одна куча тому, хто мяне вѣшаць будзець!..» Якъ почули гэто—сынъ зыплакывъ, жонка слязми зылилася, а здольникъ кажець: «я цябе, татка, повѣшу, нехай мнѣ будзець двѣ кучи грошій!»

Ну, усё ладно. Али пычавъ Янка перадъ усими рѣчи гыворици, було што послухаць! «Помню, кажець, я мойго бацьки-нябощика приказаньне! Ёнъ перадъ смерцю скызавъ: помни, сынокъ Янка, моё напомненьне: николи съ паномъ ня дружи, жонцы правды не кажи, и чужихъ дзяцей за здольниковъ не бяри!» Стала гэта рѣчь яго усимъ надзивна, али пану стало й стыдно, бы ёнъ войту, черазъ дружбу, бывъ виненъ сто чарвонцавъ. Тоды Янка кажець: «нехай-тку гроши уси чатыри кучи, пылежаць, я щѐ принясу!» Пошовъ, и приносиць живого сыкыла!

Ахъ, якъ жа панъ узрадывався! Ставъ яго обнимаць, цыловаць зы яго розумъ. Уси признали Янку боли чесьци и славы съ тыхъ поръ. И ёнъ уже тоды на войты не пошовъ, а зыстався у дворѣ весци своё ходзяйство, кабъ здольниковъ не дзержаць.

Д. Борокъ, сѣнн. у.

Запис. г. Демешкевичъ. Ср. Чубин. 530—535.

12. Два браты.

Ну вотъ, были такъ сабѣ у водномъ сялѣ два браты. Ободва жили яны умѣсти, а тоды подялилися, и большій забидѣвъ меньшаго: давъ яму одну коровку, а сабѣ узявъ семъ коровъ и ўсё добро́. Ну, дакъ ёнъ уже бѣдякъ,—идѣ яму̂ дѣтца? Дакъ ёнъ придя къ богатому, да й работаа за кусочакъ хлѣба, абы бъ давъ подъѣсти, а у дворъ-то и нема ничо̂го, а ў дворѣ и баба ёсть и дявчошка малаа ёсть. Люди тогды стали яму казать: «эхъ, каа, што ты—робишъ, робишъ, тутъ самъ подъяси, а ў дворъ табѣ нечаго не́сти. А ты бъ пошовъ къ людямъ, дакъ ба ты и самъ подъѣвъ, и ў дворъ ба табѣ дали кусочакъ хлѣба!» Тогды енъ узявъ и пошовъ къ чужимъ людямъ, мо къ чаловѣку къ якому. Поработавъ тамъ день ти два, дали яму кусокъ хлѣба, а мо муки жменьку, ти такъ чаго, што богъ давъ. Заробивъ хлѣба кусокъ, принёсъ домовъ, ну й подъѣли яны тамъ. Ну, тогды приходя къ яму братъ яго богатый у гости да й кажа: «што ты, братъ? то прихо́дивъ, кажа, ко мнѣ, а то уже и ня йде́шъ!» кажа.—А што жъ, кажа, мнѣ йти? Я роблю, роблю, самъ подъѣмъ, а ў дворъ ты мнѣ и ковалка хлѣба ня даси. Ну, да хоть я къ табѣ, братъ, ня пойду, дакъ я тябе угостюю. Уняси-тка, хозяйка, того молочка, што коровку подоили, да хлѣбца я ковалочакъ заробивъ. Сядька, каа, братъ, да подъѣжъ у мяне!.. Дакъ енъ сѣвъ и подъѣвъ; подъѣвъ, подяковавъ и пошовъ у свой дворъ. Ну, тогды, богатый пришовъ у свой дворъ да й кажа на бабу: «вотъ, каа, бабъ: подялилися мы зъ братомъ, да няхорошо!»—Ну, якъ?—«Да якъ жа: у яго одна коровка, да ё молочко, а у насъ семъ коровъ, да ня стоюти яго одные̂ коровки!.. А што, кажа, баба?»—А што?—«А мы оттягаямъ у яго и туу коровку!» А баба кажа: якъ жа намъ яе оттягать?—«А якъ: я пойду къ пану! Тыки жъ я чаловѣкъ богатый, а енъ бѣдный чаловѣкъ, дакъ я пойду къ пану и скажу, што енъ у мяне хлѣбъ бравъ, да ня отдавъ, ти ще што. Дакъ мнѣ панъ и присудя яго корову. Яго жъ коровка хорошаа, а наши лядаштыя!» Ну, пошовъ къ пану и пожалився: «енъ у мяне хлѣбъ бравъ, кажа, то тое, то сёе, ды ня 'тдававъ. Дакъ мнѣ, кажа, приналежно коровку ету отобрать!» Ну, тэй призвавъ бѣднаго: ти виноватъ ты, такъ и такъ?—Нѣ, кажа, ня виноватъ: я ня бравъ у яго ничого̂. Ето, каа, на мяне, моо, напасть якаа: спроситя и на міру у начальниковъ! Ну, панъ и говора: «треба бъ, каа, судить и за бѣднаго чаловѣка, и богатый отказуя, што ёнъ, каа, виноватъ яму̂!» Ну, тэй панъ думавъ, думавъ, што яму дѣлать, за кого яму судить, а дыли и говора: загадаю я вамъ три загадки: коли богатый отгадаа, дакъ яму бѣднаго коровка, а коли бѣдный отгадаа, дакъ богатаго семъ коровъ бѣдному! Ну, тогды енъ сказавъ имъ за́гадки: што жъ то у свѣти милѣй за ўсяго? А другую сказавъ: што жъ то ў свѣти быстрѣй за ўсяго? А третьтяю сказавъ: што жъ то ў свѣти сычѣй за ўсяго?

Ну, тяперъ, пошли яны уже домовъ. Бѣдный иде да плача, а богатый иде да радуетца. Ну, енъ приходя домовъ, богатый, да й кажа: вотъ, кажа, баба: загадавъ, кажа, панъ три загадки!—Якія жъ, кажа, тыа загадки?—Одна кажа, што у свѣти милѣй за ўсяго?—«Э, кажа баба: я, кажа, туу загадку разгадаю: милѣй жа, кажа, нигдѣ нема ничого, якъ мы съ тобой живомъ мило да дружно. Ето, кажа, загадка

про насъ, я ўгадала!»—А другаа загадка: што у свѣти быстрѣй за ўсяго?—«Э, кажа: у насъ жа ё жарабокъ жирный, мосный, дакъ дужо шибко бѣгаа —быстрѣй яго никого ў свѣти нема. Во и ету я, кажа, разгадала загадку!»—А третьтяя загадка: што, кажа, сычѣй за ўсяго?—«А ето, кажа, у насъ ё кабанъ, дакъ ни ў кого, ни ў кого нема такого сытнаго, якъ ёнъ!» Енъ кажа: ти вѣрно жъ ты, каа, баба, угадала?—«А якъ жа, кажа, ня вѣрно? Ето уже, што я ўгадала, дакъ ето вѣрно!...» Ну, а тэй бѣдякъ пришовъ домовъ, плача, а дочка таа у яго пытаетца: татка, каа, чаго ты плачашъ? А енъ каа: якъ жа, каа, моя дочка ня плакать: загадавъ панъ три загадки: первaa—што у свѣти милѣй за ўсяго? А другаа: што у свѣти быстрѣй за ўсяго, а третьтяя: што сычѣй за ўсяго? Якъ ихъ отгадать, богъ знаа.—«Э, татка, соколокъ! ложись, каа, спать: дасть богъ день, дасть и путь!» Лягли яны спать, пераночували. Тяперъ енъ кажа: уставай, моя дочка! Кажи, што ты мнѣ скажашъ?—«Да вотъ, каа, татка: первaa загадка—милѣй за ўсяго у свѣти сонъ. Хоть якое гóра, а якъ лягкашъ, заснéшъ и забудесься. А быстрѣй за усяго—мысли: дѣ ты думай, ти думай—а твоѐ мысли уже тамъ. Самъ ты тутъ, а твоѐ мысли уже далéко. А третьтяя загадка: сычѣй за ўсяго, каа, зямля! Яна и сычѣй и богачѣй за ўсяго: люди зъ зямли и живютца и кормютца!» Ну, тяперъ иде къ яму богатый: «ну, ты, каа, ня ўгадавъ, а я ўже ўгадавъ, якія тыя загадки! Ходемъ!» Ну, а бѣдному и ня хочатца ити, да треба. Пошли яны къ пану, панъ и кажа: «ну, богатый, становись! Ти ўгадавъ?»—«Э, панъ! Я ўгадавъ, кажа, дóбро!»—Ну што жъ? кажа.—«А вотъ што: милѣй, кажа у свѣти ничого нема, якъ мы зъ бабой живомъ—дружно, хорошо!» Ну, а што жъ, кажа, быстрѣй за ўсяго?—«Ну, а быстрѣй за ўсяго ёсть у насъ жарабокъ, каа—быстрѣй за яго ничого нема!»—Ну, а сычѣй усяго?—«А сычѣй за ўсяго ёсть у насъ, каа, кабанъ, дакъ енъ дужо жирный: сычѣй за яго ничого нема!» Панъ стоить, усё ето слухая.—Ну, а ты жъ, кажа, бѣдякъ, ти ўгадавъ?—«А богъ, кажа, святый знаа, ти ўгадавъ я, ти ня угадавъ!»—Ну?—«Милѣй за ўсяго, каа, сонъ, быстрѣй за ўсяго мысли, сычѣй, кажа, за ўсяго зямля!» кажа.—Ну, вотъ жа, кажа: ты, богатый, каа, ня ўгадавъ, а бѣдякъ угадавъ, што за загадки. Вотъ, табѣ, кажа, отдать бѣдному своѐ семъ коровъ! Ну, богатый уже мулитца: якъ жа ето отдать семъ коровъ тыхъ? Ну, а якъ присудили у суду, штобъ отдадяны были, дыкъ што тутъ,—мулься ня мулься...—Ну и ступайтя зъ богомъ у дворъ! кажа. Тольки яны пошли до двора, тяперъ панъ говора: эй, бѣдякъ, вярниська, каа, сюды! Ну, енъ вярнувся. А енъ и говора: ну, почомъ ты етыя загадки угадавъ?—«А ёсть у мяне, каа, дявчонка малаа, дакъ ето яна мнѣ сказала тáкъ сказать!»—Ну, вотъ, яна, кажа, твоя таа дявчонка, вумнаа разумнаа: нà жъ, каа, табѣ семъ яецъ вараныхъ, няси, каа, ихъ у дворъ, отдай той дявчонцы и скажи, штобъ яна высидѣла за ночь, вывяла куранятъ, и штобъ къ обѣду прислала мнѣ цыпленка зготовать!.. Ну, бѣдный узявъ яйцы, иде домовъ, да плача слéзно. «Ну, вотъ табѣ, кажа, дочка семъ яецъ; штобъ ты зъ ихъ вывяла за ночь куранятъ и послала къ пану кураненка на обѣдъ! Енъ плача, а яна кажа: татъ, ня плачь! Дась богъ день, дась богъ путь: што небудь и будя, кажа; ня плачь! А дочка етаа была калѣка: сѣднемъ сядѣла, ногами ня ўладѣла, и ёй усё янгали показавали, якъ што говорить. Пераночували яны,

батька й говора: ну, што жъ мнѣ, моя дочка, дѣлать?—А вотъ што, кажа: ёсть у мяне пригоршчи пшанца. Возьми ты яго, ето пшанцо, няси къ пану, отдай пану и скажи пану, нехай енъ за ночь лядо выпратая, высяча, тогды выпаля, тогды успаша' да й посѣя етымъ пшаномъ, и штобъ ето пшано узросло, енъ пожавъ, намолотивъ и мнѣ приславъ, штобъ было чимъ куранёнка выкормить, икъ пану на обѣдъ нести!.. Бѣдный чаловѣкъ пошовъ, понёсъ пшано и отдае пану, и говора: вотъ, моя дочка прислала пшанцо и казала, штобъ за ночь лядо выпратали, успахали, етымъ пшаномъ посѣяли, и штобъ яно узросло и штобъ пожали, намолотили и прислали ёй, штобъ было чимъ цыпленка кормить, къ пану на обѣдъ нести! Тогды панъ кажа: што ето яна у тябе такаа мосно разумнаа! А енъ кажа тогды: а я жъ ня знаю, богъ жа яе знаа, ёй вѣрно такъ богъ давъ! Панъ ужо говора тогды: «якъ жа ето, кажа, можно, штобъ за ночь лядо вытярабить, засѣять и штобъ узросло и поспѣло? Ето ня можно здѣлать!»—А вотъ жа, кажа, панъ: коли ты ня можашъ етаго здѣлать, дакъ и мы ня могомъ съ пячоныхъ яецъ куранятъ вывясти, выкормить и къ пану на обѣдъ принести!—«Ну, иди жъ ты, кажа, домовъ, и скажи ты ёй, што няхай яна прїѣдя заўтра ко мнѣ ни ў чомъ ни на чомъ, ни ў сорочцы ни голаа, ни по дорози, ни по полю, и штобъ подарокъ мнѣ принесла, да я яго не споживъ —дакъ я на ёй ожанюсь!» Пришовъ бѣдный мужикъ домовъ и плача. «Чаго ты, татъ, плачашъ?»—А якъ жа, кажа, мнѣ ня плакать, коли вялѣвъ панъ прїѣхать табѣ заўтра икъ яму ни ў чомъ, ни на чомъ, ни ў сорочцы ни голаа, ни по дорози ни по полю, и штобъ подарокъ яму принесла, да енъ яго не споживъ?—«Што жъ, кажа, иди попроси, кажа, мнѣ козла и брадьникъ, дакъ у брадьникъ уvярчуся, а козла у тялѣжку запрагу и поѣду!» Батька доставъ ёй брадьникъ и козла. Яна запрагла козла у тялѣжку, увяртѣлась у брадьникъ, узяла у руки кота и поѣхала ни полемъ, ни дорогой,—поѣхала по яго саду, по горбдахъ. Ѣдя, ломаа,—городнину, усё. Тогды панъ спужався: хто ето, кажа, ѣдя? А! Ето жъ таа, што я ўчора приказавъ!.. Вялѣвъ енъ тогды выпустить собакъ, кабъ яе зарѣзали. Собаки побѣгли, а яна кота кидѣль! А котъ на яблонку, а собаки за имъ! А яна на козлѣ у комлату шамъ! «Нума, каа, панъ, жанитца! Бачь, я прїѣхала ни ў чомъ ни на чомъ, ни ў сорочцы, ни голаа, ни по дорози ни по полю, и подарокъ принесла, да собаки твоѐ отогнали!» И стала яна сичасъ и хорошаа и здороваа. Панъ изъ ёй и жанився.

А бѣдяку богачъ отдавъ семъ коровъ, и стали яны зъ бабой жить да поживать. Моо, и тяперъ живуть...

С. Нисимковичи, рогач. у.

13. Семилѣтка.

Живъ сабѣ такъ одзинъ чаловѣкъ изъ своей жонкой. Ну, у ихъ ня було семъ годъ дзяцей. А енъ живъ дужо бѣдно. А сусѣдъ изъ имъ радомъ живъ, бывъ богачъ, имѣвъ усяго много. И бывъ у яго пбдцялокъ, и енъ семъ годъ не цялився. Ну, цяперяка, у етаго бѣднаго забременяла жонка, а у богача ставъ целный пбдцялокъ. Ну, такъ у одно ўремя у етаго жонка бѣднаго родзила дзѣвочку, а ў того богатаго родзилася цялушка.

Цяперъ, ета богачова жонка узяла да полядзѣла цѣлцы у зубы—зубы красны. «Э, кажа, дзѣдъ: етый цялёнокъ ня ўзгодуетца!» Потому, кажуць: якъ зубы красны—ня ўзгодуетца. «Выкинь яго за плотъ!» Богачъ тэй узявъ да й выкинувъ того цялёнка. Цяперъ бѣдный пошовъ по воду. Набравъ воды, и бача, што ляжиць цяленокъ ля, плоту, запёсъ воду и кажа: «вотъ, бабъ! Я нёсъ воду, бачивъ, што ля плоту ляжиць цяленокъ. Пойду я да возьму етаго цяленка? Дóбро намъ на што-нибудзь будзя!»—А йдзи, кажа, возьми, приняси! Енъ принесъ етаго цяленка и говора: ну, бабъ, дóбро намъ будзя: цяперъ къ хрезьбинамъ зарѣжамъ, дóбро чимъ будзя закусиць! Баба говора: «а нѣ, дзѣдъ, хай лучьчи расцѐ цёлочка! Можа мы такъ обдйдземся!»

Ета целочка выросла, стала рослая, жирная, и тая дзѣвочка стала быстро росць, и выросла такаа хорошаа, вумнаа, што и сказаць нялызя, якаа вумнаа дзѣвочка. Тоды етый богачъ говора бѣдному—разговорилиси такъ ци ў шинку ци дзѣ: «откуль ето у цябе цёлка такаа хорошаа?»—А, кажа, братъ ты мой: мнѣ богъ давъ ксцины; пошовъ я воды, а за плотомъ ляжиць целка, и яе ўзявъ и принёсъ у дворъ. И хоцѣвъ зарѣзаць икъ хрезьбинамъ, а баба не дала рѣзаць мнѣ! Богачъ говора тогды: «э, братъ, дакъ ето моя целка! Я, кажа, отбяру целку, ето моя целка!»—Ну, братъ, говора бѣдный: пóйдземъ къ пану, якъ панъ разсудзя. Якъ жа: я семъ годъ кормивъ яе, ще пользы ня бачивъ отъ яе, а ты уже отбираяшъ яе!.. Пошли яны къ пану. Етый жа богачъ, якъ пришовъ къ пану, дакъ сичасъ: «здрастуйця!» порукавсь зь имъ. Той кажа: садзицесь у насъ! Енъ сѣвъ, а бѣдный стоиць у порози. Тоды панъ говора: объ чомъ вы пришли ко мнѣ? Обадвы й говоруць: на судъ, паночакъ!—На якій судъ? Бѣдный разсказавъ свою обиду: «такъ и такъ; давъ богъ мнѣ хрезьбины, я пошовъ воды и нашовъ за плотомъ цёлочку маленькую. А енъ цяперяка кажа: што ето моя, и отбираа у мяне ету цёлку.» А богачъ кажа: ето моя цёлка! ў мяне бывъ подцёлокъ семъ годъ, и не цялився, а на сёмымъ году оцялився. Жонка полядзѣла яму у зубы и сказала, што енъ ня ўзгодуетца; и я выкинувъ яе за плотъ. Ето моя цёлка!.. Панъ тогды и говора: «ну, вотъ: загадаю я вамъ три загадки. Хто отгадаа, того й цёлка. Отгадайця мнѣ, што у свѣци сыцѣй и што богачѣй, и што быстрѣй? Хто отгадаа три загадки, того и цёлка!» Пошли яны ў дворъ. Бѣдный пришовъ и плача. И кажа: вотъ, моя дочушка, и бабка! Давъ намъ богъ целочку, и тую богачъ отбираа! Богъ вѣдаѣ, кажа! Загадавъ намъ панъ три загадки —дзѣ намъ, кажа, дурнямъ, отгадаць? Мы, кажа, ня 'тгадаямъ ихъ! Дзѣвочка ета пытаетца: якія жъ, татъ, загадки? скажи намъ! И ёнъ разсказавъ етыя зáгадки имъ. Тогды дзѣвочка и кажа: «э, кажа, татъ, ложися спаць! Утро мýдрѣй вечара, заўтра, кажа, тое и будзя!»

А богачъ пришовъ у дворъ и радъ. «Ну, бабъ! цёлка будзя наша! Загадавъ панъ три загадки, треба ихъ отгадаць!» Ну, енъ разсказавъ три загадки: панъ сказавъ отгадаць, што у свѣци сыцѣй и што богачѣй, и што быстрѣй? Тоды баба кажа: э, дзѣдъ ты, дзѣдъ! ты дурень, кажа. Сыцѣй жа, кажа няма, якъ у насъ кабанъ! О! сыцѣй у свѣци няма! А богачѣй жа насъ няма никóго: мы, кажа, богачѣй за ўсихъ! А быстрѣй, кажа, нашаго вороного коника няма на свѣци ничóго: енъ жа выйдзя на вулицу, якъ полядзиць, дакъ на ўвесь свѣтъ, якъ орёлъ!.. Перяночавали, давъ

богъ дзень. Тоды дзѣвочка ета кажа: «татъ, идзи ты къ пану и скажи, што сыцѣй усяго зямля, богачѣй бога нема никого, а быстрѣй усяго мысли чаловѣчацкія!» Пришли яны къ пану. Панъ пытаетца: ну, што, ци угадали? Богачъ сичасъ и говора: ге, панъ! што тамъ угадаць: сыцѣй ничого нема, якъ нашъ кабанъ; а богачѣй, паночакъ, мяне нема—я богачѣй усихъ; а быстрѣй, кажа, нема, якъ мой конь вороный!—Ну, а ты, кажа, бѣдный! разсказуй ты, якъ ты, кажа, угадавъ? Той кажа: а, паночакъ! сыцѣй нема, кажа, якъ зямля; а богачѣй бога нема никого; а быстрѣй у свѣци нема, якъ мысли чаловѣчацкія! Тоды панъ кажа на богача: ге, гыцаль ты, кажа, гыцаль! Дакъ ты богачѣй мяне? Ступай, кажа, вонъ! А ў бѣднаго пытаетца: хто жъ цябе, кажа, наўчивъ?—Ето мяне наўчила моя дочка сямигодная,—яна родзилась разомъ тоды, якъ ета целка цялилася. Яна семъ годъ ня ходзила, и цёлка моя семъ годъ не цялилась! Панъ каа: ну, идзи сабѣ зъ богомъ: цёлка твоя! Енъ пошовъ у дворъ.

А панъ идзѣсь бывъ, заѣхавъ у тую дзяревню, дзѣ живъ бѣдный, и узяло у бокъ яму, што откуль яна могла угадаць, такая маленькая дзѣвочка, моѐ загадки? Довжно быць, яна якая няпростая! Заѣхавъ на дворъ, бацьки ня було ў дворѣ и матки—у поли были—тольки была одна дзявчошка. Енъ пытаетца у яе: дзѣвочка, къ чаму мнѣ привязаць коній? А яна яму тоды кажа: а ци къ зимѣ привяжи, ци къ лѣту! Тоды панъ стоиць, вочи вылупивъ, не разбяре, што такое зима, што такое лѣто? Тоды енъ пытаетца: скажи мнѣ, дзѣвочка,—што такое зима, што такое лѣто? Яна тоды кажець: ну, хоць къ колесамъ привяжи, а хоць къ санёмъ! Тоды панъ етый побывъ тамъ, полюбовався, видзиць—дзявчонка красивая, вумная, хорошая дзявчонка, и сказавъ ёй: скажи, кабъ увечари твой бацька пришовъ ко мнѣ!

Тоды бацька пришовъ у дворъ, яна и кажа: «вотъ, таточка, бывъ тутъ панъ, и казавъ, штобъ ты увечари пришовъ у дворъ!» Етый мужикъ сычасъ пошовъ къ пану. Пришовъ къ пану, и панъ яму кажа: ну, ничого, кажа, мужикъ: вумная твоя дочка! На̀ жъ табѣ, кажа, лубку яецъ; скажи ёй, кабъ квакуху посадзила, и вывяла мнѣ къ заўтрему на снѣда́ньня цыплятъ, и приняси мнѣ къ снѣда́ньню! Тоды тэй мужикъ идзе и плача. «Чаго ты, татъ, плачашъ?»—Да вотъ, моя дочушка: загадавъ намъ панъ загадку хорошую: кабъ ты, каа, квакуху на яйцы посадзила и къ заўтрему высидзѣла цыплятъ! Тоды дзѣвка кажа: «мамъ, бярика етыя яйцы, да би ў цыгунъ, да пряжи яешню, да ложимося спаць—утра̀ мудрѣй вечара, а заўтра—богъ бацька!» Переночавали. Яна кажа: татъ! на табѣ горщокъ, да идзи скоренько-скоренько къ пану, да скажи, кабъ енъ скорѣй-скорѣй лядо высякъ и намотычивъ, и проса насѣявъ, и намолоцивъ, и проса натовкъ, да ў етый горщокъ кабъ крупъ насыпавъ—писклятъ кормиць! Пошовъ дзѣдъ къ пану. Тоды панъ кажа: «ничого, каа, вумница твоя дочка! Скажи жъ ты ёй, дочцѣ своёй, кабъ яна ни пяшкомъ пришла, ни на кони прiѣхала, и ни голая, ни ў сорочцы, и кабъ подарокъ мнѣ принясла, да ня дала. Коли здзѣлаа—то замужъ за сябе возьму, а ня здзѣлаа—голову зъ яе зниму!» Мужикъ етый пошовъ у дворъ, и плача. И кажа: вотъ, моя дочушка! Надзѣлала клопоту: загадавъ панъ табѣ загадку хорошую: кабъ ты къ яму, кажа, ни пяшкомъ пришла, ни на кони прiѣхала; ни голая, ни ў

сорочцы; и кабъ подарокъ яму принясла и штобъ енъ не попользовався. Коли здзѣлаешъ—замужъ возьмя; а ня здзѣлаешъ—голову знимя!—Ну, татъ, треба ўловиць зайца намъ! Тоды яна узяла, жакъ такій попала, сорочку здзѣла, у жакъ увярцѣлася, на кіёчакъ сѣла и ѣдзя, и зайца съ собой узяла! Тоды подъяжжаа къ пану. Панъ етый стоиць на крылцы. Бача енъ, што уже дзѣло плохо,—треба яму яе за сябе узяць—што яна здзѣлала тое, што енъ загадавъ,—тоды енъ узявъ, да собаками яе зацкувавъ. Собаки икъ ей—гў, а яна ўзяла да зайца шибель на дорогу. Собаки за зайцо́мъ побѣгли, а яна икъ пану на крылцо. «Здрастуй, панъ!» Пану етому уже дзѣлаць нечаго—треба жанитца зь ёй! Енъ повялѣвъ ёй одзежу паньскую исправиць—мужицкое усё доловъ, жанився зь ёй, и живу́ць сабѣ хорошо.

Поживши тамъ скольки, поѣхавъ енъ у чужій край, а ёй приказавъ: «лядзи жъ, кабъ ты ня судзила безъ мяне тутъ моихъ людзей, а то ты ня моя, а я ня твой.» Ну, панъ отправився. Жила яна скольки тамъ одна, ци много, ци богато, и злучилось такъ: пошли два мужики на кирмашъ; одзинъ купивъ колёсы, одзинъ кобылу. Ѣхали яны удвохъ, и кобыла ожарябилась. Тэй кажа: мой жарябёнокъ, моѐ колёсы ожарябились! А тэй кажа: мой жарябенокъ—кобыла ожарябилась. Цягались, цягались—ходземъ къ пани! Якъ паня уже разсудзя. Пришли къ пани. «Чаго вы, кажа, мужички?»—А вотъ, каа, панячка, разсудзиця намъ судъ!—«Якій?»—Ожарябилася моя кобыла, а енъ кажа, што яго колесы ожарябилися; каа: яго жарябенокъ! Ну, тоды паня кажа: «хоць жа мнѣ, каа, панъ приказавъ, кабъ я васъ ня судзила, однакъ, кажа, быць по сяму! Возьми, кажа, ты чаловѣчакъ, отпряжи кобылу, да вядзи у дворъ. За кимъ, кажа, жарябенокъ пойдзя, того й жарябенокъ!» Тоды етый кобылу повевъ, и жарябенокъ за ёй побѣгъ. А колесы стояць! «Цягни, кажа, на сабѣ колесы!» Енъ и цягня. Отъ, между ими кончився споръ. Тоды пріѣхавъ панъ у дворъ, и дочувся, што яна разсудзила етыхъ мужиковъ. Якъ жа ты, моя мила, смѣла ты ослуша́тца мойго приказу? Я табѣ сказавъ та́къ, а ты здзѣлала та́къ: убирайсь, кажа, отъ мяне! Бяри сабѣ, кажа, што табѣ милѣй, што табѣ любѣй, и ступай—кабъ я цябе не бачивъ! Тоды паня ета и кажа: ну, што жъ, другъ мой любезный! боли намъ съ тобой не бачитца, хоць мы на распрощеньня выпъемъ хорошенько! Узяла, напоила хорошенько пана! Панъ упився и заснувъ. Тутъ яна живѣй приказала кучарямъ запречь коній у карету, и лакеямъ вялѣла яго скорѣй ту́ды укласць, да й маршъ къ бацьку на дворъ! Тамъ скорѣй яго пъянаго съ кареты, да на полъ, у горохвины! «Во, тутъ табѣ: прохмеляйся! Ну, татъ, а ты заўтра готуй топоры да мотыки, пойдземъ заўтра смолу копаць!» Назаўтряго етый панъ прошнувся: глядзь, глядзь—идзѣ ето я? Што йто ты, душачка, здзѣлала?—А што ты, душачка, приказавъ, тое й здзѣлала: ты мнѣ милѣй усяго, я цябе й узяла съ собой! Отправляйся зъ бацькомъ смолу копаць!—«Душачка, каа: садзись у карету, поѣдземъ у дворъ, будземъ жиць, якъ жили....» И я тамъ бывъ, медъ-вино пивъ, и самъ чуць не заснувъ такъ, якъ панъ...

Д. Шоломы, быховск. у. Кр. Афанасій Тарасовъ, 32 л. неграмотный.

Въ Сѣнненскомъ у. сказка варьируется такъ:

Послѣ женитьбы панъ запретилъ женѣ вмѣшиваться въ его «суды». Но когда пришли

эти два мужика судиться и панъ рѣшилъ, что ожеребились колеса, паня вдругъ вскрикнула: «а душачка! досыць табѣ судзиць: полядзитку, рыба зъ возяра̀ бѣгаець у ячмень—увесь ячмень поѣла!» (Или: щука выбягла зъ возяра,—увесь горохъ поцёрла!) Панъ говоритъ: развѣ можетъ рыба бѣгать? А паня отвѣчаетъ: а развѣ могутъ колёса ожеребиться?.. *Тамъ же*, въ числѣ задачъ, панъ велитъ дѣвушкѣ уловить вѣтеръ. Она посылаетъ къ нему ружье, прося зарядить его водой. Тогда она подстрѣлитъ вѣтра и поймаетъ. Затѣмъ велитъ съ трехъ «каливъ» льна сшить ему за ночь рубашку. Она посылаетъ ему три прутика, прося ихъ посадить, выростить и за ночь сдѣлать «понарядъ» для кросенъ, на которыхъ она соткетъ ему рубашку...

Сравн. „Мудрая дѣва, семилѣтка" Афан. VI, 177. Худ. I, 30; Садовник. 206; Драгоман. 347; Чубинскаго 611—614.

14. Судьдя праведная.

Було сабѣ у вотца два сыны. Отъ, отецъ помёръ; яны яго поховали, а тогды узяли и подялилися. Меньшій жа бывъ разумнѣйшій, а бо́льшій дурнѣйшій. И у меньшаго разумнѣйшаго бывъ одинъ сынъ, а у большаго у дурнѣйшаго було три сыны. Якій тамъ дѣлъ (дѣлежъ) бывъ—давъ большаму етый меньшій одного волика, а то ўсё сабѣ забравъ. И поставивъ яго, меньшаго етаго, панъ дясятьникомъ. Нядѣлю прожилй, пріѣхавъ етый панъ съ свойго двора у тую у дяревню. Яму люди и говоруть: «ня сто́я етому чаловѣку быть дясятьникомъ, здѣлай яго войтомъ!» Чаразъ нядѣлю панъ изновъ пріѣхавъ. Люди яму отказуютъ: «ня сто́я яму быть во́йтомъ, здѣлай яго старостомъ!» Такъ здѣлавъ яго старостомъ, а самъ поѣхавъ домовъ. Пріяжжаа етый панъ ў третьтяю нядѣлю, етые люди кажуть яму: «нѣ, панъ: ня стоя яму быть старостомъ, здѣлай яго надъ частью—ляндвойтомъ!» Панъ здѣлавъ яго ляндвойтомъ и поѣхавъ домовъ. Бувъ у етаго пана хво́льверикъ, и помёръ у яго тамъ прикайщикъ. Енъ яго сховавъ, и поѣхавъ сабѣ другого прикайщика шукать. Заяжжаа у тоя сяло, дѣ етый ляндвойтъ бувъ, люди и говоруть: нѣ, панъ: ня стоя яму ляндвойтомъ быть, здѣлай яго прикайщикомъ! Етый панъ каа: да, мнѣ прикайщикъ и треба! —Ну вотъ жа, панъ: и у свѣти такого чаловѣка нема разумнаго! Ну, панъ и узявъ яго къ сабѣ у хвольверикъ за прикайщика. Живе етый чаловѣкъ тамъ за прикайщика, править дѣлы хорошо. Пройшла зима, давъ богъ вясну, и стали люди пахать полоски на яръ. Тоды большаго брата сыны стали говорить батьку свойму: «вотъ, татъ: уси люди попахали полоски своѐ, а намъ нѣ на комъ: одинъ быкъ, да й той ня здолѣя. Сходи ты, татъ, къ нашаму дядьку, а къ свойму брату у хвольверикъ, и попроси у яго хоть одного волика, а коли ласка, дакъ и пару. Ти не попахали бъ и мы своѐ полосочки!» Етый батька говора: «ахъ, моѐ сыны! вы не зняетя, якій вашъ дядька, а мой братъ,—якій ёнъ хвабрый и сярдитый. Енъ намъ и воловъ етыхъ ня дасть, а тольки мяне зняважа!» Етыя сыны и кажуть: «да што богъ дасть, то и будя! Можа енъ насъ и пожалѣя, и пару воловъ можа енъ намъ дасть! Вотъ, татка-соколокъ, возьми ты кошалокъ, и иди проси яго на промилуй богъ!» Енъ узявъ кошалокъ и пошовъ икъ брату у хвольверикъ. Приходя къ яму у хату. Братъ убачивъ:

што ты, братъ, пришовъ?—А што жъ, братъ, я пришовъ? Къ табѣ! Просили твое пляменьники, а мое сыны, и я прошу: дай ты намъ пару воловъ исъ сохамы! Братъ етый и говора: на што яны вамъ?—Эхъ, братъ мой родный: да люди полосочки попахали, а наши нѣ, няпаханыя; дакъ здѣлай милость, братка нашъ родный, пожалѣй ты насъ: дай ты намъ пару воловъ исъ сохамы! Етый братъ ускричавъ: на што я вамъ буду пару етыхъ воловъ давать,—вы ихъ понистожитя!—Нѣ, братка, будомъ лядѣть такъ твоихъ воловъ, якъ своё воко у лысини! Ёнъ, етый братъ, покричавъ, покричавъ, и давъ яму пару воловъ исъ сохамы, исъ колесамы. Етый чаловѣкъ запрогъ воловъ у колесы, поклавъ сохи на колесы и поѣхавъ домовъ. Прiяжжаа домовъ, яго сыны и рады ето, што дядька давъ пару воловъ.

Тоды яны етыхъ быковъ у сохи, и запрагли и свойго у соху, и поѣхали полоску пахать. Ето недалёко отъ дяревни. Прiѣхали икъ полосцы и погналися одинъ за 'днымъ гуськомъ. И стали яны рады, што изроду у три сохи ня пахали, а то пришлось пахати. Обогналися яны три разы кругомъ полоски етыя, такъ приходя чаловѣкъ икъ имъ: Божа поможи вамъ, люди добрыя!—Здоровъ, старишокъ поштэнный! Ну, етый чаловѣкъ и кажа: ну, кажитя люди добрыя, кого вамъ жальчѣй: ти дядьковыхъ воловъ, али дядьковаго сына? Етыя сыны стали, воловъ уняли, и заплакали: Господи Божа, што ето такое за безчастя: кому-нѣбудь да надо ўмирать? Воловъ пожалѣй, дыкъ дядьковъ сынъ умре у хвольверку, а пожалѣй сына, дыкъ волы подохнути. Плачуть яны да думають, а енъ говора: довго ня думайтя: говоритя скорѣй! Яны обдумались, што у дядьки одинъ сынъ, а воловъ цѣлый хвольверикъ,—«дакъ нехай, каа, волы дохнуть, якъ дядьковому сыну одному помирать!» Ну, етыя волы тутъ жа сычасъ у сохахъ и подохли. Сыны етыя кинули воловъ, пошли къ отцу зновъ у дворъ у свой: «вотъ, татъ, иди зновъ къ дядьку, скажи, што волы подохли!»—Якъ жа яны подохли?—«А такъ и такъ: ти дядьковому сыну умирать, ти воламъ подыхать. Мы й сказали: воламъ!»—Ну, каа, моѐ сыны: тяперъ моя смерть, енъ мяне забъе тамъ, хоть повѣся.—«Ну, татка, хоть би, хоть повѣсь, а уже треба сказать, што воловъ нема, што подохли волы!» Енъ узявъ, за кошель, и пошовъ къ брату у хвольверикъ. Приходя къ брату у хату. «Што ты, братъ, изновъ пришовъ?»—Эхъ, братъ: твоихъ воловъ уже нема, подохли! Етый братъ ускричавъ: «эхъ, братъ! якъ я не хотѣвъ табѣ дать, што ты бяздѣльникъ, што ты моихъ воловъ понистожишъ, а яно такъ и ёсть. Ну, братъ, пойдомъ съ тобой къ пану на жалобу,—ето волы не моѐ, а паньскiя!» Узяли и пошли. Ишли, ишли, приходють у сяло—и церква ё и попъ. Увыйшли у сяло, етый прикайщикъ и говора: ночь настигаа, ну куды, братъ, пойдомъ на ночь?—Братъ, куды ты пойдяшъ, туды й я, потому—я виноваецъ.—«Ну, пойдомъ къ попу?» —А уже жъ, братъ, пойдомъ: куды ты пойдяшъ, туды й я!.. Пришли къ попу. Тольки увыйшли у хату—у етаго попа родины. Етый попъ за прикайщика за етаго, посадивъ яго за столъ, и давай горѣлку пить: «слава богу, кажа, што васъ богъ принесъ! Мнѣ богъ давъ родины!» Пьють яны горѣлку, а етый виноваецъ стоить. Стоявъ, стоявъ, тоды узявъ—висить пологъ—енъ подыйшовъ и сѣвъ на полу ли пологу. И на полу нема никого: ни породихи ни бабки,—яны ходили ў лазьню, парились. Приходя попадьдя уперадъ за бабки, етый чаловѣкъ сидить коло полога. Попадьдя и

говора: вотъ, тыя сидять за столомъ и закусують, а табѣ и чарки горѣлки не дадуть, кажа. Яна узяла отвярнулася отъ яго, якъ яна спить, у го́ловы, и узяла пляшку горѣлки, и наливаа яму чарку горѣлки. «Будь, каа, здоровъ, чаловѣкъ добрый!»—Питя, матушка, на здоровъя! Яна узяла, прикушала, и дала яму. Енъ сядить и думаа: ти дасть другуу, ти нѣ, а ету выпъю! Наливаа яму и другуу; енъ самъ сабѣ думаа: ти дасть другуу, ти нѣ, а ету выпъю! Наливаа яму и третьтяю. Енъ и туу выпивъ. Тоды ету пляшку поставила у го́ловы, а сама пошла исъ хаты вонъ. Приходя бабка икъ пологу и кажа яму: вотъ, чаловѣкъ добрый, тыя пъють и закусують, а табѣ и чарочки ня дадуть! Отвярнулася отъ яго, ўзяла туу пляшку зновъ и наливаа чарку горѣлки, и кажа яму: чаловѣкъ добрый, будь здоровъ!—Пи на здоровъя, бабка! Яна узяла, трошки прикушала, долила яму, и поднося. «На̀, чаловѣкъ добрый, выпи!» Енъ чарку ету у руки ўзявъ и самъ сабѣ сядить и думаа: ти дадуть другуу, ти нѣ, а ету выпъю! Наливаа яму и другуу, и третьтяю—зновъ три выпивъ! Узяла яна пляшку ету, поставила у головы, и сама кудысь отвярнулася. Етый чаловѣкъ выпивъ ладнаго горѣлки, а закусить—можа дни три ня ѣвши бывъ, на́ща—и ня дали яны яму закусить ничо́го. Етый чаловѣкъ ставъ пъянъ крѣпко и сядѣвъ енъ ли запячку. И на ўзапячку у пяленочкахъ ляжить рабеночакъ етый, попялёночакъ (л=н) у ночовкахъ. Тоды етый чаловѣкъ опъянився и посунувся повзъ стѣнку, да ло́ктемъ у ночвы на попялёнка на етаго, и задавивъ етаго молоденца!.. Собрались попадьдя, бабка, полядять, ажъ енъ уже задавивъ попялёнка! Яны закричали и ў ладони запляска́ли и кажуть на етаго прикайщика: «што ты ето къ намъ такого чаловѣка привёвъ, издѣлавъ енъ намъ безчастя,—попялёнка задавивъ!» Етый попъ выскочивъ изъ стола и говора на прикайщика: куды ты зъ естымъ чаловѣкомъ иде́шъ? Енъ сказуя: вотъ, батюшка: ето винова́епъ мой—вяду къ пану на жалобу!—«Пойду жъ, братъ, и я съ тобой на жалобу къ пану!» Давъ богъ раньня, и пошли. Ишли дорогой по лясу. Тутъ коло дороги высячано лядо, и на томъ ляди посѣяно рѣпы. У етаго чаловѣка опричь тыя горѣлки ня було у роти ничого хлѣбнаго уже сутокъ троя. Енъ иде и думаа: вырву я хоть одну рѣпку и зъѣмъ, хоть смагу прогоню! Узявъ енъ, ногою уступивъ на лядо, вырвавъ рѣпину сабѣ одну, да ў руку сабѣ. Тутъ сычасъ—сторожи тутъ были—за яго цапъ! «Стой, рабяты: куды вы йдетѐ?»—А идомъ—ето нашъ виноваецъ: вядомъ мы яго на жалобу!—«Ну, и мы зъ вамы повядомъ яго!» И пошли яны ето уже ўтроихъ, а виноваецъ чатьвертый. Пошли дорогой. Ишли, ишли яны дорогой, приходють къ лугу. На етомъ на лугу, коло дороги, пасе гончаръ кобылу. Гончара етаго кобыла утопилася у гразь. Етый гончаръ одинъ мучитца,—етыя кобылы ня вытягня зъ грази. Люди етыя идуть мимо яго. Гончаръ и прося: «эхъ, люди добрыя, пособитя мнѣ кобылу тягать изъ грази!» Попъ и прикайщикъ и сторожъ: мы табѣ кобылы тягать ня будомъ! А етый виноваецъ иде ззаду̀ и кажа: дай мнѣ, братъ гончаръ, кусочакъ хлѣбца, я табѣ помогу: я ўже ня ѣвши помираю!—Ходи, братъ, пособи, я табѣ цѣлый бо́хонъ дамъ хлѣба! Пришовъ енъ. Гончаръ узявъ кобылу за гриву, а виноваецъ увязъ по колѣно у гразь, и узявъ за хвостъ. Потягнули яны на берагъ кобылу. Тольки потягнули—и хвостъ вырвавъ етый виноваецъ у кобылы. Гончаръ и кричить: эй, люди добрыя, куды вы идетѐ? Люди етыя яму и сказують: вядомъ

етаго чаловѣка къ пану на жалобу!—Ну и я зъ вамы пойду! Кинувъ усё и пошовъ зь имы. Идуть яны дорогою уже ўпятярыхъ. Идуть яны близко коло пана, коло етаго,—коло двора тяче ракà большаа, ладнаа. Теразъ туу рѣчку мостъ. Идуть яны по томъ мосту, и виноваецъ етый надумавъ што? «Вѣрно, мнѣ, каа, пропасть: возьму я утоплюся!» Узявъ, узлѣзъ на пярендину, да й скаканувъ у воду. Скаканувъ у воду—а тамъ подъ мостомъ подъ тымъ купалися чанцы (сокращ. чарняцы). Енъ скаканувъ—такъ прамо на чанца! И чанца забивъ! Етыя остальныя тамъ, чанцы за яго,—выволокли зновъ на берагъ. И кричать: люди добрыя, куды вы идетѐ? Имъ сказали етыя люди: вядомъ етаго чаловѣка къ пану на жалобу! Тоды етый чаловѣкъ бача, што гóра, негди дѣтца уже! И чанцы идуць къ пану! Отъ енъ иде близко коло самаго коло паньскаго двора ззаду, и ляжить камянь хунтовъ пять, круглый. Енъ узявсь за тэй камянь, да самъ сабѣ и думаа: возьму етый камянь: што богъ дасть, то й будя!

Увышли яны ў хату. Прикайщикъ сказавъ свою обиду пану, попъ свою, рѣпникъ свою, гончаръ свою; чанцы свою обиду тожъ сказали пану. Тоды етый панъ гукаа виновайца: што жъ ты, каа, чаловѣкъ добрый, богато такъ шкоды надѣлавъ? Тоды етый виноваецъ ставъ на порози и ўсё чисто разсказавъ, якъ яно було. И лэпаа по камни—за пазухой отдулось: суди, каа, пане, по правди: будя и табѣ, будя и мнѣ! Тоды етый панъ призываа прикайщика свого: «у тябе, каа, сынъ одинъ, а воловъ у кошари много. Отдай яму етаго сына, а я табѣ пару воловъ, пóмяжъ тыщи якихъ ты хочашъ возьми, и съ сохамы, зъ боронамы!» Прикайщикъ ставъ и думаа: «хай пропадають волы, а мой сынъ при мнѣ!»—Ну, каа: нá бокъ! Подходи ты, батюшка! Разскажи ты свою причину, объ чомъ?—Такъ и такъ, судьдя праведнаа: задавивъ мойго рабёночка!—«Ну, дóбро! Слухай жа суды, батюшка: ты тяперъ отдались отъ попадьди, отдай яму; няхай енъ зь ёй живе, покуль рабеночка приживуть. Тоды енъ табѣ отдасть яѐ зъ рабенкомъ!» Етый попъ обдумався: нѣ, каа, хай мой судъ на бокъ, буду я самъ съ попадьдёй жить! Тоды панъ кричить: ну, рѣпникъ, подходи! Енъ подышовъ. «Объ чомъ, якаа твоя причина?»—Такъ и такъ: вырвавъ рѣпину!—«Ну, вотъ што, рѣпникъ: отдай ету сяголѣтьняю рѣпу мнѣ; а на лѣто я выдяру ляду и посѣю рѣпу, и отдамъ вамъ усю рѣпу!» Рѣпникъ обдумався и кажа: покуль уродя, а готовую отдай! Нѣ, и нашъ судъ тáкъ.—«Ну, на бокъ! Ну, подходи ты, гончаръ!» Гончаръ подышовъ. «Вотъ што, гончаръ: отдай свою кобылу, што безъ хвоста, етому чаловѣку и со ўсимъ возомъ; хай етый чаловѣкъ бѣдный на ёй потуль ѣздя, потуль ѣздя, покуль у кобылы отросте хвостъ. Тоды енъ табѣ отдасть кобылу и горшки!» Гончаръ обдумався. «Нѣ, кажа, панокъ! хай и моё, каа, панокъ тáкъ!»—Ну ты, гончаръ, на бокъ! Чанцы, подходитя вы! Объ чомъ, якаа причина? Еты чанцы подышли. «Такъ и такъ: забивъ нашаго чанца!»—Ну, вотъ што, чанцы: возьмитя вы яго за ету прахтыку, за ету причину, посадитя яго подъ мостъ. И потуль скачитя, покуль яго забъетѐ!—«Нѣ, панокъ: ти убъёмъ мы яго ти нѣ, а свой коранъ звядомъ! Хай и наша тáкъ!»—Ну, и на бокъ!.. Такъ енъ разсудивъ ето хорошо! Тоды и говора: ну, люди, пошлитя домовъ, а ты, чаловѣкъ добрый, останьсь!

Тыя пошли, а яго за рукавъ придержывъ и кажа: ну, што жъ ты, каа, чаловѣкъ добрый, казавъ: суди насъ по правди—будя табѣ, будя и мнѣ? Тоды етый чаловѣкъ

кажа: «спасибо вамъ, што вы сўдили хорошо! Коли бъ вы ня судили хорошо мяне, тоды бъ я ставъ на порогъ вышай людей, и вынявъ ба етый камянь изъ за пазухи, и прамо бъ вамъ, панъ, и пеканувъ у черапъ ба, штобъ и вамъ тутъ смерть була! Мнѣ уже одинъ отвѣтъ!» Панъ тоды кажа самъ сабѣ: «хвалить жа бога, што я по правди судивъ!» Да узявъ того мужика, завярнувъ, да за двери: «иди жъ, кажа, домовъ, да ня будь такій разбойникъ!..» Вотъ моя и казка ўся.

С. Нисимковичи, рогач. у. Кр-нъ Денисъ Семеновъ, 43 л. неграмотный.

Бывшіе у насъ другіе списки сказки не помѣщаемъ. Въ *Гомельск.* у. богатый братъ идетъ судиться съ бѣднымъ за то, что тотъ вырвалъ хвостъ у его лошади, привязавъ возъ дровъ къ хвосту. Въ *Сѣннен.* за то. что волки съѣли у бѣдняка лошадь, взятую у богача для привоза дровъ. *Здѣсь же*: Богатый братъ былъ бездѣтенъ; но когда бѣдный поймалъ чудную «рыбину» и далъ ее съѣсть женѣ его, то у нихъ родился сынъ. «Судья праведная» присудилъ отдать этого сына бѣдняку. Богачъ разум. не согласился.

Ср. Чубинск. 657.

15. Несцерка.

Живъ сабѣ такъ Несцерка, мѣвъ дзѣтыкъ шесцерко. Робиць лянитца, красци боитца, попросиць не насмѣець—не съ чаго яму прожиць. Вотъ енъ узявъ ды й пошовъ къ богу. Идзѐць, ажны ѣдзець Юръя-зылотое сядло. «Здоровъ, святэй Юръю!» —Здоровъ! Хто ты такій?—«А я, кажець, Несцерка, дзѣтокъ шесцерко, робиць лянюсю, красци боюсю, попросиць не насмѣю!»—Куды жъ ты идзѐшъ?—«Къ богу!»—Чаго?—«А вотъ чаго: не съ чаго мнѣ прожиць, дыкъ пойду къ богу спрошу, чимъ мнѣ займатца: ци читаць, ци писаць, ци зъ горшковъ хватаць? А ты куды, святэй Юръю?»—Къ богу й я!—«Зачимъ?»—А про своѐ надобносци!—«Ну, успомни тамъ, святэй Юръю, про мяне!»—Дόбро, ўспомню!—«Спытайся ў бога, святэй Юръю, чимъ мнѣ займатца?»—Дόбро, спытаюсь!—«Забудзешъ, святэй Юръю?»—Нѣ, нѣ, спытаюсь! —«Нѣ, забудзешъ! Дай мнѣ ў зыставу свою зылотую стрямёну, што не забудзешъ!» —А на чимъ жа я поѣду? Несцерко узявъ лозинку, здзѣлывъ стрямёну и привязавъ, а зылотую у зыставу узявъ. Поѣхывъ тэй Юръя къ богу, а енъ дожидаець яго, покуль ёнъ вѐрнетца, на тэй дорози, куды треба було ѣхыць Юръю. Тоды святэй Юръя распросивъ у бога про своѐ надобносци и ставъ садзитца на коня. А богъ увидзѣвъ лозовую стрямёну и пытаетца: а йдзѣ твоя стрямёна?—А, Господзи, Несцерка отобравъ,—мѣець дзѣтыкъ шесцерко, робиць лянитца, красци боитца, попросиць не насмѣець, съ чаго яму прожиць?—«А нехай круциць ды мотаець и душў питаець!» Юръя и поѣхывъ. Подъѣхывъ енъ къ Несцерку, тэй Несцерка пытаець: а што, святэй Юръю, што табѣ богъ кызавъ?—А во што богъ кызавъ: нехай круциць ды мотаець и душу питаець! Ну, дай жа Несцерка, мою стрямёну, што ты у мяне узявъ у зыставу, зылотую!—«А кыли я у цябе яе бравъ? Я ще самъ табѣ давъ стрямену лозовую. Пыдавай мнѣ яе ныздъ! Во моя стрямёна—ли сядла!..» Што тэй Юръя ныбрався зъ Несцеркомъ, али-тки мусивъ зыплациць зы лозовую стрямену.

Тэй Несцерка побѣгъ у хату. «Троху пожитку ё, славъ-богу! Мнѣ-тки не ныпрасно богъ скызавъ, што якъ солгу, дыкъ живъ буду и съ того хлѣба!» Проживъ тое, што зыплацивъ яму Юрья зы лозовую стрямёну, тоды ўзявъ и повѣсивъ зылотую стрямёну ны воротахъ. Ажны ѣдзець панъ быгатый. Увидзѣвъ стрямёну, што висиць ны воротахъ и кажець свойму кучеру: зайдзи, пыпытайся, ци ня ёсь у яго прыдажныя сѣдлы? Кучеръ зайшовъ ў хату и спрашiець: што, ты сѣдлы дзѣлыешъ?—Дзѣлыю, кажець Несцерка, ды тольки ны зыказъ, пытому, я дзѣлыю сѣдлы дырогiи—сярэбрыныи, зылотыи! Кучеръ пошовъ и скызавъ пану. Тэй панъ злѣзъ, и стали дыгывариватца. Дыгыварилиси, капъ енъ здзѣлывъ яму сядло за сто рублей, и зъ-горы гроши. Узявъ Несцерка гроши ды й сядзиць на печи. Прiѣжжаець тэй панъ зы сядломъ, а ёнъ ляжиць босый на печи. «Идзѣ сядло?»—Якое сядло, паночекъ?—«Ды тое, што я табѣ дававъ гроши!» Несцеръ тольки кщитца: а-вой—а-вой! Якое у мяне сядло? Я ня ўмѣю лапцей сплёсци... Панъ тэй кричавъ, кричавъ, ды й кажець: ныдзѣвайся, пойдземъ на судъ! А Несцерка кажець: а што, ци я босый поѣду?—Ахъ, дзьябли яго возьми! Кучеръ, дай яму моѐ валенцы! Ну, ныдзѣвайся, пойдземъ!—«А што, ци я голый поѣду?»—А, нехъ ци, пане, дзьябли ўзяли! Дай яму, кучеръ, мою хутру! Кучеръ принесъ хутру, Несцерка обувся, одзѣвся. Вышли вонъ. Панъ ставъ садзитца ны коня, а Несцерка глядзѣвъ, глядзѣвъ, ды кажець: «а што я, ци сыбака, ци што —што я пяшкомъ пыбягу!»—А, нехъ ци дзьябли, пане, узяли! Дай яму, кучеръ, присцяжного кыня! Сѣвъ тэй Несцерка и поѣхыли на судъ. Прiѣхыли туды. Стали ихъ судзиць. «Ну, што ты, Несцерка, гроши пану ня 'тдаешъ?»—Ды я жъ яму ня винуватъ! Енъ ко мнѣ вяжетца, самъ ня вѣдаю чаго. Хочець, мусиць, сырвыць штонибудзь! Зарызъ скажець, што гэто и боты яго на мнѣ! Панъ тэй кажець: дуракъ ты! дыкъ гэто жъ моѐ боты!—Ну, во, видзиця! Енъ во кажець, што боты яго на мнѣ. Можа енъ скажець, што и хутра гэта яго! Панъ узнова: ахъ, кабъ цябе дзьябли, пане! Гэто жъ моя хутра!—«Ну во, видзиця, господзины судьдзи: енъ ужо признаётца и къ хутри! Можа, заразъ скажець, што й конь гэто яго! Панъ тэй узнова кричиць: ахъ, капъ цябе дзьябли, пане! Гэто жъ и конь мой!—«Ну во, видзиця, господзины судьдзи: ёнъ ужо кажець, што й конь яго!» Судьдзи тэи думыли, думыли, ды й кажуць пану: нѣ, братъ, видаць, што ты илжёшъ, што ето ўсё твоё: и хутра, и боты, и конь, и гроши! И ничого не присудзили Несцерку (въ знач. никакого взысканiя). Сѣвъ тэй Несцерка ны коня и поѣхувъ у дворъ. Засталиси яму и конь, и хутра, и боты, и гроши. И цяперъ живець съ тыхъ грошей.

Д. Тыльцы, латыгов. вол. сънн. у. Кр. Кондратiй Рынкевичъ.

6, Буў саби Несцерко, було ў яго дзяцей шесцярко. Юнъ заробиць лянитца, а ўкрбсци буитца, а пупросиць стыдзитца. Узёў, пушоў къ бугатуму мужуку просиць хлиба. Мужикъ яму хлиба ня дбў, дбў жменьку муки. Юнъ кулй принюсъ ету муку думбў, спякла жўнка коржъ и разлумала дзяцямъ. Цяперъ, кули яны зьили етый коржъ, бульше нема ничого исци, нема ани! Пушоў юнъ акъ другому мужуку. Другiй мужикъ дбў жменьку муки. Юнъ ишоў думоў, вицяръ дунуў, и высыпуў усю муку зъ жмени. «Пуйду, гувора: убъю витра!» Прихўдя къ витру: «на шту

ты высыпуў мою муку?» А виціяръ кажа: «постуй, Несцяръ: я винуватъ! За гэто таби домъ (дамъ) кўзлика, якій моа (можа) сыпаць усяками грошми. Якъ придзяшъ думоў, дыкъ и скажи: кузликъ, кузликъ, насыпъ грўшай! Юнъ и насыпля!» Пушоў Несцярка ў двуръ! Пу дурози зайшуў юнъ акъ рандару; пупросиў горылки. Рандаръ яго напоиў. Юнъ напився пъяный и люгъ спаць, а жидъ узёў кузлика, и другого пуставиў. Прошнувся юнъ, кузлика узеў и пувюў думоў и кбжа (кажа): «жунка, вяду кузла, якій дае бугато грушай! расцилай хусту!» Жунка разостлала хусту. «Кузликъ, кузликъ, дой грушай!» Кузликъ стуиць, и ничого ня доў. «Э, кули гэто мяне виціяръ обманиў, пуйду знуў къ яму!» Прихудзя къ витру. «На што жъ ты мяне обманиў: доў мни кузлика, шту й грушай ня дае?»—Ни, Несцяръ! Я таби доў дубраго: ето цябе пудманиў нихто! Ци захбдзиў ты акъ куму (кому)?—«Захбдзиў акъ жиду рандару!» —Юнъ цябе и обманиў! Домъ тоби ще скацярку, якаа дось пиць и исьци. Развярни яе и скажи: скацярка, дой пиць и исьци! Яна и досъ (дасть). Пушоў Несцярка думоў. Идзе пувзъ каршму, вышоў жидъ и кбжа (кажа): Несцяръ, ты ужд бугатый, ня хочашъ зайци и чарку горылки выпиць! Несцярко зайшуў и пруя горылки. Жидъ доў яму горылки, кульки юнъ хоциў. И напився юнъ пъяный и заснуў. Жидъ скацярку ўзёў, а другую такую пудложиў. Несцяръ устоў—скацерка у запазуси, и пушоў думоў. «Жунка, нясу скацярку, якаа дае пиць и исьци. Субирай гусцей!» Жунка субрала гусцей (гостей,) пусадзила на лбвку. «Ну, Несцяръ, разгартуй скацярку: хай гўсци выпиваюць да закусуюць!» Несцяръ разгарнуў скацярку: скацярка, дой пиць и исьци! Скацярка ня дае! «Э, кули такъ, ня пуйду болшъ акъ витру!» Узёў позычиў рубля грўшай и куню (коню) усадзиў у србку, и скузоў жидомъ: прудою куня, куплёйця! Жиды приходзюць и торгуюць куня. «Кульки таби, Несцяръ, доць за яго?»—Дойця мни пяцьдзесятъ цалковыхъ! Жиды яму даюць пяць злотыхъ (75 коп.)—«Идзиця вы отъ мяне! Ха-ха-ха,—сміяцеся надо мною! Муя кубыла грушами сыпля!» Узёў, пуставиў чацьвярикъ потъ хвустъ, и сцебнуў пугой. Кубыла выкинула уднугд рубля.—«О, бачили!»—Ну, будзя, будзя, Несцярко, не сцябай! Доли (дали) Несцярку пяцьдзесятъ цалковыхъ. Несцярка тыя грўшы (гроши) пропиў. Цяперъ шту дзилаць? «Пуйду куго-небудзь убъю!» Узёў дувбешку и пушоў на дурбгу, и стбў на мусту. Идзя Юрай на сивымъ кони и пытоетца: «чаго ты, Несцяръ, стуишъ?»—Хбчу куго-небудзь убиць, кобъ отобраць грўшай. А ты хту такій пытоесься?—«А я Юрай!»—Куды ты идзяшъ? «Иду (ѣду) къ бугу!»—Пупытбй, тамъ, чимъ мни питатца? Хбй бугъ дось мни пишъ (пищь) якую-небудзь!—«Дўбро, пупытбю!»—Ни, Юрай, ты забудзяшъ! Дой мни стрымя съ провыя нуги!.. Юрай утчапиў и утдоў. «Отъ, цяперъ ты ня забудзяшъ! Будзяшъ на куня садзитца, а стрымя нема, дакъ и ўздумаешъ на мяне, на горкаго Несцярку!»

Вышуў Юрай отъ бўга (бога) и стбў содзитца на куня; убачиў, шту нема стрымя и ўздумуў на Несцярку. «Господзи, чимъ Несцярку питотца?»—А шту забожитца, да заклянетца, дакъ тое яму и останетца!... Пріихуў Юрай къ Несцярку. «Здуроў, Несцярко!»—Здуроў, Юрай! Ну шту, пупытоўся?—«Пупытовся! Бугъ искузаў: шту забожитца да заклянетца, тое *таби* и останетца. Ну, дой жа муё стрымя!»—А кули ся у цябе брбў стрымя?—«А я жъ ихаў къ бугу, дакъ я таби доў!»—Ни, Юрай,

я ня броў!.. Ну, шту жъ Юръю довго спорыць зъ имъ—узёў ды й поихуў, куды знбў (знавъ). А Несцярка пушоў думоў и повисиў на вурбтахъ стрымя. Идзя панъ пўвзъ Несцяруву хбту. Глянуў на вуроты и кбжа на кучара: стой! пулядзитка, на вуротахъ висиць зулутое стрымя. Ето юнъ, мусиць, дзилая сюдлы зъ зулутыми стрымями. Кучаръ, гукнитка гэтаго мўжука! Кучаръ гукнуў мужука. Несцярка вышуў, знёў шапку. «Здрбстуй, пáнъ, на шту ты мяне гукаашъ?»—А моа ты дзилаешъ сюдлы зъ зулутыми стрымями?—«Дзилаю!»—Издзилай мни!—«Издзилаю!»—Кульки ты вузьмешъ?—«Триста цалковыхъ!» Панъ доў яму пувтораста задатку. «А вутъ, панъ, у нядзилю присылайця кучара за сядломъ и осталныя грўшы.» Панъ поихуў думоў. Дуждавсь нядзили, отдоў кучару груши, и поихуў кучаръ къ Несцярку. «Ну, шту, Несцярка, издзилаў сядло?—Издзилаў, давой грўшы! Кучаръ грушы утдбў, ды й кбжа: дой жа сядло! Несцяръ яму отказуя: пріидзь исъ панумъ збўтра, вбзьмеця сядло. Кучаръ пуихаў думоў. Пріихаў думоў и пушоў акъ пану у хоту. Панъ пытоетца: ци узёў сядло? Кучаръ яму каа: зоўтра, панъ съ тубой пуидомъ! Назаўтраго панъ запрўгъ троя кўняй у куляску и пуихаў. А Несцяръ уже стрымя знёў зъ вуротъ. Пріихаў къ Несцярку и гукая: «Несцяръ, худзи-тка сюды, няси и сядло!»—Якое таби сядло? Хиба я умію дзилаць сядло? Дзи ты ббчиў, кобъ мужикъ дзилаў сядло?—«А якъ жа? Ты жъ у мяне узёў грушы!»—Кулй? хиба ты здурэў?—«Дакъ пуидомъ, Несцяръ, судзитца!» Пуидомъ? Хиба жъ я пуиду босый, голый? Дбй мни свуѐ чоботы, и дой мни свую шубу!. У пана було двоя чоботўў, одны цюплыя, другія такія. Юнъ цюплыя боты знёў, и утдоў Несцяру. Несцяръ надзиў и сиў исъ паномъ пбплячки, и пуихали на судъ. Пріихали акъ суду. Панъ сускочиў и пубигъ упераду акъ судзебнымъ, кобъ упердъ разсказаць про Несцяра. А Несцяръ излазя пумаленьку и идзе услидъ. «Ну, шту жъ ты, Несцяръ, у пана грушы брбў?»—Я грўшай ня броў, у мяне и своихъ бугато ю! Юнъ можа на мяне подманиць. Юнъ можа скажа, шту ето и шуба яго на мни и чоботы!—«А якъ жа не моя?»—Кобъ твуя, дакъ ба была на таби. а то яна на мни. Искажашъ мо, шту ето кўни твуѐ?.. Начали судзиць, шту усю Несцярово: и шуба съ чоботами и куни съ куляской. Несцяръ вышоў на двуръ и сиў у куляску, и каа на кучара: поняй! (сокращ. погоняй!) Пріихуў думоў, кучара расчитоў и утпровиў думоў, а куняй прудоў, грўшай наброў. И начали зъ жаной жиць и дзитокъ курмиць.

Пришлося мни тамъ быць, побываць, горылочки пупиваць. Хопився я за вуко и ў ропи сухо. Доли мни пирб—я за порогъ; дбли мни блинъ—я за вуроты виль. И муюй казцы кунецъ.

Д. Станьково, рог. у. Кр. Иванъ Шидловскій.

17. Шутъ.

Жили были такъ три браты, и ўси яны были злодзѣи. Собралиси яны нѣшто разъ ѣхыць красци мёдъ; вотъ и поѣхыли. Украли колоду меду ды вязуць. А сусѣдъ ейхный и увидзивъ гето. И гетый ейхный сусѣдъ ды дужо большій бывъ шутъ. Вотъ енъ дыгнавъ ихъ, подповзъ цихынько къ колодзи, узьлѣзъ на колесы, ды мёдъ са-

выграбъ. А тоды ўзявъ, туды наклавъ, ды соскочивъ и пошовъ домовъ. Пріѣжджаюць яны домовъ; унясли колоду у хату и отчинили. Старшій братъ кажецъ: треба поспробывацъ мёду! Ды пымакнувъ палецъ и облизавъ. А сяредній спрашіецъ: «ци смашанъ, братъ, мёдъ?» А яму хоць и не смашно, али кажецъ: смашанъ, братъ! поспробай ты! И сяредній пымакнувъ палецъ, поспробывавъ, ды тольки мордой закруцивъ. А меньшій кажецъ сяреднему: ци смашный мёдъ? И той кажецъ: смашный! Тоды поспытавъ и меньшій. Поспытавъ и кажецъ: «ахъ, капъ вамъ, братцы, такъ смашно было жиць, якъ гетый медъ смашанъ!» Тоды тэя браты кажуць: «гето ўжо намъ подъдзѣлавъ нашъ сусѣдъ—шутъ! Пойдземъ яго забъёмъ!» И пошли къ яму.

А енъ ещо упяродъ почувъ гето, ды увёвъ кобылу у хату, а ина наклала... Тоды енъ узявъ, накидавъ туды серабра, и перабираецъ. Приходзюць тэя браты и спрашіюць: што гето ты дзѣлаешъ? А енъ кажецъ: «ды во ў мяне гета кобыла серабромъ валяецъ. Коли ня будзеця мяне биць, дыкъ я продамъ вамъ гету кобылу!» Яны узрадовались, зыплацили яму много грошій, и пывяли кобылу домовъ.

Першъ за ўсихъ узявъ яе къ сабѣ старшій братъ. Напоивъ, накормивъ и поставивъ на ночь у хату. Устаéцъ назаўтраго, и давай кыпатца. Кыпавъ, кыпавъ, и ни конѣйки не нашовъ. Прибѣгаецъ икъ старшому сяредній бртъ. «Ну што, ци нашовъ?» —А, братъ, нашовъ: будзецъ и мнѣ и дзяцёмъ моимъ! Тоды сяредній кажецъ: «ну, дыкъ давай жа мнѣ сяньни на нычь кобылы!» Тэй отдавъ яму. Ёнъ гедыкъ само накормивъ, напоивъ и поставивъ на ночь у хаци. Назаўтраго устаéцъ ёнъ и давай кыпацъ. Кыпавъ, кыпавъ, и не нашовъ ни грошка. Прибѣгаецъ меньшій къ сяреднему. «Ци нашовъ?» Сяредній и яго обманивъ такъ жа само. Узявъ меньшій къ сабѣ кобылу, накормивъ, напоивъ и поставивъ на ночь у хаци. Назаўтраго уставъ дужо рано и начавъ кыпацъ. Кыпавъ, кыпавъ, и ничого не нашовъ. Побѣгъ къ братамъ и кажецъ: «ахъ вы, обманьщики! капъ вамъ повѣкъ такіе гроши!» Тоды яны кажуць: «ну, цяперъ ужо пойдземъ, ни зашто не просьцимъ: забъёмъ яго!»

А шутъ гето давно знавъ. Зарѣзывъ козла, узявъ пузыръ, наливъ кровъю, подвязавъ жонцы пытъ паху и кажецъ: я цябе порну ножымъ у гетый пузыръ, дыкъ ты тоды зывалися; а якъ возьму пугу ды удару пы табѣ, дыкъ ты ўскочь и идзи на работу! Вотъ, приходзюць тэя браты ў хату, а енъ и нычавъ кричацъ на жонку: чаму ня йдзёшъ у грибы, пранцаватая! А йна кажецъ: а вой, куды я пойду? Отъ енъ нибытцамъ рассердзився, ды якъ порнéцъ ёй ножымъ пытъ паху—кровъ съ пузыра и пылила руччомъ, и баба тая пывалилася... Тэя браты думыюць: ци не здурнѣвъ ёнъ, жонку забицъ! А шутъ ухвацивъ пугу, якъ ударицъ по жонцы, дыкъ жонка ускочила и пышла. Тоды яны кажуць: продай намъ гетый ношъ и пугу, дыкъ мы ня будземъ цябе бицъ! Ёнъ и продавъ имъ и ношъ и пугу, много грошій узявъ. Ну й такъ жа узявъ перша гетый ношъ и пугу старшій братъ. Пришовъ у повнóчь домовъ и кажецъ жонцы: идзи, жонка, у грибы! А тая кажецъ: а вой, куды я пойду! А ёнъ яѐ ножымъ потъ бокъ. Тая того часу и сысьвяжилася... Тоды узявъ пугу, бивъ, бивъ и по ёй и пы зямли—не ўстаéцъ жонка! Ёнъ скорѣй выкопавъ яму ды й зыкопавъ яе, капъ другіе браты ня вѣдыли. Троху пыгодзя прибѣгаецъ сяредній братъ: «а што, ци ўдалася пуга и ношъ?—А ўдалася!—«А дзѣ шъ твоя жонка?»

—Ды пошла шъ ў грибы!—«Ну, дыкъ дай жа шъ и мнѣ!» Тэй и отдавъ. Приходзиць сяредній братъ домовъ и кажець своей жонцы: идзи, топи лазьню! А тая кажець: «што ты гето? Сягоня шъ свято, якъ я буду топиць?» А тэй нядовго думывши якъ сопонувъ ножымъ у серца, дыкъ тая и зыхрапла ды й вобъ землю... Тэй тоды схвацивъ пугу, якъ ударицъ—не ўстаѐць; енъ другій разъ—не ўстаѐць; бивъ, бивъ—и ничо́го. Вотъ тоды ужо енъ спызнавъ, што гето шутъ ихъ обманивъ. Пошовъ къ старшаму и пытаетца: «няўжо твыя жонка отжила? А я шъ свою забивъ!» Тоды и старшій признався, и кажець: «идзи, братъ, домовъ, и якъ прі́дзець меньшій, дыкъ ты яго обмани, капъ и енъ свою жонку забивъ!» Пришовъ сяредній домовъ, выкыпавъ яму, зыкыпавъ жонку ды й сядзиць у хаци. Ашъ прибѣгаець меньшій и кажець: ну, ци пробувавъ отживляць жонку? А енъ кажець: а, братъ, забивъ и отжививъ, и ина ужо топиць лазьню, приходзи вотъ сяньня мытца! Тэй кажець сяреднему: ну, дай жа шъ и мнѣ пугу и нoшъ, бы й моя жонка ня слухаець мяне! Узявъ ношъ и пугу, пошовъ домовъ и кажець жонцы: идзи, жонка, за горѣлкой! А ина ня йдзѐць ды ругаетца. Отъ ёнъ схвацивъ ношъ: ахъ ты, курва! ты ще мнѣ будзешъ ругатца! Ды якъ рызанѐць по горлу, дыкъ таа и зывалилася. Тоды енъ пыходзивъ троху, узявъ пугу съ круку ды лопъ по ёй—не ўстаѐць жонка; ёнъ другій разъ—не ўстаѐць; енъ бивъ, бивъ,—али ужо и спызнавъ, што яго обманили и браты и шутъ. Крѣпко разсердзився, побѣгъ къ сяреднему брату и чуць ня зьѣвъ яго, кричучи, за тое, што енъ яго обманивъ. Посьли сыйшлиси яны и зговорылиси, кабъ беспремѣнно забиць ци повѣсиць шута за тое, што енъ зьдзѣлавъ имъ дужо большій уронъ. Собралиси и пошли.

А шутъ ящо ўпародъ выкыпавъ яму, самъ улѣзъ и ўзявъ исъ собой диду. А жонцы скызавъ: «закрый мяне дошками, сама сядзь на ихъ и гылоси; а якъ придуць тэя браты бйць мяне, дыкъ ты скажи, што я ўжо помёръ!» Приходзюць браты, а ина сядзиць на ямини ды й голосиць, причитыець. Тоды яны кажуць: чаго ты плачешъ, мылодзица? А йна кажець: «чаму шъ мнѣ не плакыць, коли мой мужикъ помёръ!» Тоды яны пычали радзитца, што дзѣлаць. Вотъ, и кажець старшій: «а што мы зьдзѣлыемъ? Усё ровно, мы ужо ничого яму̀ ня зьдзѣлыемъ,—во́зьмемъ ды наваляемъ ны яго могилку!» Ды спусцивъ штаны и сѣвъ. А шутъ узявъ дзиду, ды празъ щелку якъ поронѐць яму у тую—дыкъ тэй чуць гвалту ня крикнувъ. Али уцѐрпивъ и думыець: нехай порнѐць и имъ! Тоды и сяредній сѣвъ на яму,—и сяреднему гедыкъ само порнувъ шутъ дзидой. И тэй такъ само соскочивъ скоро, али ня крикнувъ, и думаець: нехай и меньшаму порнѐць! Сѣвъ пошовъ меньшій, а енъ тому якъ порнувъ, а тэй якъ соскочиць, ды якъ крикнець! Тымъ братамъ хоць и не до смѣху, али зыхыхытали кылы яго, ды кажуць: «ну, чортъ яго бяри! хоць и порнувъ намъ и жонокъ зьвёвъ, али енъ ужо ня вывернетца зъ нашихъ рукъ!..»

Тоды достали яго изъ ямы, усадзили у мѣхъ и повязьли къ возяру топиць. Привязьли къ возяру, пыложили на бѐрагу. Старшій братъ тоды кажець: во цяперъ пойду вырыжу прутъ, ды дамъ—дамъ на прощанье хорошенько! А сяредній кажець: пойду шъ и я вырыжу! И меньшій такъ само кажець: и я пойду вырыжу прутъ, ды дадзимъ яму̀ уси! И пошли ўси ў лѣсъ. Чуець шутъ, сѣдзя у мяху, што яны пошли, а нѣхто дужо шпарко ѣдзець. Тоды енъ дывай кричаць: «ай, ня умѣю ни читаць,

ни писаць, а на королевство садзюць!» А гето ѣхавъ панъ дужо богатый. Почувъ ёнъ гето, подыйшовъ къ мяшку, разьвязавъ яго, выпусцивъ шута ды кажець: «я ўмѣю читаць и писаць, нехай мяне садзюць на королевство!» Тоды шутъ кажець: лѣсь у мѣхъ, а я цябе зывяжу; дыкъ тутъ придуць тоды три чаловѣки и пысадзюць цябе на королевство! Панъ той, нядовго думавши, улѣсъ у мѣхъ, а шутъ завязавъ яго, а самъ сѣвъ ны яго коній и поѣхывъ. А браты пришли, отжарили тому пану, ды й укинули у возяро,—тольки бурболки пошли...

Пришли яны домовъ, рады, што утопили шута, што не дававъ енъ имъ а ни красци, а ничо́го дзѣлаць. Троху пыгыдзя, глядзяць яны: што гето такое? Ѣдзець шутъ ны такихъ бурыхъ коняхъ, што яны ниразу ня видзили. Выскочили яны съ хаты и пытаюць: а вой! идзѣ ты бравъ еткихъ коній? А енъ кажець: «а вы шъ сами чули, якъ топили мяне, што я ўсё казавъ: бурый, бўрый, бурый. Тамъ жа у возяри страхъ, што коній! Я выбравъ сабѣ бурыхъ и съ колымашкой ды й поѣхувъ!» Тоды тэя браты давай просиць яго, капъ енъ ихъ пыўтапливавъ, капъ и имъ вывесци по парцы такихъ коній. Тэй тоды узявъ ихъ, поўсаджививъ у мѣхъ, завёсъ у. возяро и пыўтапливавъ усихъ трохъ. А ихными хатами и зямлей самъ ставъ уладаць.

М. Лукомль, сѣнн. у. Запис. кр. Миронъ Позднякъ.

б, Жили сабѣ два браты. Одинъ бывъ бѣдный, а другій богатый. Бо́льшій бывъ богатый, а ме́ньшій бѣдный. Богатый мавъ съ паномъ хорошій совѣтъ. Тяперака приходя меньшій братъ къ бо́льшаму и просяи: одовжи мнѣ, браточка, грошай! А енъ яму отказуя: «атъ, такому дураку буду гроши давать!» Оборотився енъ зъ естымъ словомъ назадъ и зарѣзавъ овечку. Посѣяли яны тогды гречку, большій братъ и меньшій. Поморозивъ морозъ гречку обоихъ, и большаго и меньшаго. Тяперака, пошовъ шукать меньшій братъ мороза, и шкуратину узявъ съ собой. Ишовъ, ишовъ, приходя ў лѣсъ. И тамъ ё пень большій, и сядить на тымъ пни морозъ,—сивый такій, борода сивая, самъ увесь сивый. И спрашуя меньшій братъ у мороза: «што ты мнѣ здѣлавъ? ты моихъ дятей посиротивъ—ты мою усю гречку побивъ!» Тяперака морозъ кажа на бѣднаго: на̀ табѣ во ету торбочку, и иди зъ естой торбочкой на дяревню, и тамъ мужикъ богатый-силно живе! Ёнъ пошовъ, приходя подъ вокошко—огонь горить, и про́ситца енъ на ночь: «пуститя мяне, подорожнаго чаловѣка, на ночь!» А тамъ была одна ходяйка, и говора: мого чаловѣка нема дома, мнѣ пустить тябе нялься! А ёнъ отказуя: ради Бога, пуститя! Тогды яна обдумалася: «ну, иди, кажа, сабѣ хоть тамъ ли комина пераночуй, на горѣ, на хати, вонъ тамъ!» Ёнъ лёгъ къ коминочку и пригрѣвъ свой бочокъ. Удругъ слыша ёнъ, штось стукая у вороты. Тогды яна спрашуя, тая баба: хто тамъ стукая?—«Арина, Арина, отчини мнѣ!»—Ды хто ты?—«Попъ!» Отъ, яна яму отчинила, пустила яго ў хату, за столъ яго посадила, поставила, знатца, разные напитки, разные наѣдки, и частуя... Гуляять!.. Тогды етый чаловѣкъ дирочку раскопавъ, дивитца (смотритъ) ў хату и ето ўсё бача. Чуять яны, ще хтось стукая у вороты: «Арина, Арина, отчини мнѣ!» Яна отчинила, ажъ ето дякъ.—«Ахъ ты, дякъ ты лысый, чаму ты разомъ съ попомъ ня йшовъ!» Тяперака, етый чаловѣкъ дивитца у дирочку, што, знатца, зъ естыя ходяйки дѣетца. Пили, пили, ажъ зновъ

стукаютца у вороты: «Арина, Арина, отчини мнѣ! Отъ яна: ахъ ты, проклятый пономаръ, лысая мотыка! Чаго вы ўсё по 'днымъ ходитя? Тяперака, яна яму̀ отчинила и усихъ за столъ засадила. Тὸ бывъ пиръ хорошій, а то ще получчавъ! А той усё дивитца у дирочку, што изъ естаго будя. Тяперака, гулять такъ, што бяда. А чаразъ часъ того урем́я стукая у вороты: «отчини, жана, вороты!» Тогды яна говора: «ахъ, Божа мой! Идѣ мнѣ васъ дѣть,—мой ходяинъ пріѣхавъ?» А попъ отказуя: а я потъ печь полѣзу! А тогды дякъ говора: «а куды жъ мнѣ?»—И ты туды жъ лѣзь, за попомъ, потъ печь! Тяперъ пономаръ говора: «а мнѣ жъ куды дѣватца?»—А й ты туды лѣзь, потъ печь! Сховались яны потъ печь, отъ, яна тое усё поховала—горѣлку на полицу, а жараное и вараное у печку, и идѐ яму̀ отчинять вороты,—и нездоровая уже, андаракъ спустила. «Охъ, охъ! нездорова я!» Тяперака, отчинила яна яму вороты, уходя ёнъ у хату. Увыйшовши ето у хату, спрашуя сабѣ у жаны вячеры. А яна яму отказуя: «я и печки не топила, и ничо́го не варила, бо чуть тольки ходжу—сусимъ я штось нездорова. Онъ, на столѣ хлѣбъ, онъ, тамъ цыбулька ляжить... Хлѣбъ, соль, водичка—отъ у мяне и вячера!» Тогды тэй узявъ воды корецъ, хлѣба и цыбулю, и ўсё ето ѣсть. А *тэй* усё дивитца исъ хаты, што ето дѣетца исъ тыѐ ходяйки! Тяперака, енъ лядѣвъ, лядѣвъ,—стало яму жалко яго. Излѣзъ енъ съ тыѐ хаты и подыходя подъ вокошко къ ходяину. «Пусти, каа, ради Бога, ходяинъ, мяне на ночь!» А яна отказуя: а на што ёнъ намъ? Я нездоровая, ёнъ докучать будя! А ходяинъ отказуя: «нѣ, треба пустить: я самъ по дорогахъ ѣжджу! Ходи, добрый чаловѣкъ!» Енъ пришовъ у хату и сѣвъ на лавцы, ли яго, идѣ ёнъ сядѣвъ. «Вячерай со мной, добрый чаловѣкъ!»—А, ходяинъ, вячерай ты сабѣ!—«Нѣ, кажа, вячерай: вотъ табѣ вода, вотъ табѣ хлѣбъ, соль.... Моя ходяйка нездорова была, и вячеры не зготовила!»

Тяперака, яны сидять, хлѣбъ ядять и цыбульку, водой запиваюти. А чаловѣкъ той усё за торбочку шкрабая. Тогды спрашуя ходяинъ: «што ты шкрабаешъ усё вo торбочку?»—А яна у мяне вяликая ворожка, тая торбочка!—«Коли яна вяликая ворожка, дакъ выворожъ менѣ, ти будя скоро здорова моя жонка!» Тогды ёнъ торбочку тую шкрабъ-шкрабъ! и отказуя: «твоя жонка будя заўтра здорова, и такъ, што Божа, Божа!» Посядѣли ще малое урем́я, ёнъ изновъ за торбочку—шкрабъ, шкрабъ! «Што ты ето изновъ за торбочку шкрабаешъ?»—Да яна ворожка вяликая, ета торбочка! Отъ, полядитка, ходяинъ, што у васъ у печцы дѣетца!.. Узявъ тэй ходяинъ свѣтло, открывъ заслонку, ажъ тамъ гусь жараная, поросенокъ жараный... Вынимая енъ усё ето съ печи, ставлюя на столъ. А тэй чаловѣкъ зновъ за тую торбочку шкрабъ-шкрабъ: «поляди, каа, ходяинъ, што ў тябе на полицы дѣетца!» Той зновъ за свѣтло, и тягня съ полицы вино, наливку и всякаю всячину. «Да, кажа: хорошая твоя торбочка ворожка—вѣру я ёй!» Тогды яны сидять и ядять, и пьють, и закусують... Посадивъ енъ того чаловѣка за столъ, а самъ сѣвъ насупроти яго. Тяпера, ёнъ изновъ за торбочку шкрабъ-шкрабъ! А ходяинъ спрашуя: што ты ето изновъ за торбочку шкрабаешъ? А ёнъ яму отказуя: «да яна у мяне ворожка, ворожка прилихая!»—Да што-жъ яна ворожа?—«А полядитка подъ печку, што тамъ дѣетца!» Полядить ходяинъ потъ печку, ажъ тамъ попъ сядить на перади. «Чаго ты, каа, суды

залѣзъ?» Сичасъ яго за косы, за длинные волосься, ды по вуху! Ставъ яго бить. Бивъ, бивъ, сколькі хотѣвъ и вонъ яго вытягнувъ. Ну, тяперака, добрався до дяка. «А ты чаго, дякъ лысый, суды забрався? Ходи й ты суды!» Качавъ, качавъ яго выспяччамъ, качавъ, качавъ, да й вонъ яго. Тогды: «ходи й ты, лысая мотыка, и табѣ ета самая честь будя!» Качали, качали уже ўдвоихъ, да й вонъ вытягнули, усихъ, прамо, няживыхъ. Тяперака на жонку: «Дакъ такъ ходяина сустракаять! Ты мнѣ дала воды да сольки! Отъ, и табѣ такая честь будя, якъ и имъ!.. Ну, твоя торбочка—на етаго чаловѣка—ворожка, дакъ ворожка! Тяперъ я ёй вѣру! Продай, говора, ты мнѣ яѐ!»—Нѣ, дядячка, не продамъ я яѐ,—яна мнѣ дорого коштуя, яна мяне и кормя и поя: я яе ни за якія грóши не продамъ!—«Да нѣ, продай, продай!» —Ну, тольки хиба ли васъ продамъ. Тольки яна мнѣ дорого стоя: другому кому и за двѣ тыщи не отдавъ ба, а уже ли васъ тольки за тыщу продамъ! Ну, тяперака, узявъ ёнъ гроши и иде домовъ зъ радостю.

Приходя домовъ и хвалитца брату: «отъ, братяцъ,—ты думавъ, што у мяне грошай ня будя, а вотъ у тябе столькі грошай няма, сколькі ў мяне. Я за 'дну овеччаю шкуратинку столькі узявъ! Отъ, якъ я дóбро продавъ!» Тяперъ, пришовъ большій братъ къ пану, да й говора: «пумо мы, панъ, порѣжамъ усихъ нашихъ овецъ! Сколькі много у насъ грошай будя!» Порѣзали усихъ своихъ овецъ, понакладали уси еты шкуратинки на возы и повязли ихъ продавать. Отъ, хто подойдя, дакъ ёнъ и прося за шкуратинку тыщу цалковыхъ. Ну, нихто етыхъ шкуратинокъ и не бяре. Позавадживались у етыхъ шкуратинкахъ черви, вѣдомо—лѣто. Доказали ето полицэйскому. Узяли яго у полицаю. Отъ ёнъ пиша письмо къ пану: «панъ, выручтя мяне оттудова—соўсимъ запропавъ!» Ну, панъ яго выручивъ,—засыпавъ полицыю грошами. Приходя тогды ёнъ икъ пану и говора: «панъ, што мы етому дураку здѣлаямъ, што ёнъ насъ такъ обмануя? Нумо состроимъ нужникъ и попрокалаваемъ дирки, и яго туды усодимъ!» Ну и построили, и ўсадили. И ўси мужики на яго гадили. Тяперака, ёнъ тамака думая: «што мнѣ тутака дѣлать?» Позвавъ свою жонку да й затѣявъ ёй здѣлать бочоночакъ у два дны, и два вядры. Отъ ёнъ тое *добрò* собирая да льлѐ у бочаночакъ, да заткне,—дакъ яму и ничóго. Тяперака, ёнъ думая сабѣ: «треба вылѣзть отсудова!» Ну, такъ-сякъ вылязъ съ того зъ нужника, знатца, узявъ той бочоночакъ и пошовъ у путь—дорогу.

Ишовъ, ишовъ, и заходя къ шинкару на ночь,—ёнъ знавъ, што у шинкара богато грошай,—да, значитца, и говора: «ти можно менѣ тутъ пераночавать на лавцы? У мяне бочоночакъ *золота*,- ти будя ёнъ цѣлъ?»—Ложись, спи! Ня бойся, усё цѣло будя!.. Ёнъ, знатца, лёгъ, и притворився, якъ бытто спить. Тогды той шинкаръ думая: «охъ, якъ ба тоя золото украсть?» Узявъ свой бочоночакъ серабра и нясе ямў покласть у головы. Тожа яго бочоночакъ вядры у два. Тогды шинкаръ подложивъ свой бочоночакъ, а яго вытягнувъ,— а *ёнъ* бытцомъ-то ничого ня чуя. Чаразъ минуточку прошинаетца и будя шинкара, штобъ ёнъ яму давъ кручокъ горѣлки: «мнѣ треба у дорогу итить!» А шинкаръ обяснвився: рано ще! Ёнъ тогды говора: «ну, за етымъ прощайтя, мнѣ до свѣту дожидатца неколи!» И пошовъ. Значитца, приходя домовъ исъ тымъ серабромъ къ жонцы и къ дѣтямъ. Тяперака, приходя

къ брату и говора: «вы съ паномъ хотѣли мяне заср..ь у нужнику, а я за ваша г...о онъ скольки серабра узявъ,—два вядры!» Приходя изновъ братъ другій икъ пану: «ну, панъ: што намъ зъ естымъ дуракомъ дѣлать? Мы думали, што ёнъ тамъ помре ажъ енъ утёкъ и продавъ г...о, и ўзявъ два вядры серабра! Нумо и мы такъ, панъ, здѣлаямъ: закажамъ майстрамъ такіе бочоночки, будомъ наливать и продавать и возьмямъ большія гроши!» Такъ и здѣлали,—повязли у городъ г...о тое. Приходять покупщики спрашавать: «што ето такое?»—Г...о!—«Якъ, кажать, г...о?»—Да такъ: г...о! —«Скольки за яго?»—Два вядры серабра за бочонокъ! Тые, знатца, плюнули и пошли. Ёнъ стоити. Стоявъ, стоявъ, дяржавъ, дяржавъ тое г...о,—городъ увесь провонявъ. Дали вѣдома у полицэю. Пріяжжая полицэйскій осматравать, ти правда, што ето г...о. Забрали яго, значитца, со ўсёй изъ естой збруяй у полицаю, а тое добро яго повыкидали у ровъ. Тяперака, пиша енъ пану: «поддувъ насъ, панъ, дуракъ! Выручтя мяне отсюляка!» Панъ заплативъ большій штрапъ и выручивъ яго!

Пріяжжая домовъ: «што мы будомъ дѣлать изъ естымъ дуракомъ? Ёнъ насъ наўчивъ уже добро! Треба у мѣхъ усадить и ўтопить яго!» Ну, усадили у мѣхъ и привязли къ возяру. Тяперака братъ говора: «треба жъ яго высповядать: тыки жъ енъ моя кровъ! Треба позвать попа!» Оборотились назадъ и поѣхали за попомъ, а яго у мяху за кустомъ кинули. Чуя енъ, што гоня воловъ, значитца, жидъ барышникъ,—и кричить у етомъ у мяху: «ратуйтя, хто ў Бога вѣруя! Ни читать, ни писать не умѣю, а на королевство содять!» Тяперака, приходя ходяинъ-жидъ и говора: «што ты, чаловѣча, кричишъ?»—А што жъ: ни читать, ни писать не умѣю, а на королевство хочуть садить!.. Жидъ той выпустивъ яго изъ мѣха, отдавъ яму усё своё право, а самъ улѣзъ у мѣхъ и сядить. А той и погнавъ-сабѣ воловъ другой стороной. Пріяжжая братъ и съ попомъ и съ паномъ. Жидъ имъ обястивсь: «я умѣю и цытать и писать, —мяне на королевство садитя!»—А! твой язычокъ змянився! Нѣ, тутъ табѣ капутъ будя!... Вычитавъ попъ надъ имъ, и яго укинули у возяро.

Ну, тяперака, поѣхали домовъ и говбрать: «нў, слава Богу, мы свойго няпріятеля зжили! Тяперака мы поживемъ!» Ну, а тэй чаразъ скольки днеўь пригоняя воловъ и сивыхъ, и бурыхъ. И говора брату: «'отъ, вы думали мяне утопить съ паномъ,—ажъ поляди, якихъ я воловъ пригнавъ оттуль!» Пошовъ той къ пану: «отъ, панъ,— што намъ зъ дуракомъ дѣлать? Ёнъ вярнувсь, и насъ сусимъ знистожа!»—Што жъ, кажа панъ: вязи и мяне туды, и я воловъ пригоню!.. Узяли яны, значитца, дурака, позвали попа, узяли мяхи и поѣхали усѣ разомъ,—и панъ, и братъ, и дурачокъ, и попъ. Пріѣхали къ возяру, панъ и говора: кидайтя мяне скорѣй! Отчитавъ яго попъ, яго и ўкинули. Отъ, мѣхъ буръ-буръ-буръ! Братъ, значитца, и говора: «ето енъ воловъ застае! Кидай и мяне скорѣй!» Укинули яго, и енъ—буръ-буръ-буръ... А попъ кажа: «што жъ: имъ воловъ, а мнѣ ничого! Кидай и мяне туды скорѣй, я застану боляй!..» Дурачокъ забравъ тогды посли ихъ и коній, и повозки, и збрую ихную, и поѣхавъ у дворъ спокойно. А яны и тяперъ дѣсь ловять бурыхъ и сѣрыхъ воловъ...

С. Еремино, гом. у.

Запис. г-жа Л. В. Карповичъ.

*

19. Михей кравецъ и Мартинъ шавецъ.

Нѣўкоторомъ царстви, нѣўкоторомъ государстви собралися ўмѣсто два товарищи майстярыхъ—Марцинъ шавецъ и Михей кравецъ. Такъ яны собралися и разговорилися одинъ зъ однымъ. «Чимъ ты, братъ, занимаесься?» пытаетца Марцинъ у кравца. А Михей отказуя: я могу у дикія вутки вынуць яйцы зъ гнязда и яна не почуя, не злятить зъ гнязда! Пошли яны вутки шукать. Нашли вутку, Михей выбравъ яйцы, вутка и не злятѣла. А покуль енъ выбиравъ, дакъ Марцинъ у яго подошвы отпоровъ, а енъ и не почувъ. Нў, тяперъ, отыйшли яны троху, Марцинъ и спрашуя: «а што, братъ Михей: ци твоѐ сапоги на двѣ подошвы шиты?»—Нѣ, на 'дну!—«Полядзи жъ, кажа, нема ни вбдныя!» Тоды Михей полядзѣвъ—нема подошвовъ. Ну, *ёнъ* вынимая съ кармана подошвы и прикладая подошвы къ Михеевымъ сапогамъ. «Ну, вотъ што, кажа, братъ Михей: покладомъ, што вутка спала, якъ ты вынявъ яйцы; а ты жъ не спавъ, якъ я отпарававъ подошвы!» Вотъ, тяперъ, Михей отказуя: ну, вотъ што, братъ Марцинъ: будомъ мы съ тобой жить за товариша, согласно! Тольки куды надо у хорошое мѣсто, у хорошій городъ, у столишный, а не такъ якъ-небудзь!

Увыйшли яны у городъ, наняли сабѣ хватеру. Якъ яны майстры—Марцинъ шавецъ, а Михей кравецъ, дакъ яны наняли сабѣ хватеру. Тамъ яны жили, работали, тэй шивъ сапоги, а тэй портнёпос. Вѣдомо, шавецъ и кравецъ. Вотъ яны жили, жили, пбсли надумався Марцинъ: «што мы, каа, братъ, будомъ такъ працовать? Пбйдомъ, каа, братъ, воровать!» Михей пытаетца у яго: куды мы пбйдомъ воровать? Марцинъ шавецъ отказуя яму̀: «куды жъ мы пбйдомъ—пойдомъ, каа, у царскій склепъ!» Пришли у склепъ, отомкнули, вина корыто напустили, муки насыпали, да псовъ напоили. Псы напилися. Яны хвосты по пары позвязали, да чаразъ плотъ понеравѣшали. Цяперака Михей ставъ вартовацъ, а Марцинъ воровацъ,—што треба было яму, брацъ. Цяперъ, наконецъ, выхбдючи съ инбару, царскую шубу сабѣ ўзлвъ.

Пришли до дому. Давай дзялиць свою крадзёжу: усё подзялили, а шубыниякъ не подзѣлюць. Марцинъ кажа, што я воровавъ—мнѣ шубу! А Михей говора: я вартовавъ, дакъ мнѣ! Ну, а за тымъ часомъ, якъ мы не раздѣлямъ, пойдомъ лучче спросимъ у цара, якъ маемъ мы спорить—кому шубу: ти тому што, воровавъ, ти тому, што вартовавъ? Ну, пришли яны къ цару. Ёнъ, мо, на третьтямъ итáжи спавъ. Подмостилиси яны подъ вокно. Вотъ, у цáра, бáяшникъ бывъ—вѣдомо, царъ спить, а баяшникъ бáйки бая. Дакъ енъ задрамавъ на тое ўремя. Яны подмостилися и пытаюць у цара: «ваша царское вяличаство! Были у вашамъ дому воры, што треба, воровали, и наконецъ, царскую шубу узяли. Усё подялили, а шубы ниякъ не подѣлять. И нарошно пришли спрашавать у вашія милосьци, кому вы прикажецця: ти тому, хто воровавъ, ти тому, хто вартовавъ?» Цяперъ, царъ думавъ, што ето баяшникъ кажа, вотъ енъ думавъ, думавъ, и кажа: «якъ то можно тому, хто вартовавъ? Хто вартовавъ, той ба уцёкъ, а хто воровавъ, того бъ поймали. Дакъ треба тому, хто воровавъ!» Яны й пошли. «Вотъ жа, каа Марцинъ: видзишъ, брацецъ,—шуба тому, хто воровавъ!» Ну вотъ, яны и пошли па свою хватеру.

Вотъ, царъ слухавъ, слухавъ—ня чуть баяшника; а баяшникъ спить сабѣ, ня чуя,

што и воры были, што и спрашавались,—енъ етаго ня чуя ничо́го. Ну, цяперъ, царъ говора: «ну-тка, баяшникъ, избай мнѣ новую ету баячку, што сичасъ баявъ!» А баяшникъ ня чувъ. Ёнъ заводя одну. «Нѣ, каа, ня ету! Утъ ету, што сичасъ баявъ!» А енъ ня чувъ, дакъ енъ почомъ зная. Заводя другую. «Нѣ, ня ету! Во тую, што сичасъ ты казавъ, што ў царскимъ скляпу воры были и шубы не подзялили!» А тэй ня зная. «Э, кажа царъ: ци нема у насъ обманы якія? Послать сичасъ чисавого оглѣдзиць склепу!» Пошовъ чисовый, собаки висяць чаразъ пло́ту, инбаръ разбитъ. Ёнъ приходзя и сказуя: были, говора, воры у вашамъ склепи!

Давъ Богъ день ужо, и царъ, якъ ба не было, вѣдомо, усякій 'звѣстянъ ставъ, што у цара были воры. И цару стали смяятца много, што енъ свою шубу самъ ворамъ подяливъ. Ето цару стало совѣстно, што усякій яму̀ смяе́тца. Ну, тоды царъ назначивъ двохъ жандаровъ, ти солдатовъ, и давъ имъ водить козла. «Ужо коли воры, дакъ яны козла мiжда васъ украдуть!» Ну, яны водили, водили по городу цѣлный день, потомъ ужо привязали яго па часъ ли стовпа, сами пошли у шинкъ по кручку выпиць. Вѣдомо, день жа ходили ня ѣвши. А *яны*, тожа, козла отрѣзали и пошли! Ну, цяперака, вышли тые—няма козла! Якъ имъ отказавать? И козла няма, и воровъ не нашли. Ну, приходють яны. «Дзѣ жъ вашъ козелъ?»—Няма!—‹А воры?‹ —Няма!—‹Да якъ жа ето вамъ пришлося?› говоруть.—Да якъ-ся, говоруть, загуло‹ задуло, якъ вѣтромъ, вяровку якъ пожомъ перарѣзало—и няма козла!—‹Ну, дакъ вотъ: заўтра, говора, хоть пять рублей хунтъ, а штобъ козлиное мясо було! Уже яны сами козлинаго мяса ѣсть ня будуть,—продавать будуть. По чомъ, по чомъ, да хунты три купиць. Хто будя продавать, дакъ той и воръ!›

Ну, цяперъ, назаўтраго пошли, найшли у *ихъ* козлиное мясо, купили. Вышовъ тэй, што купивъ козлинаго мяса и написавъ на воротахъ: ‹вотъ *здѣсь* купляно козлиное мясо.› Чаразъ часъ-минуту вышовъ Марцинъ нарошно зирнуць, и убачивъ, што на воро́тахъ написано: ‹козлиное мясо.› Уходить енъ у домъ и говбрить: ‹эхъ, Михей братъ! плохое наша дѣло выходя: написано на воротахъ, што козлиное мясо ку̀пляно!, —Эй, братъ, каа Михей: по́йдомъ-ка мы обаполъ вулицы—ты по 'днэй сторонѣ, а я по другей—и напишамъ па ўсихъ воротахъ: здѣсь козлиное мясо ку̀пляно! Узялѝ и пошли, и про́йшли обаполъ усёй пробойной вулицы, и понадписували на ўсихъ воротахъ, што козлиное мясо ку̀пляно. Цяперака, *ёнъ* приноси мясо. ‹Ну, найшли, говора, воровъ?›—Найшли! Ну, пойдземъ къ имъ, я написавъ, каа, на воротахъ! Приходять яны туды. Сюды глядзяць—написано: тутъ козлиное мясо; туды глядзяць—написано тутъ козлиное мясо! Ну, яны про́йшли скрозь вулицу—усюды написано. Ну, ти ўси жъ воры? Одинъ кравъ, а ня ўси. Да й поѐхали, не найшли вора. Ну, такъ жа смяютца цару, што шубу у яго украли, козла помижъ рукъ узяли, говядину продали, и ўсё воровъ немашъ. Совѣстно цару. Цяперъ царъ собирая къ сабѣ балъ: и худыхъ и добрыхъ, усихъ, и простыхъ, и разнаго званьня. Понаготовавъ столы, вина, усяго, закуски, и вотъ, насыпавъ ли столовъ спежки чарвонцо́въ. Поставивъ остражу, смотрѣць здалека: хто согнéтца, тэй воръ.

Ну, цяперъ, яны пилѝ, пилѝ, тоды Марцинъ воръ говора: «эхъ, братъ Михей! ти ня можно бъ намъ подобрать етые чарвонцы?› говора.—А якимъ жа мы родомъ ихъ

подбяромъ?—«А вотъ, пойдомъ-ка мы домовъ!» Пошли яны, да надѣли сапоги большіе росейскіе ужо, да вару подъ подошвы напиковали, ето, подысподъ. Вотъ, яны и не согиналися: походили по чарвонцахъ, дакъ яны и поприлипали къ вару. И согипатца нихто ня согинався, и чарвонцо̆въ мало осталось. Усё-тыки, баль сышовъ, и чарвонцы подобрали, и злодзяявъ не знашли.

И ўсё-тыки якъ ба хто да хто смяявся, а больше за ўсихъ ксёндзъ смяётца цару: и шубу раздзяливъ, и козла украли, и мясо продали, и чарвонцы побрали—и ўсё-тыки няма. И объявивъ царъ пабликацыю: «прошу милосьци воровъ къ сабѣ! Усё вамъ прощаю, а награджу васъ чимъ хочетя!» И пришли яны парошно къ цару: «здрастуйтя, ваша вяликое анпираторство!»—Здраство, здраств! А што вы за люди? —«Вотъ пришли къ вашай милосьци, тожа, воры ваши. Дзѣла̀ усё наша: мы и уворовали шубу—вы намъ подзялили, мы и козла уворовали, и мясо продавали, и чарвонцы подобрали!»—Прошу вашія милосьци, кабъ вы здзѣлали штуку якую ксяндзу, кабъ я посмяявся ли ксяндза, а то ксёндзъ мнѣ дужо смяётца!.. Вотъ яны написали яму число, кабъ у такій и такій день ёнъ пріѣхавъ у косцёлъ на̀ мшу. Ну вотъ, яны подъ тое число подышли къ ксяндзу и наготовали сабѣ мѣхъ большій шкурациный, якъ ковальскій, и наловили торбу раковъ, и насукали свѣчачакъ, да такихъ тонянькихъ, усякому раку по свѣчачцы. Вотъ, свѣчку запалять, да раку у клюбы дадуть,—ёнъ списпя, яны яго и пусцяць по двору: енъ повзе и свѣчачку нясѐ. Яны усю торбу ету раковъ распусцили, яны и повзаюць и свѣцюць, ето, по двору. А сами, вотъ, пришли къ вокну, да вокно выняли, да обаполъ вокна двѣ свячи запалили, а сами стали за лутками, и мѣхъ держуть. А ще у мѣхъ усыпали гарцовъ дватцаць сажи, етыя, которая у комини выцираетца. Тоды стали кричать: ксен—жа бо—жій! При—славъ Богъ ан—га́—ловъ по тво—ю ду—шу̀ спа—сеньня! Ксёндзъ спросоньня усхапився, зирнувъ, што ажъ зьяя увесь дворъ—свѣчки горать. Тоды яны опять жа сказали: ксен—жа бо—жій! При—славъ Богъ ан—га́—ловъ по тво—ю ду—шу̀ спа—сеньня!—«Куды мнѣ, каа, ицць?»—А въ вокно, каа. Тутъ ужо наготованъ мѣхъ, тольки лѣзь!.. Ну, ёнъ у вокно. Яны яго защапили, и понясли икъ косцёлу къ дверамъ, ли косцелу повѣсили, ли дзярей. Ето къ тому дню наготовили, якъ царъ пріѣдя на́ мшу. Повѣсили мѣхъ, на мяху положили булаву и написали такъ: «хто етою булавою удара, тому дасть Богъ спасеньня; а хто моцнѣй удара, то ще больше спасеньня будзя!»

Ну, пріяжжая царъ у на̀ мшу. Приходзя къ косцёлу и видзя—висиць мѣхъ и ляжиць булава, и написано: «хто три разы удара, тому дасть Богъ спасеньня!» Енъ разъ ударивъ—мовчить, ксендзъ тамъ, тярпить. Другій разъ ударивъ—мовчить; третьтій разъ якъ ударивъ, ксендзъ ужо ня вытерпѣвъ и кричить: ой! Ну, сичасъ жа зняли тэй мѣхъ, стали развязавать. Вылѣзъ оттуля ксёндзъ, усё ровно якъ чортъ удѣлався у сажу—вѣдомо, гарцовъ дватцаць яѐ тамъ было! Ставъ тоды царъ смяятца съ ксендза: «няхай жа я шубу подяливъ, козла отдавъ, говядину куплявъ, чарвонцы потдававъ, а то й ты во: табѣ треба имшу служить, а ты во ў мяху сидишъ!»

И за етымъ енъ ворамъ давъ чистый бялетъ во всю свою зямлю: усё вамъ своё прощаю, и бялетъ вамъ чистый даю!..

Д. Шараховскія Буды, рог. у. Кр. Максимъ Петровъ, 50 лѣтъ, негр.

У насъ было много пересказовъ этой сказки изъ гом. и сѣнн. уу. Мѣсто царя въ нѣкот. изъ нихъ занимаетъ панъ. Онъ присуждаетъ штуку заграничнаго сукна, украденную у него, вору Антону, назвавшемуся дворяниномъ, т. к. вору—холопу—не пристало-де носить платье изъ загр. сукна. Ср. Афан. VI, 64, 72; V, 27.

20. Не любо—не слушай.

Нѣўкоторомъ царстви, нѣўкоторомъ государстви, и имянно ў томъ, идзѣ мы живёмъ, у дзяревни жило сабѣ три браты: два разумныхъ, а третьцій дурень. Братьци разумные были ковалями. Подзѣлали сабѣ ружжи и стали ходзиць на охвоту, а дурень ляжиць сабѣ на печцы, ноги задравши, ничого сабѣ и не думая. Браты ходзили, ходзили—и толку мало. Давай сваритца на дурака. «Давай мы яго возьмемъ съ собою, што енъ ляжиць? Будземъ дурно хлѣбомъ кормиць! Ты, дуракъ, сякій-такій ляжишъ, ничого ня дѣлаешъ, а мы страждаямъ, работаямъ, куёмъ, стараямся, а ты бязъ пользы ў насъ! Заўтра поцягнямъ цябе на охвоту, посмотримъ съ цябе старанія, што ты намъ забъёшъ?» Здѣлали яму ружжо; ёнъ яго подзержавъ и бросивъ: «на што яно мнѣ, ружжо? Я зъ дубинкой лучче забъю!» Пошли по лясу. Ходзили, ходзили яны дзень—няма ничого. И ўдругъ, нападаець етый дурень косцеръ дровъ, и гукáець, кричиць па ўвесь лѣсъ, гукаець етыхъ разумныхъ сюды. Яны думали, што енъ забивъ якаго небудзь звѣря, прибѣгаюць къ яму̀. «На што ты насъ гукавъ?»—А вотъ, нашовъ я косцеръ дровъ; у васъ ёсць хлѣбъ и сало, дакъ вотъ можно разложиць цяпло да подъѣсць, а то цѣлый дзень ня ѣвши ходзимъ, такъ! Яны поругали яго: «ахъ ты, говора, дурень! Ты насъ збивъ съ свойго пуця, што мы йшли своимъ пуцёмъ!» И бросили яго, и пошли своей дорогой, по лясу̀. А дурень етый пошовъ сабѣ.

Опяць етый дурень нападаець кустъ хорошій, отличный, и тамъ было разныя дерева, и такъ по подобію, што яму̀ ловецъ надо здзѣлаць, сало печь. Вотъ енъ тоды опять гукаець братовъ; справивъ на ўвесь лѣсъ крикъ: сюды, братцы! Етые браты, почувши: вотъ жа, говорюць, вѣрно дурень што-нибу̀дзь попавъ, якую-нéбудзь звярину; пóйдземъ, говоря, къ яму̀ на рятунокъ! Начали яго искаць,—ёнъ сядзиць на колодзи, коло етаго куста й кричиць: сюды, братцы! Ины прибѣгаюць и спрашиваюць: «ну, што ты, говорюць, дурень, кричишъ? Забивъ кого?»—Зашто я, кажа, буду биць,—мяне нихто не забидзивъ. Да вотъ хорошій кустъ нашовъ,—можно ловцовъ надзѣлаць; а у васъ сало; разложимъ цяпло да подьядзимъ! Яны опяць на яго давай кричаць: «ахъ ты, дурень негодный! Насъ испу̀цивъ, зъ дороги збивъ! За тобой намъ ниякія удачи нема. Больше и бу̀дзешъ гукаць, дакъ ня пóйдземъ!» Етый дуракъ пошовъ сабѣ, а яны пошли сабѣ такжа своимъ пуцёмъ.

Етый дурень ходзивъ, ходзивъ по лясу,—попадаець звѣря—мядзьвѣдзя. Ставъ обратца зь имъ, а мядзьвѣдзь етый зь имъ споритца. «Нѣ, говоря, ня пущу! Браты и такъ на мяне сварились, сказали, што на помочь ня придуць. Треба мнѣ самому ихъ шукаць!» Тоды мядзьвѣдзя етаго за вуши, самъ вярьхомъ на яго, усё ровно, якъ ў родзи на лошадзь, и поѣхавъ братовъ шу̀каць. Ѣздзивъ, ѣздзивъ, мядзьвѣдзя етагоуморивъ до пуха, што ўже мядзьвѣдзь и мóкеръ ставъ. Тоды нападая братцовъ

и говоря цихонько: «сюды, говоря, братцы! И самъ я ўморився, и мядзьвѣдзь уморився, а вы, говоря, и ня слышиця!» Яны говоруць: ну, што мы будземъ зь имъ дзѣлаць? Вô, што дзѣлаць? Тутъ ужо звѣстно, што дзѣлаць! Одзинъ ружжо зарядзивъ—бахъ у яго, другій—бахъ! А енъ за вуши дзяржиць. Мядзьвѣдзь повалився. «Што жъ цяперь будземъ дзѣлаць, убивши мядзьвѣдзя?» А дуракъ етый говоря: вотъ што будземъ дзѣлаць: коли бъ у насъ бывъ лошадзь, дакъ бы мы ускlали бъ, да и повязли бъ домовъ! А бóльшій братъ говоря: «што жъ, говоря, повязёмъ? Давай тутъ, говоря, разбяремъ!»—А што жъ мы, разобравши, будземъ дзѣлаць?—«А вотъ, отрѣжимъ по куску, да цяпло разложимъ, да зжаримъ по куску да зьядзимъ!» А дуракъ тогды говоря: «што жъ мы будземъ яго гадзиць? У васъ жа ёсць сало да хлѣбъ!» —Эге, говоря разумный: дакъ мы што брали, тое и зьѣли!—«Да, дакъ вы, говоря, желаеця зь мяне добычи? Упярёдъ вы мяне кормили, а цяперь я васъ! Што жъ мы будземъ яго жариць, у насъ жа и огню нема?»—Ну, ничóго, што огню нема: узлѣзь, который, на самое высшая дзерево ды посмотри, можа дзѣ огонь увидзишъ, тогды можно за 'гнёмъ сходзиць!.. Удругъ бóльшій братъ и полѣзъ па дзерево. Тоды оттуль и говóря: вотъ, говóря, на правой стôрони огонь видаць и якоесь-то сяленіе! Злажуець доловъ. «Ну, хто жъ у насъ за 'гнёмъ пôйдзець?»—А ўже жъ довжôнъ ициць сярэдній братъ разумный! Тэй пошовъ.

Приходжуя у тое сяленіе, уходжуя зъ лѣсу,—коло лѣсу овинъ. У овини огонь горицъ; тамъ старикъ кучу вѣиць змолоченную рожи. Ёнъ говоря: «Богъ помочь табѣ, старикъ!» Старикъ отвѣщая: здоровъ! Што ты пришовъ?—«А я пришовъ, говоря: вызволь мнѣ, дзѣдушка, огню!» Ёнъ говоря: нѣтъ, говоря, огню у мяне даромъ нѣту!—«Ну, што жъ табѣ даць?»—Да платы я съ цябе не возьму, а скажи мнѣ сказку, и прйказку и третьцю нябыльнйцу. А не скажашъ, дакъ огню не дамъ, и съ спины полосу выряжў, да яшной мякиной натру, да й мятлой дррэнной изъ гумна пропру!.. Етый тода молодзецъ думавъ, думавъ: «не знаю, говоря, ничóго!»—Ну, не знаешъ, дакъ вотъ што! Сичасъ ножъ вынявъ, полосу знявъ, яшной мякиной нацёръ, да дррэнной мятлой изъ гумна пропёръ. Приходжуя етый братъ къ своимъ братомъ, къ дураку и къ бóльшаму разумному. «Ну што, дзѣ твой огонь? Мы тутъ прождалися!»—Да што, тамъ якійся старикъ, да огню не даёць, а распросивъ, хто у васъ старшій, довжôнъ тэй прициць за огнемъ! Пошовъ етый старшій за огнемъ.

Приходжуя къ дзѣду. Дзѣдъ кучу вѣя. «Здрастуй, дзѣдъ! Богъ помочь!»—А, здоровъ, благодаримъ покорно! Што жъ скажашъ? Ци гуляць пришовъ?—«Нѣ, не гуляць, а пожалуста, дѣдушка, одовжи огоньку!»—Нѣ, говоря, добрый молодзецъ: у мяне даромъ огоньку нѣту. А коли хочешъ огоньку, дакъ скажи сказку, прйказку и третьцю нябыльнйцу. Ну не скажашъ, дакъ и огоньку не дамъ, и съ спины полосу выряжу, яшной мякиной натру, и дррэнной мятлой зъ гумна пропру!.. Етый думавъ, думавъ, молодзецъ—не зная ничóго. «Што жъ ты, молодзецъ, мовчишъ, думаешъ? Коли думаешъ, дакъ говори!»—Нѣ, дѣдушка: Богъ табѣ съ тобой и зъ имъ, съ твоимъ огнёмъ! Я пойду безъ огня!—«Нѣ, говоря дзѣдъ: кажи сказку, а не скажашъ, дакъ полосу выряжу. Такъ не пущу!»—Не знаю!.. Тэй сичасъ ножъ выхвацивъ, полосу съ спины выправивъ, яшной мякиной нацёръ, и поганой мятлой изъ гумна пропёръ. Етый братъ приходжуя къ своимъ братомъ, идучи и плача ужe.

Дурень и спрашуя: «што жъ ты, говоря, огня не принёсъ? Одзинъ ходзивъ, не принёсъ, и другiй такъ пришовъ!»—Ахъ ты, говоря, дуракъ ты окаянный! Лучче бъ ты етаго звѣря ня бивъ, лучче бъ мы зъ голоду поссыхали, а цяперь дакъ и ня ѣли ничого, и причину получили! Приходжуетца табѣ ици за ’гнёмъ, а коли ня пойдзешъ, дакъ мы бросимъ цябе тутъ исъ твоей добычай,—будь ты неладзенъ соусимъ и зъ добычай и съ охвотой!—«Ну, што жъ, говоря: ещё объ етымъ треба клопоциць! Коли огня нѣту, дакъ и добычу бросиць! Я сичасъ сходжу! Тольки пожалуста, братьци, штобъ ня ўходзили и мяне не бросали. А я огню сичасъ приставлю!»

Дуракъ приходжуя у етый овинъ, старикъ уже кучу згребаець. «Богъ помочь, дзѣдушка!»—Благодаримъ, говоря, молодзецъ! Што мнѣ скажашъ?—«А вотъ, говоря, дзѣдушка: одовжи мнѣ огоньку!» Дзѣдъ отвѣщая: у мяне огоньку даромъ нѣту, а коли хочешъ огоньку, дакъ скажи сказку и прикàзку, и третьцю нябыльнйцу. Ну не скажашъ, дакъ и огоньку не дамъ и съ спины полосу выряжу, яшной мякиной натру и поганной мятлой зъ гумна пропру!—«Можно! Тольки съ тымъ злучаемъ, кабъ бряхни не было. Узлучай, я не скажу сказку, приказку, третьцю нябыльницу, дакъ ты у мяне полосу вырѣжешъ; а ўзлучай, ты бряхню задаси, збунтуешъ мяне, дакъ я ў цябе па спини полосу выкрою, яшной мякиной натру, да й огню возьму!» Етый старикъ говбря: ну, ну, ну, говоря, кажи!—«Што жъ, говоря,—кажи! Ето жъ надо сѣсць, да й разсказавацъ!»—Ну, идзѣ жъ мы съ тобою сядземъ?—«Во, у вовини спрашуя, дзѣ сядземъ! Споповъ по бяррэму вóзьмемъ да й сядземъ, одзинъ къ одному поближе, штобъ слухацъ ловчѣй, разсказавацъ!»—Во, думая дзѣдъ, попався я ў лапы къ дураку!—«Ну-ка, ну, дзѣдушка, слухай,—я буду разсказавацъ. Вотъ, ишовъ я, говоря, по лясу, и чую крикъ, а якiй крикъ—ня звѣстно. Я сюды на етый крикъ якъ можно спяшиць, на рятунокъ. Приходжу сюды—щамéль изъ мядзьвѣдземъ бъéтца. Тоды я исказую: «што вы ето дзѣлаеця? Што ў васъ не хвацило?» Мядзьвѣдзь сказуя: енъ на моихъ тьвятохъ бярéць мёдъ! А щамель отвѣщая: нѣ, говоря, тьвяты не твоѐ, тьвяты Божжiе, а ты ихъ топчешъ,—мнѣ ихъ брацъ нéйдзи!—«Ну, што, говоря мядзьвѣдзь, зъ имъ дзѣлацъ? Пособъ мнѣ яго убиць, я табѣ дамъ два пуды меду!» А щамель отказуя: «нѣ, говоря, поможи мнѣ забиць яго: я табѣ дамъ одзинъ пудъ меду, а добыча твоя ўся!» Я мядзьвѣдзя за вуши, а щамель дубинкой, да мядзьвѣдзя уколоцили. Тоды щамель говоря: вотъ добрый человѣча! Бяри пудъ мёду, а мядзьвѣдзь твой увесь!..» Етый старикъ стоиць и подумливая: вотъ, попався у лапы къ дураку! И говоря: ну, ну, ну, дальше!—«Ну вотъ, цяперича одну кончили, начинаемъ другую!»—Ну, ну, говоря, говори, послухаемъ, дзѣлацъ нечаго!—«Цяперича, я ишовъ по лясу. Ходзивъ, ходзивъ цѣлый дзень, да ўже йзъ мочи выбивсь, да уже наконецъ и ѣсць хочетца. Иду я и думаю: што тутъ, кабъ што-нибудзь поѣсць? Иду я, и слышу—у осиповымъ дзереви дзятлы йграюць. Ну, хоць нельзя, а надо якъ-нибудзь достаць ихъ да поѣсць! Я ўзлѣзъ на ето дзерево, ставъ ихъ доставаць—увесь улѣзъ. Дзятлы заговорили: «ахъ, дзядзя добрый, ци на ночь пришовъ, ци намъ што скажашъ?»—Нѣ, кажу я: ни на ночь пришовъ, ни сказаваць—я ѣсць хочу!—«Да у насъ нечаго!»—Я васъ поѣмъ!—«Подожжи, кажа, добрый человѣкъ: сичасъ оцецъ приляциць, принясéць говядзины!»—Якой говядзины?—«Да за кóрой дзѣ-

нибудзь червячка достаня!»—Да што жъ мнѣ изъ етой говядзины: я етой говядзины ня ўживаю! Тоды я начавъ, узявъ и поѣвъ ихъ. Ну, поѣвши, треба уже домой уходзиць. Помѣряю рукў—ня лѣзя вонъ, помѣряю ногў—и нога ня лѣзя; помѣряю головў—и голова ня лѣзя! Тоды сяджу и думаю: што мнѣ дзѣлаць? Вотъ прйдзетца у етымъ дуплѣ пропасци! Адылй думаю: што жъ ето я? У мяне жъ у доми топоръ ё! Збѣгавъ я за топоромъ, а тутъ уремя—ўже скоро сонца зайдзя, мнѣ зѣваць неколи,—я ўзявъ да побѣжавъ рысьсю домовъ, топоръ узявъ, прибѣжавъ, дуплё ето разсѣкъ, тоды вылѣзъ и самъ... Ну што, дзѣдушка, хороша сказка?»—Хороша, хороша!—«Ну, будземъ дальше говорицъ!» Дзѣдъ сядзиць и думая: вотъ попався ў лапы!—«Назаўтраго я ураньни погнавъ скоцину пасци у поля, мимо поповыя нивки. Тамъ, на поповой нивки, стоиць дубъ большій. И чую, штось то тамъ шаволитца: и шумъ, и стукотъ большій. Приходжу я поближе, бачу—на дуби поповы рабяты горохъ молоцюць, а самъ попъ сядзиць у кресли на самой макушцы, и смотриць на ихъ, кабъ яны не баловались. Я приходжу поближе и сказую имъ: Богъ помочь вашай работи! Бацюшка отвѣщая: спасибо, добрый молодзецъ! Ходзи жъ, говоря, дамъ горошку! Сичасъ я подходжу, подставивъ шапку, насыпали мнѣ гороху у шапку. Тоды я пошовъ къ своимъ лошадзямъ, ставъ етый горохъ ѣсць. Горохъ бывъ смашный, отлишный. Я ето забавлятца, забавлятца—поѣвъ горохъ. Поляджу—моихъ лошадзей нѣту! Я тоды лошадзей искаць своихъ: я и по лясу, я й по болотамъ... Выходжу зъ лѣсу, идуць болоки сусимъ коло самыя земли. И ето мнѣ уздумалось, што якъ узойдуць лошадзи на етыя болоки, дакъ тоды зайдуць яны на той свѣтъ: тоды уже не найдзешъ ихъ! И ўзлѣзъ я на етыя болоки. Иду по ихъ дальше и дальше. Болоки еты—якъ по полю—низко, якъ къ лѣсу—подымаютца повыше; и дальше-больше—подъ небо! И такъ я ходзиць по ихъ—стоиць роща зялёная. И думаю сабѣ: икуратъ, яны по етыхъ по болокахъ и ўзышли у етўю рощу! Приходжу сюды—ажны ето рай. И спрашуюць у мяне сторожа: што ты, добрый человѣкъ, сюды заблудзивъ?—«А ци не зайшли сюды моё лошадзи?» Яны говорюць: твоё лошадзи тутъ ня были и ня будуць! Пошовъ я кругомъ етаго раю, ближе къ пеклу. Тамъ, посмотрю,—людзи грѣшные возюць смолу у пекло. И виджу я—твой оцецъ и мой оцецъ возюць смолу. Твой жа оцецъ у воглобляхъ, а мой за поводыря. И твой оцецъ приставъ. Тоды мой оцецъ говённымъ лычкомъ яго за бороду зачапивъ да й тоща, а поганой дубинкой погоняя...»—А брешашъ, говоря, окаянный!.. Ёнъ тоды вынимая ножъ, а дзѣда бярець за ковнерь и рѣжецъ на ёмъ полосу. Дзѣдъ говоря: «а добрый молодзецъ, бяри огню, скольки хочешъ,—мы съ тобой поладзимъ!»—Нѣ, дзѣдъ, такій у насъ бывъ договоръ: и по заслузи и плата! И ўбачивъ на сцянѣ, на количкахъ двѣ полосы. «А ето жъ што за такія за штуки?»—А ето у мяне были два молотцы,—просили огню, да не дали ниякаго отвѣту!—«А, коли жъ такъ—дакъ нема табѣ прощеньня!» Узявъ, у дзѣда полосу знявъ, яшной мякиной нацёръ, и поганой мятлой зъ гумна пропёръ. Узявъ етыя полосы и пошовъ къ братомъ. А браты ожидали яго, ожидали, и говорюць: «нѣ, коли намъ бывъ такій злучай, а яго давно и ў печцы зжогъ!»

Приходжуя енъ, принощуя огню, спрашуя: «ну што, браты, прождалися мяне? Вотъ я, говоря, и 'гню прибывъ!» Яны стали 'гонь раскладаць, согрѣлися и раздзѣлися,

сидзяць у одныхъ рубашкахъ. И рубашки у крыви. «Што ето у васъ рубашки ў крыви? Ци не ето ваши штуки, што у васъ дзѣдъ познимавъ?»—Такъ, говорюць, тошно ето! Сичасъ ёнъ повёвъ ихъ къ болоту, обмывъ ету мякину у ихъ, приклавъ етыя полосы, да попришивъ ниткой. Тоды начали мядзьвѣдзя етаго жарицъ,—жарицъ да споживаць. Вотъ, и казка ўся.

М. Пропойскъ, быx. у. Кр. Василій Петровъ, 57 л. негр.

6, Нѣўкоторомъ царстви, нѣўкоторомъ госўдарстви, имянно у томъ, у якомъ мы живемъ... Починаетца казка... Живъ сабѣ кравецъ. И ня було у яго отца. Цяперяка, поживъ ёнъ нѣскўльки уремя, дождався енъ, што родзився у яго оцецъ. Тоды ёнъ, значитца, рядъ старятца дли 'тца добыць водки цѣлую кухву и поѣхаць у подвалъ. Нў (вм. но) у яго нѣту лошадзи, запречь нéкого. Пошовъ енъ туды-сюды къ сусѣдзимъ. Просиць коня—нихто не даéць. «Ну, постой жа,—я й безъ васъ обойдуся!» И запрёгъ муху и комара у цялегу и поѣхавъ у подвалъ за водкой. Пріѣхавши, торговатца зъ винокурщикомъ за водку: скольки табѣ дать за цѣлую кухву? Ну, сторговались яны; дзеньги отдавъ, тоды навалили ету кухву. Повёзъ ёнъ яѐ. Привожуя зъ горки у лощину, а тутъ опяць надо зъ горки подыматца. Муха и комаръ не вязéць. Енъ кнўтомъ поцягнувъ муху и комара. Муху соўсимъ засѣкъ, а комаръ одзинъ поцягнувъ—перервався. «Дай жа, говоря, зъ досады хоць водки напьюся, и подожду, можа хто будзя ѣхаць, дакъ попрошу, штобъ довёзъ!» Легъ отдыхаць, выпивши водки... Бочка рассохлася, водка поцякла по колюгахъ вонъ. Откудова бывши, журавли наляцѣли. Стали пасьвитца суды, къ етому возу. Видзюць—возъ, мужикъ спиць. Яны захоцѣли пиць. Видзюць водку по колюгахъ. Яны ету водку давай пиць. Напилися етыя водки—во й лягли отдыхаць, ляцѣць нéкуды. Етый кравецъ уже прошнувся, Видзиць, што журавли лежаць, напившись горѣлки. Начавъ ёнъ чапаць да подъ поясъ. А самъ яще водки напився и лёгъ и ёнъ отдыхаць изъ журавлями. Пóтомъ. етые журавли проспалися, а ёнъ спиць. Сичасъ журавли етые кудырлу, кудырлу!—и поляцѣли, кравца етаго и понясли. Кравецъ етый прошнувся, видзиць, што дзѣло плохо—и осталáся и водка, и нясуць яго бязвѣстно куды. Ножичакъ у яго у кармани. Ёнъ сичасъ узявъ, отрѣзався отъ етыхъ журавлёвъ—и павъ ёнъ у болото, уѣхавъ ёнъ по самую головў. Тутъ покамясь посядзѣвъ дзень—два,—откудова вутка тутъ явилася. Подумала, што купина, волосы яго звярцѣла туды, сюды, и здзѣлала гнядо. Напесла яецъ. Ёнъ сабѣ сядзиць и думаець—што тутъ дзѣлаць? Прибѣгая заяцъ; сичасъ за яечко, обороцився къ яму задомъ и ставъ ѣсць. Ёнъ сичасъ уплёвся за хвостъ, и сичасъ крикнувъ: утў! лю! Заяцъ ирванувся и побѣгъ, и остався зайцовъ хвостъ у рукахъ. Вотъ кравецъ и подумливая: што тутъ будзя? Сядзиць дзень —два, удругъ, тутъ, черезъ нѣскульки уремя, прибѣгая вовкъ—нападая етыя ячки у яго въ хохлѣ. Опяць, вовкъ ставъ етыя ячки ѣсть и ставъ задомъ. Енъ етаго вовка за хвостъ, закруцивъ ладно коло рукъ, обѣручь уже. Вовкъ думая, што ето галюки, и ня думая, што ето на яго причина злучилася! А тоды опяць крикнувъ уво ўсю силу: утў! улю! Вовкъ якъ спужаетца—и потдща етаго кравца зъ болота вонъ, на сухое мѣсто.

Кравецъ етый видзя, што слава табѣ Господзи,—цяперь уже живымъ останусь! Приходжуя домовъ, ажъ оцецъ уже и бѣгая,—не дождався и горѣлки. И цяперь живуць.

Тамъ же, отъ того же. Ср. Чуб. 83, 517. Драгом. 338. Сказка весьма распростран. въ губ. У насъ было 12 списковъ ея, запис. въ различн. уу.; кромѣ того, во время поѣздки, *казанники* почти всегда предлагали разсказать её.

22. Дурные люди.

а, Якъ живъ сабѣ дзѣдъ изъ бабой, и была у ихъ дочка. Тольки кажець дзѣдъ баби: а што, баба, приймемъ мы зяця къ дочцѣ? Баба кажець: приймемъ! Приняли зяця солдата. Разъ зяць поѣхавъ у поле орадь, бацька дома застався, баба стала печку топиць, а дочка пошла молоць у жорны. Молола йна, молола, ажны лопацéнь изъ жорнувъ вывалився. Тоды стала ина плакыць. Пла́чець и приговариваець: «што кабъ у мяне дзицятка було, ды я бъ яго на загнéци пысадзила, лопацень вываливси, дзицятка бъ забивъ...» Приходзиць матка; спрашіець: чаго ты плачешъ?—А того, што кабъ я дзицятка мѣла, ды на загнеци пысадзила бъ, а лопацень вывалився, дзицятка бъ забивъ... Стала й матка плакыць. Плачуць удвоихъ. Приходзиць бацька. «Чаго вы плачеця?»Кажець яму баба: а того, што кабъ наша молодзица дзицятка мѣла, ды на загнеци пысадзила, а лопацень вывалився, дзицятка бъ забивъ... Заплакавъ и дзѣдъ. Плачуць утроихъ. Зяць на поли ждавъ, ждавъ обѣдаць, нихто ня йдзéць. Приходзиць у дворъ, ажны дома уси плачуць. Якъ увидзили зяця, стали уси яго ругаць: «чаму ты лопатня не забивъ? Молодзица у жорны молола, лопацень вывалився; а кабъ ина дзицятка мѣла, ды на загнеци пысадзила, дыкъ лопацень дзицятка бъ забивъ..» Усердзився зяць, плюнувъ и пошовъ упрочьки.

Шовъ, шовъ дорогою, зашовъ къ одному ходяину, ажны тамъ обѣдыюць: ядуць кисель изъ сытой—зачерпнуть по ложцы киселя, а тоды уси идуць у клѣць кисель у сыту макаць; зьядуць, знова зачерпнуць, и знова идуць у клѣць макаць. Тоды солдатъ кажець: «што вы гэто дзѣлаеця?»—А ци ты ня видзишъ: кисель исъ сытой ядзимъ!—«Ды якъ жа вы ясцё: усё у клѣць ходзиця у сыту макаць! Кыли дасцё мнѣ побѣдыць, дыкъ я васъ наўчу, якъ треба робиць, кабъ усё у клѣць не ходзиць!» —Дóбро, дадзимъ, тольки наўчи! Солдатъ наклавъ у миску мёду, наливъ воды и поставивъ па столъ. Стали уси ѣсци, и солдатъ побѣдавъ. Подзякувавъ ёнъ и пошовъ дали.

Идзéць; пора подыйшла полуднуваць. Зайшовъ ёнъ у водну хату, видзиць—дзѣдъ изъ бабой стояць на крыши и вола за роги цягнуць туды. «Што вы гэто дзѣлаеця?» —А ци ты ня видзишъ? На крыши трава выросла, дыкъ мы хочемъ сюды вола ўсцягнуць, кабъ ёнъ гэту траву поѣвъ! Тоды солдатъ кажець: «коли дасьцё менѣ полуднуваць, дыкъ я васъ наўчу, якъ траву достаць!»—Дóбро, дадзимъ, тольки наўчи! Узявъ солдатъ серпъ, траву на крыши пожавъ, и волу скинувъ. Накормили дзѣдъ зъ бабой солдата, подъѣвъ ёнъ и пошовъ.

Идзéць по дорози, видзиць—строюць людзи хату, и ўсё па сцяпѣ цягаюць бярно. Солдатъ кажець: «дзень-добрый вамъ! Што гэто вы, добрые людзи, робиця?»—А ци ты ня видзишъ? Вó бярно корóтко, ня приходзитца, дакъ мы яго хочемъ выцягнуць! Солдатъ кажець: «коли дасьцё мнѣ грошій, дыкъ я вамъ яго выцягну!»—Добро,

дадзимъ! Солдатъ узявъ изъ груда довгое бярно, примѣривъ къ сцянѣ, обцясавъ, и вышло бярно акуратъ. Дали солдату за гэто два рубли; енъ узявъ и пошовъ дали.

Видзиць, мужикъ построивъ новую хату и усё нѣшто у хату лукошкомъ носиць. «Дзенъ-добрый, кажець солдатъ: што ты гэто робишъ?»—А во, построивъ хату, ды цёмно у ёй, дыкъ я хочу сонца у хату напусциць!»—Коли даси мнѣ грошій, кажець солдатъ, дыкъ я табѣ сичасъ цѣлую хату сонца напущу!»—Добро, дамъ! Узявъ солдатъ топоръ, просѣкъ вокны, и стало у хаци свѣтло. Давъ солдату мужикъ три рубли, ёнъ подзякувавъ и пошовъ дали. Идзець, а ўжо ночь на дворѣ. Зайшовъ енъ уво 'дну хату. «Дзенъ-добрый! ходяинъ, пусци нучувацъ!»—Ночуй! Солдатъ заночувавъ. Тольки кажець ходяинъ своёй баби: треба намъ, баба, барана зарѣзаць! Привяли барана у хату; хочуць рѣзаць, а енъ прамо на цяпло глядзиць. Тоды кажець мужику баба: якъ мы яго будземъ рѣзаць, коли енъ намъ у вочи глядзиць? А солдатъ кажець: «я вамъ гэтаго барана такъ зарѣжу, што ёнъ у вочи ня будзець глядзѣць, только вы мнѣ дайця за гэто бараньнюю гылову!»—Добро, зарѣжъ! Пыгасивъ солдатъ цяпло и отрѣзавъ барану гылову. На другій дзень узявъ солдатъ бараньнюю гылову и пошовъ дали.

Ишовъ, ишовъ, заходзиць по дорози къ шляхтамъ, ажны тамъ на гумнѣ паничи молоцюць. «Дзенъ добрый вамъ, кажець солдатъ: чи ня можно мнѣ у васъ бараньнюю голову обсмолиць?»—Нѣ, тутъ няможно, а идзи лѣпи у хату: наша матка печку топиць, дыкъ ты у яе обсмоли гылову! Пришовъ солдатъ у хату и кажець: паничы казали, кабъ я ў цябе гылову обсмоливъ! Матка зыголосила: якъ гэто солдатъ хочець мнѣ гылову обсмолиць? Што хочешъ бяри, тольки не смоли!—«Добро, кажець солдатъ: дай сто рублей, дыкъ ня буду смолиць!» Ина дала яму сто рублей, солдатъ и пошовъ барджѣй дали. Тымъ часомъ, пришли паничи у дворъ, ажны матка голосиць: «што гэто вы сказали солдату у мяне гылову обсмолиць?»—Ды гэто жъ мы казали бараньнюю, а не твою: енъ цябе подманивъ! Тутъ большій паничъ уссѣвъ ны коня и поѣхавъ сылдата дыгоняць. А солдатъ тымъ часомъ вывярнувъ армякъ и шапку найзнапку и идзець по дорози. Дыгоняець яго паничъ и не спознавъ солдата. «Дзенъ-добрый, чаловѣкъ! Ци ня видзѣвъ ты, ци ня йшовъ тутъ солдатъ?»—Видзѣвъ, кажець солдатъ: во въ гэтый лѣсъ побѣгъ! Поѣхавъ паничъ у лѣсъ—неякъ на коню проѣхаць! Вярнувся енъ назадъ и кажець солдату: на, чаловѣкъ, подзяржи пожалуста мого коня, а я пойду ў лѣсъ солдата дыгоняць! Пошовъ паничъ у лѣсъ, а солдатъ тымъ часомъ барджѣй ны коню, и пріѣхавъ у дворъ.

Дзивютца дзѣдъ изъ бабой: откуль гэто зяць стольки быгатьця набравъ! И пытаютца у яго: идзѣ ты гэто стольки грошій набравъ? А солдатъ кажець: «гэто я овесъ моловъ, кисель варивъ, у кошель ливъ и на рынку продававъ,—во й зарббивъ гроши!» Стало баби завидно. Намолола ина овса, наварила киселя и кажець дзѣду: «на, дзѣдъ, няси на рыныкъ продаваць!» Дзѣдъ завязавъ кисель за плечи, а баба кажець: «глядзи жъ ты, дзѣдъ, гроши ня пропи, уси у дворъ приняси!» Узяла дзѣда жаль. Ставъ енъ ны колѣнки и кажець: «кабъ я счарнѣвъ, коли гроши пропью!» Поклонився у землю, и кисель увесь а выцекъ дзѣду на лысину...

С. Пустынки, сѣнн. у. Запис. Д. Л. Козловская.

Въ томъ же уѣздѣ сказка начинается и такъ:

1, Было три братьци: два разумныхъ, третьцій дурный. Была у ихъ матка старуха. И было у ихъ много грошій. Братьци пошли расъ на работу, а матка осталася дома. Узяла ина ды стала носиць гроши на сонца, перасушуваць. Ажны идзёць солдатъ зъ ясными пуговицами. «Здрастьви, бабка! што ты дзѣлаешъ?»—Ды вотъ, грошики перашушую. Ды нѣшто ты такій яшный? Ти не крашное ты шовнійко? Перашўши моѐ грошики!—«Давай, бабка, перасушу!» И отдала баба солдату гроши. Приходзюць сыны яѐ зъ работы. «А дзѣтычки моѐ! отдала шъ я грошики перашушить яшному шовнійку!» Сыны яѐ разсердзились на яе, и говоруць два разумныхъ: «забъёмъ мацеру!» А дурный кажець: «нѣ, постойця, братцы, ня будземъ биць: я пойду въ свѣтъ и пойщу: коли ёсь дурнѣйшіе за нашія мацери, дыкъ ня будземъ биць; а коли нема дурнѣйшихъ, дакъ забъёмъ!» И пошовъ у свѣтъ... *М. Черея.*

2, Живъ дзѣтъ зъ бабый, ѣли хлѣпъ съ папый, и было у ихъ двоя дзицей—сынъ и дычка. А тоды людзи ще были дурныи. Расъ дычка пышла зы водой, ажну тамъ ѣдзець шляхцицъ. Увидзивъ дзѣвку и кажець: дзѣвка-дзѣвица, напой мойго кыня! Я, оттуль ѣдучи, возьму цебе замыжъ. Ина послухыла и напоила. Ёнъ поѣхывъ, а ина стала скыкаць ли колодзеся,—жджéць, покуль ёнъ вéрнетца. Матка ждала, ждала, не дыждалысь и сыма пышла за ёй. Приходзиць, ажну дычка скачець. «Што гето ты скачешъ, а воды не нясéшъ?» А дычка кажиць: якъ жа мнѣ не скыкаць? Ѣхывъ тутъ у синимъ, ны кони сивымъ и скызавъ, што кыли я ныпою кыня, дыкъ енъ вóзьмецъ мене замыжъ. Дыкъ я стою и жду, покуль ёнъ вéрнетца!.. И матка стала скыкаць. Скыкали, скыкали,—приходзиць къ имъ дзѣтъ: што вы тутъ жджыцё? Яны яму рысказали. Ставъ и дзѣтъ ждаць ды скыкаць ли колодзеся. Пошовъ тоды за ими сынъ. «Чаго вы тутъ жджыцё? Яны рысказали. Плюнывъ имъ сынъ у вочи и пошовъ у чужую сторонў искаць разумнѣйшихъ людзей... *Д. Бутримово, остр. вол.*

6, Живъ сабѣ старикъ,—топорищамъ бородў брѣявъ, заступилномъ потперазувався,—и была у яго одна дочка. Отъ ёнъ принявъ сабѣ зятя. Пошли разъ старикъ и старуха на вясельля, а зять поѣхавъ у лѣсъ по дровы, а дочка стала ткать кросны. Ткала, ткала, и ўпавъ у яѐ човникъ потъ кросны. Отъ яна сядить да й плача. Пришли яѐ батьки домовъ, а яна плача. Яны и спрашуять: чаго ты плачашъ?—А якъ жа мнѣ ня плакать: ткала я, ткала, и ўпавъ у мяне човникъ. Дакъ коли бъ дитя у насъ було, то бъ човникъ и ўбивъ ба!.. Стали и яны плакати. Пріѣхавъ зять изъ лѣсу. «Чаго вы плачатя?»—А якъ намъ ня плакать: упавъ човникъ потъ кросны. Коли бъ будо у насъ дитя, то бъ човникъ убивъ ба!—«А Божа мой! Да яго жъ няма! Пойду я у свѣтъ отъ васъ! Коли найду дурнѣйшихъ, дакъ приду къ вамъ, а ня найду, дакъ и не приду!» Узявъ да й пошовъ. Ишовъ, ишовъ, приходя ў другое сяло, ажно тамъ молодица курицу розками сяче. Тогды енъ спрашуя: «што ты, молодицъ, дѣлаешъ, за што ты курицу сячéшъ?»—А вотъ за што: вывяла яна типлятъ, а сиски ня даѐ!—«Дакъ за што ты яѐ бъéшъ, коли у яѐ сисякъ няма? Ты жъ возьми крупокъ да намочи, да посыпь; дакъ яна сама будя ѣсти и типлятъ накормя!»

Пошовъ енъ даляй. Ишовъ, ишовъ, приходя у другое сяло. Ажъ тама баба выскоча съ хаты зъ рэшатомъ, выставя яго на сонца, да закрыя полотномъ и бягить у хату. Ёнъ и пытая ў яѐ: «што ты, баба, дѣлаешъ?»—А вотъ што: построили мы сабѣ новую хатку, а сонца няма у хати. Дакъ я вотъ выставлю рэшато, сонца убягить у яго, а я закрыю ды ў хату. Да покуль донясу, а яно и ўтячѐ.—«Дурные вы: дайтятка мнѣ топора, я вамъ сонца у хату ўнясу!» И просѣкъ вокно; у хати и стало видно. Пошовъ енъ даляй. Ишовъ, ишовъ, приходя къ одному чаловѣку, а той чаловѣкъ хоча гумно строить, и не зная якъ: которое де́раво довжѣй, дакъ енъ збивая съ концовъ довбнѣй, а которое корочѣй, дакъ енъ запрагая пару коній по концахъ, а посяродки довбнѣй бъе—растягать яго—и ниякъ ня состроя! Зять и говора: «ты жъ возьми, да которое довжѣй, ты урѣжъ, которое корочѣй, ты натточи!» И пошовъ даляй. Приходя у другое сяло, и зайшовъ у дворъ, ажъ тамъ мужики тягнуть живого вола на гору̀ (чердакъ), и ниякъ не ўстягнуть, а ў вола у того ажъ вочи вылазять. Зять пытая ў ихъ: «што ето вы дѣлаетя?»—Да во̀, построили мы хату, натягали моху и засѣяли житомъ, штобъ мохъ лучъ злѐгся. Дакъ тяперака выросла рунь на горѣ, дакъ треба устягнуть вола, штобъ ёнъ поѣвъ!—«Дурни жъ вы, дурни!» Узявъ, полѣзъ на гору, зжавъ рунь и скинавъ волу, а той поѣвъ. Пошовъ енъ дальшъ. Заходя у дворъ, а тамъ чаловѣкъ хоча убить кабанца. Отъ енъ повѣсивъ довбню потъ повѣтьтю и гоняя по двору кабана. Ёнъ зновъ спрашуя: «што ты, чаловѣкъ, дѣлаешъ?»—Да хо̀чу убить кабанца, да не бягить на довбню!—«Дурный ты: ты жъ возьми етую довбню, да помани яго къ сабѣ, да дай яму хлѣба кусокъ, да тогды яго довбнѣй по̀ голови!» Пошовъ ёнъ даляй. Выходя на по̀ля, а тамъ пастухи пасу̀ть овецъ и хочати зарѣзать барана̀. Отъ яны устыркнули на горѣ ножъ, да й гоняять по горѣ барана! Приходя енъ къ имъ: «што вы дѣлаетя?»—А хочамъ зарѣзать барана̀!—«Поймайтя мнѣ, я вамъ зарѣжу!» Яны поймали, енъ узявъ ножъ и зарѣзавъ. И яны дали яму голову̀ барано̀ву. Приходя ёнъ ще у сяло; зайшовъ на гумно къ одному чаловѣку,—чаловѣкъ молотя одинъ, а ў яго хата топитца. «Позволь мнѣ, каа, чаловѣчакъ, етую голову̀ обсмолить!»—А йди, каа, тамъ жонка ў хати, у яѐ обсмалишъ! Енъ пришовъ у хату. «Казавъ твой чаловѣкъ, штобъ я ў тябе голову обсмоливъ!»—Да што ты говоришъ? будя енъ казать голову ў мяне смолить?—«Ну, йди, каа, попытай!» Пошла яна на гумно. «Ти казавъ ты чаловѣку обсмолить голову?»—Да казавъ! Отъ яна увыйшла у хату, да й дае яму сто рублѐвъ: тольки не смоли у мяне головы. Енъ узявъ, да й даляй пошовъ.

Приходя къ икономяи, ажъ ходя на лугу свиньня зъ дванатцатеромя поросятами. Енъ ставъ перадъ ёй наўко̀лянцы, знявъ шапку и стоить... Убачила съ хутору̀ паненка и присылая кучара: иди, попытай, чаго енъ стоити? Кучаръ пришовъ: «чаго ты стоишъ, чаловѣчакъ, науколянцахъ?»—А ето моя родичка, свиньня Аксиньня. Яѐ сястра Прасиньня же́ня сына, дакъ я зову на вясельля! Кучаръ пошовъ и кажа паненцы: зове на вясельля!—Дакъ якъ жа яна пойдя,—у яѐ малыя дѣти, ня да́йдуть яны! Запрагла у повозку коня и посадила свиньню съ поросятами, и дала яму̀. Енъ сѣвъ да й поѣхавъ у Гомяль. Продавъ коня съ повозкой и свиньню съ поросятами, и пошовъ зновъ къ хутору. А тамъ уже прiѣхавъ панъ и спрашуя, дѣ конь и свиньня

А яна говора: поѣхала на свадьбу! Панъ давай пытати, кудой енъ поѣхавъ, яму и ўказали: тудой и тудой, чаразъ такій и такій лѣсъ. Панъ повялѣвъ запрегть троя коній: поѣду догонять! А зять забѣгъ напяродъ, да напавъ кучу г...а, да накрывъ шапкой и сядить. Пріяжжая той панъ къ яму: «а што, чаловѣкъ, ты шапкой накрывъ?» —Да вотъ сядѣла жаръ-птица, дакъ я потkрався да й накрывъ. Да вотъ, до ночи нялъга глядѣть, а то вырветца!—«А ти ня бачивъ ты, ти ня ѣхавъ сюдой чаловѣкъ съ свиньнёй и съ поросятами?»—Ѣхавъ сичасъ; дайтя я догоню, тольки подяржитя жаръ-птицу! Отъ панъ давъ яму коня, а самъ ставъ дяржать шапку. А чаловѣкъ той сѣвъ да й поѣхавъ. Ждавъ, ждавъ панъ, не дождався. «Дай возьму хоть птаха сабѣ!» Да рукой потъ шапку суня, суня,—да туды такъ и ўлѣзъ! Уставъ, пошкробъ, пошкробъ голову, да й пошовъ у хуторъ. Паченка спрашуя: а дѣ жъ кони?—Да на вясельли подаривъ!

А зять пріѣхавъ домовъ, и ставъ жить,—бача, што богато на свѣти дурнявъ.

С. Перероств, гом. у. Ср. Афан. VI, 60. Худяк. II, 129. Чуб. 504.

24. Дурень.

Жила матка съ сыномъ, и сынъ той бывъ дурный. Тоды матка кажацъ: «идзи ты, мой сынокъ, на кирмашъ, ды высватай сабѣ дзѣвку!» Енъ пошовъ и высватавъ сабѣ дзѣвку. И кажацъ дзѣвцы: дзѣвка, што ты мнѣ за подарунокъ даси? А дзѣвка кажацъ: нà табѣ шпильку исъ куртки! Дуракъ узявъ и пошовъ. Ашъ вязуць два возы соломы. Дуракъ пераломивъ шпильку ды уторкнувъ у водзинъ восъ и ў другій. Ды прышовъ домовъ, а матка кажацъ: ци высватавъ ты дзѣвку? А дуракъ кажацъ: высватавъ!—«А што ина табѣ дала за подарунокъ?»—Дала ина мнѣ за подарунокъ шпильку. Ажны я увидзѣвъ, што вязуць два возы соломы, дакъ я разломивъ шпильку ды уторкнувъ у водзинъ восъ и ў другій!—«А сынища ты, а дурнища ты! Ты жъ ба тую шпиличку ды ўторкнувъ у шапочку: нехай ба дзѣвкинъ подарунокъ бывъ!» —Цишы, мама: я дзѣвку тую знаю, сходжу за подарункомъ! Пошовъ дуракъ къ дзѣвцы. Прышовъ на порохъ и кажацъ: дзѣвка, што ты мнѣ за подарунокъ даси? А дзѣвка кажацъ: нà хустку! Узявъ дуракъ хустку, вышовъ за сяло и ўзложивъ тую хустку на шапку. А вѣцеръ дунувъ,—хустку и здувъ. Прышовъ дуракъ домовъ да кажацъ: мама, дала мнѣ дзѣвка за подарунокъ хустку. Дыкъ я поклавъ на шапку, а вѣцеръ здувъ! Тоды матка кажацъ: «а сынища ты, а дурнища ты! ты жъ ба тую хусточку завязавъ на шыячку: нехай ба дзѣвкинъ подарунокъ бывъ!» Цишы, мама: я тую дзѣвку знаю,—сходжу за подарункомъ. Пошовъ дуракъ къ дзѣвцы за подарункомъ. Якъ прышовъ на порòхъ, дыкъ и кажацъ: дзѣвка, што ты мнѣ за подарунокъ даси? Дала яму дзѣвка сучку маляныкаю на сьмѣхъ. А дуракъ узявъ сучку, ды ўсё садзиць на шыю. Дыкъ сучка яму руки по'пкусала, ды вырвалася и побѣгла.

А дуракъ прышовъ домовъ ды кажацъ: мама! дала мнѣ дзѣвка за подарунокъ маленькаю сучку. Я яѐ садзивъ-садзивъ на шыю, а ина мнѣ руки по'пкусала и побѣгла домовъ! Тоды матка кажацъ: «а сынища ты, а дурнища ты! Ты жъ ба тую сучку ды на вяровочку ды сказавъ: цю-цю, цю-цю! ходзи ў хату, табѣ ѣсци дадуць —нехай ба хоць у насъ сучка дзѣвкина была!» А дуракъ кажацъ: цишы, мама! я

тую дзѣвку знаю, сходжу за подарункомъ! Пошовъ дуракъ къ дзѣвцы за подарункомъ. Якъ тольки прышовъ у хату, дыкъ и кажаць: «дзѣвка, што ты мнѣ за подарунокъ даси?» А дзѣвкинъ бацька бивъ свиньней. Тоды ина дала яму кусокъ сырого сала. Ёнъ узявъ тое сало ды зачапивъ на вяровку ды цягнець домовъ и кажаць: цю-цю, цю-цю! ходзи ў хату, табѣ ѣсци дадуць! А пастуховы собаки почули, прибѣгли и отобрали сало. Прышовъ дуракъ домовъ ды кажаць: «мама, дала мнѣ дзѣвка за подарунокъ сала кусокъ; а я на вяровку ды поцягнувъ, ды кажу: цю-цю, цю-цю! Ходзи у хату, табѣ ѣсци дадуць! А собаки пастуховы отобрали и зъѣли!» А матка кажаць: а сынища ты, а дурнища ты! Ты жъ ба тое салцо ды ў торбочку: нехай ба хоць на затовку було! Дуракъ кажаць: цишы, мама! Я тую дзѣвку знаю и сходжу за подарункомъ! Пошовъ дуракъ къ дзѣвцы за подарункомъ. Якъ прышовъ на порбхъ, дыкъ и кажаць: дзѣвка, што ты мнѣ за подарунокъ даси? А дзѣвка дала яму корову. Дуракъ вывявъ корову за сяло, ды посѣкъ, уложивъ ў торбу ды понесъ домовъ. Прынёсъ ды кажаць: нà, мама, табѣ и затовки! А матка стала глядзѣць, ажны тамъ мясо. Ина кажаць: што гэто? А дуракъ кажаць: дала мнѣ дзѣвка корову за подарунокъ, а я вывявъ яѐ за сяло ды й посѣкъ!—«А сынища ты, а дурнища ты! Ты жъ ба тую коровуньку ды на вяровуньку, ды прывёвъ ба у пуньку, да давъ ба ёй сянца, нехай ба и ў насъ коровка була! Тоды дуракъ кажаць: цишы, мама! Я тую дзѣвку знаю, сходжу за подарункомъ! Пошовъ дуракъ къ дзѣвцы. Якъ тольки пришовъ на порбхъ, дыкъ и кажаць: дзѣвка, што ты мнѣ за подарунокъ даси? А дзѣвка кажаць: пойду-тку я сама! И пошла дзѣвка изъ дуракомъ. А дуракъ яѐ ловиць, ды ўсё чапаець на вяровку. А дзѣвка кажець: я сама пойду! Али-тки дуракъ уловивъ дзѣвку, ды зачапивъ на вяровку и повёвъ. Прывёвъ ў пуню, прывязавъ и давъ сѣна, а самъ прышовъ домовъ. А матка ў яго спрашаець: што жъ табѣ дзѣвка за подарунокъ дала? А дуракъ кажаць: «дзѣвка сама пришла!»—Идзѣ шъ ина?—«А у пуни прывязавъ, да сѣна давъ!»—А сынища ты, а дурнища ты! Ты шъ ба тую дзѣвуньку ды за ручуньку, ды прывёвъ у хатуньку: я пъ вамъ ѣсци дала!.. Пошовъ дуракъ у пуню, отвязавъ дзѣвку, ды ўзявъ за руку и прывевъ домовъ. Дала имъ матка ѣсци и повялà спаць. Лёхъ дуракъ зъ дзѣвкой спаць и заснувъ. А дзѣвка звязала овечку, ды поклала къ дураку, а сама побѣгла домовъ. Дуракъ прочхнувся, ды почувъ, што овечка ѣсь, а енъ думавъ, што дзѣвка, и ставъ просиць у яѐ: дай жа й мнѣ, што ты яси! А йна не дасць. Полѣсъ тоды дуракъ на хату за яблоками, ды й звалився. Прыбѣгла матка и кажаць: «што ты, моё дзицятко?—«А што шъ тая дзѣвка не даѐць мнѣ яблокъ, а сама ѣсь, дыкъ я полѣсъ за яблоками ды звалився!

Пошовъ дуракъ тоды и зпова лёхъ спаць. А матка за имъ. Тольки отчынила дверы, а овечка—бя! Ды дураку ў ротъ. Дуракъ ускочывъ да зъ дурноты матку забивъ. Пошовъ къ попу ды кажаць: бацюшка, ходзи пухувай матку! А попъ кажаць: дай грошы! А дуракъ кажаць: ты шъ вѣдаешъ, што я бѣдный, у мяне грошый немашацька! Ходзи пухувай! А попъ кажаць: идзи, идзи, бязъ грошый и не прыходзи! Дуракъ думавъ, думавъ, али пошовъ копаць яму, хуваць матку. Ставъ копаць, ды выкопавъ коцёлъ чырвонцовъ. Ставъ дуракъ ратъ. Пошовъ къ попу ды кажаць: ходзи, бацюшка, пухувай матку! А ёнъ кажаць: грошы ёсь?—Ёсь!—«Идзѣ ты ихъ узявъ?»—А я

ставъ копаць яму, ды выкопавъ коцелъ чырвонцо́въ! Попъ пошовъ, пухувавъ дуракову матку. А тоды прышовъ домовъ, зарѣзавъ козла, здзёръ шкуру ды сказавъ попадзьдзи опшыць яму тэй кожай руки и шыю. Тоды ноччу пришовъ къ дураку ды кажаць: давай моѐ грошы! Дуракъ спужався и отдавъ грошы! Пришовъ попъ домовъ. Стала попадзьдзя отпаравацъ шкуру. Идзѣ поронѐць но́жомъ—попъ закрычиць и кровъ по́йдзець... Попъ тоды за грошы ды дураку и отдавъ. Прышовъ домовъ, и знявъ козлинаю шкуру...

Д. Городецъ, сѣнн. у.

25. Набитый жидъ.

Ишовъ жытъ, нашовъ пятакъ, ды кажаць: дай боза другiй! дай боза другiй! Ажны вязуць хуваць мяртвеца. Почули людзи, злѣсъ одзинъ съ колёсъ ды кажаць: «сукинъ ты сынъ, якъ ты кажашъ?» Житъ кажаць: якъ жа мнѣ казаць?—«Кажи: рай свѣтлый, царство нябесное!» Пошовъ жытъ и кажаць: рай свѣтлый, царство нябесное рай! свѣтлый, царство нябесное! Ажны вязуць ксцицъ плохого дзяцёнка. Тоды кумъ злѣсъ съ колёсъ ды жида по ўху, и кажаць: якъ ты, с. с. кажашъ! А жытъ кажаць: милянькiй, родняньк iй, якъ жа мнѣ казаць?—«Ты кажы: капъ здорово росло, бацьку и матцы на поцѣху, людзёмъ на завиднось!» Жытъ пошовъ и кажаць: капъ здорово росло, бацьку и матцы на поцѣху, людзёмъ на завиднось! капъ здорово росло, бацьку й матцы на поцѣху, людзёмъ на завиднось! Ажны с...цъ чаловѣкъ. Почувъ, што жытъ кажаць, ды яго по ўху: с. с. якъ ты кажашъ? —Миляньк iй, родняньк iй, якъ жа мнѣ казаць?—«Кажы: капъ свиньни зьѣли!» Жытъ пошовъ и кажаць: капъ свиньни зьѣли, капъ свиньни зьѣли! Ажны сѣець чаловѣкъ горохъ. Почувъ гэто, ды того жыда по ўху: с. с. якъ ты кажашъ?—Миляньк iй, родняньк iй, якъ жа мнѣ казаць?—«Кажы: капъ вялико росло, у гумно занясло!» Пошовъ жытъ и кажаць: капъ вялико росло, у гумно занясло! Ажны горыць лазьня. Почули мужыки, што ёнъ гэдыкъ кажаць, прибѣгли ды жыда по ўху: с. ты сынъ, якъ ты кажашъ? Жытъ кажаць: миляньк iй, родняньк iй, якъ жа мнѣ говорыць?— Кажы: капъ потухло! Пошовъ жытъ ды кажаць: капъ потухло, капъ потухло! Ажны палюць лядо. Тоды той чаловѣкъ кажаць: «якъ ты, с. с. говорышъ?» Ды по ўху! —Миляньк iй, родняньк iй, якъ жа мнѣ говорыць?—«Кажы: капъ згорѣло!» Жытъ пошовъ ды кажаць: капъ згорѣло, капъ згорѣло! Ажъ горыць дворъ. Почули людзи, ды яго по ўху: якъ ты, с. с. кажашъ? А жытъ кажаць: миляньк iй, родняньк iй, якъ жа мнѣ казаць?—«Кажы: капъ затушыли!» Пошовъ жытъ и кажаць: капъ затушыли, капъ затушыли! Ажны ѣдзець глух iй панъ у краснымъ, ды думавъ, што жытъ кажаць: капъ затопили! Енъ тоды злѣсъ ды яго по ўху: с. с. якъ ты кажашъ? А жытъ кажаць: миляньк iй, родняньк iй, якъ жа мнѣ казаць? Тоды панъ кажаць: «кажы, капъ уси на свѣци жыли и здоровы были. И кого ўбачишъ у краснымъ, ў бѣлымъ, у чорнымъ, у зялёнымъ, дыкъ кланяйся!» Пошовъ жытъ ды кажаць: капъ уси на свѣци жыли здоровы были! Ажны бачыць мядзьвѣдзя. Енъ ставъ мядзьвѣдзю клянятца, а мядзьвѣдзь яго потъ сябе...

Дер. Горивецъ, сѣнн. у. Запис. кр. Я. Горбачевъ.

26. Жидъ кроль.

Слу̀живъ одзинъ дзяцина у работникахъ. Прослуживъ годъ, и не захоцѣвъ боли служиць, отыйшовъ. Ну, и пошовъ. Ишовъ, ишовъ, пришовъ у коршму. Тая коршма была на дзьвѣ стороны: на 'днэй сторонѣ горѣлка продавалася, а на другей шинкаръ, жидъ, живъ. Вотъ, увыйшовъ ёнъ на тую сторону̀, на шинкарову, ажны жидъ ходзиць по станцыи. «Здоровъ, жидзька!» Якъ усердзився тэй жидъ за гето яго слово! Якъ ёнъ могъ яго жидзькомъ обызваць?—«И сто ты, музыкъ, свинуля! Якій табѣ тутъ зыдзька?» Ды якъ ту̀рнецъ того мальца,—ажны илбомъ дзьвери расчинивъ.

Вярнувся тэй дзяцина, узявъ свою шапку, и пошовъ. Идзе́ць, а самъ усё думаець: за што гето мнѣ пархатый жидъ уздавъ?.. Ну, приходзиць у другую коршму. Тамъ изновъ жидъ бывъ. Пытаець енъ у того жида, ци ня вѣдыець ёнъ, якій гето жидъ у тэй ка́ршми живе́ць: такій ёнъ дужо гонористый? Жидъ говбриць: «якій ёнъ гонористый? Ёнъ тольки ду̀жо богатый, наѣхавъ изъ самэй Аршавы, прызываетца Зроль Бэра.» Тоды, зъ гэтый коршмы пошовъ дзяцина дали, у другую коршму. И тамъ яму сказали ето самое, што Зроль Бэра дужо богатый. Вярну̀вся ёнъ тоды назадъ къ тому самому жиду, што яго бивъ.

Приходзиць къ яму̀ и говбриць: «здоровъ, панъ господаръ, рандару богатый!»—Здоровъ, здоровъ, добрый цаловѣцыкъ! Вотъ, якъ хто зъ ро́зумомъ говбриць, дыкъ любо слухаць! А то, недавно, пришовъ нѣйкій дурень, ды й назвавъ мяне жидзькомъ!—«Ну, гето й видаць, што бывъ дурень, коли геткаго пана господара и гетакъ назвавъ!»—Ну, садзися, добрый цаловѣцыкъ! Кажи, идзѣ ты бывъ, што ты чувъ?—«Ну, идзѣ шъ я бывъ? бывъ я у самый Аршави. Што тамъ дзѣлыетца, дыкъ гето чистый гвалтъ! Новаго кроля насадживаюць на кролевство!»—Ну, пытаець жидъ: и ци не чу̀въ ты, кого?—«Якъ не чувъ,—чувъ: нѣйкаго явреи!»—А якъ жа яго зовуць?—«А нѣйкій Зроль Бэра. Ёнъ не живе́ць у Аршави, а рандуець хульварыкъ нѣйдзя!»—Уй, голубцыкъ ты мой: гето шъ я! Гето шъ я Зроль Бэра! Ци до́бро ты чувъ?—«А якъ жа ня до́бро? Ужо присягнули уси паны!» Жидъ тэй ня вѣдаець, чимъ частуваць и поштываць того дзяцюка: и горѣлки постновивъ, и пироговъ подавъ, и чинёнки, и тарановъ... «Слухай жа, мой миляныкій: кыли я у̀жо бу̀ду кролёмъ, дыкъ ты будзь мой минйсцеръ!» Ну, заразъ позвавъ свою жонку и ёй гето самое сказавъ, што ёнъ ужо кроль. Ну, а якъ ставъ ёнъ ужо кролёмъ,—надо яму̀ и калавуръ такій, якъ у кроля. Сичасъ, пославъ на сяло, нанявъ по два мужуки уву всякую станцыю, и поставивъ ихъ зъ булдавешичками.

Тоды дзяцюкъ, видзиць, што яго штука пошла у тахту—али шъ якъ бы не помылитца—«ну, кажець, пане-кролю: идзѣ табѣ геткаго минисцера брадь, якъ я; я соу̀симъ про́стый мужикъ, мужукомъ и смярджу. Ды йщо вотъ што: я и бѣдный дужо,—у мяне довгу рублёвъ коло сто ёсь!»—Тольки? сто? Якій за ты дурацокъ! Няу̀зо ты думаесъ, сто у кроля гросый нема?.. Пошовъ, и выносиць повную скрыночку̀ гро́шій. И отличивъ яму̀ чатыри сотни рублевъ. Тоды нанявъ енъ яму добрыхъ пару коній, ладнаго хурмана и пояздъ. И сказавъ хурману, кабъ енъ слухавъ усё тое, што

яму минисцеръ будзець говорить. Сѣвъ мужикъ, и поѣхувъ зъ грошиками. Радъ-радъ, што жида подманувъ. Проѣхувъ енъ, можа, вярстовъ съ пяцьдзесятъ, ци боли, ды й говбрицъ хурману: «идзи сабѣ назадъ у дворъ; я й одзинъ поѣду. И пану кролю скажи, капъ енъ не сумлѣвався; што я яго не подману, заразъ назадъ буду!»

Ну, а панъ кроль, якъ поѣхувъ яго минисцеръ, сказавъ позносицъ съ усихъ покоевъ креслы, состновивъ ихъ одзинъ на одзинъ —бы енъ чувъ, што кроль сядзицъ на високимъ сядзѣньни—и ўзлѣзъ на тыя креслы. Ажны головой столь доставъ! Здѣлувъ сабѣ мѣсяндзовую звязду, на грўдзи надзѣвъ; сказавъ жонцы дацъ бялёваго полотна, накрывся полотномъ зъ головы, а концы ажъ пы зямли цягаютца. Ну, и сядзицъ круль, жджёцъ свойго минисцера,—бо хурманъ вярнувся и сказавъ, што минисцеръ отправивъ яго у дворъ, што енъ одзинъ вѐрнетца къ кролю.

Тольки по тэй дорози,коло тэй корш мы, треба було ѣхацъ нѣйкому царевичу. Застновилиси яны коло гетый корпшы; зайшовъ одзинъ казакъ напитца. Тольки казакъ у хату, ашъ тамъ кролевъ калавурщикъ къ яму зъ булдавешкой: «ты куды гето лѣзешъ? Ты ня видзишъ, што тутъ кроль сядзицъ?» Гетый казакъ назадъ, ды свойго царевича: такъ и такъ, говбрицъ: гето не коршма; тутъ кроль живѐцъ! Тэй дзивитца яму у вочи: якей такей кроль тутъ живецъ? Захоцѣвъ пылядзѣцъ. Надзѣвся, якъ надо быцъ уво всё своё царськое одзѣяньня, причапивъ шаблю и йдзѐцъ лядзѣцъ того кроля. Ажны видзицъ—сядзицъ нѣйкій жидъ, по'бчапившись, по'бвѣшавшись усимъ—усякимъ. Якъ крикнецъ енъ на тыхъ калавурщиковъ зъ булдавешками: «што гето вы посумилиси, ци што? Ци вы ня видзиця, што гето жидъ пархатый?» Позвавъ своихъ слугъ, сказавъ имъ зьвязацъ того жида, изъ жонкой, изъ дѣтками, забравъ усё яго добрд, и заставивъ пана кроля туды, идзѣ и воронъ не каркаецъ. А тэй мужучокъ и поѣхувъ сабѣ у своё сяло зъ жидовськими грошиками...

С. Немойта, сѣнн. у. Запис. г-жа Потаповичъ.

27. Солдатъ ни въ раю ни въ пеклѣ.

Помёръ колись одинъ солдатъ. На тымъ свѣти привяли яго ангали къ раю. Солдатъ спрашуя: «што ето?»—Да рай!—«Водка ёсть?»—Нѣ, няма!—«Табака ёсть?»—Нѣ, няма!—«Дѣвки ёсть?»—Нѣ, няма!—«Ну, якій ето рай? Не пойду!» Ангали здали яго на рўки пѐкольникамъ. Приводять яны яго къ пеклу. «Што ето?»—Рай!—«Водка ёсть?»—Ёсть!—«Табака есть?»—Ёсть!—«Дѣвки ёсть?»—Ёсть!—«Ну, вотъ ето рай!» Пекольники отчинили двери, да яго тўды и ўштырхнули.

Ворочаетца солдатъ тутъ. Жарко! Спранувся ёнъ и ставъ по стянахъ гвоздё забивать. На однымъ повѣсивъ шинелю, на другимъ мундѐръ, на третьтямъ ранядъ, даляй шапку, муницу... Уси стѣнки позаймавъ! Тогды давай чартей подъ боки штыхомъ ворсать,—гоняя ихъ по пеклу! Нѐгдѣ имъ дѣтца! Состроили яны звоницу да й давай звонить. «Солдатъ, ваши звдонять!»—Да нехай звбнять, покуль охвоту згонять: мнѣ и тутъ хорошо. Солдатъ не глядить звону, солдатъ глядить царскаго зову!..» [1]) Убили тогды пекольники собаку, напяли барабанъ, да й давай бить. «Солдатъ, ваши

1) *Вар.* удару.

ў барабанъ бъють!» Солдатъ одѣвся и побѣгъ. Оглѣдивсяпрозабывъ солдатъ набручника. Прискочивъ енъ икъ дверамъ, а йны ўже запёрты. Вотъ ёнъ и давай штыхомъ ковырать двери. «Отчини, возьму набручникъ; а то двери разломаю!» Черти выкинули яму̀ набручника. Пошовъ солдатъ, ажъ ничо́го и няма! Вотъ и остався солдатъ ни причомъ: ни ў раю, ни ў пекли...

Гомельскій у.

28. Солдаты и баба.

Продавала баба у каршми кожухъ. И ў тэй каршми було два сылдаты. Яны и зрадзились, кабъ украсць у бабы гэтый кожухъ. Одзинъ каець: я буду изъ бабый скыкаць, а ты кожухъ пытъ шинелю и ступай! Вотъ и пычавъ сылдатъ кыло бабы скыкаць; скачець и приговаріець: «гайды—шъ, бапка, гайды шъ я—а ўжо шъ нѣту кужушка! А ўжо шъ кожухъ пытъ плащомъ, по́йдзець бапка сы плачомъ!» Скыкала, скыкала бапка,—оглѣдзилыся, ашъ кужушка нема. И пышла зыплакывши.

Г. Сѣнно.

29. Солдатъ и бабина торбочка.

Расъ выправилыся баба ў дорогу на нядзѣлю. Узяла яна у торбочку двѣ тыранычки, два пыросёнычки, два сырцы, два прѣсночки съ кыныплянымъ мылокомъ. Вотъ, ишла йна, йшла, ды й ссорила свою торбочку. А сылдатъ ишовъ ззаду ды й поднявъ яѐ; оглѣдзивъ и нясе́ць. Хвацилыся баба торбычки, и бяжиць нызатъ. Сустрѣчаець сылдата: «ци не знашовъ, каець, ты, служивый, мою торбочку?»—А што ў твоей торби?—«Ды ў моёй торби було двѣ тыранычки, два пыросёнычки, два сырцы, два прѣсночки съ кыныплянымъ мылокомъ!»—Нѣ, бапка: я знашовъ нѣйкую торбочку; ды ў ёй було два таскалы, два пискалы, два цискалы, два пляскалы, посконьнями подзёргуваны». Баба лядзѣла, лядзѣла яму ў вочи, по́тымъ и кажець: «нѣ, гэто не моя торбычка!» И пошла дали яѐ сочиць...

Д. Тютьки, сѣнн. у.

У Афан. III, стр. 101 и Драгом. стр. 195 помѣщены сходные малор. анекдоты, юморъ которыхъ заключается въ томъ, что хохолъ и москаль не понимаютъ другъ друга.

МЕЛОЧИ.

1, Поганый у нашамъ сялѣ дякъ бывъ: ня ўмѣвъ ёнъ пѣть никалива. Якъ запяе, бувало, дакъ и слухать няльга, хоть съ цэркви ўтякай. Якся, разъ, пѣвъ енъ вельми жалобно. Пяе, а самъ оглядуетца: ти не разжалобивъ енъ кого? Ажъ и бача: стоити чаловѣкъ ли бабнику, ды й плача. По шапошнымъ разборы, подыходя дякъ къ тому къ чаловѣку и пытая: «а што ты, чаловѣкъ добрый, сядьни плакавъ?»—Ай, дядячка! якъ жа мнѣ ня плакати: ты сядьни якъ-разъ такъ пѣвъ, якъ моя козка бляяла, коли яѐ вовки рэзали...

Гом. у. Сообщ. В. Р. Романовъ.

2, У водного дзяка было много паропковъ. Пызвавъ расъ у будьній дзень дзякъ своихъ паропковъ снѣдыць: поснѣдуйце-тку, а послѣ пойдзецё ны работу! Тые сѣли и снѣдыюць. А дзякъ стоиць ды глядзиць. Стыявъ, стыявъ и надумывся. «Ци вѣдыеця што, мальцы? Вы ўже за 'днымъ разомъ и побѣдайця!» Паропки изнова сѣли и пычали обѣдыць. А дзякъ, стоючи, ще надумывся: «нехай-тку разомъ и пывячеряюць: зьядуць ужо потроху, а тоды цѣлный дзень работаць будуць!» Пывячерявши, паропки, ка́жанъ знаець своё дзѣло: кому, пывячерявши, треба коній весць ны ношлегъ, тэй збираець оброци, зманіець субакъ; а тэя посли вячери разуватца стали: спаць класцись. Дзякъ лядзиць и спужався: «што гэто вы робиця? треба шъ па работу йсци!»—Во, дакъ якая шъ работа, повячерявши?.. И кладутца спаць. Дзякъ и такъ и гэтыкъ.. Ды давай паропковъ горэлкой поиць, ды просиць. Зготовивъ имъ другій обѣдъ и другую вячерю.

Рясн. вол. сѣнн. у.

3, Приходя разъ къ одному мужику одинъ цыганъ. Мужикъ обѣдая. Цыганъ и кажа: хлѣбъ да соль! А тому, звѣстно, треба казати: просимъ зъ нами обѣдать! Ну, цыганъ за ложку и садитца. И ставъ учащать къ тому мужику, и кажанъ разъ обѣдая. Соусимъ оприкрывъ мужику. Вотъ, приходя разъ зновъ цыганъ у обѣды. «Хлѣбъ да соль!» кажа. А мужикъ говора: доброе, каа, дѣло, у кого ё!.. Годи съ тыхъ поръ цыганъ ходить къ мужику.

Гом. у. В. Р. Романовъ.

4, Ишли разомъ мужикъ и цыганъ, и разговорились про своё дѣло. Цыганъ кажа: «доброе, батю, ваша дѣло: ори, мяли, ѣжъ! Ня то, што наша!» Узяла злость мужика: *цыганъ* больше мужика работая! «Ну, коли жъ такъ, кажа,—бяри ты мяне за чуба, да кажи своё дѣло, а тогды я табѣ буду казать своё!»—Ну, добро, батю! Узявъ цыганъ мужика за чуба, дярэ да й приказуя: «плохое, батю, наша дѣло: иди поперадъ на базаръ—да украдь тамъ чаго-небудь—да приняси у шатёръ—да самъ не знаешъ, што зъ имъ здѣлать: ти самому ѣсти, ти дѣтямъ отдать!»—Ну, усё?—«А ўже жъ усё!» Тогды мужикъ згробъ цыгана за космотнищи, да й почавъ: «А якъ наша дѣло: дакъ накоси улѣтку сѣна—а самъ дёръ—да привязи домовъ—а самъ

изновъ дёръ—да прокорми у зимку скотину—а самъ усё дярэ—да собяри гной—да вывязи яго вясной на поля—да раскидай—да ўзори—разъ—да другій—да поскородь—адыли посѣй—выростя, дакъ сожни—да повяжи ў снопы—да перавязи у гумно—да змолоти—да 'твязи на вятракъ—да змяли—да дома просѣй—да замяси—да достань дровъ—натопи печку—да посаджай—спячи—вынь—разрэжъ—да тогды й ѣжъ!» Надравъ того цыгана такъ, што ў того вочи на лобъ полѣзли.—«Э-э! плохо, батю, и ваша дѣло!»

Тамъ же. Зап. тотъ же. Ср. Афан. VIII, 280.

5, Косили, такъ, умѣсти чаловѣкъ и цыганъ. Пришло обѣдьдя, зжарили яны сабѣ пороcя на 'бѣдъ. Бача цыганъ, што одного пороcя мало на двохъ такихъ молотцовъ, отъ, ёнъ и кажа ходяину: «Слухай-ка, батю, што я скажу: давай мы поперадъ отдыхномъ! Кому лучьчій сонъ приснитца, тому й пороcя ѣсти!»—А добро ты кажашъ, лягомъ отдыхномъ! Отъ и полягли. Цыганъ туды-суды повярнувся и заснувъ. Тоды чаловѣкъ той уставъ, за тое пороcя, да й зъѣвъ. А тогды ўже лёгъ сабѣ да й спить. Прошнувся цыганъ: «уставай, ходяинъ! што табѣ снилось?»—Кажи ты ўперадъ!—«Бывъ я, кажа цыганъ, у Бога уво снѣ. Ѣвъ я тамъ гусь и пороcя; ѣвъ, и ўсё на тябе, батю, кивавъ, штобъ и ты йшовъ ко мнѣ ѣсти!» Отъ, ходяинъ тогды и кажа: да я, каа, бачивъ, якъ ты ѣвъ и на мяне кивавъ. Мнѣ й здайся, што ты кажашъ: ѣжъ пороcя! бачь, я тутъ ѣмъ!.. Да узявъ и самъ ставъ ѣсти!—«Дакъ ти ты зъѣвъ?»—Да зъѣвъ жа! Отъ, цыганъ и кажа: «смутку я ѣвъ, печаль я ѣвъ!..»

Гом. у. Срав. Афан. V, 6.

6, *Жиды и пень.* Вуй, ѣхала наша братьтя вяликимъ обвозомъ: возъ на возѣ, дуга на дузѣ, одна кобылка ў возѣ, да й тая не вязе. Заѣхала наша братьтя на ношлегъ у пущу, да ў драмущу—гдѣ хрѣнъ да капуста! Наши братики дружны пошли у лясища, да назбирали дровища. Якъ наклали огнища—подъ самое небясища, да ще трошачки й вышай. Откуль узявся голое голища, босое босища, пришовъ къ нашаму огнищу грѣтца. А нашъ братъ милосьливый: дали яму топорища (увел. сл. топоръ), да иди ты, босое босища, въ лясища да высяки сабѣ лутища... Ня высѣкъ жа ёнъ лутиша, да высѣкъ доброе дубища, да якъ ставъ нашаго брата чистить!.. Нашъ братъ, бача, што бяда: который на возъ, который подъ возъ, который на тынъ дрався, который у воду кидався... А ёнъ якъ ударивъ нашаго рабиноса (рабина т. ч. раввина) да поперокъ носа—нашъ рабиносъ ажъ ярмолкой затросъ! Наша братьтя, бача, што не ладъ, постали ўси ў радъ. Вотъ, якъ пуль, дакъ пуль, [1]) безъ порохъ и куль, до самаго бѣлаго дня. А самъ ажъ счарнѣвъ, якъ свиньня. Разглѣдились мы ў день, ажъ то горѣлый пень...

Г. Бѣлица.

7, Якъ ѣхала наша братьця—цѣлый обвозъ! Возъ на возѣ, сорокъ на дузѣ—одна кобыла вязе. Ой, якъ заѣхала наша братьця у вяликая пуща драмуща: три бя-

---

1) Отъ гл. пульнуть—бросить, швырнуть.

розы, одна дубъ. Ой, якъ узявся нашъ Янкелька за драпкелька, Борухъ за порухъ, Гирша за мушкетъ... Якъ расклали яны огницу, подъ самую небясицу: самъ богъ бывъ видаць—трошку ноги тырчаць.

Сѣнн. у. Кр. Тарасъ Григорьевъ.

8, Ѣхала наша братьтя долиной—сидить жидъ надъ кобылиной. «Жидъ, жидъ, што ты работаешъ?»—Кобылку шкабортаю! Люди, люди, што зъ моѐ кобылки будя? —«Пойдя кобылка твоя уся ў пользу: шкура на бубянъ, суставы на гуголь, рэбры на карэты, ноги на пустолеты, голова на ляхтари, брухо на бондари, кишки на книжки, трабухи на мяхи, хвостъ на штафелку, шкапа на ярмолку...

Рогач. у.

9, Ѣхали мы съ Пузова на Гарбузово, наша кобылка занедужала. Пошли мы къ рабину пытатца: што намъ рабинъ позволя? Сказавъ рабинъ: зарэжтя, сами дярмо поѣжтя, шкурку на бандурку, а съ костей карэта, а зъ ногъ пустолеты, зъ вушъ лопаты, а голова на шабусъ...

Быхов. у.

10, Нанявся мужикъ везть жида до города. И треба имъ ѣхать черазъ густенный лѣсъ. Пріѣхали ў лѣсъ; мужикъ и кажа: «ляди, Лейба,—у етымъ лѣси ё разбойники. Коли бъ яны тябе ня ўкокошили!» А жидъ вёзъ много грошій. Якъ почувъ, прòклятый, дакъ и заколотився. «Ой, Иванечка! нà табѣ моѐ гроши, а мяне закрый рогожками. Якъ ногды придуть разбойники, дакъ отдай имъ и гроши, абы бъ мяне не трогали!»—Я жъ ня ўмѣю, якъ имъ отказать, коли сустрѣнуть да почануть спрашавать: што вязéшъ?—«Ой, Иванечка, скажи—шкло!»—Ну, дóбро! Узявъ мужикъ грошаты, закйдавъ жида рогожками, укрутивъ вяровками, да й ѣдя. Отъѣхавши гони зъ двѣ, выломавъ добрый дручокъ, да й кричити, нибытцамъ разбойникъ: стой! куды ѣдешъ? Да самъ и отказуя: у городъ, паночки, къ торгу!—Што вязéшъ?—Шкло, паночки!—Продажное?—Нѣ, паночки, отъ купца.—Давай гроши!—Нема, паночки!—Мы вотъ табѣ дадимъ *нема*!.. Да по возу дрўчкомъ якъ потягня! А жидъ подъ рогожками—дзынъ!! Ето, пархатый, штобъ подманить придорожниковъ. А мужикъ бъѐ да говора: а ня битя жъ, а паночки, а браточки!. Усё шкло побъетѐ, отвѣчать придетца! Да ўсё бъѐ. А той подъ рогожками дзынкая: дзынъ-дзилинъ! Набивъ кольки хотѣвъ жида, а тамъ и кажа: головка моя бѣдная! нáтя ўже вамъ и гроши, тольки шкла не добивайтя!—Ну то-то, давнѣй ба такъ, дакъ ба й шкло твоѐ цѣло було! А можа ще ё гроши?—Да крый-Божа! откуля яны? И ето хозяйскія!.. Ще разъ потягнувъ жида дручкомъ, да й поѣхавъ. Проѣхавъ трошки и пытая ўже: «ти живъ ты, Лейба?»—Ой, Иванечка: я чуть живъ! Ти пошли яны?—«Да пошли!»—Развяжи жъ мяне!—«Ну, што: ти даляй поѣдомъ, ти назадъ вéрномся? Гроши ўси отняли, тяперъ мяне забъють и тябе!»—Ой, Иванечка, лучче вернемся! И вярнулись. Дома заплативъ жидъ мужику за дорогу, да ще вядро горѣлки поставивъ, што отъ наглыя смерти отратувавъ.

Гом. у. Сообщ. В. Р. Романовъ.

11, Пошовъ одзинъ бѣдный мужикъ у лѣсъ сѣчь колья. Вотъ ёнъ сячéцъ колья и видзиць—идзéць у лѣсъ быгатый мужикъ и нясéць горщокъ. Ёнъ узявши ды й узлѣзъ на éлку: дай пыляджу, што ёнъ будзець дзѣлыць! И схувався на éлцы. Вотъ, гэтый быгатыръ ды узявши и поднёсъ горщокъ подъ гэтую самую éлку. А ў горшку було повно червонцóвъ. Тоды выкопавъ ёнъ ямку подъ éлкой и говóриць: «чортъ, чортъ! возьми гэтыя гроши и отдай ихъ якъ ляжець тута сто головъ!» А мужикъ. сѣдзя на елцы: нѣ, говориць, якъ ляжець тутъ сто коловъ! А быгатыръ: нѣ, якъ сто головъ! А мужикъ на елцы: нѣ, якъ сто коловъ!—«Нѣ, сто головъ!»—Нѣ, сто коловъ!.. Спиралиси, спиралиси, алитку быгатыръ здався: «ну, нехай, кажець, сто коловъ!» Зыкопавъ гроши и пошовъ сабѣ. Тоды гэтый бѣдзякъ злѣзъ зъ éлки, высѣкъ сто коловъ и поклавъ ихъ подъ елкою. А самъ выкопавъ гроши и узявъ сабѣ, Цяперъ ладно живéць...

С. Выс. Городецъ, сѣнн. у. Сообщ. мѣщ. Кучинскій.

12, Крывъ мужикъ гумно, сорвався якся и полятѣвъ унизъ по кроквахъ. Чисто ўсѣ боки позбивъ объ гвоздя. Упавъ доловъ и плача. Прибѣгла баба, ёнъ ёй и жалитца. Отъ, яна слухала, слухала, да й кажа: а сорочцы жъ то ти мéдъ бывъ?!...

Гом. у.

13, *Докушная басня.* «Сказать табѣ докушную басню?»—Скажи!—«Ты кажешъ: скажи, и я кажу: скажи. Сказать табѣ докушную басню?»—Не треба!—«Ты кажешъ: не треба, и я кажу: не треба. Сказать табѣ докушную басню?»—Отлѣзь!—«Ты кажешъ: отлѣзь, и я кажу: отлѣзь. Сказать табѣ докушную басню?» Молчаніе... «Ты мовчишъ, и я мовчу. Сказать табѣ докушную басню?»—Вȯ смола, приставъ!—«Ты кажешъ: во смола, приставъ, и я кажу: во смола, приставъ. Сказать табѣ докушную басню?» И т. д.

Г. Бѣлица.

14, Сидѣвъ я на пню, нюхавъ табакў. Приходя ко мнѣ да и татарѝнъ, прося у мяне ды и табакў. Я ему не давъ, ёнъ мене кі*я*мъ.—Ходéмъ мы къ пану! Панечка-панў, рассуди ты насъ: сидѣвъ я на пню, нюхавъ табакў. Приходя ко мнѣ ды и татаринъ, прося у мене ды и табакў. Я ему не давъ, енъ мене кі*я*мъ. Ходемъ мы къ пану. Панечка-пану, рассуди ты насъ: сидѣвъ я на пню... И т. д.

Тамъ-же.

15, «Кумъ, а кумъ! мъ съ тобой ишли?»—Ишли!—«Да кожухъ знайшли?»—Знайшли!—«У карчму зайшли?»—Зайшли!—«По восьмушцы выпили?»—Выпили!—«Я жъ яго знявъ?»—Знявъ!—«Да табѣ отдавъ?»—Кого?—«Да кожухъ!»—Якій?—«Да мы жъ съ тобой ишли?» И т. д.

Тамъ-же.

16, «Ишовъ бай по сцянѣ, нёсъ суму на сабѣ. Ци баяць, ци нѣ?»—Бай!—«Ишовъ бай по сцянѣ, нёсъ суму на сабѣ. Ци баяць, ци нѣ?»—Нѣ!—«Ишовъ бай по сцянѣ... И. т. д.

17, «Ишовъ бай по сцянѣ... Ци баяць, ци нѣ?—Бай!—«Ишовъ бай по сцянѣ... Ци баяць, ци нѣ?»—Нѣ!—«Ишовъ бай... И т. д.

18, «Ишовъ бай по сцянѣ, нёсъ лапци и сабѣ, и жанѣ, и дзицёнку по лапцёнку... Ци баяць, ци нѣ?»—Бай!—«Ишовъ бай... И т. д.

19, «Ци баяць байку про бѣлаго быка?»—Бай!—«Ты кажешъ: бай, я кажу: бай. Ци баяць, ци нѣ?»—Нѣ!—«Ты кажешъ: нѣ, я кажу: нѣ. Ци баяць, ци нѣ»? И т. д.

20, «Живъ такъ Яська—шѣра сѣрмяжка, пухова шапка... Ци хороша моя казка? Ци казаць, ни нѣ?»—Кажи!—«Ты кажешъ: кажи, я кажу: кажи. Живъ такъ Яська... И т. д.

21, Живъ царъ копылокъ, и ня ѣвъ ёнъ молокъ. А зачимъ ёнъ ня ѣвъ—што коровъ ня йимѣвъ. Ци казаць, ци нѣ? И. т. д.

Сѣнен. у.

22, Нѣўкоторомъ царстви, нѣўкоторомъ государстви живъ бывъ сабѣ купецъ. Была у купца овца. Окотила овца баранца... Починаетца казка съ конца. *Гом. у.*

23, *Приказка.* Живъ сабѣ дѣдъ да бабка, да было у ихъ сивбе порося Вотъ моя казка ўся.

24, Живъ сабѣ такій дѣдъ. Было ў яго троя сыновъ. Разъ пошли яны у лѣсъ на охвоту. Ажъ изъ-за куста сивбе порося. Вотъ моя и казка ўся.

25, Живъ сабѣ нѣўкоторомъ царстви дѣдъ да баба. И было у ихъ три сыны. Было у ихъ вяликое поля, а на тымъ поли кусты. Разъ пошли яны тые кусты терабить, ажъ выбягая исъ кустовъ сивбе порося. Отъ, моя и казка ўся. *Гом. у.*

26, Нѣўкоторомъ царстви, нѣўкоторомъ государстви, тамъ дѣсь бывъ мостъ, да такій ровный, што якъ борона. На тымъ мосту ляжавъ волъ пячоный и ли яго часнокъ товчоный и ножъ точоный: и ѣжъ, и рэжъ, и подсмакувай. А потомъ не сяди, да за семъ верстъ до воды ходи. Ето не казка, а приказка,—казка ще будя ўперадѣ, на той нядѣли ў серадѣ, посли обѣда, посли мяккаго хлѣба.

С. Перероствъ, гом. у. Ср. Аф. III, стр. 6.

27, «Цимохъ, Цимохъ, ходзи рака церабиць!»—А дзѣ ты яго узявъ?—«Ёнъ самъ ко мнѣ прискакавъ!»—То жъ ня ракъ, а ляга!—«Ну, ляга-не ляга—засталáся одна нога!..»

Г. Бѣлица. Сообщ. П. Р. Романовъ. Насмѣшка надъ неразвитостію полѣшуковъ.

28, «Явхимъ Несцеровъ! Явхимъ Несцеровъ!»—Чаа ты?—«Би звоны!»—На вищо?—«Хурхурэй ѣдзя!»—А дзѣ жъ ёнъ?—«Пылъ бачно!»—Воровка параломилась!.. —«دручкомъ би, набить твоё воко!..»

Сообщ. тотъ-же.

29, «Уставайця, дзѣтки-голубятки, уставайця!»—А што тамъ, татка: ци снѣдаць, ай кашку ѣсць?—«Да нѣ, дзѣтки, на яльлё треба!»—Гэ! ще заранка не зарала, а ёнъ уже на яльльё прэ, кабъ яму грудзи выпярло!..

Сообщилъ тотъ же. Напеч. нами въ 1884 г. № 155 газ. Заря. Разговоръ происходитъ между ата́маномъ и осначами на берлинѣ.

30, Якъ бывъ сабѣ Нема, да посѣявъ конопель, а ўзыйшло просо, зацвѣли въюны, выросли раки. Наши хлопцы-небораки поскидали штаны, полѣзли обколачивать паляницы.

Сообщ. тотъ же. Ср. Драгом. 372.

31, «Я дивлюсь, дивлюсь: батца, ты Тераховъ сынъ, Мельлянъ?»—Батца, ёнъ колись бывъ!—«А матари твоёй трасца: я тябе не́ познавъ. Зирнувъ,—батца знакомый видъ, да прибрався, якъ панюга якій: чаботы новые, свита бѣлая, козыръ новый.. Якъ-разъ панюга! Ледьви познавъ.

Тамъ же. Насмѣшка горожанъ надъ сельчанами.

32, «Христя! гони воловъ домовъ!»—На што?—«Батька ўме́ръ!»—Трында-брында, батька ўме́ръ! Трында-брында, батька ўме́ръ! «Христя! гони воловъ домовъ!»—На што?—«Сучка здохла!»—А хто жъ мою ху-до-боч-ку бу-дя па-а-стить?!..

Гом. у.

33, «Сестры вечаръ, добрычки! Ти не телятили нашихъ видатокъ?»—А якіе ваши видатки?—«А наши видатки—на 'борочцы шійка, на лысинцы лобокъ!»—Ну, ваши видатки подъ нашай ночьчу стоговали, да задубили лозы, да побѣгли въ хвосты!

Г. Бѣлица. Ср. Драг. 373. (Безъ искаженій: Добры вечаръ, сестрички! Ти не видѣли нашихъ телятокъ? и т. д.. А наши телятки на шіячцы оборочка, на лобку лысинка. Ваши телятки подъ нашимъ стогомъ ночавали, да задубили хвосты да побѣгли у лозы.)

34, «Хѐръ-братъ!»—Хѐръ-што?—«Хѐръ-ходи!»—Хѐръ-куды?—«Хѐръ-къ дѣвкамъ!.»—А хѐръ-кнутъ, сукины сыны!—«А, братъ! и батька умѣя по хѐрамъ казать!.»

Тамъ же.

Тарабарскій говоръ производится бѣлор. молодежью, между прочимъ, чрезъ вставку между слогами частицъ: *хѣръ*, *виръ* и др. напр. хѐръ-хо, хѐръ-ди, хѐръ-ку, хѐръ-ды. Или: виръ-у, виръ-мѣ, виръ-я, виръ-ка, виръ-зать. При быстромъ произношеніи, говорящаго трудно понять.

35, Иде́ть мужикъ дорогою, иде́ть широкою, а на сустрѣчу яму панъ ѣдя... Радуйся, сорока, радуйся, ворона, радуйся, горобча, вяликій чудотворча,—куды я иду? Пытаетца панъ у мужика: «мужикъ, мужикъ, хто у вашамъ сялѣ вышшій?»—Знаю, панокъ, и вѣдаю: ёсть у нашамъ сялѣ Авдѣй—выше за ўсихъ людей! Радуйся, сорока... и т. д. «Дуракъ мужикъ! Я ў тябе пытаю: ти ё въ вашамъ сялѣ голова?»—Знаю, панокъ, и вѣдаю: ё ў нашаго пана бугай—голова большая прабольшая! Радуйся, сорока, и т. д. «Дуракъ мужикъ! Я ў тябе пытаю: кого вы ў сялѣ боитеся?»—Знаю, панокъ, и вѣдаю: ё у нашаго попа собака—хто иде, колъ нясе, я иду—два нясу! Радуйся, сорока, и т. д. «Дуракъ мужикъ, заѣду въ шію!»—Заѣдь, панокъ

голубокъ: ё ў мяне одна дежка бураковъ и двѣ гурковъ,—накладу хоть вядерцо. Радуйся, сорока, радуйся, ворона, радуйся, горобча, вяликій чудотворча—куды я иду?

36, Ишовъ я дорогою, ишовъ я широкою; знашовъ я зялѣзцо ни большое, ни малое, ни 'дному поднять, ни ў дворъ понести. Узявъ я тое зялѣзцо и понёсъ у кузьню къ ковалишку. «Ковалишка, ковалишка, искуй мнѣ топоришку, ни большую, ни малую!» Узявъ я тую топоришку, и пошовъ у лѣсъ дерaво рубать, ни большое, ни малое. Тюкъ я разъ, тюкъ другій, у третьтій не попавъ—сабѣ ногу отрубавъ. Ляжу я день, ляжу другій, на третій день прилетая муха-заюруха, принося хлѣба краюху; прилетая комаръ-пискунъ, принося молока миску. Наѣвсь я хлѣба, напивсь молока, и перабрався на той бокъ кисялёвой рѣчки. На тымъ боку рѣчки жила Терентея. Терентея послала Тита по сито, Луку по муку, Хвeдора по чаплею, Параску по подмазку. Нема Тита, нема сита; нема Луки; нема муки; нема Хвeдора, нема чаплеи; нема Параски, нема подмазки. Идeть Титъ, ёсть сито; идеть Лука, ёсть мука; идеть Хвeдоръ, ёсть чаплея; идеть Параска, ёсть подмазка. Построила Терентея зъ блиновъ цэрковку, облѣпила яѐ ладками, поставила въ ёй дяка—овсянаго снопка, дала кадильницу чарапяную...

37, Ишовъ я дорогою, ишовъ я широкою, знайшовъ я книжачку, ни большую, ни малую. У тую книжачку дякъ пиша и читая, а самъ ничого не зная. Откуль узялися освы, уплуталися дяку у косы, подняли подъ самое суколѣнцо, дѣ состроена цэрковка съ полѣнца, барaночкомъ замкнута, попраничкомъ запeрта, калачикомъ подпeрта. Я бараночакъ перакусивъ, попраничкомъ закусивъ, а калачикъ у запазуху. Увыйшовъ я ў цэркву, ажъ тамъ попокъ, якъ овсяный снопокъ, пономари, якъ хвенари, дяки, якъ штыхи. Я дяка за кудры.—«Ня рушъ мяне,—я дякъ прамудрый: одному давъ сто рублей, а другому двѣстя, штобъ не утеравъ етаго мѣста!»

38, Осина осину повалила, Петра убило. Ляжить енъ день до вечара, ѣсть яму нечаго. Ссылаютца къ яму три посланцы: комаръ да муха, да третьтій клещъ. Муха-драмуха принясла сыру комокъ, а комаръ-пискунъ пива жбанокъ. Вотъ ёнъ подъѣвъ и напився. Узяли яго за волосы да й понясли на той свѣтъ. На тымъ свѣти не такъ якъ у насъ: стоить цэрковка съ кулачокъ, съ пироговъ злѣпляна, попраниками накрыта, ковбаской замкнута. Стоить дячокъ, толокняный лобокъ, пузцо масляное, самъ соломяный. «Батюшка—дячокъ, што ў насъ сяни за свято?»—Шинки-бинки, пячитя, дѣтки, блинки! Послали Луку по муку, Кита по сито, цыганку по сметанку. Нема ни Луки, ни муки, ни Кита, ни сита, ни цыганки, ни сметанки...

39. Валявся пустолетъ сорокъ лѣтъ. Я мавъ стольки до стральбы охвоты, што ўзявся нераглѣдить пустолетъ. Стало мнѣ на цѣлый день работы. Зарадивъ я його горохомъ-венигрохомъ, и пошовъ ходить по загуменью кругомъ села. И якъ на погибель не знайшовъ ни сорокъ, ни воронъ. Тольки хотѣвъ домовъ ити, ажъ бачу за поповымъ гумномъ сидить птица, съ сѣнную копу въбольшки. Я до приклада-лопъ!

Мой пустолетъ хлопъ! Слава богу найвышній: збивъ веробъя зъ вишни! Я до яго брать—ня здужаю поднять! Идéть Атрохъ, я гукнувъ, штобъ и енъ помогъ. Стали поднимать—не дали рады и ўдвохъ. Собрались ще чаловѣкъ пять,—и то не дали рады поднять! Такое-то диво было, што збѣглося усё сяло...

Гом. у.

40, Здѣлавъ спорку до молодицы, што нема въ ведрѣ водицы. Яна отвѣстила: я жъ табѣ не запрестила, возьми да й сходи! Надѣвъ я шапку, уклавъ у рукавицы руки, тамъ уклавъ у рукавицу карбованецъ у вяликій палецъ. Тольки ўзявся за крукъ, я карбованецъ у воду̀ пукъ. Упавъ я у такую яму, што пошовъ у позыки къ Адаму. Адамъ кажа: не дамъ! Я къ Борису—ёнъ мяне у пысу. Я къ Лявону—ёнъ мяне съ хаты гоня. У мяне слёзы, якъ вясной зъ бярозы. Ажъ Степанъ на порогъ—утёръ мнѣ слёзы. «Ходемъ, каа, на кутъ, сто рублей у мяне ё тутъ!» Я до куту дойшовъ, казавъ бы ихъ знайшовъ. Енъ у карманъ—ажъ карманъ продранъ; енъ у кисетъ, ажъ ихъ соўсимъ нѣтъ! Бачу я: зъ дираваго кармáна николй не будзя дáно... Писано на смѣхъ, а правды цѣль. И мѣхъ и кайстра отъ Кузьмы майстра.

Г. Бѣлица. Сообщ. П. Р. Романовъ.

Произведеній, подобныхъ вышеприведеннымъ (№№ 35—40), въ могил. губ. множество. Они передаются и устно и письменно. Намъ случалось видѣть записи ихъ и на переплетахъ старинныхъ книгъ, и въ тетрадкахъ, и на отдѣльныхъ листахъ толстой, синей бумаги; почеркъ большею частію старый, прямой. Все более или менѣе сатирическаго содержанія, подъ-часъ кощунственнаго.

Своебразно слѣдующее произведеніе, приводимое съ сохраненіемъ орѳографіи, доставленное намъ, къ сожалѣнію, въ неполномъ видѣ.

41, Стихи писана въ недѣлю рана
Галава пьяна многа набалтана
от А дама и дахриста на балтавъ испроста
гъде богъ Адама стварывъ рукама
иземли или изглыны,
при поручывъ ему сады далины,
и пцйцъ и зверовъ
дастоинъ бывъ такихъ даровъ
онъ у бога першый
и бывъ невмершый
А ева пизглины пиизтрева
Асадамавой касти
вотъ ена могла исмерт на вести
Наввесъ человечый родъ
чрезъ діяволскй при водъ
змиі зделався у птыцу
измустивъ дѣвицу маладінцу
при віовъ къзапращеннаму древу
и прелстивъ еву
у куси какой сладкай плодъ
и лишывъ у сйхъ выгодъ,
и еито показалась сладка дужа
ена пріпудіила къ таму мужа,
Адамъ нина евся икмехъ
Авже познавъ свои грехъ
'толкй у кусивъ
А богъ его и спрасивъ
штоты саграшывъ
Атут ихеруимъ туды рым
и вруце дѣржит мечъ
Адаму печымъ у крит плечъ.
етакъ пабрався страху
пока богъ (вставлено сверху: миласерный)
давъ ему кожанаю рубаху

А еви спадницу
и вруки капаницу
выгнавъ вонъ зраю
исказавъ имъ я радитца от васъ маю
радитіися пладитіися
и населяитя землю
я васъ къ сабе поиму
за гадавъ работу
питаца свайго поту
въсяму роду
и велосъ ета 2262 лета
отъ сотвареня света
и отъ сего века
у зявъ богъ панеба
жывога человека Аноха
тут правды есть троха,
Даи давъ богъ Патопъ
толкй спасся о динъ нои
здетми ижанои
въ каввчегу богъ зделавъ ему ету негу,
въсе зверы птиций й гади
былй ему рады
Нй баіялисъ скуки
ласкалисъ вего рукй
чрезъе го молитвы
Спо дабилисъ такой ловйтвы
кавъчегъ зделанъ прекрасна
ижыли тамъ сагласна.
онъ позлащенъ духамъ
и небыло тамъ ни каго салчущимъ брухамъ
жыли іяны всагласи целый годъ
между великихъ водъ
ставъ кавчегъ нагарахъ
и распустивъ нои
зверей гадавъ иптахъ,

А самъ малйвъ бога объ трехъ сынахъ
Аимена сймъ хамъ и ахвет
каторы я наполнили
икъвидишъ у вессвет
тутъ я пишу натварот
немагу наити лотавыхъ ворот
да ихъ неможна и наитй
икъ у павъ А гонъ серчистый
то оба зъгарели гарада чыста
гдеста яли садомы и гаморы
тамъ вады икъ уморы
Ангалы вывели лота
то зъгарев и домъ и варбта,
лотъ пажане зажурився
и виномъ у пився
и садомскиі случывся кручокъ
Атъ его дачокъ
табе отёцъ имне отецъ
тымне братъ А я табе матъ
якъ тут разабратъ.
Бытее глава 19. стихъ 32.
Пасматри тамъ узнаешъ самъ
Аставлю ету я му
Паиду патри арху Аврааму
у аврама отчинита брама
тутъ мне чест питъ й естъ
рыба малако и яицй
гарелка у чарцй
онъ у сигда при нимаетъ чужастранцй
помалився богу
яны мне дают й надорогу
сама сара пирогъ й сиръ у клала
тутъ я кланився и дяковъ
испытався идѣ вашъ оунукъ яковъ.

Здѣсь правая половина втораго полулиста оторвана. На оборотѣ уцѣлѣвшей лѣвой продолженіе:

Наследникъ его премудры Саламонъ
творывъ божественняя дела онъ,
вієрусалйми постройвъ
велико лепный молитвеній домъ
и молився вніомъ
ноччу иддіомъ (вм. дніомъ)

просивъ сабе премудрестй,
богъ ему давъ,
онъ и богаствамъ обладавъ
какъ небыла дарога узка
А прагнйласъ царыца юзка
его послушатъ и знимъ покушат
от у мйлени я и доара
обещала злата исребра
онъ давъ ей ответ
разви у мене нетъ
еты я гибели
Ц. 3, гл. 10, ст. 1, 2
у сякаю мӳдростъ у мевъ
и семъ сотъ жонъ и мевъ
3. царт. книга глава 11. стихъ 3
посматри всию книгу
данеделай сему подвйгу
ввего семъ сотъ началныхъ
а триста невев... лныхъ
зразныхъ веръ небърат ета у примеръ,
встарамъ закони были дѣлы оны,
болшъ нима нйцъ
нима и водки дліяпъянйцъ,
А треба было на писат
Абновый завет
дакъ места нетъ.

Въ числѣ имѣющихся у насъ старинныхъ рукописныхъ книгъ мѣстнаго происхожденія и бѣлорусскихъ рукописей, каковы: грамоты, сонникъ, письмовникъ, лечебникъ и т. п. находится и книжка—„Загадки цара Давыда.“ Хотя въ Памятн. старин. русск. литературы и помѣщена „Гадальная книга пророка и царя Давида,“ но нашъ списокъ, тѣмъ не менѣе, представляетъ высокій интересъ, какъ памятникъ бѣлорусскаго нарѣчія древнѣйшаго періода. При первой возможности постараемся издать его.

СПИСОКЪ КАЗАННИКОВЪ

и лицъ, кои записывали сказки, помѣщенныя въ III выпускѣ.

1, Аникіевичъ Кириллъ, кр-нъ ряснянск. в. оконч. курс. уѣзд. учил. По моимъ указаніямъ имъ записаны сказки: № 3 и № 21 Ж. № 10, М. № 38, № 42, № 69, № 74 М. № 29 Б.

Антонъ Знахарь, кр. с. Озеранъ. Говорилъ мнѣ ск. № 19 Ж.

Астаповъ Павелъ, кр. ульян. в. Говорилъ мнѣ сказ. № 94 М.

Бѣляпева, мѣщ. г. Сѣнна. Говорила мнѣ ск. № 66 М. № 9 Б.

5, Васильевъ Исай. кр. с. Батуни. Разсказалъ мнѣ ск. №№ 17 и 21 М.

Вертинскій Петр. кр. ульянов. в. Говорилъ мнѣ ск. № 4. Б.

Гончаренокъ Антонъ, кр. с. Тимонова, прекрасный казанникъ. Сказалъ мнѣ № 16, 28 М.

Горбачевъ Яковъ, кр. ульян. вол. ок. к. у. у. По моимъ указ. запис. №№ 24, 25 Б.

Горостевичъ к. латыгов. в. ок. к. н. у. По моимъ указ. запис. ск. № 46 М.

10, Горѣликъ Ѳедотъ, кр. кормян. в. Разсказалъ мнѣ № 20 М.

Григорьевъ Тарасъ, кр. пустын. в. Говорилъ № 7 Мел.

Грипина (отч. незапис.) кр. с. Забычанья, старуха. Сказала № 23 Ж.

Громузовъ, нар. учит. По моимъ указ. запис. № 40 М.

Дашкевичъ Иванъ, кр. замоц. в. обуч. въ у. у. Записал. сказки слышан. въ семьѣ, № 10 Ж. и № 52 М.

15, Демешкевичъ дворянинъ, окон. к. у. у. По моимъ указ. запис. № 11 Б.

Емельяновъ Петръ, кр. пропойск. в. Говорилъ мнѣ ск. № 26 М.

Ермолаевъ Николай, кр. с. Городища, говорилъ мнѣ. ск. № 68 М.

Ермоленковъ Василій кр. кормян. вол. гом. у. запис. мнѣ слышанную въ семьѣ ск. № 61 М.

Ермоловичъ, мѣщ. г. Сѣнна, разсказалъ мнѣ № 15 Ж.

20, Зубаренко Иванъ, кр. с. Меркуловичъ, въ моемъ присутств. говор. ск. № 22 М.

Иванова Елена, кр. остров. вол. Хорошая разсказчица. Отъ нея Синкевичъ записалъ по моимъ указаніямъ сказ. № 5 и 15 М.

Ивановъ Иванъ, кр. тихиницк. вол. Говорилъ мнѣ № 12 М. и № 16 Б.

Ивановъ Осипъ кр. с. Чигиринки, разсказалъ мнѣ № 13 М.

Ивановъ Тихонъ, кр. м. Обчуги, ок. к. н. у. Записалъ въ семьѣ № 26 Ж.

25, Ивановъ Якимъ, кр. с. Нисимковичъ, говорилъ мнѣ № 37 М.

Ивашкевичъ Осипъ, мѣщ. г. Сѣнна, ок. к. у. у. По моимъ указан. запис. отъ м. Ляховича сказ. № 25 М.

Исаевъ Кузьма, кр. с. Городища, говорилъ мнѣ ск. № 44 М.
Карповичъ Любовь Владим. землевл. гом. у. Запис. по моимъ указ. № 18 Б.
Клащенокъ Иванъ, кр. ульян. в. ок. к. у. у. Запис. по моимъ указ. № 41 М.
30, Клементьевъ Дан. кр. луком. в. Отъ него Позднякъ записалъ № 36 М.
Козловская Д. Л. нар. уч-ца, запис. по моему указ. № 14 Ж. № 14, 90 М. № 1, 22 Б.
Козловскій Василь, кр. с. Чигиринки. Хорошій казанникъ. Сказалъ мнѣ № 65 М.
Коноваловъ, кр. с. Озеранъ, говорилъ мнѣ ск. № 76 М.
Колотовкинъ, кр. остр. в. ок. к. у. у. Запис. по м. указ. № 7 Ж. и др.
35, Константиновъ Ив., кр. надѣйк. вол. Говорилъ мнѣ ск. № 27 Ж.
Корыбскій Степ. кр. м. Жлобина, говорилъ мнѣ ск. № 7 Б.
Космачевская С. М. нар. уч-ца. По моимъ указ. запис. № 20 Ж. № 33, 92 М.
Кривошіевъ Герас. кр. с. Перероста, ок. к. н. у. Записалъ слышанныя въ семьѣ сказки: № 6, № 46 и № 95 М.
Кузьмина Марья, кр. ульян. в. Мнѣ говорила ск. № 2 Ж.
40, Кучинскій Петр., мѣщ. г. Сѣнна, по моимъ указ. запис. № 39 М.
Кучинскій Францъ, мѣщ. г. Сѣнна, католикъ, запис. по м. указ. № 11 Мел.
Лаппо Ос. нар. уч. запис. по моимъ указ. № 7 М. и № 5 Б.
Легчаковъ Самп. кр. с. Перероста, ок. к. н. у. Запис. въ семьѣ № 77 М. № 3 и 23 Б.
Леоновъ Ѳед. кр. с. Чигиринки, съ его словъ запис. Тихоновичемъ № 25 Ж.
45, Лобзиковъ Евтей кр. с. Перероста, ок. к. н. у. Имъ запис. слыш. въ семьѣ сказки: № 1 и 11 Ж. № 9 М.
Маркова Матрена, кр. ульян. в. Разсказала сказку № 89 М.
Мартиновъ Иванъ, кр. рясн. в. Отъ него Аникіевичъ запис. № 42 М.
Матрена (отч. не зап.) кр. дѣвушка м. Жлобина, говорила мнѣ № 51 М. и № 2 Б.
Мельниковъ Ив. кр. с. Городища, говорилъ мнѣ № 52 М.
50, Морозовъ Евсев. кр. м. Гайшина, разсказ. мнѣ № 91 М.
Морозова Домна кр. с. Нисимковичъ, глуб. старушка, разсказ. мнѣ № 59, 87 М.
Николаева Марья, кр. ульян. в. Отъ нея Клащенокъ запис. № 41 и 63 М.
Николаева Марья, кр, с. Чигиринки, глуб. старушка, продиктова мнѣ, часто путаясь и сбиваясь, № 62 Мио.
Осиповъ Ѳедосъ кр. ульян. в. Съ его словъ запис. мною ск. № 35 М.
55, Онуфрій (отч. неизв.) кр. рясн. в. Съ его словъ Аникіевичъ запис. № 38 М.
Павловскій Мих. кр. ульян в. ок. к. у. у. По моимъ указ. запис. № 78 М. и др.
Пашкевичъ, мѣщ. г. Сѣнна, католик. ок. к. у. у. По м. указ. зап. № 8 Б. и др.
Петрашень, учит. нар. уч. Записалъ въ моемъ присутствіи № 22 М.
Петровъ Вас. кр. м. Пропойска, сказалъ мнѣ №№ 20 и 21 б.
60, Петровъ Максимъ, кр. меркуловицк. в. говорилъ мнѣ № 86 М. и 19 Б.
Петровъ Никита, кр. м. Гайшина, разсказалъ мнѣ № 27 М.
Плещинская В. Т. нар. уч-ца. Прекрасно запис. по моимъ указ. № 14 и 85 М.
Позднякъ, кр. луком. в. ок. к. у. у. По моимъ указ. зап. № 36 и 83 М. № 17 Б.
Потаповичъ Ольга Ѳеофил., дочь священ. по моимъ указ. запис. № 55 М. № 26 Б.
65, Ревякинъ А. И. нар. уч. запис. по моему указ. № 13 Ж. и др.

Романовъ В. Р. записалъ №№ 1, 3, 4, 5, 10, 15, 34 Мел.

Романовъ П. Р. записалъ №№ 27, 28, 29, 30, 33, 35, 38, 39, 40 Мел.

Рынкевичъ, кр. латыгов. вол. ок. к. н. у. записалъ № 15 Б.

Сампсоновъ Яковъ, кр. с. Городища, разсказалъ мнѣ № 30 М.

70, Семеновъ Денисъ, кр. с. Нисимковичъ, говорилъ мнѣ № 14 Б.

Сильвестрова Арина, кр. ульянов. в. старушка. Съ ея словъ Космачевская записала № 92 М.

Синкевичъ Тимофей, кр. остр. вол. ок. к. у. у. По моимъ указаніямъ записалъ сказки: № 5, 15 и 66 М.

Тарасовъ Афан. кр. покатской вол. разсказалъ мнѣ № 13 Б.

Тихоновичъ, нар. уч. въ моемъ присутствіи запис. № 25 Ж. и др.

75, Хиженковъ Кондр. кр. латыг. в. ок. к. н. у. Записалъ слышанныя въ семьѣ сказки: № 4 Ж. № 29 и 49 М.

Цыбунъ Василій, кр. остр. вол. Прекрасный казанникъ. Съ его словъ Плещинская записала № 14 и 85 М.

Шекунъ (имя, отч. не запис.), жена учителя. Запис. въ моемъ присутствіи №№ 72 и 81. М.

Шимановичъ, мѣщ. г. Сѣнна, ок. к. у. у. По моимъ указ. зап. № 2, 54 и 93 М.

Якимовъ Дан. кр. краснопол. в. говорилъ мнѣ сказку № 43 М.

80. Яковъ (отч. не запис. но не Сампсоновъ), кр. с. Городища, сказалъ мнѣ № 31 М.

Яськовъ Якимъ, кр. городищ. в. изъ семьи казанниковъ. Сказалъ № 24 М.

Ѳедоровъ Адамъ, кр. м. Городца, замѣчательный субъектъ по развитію памяти, слѣпорожденный. Для этнографа кладъ. Отъ него въ теченіе двухъ сутокъ я запис. сказки № 19 и 23 М. и болѣе 30 №№ духовн. стих. вмѣстѣ съ драгоц. данными о бытѣ нищихъ.

Ѳедосовъ Парѳенъ, кр. с. Перер. ок. к. н. у. Зап. слыш. въ семьѣ № 25, 45 М. и 26 Мел.

Ѳоминъ Иванъ, кр. остр. вол. старикъ, разсказ. мнѣ сказку № 62 М.

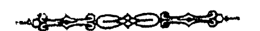
Собирателемъ лично записаны:

Животн. эпос. №№ 2, 3, 5, 6, 8, 9, 15, 16, 17, 18, 19, 22, 23, 24, 27.

Миѳическ. №№ 1, 3, 4, 7—б, 8, 11, 12, 13, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 26, 27, 28, 30, 31, 32, 34, 35, 37, 43, 44, 48, 49—б, 50, 51, 53, 56, 59, 60, 62, 64, 65, 67, 68, 70, 71, 73, 74, 75, 76, 79, 80, 82, 84, 86, 87, 88, 89, 91, 94.

Бытовыя: №№ 2, 4, 6, 7, 9, 10, 12, 13, 14, 16, 19, 20, 21, 27, 28.

Мелочи: №№ 2, 6, 8, 9, 13, 14, 16, 25, 31, 32, 36, 37, 41.



ПЕРЕЧЕНЬ МѢСТНОСТЕЙ

Могилевской губерніи,

въ коихъ записаны сказки, помѣщенныя въ III выпускѣ.

Гомельскій уѣздъ—стр. 11, 14, 24, 32, 35, 79, 110, 117, 157, 164, 180, 224, 238, 263, 269, 277, 280, 283, 289, 318, 325, 334, 368, 388, 400, 413, 427, 428, 429, 431, 432, 433, 435.

с. Переростъ—2, 18, 60, 77, 264, 266, 298, 334, 381, 422, 432.

с. Еремино 409.

г. Бѣлица 430, 431, 432, 433, 435,

Рогачевскій уѣздъ—стран. 8, 13, 24, 66, 110, 180, 283, 383, 430.

м. Жлобинъ 270, 380, 385.

с. Меркуловичи 180.

д. Шараховскія Буды 357, 412.

д. Новоселки 164.

с. Нисимковичи 232, 292, 358, 392, 400.

д. Станьково 92, 403.

с. Озераны 26, 323. 330, 337.

м. Городецъ 154, 186.

с. Болотня 65.

Быховскій у. стр.—180, 430.

с. Батунь 142, 172.

с. Городище 214, 217, 262, 276, 383.

д. Семукачъ—192.

с. Чигиринка 35, 99, 307, 312.

м. Пропойскъ 198, 417, 418.

д. Шоломы 395.

д. Поповка 198.

м. Гайшинъ 205, 345, 364.

Чериковскій уѣздъ.

м. Молостовка стран. 259.

Климовицкій уѣздъ

с. Тимоново стр. 133, 211.

с. Забычанье—32.

с, Надѣйковичи 37.

Оршанскій уѣздъ—стр 15, 41, 180, 283.

Аленовицк. вол. дер. Кіевка 292.

Могилевскій уѣздъ—стр. 67, 180.

Сѣнненскій уѣздъ стр. 14. 18, 25, 110, 142, 144, 148, 145, 147, 180, 281, 283, 326, 395, 396, 400, 413, 420, 430, 432.

г. Сѣнно 3, 218, 244, 267, 317. 336, 338, 367, 387, 427.

Ульяновичская вол. 11, 28.

с. Ульяновичи 222.

д. Гончарово 359.

д. Вздорники 365.

д. Богданово 226.

д, Городецъ 424.

д. Горивецъ—6, 8, 424.

д. Латыгово—250, 302, 334, 361.

д. Тухинка—73, 382.

Островенская волость 11, 26, 292.

с. Сорица 350,

д. Томашонки 301.

д. Синицы 317.

д. Дуброва 110, 350.

д. Черногостье 59, 120.

д. Бутримово 12, 22, 420.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
7	15 св.	друница	дурница
8	14 —	вогоню	выгоню
12	12 —	лиска	лиску
13	12 сн.	кури	куры
21	19	рѣзать	рѣзаць
24	9 св.	викаго	дикаго
—	16 —	тяп ръ	тяперъ
	8 сн.	идзешь	идзешъ
	12 —	штозъ	што зъ
25	7 св.	накидай	накидай
—	16 —	напьюся	напъюся
26	1 сн.	твуѐ	твуё
30	3 св.	упяцёрыхъ	упяцярыхъ
42	15 —	ни птушки	ни птушки
46	14 сн.	у яё	у яѐ
48	8 св.	ня живъ	няживъ
49	4 сн.	опирчь	опричь
56	16 сн.	сядзицеся	садзицеся
57	20 —	ня би	ня би
108	7 —	поль	поле
120	1 сн.	у чора	учора
125	14 сн.	няѐчць	пячёць
213	18 св.	соломы	смолы
215	4 —	пойдуоть	пойду оть
233	17 св.	А штой шъ?	А што шъ?
305	10 —	’дежу	’дзежу
355	3 —	нéма	немà
—	7 —	отвящающь	отвящающь
358	5 сн.	а якъ умру	а якъ я умру
359	13 —	выскочить	выскочиць
361	15 св.	подъ ёлкой	подъ éлкой
364	17 —	Мядзьвѣдзъ	Мядзьвѣдзь
365	11 —	Брешишъ	Брешашъ
368	7 —	акъ лѣсу	якъ лѣсу
382	4 сн.	да йзатопи въ печку	да й затопивъ печку
388	19 св.	отвѣнцишъ	отвѣцишъ
395	2 сн.	такь	такъ
400	13 —	Несцерко	Несцерка
401	9 св.	Дигыварилися	Дыгыворилися
—	8 сн.	нецци	неьци
—	7 —	Несцерко	Несцярка
402	1 —	ся у цябе	я у цябе
—	16 св.	я горылки	ся горылки
403	10 —	груши	грушы
404	17 —	бргъ	братъ
405	21 —	диду	дзиду
412	10 —	Здраство,	Здраствуи,
419	2 сн.	и кисель увесь а выцекъ	а кисель увесь и выцекъ
424	13 св.	царство нябесное рай!	царство нябесное! рай
—	3 сн.	жыли здоровы	жыли и здоровы
—	—	клянятца	кланятца
435	14 св.	будзя	будя.